

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

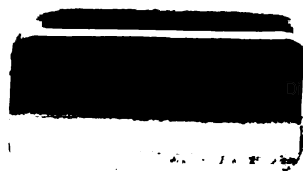
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UCD LIBRARY

1875

1875

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

46

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Пас. Остр., 9 лн., № 12.

1890.

KRAUS REPRINT LTD.

UCD LIBRARY
Lending Library
1960
Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1890 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	ОТРАД
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году.....	I—VI
Приложенія къ протоколамъ.....	VII—XII
Образцы бѣлорускаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные П. Авенаріусомъ.....	XIII—XX
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1889 году.....	I—VIII
Приложенія къ протоколамъ.....	IX—XLI
I. Краткій очеркъ исторіи Академіи Наукъ....	IX—XIII
II. Объяснительная записка о новомъ изданіи академическаго словаря:	
1. Объемъ содержанія. 2. Порядокъ занесенія словъ и относительная полнота словаря. 3. Опредѣленіе значеній словъ. 4. Оправдательные примѣры. 5. Объясненіе чужезычныхъ словъ. 6. Грамматическія опредѣленія.....	XIV—XXI
III. Еще нѣсколько прибавленій къ библиографіи русскихъ церковныхъ книгъ. Э. І. Калужняцкаго.	
1. Служебникъ Виленской печати 1691 года. 2. Житіе св. Онуерія, Супрась 1696 года. 3. Ирмологіювъ, Львовъ 1709 года. 4. Возсгѣдованіе праадинокъ св. тайны евхаристіи, состраданія Богородицы и пр., Почаевъ 1741 года. 5. Полууставъ, Уневъ 1741 года. 6. Окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шентицкаго, изданное въ половинѣ 1744 года. 7. Другое изданіе того же посланія. 8. Акаѣиеть непорочноу зачатію преев. Дѣвы Богородицы, вышедшій по всей вѣроятности во Львовѣ между 1740-мъ и 1759-мъ годами. 9. Давида царя псалмы на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ, Почаевъ 1774 года.	XXII—XLI

Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій..... № 1.	1— 78
Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Сухомятинымъ..... № 2.	1— 16
Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. № 2.	17— 24
Материалы для исторіи русской литературы. Николай Фялиновичъ Павловъ (1805—1864). С. И. Пономарева. № 3.	1— 19
Критическія замѣтки во исторіи русскаго языка. И. В. Ягича..... № 4.	1—171
Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій..... № 5.	1— 39
Разсказанія въ области русскаго духовнаго стиха (XI—XVII) А. Н. Веселовскаго..... № 6.	
Дуалистическія новѣрья о міроздаиіи.....	1—116
Безразличіе и обоудіе въ житіи Василія Новаго и народнои эсхатологii.....	117—172
Судьба-доля въ народннхъ представленіяхъ славянъ.....	173—260
Генварскія русалии и готскія игры въ Византіи....	261—286
Валькирия — Valis, 'Hλόσιον πεδίων, Вила — Viola.....	287—304
Легенди объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народннхъ отраженіи.....	305—329
Анфилохъ-Евалашъ въ легендѣ о св. Грагѣ.....	331—349
Дополенія и поправки.....	351—376
Приложенія.....	1— 82
Примѣчанія.....	82—102
Повѣсти ѡба Пафнутіа.....	103. 104
(У) велико́ кнѣзе и́ване дани́ловиче.....	104
(У) видѣнiи сна велико́ кнѣзя Ива ^н Даниловича....	104
(У) Витовте.....	105
(У) мѣтнни.....	106

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1888 году.

Читано письмо чешскаго ученаго Патеры на имя предсѣдательствующаго о томъ, что имъ приготовлена къ печати переписка Л. Добровскаго съ Дурихомъ, которую онъ предлагаетъ для помѣщенія въ Сборникъ. — Положено просить г. Патеру доставить свою рукопись въ Отдѣленіе.

Доложено, что С. И. Пономаревъ сообщилъ нѣсколько дополненій къ «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина», напечатанной въ книгѣ академика Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» и, предвидя, что такихъ дополненій будетъ еще не мало, предлагаетъ перепечатать эту статью съ доставленными дополненіями и съ пробѣлами для будущихъ прибавленій. — Положено исполнить.

По поводу полученнаго Академіей Наукъ приглашенія Болонскаго университета къ участию въ празднованіи будущимъ лѣтомъ 800 лѣтняго юбилея его, Отдѣленіе русскаго языка и словесности опредѣлило: командировать на это торжество академика А. Н. Веселовскаго.

А. Ѳ. Бычковъ представилъ присланную инспекторомъ классовъ Бѣлостокскаго женскаго института дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ник. Петр. Авенаріусомъ рукописную тетрадь, содержащую: 1) сравнительные переводы на бѣлорусское нарѣчіе разныхъ уѣздовъ отрывка сказки Пушкина о рыбацкѣ и рыбкѣ; 2) байку и нѣсколько пѣсенъ и 3) записанное въ Борисовскомъ уѣздѣ со словъ слѣпца нищаго сказаніе въ стихахъ о Борисѣ и Глѣбѣ и Святополкѣ Окаянномъ. — Положено: часть перевода и остальные образцы народнаго творчества напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

Читано полученное предсѣдательствующимъ изъ Кадникова

письмо Н. А. Иванецкаго, при которомъ онъ представляетъ: 1) двѣ тетради собранныхъ имъ народныхъ пѣсенъ Вологодской губ., 2) собраніе пословицъ и поговорокъ, 3) собраніе загадокъ и 4) слова на букву *н* изъ составляемаго имъ словаря вологодскаго народнаго говора. — Положено, прежде какого-либо относительно этихъ рукописей заключенія, подвергнуть ихъ разсмотрѣнію. Сборникъ пѣсенъ переданъ съ этою цѣлью А. Н. Веселовскому.

Читано письмо редактора Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей Ив. Евгр. Ермилова, который, вслѣдствіе напечатаннаго въ газетахъ свѣдѣнія о предпринимаемомъ Отдѣленіемъ изданіи сочиненій Ломоносова, вызывается: 1) доставить разбросанныя въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ статьи, замѣтки и фамилные документы, касающіеся Ломоносова, и 2) составить статью изъ дѣла о сооруженіи ему памятника, а также сообщить фотографическій съ него снимокъ. — Положено просить г. Ермилова на первый случай доставить только обстоятельный списокъ означенныхъ статей и замѣтокъ, съ указаніемъ номеровъ газетъ, гдѣ онѣ помѣщены.

По поводу предстоящаго 30-го будущаго апрѣля празднованія 50-тилѣтняго юбилея А. Н. Майкова положено привѣтствовать его въ означенный день отъ Отдѣленія адресомъ, составленіе котораго принялъ на себя М. И. Сухомлиновъ.

Изъ дѣлъ Отдѣленія оказывается, что въ 1854 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія переданы были въ Отдѣленіе доставленные покойнымъ Андр. Ав. Никитинымъ протоколы и другія бумаги бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности и что въ засѣданіи 30 сентября означеннаго года опредѣлено было передать эти бумаги на время Виктору Павловичу Гаевскому для его занятій по исторіи русской литературы. Нынѣ, по случаю послѣдовавшей 2 марта смерти Гаевского, положено обратиться ко вдовѣ его съ просьбой возвратить Отдѣленію помянутые протоколы и другія бумаги, какъ собственность Академіи Наукъ.

Предсѣдательствующій доложилъ, что въ дополненіе къ составленному А. А. Дьяковымъ Указателю къ періодическимъ изданіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности онъ предполагаетъ нынѣ же поручить г. Дьякову изготовить такой же указатель къ поврежденнымъ изданіямъ Россійской Академіи, который можетъ быть напечатанъ вмѣстѣ съ первымъ, но такъ, чтобы каждый изъ Указателей составлялъ особый отдѣлъ. — Одобрено.

Предсѣдатель Тверской ученой архивной комиссіи А. К. Жизневскій въ письмѣ на имя Я. К. Грота сообщаетъ, что членъ

этой комиссіи, преподаватель мѣстной духовной семинаріи В. И. Колосовъ среди рукописей семинаріи открылъ неизвѣстное доннынѣ сочиненіе Юрія Крижанича «Обіясненіе виводно о писмѣ словѣнскомъ». Написанная по этому поводу статья г. Колосова приложена въ рукописи къ письму г. Жизневскаго, съ просьбою о содѣйствіи къ напечатанію ея, при чемъ онъ указываетъ для этого преимущественно на журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Статья передана А. Ѳ. Бычкову, изъявившему готовность переговорить о томъ съ издателемъ этого журнала Л. Н. Майковымъ.

Предсѣдательствующимъ доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что академикъ А. П. Карпинскій съ большимъ вниманіемъ отнесся къ просьбѣ его просмотрѣть и исправить доставленное П. А. Ровинскимъ Введеніе въ его Описаніе Черногоріи и уже возвратилъ со своими поправками и замѣчаніями корректурные листы, которые вслѣдъ за симъ и будутъ препровождены къ автору въ Цетинье для нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ редакціи. — Положено выразить А. П. Карпинскому искреннюю признательность Отдѣленія.

Читано отношеніе Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Я. П. Полонскаго для празднованія 50-ти лѣтняго юбилея А. Н. Майкова, съ приглашеніемъ членовъ Отдѣленія въ торжественное засѣданіе, имѣющее быть по этому случаю въ Литературно-Драматическомъ Обществѣ для привѣтствованія юбиляра адресами, рѣчами и т. п. — Положено отвѣчать, что члены Отдѣленія съ удовольствіемъ воспользуются этимъ приглашеніемъ.

Представлены присланные П. А. Ровинскимъ образчики рисунковъ, которые онъ предполагалъ бы приложить къ своему сочиненію о Черногоріи, если на то послѣдуетъ согласіе Отдѣленія. Определено сообщить г. Ровинскому, что по мнѣнію Отдѣленія могутъ быть приложены только такіе рисунки, которые представляютъ что-либо характерное въ отношеніи къ быту народа, какъ напр. типы, костюмы и т. п.

Доложено, что вслѣдствіе просьбы Отдѣленія, г-жею Гаевскою возвращено изъ оставшихся послѣ мужа ея бумагъ большое собраніе протоколовъ и другихъ документовъ бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности и что собраніе это, заключающееся въ 11-ти связкахъ переплетенныхъ тетрадей листового формата, перенесено въ одинъ изъ шкаповъ Отдѣленія.

Доложено, что по поводу напечатаннаго въ газетахъ извѣстія,

что 18-го августа исполнится 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности академика Буслаева, предсѣдательствующимъ отправлена въ этотъ день къ Ѳедору Ивановичу за подписью членовъ Отдѣленія слѣдующая привѣтственная телеграмма: «Московско-Ярославская ж. д. Хотьково. Ахтырка. Ѳедору Ивановичу Буслаеву. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ въ день исполнившагося 50-тилѣтія педагогической и учено-литературной дѣятельности своего знаменитаго члена, сердечно привѣтствуетъ васъ, вспоминая ваши великія заслуги въ дѣлѣ преподаванія родного слова и изслѣдованія памятниковъ древней нашей письменности. Вооруженный талантомъ и знаніемъ, вы въ той и другой области проложили новые пути, признанные единственно-вѣрными и обязательными для всѣхъ вступающихъ на то же поприще. Ваши превосходные труды, основанные на сравнительно-историческомъ методѣ, впервые приложенномъ вами къ русской филологіи, давно оцѣнены по достоинству и навсегда останутся образцами глубокаго изученія, тонкаго эстетическаго чувства и мастерскаго изложенія. Дорогой товарищъ! Живите и дѣйствуйте еще долго на пользу и славу отечественной науки. Гротъ, Бычковъ, Сухомлиновъ, Веселовскій, Ягичъ».

Академикъ Я. К. Гротъ, доложивъ, что онъ въ теченіи лѣта занимался почти исключительно приготовительными занятіями по Словарю, представилъ обработанныя имъ на карточкахъ для печати буквы А, Б и В. — Положено предоставить ему внести въ Отдѣленіе свои соображенія о форматѣ и шрифтахъ, какіе онъ найдетъ цѣлесообразнымъ избрать для изданія Словаря.

Читано полученное на имя предсѣдательствующаго письмо академика Ѳ. И. Буслаева: «М. Г. Яковъ Карловичъ. Примите мою искреннюю благодарность въ вашемъ лицѣ господамъ членамъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за высокую честь, которой они меня удостоили товарищескимъ привѣтомъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія моей дѣятельности. Неумѣстной скромностью я не хочу умалить чувства моей признательности за лестныя для меня выраженія этого привѣта и вполне покоряюсь похвальному приговору, въ которомъ самыя преувеличенія принимаю съ радостію, какъ залогъ дружескаго ко мнѣ расположенія. Примите и проч. Ѳедоръ Буслаевъ».

Въ виду предстоящаго, по правиламъ о преміи Котляревскаго, конкурса на оную въ 1889 году, разсуждается было объ одномъ изъ пунктовъ этихъ правилъ, затрудняющемъ, какъ должно

заключать изъ опыта, представленіе на премію Котляревскаго сочиненій изъ славянскихъ странъ, внѣ Россіи находящихся. Это именно пунктъ 9-й, изложенный слѣдующимъ образомъ: «Сонскателями премій Котляревскаго могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранные подданные, но за сочиненіе, напечатанное на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, внѣ Россіи употребительныхъ, премія выдается только по напечатаніи онаго въ русскомъ переводѣ» Такъ какъ пунктомъ 18-мъ правилъ о преміи Котляревскаго Отдѣленію предоставлено, въ случаѣ надобности, представлять объ измѣненіи того или другого изъ этихъ правилъ, то и положено ходатайствовать, чтобы приведенному пункту 9-му дана была такая редакція: «На сонсканіе премій Котляревскаго могутъ быть представляемы сочиненія, напечатанныя какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, но при равномъ достоинствѣ поступившихъ на конкурсъ трудовъ, преимущество отдается сочиненію, написанному по-русски». Вслѣдъ затѣмъ измѣненіе это было утверждено въ законномъ порядкѣ.

Читано письмо академика Бушлаева на имя Я. К. Грота, въ которомъ Ѡ. И. сообщаетъ, что въ напечатанномъ имъ книгѣ 7-мъ изданіи «Учебной Грамматки» онъ не только исправилъ и дополнилъ, какъ значитса въ заглавіи, но и переработалъ съ первой страницы и до послѣдней, между прочимъ внесши въ него все существенное и необходимое изъ книги «Русское Правописаніе». Многія изъ указанныхъ въ книгѣ подробностей, прибавляетъ авторъ, не принятыя имъ въ соображеніе въ прежнихъ изданіяхъ его Учебника, побудили его теперь нѣсколько расширить его объемъ, чтобы дать надлежащую твердую постановку въ его параграфѣхъ. — Принято къ свѣдѣнію.

А. Н. Веселовскій, заявивъ, что онъ приступилъ къ продолженію своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», сообщилъ слѣдующую программу задуманнаго имъ 5-го выпуска этого труда: гл. XI—Дуалистическія повѣрья о мірозданіи; гл. XII—Безразличныя въ Житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи; гл. XIII — Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ Славянъ; гл. XIV — Генварскія Русалии; гл. XV — Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія; гл. XVI — Вилы.

Читана составленная А. Н. Веселовскимъ по порученію Отдѣленія, записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова и затѣмъ произведена баллотировка г. Майкова въ званіе адъюнкта Академіи Наукъ. О послѣдовавшемъ при этомъ едино-

гласномъ его избраніи положено довести до свѣдѣнія Общаго Собранія съ приложеніемъ помянутой записки.

М. И. Сухомлиновъ, намѣреваясь приступить вскорѣ къ печатанію сочиненій Ломоносова, возбудилъ вопросъ, не слѣдуетъ ли къ тѣмъ изъ нихъ, которыя писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, приложить русскій переводъ, помѣстивъ его либо при иностранномъ текстѣ, либо въ особомъ, назначенномъ для нихъ томѣ. Мысль эта вполне одобрена Отдѣленіемъ, при чемъ второе изъ предложеній относительно способа приложения переводовъ найдено заслуживающимъ предпочтенія.

Въ 1886 году, по опредѣленію Общаго Собранія, въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности передана была доставленная прокуроромъ Харьковскаго окружнаго суда выписка изъ духовнаго завѣщанія умершаго поручика Кирѣева объ учрежденіи при Академіи Наукъ, изъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ капитала, преміи съ тѣмъ, чтобы эта премія присуждаема была ежегодно за лучшее драматическое сочиненіе, какое будетъ напечатано или представлено на русскомъ театрѣ въ продолженіе года.

По разсмотрѣніи помянутой выписки, Отдѣленіе признало, что предложенная въ завѣщаніи Кирѣева премія изъ процентовъ предназначеннаго имъ на сей предметъ капитала въ 10.000 руб. можетъ быть учреждена, во 1-хъ, только за напечатанныя драматическія сочиненія и, во 2-хъ, подъ условіемъ, чтобы эта премія могла быть присуждаема единственно за сочиненія, признанныя достойными награды по собственному почину Академіи, и потому не ежегодно, а лишь тогда, когда такія сочиненія будутъ найдены ею заслуживающими особеннаго вниманія, при чемъ и самый размѣръ премій будетъ каждый разъ зависѣть отъ оцѣнки степени достоинства трудовъ Академіею.

По одобреніи этого заключенія г. Президентомъ Академіи Наукъ и доведеніи о томъ до свѣдѣнія Общаго Собранія, Отдѣленію предоставлено было поставить о томъ въ извѣстность прокурора Харьковскаго окружнаго суда, отъ котораго нынѣ полученъ отзывъ, что съ его стороны къ учрежденію преміи поручика Кирѣева на основаніяхъ, предложенныхъ Отдѣленіемъ, препятствія не встрѣчается. — Опредѣлено ходатайствовать объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на принятіе Академіею Наукъ завѣщаннаго ей капитала съ цѣлію учрежденія на сихъ основаніяхъ премій за лучшія драматическія сочиненія.

ПРИЛОЖЕНІЯ ВЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. Записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ.

Главный предметъ занятій Л. Н. Майкова составляетъ исторія русской литературы, въ частности слѣдующіе ея отдѣлы: 1) памятники народнаго творчества, 2) литература трехъ послѣднихъ столѣтій.

По народной словесности первый значительный трудъ г. Майкова — изслѣдованіе «О былинахъ Владимірова цикла», Спб. 1863. Явившись послѣ извѣстныхъ статей Буслаева (Русскій богатырскій эпосъ. 1862), оно дало намъ самостоятельный критическій обзоръ нашихъ свѣдѣній о древне-русскомъ эпосѣ, замѣчательный какъ трезвостью историческаго взгляда, такъ и осторожностью выводовъ. Изъ послѣдующихъ статей, въ которыхъ авторъ возвращался къ тому же вопросу, продолжавшему интересовать его среди другихъ работъ, отмѣтимъ слѣдующія:

Разборъ IV-го тома «Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниково-вынгъ» (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1868, № 5).

Разборъ «Онежскихъ былинъ» А. Ф. Гильфердинга (тамъ же, 1873, № 8).

Разборъ 1-й и 2-й частей «Причитаній сѣвернаго края» Е. В. Барсова (тамъ же, 1872, № 12, и въ Отчетѣ о 28-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова).

«Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула» (Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1874, № 6).

«Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья» (Древн. и Нов. Россія, 1876, № 6).

Во всѣхъ этихъ статьяхъ предлагаются разныя замѣчанія и объясненія къ памятникамъ народнаго творчества, а сверхъ того обращено вниманіе и на значеніе этихъ произведеній въ народномъ быту и на самый типъ сказителей и плакальщицъ, что дало автору поводъ прослѣдить проявленіе личнаго элемента въ созданіяхъ такъ называемой безличной поэзіи.

Особую работу въ той же области составляетъ предпринятое г. Майковымъ обзорѣніе старинныхъ рукописныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень. Изъ этого труда напечатанъ (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1880 г., № 11) обзоръ пѣсень, записанныхъ въ XVII вѣкѣ, при чемъ тексты эти, содержащіе въ себѣ большею частью историческія пѣсни того времени, подвергнуты подробному изслѣдованію и сличенію какъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ XVII в., такъ и съ позднѣйшими устными пересказами тѣхъ же пѣсень. Изъ этого изслѣдованія выясняются съ одной стороны отношенія старинныхъ книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, съ другой тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти.

Кромѣ того г. Майковымъ составленъ сборникъ великорусскихъ заклинаній (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, и отдѣльно, Спб. 1869).

Изъ литературы XVII вѣка г. Майковымъ избраны были для изученія произведенія Симеона Полоцкаго (Древ. и Нов. Россія 1875, т. III). Въ этой обширной статьѣ авторъ излагаетъ жизнь Симеона Полоцкаго по тѣмъ источникамъ, печатнымъ и рукописнымъ, которыми могъ пользоваться въ петербургскихъ бібліотекахъ, и рассматриваетъ его сочиненія, какъ находящіяся въ печати, такъ и извѣстныя только въ рукописяхъ. Въ біографической части статьи указаны характеръ и источники образованія Симеона Полоцкаго, его отношенія къ старой московской культурѣ и его просвѣтительныя стремленія; въ обзорѣ его сочиненій обращено вниманіе на его литературные источники и на отношеніе его произведеній къ современнымъ нравамъ, при

чемъ впервые сообщены въ печати многія стихотворенія Симеона Полоцкаго изъ его «Вертограда Многоцвѣтнаго». Безпристрастная оцѣнка дѣятельности этого характернаго представителя западно-русскаго образованія, который обстоятельствами былъ занесенъ въ Москву, сохраняетъ свое значеніе и теперь, послѣ новѣйшихъ о немъ изслѣдованій. Онѣ дополнили нашъ запасъ свѣдѣній о Полоцкомъ изъ его рукописей, хранящихся въ Москвѣ, но не разъяснили его личности болѣе правильно.

Къ числу трудовъ Майкова *по исторіи русской литературы XVIII вѣка* принадлежать:

«Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1878, № 11, и отдѣльно Спб. 1880): работа, обогатившая наши свѣдѣнія о русской повѣсти переходной поры, тронутой и въ правахъ и въ литературныхъ вкусахъ первыми вѣяніями Петровской реформы.

«О жизни и сочиненіяхъ Василя Ивановича Майкова», статья, напечатанная при собраніи его сочиненій (Спб. 1867) и отдѣльно, и содержащая въ себѣ этюдъ объ одномъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ писателей, которые не пренебрегали изображеніемъ народной жизни въ періодъ господства псевдо-классицизма.

«Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, № 7): разборъ книги А. Н. Неустроева: «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ за 1703—1802 гт.» (Спб. 1875), содержащій въ себѣ многочисленныя историко-литературныя дополненія къ этому труду.

Кромѣ того г. Майковымъ написаны еще критическія статьи: о вышедшемъ въ 1866 году изданіи сочиненій Фонъ-Визина (Жур. Мин. Нар. Пр. 1867 г., № 1), о «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова (тамъ-же № 7), о сочиненіи А. С. Будиловича: «М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (Заря, 1870, № 2), о «Жизни Державина» Я. К. Грота (Жур. Мин. Нар. Пр. 1881, № 2), и о нѣ-

которыхъ другихъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ этихъ статьяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія и соображенія, основанныя на самостоятельныхъ разысканіяхъ критика.

Изъ изданій г. Майкова, относящихся къ указанной эпохѣ, отмѣтимъ: «Записки Ив. Ив. Неплюева» (Русск. Архивъ 1871, №№ 4—5), снабженный предисловіемъ издателя, и два памятника, напечатанные подъ его наблюденіемъ Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности: «Краткое извѣстіе о народѣ Остѣнкомъ» Григорія Новицкаго (Спб. 1884) и «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.» П. И. Челищева (Спб. 1886): оба съ предисловіями, въ которыхъ содержится оцѣнка этихъ впервые напечатанныхъ сочиненій прошлаго столѣтія.

По литературу XIX вѣка г. Майкову принадлежитъ обширный трудъ: изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова, съ біографіею и примѣчаніями, изданіе, вполне заслуживающее названія монументальнаго. Ни одинъ изъ нашихъ классиковъ, за исключеніемъ Державина, не нашелъ подобной обработки, одинаково внимательной и къ матеріалу отечественной литературы и къ литературѣ иностранной, поскольку она опредѣлила направленіе и образцы поэзіи Батюшкова. Особого вниманія заслуживаетъ біографія поэта, внѣшняя и внутренняя, мастерски составленная по отрывочнымъ матеріаламъ и извлекающая изъ нихъ все доступное обобщенію. Многочисленныя историко-литературныя примѣчанія, сопровождающія изданіе, освѣщаютъ глухой, сравнительно, періодъ нашей литературы до восхода Пушкина. Часто переступая границы, положенныя комментарию къ избранному писателю, онѣ собираютъ цѣнныя данныя для цѣлаго ряда возможныхъ работъ о дѣятеляхъ до-пушкинской эпохи. Не многіе такъ приготовлены къ этимъ работамъ, какъ издатель Батюшкова. Трудъ его надъ этимъ писателемъ недавно увѣнчанъ полною Пушкинскою преміей.

Кромѣ исчисленныхъ трудовъ, непосредственно относящихся

къ исторіи русской литературы, г. Майкову принадлежать еще слѣдующія работы:

«Замѣтка о географіи древней Руси» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1874, № 7, в отдѣльно), разборъ 1-го изданія сочиненія Н. И. Барсова: «Географія начальной лѣтописи», въ которомъ особенно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованія критика по вопросу о географіи лѣсовъ въ южной полосѣ Россіи въ древнія времена.

«О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка» (Жур. Мин. Нар. Пр., 1877, №№ 6, 7 и 12 в отдѣльно), подробное изложеніе содержанія сочиненія проф. А. Алквиста: «Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen» съ дополненіями касательно вліянія славянской культуры на финскую и съ указаніемъ сходныхъ чертъ въ современномъ бытѣ восточныхъ финновъ на основаніи данныхъ русской этнографической литературы.

«Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1881, № 9, в отдѣльно), составленное по порученію Археографической комиссіи, изслѣдованіе, въ которомъ авторъ, путемъ сличенія показаній актовъ и лѣтописей, приходитъ къ заключенію, что атаманъ Кольцо привезъ въ Москву извѣстіе о покореніи Сибири въ началѣ 1583 года и что затѣмъ послѣдовало принятіе этого края въ русское подданство.

«Старинные русскіе памятники» въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества (Жур. Мин. Нар. Пр. 1884, № 7, в отдѣльно): критическая замѣтка объ изданіи хожденій игумена Давида и гостя Василія и путешествія В. Барскаго.

«Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, №№ 2 и 3).

«Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ» (тамъ-же 1882, №№ 1, 2 в отдѣльно).

«Некрологическія статьи: объ А. И. Артемьевѣ (тамъ-же 1873, № 11) и объ И. И. Срезневскомъ (тамъ-же 1880.

№ 3); объ ученыхъ заслугахъ гр. А. С. Уварова (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XX).

Кромѣ того небольшія сообщенія и рецензіи г. Майкова появлялись въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ., въ Изв. Русск. Археол. Общ., въ Журн. Мин. Нар. Просв., въ Русск. Архивѣ, Древн. и Нов. Россіи и Историческомъ Вѣстникѣ.

Л. Н. Майковъ съ 1864 г. принимаетъ постоянное участіе въ трудахъ Географическаго Общества, гдѣ съ 1872 по 1886 годъ состоялъ предсѣдателемъ Отдѣленія этнографіи. Подъ его редакціею изданы томы II, III и VI Записокъ этого Отдѣла.

**II. Образцы Беларускага нарѣчя разныхъ мѣстностей,
доставленныя П. Авенаріусемъ.**

**I. Отрывокъ изъ сказки Пушкинна о рыбахъ и рыбахъ
въ сравнительномъ переводѣ на белорусское нарѣ-
чье разныхъ уѣздовъ.**

Слонимскій уѣздъ.

Вилоотокскій уѣздъ.

Пѣскаса абъ рыбаку і абъ
рыбца.

Абъ рыбацѣ і абъ рыбца.

Жыгў стары зъ сваёю
старою бабою кагѣ самаго
свѣаго мора. Ены жылі
у разваленой землянцы
рѣўно трыдцать гадў
і три гды.

Жыгў сабѣ дзедъ зъ бабаю
дыхтъ свѣаго мора.

Ены жылі
у гнилой землянцы
рѣўно трыдэсць гѣтъ
і три рѣки.

Стары лавіў валакѣмъ
рыбу, а старая прала
сваё кудэлю.

Дзедъ лапаў сѣткою
рыбу, баба прала
кудэлю.

Аднагѣ рѣзу іонь ў морѣ
запустиў вѣлокъ, вѣццануў
вѣлокъ зъ аднымъ мѣломъ.

Разъ іонь ў морѣ
наставиў сѣтку; прійшла
сѣтка зъ одною цѣною.

(Минской губ. и уѣздъ). Якъ жиў да быў дѣдъ зъ бабой. Дѣдъ
лавіў рыбу, а баба прала пражу. Вотъ разъ дѣдъ закинуў нѣ-
водъ; глядъ, ашъ ничего нема.

Вильскій уѣздъ.

Зыў старыкъ зо своєю старухою у самаго шняго моря. Вони зыли у витхой землянки румно трийчатъ лить и три роки.

Старыкъ ловіу нѣводомъ рыбу, старуха прала свое правиво.

Разъ вунъ ў море закинуу нѣводъ, присдѹ нѣводъ зъ однѣмъ забрынемъ.

Кобринскій уѣздъ.

Жывъ бувъ старыкъ съ своєю старухою коло самого синего моря. Вони жылы въ старій зыменцы ривно трицетъ лить и три роки.

Старый ловывъ нѣводомъ рыбу, а старая прѣла свою прѣжу.

Разъ винъ въ морѣ закинувъ нѣводъ; прышовъ нѣводъ съ однею поплавшкою.

(Вольской губ. Владим. у.). Казка про рыбака и про рыбку.

Живъ соби дидъ та баба каго самаго синего моря. Жылы вони въ старенькой хатци-землянци ривно трийцять лить и три роки. Дидъ ловывъ неводомъ рыбу, а баба прала мычки. Одного разу закинувъ дидъ неводъ въ море и вытянувъ югѹ только зъ муломъ.

2. Вайна изъ деревни Карагули Вязлостожскаго уѣзда.

Жыу кедысьнъ собѣ Ясько. Іонъ не разъ возіу жидѹ. Разъ прійшоу до ёгѹ одзынъ жидъ и каже: «Яську! завези минѣ до мѣста, я тобѣ добры грѹши дамъ». Гѣто былѹ ў нѹче и Ясько не хоцѣу ёгѹ весцы. Жидъ просіу ёгѹ, просіу и каже: «Яську! хоцѣ, пойдзѣмъ до корчмы, я тобѣ дамъ кварту водки». Ясько каже: «дзе я тамъ пойду! не хѹчу исьци и не поѣду; еше когѣ дзе разбѣйники забыли». Жидъ сталъ просиць ёгѹ и Ясько пошѹ зъ нимъ до корчмы, вѣспіу водку и повѣзъ жидѹ до мѣста. Жидъ купіу скла ў мѣсци и ены вѣхали уже до дому. Дорѹга йшла черезъ лѣсъ. Жидъ глянуу на перѹдъ и каже: «Яську! што гѣто

такое?» А тамъ стояло кѣлька стѣндеры ¹⁾, и Ясько сказаў: «Чуешь: гѣто мѹси разбойники. «Аей, аей, што тѣразъ будзе? ены насъ забьюць!» Жидъ каже: «Яську! я ўлѣзу подь скло, а ты ѣдзь». Улезъ жидъ подь скло и сѣдзѣць, а Ясько ўзѣў кія и каже такекъ разбойникъ: «Што ты везешъ?» И зноў отговоруе: «нѣ бѣце минѣ, я везу скло». Позней пѣняў кія, екъ дасць по склѣ разъ, други! а жидъ ўсѣ кричиць: «дзѣнь, дзѣнь!» не бы то скло пѣнкае. Узѣў Ясько коня и ѣдуць домѡй, а жидъ каже: «Яську! а што, разбойникъ уже не задзѣ?» «Э кѣды мы ихъ уже прѡѣхали», сказаў Ясько. Ёдуць ены далей, ажно кѡле дорѡгн пне стояць, и жидъ пытаѣце: «Яську! што гѣто такое? А Ясько каже: «Я тобѣ казаў: не ѣздымо, а то бѣдѣ ещѣ будзе, а што ты не вѣрыў, тожъ гѣто воўкѣ²⁾»; ены насъ уже не пѹсцяць живыхъ». А жидъ каже: «ну, Яську, чи у цибѣ верѡўка есть?» «А дзесць есть кусѡкъ, то на што тобѣ нѣ?» «Чуешь: привяжи мене подь возомъ и я буду брѣхаць ³⁾, бо воўкѣ, ты самъ вѣдаешъ, бойце собаки». Привязаў ёнъ жидѣ, а самъ екъ стаў ганяць кѡни, то ажъ гукъ по лѣси пойдѡў, а жидъ ўсѣ, екъ «гимъ гаў», такъ «гимъ гаў!» Одѣѣхаў Ясько одъ лѣса розвязаў жидѣ и каже: «копъ цибѣ, жидъ, хворѡба ўзялѣ, за цибѣ я дзѣсяй чѣсто праполѡхаўсе». Прѣехали ены до села; жидъ ўзяў ў корчмѣ водки, даў, трѡха и Яськови и каже: «уй, якіе кѣпскіе разбойники мѣло кіемъ не забилѣ минѣ!» Зъ гѣтыхъ поръ іонъ нигды не ѣздѣў ў нѡче.

3. Пѣсни Слонимскаго ўвѣда.

Цвила рожа въ огрудѣчку
 Чирвонымъ цветѡчкомъ,
 Прѣць, прѣць мой миленькій
 Бѣленькою ночкой (утромъ, чуть свѣтъ).

¹⁾ Деревянный пень.

²⁾ Волки.

³⁾ Лаять.

Сѣни-жъ мои дубовые,
 Хата на памосци,
 Пріѣць, пріѣць мои миленькій
 Хоць да мене ў гости.
 Бодай тобѣ друшненько
 Семъ гѣци хвореци,
 Колькижъ будзе въ твоей хаці
 Баркунъ зеленеци,
 Бодай тобѣ козаченьку
 Да не стало ўзросту,
 О пойдзи-же утапися
 Зъ высокаго мосту.

Ходзиць дзѣўка кало рѣчки,
 Бѣлы ручке мые,
 А ужъ казакъ утапиўся,
 Одна хустка плыва.
 Той не жаль мнѣ той хустки,
 Таго вышиванья,
 Одно жаль мнѣ казаченька,
 Бѣднаго каханья.

Сивый гѣлупъ, сивый гѣлупъ,
 Галупка сивѣйша,
 Ойцець милый, matka мила,
 Дзевчина милѣйша.
 Сѣдзиць голупъ на дубочку,
 Галупка на вишни,
 Скажы, скажы щіру праўду,
 Што маешъ на мысли?
 Ой сказала-пъ щіру праўду,
 Што люблю, якъ душу,
 А ты мене покидаешъ,

Я плакати мушу.
 Ой есць ў мнѣ тое зелье
 Выже перелазу
 Якъ дамъ тобѣ напѣтися
 Забудзешь одразу».
 «Ой дай-же мнѣ того зелья,
 Что-пъ це позабыщи,
 Буду парыць, буду пици,
 Капли не опуцу,
 Ўтеды цебѣ прозобуду,
 Якъ очками сплющу (закрою глаза, умру).

Вышла дай за хату, стала приглядацься,
 Таталюли, таталюли, таталюсеньки мои,
 Ажъ тамъ ѣзде козакъ, дай-же мнѣ свататъся,
 Таталюли, таталюли, таталюсеньки мои.
 А вона не хоче, что зарученая,
 Таталюли и проч.
 Козакъ не весѣлы, что не мае жонки.
 Таталюли и проч.

4. МІННОЖОЙ ГУВ. ВОРНООВОСКОГО УВЪДА.

(Записалъ Г. А. Прииевскій со словъ слѣпцого нищаго).

Былиа о Бористъ и Глѣбѣ и Святополкѣ окаянномъ.

Объясочное сказаніе (sic).

Якъ ў славномъ городѣ Кіевѣ
 Якъ жыў сабѣ Владимиръ князь.
 Ёнъ ў своемъ домѣ благочинномъ,
 Ёнъ ў своей каменной палатѣ
 Имѣу сабѣ двѣнадцать чадоу.
 Ёнъ только залюбіу три чады,
 Три чады надежные:

Бориса, Хлѣба, Владимира.
Быу князь Полгей,
Такъ ұзявъ, подѣлиу города.
Владимиру чаду дау Кіевъ городъ,
А Чернигоу городъ Хлѣбушку,
И Могилеу Борису.
Владимиръ князь перестановиуся;
Теперь ѣнъ пишетъ листъ грамотный
До святаго Хлѣба, Бориса.
Хлѣбъ-же Борисъ листы смотраѣтъ.
Яны усѣвши на лошадей,
Подъ Вышгородъ подѣзжаючи.
Охъ и яго братъ неустрѣтиу его
Ни съ хлѣбомъ, ни съ солюю,
А сустрѣу его со всей злобой,
Зъ вайстримъ мечемъ, зъ вайстримъ копьемъ.
Загубиу ихъ ѣнъ, Бориса копьемъ пробіу,
А Хлѣбушка ножомъ заколоу.
Борисъ и Хлѣбъ просили брата Полгея:
Ой братецъ мой, брате, святой Полгей,
Ой не узрѣй, не губи насъ людей молодыхъ;
Возьми-жъ насъ. у свай домъ;
Кабъ мы у твоемъ домѣ побывали
И хлѣба и соли покушали,
И оица своего и матеръ поминали.
А уражій сынъ ни оитецкій сынъ,
Ѣнъ тыя молитвы не слышая,
Садіуся на лошадей со своими слугами.
Подъ Вышгородъ подѣзжаючи,
Калиновый огонь расклау,
Воронныхъ лошадей отпрѣгъ.
У поли полати пораскинууши,
Ѣнъ Бориса копьемъ пробіу,
А Хлѣбушка ножомъ заколоу.

Ёнъ побнѣши, погуляѣши
 Самъ собѣ утѣшается,
 Что ему богатство отстается.
 Подъ Вышенгородъ подѣзжаючи,
 Подъ нимъ земля зрагнулося,
 Ё путь ё дорожѣ замѣшалося.
 Отрочи съ Хлѣба и Бориса
 Лежать мощи всѣ святыя,
 Лежать мощи всѣ святыя,
 Охъ тридцать лѣтъ и три лѣты,
 Ничего мощи не урождаются,
 Ни водой-же, ни отъ вѣтра,
 Ни отъ таго слонца,
 Ни отъ таго лютаго морозу.
 Нихто мощи ни спровѣдае,
 Только спровѣдае самъ Исусъ Христосъ
 И самъ Царь Небесный
 Сослѣу зъ неба трохъ ангелоу.
 Тепера надъ святыми мощами располагаючи,
 Стоять столбы небескіе
 Отъ небесъ ажъ до самой земли.
 Со строили, сбудовали
 Преосвященную камѣнную церкоу,
 Престолъ надъ имъ величающій.
 Какъ заспѣваймо Алллуй, Аллуя,
 Слава Тебѣ Боже.

МИНСКОЙ ГУБ. ВОРКОВОСЛАГО У.

(Записалъ Г. А. Приневскій),

Пѣсня молодцы.

Я ё поли жито жала,
 У мяне ё доми шкода стала:
 Звалилася свякрѣу зъ тыну,

Набило ўсю крапиву.
Ни жаль-же мнѣ свякровочки,
Якъ жаль же мнѣ крапивочки.
Я крапивку свиннямъ ссяку,
А свякроўку на огни спяку.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ПРОТОКолоВЪ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1889 году.

Доложено, что 28 января въ Москвѣ будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей члена корреспондента Академіи Наукъ А. А. Шишкина (Фета). Положено въ означенный день привѣтствовать его телеграммою отъ членовъ Отдѣленія, которая и отправлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ день полувѣковой годовщины литературной дѣятельности своего знаменитаго члена - корреспондента Отдѣленіе русскаго языка и словесности поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе привѣтствовать въ немъ любимаго русскаго поэта, умѣннаго сочетать съ пылкимъ лирическимъ вдохновеніемъ глубину и свѣжесть чувства, прелесть образовъ и гармонию звуковъ, поэта, еще и на склонѣ лѣтъ сохраняющаго жаръ юности и неустанную энергію, которой литература наша обязана усвоеніемъ ей цѣлаго ряда произведеній классической древности. Отдѣленію при этомъ случай пріятно вспомнить, что оно имѣло возможность увѣнчать одинъ изъ этихъ трудовъ премією великаго русскаго поэта, который самъ сочувственно присоединился бы къ настоящему привѣтствію нашему. Да продлятъ Провидѣніе дни нестарѣющаго Фета».

Читано письмо профессора университета въ Черновцахъ Калужняцкаго, который, препровождая новую библиографическую статью о неизвѣстныхъ произведеніяхъ русской церковной печати, проситъ о напечатаніи этого труда въ Сборникѣ Отдѣленія. Поло-

жено просить А. Ф. Бычкова рассмотреть означенную статью и возвратить ее съ своимъ отзывомъ.

Представлена рукопись г. Хрисанова Лопарева подъ заглавиемъ «Иерусалимская повѣсть XVI вѣка», содержащая текстъ этого памятника и введение. Рукопись передана А. Н. Веселовскому съ просьбою рассмотреть ее и доставить о ней свой отзывъ.

Читана и одобрена для представленія въ Общее Собрание слѣдующая составленная предсѣдательствующимъ записка: «Когда Отдѣленіе русскаго языка и словесности вскорѣ послѣ своего учрежденія готовилось къ наданію Словаря, то оно просило конференцію назначить изъ среды ея тѣхъ академиковъ, къ которымъ редакторы Словаря должны будутъ обращаться для предварительнаго рассмотрѣнія и повѣрки объясненій словъ и выраженій, относящихся къ физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ. Вслѣдствіе этой просьбы, въ протоколѣ Общаго Собранія было записано, что каждый членъ I Отдѣленія Академіи, по вызову гг. редакторовъ, готовъ содѣйствовать имъ въ ихъ трудѣ. Нынѣ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, собираясь приступить къ печатанію перваго выпуска новаго изданія Русскаго Словаря, позволяетъ себѣ выразить надежду, что оно найдетъ такую же радушную помощь со стороны не только физико-математическаго, но и историко-филологическаго Отдѣленія, содѣйствіе котораго признается столь же необходимымъ, особенно по части политической экономіи и восточныхъ языковъ. Тѣмъ гг. академикамъ, которые благоволятъ изъявить на то свое согласіе, будутъ доставляемы, какъ это дѣлалось и при прежнемъ изданіи Словаря, корректурные листы, по мѣрѣ ихъ полученія изъ типографіи».

Читано письмо Н. С. Тихонравова въ отвѣтъ на просьбу Отдѣленія, что въ его собраніи рукописей не находится ни автографовъ Ломоносова, ни какихъ-либо другихъ, касающихся до него бумагъ. Въ его собраніи есть только «Slavis roëtica» Квѣтницкаго, бывшаго учителемъ Ломоносова въ Славяно-греко-латинскихъ школахъ, и конія съ извѣстнаго Сборника «Стиходѣйствъ», принадлежащаго Казанскому университету. Въ московскихъ архивахъ можно найти нѣкоторые матеріалы для предпринятаго Академіею Наукъ наданія сочиненій Ломоносова, и профессоръ Тихонравовъ вызывается исполнить тѣ порученія, которыя Отдѣленіе признаетъ нужнымъ дать ему относительно этихъ архивныхъ матеріаловъ.

Читано письмо А. А. Шеншина на имя предсѣдательствующу-

шаго съ изъявленіемъ благодарности за посланное ему по телеграфу въ день его юбилея, 28 января, привѣтствіе, которое, по его словамъ, «приложило свою печать на это 50-лѣтнее празднованіе придавая ему тѣмъ самымъ законную оправдательную силу».

Читано письмо вдовы Котляревскаго на имя А. Н. Веселовскаго, которымъ она увѣдомляетъ, что вслѣдствіе предложенія Отдѣленія избрать лицо, которое могло бы взять на себя составленіе біографіи покойнаго, она имѣетъ въ виду обратиться съ просьбою о томъ къ А. Н. Пыпину. Положено просить академика Веселовскаго увѣдомить Екатерину Семёовну Котляревскую, что оно предположеніе ея одобряетъ, и лично объясниться съ г. Пыпинымъ касательно степени подробности и размѣра біографіи.

Читано письмо академика Ягича на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ онъ, сообщая о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него посланнымъ ему образчикомъ новаго изданія Словаря и изъявляя полную готовность участвовать въ чтеніи корректурныхъ листовъ, выражаетъ желаніе, чтобы при именахъ существительныхъ означено было удареніе множественнаго числа всякій разъ, когда оно не сходно съ удареніемъ единственнаго. Объяснено, что не только это соблюдается постоянно, но и вообще всякое измѣненіе акцента во флексіяхъ указывается какъ при существительныхъ именахъ, такъ и при другихъ частяхъ рѣчи.

При этомъ разсуждало было о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ писателями въ двойной формѣ, напр. *лучина, лучу, лучинахъ и лучина, чаю, чаюна*, и принято за правило, что хотя одна изъ формъ можетъ считаться нормальною, однакожъ обѣ должны быть указываемы въ Словарѣ, конечно, съ надлежащею оговоркою.

Читанъ и одобренъ составленный предсѣдательствующимъ проектъ правилъ о преміи поручика Андрея Кирѣева.

Предсѣдательствующій доложилъ, что въ виду предстоящей разсылки гг. академикамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ первыхъ корректурныхъ листовъ Словаря, онъ составилъ объяснительную записку о новомъ изданіи академическаго Словаря, которая затѣмъ и одобрена.

Читанъ Высочайшій указъ 3 мая о назначеніи Президентомъ Императорской Академіи Наукъ великаго князя Константина Константиновича.

Читано и одобрено слѣдующее составленное предсѣдательствующимъ привѣтствіе Его Высочеству Президенту, назначенное для прочтенія въ засѣданіи Общаго Собранія:

«Ваше Императорское Высочество!

«Сознавая въ полной мѣрѣ великую милость, оказанную Государемъ Императоромъ Академіи Наукъ дарованіемъ ей въ президенты Вашего Высочества, Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣеть еще и особенную причину радостно привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ главу нашего учрежденія. Кому не извѣстно, что русская литература, составляющая предметъ занятій второго Отдѣленія, дорогá Вамъ не какъ любителю ея только, но какъ одному изъ ея дѣятелей, какъ автору произведеній, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено было съ живымъ сочувствіемъ всею грамотною Россіей?

«Отдѣленію отрадна увѣренность, что Ваше Императорское Высочество примете къ сердцу интересы его наравнѣ съ пользами прочихъ частей Академіи, въ составѣ которой оно хотя и является младшимъ членомъ, но всегда стремилось достойно занимать свое мѣсто, къ чести созданнаго Петромъ Великимъ знаменитаго учрежденія, къ преуспѣванію и славѣ русской науки.

«Желая и впредь дѣйствовать въ томъ-же духѣ, мы твердо надѣемся на просвѣщенную поддержку Вашу и не сомнѣваемся, что Ваше Императорское Высочество, съ любовью посвящая силы свои возложеннымъ на Васъ Монаршею волею новымъ заботамъ, съ блескомъ впишете имя Свое въ лѣтописи русской Академіи Наукъ, во главѣ цѣлаго періода ея исторіи, на продолжительность котораго мы имѣемъ основаніе рассчитывать».

Академики А. Ѡ. Бычковъ и Л. Н. Майковъ сообщили замѣчанія свои на доставленныя предсѣдательствующимъ новые оттиски первыхъ корректурныхъ листовъ Словаря, при чемъ академикъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ, по полученіи отъ нѣкоторыхъ лицъ ожидаемыхъ имъ дополнительныхъ замѣчаній, думаетъ въ теченіе вакантнаго времени ограничиться сверсткою перваго листа, окончательную же правку послѣднихъ корректурныхъ формъ, теперь уже набранныхъ, предполагаетъ отложить до осени, въ теченіе же лѣтнихъ мѣсяцевъ будетъ продолжать приготовленіе къ печати и просмотръ въ наборѣ какъ остальныхъ словъ на букву А, такъ и словъ на Б и В. Къ этому онъ присовокупилъ, что на предстоящіе мѣсяцы имъ поручено гг. Шейну, Смирнову и Пѣтухову продолжать составленіе выписокъ изъ писателей, а г. Симони заниматься дальнѣйшею сводкою матеріаловъ для новаго изданія Областного Словаря. Принято къ свѣдѣнію.

Академикъ Ягичъ доложилъ, что ему удалось отыскать по порученію Отдѣленія подлинную рукопись сочиненія Хельчицкаго «Решка противъ бяскупца», которое положено напечатать въ Сборникѣ вслѣдъ за «Свѣтью вѣры» того же автора. Узнавъ, что эта рукопись вмѣстѣ съ другими автографами Хельчицкаго хранится въ Ольмуцѣ, И. В. Ягичъ самъ ѣздилъ въ этотъ городъ и поручилъ переписку этого манускрипта живущему тамъ ученому, доктору Кахиюку, викарію при мѣстномъ соборѣ. Отдѣленіе, вполне одобривъ это распоряженіе, выразило академику Ягичу свою признательность.

Засѣданіе 23 сентября происходило подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго президента Академіи Наукъ. Его Высочество, по осмотрѣ Зоологическаго Музея, прибылъ въ полдень въ малую конференцъ-залу и занялъ мѣсто среди членовъ Отдѣленія.

По прочтеніи протокола засѣданія 16 сентября, академикъ Я. К. Гротъ предложилъ на обсужденіе возбужденный Его Императорскимъ Высочествомъ вопросъ о предпріятіи Академіею Наукъ полнаго критическаго и притомъ роскошнаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Необходимость такого изданія была единогласно признана Отдѣленіемъ, въ виду неудовлетворительности всѣхъ существующихъ въ настоящее время изданій Пушкина, и веденіе пригготовительныхъ работъ по этому предпріятію возложено на академика Майкова. Вслѣдъ за тѣмъ Л. Н. Майковъ изложилъ свой взглядъ на распорядокъ предполагаемаго изданія, которое, по его мнѣнію, должно будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) произведеній вполне законченныхъ или по крайней мѣрѣ такихъ, которыя хотя и не были вполне обработаны поэтомъ, но по степени своей отдѣлки и художественному достоинству могутъ считаться наравнѣ съ законченными, и 2) произведеній, только набросанныхъ вчера или вообще не конченныхъ. По возбужденному вмѣстѣ съ тѣмъ вопросу о стихотвореніяхъ такъ называемаго нецензурнаго содержанія, опредѣлено напечатать ихъ отдѣльною книжкою въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (примѣрно отъ 50 до 100) и, не выпуская въ продажу, выдавать только бібліотекамъ и нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ. Что касается вопроса, связаннаго съ идеей роскошнаго изданія, именно относительно приложенія къ нему иллюстрацій, то созданіе рисунковъ, которые по достоинству изобрѣтенія и исполненія отвѣчали бы высшимъ художественнымъ требованіямъ, представляло бы такія затрудненія, устраненіе коихъ вышло бы изъ предѣловъ круга дѣятельности и задачъ Отдѣ-

ленія. Поэтому положено ограничиться включеніемъ въ изданіе портретовъ Пушкина и наиболѣе замѣчательныхъ изъ собственныхъ его эскизовъ, въ большомъ числѣ разбросанныхъ въ его рукописяхъ. Другого рода рисунки, воспроизводящіе сюжеты произведеній Пушкина, могутъ составить отдѣльный альбомъ, изготовленіе котораго будетъ предоставлено частной предпринимчивости. Въ заключеніе Л. Н. Майкову поручено письменно изложить съ большею подробностію и представить въ Отдѣленіе проектъ изданія на основаніяхъ, постановленныхъ въ настоящемъ засѣданіи.

Относительно хода приготовительныхъ работъ по предпринятому Отдѣленіемъ изданію сочиненій Ломоносова академикъ М. И. Сухомлиновъ доложилъ слѣдующее: «При изданіи сочиненій Ломоносова существенною основою должны служить собственноручныя рукописи его, а также и то, что напечатано при жизни автора и при его непосредственномъ участіи. Главнымъ хранилищемъ рукописныхъ матеріаловъ справедливо признаются архивы Академіи Наукъ (Конференціи и Канцеляріи). Многое сохранилось въ академическихъ архивахъ, но многое и исчезло — безслѣдно или только до поры до времени, объ этомъ еще нельзя сказать ничего положительнаго. Несомнѣнно, что въ рукописяхъ находятся пробѣлы, и притомъ отнюдь не случайные: изъ ряда писемъ, точно указанныхъ въ приложенномъ указателѣ, недостаетъ именно тѣхъ, которыя писаны Ломоносовымъ; даже изъ Ломоносовскихъ писемъ сдѣланъ какъ бы сознательный выборъ, судя по тому, что исчезли самыя любопытныя. Что касается печатныхъ источниковъ, то такъ наз. *editio princeps* нѣкоторыхъ произведеній Ломоносова составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость, хотя о существованіи ихъ имѣются въ архивахъ весьма опредѣленные указанія. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ со времени начала литературной дѣятельности Ломоносова сочиненія его появлялись въ печати каждое отдѣльно, а нѣкоторыя помѣщаются были въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. Только въ 1751 году Ломоносовъ, вызванный, какъ самъ говоритъ, требованіями читающаго общества, издалъ собраніе своихъ сочиненій. Это первое собраніе, состоящее изъ одного тома, имѣетъ особенную цѣну, не только по времени своего появленія, но главнымъ образомъ потому, что оно печаталось при жизни автора и подъ его самымъ дѣятельнымъ наблюденіемъ. По счастью, уцѣлѣлъ рукописный подлинникъ этого изданія, въ которомъ многое написано собственноручно Ломоносовымъ. Сравненіе собственноручнаго съ написаннымъ чужою рукою даетъ

указаніе для хронологической послѣдовательности произведеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ Ломоносовъ приготовилъ къ печати второй и третій томы собранія своихъ сочиненій; но дѣло затормозилось по неизвѣстнымъ причинамъ, и только въ 1757 году появилось, но не продолженіе перваго изданія, а второе изданіе, въ первый томъ котораго вошли произведенія, напечатанныя въ первомъ изданіи, съ прибавленіемъ того, что вышло въ свѣтъ послѣ 1751 года. Второй томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1759 году. Всѣ другія изданія появились уже по смерти Ломоносова. Особеннаго вниманія заслуживаютъ, хотя и не въ одинаковой степени, изданія архимандрита Дамаскина и Козодавлева. Иное явилось здѣсь по рукописнымъ источникамъ. По плану, представленному въ Отдѣленіе и одобренному онымъ, въ первый томъ академическаго изданія должны войти стихотворенія. Поэтому необходимо привести въ извѣстность всѣ стихотворныя произведенія Ломоносова, уцѣлѣвшія частью въ собственноручныхъ рукописяхъ Ломоносова, частью въ первыхъ изданіяхъ, вышедшихъ при жизни автора. Многое уже найдено и собрано, но многое до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ и требуетъ самыхъ тщательныхъ разысканій. Избравши основной текстъ для каждаго стихотворенія, я привожу варианты изъ другихъ списковъ и изданій. Стихотворенія Ломоносова, будучи издаваемы отдѣльно, находятся также, въ полномъ ли объемѣ или отрывкахъ, и въ его прозаическихъ сочиненіяхъ. Сличеніе текстовъ приводитъ къ любопытному выводу, показывая, какъ Ломоносовъ работалъ надъ своимъ стихомъ, почти никогда не воспроизводя его съ буквальною точностію и почти всегда дѣлая большія или меньшія измѣненія. Иногда перемены такъ велики, что произведеніе получаетъ совершенно новый видъ: въ такомъ случаѣ считаю нужнымъ помѣщать обѣ редакціи вполне. Каждое стихотвореніе предполагаю помѣщать съ объяснительными примѣчаніями, въ которыхъ бы указывались время появленія и поводъ къ написанію. Такъ какъ произведенія должны быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ, то опредѣленіе его и занимаетъ меня въ настоящую минуту. Оно сопряжено съ большими трудностями. Первое по времени стихотвореніе Ломоносова—переводъ оды Фенелона—по счастью сохранилось въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова. Но второе, принадлежащее притомъ къ числу самыхъ важныхъ, повидимому исчезло на всегда въ томъ видѣ, въ какомъ прислалъ его Ломоносовъ изъ Фрейберга. Это—ода на взятіе Хотина. Тщательный переборъ всего архивнаго матеріала, отъ про-

токоловъ ученаго собранія до типографскихъ счетовъ, не далъ ни малѣйшаго указанія на время появленія въ печати оды Ломоносова, хотя о печатаніи двухъ другихъ одъ, написанныхъ разными лицами по тому же поводу, есть въ архивахъ положительныя извѣстія. — Присланное Ломоносовымъ изъ Фрейберга, вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина, «Письмо о правилахъ русскаго стихотворства», имѣющее особенно важное значеніе, также неизвѣстно въ собственноручной рукописи. Оно впервые явилось въ печати въ изданіи Дамаскина (въ 1778 году) по рукописи, присланной изъ Петербурга. Былъ ли это списокъ, или самый подлинникъ, неизвѣстно. Въ разысканіяхъ своихъ я пользуюсь рукописями и печатными изданіями, находящимися въ архивахъ Академіи Наукъ, въ Государственномъ Архивѣ, въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ Библиотекѣ Академіи Наукъ, въ Публичной Библиотекѣ и др. Чѣмъ счастливѣе будутъ такіа разысканія въ области первыхъ источниковъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ приступить къ печатанію перваго тома».

Предсѣдательствующій доложилъ, что живущій въ Кадниковѣ А. Н. Иванцкій, окончивъ переписку составленнаго имъ Словаря Вологодскаго нарѣчія, доставилъ въ Отдѣленіе чистый, весьма тщательно изготовленный списокъ этого Словаря, и что онъ, академикъ Гротъ, предполагаетъ передать этотъ списокъ, въ дополненіе къ другимъ подобнымъ матеріаламъ, г-ну Симони, занимающемуся подъ его руководствомъ, приготовительными трудами для новаго изданія Областнаго Словаря. Одобрено.

Доведена до свѣдѣнія Отдѣленія просьба книгопродава Геруца о томъ, чтобы въ основанный имъ въ Петербургѣ «Русско-славянскій книжный складъ» доставляемо было на комиссію по одному экземпляру каждой вновь издаваемой книги и по 10-ти оттисковъ каждой брошюры. Положено сообщить о томъ завѣдующему складомъ изданій Отдѣленія.

Академикъ Майковъ прочелъ составленный имъ, по порученію Отдѣленія, планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина на основаніи правилъ, въ общихъ чертахъ уже изложенныхъ въ протоколѣ засѣданія 23 минувшаго сентября. Отдѣленіе, вполне одобривъ этотъ планъ, предоставило Леониду Николаевичу, по окончательной отдѣлкѣ редакціи въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, внести его въ Отдѣленіе для напечатанія, съ обращеніемъ ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какіе-либо еще не изданные матеріалы для такого изданія, просьбы сообщить ихъ Отдѣленію.

ПРИЛОЖЕНІЯ БЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Рѣчь, составленная въ 1876 году по порученію президента Академіи Я. К. Гротомъ и читанная графомъ Ф. П. Литке 29 декабря того же года по случаю празднованія полуторавѣковаго юбилея Академіи Наукъ въ присутствіи императора Александра Николаевича и Августѣйшаго Семейства ¹⁾.

Первая мысль при настоящемъ торжествѣ Академіи Наукъ невольно обращается къ великому Основателю ея. Ясно сознавая значеніе науки для всѣхъ отраслей государственной жизни, Петръ I давно желѣлъ въ душѣ своей мечту объ этомъ учрежденіи, но только за годъ до своей кончины успѣлъ онъ положить твердое начало осуществленію ея и тѣмъ увѣнчать своимъ неусыпнымъ попеченіемъ и трудами на благо Россіи. Ему самому не было суждено привести въ дѣйствіе любимую мысль свою, но завѣтъ его былъ свято исполненъ и заботливо хранимъ Августѣйшими его преемниками. Съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Монархамъ, подъ могущественнымъ покровомъ которыхъ наша Академія росла и развивалась, возобновимъ сегодня въ памяти нѣкоторыя черты ея прошлаго.

Первоначально Академія наша, по тогдашнему состоянію просвѣщенія въ Россіи, не могла имѣть цѣлю служеніе чистой наукѣ. Петръ Великій имѣлъ въ виду основать въ ней не ученое общество только, но и разсадникъ преподавателей для будущихъ училищъ; она должна была и сама выѣщать въ себѣ учебное заведеніе. Для достиженія своей цѣли Петръ прибѣгнулъ къ тому же

¹⁾ См. Записки Академіи Наукъ, т. XXIX, кн. 1. Печатается здѣсь по повелу назначенія Президентомъ Императорской Академіи Наукъ Государя Великаго Князя Константина Константиновича, благоволившаго обратить вниманіе на эту рѣчь.

средству, какое употреблялъ для пріобрѣтенія дѣятелей по государственной службѣ, т. е. къ вызову иностранцевъ, которые бы могли сдѣлаться наставниками или образцами природныхъ Русскихъ и приготовить ихъ къ самостоятельной дѣятельности въ будущемъ. Съ этою-то мыслью онъ на докладѣ объ учрежденіи Академіи приписалъ своею рукою: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить».

Приглашенные Петромъ Великимъ ученые начали съѣзжаться только по кончинѣ его. Посредникомъ при вызовѣ ихъ былъ лейбъ-медикъ Блаументростъ, назначенный скорѣе первымъ Президентомъ Академіи. Онъ же представилъ новопривывшихъ Императрицѣ Екатеринѣ I во дворцѣ лѣтняго сада. Пріемъ имъ былъ самый милостивый, какого, по выраженію современника, могли только ожидать важнѣйшіе изъ посланниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались собранія академикомъ въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ. Одно изъ засѣданій удостоилось присутствія Императрицы, сидѣвшей на томъ самомъ тронѣ, съ котораго Петръ Великій торжественно принималъ иностранныхъ пословъ и который на этотъ случай былъ нарочно перенесенъ изъ Сената.

Естественно, что первоначальное развитіе Академіи было въ зависимости отъ состоянія тогдашняго русскаго общества. Ей пришлось посвящать значительную долю своей дѣятельности на удовлетвореніе практическихъ нуждъ; на изданіе газетъ и календарей, на обученіе юношества въ академической гимназій, на составленіе проектовъ и рисунковъ иллюминацій, на сочиненіе стиховъ для придворныхъ празднествъ. По послѣднимъ двумъ назначеніямъ Академія имѣла даже особаго специалиста, профессора аллегорій Штелина, бывшаго наставникомъ Великаго Князя Петра Федоровича. Тогда же, такъ какъ Академія Художествъ еще не было, при Академіи Наукъ явились разныя техническія производства и начатки изящныхъ искусствъ въ принадлежавшихъ ей обширныхъ мастерскихъ.

Несмотря на такой смѣшанный характеръ ея дѣятельности и на неизбѣжное преобладаніе въ тогдашнемъ составѣ ея иностраннаго элемента, Академія Наукъ съ самаго начала не теряла изъ виду своего призванія способствовать къ изученію Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, къ собранію положительныхъ о ней данныхъ по разнымъ отраслямъ знанія. Съ этою цѣлью, уже черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Академіи, снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь, совершенная особенно академикомъ Гмелиномъ, Миллеромъ, Фишеромъ, Стеллеромъ и студентомъ Крашенинниковымъ, вызваннымъ Академіею изъ Москвы. Эта экспедиція продолжалась десять лѣтъ и обогатила науку множествомъ важныхъ извѣстій и открытій, изданіе которыхъ составило эпоху въ лѣтописяхъ не только Академіи, но и вообще науки.

Наступившее вслѣдъ за тѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны ознаменовалось въ нашемъ учрежденіи разностороннею дѣятельностью гениальнаго Ломоносова, перваго русскаго академика и писателя. Вскорѣ мы видимъ между членами Академіи уже и другихъ русскихъ ученыхъ, наприм. Крашенинникова, Попова, Румовскаго. Кромѣ ученыхъ трудовъ, по особенному повелѣнію Государыни, печатались также изготовлявшіеся при Академіи русскіе переводы книгъ для легкаго чтенія. Въ 1754 году историографъ Миллеръ основалъ первый на русскомъ языкѣ учено-литературный журналъ «Ежемѣсячные сочиненія и переводы»; онъ издавался при Академіи тѣмъ же ученымъ десять

гѣтъ и составляетъ въ исторіи русской журналистики весьма замѣчательное явленіе.

Стремленіе принять труды Академіи къ пользѣ Россіи еще усилилось въ царствованіе Екатерины II. Какъ достойная преемница Петра Великаго, она не могла не питать особеннаго сочувствія къ высокимъ цѣлямъ его въ созданіи этого учрежденія. Еще бывъ великою княгиней, Екатерина II не разъ обращалась къ пособіямъ Академіи Наукъ. По вступленіи на престолъ она удостоила своимъ присутствіемъ первое послѣ того торжественное собраніе, приняла Академію въ свое непосредственное вѣдѣніе и, учредивъ для управленія его должность Директора, требовала отъ него ежемѣсячныхъ экономическихъ вѣдомостей. Съ этого времени Академія считается началомъ новаго періода своего существованія. Она никогда не забудетъ, какое близкое участіе Императрица удостоивала принимать въ ея дѣлахъ, слѣдя за трудами академикомъ, изъ коихъ нѣкоторые были ей лично извѣстны, и иногда возлагая на нихъ ученые работы: такъ напр. академикъ Миллеръ, по ея порученію, написалъ исторію русскаго дворянства; а Палласу вѣрено было ею окончаніе сравнительныхъ словарей, которыми прежде сама Государыня занималась. Не можетъ быть также забыто, что ей русская исторія обязана удержаніемъ при Академіи Шлецера, оказавшаго этой наукѣ столь незабвенныя услуги. Особенно же памятно, что Императрица, узнавъ о предстоящемъ прохожденіи планеты Венеры передъ солнцемъ, прежде нежели гдѣ-либо въ Европѣ приняты были мѣры для наблюденій надъ этимъ явленіемъ, сама возмыслила мысль снарядить по этому поводу нѣсколько экспедицій въ разные концы Россіи и написала о томъ директору Академіи Графу Владимиру Орлову. Предпринятая вслѣдствіе того обширная ученая путешествія нѣсколькихъ академикомъ и избранныхъ Государынею стороннихъ астрономомъ, а также и результаты этихъ путешествій въ трудахъ Палласа, Лепехина, Георги, Озерецковскаго и др., такъ извѣстны, что излишне было бы распространяться о нихъ. Въ то время число русскихъ членомъ Академіи уже значительно увеличилось: мы находимъ между ними столь знакомыя ученому міру имена Иноходцева, Котельникова, Протасова, Севергина и др. Назначенная директоромъ Академіи княгиня Дашкова вполне оправдала этотъ необыкновенный выборъ, умѣла своимъ личнымъ участіемъ въ трудахъ академикомъ оживить ихъ дѣятельность, старалась доставить этому учрежденію вліяніе на общество установленіемъ публичныхъ чтеній на рускомъ языкѣ и периодическими изданіями, которыми сама завѣдывала.

Первое пятидесятилѣтіе Академіи совершилось въ счастливый моментъ, когда Россія, послѣ многолѣтней войны съ Турціей и внутреннихъ бѣдствій, начинала оправляться среди благъ мира и спокойствія. Незадолго передъ тѣмъ въ Царскомъ семействѣ отпраздновано было бракосочетаніе Наслѣдника Престола великаго князя Павла Петровича съ великою княгиней Марією Теодоровной. Августѣйшіе новобрачные почтили своимъ присутствіемъ этотъ первый юбилей Академіи. Сама Императрица не могла исполнить своего, передъ тѣмъ ею выраженаго намѣренія также посѣтить по этому случаю Академію. Избранный ею для этого день, 29-е декабря, сдѣлался навсегда знаменательнымъ въ жизни Академіи, служа съ тѣхъ поръ днемъ ея годовыхъ торжественныхъ собраній.

По водвореніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императора Александра

Павловича, президентомъ Академіи Наукъ назначенъ былъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Государя, Новосильцовъ. Вскорѣ ей былъ дарованъ новый уставъ, значительно расширившій ея дѣятельность, которая получила еще большее оживленіе съ назначеніемъ въ 1818 г. графа Уварова въ Президенты.

По особенно счастливой для Академіи случайности, столѣтняя годовщина ея основанія совпала съ началомъ достославнаго царствованія Императора Николая Павловича. Никогда еще Академія Наукъ не имѣла счастья привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ такого многочисленнаго и блестящаго собранія августѣйшихъ особъ: ее удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Павловичъ, Государыни Императрицы Александра Теодоровна и Марія Теодоровна, Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ супругою Великою Княгинею Еленою Павловною. Особенно отрадными чувства возбуждало присутствіе вдовствующей Императрицы, которая за полстолѣтія передъ тѣмъ явившись на торжествѣ науки лучезарною звѣздой, во всемъ блескѣ юности и красоты, теперь, на склонѣ дней своихъ, снова посѣтила Академію въ сіяніи неуывающей славы совершенныхъ ею христіанскихъ подвиговъ. Чтобы увѣковѣчить память столь необыкновенно-радостнаго событія Академія испросила Всемилостивѣйшее дозволеніе выбить особую золотую медаль, которая и была поднесена Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ депутаціею академикомъ въ день рожденія Ея Величества, 14 октября 1827 года.

Столѣтній юбилей Академіи былъ для нея какъ бы свѣтлою зарею послѣдовавшихъ лѣтъ. Благодаря великодушному, постоянно милостивому покровительству Императора Николая, созданіе Петра Великаго скоро достигло цѣлѣтщаго состоянія и утвердило свое право на общее уваженіе въ Европѣ. Многія монументальныя предпріятія въ области науки совершились, къ славѣ Россіи, подъ скипетромъ Николая I, во вторую четверть нашего вѣка, и значительная часть ихъ совершилась при Академіи Наукъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ приращенію ея средствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, къ увеличенію ея научныхъ силъ. Съ дарованіемъ ей новаго Устава въ 30 хъ годахъ, въ ней явились новыя кафедры, музеи обогатились значительными пріобрѣтеніями, зданія обновились и расширились. Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ улучшеній съ одной стороны и успѣховъ общаго образованія съ другой, установилась болѣе тѣсная связь между Академіею и обществомъ.

Развитіе дѣятельности Академіи Наукъ продолжалось, на тѣхъ же основаніяхъ, а въ послѣдній періодъ полутора вѣкового ея существованія, начавшійся со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора и почти одновременнымъ назначеніемъ, по смерти Графа Уварова, новаго Президента Академіи въ лицѣ просвѣщеннаго сановника и писателя, Графа Блудова. И въ послѣдовавшіе, по кончинѣ его, годы Академія не переставала испытывать, во всѣхъ отправленияхъ своей жизни, благотворное дѣйствіе Монаршаго вниманія къ нуждамъ своимъ и къ пользамъ науки. Однимъ изъ отличительныхъ явленій въ жизни Академіи за это время былъ рядъ необычныхъ прежде въ стѣнахъ ея торжественныхъ собраній въ память великихъ русскихъ дѣятелей: Петра Великаго, Ломоносова, Карамзина и Крылова.

Послѣ этого краткаго очерка минувшихъ судьбъ Академіи, да будетъ мнѣ позволено обратиться къ настоящей радостной минутѣ. Не видимъ-ли въ ней утѣшительнаго доказательства, что Академія Наукъ и въ наши дни оставлена драгоценныиъ благоволеніемъ Августѣйшаго своего Покровителя? не служатъ-ли прекраснѣйшимъ для нея предзнаменованіемъ вожделѣнное присутствіе возлюбленнаго Монарха при вступленіи ея въ новое столѣтіе своего существованія? Этотъ торжественный мигъ переноситъ насъ за 60 лѣтъ назадъ, когда Академія Наукъ въ первый разъ удостоилась привѣтствовать Васъ, Государь, въ своей средѣ. — Между нами нѣтъ уже никого изъ нѣвшихъ тогда счастье присутствовать въ этихъ стѣнахъ; но Академія съ умиленіемъ хранитъ о томъ память; мынѣ же съ неизреченною благодарностью занесетъ въ свои лѣтописи, что чрезъ полѣтка Вашему Императорскому Величеству благоудно было, среди важнѣйшихъ государственныхъ заботъ вспомнить тотъ незабвенный для насъ день и снова принять милостивое участіе въ скромномъ академическомъ празднествѣ. Осиглось, въ заключеніе, прочесть строки, напечатанныя въ отчетѣ о тогдашнемъ торжественномъ собраніи: «Сердца всѣхъ исполнились живѣйшею надеждою при воззрѣніи на Царственнаго Отрока, нынѣ радость Отечества составляющаго, а нѣкогда его славу, в Онъ Своимъ присутствіемъ на торжествѣ пробудилъ въ душахъ радостное предчувствіе о Своемъ будущемъ покровительствѣ наукамъ для блага Отечества». — Исполнилось-ли это предчувствіе? Отвѣтъ на то вписать неизгладимыми чертами въ сердца всѣхъ насъ, какъ и въ исторію русскаго просвѣщенія.

II. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О ПОВОМЪ ИЗДАНИИ АКАДЕМИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ ¹⁾.

1. Объемъ содержания.

Прежній академическій словарь обнималъ, какъ выражено и въ заглавіи его, церковнославянскій и русскій языкъ, при чемъ въ составъ послѣдняго входилъ и языкъ древнерусскій, какимъ

¹⁾ Записка эта была разослана при слѣдующемъ циркулярномъ письмѣ предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи:

Сочувствіе, выраженное какъ гг. членами I-го и III-го Отдѣленій Академіи Наукъ, такъ и нѣкоторыми посторонними учеными къ предпринятому Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности новому изданію академическаго словаря, позволяетъ Отдѣленію рассчитывать на Ваше обязательное содѣйствіе успѣшному ходу этого предпріятія.

Препроводя при семъ корректурный оттискъ начала этого словаря, который предполагается издавать выпусками, и прилагая особую объяснительную записку, II-ое Отдѣленіе Академіи имѣетъ честь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать ему въ просмотрѣ словъ, относящихся къ Вашей специальности или вообще интересующихъ Васъ, и при этомъ:

- 1) Подвергать внимательной критикѣ каждое такое слово, и если оно будетъ сочтено излишнимъ, отмѣчать это.
- 2) Прибавлять слова, которые окажутся пропущенными, присоединяя къ нимъ точное, по возможности сжатое, опредѣленіе.
- 3) Повѣрять и исправлять помѣщенные при словахъ опредѣленія.
- 4) Дополнять указанныя при словахъ значенія, если въ нихъ окажутся пробѣлы.
- 5) При ботаническихъ, а отчасти и при зоологическихъ названіяхъ рѣшать, какіе изъ приложенныхъ къ нимъ, употребительныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи синонимовъ заслуживаютъ сохраненія или исключенія.
- 6) Вообще сообщать свои замѣчанія, хотя бы они и не относились къ той или другой специальной области знанія.

Прилагаемый корректурный оттискъ желательно было бы получить обратно съ Вашими замѣчаніями не позже какъ черезъ недѣлю со дня его присылки.

Выстъ съ симъ Отдѣленіе испрашиваетъ Вашего позволенія доставлять Вамъ съ тою же цѣлію и на такой же срокъ дальнѣйшіе корректурные листы словаря по мѣрѣ ихъ изготовленія.

онъ является въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Такое соединеніе, съ одной стороны, двухъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, а съ другой, совершенно различныхъ періодовъ жизни русскаго языка, представляющихъ каждый свои особенные законы и формы, не можетъ считаться правильнымъ и было бы несвоевременнымъ нынѣ, когда уже имѣются отдѣльные церковнославянскіе словари (Востокова и Миклошича) и когда Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности предпринятое изданіе особаго, составленнаго покойнымъ Срезневскимъ, словаря древнерусскаго языка.

Настоящее изданіе имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковнославянскаго же и древнерусскаго сохраняетъ оно только слова, либо слившіяся съ русскою рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляющія особенный интересъ по связи съ языкомъ современнымъ.

Такъ какъ невозможно установить вполне точныхъ границъ между разными сферами и отдѣлками языка, то въ словарь будутъ занесены кромѣ того и нѣкоторыя областныя слова, именно: частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью наконецъ слова особенно любопытныя и поучительныя. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія.

Изъ *техническихъ* названій по наукамъ и искусствамъ войдутъ въ словарь, по примѣру прежняго изданія, а также по образцу многихъ иностранныхъ словарей, термны болѣе или менѣе употребительныя, которые могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ неслишкомъ спеціальныхъ научныхъ сочиненіяхъ.

При *ботаническихъ* названіяхъ приводится опредѣляющій ихъ латинскій терминъ и кромѣ того (курсивомъ) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе извѣстно въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Собственныя имена, какъ личныя, такъ и географическія, т. е. имена странъ, городовъ, рѣкъ, озеръ и т. д., въ словарь не вносятся, но имена *этнографическія*, по крайней мѣрѣ крупныхъ этнографическихъ единицъ (какъ напр. русскій, нѣмецъ, австріецъ, англичанинъ, турокъ) помѣщаются, такъ какъ эти имена, имѣющія и множественное число, считаются нарицательными, почему и пишутся они безъ большой буквы. Прилагательныя отъ именъ странъ (напр. азіатскій, австрійскій, турецкій) также не считаются собственными и найдутъ мѣсто въ словарѣ. Они важны и любопытны въ отношеніи къ законамъ словообразованія.

2. Порядокъ занесенія словъ и относительная полнота словаря.

Каждое слово, отдѣльно существующее, составленное по способу словообразованія и употребительное въ языкѣ, хотя бы и заимствованное, заносится особо, въ своей прямой или заглавной формѣ, въ строго алфавитномъ порядкѣ. Слова, встрѣчающіяся у писателей въ двоякомъ видѣ, ставятся каждое отдѣльно на своемъ мѣстѣ, но при неодобряемой формѣ дѣлается ссылка на предпочитаемую. Когда слово во флексіи получаетъ форму, по которой трудно узнать основную, то оно помѣщается и въ первой. Такъ напр. *возьму* приводится отдѣльно отъ *взять* со ссылкой на это неопредѣленное наклоненіе.

Въ предположенныхъ предѣлахъ содержанія словарь стремится къ возможной *полнотѣ номенклатуры*, т. е. *списка словъ*, давая между прочимъ всѣ неологизмы, которыми обогатилась русская рѣчь въ послѣднія десятилѣтія, частію по естественному ходу развитія языка, частію вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отрасляхъ общественнаго и государственнаго быта.

3. Опредѣленіе значеній словъ.

Для большей наглядности каждое значеніе слова пишется въ особую строку.

Если историческое развитіе значеній ясно, то на первомъ мѣстѣ ставится древнѣйшее значеніе, а затѣмъ постепенныя видоизмѣненія его. Такъ напр. при словѣ *городъ* ставится прежде всего значеніе *ограды*, потомъ: укрѣпленное мѣсто, крѣпостца, и напослѣдокъ уже поселеніе, признанное городомъ, какъ административная единица, и получившее свое особенное управленіе. Переносное значеніе слова отмѣчается, какъ и въ прежнемъ изданіи, звѣздочкою, напр. **горькій* въ его духовномъ смыслѣ, въ отличіе отъ вещественнаго.

4. Оправдательные примѣры.

Примѣры состоятъ: 1) либо только въ пояснительномъ сочетаніи словъ и въ оборотахъ, когда напр. при словѣ *горшокъ* приводятся выраженія: *Кухонный горшокъ. Цепочный горшокъ. Фарфоровый горшокъ*, или когда напр. при словѣ *водитъ* помѣщаются примѣры: *водитъ знакомство, водитъ съ кѣмъ-либо хлѣбъ-соль*; 2) либо въ цѣлыхъ фразахъ. Эти фразы заимствуются: а) изъ *общеупотребительной рѣчи*, и въ этомъ случаѣ находящіяся въ прежнемъ изданіи примѣры, если они удачны, переносятся и въ новое, б) изъ богатаго источника *народныхъ поговорокъ и пословицъ*, в) изъ *писателей*, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ. Стихи печатаются особымъ мелкимъ шрифтомъ для отличія отъ примѣровъ прозаическихъ, которые приводятся курсивомъ. При выпискахъ изъ писателей означается сокращенно или только имя автора, или и заглавіе произведенія, откуда взять примѣръ, или только заглавіе, если сочиненіе очень извѣстно, напр. *Евг. Он., Горько у.* Въ этомъ отношеніи невозможно было соблюсти полнаго единообразія, потому что выписки дѣлались въ разное время, разными лицами и по различному плану, а жертвовать хорошимъ примѣромъ только ради того, что въ точности не означенъ его источникъ, было бы существенною потерей для словаря. Приводить при нѣкоторыхъ примѣрахъ и страницы книгъ, откуда они заимствованы, казалось излишнимъ, такъ какъ этого нельзя было сдѣлать при *оскъз* выпискахъ, и притомъ такія указанія

легко сопровождаются ошибками, затруднительны по множеству разныхъ изданій писателя, и наконецъ ими рѣдко кто пользуется. Если рядомъ помѣщены два примѣра изъ одного и того же источника, то подъ вторымъ ставится: тж. (т. е. тамъ же).

5. Объясненіе чужезычныхъ словъ.

При каждомъ *замствованномъ* словѣ объясняется его *происхожденіе*. Рѣчь идетъ конечно не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ замствованіяхъ, а только о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Когда слово взято изъ другого языка въ томъ же или почти томъ же значеніи, какое оно въ немъ имѣетъ, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ формы, то означается только языкъ, которому слово первоначально принадлежитъ или откуда оно явно или по всей вѣроятности замствовано. При малозвѣстности же или неясности источника даются болѣе подробныя объясненія. Иногда къ слову присоединяются *особыя примѣчанія*, касающіяся не одной этимологій, но и разныхъ другихъ вопросовъ, напр. неправильно образовавшейся формы, ошибочнаго употребленія, синонимовъ и т. п.

6. Грамматическія опредѣленія.

А. Имена существительныя. При каждомъ имени приводится его окончаніе въ *родительномъ падежѣ* съ означеніемъ рода: *м.*, *ж.*, *ср.* или *общ.* Этихъ примѣтъ достаточно, чтобы показать, что данное слово есть имя существительное.

На каждомъ словѣ, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало, ставится его *удареніе*; оно отмѣчается и на *родительномъ падежѣ*, если на него падаетъ акцентъ. Сверхъ того приводится и *множественное число*, если оно представляетъ какую нибудь особенность по формѣ своей или по ударенію. Когда слово произносится съ двоякимъ удареніемъ, то знакъ ставится надъ обоими ударяемыми слогами.

Имена *собираетельныя*, *уменьшительныя*, *увеличительныя*, *ласкательныя* или *унижительныя*, сопровождаются начальными буквами этихъ названій.

Относительно опредѣленія именъ существительныхъ соблюдается правило, что при тѣхъ изъ нихъ, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ и означаютъ названіе качества, свойства, состоянія (напр. *вѣлость*, *дикость*, *полезность*, *честность*, *праздность*, *косность*), ставятся только слова: «качество» или «свойство» или «состояніе» отъ прилагательныхъ: *вѣлый*, *дикий*, *полезный*, *честный*, *праздный*, *косный*. Особыя опредѣленія существительныхъ такого образованія дѣлаются только тогда, когда между значеніями существительнаго и прилагательнаго обнаруживается разность или когда существительное означаетъ не одно только качество, заключающееся въ прилагательномъ, напр. *разность*, *древность*, *потребность*.

Такимъ же образомъ при отглагольныхъ существительныхъ въ родѣ: *доставленіе*, *доставка*, *горніе*, *сверленіе* ставятся только слова: «дѣйствіе», «состояніе» отъ гл. *доставить*, *горить*, *сверлить*.

Этимъ способомъ избѣгается много лишнихъ опредѣленій, напрасно поглощающихъ мѣсто въ прежнемъ изданіи словаря. Конечно, отъ этой краткости мы отступаемъ всякій разъ, когда это нужно для большей полноты или точности опредѣленія.

Б. Имена прилагательныя. Принадлежность слова къ этой части рѣчи достаточно указывается приведеніемъ окончаній его по тремъ родамъ: *м.*, *ж.* и *ср.* Когда прилагательное прямо произведено отъ существительнаго и значеніе его по одному этому производству вполне ясно, то для краткости при такомъ прилагательномъ отмѣчается только: отъ такого-то существительнаго напр. *осенній*, *лѣтній*, *весенній*, отъ *с.* *осень*. Но и здѣсь отступленіе отъ этого правила дѣлается всякій разъ, когда прилагательное или по различію своихъ суффиксовъ, или по разнообразію своихъ значеній требуетъ особенныхъ опредѣленій, наприм. *земляной*, *земной*, *земскій*, *землистый*, *землянистый*.

Изъ именъ прилагательныхъ не заносится въ словарь только лично-притяжательныя на *оузъ, ова, ово* (*еузъ, еова, еово*), наприм. *жениховъ, сочинителевъ*, и на *имъ, има, ино* (*ымъ, има, ино*), напр. *неистинъ, кормилицынъ*, потому что, во 1-хъ, всѣ безъ исключенія прилагательныя этого разряда образуются совершенно одинаково, и во 2-хъ, они почти совершенно вышли уже изъ употребленія, особенно окончивающіяся на *оузъ, еузъ*, кромѣ весьма немногихъ (напр. сердце *царевъ, юсударевъ* дворъ). Менѣе устарѣли такія прилагательныя на *имъ, ымъ*, образуемая отъ именъ съ женск. окончаніемъ (*матушкинъ сынокъ, жужушкино гнѣздо*), но и ихъ нѣтъ надобности означать при каждомъ существительномъ имени, отъ котораго они могутъ быть образованы. Приводятся они только въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ подъ существительнымъ именемъ, отъ котораго образованы.

В. Глаголы ставятся особо въ каждомъ изъ такъ называемыхъ *видовъ*, при чемъ за основной или первообразный видъ принимается *видъ несовершенный*, или *длительный*, при которомъ означаются также *виды совершенный* и *однократный*, и примѣры приводятся къ каждому изъ нихъ подъ глаголами вида несовершеннаго. Къ неопредѣленному наклоненію присоединяются: *1-е лицо един. числа*, какъ не всегда легко образуемое, и *3-е лицо.*, какъ самое характеристическое для образованія прочихъ. *Глаголы вида совершеннаго*, для наглядности, означаются всегда особымъ шрифтомъ (курсивомъ съ разрядкою). Особенное вниманіе обращается на означеніе какъ ударенія разныхъ глагольных формъ, такъ и управленія глаголовъ въ ихъ разнообразныхъ залогахъ и значеніяхъ. Глаголы, кончающіеся на *ся*, ставятся отдѣльно отъ своей первоначальной формы, не имѣющей этого окончанія.

Г. Нарѣчія. Не считаемъ нужнымъ ставить отдѣльно такія нарѣчія, которыя тождественны съ прилагательными краткой формы въ среднемъ родѣ, напр. *пріятно, прилежно, шумо, отнимательно*. Подобныя нарѣчія приводятся подъ прилагательнымъ именемъ только тогда, когда они отличаются отъ него либо значеніемъ,

либо удареніемъ, наир. нарѣчіе *болно*, несходное съ прилагательнымъ *болно* въ обонхъ отношеніяхъ.

При предлогахъ, какъ само собою разумѣется, мы въ точности означаемъ ихъ разнообразное управленіе.

Остальныя подробности обозначеній при словахъ не требуютъ особенныхъ поясненій.

III. Еще нѣсколько прибавленій къ библиографіи русскихъ церковныхъ изданій. Э. I. Калужняцкаго.

Въ своей статьѣ, озаглавленной: «Къ библиографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи» и напечатанной по распоряженію Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ 1886-го г., я позволилъ себѣ обратить вниманіе читателей на книгу, называемую: **Богословія Иракооучительнаа**, и отличающуюся между прочимъ тѣмъ, что, несмотря на большую ея распространенность, въ извѣстныхъ библиографическихъ пособіяхъ имѣлись о ней весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Съ тѣхъ поръ я успѣлъ познакомиться съ нѣсколькими другими, библиографамъ вовсе неизвѣстными произведеніями русской церковной печати и надѣюсь, что предлагаемое здѣсь описаніе оныхъ не будетъ сочтено излишнимъ. Вотъ эти произведенія:

1. Служебникъ Виленской печати 1691-го года.

Отъ этого служебника, печатаннаго въ листъ обыкновенной величины, извѣстенъ мнѣ одинъ только отрывокъ, состоящій изъ 56 печатныхъ и 30 рукописныхъ листовъ. Но, судя по сохранившемуся къ счастью оглавленію книги, передающему содержаніе оной въ ея первоначальномъ видѣ, мы можемъ принять за фактъ, что служебникъ Виленской печати, о которомъ идетъ рѣчь, содержалъ въ полномъ своемъ составѣ, кромѣ выходнаго и, быть можетъ, нѣсколькихъ вступительныхъ листовъ (посвященіе, предисловіе и пр.) 42+55+1*, въ совокупности 98 листовъ. На первыхъ 42 листахъ помѣщались: проскомидія, литур-

гія св. Іоанна Златоустаго, статья о причащеніи людей мірскихъ и службы праздникамъ господскимъ, богородичнымъ и нѣкоторымъ нарочитымъ святымъ; на слѣдующихъ за сямъ 55 листахъ, имѣющихъ впрочемъ свой особый, отдѣльный отъ предыдущаго счетъ, службы общія святымъ и службы на различные случаи; на листѣ 1*, не имѣющемъ въ подлинникѣ никакой помѣты, выше упомянутое оглавленіе книги. Что же касается заглавія книги, то оно выражено въ подлинникѣ дословно такъ: **ЛИТЪРГІЯ** 1) **иже въ сѣмъ бѣдѣ нѣго Іоанна Златоу: Архієпіпа Константіна града. При нѣже СЛУЖБЫ ПРАЗДНИКОМЪ ГДНИМЪ И БГОРОДИЧНЫМЪ И МІКІМЪ НАРОУИТЫМЪ СѣМЪ ПОЛАГАЮТСА И ПР. Издася е' бѣителн жиконауады Трѣици. Тщаніемъ Інокѣмъ уише сѣго Васіліа Великаго е' Вѣдани е' лѣто ѿ копл. ѣна ежѣа а х у а.**

Описанный экземпляръ находится въ церкви мѣстечка Стараго Самбора въ Галиціи.

2. Житіе св. Онуфрія, Супрасль 1696-го года.

Это житіе напечатано въ 4-ку средней величины и содержитъ I+29 листовъ. Листъ I не нумерованъ, прочіе помѣчены кирилловскими числами. Расположеніе книги таково:

Л. I: Заглавіе, обведенное совсѣмъ обыкновенною рамкою и опредѣляющее содержаніе книги слѣдующими словами: **ЖИТІЕ ПРАГО Бѣа нѣго Великаго ОУФРІИ ЦАРЬВИЧА ПЕРСКАГО** Пустинножитела, Списанное перязе ѣ: Пафѣтїемъ Інокѣмъ, нѣ же ѿ многѣхъ изкодѣ Грѣескаго, Римскаго. и Италїскаго, собранное: Смирѣнымъ Оцѣмъ Іосѣфомъ Петкѣнцемъ. Уише ѣ: **ВЛГНІИ** Великаго Советникѣмъ и Ігѣменѣмъ Жировѣцкимъ. во сѣой **ЛАВРЪ СЪПРАСЛѢ** Тѣпомъ издадѣса. Рѣкѣ Бѣе, а х у ѣ.

Л. I: Изображеніе св. Онуфрія въ свойственномъ ему типич-

1) Слова и мѣста, печатаемые въ предлагаемомъ здѣсь описаніи большими буквами, печатаны такими же буквами и въ подлинникѣ.

ческомъ видѣ. Вверху изображенія надписаніе: **сѣмъ оцѣмъ Онѣфрѣй**, а внизу четверостишіе, читаемое дословно такъ:

**Лице Онѣфрѣй ѿггль житіемъ и млада,
серафѣи любовію, нѣсть емѣ бграда
зѣмлаа Дб; тѣ и зрѣ в гонію доворотѣ
тоа радн Цѣскаго скѣтра прѣи тцетѣ.**

Л. 1—29*: Самое житіе, начинающееся словами: **ЖИТІЕ ЦѢРБВИЧА ПѢРКАГО** Славаго Пустинножитела: **ѣ: ВѢЛІКАГО ОНѢФРІИ**; ѣже Достойный пѣматн сѣмъ, Пустинноскѣиныхъ изискатель; Прѣемный Оцѣ Пафѣвтѣи сказа, сѣце: **Азъ Пафѣвтѣи, сынъ Момахъ** ко ѣднѣмъ ѡ монастырѣи и пр.

Въ библиографическомъ отношеніи мы отмѣтимъ впрочемъ еще и то обстоятельство, что на оборотѣ 2-го листа, на крайнемъ его полѣ, справа, прибавлено толкованіе: **аналѣ: сѣ ѣстъ сѣмъ.**

Описанный экземпляръ находится въ библиотекѣ русскаго капитула въ Перемышлѣ.

3. Ирмологіонъ, Львовъ 1709-го года.

Печатанъ въ листъ обыкновенной величины и содержитъ XXIII+209+13* листовъ. Первые XXIII и послѣдніе 13* листовъ не нумерованы, прочіе помѣчены кривизловскими числами съ ѡ по сѣ. Распределеніе листовъ таково:

Л. 1*: Заглавіе, обведенное заимствованными изъ священной исторіи изображеніями и опредѣляющее содержаніе книги дословно такъ: **ИРМОЛОГИѦ** сѣрзѣ **ПѢСНОГЛОБЪ**. Твореніе Прѣс: **Ѧѣа** нѣшего **ІѦѦННА ДАМІѦСКІННА**. и прѣ: **Бѣдѣхмопѣмъ Ѧѣѣ** Изданъ. Тцѣмѣи Братка. **СТѢВРОПѢГІѦНЪ**. Храма **Ѧспеніа Пѣтѣа Бѣдомѣтере**. Рѣ: **аѣѣ. Маѣа ѣѣ.**

Л. 1*: Изображеніе успенія пресв. Богородицы и ея возвѣщенія въ небѣ съ различными надписями, въ числѣ которыхъ и слѣдующіе стихи:

**На Ѧмѣрѣйскихъ Иѣахъ заколамо,
Бѣ Ѧланавіа съ гласно опѣвано,**

Мнъ тебѣ МѢи сіе исполмаемъ
 Тебѣ во радн къ сѣмъ са . . .¹⁾
 Прійми донеси до Тронъ . . .
 Сѣа ѿ БѢа ѿ Творца . . .

Л. II^а—XXIII^а: Всенощное, литургія, служба преждеосвященная и пр. по Кіевскому напѣву.

Л. XXIII^б: Изображеніе св. Іоанна Дамаскина съ книгою въ рукахъ, напѣющею надписаніе: **Всѣумма наша моантемъ и пр.** Внизу изображенія, писанныя вязанною скорописью слова: **БѢ ЛЬВОВЕ РОКЪ ЛѢ МѢ МАРТА И.** Изъ этихъ словъ мы въ правѣ заключать: во 1-ыхъ, что изображеніе св. Іоанна Дамаскина, о которомъ идетъ рѣчь, исполнено 8-го марта 1645-го года; во 2-хъ, что, равно какъ изображеніе, и первое Львовское изданіе Ирмологіона въ томъ видѣ, какъ подлежащее, исполнено было въ томъ же 1645-мъ или много что въ ближайшемъ 1646-мъ году. А если мы объ Ирмологіонѣ Львовской печати 1645-го или 1646-года въ извѣстныхъ библиографическихъ пособіяхъ не находимъ свѣдѣній, то это не доказываетъ рѣшительно ничего. Это значитъ лишь, что къ числу книгъ церковной печати вышедшихъ, но теперь утраченныхъ или пока неприведенныхъ въ извѣстность, слѣдуетъ прибавить еще одинъ номеръ.

Л. 1^а—160^а: Собственный Ирмологіонъ или такъ называемый **нѣснословъ**.

Л. 160^б—167^а: **ПОДОБНЫ** на восемь гласовъ.

Л. 167^б—209^а: **СТІХИРЫ. ПРАЗДНИКОМЪ ГДѢВИМЪ**, и **БѢгорѣднумъ, ѿ Нарочитумъ СѢмъ**.

Л. 209^б—11^а: **РѢВТРЪ, ІРМОГОВЪ** на кодѣ Дѣ.

Л. 12^а—13^а: **СѢго Амкрѣсіа Сѣкпа Меднѣалскаго Твореніе**.

Заставки и заглавныя буквы, тоже надписанія главнѣйшихъ частей Ирмологіона исполнены во вкусѣ XVII вѣка. На нѣкоторыхъ заставкахъ (ср. для примѣра л. 167^б и др.) и изображе-

1) Конечныя слова трехъ послѣднихъ стиховъ въ описываемомъ экземплярѣ вырваны.

ніяхъ праздниковъ (ср. для примѣра листъ 189*) помѣщены внизу буквы N и Z, означающія безъ сомнѣнія имя и фамилію гравѣра. Въ концѣ реестра на оборотѣ листа 11*-го прибавлено: **Конѣцъ съ Бѣгомъ Ірмологію, и на томъ же листѣ подъ виньеткою, изображающею ангела со щитомъ, справа, приписано: Василій Стѣ: Майстѣ, что читать надо: Василій Стакропигійскій майстеръ.**

Описываемый экземпляръ находится въ церкви села Туринска въ Галиціи.

4. Возслѣдованія праздникомъ св. тайны евхаристіи, состраданія богородицы и пр., Почаевъ 1741-го года.

Книга печатана въ листъ обыкновенной величины и содержитъ I—25 помѣченныхъ кырилловскими числами листовъ. Эти листы расположены слѣдующимъ образомъ:

Л. I: Заглавіе книги, подлинныя слова котораго таковы: **ВОСЛѢДОВАНІА ПРАЗДНИКОМЪ ПРЪТОЙ ТАЙНЫ БУХАРІЕТІЙ. СОСТРАДАНІА ПРЪТІА БЦЫ. И БЛАЖЕННАГО СЦІБЕННОМЪЧЕННИКА ІУСѢФАТА Ѡ СВАТЪГО СОБОРА, ЗАМОЙСКАГО ПРЪПОДАНІИМЪ. ТѢПО ІЗДАШАСА Е' Монастирѣ Почаевскомъ. Уиуи стѣго Василіа Великаго. РѢКЪ ГДНА. д ѡ мѣ.**

Л. 1^б—12^б: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА ПРЪСВАТОЙ ТАЙНЫ БУХАРІЕТІЙ, Совершаемое е' Уетверъ по Недѣли Всѣхъ Стѣхъ. Начало: Великое таинство твоѣго коульзученіа и пр.**

Л. 13—18^б: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА СОСТРАДАНІА ПРЪСВАТЫА БОГОРОДИЦЫ. Совершаемое е' Пѣтокъ второй Седмици по Мѣи всѣ Стѣ. Начало: Всѣмъ Прѣстѣленицѣмъ улѣкѣомъ и пр.**

Л. 18^б—25^б: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА БЛАЖЕННАГО СВАЩЕБЕННОМЪЧЕННИКА ІУСѢФАТА, совершаемое е' зѣ дѣи мѣа септѣмкрѣа. Начало: Мѣуемъгескимъ крѣким, сѣвенною рызу бѣагрѣкъ и пр.**

Кстати должно еще прибавить, что въ заглавной рамкѣ, въ

правомъ ея углу, помѣщено имя: Гома, въ заставкѣ на л. 1^а изображеніе распятія Христова, въ заставкѣ на л. 18^а монограмма имени **ИГОУСЪ ХРИСТОСЪ**, въ заставкѣ на листѣ 21^а монограмма имени **МАРІА**. Что же касается до виньетъ, то виньета въ концѣ Вослѣдованія празднику пресв. тайны евхаристіи изображаетъ ангела съ вѣтвію оливною въ каждой рукѣ, а виньета въ концѣ Вослѣдованія празднику бл. Иосафата столпъ сіяющій въ облакѣ. Прочія виньеты не представляютъ ничего особеннаго.

Описанный экземпляръ находится тоже въ церкви села Туринска въ Галиціи и былъ, равно какъ и предыдущее изданіе, сообщенъ мнѣ тамошнимъ приходскимъ священникомъ, моимъ шуриномъ, Г. А. Полянскимъ.

5. Полууставъ, Унезь 1741-го года.

Печатанъ въ 16-ую долю листа и содержитъ VI не нумерованныхъ и 892 помѣченныя кирилловскими числами страницы. Эти страницы расчлѣнены слѣдующимъ образомъ:

Стр. I: Заглавіе, украшенное изображеніемъ коронаціи Матери Божіей и выраженное дословно такъ: **ПОЛЪСѢТЪВЪ** ꙗ неіаже Уніаъ Уасоаъ Црѣковныхъ, ꙗ проуіихъ спснтелныхъ моленій съ Уасн Црѣкми. Тропарн ꙗ Кондакн на бесь годъ. Пѣркое Тіпомъ издааъ ꙗ Монастырн Оуінезскомъ Інокоаъ Уніаъ Сѣаго **ВЛГН-ЛІИ** Велн: Року, дѣла. Внизу заглавнаго изображеніе выгравировано: M. Fuglewicz sculpsit.

Стр. III: Утвердительная грамота Аванасія Шептицкаго, подлинныя слова которой таковы: **ПОЛЪСѢТЪВЪ**, ꙗ неіаже Уніаъ Уасоаъ Црѣковныхъ ꙗ проуіи Спснтелныхъ мленій **Всрѣтаетъ** са; ꙗко мнѣтоже Кѣръ сѣон Кафолнческой и оуставомъ Церкнннмъ протнкоаъ ꙗ севѣ имѣцъ, но всакому Іереекн Блгопотрѣекн, Тіпомъ издааи пожелаетъ: **Извѣстнѣйшаго** же рѣдн оуаерѣнн, сіе пожеланне наше Рукю власною при зыакоаъ Печѣатн подннсеаъ. Дѣаъ ꙗ Оуінезъ Архнмѣдрнн ншоаъ, Днл нн. Мѣа Мѣрта, дѣла. Року. **ВЛГНЛІИ** АРХІЕПІСКОПЪ МѢТРОПОЛІТА В. Р.

Стр. IV—VI: **ОГЛЯВЛЕНІЕ МОЛЕНІЙ.** съ Кміжци сѣй ѡбрътаюцихъ са.

Стр. 2: Изображеніе Иисуса Христа, укрѣпляемаго ангелами въ навечеріи своихъ страданій. Внизу изображенія, на середнѣхъ, годъ 1738-ый, въ правомъ углу имя рѣзчика: **Юсифъ.** На незанятомъ изображеніемъ нижнемъ полѣ страницы молитва, начинающаяся со словъ: **Гдн Ісѣ мліти рѣди ёюже твоѣ до концѣ ко'лющѣ бси и пр.**

Стр. 3—45: **ПОСЛѢДОВАНІЕ ПОЛѢНОЦІНЬЩИ ПОВѢДАНІЕВНЫА.**

Стр. 46—62: **ПОЛѢЦІНІЦА СЪББОТНІА.**

Стр. 67—84: **ПОЛѢНОЦІНІЦА НѢДѢЛНІА.**

Стр. 85—108: **НАЧѢЛО ѢТРНІЙ.**

Стр. 109—133: **МОЛІТВЫ ѢТРНІЙ** вмѣстѣ съ екте-
ніями: **Исполнѣмъ оѣтрнаа млітвы нѣша Гдеси и: Поміли нѣсъ**
Кже.

Стр. 133^b: Изображеніе Иисуса передъ Пилатомъ, внизу мо-
литва: **Гдн Ісѣ ѣже пѣрваго часа дне Пилату предстои и пр.**

Стр. 134—142: **ЧАСЪ ПѢРВЫЙ.**

Стр. 142^b: Изображеніе Иисуса, битаго верѣвками и розгами.
Внизу, нагѣво, годъ 1738-ый, направо имя: **Юсиф.** На ниж-
немъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся со
словъ: **Гдн Ісѣ, ѣже трѣтіаго часа дне керѣми ѣ ро'гами вѣемъ и пр.**

Стр. 143—149: **ЧАСЪ ТРѢТІЙ.**

Стр. 149^b: Изображеніе Иисуса распинаемаго. Внизу, слѣва,
годъ 1730-ый, справа имя рѣзчика (недописанное): **Юси.** На
нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся
словами: **Гдн Ісѣ ѣже шѣстаго часа дне проводѣнима длѣма ѣ**
погѣма на вѣртамъ дрѣкъ вѣса и пр.

Стр. 150—159: **ЧАСЪ ШѢСТЫЙ.**

Стр. 159^b: Изображеніе Иисуса распятого съ тѣми же помѣ-
тами внизу, что и въ предыдущихъ пзображеніяхъ и съ молит-
вою, начинающеюся словами: **Гдн Ісѣ ѣже девѣтаго часа дне**
совершишишиса и пр.

Стр. 160—168: **ЧАСЪ ДВАТЫЙ.**

Стр. 168^b: Изображеніе чаши, окруженной орудіями страсти Христовой. Внизу таблица, на которой вырѣзаны слова: **И́ди мой нлб ѿ пѣа мой Крб** и пр. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся словами: **Гди Ісе премога ради твоѣа багги** и пр.

Стр. 169—177: **ЧИНЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Стр. 177^b: Изображеніе снятія Христова съ креста. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начало которой: **Гди Ісе ѿже Ветѣрмага уаса съ Крѣта смѣ** и пр.

Стр. 178—206: **ЧИНЪ ВѢЧЕРНІЙ.**

Стр. 206^b: Изображеніе положенія Христова въ гробѣ. Внизу молитва: **Гди Ісе ѿже уаса совершеніа къ гробѣ оупокоеній** и пр.

Стр. 207—229: **ПЯВѢЧЕРНИЦА ВЪЛИКАЯ. ПѢВЕНІА КЪ ВЕЛИКОМУ ПОСТУ.**

Стр. 229^b: Изображеніе Матери Божіей съ Младенцемъ. Внизу, слѣва, годъ 1738-ый, справа имя рѣзчика: **Юсиф**. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы двуступице:

Анна Ми Мати, и та Ми Маниа.

Анна Пота Ма; ѿ Мати Паниа.

Стр. 230—231: **ЧЕСТНЫЙ ПЯРЯКАИСЪ ПРѢСВАТЪЙ БОГОРОДИЦЪЙ.** ПѢВЕНІА за всѣако прошеніе.

Стр. 231—245: **КАНОНЪ МОЛѢБНЫЙ Престѣй БГОРОДАНИ.**

Стр. 245—256: **БКТѢНІЙ БЛАГОПОТРѢБЕНІЙ.** Нужднѣйшимъ прислашнѣоуа кЪ Молѣбнъ слугѣемъ.

Стр. 257—260: **ПЯВѢЧЕРНИЦА МАЛАЯ.**

Стр. 260^b: Изображеніе воскресенія Христова съ молитвою внизу: **Гди Ісе воскресій ѿз' мѣртвыхъ** и пр.

Стр. 261—285: **СЛАЖЕЯ ВОСКРЕСЕНІА ПЪВѢБМА Б' ВѢДБЛЮ.**

Стр. 286—302: **СЛАЖЕЯ ПОВЕБДНѢВНІА.** Или Прѣвѣло Покланіиое, къ Гдѣу ѿшему Ісѣу Хрѣту.

Стр. 303—340: **АКЛѠІСТЬ. СЛѢДЧѢЙШЕМЪ** гдѣ
нашемъ **Ісѣ Хрѣтѣ**:

Стр. 341—351: **ТРОПѢРІЙ ВОСКРѢНІЙ. БѢГОРОДНУТЫ,**
Кондакѣ, Упакѣи. На Ѣсмѣ Гласокѣ.

Стр. 352—356: **ТРОПѢРІЙ ДНѢВНІЙ. БѢГОРОДНУТЫ** и
Кондакѣ.

Стр. 357—360: **БОГОРОДІЧНЫ** и **Кресто-Богороднумы.**
На Ѣсмѣ Гласокѣ.

Стр. 361—373: **ПОСЛѢДОВАНІѢ СВАТЫА ЧѢТИ-**
РІДѢСАТНІЦІЙ.

Стр. 373^b: Изображеніе Благовѣщенія пресв. Богородицы.
Внизу, справа, годъ 1737-ый, а на нижнемъ полѣ подлежащей
страницы четверостишіе:

Гаврїилъ тайнѣ вѣлю вѣщаетъ.

Дхъ стѣи совѣтъ совершаетъ.

Тосѣю Дѣо Бгъ намъ прїимрїса.

Ѣгда Ѣ кровей твоихъ воплотїса.

Стр. 374—413: **АКЛѠІСТЬ ПРѢСВАТЫЙ БОГОРО-**
ДИЦІЙ.

Стр. 414—420: Конецъ послѣдованія святой четыредесят-
ницы.

Стр. 421—477: **ПОСЛѢДОВАНІѢ ЧѢСОВЪ ЦАР-**
СКІХЪ.

Стр. 478—495: Служба на святую недѣлю пасхи подъ за-
главіемъ: **СВАТІА ВЛАЙКЛА НѢДѢЛА ПАСХІЙ.**

Стр. 495—504: Чинъ святой пятидесятницы безъ особаго
заглавія.

Стр. 504^b: Изображеніе небесъ въ видѣ зодїака, вверху ко-
торога солнечный кругъ и ликъ Бога Создателя.

Стр. 505—875: **СОВОРНІКЪ ДѢЛНДѢСАТІ МѢ-**
САЦІЙ.

Стр. 876—887: **МОЛІТБЫ** къ Крѣтцѣ. къ Столѣи **Пасты-**
рѣлѣо Іерѣсим.

Стр. 882—885: **МОЛИТВЫ** по сѣомъ Притуарію.

Стр. 886—887: **ПѢСНЬ** Благодарствѣнна. Иже въ сѣихъ
Оца нашего Имперіа, сына Медіовальскаго.

Стр. 888—889: **КРАТКОЕ ОБЪЯЩЕНІЕ** ВОДИ.

Стр. 890: **МОЛИТВА** на ѡскареніе вселен кѣри.

Стр. 891: **КРАТКОЕ СОВРАЩЕНІЕ**. О Гдней Пасцы, Грѣ-
 yesной и Ринской, когда вѣдетъ Равно с' нами, когдаже не равно.

Стр. 892: Послѣсловіе, подлинныя слова котораго таковы:
 Давшемъ намъ научати и совершити Подвѣстаетъ сѣи. Бѣу въ Трѣбѣи
 святѣй единомъ, Оцъ и Снъ и сѣомъ Дѣхъ: да вѣдетъ сама, усть
 и поклоненіе нѣи и прѣи и въ кѣи кѣкоу: Аминъ.

Описанный экземпляръ находится въ частномъ обладаніи быв-
 шаго священника села Флоринки, о. Рыдая, въ Галиціи.

6. Окружное посланіе епископа Львовскаго, Аванасія Шептиц- каго, изданное въ половинѣ 1744-го года.

Это посланіе напечатано въ 8-ю долю листа меньшей величины
 и содержитъ 34 помѣченные кирилловскими числами листа. Оно
 начинается прямо словами: **АВНАСІЙ НА ШЕПТИЦАХЪ**
ШЕПТИЦКІЙ Бѣже и ѣ: аваскаго прѣола вѣтѣи. Архидѣи
 Метрополита Киевскій и вселъ Россіи, Сѣинъ, Львовскій, Галицкій и
 Каменца Подѣлскаго, Архимандрита Киевопечерскій и Оушевскій и
 переходитъ послѣ, сообщивъ предварительно Пречестнымъ От-
 цемъ Протопресвітеромъ, Уестнымъ Пресвітеромъ Нароходимымъ,
 Крѣвей вдовствіючникомъ Администраторомъ и пр. архіерейское
 благословеніе, къ поясненію причинъ, по которымъ посланіе из-
 дано. Подлежащее поясненіе выражено дословно такъ: **О** на-
 уала за приколѣніемъ Бѣжимъ возведѣна нашего во перыхъ на
 Сѣпствъ Львовскаго, Галицкаго, и Каменцакаго, посѣмъ на Ми-
 трополѣи Киевской и вселъ Россіи достѣнство, о сѣмъ наймае
 вѣхомъ попуеиѣ, да въ Протопресвітерехъ смотрѣнѣио едѣиѣ,
 Оуставовъ такъ сѣихъ соборовъ вселенскихъ, и замѣйскаго, имъ
 и нашихъ діоцезіалныхъ храниѣиѣ; въ Пресвітерехъ тѣхже Оуставо-
 вѣи вполнѣиѣ, смиренномудрѣи, прѣотѣи трѣзвѣиѣ, Крѣвей строе-

ніе, и утѣнію приляжаніе; во всѣхъ вѣрныхъ Шаствъ нашоѣ пору-
ченныхъ вещей во спасенію благопотребныхъ свиданіе, и въ добро-
дѣтельныхъ нравкахъ душеполезное оубидимъ искишеніе. Но помѣже
съ немалобю Оубеуекаго сѣца нашого жалостію извѣстномса, ѿко
сіа не по желанію нашемъ содѣаются, и мнозы наипауе ѿ Уе-
стныхъ Пресвѣтеровѣхъ нескѣдствомъ изданнѣхъ к' соблюденію Оу-
стаковѣхъ. Винокладѣса. Того ради да посѣмъ вса сіа, ѿже на стѣомъ
Синодѣ Замойскомъ, и на шоробунѣ Діецезалнѣ Протопрескѣтерскѣ
соборахъ нашихъ сѣтъ оустановленна, коемѣждо извѣстна бѣдѣтъ:
тажде вса, ѿже наипауе ѿ Преуестныхъ Протопрескѣтерей, и
уестныхъ Прескѣтерей хранима бѣти маютъ; въ кратцѣхъ собрана, и
дїалектомъ Рускимъ к' лѣушему коегѣждо оубразимію исписана,
Тѣпомъ издати повелѣхомъ. За сѣмъ поясненіемъ слѣдуютъ на
листахъ 2^а—21^б всего прежде **ОУСТАВЫ ГЛАГО СОБОРУ
ЗАМОЙСКОМУ**, а послѣ на листахъ 21^б—34^а **ЖЕТАВЫ
ДИЦЕЗАНІЕ**. Первые изъ нихъ содержатъ предписаніе ѿ
вѣръ Кафолической, и проповѣданіи слова бжїа; ѿ **САКРА-
МЕНТАХЪ**, и ихъ администраванію; ѿ **КРЕЩЕНІИ**, и
МУРОПОМАЗАНІИ; ѿ **ТАИНЪ БУХАРИСТІИ** и слѣже,
Бжїи; ѿ **ПОВѢТЪ И БЛАГОПОМАЗАНІИ**; ѿ **КАПЛАН-
СТВЪ**; ѿ **МАЖЕНСТВЪ**; ѿ **ПРОТОПРЕБОВТЕ-
РѢХЪ**; ѿ **ПАРОХАХЪ**, и **ПАРОХІАХЪ**; ѿ **ЦЕРКВАХЪ**.
и ихъ иманій неразгравленію; ѿ **СІМОНІИ** сіестъ **СВАТО-
КЪПСТВЪ**; ѿ **ПОСТАХЪ**, и **СВАТАХЪ** — вторые же
предписанія ѿ Протопрескѣтере и ихъ Оубраде; ѿ **ПАРОХАХЪ**,
и **ПАРОХІАХЪ**; ѿ **ОЗЛАМИНАТОРАХЪ** **СВНОДАЛ-
НЫХЪ**; ѿ **ВРЕМЕНАХЪ** **СЪДОВЪ**. Посланіе оканчивается
такимъ образомъ: **Сіа вса предписаніе Оуставы да бѣ ѿ сѣлѣ**
коемѣждо Протопрескѣтеру и Прескѣтеру вѣдомн бнати, Тѣпомъ
изданіе раздати повелѣхомъ. Извѣстнѣйшаго же ради оубвреніа
тажде при оубитной Неуати Рускою Власною подписуемъ. Дати
въ Лвовѣ, Днѣ д, Мѣа Априлїа. Рокъ бжїа, д ф ѿд. **ПОЛНМОЩІИ,
АРХІЕПІПЪ МЕТРОПОЛИТА**. Антоній Левинскій, Аплскій
и вѣго Преосвѣщенства, ѿкто въ Надворныхъ Консисторскѣхъ Метро-

полтавскій и Єпископскій Писарь. Мѣсто и годъ печати не показаны, но, судя по черенкамъ и соображаясь съ другими, относящимися сюда обстоятельствами, допустить надо, что это посланіе печатано было во Львовѣ, въ такъ называемой Ставропигійской типографіи, въ выше сказанномъ 1744-мъ году.

Описываемый экземпляръ находится въ бібліотекѣ «Народнаго Дома» во Львовѣ.

7. Другое изданіе того же посланія.

Кромѣ изданія, выше описаннаго, существуетъ однако еще изданіе того же окружнаго посланія. На первый взглядъ оно почти не отличается отъ предыдущаго, но, всматриваясь въ него ближе, мы не можемъ не убѣдиться, что между предыдущимъ и подлежащимъ здѣсь изданіемъ «посланія» есть и своего рода различія. Вотъ нѣсколько такихъ различій: Въ выше описанномъ изданіи на л. 13^а-мъ напечатано: **Ѡ ПОКѢТЪ Й БЛѢШПОМАЗАНІИ**, а въ подлежащемъ читаемъ: **Ѡ ПОКѢТЪ Й БЛѢШПОМАЗАНІИ**; въ выше описанномъ на листѣ 19^а напечатано: **Ѡ СІМОНІИ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ СІМОНІЙ**; въ выше описанномъ на листѣ 20^а напечатано: **Ѡ ПОСТАХЪ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ ПОСТАХЪ**; въ выше описанномъ на л. 22^б напечатано: **Ѡ БѢТІВЫ ДІВЦЕЗЛАНІЕ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ БѢТІВЫ ДІВЦЕЗЛАНІЕ**; въ выше описанномъ на томъ же листѣ напечатано: **Ѡ Протопрескитерѣ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ Протопрескитерскъ** и т. д. На основаніи всѣхъ тѣхъ и тѣмъ подобныхъ различій мы, слѣдовательно вправѣ утверждать, что окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, вышло въ свѣтъ не разъ, а по крайней мѣрѣ два раза, и что затѣмъ кромѣ перваго существовало и второе онаго изданіе. Которое однако изъ этихъ изданій первое, а которое второе, это при отсутствіи какихъ нибудь сюда относящихся достовѣрныхъ данныхъ, опредѣлить трудно, впрочемъ и не такъ важно. Достаточно знать, что

окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, дождалось двухъ отдѣльныхъ изданій, и что, если первое изъ этихъ изданій, по свидѣтельству конечныхъ словъ самого же посланія, появилось не раньше 9-го апрѣля 1744-го года, то второе изъ нихъ, судя по тому обстоятельству, что авторъ посланія, епископъ Львовскій Афанасій Шептицкій, дня 11-го декабря 1746-го года уже простился съ этимъ міромъ, могло появиться не позже 11-го декабря сказаннаго 1746-го года. Такимъ образомъ между выходомъ перваго и вторымъ изданіемъ было всего годъ или много два года различія.

Экземпляръ описываемаго изданія, къ сожалѣнію, неполный, ибо содержащій только листъ 9-ый и листы 11-ый по 25-ый, находится въ моей собственной библіотекѣ.

8. Анафистъ непорочному зачатію пресв. дѣвы Богородицы, вышедшій по всей вѣроятности во Львовѣ между 1740-мъ и 1759-мъ годами.

Предлежащій Акафистъ печатанъ въ 12-ую долю листа и содержитъ 46 помѣченныхъ кирилловскими числами страницъ. Выходнаго листа нѣтъ, и книжечка начинается прямо со словъ: **ѦКЛОІГТЬ Ѡ** Непорѣчному зачатію **ДѢВЫ** МѢРѢ. **ѦЗДАНЫ. Ѧ. К. У. С. В. В. І. Д.** Послѣ этихъ словъ, относительно послѣ этихъ буквъ, изъ которыхъ первыя двѣ означаютъ безъ сомнѣнія имя и фамилію издателя, прочія шесть его достоинства и должны читаться такъ: **У**(мноу) **С**(катаго) **В**(асилія) **В**(еликаго) **І**(еро) **Д**(акономъ), — слѣдуетъ самый же акафистъ, который, начиная съ стр. 1-ой, продолжается непрерывно, обычнымъ порядкомъ, по стр. 43-юю. На стр. 43-ей по 45-ую мы находимъ **ПѢНІЕ ПОХВѢЛНОЕ**, начинающееся со словъ: **Текѣ ДѢО** хвалымъ. **Текѣ БѢоматеръ** исповѣдземъ и пр., а на стр. 45-ой по 46-ую **Врученіе самаго себѣ ДѢВЫ** МѢРѢ, начинающееся со словъ: **СѢла** МѢРѢ МѢти БѢга, Ѡ **ДѢО**; **Ѧзъ** (Ѧимъ:) **та** **мѢмъ** **Ѡ** ГлѢожѣ, **ходатѢмъ** **Ѧ** покровителницѣ **моѣ** **ѦзирѢю** себѣ. На стр. 46-ой помѣщена впрочемъ еще и краткая молитва, состоящая изъ словъ: **Да**

оублажитса. Бѣди вѣгослокеино стое и испорѣуное заутѣе вѣгослокеинма Дѣмъ МІРІИ, а къ молитвѣ этой прибавлено слѣдующее, служащее какъ нельзя лучше къ опредѣленію уніятскаго происхожденія книжицы примѣчаніе: Григорій ѿ. Папа Рѣкъ ахѣа. надакъ, р. лѣтъ ѿлѣствѣ, за кождымъ сеа моалѣтѣки покторѣнѣмъ.

Мѣсто и годъ печатанія не показаны, но судя по черенкамъ и другимъ обстоятельствамъ, мы едва ошибемся, если скажемъ, что Акаонствѣ, о которомъ идетъ рѣчь, вышелъ изъ Ставропигійской типографіи во Львовѣ между 1740-мъ и 1750-мъ годомъ.

Описанный экземпляръ находится въ моей собственной бібліотекѣ.

9. Давида царя псалмы на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ, Почаевъ 1774-го года.

Эта книга печатана въ 8-ую д. л. и содержитъ I+261 помѣченныхъ кирилловскими числами листовъ.

.Л. I^р: Заглавіе книги, подлинныя слова котораго таковы: Давида Пророка и Царя Пѣснй рекше УГЛАМІИ со преложеніемъ на сообрѣній намъ и обшчннмъ азѣкъ, изъ Вѣлгаты давнѣ прееденннхъ фламѣкъ: то же во оутѣдомленіе нѣкоторыхъ Славѣнскихъ реуеній здѣшннмъ нездѣкъ разумѣтелнхъ: въ полѣзу же снн вѣгослокейнѣ унтати обшчннмъ. НЗДАНИИ ВЪ СТОИ Мѣрѣ Поуѣксвой У. С. В. В. Рѣкъ Гѣна а ф ѿ д.

Л. I^р: Оуѣзнаніе. Это Оуѣзнаніе поясняетъ читателю причины, по которымъ церковно-славянскій текстъ псалтири не вездѣ сходенъ съ прилагаемымъ польскимъ текстомъ, и гласитъ дословно такъ: *Уерталл по нѣкоторыхъ мѣстахъ несходно бѣти славѣнскому полское, семѣ не уздѣса, но вѣдал бѣди нннѣ сѣгѣ тѣю: утѣ намъ по седмидесятъ, ѿ еврейскаго на Грѣуескнй, Толкѣкъ ѣсть превѣдъ славѣнскнй: Полскнй же изъ Рннскаго, по испраклѣннѣ стѣгѣ Іерѣннма.*

Л. 1—261: Самая псалтирь, имѣющая надъ церковно-славянскимъ текстомъ надписаніе: Дѣда Пророка и Царя Пѣснн, а надъ польскимъ текстомъ надписаніе: KSIESI PSALMOW.

Описываемый экземпляр находится въ библіотекѣ Народнаго Дома во Львовѣ.

Къ описаннымъ здѣсь, библиографамъ вовсе неизвѣстнымъ произведеніямъ русской церковной печати я позволяю себѣ прибавить еще одну книгу, которая хотя и извѣстна библиографамъ, но по своей величайшей рѣдкости и по другимъ обстоятельствамъ заслуживаетъ быть обстоятельно описанною. Эта книга есть Триодъ цвѣтная, появившаяся въ типографіи Михаила Слѣзки, во Львовѣ 1666-го года. Вотъ нѣсколько о ней подробностей¹⁾:

Триодъ цвѣтная 1666-го года печатана въ листъ обыкновенной величины и содержитъ II+442+1*, затѣмъ²⁾ въ совокупности 245 листовъ. Первые II листа и листъ 1* безъ помѣты, прочіе помѣчены кирилловскими числами, идущими непрерывно отъ ѧ—ѧѧ. На нижнихъ поляхъ листовъ, по срединѣ, замѣтна кромѣ того другая еще сигнатура, начинающаяся съ буквы а и продолжающаяся по буквы ЮюѢ. Книга расположена слѣдующимъ образомъ:

Л. I: Заглавная надпись, украшенная изображеніями, замштованными изъ жизни Христовой, и выраженная дословно такъ: **ТРИШДИОН, сѧ ѡсть: ТРИПЪЕНЦЪ. СЪТОИ ВЪЛИКОИ ПИТДВѢИТНИЦИ ѡ БЛЖЕННАГО ПИСАТЕЛЕМЪ. За прикѣй: С: Кѡ: Мѧ: ѧ за БЛЖЕНІЕМЪ СЪТЪРШИХЪ. ВЪ ЛВОВѢ. ѧ**

¹⁾ Въ изданномъ А. Н. Поповымъ Каталогѣ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова помѣщено подъ номеромъ 237-мъ о Триодѣ цвѣтной 1666-го года всего лишь слѣдующее, до сихъ поръ не дополненное никѣмъ извѣстіе: «Триодъ цвѣтная», напеч. во Львовѣ, въ типографіи Михаила Слѣзки, 1666-го года., въ листъ 442 л. Книга чрезвычайно рѣдка. Въ концѣ: Напечатана бысть сія книга глаголемая Триодъ цвѣтная при державѣ короля его милости Казимѣра... въ богоспасаемомъ градѣ Львовѣ, въ типографіи Михаила Слѣзки. Второе наддася въ лѣто отъ сздания міра 7104, а отъ воплощенія Бога слова 1666 г. мѣсца Декаврѣя 19 дня.

²⁾ У Попова показано всего 442 листа.

Друкърини Михайла Слю'ки. в' Рѳку, аѣза. Мѣл, Деиѣ: ѿ. Между упомянутыми изображеніями важны въ особенности слѣдующія два: 1) изображеніе Иисуса и Самаритянки; 2) изображеніе съ подписью: иѣ ѣ по пѣ. Въ первомъ изъ нихъ вырѣзаны числа: ѣ ѣ ѣ, а во второмъ числа: ѣ ѣ ѣ и буквы: В Ѡ Z.

Л. Г': Изображеніе св. Іоанна Дамаскина съ надписью греческою вокругъ головы его: 'Ο Ἄ. 'ΙΩἈ. ΔΑΜΑΣΚΙΝΟΣ. Вверху изображенія напечатано двустипіе:

Іоаннъ Дамаскинъ теплѣ Вѣры поборитель,
Пастырѣ словеснѣи бжецѣ, ваднѣи оутѣшителѣ

а внизу изображенія приведенъ тропарь въ честь святителя, начинающійся словами: Писмописца и ѣстнаго ѣгожцаѣтла, црѣкнаго макаѣтла, и оутѣтла, и врагомъ сопротивоборца Іоанна боспомъ и пр. У ногъ св. Іоанна Дамаскина замѣчаются кромѣ того кирилловскія числа, чередующіяся слѣдующимъ образомъ: ѣ. ѣ. ѣ. ѣ. ѣ. ѣ.

Л. II'-b: Предисловіе типографа къ читателю, озаглавленное: ПРАВОСЛАВНОМУЪ И ЛЮБОВНОМУЪ ЧИТАТЕЛЮ. Благосеніа, спіиѣ, здравіа и многодѣствіа ѿ Великаго Десници. Типографъ оусердие желаетъ. Начало: Такоже оустроеніе имаше Свѣтла Вѣтхаго Заѣта, Читателю елгій: ѣко нетѣкмо свѣтлани многими свѣрами исполненъ въ тамо и пр. Конецъ: Но поже сіа Трѣда цѣтла за ѣсвѣтнемъ еи. Блгодатію Жениха Хѣ, и Млѣтами преблгословенна Влѣци нашеа Бѣа, и всѣхъ Прѣемъ ѿѣ наші, Блгословеніемъ же в' Бѣъ зѣшлого стѣи Памати, Блгословнаго Ѣйкпа Лѣвскаго, Яѣлисіа Жениборскаго, з' Типографъи моѣи издама въ Второе, Блгодареніе ѣко перстъ Создателю во'снлаю, иже блгонзволѣи наутѣи и совершитѣи, и наѣъ на лице земла, и повергъ себе прѣ еѣго Величество съ оумнленіе и слезамъ, мола ѿнеѣо грѣхѣ прѣжде прощеніа, тѣже и ѿ пограшеніи в' Книзѣ сей. Пѣрадѣе же да преѣспѣ: Митрополѣта и Ѣйкопѣи Православнѣи, здравѣи долголѣтнѣи, стѣи своѣи Црѣкви дарѣетъ, и на прѣѣе стѣеѣеѣеѣ тѣаніс. ѣже не тѣкмо Книги Прѣкилнми. но и

Жуйтены, истокмо бесѣдована нѣде ѣже къ БГѸ, но и ѣже БѸ и на бесѣдовати ѡмые; въ святѣ ТѸпѣ на слѣжез своѣ оустрой. Тезе же Унтателю елгѣи молю, да простѣши ми погрѣшенѣа утѣре сѣю БГѣдохнозѣнѣю КнигѸ; ѣще сѣа е' ней ѡбращени: Такоже и поѣлишисѣ ѡ миѣ ѡкалинѣ и грѣшномѣ ГДѸ БГѸ: да ма и къ пробѣе дѣло оукрапѣтъ, и здравѣе дарѣетѣ. Здравствѣй ѡ ГДѣ : Всѣхъ елгъ раутель и ѡ Хрѣтѣ Братѣ. Михайлъ Слѣзка.

Л. 1^а—441^б: Стихиры, пѣсни, чтенѣя, молитвы, синаксары и прочѣя матерѣи, составляющѣя Трѣодѣ цвѣтнѣю. Начало: **ВЪ ПАТѢ ШВЕТЫИ НЛѢИ ЕТТО ВВАЙКОГО ПОСТѢ. НЛ ВВЧѢРНИ**, Каѣ: Къ ГДѸ ѣнегда скорѣхъ и пр.

Л. 442^а: Два слѣдующѣя другъ за другомъ послѣсловѣя типографа. Первое изъ этихъ послѣсловѣй озаглавлено: **СЛОВО КЪ ЧИТАТѢЛѢМЪ** и выражено дословно такъ: **ВЪзможѣнѣи ѡ Хрѣ Братѣи, и уѣстѣи Господѣе**. Проунтѣющѣи сѣю КнигѸ, ѣще утѣ ѡбращете поползнокѣно илан ве'мѣстѣи еѣти, БГѣа радѣи молимъ покрѣйте ѣрѣстѣю и исправѣте, ѣкоже васъ оумѣдрѣ стѣи Параклѣтъ. Насъ же потрѣдѣвшихъ е' дѣлѣ семъ дѣвѣспѣтелномъ елгѣенѣа сподобѣтѣса ѡ Вседержитѣла БГѣа, ѣгѣже поспѣшесткомъ и сѣа Книгѣа Мауѣса и стѣвершисѣа: ѡмыже утѣ слѣва и держѣва, въ възкомѣнѣи елѣи елѣкомъ, **ИМИНЪ**. Второе послѣсловѣе, сообщѣающее о времени напечатанѣя и другихъ обстоятельствеахъ книги, выражено слѣдующими словами: **Напеуѣтѣла еѣсть сѣа Книгѣа, глѣмаа ТРѢОДѢ ЦВѢТНѢА**, при Держѣкѣ Королѣ егѣо **Млѣи ІѠАННѢА КѢЗѢИМЪБРА**: за Блѣенѣемъ же Стѣишѣихъ Патрѣархѣкѣхъ, и Преѣсѣпенѣныхъ Архѣепѣкопѣкѣхъ: **В' БГѣоспасѣемѣомъ Грѣдѣ ЛВОВѢ**, е' Типографѣи, Михайла Слѣзки. Второе издаѣса. е' **Лѣто ѡ Създѣнѣи мѣра, зрѣд. И ѡ Влѣлощѣнѣа БГѣа Слѣва, ахѣз. Мѣа. Декабрѣа, дѣ, дна** : Это второе послѣсловѣе важно въ особенѣности потому, что подтверждаетъ въ свою очередь еще разъ то, о чемъ было уже въ предѣсловѣи упомянуто, а имено, что Трѣодѣ цвѣтнѣя 1666-го года была вторымъ той же книгѣ въ той же типографѣи издаѣемъ. Что же касается до перваго ея у Михайла Слѣзки издаѣнѣя, то это издаѣнѣе появилося въ 1642-мъ

году. Ср. Каратаева Описание славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами I, стр. 495, н-ръ 538.

Въ библиографическомъ, а отчасти и въ культурно-историческомъ отношеніи важны въ этой книгѣ впрочемъ еще и нѣкоторыя находящіяся въ ней изображенія, въ числѣ ихъ слѣдующія: 1) на листѣ 14^а воскресеніе Лазаря съ годомъ 1662-мъ внизу; 2) на листѣ 20^а вѣздъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ съ буквами латинскими I и G, означающими безъ сомнѣнія имя и фамилію гравёра, Іоанна Глинскаго; 3) на л. 36^а Іосифъ, бѣгущій отъ Путевары; 4) на л. 48^б пять дѣвицъ мудрыхъ, входящихъ въ чертогъ славы, и пять дѣвицъ буйхъ, стучащихся напрасно въ затворенную дверь чертога, съ буквами латинскими I и G внизу, слѣва; 5) на л. 57^б блудница, помазующая ноги Іисусу въ домѣ Симона прокаженнаго, съ слѣдующею припискою внизу изображенія: *Іоаннъ Глинскій 1667 18 februa*; 6) на л. 98^а распятіе Христово, рѣзанное какимъ то Иліею 1632-го года, какъ это заключать можно изъ слова *Иліа* помѣщеннаго внизу, направо отъ креста, и скорописныхъ буквъ *ахѣ*, помѣщенныхъ тамъ же, налѣво отъ креста; 7) на л. 116^а тоже распятіе съ тѣми же подробностями, что и предыдущее; 8) на л. 338^а Вознесеніе Христово съ буквами *ЗВѠ* внизу, слѣва; 9) на л. 387^а Сошествіе св. Духа, совмѣщающее и Матерь Божию, сѣдящую на престолѣ среди раздѣленныхъ на двѣ группы апостоловъ.

Къ числу изображеній, достойныхъ вниманія, принадлежать впрочемъ и нѣкоторыя находящіяся въ книгѣ заставки, а именно:

1) Заставка на листѣ 1^а и такая же на л. 418^а. Эта заставка изображаетъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія печерскихъ, держащихъ церковь. Вверху ихъ главъ видна Матерь Божія съ воздѣтыми вверхъ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ складкахъ ея одежды. Въ верхнихъ углахъ заставки, но только той, что на л. 418^а, замѣчается кромѣ того по красному кресту.

2) Заставка на л. 29^а. Эта заставка изображаетъ ликъ ангеловъ, съ архангелами Гавріиломъ, Михаиломъ и Рафаиломъ во

главѣ. Упомянутые архангелы снабжены щитами, а щиты ихъ греческою буквою Ξ съ титлою надъ нею. Внизу выгравированы буквы К Θ, но въ обратномъ направленіи, а затѣмъ такъ: Θ Я,

3) Заставка на л. 70^а. Эта заставка изображаетъ тайную вечерю и снабжена внизу буквами К Θ Z (последняя буква латинская) и числами X M. Я полагаю, что буквы К Θ Z означаютъ имя и фамилію гравера, а числа X M годъ составленія гравюры съ опущеніемъ, конечно, числа д, какъ такого, которое въ данномъ случаѣ разумѣется само собою.

4) Заставка на л. 88^а и такая же заставка на листахъ 119^б, 123^а, 224^а и 256^а. Эта заставка изображаетъ распятіе Христова съ стоящими возлѣ креста Матерью Божіею и св. Іоанномъ. Внизу, при находящейся у ногъ креста мертвой головѣ, помѣщены буквы К Θ.

5) Заставка на л. 140^а и такая же на л. 170^а. Эта заставка раздѣлена на три поля и содержитъ въ среднемъ полѣ Воскресеніе Христово, по латинскому способу представленія; въ полѣ, налѣво отъ зрителя, распятіе Христово; въ полѣ, на право отъ зрителя, сложеніе въ гробъ Христово. Внизу середняго поля, слѣва, вырѣзаны, кромѣ того, молотокъ и замокъ; справа, имя гравера, которое гласитъ: Iama.

Какъ любопытный библиографическій признакъ, важный именно при опредѣленіи неполныхъ экземпляровъ триоди цвѣтной отъ 1666-го года, я позволю себѣ отмѣтить впрочемъ и то еще обстоятельство, что на крайнемъ полѣ л. 204^а того изданія противу стиха: *Въ беззаконіихъ зачатъ ѣсмь азъ клѣтливъ и пр.*, и также противу стиха: *Стрѣла похваляю, ѿ гнѣвнннхъ побѣствнхъ и пр.* сдѣлано замѣчаніе: *Тѣ стѣхѣ в' ѣлаиско мѣст', ѣвѣлѣ ѣпотрѣвлѣннѣ рѣдн ѣствѣннѣ ѣ.*

Описанный экземпляръ находится, начиная съ самаго 1669-го года, въ обладаніи церкви села Святковой въ Галиціи, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ записъ, помѣщенная на нижнихъ поляхъ листовъ 1^б—21^б и разсказывающая дословно, что слѣдуетъ: *Реконѣ ѣ нарѣжденнѣ Xѣлѣ ѣ. ѣ. ѣ. ѣ. снѣ книгоѣ, глаголемѣ*

трьодѣ цѣхълююю, коупнй раба божїи Стефанъ Борнучко изъ жонь-
вою своею Фенькою за телѣное здоровя свое и за спасенїе доу-
шѣное, то есть за злотыхъ л̄. и ѿ. (другою рукою в другїи чер-
нцями: оу Иоданна Шайдаковнудя Воровнцкогю). А кто сню книгоу
боудеть унтати, повннень гѣпода бѣ просити за раба бо҃го книжак
Стефана и за рабоу божню Феньмоу и за родителю ихъ. И далн
ен до церкви Склатковскѣ до храмоу сѣго архїстратїга Михаила
вѣхъшнми уасн. А кто ен са кажї сню книгоу ѿ церкве Склатъ-
ковской ѿдалнтн... (слѣдуетъ обычная формула проклинанїя).
Упомянутое въ этой записи достоинство «князя» должно принять
не въ обычномъ, а въ томъ значенїи, какое оно имѣло въ селахъ
прикарпатскихъ, основанныхъ на такъ называемомъ волоскомъ
правѣ. Ср. объ этомъ предметѣ между прочимъ данныя, сообщен-
ныя мною въ статьѣ Миклошича, Ueber die Wanderungen der
Ramenen in den dalmatinischen Alpen und den Karpathen, Wien
1879, стр. 39 слѣд.

Кстати прибавлю еще, что возможностью пользоваться опи-
савною книгою я обязанъ настоящему приходскому священнику
Святковой, о. Іосифу Юрчакевичу.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 1.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

•

—••••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1898.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1888 года.**

Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ К. Весслоескій.

ОТЧЕТЪ

0

ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ

въ 1888 году

(Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября предѣлительствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

Въ нынѣшнемъ году, по соисканію пушкинскихъ премій подлежали оцѣнкѣ: два труда въ прозѣ, два сборника стихотвореній и два стихотворные перевода поэтическихъ произведеній.

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ, къ участию въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности три постороннихъ литератора, именно: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный нашъ критикъ Н. Н. Страховъ.

По полученіи въ назначенный срокъ ожидавшихся рецензій образована была, согласно съ правилами, комиссія, состоявшая, сверхъ четырехъ членовъ Отдѣленія, изъ слѣдующихъ лицъ: К. Н. Бестужева, А. Д. Галахова, графа А. А. Голенищева-Кутузова и Д. В. Григоровича.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устною обсужденіи подлежащихъ оцѣнкѣ трудовъ, произведена была закрытая баллотировка, давшая слѣдующіе результаты: трудъ Л. Н. Майкова по изданію сочиненій Батюшкова удостоенъ единогласно *полной преміи въ 1000 р.*; сотруднику г. Майкова по составленію примѣчаній въ этомъ изданіи В. И. Сантову присуждена *поощрительная премія въ 300 р.*; автору рассказовъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», А. П. Чехову *половинная премія въ 500 р.*, и наконецъ переводчикъ Мольерова Тартюфа В. С. Лихачевъ признанъ заслуживающимъ *почетнаго отзыва*.

Послужившіе основаніемъ для рѣшеній комиссіи рецензіи, читанныя въ извлеченіяхъ въ публичномъ засѣданіи 19-го октября, помѣщаются здѣсь въ полномъ видѣ.

I.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статью о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Сантовымъ. Томы I—III. Спб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича).

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1887 года, ко дню столѣтняго воспоминавія рожденія Батюшкова, этого симпатичнаго поэта—предшественника Пушкина, появилось такое изданіе его сочиненій, какое по всей справедливости можетъ быть названо лучшимъ памятникомъ его творческой дѣятельности. Три тома въ почтенныхъ и широкихъ размѣрахъ столь извѣстнаго академическаго изданія Державина, обставленные доступною только столицѣ типографскою роскошью, на прекрасной бумагѣ, украшенные портретами поэта и нѣкоторыми рисунками, имѣющими отношеніе къ его личности и къ его произведеніямъ (Спб. 1885—1887), даютъ читателю всѣ произведенія, какія только сохранились въ настоящее время отъ рано погибшаго поэта, все

что удалось собрать до сихъ поръ остававшагося неизвѣстнымъ изъ имъ написаннаго и наконецъ все, что только можетъ служить къ объясненію какъ мало извѣстной до сихъ поръ личности поэта, такъ и его произведеній. Если это монументальное изданіе есть «дань признательности къ дорогой памяти брата», по выраженію издателя, то нельзя не порадоваться, что такая высокая, благородная родственная pietas нашла выраженіе въ дѣлѣ столь близкомъ и дорогомъ для всякаго образованнаго русскаго чело-вѣка, какъ исторія нашей родной словесности. Нельзя не порадоваться глубоко, что это родственное чувство умѣло воспользо-ваться, для сооруженія прекраснаго памятника признательности, такими достойными научными силами, которыя сумѣли выпол-нить дѣло изданія такъ, что едва ли можно сдѣлать имъ хотя самый незначительный упрекъ, если не раздѣлять мнѣнія, указы-вающія на чрезмѣрную роскошь комментарія и на сообщеніе въ печати *остатъ*, какія только возможно было собрать, *писемъ* Батюшкова. Мы не раздѣляемъ такихъ мнѣній, особенно по отношенію къ письмамъ: они даютъ возможность наблюдателю со стороны услѣдить совершенно неуловимыя прежде черты ха-рактера поэта и подмѣтить особенности его духовнаго міра, ускользавшія отъ вниманія. «Изданіе сочиненій Батюшкова содержитъ въ себѣ *по возможности полное собраніе его произведе-ній*» (предисловіе издателя), и слова эти надобно понимать та-кимъ образомъ, что въ него вошло все то, что только возможно было собрать изъ этихъ произведеній при внимательномъ и упор-номъ трудѣ редакторовъ. Не попали въ собраніе сочиненій Ба-тюшкова исключительно только такія, которыя никогда не были напечатаны (на нихъ существуютъ только указанія — I, XVIII — и можетъ быть со временемъ они будутъ найдены), или такія, ко-торыя уже погибли вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни поэта (I, XVII). По крайней мѣрѣ въ изданіи нѣтъ ни малѣй-шаго намека на то, что остались еще въ рукописи такія произ-веденія Батюшкова, которыя не могутъ быть напечатаны по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Сравнивая это послѣднее изда-

ніе съ предшествовавшими (1834 и 1850 годовъ), мы находимъ въ немъ 25 стихотвореній, не помѣщенныхъ прежде; изъ нихъ 18 перепечатаны изъ разныхъ періодическихъ изданій и сборниковъ и были извѣстны только лицамъ, специально изучавшимъ Батюшкова; семь стихотвореній напечатаны въ первый разъ по вновь открытымъ рукописямъ. Изъ прозаическихъ статей помѣщены въ новомъ собраніи 10 произведеній, большею частью перепечатанныхъ и первоначальная редакція одного, печатаннаго и прежде. Самымъ важнымъ приобрѣтеніемъ для всесторонняго изученія Батюшкова, какъ человѣка и писателя, въ этомъ изданіи является собраніе въ одинъ очень большой томъ всѣхъ писемъ его; изъ нихъ цѣлая половина является въ первый разъ и даетъ, особенно письма къ сестрѣ поэта Александрѣ Николаевнѣ, совершенно новый матеріалъ для изученія Батюшкова. Множество тщательно собранныхъ вариантовъ къ первоначальному печатному тексту, представляютъ возможность изслѣдователю слѣдить за измѣняющимся вмѣстѣ съ временемъ настроеніемъ поэта, за развитіемъ его творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ. Такова внѣшняя сторона этого замѣчательнаго изданія.

Если съ этой внѣшней стороны издатель и редакторъ сдѣлали все то, что только возможно было сдѣлать, то и для внутренней исторіи самаго поэта, для его характеристики, для полнаго изученія его творческой дѣятельности въ связи съ историческимъ содержаніемъ времени, для опредѣленія мѣста Батюшкова, какъ выдающагося поэта въ общемъ развитіи русской литературы, настоящее собраніе сочиненій Батюшкова не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это изданіе смѣло можно поставить рядомъ съ академическимъ изданіемъ Державина, которое повидному и послужило ему образцомъ. Нельзя не пожалѣть только, что между этими двумя изданіями легъ промежутокъ времени почти въ четверть вѣка и что въ русскомъ обществѣ такъ рѣдко встрѣчаются осязательныя доказательства той родственной сердечной памяти, которая была поводомъ и

причиною въ настоящее время важнаго явленія въ русской словесности.

Главный и самый существенный трудъ, употребленный на это изданіе, принадлежитъ редактору его Л. Н. Майкову. На этотъ трудъ, сколько мы можемъ судить по словамъ предисловія издателя и по означенію годовъ печатанія на заглавныхъ листахъ всѣхъ трехъ томовъ, посвящено было имъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многоуважаемый редакторъ изданія, столь извѣстный и столь опытный литераторъ, взявшійся, кромѣ того, за трудъ съ полнымъ увлеченіемъ и любовью, снабженный всевозможными пособіями и источниками, которыми такъ богатъ Петербургъ и Императорская Публичная бібліотека, долженъ былъ выполнить его достойнымъ образомъ, и дѣйствительно мы получили отъ него полнаго Батюшкова, притомъ до такой степени уясненнаго богатыми комментаріями, что дѣятельность поэта, ея содержаніе и ея значеніе едва ли когда либо потребуютъ новыхъ дополненій. Самымъ главнымъ вкладомъ въ это изданіе является большая вводная статья г. Майкова (I, 1—316) «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова». Въ ней, въ изящномъ изложеніи, рассказана весьма подробно несчастная судьба русскаго поэта, все его внутреннее развитіе, его отношенія къ событіямъ и людямъ эпохи и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на этой капитальной статьѣ.

Сколько-нибудь замѣтный писатель, будь онъ прозаикъ или поэтъ, но если онъ только заслужилъ сочувствіе современниковъ и память въ потомствѣ, является, мы глубоко убѣждены въ томъ, ничѣмъ инымъ, какъ только памятникомъ времени. Неумолимо оставляетъ оно на немъ свой могучій слѣдъ, онъ неразрывно связанъ съ временемъ, какъ растеніе съ условіями почвы и климата; онъ въ состояніи дать читателю только то, что онъ самъ получилъ отъ времени. Конечно появленіе таланта и внутреннія условія творчества составляютъ необъяснимую тайну, но

мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что даже интензивность и сила этого таланта зависятъ отъ времени и его обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ развивается. Думаемъ, что этой мысли не станетъ противорѣчить и самъ уважаемый редакторъ сочиненій Батюшкова. «Нравственное значеніе этихъ войнъ (12-го г. и въ Европѣ) для русскаго общества, говоритъ онъ (1—4), смутное разумѣніе національныхъ задачъ, имъ предшествовавшее, и въ связи съ нимъ *неопредѣленный характеръ нашего просвѣщенія* въ первые годы текущаго столѣтія, а затѣмъ, послѣ торжества надъ Наполеономъ, *крупные успѣхи національнаго сознанія*, и вслѣдъ за ними *народженіе новыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ нашей внутренней жизни*, — находятъ себѣ замѣтное отраженіе въ развитіи образа мыслей Батюшкова». Л. Н. Майковъ дѣлаетъ общее опредѣленіе дѣятельности Батюшкова. По его словамъ «это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ представителей своего времени въ нашемъ отечествѣ». Повидимому эти слова, опредѣляющія историко-литературное значеніе Батюшкова, должны относиться ко второй половинѣ его слишкомъ кратковременной сознательной жизни, къ годамъ послѣ европейскихъ походовъ, ко времени послѣ 1815 года, когда дѣйствительно поэтический талантъ Батюшкова, на короткое время, лѣтъ на пять или шесть, значительно окрѣпъ. Но едва ли, какъ писатель, онъ можетъ служить типическимъ представителемъ духовныхъ стремленій и общественныхъ ожиданій этой замѣчательной эпохи русской жизни, начало которой совпадаетъ съ возвращеніемъ нашей побѣдоносной арміи изъ Европы въ 1815 году, а конецъ съ окончательнымъ развитіемъ психической болѣзни несчастнаго писателя. Г. Майковъ совершенно вѣрно говоритъ о Батюшковѣ, что онъ «всею болѣе любилъ созерцательную жизнь», что онъ не искалъ пракческаго дѣла, но мы не можемъ согласиться съ нимъ, что эта созерцательная жизнь «по преимуществу питаетъ творчество». Послѣднее должно питаться жизнью и временемъ, сочувственнымъ, живымъ отношеніемъ къ нимъ, наблюденіемъ надъ ними, внутреннимъ разви-

тѣмъ самого писателя, его образованіемъ: чѣмъ шире послѣднее, тѣмъ шире горизонты его наблюденій, тѣмъ больше явленій захватываетъ онъ. Для Батюшкова выше всего былъ міръ мечты, а не дѣйствительности. Его поэтическая дѣятельность начинается стихотвореніемъ «Мечта» (I, 1—4), написаннымъ имъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ убѣжденъ, что мы «стократъ счастливы мечтаньемъ скоротечнымъ». Дары мечты для него дороже свѣта, дороже славы; поэтъ считаетъ свою хижину дворцомъ и счастливъ: «онъ мечтаетъ». Конечно это представленіе о мечтѣ выражаетъ юношу, но годы идутъ, а Батюшковъ остается неизмѣняемымъ:

«Что въ истинѣ пустой? Она лишь умъ сушитъ,

Мечта все въ мірѣ золотитъ,

И отъ печали злыя

Мечта намъ щитъ» (I, 26) — повторяетъ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. «А дни мечтой позолотимъ» говоритъ онъ Гнѣдичу въ 1809 году (I, 67). «Мечты» для Батюшкова — верхъ счастья; правда для него несносна: ея свѣтъ заставляетъ разстаться съ мечтой (I, 29); мечты устилаютъ ему цвѣтами мрачный путь жизни (I, 87). Замѣчательно, что въ годы наибольшей зрѣлости своего таланта, именно въ 1817 году, Батюшковъ снова передѣлываетъ и распространяетъ свое первоначальное стихотвореніе «Мечта». Этотъ «неба даръ благой», эта «волшебница», эта «посланица небесъ» составляетъ все его счастье (I, 263—269).

Изучая внимательно обширную и прекрасную біографію Батюшкова, мы невольно приходимъ къ убѣденію, что случайный даръ поэзіи, выпавшій ему на долю, не могъ пойти иною дорогою, что не откуда было ему взять содержанія для своего поэтическаго творчества, пробудившагося въ немъ рано подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ. Не думаемъ, чтобъ въ дворянской семьѣ Батюшковыхъ даже въ первой половинѣ прошедшаго вѣка существовали «книжные интересы», какъ это доказываетъ біографъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣды поэта

воспитывались въ шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ (I, 6). Со временъ Петра В. необходимо было учиться дворянину — для службы. Если можетъ-быть отецъ и является «большимъ любителемъ французской литературы и почитателемъ философіи XVIII вѣка», то онъ, какъ это видно изъ изданія, не имѣлъ вовсе вліянія на внутреннее развитіе сына. Съ десятилѣтняго возраста Батюшковъ уже учился въ иностранномъ пансіонѣ въ Петербургѣ. Четырнадцать лѣтъ Батюшковъ уже видитъ напечатаннымъ свой первый переводный литературный опытъ и съ тѣхъ поръ не перестаетъ писать. О содержаніи свѣдѣній, приобрѣтенныхъ поэтомъ въ пансіонахъ, кромѣ знанія нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ, біографъ не говоритъ. Свѣдѣнія эти были незначительны. Кругъ чтенія Батюшкова, по его словамъ, «былъ очень не великъ», а между тѣмъ все образованіе того времени давалось исключительно чтеніемъ. Поэтому вполне вѣрно подробно развитое въ біографіи Батюшкова указаніе Л. Н. Майкова, что всѣмъ своимъ умственнымъ образованіемъ, содержаніемъ и направленіемъ поэтической дѣятельности, внутреннею работою надъ самимъ собою и «установленіемъ нравственнаго идеала» поэтъ обязанъ былъ родственнику его отца М. Н. Муравьеву, сочиненія котораго и были изданы имъ. Съ пятнадцатилѣтняго возраста въ теченіе пяти лѣтъ Батюшковъ пользуется благотворнымъ вліяніемъ Муравьева, человѣка, «котораго память будетъ мнѣ драгоценна до позднихъ дней жизни и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго» (II, 86), какъ онъ самъ говоритъ о немъ. Батюшковъ сознается въ другомъ мѣстѣ, что «онъ обязанъ ему всѣмъ» (III, 305). По прекрасному выраженію біографа Батюшкова — Муравьевъ, бывший воспитанникъ Московскаго университета, «былъ для Батюшкова своего рода университетомъ» (I, 18). Черезъ Муравьева доходили до него широкія вѣянія университета, нѣкоторое знакомство съ классическою латинскою литературою, очень важное въ томъ отношеніи, что способствовало развитію формы стиха и красотѣ выраженія и наконецъ, любовь къ нѣкоторымъ

поэтамъ итальянскаго возрожденія, знакомство съ которыми составляетъ оригинальную черту поэтической дѣятельности Батюшкова. Муравьевъ былъ конечно дилеттантъ въ литературѣ; сочиненія его, состоятъ большею частію изъ мелкихъ статей чрезвычайно общаго содержанія; въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, но они даютъ намъ достаточное представленіе о той общей гуманитарной школѣ идей, въ которой воспитывался молодой поэтъ. Въ этихъ статьяхъ не было ничего рѣзкаго, ничего опредѣленнаго; Муравьевъ не былъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Вольтера; онъ воспитался почти въ той же литературной школѣ, что и Карамзинъ, хотя былъ старше его шестью годами. Намъ кажется, что сочиненія Батюшкова, особенно прозаическія, не принимая въ расчетъ силу таланта, являются какъ бы продолженіемъ литературной дѣятельности М. Муравьева.

Въ ту пору, когда началась поэтическая дѣятельность Батюшкова, общество, съ воцареніемъ Императора Александра I, нѣсколько оживилось; въ немъ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе; появилось нѣсколько журналовъ, до издателей которыхъ доходили слухи о различныхъ реформахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, хотя реформы эти обсуждались гдѣ-то очень далеко, въ самомъ интимномъ кругу, посреди людей, близкихъ къ государю. Основывались университеты въ провинціальныхъ городахъ, но профессорами въ нихъ являлись почти исключительно иностранцы; свои ученые были крайне рѣдки, да и тѣ были весьма мало подготовлены для профессорской дѣятельности. Жизнь и отраженіе ея, литература — были вполне ничтожны. Отношенія ихъ другъ къ другу почти неуловимы и особеннаго оживленія литературы мы не замѣчаемъ. Въ ней еще въ полной силѣ господствовали преданія XVIII вѣка. Новостью въ ея области была развѣ только та «легкая поэзія», о которой Батюшковъ написалъ въ послѣдствіи времени особенную статью. Въ біографіи поэта Л. Н. Майковъ прекрасно объяснилъ возможность появленія этого новаго поэтическаго рода, возникшаго подъ влія-

ніемъ развитія общественной жизни, участія женщинъ и того сентиментализма, который переходилъ къ намъ все же съ европейскаго Запада. Этому роду поэтической дѣятельности Батюшковъ оставался вѣренъ все время, пока писалъ стихи, но онъ выражалъ въ нихъ только самого себя, свое внутреннее настроеніе, а никакъ не общую жизнь. Современность отражается въ нихъ чрезвычайно рѣдко. При этомъ рецензентъ выставляетъ весьма характерное на его взглядъ явленіе, свидѣтельствующее съ своей стороны о ничтожности внутренняго содержанія поэзіи Батюшкова, о пустотѣ тогдашней жизни, что даже его интимныя стихотворенія, которыя должны бы были выражать собственный внутренній міръ поэта, почти всѣ написаны на чужія темы. Батюшковъ беретъ чужое стихотвореніе, изъ римскихъ классиковъ, напр. Горація или Тибулла, изъ французовъ Вольтера, Парни, Грессе или Мильвуа, изъ итальянцевъ—Петрарки, Касты, и передѣлываетъ ихъ по-своему, такъ что многія его стихотворенія суть не что иное, какъ только *вольные переводы* — терминъ весьма хорошо извѣстный въ нашей литературѣ. Надобно удивляться тому внимательному кропотливому труду, съ какимъ біографъ и редакторъ сочиненій Батюшкова слѣдилъ за такими подражательными стихотвореніями его. Укажемъ для примѣра его разборъ III Тибулловой элегіи, передѣланной Батюшковымъ и примѣненной имъ къ обстоятельствамъ собственной жизни (I, 324—325), сравненіе перевода пьесы LIII изъ антологіи съ переложеніемъ Вольтера и греческимъ подлинникомъ (I, 340), стихотвореній «Радость», «Счастливецъ», взятыхъ изъ Касты (I, 343, 344), или «Моя Пенаты», заимствованнаго изъ французскаго поэта Дюси (I, 351—352) и проч. Цѣлью изслѣдователя было показать какіе самостоятельные мотивы прибавилъ Батюшковъ къ чужимъ, заимствованнымъ темамъ.

Въ тѣ годы, когда очень еще молодой Батюшковъ, начавшій служебную дѣятельность подъ начальствомъ своего дяди М. Н. Муравьева, находился подъ его исключительнымъ ум-

ственнымъ вліяніемъ, онъ былъ и членомъ основаннаго въ 1801 году «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ». Членами его были нѣсколько молодыхъ, начинающихъ петербургскихъ литераторовъ, не очень выдающихся по своимъ талантамъ литературнымъ, но безъ сомнѣнія дышавшихъ уже тѣмъ болѣе свободнымъ для груди воздухомъ, которымъ повѣяло въ русской жизни въ первые годы нашего вѣка, съ воцареніемъ Александра I. Д. Н. Майковъ дѣлаетъ обзоръ дѣятельности этого общества и представляетъ вѣрное о ней сужденіе (I, 37—43), находя по всей справедливости, что въ этомъ обществѣ воспиталась та любовь къ Карамзину, къ новому направленію литературы, имъ указанному, къ реформѣ слога и языка, которая вооружила почти всѣхъ членовъ Вольнаго общества, а вслѣдъ за ними и Батюшкова, на борьбу съ партіей «старога слога» или «Бесѣдою» съ Шишковымъ во главѣ.

Вполнѣ вѣрно биографъ въ скромной дѣятельности Вольнаго общества, рядомъ съ оттѣнкомъ или струею собственно литературной, видитъ и струю, какъ онъ выражается, «соціально-политическую». Но струя эта была такъ ничтожна, что могла течь только капля по каплѣ: «Члены читали въ своихъ собраніяхъ, говоритъ онъ, переводы изъ Беккариа, Филанджіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственныя статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п. Все это было конечно весьма невинно, да и не могло появляться въ печати, а если и появлялось, то очень скоро задерживалось цензурою, какъ это и было съ книгою самаго дѣятельнаго и самаго привлекательнаго члена общества Пнина, несмотря на всю скромность ея содержанія. Любопытно, что въ стихотвореніи Батюшкова, написанномъ на смерть этого Пнина (1, 31—32) мы не нашли ни малѣйшаго намека на безспорно существовавшія гражданскія убѣжденія его. Со смертью Пнина въ 1805 году дѣятельность общества падаетъ, «соціально-поли-

тическая струя» перестаетъ капать и связи Батюшкова съ обществомъ постепенно прерываются.

Извѣстно, что въ обществѣ этомъ, между молодыми его членами, было распространено глубокое уваженіе къ Радищеву, прощенному императоромъ Александромъ и не только возвращенному изъ деревенской ссылки (изъ Сибири онъ возвращенъ былъ при Павлѣ), но даже занявшему довольно видное служебное положеніе въ Комиссіи составленія законовъ, что служило какъ бы нагляднымъ доказательствомъ нѣкотораго признанія со стороны власти тѣхъ идей его, за которыя онъ такъ жестоко пострадалъ при Екатеринѣ. Это отношеніе власти къ Радищеву и дало, кажется намъ, возможность членамъ общества, между которыми былъ и сынъ Радищева, выразить печатно свое сочувствіе этому писателю по поводу его трагической смерти и даже напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ главу изъ его знаменитаго «Путешествія» (надобно замѣтить, что глава эта принадлежитъ къ самымъ невиннымъ во всей книгѣ и не даетъ никакого понятія о томъ, что составляло главное содержаніе сочиненія Радищева). Мы не станемъ спорить съ биографомъ, что Батюшковъ «до послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности сохранялъ особый интересъ къ этому писателю»; очень можетъ быть, что съ своими литературными сверстниками, для которыхъ Радищевъ былъ окруженъ ореоломъ страданія, онъ и «раздѣлялъ уваженіе къ этому смѣлому представителю освободительныхъ идей XVIII вѣка въ русской литературѣ» (I, 42—43), но нѣтъ никакихъ данныхъ для увѣренности, что Батюшковъ когда-либо раздѣлялъ убѣжденія и взгляды Радищева до желанія практическаго ихъ осуществленія. Ни въ сочиненіяхъ его, ни въ письмахъ мы не найдемъ на это ни малѣйшаго указанія. Правда, князь Вяземскій (Соч. VII, 418) говоритъ, что Батюшковъ, «мало занимавшійся политическими вопросами», написалъ въ 1814 году прекрасное четверостишіе, обращенное къ императору, въ которомъ говорилъ, что его призваніе «довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе

освобожденіемъ русскаго народа». Самъ Вяземскій называетъ это четверостишіе «летучимъ вдохновеніемъ» Батюшкова; очевидно, онъ не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія, а потому оно утратилось и не сохранилось въ памяти современниковъ. Идея освобожденія крѣпостныхъ, если только о ней шла рѣчь въ утраченномъ стихотвореніи, была дѣйствительно плодомъ освободительныхъ идей XVIII вѣка, пробивавшихъ застарѣлую кору и проникавшихъ въ нашу затвердѣлую почву, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ поэтъ нашъ былъ воспитанъ этими идеями и сочувствовалъ имъ. Напротивъ, мы находимъ доказательства совершенно противоположнаго. Онъ не вѣрилъ въ идеи, въ силу человѣческаго разума. «Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, говорилъ онъ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина» (II, 129). Разбирая въ письмѣ къ А. И. Тургеневу столь извѣстное посланіе Жуковскаго къ императору Александру, написанное въ 1814 г. (III, 302) Батюшковъ упрекаетъ Жуковскаго за то, что въ изображеніи историческихъ событій во Франціи со времени революціи онъ не упомянулъ о главной причинѣ бѣдствій: «Какъ ни слова не сказать о *философахъ, которые приготовили зло!*» Къ этимъ философамъ глубокою ненавистью проникнуты были всѣ практическіе и теоретическіе дѣятели реакціи, начавшейся вслѣдъ за освободительными войнами. Насмѣшливо повторялъ ихъ крики нѣмецкій поэтъ Гейне: «An Allen ist Schuld Jean-Jacques Rousseau, Voltaire und die Guillotine». Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ Батюшковъ думалъ или говорилъ иначе, но онъ вообще былъ далекъ отъ практической жизни и по неподготовленности къ ней и по никогда не покидавшему его эгоизму, и потому что ему дороже была мечта и поэзія, далекая отъ жизни. Наконецъ, сколько мы можемъ судить по подробнымъ объясненіямъ Л. Н. Майкова (I, 88—89), Батюшковъ былъ весьма поверхностно знакомъ даже съ главными по вліянію представителями освободительной философской мысли XVIII вѣка: Вольтеромъ и Руссо.

Такимъ образомъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы поэтъ когда-либо думалъ серьезно объ освобожденіи крестьянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ жизненные его ресурсы заключались именно въ крѣпостныхъ. Біографъ на деревенскихъ отношеніяхъ Батюшкова останавливается въ началѣ IV главы своего труда (I, 82—86). Изъ приведенныхъ имъ выписокъ изъ его словъ мы имѣемъ полное право вывести заключеніе о совершенно гуманнѣйшихъ отношеніяхъ поэта къ своимъ крестьянамъ. Ничего иного, при его мягкой, нѣжной натурѣ, воспитанной въ школѣ Муравьева, смотрѣвшаго на крѣпостныя отношенія какъ на несчастіе, и нельзя ожидать. Батюшковъ «не мудрилъ въ деревенскомъ хозяйствѣ, не отвлекалъ крестьянъ отъ тѣхъ занятій и промысловъ, на которые указывала имъ природа ихъ края, и напротивъ того, осуждалъ затѣи отца устраивать какой-то заводъ въ Даниловскомъ» — говоритъ Л. Н. Майковъ (1, 83). Но самая сила вещей была такова, что поэту приходилось путаться въ этихъ отношеніяхъ, почти непонятныхъ намъ теперь, людямъ другой исторической эпохи. Письма поэта къ старшей сестрѣ его, Александрѣ Николаевнѣ, даютъ намъ множество указаній, какъ печальны были эти отношенія. Невольно проникается читатель жалостью къ несчастному поэту, которому приходилось почти непосредственно переходить отъ поэтическихъ идеаловъ къ грязи такой дѣйствительности, съ какою теперь было бы невозможно помириться.

Въ 1807 году, когда поэту было уже 20 лѣтъ, а двѣ сестры были значительно старше его, отецъ вступилъ во второй бракъ, что было весьма непріятно дѣтямъ отъ перваго. Двумъ сестрамъ и брату пришлось существовать съ доходовъ имѣнія, составлявшаго материнское приданое и переселиться въ него, разставшись съ отцомъ. Всѣ хозяйственныя распоряженія и хлопоты тяжелымъ бременемъ легли на старшую сестру и переписка съ нею полна исключительно требованіемъ денегъ. Крестьяне были давно на оброкѣ. Эта болѣе легкая форма крѣпостныхъ отношеній возникла не по доброй волѣ помѣщика, а чисто изъ экономическихъ

соображеній: въ Вологодской губерніи барщина была бы невыгодна помѣщику. Онъ завелъ оброкъ не такъ, какъ герой поэтического романа Пушкина:

«Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ»,

не изъ гуманности, а изъ выгоды. Имѣніе было давно заложено, какъ почти у всѣхъ помѣщиковъ и сроки уплаты процентовъ стояли всегда грознымъ призракомъ, и безъ сомнѣнія должны были смущать и эпикурейское наслажденіе жизнью и вдохновеніе творчества, когда оно посѣщало поэта, владѣющаго заложенымъ въ ломбардъ и сохранную казну имѣніемъ. У Батюшкова былъ вѣчный недостатокъ денегъ. Съ самыхъ первыхъ, напечатанныхъ въ изданіи писемъ, мы читаемъ заботы его о деньгахъ. То Гнѣдичъ выкупаетъ на деньги, взятыхъ у сестры, заложённые часы поэта (III, 6), то проситъ онъ самъ у сестры триста рублей, несмотря на тутъ же высказываемое имъ убѣжденіе: «вамъ деньги нужнѣе моего» (III, 20); въ слѣдующемъ году уже 500 рублей (III, 28). Особенно настоятельны просьбы о деньгахъ въ 1810 году, когда Батюшковъ жилъ въ Москвѣ и, обращаясь въ высшемъ свѣтѣ столицы и между московскими писателями, долженъ былъ проживать много, хотя, по его словамъ, онъ только убивалъ время (III, 95). «Ты себѣ вообразить не можешь, сколько денегъ я здѣсь издерживаю — куда? Богъ знаетъ! А все безъ пользы, безъ удовольствія. Правда, онъ сознается, что все это «у меня истинно лежитъ на совѣсти», но требованій не прекращаетъ. Они повторяются изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, безъ оговорокъ выше приведенныхъ нами, только размѣръ просимой суммы увеличивается. Приходилось конечно, несмотря на гуманность, тревожить крестьянъ оброкомъ и не въ урочное время: «Крайне сожалѣю, писать къ сестрѣ поэтъ, что мужиковъ долженъ я тревожить въ такое трудное время: весной и въ рекрутство! Напиши имъ приказъ поласковѣе» (III, 180). Сошлемся на многія другія

мѣста его писемъ, гдѣ мы читаемъ тѣ же просьбы о деньгахъ, которыя повторяются даже и на службѣ въ Италіи (III, 119, 175, 289, 375, 397, 398, 546). Даже князю Вяземскому Батюшковъ жалуется на безденежье; жалобы эти идутъ изъ деревни, куда онъ повидимому уѣзжалъ при безденежьи, чтобъ со-брать деньги: «Чухотка въ карманѣ. Въ виду — ни гроша почти на весь годъ, если не удадутся мнѣ нѣкоторые обороты. А жить надобно, какъ говоритъ Шатобрианъ (III, 427). Обороты эти за-ключались въ предполагаемомъ изданіи сборника итальянскихъ переводовъ, съ котораго онъ рассчитывалъ выручить двѣ тысячи рублей. При такихъ условіяхъ полученія денегъ въ сроки крайне неопредѣленные, Батюшковъ необходимо долженъ былъ вхо-дить въ долги; на силу расплатился съ тѣмъ, который сдѣланъ былъ имъ въ Парижѣ, во время «освободительнаго» похода. Жаль очень, что у насъ нѣтъ ни одного отвѣтнаго письма сестры на всѣ эти безконечныя просьбы брата о деньгахъ. Батюшковъ пи-салъ къ ней только дѣловыя письма; весьма рѣдко проскользнетъ въ нихъ выраженіе нѣжнаго братскаго чувства. А какой безот-вѣтной глубоко преданной натурой, должно быть, была она! Испол-няя требованія брата, посылая деньги на его прихотливую жизнь въ столицахъ, на поддержаніе его великосвѣтскихъ связей и отно-шеній, повидимому она не обмолвилась ни разу укоромъ; иначе братъ отвѣтилъ бы ей въ этомъ смыслѣ или постарался бы оправ-даться.

Доходовъ съ материнскаго имѣнія такимъ образомъ никакъ не доставало на жизнь. Женитьба отца и дѣти отъ новаго брака лишали возможности получать что-либо отъ него. «Богъ тому свидѣтель, пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ, что я не хочу насле-довать послѣ батюшки вовсе не изъ великодушія, но потому, что у него есть дѣти. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ они имѣли кусокъ хлѣба и для собственнаго моего спокойствія. Съ тѣмъ, что мы имѣемъ, благодаря Бога не умремъ съ голоду, а лишнее желаніе богатствъ отложимъ въ сторону» (III, 286). Да и дѣла отца были, по словамъ сына, «такъ плохи, такъ безобразны, что

я и сестра, мой вѣрный товарищъ въ горести, съ ума сходинъ. И есть отъ чего. А ты требуешь стиховъ, пишеть онъ къ другу своему Гнѣдичу. Выть въ стихахъ не умѣю; а другіе писаться не будутъ» (III, 487).

Въ особенности много хлопотъ и огорченій приносило Батюшкову то обстоятельство, что имѣніе было заложено. Все хочется устроить какъ было бы выгоднѣе; то кажется хорошо разсчитаться съ приказомъ и заложить души въ Опекунскій со-вѣтъ (III, 79); то нужно употреблять много времени «для хождения по закладной» (Ib. 197); то кажется выгодно «заложить имѣніе въ приказъ Вологодскій на годъ, на сумму въ 3000 рублей, для уплаты въ ломбардъ» (Ib. 363); то закладываются 50 душъ въ ломбардъ московскомъ, чтобъ уплатить немедленно деньги въ ломбардъ петербургскій (Ib. 377 — 379); то приходится платить лишнія деньги за просрочку уплаты процентовъ (Ib. 441), то находятъ страхъ, что имѣніе опишутъ для продажи. «Дайте мнѣ рѣшительный, Бога ради рѣшительный отвѣтъ! — пишеть Батюшковъ къ сестрѣ. Если есть еще души не въ закладѣ, то пришлите свидѣтельство, заплатите за него что угодно, но пришлите только немедленно» (Ib. 443). Сколько мучительныхъ помѣщичьихъ волненій долженъ былъ переживать нашъ поэтъ отъ безденежья, особенно въ сроки платежа процентовъ. Приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ для добыванія денегъ. Пустошь, на продажу которой разсчитывалъ поэтъ, не продается или по неимѣнію покупателей, или потому, что очень дешево дають за нее, а «деньги весьма нужны въ арміи» (III, 233). Абрамъ Ильичъ не платитъ за Платона и Батюшковъ беспокоятся о томъ (Ib. 173). «Прошу немедленно собрать оброкъ и переслать ко мнѣ сюда: у меня ни гроша нѣтъ» — пишеть онъ сестрѣ. «Другая просьба: проси и умоляй, чтобы продали Захарова; мнѣ этотъ негодяй тягость совершенная, и долги требуютъ безпре-станно» (Ib. 349). Выручаютъ порой и дѣвки. Такъ со старосты Мѣниковой деревни ожидаются за нихъ 150 руб. (Ib. 350). «Нельзя ли выпустить дѣвокъ на волю (конечно за деньги) безъ

разстройки имѣнія» — сообщаетъ онъ также сестрѣ (Ib. 476). Въ другой разъ Батюшковъ «согласенъ отдать Павлу Алексѣевичу столяра за тысячу рублей. Тысячу рублей цѣна настоящая» (Ib. 507): это было необходимо, чтобъ уплатить по векселю, и продажу оправдываетъ поэтъ тѣмъ, что продаетъ родственнику. Справедливость требуетъ однако упомянуть, что Батюшковъ заботится о судьбѣ и прокормленіи своихъ крѣпостныхъ стариковъ (по всей вѣроятности дворовыхъ): «Инвалидовъ всѣхъ перевести на Углу, распоряжается онъ чрезъ сестру, къ родственникамъ ихъ, и вотчинѣ кормить по смерти, а я за нихъ ежегодно платить стану, о чемъ посоветуюсь со старостою» Люди, домашними услугами которыхъ пользовался Батюшковъ, были крѣпостные, и, какъ это всегда бывало въ то время, поведеніемъ ихъ онъ былъ недоволенъ. Такого рода сѣтованія мы часто встрѣчаемъ въ его письмахъ къ сестрѣ, особенно, когда одинъ слуга захвораетъ, а на его мѣсто нужно выписывать другого изъ деревни и долго приучать къ его обязанностямъ (III, 30—31): «Митьку на третій день приѣзда я отдалъ въ рабочій домъ за пьянство. Не медля выбери мнѣ мальчика 15 или 17 лѣтъ, не старѣе, въ кучера и возьми во дворъ, пока я не велю прислать его» (Ib. 285—286). Отправляя, вѣроятно послѣ не достигшаго цѣли исправленія въ рабочемъ домѣ, этого Митьку въ деревню, поэтъ пишетъ сестрѣ: «Заставь его бытъ при себѣ безотлучно; а если хоть разъ напьется, то, не говоря ни слова, пошли за ушицкимъ старостой и вели отвезти въ Вологду въ рекруты за ушицкую вотчину. Вотъ лучшій способъ избавиться отъ пьяницъ» (Ib. 290). Но и старый слуга его Яковъ, сопровождавшій его въ походахъ финляндскомъ и заграничномъ, оказался не лучше Митьки. «Яковъ сошелъ съ ума отъ пьянства, и я принужденъ былъ посадить его въ рабочій домъ. Съ мальчикомъ однимъ не справлюсь. И онъ поведенія не отличнаго. Приготовьте мнѣ другого мальчика для меня, но хорошаго поведенія и не глупаго» (Ib. 443). Безъ сомнѣнія, Батюшковъ не всегда же былъ недоволенъ своими крѣпостными слугами; иногда они

могли доставлять ему даже эстетическое удовольствіе. Такъ въ 1811 году онъ пишетъ кн. Вяземскому: «Сдѣлай одолженіе, любезный князь, пришли мнѣ музыку на мой романсъ; ты меня очень одолжишь: я ее велю сыграть моему музыканту на фангалѣ». (Ib. 155).

Дѣлая эти довольно многочисленныя выписки изъ писемъ нашего поэта, мы должны однако заявить, что не имѣли въ виду никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ уяснить себѣ положеніе Батюшкова въ условіяхъ окружавшей его современности. Последнее изданіе его сочиненій даетъ для того много матеріаловъ, и странно было бы не воспользоваться ими. Не знаемъ, съ какимъ чувствомъ мягко-сердечный, мечтательный, гуманный поэтъ, какъ онъ рисуется передъ нами въ своихъ правда немногочисленныхъ произведеніяхъ, поэтъ глубокаго и нѣжнаго самоотверженія, для котораго свобода должна была являться отраднымъ представленіемъ, писалъ свои деревенскія, помѣщичьи распоряженія. Намъ онъ представляется очень жалкимъ и нельзя не пожалѣть его въ этихъ затягивающихъ его путяхъ. Какая глубокая бездна между идеалами и дѣйствительностью! Какъ мало послѣдняя давала содержанія для поэтического вдохновенія, а между тѣмъ никакой поэтъ не въ состояніи отдѣлаться отъ дѣйствительности: вся сила его таланта только въ ней одной. И приходилось Батюшкову прислушиваться къ чужимъ, весьма отдаленнымъ пѣснямъ, ими вдохновляться, уходя въ созерцаніе образовъ и представленій столь далекихъ отъ насъ итальянскихъ поэтовъ XVI, XVII вѣковъ, которые ничего не говорятъ ни сердцу ни уму, и на чужія темы настраивать свой внутренней міръ, какъ это и дѣлалъ постоянно Батюшковъ. Мы не имѣемъ никакого права винить его за это: онъ только сынъ времени и жизни, его окружавшей. Пусть извинитъ насъ высокоуважаемый біографъ Батюшкова, который и не могъ касаться этого вопроса, но намъ кажется, что даже въ семейныхъ отношеніяхъ поэта сказываются печальныя стороны тѣхъ отношеній, которыя окружали его. Съ старшею сестрою, частью по зимамъ въ Вологдѣ, но больше

всего въ деревнѣ, жила младшая сестра, въ возрастѣ «на выданьѣ». Заботы о ней ближе всего лежали на обязанности старшаго брата. Безъ сомнѣнія, гуманный поэтъ, для котораго не чужды были освободительныя идеи XVIII вѣка, читавшій Новую Элоизу, былъ на сторонѣ свободы чувства, а между тѣмъ сколько хлопотъ о томъ, чтобъ поскорѣе выдать сестру замужъ, съ видимою цѣлью отъ нея отдѣлаться. «Постарайся *пристроить* ее всѣми силами, просить онъ сестру. Не упускай случая, Бога ради, если оный представится. Что разбирать чины и богатство? Былъ бы честный и не совсѣмъ убогій человекъ и ей нравился: вотъ главное. Вотъ моя молитва передъ Господомъ! Да будетъ на ней Его святое Провидѣніе и молитвы покойной незабвенной нашей матери» (III, 91—92). «Одна мысль меня беспокоитъ и огорчала даже на походахъ: участь Вареньки. Я назову тотъ день счастливымъ, когда она выйдетъ замужъ, и заклинаю васъ всѣхъ именемъ Неба не пропустить случая» (Ib. 287). Но случай не представляется и Батюшковъ начинаетъ беспокоиться, предполагая, что недостаточно употребляются мѣры для желанной цѣли. Онъ входитъ въ роль комической матери зрѣлой невѣсты: «Я удивляюсь, что никто за Вареньку не сватается. Нѣтъ ли въ томъ и вашей вины? Надобно ласкать людей, надобно со всѣми жить въ мирѣ. Il faut faire des avances. Такъ свѣтъ созданъ; мое замѣчаніе основано на опытности. Надобно внушить и сестрѣ, что ей надобно стараться нравиться. Il faut avoir des formes agréables, стараться угождать въ обществѣ каждому: гордость и хладнокровіе ни къ чему не ведутъ. Надобно болѣе: казаться веселою, снисходительною. Конечно, и у васъ есть женихи, есть хорошіе люди, ибо я не могу вѣрить, чтобъ ихъ не было и въ губернскомъ городѣ. Но мы ихъ или не знаемъ, или чуждаемся» (Ib. 297). Судьба сестры сильно беспокоитъ брата: «Со всѣхъ сторонъ огорченія, а болѣе всѣхъ забота о судьбѣ Вареньки. Боже мой, если бы я могъ быть ей полезенъ хоть чѣмъ-нибудь, если бы Господь услышалъ мою молитву о перемѣнѣ ея участи, но къ лучшему, разумѣется! Но время еще не ушло. Впрочемъ,

то, что у васъ судьбою называется, весьма неразумительно. Вѣтеръ не заноситъ жениховъ; это извѣстно съ давняго времени: надобно самимъ сдѣлать половину дороги» (Ib. 358). Только въ 1818 году прекратились эти заботы поэта, хотя и тутъ, когда судьба сестры была рѣшена, на него находятъ симбііе: «Радуясь, что дѣло Вареньки будетъ имѣть какой-нибудь конецъ: ихъ дѣло быть счастливыми, наше — не допустить дурачиться и вредить себѣ. Если будутъ счастливы, то я первый порадуясь отъ души: можетъ быть и будутъ» (Ib. 489).

Жизнь въ деревнѣ, куда Батюшковъ уѣзжалъ, вслѣдствіе безденежья, собирать оброкъ, никогда не приносила ему радости; она нагоняла на него только скуку. Любви къ ней у него не было и онъ не зналъ чѣмъ наполнить въ ней свое время. Во всѣхъ стихотвореніяхъ его мы не найдемъ ни одной картинки, списанной съ родной природы. Какая безконечная разниа съ позднѣйшимъ Пушкинымъ, связаннымъ какъ бы органически съ природою русскою, на котораго деревня дѣйствовала и отрезвляющимъ и возбуждающимъ вліаніемъ. Никомъ образомъ Батюшковъ не могъ бы сказать вмѣстѣ съ Пушкинымъ эти отъ сердца вылившіеся стихи:

«Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
Въ глуши звучитъ голосъ лирный,
Свѣтлѣе творческіе сны».

Напротивъ, для Батюшкова деревня была «безмолвною, дикою пустынею, жилищемъ волковъ и поповъ» (III, 90). Скука одолевала его, и въ одномъ изъ писемъ его сохранилось подробное расписаніе ничего недѣланія деревенскаго въ теченіе всѣхъ 24 часовъ сутокъ (Ib. 102—103). Я умираю отъ скуки, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и говорю тихонько самъ себѣ: не приведи Богъ честному челоѣку жить въ провинціи» (Ib. 109), а жить необходимо, «пока не соберу тысячи четыре денегъ, *roug faire tête à la fortune*» (Ib. 134). Время въ деревнѣ идетъ «и скучно

и глупо. Я живу въ лѣсахъ, засыпанъ снѣгомъ, окруженъ по-
пани и раскольниками, заваленъ дѣлами» (Ib. 146). Дѣла эти
заключались въ собираніи оброка. И въ деревнѣ онъ только и
живетъ мечтою, которая переноситъ его въ Москву и Петер-
бургъ, въ общество знакомыхъ литераторовъ. «Еслибъ зналъ,
что здѣсь время за вещь, что крылья его свинцовыя, что убить
нечѣмъ» — пишетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 42). «Въ деревнѣ скучно,
грустно и глупо» (Ib. 419). «Жить дома и садить капусту я
умѣю, но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты: я живу у сестеръ
въ гостяхъ, и домашнія дѣла меня замучили, не только меня — и
ихъ» (Ib. 438). Въ самомъ дѣлѣ, въ имѣніи, доставшемся ему
съ сестрами отъ матери, не было порядочнаго дома, жили въ ка-
комъ-то старомъ флигелѣ, и Батюшковъ, проживая оброкъ
своей, конечно въ львиной сравнительно съ сестрами долѣ, самъ
выстроить домъ не могъ, а заставлялъ сдѣлать это сестру. «Бога
ради строй домъ! Что нужды, что у тебя будетъ долгъ? Ты мо-
жешь заложить имѣніе вмѣстѣ съ Варенькой, для уплаты. Какъ
жить безъ дома, какъ не имѣть пристанища, какъ не стараться
удвоить доходовъ посредствомъ экономіи, покупкою скота и проч.
У тебя это было бы занятіемъ. Жить день за день безъ пользы
осудительно. Стоитъ только рѣшиться. Ты же имѣешь довольно
характера» (Ib. 296). Въ 1815 году, кажется, домъ былъ вы-
строенъ, съ залогомъ имѣнія или безъ залога — не знаемъ и
Батюшковъ обѣщаетъ изъ Каменца-Подольскаго прислать се-
стрѣ диванъ въ этотъ новый домъ, «если будутъ лишнія деньги»
(Ib. 354). Впрочемъ и братъ принималъ нѣкоторую долю участія
въ устройствѣ общаго деревенскаго пристанища. «Я убралъ въ
саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это
меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столика,
и вѣришь-ли? цѣлые часы, цѣлые сутки просиживаю, руки сложа,
на крестъ — сообщаетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 441). Самъ Кры-
ловъ позавидовалъ бы моему положенію, особливо когда я счи-
таю мухъ, которыя садятся ко мнѣ на письменный столъ. Вѣ-
ришь ли, что очень трудно отличить одну отъ другой. Такимъ

образомъ созерцаніе природы доставляетъ истинныя, прочныя и паче всего полезныя удовольствія и вѣщее вождельніе (зри Труды Озерецковскаго, ч. 3). Если въ словахъ этихъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Гнѣдичъ могъ находить остроумную иронию, то къ стыду нашему мы должны признаться, что теперь никакъ ее не понимаемъ.

Таковы были отношенія поэта къ деревнѣ. Должны были притти другія условія жизни общественной, воспитанія и образованія, чтобъ полюбить ее. Мы конечно не ставимъ этого въ вину Батюшкову: онъ развивался еще въ условіяхъ русскаго XVIII вѣка, хотя его поэтическое творчество значительно ушло отъ нихъ впередъ. Чувствуемъ, что мы увлеклись нѣсколько въ сторону отъ задачи, но желая уяснить себѣ Батюшкова, какъ поэта, мы естественно пожелали познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ въ его житейскихъ отношеніяхъ, а для этого разбираемое нами изданіе представляетъ такъ много новаго, совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала. Подъ конецъ своей сознательной жизни онъ рѣшился продать свою часть имѣнія, и заботы о продажѣ занимали его до самаго отъѣзда въ Италію. Продажа казалась необходимою для устройства «ломбарднаго дѣла». Жить было не чѣмъ. «Четыреста руб. въ годъ не забавны» (III, 472). Продажа давала поэту и свободу и полагала «конецъ огорченіямъ» (Ib. 475). А какъ разъ въ это время должно было продаваться съ торговъ, за неплатежъ процентовъ, и отцовское имѣніе и естественно желалось помочь (478). Въ деревнѣ случился пожаръ. «Скажи старостѣ, пишетъ онъ сестрѣ, чтобы міромъ помогли погорѣлымъ въ Соболевѣ» (помѣщики, если крестьяне были на барщинѣ, а не на оброкѣ, обыкновенно обстраивали погорѣльцевъ на свой счетъ), «а потомъ я что-нибудь имъ дамъ: этой мой долгъ» (479). Смерть отца, дѣлами котораго занялись опекуны, пріостановившіе продажу, а затѣмъ назначеніе на службу въ миссію въ Неаполь, заставили поэта отказаться отъ намѣренія продать имѣніе, дававшее вѣрный доходъ. «Имѣнія теперь не продамъ: надѣюсь, что крестьяне ис-

правно будутъ платять оброкъ — шесть тысячъ въ годъ» — пишетъ онъ сестрѣ (Ib. 526).

Но какъ ни вѣренъ былъ этотъ доходъ съ оброчныхъ крестьянъ, однако, особенно съ годами, Батюшковъ долженъ былъ смотрѣть и на службу, какъ на доходную статью. Служба была необходимою въ то время: она давала чины и отличія, слѣдовательно доставляла вѣсь въ обществѣ; нашему поэту она должна была дать и занятія; литературные труды его были случайны; они не могли избавить его отъ скуки, на которую онъ постоянно жаловался въ своихъ письмахъ. Не даромъ Гнѣдичъ и другіе литературные друзья его упрекали Батюшкова въ праздности. Не станемъ однако останавливаться на служебной карьерѣ Батюшкова. Біографія поэта, написанная Л. Н. Майковымъ, такъ подробно говоритъ о жизни его, о тѣхъ родахъ службы, за которые онъ брался, такое полное представленіе даетъ объ этой сторонѣ его дѣятельности, что все, что мы могли бы сказать, явилось бы повтореніемъ. Но насъ интересуютъ теперь не историческіе факты (въ этомъ отношеніи біографу Батюшкова и книги въ руки), насъ интересуетъ человекъ, и для этого чрезвычайно важенъ тотъ же 3-й томъ его сочиненій, заключающій въ себѣ собраніе его писемъ, на который мы уже много разъ ссылались. Онъ и даетъ свѣдѣнія о томъ, какъ самъ Батюшковъ смотрѣлъ на службу. Первая — военная, въ теченіе только двухъ лѣтъ, начатая имъ, когда ему исполнилось только 20 лѣтъ, не удовлетворила его. «Служилъ всегда честно: это засвидѣтельствуетъ тебѣ совѣсть моя» — жалуется онъ Гнѣдичу (III, 50). Служилъ несчастливо: ты самъ знаешь; служилъ изъ креста, и того не получилъ, и упустилъ все, даже время, невозвратное время! Теперь, *съ совершенной пустотой душевной*, пагубной для меня, я рѣшился: если не пойду служить по этой части (это была служба въ иностранной коллегіи, доступная только аристократамъ, невозможная, какъ онъ самъ говоритъ, безъ сильной протекціи), то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что меня разорить совершенно; но *жить въ ничтожес-*

стать не могу. Это было въ 1809 г. и тогда уже поэтъ сталъ мечтать о службѣ въ итальянской миссіи: «я бы согласился и безъ жалованья въ Италію» — говоритъ онъ. «И я что-нибудь да стою, то есть могу быть полезнымъ, ибо знаю языки». Узнавъ въ Москвѣ, что великая княгиня Екатерина Павловна (въ Твери) покровительствуетъ русскимъ писателямъ (Карамзинъ читалъ ей отрывки своей исторіи), онъ рассчитываетъ черезъ нее достигнуть своей цѣли. «Если бъ я съѣздить туда съ первою пѣсней Тасса? (переводъ ея впрочемъ не дошелъ до насъ) — пишетъ онъ къ Гнѣдичу. Еслибъ великая княгиня приняла ее милостиво? Еслибъ она дала мнѣ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобъ меня помѣстили на первое открывшееся мѣсто въ иностранной коллегіи? Какъ думаешь?» (72). Извѣстно, что Батюшковъ началъ свою служебную дѣятельность подъ крыломъ дяди Муравьева; служба эта не требовала вовсе труда и поэтъ самъ сознается, что онъ былъ избалованъ ею (67), но никакъ однако не можетъ представить этого труда для себя въ будущемъ. О службѣ онъ много мечтаетъ, надѣется на своихъ друзей, родныхъ, пишетъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно къ тѣмъ, которые упрекаютъ его въ праздности, но большею частью ждетъ счастья, мечтая о немъ, что служебная дѣятельность спадетъ къ нему съ неба (103). По совѣту Гнѣдича Батюшковъ рѣшается наконецъ поступить на службу въ только что открывшуюся тогда Императорскую Публичную бібліотеку, директоромъ которой былъ Оленинъ, всегда къ нему расположенный, но боится того, что «тамъ должно работать» (115). Въ то время однако тамъ не работали. Очевидно, служба представлялась Батюшкову какимъ-то лѣкарствомъ отъ пожирающей его скуки и ничего недѣланія, но онъ не могъ ясно представить, что могла дать ему эта служба и что онъ самъ принесетъ ей. Въ то же время онъ пишетъ: «Признаюсь я желалъ бы быть членомъ какого-либо (?) общества, затѣмъ что это пробудило бы мою лѣность, которую я и самъ начинаю гнушаться. Но ни московскіе, ни питерскіе собратія не могутъ имѣть сильнаго влія-

нія на мой духъ: «и тѣ, и другіе вялы, и тѣ, и другіе слѣпотствуютъ во мглѣ» (132—133). Требованія его лично для себя отъ службы не малы; свободу свою онъ не желаетъ продать дешево; тысяча рублей жалованья не соблазнительны, и впереди все мечтается «дипломатика». Ему все кажется, что именно на этой службѣ онъ можетъ быть полезенъ, но гдѣ служить: въ Америкѣ ли, въ Стокгольмѣ ли, въ Испаніи — ему все равно (148—149), только не служить «у министровъ или въ канцеляріяхъ, между челяди, ханжей и подьячихъ». Ему нужно «мѣсто и выгодное и спокойное, гдѣ бы онъ могъ ничего не дѣлать и не кланяться подьячимъ, людямъ ничтожнымъ»; «а служить изъ тысячи рублей жалованья титулярнымъ совѣтникомъ, служить и готовиться къ экзамену» (въ силу указа 6 авг. 1809 г.), подобно Митрофану твердя: «Азъ же есмь червь, а не человѣкъ» и проч., повторять зады и набивать себѣ голову римскимъ кодексомъ, поэтическими подробностями изъ Зябловскаго, аксіомами изъ Эвклида, служить писцомъ, скрибомъ въ столицѣ, гдѣ можно пить, гдѣ я пилъ изъ чаши наслажденій и горестей, радость и печаль, — нѣтъ, нѣтъ, это все выше меня» (157—158).

Отечественная война скоро заставила его оставить службу въ библиотекѣ, на которой онъ также скучалъ, какъ и въ деревнѣ. Уже въ августѣ 1812 г., когда Наполеонъ шелъ отъ Смоленска къ Москвѣ, Батюшковъ пишетъ изъ Петербурга къ Дашкову: «Я очень скучаю и надѣюсь только на войну: она разсѣтетъ мою скуку, ибо шпага побѣдитъ тогу, и я надѣну мундиръ, и я поскачу маршировать, если... если это будетъ возможно» (200). Батюшковъ не разъ жаловался на «бѣдность въ живыхъ ощущеніяхъ»; онъ искалъ ихъ; его натура была такъ же мало глубока и мало содержательна, какъ и жизнь, его окружавшая. Но событія 12 года дали ему очень много этихъ «живыхъ ощущеній». Провожая вдову своего благодѣтеля Е. Ф. Муравьеву изъ Москвы въ Нижній, куда бѣжали московскіе изгнанники, Батюшковъ видѣлъ то «море зла», о которомъ онъ писалъ къ Дашкову (I, 151):

«Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары».

Въ эту эпоху онъ усомнился даже въ смыслѣ своихъ прежнихъ стихотвореній и на совѣты Дашкова разсѣять одолевашую его скуку бесѣдою съ столь благосклонными ему музами, онъ, какъ гражданинъ, отвѣчалъ:

«Мнѣ пѣть коварныя забавы,
Армию и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!»

Это былъ дѣйствительно тотъ моментъ, когда талантъ поэта выражалъ общее чувство, когда стихи его звучали глубоко-искренно. Тогда, бросая свою неопредѣленную службу въ Публичной библиотекѣ, Батюшковъ «рѣшился и твердо рѣшился отправиться въ армию, куда и долгъ призываетъ, и разумъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени» (205). Въ армию поэта «влечетъ физически», по его словамъ, тамъ онъ надѣется излѣчиться отъ грусти. Въ первый разъ кажется Батюшковъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью: «Не думай, любезный другъ, чтобъ я по старому *предался моему воображенію*, пишетъ онъ къ Гнѣдичу, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю» (208). Пожаръ и грабегъ Москвы, которые современники приписывали французамъ, совершенно измѣнили взглядъ Батюшкова на этотъ народъ, съ литературою котораго онъ былъ знакомъ лучше чѣмъ съ какою-либо другою. «Мщенія, мщенія! Варвары! Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философїи, о челоуѣколюбїи! И мы до того ослѣплены были, что подражали имъ, какъ

обезьяны!» (210). Батюшковъ говоритъ теперь въ своихъ письмахъ почти то же самое, что говорилъ около того же времени Шишковъ въ своихъ запискахъ. Онъ и употребляетъ тѣ же выраженія. «Сердце не лежитъ у меня къ этой сторонѣ, пишетъ онъ только что перейдя французскую границу: революція, всемірная война, пожаръ Москвы и опустошенія Россіи меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина и Монтаня» (247). Но это новое, зародившееся въ Батюшковѣ чувство ненависти къ французамъ и нелюбви къ ихъ литературѣ, было, какъ все въ немъ, мимолетнаго свойства, и не было глубоко и сознательно. Такъ на походѣ въ Германіи онъ начинаетъ любить нѣмцевъ, знакомится съ ихъ литературою, «примирился съ Шиллеромъ» (239), «сходитъ съ ума на Фоссовой Луизѣ» (240), читаетъ исключительно нѣмецкія книги. Но прошло четыре года, и вотъ какое мнѣніе высказываетъ онъ о нѣмецкой литературѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (1817 г.) по поводу переводовъ Жуковскаго: «Къ чему переводы нѣмецкіе? Добро—философовъ. Но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее. (Не сказывай этого). У нихъ все коряченье и судороги» (427). Такъ мѣнялся Батюшковъ, такъ непрочно были его мнѣнія и сужденія, такъ мало было въ немъ сколько-нибудь устойчиваго содержанія. Только что было имъ написано страстное посланіе къ Дашкову, подъ живыми впечатлѣніями московскаго разоренія и толпы бѣглецовъ, видѣнныхъ имъ по Владимиркѣ: онъ собирается въ походъ противъ ненавистнаго врага, сердце его дрожитъ отъ негодованія и однако, въ то же время онъ находитъ возможнымъ писать длинное стихотвореніе, совершенно далекое отъ современности и отъ того, что наполняло его сердце. Батюшковъ пародируетъ «Пѣвца въ станѣ» — Жуковскаго и пишетъ своего «Пѣвца въ Бесѣдѣ Славяноруссовъ, (I, LXXIV), нападаая на Шишкова и его партію, состоявшую изъ почти никому неизвѣстныхъ стихотворцевъ. Какъ объяснить эту аномалію — мы не знаемъ, и невольно приходитъ въ голову, что

между стихами Батюшкова и тою жизнью, которая окружала его, — а какъ разъ въ это время жизнь-то именно и приковывала къ себѣ вниманіе: страна такъ тяжело дышала, — не было ничего общаго. Любопытно, что въ эту тяжелую пору, съ мая 1812 по февраль 1813 г., въ письмахъ Батюшкова къ разнымъ лицамъ мы не нашли почти вовсе упоминаній о войнѣ, за то насчитали девять мѣстъ, въ которыхъ довольно подробно говорится о томъ, что дѣлалось въ Бесѣдѣ. Какъ ни внимательно изучаешь этого поэта, предложеннаго намъ въ великолѣпномъ изданіи, — никакъ не можешь уяснить себѣ его натуру и ея содержаніе. Съ усиленіемъ ищешь въ трехъ большихъ томахъ черты времени, выразителемъ котораго долженъ быть писатель, и — не находишь. Батюшковъ исключительно занятъ только собою, своими довольно однообразными заботами и огорченіями, и почти на всякомъ шагу противорѣчитъ себѣ. Не станемъ останавливаться на заграничномъ походѣ 1814—1815 годовъ, сдѣланномъ Батюшковымъ. Восьмая глава біографіи подробно говоритъ объ этомъ эпизодѣ жизни поэта. Перечитывая письма его, нельзя не видѣть, что Батюшковъ вполне доволенъ этою заграничною жизнью, несмотря на потерю друга, убитаго подъ Лейпцигомъ. Его, какъ и всѣхъ его современниковъ, окружало множество могучихъ, совершенно неожиданныхъ впечатлѣній. Для него, какъ и для многихъ, казалось, что на знамени нашихъ войскъ ярко написано освобожденіе народовъ отъ самовластиа французскаго властителя. Насъ встрѣчали восторженно, какъ освободителей. Съ нашей стороны въ сердцахъ присутствовало и удовлетворенное чувство праведной мести за народную обиду. Батюшковъ поитъ своего коня историческою волною Рейна. Его стихотвореніе «Переходъ черезъ Рейнъ» (I, LXXV) исполнено воспоминаній и образовъ изъ всемірной исторіи. Величавыя тѣни римлянъ, древнихъ германцевъ, рыцарей встаютъ передъ этими «сынами свѣговъ», пришедшихъ издалека «подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и громами». Всѣ эти всемірно-историческія воспоминанія и въ параллель съ ними сознаніе ве-

личія настоящаго «придаютъ душѣ и силу новую и крылья». Въ самомъ дѣлѣ этотъ «освободительный» походъ имѣлъ для тогдашняго, въ особенности для болѣе молодого поколѣнія, глубокое образовательное значеніе. Люди сражались и вмѣстѣ съ тѣмъ учились въ Европѣ. Ея политическія и образовательныя начала дѣйствовали на побѣдителей. Даже Батюшковъ, какъ мы видѣли, учится по-нѣмецки. Онъ забываетъ свою недавнюю ненависть къ французской литературѣ и набожнымъ пилигриммомъ отправляется въ замокъ въ Эльзасѣ, гдѣ ищетъ благоговѣнно слѣдовъ когда-то тамъ жившаго Вольтера. Входъ въ Парижъ— для него «славная минута». Несмотря на «шумъ въ головѣ», Батюшковъ въ длинныхъ письмахъ къ друзьямъ, полный довольства, описываетъ свое пребываніе въ Парижѣ и свои впечатлѣнія. Въ то время люди были въ самомъ дѣлѣ какъ бы въ чадѣ отъ событій, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ, могучихъ и подавляющихъ.

Что же принесъ для Батюшкова этотъ эпическій походъ, какъ онъ представлялся ему въ торжественныя минуты? Доволенъ ли онъ своею службою? Каковы были результаты ея для него лично? Повидимому, послѣ восторговъ Парижемъ скоро появилось разочарованіе. Не станемъ останавливаться на любопытныхъ мѣстахъ писемъ его къ Гнѣдичу насчетъ ожидаемыхъ имъ или уже полученныхъ крестовъ (III, 234, 241, 248). Эти награды Батюшковъ считалъ выгодными для штатской службы, если онъ принужденъ будетъ перейти въ нее изъ военной, но ожидаемаго владимирскаго креста онъ не получилъ и въ отставку уволенъ былъ коллежскимъ ассесоромъ, что очень огорчило его (386). Трудно сказать, почему никакой родъ служебной дѣятельности не удавался Батюшкову, но кажется намъ, что главная причина заключалась въ томъ, что онъ ни въ какомъ родѣ службы не проявлялъ того, что составляетъ главное ея требованіе — дѣятельности. Такъ было и на томъ послѣднемъ мѣстѣ, о которомъ онъ такъ горячо мечталъ, въ миссіи въ Неаполь. Кажется, что его собственныя требованія лично для себя

отъ службы были велики. Противорѣчія въ желаніяхъ у него на каждомъ шагѣ. То онъ мечтаетъ о переходѣ изъ армейскаго полка въ гвардію для выгодъ служебныхъ, то, когда это желаніе исполнилось, онъ высказываетъ недовольство. То соблазняется высокимъ положеніемъ: «Я почелъ бы себя счастливымъ быть полезнымъ человѣкомъ *при братѣ нашемъ царя*, пишетъ онъ въ 1816 году къ Муравьевой, у которой были большія связи (Батюшковъ высказывалъ постоянно убѣжденіе, что безъ протекціи нельзя служить), но не имѣя протекціи, состоянія и дерзости, не осмѣлюсь приносить одно усердіе и объявлять мои требованія: одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ на долго» (368). Между тѣмъ служить надобно, служба для Батюшкова — необходимость: «Мое положеніе безъ службы право не забавно; нельзя ли меня причислить куда-нибудь безъ жалованья по службѣ? пишетъ онъ Гнѣдичу (419) и просится снова, «какъ блудный сынъ» въ библіотеку, которую онъ оставилъ въ 1813 г. (425). Уваровъ въ 1817 году предлагаетъ Батюшкову мѣсто съ окладомъ жалованья въ двѣ тысячи руб., и поэтъ отказывается: «Благодари Уварова за предложеніе. Умѣю чувствовать снисхожденіе и попечительность его о талантахъ въ землѣ клюквы и брусники. Но я не могу рѣшиться взять мѣсто, и что мнѣ въ двухъ тысячахъ? Корнѣтъ надъ экстрактами! Потерять послѣднія искры таланта и время, и малое здоровье! Человѣку, который три войны подставлялъ лобъ подъ пули, сидѣтъ надъ нумерами изъ-за двухъ тысячъ и пять по каплѣ всѣ неприятели канцелярской службы?.. Изъ-за двухъ тысячъ!!!. Но скажу рѣшительно: если обстоятельства занесутъ меня въ Петербургъ, то мѣсто, если можетъ быть такое, немного собственное, приличное моимъ занятіямъ и охотѣ къ словесности, было бы пріятно» (438). Нерѣшительность, не ясное представленіе о себѣ, о своихъ силахъ и способностяхъ составляютъ все содержаніе непрерывныхъ письменныхъ заявленій Батюшкова о возможной для него службѣ. Когда друзья его: А. Тургеневъ и Жуковский убѣдили его написать прямо на имя государя импера-

тора прошеніе о поступленіи на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италіи (самое прошеніе было составлено Жуковскимъ, и Батюшковъ только переписалъ), онъ, пославъ это прошеніе изъ Москвы, самъ уѣхалъ въ Одессу (I, 262), вполне пожившись на нихъ: «Вы устройте все къ лучшему: теперь и сердце общаетъ успѣхъ — пишетъ онъ Тургеневу. Какъ хотите, опредѣляйте. Чинъ мнѣ по совѣсти слѣдуетъ (по его расчету онъ долженъ бы былъ быть полковникомъ). Но Богъ съ нимъ, съ чиномъ!.. Лучше для чужихъ краевъ званіе камеръ-юнкера, если можно... *Жалованье всею нужнее, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.* Досугъ, свобода: вотъ еще важное дѣло!» (III, 501). Справедливость требуетъ замѣтить, что поэтъ спѣшитъ оговориться предъ своими друзьями относительно нѣкоторыхъ требований своихъ. «Не потеряйте и вы ко мнѣ уваженія, пишетъ онъ, что я желаю быть названъ камеръ-юнкеромъ: не суетность это, а расчетъ, можетъ быть и вздорный. Это званіе при миссіи дастъ мнѣ нѣкоторое уваженіе, на которое въ маломъ чинѣ я не имѣю права. Въ Италіи это не будетъ для меня смѣшно: здѣсь смѣшно и глупо, ибо я не суетень, не знатень и не богатъ... я чины не уважаю для себя; я вовсе безъ честолюбія и твердо увѣренъ, что чинъ не украситъ ни прозы моей, ни стиховъ. Еще разъ повторяю: я всѣмъ буду доволенъ; имѣю въ виду одну Италію. Въ этомъ словѣ заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шестъ тысячъ или около того жалованья и шесть тысячъ своего дохода дадутъ мнѣ способъ поддержать себя довольно пристойно» (III, 503—504). Условія его будущей службы въ Италіи, даже и въ матеріальномъ отношеніи, были вполне удовлетворительны, не говоря уже о томъ, что Италія была любимою страной его поэтической мечты, хотя, можетъ быть онъ вовсе не имѣлъ яснаго представленія объ этой странѣ, особенно въ политическомъ отношеніи, о современномъ ея положеніи. Италію онъ зналъ по стихамъ Петрарки, Тассо и Аріосто и только передъ самымъ отъѣздомъ онъ проситъ Никиту Муравьева «снарядить его умомъ» и доставить ему сочи-

ненія, касающіяся Италіи, которыхъ даже названія ему неизвѣстны. Но завѣтное желаніе его сердца, долго лелѣемое, наконецъ исполнилось, и тѣмъ не менѣе вмѣсто радости, совершенно повятой и объяснимой при исполненіи желанія, мы читаемъ грустное заявленіе его: «Я знаю Италію (?), не побывавъ въ ней, пишуъ онъ къ А. Тургеневу. Тамъ не найду счастья: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о сибѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоценныхъ» (531). Такимъ образомъ Батюшковъ высказываетъ ту же мысль, какую высказалъ почти наканунѣ своей смерти Пушкинъ: «На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля» — но въ этихъ покоѣ и волѣ слышится бодрое сознаніе силы и увѣренность въ могучемъ творчествѣ. Въ чемъ же для Батюшкова состоялъ идеалъ счастья? Что искалъ онъ? Съ грустью должны мы признаться, что какъ внимательно ни перечитывали мы изданіе его сочиненій, но яснаго представленія объ этомъ идеалѣ дать не можемъ.

Мотивъ, до крайности однообразный, но до безконечности повторяемый во всѣхъ многочисленныхъ письмахъ Батюшкова — это — *жалобы на скуку*. Онъ скучаетъ въ Петербургѣ, какъ пишетъ о томъ сестрѣ (III 37): «еслибъ ты зналъ какъ мнѣ скучно» (въ деревнѣ, по письму къ Гнѣдичу (48); «право жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Если я проживу еще лѣтъ десять, то сойду съ ума» (51). «Ты спросишь меня: весело ли мнѣ? — пишетъ онъ къ нему же изъ Москвы. Нѣтъ, увѣряю тебя... Да и гдѣ весело быть можетъ?» (71). «Я иногда такъ скучаю, что мѣста отъ грусти сыскать не могу» (оттуда же, 90). «Я живу въ Москвѣ. Живу... нѣтъ, дышу... нѣтъ, веществую, то есть ни то, ни сѣ. Умираю отъ скуки. Занимайся! Легко сказать!... Дѣло дѣлай!... Да какое?... И книга изъ рукъ выпадаетъ. При томъ же боленъ, чуть дышу. Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума» (92 — 93). И это написано было въ то самое время, когда онъ въ первый разъ былъ въ Москвѣ, перезнакомился съ представителями въ ней литературной дѣятельности, начиная съ Карамзина, и въ длинномъ письмѣ къ Гнѣдичу нѣсколько проищески опи-

сывалъ Москву, ея жизнь и общество. Во время военной службы, во время походовъ мы не встрѣчаемъ однако этихъ вѣчныхъ жалобъ на скуку. Очевидно практическая дѣятельность, физическое передвиженіе и множество новыхъ явленій и впечатлѣній заглушали ихъ. Но какъ только Батюшковъ воротился изъ «освободительнаго» похода, какъ только исчезли живыя впечатлѣнія, снова скука, въ эпическомъ образѣ древней Немезиды, преслѣдуетъ его. «Мы теперь подобны Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннѣмъ по лицу земному, пишетъ онъ къ Жуковскому. Каждого изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а меня скука» (III, 303 — 304). Откуда эта скука, это недовольство жизнью и всѣмъ окружающимъ? Біографъ видитъ въ этихъ чувствахъ отраженіе чужого литературнаго вліянія. Это «смутное состояніе души, порожденное разладомъ между идеаломъ и дѣйствительностью» Батюшковъ «испыталъ не одинъ и не первый изъ людей своего вѣка». Біографъ указываетъ, какъ на прототипъ этихъ безыменныхъ страданій Батюшкова на героя Шатобріанова романа — Рене. Безспорно есть что-то общее въ жалобахъ Рене и Батюшкова, тѣмъ болѣе, что послѣдній просто переводитъ на русскій языкъ влюбленныя фразы Рене о томъ, что въ жизни нѣтъ счастья, о скукѣ, преслѣдующей его вездѣ (*un profond sentiment d'ennui*) и проч. Но не было ли домашнихъ, внутреннихъ причинъ для того, чтобы Батюшковъ походилъ на Рене? Типъ Рене дѣйствительно носить на себѣ печать того *Weltschmerz*'а, которымъ страдало современное человѣчество, почему и книга Шатобріана сдѣлалась любимымъ чтеніемъ людей того времени. Въ чемъ однако заключался идеалъ Рене — неизвѣстно Онъ самъ говорилъ, что это для него «*un bien inconnu, dont l'instinct me poursuit*»; отъ этой неизвѣстности, неясности стремленій можетъ-быть и происходило то *dégoût de la vie*, отъ котораго онъ страдалъ. Но Рене такъ много пережилъ и испыталъ, позади его лежалъ въ развалинахъ цѣлый міръ и кровавая борьба; въ новомъ мірѣ Рене нѣтъ мѣста, а между тѣмъ его самолюбіе

развито до крайнихъ предѣловъ; его скука есть выраженіе самолюбія, не находящаго удовлетворенія. Онъ слишкомъ любитъ себя; онъ ставитъ себя выше окружающихъ; онъ желаетъ слишкомъ многого, но самъ онъ ничего не приноситъ, ни къ чему себя не обязываетъ. Батюшковъ въ своихъ письмахъ не разъ вводитъ насъ въ свой внутренній міръ, и слова его тѣмъ болѣе интересны, что, являются случайно, записаны необдуманно. И онъ говоритъ о «бездѣйствіи душевномъ», о «какой-то ни къ чему непривязанности» (III, 78). Онъ «потерялъ даже способность наслаждаться», становится «скученъ и гнѣивъ, даже немного мизантропъ». «Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю нѣтъ!» (Ib. 136—137). Правда, Батюшковъ додумывается иногда до убѣжденія, что есть еще утѣшеніе—«исполнять долгъ», но въ чемъ заключается этотъ долгъ—неизвѣстно, на счастье же онъ «не имѣетъ права» (317—318).—То сознается, и совершенно вѣрно, въ большомъ преобладаніи въ немъ эгоизма (248); то высказываетъ чрезвычайно невысокое мнѣніе о своемъ дарованіи. «Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно — въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. *Я вижу его бесполезность для общества и для себя...* Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, обращается онъ къ Жуковскому, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ?... Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное» (304). Иногда онъ доказываетъ, что посреди своей «бурной и непостоянной жизни» онъ и не въ состояніи написать что-либо совершенное, «не въ силахъ кончить продолжительнаго дѣла» (448—449). О частыхъ жалобахъ на нездоровье, даже изъ Италіи, мы уже не станемъ говорить; ихъ столько же, сколько и на скуку. Но не высоко опѣнивая свой поэтическій талантъ, онъ ищетъ какъ бы помощи вокругъ себя, проситъ друзей не переставать любить его, дарить его «одобрительной улыбкой дружества», «полегчать» его (453).

Слишкомъ мало было въ Батюшковѣ внутренняго содержанія и силы душевной, а самолюбіе, развитое пропорціонально размѣрамъ таланта, доставляло ему тѣ страданія, на которыя онъ жаловался. «Я теперь-то чувствую, что *дарованію нужно побужденіе и одобреніе*; бѣда, если самолюбіе заснетъ» (III, 48). Эту мысль поэтъ возводитъ и въ общій принципъ: «Правленіе должно легѣть и баловать музъ: вначе онѣ будутъ бесплодны» (Ib. 268). Видно, Батюшковъ недалеко ушелъ отъ представленій вѣка Людовика XIV.

Нельзя не пожалѣть, что современники Батюшкова, друзья его, а ихъ было у него довольно въ литературныхъ сферахъ, такъ мало оставили о немъ воспоминаній. Это общій недостатокъ времени, безъ сомнѣнія находящійся въ связи съ тѣмъ подчиненнымъ состояніемъ литературы нашей, въ какомъ она находилась въ то время. Даже біографію величайшаго русскаго поэта, Пушкина, нѣсколько позднѣйшаго, чѣмъ Батюшковъ, приходится составлять мозаически, при чемъ свидѣтельства современниковъ весьма недостаточны. Благодаря трудолюбивому біографу поэта, мы имѣемъ о немъ одно, довольно полное свидѣтельство, принадлежащее перу женщины, его современницы, Е. Г. Пушкиной, но оно слишкомъ общаго характера, хотя и изображаетъ поэта въ лучшую пору его жизни (I, 2—3). По этому изображенію Батюшковъ страдалъ «оскорбленнымъ честолюбіемъ», потому что былъ «обойденъ при производствѣ». Такой источникъ внутренняго непріятнаго чувства въ поэтѣ конечно рисуетъ время, но негодованіе Батюшкова могло относиться развѣ къ его батальонному и полковому командирамъ и никакъ не сдѣлаться общимъ характеромъ его міросозерцанія. «Я любила его бесѣду, говорить свидѣтельница, и *еще болѣе любила его молчаніе*». Это нѣсколько двусмысленно и конечно не много даетъ для характеристики поэта. Въ многочисленныхъ-письмахъ своихъ онъ конечно не молчалъ, но при всѣхъ нашихъ усиліяхъ воспользоваться ими для опредѣленія личности Батюшкова, опасаясь можеть-быть рѣзкаго и неправильнаго сужденія, мы не въ состояніи уяснить

себѣ противорѣчія его мыслей и сужденій. Невольно приходитъ на мысль, что съ первыхъ молодыхъ лѣтъ его жизни въ немъ уже были зародыши той страшной наследственной болѣзни, которая окружила его мрачною ночью безумія. Но чтобъ услѣдить эти ранніе признаки приближающагося душевнаго недуга, надобно бы было, чтобъ между современниками были тонкіе и развитые психіатры, которые бы наблюдали за нимъ съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ изслѣдованія. Вполнѣ вѣрно почтенный біографъ поэта признаетъ причиною недуга наследственность; всѣ остальные причины, приводимыя современниками, а въ ихъ числѣ и «оскорбленное самолюбіе», были болѣе или менѣе только поводами, иногда можетъ-быть и вполнѣ ничтожными, которые могли способствовать или ускорить развитіе болѣзни.

Изъ жизни многихъ поэтовъ извѣстно, какое большое мѣсто занимаетъ въ ихъ поэтическомъ творествѣ *чувство любви*; любовь и поэзія часто сливаются въ одно, и чѣмъ глубже, искреннѣе чувство, тѣмъ реальнѣе и роскошнѣе выраженіе его въ поэтическихъ образахъ. Два раза Батюшковъ переживалъ это чувство, но оба раза оно осталось неудовлетвореннымъ. Въ первый разъ, въ Ригѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ раны, когда ему было 20 лѣтъ, можно еще замѣтить по стихамъ его нѣкоторое довольство чувствомъ. Таковы его стихотворенія: «Выздоровленіе» (I, 49), «Посланіе графу Велеурскому» (I, 65—66), «Воспоминаніе» (I, 89), но уже въ последнемъ чувствѣ отодвинуто въ прошедшее; только окрыленный воспоминаніями, онъ улетаетъ въ глубь этого прошедшаго; предметъ страсти является тѣнью, мечтою. Дальше, въ слѣдующіе годы, эта тѣнь уже не появляется. Біографъ говоритъ, что «самыя условія этой любви» дѣлали бракъ неосуществимымъ, но у насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, что онъ думалъ о бракѣ. Просто — то было мимолетное и неглубокое чувство, оставившее самый слабый слѣдъ въ стихахъ. Въ другой разъ мы видимъ нѣчто болѣе серьезное. Но за то и неудовлетворенность этого чувства оставила болѣе глубокий слѣдъ. Повидимому, въ рѣшительную минуту онъ не нашелъ

сочувствія, «ударъ былъ нанесенъ ему прямо въ сердце и тяжело отозвался на всемъ его существѣ» (Біографія, 193). Почему Батюшковъ не нашелъ сочувствія, изъ біографіи не ясно, но сердце любимой дѣвушки было свободно и она только черезъ восемь лѣтъ послѣ исканій поэта вышла замужъ за другого. Эта вторая любовь, повидимому отвергнутая, внушила поэту нѣсколько стихотвореній, полныхъ болѣе глубокаго чувства, и, что любопытно, именно въ это время его стихъ, выраженіе крѣпнуть, присутствіе таланта становится ощутительнѣе. Таковы его стихотворенія: «Таврида» (I, 221), которую онъ не видалъ еще, но куда зоветъ свою возлюбленную, «Разлука» (223), «Воспоминанія» (226), въ особенности полное тоскою любви, «Мой геній» (230) и «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (238), сдѣлавшаяся впоследствии весьма распространеннымъ и моднымъ романсомъ. Но за то — ни одного реального образа, такъ что нельзя составить яснаго и опредѣленнаго понятія о чувствѣ поэта. Это нераздѣленное чувство легло послѣднею скорбною тѣнью на жизнь поэта. Весьма можетъ быть, что оно было источникомъ религіознаго чувства, которое до тѣхъ поръ не проявлялось въ его стихахъ, хотя и въ этомъ случаѣ онъ беретъ чужіе мотивы. Такова его «Надежда» (I, 233) — явное подражаніе Жуковскому. Съ этого времени въ стихахъ его чаще проявляется желаніе смерти, мечта о гробѣ,

«Когда жъ струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную рязу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?»

Таково его посланіе «Къ другу» (I, 235), проникнутое тѣмъ же скорбнымъ чувствомъ, передъ которымъ исчезаетъ прахомъ вся радость жизни:

«Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,

На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
И что жъ?... Ихъ урны обнимаемъ!»

Рядомъ съ этимъ чувствомъ, слышится и сожалѣніе объ уtratѣ таланта (I, 273—274) и вмѣстѣ съ тѣмъ то самолюбіе, которое составляло главное свойство внутренняго человѣка въ Батюшковѣ:

«Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!» (I, 297).

Это отрывокъ одного изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Батюшкова. Здѣсь любопытно употребленное имъ слово: *францизмъ*. Въ тѣ годы оно начинало только входить въ употребленіе, особенно между болѣе молодымъ поколѣніемъ. Слово занесено было къ намъ изъ Франціи, и понятіе, соединенное съ нимъ, выражало новое направленіе мысли общественной. Понятіе было плодомъ нашей «освободительной» войны и пребыванія во Франціи. «Болѣе просвѣщенные (офицеры) или тѣ, въ которыхъ таилось особое дарованіе, *устывали вынести отсюда новые залоги для своего развитія и дальнѣйшей дѣятельности*. Въ такомъ положеніи оказался и Константинъ Николаевичъ» (слова біографіи, 177). Батюшковъ говорилъ о себѣ: «лучшимъ возвращаюсь»; по біографіи онъ не остался вполне чуждымъ и социальнымъ вопросамъ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился съ Н. Тургеневымъ и «провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ дней», но у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько Батюшковъ раздѣлялъ убѣжденія и мысли о будущемъ отечества, которыя соединяли тогда лучшихъ, болѣе образованныхъ и талантливыхъ представителей молодого поколѣнія. Связей и общенія у него съ ними или не было вовсе, или доказательства ихъ существованія истреблены. Если переводъ известнаго стихотворенія Шиллера «Судьба Одиссея» (I, 193), какъ всѣ переводы и подражанія Батюшкова, имѣеть, какъ

это вполне вѣрно доказываетъ Л. Н. Майковъ, близкое отношеніе къ его собственному настроенію, то намъ непонятно, почему русскій Одиссей «не позналъ отчизны». Напротивъ, онъ былъ въ полномъ восторгѣ и на родинѣ ничего не измѣнилось, какъ и онъ самъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ, нисколько не тронутый новымъ. Этого нельзя не видѣть изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его стихотвореній и изъ отношеній его къ Никитѣ Муравьеву, сыну его благодѣтеля, единственному представителю молодого поколѣнія, знакомому ему съ дѣтства. Л. Н. Майковъ справедливо, по хронологическимъ соображеніямъ, отвергаетъ свидѣтельство Греча, что Батюшковъ, воротясь изъ Неаполя въ 1821 г., «узналъ отъ Никиты Муравьева о существованіи *тайныхъ замысловъ*» (а ихъ и вовсе не существовало до 1825 года, сколько можно судить по историческимъ даннымъ); «можетъ-быть ему и предложено было вступить въ союзъ... Онъ ужаснулся и сошелъ съ ума» (Записки, 406). Батюшковъ очень любилъ Муравьева и очень высокога былъ о немъ мнѣнія: «Молодой Муравьевъ будетъ украшеніемъ Россіи, писалъ онъ къ Гнѣдичу, если пойдетъ по стопамъ своего отца. Умъ дѣльный, большія способности и сердце своего родителя съ пламенною душою матери: рѣдкое сочетаніе! Дай Богъ ему здоровья и успѣха! (III, 319). «Онъ слишкомъ благородно чувствуетъ», пишетъ онъ къ матери (336, 341); «познакомься покороче съ Муравьевымъ, совѣтуетъ онъ Жуковскому, съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живою портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ на службѣ: мы еще потеряемъ человѣка» (360). Муравьевъ состоялъ при Жюмнини и работалъ для него; Батюшковъ не совѣтъ доволенъ этою сухою наукою, часто бесплодною, и совѣтуетъ ему «не все жить въ лагерѣ, танцовать болѣе, выѣзжать, веселиться и писать по-русски» (411). Уваженіе къ молодому Муравьеву, по словамъ поэта въ 1818 г., возрастаетъ у него день ото дня (496). Но говорили ли они о «соціальныхъ вопросахъ» — не знаемъ. Рѣзкое противорѣчіе воззрѣній того и другого выступаетъ въ тѣхъ замѣткахъ

карандашемъ, который сдѣланы были Никитою Муравьевымъ на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, подаренномъ ему потомъ въ 1817 году (II, 444—445, 451, 526—528). Изъ этихъ любопытныхъ примѣчаній нельзя не вывести заключенія, что Муравьевъ несколько не уважалъ Батюшкова и конечно разошелся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Трудно судить о политическихъ убѣжденіяхъ поэта: онъ ихъ не высказываетъ; повидному ихъ и нѣтъ. Если и прежде, до общаго поднятія мысли въ людяхъ, задумывавшихся о положеніи отечества, мы не находимъ ни въ сочиненіяхъ, ни въ письмахъ Батюшкова никакого намека на это положеніе, то и теперь его нѣтъ. Между тѣмъ все невольно обращало умъ въ эту сторону, заставляло его работать: и цѣлый рядъ вполне безцѣльныхъ войнъ въ Европѣ, растратившій наши силы и разрушившій надолго финансы, приведшій насъ къ страшнымъ испытаніямъ войны отечественной, и миръ безъ славы и пользы, и печальное положеніе не устроенной страны. Никита Муравьевъ принадлежалъ къ числу этихъ объ общемъ благѣ задумывающихся людей. Между тѣмъ въ томъ, что напримѣръ Батюшковъ говоритъ въ концѣ своей статьи «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи» (II, 140—141), мы читаемъ тѣ же мысли, которыя проповѣдывалъ въ то время великій учитель людей, негодовавшій на современное просвѣщеніе и науку — Жозефъ-де-Местръ, мы слышимъ рѣчи приближающейся реакціи, недовольной умственымъ пробужденіемъ страны.

Мало касались мы въ нашей статьѣ собственно поэтическихъ и вообще литературныхъ произведеній Батюшкова именно потому, что ихъ значеніе, ихъ смыслъ и содержаніе подробно разработаны въ превосходной вступительной статьѣ «О жизни и сочиненіяхъ Батюшкова», принадлежащей редактору. Съ ея положеніями и выводами мы должны вполне согласиться. Рѣдко можно встрѣтить въ нашей наукѣ исторіи литературы такую полную, всестороннюю монографію, посвященную одному изъ главныхъ представителей словесности —

до-Пушкинскаго періода. Если изложеніе фактовъ жизни поэта отличается полнотою, какая только была возможна при существующихъ условіяхъ этой полноты, то и историко-литературное значеніе его произведеній опредѣлено воистинѣ справедливо. Укажемъ, напримѣръ, на преобладающій поэтический родъ у Батюшкова, на *антологическую поэзію* (*poésies fugitives*). Содержаніе этого рода стихотвореній у поэта, образцы, которымъ онъ подражалъ и особенности, ему принадлежащія, все это указано и тонко и вѣрно (Біографія глава VII, 91—100). То же самое слѣдуетъ повторить объ отношеніяхъ Батюшкова къ Арзамасу и касательно значенія этого литературнаго общества (Глава XI, 242—258). Заключительныя страницы біографіи поэта (313—316), представляющія выводы цѣлаго, богатаго фактами изслѣдованія, посвящены опредѣленію значенія Батюшкова въ исторіи нашей поэзіи. Въ нихъ указано отношеніе Батюшкова къ предшествовавшему развитію, какъ по содержанію, такъ и по формѣ поэзіи, и къ послѣдующему. Справедливо смотритъ біографъ на Батюшкова, какъ на предшественника Пушкина и доказываетъ ихъ духовное родство. Не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ уважаемымъ біографомъ въ томъ слишкомъ теоретическомъ опредѣленіи, что Батюшковъ былъ чистымъ художникомъ въ творествѣ и за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей. Не станемъ говорить о томъ — хорошо это или дурно, но какой же поэтъ, создавая свои образы, думаетъ о практическихъ цѣляхъ своего творчества? Это происходитъ независимо отъ его воли. Быть сознательно чистымъ художникомъ, представителемъ исключительно, такъ называемой, «художественной поэзіи» по нашему мнѣнію невозможно; творить образы въ времени и пространства — нельзя. Можетъ-быть мы и ошибаемся, но убѣждены, что главный факторъ въ поэтическомъ творествѣ — страна, родина поэта и содержаніе ея жизни; художественность — это внѣшнее, хотя и безусловно необходимое условіе поэтическаго созданія. Нѣтъ въ жизни страны возбуждающаго содержанія — творчество поэта уходитъ въ далекую отъ

нея область или въ звуки, выражающіе міръ личныхъ ощущеній, но въ самой полнотѣ этихъ звуковъ слышится уже содержаніе общей жизни. Поэтъ безсознательно долженъ выражать только то, что даво ему жизнью.

Изданіе сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ ко всѣмъ тремъ томамъ его, даетъ такой обширный комментарий къ нимъ, что нельзя не поздравить читателя этой книги. Передъ нами точно изданіе древняго классика, сдѣланное трудолюбивымъ и превосходно знакомымъ съ нимъ нѣмецкимъ профессоромъ XVIII вѣка. Это чрезвычайно важное дополненіе къ біографіи. Для современнаго читателя Батюшковъ уже старый писатель; читать и изучать его будутъ только по профессіи тѣ, которымъ важно знакомство съ исторіей русской поэзіи или съ исторіей страны, выражающей въ ея литературѣ. Весьма немногія стихотворенія Батюшкова доставляютъ непосредственное эстетическое наслажденіе. Для читателя поэтому необходимы объясненія, а ихъ такъ много, такой любопытный историко-критическій матеріалъ даютъ они, что изучать Батюшкова съ ними теперь легко. Для того однако, чтобы дать такой превосходный комментарий къ сочиненіямъ Батюшкова, необходимы были со стороны составителя не только глубокое знакомство съ сочиненіями самого Батюшкова, но и со всею и современною и предшествовавшею ему литературою, какъ русскою, такъ и обще-европейскою и часто классическою, такъ какъ Батюшковъ заимствовалъ и изъ нея; наконецъ — съ цѣлою эпохою. Это знакомство и обширно и глубоко въ одно время. Со стороны комментатора требовалось глубокое увлеченіе авторомъ, полное углубленіе въ его мысли, желаніе непремѣнно объяснить то, что хотѣлъ онъ сказать. Иногда этотъ комментарий походитъ на тонкую работу ювелира. Приведемъ, между множествомъ такого рода объясненій, напр. одно, сдѣланное къ статьѣ Батюшкова «Путешествіе въ замокъ Сирей» (стр. 72, II, 407—408) по поводу имени Агнесы или другое — объ источникахъ статьи Батюшкова «Мысли», въ первый разъ перепечатанной въ разбираемомъ изданіи (II, 394),

но мы боимся дальнѣйшими указаніями еще болѣе расширить нашу рецензію, и безъ того длинную. Невольно представляется намъ въ лицѣ г. Майкова идеальный комментаторъ эпохи Возрожденія, какъ изображенъ онъ въ извѣстномъ портретѣ Эразма Роттердамскаго, сдѣланномъ кистью Гольбейна, съ тонко сжатыми губами, съ пронизательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ книгу, съ перомъ въ длинныхъ вязанныхъ пальцахъ.

Не говоря о томъ, что каждый европейскій писатель, имя котораго почему-либо встрѣчается въ сочиненіяхъ Батюшкова, непременно, въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ и по отношенію къ нашему поэту, объясненъ въ комментаріяхъ, исторія русской литературы чрезвычайно выигрываетъ отъ сихъ послѣднихъ. Кому не извѣстенъ недостатокъ біографическихъ словарей, которыми она страдаетъ. Словарь митрополита Евгенія давно устарѣлъ; словарь Геннади остановился на буквѣ М; словарикъ г. Андреева — слишкомъ недостаточенъ; трудъ г. Венгерова — весь въ будущемъ. А между тѣмъ, какъ важны и необходимы такія пособія. Всѣ три тома сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ къ нимъ, даютъ намъ 75 біографій русскихъ писателей, имена которыхъ, какъ современниковъ Батюшкова, почему-либо упоминаются въ изданіи. Очень много въ свѣдѣніяхъ, вошедшихъ въ эти біографіи, новаго и неизвѣстнаго, добытаго усерднымъ и внимательнымъ разысканіемъ, а извѣстное соединено въ одно цѣлое и снабжено точными біографическими указаніями. Изъ этихъ 75 біографій 35 принадлежатъ Л. Н. Майкову (изъ нихъ самыя обширныя: кн. Б. В. Голицына, кн. И. М. Долгорукова, Жихарева, И. М. Муравьева-Апостола, Нелединскаго-Мелецкаго, А. М. Пушкина, В. Л. Пушкина). Остальныя 40 біографій составлены г. Сантовымъ. Справедливость требуетъ сказать объ этомъ біографическомъ и библиографическомъ трудѣ г. Сантова, что онъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и доказываетъ въ авторѣ обширныя свѣдѣнія и большую начитанность въ произведеніяхъ писателей, современныхъ Батюшкову, и въ тогдашней жур-

нальной литературѣ. Изъ біографій, составленныхъ г. Саятовымъ, особенно полнотою содержанія отличаются біографіи слѣдующихъ лицъ: Беницкаго, Боброва, Дашкова, Капниста, Лобанова, М. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, Озерова, Н. А. Радищева (сына), А. И. Тургенева, кн. Шаликова и кн. Шаховского. Это совершенно отдѣльный трудъ, годный самъ по себѣ, и мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые упрекаютъ г. Саятова за излишнія длинноты, за цитированные отрывки изъ писемъ Батюшкова, когда можно сослаться на страницы, гдѣ они напечатаны, на иностранные стихи и прозу и пр. (Русская Старина, т. LIV, стр. 545—546). Въ этихъ комментаріяхъ нѣтъ ничего общаго съ тѣми, какими снабдилъ Гарусовъ свое изданіе «Горе отъ Ума». Одно жаль, что для знакомства съ ними надобно покупать три тома сочиненій Батюшкова, а это не всякому по карману.

Соображая въ заключеніе все высказанное мною въ разныхъ частяхъ этой рецензіи съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ внимательнаго изученія изданія сочиненій Батюшкова, я пришелъ къ убѣжденію (позволяю себѣ надѣяться, что оно раздѣляется и членами Отдѣленія русскаго языка в словесности), что трудъ Л. Н. Майкова, какъ редактора изданія, долженъ быть признанъ воицѣ удовлетворительнымъ и награжденъ полною премією А. С. Пушкина, размѣръ которой указанъ въ § 4 Положенія объ этихъ преміяхъ.

Комиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, признала съ своей стороны, что воицѣ справедливый отзывъ профессора Булича объ участіи г. Саятова въ этомъ трудѣ даетъ ему право на установленную въ правилахъ поощрительную премію.

II.

Въ Сумеркахъ. Разказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г.
(Разборъ А. Ѳ. Бычкова).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ газетахъ небольшіе разказы г. Чехова, предметомъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность и умѣнье живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно впрочемъ съ цѣлю вызвать улыбку въ читателѣ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ его «Пестрые разказы». Книга подъ этимъ заглавіемъ содержала въ себѣ разказы и очерки, частію уже напечатанные, частію новые, въ числѣ которыхъ было нѣсколько очень милыхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ г. Чеховѣ большой талантъ. Въ слѣдующемъ 1887 г. явился новый сборникъ г. Чехова, носящій заглавіе: «Въ сумеркахъ. Разказы и очерки». О достоинствѣ разказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, мнѣ предстоитъ дать отчетъ. Всѣхъ разказовъ помѣщено въ книгѣ 16-ть. Они, какъ и прежніе, небольшого объема и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, замѣчается искусство нерѣдко одной чертою дополнить картину, сообщить читателю то, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такіе незначительныя вещицы, которыя болѣе

или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попало ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно большій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастіе», «Агаея» и «Святою ночью».

Содержаніе разсказа «Вѣрочка» самое обыкновенное, весьма часто повторяющееся въ жизни. Молодая дѣвушка Вѣра Гавриловна Кузнецова, дочь предсѣдателя земской управы, человѣка пожилыхъ лѣтъ, полюбила Ивана Александровича Огнева, пріѣхавшаго въ одинъ изъ нашихъ глухихъ уѣздовъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Огневъ во все время своей командировки и дневалъ и ночевалъ въ усадьбѣ Кузнецова, нерѣдко бесѣдовалъ и совершалъ прогулки съ Вѣрой Гавриловной, не оказывая ей особеннаго вниманія, а между тѣмъ чувство любви къ нему не только заронилось въ грудь дѣвушки, но и постепенно разрасталось, хотя оно съ ея стороны не было ничѣмъ обнаруживаемо. Наконецъ наступило время Огневу разстаться съ гостепріимнымъ кровомъ, и вотъ въ послѣднія минуты его пребыванія въ усадьбѣ совершенно неожиданно для него разыгралась исторія. Онъ уже простился съ старикомъ и направился въ городъ, какъ у садовой калитки повстрѣчался съ Вѣрою Гавриловною. «Они пошли по дорогѣ. Деревья не заслоняли простора и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и побѣлѣе, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или ключьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ ключьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса». Долго шли молодые люди молча, если не считать незначительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которыми они перебрасы-

вались. Наконецъ они дошли до небольшого узкаго мостика, который находился въ 20 шагахъ отъ гѣса.

«Ну, вотъ и мостикъ! сказалъ Огневъ. Тутъ вамъ поворачивать назадъ... Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ, сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ.— Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей вязкѣ книгъ и продолжалъ говорить. Своими участливыми вопросами о состояніи ея здоровья и о причинѣ грусти, видимой, на ея лицѣ, Огневъ вызвалъ въ дѣвушкѣ признаніе, что она его любитъ. «Я... я люблю васъ!» и полилась неудержимымъ потокомъ ея горячая рѣчь, такъ долго таившаяся въ умѣ и сердцѣ; а онъ, сдержанный и холодный, нисколько не ожидавшій признаній, полный страха, чтобы не увлечься дѣвушкой, въ отвѣтъ на ея слова забормоталъ: «Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого... съ вашей стороны... чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсіи, то-есть когда обѣ стороны ...одинаково любятъ... «Я васъ настолько уважаю, что ...мнѣ больно!»

Этого было достаточно для дѣвушки; она сразу поняла, что въ избранникѣ ея сердца нѣтъ ни искры любви къ ней — и всѣ мечты ея мгновенно разлетѣлись. Вѣра стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла, поникла головой, рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ.

Огневъ послѣдовалъ за нею; на всѣ его жалкія слова она отвѣчала молчаніемъ, и только у калитки она мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

А Огневъ постарался убѣдить себя, что нельзя же насильно полюбить, и только тогда, «когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула

отъ него часть его молодости и что минуты, которыя онъ такъ бесплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся).

Но этотъ проблескъ чувства у Огнева продолжался не долго; его быстро смѣнила себялюбивая разсудительность и, отыскивая причину своей холодности къ дѣвушкамъ, онъ незамѣтно дошелъ до города. «Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Александровичъ опустился на постель и долго, долго глядѣлъ на огонь, потомъ встряхнулъ головой и сталъ укладываться». Вотъ сжатое содержаніе разсказа, изложеннаго авторомъ просто, тепло и психологически вѣрно: онъ сумѣлъ проникнуть въ тайникъ душевныхъ движеній двухъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, и надо сказать съ большимъ искусствомъ и въ высшей степени правдоподобно — а въ этомъ заключается мастерство художника — изобразилъ борьбу, которая происходила въ душѣ дѣвушки, пока она не произнесла роковыхъ для нея словъ: «я васъ люблю».

Единственно въ чемъ можно упрекнуть автора, такъ это въ томъ, что онъ совершенно не коснулся отношеній Огнева къ Вѣрѣ Гавриловнѣ, предшествовавшихъ ея признанію, которое такимъ образомъ является совершенною неожиданностію. Вслѣдствіе этого и весь разсказъ представляется эпизодомъ, заимствованнымъ изъ цѣлой бытовой эпопеи, къ которому какъ-то искусственно приставлено вступленіе.

Къ числу удачныхъ психологическихъ этюдовъ можно также причислить «Несчастье». Главными дѣйствующими лицами въ немъ являются Софья Петровна Лубянцева, молодая красивая женщина, и присяжный повѣренный Ильинъ, старинный ея пріятель и сосѣдъ по дачѣ. Ильинъ упорно ухаживаетъ за Лубянцовой; она проситъ его оставить ее въ покоѣ, проситъ остаться друзьями; но всѣ ея доводы, всѣ ея просьбы ни къ чему не приводятъ. Мало по малу Лубянцева, незамѣтно для себя самой, увлекается Ильинимъ, но, желая остаться вѣрною и доброю матерью, ищетъ опоры у мужа, но ее не находятъ. Такимъ образомъ послѣдняя ея надежда рушилась, и она подъ вліяніемъ страсти вышла изъ дома. Непреодолимая сила гнала ее, она за-

дышалась, сгорала отъ стыда, но то, что толкало ее впередъ, было сильнѣе и стыда ея, и разума, и страха. Ростъ-страсти Лубяцовой къ Ильину, борьба между долгомъ и увлеченіемъ подмѣчены и переданы весьма вѣрно.

Нѣжная задушевность и особенная теплота чувства замѣчаются въ разсказѣ «Святою ночью». Содержаніе его не сложно, просто и состоитъ болѣе въ описаніи чѣмъ въ дѣйствіи. Авторъ пожелалъ переправиться черезъ рѣку Голтву въ монастырь, чтобы присутствовать при торжественномъ богослуженіи въ день Пасхи. При переѣздѣ на поромѣ черезъ рѣку, авторъ вступилъ въ разговоръ съ послушникомъ Іеронимомъ, на котораго возложена обязанность перевозчика. Іеронимъ между прочимъ сообщилъ о смерти іеродіакона Николая и въ грустномъ настроеніи отъ этой потери вспоминаетъ съ особенною любовью объ его прекрасныхъ качествахъ и добромъ сердцѣ. Въ числѣ другихъ качествъ покойникъ имѣлъ даръ писать акаенсты, и въ доказательство этого и трудности ихъ составленія Іеронимъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. «Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно, говорилъ Іеронимъ. Надо, чтобъ въ каждой строчкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго или несоответствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепеть приходилъ. Въ Богородичномъ акаенствѣ есть слова: «Радуйся, высоту неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубоко неудобозримая и ангельскими очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акаенста сказано: «Радуйся, древо свѣтло-плодовитое, отъ него же питаются вѣрніи; радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози! Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное»... Найдеть же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово, и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ»... сказалъ въ акаенствѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова та-

кого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, вашель въ умѣ своемъ!» Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что такова и должна была быть рѣчь у послушника, проникнутаго благоговѣніемъ къ составителю академистовъ. Изъ этого же разсказа приведу прекрасное описаніе Голтвы и ночи на Великій день: «Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣченку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предомной разстлалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащія тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы».

«Было темно... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Ради праздничнаго наряда вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ, звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо».

Не дурны также слѣдующіе разсказы, находящіеся въ разсматриваемомъ сборникѣ: «Мечты», въ которомъ дѣйствующими лицами являются не помнящій родства бродяга и двое сотскихъ его сопровождающихъ; «На судѣ» — вѣрный списокъ съ дѣйствительности, къ сожалѣнію какъ-то круто обрывающійся; «Коммаръ», въ которомъ весьма рельефно очерчена фигура отца Якова, занимающаго мѣсто въ бѣдномъ приходѣ, едва доставляющемъ ему средства, чтобы не умереть съ голода. Находясь въ постоянной борьбѣ съ нуждою, отецъ Яковъ равнодушно выслушиваетъ предложеніе Кунина, молодаго человѣка, вернувшагося изъ Петербурга въ свое Борисово, относительно заведенія церковно-приходской школы, является растеряннымъ отъ желанія скрыть свою бѣдность и вслѣдствіе этого едва не лишается мѣста и черстваго куска хлѣба.

Менѣе удачны рассказы: «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма». Въ этомъ послѣднемъ изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую мужъ считаетъ за вѣдьму, чѣмъ и объясняетъ поднявшуюся выюгу и прїездъ на ночлегъ сбившейся съ дороги почты, сопровождаемой почталіономъ, радушно принятымъ дьячихой.

Подведу итогъ всему сказанному. Книга подъ заглавіемъ «В сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; въ рассказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между рассказами художественно исполненные, но также дѣйствительные и придуманные («Вѣдьма»), растянутые («Простой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ напримѣръ: на травѣ висятъ тускляя, недобрыя слезы (стр. 3), прекрасно симулировалъ влюбленнаго (стр. 23), гдѣ бы я могъ согдиться (стр. 25), и утратить для него навсегда свое реальное значеніе (стр. 83), внутри все сарайно (стр. 103), такова ужъ планида русскаго лица (стр. 134), когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ (стр. 146), большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей (стр. 163) и др.

Выше я привелъ нѣсколько прелестныхъ описаній природы; позволяю себѣ присоединить къ нимъ, въ доказательство умѣнья Чехова живописать природу и подмѣчать въ ней разнообразіе явленій, другое описаніе тумана изъ рассказа «Мечты».

«Путники давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди ихъ сажень пять грязной, чернубурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе, и клочокъ остается клочкомъ. Мелькнетъ бѣлый, угловатый булыжникъ, буеракъ или охапка стѣна, оброненная проѣзжимъ, блеснетъ не надолго большая мутная лужа, а то вдругъ неожиданно впереди покажется тѣнь съ

неопредѣленными очертаніями; чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ она меньше и темнѣе, еще ближе — и передъ путниками вырастаетъ погнувшійся верстовой столбъ съ потертой цифрой, или же жалкая березка, мокрая, голая, какъ придорожный пищій. Березка пролепечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣниво полетитъ къ землѣ... А тамъ опять туманъ, грязь, бурая трава по краямъ дорогъ.

Принимая во вниманіе достоинства сборника рассказовъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ б § 9 Правилъ.

Комиссія, усматривая изъ этой рецензій, что рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критикѣ, представляютъ однакоже выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ; — нашла возможнымъ присудить ему половинную Пушкинскую премію.

III.

Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Спб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).

Изъ всей группы важнѣйшихъ произведеній Мольера «Тартюфу» особенно посчастливилось въ русской литературѣ; переводы, подражанія и переложенія безостановочно слѣдуютъ одинъ за другимъ съ той поры, какъ этой пьесѣ пришлось украсить собой въ прошломъ столѣтіи (въ переводѣ Ивана Кропотова) репертуаръ только что зарождавшагося постояннаго русскаго театра. Одна изъ задачъ переводной работы, — ознакомленіе отечествен-

ной публики хотя бы въ общихъ чертахъ съ лучшими созданіями творчества другихъ народовъ, — въ данномъ случаѣ давно выполнена, и типъ Тартюфа, усвоенный и нашею словесностью, еще болѣе утвердился въ своемъ общечеловѣческомъ значеніи. Но въ то время, какъ переводы мольеровской комедіи, и стихотворные и прозаическіе, осуществляли эту задачу и въ болѣе или менѣе удачной формѣ передавали духъ пьесы, довольно непринужденно относясь къ тому, что считали второстепенными подробностями, изученіе мольеровскаго текста, объясненіе художественныхъ достоинствъ комедіи, ея соціальнаго значенія, ея связей съ личною исторіею автора такъ сильно подвинулись впередъ на Западѣ, что несовершенство «приблизительныхъ» переводовъ и слишкомъ поверхностнаго отношенія къ дѣлу стало особенно ощутительнымъ. Теперь уже недостаточно умѣнья передать въ легковзвучныхъ и остроумныхъ стихахъ довольно схожіи силуэтъ знаменитой комедіи. Критика въ правѣ предъявить ея перелагателью сложныя и вѣскія требованія.

Французскій языкъ 17-го вѣка во всей его своеобразности и въ частности языкъ Мольера (къ которому давно есть особые словари Женена, Ливе и др.) достаточно уже изслѣдованы, чтобы можно было ожидать отъ переводчика вполне точной передачи мольеровской мысли, юмора, оригинальныхъ слоговыхъ приѣмовъ. Разнообразныя и тонкіе отгѣнки въ діалогѣ, то притворно умиленномъ и смиренномъ въ рѣчахъ Тартюфа, то задорно бойкомъ въ устахъ Дорины, то полною достоинства у Эльмиры, то искренно возмущенномъ въ рѣчахъ Клеанта, проявляютъ великое мастерство Мольера въ обрисовкѣ характеровъ, — и критика не удовлетворится однообразнымъ, хотя бы живымъ и комическимъ колоритомъ всѣхъ безъ исключенія рѣчей. Она давно отгадала, въ какихъ мѣстахъ пьесы всего полнѣе выразился замыселъ сатирика, его завѣтныя убѣжденія; она помнитъ, что нѣкоторыя особенно мѣткія изреченія стали всесвѣтными поговорками, что у другихъ выраженій, искусно заимствованныхъ и переработанныхъ, есть цѣлая литературная исторія, дѣлающая ихъ столь же

неприкосновенными, — и потребуетъ точной передачи всѣхъ подобныхъ выдающихся мѣстъ. Она располагаетъ достаточными данными для опредѣленія отношеній пьесы къ современной ей жизни, указывающими, на какія ея стороны, частныя явленія, даже отдѣльныя лица направлена была сатира; точно такъ же раскрытая теперь исторія гоненій, воздвигнутыхъ на пьесу, обозначила въ ней сочтенныя нѣкогда наиболѣе опасными и потому особенно заслуживающія обстоятельной передачи заявленія автора. Для полнаго пониманія «Тартюффа» всѣ эти историческія и общественныя черты столь же важны, какъ и художественныя красоты.

Несомнѣнная трудность сочетанія такого точнаго воспроизведенія пьесы съ прихотливыми требованіями стихотворной формы, конечно, не можетъ быть упущена изъ виду, но и ради нея критика не въ правѣ понизить или ослабить своихъ требованій; она сознаетъ, что и по отношенію къ подобному труду въ правѣ выѣстить лишь тотъ, кто дѣйствительно выѣстить, и что новое переложеніе классическаго произведенія ни для кого не обязательно. Или передъ нами пьеса, потрясшая до основанія современное ея общество и занимающая почетное мѣсто въ лѣтописи просвѣтительнаго движенія, или это — заурядное произведеніе, съ которымъ особыя предосторожности излишни. Что сказали бы мы о переводѣ *L'ore omz ума*, въ которомъ благородный тонъ негодующихъ рѣчей Чацкаго былъ бы низведенъ до водевильной развязности, а заключительный монологъ третьяго акта или протестъ противъ сужденія «временъ очаковскихъ» были выпущены или ступешваны до блѣднаго отпечатка? Между тѣмъ со многими изъ великихъ произведеній Мольера, въ которыя онъ также вложилъ всю свою душу, которыя (какъ именно «Тартюффа») онъ потомъ еще болѣзненнѣе выстрадалъ, обращаются часто нисколько не лучше. Наши переводчики Шекспира уже прониклись убѣжденіемъ въ необходимости постоянныхъ справокъ съ комментаторами и биографами, и ихъ работы значительно выше переложеній Мольера, въ которыхъ еще господствуетъ дилеттантизмъ, недостойный богатой и уважающей себя литературы.

Задача, поставленная себѣ г. Лихачевымъ, была такимъ образомъ далеко не изъ легкихъ. Выступая послѣ многихъ предшественниковъ переводчикомъ «Тартюффа», онъ повидимому не имѣлъ въ виду умножить только число легко читающихся переводовъ, но (судя по заботливой передачѣ многихъ мѣстъ) стремился облечь въ возможно болѣе безупречную русскую форму созданіе поэта, сохраняя духъ и сущность комедіи. Анализъ его работы покажетъ, въ какой степени онъ достигъ этой цѣли и выполнилъ выставленные нами выше требованія исторической и художественной критики.

Очевидно, не послѣднюю заботу составляла выработка непридуманной разговорности слога; цѣль прекрасная, потому что въ подобныхъ случаяхъ у насъ часто встрѣчается какая-то чопорная разиѣренность выраженій, какъ будто налагающая отпечатокъ псевдо-классической правильности на діалогъ Мольера, тогда какъ онъ на дѣлѣ гибокъ, свободенъ и рвется на встрѣчу живому народному говору. Въ общемъ эта цѣль достигнута: переводъ читается легко, діалогъ естественно и быстро развивается, что особенно пригодно будетъ при сценическомъ исполненіи. Но у этой жизненности и простоты есть, однако, обратная сторона: они развились въ ущербъ отиѣченному уже нами разнообразію оттѣнковъ, и кромѣ того носятъ скорѣе національно-русскій отпечатокъ. Уже въ мольеровскихъ переводахъ г. Минаева замѣтно было такое же стремленіе какъ бы обрусить оригиналъ; средствомъ для этого было выбрано усвоеніе грибоѣдовскаго стиха. Г. Лихачевъ идетъ по тому же пути (вотъ, на выдержку, слова Дамиса: «Ахъ, батюшка! Лишь васъ недоставало! Пожалуйте поближе: есть у насъ новинка свѣжая для васъ»). Иногда, какъ напримѣръ въ рѣчахъ субретки Дорины, этой родной сестры грибоѣдовской Лизы, это и не нарушаетъ правдивости тона, въ другихъ же случаяхъ часто вызываетъ впечатлѣніе, противоположное намѣреніямъ автора. Такъ Клеантъ задуманъ Мольеромъ не только какъ представитель здраваго смысла, потѣшающійся надъ ограниченностью и доврчивостью Оргона, и по временамъ вста-

вляющій острое слово; въ его защиту терпимости мнѣній, въ проводимое имъ тонкое разграниченіе истинной религіозности отъ ханжества, въ его негодованіе на козни лицемѣровъ авторъ нагѣриво вложилъ глубокую серьезность убѣжденія, горячность возмущенной душевной порядочности; онъ сдѣлалъ его глашатаемъ новыхъ взглядовъ просвѣщеннаго меньшинства, и прежде всего выразителемъ мнѣній самого поэта. Не даромъ Оргонъ называетъ его строгимъ судьей, un oracle, un Caton dans le siècle où nous sommes» (слова, совѣтъ не переведенныя г. Дихачевымъ). Въ переводѣ еще удержанъ болѣе достойный тонъ въ положительныхъ заявленіяхъ этого дѣйствующаго лица, хотя (какъ будетъ показано ниже) они почему-то значительно сокращены; въ остальныхъ же частяхъ своихъ роль эта сбивается скорѣе на типъ комическаго резонера, говорящаго колкости или издѣвающагося надъ чужою неумѣlostью:

Къ чему же крайности? И кто же виновать,
 Что плуту въ руки ты попался?
 Согласенъ я, жестоко ты нарвался...
 Своей бѣдѣ никто не радъ.
 Тартюффа и кляни! При чемъ же здѣсь другіе?

говоритъ Клеантъ. Дамиса онъ старается образумить слѣдующими словами:

Постой, постой! Ты молодъ и горячъ..
 Одумайся, поохладись немного—
 И кулаки подальше спрячь!
 Не тѣ, братъ, времена: за драку взыщутъ строго.

Когда же послѣ такихъ совѣтовъ, какъ будто взятыхъ изъ какой-нибудь комедіи Островскаго, Клеантъ вспоминаетъ о значеніи своемъ, какъ моралиста, онъ выражается иногда темно и непонятно:

Къ чему? Скажите, ужъ не вы ли
 Къ намъ посланы небеснымъ палачомъ?

Въ нѣсколько меньшей степени тотъ же недостатокъ, — какое-то пониженіе тона роли, замѣтенъ и въ обрисовкѣ переводчикомъ Эльмиры. Мольеръ хотѣлъ показать въ ней гармонически уравновѣшенную, полную женственности натуру; Эльмира развита не по своей средѣ, вполне подъ стать своему брату Клеанту; она поняла ничтожность мужа, но во имя долга сноситъ его капризы, недовольство свекрови и трудное положеніе молодой мачехи при взрослыхъ дѣтяхъ; на вынужденное кокетство съ Тартюфомъ она идетъ, едва осиливая чувство брезгливости. Ея оговорки передъ сценой послѣдняго объясненія съ лицемѣромъ (актъ IV, сц. 4) живо рисуютъ ея встревоженную стыдливость. Лишь приблизительно переданы въ переводѣ всѣ эти черты характера, и въ разговорѣ Оргона съ Эльмирой незамѣтно коренного различія между ихъ личностями и уровнемъ развитія. Въ складѣ рѣчей Оргона болѣе соответствія съ подлинникомъ, хотя можно бы пожелать, чтобъ и комизмъ этого упрямаго простака не доходилъ до слишкомъ потѣшной крайности. Съ одной стороны не нужно забывать, что Оргонъ вовсе не первый попавшійся зажиточный мѣщанинъ, замкнутый въ своемъ узкомъ міркѣ: повидимому онъ только что покинулъ службу и своимъ поведеніемъ во время междоусобій обратилъ на себя особое вниманіе короля. Долженъ же быть какой-нибудь отгѣнокъ между нимъ и комическимъ старикомъ итальянской *commedia dell'arte*! Съ другой стороны въ томъ же характерѣ, который своими проявленіями часто вызываетъ усмѣшку, необходимо оставить какой ни на есть уголокъ чувству набожности, на которое подѣйствовалъ Тартюфъ и тѣмъ плѣнилъ его; усиливая комическія краски, рискуешь сдѣлать непонятнымъ это увлеченіе, на которомъ собственно зиждется вся пьеса.

Въ передачѣ рѣчей самого Тартюфа, конечно, главное вниманіе должно быть обращено на усвоеніе особенностей клерикальнаго *жартона* семнадцатаго вѣка. Мольеръ не вложилъ въ уста своего героя только вообще сообразныя съ его характеромъ выраженія, а надѣлилъ его всѣми приемами современнаго пѣтизма, цѣломудреннымъ жеманствомъ шайки святошъ, съ ко-

торой боролся, и любимыми словечками іезуитскихъ брошюръ, которыя осмѣивалъ. У Тартюффа не сходятъ съ устъ упоминанія о Небѣ (le Ciel), часто поставленныя въ совершенно неожиданныя и неподходящія сочетанія; онъ вѣчно въ борьбѣ съ грѣхомъ, «умерщвляетъ свою плоть», ссылается на высшія велѣнія, говоритъ о готовности на самозакланіе;—когда же нужно «войти съ Небомъ въ сдѣлку» и оправдать грѣхъ, онъ опять почерпаетъ готовые сентенціи изъ нравоучительныхъ книгъ отталкивающаго фарисейскаго направленія. Подобно Паскалю, Мольеръ старательно изучилъ ихъ и превосходно подражалъ ихъ слогу. Всѣ эти черты, важныя сами по себѣ, должны быть сохранены въ переводѣ уже потому, что отъ Тартюффа перешли и на его клеветовъ и на невинную его жертву и стали такимъ образомъ отличительнымъ признакомъ цѣлой группы лицъ. Слуга ипокрита говоритъ (по словамъ Дорины) въ томъ же духѣ; судебный приставъ Loyal, очевидно, одинъ изъ членовъ той же всюду развѣтвившейся *кабалы*, является съ медоточивыми извиненіями выгонять Оргона изъ дому; Дорину онъ величаетъ «своею сестрою», точно монахиню; уходя, онъ оставляетъ повѣстку, возглашая «le Ciel vous tiennent tous en joie!» Оргонъ также не отстаетъ отъ Тартюффа въ этомъ отношеніи; въ отвѣтъ на отчаянное заявленіе дочери, что она скорѣе пойдетъ въ монастырь, чѣмъ замужъ за постылаго человѣка, онъ рѣшаетъ, что она должна «умертвить плоть свою (*mortifier ses sens*) этимъ бракомъ.

Переводчикъ далеко не всегда обращалъ вниманіе на этотъ тонкій умыселъ автора. Тамъ, гдѣ клерикальныя ужимки проявлялись у второстепенныхъ лицъ, онъ ихъ не подчеркивалъ; такъ Loyal уходитъ со сцены безъ всякаго ханжескаго восклицанія, а появляется на ней съ развязностью опытнаго пристава: «Здорово, душенька! Я съ бариномъ твоимъ увидѣться бь хотѣлъ», говоритъ онъ. Оргонъ вовсе не упоминаетъ о наказаніи плоти, да и самый глаголъ *mortifier*, пропущенный здѣсь, въ другомъ случаѣ (актъ III, сц. 6) понятъ былъ переводчикомъ въ

смыслѣ полного умерщвленія человѣка («паду я мертвый передъ вами» = *le Ciel me veut mortifier en cette occasion*). Языкъ самого Тартюффа гораздо тщательнѣе отдѣланъ (напримѣръ въ концѣ III акта, гдѣ сцена съ Оргономъ и Дамисомъ очень жива),—но именно тамъ, гдѣ всего выпуклѣе долженъ былъ бы выступить его клерикальный пошибъ, на смѣну его явилась нѣсколько напыщенная риторика или любовная горячность, безъ отличительныхъ чертъ, напоминающихъ о влюбленномъ святошѣ. Въ большинствѣ случаевъ упоминанія о Небѣ выпущены; врядъ ли при этомъ вліяли причины цензурнаго свойства, такъ какъ иногда они оставлены безъ измѣненія. Благодаря этому, когда Эльмира съ укоромъ замѣчаетъ Тартюффу въ отвѣтъ на признаніе въ любви: «А небеса вамъ не страшны? О нихъ *такъ часто* вы твердите», это поражаетъ своимъ противорѣчіемъ дѣйствительности. Съ упоминаніями о Небѣ, часто устраненными и изъ рѣчей другихъ дѣйствующихъ лицъ далеко не клерикальнаго направленія (напр. Дорины, актъ I, сц. 1), отпали и указанія на дорогіе для Тартюффа авторитеты, наприм. на книгу іезуита Рибаданейры «*Les fleurs de la vie des saints et des fêtes de toute l'année*», изъ которой слуга нашего ханжи, подражая господину, съ негодованіемъ выбросилъ женскій платочекъ (актъ I, сц. 2, стихи 207—210, совсѣмъ не переведенные); весьма скромный намекъ на необходимость пойти на молитву (*certain devoir pieux me demande là-haut*) замѣненъ неопредѣленнымъ указаніемъ на «священный долгъ», зовущій Тартюффа; Оргонъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что при первыхъ своихъ встрѣчахъ съ нимъ въ церкви¹⁾, лицемѣръ всегда спѣшилъ послѣ обѣдни къ паперти, чтобъ предложить ему святой воды; въ

¹⁾ Осторожность переводчика, быть можетъ, вынужденная, побудила его устранить въ сц. 2-й второго акта даже упоминаніе о хожденіи въ церковь. Оргонъ считаетъ Валера *un peu libertin*; *je ne remarque pas qu'il hante les églises*, говоритъ онъ. Въ переводѣ: онъ «широкъ и вообще... не нашихъ убѣждений». Замѣтимъ кстати, что слово *libertin* въ 17 вѣкѣ прежде всего означало вольнодумца, на что и указываетъ Оргонъ.

страстномъ признаніи Эльмирѣ (актъ III, сд. 3) Тартюффъ не увѣряетъ ея, что «любовь превозмогла все, и постъ, и молитвы, и слезы». Не говоримъ уже о томъ возгласѣ (O Ciel, pardonne lui la douleur qu'il me donne, или по первоначальной редакціи «pardonne lui comme je lui pardonne, актъ III, сд. 7), въ которомъ еще въ дни Мольера видѣли извращеніе одного изъ прошеній Молитвы Господней. Это мѣсто очень ослаблено въ переводѣ — «Да низпошлетъ ему Господь свое прощенье». Подобно этому и извѣстное вступленіе къ роли Тартюффа, — тѣ слова, которыя онъ произноситъ за сценой своему слугѣ и которыя сразу знакомятъ насъ съ его характеромъ:

Laurent, serrez ma haire avec ma discipline
Et priez que toujours le Ciel vous illumine,
Si l'on vient pour me voir, je vais aux prisonniers
Des aumônes que j'ai partager les deniers,

Это вступленіе передано какимъ-то дѣловымъ тономъ, въ которомъ вовсе не слышится смиренномудрія притворщика:

Я кончилъ, да... спрячь плеть и власяницу
И будь благословенъ! а если спроситъ кто,
Скажи, что я отправился въ темницу
Раздать несчастнымъ кое-что.

Исключеніе составили бы слова *и будь благословенъ!* Но текстъ вовсе не даетъ этого смысла. Тартюффъ совѣтуетъ самому слугѣ молиться о томъ, чтобъ Небо его вразумило, и вовсе не имѣетъ поводовъ призывать благословеніе свыше на его голову.

Изъ наиболѣе выдающихся выраженій, давно завоевавшихъ себѣ міровую славу и, казалось бы, «на вѣки нерушимыхъ», нѣкоторыя утратили при передачѣ часть своей силы и значенія, или же вовсе онущены.

Et c'est en nous qu'on trouve, acceptant notre coeur,
De l'amour sans scandale et du plaisir sans peur,

говорить Тартюфъ отъ лица монаховъ-сластолюбцевъ, и въ его словахъ отражается вліяніе извѣстной 13-й сатиры Матюрена Ренье (*Macette*), въ этомъ мѣстѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ обоихъ любовныхъ объясненій Тартюффа близко сходящейся въ выраженіяхъ съ мольтеровскимъ текстомъ. Лишь отдаленный отголосокъ высказанной тутъ мысли слышится въ переводѣ:

Храня себя, мы охраняемъ васъ,
И потому любить безъ страха можно насъ.

То же можно сказать и объ измѣненіи другого столь же важнаго мѣста, — хитроумныхъ разъясненій лицемѣра относительно возможности, сдѣлокъ съ Небомъ». Мольеръ съ замѣчательною для своего времени смѣлостью бичевалъ тутъ со сцены иезуитскую изворотливость въ вопросахъ нравственности, видимо опираясь на обширную эрудицію Паскаля, и пользовался его *Lettres à un provincial* (въ данномъ случаѣ именно седьмымъ письмомъ). Каждое слово имѣетъ важное значеніе и обязательно должно быть переведено:

Le ciel défend, de vrai, certains contentemens,
Mais on trouve avec lui des accomodemens;
Selon divers besoins il est une science
D'étendre les liens de notre conscience
Et de rectifier le mal de l'action
Par la pureté de notre intention.

De ces secrets, madame, on saura vous instruire, прибавляетъ Тартюфъ, прямо заявляя, что онъ одинъ изъ тѣхъ, что владѣютъ этою таинственною и необыкновенно удобною теоріею морали. Г. Лихачевъ перенесъ лукавые совѣты мольтеровскаго героя изъ міра клерикальнаго въ сферу общечеловѣческихъ «грѣшковъ». Въ переводѣ говорится о «высшихъ законахъ, отъ которыхъ на жизненномъ пути мы встрѣчаемъ не малыя препоны», что ихъ нетрудно обойти и что

Для случаевъ такихъ особою споровкой
 Давнымъ-давно владѣеть *родъ модской*
 И грѣшныя дѣла онъ очень ловко
 Мирить съ душевной чистотой.

Если число ослабленныхъ переводомъ типическихъ и глубоко содержательныхъ выраженій вообще не велико, часто приходится жалѣть о совершенномъ пропускѣ подобныхъ мѣстъ. Такъ мы не находимъ извѣстнаго оборота, перешедшаго къ Мольеру отъ Реня (хотя, быть можетъ, употреблявшагося и раньше) и давно ставшаго поговоркой: «elle est prude à son corps défendant»; не встрѣтимъ и взятаго у Паскаля мѣткаго замѣчанія (I актъ, 5 сцена): «leur passion dont on leur sait bon gré veut nous assassiner avec un fer sacré». Въ четвертой сценѣ I акта, когда Оргонъ спрашиваетъ Дорину о томъ, что дѣлалъ безъ него его гость, и отвѣчаетъ на каждую новость извѣстнымъ восклицаніемъ *le pauvre homme!* Дорина незамѣтно набрасываетъ портретъ Тартюффа. Гѣте удивлялся мастерству Мольера, сумѣвшаго познакомить зрителя съ героемъ пьесы, несмотря на то, что онъ появляется лишь съ третьяго акта; упомянутая сцена одна изъ важныхъ именно въ этомъ отношеніи.

Tartuffe? Il se porte à merveille
 Gros et gras, le teint frais et la bouche vermeille,

говорить Дорина и этимъ даетъ кстати полезное указаніе исполнителямъ роли, вообще нѣсколько склоннымъ изображать Тартюффа изможденнымъ и отталкивающимъ.

Тартюфъ? И спрашивать напрасно...
 Ему ли здѣсь живется не прекрасно!

читаемъ въ переводѣ; изображеніе внѣшности лицемѣра совсѣмъ пропало. А Дорина все продолжаетъ:

Il soupra, lui tout seul, devant elle
 Et fort dévotement il mangea deux perdrix.

Послѣднія слова безъ причины выпущены, и опять остался только одинъ незначительный фактъ. Но и дальше, по странной случайности все въ той же роли Дорины, вообще переданной весьма удачно, не мало пропусковъ. Такъ во 2-й сценѣ II акта пропущено вошедшее въ поговорку восклицаніе: «Ah! vous êtes dévot, et vous vous emportez!», а во 2-й сценѣ III акта ея выходка противъ Тартюффа, смутившагося при видѣ ея полуобнаженной шеи:

Et je vous verrois nu du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenteroit pas.

Предшествовавшій переводчикъ мольеровской комедіи, г. Ми-наевъ, нашелъ возможнымъ удержать это мѣсто.

Переходя къ пропускамъ не отдѣльныхъ только выраженій, а болѣе обширныхъ и важныхъ для пониманія пьесы мѣстъ, укажемъ прежде всего на странное исчезновеніе одного лица, если не прямо дѣйствующаго передъ зрителемъ, то все время находящагося отъ него по близости и очень прикосновеннаго къ ходу интриги, — именно слуги Тартюффа, Лорана. Объ немъ идетъ рѣчь съ первой же сцены; по словамъ субретки, онъ тоже, подобно своему господину, проповѣдуетъ между челядью; изъ разсказа Оргона узнаемъ, что при посредствѣ Лорана онъ вошелъ въ сношенія съ Тартюффомъ и развѣдалъ у слуги все касающееся этого святого человѣка; черезъ него (актъ III, сд. 1) Дорина передаетъ Тартюффу приглашеніе Эльмиры и узнаетъ отъ лакея, что въ эту минуту притворщикъ молится; къ Лорану обращается наконецъ и Тартюффъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ, поручая запереть власяницу. Мольеръ, повидимому заимствовавшій характеръ этого слуги изъ новеллы Скаррона, которая считается однимъ изъ источниковъ комедіи, желалъ на-мекнуть на то, что и хозяинъ и слуга — члены одной и той же шайки, и что они лишь для виду играютъ свои роли повелителя и подчиненнаго, Переводчикъ совершенно пренебрегъ этою частностью плана комедіи; опустивъ даже самое имя Лорана, онъ

последовательно выключалъ все, что связано было въ пьесѣ съ его личностью; остается, на примѣръ, совсѣмъ неизвѣстнымъ, кому даетъ Тартюфъ приказъ о власяницѣ и кого хочетъ благословить.

Рядомъ съ этимъ пропускомъ можетъ показаться маловажнымъ тотъ, который находимъ въ третьей сценѣ 2-го акта, въ разговорѣ опечаленной отцовскимъ упрямствомъ Маріаны съ Дориной, которая сначала подсмѣивается надъ беспомощностью своей барышни, потомъ смягчается и берется помогать влюбленнымъ. Мимоходомъ введена прелестная картинка заснувшей провинціальной глуши, куда, по словамъ Дорины, Тартюфъ непременно увезетъ ее госпожу послѣ свадьбы; въ десяти стихахъ очерченъ этотъ дремлющій мірокъ съ его интересами, увеселеніями, визитами, множествомъ родственныхъ связей, уѣзднымъ «большимъ свѣтомъ». Это мѣсто требовало, конечно, очень осмотрительнаго перевода и справокъ съ подробностями быта того времени. Приведемъ примѣръ:

*Vous irez visiter pour votre bienvenue
Madame la baillive et madame l'élue,
Qui d'un siège pliant vous feront honorer.
Là dans le carnaval vous pourrez espérer
Le bal et la grand'bande, à savoir deux musettes
Et parfois Fagotin, et les marionnettes.*

Всѣ эти подробности сжаты въ слѣдующихъ стихахъ:

*Тамъ — нмѣ знатное всѣ двери намъ отворить,
Всѣ кумушки радушно примутъ васъ
И сплетнями (?) опутаютъ тотчасъ —
И заживете вы...*

Но, постепенно восходя отъ пропусковъ отдѣльныхъ выраженій къ устраненію болѣе значительныхъ частностей комедіи, мы остановимся теперь на вызывающемъ особое недоумѣніе

фактъ обширныхъ пробѣловъ, выпавшихъ на долю весьма важныхъ сценъ. Пропуски этого рода распадаются на два отдѣла: одинъ изъ нихъ составляютъ болѣе или менѣе щекотливыя мѣста, касающіяся вопросовъ церкви и религій, другой — такія же неудобныя мѣста, окрашенныя политическимъ содержаніемъ. И тѣхъ и другихъ пропусковъ такъ много и они такъ послѣдовательны, что наводятъ мысль на цензурныя затрудненія, которыя, какъ уже было показано выше, приходилось предполагать и относительно отдѣльныхъ словъ. Если это дѣйствительно вліяло въ данномъ случаѣ, входитъ въ сужденіе о вызванныхъ тѣмъ пробѣлахъ становится неумѣстно. Переводчикъ въ правѣ сослаться на обстоятельства, не отъ него зависѣвшія. Но, на нашъ взглядъ, изъ возможности такого неблагопріятнаго вліянія вытекаетъ практическое указаніе, которое мы позволяемъ себѣ предложить на усмотрѣніе Второго Отдѣленія Академіи. Въ представляемыхъ для соисканія премій переводахъ классическихъ произведеній могутъ и впредь встрѣчаться подобныя же цензурныя пропуски, нарушая цѣльность впечатлѣнія и оцѣнки. Для избѣжанія этого неудобства можно бы требовать отъ переводчиковъ приложения въ рукописи всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя нашло нужнымъ выпустить то или другое цензурное вѣдомство (въ настоящемъ случаѣ кромѣ общей цензуры, быть можетъ, и цензура театральная).

Сличеніе перевода г. Лихачева со стороны полноты съ предшествующимъ ему переводомъ г. Минаева показываетъ, однако, что три года назадъ (трудъ г. Минаева появился въ 1884 г. въ Собраніи сочиненій Мольера въ руск. пер., изд. Бакста, книга г. Лихачева помѣчена 1887 годомъ) многія изъ мѣстъ, нынѣ опущенныхъ, считались неопасными. Пришлось бы предположить большую измѣнчивость во взглядахъ цензуры на вопросы, которые въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакого соотношенія съ русскою жизнью, не нарушаютъ уваженія къ существующему въ ней порядку, что было бы и странно въ пьесѣ, кончающейся апофеозомъ королевской власти. Если же устранить

это предположеніе, останется допустить личное усмотрѣніе переводчика, неумышленно повредившаго завѣтной сущности произведенія.

Въ такомъ неясномъ, двойственномъ свѣтѣ представляется намъ слѣдующій рядъ пропусковъ.

Опущены прежде всего многіе изъ разсужденій Клеанта объ истинной и ложной набожности (актъ I, сцена 6-я), особенно тщательно разработанныя Мольеромъ съ цѣлью сполна высказать его взглядъ на этотъ скользкій вопросъ, предотвратить обвиненія въ кощунствѣ и облегчить появленіе пьесы на сценѣ. Клеантъ горячо беретъ подъ свою защиту истинно набожныхъ людей (*voilà mes gens*, говоритъ онъ), называетъ даже нѣкоторыхъ по именамъ (подъ которыми въ свое время публика, вѣроятно, легко узнавала подлинныя лица): «regardez Ariston, regardez Périandre, Oronte, Alcidas» и т. д. Въ противоположность этимъ *vrais dévots* рѣзко очерчены лицемеры, торгующіе набожностью; здѣсь опять масса превосходныхъ чертъ, украшающихъ комедію (наприм. «*brûlants et priants, ils demandent chaque jour, et rêchent la retraite au milieu de la cour*») и относимыхъ къ личностямъ изъ придворнаго и церковнаго быта того времени, особенно къ отѣнскому епископу Рокетту. Въ переводѣ еще уцѣлѣли нѣкоторыя сатирическія подробности (только что приведенная нами почему-то опущена), за то почти все положительное въ рѣчахъ Клеанта, этого моралиста пьесы, оставлено безъ передачи; благодаря этому въ упомянутой сценѣ перваго акта эти рѣчи сокращены почти на половину (45 стиховъ осталось изъ 85-ти). Въ семнадцатомъ вѣкѣ, правда, сильно возставали и противъ положительныхъ заявленій въ пользу религіи, если они дѣлаются въ театрѣ; древнее воззрѣніе на театръ, какъ на школу грѣха и порока, все еще держалось тогда въ умахъ, и самое смѣшеніе религіозности съ лживымъ духомъ сцены казалось уже оскорбленіемъ вѣры. Врядъ ли можно предположить въ настоящее время вліяніе такихъ соображеній. — Если же урѣзки сдѣланы въ интересахъ большей сценичности пьесы, то

переводчику можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ не прибѣгнулъ въ виду этого къ способу, давно уже употребляющемуся на Западѣ (наприм. въ Англии, гдѣ онъ примѣненъ въ выходящемъ теперь изданіи «The Henry Irving Shakspeare»), — обозначенію чертами, скобками или другими знаками тѣхъ мѣстъ, которыя опускаются при представленіи на сценѣ. Теперь же безъ всякой видимой причины устранены прекрасные стихи, чуждые избитой, прѣсной морали, мысли и образы, имѣющіе положительныя художественныя и нравственныя достоинства.

Урѣзки этого рода идутъ далѣе. Въ 1-й сценѣ V акта, когда во время тревожнаго совѣщанія Клеанта съ Оргономъ опять возобновляется рѣчь объ истинной набожности и добродѣтели, встрѣчаемъ такіе же пропуски. Въ связи съ подробной характеристикой тѣхъ людей, которыхъ дѣйствительно можно назвать вѣрующими, находится и опредѣленіе нравственной порядочности, вытекающее изъ оживленныхъ пререканій между всѣми молодыми обитателями Оргонова дома съ одной стороны и ворчливой, недалекой Пернеллой, безусловно поклоняющеюся Тартюффу (актъ I, сц. 1). Хотя рѣчь идетъ здѣсь всего болѣе объ излишней требовательности свѣтскаго суда и лицемѣрін общества, сурово порицающаго явно то, что оно само съ увлеченіемъ творитъ тайнѣ, — несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ сатира направлена противъ одного изъ оттѣнковъ того же господствующаго порока, ханжества. Въ пылу спора набрасываются портреты цѣломудренныхъ судей и жрицъ свѣтской нравственности, которые смолу грѣшили, а потомъ, утративъ способность къ тому, превратились въ неумолимыхъ обличителей, «руководимыхъ не благомъ людскимъ, а тайною завистью». Такова Оранта, ярко очерченная Дориной; это несомнѣнно первый эскизъ одного изъ лучшихъ женскихъ характеровъ у Мольера, — Арсиной въ *Мизантропѣ*. Но въ переводѣ нѣтъ ни ея, ни даже такихъ совсѣмъ уже невѣрныхъ сплетниковъ, какъ «Daphné, notre voisine, et son petit mari», удостоенные не менѣе остроумной характеристики. Нѣтъ имени, нѣтъ и сущности обличенія. Все сказано сокращенно, въ

двухъ словахъ. По крайней мѣрѣ тутъ уже не могло быть и рѣчи о цензурныхъ соображеніяхъ.

Если они были приняты въ расчетъ въ той группѣ пропущенныхъ мѣстъ, которыя имѣютъ отличительно политическое содержаніе, то объ этомъ столь же можно пожалѣть, какъ и объ устраненіи разсужденій религіознаго свойства. Заднимъ фономъ траги-комическаго происшествія, разыгравшагося въ домѣ Оргона, служитъ только что окончившаяся война фронды. Оргонъ принималъ въ ней участіе, стоя за короля; другъ его Аргасъ принадлежалъ къ мятежной партіи, принужденъ былъ бѣжать и оставилъ Оргону шкатулку съ важными въ политическомъ отношеніи бумагами. Оргонъ неосторожно проговорился объ этомъ Тартюфу, еще неосторожнѣе отдалъ ему шкатулку на сбереженіе, и послѣ разрыва труппы, ожидая доноса и улики въ государственномъ преступленіи. Но посланный отъ короля объявляетъ ему прощеніе, въ награду за «прежніе заслуги». Весь пятый актъ комедіи основанъ на этомъ придаточномъ отдѣлѣ сюжета, раскрывающемъ еще одну изъ главныхъ чертъ порочности Тартюфа, прикрывающагося на этотъ разъ рвеніемъ вѣрноподданнаго и не отступающаго передъ завѣдомо ложнымъ доносомъ. Тревога Оргона изъ-за этого обстоятельства чуть не равносильна горю объ утратѣ имущества, безразсудно подареннаго имъ Тартюфу.

Вся эта сторона пьесы ступевалась въ новомъ переводѣ. О междоусобіяхъ и роли Оргона въ нихъ нѣтъ ни слова; отношеніе къ политическимъ событіямъ устранено, и вслѣдствіе этого стала непонятна и сильная боязнь Оргона и внезапное его прощеніе королемъ:

Вотъ видишь ли... Ее на сохраненіе
Оставилъ мнѣ одинъ бѣжавшій другъ,
А въ ней бумаги... Ну? Мое-то положеніе?
Ты понимаешь? Если вдругъ...

говорить какими-то намеками Оргонъ Клеанту, и зритель такъ и

не узнаеть, *какія* это бумаги (у Мольера—«*ce sont des papiers, à ce qu'il m'a pu dire, où sa vie et ses biens se trouvaient engagés*»), чѣмъ провинился другъ; исчезло даже его имя. То же измѣненіе произошло и съ сообщеніемъ Валера о томъ, что доносъ уже сдѣланъ (V актъ, 6 сцена). Здѣсь мы узнаемъ, что дѣло идетъ о «*d'un criminel d'Etat l'importante cassette, dont, au mépris, dit-il, du devoir d'un sujet, vous avez conservé le coupable secret*»; говорится о *данномъ уже приказѣ* арестовать Оргона и о томъ, что Тартюффу для *лучшаго исполненія приказа* поручено сопровождать посланнаго.

Въ русскомъ переводѣ Валеръ говоритъ:

Что сдѣлалъ онъ на васъ доносъ,
Представилъ тамъ *какія-то* бумаги—
И что приказъ уже готовъ
О томъ, чтобъ заключать подъ стражу васъ.

О бѣжавшемъ государственномъ преступникѣ ни слова. Значеніе бумагъ, способныхъ вызвать такую строгость, остается и тутъ неразъясненнымъ, а выпускъ послѣднихъ двухъ стиховъ сдѣлалъ непонятнымъ появленіе въ слѣдующей же сценѣ Тартюффа вмѣстѣ съ *exempt de police*.

Даже съ завершающею комедію рѣчь Тартюффа произошло не мало измѣненій въ переводѣ, хотя, казалось бы, она всего менѣе должна бы подвергнуться подобной опасности. Искусно ли придумалъ развязку Мольеръ, — объ этомъ мнѣнія могутъ расходиться. Но во всякомъ случаѣ ее слѣдовало передать сполна такую, какъ она была написана поэтомъ. На ней лежитъ живой отпечатокъ времени и условій, среди которыхъ приходилось развиваться литературѣ; она важна также и въ исторіи мытарствъ, вынесенныхъ пьесой. Г. Лихачевъ, однако, сократилъ ее на половину (20 стиховъ вмѣсто 41-го), причемъ отпало и косвенное напоминаніе Людовику XIV о необходимости заступничества за гонимыхъ честныхъ людей, и разсужденія, предвѣщающія теорію прошлаго вѣка о «просвѣщенномъ деспотизмѣ», и мотивы

королевскаго рѣшенія, и приказъ отнять у Тартюффа дарственную запись, и упоминаніе о прежнихъ заслугахъ Оргона. Даже слово *король* всюду заботливо замѣнено совсѣмъ непонятнымъ *принцъ*, составляющимъ буквальную передачу французскаго *prince*, столь же обозначающаго и князя, и государя вообще. Стушевывать здѣсь краски было излишне, и потому, что до сихъ поръ всѣ переводчики отваживались упоминать именно о Людовикѣ XIV, и еще болѣе потому, что исторія «Тартюффа» у всѣхъ передъ глазами, и нѣтъ никакого повода закрывать таинственною завѣсой то, что слишкомъ два вѣка составляетъ достоиніе всего образованнаго свѣта.

Сводя къ общимъ выводамъ свои замѣчанія о переводѣ г. Лихачева, мы выразимъ сожалѣніе о томъ, что, несмотря на видимое желаніе переводчика возможно полнѣе и вѣрнѣе передать мольеровскій текстъ, онъ недостаточно изучилъ литературу предмета, не всегда принималъ въ расчетъ указанія надежнѣйшихъ комментаторовъ (особенно Поля Менара), и иногда, какъ было показано, неосторожно нарушалъ связи произведенія съ глубоко обдуманнѣмъ замысломъ поэта, съ его средой, съ предшествовавшей и современной ему литературой, — тѣ связи, которыя составляютъ живительный нервъ сатирическаго произведенія. Можно пожалѣть также объ указанномъ нами пониженіи тона діалога (не доходящемъ, однако, нигдѣ до вульгарности), и объ излишнемъ обрусеніи слоговыхъ оборотовъ. Вопросъ о пропускахъ былъ бы всего важнѣе при опредѣленіи достоинства перевода, но большая правдоподобность сторонняго вмѣшательства и независящихъ отъ писателя обстоятельствъ парализуетъ это невыгодное впечатлѣніе. Вообще же, сравнительно съ другими переводами «Тартюффа», это все-таки лучший и вѣрнѣйшій; въ немъ есть довольно обширныя части, — напримѣръ почти весь второй актъ, — противъ которыхъ можно сдѣлать лишь незначительныя возраженія. Въ противоположность немногимъ неудачно выраженнымъ по-русски типическимъ, чисто-мольеровскимъ красотамъ можно бы привести рядъ счастливо и мѣтко

придуманныхъ оборотовъ ¹⁾). При очевидномъ умѣни г. Лихачева владѣть слогомъ, его переводъ, подвергнувшись нѣсколькимъ логкимъ замѣненіямъ, способенъ былъ бы удовлетворить строгимъ требованіямъ.

Находя, согласно съ этимъ отзывомъ, что трудъ г. Лихачева, несмотря на указанныя въ немъ недостатки, представляетъ и несомнѣнныя достоинства, комиссія опредѣлила удостоить его почетнаго отзыва.

IV.

Этимъ мы, по принятому нами правилу, могли бы и закончить нашъ отчетъ о нынѣшнемъ присужденіи пушкинскихъ премій; но по поводу представленныхъ на бывшій конкурсъ двухъ сборниковъ стихотвореній мы получили, по нашей просьбѣ, отъ Н. Н. Страхова статью, изъ которой, вовсе не касаясь разбора самыхъ этихъ сборниковъ, считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній, съ которыми не можемъ не согласиться.

Почтенный авторъ статьи задаетъ себѣ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наше стихотворство, тотъ родъ писаній, который называется поэзіею въ тѣсномъ смыслѣ?

Вспоминая послѣднія тридцать лѣтъ, нельзя не подивиться странной судьбѣ стиховъ въ нашей литературѣ. Николаевское время, именно конецъ сороковыхъ и начало пятидесятихъ годовъ, дало намъ нѣсколько поэтовъ составляющихъ дѣйствительное украшеніе нашей литературы. Изъ нихъ особенно извѣстенъ знаменитый триумвиратъ Майкова, Полонскаго и Фета, къ нашей

¹⁾ Напримѣръ «Большой соблазъ — грѣшить въ глазахъ у всѣхъ, Но тайный грѣхъ — какой же это грѣхъ?» (Le scandale du monde est ce qui fait l'offense, Et ce n'est pas pécher que pécher en silence). — «Ну, да! я набоженъ — такъ что жъ? Вѣдь я — и человѣкъ» (Ah! pour être dévot, je n'en suis pas moins homme). — «Завистники умрутъ, но зависть — никогда!» (Les envieux mourront, mais non jamais l'envie). — «Вотъ человѣкъ!... ахъ, что за человѣкъ!... Такой ужъ человѣкъ, какого... Ну, слово, — человѣкъ!» (C'est un homme... qui... ha!... un homme... un homme enfin).

радости здравствующихъ и пишущихъ до сихъ поръ. Объ этихъ поэтахъ и о судьбахъ ихъ поэзіи мы говорить не будемъ; мы хотимъ говорить о новыхъ явленіяхъ въ области поэзіи за эти послѣднія тридцать лѣтъ. Съ 1856 года, когда литература вдругъ необыкновенно расширилась и оживилась, появились, конечно, и новые стихотворцы. Но они неожиданно и незаслуженно потерпѣли очень горькую участь во время этой такъ называемой *эры обновленія*. Тогда въ литературѣ получило силу и съ каждымъ годомъ разрасталось *гражданское направленіе*, то-есть стремленіе возбудить общественную дѣятельность въ Россіи. Внутренняя политика поставлена была главною задачею литературы, и передъ этой задачею должны были отступить на задній планъ всѣ другіе интересы. Явилась *обличительная* литература, и вообще проповѣдывалась теорія, что всякое искусство и писательство, всякая наука и умственная дѣятельность должны имѣть въ виду прямую пользу для общества, а не отвлеченный интересъ самого искусства и науки. Въ силу этого всѣ тогдашнія свѣтила литературы стали подвергаться нападеніямъ; журналистика старалась уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ публики и показать ей, что есть заслуги гораздо важнѣе, чѣмъ писаніе художественныхъ произведеній, и что чтеніе такихъ произведеній есть только пустая забава. Стихотворная поэзія была въ особенномъ загонѣ. Стиховъ печаталось много, но это были или какія-нибудь обличенія и воззванія, такъ называемые *гражданскіе мотивы*, или же шутки, пародіи, сатирическія пѣсенки, которыя появлялись въ огромномъ количествѣ. Настоящая поэзія, можно сказать, едва влачила свое существованіе. Но всего хуже пришлось поэтамъ, которые только что выступали и явились въ печати съ первенцами своей музыки. Нѣкоторыхъ изъ нихъ вывелъ передъ читателями самъ Н. А. Некрасовъ, человекъ съ большимъ вкусомъ и съ искреннею любовію къ литературѣ. Но и такое покровительство имъ не помогло. Вновь выступившіе поэты встрѣчены были цѣлою бурей насмѣшекъ и надѣвательствъ. Въ журналахъ поднялась на нихъ истинная травля, въ которой особенно выдавался В. С. Куроч-

кинъ, человѣкъ не вовсе безъ дарованія, хорошо владѣвшій стихомъ, но не имѣвшій настоящаго вкуса. Молодые люди, встрѣченныя этимъ ужаснымъ гамомъ при выступленіи на поэтическое поприще, были сильно поражены. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые изъ нихъ, чуть ли не самые даровитые, перестали вовсе писать и печатать, отдались другимъ занятіямъ, и только черезъ пятнадцать или двадцать лѣтъ рѣшились робко вновь явиться передъ читателями. Нужно вспомнить, что значать для юноши его стихи, какимъ напряженіемъ и волненіемъ сопровождается его восторгъ и творчество, и мы поймемъ, что для многихъ тутъ произошло настоящее несчастіе, переворотъ цѣлой жизни.

Событіе, о которомъ мы рассказываемъ, совершилось около 1860. Съ тѣхъ поръ великая строгость относительно стиховъ была такъ сказать объявлена въ приказъ по русской словесности. Новыхъ стихотворцевъ не появлялось, или же они не смѣли заявлять своихъ думъ и чувствъ, а должны были ограничиваться самыми казенными гражданскими темами, или же шуточными стишками, такъ что никто не замѣчалъ новыхъ именъ, стоявшихъ подъ стихами; да и вообще, читатели почти не обращали вниманія на стихотворенія, помѣшавшіяся по старой привычкѣ въ журналахъ. Въ такомъ положеніи дѣло было почти *двадцать лѣтъ*.

Можно бы думать, что такая строгость составляетъ шагъ къ лучшему. Вообще весь гамъ и шумъ той эпохи, когда отрицалась чистая эстетика и были гонимы писатели не служащіе извѣстному направленію, можно бы истолковать какъ настоятельное требованіе отъ литературы большей серіозности. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ считать бесполезнымъ для литературы этотъ періодъ, который въ исторіи нашей словесности кажется придется назвать *нигилистическимъ*. Безъ сомнѣнія, нигилизмъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣлъ большое вліяніе на писателей всевозможныхъ направленій; онъ ихъ возбуждалъ, заставлялъ углублять и расширять свои идеи и воплощать ихъ съ большею силой и строгостью. Но такое дѣйствіе производи-

лось только на крѣпкихъ, а не на слабыхъ или еще неукрѣпившихся. Сильныхъ литературный нигилизмъ возбуждалъ, а слабыхъ онъ подавлялъ, сбивалъ совсѣмъ съ пути, такъ что онъ былъ вреденъ для большинства пишущихъ, а особенно для огромной массы читающихъ.

Вредныя послѣдствія теперь передъ нашими глазами, и ни въ чемъ другомъ они такъ не ясны, какъ въ нашей стихотворной поэзіи. Къ концу семидесятыхъ годовъ, въ эпоху турецкой войны, литературный терроръ уже совершенно затихъ, и стали чаще и свободнѣе появляться въ журналахъ стихотворенія подъ новыми именами, а потомъ показались и сборники этихъ стихотвореній, изданные особыми книгами. Это новое стихотворство стало расти чрезвычайно быстро. Лѣтъ пять тому назадъ оно все еще не бросалось сильно въ глаза; но теперь новые поэты считаются едва ли не сотнями, и мы имѣемъ до полусотни отдѣльныхъ сборниковъ, большею частію появившихся въ послѣдніе годы. Это даже не плеяда, а цѣлая туманность, состоящая изъ мелкихъ звѣздъ, не различимыхъ простымъ взглядомъ. Въ этомъ множествѣ нашлось нѣсколько книгъ имѣвшихъ успѣхъ, раскупленныхъ и вновь изданныхъ, даже иногда нѣсколько разъ. Новые поэты читаются, возбуждаютъ восторги; ихъ стихотворенія затверживаются читателями нанзустъ, а сами они ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, обсуживаютъ и пересуживаютъ чужіе успѣхи. Словомъ, все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, и намъ, повидимому, слѣдовало бы поздравлять себя съ быстрымъ и неожиданнымъ процвѣтаніемъ стихотворства.

Между тѣмъ, если мы станемъ судить по существу, а не по одной видимости, то окажется, что передъ нами такое же плачевное явленіе, какъ и прежній двадцатилѣтній застой въ поэзіи. Оказывается, вообще говоря, что уровень новыхъ поэтовъ очень низокъ, и что они обязаны своимъ успѣхомъ только столь же низкому, или еще болѣе низкому уровню читающей публики, которая очень возросла въ числѣ, но очень упала въ своихъ требованіяхъ. Какъ будто порвалась нить преданія, какъ будто и

писатели и читатели уже забыли, что такое хорошіе стихи, а потому довольствуются такими слабыми произведеніями, съ какими прежде авторъ не смѣлъ бы явиться въ печать, и какіе прежде читатель забраковалъ бы съ первыхъ же строкъ.

Правильно судить о словесномъ художествѣ есть дѣло трудное; многимъ и многимъ вовсе недостаетъ способностей, которыя для этого требуются. Но это не значитъ еще, что область поэзіи есть вѣчто неопредѣленное, что въ сужденіяхъ объ ней простительна всякая произвольность и разнорѣчивость. Существуетъ граница, отдѣляющая истинное творчество отъ всякихъ его подобій, отъ безчисленныхъ искаженій и поддѣлокъ; болѣе или менѣе ясное различіе этой границы — вотъ чего можно желать и требовать отъ критиковъ и читателей художественныхъ произведеній. Приступая ко всякому произведенію, являющемуся подъ именемъ творческаго, мы обыкновенно прежде всего стараемся рѣшить, дѣйствительно ли оно принадлежитъ къ художественной области, и уже потомъ отдаемся его внимательному разсмотрѣнію.

Относительно стиховъ, граница, о которой мы говоримъ, имѣетъ большую опредѣленность и ясность. Стихотворецъ обладающій дѣйствительнымъ дарованіемъ всегда имѣетъ, во-первыхъ, совершенно ясную стихотворную *пѣвучесть* рѣчи, во-вторыхъ, въ самой этой пѣвучести болѣе или менѣе замѣтное своеобразіе, т. е. свой стихотворный *слозъ* и свой стихотворный *языкъ*. Для стиховъ вовсе не достаточно какихъ-нибудь поэтическихъ мыслей и образовъ, а непременно нуженъ этотъ особый даръ рѣчи; иначе настоящихъ стиховъ никакъ не выйдетъ, и лучше тогда писать прозой. Вотъ почему и даровитаго и бездарнаго стихотворца можно узнать часто съ двухъ-трехъ стиховъ.

Это — неизмѣнное, первое условіе. Затѣмъ, для созданія хорошихъ стихотворныхъ произведеній конечно требуются еще и умъ, и чувство, и вкусъ; требуется и образованіе, и ширина взгляда, и даже заботы о точности и правильности самого языка.

Словомъ, особый даръ рѣчи долженъ быть тщательно воздѣланъ и въ эту форму облечено надлежащее содержаніе. Но все-таки даръ формы — *conditio sine qua non*.

Въ настоящее время, можно сказать, этого не понимаютъ ни стихотворцы, ни читатели. Охотники писать стихи обыкновенно думаютъ, что вся сила въ приемахъ, въ соблюденіи правилъ стихосложенія и въ гладкости рѣчи; между тѣмъ, при всемъ этомъ, стихи ихъ остаются *рубленою прозою*, то-есть лишены всякой пѣвучести. Если же авторъ и придаетъ имъ пѣвучесть, то она у него совершенно заемная. Для чуткаго уха она является мертвою, холодною формою, только наложенною на содержаніе, но не слившеюся съ нимъ воедино.

Академія Наукъ, разсматривая представляемая ей на пушкинскую премію произведенія въ стихахъ, конечно не можетъ не принять въ соображеніе того, въ какомъ положеніи находится у насъ въ настоящее время стихотворство. Еслибы писаніе стиховъ было мало распространено и сборники стихотвореній не пользовались вниманіемъ публики, то можно было бы поощрять преміями людей, которые посвящаютъ себя стихотворству. Можно было бы награждать и слабыя сочиненія въ той надеждѣ, что со временемъ награда вызоветъ и произведенія вполне ея достойныя. Но если стихи пишутся въ великомъ множествѣ и публика съ усердіемъ ихъ читаетъ и раскупаетъ, если притомъ всѣ эти писанія представляютъ только посредственность или стоятъ ниже посредственности, то премія, даваемая за одинъ изъ сборниковъ такихъ писаній, будетъ лишь прямымъ поощреніемъ посредственности. Если стихи нлудятся безъ конца только потому, что понизился общій уровень и стихотворства и требованій читателей, то Академія своимъ одобреніемъ очевидно будетъ лишь мѣшать поднятію этого уровня; она узаконитъ его пониженіе, укрѣпитъ его своимъ авторитетомъ. Поэтому присужденіе премій можетъ обратиться во вредъ тому самому дѣлу, для поощренія котораго премій назначены. Въ такихъ обстоятельствахъ гораздо лучше упорно не давать никому премій за стихи и терпѣливо ждать

пока явится что-нибудь значительно выходящее изъ общаго уровня.

Въ изъявленіе признательности Академіи постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя пушкинскія медали: Н. Н. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и Н. Н. Страхову. Въ заключеніе вмѣняемъ себѣ въ особенное удовольствіе выразить нашу искреннюю благодарность гг. литераторамъ, съ полною готовностью оказавшимъ Отдѣленію содѣйствіе въ окончательномъ обсужденіи трудовъ, поступившихъ на соисканіе премій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статью о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Сантовымъ. Тома I—III. Сиб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича)....	2
Въ Сумеркахъ. Разказы и очерки Н. Чехова. Сиб. 1887 г. (Разборъ А. Ф. Бычкова).....	46
Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Сиб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).....	53

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XLVI, № 2.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЗА 1888 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

М. И. Сухомлиновымъ.

САНКТІПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Иск. Остр., Ф. лин., № 12.

1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1889 года.

Непрерѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весслоескій*.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1888 году,

составленный ординарнымъ академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи наукъ 29-го декабря 1888 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжало въ истекающемъ году ту дѣятельность, которая указана Отдѣленію при самомъ его учрежденіи. Можно сказать болѣе: задача, вывавшая на долю Отдѣленія, намѣчена была еще въ ту пору, когда возникла и устроивалась Академія наукъ. Въ первые годы ея существованія въ средѣ ея образовалось такъ называемое Россійское Собраніе, цѣлью котораго было составленіе русскої грамматики и словаря русскаго языка. Къ этой же цѣли стремилась и Россійская Академія, завѣщавшая ее и Отдѣленію русскаго языка и словесности. Россійская Академія передала Отдѣленію болѣе семидесяти тысячъ объясненныхъ словъ, на двадцать буквъ; обработку словъ на остальныхъ двѣнадцать буквъ приняли на себя члены Отдѣленія и въ числѣ ихъ знаменитый Востокъ. Спросъ на словарь былъ такъ великъ, что Словарь русскої академіи сдѣлался рѣдчайшею книгою и приобрести его можно было только «за непомерно высокую цѣну». Отзываясь на требованіе общества, Отдѣленіе немедленно приступило къ новому изданію словаря. Рѣшено было вносить въ словарь всѣ слова, употреблявшіяся въ языкѣ въ разныя эпохи его существованія; областныя слова помѣщать въ словарь въ такомъ

только случаѣ, если они пополняютъ осязательный недостатокъ въ языкѣ; изъ иностранныхъ словъ отвергать такія, какія введены прихотью и употребляются не народомъ, а только нѣкоторыми лицами, какъ напримѣръ: *воляжировать*, *компрометировать*, и т. д. Начертавъ планъ для своихъ занятій и главнымъ образомъ для словарныхъ работъ, Отдѣленіе представило его на утвержденіе Общаго собранія Академіи наукъ. Общее собраніе Академіи, одобривъ планъ, заявило, что «каждый членъ Физико-Математическаго Отдѣленія Академіи готовъ содѣйствовать при разсмотрѣніи и повѣркѣ объясненія словъ и выраженій, относящихся къ его наукѣ». Заявленіе это принято съ сочувствіемъ и навсегда сохраняется въ лѣтописяхъ Академіи: оно послужило какъ бы залогомъ того единодушія, которое такъ важно для академической жизни вообще.

Впервые приступая къ работамъ по словарю, члены Отдѣленія утверждали, что «самая настоятельная нужда въ словарѣ чувствуема всѣми». Болѣе сорока лѣтъ прошло съ того времени, и теперь слѣдуетъ повторить тоже самое. Главную работу для удовлетворенія этой насущной потребности принялъ на себя неутомимый труженикъ русской науки академикъ Я. К. Гротъ, Предсѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ посвящалъ все время, остававшееся у него отъ исполненія обязанностей предсѣдательствующаго, на продолженіе порученнаго ему Отдѣленіемъ труда по приготовленію новаго изданія академическаго словаря. Въ истекшемъ году сдѣланъ важный успѣхъ въ ходѣ этого дѣла введеніемъ новаго приема записыванія словъ на карточки одинаковаго размѣра, располагаемыя въ строго-алфавитномъ порядкѣ въ особо устроенныхъ для того ящикахъ. Этотъ приемъ существенно способствуетъ къ упорядоченію и ускоренію работы. Такимъ образомъ вновь переписаны, дополнены и снабжены примѣрами слова на первыя буквы алфавита. Выписками примѣровъ изъ писателей занимались, сверхъ самого академика, преимуще-

ственно г. Шейнъ, почтенный собиратель памятниковъ народной словесности, и г. Симони, недавно окончившій курсъ въ здѣшнемъ университетѣ. Г. Шейнъ принялъ на себя между прочимъ извлеченіе примѣровъ изъ сочиненій Печерскаго (Мельникова) и Серг. Тимоѣ. Аксакова, а г. Симони — изъ Исторіи Карамзина. Приготовительною работою по дополненію прежняго изданія словаря занимались, какъ и въ прошломъ году, молодые ученые Пѣтуховъ и Смирновъ, изъ которыхъ первый въ настоящее время трудится уже надъ буквою *Л*, а второй надъ буквою *С*. Чтобы по возможности приблизить начало появленія словаря, предполагается издавать его выпусками и въ наступающемъ году приступить къ печатанію.

Кромѣ того, подъ наблюденіемъ академика Я. К. Грота:

1) Изданы въ нынѣшнемъ году 43-й и 44-й томы Сборника Второго Отдѣленія Академіи наукъ.

2) Печаталась въ русскомъ переводѣ г. Паландера біографія жившаго въ прошломъ столѣтіи академика Лаксмана, составленная профессоромъ Гельсингфорскаго университета Лагусомъ.

3) Печатались сочиненія профессора Котляревскаго.

4) Составленъ указатель ко всѣмъ изданіямъ какъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, такъ и Россійской Академіи, который также будетъ напечатанъ.

Первый томъ описанія Черногоріи П. А. Ровинскаго оконченъ печатаніемъ и будетъ выпущенъ, какъ скоро получится изготовляемая въ Генеральномъ штабѣ карта этой страны.

Ординарный академикъ Ѡ. И. Буслаевъ напечаталъ:

1) Седьмымъ изданіемъ свой *Учебникъ русской грамматики, сблизенной съ церковно-славянскою*, и

2) Третьимъ изданіемъ *Русскую хрестоматію. Памятники древней русской литературы и народной словесности*, съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и съ словаремъ.

По поводу седьмаго изданія Учебной грамматики Ѡ. И. Бу-

слаевъ говорить, что онъ «не только исправилъ ее и дополнилъ, какъ значитса въ заглавіи, но и переработалъ съ первой страницы до послѣдней, между прочимъ внесши въ нее все существенное и необходимое изъ книги: «Русское правописание», составленной академикомъ Я. К. Гротомъ по порученію Второго Отдѣленія Академіи наукъ». Свидѣтельство такого филолога, какъ Ѳ. И. Буслаевъ, имѣетъ неоспоримое значеніе для вѣрной и безпристрастной оцѣнки труда академика Грота.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности академика Ѳ. И. Буслаева. Отдѣленіе русскаго языка и словесности привѣтствовало своего глубокоуважаемаго сочлена, труды котораго занимаютъ высокое мѣсто въ русской литературѣ и наукѣ. Съ полною справедливостію можно и должно сказать, что «велики заслуги Ѳ. И. Буслаева въ дѣлѣ преподаванія родного слова и изслѣдованія памятниковъ древней нашей письменности и русскаго искусства. Вооруженный талантомъ и знаніемъ, онъ въ той и другой области проложилъ новые пути, признанные единственно вѣрными и обязательными для всѣхъ, вступающихъ на то же поприще». Какъ доблестный труженикъ на научномъ поприщѣ, освѣтившій путь для молодыхъ поколѣній, Ѳ. И. Буслаевъ можетъ сказать со всею искренностію великаго учителя:

«Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка».

Сверхъ работъ по грамматикѣ и словарю, въ кругъ занятій Второго Отдѣленія, указанныхъ учредительнымъ актомъ, входятъ: изслѣдованія въ области исторіи русской словесности, а также и русской исторіи, и изученіе славянскихъ нарѣчій относительно къ языку русскому.

Одну изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи умственной и общественной жизни Россіи составляетъ эпоха Петра Великаго. Для всесторонняго изученія и справедливой оцѣнки личности и дѣятельности Петра Великаго предпринято изданіе «такого

собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо любимой имъ Россіи», и при этомъ выражена надежда, что «когда собраніе писемъ и бумагъ Петра Великаго будетъ довершено, образъ великаго монарха представитъ передъ безпристрастнымъ потомствомъ въ полномъ величіи». Послужить этой прекрасной цѣли, для достиженія которой требуется много энергіи, самаго упорнаго труда и обширныхъ, разностороннихъ знаній, принявъ на себя нашъ сочленъ по Отдѣленію А. Ѳ. Бычковъ.

Въ истекающемъ году ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ занялъ былъ приготовленіемъ къ изданію второго тома писемъ и бумагъ Петра Великаго, къ печатанію котораго и приступилъ. Сверхъ писемъ, въ которыхъ проявляется заботливость монарха о внутреннемъ преуспѣяніи государства, въ этотъ томъ войдетъ нѣсколько документовъ, освѣщающихъ наши политическія отношенія къ сосѣдственнымъ государствамъ. Не менѣе любопытны письма, заключающія въ себѣ распоряженія относительно покоренія Нотебурга (Орѣшка) и подробная реляція, отправленная государемъ о взятіи этой крѣпости. «Зѣло жестоко сей орѣхъ былъ — писалъ по случаю ея покоренія Петръ Великій, — однакожь, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Во многихъ письмахъ, посланныхъ государемъ къ своимъ сподвижникамъ, выражается живая радость по случаю взятія Ниешпанца и побѣды, одержанной надъ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ. Въ примѣчаніяхъ къ этому тому, по примѣру перваго, будетъ даво мѣсто ответнымъ письмамъ разныхъ лицъ государю; многія изъ этихъ писемъ заключаютъ въ себѣ любопытныя данныя, впервые имѣющія появиться въ свѣтъ.

Подъ наблюденіемъ А. Ѳ. Бычкова продолжалось печатаніе Словаря древняго русскаго языка покойнаго академика И. И. Срезневскаго и второго тома Бѣлорусскаго сборника П. В. Шейна.

По порученію Отдѣленія А. Ѳ. Бычковъ написалъ разбоѣ

книги Ан. П. Чехова подъ названіемъ: «Въ сумеркахъ», представленной на совсканіе Пушкинской преміи.

Тѣмъ-же академикомъ напечатанъ найденный имъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» Пушкина, именно Путешествіе по Россіи, сличенный съ черновыми рукописями поэта, хранящимися въ Румянцовскомъ музеѣ.

При изслѣдованіи памятниковъ русской литературы, существенный вопросъ заключается въ опредѣленіи ихъ самостоятельности и отношенія ихъ къ тѣмъ иностраннымъ произведеніямъ, съ которыми они находятся въ большей или меньшей связи. Твердыя, неизблемыя основы для подобнаго рода изслѣдованій положены Востоковымъ въ его классическомъ описаніи рукописей Румянцовскаго музея. Въ краткихъ, но драгоценныхъ для науки замѣчаніяхъ Востоковъ указываетъ на источники описываемыхъ памятниковъ, опираясь на данныя, представляемые языкомъ рукописей. Выясненіе литературной исторіи памятниковъ нашей старинной словесности имѣетъ въ виду въ своихъ научныхъ работахъ и сочленъ нашъ А. Н. Веселовскій.

Изслѣдованія и статьи ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго, появившіяся въ истекающемъ году, помѣщены въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ: въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности, въ Журналѣ министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Вѣстникѣ Европы, въ *Archiv für slavische philologie*, въ *Giornale storico della letteratura*, и др.

Въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности академикъ А. Н. Веселовскій помѣстилъ продолженіе своихъ изслѣдованій «Изъ исторіи романа и повѣсти». Сводя въ одинъ отдѣлъ повѣсти, дошедшія до насъ въ бѣлорусскомъ пересказѣ, въ рукописи XVI столѣтія, и давая имъ названіе славяно-романскихъ, А. Н. Веселовскій говоритъ: «Мѣсто, занимаемое ими въ исторіи развитія славянской повѣсти вообще, со включеніемъ русской, приходится между византійскимъ вліяніемъ. обусловив-

шимъ древній составъ юго-славянскои литературы, и позднимъ западнымъ. Въ славянскую среду наши повѣсти вносили свѣдѣнія о чуждомъ ей обиходѣ рыцарства и его особомъ нравственномъ кодексѣ. Первый усваивался внѣшнимъ образомъ; многое показываетъ, что нныя его черты были неясны и понимались въ половину». По замѣчанію академика А. Н. Веселовскаго, «поззія любви и красоты отразилась въ славяно-романскои повѣсти блѣдными слугами; въ длинной вереницѣ приключеній и турнировъ, храбрыхъ рыцарей и влюбленныхъ царевенъ, мы, безъ помощи западныхъ оригиналовъ, не нашли-бы на комъ остановить глаза и не сказали бы: вотъ она! Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній: ихъ заслуга въ починѣ, а не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей». Установивши такую точку зрѣнія, авторъ остается вѣренъ ей въ изслѣдованіи и цѣлаго и частей. Онъ съ необычайною тщательностію слѣдитъ за каждою фразою, за каждымъ словомъ, даже за каждою буквою (какъ напримѣръ въ собственныхъ именахъ), сравнивая русскія повѣсти съ иностранными, и доводитъ свое сравненіе до самыхъ мельчайшихъ подробностей съ цѣлію уяснить происхожденіе и литературную судьбу изучаемаго памятника. Въ трудѣ, о которомъ идетъ рѣчь, академикъ А. Н. Веселовскій строго-научнымъ образомъ разсматриваетъ южно-славянскую повѣсть о Троѣ и бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ; къ изслѣдованію приложенъ текстъ повѣстей. Ученый изслѣдователь приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Насколько переводы вѣрно сохранили намъ свои подлинники, объ этомъ судить трудно; подлинника Троянскои повѣсти мы не знаемъ; бѣлорусскій Тристанъ не встрѣтился пока въ этомъ видѣ ни въ одномъ западномъ пересказѣ, и если бѣлорусскій Бово часто дословно переведенъ съ итальянскаго, то великорусскій Бова королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянскои версіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежащія русскои народнои передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвоили, передѣлывая: на

почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ. Сербскій подлинникъ бѣлорусской повѣсти не найденъ; романтическая исторія Бовы проникла къ южнымъ славянамъ, сколько пока извѣстно, въ хорватскомъ переводѣ. Особая популярность досталась на долю Бовѣ на Руси; повѣсть почему-то поправилась: объясненіе лежитъ въ случайностяхъ народнаго вкуса или въ томъ, что намъ представляется случайностью. Языкъ всѣхъ трехъ повѣстей — бѣлорусскій шестнадцатаго вѣка. Это даетъ нашимъ текстамъ особое значеніе для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка, для котораго мы принуждены были еще недавно ограничиваться матеріаломъ, представляемымъ Библіей Скорины, Литовскимъ статутомъ, лютеранскимъ катехизисомъ, хрониками, актами и т. п. Въ послѣднее время число бѣлорусскихъ памятниковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется болѣе и болѣе значеніе бѣлорусской письменности въ обще-русскомъ литературномъ развитіи, и т. д.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ, находящійся къ сожалѣнію вдали отъ насъ, продолжалъ свои изслѣдованія въ области славянской филологіи и преимущественно церковно-славянскаго языка, судьбы котораго такъ тѣсно и неразрывно связаны съ судьбами языка русскаго. Только самое короткое время уважаемый сочленъ нашъ провелъ въ этомъ году въ нашей академической средѣ; но не смотря на свое пребываніе и ученую дѣятельность за границей, онъ принималъ участіе въ трудахъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ настоящее время печатается второй томъ весьма важнаго въ научномъ отношеніи труда академика И. В. Ягича: «Источники для исторіи славянской филологіи». Въ первомъ томѣ помѣщены письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ; во второмъ — письма Копитара къ Ганкѣ и другимъ славянскимъ ученымъ, письма Караджича къ Копитару, Добровскаго къ Метелкѣ, Кеппена къ Добровскому и т. д.

Академикъ И. В. Ягичъ началъ печатать свой новый трудъ подъ названіемъ: «Разсужденія южно-славянской и русской ста-

рины о церковно-славянскомъ языкѣ». Здѣсь помѣщены памятники, относящіеся къ началу славянской письменности и къ борьбѣ за славянскую письменность; разсужденіе Іоанна, экзарха болгарскаго, о славянскомъ языкѣ; статья «о восьми частяхъ слова»; «книга Константина философа и грамматика о письменехъ», и др. Академикомъ И. В. Ягичемъ впервые указаны греческіе источники статьи черноризца Храбра, пользовавшейся большимъ почетомъ у нашихъ книжниковъ, доказательствомъ чему служатъ многочисленныя списки и разнообразныя передѣлки ея. Весьма любопытна для исторіи славянской филологіи статья «о восьми частяхъ слова», встрѣчающаяся во многихъ рукописяхъ и приписываемая «всѣмъ и повсюду» Іоанну, экзарху болгарскому. Только Горскій и Невоструевъ видѣли въ ней произведеніе древне-сербской письменности XIII—XIV столѣтія. Подвергнувъ замѣчательную статью самому подробному научному разбору, нашъ сочленъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе и высказываетъ слѣдующее: «Статья о восьми частяхъ слова составлена по очень позднимъ греческимъ образцамъ гдѣ нибудь въ Сербіи въ теченіи XIV вѣка, скорѣе въ началѣ или въ первой половинѣ этого столѣтія, чѣмъ позднѣе. Изъ сербскихъ списковъ она перешла съ обыкновенною передѣлкою въ болгарскіе, въ особенности въ молдовалахійскіе списки, которые въ свою очередь послужили источникомъ для распространенія этой статьи въ литературу русскую». Самое видное мѣсто въ напечатанной части труда занимаютъ изслѣдованія академика И. В. Ягича, посвященныя сочиненію Константина, философа и грамматика, жившаго въ первой половинѣ XV столѣтія въ Сербіи, при дворѣ сербскаго деспота Стефана Лазаревича. Этотъ замѣчательный памятникъ впервые издается въ его полномъ объемѣ, а пояснительный анализъ ученаго изслѣдователя придаетъ особенную цѣну изданію.

Академикомъ И. В. Ягичемъ составленъ обширный научный разборъ (помѣщенный въ Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ) труда г. Стасова: «Славяно-русскій и восточный орнаментъ».

По порученію Отдѣленія, И. В. Ягичъ написалъ, также

весьма обширный, разборъ книги профессора А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка», представленной на сонсканіе преміи графа Д. А. Толстого.

За границею академикъ И. В. Ягичъ ведетъ по прежнему редакцію журнала, посвященнаго славянской филологіи и пользующагося вполне заслуженною извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ.

Въ истекающемъ году отпечатанъ пятый томъ «Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ», издаваемыхъ по мысли г. президента академіи графа Д. А. Толстого. Новый томъ академическаго изданія заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній какъ для исторіи Академіи наукъ, такъ и для характеристики умственной и общественной жизни того времени. Мы находимъ здѣсь извѣстія: о трудахъ и предпріятіяхъ академиковъ и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи русской литературы и науки; о лекціяхъ, читанныхъ профессорами и адъюнктами Академіи наукъ; о сочиненіяхъ, представляемыхъ на судъ Академіи, и т. д.

Историкъ Татищевъ писалъ въ Академію наукъ: «По добродѣтели моему ко отечеству и предпочтенію академіи, изыскивая отъ древнихъ исторій, такожъ натуральныхъ и хитростныхъ диковинокъ, якоже нѣколико древнихъ, немалою цѣною покупая книги, въ академію всегда отдавалъ. Но понеже черезъ весь годъ не токмо авизъ-календарей и другихъ нововзданныхъ при академіи книгъ и ландкартъ, но и отповѣди на прежде посланные не получалъ, того ради и собранное нынѣ послать удержался. Токмо посылаю при семъ одну въ морѣ пойманную весьма странную рыбу, которая видомъ подобна бы севрюгѣ, но ротъ у нея не въ томъ мѣстѣ и перья нѣтъ. . . . Не безызвѣстно же академіи, что чрезъ 22 года трудился, а древней русской исторіи одну часть нынѣ совсѣмъ оканчиваю; токмо какъ я общался нѣкоторымъ знатнымъ благодѣтелямъ, оную переведши на французскій языкъ, вскорѣ по напечатаніи русской отдать: токмо я опасаюсь, чтобъ переводчикъ не погрѣшилъ, а паче, что я, не зная французскаго языка, то и погрѣшности усмотрѣть не могу.

И для того разсудилъ лучше на нѣмецкій перевести, для котораго прошу, чтобъ академія трудъ свой приложила такого переводчика сыскать. И какъ скоро она переведена будетъ, то рускую для печатанія немедленно поручу.

Подобно тому, какъ ученый Татищевъ, занимаясь отечественною исторіею, не оставался чуждъ и области естественныхъ наукъ, члены нашей академіи, читая лекціи въ академическомъ университетѣ, не ограничивались одною своею спеціальностію. Въ объявленіи о лекціяхъ на 1742 годъ говорится:

«Христлибъ Эрготтъ Геллертъ, адъюнктъ академіи, читать будетъ логику и метафизику Волфову, порядкомъ Тиммиговымъ, публично, а приватно охотниковъ обучать намѣренъ въ физикѣ и математикѣ».

«Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ академіи, руководство къ географіи физической, чрезъ господина Крафта сочиненное, публично толковать будетъ, а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о минералахъ; такожъ обучать въ стихотворствѣ и штигѣ россійскаго языка».

Потребность въ изученіи иностранныхъ языковъ вызывала составленіе словарей, и въ академію неоднократно обращались съ просьбою разсмотрѣть и напечатать тотъ или другой словарь. Бывшій учитель екатеринбургской латинской школы Киріакъ Кондратовичъ выражаетъ, въ своей челобитной, желаніе «быть профессоромъ лексиконовъ при академіи наукъ, латино-россійскаго и россійско-латинскаго». Кондратовичъ былъ почтеннымъ, добросовѣстнымъ труженникомъ, и пользовался такимъ уваженіемъ, что его называли даже однимъ изъ «преобразователей нашей словесности въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка». Но академіи приходилось иногда имѣть дѣло съ людьми, вовсе не приготовленными къ научнымъ работамъ и не смотря на то желавшимъ во что бы то ни стало добиться напечатанія трудовъ своихъ. Правительствующій сенатъ, склоняясь на настойчивыя просьбы Иогана Людвигъ Эгера, предписалъ академіи наукъ разсмотрѣть и въ чемъ нужно исправить составленный просите-

лемъ русско-нѣмецкій лексиконъ. Эгеръ увѣрялъ, что составленный имъ лексиконъ «приведенъ въ всевозможное совершенство» какъ по выбору «изъ разныхъ славенскихъ и россійскихъ книгъ», такъ по прилежному испытанію и провѣдыванію употребляемыхъ въ россійскомъ народѣ старинныхъ и новѣйшихъ рѣчей» и т. д. На дѣлѣ оказалось совершенно иное. Академики Адауровъ и Таубертъ, разсмотрѣвши словарь, заявили, что отъ него «не токмо великой, но весьма никакой пользы ожидать не можно»: авторъ «вымышлялъ отъ себя» небывалыя слова, какъ напри- мѣръ: *аэрошествовать, алакатъ, муръ, зоключимство*, и т. п.; о незнаніи имъ русскаго языка свидѣлствуютъ слѣдующія фразы: *она на друую мыза включена*, вмѣсто: *она приписана къ друой мызѣ*; *никто остановки въ ходѣ не приключилось*, вмѣсто: *никакой остановки въ пути не произошло*, и т. п.

Въ «Матеріалахъ» находится не мало чертъ, рисующихъ тогдашнее состояніе образованности, вкусъ читателей того времени, и т. п. Принцессою Анною брауншвейгъ-люнебургскою взяты для чтенія изъ библіотеки: Будіевъ Историческій лексиконъ; Житіе императора Петра Великаго, Гибнерова изданія; Торжествующая любовь; Теофрастовы характеры; Овидіевы метаморфозы. Фельдмаршаломъ Минихомъ взяты для чтенія изъ библіотеки: книга Винтера о лошадяхъ и книга Гоберга: Деревенское и увеселительное житіе. Особенный спросъ былъ на слѣдующія книги: Табель о рангахъ; Военный уставъ съ процессами; Ерусалимская исторія; Пуфендорфовы книги о должности челоуѣка-гражданина; Квинта Курція Исторія о Александрѣ Великомъ; Троянская война; Эзопа притчи, и др. Академія наукъ, представляя сенату, что всѣ эти книги распроданы до послѣдняго экземпляра, а между тѣмъ «народъ съ охотою купитъ ихъ желаетъ, а академія наукъ, по силѣ полученныхъ указовъ, безъ апробаціи сената вновь печатать не смѣетъ», просила о разрѣшеніи напечатать ихъ и «въ продажу производить». За то много хлопотъ было съ другими книгами, накопившимися въ академической книжной лавкѣ: на русскія книги только изрѣдка находи-

лись покупатели, а иностранныхъ почти никто не покупалъ. Не зная, чѣмъ помочь бѣдѣ, придумали наконецъ весьма оригинальное средство — просили «учинить милостивое учрежденіе», состоящее въ томъ, чтобы :

1) Всѣ таможни и судебныя мѣста обязательно покупали не только уложеніе и тарифы, но и художественныя, историческія, нравоучительныя и всѣ безъ исключенія книги, изданныя на русскомъ языкѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

2) Губернаторамъ, вице-губернаторамъ, совѣтникамъ, ассесорамъ, генераламъ, штабъ-офицерамъ и т. д. вмѣнить въ обязанность, чтобы изъ каждой сотни получаемого ими жалованья они непременно употребляли пять или шесть рублей на покупку книгъ «для собственнаго чтенія и полезнаго наставленія дѣтямъ своимъ».

3) Купцамъ вмѣнить въ обязанность покупать изъ академіи книгъ «по препорціи своего торгу»: такая мѣра тѣмъ удобнѣе, что русское купечество очень любитъ читать историческія и нравоучительныя книги.

4) Что же касается до огромнаго количества лежащихъ въ академической лавкѣ книгъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и на другихъ европейскихъ языкахъ, то постановить, чтобы Рига, Ревель, Дерптъ и другіе города покупали эти книги для тамошнихъ школъ, дворянства и духовенства.

На долю нашей академіи выпадали тяжелыя времена, когда ей приходилось вести самую упорную борьбу за существованіе. Общее разстройство экономическихъ и финансовыхъ дѣлъ отразилось самымъ яркимъ образомъ на судьбѣ академіи. Члены академіи терпѣли крайнюю нужду: имъ по цѣлымъ годамъ не выдавали жалованья, вслѣдствіе чего они должны были дѣлать долги и платить проценты. Жалованье выдавалось большею частью не деньгами, а книгами. Студентъ Протасовъ, будущій академикъ, просилъ, при наступленіи зимы, о выдачѣ ему жалованья за *прошлый* годъ, чтобы сшить себѣ теплое платье: ему выдали Описаніе триумфальныхъ воротъ и еще нѣсколько книгъ изъ

академической книжной лавки. Лица, служившія при академіи, «брали въ зачетъ заслуженнаго жалованья книгами по указной цѣнѣ, а продавали оныя книги съ великимъ урономъ, а именно: у каждаго рубля по двадцати и по тридцати копеекъ съ накладомъ. И для ежедневнаго пропитанія брали у разныхъ купцовъ муку до выдачи жалованья, съ наддачею на каждый кулъ по тридцати и по сорока копеекъ».

Самыми печальными красками изображаетъ Тредьяковскій свое безвыходное положеніе. Напомнивъ, что онъ, покинувъ родину, получилъ образованіе въ парижскомъ университетѣ, куда «отправился своею охотою и куда добрелъ гѣшкомъ изъ самыя Голландіи», Тредьяковскій горько жалуется на свои «въ деньгахъ самыя нужнѣйшія обстоятельства». Онъ говоритъ: «не имѣя ни двора, ни кола», но «имѣя уже жену и содержа бѣдную сестру мою, а съ нею сына ея и дочь, я впалъ въ бѣдность и въ долги, а слѣдовательно въ горестъ и печаль».

Ломоносовъ также долженъ былъ терпѣть самую крайнюю нужду. Онъ писалъ въ академію наукъ: «Почти за цѣлый годъ я жалованья отъ академіи не получалъ, и оттого пришелъ въ крайнюю скудость. А нынѣ я нахожусь боленъ и при томъ не токмо лѣкарства, но и дневной пищи себѣ купить на что не имѣю, и денегъ взаимы достать нигдѣ не могу» Жалованья Ломоносову, по званію адъюнкта, слѣдовало получить триста шестьдесятъ рублей. Послѣдовала резолюція: «За немѣніемъ въ казнѣ денегъ выдать Ломоносову пять рублей.»

Неприглядная сторона тогдашнихъ общественныхъ порядковъ оставила свои слѣды и въ академической жизни. Лица, находившіяся на государственной службѣ въ академіи, подвергались столкновеніямъ и опасностямъ, угрожавшимъ каждому, кому суждено было жить и служить во времена бироновщины. Чтобы вѣрнѣе достигнуть недоброй цѣли и нанести тяжкій ударъ ненавистному противнику, пытались обвинять его въ государственномъ преступленіи, при чемъ нерѣдко дѣлали изъ мухи слона. Какъ ни очевидны на нашъ взглядъ такого рода преувели-

ченія, но въ ту пору смотрѣли на дѣло совершенно иначе, и только счастливая случайность отклоняла суровую кару, замѣняя ее исправительными мѣрами, иногда весьма наивными. Шумахеръ обвинялъ академика Делля въ томъ, что онъ составляетъ научные проекты съ предосудительными цѣлями: «хотя прожектъ о размѣриваніи земли самъ собою и не безполезенъ, однакожь Делль при томъ больше смотрѣлъ на требуемое имъ двойное жалованье и генераль-маіорскій рангъ, нежели на исправленіе географіи. Профессора Гейнсіуса отлучилъ онъ, Делль, насильнымъ образомъ отъ обсерваторіи по одной жалюзіи и опасаясь, чтобъ усмотрѣлъ его коварства. Надлежитъ почти думать, не подкупленъ ли онъ отъ кого, чтобъ академію опровергнуть и тѣмъ причинить вредъ и безславіе государству». Въ свою очередь Шумахеръ подвергся обвиненію въ томъ, что онъ «установленіе блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго испровергъ, и тщался злоумышленно науки искоренить, и супостатамъ отечества російскаго всё академическія тайны сообщалъ». Обвинитель, переводчикъ Горлицкій, не могъ представить точныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ всему этому, а такъ какъ по указамъ о фискальной должности, несправедливый обвинитель подлежитъ такому же наказанію, какому подвергся бы обвиняемый, то Горлицкаго приговорили къ смертной казни. Но принимая во вниманіе его лѣта и семейныя обстоятельства, порѣшили замѣнить смертную казнь ссылкой въ Оренбургъ на вѣчное житье, съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ преподавалъ философію: «а что онъ, Горлицкій, философскую науку нѣсколько и забылъ, однакожь можетъ еще, будучи на свободѣ, молодыхъ людей въ Оренбургѣ обучать, и отъ того хотя малая польза отъ него будетъ».

Въ литературѣ изданіе «Матеріаловъ» встрѣчено сочувственно, и это сочувствіе выразилось не только словомъ, но и дѣломъ: въ повременныхъ изданіяхъ появилось нѣсколько весьма дѣльныхъ статей, составленныхъ на основаніи «Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ».

Кругъ занятій Отдѣленія расширяется все болѣе и болѣе; между прочимъ увеличивается число премій, присужденіе которыхъ возлагается на Отдѣленіе. Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого будетъ сегодня прочитанъ академикомъ Я. К. Гротомъ.

Представивъ бѣглый очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ истекающемъ году, упомяну въ заключеніе объ одномъ обстоятельстве, весьма счастливомъ для Отдѣленія сравнительно съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ годовъ. Уже въ отчетѣ за первый годъ существованія Отдѣленія подробно говорилось о потеряхъ, понесенныхъ Отдѣленіемъ въ самое короткое время. Съ тѣхъ поръ едва ли не каждый годъ составители отчетовъ поставляемы были въ печальную необходимость «начавъ за здравіе, сводить за упокой». Настоящій годъ составляетъ отрадное исключеніе: въ теченіе его Отдѣленіе не лишилось ни одного ни изъ дѣйствительныхъ своихъ членовъ, ни изъ членовъ-корреспондентовъ. Дай Богъ, чтобы подобное заявленіе повторялось какъ можно чаще въ годовыхъ отчетахъ по каждому изъ Отдѣленій дорогой для всѣхъ насъ Академіи.

ТРЕТЬЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

ПРЕМИЙ ИМЕНИ ГРАФА Д. А. ТОЛСТОГО.

Отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1888 года предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Я. К. Гротомъ.

Въ 1883 году учреждены при Императорской Академіи Наукъ, съ Высочайшаго соизволенія, преміи имени графа Д. А. Толстого, выдаваемыя ежегодно по очереди однимъ изъ трехъ Отдѣленій Академіи. Въ нынѣшнемъ году присужденіе премій нашего Президента въ первый разъ выпадаетъ на долю Отдѣленія русскаго языка и словесности. На соисканіе ихъ было представлено шесть сочиненій. За устраненіемъ двухъ изъ нихъ, какъ не подходящихъ подъ правила объ этихъ преміяхъ, остальные, относящіяся къ области русской литературы и славянской филологіи, подвергнуты были внимательному разсмотрѣнію, и по соображеніи относительнаго достоинства этихъ трудовъ, слѣдующіе три, согласно съ § 6-мъ правилъ, удостоены:

Первой почетной золотой медали напечатанное въ Москвѣ Львомъ Ив. Поливановымъ въ 5-ти томахъ, для семьи и школы, критическое изданіе сочиненій Пушкина съ объясненіями.

Такъ какъ одновременно съ поступленіемъ этого изданія на конкурсъ появилась въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія обширная критическая статья нашего члена-корреспондента К. Н. Бестужева-Рюмина о трудѣ г. Поливанова, то Отдѣленіе, въ силу § 15-го правилъ о преміяхъ графа Д. А. Толстого, сочло полезнымъ пригласить г. Бестужева къ участию въ обсужденіи помянутаго изданія и не могло не согласиться съ весьма основательными замѣчаніями его рецензій.

Изданіе Л. И. Поливанова предназначается для употребленія въ семьѣ и школѣ. Такое изданіе должно отличаться тщательнымъ выборомъ; оттого въ представленномъ на премію изданіи встрѣчаются не только пропуски дѣльныхъ произведеній, помѣщеніе которыхъ неудобно въ политическомъ или въ нравственномъ отношеніи, но и отдѣльныхъ отрывковъ. При помощи изданія г. Поливанова воспитанники учебныхъ заведеній гораздо полнѣе ознакомятся съ Пушкинымъ, чѣмъ могли бы узнать его, читая хрестоматіи. Изданіе исполнено такъ, что самая строгая мать семейства, самая строгая школа дадутъ его въ руки дѣтямъ или воспитанникамъ. Отнынѣ Пушкинъ почти въ полномъ видѣ долженъ стать настольною книгой еще на школьной скамьѣ.

Выборъ произведеній — только первое достоинство изданія г. Поливанова; имъ оно вполне достигаетъ своей цѣли. Но у него есть другія достоинства, дѣлающія его необходимымъ даже для взрослыхъ любителей русской литературы: оно представляетъ текстъ, свѣренный со старыми изданіями Пушкина, а иногда издатель прибѣгалъ и къ пособію рукописей. Оно снабжено обширнымъ комментариемъ, въ которомъ указана связь, если она существуетъ, между произведеніемъ и жизнью поэта, сообщены свѣдѣнія о лицахъ, къ которымъ обращено то или другое произведение или которымъ оно посвящено, указаны произведенія иностранныхъ поэтовъ, имѣвшихъ влияние въ томъ или другомъ случаѣ на Пушкина, при чемъ приводятся отрывки изъ этихъ произведеній. Если Пушкинъ переводилъ, то издатель сообщаетъ оригиналъ, иногда въ подлинникѣ и переводѣ, иногда только въ

переводѣ, и выписываетъ вполнѣ или въ сокращеніи отзывы критиковъ, какъ современныхъ Пушкину, такъ и послѣдующихъ поколѣній. Сверхъ того г. Поливановъ даетъ и историческій комментарий. Представляя такой богатый матеріалъ для пониманія Пушкина, это изданіе становится настольною книгою всѣхъ, начинающихъ изучать Пушкина, исходною точкою новыхъ изысканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и справочною книгою для тѣхъ, кто уже углубился въ это изученіе.

Изаніе свое г. Поливановъ распредѣлилъ по главнымъ родамъ литературныхъ произведеній: въ первомъ томѣ—лирика, во второмъ — поэмы, сказки и т. п., въ третьемъ — драмы, въ четвертомъ — романы и повѣсти, въ пятомъ — проза (т. е. критическія, историческія и автобіографическія статьи) и выдержки изъ писемъ, а также дополненія и поправки къ первымъ томамъ. Лирику издатель расположилъ хронологически, разбивъ весь томъ на отдѣлы, соотвѣтствующіе событіямъ внутренней и внѣшней жизни автора. Каждому отдѣлу предшествуетъ краткій очеркъ жизни поэта за данный періодъ и обзоръ его литературной дѣятельности.

Въ виду выдающихся достоинствъ, отличающихъ изданіе г. Поливанова, Отдѣленіе признало этотъ трудъ заслуживающимъ высшей награды, установленной въ § 4-мъ правилъ о преміяхъ нашего Президента.

Второй почетной медаліи имени графа Д. А. Толстого удостоенъ трудъ профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка». Подробный разборъ этой книги, составленный, по порученію Отдѣленія, академикомъ И. В. Ягичемъ, будетъ напечатанъ въ Сборникѣ нашего Отдѣленія; здѣсь же достаточно привести сущность его содержанія. Во введеніи критикъ останавливается на такихъ трудахъ русскихъ ученыхъ, въ которыхъ заключаются первые начатки исторіи родного языка, особенно на замѣчательныхъ для своего времени, но и теперь еще не вполнѣ потерявшихъ свою цѣну «Мысляхъ» покойнаго академика И. И.

Срезневскаго. Два главных положенія «Мыслей» отвергнуты позднѣйшими успѣхами науки: мнимая близость, чуть ли не тождество, древне-русскаго языка со старославянскимъ и отсутствіе будто бы нарѣчій въ древне-русскомъ языкѣ раньше XIII вѣка. Напомнивъ потомъ вкратцѣ заслуги, съ одной стороны, ученыхъ специалистовъ-филологовъ: П. Лавровскаго, А. Потебни, М. Колосова, съ другой значеніе различныхъ этнографическихъ предпріятій и изданій, въ числѣ ихъ дѣятельность Вл. Ив. Даля, критикъ опредѣляетъ цѣль исторіи русскаго языка сообразно со стремленіями новѣйшаго времени. Наука теперь уже не довольствуется собираніемъ новыхъ матеріаловъ, хотя она и въ этомъ отношеніи дорожитъ драгоценными пособіями Востокова, Буслаява и другихъ, и настаиваетъ на безостановочномъ продолженіи этой дѣятельности. Новѣйшіе изслѣдователи имѣютъ въ виду примѣненіе данныхъ, почерпаемыхъ изъ древне-русскихъ памятниковъ для исторіи языка, къ особенностямъ современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ; они пытаются свести прошлое и современное въ одно органическое цѣлое, и такимъ образомъ положить прочное основаніе для исторической діалектологіи. Отправляясь отъ безпорно вѣрнаго предположенія, что главнѣйшія черты нынѣшнихъ русскихъ нарѣчій существовали съ незапамятныхъ временъ и поэтому могли отражаться также въ памятникахъ древне-русской письменности, наука старается, при помощи этой руководящей мысли, внести свѣтъ въ богатый, но на первыхъ порахъ нѣсколько хаотическій матеріалъ, изъ котораго она заимствуетъ свои данныя.

Въ этихъ стремленіяхъ новѣйшаго времени принимаетъ выдающееся участіе профессоръ А. И. Соболевскій. Уже первый трудъ молодого ученаго, появившійся въ 1881-мъ году, «Изслѣдованія въ области русской грамматики», обратилъ на себя вниманіе современной науки, какъ многообѣщающее начало, доказывавшее обширную начитанность въ памятникахъ древне-русскаго языка и немалую сообразительность, хотя не вполне свободную отъ увлеченій. Еще большее значеніе имѣетъ второе со-

чиненіе профессора «Очерки изъ исторіи русскаго языка», изданное въ 1884 году. Критикъ называетъ эти «Очерки» драгоценнымъ вкладомъ въ будущую исторію русскаго языка: они превосходятъ по методу изслѣдованія, будучи построены почти исключительно на внимательномъ изученіи и сличеніи рукописей. Нужна была немалая доля наблюдательности для того, чтобы по памятникамъ возстановить типы древне-русскаго языка, отличительныя черты которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ произошли отъ вліянія окружавшей ихъ живой среды. Хотя бы впоследствии и оказалось, что не всё опредѣленія автора точны, научныя достоинства «Очерковъ» отъ этого не пострадаютъ.

Послѣдній трудъ А. И. Соболевскаго, подлежащій нашей оцѣнкѣ, носитъ заглавіе «Лекціи по исторіи русскаго языка». «Лекціи» эти, какъ въ свое время «Мысли» Срезневскаго, конечно далеко не то, что мы разумѣемъ подъ историческою грамматикою или же исторію языка. Ни для той, ни для другой въ отношеніи къ русскому языку время еще не настало: слишкомъ мало имѣется предварительныхъ изслѣдованій; но подъ отдѣльными частями грамматики можно и теперь уже подвести историческую почву, на которой явленія современнаго языка пріобрѣтаютъ больше освѣщенія и смысла. Этой-то цѣлью задался авторъ «Лекцій», читанныхъ имъ въ университетѣ св. Владимира. Это курсъ университетскаго преподаванія, въ который, сообразно съ уровнемъ слушателей, попало кое-что элементарное рядомъ съ подробностями очень специальными. Это — нѣчто среднее между исторію языка и историческою грамматикою. Въ изложеніи предмета руководящею нитью послужилъ порядокъ, указанный грамматикою. Послѣ общаго введенія и перечня источниковъ излагаются то звуковыя, то формальныя особенности древне-русскаго языка. Объемъ частямъ (звукамъ и формамъ) предпослана общая характеристика языка русскаго въ средѣ славянскихъ нарѣчій, а также краткій очеркъ древне-русскихъ говоровъ. Поэтому, несмотря на многіе пробѣлы и несовершенства, подробно указанныя критикомъ, онъ въ заключеніи приходитъ къ убѣжденію,

что сочинение профессора Соболевскаго — очень отрадное явление въ русской филологической литературѣ, вполне заслуживающее признанія и поощренія.

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ авторъ обнаружилъ полное знакомство со всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ сдѣлано въ этой области, виденъ даже, несмотря на очень небольшой промежутокъ времени между «Очерками» и изданіемъ «Лекцій», положительный поворотъ къ лучшему, въ сравненіи съ прежними трудами автора: болѣе осторожное взвѣшиваніе всѣхъ доказательствъ про и contra, уступчивость въ пользу чужихъ взглядовъ, гдѣ они оказались болѣе основательными, наконецъ полная объективность и сдержанность въ тонѣ, какъ и подобаетъ сочиненію, излагающему очень сложные вопросы русской старины. Поэтому, сводя всѣ частныя о немъ замѣчанія къ общему выводу, нельзя не признать, что трудъ профессора Соболевскаго служитъ къ обогащенію русской филологической литературы.

Наконецъ, третья награда имени графа Д. А. Толстого, *денежная премія*, присуждена въ половинномъ размѣрѣ 400 р. инспектору народныхъ училищъ въ Кіевскомъ учебномъ округѣ г. Степовичу, за сочиненіе «Очеркъ исторіи чешской литературы». Этотъ трудъ разсмотрѣнъ Отдѣленіемъ при участіи профессора Пражскаго университета Гебауэра. Ученый критикъ остановился подробно на каждомъ изъ трехъ отдѣловъ этого сочиненія, озаглавленныхъ: 1) Древняя пора, 2) Средняя пора и 3) Новая пора. Въ двухъ первыхъ періодахъ, а отчасти и въ третьемъ, авторъ руководствовался трудами другихъ историковъ чешской литературы, особенно Тифтунка. Молодому русскому изслѣдователю было не подъ силу справиться съ огромнымъ матеріаломъ, какой представляетъ необыкновенно богатая по количеству произведеній, но по качеству большею частью весьма не блестящая литература съ XV столѣтія до середины нынѣшняго вѣка, и потому онъ вынужденъ былъ, въ большей половинѣ «Очерка», почерпать свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, при чемъ выборъ его весьма удачно палъ главнымъ образомъ на Тиф-

трунка, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не избѣгъ повторенія и нѣкоторыхъ недостатковъ и невѣрностей, какіе мы находимъ у Тифтрунка. Такъ напр. авторъ напрасно причисляетъ хронику Далимила къ произведеніямъ поэзіи: хотя она и написана въ рифмованныхъ стихахъ, но по содержанію это вовсе не эпосъ, и ее слѣдовало помѣстить въ разрядъ прозаическихъ произведеній.

Въ среднемъ періодѣ статья о іезуитской литературѣ основана уже на собственномъ изученіи г. Степовича, но вполне самостоятельнымъ является онъ особенно въ третьемъ отдѣлѣ, именно начиная съ главы, въ которой оцѣниваются поэтическія произведенія Коллара, Челяковского, Воцеля, Тыля и др. Такова же глава: «Космополитическое направленіе въ чешской поэзіи», гдѣ разсматривается и характеризуется новая чешская литература съ 1848 года. Свое знакомство съ этимъ періодомъ г. Степовичъ доказалъ уже и прежде въ монографіяхъ, на которыя онъ въ новомъ трудѣ и ссылается. Здѣсь онъ говоритъ какъ знатокъ и судитъ какъ наблюдатель, который хотя и издали слѣдилъ за развитіемъ новѣйшей чешской литературы, но смотритъ на нее безпристрастно и здраво. Его сужденія часто весьма замѣчательны. Можетъ быть, ихъ одобрятъ далеко не всѣ чешскіе литераторы и историки, но многіе конечно уже теперь встрѣтятъ его взгляды сочувственно, а въ недалекомъ будущемъ мнѣнія г. Степовича должны сдѣлаться господствующими въ средѣ мыслящей чешской публики. Онъ весьма справедливо находитъ, что чешская поэзія съ 1848 года, вообще говоря, страдаетъ двумя недостатками: она оторвана отъ родной почвы и лишена реальности. Возрожденіе ея можетъ совершиться только посредствомъ изученія народнаго быта и вообще жизни всего славянства. Число новыхъ чешскихъ поэтовъ огромно для націи, считающей не болѣе пяти милліоновъ душъ, но они являются съ блескомъ только въ своемъ тѣсномъ кругу. Если же на нихъ смотрѣтъ не съ одной чешской точки зрѣнія, а съ общеславянской и европейской, то значеніе ихъ чрезвычайно умалится. Весьма немногіе между ними составляютъ исключеніе.

На основаніи такого отзыва чешскаго ученаго, Отдѣленіе признало справедливымъ увѣнчать премією сочиненіе г. Степовича, тѣмъ болѣе, что оно, будучи специально посвящено разсмотрѣнію одной изъ славянскихъ литературъ, составляетъ первую въ своемъ родѣ попытку на русскомъ языкѣ и можетъ своимъ примѣромъ вызвать и другіе труды съ подобною же задачей относительно прочихъ славянскихъ національностей.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 3.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НИКОЛАЙ ФИЛИПОВИЧЪ ПАВЛОВЪ

(1805—1864.)

—
С. И. ПОНОМАРЕВА.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1869.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1889 г.
Непримѣнный Секретарь, Академикъ *К. С. Весселовскій*.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧЪ ПАВЛОВЪ

(1805 — 1864)

(С. И. ПОНОМАРЕВА).

„Три неѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ, вполнѣ заслуженный... Талантъ Павлова выше его произведеній“.

Дружининъ (1838).

„Н. Павловъ... получилъ съ перваго раза право на почетное членство между нашими прославленными иностранцами“.

Гоголь (1846).

29-го марта настоящаго года исполнилось *двадцатилетие* со дня кончины Н. Ф. Павлова. Одаренный блестящимъ и разностороннимъ талантомъ, который въ немъ безспорно признавали и друзья и враги, онъ былъ въ свое время драматургомъ, беллетристомъ, переводчикомъ, поэтомъ, критикомъ и публицистомъ; его цѣнили такіе люди, какъ Пушкинъ, Гоголь, кн. Вяземскій, Тютчевъ, С. Аксаковъ, Хомяковъ, Плетневъ, Шевыревъ, Самаринъ, Григорьевъ; на вечерахъ у него собирався почти всѣ московскіе литераторы и многіе профессора; повѣсти его переведены на иностранные языки: а между тѣмъ въ наше время онъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ напр. Марлинскій, менѣе одѣванъ, чѣмъ Бенедиктовъ... Причина этому заключается отчасти въ томъ, что доселѣ не было и нѣтъ *полнаго* собранія его произве-

деній (а что было издано, то давно уже стало рѣдкостію), отчасти въ томъ, что онъ сдѣлалъ гораздо меньше, чѣмъ могъ. Въ литературѣ нашей уже было замѣчено, что въ немъ не хватало крѣпкой любви къ труду, выдержки, стойкости; онъ работалъ порывами, работалъ какъ поэтъ, по вдохновенію; въ свѣтлую минуту создастъ что-нибудь яркое, всѣ о немъ заговорять, зашумять, — а онъ уже опять замолокъ, и долго не слышно отъ него ни слова. Кромѣ того, по какому-то капризу судьбы, онъ и въ литературной дѣятельности своей и въ жизни принадлежалъ къ разряду неудачниковъ, которыхъ такъ много у насъ на Руси. Въ ранней молодости онъ сдѣлался было актеромъ, даже танцевалъ въ балетѣ — не повезло; сдѣлалъ доброе, честное дѣло, — и былъ удаленъ отъ мѣста службы; издалъ сборникъ истинно-замѣчательныхъ повѣстей — подверглись запрещенію; за то, что читалъ запрещенныя книги на иностранныхъ языкахъ — сосланъ въ Пермь; началъ издавать газету («Наше Время») — не пошла; всѣхъ принималъ радушно — и нажилъ много враговъ; умеръ послѣ долгой и томительной болѣзни — и почти никто объ немъ и не вспомнилъ... А иные, къ сожалѣнію, печатно укоряли его, и при жизни и по смерти, въ нѣкоторыхъ темныхъ сторонахъ характера, что онъ былъ либералъ на словахъ, жестокъ на дѣлѣ, пускался въ спекуляціи, вѣчно былъ въ долгахъ, сильно игралъ въ карты, былъ космополитомъ, не имѣющимъ отечества, часто мѣнял галстуки, а еще чаще убѣжденія, между тѣмъ говорилъ смѣло и рѣшительно... Въ какой мѣрѣ правда всё это — Богъ вѣдаетъ... Дѣло біографіи — разъяснить всѣ важнѣйшія обстоятельства его жизни и характера. При этомъ біографъ, конечно, не забудетъ прекрасныхъ словъ Грановскаго: *«Тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живое чувство любви къ ближнему»*; біографъ вспомнитъ слова Дружинина: *«Прежде чѣмъ осуждать, нельзя ли извинить человека»*; біографу скажетъ самъ Павловъ: *«въ порокахъ и преступленіяхъ христіанскіе мыслители любятъ открывать ту сторону, которая сберегаетъ на отверженномъ человѣкѣ божественное»*.

своенныя черты и дастъ ему доступъ къ самому чистому сердцу. Дѣтъ преступленій цѣльныхъ, нѣтъ преступленій безъ доли заблужденія... Неужели помиловать близкаго, не выставить его недостатковъ, ошибокъ, прегрѣшеній — стыдно, а путаться въ чужія дѣла, безъ всякой надежды поправить ихъ — хорошо?» Биографъ наконецъ не забудетъ и англійскую поговорку: «если обращаться съ каждымъ по заслугамъ, то кто же избежится отъ пощечины?..»

Жизнь нашихъ писателей вообще мало извѣстна публикѣ, а Павлова и того меньше. Помянемъ же его теперь хотя одной свѣтлой чертой, которую рассказалъ когда-то Герценъ. Дѣло происходило въ 40-хъ годахъ. Печально-извѣстный графъ Толстой - Американецъ былъ сердитъ на какого-то мѣщанина, поймалъ его какъ-то у себя въ домѣ, связалъ по рукамъ и ногамъ и вырвалъ у него зубъ... Мѣщанинъ подалъ просьбу. Толстой задарилъ полицейскихъ, задарилъ судъ, и мѣщанина посадилъ въ острогъ за ложный извѣтъ. Въ это время Н. Ф. Павловъ служилъ въ тюремномъ комитетѣ. Мѣщанинъ рассказалъ ему дѣло, Павловъ поднялъ его. Толстой струхнулъ не на шутку, дѣло клонилось явнымъ образомъ къ его осужденію; но... графъ Орловъ написалъ князю Щербатову (тогдашнему генералъ-губернатору) секретное отношеніе, въ которомъ совѣтовалъ ему дѣло затушить, чтобъ не дать такого прямого торжества низшему сословію надъ высшимъ. Н. Ф. Павлова графъ Орловъ совѣтовалъ удалить отъ такого мѣста»...

«Свяжко преданіе, а вѣрится съ трудомъ»...

Неудачи преслѣдовали Павлова и по смерти. Всѣ признавали въ немъ крупное дарованіе, — и чуть не одна «Сѣверная Пчела» напечатала некрологъ его, и никто не позаботился издать собраніе его произведеній. Правда, заходила какъ-то рѣчь объ изданіи ихъ, но вотъ прошло уже 25 лѣтъ со дня смерти его, а собранія нѣтъ какъ нѣтъ. Мы даже не имѣемъ полнаго перечня его сочиненій, и кажется, нѣкоторыя изъ нихъ едва ли кому извѣстны. Предоставляя другимъ, ближе насъ стоящимъ къ дѣлу,

рассказать биографию Павлова и собрать его произведения, мы съ своей стороны почтимъ двадцать пятую годовщину его хотя нѣсколькими материалами для изданія его сочиненій, для его биографіи, для оцѣнки его дѣятельности. Не все, конечно, удалось намъ собрать; не все, вѣроятно, даже изъ этихъ произведеній можетъ войти въ собраніе ихъ; но всѣ виды его литературной дѣятельности—и стихи и проза, и повѣсти и критика, и переводы и публицистика—могутъ занять законное мѣсто въ сборникѣ избранныхъ его произведеній, и это будетъ хорошая, разносторонне-хорошая книжка въ нашей литературѣ. Пусть мало сдѣлалъ Н. Ф. Павловъ, тѣмъ легче собрать его труды, тѣмъ болѣе надо сохранить ихъ отъ совершеннаго забвенія. «Хорошо тому, кто добро дѣлаетъ; еще лучше тому, кто добро помнитъ».

І. Хронологическій списокъ его сочиненій.

1825 *).

1) Марія Стюартъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ (Шиллера), переводъ въ стихахъ съ французской передѣлки. М. въ тип. Семена, 8^о, 100 стр. Отрывокъ изъ нея былъ напечатанъ нѣсколько раньше — въ альманахѣ Гугларина «Русская Талія» на 1825 г. Представлена на московскомъ театрѣ 27 ноября 1825 года.

2) Пѣснь магометанина, стих. Моск. Телеграфъ, 1825, ч. IV, стр. 232.

1826.

3) Элегія, стих., Моск. Телеграфъ 1826, томъ IX, стр. 153 — 154.

*) Въ «Лѣтописи русскаго театра, П. Арапова (Спб. 1861, с. 299) встрѣчается переводъ съ франц. Ник. Павлова: «Ночь въ замкѣ Палюцци, или изгнанникъ флорентинскій, историческая драма»; но это — другого Павлова И. Ф., и переводъ относится къ 1820 году, когда Николаю Филипповичу было только 15 лѣтъ.

828.

4) А. Θ. Дмитриевой, стих., Моск. Телеграфъ 1828, ч. XXII, стр. 519.

1829.

5) На отъѣздъ въ Италію княгини З. А. Волконской, стих., Моск. Телегр. 1829, ч. XXV, с. 177.

6) Червонецъ, стих., Моск. Телегр., ч. XXV, стр. 339.

1830.

7) Куплеты изъ водевиля «Щедрый», Московск. Вѣстн. 1830, ч. 1, стр. 131 — 132.

8) Отрывокъ изъ комедіи водевиля «Старъ и Молодъ», Радуга, альманахъ на 1830 годъ. (Вѣроятно, объ этомъ водевилѣ писалъ С. Т. Аксаковъ Шевыреву: «Н. Ф. Павловъ перевелъ водевилъ *«Старый мужъ»*, и нѣкоторые куплеты недурны (Р. Архивъ 1878, II, 50). Это была пора увлеченія театромъ; водевили тогда писали г. Шевыревъ и И. Кирѣевскій.

9) Генриеттѣ Зоннтагъ, стих., Моск. Вѣстникъ 1830, ч. IV, Смѣсь, стр. 94 — 95.

1831.

10) *«Нѣтъ, ты не поняла поэта,*

И не понять тебя его» — стих. упоминается въ Стихотвореніяхъ графини Растопчиной, Спб. 1857, ч. 1, стр. 80.

1832.

11) На другой день послѣ преставленія свѣта, или комета 1832 года, водевилъ, куплеты изъ него, Молва, 1832, № 8, стр. 29 (представл. 29 янв.).

12) Къ. . . . *«Не вѣрь ты вѣрности земной,* стих., Молва 1832, № 27, стр. 105.

13) К. Б. Чичериной, стих., Молва 1832, № 52, стр. 205.

14) Эпиграмма. Молва, № 69, стр. 273 (подп. Н. П.).

1835 *).

15 — 17) Три повѣсти (Именины. Аукціонъ. Ятаганъ) М. 1835. 8° (Во 2-й книгѣ Московскаго Наблюдателя за 1835 годъ явилась новая повѣсть его «Маскарадъ», изданная потомъ вмѣстѣ съ другими въ 1839 г.).

1838.

18) Геній мира, стих. Московск. Наблюд. № 1.

1839.

19 — 21) Новыя повѣсти (Маскарадъ. — Демонъ. — Миліонъ). Спб. 1839, 8°, 116 стр.

22) Венеціанскій купецъ, драма Шекспира, переводъ съ англійскаго, прозою. Отечество. Записки 1839, т. V, № 9, стр. 255—347.

1840.

23) Куплеты, пѣтые княгиней З. А. Волконскою въ Москвѣ, на вечерѣ г. Соймонова, Утренняя Заря на 1840 годъ, стр. 305.

24) Романсъ: «*Она безпримыслъ свидѣній*» (1834), Утр. Заря на 1840, стр. 430.

1844.

25) «*Иной, всю жизнь отдавъ заботамъ*», стих. (на Вигеля), напечатано въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы 1871, № 9, стр. 45; потомъ въ Русск. Архивѣ 1875, II, 110.

(Въ октябрѣ этого года Хомяковъ писалъ Самарину, что «Павловъ сильно принимается за литературный интересъ» (Русск. Архивъ 1879, № 11, стр. 311); мы не знаемъ точно, въ чемъ дѣло; вѣроятно, здѣсь разумѣются эпиграммы Павлова на Вигеля, Булгарина и другихъ. Графиня Растопчина писала

*) Въ 1838 году былъ играться водевилъ «Астрономическія бредни», соч. И. Ф. Павлова.

позже, что Павловъ не разъ наполнялъ Москву *безыменными* стихами. (Русская Старина, 1885, № 3, стр. 692).

1845.

26) Эпиграмма на Булгарина, Москвитянинъ, № 2; перепеч. въ Соч. Бѣлинскаго X, 286, въ Русск. Архивѣ 1882, кн. 4, стр. 303.

1847.

27) Письма къ Гоголю (по поводу его книги «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями»), Моск. Вѣдом. 1847, письма первое, второе и четвертое, третье не было напечатано; перепеч. въ Современникѣ 1847, т. III, № 5, Сибѣрь, стр. 1 — 16; т. IV, № 8. Сибѣрь, стр. 88 — 93.

1849.

28) Томасъ Эвансъ (англичанинъ - педагогъ). Некрологъ. Москвитян., книга III, Моск. Лѣтол., стр. 71 — 78.

1850-хъ годовъ.

29) «*Не говори ми да, ми нѣтъ*», стих.; не знаемъ, гдѣ помѣщено.

1851.

30) Въ 1851 году былъ изданъ Н. В. Сушковымъ «Раутъ», литературный сборникъ; въ немъ, на III стр. оглавленія, встрѣчаемъ слѣдующее примѣчаніе: «Къ сожаглѣнію, мы не можемъ воспользоваться прекрасною статью Н. Ф. Павлова. Она запоздала... Утѣшимъ однакоже читателей: занимательная статья, въ которой столько печальныхъ истинъ о литературѣ вообще, будетъ позже напечатана въ одномъ изъ современныхъ изданій... Чтѣ это за статья—не знаемъ. Не о ней ли будетъ идти рѣчь и далѣе, подъ 1858 годомъ?»

1852.

31) Посланіе Хомякову (на день рожденія его) Русск. Архивъ 1877, I, 264.

1856.

32 — 38) Семь стихотвореній (1854 — 1855): Канарейкѣ; Сѣверъ; Замѣтка; Ива; Ангелъ; Возрожденіе; Пѣснь Сафо — всё въ Русск. Вѣстникѣ 1856, т. II, № 6, стр. 169—172.

39) Благотворитель, стих. Русск. Вѣст., т. III, № 9, стр. 142.

40) Чиновникъ, комедія графа Соллогуба (разборъ), Русск. Вѣстн., III т., № 11, стр. 494—511 и т. IV, № 14, стр. 385—418. Отд. изданіе. М. 1857, 8°, 104 стр.

41) *He говори, что сердцу больно*, стих. (1853), Русск. Вѣстн., т. III, № 11, стр. 512; перепеч. въ Русск. Архивѣ 1869, № 2, стр. 364 (см. тамъ же, стр. 372).

42) Рѣчь на обѣдѣ литераторовъ, сент. 3-го, 1856 г., Русск. Вѣстн., т. V, № 18, Соврем. Лѣт., стр. 166—167.

1857.

43) *Оставь меня*, стих., изъ Байрона, Молва 1857, № 13, стр. 149; перепеч. въ соч. Байрона, изд. Гербеля 1874 г. I, 38.

44) Биографъ - ориенталистъ (В. В. Григорьевъ, писавшій о Грановскомъ), Русск. Вѣстн. 1857, т. VIII, № 6, стр. 211—254. Отд. изданіе, М. 1857, 8°, 44 стр.

45) Рѣчь на обѣдѣ литераторовъ 28 декаб. 1857 г., Русск. Вѣстн., т. XII, № 24, Соврем. Лѣтоп. стр. 206 — 207.

1858.

46) Вотяки и г. Дюма, Русск. Вѣстн., т. XVI, № 16, стр. 697 — 716.

47) Вопросъ о евреяхъ и «Иллюстрація», Русск. Вѣстникъ, т. XVIII, № 21, Соврем. Лѣтоп., стр. 125—129.

48) 26 апрѣля 1858 года, въ засѣданіи Общества Любителей Русск. Словесности была читана статья Н. Ф. Павлова «О несправедливыхъ нападеніяхъ на литературу», но гдѣ она напечатана — не знаемъ. И не та же ли это статья, о которой говорилъ Сунковъ въ 1851 г. (см. здѣсь № 30)?

1859.

49) Итальянскій вопросъ, Русск. Вѣстникъ 1859, т. 22, кн. 13, стр. 71 — 90.

50) Рѣчь императора французовъ, Русск. Вѣстникъ, т. XXII, № 13, Соврем. Лѣтоп., стр. 105.

51) Нѣсколько словъ о мирѣ (между Франціею и Австріею) Моск. Вѣдомости 1859, № 160.

52) Изъ Московскихъ Записокъ, Русск. Вѣстникъ, кн. 15, стр. 473 (Вѣроятно, объ этой статьѣ говорятъ Библиограф. Записки (1859, № 20, стр. 669): «извѣстный авторъ «Ятагана» и грозной обличительной статьи противъ злоправнаго будошника— Н. Ф. Павловъ»... и т. д.).

53) Письмо къ редактору, Русск. Вѣстникъ, кн. 24, Совр. Лѣтоп., стр. 342 (о редакціи Спб. Вѣдом.).

54) Нѣсколько словъ о Д. М. Щепкинѣ, при книгѣ: «Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія», М. 1859. 8°, стр. V — XVIII.

1860 — 1863.

— Наше Время, газета политическая и литературная, съ 17 января 1860 года, въ 1860 и 1861 годахъ *еженедѣльная*, по воскресеньямъ, въ два печатныхъ листа большого формата; съ 1862 года — *ежедневная*, кромѣ дней слѣдующихъ за праздниками и табельными днями, въ листъ; подъ редакціею Н. Ф. Павлова. Прекратилась на 126 № 1863 года. Изъ нея извѣстны намъ только слѣдующія статьи самого редактора:

55) Гроза, драма А. Н. Островскаго (разборъ), Наше Время 1860, № № 1 и 4.

56) Нѣсколько словъ о генераль-адъютантѣ Ростовцевѣ, 1860, № 5 (перепеч. въ Нижегород. Губ. Вѣдом. № 8, въ Казанскихъ Губ. Вѣдом. № 9).

57) Письмо изъ С.-Петербурга, по поводу возраженія Евгения Туръ на статью Русской Женщины (объ Е. Н. Стаховой, въ повѣсти Тургенева «На канунѣ») Наше Время 1860, № 17.

- 58) Исторія Моск. Практич. Академіи Коммерческихъ Наукъ, соч. Ив. Глѣбова, М. 1860 (разборъ), Наше Время 1861, № 1.
 59) 19-е февраля 1861 г., Наше время 1861, № 9.
 60) А. П. Ермоловъ, Наше Время 1861, № 14. -
 61) Еще о юбилеѣ князя Вяземскаго и о великосвѣтскихъ людяхъ, Наше Время, 1861, № 18.
 62) Г-нъ Чернышевскій и его время (историческій очеркъ), Наше Время 1861, № 27 (28?).
 63) Полемика съ Катковымъ, по поводу печатанія казенныхъ объявленій), 1862, № 231.

1863 — 1864.

- 64) Русскія Вѣдомости, съ 3 сентября 1863 г., три раза въ недѣлю, №№ 1—52, въ 4^о — То же, 1864, съ 1 января по 30 марта.

29 марта 1864 г. Павловъ скончался.

1868.

- 65) Отрывокъ изъ неоконченной повѣсти и изъ рукописи, оставшихся послѣ Н. Ф. Павлова, Петерб. Газета 1868 г., №№ 50 и 57.

И. Указатель статей о его жизни и сочиненіяхъ.

(въ хронологическомъ порядкѣ).

1826.

- 1) Моск. Телеграфъ, ч. VII, стр. 165 — 167 (о его трагедіи «Марія Стюартъ»).

1835.

- 2) Библиотека для чтенія, т. IX, Литер. Лѣтопись, стр. 5—8 (о его повѣстяхъ).
 3) Молва, 1835, № 4 (о томъ же).

4) Московск. Наблюдатель, ч. 1, стр. 120 — 130, статья С. П. Шевырева (о томъ же).

5) О предыдущей статьѣ Шевырева, Сочиненія Бѣлинскаго, II, 86 — 90.

6) Телескопъ 1835 №№ 7—8, статья Бѣлинскаго, перепеч. въ его Сочиненія I, 200—204. (О повѣстяхъ Павлова).

1839.

7) Литер. Прибавленія къ Русск. Инвалиду, № 24, стр. 468 (о Новыхъ повѣстяхъ Павлова).

8) Отеч. Записки 1839, № 11, стр. 105 — 118, рецензія А. Краевскаго, по словамъ Бѣлинскаго (книга Пыпина о Бѣлинскомъ, 1876, II, 35).

9) Сынъ Отечества, т. 11, стр. 44 — 48.

10) Сѣверн. Пчела, № 285.

1840.

11) Чтенія о русскомъ языкѣ, Н. Греча, Спб. 1840, ч. 2-я, стр. 340.

12) Современникъ 1840, т. 17, № 1, стр. 61—63, первой нумераціи; перепеч. въ Сочин. Плетнева, т. II, стр. 285.

1843.

13) *Romanciers Russes. Pouschkine et Pawloff*, par P. de Julvécourt. Corbeil. 1843. 8° XIII et. 307 pag. (Библ. Записки 1859, № 4, стр. 117, § 69; Прилож. къ соч. Пушкина, сост. Гр. Геннади, Спб. 1860, стр. 115, § 7).

1847.

14) Биографія и характеристика его, съ портретомъ, *Jahrbücher für Slav. Litter.* 1847, № 1. Перепечатано во 2 томѣ *Russlands Novellen dichten, von Wolfsohn, Leipzig.* 1848. Здѣсь же переведены четыре его повѣсти.

15) Отзывъ Бѣлинскаго о письмахъ Павлова къ Гоголю — въ книгѣ Пыпина «Бѣлинскій». Спб. 1876, ч. 2,

стр. 282. Отзывъ сдѣланъ въ частномъ письмѣ къ Боткину, приведемъ изъ него нѣсколько строкъ: «*Статья Н. Ф. Павлова — образецъ мастерства писать. Я перечелъ ее нѣсколько разъ, и съ каждымъ разомъ она кажется мнѣ все лучше и лучше. Сколько ума, какая послѣдовательность, какъ все ровно и цѣло; дочитывая конецъ, ясно помнишь начало и середину. Словомъ, — чудо, а не статья!*» И Бѣлинскій изъявилъ желаніе, чтобы Николай Филипповичъ позволилъ перепечатать его статью въ Современникѣ. Позволеніе было дано. Другой отзывъ Бѣлинскаго о тѣхъ же письмахъ встрѣчаемъ въ Современникѣ 1848, № 3, критика, стр. 46; Перепеч. въ Сочин. Бѣлинскаго, т. XI, стр. 435.

1849.

16) Столѣтіе русск. словесности, Н. Мизко. Одесса, 16^о, стр. 327.

1856.

17) Отеч. Записки, т. 108, стр. 72—75 (по поводу его статей о комедіи гр. Соллогуба «Чиновникъ»).

1857.

18) Сынъ Отечества, № 16 (по тому же поводу).

19) Сочиненія Гоголя, изд. Кулиша, т. VI, стр. 276, 300, 401, 410, 431; см. еще т. III, 498. Отзывы Гоголя все относятся къ сороковымъ годамъ.

20) (Противъ Павлова, въ защиту В. Григорьева) Фельетонистъ-оріенталистъ, статья П. С. Савельева, Молва 1857, №№ 4, 10 и 11, и отдѣльною брошюрой.

21) (Въ томъ же родѣ) статья Е. Радушина, Молва 1857, № 12, приб. стр. 141 — 148.

22) Посланіе къ П. С. Савельеву, Моск. Вѣдом. 1857, №№ 57 и 58, Н. Челышевскаго (собрательный псевдонимъ А. А. Котляревскаго, Н. А. Любимова и Н. А. Попова).

23) Замѣтка В., Моск. Вѣдом. № 58 (противъ Савельева)

1859.

24) О газетѣ его «Наше Время», Русск. Вѣстникъ 1859, т. XXII, Совр. Лѣтоп., стр. 195.

1860.

25) О его бурной рецензїи на «Грозу» Островскаго, Библиотека для Чтен. 1860, №№ 1 и 3, П. В. Анненкова; перепеч. въ «Воспоминанїяхъ П. В. Анненкова. Слб. 1879, кн. 2, стр. 222—243.

26) О томъ же, Драмат. Сборникъ, № 3, стр. 1—16, стат. А. М. «Грустная мысль среди бури, поднятой «Нашимъ Временемъ».

27) О томъ же — въ статьѣ Добролюбова о «Грозѣ», Соврем. 1860, № 10, перепеч. въ Сочиненїяхъ Добролюбова, изд. 1862, т. III, стр. 443, 449, 452—454.

28) О его газетѣ, стих. Соврем. 1860, № 3, Свистокъ IV, стр. 26; перепеч. въ Сочиненїяхъ Добролюбова, 1862, т. IV, стр. 467.

1861.

29) По поводу статьи Павлова объ Исторїи Московской Практич. Академіи Коммерч. Наукъ. Акціонеръ 1861, № 9, ст. Н. Саз—ова.

30) Былое и Думы, 1861, кн. 1, стр. 324 (черта изъ жизни Н. Ф. Павлова).

1862.

31) Очерки русск. литературы, Кеннга, Слб. 1862, стр. 166—169 (о его повѣстяхъ).

32) О его газетѣ «Наше Время», — Сѣверная Пчела, 1862, № 96.

33) Нѣсколько словъ по поводу одного ироническаго слова, Русск. Вѣстникъ 1862, № 3, стр. 463—469 (полемика съ Нашимъ Временемъ).

34) Полемика его съ Катковымъ, Гудокъ 1862, стр. 351.

35) Пародія на его стихотвореніе «*Не говори, что сердцу больно*», Гудокъ 1862, № 45, стр. 359, Абрама Подхалимова.

36) (Рядъ сатирическихъ выходовъ противъ Н. Ф. Павлова въ «Искрѣ» и «Гудкѣ» трудно указать; ограничимся однимъ годомъ «Гудка» 1862 г., стр. 3, 15, 29, 34, 35, 38, 79, 83, 159, 199, 304, 335, 354.

1863.

37) Думы и пѣсни Д. Д. Минаева, Спб. 1863, т. 1, стр. 138, 176, 306 (сатир. выходы).

38) С.-Петербург. Вѣдомости 1863, № 102, (о его газетѣ).

39) Диссонансы, стих. Б. Адамантова, М. 1863. стр. 83, 84, 109, 120 — 124. (Это лучшая изъ сатиръ на Павлова).

40) Современникъ 1863, № 4; Свистокъ 9, стр. 51—53 и 78—80.

1864.

41) Некрологъ Н. Ф. Павлова, Русск. Вѣдомости 1864, марта 31.

42) — Сѣв. Пчела 1864, № 107, И. Арсеньева, и отдѣльно: «Н. Ф. Павловъ», М. 1864», 16^о, 15 стр.

43) — Иллюстр. Газета 1864, т. 13, № 15, стр. 239.

44) — Книжный Вѣстникъ 1864, стр. 146.

45) Стихотвореніе С. А. Соболевскаго, по случаю кончины Н. Ф. Павлова (рукописное).

46) Другое стихотв. Соболевскаго, гораздо болѣе раннее, въ Литер. Воспоминаніяхъ Панаева, 1876, стр. 241.

1866.

47) Русск. Архивъ 1866, № 4, стр. 574—575, краткая замѣтка Г. Н. Геннадя.

1869.

48) Стихотворенія В. Курочкина, Спб. 1869, т. 2, стр. 25—41 (по поводу полемики его съ Катковымъ о казенныхъ объявленіяхъ; см. еще тамъ же, стр. 104, 171, 172, 187).

1873.

49) Русскіе поэты, изд. Гербеля, 1873, стр. 351—353; второе изданіе, 1880, стр. 360 — 362. Третье изданіе 1888, подъ ред. П. Полеваго.

1875.

50) Эпюдь изъ литературы тридцатыхъ годовъ (исторія о Трехъ повѣстяхъ его), Древняя и Новая Россія 1875, № 1, стр. 55—65, М. И. Сухомлинова; перепечатано въ Изслѣдованіяхъ М. И. Сухомлинова, Спб. 1889, т. II.

51) Русск. Архивъ 1875, кн. II, стр. 110, нѣсколько словъ о Павловѣ П. Бартенева.

52) Письмо къ нему Гоголя, Русская Старина 1875, № 12, стр. 673—674.

1876.

53) Литературныя Воспоминанія И. Панаева, Спб. 1876, стр. 202, 214—216, 236—245, 376—377.

34) Объ отношеніяхъ Бѣлинскаго и Павлова—въ книгѣ Пыпина о Бѣлинскомъ, Спб. 1876, т. I, стр. 207, 209; томъ 2, стр. 32, 35.

55) Сочиненія А. А. Григорьева, Спб. 1876, т. I, стр. 18, 36, 38, 39, 41 и 261 (о его повѣстяхъ).

56) Aus Halb-Asien. Culturbilder von K. E. Franzos. Leipzig 1876. Последняя статья въ этой книжкѣ имѣетъ предметомъ Н. Ф. Павлова, его характеръ и литературную дѣятельность (Р. Архивъ 1877, I, 448).

1879.

57) Отзывъ Тютчева о его повѣстяхъ, Р. Архивъ 1879, № 5, стр. 122—123.

1880.

58) Объ отношеніяхъ его къ Нащокину, Р. Старина 1880, № 12, стр. 992—993, и 1881 г. № 8, стр. 600, въ статьяхъ Н. Куликова.

1882.

59) Русск. Архивъ 1882, № 5, стр. 95, краткое примѣчаніе Н. П. Барсукова.

1883.

60) Сочиненія князя Вяземскаго, Спб. 1883, т. VIII, стр. 74, 80, 289, 290 (въ слѣд. томахъ — мелочи).

1885.

61) Въ сатиры графини Растопчиной «Домъ сумасшедшихъ» (написанной 1858 г.), Р. Старина 1885, № 3, стр. 691—692, строфы 50—54; см. еще стр. 702, 706, 709.

1887.

62) Сочиненія Пушкина, изд. Литер. Фондѣ, 1887, т. V, стр. 283—284 (о повѣстяхъ Павлова); томъ VII, стр. 248, 269 (отношенія его къ Нащокину), стр. 404 (къ Апрѣлеву).

63) На три пьесы его есть музыка:

а) Романсъ, 1840, изъ Утренной Зари; въ музыкѣ онъ извѣстенъ по стихамъ, оканчивающимъ каждый его куплетъ: «*Не называй ее небесной*»; музыка Глинки. (Р. Старина 1870, изд. 3-е, т. I, стр. 394).

б) *Не говори, что сердцу больно*, изъ Русскаго Вѣстника 1856 г. (Р. Стар. 1870, изд. 3, т. II, стр. 420).

в) *Не говори ни да, ни нѣтъ*, музыка Верстовскаго (объ этомъ нужна справка въ Худож. Листкѣ 1857, № 17).

64) Изъ портретовъ Н. Ф. Павлова извѣстны намъ только въ каррикатурѣ — въ Искрѣ» 1862 № 1-й и на особомъ листѣ къ «Занозѣ» 1863, приложеніе къ № 9-му, рисунокъ П. Бореля.

Въ заключеніе прочтемъ хотя нѣсколько строкъ самого Н. Ф. Павлова и для этого возьмемъ самыя коротенькія пьесы. Вотъ его переводъ изъ Байрона:

«Оставь меня».

«Оставь меня!... меня печаль тревожить;
 «Душа мучительныхъ раскаяній полна—
 «И вотъ она ужъ вынести не можетъ
 «Всего того, что вывела она.

«Оставь меня!... Безумствуя, тоскуя,
 «Какъ бредомъ, пламенный, тобой исполненъ я—
 «И все что чувствую, чего желать могу я,
 «Все въ этомъ возгласъ: «Оставь, оставь меня!»

Но ни чѣмъ лучше не можемъ мы помянуть Н. Ф. Павлова, какъ рѣчью, сказанною имъ 3-го сентября 1856 года, на обѣдѣ литераторовъ, скоро послѣ коронованія Царя-Освободителя; вотъ эта рѣчь, навѣянная коронаціоннымъ манифестомъ:

«Господа, въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бъ такъ много было сдѣлано въ такое небольшое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужого жилища, — это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе чело-вѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержавшей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самимъ пытливымъ разумомъ; но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостно жить, если не разберешь, что вѣдетъ долгъ и что внушаетъ любовь. Скажите, разобрались

вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабываемыхъ словахъ: *отпущитъ, проститъ, возвертитъ*. И какъ счастливы были вы, зная, что ужь этихъ словъ никто на землѣ отменить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ временного могущества, а милосердіе принадлежностью самого Бога. Въ исторіи много примѣровъ милосердія, но всегда ли излѣчивалось разомъ столько ранъ, но вездѣ ли съ такимъ всеобъемлющимъ челоуѣколюбіемъ отгадывались разнообразныя боли челоуѣческаго сердца? Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій, этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отыщутъ въ глухихъ, неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, на необъятныхъ пространствахъ».

«Поднимемъ-те же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца, наши бокалы во здравіе и во славу Того, чье Высокое Имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: *отпущитъ, проститъ, возвертитъ*; за кого въ эту минуту бѣжить евреямъ изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; а комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сына; кто насъ и нашихъ братьевъ по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное, благодарное чувство; кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; кто повелѣлъ растворитъ двери университетовъ; кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; Кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; кто въ просвѣщенной благодати вспомнилъ всѣхъ и всё не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи!»

Эти сердечныя слова да будутъ лучшею поминкою и по вѣчно-памятномъ Царѣ-Освободителѣ, которому въ этомъ году настала уже девятая годовщина... Пусть проходятъ годы, но «всегда время—отдавать справедливость заслугѣ, благодарнымъ быть — всегда время».

СВОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 4.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПО

ИСТОРИИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ОРДИНАРНАГО АКАДЕМИКА
И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1889.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1889 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ поручило мнѣ, какъ своему члену, написать разборъ труда профессора А. И. Соболевскаго, появившагося въ свѣтъ въ прошломъ году въ Кіевѣ, подъ заглавіемъ „Лекціи по исторіи русскаго языка“ и представленнаго въ академію на соисканіе преміи имени графа Д. А. Толстаго. Всегда готовый поддерживать научные интересы этого высшаго ученаго учрежденія, я тѣмъ охотнѣе взялъ на себя порученіе его, что трудъ профессора Соболевскаго, вполне заслуживающій внимательнаго разбора, затрогиваетъ предметъ, которому я и самъ посвятилъ не мало времени въ бытность мою профессоромъ Императорскаго с.-петербургскаго университета. Такимъ образомъ и у меня нашлось подъ рукою не мало матеріаловъ, которыми я считалъ возможнымъ отчасти восполнить пробѣлы разбираемыхъ здѣсь „лекцій“, отчасти выставить и оправдать свои особые взгляды.

Глубоко запали мнѣ въ душу тѣ незабвенные годы, когда я передъ многочисленною аудиторією русской молодежи читалъ лекціи о русскомъ языкѣ, старомъ и новомъ, какъ въ университетѣ такъ на высшихъ женскихъ курсахъ; съ тронутымъ сердцемъ вспоминаю также отношеніе ея ко мнѣ, всегда полное вниманія и довѣрія. Пусть эти „критическія замѣтки“ будутъ выраженіемъ моей благодарной памяти за прошлое, пожеланія же еще болѣе блестящихъ успѣховъ моему преемнику.

И. В. Ягичъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ вышелъ первый трудъ, имѣющій прямое отношеніе къ исторіи русскаго языка. Это было не систематическое изложеніе въ видѣ знаменитой исторической грамматики Якова Гримма, не было также нѣчто похожее на «исторію нѣмецкаго языка», написанную тѣмъ же Гриммомъ, лѣтъ тридцать спустя послѣ его грамматики. Это были пока только «Мысли» объ исторіи русскаго языка, предварительныя соображенія И. И. Срезневскаго¹⁾. Предметъ, затронутый въ этихъ «Мысляхъ», заключалъ въ себѣ столько любопытныхъ и важныхъ вопросовъ по отношенію къ русской старинѣ, что талантливому, молодому тогда еще профессору, обладавшему, какъ извѣстно, большимъ остроуміемъ и немалою долею краснорѣчія, не трудно было, и не входя въ подробности, представить читателю нѣсколько очень живо написанныхъ картинъ изъ жизни языка вообще, изъ взаимныхъ отношеній между славянскими нарѣчіями и наконецъ изъ

¹⁾ «Мысли объ исторіи русскаго языка Измаила Срезневскаго, доктора славяно-русской филологіи, экстраординарнаго профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета» напечатаны какъ приложение къ «Годишному торжественному акту въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ, бывшему 8 февраля 1849 года» С.-Пбгъ 1849, на стр. 61—186. «Дополнительныя примѣчанія» обнимають стр. 187—280.

историческихъ судьбъ русскаго языка. «Мысли» И. И. Срезневскаго, надо полагать, читались съ тѣмъ большимъ интересомъ¹⁾, чѣмъ рѣже появлялись въ русской литературѣ подобнаго рода общія разсужденія о языкѣ, о ходѣ и развитіи его въ связи съ исторіею народа.

Книжка И. И. Срезневскаго и до сихъ поръ не потеряла своей прелести. Вторая глава ея «о первоначальномъ образованіи языковъ» отличается поэтичностью изложенія, замѣнъ положительныхъ данныхъ являются яркія краски разсказа. Но и третья глава, рисующая типъ русскаго праязыка, и часть пятой, въ которой излагается «общій ходъ» измѣненій въ русскомъ языкѣ, выдерживаютъ съ нѣкоторыми поправками критику нашего времени. Менѣе всего удовлетворяютъ насъ теперь два главныхъ положенія, легшія въ основаніе разсужденій нашего незабвеннаго академика. Первое положеніе гласитъ, что въ началѣ исторической жизни русскаго народа господствовало еще полное единство русскаго языка, такъ что «части народа отличались болѣе мѣстными нравами, обычаями, степенью образованности, чѣмъ строемъ и составомъ языка» (стр. 96), и что «русскій языкъ X—XIV вѣка, точно такъ же какъ и другія славянскія нарѣчія этого времени, былъ въ состояніи переходномъ» (ib. 90). Тутъ не все ясно. Какъ мы должны понимать единство языка и въ то же время переходное состояніе его? Когда же это переходное состояніе началось. Почему мы знаемъ, что не было его и раньше X—XIV вѣка? Такая же неопредѣленность замѣтна въ отзывахъ И. И. Срезневскаго объ отношеніи языка русскаго къ церковнославянскому. Онъ говоритъ, что русскій языкъ «въ первобытномъ своемъ состояніи ближе всего подходитъ къ нарѣчію старославянскому и вѣстѣ съ нимъ всего болѣе сохранялъ черты первообразнаго общаго славянскаго строя» (стр. 89) и что онъ «къ старославянскому былъ

¹⁾ «Мысли» И. И. Срезневскаго были перепечатаны въ Библіотекѣ для Читенія 1849 года, но безъ «Дополнительныхъ примѣчаній».

гораздо ближе всѣхъ другихъ нарѣчій славянскихъ и по составу и по строю» (стр. 153), что русскій народъ, когда онъ обратился къ христіанству, «нашелъ уже всѣ книги, необходимыя для богослуженія и для наученія въ вѣрѣ, на нарѣчій, отличавшемся отъ его народнаго нарѣчія очень немногимъ» (стр. 98), и все-таки въ томъ же сочиненіи допускается существованіе въ древней Россіи двухъ отдѣльныхъ языковъ «собственно народнаго» и языка «книгъ и людей, образуемыхъ книгами» (стр. 96). Трудно согласить эти положенія. Если бы въ IX — X вѣкѣ между церковнославянскимъ и русскимъ языками существовала дѣйствительно такая поразительная близость, какую изображалъ здѣсь покойный академикъ, то нѣтъ сомнѣнія, при громадномъ вліяніи языка церковнаго на общественную и государственную жизнь древней Россіи, вмѣсто дѣйствительнаго дуализма развилось бы и образовалось скорѣе полное единство, одинъ языкъ не то литературный, не то народный. Существованіе же наоборотъ двухъ языковъ, вѣрно подмѣченное И. И. Срезневскимъ, свидѣтельствуетъ лишь о невѣрности посылки его. Слишкомъ большой, чуть ли не до полнаго единства доходившей близости между обоими языками не было, но не было и того идеальнаго единства русскаго языка, о которомъ думалъ И. И. Срезневскій. Напротивъ, существовали нарѣчія и говоры съ переходами другъ въ друга, иногда еле замѣтными, иногда довольно рѣзкими, въ особенности если сопоставить рядомъ противоположные концы. Что же касается быстро распространенія церковнославянскаго языка у славянъ, конечно не у всѣхъ, какъ неточно выражался авторъ «Мыслей», — то причина этому заключалась вовсе не въ томъ, какъ онъ говоритъ, что проповѣдники «могли проповѣдывать на своемъ мѣстномъ нарѣчій всюду куда ни заходили, оставаясь всюду совершенно понятными» (стр. 153), а въ различныхъ бытовыхъ и культурно-политическихъ условіяхъ; самъ же языкъ былъ только относительно близокъ и понятенъ, именно въ сравненіи съ окружающими славянъ и навязывавшими имъ свое господство чужими языками:

нѣмецкимъ, латинскимъ и греческимъ. На счетъ совершеннаго пониманія всѣми и всюду не надо слишкомъ увлекаться и преувеличивать дѣйствительность.

И второе главное положеніе «Мыслей» объ исторіи русскаго языка въ настоящее время должно быть отвергнуто. Если не было полнаго единства русскаго языка въ X столѣтіи, если не было очень близкаго отношенія къ нему языка церковнаго, то нѣтъ разумной причины относить «образованіе книжнаго языка русскаго, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ» (стр. 155) только къ XIII—XIV вѣку. Невѣрно было бы говорить о XIV столѣтіи какъ той эпохѣ, въ которую впервые «элементъ народный уже примѣтно отдался отъ языка сочиненій духовныхъ» (стр. 156); еще же менѣе позволительно было бы считать это позднее время—XIII—XIV вѣка—началомъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Нѣсколько лѣтъ позже И. И. Срезневскій считалъ, правда, возможнымъ допустить болѣе раннее существованіе говоровъ, но не нарѣчій (Изв. V, 68), но и отъ этой оговорки вопросъ не выигрываетъ. Провести границу между говоромъ и нарѣчіемъ всегда было и будетъ очень трудно. Если считать нарѣчіе по отношенію къ говорамъ болѣе крупною единицею, обособленной множествомъ одинаковыхъ, но характерныхъ отступленій, то можно бы спросить, не будетъ ли слишкомъ рано постановить даже XIII—XIV вѣкъ какъ крайній предѣлъ для сложившагося будто бы уже окончательно полнаго различія между нарѣчіемъ великорусскимъ и малорусскимъ? Развѣ слѣдующіе вѣка, XV—XVII, протекли безслѣдно, не затронувъ больше этого отношенія? едва ли!

Послѣдователи И. И. Срезневскаго развивали его мысли далѣе. Самый выдающійся изъ нихъ, П. А. Лавровскій, консувшись въ подробномъ изслѣдованіи языка сѣвернорусскихъ памятниковъ¹⁾, сдѣлалъ уже маленькую уступку: онъ призналъ

¹⁾ О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. С.-Пбгъ 1852.

существованіе новгородскихъ особенностей древнерусскаго языка уже задолго до XIV столѣтія. Такимъ образомъ теорія о первоначальномъ единствѣ нанесенъ первый ударъ. Разнообразіе въ нныхъ чертахъ языка стали допускать по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣверу, но все еще указывали какъ на фактъ не подлежащій сомнѣнію, что до XIV столѣтія въ письменныхъ памятникахъ «не обнаруживается того раздѣленія на два нарѣчія, великорусское и малорусское, какое мы встрѣчаемъ впоследствии и въ настоящее время». Само собою наблюденіе это вѣрно: до XIV столѣтія дѣйствительно не было, да и въ XIV столѣтіи еще не могло быть въ языкѣ древнерусской письменности того различія, какое выходитъ наружу въ позднѣйшее время, но отсюда выведено совсѣмъ невѣрное заключеніе, что вообще никакого различія не было. При этомъ умозаключеніи упущены изъ виду слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, отыскивая слѣды русскаго языка, чѣмъ дальше пробираемся въ старину, тѣмъ слабѣе замѣтно въ памятникахъ древнерусской письменности присутствіе и участіе элемента народнаго; въ особенности же на югѣ Россіи, гдѣ духовное просвѣщеніе поддерживало болѣе тѣсныя сношенія съ Константинополемъ и южными славянами, господство чистаго церковнаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ иноземствомъ. Во вторыхъ, вслѣдствіе тяжелой судьбы, постигшей югъ Россіи, число южнорусскихъ памятниковъ, сохранившихся, несравненно меньше чѣмъ сѣвернорусскихъ, да и тѣ памятники, о южнорусскомъ происхожденіи которыхъ можно догадываться, по большей части сохранились въ спискахъ, не то передѣлкахъ, неужныхъ. Наконецъ въ то время, когда вопросъ о старобытности русскихъ нарѣчій выступилъ впервые въ русской литературѣ какъ предметъ достойный серьезнаго изслѣдованія, памятниковъ древней письменности было найдено еще очень не много, да и то ограниченное число не было подвергнуто тщательному анализу; въ особенности же относительно южно- или малорусскаго нарѣчія не была сдѣлана хоть бы такая попытка

историческаго анализа, какава по отношенію къ сѣверу представлена въ сочиненіи П. Лавровскаго.

При такихъ условіяхъ извѣстная полемика пятидесятихъ годовъ—между Погодинымъ и Максимовичемъ—оказалась нѣсколько преждевременною; она не выяснила спорнаго вопроса, потому что вращалась на почвѣ не филологическихъ аргументовъ, а личныхъ впечатлѣній. Однакожь и этотъ споръ имѣлъ свою хорошую сторону: онъ указалъ на пробѣлы въ свѣдѣніяхъ какъ по исторіи языка, такъ и по отношенію къ живымъ нарѣчіямъ. Въ то время этнографическое изслѣдованіе западныхъ окраинъ Россіи доставило уже довольно богатый и для діалектологів очень важный матеріалъ, научная разработка котораго была на очереди. Съ другой же стороны явился Вл. Даль со своимъ словаремъ, со своею характеристикою живыхъ нарѣчій или говоровъ великорусскихъ. Заслуги Даля оцѣнены по достоинству со стороны нашей академіи, по этому теперь уже не повредитъ его памяти откровенное признаніе, что нерасположеніе въ немъ этнографа къ филологу и грамматикѣ не было въ прокъ его изслѣдованіямъ по великорусскимъ говорамъ. Вотъ какъ онъ самъ отозвался о себѣ въ сравненіи съ Максимовичемъ: «онъ (Максимовичъ) владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила; у меня данныхъ много, есть замѣтки и образцы нарѣчій почти всѣхъ уѣздовъ, не только каждой губерніи; я рѣдко затрудняюсь узнать по говору родину крестьянина, не только по четыремъ главнымъ нарѣчіямъ, но и нѣсколько ближе или точнѣе, *но я не сумью привести примѣты этихъ подъ общія грамматическія правила*».

Чего недоставало Далю, по его собственному признанію, тѣмъ въ высокой степени владѣлъ глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и выдающійся діалектологъ, профессоръ А. А. Потебня. Его статьи «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій» (1871) представляютъ собою поворотъ къ чисто научному направленію

въ изслѣдованіяхъ діалектологическихъ. По его стопамъ шелъ также незабвенный труженикъ въ этой области М. Колосовъ. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ, вышедшемъ гдѣтъ десять тому назадъ, онъ подвелъ итоги своимъ и чужимъ діалектологическимъ разысканіямъ въ очень полезномъ сочиненіи: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» (Варшава, 1878). Но Колосовъ сдѣлалъ уже раньше шагъ впередъ также по исторіи русскаго языка. На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ ему изданіями Востокова, Срезневскаго, Буслаева и другихъ, онъ составилъ въ 1872 году «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка». Эту небольшую книжечку можно назвать первымъ опытомъ, сдѣланнымъ въ мало изслѣдованной области, въ исторической грамматикѣ русскаго языка, такъ какъ изданное уже раньше сочиненіе Ѡ. И. Буслаева (историческая грамматика) касалась болѣе церковнославянскаго языка ва почвѣ русскои, чѣмъ древнерусскаго, затрогивала болѣе особенности нынѣшнихъ народныхъ говоровъ, чѣмъ проявленіе ихъ же въ древнерусскихъ памятникахъ. Колосовъ взялся за дѣло съ очень скромными средствами. Не располагая другимъ запасомъ кромѣ того, что было издано, не имѣя возможности восполнить пробѣлы или хоть бы провѣрить то, что возбуждало сомнѣніе, по водлинникамъ, хранящимся въ богатыхъ собраніяхъ рукописей, въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ сдѣлалъ все-таки очень много, исполнилъ свою скромную задачу очень добросовѣстно. Онъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи не исторію русскаго языка съ XI по XV вѣкъ — такъ далеко его желанія не простирались — а только главные особенности въ звукахъ и формахъ того языка, который, судя по памятникамъ, былъ употребляемъ въ древнерусской письменности съ XI по XV вѣкъ. Выводы изслѣдованія сгруппированы, довольно механически, по столѣтіямъ, и при немногочисленности и неполнотѣ источниковъ не отличались конечно полнотою. Все содержаніе книжки производитъ впечатлѣніе отрывочности, нуждающейся въ поправкахъ и дополненіяхъ. Но этого мало. Въ сочиненіи Колосова кромѣ того не принято

въ расчетъ нѣсколько важныхъ вопросовъ, которые въ настоящей исторіи языка никакъ не должны быть обойдены. Объ одномъ изъ нихъ самъ авторъ упомянулъ въ предисловіи къ своей книжкѣ (на стр. VIII), о времени раздѣленія русскаго языка на два главныхъ нарѣчія, о чемъ онъ отозвался нѣсколько самонадѣянно такъ: отвѣтить рѣшительно на этотъ вопросъ «мы не считаемъ возможнымъ со стороны кого бы то ни было». Допустимъ, что удачные отвѣты на столь сложные вопросы даются дѣйствительно не такъ легко, но это не избавляетъ изслѣдователя отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса: попытками, хоть бы не сразу достигающими цѣли, прокладывается мало по малу дорога къ раскрытію истины. Впрочемъ это не единственный вопросъ, отъ обсужденія котораго уклонился Колосовъ. Еще важнѣе, пожалуй, то, что у него источники, по которымъ дѣлается характеристика языка, не распределены по мѣсту происхожденія; нужды нѣтъ, точно ли оно извѣстно или же опредѣляется только гадательно. Много неточностей прокрадывается такимъ образомъ въ выводы. Наблюденія надъ памятниками ведутся абсолютно и безусловно, добытые результаты распространяются на всю область русскаго языка, какъ будто бы всѣ особенности, отмѣченные въ томъ или другомъ памятникѣ, непременно выражали качества общія всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ русскаго языка. По моему это самый существенный недостатокъ сочиненія Колосова. Онъ намъ показываетъ, въ какомъ состояніи находилась исторія русскаго языка въ началѣ семидесятихъ годовъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области должны были двигаться не въ одномъ только направленіи: желательно было не только прибавленіе новыхъ матеріаловъ (изданія текстовъ, разборовъ отдѣльныхъ памятниковъ), но также болѣе обдуманное примѣненіе ихъ къ стоящимъ на очереди вопросамъ. Исторіи русскаго языка предстояла задача съ подобающею осторожностью проникнуть глубже въ вопросъ объ отношеніи языка письменныхъ памятниковъ къ языку живому народа своего времени, съ точ-

нымъ по возможности опредѣленіемъ той области русской земли, изъ которой тотъ или другой памятникъ, та или другая группа ихъ вышла, и тѣхъ чертъ или особенностей, которыя, судя по памятникамъ, каждой отдѣльной области свойственны. Эта нелегкая задача выпала на долю новѣйшихъ изслѣдованій, въ ряду которыхъ видное мѣсто занимаютъ труды профессора А. И. Соболевскаго, къ оцѣнкѣ которыхъ я теперь и приступаю.

I.

Уже первый трудъ молодого ученаго «Изслѣдованія въ области русской грамматики» (Варшава, 1881) отличался нѣкоторыми достоинствами, которыя сразу обратили на него вниманіе критики: обширное знакомство съ памятниками древнерусской письменности, богатая сообразительность, хотя въ то же время и нѣкоторая смѣлость въ попыткахъ объясненія разныхъ сторонъ русской грамматики, которыхъ нельзя всегда назвать удачными, — смѣлость извинительная усердіемъ или увлеченіемъ молодости. Хотя далеко не со всѣмъ можно было согласиться, что тутъ предложено авторомъ — отъ иныхъ объясненій, должно быть, онъ и самъ уже отказался, — но нѣкоторыя части труда явились дѣйствительно новымъ вкладомъ, внесеннымъ въ будущую историческую грамматику русскаго языка. Напр. разборъ окончанія род. пад. едн. ч. ж. рода на ѣ, и такихъ же окончаній имен. и вин. падежей мн. ч., если и не можетъ имѣть притязанія на окончательное рѣшеніе этого вопроса, все-же впервые вывелъ эти окончанія изъ тьмы забвенія.

Гораздо важнѣе былъ слѣдующій трудъ А. И. Соболевскаго: «Очерки изъ исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1884). Я

позволю себѣ на этомъ сочиненіи нѣсколько подробнѣе остановиться, отчасти потому, что считаю его главнымъ трудомъ автора и дѣйствительнымъ обогащеніемъ нашихъ свѣдѣній по исторіи русскаго языка, отчасти же и потому, что съ нѣкоторыми выводами я несогласенъ, а такъ какъ они безъ существеннаго измѣненія вошли и въ новѣйшее сочиненіе автора, о которомъ рѣчь впереди, то кстатѣ будетъ подвергнуть ихъ разбору здѣсь по поводу сочиненія, въ которомъ они впервые высказаны. «Очерки» А. И. Соболевскаго задались похвальною цѣлью внести въ хаотическую массу памятниковъ древнерусской письменности, описанныхъ и неописанныхъ, нѣкоторый порядокъ, провести извѣстную сортировку ихъ, и на основаніи этого выдѣлить нѣсколько типовъ. Попытки подобнаго рода были уже раньше его сдѣланы другими. Какъ извѣстно, типъ новгородскій давно уже опредѣленъ П. Лавровскимъ. Указанія на типъ южнорусскій имѣются въ изслѣдованіяхъ Буслаева, Потебни, Житецкаго. Въ особенности же важною я считаю статью Ал. Шахматова, напечатанную въ моемъ «Архивѣ»¹⁾, гдѣ впервые затронутъ вопросъ о примѣненіи примѣтъ древнерусскихъ памятниковъ къ опредѣленію древнерусскихъ нарѣчій и объ отношеніи отдѣльныхъ памятниковъ къ этимъ примѣтамъ. На одну не мало важную примѣту, переходъ окончанія *тъ* въ *ти*, здѣсь даже впервые указано какъ на признакъ южнаго происхожденія памятника. Итакъ желаніе осмыслить различныя данныя древнерусскихъ рукописей, привязавъ ихъ къ почвѣ русскихъ нарѣчій, замѣтно уже раньше явленія «Очерковъ». Несмотря на все то, сочиненіе профессора Соболевскаго сдѣлало значительный шагъ впередъ, оно расширило рамку наблюденій, внесло новыя примѣты въ характеристику древнерусскихъ памятниковъ, освѣтило историческій фонъ удачнымъ сопоставленіемъ древнерусскаго употребленія буквы ѣ съ нѣкоторыми звуковыми особенностями нынѣшняго малорус-

¹⁾ Archiv für slavische Philologie B. VII «Beiträge zur russischen Grammatik» von Al. Schachmatoff, стр. 57—77.

скаго нарѣчія. Изучивъ около пятнадцати рукописей, отчасти доселѣ мало извѣстныхъ, сопоставивъ ихъ и открывъ въ нихъ много общаго въ приемахъ правописанія по отношенію къ звукамъ и формамъ, авторъ построилъ на этомъ основаніи типъ «галицко-волинскаго» нарѣчія XII—XIV вѣковъ. Вотъ результатъ добытый имъ въ первой части «Очерковъ». Но я считаю только часть этого результата не подлежащею возраженіямъ. Только тамъ, гдѣ рядомъ съ особеннымъ употребленіемъ буквы ѣ вм. е, напоминающимъ случаи нынѣшняго малорусскаго і (изъ протяжнаго е), имѣются еще другія замѣчательныя особенности, какъ напр. замѣна начальнаго *sz* чрезъ *y* и наоборотъ, замѣна сочетанія *жд* чрезъ *жч*, переходъ окончанія *тъ* передъ *и* въ *ти* — въ этакомъ случаѣ нѣтъ повидному причины сомнѣваться въ томъ, что тѣ памятники дѣйствительно принадлежатъ не только къ одной и той же группѣ, а также стояли подъ вліяніемъ одного и того же древнерусскаго нарѣчія. Придерживаясь начала а *potiogi fit deponinatio*, можно согласиться съ авторомъ и въ выбранномъ имъ названіи для этого нарѣчія: пусть оно будетъ «галицко-волинское», такъ какъ нѣкоторыя рукописи этой группы несомнѣнно указываютъ на предѣлы Галиціи и Волыни какъ на мѣсто ихъ происхожденія. Но гдѣ нѣтъ всѣхъ выше приведенныхъ примѣтъ, а есть только одно особенное употребленіе ѣ вм. е (какъ напр. въ Добролювомъ евангеліи или въ Хутынскомъ служебникѣ), тамъ принадлежность памятника къ галицко-волинской области подлежитъ для меня еще большому сомнѣнію. Не хочу утверждать, что эти памятники сѣверные — отсутствіе въ нихъ главнѣйшей новгородской примѣты, смѣшенія *ч* съ *ч*, рядомъ съ одною положительною чертою, отзывающеюся чѣмъ-то южнорусскимъ, не допускаетъ считать ихъ новгородскими — но въ то же время не могу согласиться съ мнѣніемъ, что всѣ эти памятники, и знающіе не только ѣ вм. е, но также еще *с* вм. *у*, *жч* вм. *жд*, *ти* вм. *тъ*, и не знающіе послѣднихъ замѣтъ, представляютъ одинъ и тотъ же типъ «галицко-волинскій». Мнѣ кажется необходимымъ въ этой постановкѣ сдѣлать маленькую по-

правку. Надо будетъ или замѣнить названіе «галицко-волинскій типъ» болѣе широкимъ терминомъ «южнорусскій типъ», или же изъ «галицко-волинскаго типа» нѣкоторые памятники выдѣлить и постановить для нихъ особую группу. Прошу только сопоставить особенности волинскаго Ефрема Сирина или Вѣнскаго октонха съ Хутынскимъ служебникомъ или хоть бы съ Добриловымъ евангеліемъ; врядь ли можно допустить, что всѣ эти памятники произведеніе одной школы; трудно также повѣрить, что въ нихъ отразилось вліяніе той же мѣстности, того же народнаго элемента. Конечно правильности нашихъ выводовъ сильно мѣшаетъ важный въ исторіи русскаго языка факторъ — случайность. Надо вѣдь допустить, что признаки народныхъ нарѣчій въ иныхъ памятникахъ случайно совсѣмъ отсутствуютъ, въ другихъ же ихъ очень мало присущихъ, въ третьихъ довольно много. О каждомъ отдѣльномъ памятникѣ надо бы, такъ сказать, предварительно рѣшить вопросъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ: къ разряду ли памятниковъ строго сохраняющихъ книжное преданіе или же къ памятникамъ по отношенію къ церковному языку невнимательнымъ, уступающимъ много мѣста вліянію живого народнаго нарѣчія. Отъ этого общаго характера памятника существенно зависитъ сила аргументовъ, почерпаемыхъ изъ него. Такъ напр. зная, что Остромирово евангеліе памятникъ новгородскій, хотя въ немъ нѣтъ ни одного случая самой главной примѣты новгородскаго нарѣчія, смѣшенія *ч* съ *ч*, я никакъ не могу раздѣлять мнѣніе тѣхъ, кто хочетъ Мстиславова или Юрьевское евангеліе непременно сдѣлать южнымъ, на основаніи только отсутствія той же примѣты. Оба памятника представляютъ собою тщательное сохраненіе церковнославянскихъ приемовъ правописанія; поэтому не удивительно, что въ нихъ нѣтъ чертъ диалектическихъ, нѣтъ сѣверныхъ, но нѣтъ и южныхъ. Я говорю такъ, насколько можно судить по отрывкамъ этихъ не вполне еще изданныхъ памятниковъ. Другое дѣло такой памятникъ какъ Добрилово евангеліе. Оно очевидно не стѣснялось дѣлать большія уступки живому нарѣчію. И вотъ въ немъ все-таки нѣтъ или почти нѣтъ ни

одного примѣра смѣшенія *ѡ* съ *у*, нѣтъ *жсч* вм. *жд*, — двухъ очень выдающихся чертъ «галицко-волинскаго» типа. Какъ это понимать? Можно конечно и здѣсь прибѣгнуть къ прежнему аргументу — случайности, но при такомъ «развязномъ» памятникѣ не совсѣмъ удобно ссылаться на случайность; лучше будетъ, я полагаю, выводить изъ него такое заключеніе, что отсутствіе въ немъ примѣровъ для замѣны *ѡ* черезъ *у* и наоборотъ, или замѣны *жд* черезъ *жсч*, свидѣтельствуешь лишь о особенномъ характерѣ народнаго говора, вліявшаго на этотъ памятникъ; тотъ же не могъ отпечатлѣться на памятникѣ тѣмъ, чего въ немъ не было, т. е. повидимому не было перехода *ѡ* въ *у*, и вѣроятно не было также *жсч* вм. *жд*, хотя насчетъ этой послѣдней примѣты я еще нѣсколько колеблюсь, не допустить ли ее все-таки нѣсколько дальше на юговостокъ, т. е. въ область Кіевскую. Кажется, что такихъ памятниковъ въ древнерусской письменности существовало не малое число. Къ нимъ я причисляю Изборникъ Святослава 1073 г. — по крайней мѣрѣ ради перехода *тъ* въ *ти*; — сборникъ Успенскаго собора — тоже ради *ти* вм. *тѣ*; — сборникъ Вяземскаго, въ которомъ житіе св. Савы, — ради *ѣ* вм. *е*, *ти* изъ *тѣ*; — служебникъ Хутынской, Типографское евангеліе № 7, Прологъ Погодинскій № 60, Ирмолой Погодинскій № 55, и т. д. Куда намъ помѣстить подобныя памятники? Въ группу галицко-волинскую по видимому такъ же мало, какъ въ новгородскую. Такъ какъ эти памятники все-таки ближе примыкають къ галицко-волинскимъ, чѣмъ къ новгородскимъ, обнаруживая то *ѣ* вм. *ѣ*, то южнорусское употребленіе *ѣ* вм. *е*, то *ти* вм. *тѣ*, изрѣдка даже *жсч* вм. *жд*, то я не прочь видѣть въ нихъ типъ кіевскій, т. е. южнорусскій восточный говоръ, соприкасавшійся кое въ чемъ уже съ центральнымъ великорусскимъ, къ которому здѣсь находился естественный переходъ. Такимъ образомъ мы избѣгаемъ фальшивое положеніе, въ которомъ должны очутиться тѣ, кто толкуеть о нарѣчіи Галиціи и Волини и при этомъ молчаніемъ обходитъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ находящійся Кіевъ.

Профессоръ Соболевскій говоритъ о своихъ пятнадцати рукописяхъ: «ни одна изъ описанныхъ нами выше рукописей не имѣетъ никакого отношенія ни къ Киеву, ни къ ближайшимъ къ Киеву мѣстамъ». Едва ли это такъ. Нѣтъ, конечно, прямого указанія на Киевъ, но не о всѣхъ можно утверждать также противоположное, т. е. что онѣ уже непременно некиевскія. Выходитъ такъ, что приблизительно двѣ трети его матеріала или источниковъ несомнѣнно рукописи галицко-волинскія, послѣдняя же треть (Добрилово евангеліе, Типографское евангеліе № 7, Ирмолой В. И. Григоровича, Хутынскій служебникъ, Часословъ XIV вѣка), не раздѣляющая всѣхъ особенностей «галицко-волинскаго» типа, по моему представляетъ особенную южнорусскую отрасль, которую я такъ и назову восточной или кievской, имѣя въ виду естественное отношеніе этихъ рукописей съ одной стороны къ древнѣйшимъ кievскимъ памятникамъ (Изборнику Святослава 1073 г.), съ другой къ вышеупомянутымъ галицко-волинскимъ. Профессоръ Соболевскій отстаиваетъ свой взглядъ указаніемъ на то обстоятельство, что памятники XII—XV вѣковъ, которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Киевѣ, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченныхъ въ Добриловомъ евангеліи и проч.—систематическаго употребленія *ъ* вм. *є*. Противъ этого аргумента можно возразить во первыхъ то, что памятниковъ навѣрно писанныхъ въ Киевѣ мѣстными жителями мы почти не знаемъ. Этого мнѣнія и самъ авторъ, смягчившій въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи (на стр. 15) рѣзкость прежнихъ выраженій, относительно кievскихъ старинъ, въ слѣдующее изреченіе: «доставѣрные памятники кievскаго говора имѣются только за XI-й и отчасти за XII-й вѣкъ; далѣе мы почти теряемъ слѣды этого говора». Мнѣ же кажется, что мы снова откроемъ потерянный слѣдъ кievской старины, какъ скоро повнимательнѣе всмотримся въ такъ названную «галицко-волинскую» группу и выдѣлимъ изъ нея то, что туда не идетъ. Вотъ торыхъ же спрашивается, вправѣ ли мы придавать такое исключительное значеніе особенному «системати-

ческому» употребленію ъ вм. е, что «галицко-волинскій» типъ безъ него и немислимъ? Если считать галицкое евангеліе 1144 г. памятникомъ «галицко-волинскимъ», въ чемъ трудно сомнѣваться (см. мои соображенія въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 85—98), то видно въ немъ постепенное развитіе типа, не обнаружившаго сразу всѣ признаки, между прочимъ и замѣна е черезъ ъ тутъ еще не существуетъ. Точно такъ было бы, какъ мнѣ кажется, преждевременно теперь уже, пока еще исторія русскаго языка очень мало разработана, отрицать существованіе «систематическаго» употребленія ъ вм. е въ памятникахъ кievскихъ, по той только причинѣ, что этого нѣтъ въ изборникѣ 1073 года. Чего не было въ концѣ XI столѣтія, могло существовать въ концѣ XII-го. Съ этими знаменательными признаками вообще больша бѣда. Впервыхъ ихъ пока отыскано очень немного, — не всѣми воспользовался даже профессоръ Соболевскій, напр. онъ не обратилъ вниманія на форму «скербъ» — примѣту южнорусскаго памятника; — вовторыхъ же они не выступаютъ послѣдовательно, то нѣтъ одного, то нѣтъ другого, то преобладаетъ одинъ, то другой, однимъ словомъ — они сбиваютъ насъ съ толку. Смотря по тому, которому изъ нихъ дать предпочтеніе, воззрѣнія наши по неволѣ расходятся. У автора «Очерковъ» на первомъ планѣ конечно выдвинутое имъ особенное, скажемъ южнорусское, употребленіе буквы ъ; поэтому онъ не много заботится о томъ, что памятники, подогнанные имъ подъ одну мѣрку, не совпадаютъ относительно нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ; въ угоду своему ъ онъ предпочелъ лучше исключить изъ своего канона галицкое евангеліе 1144 года, чѣмъ нарушить стройность системы. Кто наоборотъ придаетъ значеніе такимъ признакамъ, какъ смѣшеніе начальнаго е съ у, какъ замѣна жд черезъ жч, и только рядомъ съ этимъ также употребленію ъ — для того вопросъ становится иначе. Я напр., не отрицая важности примѣты, выдвинутой профессоромъ Соболевскимъ, нахожу все-таки очень знаменательнымъ также смѣшеніе е съ у. Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отсутствіе этой черты въ такихъ рукописяхъ, которыя знаютъ

«южнорусское» њ, которыя знаютъ *жч* и *тн* (вм. *тн*), обозначало что другое, какъ вѣрное отраженіе особенности говора, не знавашаго этой черты. Я согласенъ съ Соболевскимъ, когда онъ на стр. 88 своего новѣйшаго сочиненія говоритъ, что «въ древнихъ памятникахъ кievскихъ у изъ о нѣтъ»; по крайней мѣрѣ и мнѣ кажется, что этотъ переходъ въ Кievскихъ памятникахъ стараго типа не былъ распространенъ. Но какъ разъ это соображеніе заставляетъ меня думать, что памятники, располагающіе впрочемъ всѣми чертами «галицко-волинскаго» типа (употреблю терминъ «Очерковъ»), не смѣшивающіе же о съ у — должны быть вынуты изъ «галицко-волинской» среды, и перенесены на почву другую, сосѣдственную, ближе къ тому типу русскаго языка, который не зналъ и не знаетъ этой смѣны, стало быть дальше на востокъ — въ землю Кievскую и Черниговскую древней Россіи. Чѣмъ дальше я изучаю памятники, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что это такъ. Вотъ напр. въ скоромъ времени предстоитъ изданіе замѣчательнаго памятника древнерусской письменности подъ редакціею профессора И. В. Помяловскаго. Благодаря его любезности, я могъ уже познакомиться съ большею частью текста этого памятника и засвидѣтельствовать фактъ, что «Житіе св. Савы», въ рукописи пергаменной, принадлежавшей прежде князьямъ Вяземскимъ и подаренной покойнымъ княземъ Павломъ Петровичемъ Императорскому Обществу Любителей Древней Письменности, заключаетъ въ себѣ текстъ южнорусскаго извода, со всѣми прочими особенностями «галицко-волинскаго типа», только безъ смѣшенія у съ о. Тутъ имѣется большое число примѣровъ «южнорусскаго њ» (напр. камѣник 125. 177. 501, корѣник 37. 59. 87. 177, вѣслик 231. 385, много другихъ существительныхъ на -ѣник: гонѣник, молѣник, извѣщѣник, сматѣник, срѣтѣник, хоулѣник, послужѣник, осожѣник, наслажѣник, нсѣшѣник, знамѣник, швалѣник, поклонѣник, погывѣник, оуклонѣник, приложѣник, падѣник, оуспѣник, и т. д.; потомъ: вѣльвоудъ 461—463, зѣмныхъ 73, зѣмноє 209, зѣлик 237, сѣдло 235, осѣдлати 127, срѣро

289. 387. 453, третьюю 463, третникомъ 419; словѣсную 3, камѣньнокъ 51, сѣкѣранѣн 83, сѣкѣрскѣмъ 75. 195, сѣланѣмъ 345, насѣльникъ 183. 267. 289. 329. 333, защититѣль 511, слоужитѣль 425, свидѣтѣльствоуютъ 491, матѣжь 327. 331, дѣцѣръ 365; нѣмъ 11. 47. 49 и т. д., нѣмъ 27. 67. 85. 119. 151. 229 и т. д., сѣмъ 77. 99. 131. 135 и т. д., сѣмъ 325. 327. 333 и т. д., всѣмъ 485, чѣмъ 89, нашѣмъ 5. 101. 251. 277 и т. д., нашѣмъ 267; часто нѣ; имѣется также жч (изрѣдка): повѣжченоу 41, дѣжча 345, одѣжчинѣ 409, вездожчѣмъ 375. 378 (но также дождь 383, дѣждю 465, вездожчю 345), нжчнѣхъ 499, нжчнѣуть 311, ржчнѣса 311; встрѣчается тн (вм. ть): дондѣже овакнтн и ѣъ 169, да поуститн и 239, изѣстн и 259, молахоутн и 391; а также ты - и: да ты пошлы и съ совою 91; попадаетъ характерная форма слова скерѣмъ: скерѣмъ 145. 507, скерѣцѣма 45, и несомнѣнно южное извѣстно 19. 25. Всѣ эти примѣты слишкомъ громко говорятъ, что текстъ писанъ на югѣ Россіи, но смѣшенія въ съ у въ немъ нѣгъ не встрѣтилось, за исключеніемъ примѣра оупрашаше кого 381 (и въ галицкомъ ев. 1444 года только этотъ примѣръ и есть, сл. Чет. стат. 88). Не указываетъ ли эта отрицательная черта памятника на другую среду его происхожденія, чѣмъ та, которая повліяла напр. на вышній списокъ кievской и вольнской лѣтописи слѣдующими примѣрами: у съ лѣто (возгѣ: к се лѣто), у скои си (возгѣ: къ скои си), не къспѣша вм. не успѣша, владнѣтъ, владнѣмѣса, возгѣ: уладити, и т. д.

Кромѣ «галицко-волинскаго» типа авторъ «Очерковъ» попытался еще уловить черты нарѣчія или говора Псковской области. Онъ подобралъ до десяти памятниковъ, принадлежащихъ этой области. Потомъ недавно сдѣлана имъ же попытка опредѣлить смоленско-полоцкій говоръ. Какъ бы ни неполными выходили первыя попытки подобнаго рода, мы принимаемъ ихъ съ радостью. Надо вѣдь наконецъ приступить къ дѣлу серьезно. Конечно и кой-кто другой занимался подобными вопросами уже раньше — укажу на свои лекціи, — но всѣ мы охотно уступаемъ автору

«Очерковъ» ту заслугу, что онъ смѣло рѣшился поставить эти вопросы въ филологической литературѣ на очередь, не испугавшись незаконченности своихъ наблюдений.

II.

Новѣйшій трудъ профессора А. И. Соболевскаго, представленный имъ на премію, касается тѣхъ же вопросовъ. Онъ озаглавленъ: «Лекціи по исторіи русскаго языка» (Кіевъ, 1888); его значеніе, въ сравненіи съ предыдущими, не столько чисто научное, сколько дидактическое. Это курсъ университетскаго преподаванія, въ который сообразно съ уровнемъ слушателей попало кое-что элементарное рядомъ съ подробностями очень специальными. Это еще не «исторія», и также не «историческая грамматика» русскаго языка, а нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Въ изложеніи предмета руководящею нитью послужилъ порядокъ, указанный грамматикою. Послѣ общаго введенія и перечня источниковъ излагаются то звуковыя, то формальныя особенности древнерусскаго языка. Обѣимъ частямъ (звукамъ и формамъ) предпослана общая характеристика языка русскаго въ средѣ славянскихъ нарѣчій, а также краткій очеркъ древнерусскихъ говоровъ. Съ этой очень незамысловатой системой изложенія я вполне согласенъ, такъ какъ и самъ придерживался ея въ своихъ лекціяхъ въ послѣднее время, между тѣмъ какъ прежде, подражая Колосову, я излагалъ предметъ хронологически, но потомъ убѣдился, что удобнѣе такъ, оставаясь въ рамкѣ грамматики. Я долженъ только замѣтить, что у меня общая характеристика русскаго языка нарисована нѣсколько иначе. Мнѣ казалось, да и теперь еще кажется необходимымъ, приступая къ

исторіи русскаго языка, опредѣлить прежде всего, что такое русскій языкъ. А для этого хочется выставить на первый планъ все то, что этому языку даетъ отпечатокъ органическаго дѣлага и что обособляетъ его по отношенію къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Поэтому тѣ черты русскаго языка, которыя онъ раздѣляетъ съ нѣкоторыми другими славянскими нарѣчіями, напр. потеря носовыхъ гласныхъ, отсутствіе *d* передъ *л*, *н*, мягкое *л* послѣ губныхъ вм. *j* — по моему не могутъ для него имѣть такое значеніе, какъ то, что ему исключительно свойственно, напр. русское полногласіе или замѣна сочетанія *dj* черезъ *ж*. И у профессора Соболевскаго выступали бы «главныя звуковыя особенности» русскаго языка гораздо рельефнѣе, если бы онъ началъ изложеніе именно съ тѣхъ исключительныхъ чертъ русскаго языка, значить съ полногласія, съ перехода *ъ* — *а* въ *о* — *е*, *а* — *ж* въ *я* — *у*, *dj* — *tj* въ *ж* — *ч*, и т. д. Напирать на совокупность отличительныхъ чертъ русскаго языка тѣмъ важнѣе, что дѣйствительно еще до сихъ поръ въ различныхъ сочиненіяхъ высказываются сбивчивыя воззрѣнія на взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій между собою и къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ. Такими приговорами, какъ «эти лица дѣлаютъ крупную ошибку» (стр. 2), ошибочныя мнѣнія не исправляются, въ особенности когда они опираются на авторитетъ лицъ громкой извѣстности въ славянской наукѣ. Надо было показать, что даже наиболѣе удаленные другъ отъ друга говоры или нарѣчія русскія по научной классификаціи представляютъ цѣлый рядъ характерныхъ чертъ, общихъ всѣмъ нарѣчіямъ этого языка, въ различіе отъ остальныхъ славянскихъ нарѣчій или языковъ. Авторъ замѣчаетъ справедливо, что «первое полногласіе въ главной части своихъ явленій свойственно исключительно русскому языку и составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ его особенностей» (стр. 26), но почему онъ самъ умаляетъ значеніе этой «самой важной» особенности, излагая ее только надъ пятымъ пунктомъ? Нужно ли нарочно прибавить, что при всѣхъ чертахъ единства русскаго языка, выводимыхъ научной классификаціею, все-же

остается большой просторъ и для различій, совокупность которыхъ можетъ тому или другому нарѣчію придать особое значеніе. Научное изложеніе такого нарѣчія рядомъ съ другимъ, выдвинутымъ историческою судьбою въ общій литературный языкъ, обусловлено потребностями практическаго свойства. Нѣтъ причины удивляться, еще же менѣе быть недовольнымъ тѣмъ, что въ сравнительной грамматикѣ Миклошича возлѣ русскаго языка рядомъ излагается также малорусское нарѣчіе. Его отношеніе къ русскому языку этимъ не измѣняется, въ сравнительную грамматику оно попало несомнѣнно потому, что на западной окраинѣ русскаго народа та часть малороссовъ, которая живетъ въ предѣлахъ Галиціи, пользуется своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, какъ органомъ мѣстной литературы.

Выразивъ желаніе, чтобы авторъ при новомъ изданіи передѣлалъ эту главу своихъ лекцій, соответственно выше упомянутымъ замѣчаніямъ, укажу еще на нѣкоторыя объясненія, съ которыми не могу согласиться. На стр. 21 приведены исключенія будто бы изъ правила, по которому церковнославянскому жд (вм. *ѡ*) соответствуетъ *ос*: «досаждать, обижать, проклаждать, пригождать, урождай». Согласенъ, что эти формы не церковнославянскія, а народныя русскія; но для объясненія слѣдовало прибавить, что тутъ видна комбинаторная аналогія: изъ существующихъ рядомъ словъ: «обида, обидный, обидѣть» съ одной и «обижать» съ другой стороны народъ образовалъ комбинаторную форму «обиждать», и т. д. Къ формамъ прилагательныхъ на -ущій, -ящій, *и* которыхъ авторъ хотѣлъ бы выводить изъ *ѡѡ*, укажу на соответствующую параллель чешскаго языка, гдѣ имѣются многочисленныя прилагательныя на -*ící* (ср. статью Гебауера въ *Filol. listy* 1887. XIV. 360—372). Чешское окончаніе -*ící* конечно не допускаетъ словопроизводства, предлагаемаго въ «лекціяхъ»; относительно предпочтенія церковнославянскаго *и* передъ русскимъ *ч* можно сослаться на сербскія аналогіи, какъ: «лѣтушти вѣмушти», но настоящей причинѣ этого предпочтенія я не умѣю догадаться. Не вѣрится мнѣ также,

чтобы существующія въ русскомъ языкѣ формы «младъ, сладокъ, мразъ» или «время, трѣзвъ» и т. д. происхожденіемъ своимъ обязаны были какимъ либо другимъ факторамъ, помимо вліянія церковнославянскаго языка. Отдѣльные случаи съ *lo, ro* вм. *olo* — *oro* принадлежать западнорусскимъ говорамъ и вѣроятно полонизмы въ родѣ слова «строгъ», но въ формѣ «время» не вижу необходимости искать польскаго сочетанія, такъ какъ здѣсь несравненно ближе вліяніе церковной формы. Прилагательное «плохъ» не совпадаетъ этимологически съ «полохъ», «плахъ», а «трѣба», «потрѣба» должно быть церковныя формы. Если слово «упрекъ» не различнаго происхожденія отъ «поперекъ», такъ оно осталось въ церковнославянской формѣ вслѣдствіе ствоего отвлеченнаго значенія.

Къ случаямъ «перваго полногласія» отнесены также русскія формы съ *o*: «лодыя, ровный, розъ» и т. д. Едва ли это такъ. Гдѣ нѣтъ формы «олодыя», не можетъ быть рѣчи о полногласіи; слово же «ровнь» уже потому не принадлежитъ сюда, что въ зендскомъ языкѣ существуетъ съ краткимъ *a* слово «gavaṇ»: долина, равнина; тамъ же есть и gavaṇh, объясняющее наше «ровесникъ». Гласная *o* менѣе нуждается здѣсь въ объясненіи, чѣмъ *a* формы церковной и южнославянской «равнь». Спрашивается, не на сторонѣ ли послѣднихъ нарѣчій здѣсь отступленіе отъ правильной вокализаціи, происшедшее подъ вліяніемъ перехода *or, ol* со согласною въ *ga, la* со согласною? Въ послѣднее время Миклошичъ не производитъ уже частички «разъ» отъ «рѣзати», а отъ кореннаго «орз-», стало быть и здѣсь «роз-» болѣе оправдано, чѣмъ южнославянское «раз-». Для «роз-» можно бы по аналогіи съ «без-», «из-» довольствоваться корнемъ *er*, существующимъ въ литовскомъ глаголѣ *irti*, дальше *ardyti*, слав. «орити». У Соболевскаго не указана форма «розвъ», встрѣчающаяся въ древнерусскихъ памятникахъ, напр. въ словѣ Ипполита о антихр. 19. 37.

Относительно примѣровъ какъ «молоко», при общеславянскомъ **meako*, надо было сослаться на извѣстную склонность русскаго языка къ сочетанію *ol(ъl)*, гдѣ этимологія предполагаетъ

el (ъл): «молоко» образовалось изъ *melko* такимъ же движеніемъ вокализма, какимъ изъ *vykь* вышло «*вълкъ* — *волкъ*». Напрасно Соболевскій говоритъ (на стр. 29), что здѣсь русскій языкъ «сохранилъ» *ъ*, *ъл*; если бы о сохраненіи дѣло шло, то русскій языкъ долженъ бы произносить и писать «*вълкъ* — *велкъ*». Такие случаи, единичные, какъ «*домото*», не должны служить образцомъ для всѣхъ русскихъ словъ съ *оло*; здѣсь дѣйствительно и чешскій языкъ имѣетъ форму *dláto* и польскій *dłóto*, стало бытъ уже для общаго славянскаго надо предположить двойную форму *deito* и *doito* (при суффиксахъ *-тъ*, *-то* бывають такіе случаи, сл. «*мостъ*» при «*метъ*», «*тететъ*» и «*тототъ*», «*хувотъ*» при «*ошнъ*» и т. д.).

Не вижу надобности вносить въ «главные звуковыя особенности» совокупнаго русскаго языка такъ называемое «второе полногласіе», значеніе котораго въ лекціяхъ сильно преувеличено. Не отрицая втораго полногласія для нынѣшняго русскаго языка, какъ діалектической черты нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говоровъ, я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что въ древнерусской письменности всякое удвоеніе слабой гласной при слоговомъ *р* или *л* выражало звуковыя отгѣнки. Если бы въ написаніи Остромирова евангелія «*скъръвъ*» или «*мълъкъмще*» дѣйствительно отражалось произношеніе двухъ слабыхъ гласныхъ одинаковаго достоинства, скажемъ двухъ очень краткихъ, нѣсколько закрытыхъ *о*, то мы ожидали бы по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ, положимъ въ тѣхъ, которые любятъ этотъ орфографическій приѣмъ, нѣкоторую послѣдовательность, чего уже никакъ нельзя сказать, такъ какъ одно и то же слово въ томъ же памятникѣ пишется и такъ и сякъ¹⁾. Потомъ же, съ конца XII сто-

¹⁾ Я указывалъ въ моихъ лекціяхъ на такіе факты, что въ одномъ и томъ же памятникѣ, при участіи различныхъ писцовъ, господствуютъ различные приѣмы (для приѣра приведу изборникъ 1073 года, слова Григорія по списку Импер. публ. библиотеки XI в., Успенскій сборникъ XII в.). Кроме того я сравнивалъ памятники того же содержанія и той же мѣстности, гдѣ несмотря на все то видна въ приѣмахъ разница сообразно съ личнымъ расположеніемъ писавшаго. Для приѣра я взялъ минею 1096 г. и минею праздничную Импер. публ. библ. XI—XII вѣка. Оба памятника — новгородской области, и все-таки

лѣтїя, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ слабая гласная передъ плавною замѣнялась уже и въ письмѣ (въ устномъ произношенїи несомнѣнно гораздо раньше) гласною о или е, мы ожидали бы въ заимствѣнныхъ формахъ «скъръва», «мълькѣщи» переходъ обѣихъ слабыхъ гласныхъ въ полную, т. е. такія формы, какъ «скорова», «молокащи». Такихъ формъ нѣтъ, за исключенїемъ нѣкоторыхъ случаевъ, обусловленныхъ по большей части накопленїемъ согласныхъ въ слѣдующемъ слогѣ, такъ напр. при «черный», «чернецъ» въ косвенныхъ падежахъ вм. «черница» встрѣчается и «чернеца» и «черенца», при «торжокъ» въ косв. падежахъ возгѣ «торжка», «торжку» также «торожка», «торожку», при «волга» возгѣ «поволжи» также «поволожь». Это «второе» полногласїе въ сущности совпадаетъ съ общею склонностью облегчить слишкомъ сложныя сочетанїя согласныхъ внесенїемъ гласной, какъ напр. «огонь» при «огнь», «огни», «дологъ» при «долга», «остеръ» вм. «остръ» и т. д. Старый языкъ былъ въ этомъ отношенїи подвижнѣе и гибче нынѣшняго: при именит. «розчетъ» въ старину говорилось «по розочту» (моск. грам. 1388. 1389).

Кто съ Соболевскимъ ищетъ слѣда второго полногласїя въ мягкомъ произношенїи слова «верхъ» какъ «верхъ», долженъ будетъ допустить, что и въ польскомъ языкѣ существовало когда-то полногласїе, потому что и тутъ до сихъ поръ произносится *wierzch*, такихъ же словъ прежде было еще больше.

Не могу похвалить автора «лекцій» за то упорство, съ какимъ онъ все-еще продолжаетъ отрицать знаменательность одной черты русскаго языка, допускаемую всѣми; я говорю о началь-

первый изъ нихъ пишетъ стальъ, кармаио, кармаиниоу, таржасте, нималчѣю, второй же: стальъ, кармаио, кармаиниоу, таржасте, нималчѣю; первый пишетъ: държнѣ, штаргаша, мартеци, оумарциничи, отъаръѣтъ, шарго, второй же: държнѣ, отъаргаша, мартеци, оумарциничи, отъаръѣтъ, шарго и т. д. Наконецъ я обращалъ вниманїе на палеографическій приемъ древнихъ памятниковъ, по которому прерывая слово и перенося часть его въ слѣдующую строку, любилъ въ концѣ предыдущей строки послѣ согласной ставить еще з или ъ. Многіе примѣры такъ называемаго второго полногласїя обязаны своимъ существованїемъ именно этой случайности.

номъ о въ иныхъ словахъ русскаго языка, взамѣнъ общеславянскаго к. Не буду повторять того, что сказано мною уже давно въ «Архивѣ», гдѣ нарочно приведено нѣсколько примѣровъ съ начальнымъ о изъ другихъ славянскихъ нарѣчій: но что изъ этого слѣдуетъ? теряетъ ли отъ этого весь вопросъ значеніе для характеристики русскаго языка? Ни чуть не бывало. Если бы не было другихъ примѣровъ, а только слѣдующіе три: «одинъ», «озеро», «олень» при общеславянскихъ «единъ», «езеро», «елень» (е пусть обозначаетъ извѣстную долю мягкости, не доходившей еще до ю) — я думаю, и этого сопоставленія было бы достаточно для доказательства, что тутъ русскій языкъ расходится со всѣми остальными славянскими нарѣчіями, а больше намъ и не нужно. Параллели, приводимыя авторомъ теперь уже второй разъ изъ нѣкоторыхъ говоровъ греческаго языка, полезны, пожалуй, и могутъ пригодиться для освященія фактовъ русскаго языка, но ими нисколько не устраняется значеніе самого факта для русскаго языка. Не греческій же языкъ повліялъ на образованіе русскихъ формъ «одинъ», «озеро», «олень»! Что же касается личныхъ именъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, то не надо забывать, что въ южнославянскихъ памятникахъ только съ трудомъ можно подыскать тотъ или другой примѣръ съ начальнымъ о вм. е (есть же и наоборотъ съ к вм. о), тогда какъ въ русскомъ языкѣ, въ особенности народномъ, такихъ словъ довольно много, причемъ замѣчательно вотъ что: судя по письменнымъ памятникамъ, «народныя» формы съ о попадаютъ не сразу, а мало по малу; потребовалось не мало времени, пока произошла передѣлка этихъ словъ на народный ладъ. Не отрицаю, что инныя формы греческихъ словъ у южныхъ славянъ сложились подъ вліяніемъ простонароднаго греческаго произношенія, но такихъ словъ вообще могло быть очень мало; для нашего же случая какъ разъ различіе между южнославянскимъ и русскимъ произношеніемъ тѣхъ же словъ доказываетъ, что русское начальное о вм. е (ю) обязано своимъ существованіемъ не грекамъ и не южнымъ славянамъ, а самому себѣ. Если

бы произношеніе подходящихъ сюда словъ съ начальнымъ *o* вм. *e*, заимствовано было отъ грековъ южными славянами, или хотъ бы самими русскими, но сообразно съ произношеніемъ *tъхъ*, оно непременно должно бы развернуться съ полной силой уже на страницахъ древнѣйшихъ памятниковъ.

Ни малѣйшей убѣдительности не нахожу въ аргументаціи профессора Соболевскаго въ пользу существованія носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, въ то время, когда были заимствованы слова «заракъ», «кълвагъ», «соудъ», «оутринъ» (на стр. 20). Въ формахъ съ *a* и *ou* я вижу только доказательство, что русскій языкъ вслѣдствіе своей чуткости, свойственной каждому языку въ раннія эпохи его, не могъ вынести сочетаній *ing*, *ung*, *und*, а замѣнилъ ихъ по своему — и больше ничего.

Очень коротенькою и мало содержательною вышла слѣдующая глава «о главныхъ звуковыхъ особенностяхъ древнерусскихъ говоровъ» (33 — 37). Читая эти нѣсколько страницъ, чувствуешь какъ все это еще шатко, неопредѣленно, какъ не далеко еще ушла наука въ этой области. Заботливость автора объ исторіи русскихъ нарѣчій заслуживаетъ полного признанія, только напрасно онъ ломаетъ себѣ голову даже о говорѣ «тмутороканской земли» (стр. 15)! Я не беру серьезно также попытку его упрочить слабые проблески прочихъ древнерусскихъ говоровъ за кой-какими племенами древней Руси, перечисляемыми въ первоначальной лѣтописи. Это сопоставленіе только своего рода игра въ Кривичи, Дреговичи, и т. д.

Примѣтъ діалектическаго значенія и безъ того очень мало, а указанія на попадающеея иногда смѣшеніе *o* съ *u* я все-таки не встрѣтилъ, какъ будто бы оно въ самомъ дѣлѣ ничего не доказывало! По отношенію къ говору «Полянъ» авторъ и здѣсь крайне молчаливъ, несговорчивъ. «Можно думать, говоритъ онъ, что этотъ говоръ имѣлъ изрѣдка замѣну *ѣ* черезъ *и*». Вотъ и все. Мнѣ же сдается, что какъ разъ замѣны *ѣ* черезъ *и* въ древнѣйшее время Кіевская земля еще не знала. Въ житіи св. Савы, о которомъ была рѣчь выше, гдѣ есть и «южно-

русское ѣ в жч и ти (вм. ть), замѣны ѣ черезъ и еще нѣтъ, зато есть случаи, гдѣ ѣ передается черезъ є. Не придаю большого значенія формамъ, какъ «делеса» 47. 169, «делесъ» 101, «делесы» 27. 79. 99. 183, или «телесныма» 133. 145. «телеснымъ» 137 — это могли быть не народныя формы, а церковнославянскія — но тутъ же мы читаемъ «старенишымъ» 43, «скера» 119, 431, «наместѣхъ» 365, «изѣднѣ» (вм. изѣднѣцъ) 169, «въскоре» 431, «нѣде» (olda) 383, 439, «сповѣде» 469. Какъ хотите, примѣры эти не говорятъ въ пользу ѣ=и. Взамѣнъ этой черты, довольно сомнительной, лучше указать на переходъ «ть-и» въ «ти-и», о которомъ самъ авторъ теперь уже допускаетъ, что эта «ассимиляція» существовала «преимущественно въ кievскомъ говорѣ».

Я сказалъ уже, что при опредѣленіи діалектическихъ различій иныя формы словъ выступаютъ какъ отличительныя черты. Въ начинающей только что развиваться исторической діалектологіи не слѣдуетъ пренебрегать и такими мелочами. Я постоянно указывалъ въ своихъ лекціяхъ на форму слова «скеръ», она нашла широкое распространеніе, если не исключительно, такъ по крайней мѣрѣ преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ¹⁾. Я обращалъ вниманіе также на форму слова «сєсць», попадающую тоже преимущественно въ южнорусскихъ памятникахъ (сл. напр. въ погодинскомъ прологѣ № 60: сєсцѣ имѣ мечема

¹⁾ Пока еще не выходило наружу є, писалось ѣ въ этомъ словѣ: «скрѣннѣхъ» 1078. 100 а. «скрѣннѣ», «скрѣнѣ» въ типогр. мнѣѣ № 195 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 068. 080), «скрѣнѣ» въ типогр. мнѣѣ № 203 (не новгородской, сл. въ моемъ изданіи 858), «и скрѣнѣ», «є скрѣнѣхъ» усп. сб. XII в. (въ библиографіи А. Попова I. 16. 17); скрѣнѣ, скрѣнѣ патер. снѣ. XI—XII в. у Срезн. малозв. пам. № 82. Сличны примѣры съ є изъ Добрилова евангелія у Соболевскаго, Очерки 4, изъ типогр. св. 7, тамъ же 9 (съ є), изъ типогр. св. 6, тамъ же (съ є), изъ вѣнскаго октона «скрѣнѣ» 26 б. 83 б., «скрѣнѣхъ» 42; изъ гал. св. 1266—1800 у Соболевскаго 28, Срезн. малозв. пам. № 69; изъ Ефрема Сирина волынскаго у Соболевскаго 56, изъ Поликарп. св. тамъ же 87; изъ пролога Погодинскаго № 60 (южнаго происхожденія) «скрѣнѣ» 4 б; изъ Троицк. сборника XIV в. у Тихоурава пам. отреч. лит. I. 23. 28 «скрѣнѣ», «скрѣнѣ».

сурѣзаша). Недавно я наткнулся на случай подобнаго рода въ житіи св. Савы: «никакоже вѣрженъ вешью» (μηδεν βλαβεῖς τὸ σύνολον), гдѣ «вешью» стоитъ вм. «вощью»; впрочемъ это слово пишется съ ѡ также въ новгородскомъ памятникѣ, сл. въ Р. достопам. II. 197: вахъма. Давно уже указывается также на форму «свѣдительство», свойственную преимущественно южнорусскимъ памятникамъ. За этими и другими подобнаго рода формами (припомнимъ выше приведенное «свазько» и примѣры у Соболевскаго на страницѣ 52: «дрыка» и т. д.), знаменательными для происхожденія памятниковъ, надо зорко слѣдить; нныя изъ нихъ потомъ вышли изъ своихъ первоначальныхъ предѣловъ и съ того времени конечно перестали имѣть значеніе діалектическихъ примѣтъ. Такъ напр. свѣдительство сдѣлалось потомъ очень распространеннымъ словомъ; точно такъ «ссы» первоначально выступаетъ только въ южныхъ и югозападныхъ памятникахъ, но потомъ встрѣчается также въ московскихъ грамотахъ.

Перехожу къ главѣ пятой, тоже очень небольшой. Она толкуетъ о звукахъ древнерусскаго языка вообще, т. е. о физиологическихъ свойствахъ гласныхъ и согласныхъ. Если уже говорить объ этихъ свойствахъ отдѣльно, то было бы полезно разработать эту главу подробнѣе. Напр. для опредѣленія звукового значенія буквы ѣ кстатн было бы воспользоваться многочисленными описками въ древнерусскихъ текстахъ, смѣшивающими то о съ ѣ, то ѣ съ о. Очень часто выходитъ такъ, что писецъ написалъ было о, но спохватившись тотчасъ же передѣлалъ о въ ѣ. Иногда же, наоборотъ, осталось ѣ для этимологическаго о, сл. напр. «кѣнѣца» мин. 1096 г. 39 а., «рѣгъ спѣсина» пс. XI в. Срезн. № 42. Вполнѣ соглашаюсь, даже еще рѣшительнѣе, чѣмъ сказано на стр. 45, настаиваю и я на томъ, что ѣ уже въ XI столѣтіи не было вездѣ выраженіемъ звука, а иногда только знакомъ; но если такъ, то желательно было бы поближе коснуться вопроса, гдѣ ѣ-ѣ уже въ первое время исторической, намъ доступной, жизни русскаго языка представляли только знаки, твердый

и мягкій. Переносить приемы новаго языка на языкъ XIII—XIV, или даже XI—XII вѣка, было бы нѣсколько поспѣшно. Примеры, какъ въ изб. 1073 «золовоу», или въ жит. Феодосія «золодѣи», или въ грамотѣ Мстислава 1130 г. «изоостанеть», въ словахъ Григ. бог. «изо овожъ» 154 β, или въ житіи св. Савы «изо оуспѣха» 507, или «отонмутъ», «подонметъ» въ моск. грамотахъ 1327. 1362. 1388 годовъ и т. д., свидѣтельствуютъ о бывшей тогда еще болѣе чуткости языка по отношенію къ слабымъ гласнымъ, чѣмъ нынѣ.

Я вполне согласенъ и давно уже самъ излагалъ, что древнерусское *е* не было нынѣшнее малорусское или южнославянское твердое *e*, а скорѣе великорусское мягкое *e* (приблизительно); иные слова, судя по древнѣйшимъ памятникамъ, встарину произносились еще съ чистымъ *е*, какъ «еда», «едва», «езеро», «ени», «етерь», на это указалъ уже Козловскій въ Исслѣдованіяхъ о языкѣ Остр. евангелія 18; но тамъ же упомянуто, что въ Остр. евангеліи чаще пишется «еще» чѣмъ «еще», стало быть про это слово нельзя съ положительностью утверждать, что оно тогда произносилось «эще». Жаль, что Соболевскій не воспользовался замѣчаніемъ того же Козловскаго (тамъ же на стр. 29), по которому «во всемъ Остромировомъ евангеліи нѣтъ ни одного примѣра, гдѣ бы было написано « послѣ р». Это замѣчаніе имѣетъ силу и для разныхъ другихъ памятниковъ. Такъ въ Евгеніевской псалтыри пишутъ *лѣ*, *нѣ*, но только «море», «сѣмренъца», «сѣмренъхъ»; въ Чудовской псалтыри употребляется знакъ смягченія для сочетанія *лѣ*, *нѣ*, но слогъ *ре* пишется безъ знака; въ Путятинной минее при правильномъ *лѣ*, *нѣ* (напр. «ванкъ» 14, «сѣгнктенъ» 12, «селкнию» 15 и т. д.) пишется «море», «заре», «воурѣжъ» и т. д. Я полагаю, что между «воурѣжъ» и «воурѣю» или «озарити» и «зарѣю» существовало приблизительно такое же отношеніе, какъ между «отѣцю», «сѣрдѣцю» и «отѣца», «сѣрдѣца», т. е. ютація или мягкость слышалась въ различныхъ сочетаніяхъ въ различной степени. Сличи нынѣшнее малорусское *мо рѣ* — *моря*.

Гдѣ о ѣ рѣчь идетъ, я считалъ бы не лишнимъ напомнить, что эта буква подчасъ передавала по южнославянскому книжному преданію звукъ ѡ. Въ Остромировомъ евангеліи читаемъ «слав-лѣаше», «срамлѣкъ сѡ» или «ѣшышнѣаго», «послѣднѣи» и т. д., гдѣ лѣ, нѣ передаютъ сочетаніе лѡ, нѡ. Эту мелочь надо имѣть въ виду для вѣрной оцѣнки такихъ формъ, какъ въ Остром. евангеліи «покажѣте сѡ» (слычи тамъ же «сѣважате»), или «ищѣте» рядомъ съ «ищате» (Козловскій, Изслѣд. 84).

Предполагая, что когда-то существовала разница между единственнымъ числомъ иже и множественнымъ числомъ иже, приблизительно такая же, какъ между и въ «имж» и «ѣзимажъ» — только первое и выходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ наружу какъ ѡ: «ѣвѣ-нѣ», «ѣвѣз-ѡмжъ» — я думаю, что «вогатѣи» (ὁ πλούσιος) никогда не произносилось «вогатѣји», какъ это поясняетъ г. Соболевскій (на стр. 45); по моему только въ множ. числѣ «вогати» (οἱ πλούσιοι) можно бы пояснить черезъ «вогатији», а въ «вогатѣи» конечное и уже издавна было ѣ, чѣмъ и объясняется окончаніе ѣи или он. Сочетаніе ѣ + и переходило въ ѣи (уі, не уіі), и внутри слова въ ѣ (ср. «ѣвы истовѣнхѣ» ἐν τοῖς καιρίοις Грег. богосл. 29 γ, «ѣвы конѣ» мнн. 1096. 35^б или «ѣвѣзѣграмѣ» мнн. 1097. 79^а); сочетаніе же ѣ + ѣ оставалось ѣѣ или переходило въ ой. Я не вижу теперь больше достаточной причины считать окончаніе ой въ прилагательномъ именительнаго надежа заимствованіемъ изъ церковнославянскаго (стр. 159). Изрѣдка такія формы попадаютъ уже въ памятникахъ XI вѣка: «дѣнь соудѣи» Евг. псалт. 160., «дане хвалитѣ сѡ сильнѣи» ib 164., «ѣвѣзѣметѣ сѡ нечѣстнѣи» 164.; «тѣлообразнѣ видѣ» мнн. 1096. 36, и т. д.

III.

Въ двухъ слѣдующихъ главахъ излагается «исторія» звуковъ: гласныхъ на стр. 45—80, согласныхъ на стр. 81—104. Эта часть лекцій должна бы объемомъ и содержательностью превышать всѣ остальные, въ ней мы желали бы видѣть центръ тяжести всего изслѣдованія. Признаюсь откровенно, объ главы не произвели на меня такого впечатлѣнія. Это скорѣе сухое извлеченіе, безъ системы, изъ несуществующаго пока еще цѣлаго, чѣмъ плавное изложеніе. Здѣсь какъ-то особенно замѣтна спѣшность труда. Прочтя эти двѣ главы, въ которыхъ должна быть изложена многовѣковая судьба русскихъ звуковъ, то продолжающихъ свое существованіе до сихъ поръ, то смѣнявшихся въ теченіе столѣтій, по неволѣ спрашиваешь, дѣйствительно ли здѣсь изложена «исторія звуковъ русскаго языка»? не заключается ли въ ней ничего болѣе важнаго, чѣмъ то, что содержатъ эти двѣ главы? Или же все это можетъ быть и важно, но рассказано какъ-то не важно, не увлекательно!

Авторъ отчасти самъ ослабилъ эффектъ своего изложенія не совсѣмъ удачнымъ распредѣленіемъ матеріала и вопросовъ, подвергнутыхъ изслѣдованію. Такъ онъ началъ (на стр. 45) исторію гласныхъ съ «исчезновенія глухихъ», а черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 51) рѣчь идетъ о «переходѣ глухихъ въ чистыя». Но не идутъ ли «исчезновеніе» и возобновеніе глухихъ, или лучше, слабыхъ гласныхъ по большей части рука объ руку, такъ что между обоими явленіями существуетъ взаимодѣйствіе? Нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что разница между ѣ въ «сънь» и между ѣ въ «съна» становилась тѣмъ болѣе замѣтною, чѣмъ болѣе улетучивалась слоговая дѣятельность второго ѣ въ «сънь». Итакъ — исчезновеніе и возобновеніе слабыхъ гласныхъ, это только различные разисы одного и того же событія, важнаго въ исторіи славян-

скихъ нарѣчій настолько, что стоить остановиться на подробномъ разборѣ причинъ его. У профессора Соболевскаго говорится только, «что во второй половинѣ XI вѣка какъ въ многихъ случаяхъ глухіе, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и конечное и исчезли изъ произношенія и перестали слышаться въ живомъ говорѣ». Но почему перестали слышаться, что могло вызвать это прекращеніе жизни одного звука въ словѣ, объ этомъ не говорится прямо, только косвеннымъ образомъ мы узнаемъ, что тутъ причастно было — удареніе. Но играло ли оно главную роль или только мимоходомъ вліяло — этотъ вопросъ такъ и остался невыясненнымъ. Несказано также ничего о томъ, насколько былъ уже самими «глухими» подготовляемъ этотъ послѣдній шагъ языка — исчезновеніе ихъ? не затронуть вопросъ о томъ, было ли звуковое и слоговое значеніе «глухихъ» во всѣхъ положеніяхъ слова одинаково? Повидимому нѣтъ, въ этомъ я вполне убѣжденъ. Я уже намекнулъ, что полное равенство обѣихъ гласныхъ въ словѣ «сънь» заходить далеко за предѣлы историческаго существованія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Не для всѣхъ былъ ѣ или ѧ одинъ и тотъ же звукъ уже тогда, когда создавалась церковно-славянская письменность. Если бы основателямъ древнеславянской письменности пришлось прислушиваться къ древнѣйшему произношенію слова «сънь» у предковъ нынѣшнихъ русскихъ славянъ, въ теченіе IX — X вѣка, я убѣжденъ, они не остановились бы на правописаніи «сънь», а придумали бы разницу между первымъ и вторымъ ѣ. Авторъ полагаетъ (стр. 51), «что переходъ ѣ и ѧ въ о, ѣ произошелъ не одновременно съ исчезновеніемъ ѣ и ѧ»; я согласенъ съ этимъ относительно стоявшихъ въ концѣ словъ неслоговыхъ ѣ, ѧ, исчезнувшихъ въ смыслѣ слоговой службы дѣйствительно уже издавна; но несомнѣнно также то, что слоговое ѣ уже въ XI столѣтіи очень незначительно различалось отъ обыкновеннаго о, какъ свидѣлствуютъ многочисленныя описки древнихъ рукописей, гдѣ писцамъ постоянно приходилось передѣлывать о въ ѣ, чтобы попасть въ тонъ и въ правописаніе церковнославянскаго, литературнаго

языка. Внятіе произносилась, должно быть, звуковая окраска гласной *ь*, ее легче было различать отъ чистаго *е* и отъ чистаго *и*. Это былъ звукъ средній между *е* и *и*. Поэтому попадаются сплошь да рядомъ замѣны *ь* то черезъ *е*, то черезъ *и*. Напр. «въ дене» Евг. псалт., «алефесова», «келесна», «несоумьньныма разоумъма» 1096, «срдценѣи очнѣ», «питателеницю», «къ съласенѣи стъзи» мин. праздн. XII в. 30. 45, «кесемоу» жит. Бор. Гл. XII в., «кожедо» жит. св. Савы 375, повѣдомосецнѣ ib. 521, «виси» Остр. ев., «питицалми», «различннѣ» изб. 1073. 20 — 21, 94 d, «ноциннжжѣ» Григ. бог. За, «нечистикма» ж. Б. и Гл., «овицима» жит. св. Савы 479. Близость гласныхъ *ь* и *е* засвидѣтельствована также противоположною замѣною: зват. пад. «родительницѣ» (вм. — це), «кольсницѣ» мин. 1096. 4 б. 25 б, «проповѣдательѣ», «родительѣ» мин. праздн. 11 а. 18 а и т. д.

Множествомъ примѣровъ легко доказать, что въ древнерусскомъ языкѣ слабая гласная *ь* не всегда тамъ исчезала и тамъ переходила въ *е*, гдѣ въ нынѣшнемъ языкѣ, въ особенности литературномъ. Гибкость языка распространилась встарину дальше чѣмъ нынѣ. Авторъ коснулся этого вопроса лишь слегка (на стр. 47), и не совсѣмъ точно. Нельзя, я думаю, утверждать, что формы «жрца» и «жреца» шли рядомъ; рядомъ шли долгое время чуть ли не исключительно «жреца» и «жрца» и т. д., форма же «жреца» — явленіе позднѣйшее, вызванное вліяніемъ установившагося уже прочно именительнаго падежа «жреца». Слово напр. «чтеца» въ старину (скажемъ въ XIII столѣтіи) въ косвенныхъ падежахъ переходило въ «четца» (Истор. библ. VI. 105); слово «игреца» въ косвенныхъ падежахъ склонялось «играца», еще не полное «игреца» (ibid. 104. 107). Нынѣшнія формы названій городовъ «Смоленскѣ», «Полоцкѣ» — это послѣдніе выводы изъ косвенныхъ падежей «Смоленска», «Полотьска» вм. болѣе древнихъ именительныхъ «Смоленскѣ» пск. глѣт. II. 17, «Полтскѣ» ипат. глѣт. 412, пск. глѣт. II. 2. 8 (сл. ипат. 412 «Полотьска» и т. д.). Разница между стариннымъ и современнымъ языкомъ видна иногда и внутри слова, такъ вм. нынѣшняго

«менѣе» въ старину писалось также «мне»: «не мне» Ист. библи. VI. 92; возгѣ «день», косв. пад. «дни» и т. д. существовала также форма «днью»: «тою днью» Истор. библи. 17. 44. Тогда еще писалось и говорилось «ажак» рядомъ съ «агчак» ib. 58. 62, говорилось «комъ не потокнетъся» Писц. сб. Срезн. 274, говорилось «тъкомо» (возгѣ «токмо») златоустр. 150 а, и т. д.

Рядомъ съ исчезновеніемъ глухихъ авторъ вычисляетъ «слѣдствія» этого факта. Первымъ «слѣдствіемъ» онъ считаетъ «возникновеніе новыхъ глухихъ» (стр. 48). Такъ, безъ оговорки, это изреченіе поражаетъ. Для того ли глухія исчезли, чтобы замѣнить ихъ появились опять новыя глухія?! У первоначальныхъ глухихъ было этимологическое значеніе, это были когда-то полныя гласныя, сдѣлавшіяся «глухими» только послѣ продолжительнаго постепеннаго ослабѣванія, обусловленнаго положеніемъ этихъ гласныхъ, чаще всего въ концѣ слова, но иногда и внутри, въ неударяемыхъ, безъ полной гласной легко произносимыхъ звуковыхъ сочетаніяхъ. Новыя глухія, какъ разъ наоборотъ, появились именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе исчезнувшей этимологической гласной, принявшей наконецъ видъ очень незначительной глухой, образовалось накопленіе согласныхъ, неудобно произносимое. Чтобы извести эти накопленія, явились новыя, вспомогательныя гласныя, не имѣющія уже никакого отношенія къ первоначальнымъ глухимъ. О нихъ было бы лучше говорить отдѣльно, это такъ называемыя «сварабактическія» гласныя, въ родѣ «манотыя» новгор. требн. XIV в. 54 (изд. Общ. Л. Д. П.) или «харотыя», «харотыяхъ» панд. ник. черног. XIII в. Понятіе удобопроизносимости — конечно очень переменчиво, смотря по мѣсту и времени; поэтому существовали также двойныя формы. При обыкновенномъ «семь» (septem), существовавшемъ уже въ XI вѣкѣ, имѣется также «седьмь» слова Ипполита 52. 53. 54.

Вторымъ «слѣдствіемъ» исчезновенія глухихъ приводится «удлиненіе о и е» (стр. 48—9). И противъ этого положенія можно бы очень много возражать, напр. спросить бы, почему это дѣйствіе не распространяется на остальные гласныя, а только на

о и е? почему даже на о и е не всегда, а только въ извѣстныхъ случаяхъ? Какъ бы то ни было, исчезновеніе глухихъ находится съ удлиненіемъ о и е только въ очень отдаленномъ сношеніи.

Менѣ всего понятнымъ для меня становится третье слѣдствіе исчезновенія глухихъ въ томъ видѣ, какъ оно представлено въ лекціяхъ профессора Соболевскаго (стр. 50): образовались-де «плавныя гласныя»! Это для меня, а вѣроятно и для многихъ другихъ, нѣчто совсѣмъ новое и неслышанное. Къ счастью или къ сожалѣнію, какъ хотите, изумленіе прекращается, какъ скоро, читая дальше, наталкиваемся на слѣдующее изреченіе: «во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ плавный гласный, по всей вѣроятности, не составлялъ слога и произносился какъ польскій г въ kgiwі». Ну такъ и есть, авторъ, значитъ, только подшутилъ надъ нашею любознательностью, слогового р въ древнерусскомъ языкѣ не было.

Съ исчезновеніемъ глухихъ на ряду ставится еще исчезновеніе «чистаго и въ концѣ и иногда въ срединѣ словъ» (стр. 45). Едва ли это сопоставленіе справедливо, меня оно нисколько не удовлетворяетъ. Прежде всего нѣтъ основанія говорить, что въ произношеніи напр. дательнаго падежа «моей» (два слога) вм. бывшаго когда-то «мои» (три слога) исчезло и. Тутъ нѣтъ исчезновенія, и только сгустилось или осѣло въ ѣ (і въ і, j) — явленіе напоминающее не исчезновеніе, а только сокращеніе неударяемаго и въ концѣ слова послѣ согласныхъ въ ѣ («дати: дать», «вуди—будь»). Трудно сказать, съ какого времени произошло это сокращеніе, потому что въ письмѣ оно не отразилось. Ссылка на примѣры, какъ «мо» вм. «мой», «скок» вм. «скоки» неубѣдительна, это безъ сомнѣнія простыя описки ¹⁾. Скорѣе можно указать на

¹⁾ Авторъ вообще не рѣдко прибѣгаетъ къ несомнѣннымъ опискамаъ, придавая имъ не случайное значеніе. Какъ можно напр. единственному примѣру «гратамъ» (вм. гратамъ, стр. 32) придать значеніе чего-то загадочнаго, трудно объяснимаго, гдѣ описка очевидна? На вышеприведенный примѣръ похожа въ житіи св. Савы слѣдующая описка: «самъ держакъ» 333, или въ актахъ юрад. стр. 110: къ нижню (вм. нижней) Кухтѣ.

случаи смѣшенія и съ *е* въ концѣ слова, какъ на доказательство, что произношеніе гласной колебалось между краткимъ и и *е*, слышалось не то и, не то *е*, т. е. именно й: «трѣк дворяцъ» вм. «трѣй дворяцъ», дательный падежъ «моужьскомъ дчернѣ», «моужекъ женѣ», мѣстный падежъ «к ѣнокъ земанѣ», именительный падежъ «попѣ новгородцокъ» — примѣры изъ грамоты 1263 года, изданной Кунникомъ-Наперскимъ, № 5.

Переходу *е* въ *о* (такъ ли, не лучше ли *е* въ *ѣ*?) посвящено нѣсколько страницъ, но изложеніе страдаетъ на мой взглядъ сбивчивостью. Оно начинается съ перечня, конечно не полного, но все-таки значительнаго числа случаевъ этого перехода, подчерпнутыхъ изъ древнерусскихъ памятниковъ, причемъ не различаются явленія, общія всей старинѣ, съ извѣстнаго времени, отъ чертъ діалектическихъ; потомъ оно переходитъ къ современному языку, гдѣ опять нѣтъ строгаго различія между общимъ и діалектическимъ; наконецъ оно снова поворачиваетъ въ старину, къ исторіи языка. Не лучше было бы начать съ не подлежащихъ сомнѣнію фактовъ нынѣшняго языка, по всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ его; потомъ же, перейдя съ общезвѣстнаго современнаго къ мало извѣстному прошлому, поставить такіе вопросы: 1° какіе факты нынѣшняго языка находятъ себѣ подтвержденія въ старомъ языкѣ и съ какого времени? 2° не попадаютъ ли въ памятникахъ древней письменности и такіе случаи перехода *е* въ *о* (*е* въ *ѣ*), которыми въ современномъ языкѣ нѣтъ подтвержденія, по крайней мѣрѣ нѣтъ ихъ въ той же области? какіе это случаи и какъ объяснить ихъ?

Отправляясь такимъ путемъ къ наблюденію, мы замѣчаемъ, что извѣстная черта нынѣшняго южнорусскаго нарѣчія, склонность его къ слогамъ *чо*, *жо*, *шо* внутри словъ, при общерусскомъ *че*, *же*, *ше* (напр. «*чоло*, *жона*, *пмоно*»), черта которую съ нимъ раздѣляютъ также бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія (только что въ послѣднихъ неударяемое *о* слышится какъ *а*, и переходъ не ограничивается сочетаніями *ча*, *жа*, *ша*), въ древнерусскихъ памятникахъ раньше четырнадцатаго столѣтія

не появляется въ коренныхъ слогахъ, — примѣръ изъ изборника 1073 года, 179 d «чоловѣка» безспорно описка — но зато въ окончаніяхъ падежей, иногда даже лицъ, примѣры сочетаній же, цю, цю, уже съ конца XII столѣтія не рѣдкость, и они не ограничиваются какою либо одною мѣстностью или областью языка, а встрѣчаются повсюду, какъ въ памятникахъ южно- и западно-русскихъ, такъ и сѣверныхъ (хотя въ послѣднихъ примѣровъ все-таки, кажется, меньше). Самые ранніе примѣры у Соболевскаго отгѣчены изъ слова Ипполита объ антихриствѣ, памятника несомнѣнно не новгородскаго (выразительныхъ признаковъ южно-русскаго происхожденія въ немъ тоже нѣтъ); я нашелъ тамъ же только слѣдующіе: «влажонъ 99, раздѣланшомъ 40, держащомъ 104 и кмазомъ 24». Въ тѣхъ же разбѣрахъ существуетъ этотъ переходъ въ замѣчательномъ житіи св. Савы: дат. мн. ч. «вѣлѣзющомъ» 275, «смоущающомъ» 327 и «оуражонъ» 501. Ни одного примѣра въ родѣ «чоло», «жона» здѣсь еще нѣтъ. По памятникамъ они впервые являются въ той области, которую заселяетъ бѣлорусское племя, въ грамотахъ Смоленска. Такъ называемая «Смоленская правда» — договоръ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ — сохранилась въ многихъ одновременныхъ спискахъ, которые сводятся къ двумъ редакціямъ: къ первой редакціи принадлежатъ списки *A, B, C* (по означенію Кунника), ко второй *D, E, F*; — во главѣ первой кладутъ обыкновенно списокъ *A*, во главѣ же второй списокъ *D*. Оба они пергаменные, приблизительно около 1229 — 1230 года написанные. Замѣчательно, что въ спискахъ первой редакціи нѣтъ примѣровъ для интересующаго насъ перехода, но зато въ списокѣ *D* мы встрѣчаемъ не только такіе случаи: «оутѣржонъ, должонъ, неразроушонъ, соужона, стариншомоу, коупцомъ, немцомъ» (5 разъ), не только въ концѣ слова въ открытомъ слогѣ: «тажо, ожо, ужо», но также въ коренномъ слогѣ внутри слова: «съ жоню, оу своимъ жонъ». Кто не видитъ въ этихъ примѣрахъ первообразъ нынѣшняго бѣлорусскаго произношенія: жанá, жанóю, жанí, и параллели къ

нынѣшнему «выша-нижа» (вм. выше-ниже)?—Въ спискахъ *E, F* той же редакціи примѣровъ съ *o* опять нѣтъ. Это свидѣтельствуешь только о хрупкости источниковъ для исторіи русскаго языка. Прочія грамоты той же области (Смоленскъ—Витебскъ—Полоцкъ) изъ болѣе поздняго времени (конца XIII, первой половины XIV столѣтія) подтверждаютъ эти данныя множествомъ дальнѣйшихъ примѣровъ: Смоленскъ-Рига 1287—1297 (Русск. лив. акты № 35) «чоловѣка». См. Р. 1284 (ib. № 37) «немьцомъ», Витебскъ-Рига ок. 1300 (ib. № 49): княже (28 разъ!), жо (4 раза), ажо (3 раза), шолъ, пешолъ, пришолъ, пришедъ, емше, хочомъ, отъ отчоеъ (вм. «оу чомъ» у Куника напечатано «оу томъ»); Полоцкъ-Рига 1396 (у Смирнова № 73): чоловѣтъе, нашего, нашом.

Всѣ эти примѣры, вмѣстѣ съ указанными у Соболевскаго (на стр. 52—52), свидѣлствуютъ о томъ, что такіе переходы доускались только послѣ небныхъ (шипящихъ и свистящихъ) согласныхъ. Какъ же понимать то обстоятельство, что нѣтъ *o* при другихъ согласныхъ? Можно бы, пожалуй, думать, что подобныя переходы послѣ другихъ согласныхъ слишкомъ далеко отступали бы отъ преданія церковнославянскаго языка и что уже произносили «пѣро», но еще писали «перо». Мнѣ кажется однакожъ, что аргументація подобнаго рода не внушала бы довѣрія. Правдоподобіе во всякомъ случаѣ допустить, что въ то время народное произношеніе любило переходъ въ *o* пока еще только при небныхъ согласныхъ. Это тѣмъ менѣе удивительно, когда знаемъ, что малорусское нарѣчіе въ сущности и до сихъ поръ ограничивается этимъ случаемъ перехода *e* въ *o*. Въ немъ произносятся съ удареніемъ и безъ ударенія: чолó, чоловѣкѣ, чотѣри, вчорá-учорá, бичовá, мáчохá, жонá, жолúдокъ, бджолá-бчолá, пшонó, шолудѣвий, щокá и т. д., но въ то же время съ чистымъ *e*: ледъ, рѣбра, дѣшево, тѣплий, тѣсанний, одѣжа, зелѣний, далѣко, несé, ведѣшь, печѣнный; овѣсь, козѣль, несъ, верѣвка, легкѣй, стѣжка, тѣща и т. д.

Нельзя съ положительностью отвѣчать, были ли сочетанія

выше приведенныхъ примѣровъ XIII вѣка *чо, жо, шо, цю* еще мягкими или уже твердыми по нынѣшнему произношенію. Соболевскій приводитъ изъ Галицкаго евангелія 1266 года примѣръ очень сомнительнаго свойства «*мерю жю*» (стр. 53) — если тамъ нѣтъ ни одного примѣра для *жо*, такъ и этотъ единственный *жю*, въ особенности послѣ слова «*мерю*», не что другое, какъ описка; — потомъ изъ Лудкаго евангелія два примѣра: «*лдуцию, пиюцию*» — но ничего не говоритъ, какъ онъ понимаетъ это *ю*. Мнѣ кажется возможнымъ допустить, что сочетанія *чо, жо, цю* нѣкоторое время могли еще быть мягкими и что формы «*лдуцию, пиюцию*», за невѣдѣніемъ другого графическаго средства, выражали произношеніе «*лдуциѣ, пиюциѣ*». Впрочемъ примѣровъ у меня для этого факта слишкомъ мало, чтобы можно было дѣлать прочные выводы. Въ галицкихъ грамотахъ конца XIV и первой половины XV столѣтія я отмѣтилъ себѣ по изданію Я. Головацкаго слѣдующіе: по нюмъ 1359, на скоумъ котиниѣ 1398, на скоумъ селѣ 1398, скоумъ женѣ 1393, у нашюмъ дворѣ 1407, по вожюмъ порожиѣнѣѣ 1393, Касилюкъ синѣ 1366, грошюкъ 1378, оу Шюльжичювѣ 1366 (род. мн. ч.), чтюнѣ 1398, 1440, по нюмъ 1422, — не берусь рѣшить, произносилось ли въ этихъ случаяхъ еще *ѣ* или уже *ю*. Примѣръ «*дали юсмы*» (въ грамотѣ 1398 г. Наук. сборн. I, 196) могъ бы говорить въ пользу *ѣ*. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ (включительно до конца XIV в.) нѣтъ ни одного не подлежащаго сомнѣнію примѣра съ *у*, а есть только указанные съ *ю*, или же съ *о*, такіе: чотири 1388, черъторьшскимъ 1403, чертковичъ 1404, ничего 1421, 1428, 1442, корчюкъмъ 1424, чювотомъ 1445, почюшымъ 1458—9, нашего 1403, нашюмоу 1438, въ нашюмъ дворѣ 1430, и т. д.

Насъ не поражаютъ эти формы ни въ смоленско-витебско-полоцкихъ (бѣлорусскихъ), ни въ галицкихъ (южнорусскихъ) грамотахъ, но мы не ожидали бы ихъ въ грамотахъ московскихъ XIV—XV вѣка, гдѣ кромѣ двухъ примѣровъ изъ духовной Ивана

Калиты, приведенныхъ у Соболевскаго (на стр. 53), еще такіе попадаются: «старѣишому», «молодшому», «по душевнѣи грамотѣ» (1428), «меншому», «матцѣи трѣихъ», «молодшого» (1433), «старшому», «млоцого», «млоцею», «кшого», «о вашомъ доврѣ», «пригожо», «Ржоу», «грамотѣ по душевнѣи», «съ нашѣи нелюбѣи» (1440), «старожницѣи», «синекнажцѣи» (тамъ же и «старожницамъ») 1449 у Иванова. Примѣровъ этихъ впрочемъ очень не много въ сравненіи съ множествомъ другихъ, обнаруживающихъ правильное *ѣ*; поэтому нужно считать ихъ или случайно занесенною стихіею, должно быть подъ вліяніемъ кievской письменности, или же временнымъ вторженіемъ одной новой черты языка въ область, въ которой она не могла удержаться.

Въ современномъ языкѣ говорится не только «понѣва», а также «понѣва»; если у Срезневскаго, Пам. русск. языка 151, вѣрно напечатано «пѣновою прѣпѣсасѣи» (изъ Постной Трiоди XI вѣка), это былъ бы одинъ изъ очень раннихъ примѣровъ передачи произношенія *ѣ* черезъ *е*, но какъ-то не вѣрится, что это такъ, сл. у Срезн. тамъ же 155 обыкновенное: «пѣналеу». Примѣры, приводимые у Соболевскаго на стр. 54, нуждаются въ болѣе подробномъ изслѣдованіи. Не убѣдилъ меня авторъ въ правдоподобности объясненія «журавль», «муравей» посредствомъ аналогіи съ «журить» и «мурава» (стр. 59).

IV.

Какъ произносилось *ѣ* въ древнерусскомъ языкѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ проф. Соболевскій двумя главами своихъ лекцій: «Отожествленіе *ѣ* съ *е*» (стр. 59—62), и «переходъ *ѣ*

въ и» (стр. 62—63). Суть ихъ заключается въ слѣдующемъ. Первый пунктъ гласитъ, что на сѣверѣ Руси, въ частности въ Новгородѣ, во второй половинѣ XII в. «различіе между е и ѣ было очень слабо, гораздо слабѣе чѣмъ на югѣ Руси», и что «въ говорахъ сѣвернорусскихъ (сѣверно—и южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ), приблизительно въ концѣ XII вѣка, произошло болѣе или менѣе полное отождествленіе этихъ двухъ звуковъ, т. е. ѣ стало звучать какъ е». Второй пунктъ говоритъ, что «древній ѣ, сохранившійся въ галицко-волинскомъ говорѣ XII в. какъ отдѣльный звукъ и не отождествившійся съ е, сталъ мало по малу суживаться и приближаться къ древнему и». Въ этихъ отзывахъ автора о ѣ видно стремленіе выдѣлить «галицко-волинское» нарѣчіе изъ общей среды и для современнаго «никающаго» характера его найти историческую подкладку въ XII—XIII вѣкѣ. По моему это стремленіе, какъ бы оно ни было оправдано, рушится на данныхъ древнерусской письменности. Какими средствами доказать, что въ галицко-волинскомъ говорѣ ѣ сохранилось еще въ XII вѣкѣ какъ отдѣльный звукъ, въ противоположность сѣверному ѣ? Въ южнорусскихъ памятникахъ, какъ разъ тѣхъ, на основаніи которыхъ созданъ авторомъ «галицко-волинскій типъ» — примѣровъ смѣшенія е съ ѣ довольно много, кажется не многимъ менѣе, чѣмъ въ памятникахъ сѣверныхъ, новгородскихъ и неновгородскихъ. Сошлюсь на матеріалъ, собранный въ «Очеркахъ» проф. Соболевскаго на стр. 6—7, 10, 15, 18, 24 и т. д. Съ другой стороны не приняты въ расчетъ сѣвернорусскіе, въ частности новгородскіе, примѣры съ и вм. ѣ, послѣ конца XII-го вѣка, когда уже по словамъ Соболевскаго должно было произойти «полное отождествленіе» обоихъ звуковъ ѣ и е! Въ доказательство приведу изъ требника Новгородскаго XIV вѣка (смѣшивающаго ч съ ц), издавнаго Имп. Обществомъ Л. Д. П., такіе примѣры: «сеѣдинни твоухъ» 83 рядомъ съ «прилипухъ свѣденинн твоухъ» 83, «на листи свѣтлѣ» 108, «я ризу нетлиника» 54, «насаидникомъ быти» 59, «руци твои» 89, «парникъ» ib., «оустни мои» 61 и т. д. Или изъ

Новгородской палеи XIV в. (у Тихонравова I): «всихъ» 104, «вндихъ» 103, «оуидити» 106, «вндимши» 108 (новгородская: «сконцанинъ» 98, «сконцанино» 99, «цетвертомъ» 104). Изъ Сильвестровскаго сборника (у Тихонравова II): вндамъ 78, вндамъ ib., (у Срезневскаго): вндити XIV, всимъ 3. Срезневскій характеризуетъ этотъ сборникъ такъ: «довольно часто смѣшаны ч и ц, довольно часто смѣшаны ѣ и ѳ» (VIII).

Примѣры подобнаго рода показываютъ, что и на сѣверѣ по крайней мѣрѣ не вездѣ такъ скоро ѣ стало звучать какъ е, какъ могло бы казаться по словамъ проф. Соболевскаго. По рукописямъ, конечно, не мудрено доказать полное совпаденіе е съ ѣ; рукописи, смѣшивающія безжалостно е съ ѣ, существуютъ не только между новгородскими, но также между неновгородскими. Одной замѣчательною рукописью подобнаго рода восполнены мною пробѣлы текста мѣнейскаго 1096—1097 года. Рукопись перешла изъ Софійскаго собора въ Новгородѣ въ бібліотеку духовной академіи въ С.-Петербургѣ. Несмотря на значительный объемъ ея, нѣтъ ни одного примѣра новгородскаго смѣшенія ц съ ч, напротивъ, въ ней замѣтны кой-какія черты, напоминающія памятники южнорусскіе стараго тина (XI—XII в.). По примѣрамъ, какъ «пѣщъ» 5, 11, «сюдѣкъ» 17, 20, «словѣсьма» 24, «словѣсьмааго» 23, легко бы предаться обману, что въ ней ѣ значенія «южнорусскаго»; но вчитавшись дальше въ рукопись, мы замѣчаемъ полнѣйшее смѣшеніе ѣ съ е; съ одной стороны: «сприѣде» 12, 13, «пѣтѣкоша» 36, «тѣчалше» 9, «тѣкоуцинухъ» 26, «пѣтѣчса» 11, «ѣланчстена» «ѣланкааго» 26, «ѣѣдамин», «ѣѣдоуѣ» 23, «ѣтѣхааго» 23, «тѣплотою» 9, «дѣсницію» 9, «оудѣши» 23, «словѣси» 21, «сюдѣса» 9, «крѣтѣ» 30, «вѣндѣ» 6, «сприѣдѣ» 31, «погрѣтѣ» 16, и т. д.; съ другой стороны: «отъ ведѣ» 10 б, «верою» ib., «коврете» 16, «крепость» 7, 18, «слепотоу» 138, «наследѣк» 16, «наследоваѣтѣ» 25, «река» 35, «вѣнцѣ» 11, «вѣнцѣносѣцѣ» 17, «целомоудрѣ» 16, «железо» 14, «на гнѣтѣ» 23, «оузрѣтѣ» 13, «одолеѣтѣ» ib., «повеленикмѣ» 27, «нетѣленино» 20, «стѣхъ» 139, «тема же» 12. 17, «вѣсемъ» 8,

«вѣсехъ» 16, 139, «инемъ» 3, «единемъ» 13, «авѣ» 17, «снѣткови» 15, «въ роуцѣ» 26, 74, «къ вѣрѣ» 14, «въ черевѣ» 24, и т. д. Было бы, можетъ быть, поспѣшно изъ этихъ данныхъ выводить заключеніе, что въ живомъ произношеніи того лица, которое писало эту рукопись, ѣ вполне совпадало съ е, но большаго разстоянія, рѣзкой звуковой разницы, кажется, дѣйствительно не было. Къ такому результату впрочемъ сводится изслѣдованіе какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ рукописей XI—XII вѣка; въ тѣхъ и другихъ примѣры смѣшенія ѣ съ е не уступаютъ числу примѣровъ съ замѣною ѣ черезъ и. Стало бытъ по памятникамъ древнерусской письменности выходить наружу, что народное живое ѣ въ то время въ громадномъ большинствѣ случаевъ и мѣстностей произносилось какъ закрытое е, суженный же звукъ его и (вм. ѣ) имѣлъ тогда еще лишь ограниченное діалектическое значеніе, не обхватывалъ широкаго пространства на югѣ Россіи, очень можетъ быть не больше, если даже не меньше, чѣмъ на сѣверѣ.

Вопросъ о значеніи ѣ въ древнерусской письменности не такъ простъ, какъ хотѣлось бы этого для примиренія исторіи языка съ данными современныхъ нарѣчій. Съ самаго начала письменности выступилъ факторъ, сильно осложнившій дѣло и произведшій большую путаницу. Это было церковнославянское ѣ, съ которымъ надо было сообразоваться: оно вошло въ письменность и какъ знакъ и какъ звукъ. Поэтому въ исторіи языка вм. одного возникаютъ два вопроса, различные другъ отъ друга: вопросъ, какъ произносился въ живомъ древнерусскомъ языкѣ, во всѣхъ областяхъ его, звукъ обозначаемый по принятой графикѣ буквою ѣ? и второй вопросъ, какъ произносили въ древнерусскомъ литературномъ языкѣ (т. е. языкѣ церковномъ съ примѣсю элементовъ народныхъ) по преданію и книжному обученію знакъ ѣ?

Въ древнерусской письменности можно отыскать нѣсколько текстовъ нецерковнаго содержанія, отличающихся очень правильнымъ употребленіемъ ѣ. Къ такимъ принадлежитъ древнѣй-

шая часть новгородскихъ грамотъ, древнѣйшія духовныя московскихъ князей, нѣныя двинскія купчія и третья часть первой новгородской лѣтописи—все памятники XIV вѣка. На основаніи этого матеріала сдѣланъ былъ такой выводъ, что въ древнерусской письменности главнымъ образомъ церковные тексты невнимательно относились къ различію между *ѣ* и *ѣ̆*, причина же этой невнимательности будто бы заключалась въ церковномъ, не народномъ, произношеніи *ѣ̆* какъ *ѣ*, которое «могло казаться ближе къ русскому *ѣ*, нежели къ русскому *ѣ̆*» и поэтому русскими переписчиками по искусственному произношенію церковнославянскаго *ѣ̆* какъ *ѣ* дѣлались постоянныя опіски. Мысль эта принадлежитъ А. А. Шахматову, по мнѣнію котораго совпаденіе *ѣ* съ *ѣ̆* произошло только въ послѣдніе вѣка исторіи русскаго языка. Въ остроумномъ соображеніи А. А. Шахматова есть нѣкоторое преувеличеніе, но есть также доля правды. Онъ напрасно обвиняетъ церковные памятники огуломъ въ неумѣніи различать *ѣ̆* отъ *ѣ*. Къ текстамъ точнымъ въ этомъ отношеніи надо причислить не только нѣныя оригинальныя сочиненія древнерусской письменности, но также многія церковнославянскія, сохранившіяся въ русскіихъ спискахъ XI—XII—XIII вѣковъ. Къ точнымъ памятникамъ принадлежитъ напр. сборникъ Успенскаго собора въ Москвѣ XII вѣка или Слово Ипполита объ антихристѣ, изданное Невоструевымъ, тоже XII вѣка, и т. д. Кому обязаны эти памятники своею точностью? Чутью ли народнаго языка, какъ выходило бы по выше упомянутому мнѣнію? Но въ такомъ случаѣ нужно бы допустить, что это чутье, въ высокой степени развитое для однихъ памятниковъ, для другихъ какъ бы совсѣмъ не существовало; надо бы допустить, что оно было сильнѣе развито въ первое время, въ древнѣйшихъ памятникахъ, чѣмъ потомъ, когда вообще народный элементъ въ письменности смѣлѣе выходилъ наружу. Съ этимъ согласиться нельзя. Неравномѣрность древнерусскихъ памятниковъ въ употребленіи *ѣ̆* зависѣла отъ степени вниманія писцовъ, отъ ихъ начитанности, отъ силы привычки и преданія. Однакожъ въ соображеніи нашего моло-

дого ученаго, какъ я сказалъ, доля правды. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что въ церковнославянскихъ текстахъ буква ѣ произносилась, должно быть, какъ звукъ очень похожій, если не даже вполне совпадавшій съ е. Только при этомъ предположеніи становится понятнымъ, почему въ иныхъ памятникахъ, рядомъ съ и вм. ѣ, имѣется также не малое число примѣровъ съ е вм. ѣ. Въ такихъ случаяхъ, я полагаю, черезъ и вм. ѣ передавалось произношеніе болѣе народное, тогда какъ смѣшеніе е съ ѣ отражало произношеніе церковно-литературное, выученное, школьное.

Особый случай отступленія отъ церковнославянскаго правописанія представляютъ древнерусскіе памятники, почти всѣ, не исключая даже самыхъ точныхъ по отношенію къ ѣ, — въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ, соответствующихъ русскимъ полногласнымъ формамъ. Тутъ всѣ они пишутъ съ изумительною послѣдовательностью -рѣ,-лѣ вм. церковнаго -рѣ,-лѣ. Этого не объяснишь ни подражаніемъ церковнославянскому правописанію, потому что его какъ разъ тутъ нѣтъ, ни чутьемъ народнаго языка, который требовалъ полногласной формы. Причина кроется въ чемъ либо другомъ. Я высказалъ въ моихъ лекціяхъ такую догадку, не писали ли русскіе писцы здѣсь е потому, что думали, что пре (такъ произносили они церковное прѣ) не что другое, какъ сокращеніе народной, полногласной формы пере? Повторяю догадку здѣсь за неимѣніемъ другого болѣе убѣдительнаго объясненія. Такъ какъ проф. Соболевскій этого пункта вовсе не коснулся въ своихъ лекціяхъ, то не лишнимъ будетъ однимъ-двумя примѣрами дать настоящее освѣщеніе этому факту. Примѣры правильного употребленія ѣ въ сочетаніяхъ рѣ, лѣ (= русское ре, ле, оле) принадлежать въ древнерусской письменности къ рѣдкостямъ. Такія замѣчательныя рѣдкости въ этомъ отношеніи Остромирово евангеліе, или Изборникъ Святослава (хотя въ немъ уже¹⁾ имѣется: «оваецѣмъты са» 54, «на средоу» 78., «по средоу»,

¹⁾ Есть даже въ Изборникѣ 1073 г. вм. ѣ въ словѣ «гнѣтъ» 28 г.

«отъ средѣ» 109, «къ средѣ» 196.), или Путятина минея. Въ минеяхъ 1095—7 года отступленія въ нашемъ случаѣ уже очень часты; вотъ напр. «предастъ» 025, «предѣ очима» *ib.*, «преже» 028, «стрегоущимъ» 027, «везъ кредъ» 081, «предѣ» 3, «изжлече, овлекостаса» 57, «преже» 46, «древко» 113, 117, «жреникъмъ» 24, «по средѣ» 29, «истреви» 23, «преславьнокъ» 285, «преподоване» *ib.*, «престолъ» 353, «жренинъ» 376, «въ чрѣтъ» *ib.*, «тревоующимъ» 352 и т. д. Слово Ипполита на счетъ точности въ употребленіи ѣ — памятникъ образцовый, но и здѣсь пишутся подходящіе сюда примѣры правильно съ е: «пре», «предѣ», «преже» 76, «невреже» 64, «времл, времени» 62, «временухъ» 29, 63, «вредитъ» 85, «вретнищема» 63, «древа» 58, «жрива» 15, 18, «маско» 15, «потревьно» 2 — исключеніемъ является лишь «плаѣно» 23 (ожидали бы «ялино»). Изъ нецерковныхъ памятниковъ укажемъ на третью часть первой новгородской лѣтописи, памятникъ тоже образцовый по отношенію къ ѣ. И здѣсь пишутся съ е такіе примѣры: «прелестъ» 238, «преже» 242, 243, 246, 253 и т. д. «пред, напред» 244—5, «преда» 307, «преложу, престависа» 302, «преступаютъ, преднее» 290, «чрестъ» 293, «къ средѣ, средокрѣтънюю» 248 и т. д. Послѣдовательность правописанія въ этихъ случаяхъ имѣетъ тѣмъ больше значенія, если сопоставить рядомъ такія формы, какъ «грѣхъ», «крѣпико», «прѣщенинъ» 282, гдѣ опять постоянно пишется ѣ. И здѣсь дѣлается исключеніе слово «плаѣнти» со своимъ ѣ вм. ожидаемаго е: «плаѣниша» 239, «поплаѣни» 282.

Буква ѣ, получивъ право гражданства въ древнерусской письменности, существуя рядомъ съ ближайшимъ по родству знакомъ е, прилаживалась въ отдѣльныхъ случаяхъ къ особымъ функціямъ, которыя можно назвать чисто русскими. Одна такая функція, которую я выше обозначилъ выраженіемъ «южнорусскаго употребленія ѣ», была уже предметомъ спеціальнаго изслѣдованія проф. Соболевскаго въ «Очеркахъ». Возраженія Шимановскаго, въ частностяхъ не лишеныя основанія, въ существенномъ не достигли цѣли: нельзя съ нимъ согласиться,

что ѣ «галицковольнскихъ» памятниковъ равнялось іотованному є. Скорѣе можно допустить, что это ѣ былъ узко-закрытый, по большей части подъ удареніемъ стоявшій, поэтому можетъ быть нѣсколько протяжный звукъ є (приблизительно французское é). Если принять его въ этомъ значеніи, то становится понятнымъ еще нѣсколько другихъ случаевъ особаго русскаго примѣненія буквы ѣ, о которыхъ говорилъ А. Шахматовъ въ изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ, на стр. 149—152. Стоитъ обратить вниманіе на то, что такое подъ удареніемъ стоящее ѣ (вм. є) очень часто предшествуетъ согласнымъ плавнымъ, напр. «Тѣѣръ», «Корѣла», «Влеѣѣрин», «серѣѣрьскымъ» и т. д. (изъ Новгор. лѣтописи). Припомнимъ себѣ польскіе глаголы: *pmiegać, zbiegać, rościćgać, rozrościćgać*, которыми лучше объясняются малорусскія формы «умірати, збирати», чѣмъ мнимою аналогією съ «літати» (стр. 63).

Отдѣльные случаи и вм. ѣ встрѣчаются сплошь да рядомъ по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, къ числу такихъ одиночекъ принадлежитъ «сидѣть» вм. «сѣдѣть», и «дѣтя» вм. «дѣтя». У глагола «сидѣть»¹⁾ можно догадываться, что с было причиною перехода сочетанія сѣ въ св; слогъ св произносится менѣе мягко чѣмъ сѣ, оттого и въ южнорусскомъ нарѣчій «сидіти», не «сідіти»; чешскій языкъ еще менѣе сочувствуетъ слогу «сѣ», лужицко-сербскій вовсе не выноситъ мягкаго s²⁾. Къ слову «дѣтя» могу указать на параллель, правда нѣсколько отдаленную: у кавказскихъ хорватовъ, произносящихъ обычное ѣ какъ е, все-же слышится уже давно «divojka» (не devojka), хотя только «devica». Въ древнерусской письменности имѣется примѣръ оборотной замѣны коренного и черезъ ѣ, въ глаголѣ «стричи» (стрици): «пострициса» жит. Θεод. 5., «острици» 6., Съ ѣ встрѣчалось мнѣ это слово чаще, въ памятникахъ не смѣшивающихъ впро-

¹⁾ У меня отлѣченъ примѣръ «Бсидѣ» въ Московской грамотѣ 1449 года, у Иванова подъ № 17.

²⁾ См. въ русск. языкѣ «сажинъ» вм. «сажинь» (уже въ XV, см. Калачовъ и. юр. I, 440).

чемъ ѣ съ и. Замѣчательно, что Мнелошичъ приводитъ случай этого слова съ ѣ также изъ южнославянскихъ памятниковъ. Въмѣсто стараго «извистъ» — такъ въ южнославянскихъ и русскихъ памятникахъ (напр. «извистью вѣлнѣти» лавр. глѣт., 390, «извистню маза» Іновгор. глѣт. 53) — нынѣ говорятъ и пишутъ «извѣсть». Точно такъ пишутъ нынѣ «кружево», въ старое же время писали — «кружино»: «кружины златыми ошитъ» шпат. глѣт. 541, «со кружиномъ» ів. 604, «кружино кованое золотое» грам. 1685 года (Калач. II, стр. 26); въ основаніи лежитъ нѣмецкое «krause» (ср. Гриммовъ словарь, V. 2095), повидимому слово получило славянское окончаніе — ино.

Къ «отожествленію ы и и» (стр. 63—64), не представляющему никакихъ особенно важныхъ данныхъ, прибавлю только, что смѣшеніе ы съ и изрѣдка попадаетъ уже въ памятникахъ очень древнихъ, но трудно придавать такимъ единичнымъ примѣрамъ значеніе. Въ неовгородской софійской мишеѣ XI—XII в. я нашелъ «съзмишающа», примѣръ внушающій нѣсколько больше довѣрія, чѣмъ «нечастычнхъ» тамъ же, гдѣ первое ы могло явиться по опискѣ подъ вліяніемъ ы слѣдующаго слога. Въ словѣ Ипполита объ антихристѣ, памятникѣ тоже южномъ, видно такое же смѣшеніе ы съ и въ «лысти во рече желѣзнѣ» 37 въ сравненіи съ 41: «лысты желѣзнѣ»; слово «лысть», судя по формѣ двойственного числа «лысты», склонялось по ѣ/и-склоненію. Для галицкихъ грамотъ XIV—XV вѣка знаменательны такіе примѣры: «ковилъ» 1393 г., «не винимаючи» 1409 г., «с оуладикою» 1422 г., и на оборотъ: «грызень» 1427 г., «со малыны» 1438 г. Что касается колебанія между *рѣ* и *ры* (стр. 64), то оно несомнѣнно обусловлено плавною *р*, не любящей, какъ извѣстно, мягкости во многихъ западныхъ малорусскихъ говорахъ и почти повсюду въ бѣлорусскомъ нарѣчій (ср. на стр. 97).

Говоря о смѣшеніи ы съ и и ихъ совпаденіи въ одномъ твердомъ (южнославянскомъ) и для малороссовъ, слѣдовало коснуться помѣстнаго произношенія гласной ы какъ э. Оно мнѣ извѣстно по прислушиванію къ произношенію церковнославянскаго ы

буковинскими русскими студентами; у нихъ слышится твердое и грубое э. Вѣроятно то же самое существуетъ въ бѣлорусскомъ нарѣчїи, въ формахъ приводимыхъ у Шейна: «конь воронэй», «князь молодэй» 471, «святэй Микола» 77, «другэй мѣсичка» 53. Нѣчто похожее на эту черту находимъ въ псковской лѣтописи (второй) въ такихъ примѣрахъ: «въ Новои городокъ» 22, «нѣмецкени городокъ», «Опоцкени, городицкени» 32. Окончаніе «-кени» могло бы быть результатомъ вліянія мягкости, слышной на сѣверѣ иногда даже въ именит. падежѣ «-ке» вм. «-ко», но «новои» (если только не описка или опечатка) очень напоминаетъ окончаніе бѣлорусское «эй».

«Переходъ е въ а» (на стр. 65—66) не совсѣмъ точно озаглавленъ, въ перечисляемыхъ случаяхъ е переходитъ не въ а, а въ я; поэтому было бы лучше изложить подходящія сюда явленія въ ближайшей связи съ переходомъ е въ ѣ. Вся трудность вопроса заключается въ томъ, когда и подъ какими условіями происходитъ переходъ е въ я вм. ожидаемаго ѣ. Повидимому здѣсь надо различать нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, каждый изъ нихъ могъ быть вызванъ особенными причинами. Легче всего поддаются объясненію примѣры различныхъ несклоняемыхъ формъ (нарѣчїй) на ѣ, гдѣ въ концѣ слова ударяемое ѣ переходитъ въ я: «окромѣя, нельзія». Родоначальникомъ этихъ окончаній я считаю такъ называемое дѣепричастіе на я. Нельзя отрицать перехода ударяемаго е въ я въ такихъ примѣрахъ: «есма́», «естѣ́», «менѣ́», «стѣѣ́». Для «есма́» я не вижу лучшаго объясненія, какъ допустить переходъ изъ «есме» (сл. статью А. Шахматова въ моемъ «Архивѣ» VII, 68), по моему проф. Соболевскій напрасно избѣгаетъ это сопоставленіе (на стр. 114). Въ московскихъ грамотахъ 14-го вѣка употребляется еще постоянно род. винит. падежъ «мене», «стѣтѣтѣ», «сѣвѣ-совѣ» (напр. «мене» 1368, № 28, стр. 46, «отъ мене» 1341, № 23, стр. 37, 1356, № 25, стр. 40, № 26, стр. 43, 1362, № 27, стр. 44, «связъ мене» 1362, № 27, стр. 44, «стѣвѣ врата» 1362, № 27, стр. 44, «стѣвѣ кормити» ib. 45, «отъ товѣ» 1341,

№ 23, стр. 37, 1362, № 27, стр. 45, 1368, № 28, стр. 46, 48, «у тебе» ib. 47, 1362, № 27, стр. 45, «передъ тебе» 1368, № 28, стр. 48, «на тебе» ib. 46, «на тебе» ib. 47, «везъ тебе» 1341, № 23, стр. 36, 1362, № 27, стр. 44, «отъ сова» 1362, № 27, стр. 45, «межи сова» 1341, № 23, стр. 37, «межи сева» 1368, № 28, стр. 48), но въ 15-мъ столѣтїи въ тѣхъ же оборотахъ чередуются уже формы «мене» съ «мена», «тева-това» съ «тева-това», «сева-сова» съ «сева-сова»: въ грамотѣ 1410 года, № 40, стр. 76: «промежи сова», а на стр. 77, «промежи сева», въ гр. 1428 года № 43—44 стр. 86, 89 «мена», 87 «тева» (два раза), 88 «това»; въ грам. 1433, № 46 «това» 93 (три раза), 1433 года № 47 «мене» (94—95) нѣсколько разъ; 1433, № 48 «мене» два раза, «мена» разъ 96, «това» два раза 97, «тева» 98, въ грамотѣ 1433, № 49—50 встрѣчается «мене» пять разъ, «мена» четыре раза, «тева» два раза, «това» четыре раза, «това» три раза. Вмѣсто обыкновеннаго «вола» я читаю въ двинской грамотѣ XV вѣка (ак. юр. 110) «вола». Гораздо позже выступаютъ формы «мазья» и т. д., но уже въ московскихъ грамотахъ XIV вѣка находимъ фразу «по всемъ поповамъ» № 21, 22 (стр. 32, 34), какъ будто бы множ. число собирательнаго «поповъ»: «поповъ» къ ед. числу «попъ».

Если разсматривать переходъ *e* въ *я* какъ чисто звуковое явленіе, безъ содѣйствія посторонняго фактора, неразгаданнымъ остается притоворѣніе между переходомъ *e* въ *я* и *e* въ *ѣ*, почему; «бѣляѣ, житьѣ», а «князьѣ, мужья»? Не руководился ли языкъ здѣсь въ звуковыхъ переходахъ не только чисто физиологическими причинами, а также вліяніемъ важной категорїи числа? Не перешло ли въ «мужья» и т. д. *e* въ *я* какъ разъ потому, что это были формы множественнаго числа, въ которомъ языкъ могъ сослаться на окончаніе *a*, потому что оно было ему знакомо со словъ средняго рода, между тѣмъ какъ *ѣ* (*jo*) втянуло бы эти формы въ категорїю словъ единственнаго числа? Какъ же объяснить тогда формы единствен. числа «меня», «тебя»? Тутъ, мнѣ кажется, вѣхомолку вліяла аналогія несуществующаго сразу

винительнаго падежа «мѣ, тѣ». Нынѣшнія формы мн. числа «деревьѣя», «каменьѣя» перешли рядомъ съ «брѣтъѣя», «господѣя» и т. д. въ множ. число изъ собирательнаго значенія единственнаго числа, конечно тоже подъ сильнымъ вліяніемъ категоріи числа; собирательное слово какъ заключающее въ себѣ множество, перешло въ силу категоріи числа изъ единственнаго въ множ. число. Обязанность исторіи языка состоитъ именно въ томъ, чтобы опредѣлить по возможности точно время этого перехода. Въ грамотахъ 14—16 столѣтій мы находимъ еще склоненіе собирательныхъ по старинному, въ ед. числѣ: въ грам. 1518 года (акты юрид., стр. 165) при ед. числѣ «на пни», для мн. числа сказано: «а на пеньѣ грани кладены»; въ грам. начала XVI вѣка (тамъ же, стр. 166): «а которое деревье ...на томъ деревни»; въ сборникѣ XV—XVI в. рум. муз. № 358 (бѣлорусскомъ): «овы на колыѣ посажа» (Бул. ист. христ. 702), «на колы» ib. 704 (или «на колѣхъ»). Въ акт. арх. эксп. I, № 167, стр. 164 (1539 г.): «внѣчь кнутѣемъ». Въ московскихъ духовныхъ грамотахъ XIV—XV вѣка, гдѣ о драгоценной утвари рѣчь идетъ, употребляется постоянно «каменьѣ» въ единственномъ числѣ, въ смыслѣ драгоценныхъ камней. Въ томъ только случаѣ, если предшествовало числительное, могло уже въ XV столѣтіи собирательное имя переходить въ множ. число; въ грамотѣ 1483 года, № 233 (въ актахъ юрид.) читаемъ: «четыре стожа» (вм. «четыре стожи» или «четыре стога», отъ собирательнаго «стожа»). Извѣстное мѣсто ипатской лѣтописи «начаша мерткы падати, акы сноповѣ» 584—представляетъ, должно быть, существительное собирательное средняго рода.

Слова проф. Соболевскаго «великорусскіе говоры не знаютъ перехода ударяемаго *e* въ *a*» (стр. 65) высказаны м. б. слишкомъ рѣзко и рѣшительно, но и мнѣ кажется, что малорусское «каміння» и великорусское «каменьѣя» развились самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Въ связи съ довольно поздними формами «дворяня» вм. «дворяне» — онѣ появляются съ конца XV столѣтія, сл. напр. въ грамотѣ 1529 года (акт. юрид., № 264):

«которые крестьяна» — могли бы имѣть нѣкоторое значеніе именительные падежи мн. числа ипатской лѣтописи очень часто оканчивающіеся на ѣ: «воарѣ» 581, 583, 591 и т. д., «татарѣ» 522, 523, «гражанѣ» 522, «изманатанѣ» 518, «галичанѣ» 506, 514, 521, «верестланѣ» 587, «козланѣ» 520, «хольманѣ» 583, «воровѣ» 584, «царевѣ» 592, «лаховѣ» 582, 584, «сыновѣ» 600, «татаровѣ» 563, 588 и т. д. Не хочу этимъ сказать, что въ правописаніи съ ѣ кроется прямо зародышъ позднѣйшаго я, но если наклонность къ написанію ѣ въ выше приведенныхъ примѣрахъ не дѣло случайное — припомнимъ еще изъ московской грамоты 1368 года, относящейся довольно чутко къ разницѣ между е и ѣ: «воарѣ» 47, 48 — то можно бы изъ упомянутыхъ примѣровъ вывести заключеніе, что уже тогда существовало особенное произношеніе гласной е въ концѣ выше упомянутыхъ словъ; можетъ быть это окончаніе уже тогда не совпадало съ обыкновеннымъ е, а слышалось, нѣсколько протяжнѣе, широкое ё; такимъ образомъ изъ «татаровѣ» могло образоваться «татароѣ»: «одного врата убили татароѣ за другого врата» (Вост. опис. рук. Рум. муз. 492); сл. именит. падежъ мн. ч. «рыволоѣ» акт. арх. эксп. № 142, стр. 113 (1506 г.) и «рыволоѣ» тамъ же стр. 332, № 286 (1574 г.).

«Переходъ а въ е» (стр. 66—68) рассказываетъ кой-о-чемъ мало вѣроятномъ. Въ сущности нѣкоторое значеніе имѣетъ только переходъ неударяемаго я въ е, слѣды котораго могли бы быть доказаны по памятникамъ, по крайней мѣрѣ съ XV столѣтія. Уже въ кievской псалтыри 1397 года (если можно положиться на отрывокъ, напечатанный у Срезневскаго) находимъ: «прозвѣла» 268, «звѣцѣма» 269; въ маргаритѣ 1499 г. (опис. рук. свод. II, 2, 124) «звѣць извѣгши не темета»; въ грамотѣ 1478 года (Русск. лив. акты 233): «тисеча летъ», и въ московской грамотѣ 1481 г. (I, 267) «въ тысячю рублевъ». Даже такой сильно распространенный примѣръ, какъ «смышевъ» въ московскихъ грамотахъ см. «смышавъ» (сл. грам. 1388 года, стр. 55 «что ты смышавъ» 2 раза, 1389, стр. 62, 1428, стр. 86, 88 и

т. д.) и нерѣдко повторяющіяся формы «лошма», «рухла» — не обратили на себя вниманія автора, вспомнившего на стр. 71 о «ястребѣ» вм. «астревѣ», но забывшаго указать на «зайца» черезъ «заеца» вм. «залаца». Сличн также «на поесницѣ» Калач. I. 522 (е вм. я). Припомнимъ еще разницу между нынѣшнимъ «нынче» и старымъ «нынѣча» или даже «номѣча», напр. въ моск. грамотѣ № 33 (1388 года). Одну часть относящихся сюда слушаевъ читатель «лекцій» найдетъ, не знаю почему, подъ главою толкующей объ «аканьѣ» (на стр. 70). Но какое отношеніе къ «аканью» имѣеть «кнежѣ» вм. «княжѣ» или «паметь» вм. «память»?!

V.

Глава «аканье» (69—73) толкуеть о разнообразныхъ явленіяхъ, по большей части не подходящихъ подъ это заглавіе. Если бы авторъ подъ «аканьемъ» хотѣлъ вкратцѣ охарактеризовать «московскій говоръ», то и это хорошее намѣреніе попало бы здѣсь не въ свое мѣсто. Если же онъ всѣ явленія русскаго языка, вызванныя по его выраженію «ослабленіемъ мускульнаго усилія при произношеніи» подводитъ подъ «аканье», то я позволю себѣ это опредѣленіе назвать не вполне удачнымъ. Предоставляю физиологамъ рѣшить вопросъ, произошло ли дѣйствительно произношеніе о какъ а отъ «ослабленія мускульнаго усилія». Я знаю только¹⁾, что для гласной а хочется бѣльшаго отверстія рта, чѣмъ для о; сомнѣваюсь, чтобы это болѣе широкое раскрытіе губъ доказывало «ослабленіе мускульнаго усилія»? Сомнѣваюсь также, чтобы тѣ явленія, о которыхъ здѣсь какъ о признакахъ «аканья» рѣчь идетъ, свойственны были исключительно акающимъ нарѣчіямъ

¹⁾ В. Даль говорить объ акающихъ, что они строятъ губы кувшиномъ, акающихъ же называетъ зѣворотыми и полоротыми. Наблюденіе это и по физиологич — вѣрно.

русскаго языка. Быстрота произношенія неударяемыхъ слоговъ и въ связи съ ней нѣкоторая неопредѣленность гласныхъ всѣхъ этихъ слоговъ въ сравненіи съ преобладающею силою и значеніемъ ударяемаго слога и гласной его—эта замѣчательная черта русскаго языка не зависитъ только отъ «аканья», т. е. отъ произношенія неударяемаго *о* какъ *а*, она стоитъ въ связи съ преобладаніемъ ударенія въ русскомъ языкѣ, распространяется гораздо дальше аканья, обнимаетъ не только бѣлорусское и южновеликорусское нарѣчія, но также сѣверновеликорусское окающее, уступающее развѣ только въ произношеніи буквы *о* тѣмъ двумъ. Въ доказательство приведу изъ олонецкихъ былинъ: «жанихъ», «жаланный»; изъ образцовъ у Колосова: «красавицъ хорошіѣ», «завтрешній день», «мизинецъ» и «мезинецъ» и т. д. Я нахожу и въ этихъ примѣрахъ доказательство быстрого произношенія, вслѣдствіе чего гласныя неударяемыхъ слоговъ, не доходящія до полнаго развитія, склонны къ переходамъ, или лучше сказать, производятъ на прислушивающагося къ произношенію и записывающаго не по привычкѣ, а по впечатлѣніямъ слуха, впечатлѣніе то того, то другого звука. То же самое легко подтвердить большимъ количествомъ примѣровъ изъ древнерусской письменности, памятниками не только акающихъ, но также окающихъ областей. Напр. въ грамотѣ сѣверной, напечатанной у Куника-Напѣрскаго № 16: «срочужикмь»; въ первой новгородской лѣтописи рядомъ «да плещи» и «да плече», стр. 170 фотолиногр. изданія; въ той же лѣтописи пишутъ «тронцкон» и «тросецкон»; въ шпатской лѣтописи, стр. 81 «истеннаго», 424 «черноризица»; въ новгородскомъ требникѣ XIV-го вѣка: «ременица»; примѣръ «вилнок» въ новгор. кормчей 1283 года (Срезн. 238) можетъ быть описка; въ палѣ новгородской XIV вѣка (по отрывкамъ у Тихонравова, Пам. Отреч. лѣт. I): «внеде» 96, «патрларскѣ» 101, какъ настоящее время: «покантеса, разгнѣванте» 124; въ грамотѣ 1300 года, Витебской, Срезн. 240: «своие» (вм. свое); въ грамотѣ новгор. XV вѣка (акты юрид., № 260): «тын села досташетца» (вм. -шатца), «не въступатци» (вм. -ца); въ двинской грамотѣ

XIV—XV в. (тамъ же, № 71): «**Фванъ**» (вм. «**Иванъ**», можетъ быть впрочемъ вм. «**Юванъ**», какъ **Иорданъ** вм. **Юрданъ**?), «**Илагѣино**» вм. **Иліинъ**, «**одирнъ**» возлѣ **одернъ**, **одеринъ**; въ грамотѣ 1491 г. (сѣверной ак. юр. 13): «на **ревинку**» (вм. «**равинку**»), «**тридцеть**» (вм. «**тридцать**»), «не **вереме** намъ **было**» (вм. «**верема**»); въ грамотѣ 1503 года (ак. юр. 19): «спусте на **третей** **день**» (вм. «**спуста**»), въ грам. 1498—1505 г. (ак. юр. 14—15): «отъ **великаго** **повѣтра**», въ грамотѣ Вишерской (тамъ же, стр. 415): «отъ **Бѣшера** **рядомъ** съ **снзъ** **Бѣшеры**»; въ грамотѣ 1509 г. (область рѣки Устомы): «**лѣсы** и **земла** **кнажо** **Геменовы** **жы**» (вм. «**же**») ак. юр. 164; въ гр. 1568 г. (ib. 126) «**кузница**» (вм. «**кузница**»); въ рук. троиц. серг. лавры XVI в. (Тихонравовъ. Отреч. кн. II 392) «**спенье** **гнеть**»; въ грамотѣ Устюжской 1622 года (тамъ же, 398): «по **мирскую** **улицу**» **рядомъ** съ «**улицу**», и т. д.

Примѣровъ вообще не такъ много, какъ бы можно ожидать по образцамъ нынѣшняго физиологическаго записыванія, но это доказываетъ только или извѣстную начитанность со стороны писцовъ, силу установившейся привычки, или же большую опредѣленность и внятность тогдашняго произношенія. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, эту сторону древнерусскаго вокализма надо было изложить полнѣе и не подводить всѣхъ отдѣльныхъ явленій подъ общее начало «аканья». Скажу кстати, что на примѣръ «**домачадець**» (стр. 69) нельзя указывать какъ на доказательство аканья; это слово писалось съ **а** уже въ церковнославянскомъ языкѣ. Зато изъ сѣверныхъ грамотъ, гдѣ оканье выходитъ изъ предѣловъ этимологій, можно было привести нѣсколько случаевъ, характеризующихъ большую наклонность нарѣчія къ гласной **о**, какъ напр. «**отъ**» вм. обыкновеннаго «**атъ**»: въ новг. лѣтоп. I. 27 (стар. изд.): «**отъ** **понадемъ**», въ грамотѣ новгородца Климента (Срезн. малозв. пам. № 35) читаемъ: **данте** **ки** **четверть**, **отъ** **не** **боудеть** **голодна**; сл. также «**отче** **начнеши**» (вм. обыкновеннаго «**аче**») въ кормч. новг. XIII в. Ист. библи. VI, 123. Къ примѣрамъ же, вошедшимъ въ употребленіе въ нынѣшнемъ правописаніи по

московскому произношенію съ *а* (какъ «калачъ» вм. «колачъ»), прибавимъ еще слово «баранъ» вм. формы съ *о* «воранъ», какъ писалось въ старину; въ домостроѣ «воранъ» (но тамъ же «воранинъ» и «варанинъ»); акт. юр. быт. Калач. I. 103 (—1462 г.): «воранъ», акт. арх. эксп. 1596 г., стр. 458: «дѣсать ворановъ»; «поромъ» рекомендуетъ нынѣ академическое руководство вмѣсто вошедшаго въ употребленіе «паромъ», въ старину тоже писалось черезъ *о*: «въ поромъ выхѣдитъ» акт. юр. 1585 г. (стр. 251); вм. «канатъ» въ старину писали «коматъ»: «коматъ тамуты» акт. юрид. 330 (1642 г.). Возлѣ обще принятой формы судакъ для названія рыбы имѣется еще и теперь въ простанородномъ языкѣ форма судѣкъ; изъ преданій старины я могу засвидѣтельствовать только это послѣднее произношеніе: «сто судѣковъ» акт. арх. эксп. I, № 66, стр. 49 (о. 1460 г.). Точно такъ въ старину писали только «змахоръ», сл. акт. юр. № 4, стр. 7 (до 1490 г. Калач. I. 170. Описка ли «до нога» вм. «до нага» Калач. I. 194 (1547 г.)?

VI.

Продолжительныхъ кропотливыхъ изслѣдованій хочется для того, чтобы со временемъ всѣ особенности древнерусскихъ нарѣчій или говоровъ вышли наружу; пока мы подбираемъ только камешки и укладываемъ ихъ въ родѣ мозаики въ картину, которой намѣчены до сихъ поръ только главные очертанія. Большая часть явленій, о которыхъ рѣчь шла въ предыдущихъ замѣткахъ, разсѣяна по памятникамъ на подобіе пятнышекъ, недостаточныхъ для опредѣленія характера цѣлаго типа. Кто не чувствуетъ, насколько мелокъ и хрупокъ матеріалъ, которымъ мы поневолѣ должны пользоваться для постройки зданія!? да и въ достаточномъ количествѣ онъ не попадаетъ. Такъ-то мы почти и не выходимъ изъ недоумѣній; наталкиваясь постоянно на пробѣлы, мы прибѣгаемъ къ догадкамъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Но мнѣ кажется, что въ главѣ, толкующей «о мелкихъ явленіяхъ

въ исторіи гласныхъ» (стр. 73—74), число догадокъ увеличилось нѣсколькими ненужными соображеніями. Новгородскому говору приписывается какое-то особое чередованіе и съ *е* на основаніи такихъ примѣровъ, какъ «теорица», «пригратишннн», «вцистѣ». По моему «теорица» написано просто потому, что въ подлинникѣ, съ котораго списано, стояло «теорѣца», и «пригратишннн» или «вцистѣ» по той же причинѣ; я убѣжденъ, что незѣрно выводить отсюда для живого языка произношеніе «чистѣ» рядомъ съ «честѣ». Въ доказательство же, что встарину нерѣдко передавали окончаніе *иѣ* черезъ *иѣ* (ударяемое и вслѣдствіе мягкости слѣдующей согласной узко, нѣсколько закрыто, произносимое *e*), приведу изъ ипатской лѣтописи: «комѣца» 399, «сьмоѣца» 407, «Ростовѣца» 409, «младивѣца» 415, «теорѣца» 431 и т. д.; тамъ же «чѣстѣ» 404. Какъ въ ипатской лѣтописи не будемъ вслѣдствіе этого искать новгородскихъ элементовъ, такъ и въ написаніяхъ «теорица» и т. д. не нужно придавать слишкомъ много значенія единичнымъ примѣрамъ, совпадающимъ съ указаннымъ орфографическимъ приемомъ ипатской лѣтописи. Очень сомнительно такъже предположеніе, что примѣры возвратнаго мѣстоимѣнія *си* (см. *ся*) непременно вызваны тѣми очень немногочисленными случаями, гдѣ уже въ церковномъ языкѣ писалось *си* (стр. 74). Не лучше ли допустить переходъ неударяемаго *ся* въ гласную, вслѣдствіе ея неопредѣленности трудно уловимую, такъ что произношеніе иногда было похоже на *си*? Трудно согласиться съ авторомъ, когда онъ на основаніи примѣра «завуениа», найденнаго, кажется, только разъ, дѣлаетъ выводъ, что тогда уже говорили и «вуль» (стр. 74).

VII.

Въ статьѣ «Отпаденіе и выпаденіе чистыхъ гласныхъ» (стр. 74—78) поражаетъ безцеремонность, съ которою проповѣды-

вается «исчезновеніе ѣ» въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. прилагательныхъ и мѣстонменій, какъ «доброѣ», «тоѣ»; изъ «доброѣ», «тоѣ» образовалось-де нынѣшнее «добрѣ», «тоѣ» такимъ образомъ, что прежде всего ѣ исчезло, а послѣ исчезновенія его осталось ј: «добрѣ, тоѣ». Съ этимъ мало вѣроятнымъ, грубо механическимъ объясненіемъ соперничаетъ развѣ только догадка автора, что найденные имъ нѣсколько примѣровъ, какъ «сило» (вм. силой), «мо-литво» (вм. молитвой), «мно» (вм. мной), доказываютъ будто бы непривычку писцовъ передавать въ письмѣ новыя формы «силоѣ, молитвоѣ, мной!» Не проще ли подозрѣвать въ упомянутыхъ примѣрахъ описки? а вмѣсто исчезновенія ѣ я предпочитаю придержи-ваться такого взгляда, что неударяемое ѣ, въ концѣ слова послѣ гласныхъ о-е-и, въ произношеніи ослабѣвало и слышалось сначала какъ очень краткое е-и, потомъ же изъ сочетаній ое-ои вышло ой, при чемъ доля вліянія на этотъ послѣдній ходъ къ сокращенію принадлежала, должно быть, дательному падежу того же рода и числа. Примѣры съ е вм. ѣ попадаются довольно рано, напр. въ смоленской грамотѣ 1230 года (у Срезн. 224): «оу вольное женѣ», «ис которе земли»; въ такой же грамотѣ 1284 года (тамъ же 238): «грамоты сеѣ»; въ витебской грамотѣ 1300 года (тамъ же 240—1): «свои вратѣ», «шаше вратнѣ», «езъ винное винѣ», «тоѣ обидѣ», «всакоѣ неправдѣ». Еще больше значенія имѣютъ московскія грамоты: «славы наше куплѣ» 1328 года, гос. грам. I, 35, «володимерское волости» 1355 года I, 38, «оу моеи княгини» ib., «ис тамги ис московское» 1356 года I, 40, «ис коломенское» ib. Рядомъ съ окончаніемъ ое попадаетъ, сначала взрѣдка, потомъ же все чаще также окончаніе ом: въ смоленской правдѣ 1230 года по списку F. § 11: «оу свои женѣ»; въ русской правдѣ по синодальному списку: «оу которон татѣѣ» (Мроч. Дрозд. 56); «първон женѣ» (ib. 60), «судинон мѣри» (род. падежъ, рядомъ съ «двою оужю»); въ грамотѣ новгородской 1270 года: «изъ инон волости новгородскои», «разе ратнои вестѣ» (Шахм. 242), «ѣ свои вратнѣ» Напьер. № 9 (1301 года), «изъ инон волости» 1327 года (Шахм. 262).

Въ московскихъ грамотахъ древнѣйшихъ *о* еще не переходило въ *ои*, но уже въ XIV вѣкѣ встрѣчается *и* вм. *и* или *и*: «не будетъ на немъ милости вожи» 1389 года I, 61 (тамъ же «у вольшинъ братью»), «взъ всакии хитрости» (тамъ же на стр. 64, но на стр. 57 «взъ всакии хитрости»); въ грамотахъ XV столѣтiя: «из мози штчинъ» 1449 года, Иван. № 17, «грамоты мози» 1451 года, Иван. № 19, «из мози Штчинъ» 1472 года ib. № 23. Колебание между *е* и *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, послѣ гласной, видно также въ другихъ примѣрахъ, гдѣ *е*-*и* не сократилось въ *й*: «покажи» и «покаже» въ грамотѣ московской 1433 года I, 104; рядомъ съ «которыи воле» 1388 года I, 57 пишется «которыи воле» 1389 года I, 63. Окончания эти потомъ стали различать по роду, *и* вошло въ употребленiе для мужескаго, *и* и *и* для женскаго и средняго рода; напр. въ московской грамотѣ 1341 года I, 36: «которыи люди», гр. 1388 года I, 56, и 1389 I, 63 «которыи суды», гр. 1388 года I, 56 «которыи слуги», гр. 1389 года I, 63 «черными людьми»; напротивъ: «которыи деревни» 1389 года I, 60, («села) «которыи тагли» 1389 года I, 59 и т. д., но это правило не безъ исключенiя: гр. 1356 года I, 39, «численныи люди», «купленныи вортницы», или «ингыи которыи пошлынныи» акт. археогр. I, 2 (1361 — 1364), «горными орамыи зимаи» двинс. грам. XV вѣка (акт. юрид. № 71, 4).

Переходъ формы «вѣдѣ» въ «вѣдѣ» состоялся тоже не прямымъ исчезновенiемъ *ь*, а сокращенiемъ «вѣдѣ» черезъ «вѣдѣ-вѣди» въ «вѣдѣ». Сокращенiе неударяемаго *е* или *и* въ концѣ слова, въ открытомъ слогѣ, можетъ быть засвидѣтельствовано не только вышеупомянутымъ случаемъ перехода *ои* въ *ои*, но еще такими примѣрами, какъ окончанiе неопредѣленнаго наклоненiя *и* (вм. *и*), окончанiе нѣкоторыхъ нарѣчiй или падежей, употребляемыхъ въ качествѣ несклоняемыхъ оборотовъ, и т. д. Проф. Соболевскiй не хотѣлъ бы *и* неопредѣленнаго наклоненiя выводить изъ *и* (стр. 117 и 181), но хотъ бы и прочесть нѣкоторое влiянiе на это сокращенiе со стороны дости-

гательнаго *мз*, — впрочемъ это еще вопросъ, можетъ быть скорѣе сокращенное окончаніе неопредѣленнаго *мъ* ускорило смѣшеніе съ нимъ, слѣдовательно и потерю достигательнаго — все таки необходимо допустить, что окончаніе *мъ* относится къ полному *ми* неопредѣленнаго наклоненія точно такъ, какъ напр. «домовъ» къ «домови» или «доловъ» къ «долови» (см. примѣры въ грамотѣ 1230 г. у Срезн. стр. 224, госуд. грам. I, 52, псков. лѣтоп. I, 181 и т. д.) или какъ частица «будь» въ «ни будь» къ полному «вудн» (полная форма оставалась очень долго въ употребленіи, сл. напр. «кто ни вудн» акт. археогр. I, № 5, 1361—5 г., «накова крѣпость ни вудн» акт. юрид. 151, 1567 года), или какъ нынѣшняя частица «де» къ прежнему «ден» («ден») встрѣчающемуся въ грамотахъ очень часто: «а лежать ден тѣ пустоши», «слѣсомъ ден поросши» 1478 года Иван. № 23, «что ден вымениамъ» 1483 года *ib.* № 25, «въ тѣ ден въ ихъ лѣсъ» 1485 года *ib.* № 26, «иже дѣи нашеи вратѣи много вывело» русск. лив. акты 242, XV в., «ино дѣи князь понмавъ ихъ держитъ» *ib.*, но въ грам. 1642 года, *Ив.* № 66^а «въ коломенскомъ де уѣздѣ», наконецъ какъ «мать» и «дочь» къ прежнему «мати», «дочи» (ср. напр. форму «мати» въ москов. грамотахъ I, 80, 83 и т. д., «дочи» въ двинск. грамотѣ XIV—XV в. акт. юр. № 71, стр. 112, шпат. лѣт. 538).

Параллельно съ «вѣдь» изъ «вѣдѣ» идутъ «прочь», «опрочь» изъ «прочи», «опроче» (въ москов. грамотахъ чередуются «опроче» и «опрочь»), «лишь» изъ «лише» (сл. «лише» въ смоленской правдѣ § 19), «ужь» изъ «уже», «ижь» изъ «иже». Для сокращенія безразлично, оканчивается ли первоначальная форма слова на *ъ* или *е* или *и*. Поэтому и форма «хотѣ» предполагаетъ переходъ въ «хоть» черезъ «хѣта-хѣте-хѣти»; «хоти» изъ «хѣта» напоминаетъ «си» изъ «са», сокращенію «си» въ «съ» соответствуетъ форма «хотѣ» изъ «хѣти», полную форму «хѣти» можно засвидѣтельствовать: «хѣти до десяти сведовъ» акт. арх. эксп. I № 150 стр. 121 (1509 г.). Укажу еще на примѣръ «въльшъ» вм. «въльша» черезъ «въльши», въ грамотѣ 1300 года (у Срезневскаго 240)

читаемъ: «какъ то бышь инне людие вошанса», «то шни бышь на та не жалобанн».

Переходъ изъ ю въ ѣ состоялся тоже посредствомъ произношенія неударяемаго въ концѣ слова стоящаго открытаго ю какъ $и=e$, такъ что изъ полнаго ою, ею посредствомъ *ои-еи* образовалось *ои-еи*. Къ примѣрамъ перехода ю въ и послѣ согласной прибавлю еще «межи» вм. «межю». Въ русскихъ памятникахъ окончаніе и въ этомъ словѣ («межи») — явленіе очень любимое, см. «межи снмъ» въ монаст. уставѣ XII в. Срезн. 185; въ новг. лѣтописи I, 59, 100: «межи собою»; въ московскихъ грамотахъ съ конца XIV вѣка пишутъ уже «межъ»: «межы насъ» гр. 1371 года № 31; изъ «межи» или по твердому произношенію «межю» сокращеніемъ выходитъ «межъ», изъ «промежи»: «промежъ». Въ смоленской правдѣ (1220—1230) въ рукописи А. (самой старшей) «промяжю», въ В. С. «промежи», тамъ же А. «мъжю», Д. «межю»: В. С. Ф. «межи», Е. «мѣжи» и т. д.

Къ примѣрамъ отпаденія гласной въ концѣ слова можно бы причислить еще «покамѣстъ» вм. прежняго «покамѣста» («покамѣста и монастырь стонтъ» грам. 1367 года, акт. юр. № 125), но здѣсь сокращеніе произошло должно быть въ соотвѣтствіе выраженію «до тѣхъ мѣстъ». Въ «оваполъ» (грам. лит. 1387 года у Срезн. 267) вѣроятно произошло сокращеніе изъ «оваполъ», по аналогіи съ «ов онъ полъ».

Есть примѣры выпаденія гласныхъ съ предшествующимъ сокращеніемъ. Изъ «коликко», «столикко» вышло «колько», «только»: новгор. гр. 1327 года: «сколько воудеть далъ» Шахм. 262; изъ «алюво» образовалось «альво»: «хто коли сию грамоту ендитъ алюво слышнть» грам. 1387 г. литовская, у Срезн. 266, «алюво вратъ, алюво ннѣе которые люди» ib., «русинъ алюво руска» гр. 1349 года Смирн. стр. 59, «продати, алюво кому дати, алюво къ монастырю придати» гр. 1492 года Смирн. 100, — напротивъ: «рѣкою Нѣмною алюво сухимъ путемъ» грам. 1576 года Смирн. 122. Изъ «дѣла», употребляемаго въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ, образовалось «для», несомнѣнно

посредствомъ промежуточнаго * «дѣла», * «дѣла». Изъ бывшаго «нынѣча» вышло черезъ «нынѣча» и «нынича» (въ моск. грамотѣ 1433 года, гос. гр. I, № 49—50: «что ми са вси нынѣча отступмаъ», «что ти са есмь нынѣча отступмаъ») нынѣшнее «нынча, нынче». Формы «старшій», «старшина» вышли изъ «старѣншій, старѣншина» посредствомъ «старншій, старншина, старншинство»: въ московской грамотѣ 1389 года I, 61 «старншнему», тамъ же I, 58 «на старншини путь», въ гр. 1433 года I, № 49, стр. 100: «съ старншинствѣ».

Не думаю, что бы случаи добавочнаго и въ началѣ нѣкоторыхъ звуковыхъ сочетаній могли быть объяснены простымъ смѣшеніемъ двухъ различныхъ предлоговъ «изъ» и «съ», какъ это кажется проф. Соболевскому на стр. 77. Наклонность языка къ такому и, должно быть, предшествовала упомянутому смѣшенію двухъ предлоговъ. Примѣры, попадающіеся въ грамотахъ юго-западнаго края: «при вѣводѣ илевскомъ» (1371 года), «своевода илевъскыи» (1400 года), «илевскаго мѣста» (сучав. грам. 1407 — 1434 годовъ), свидѣтельствуютъ о томъ, что это и является и помимо предлога «ис», хотя послѣдній случай самый обыкновенный; сл. «ис королевъ» 1340 года, «ислювѣемъ», «исполма», «сучинити исправу ис нимъ» тамъ же; «пonti ис татаръ» 1349 года Смирн. 59.

Проф. Соболевскій полагаетъ, что примѣръ «рыку» не имѣетъ ничего общаго съ прочими случаями сокращенія, и потому выпаденія гласной внутри слова. По моему это не совсѣмъ вѣрно. Указаніе на чешскій языкъ, гдѣ тоже имѣется «ѣки» не заключаетъ еще въ себѣ доказательства, что ѣ въ настоящемъ времени глагола «реку» относится къ «древнѣйшей обще-славянской эпохѣ». Если бы это было такъ, то мы ожидали бы во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, стало быть и южно-славянскихъ, формы, производимыя изъ «рыкъ», какъ мы дѣйствительно находимъ въ сербскомъ мрѣм, трѣм (и тѣрѣм). Формы «рыку», «ркомакъ» и т. д., встрѣчающіяся въ древнорусскихъ памятникахъ очень часто, развились подъ вліяніемъ аналогіи повелительнаго

наклоненія, какъ въ русскомъ такъ и въ чешскомъ языкѣ, но въ каждомъ самостоятельно. Къ глаголу «ръну» можно прибавить также иныя формы глагола «жѣщи—жѣгу»: и здѣсь языкъ русскій чаще сокращаетъ коренное *e* въ *ь*, чѣмъ церковнославянскій.

Вмѣсто «пуговица» встарину писали правильнѣе пугвица (сл. Калач. юр. б. I. 563); нынѣшняя форма слова образовалась, должно быть, подъ вліяніемъ параллельной формы пуговка.

Къ очень коротенькой замѣткѣ относительно стяженія гласныхъ (на стр. 79) прибавимъ слѣдующее. Авторъ относится черезъ-чуръ скептически ко всѣмъ примѣрамъ стяженія, найденнымъ имъ въ памятникахъ. Допустимъ, что примѣры его дѣйствительно не заслуживаютъ большого довѣрія, но есть вѣдь другіе, вполне убѣдительные. Въ московской грамотѣ 1433 года (гос. грам. I, № 49—50, стр. 104) два раза написано «сказывашь»: «а что сказывашь знамалъ еси», «на кабалахъ, сказывашь, то сервро еси подписалъ». Повтореніе той же формы ставитъ ее выше всякихъ подозрѣній; какъ вставка, въ родѣ «бишь» (т. е. башь), она легче всего поддавалась сокращенію, такъ что «сказывашь» можетъ быть не настоящее стяженіе, а сокращеніе быстро проносимаго: сказываешь : сказывайшь : сказывашь. У автора не указанъ ни одинъ примѣръ употребленія словъ «инъ», «ини», «иню» въ смыслѣ и значеніи «и онъ», «и они», «и оно» во второй части сложнаго предложенія или періода. Мнѣ кажется, что здѣсь «инъ» дѣйствительно образовалось, хотъ и не стяженіемъ изъ «и онъ», такъ выпаденіемъ *o* какъ менѣе важной гласной, чѣмъ союзъ *и*: «а си грамота аже вудеть князю нелюва, инъ отошлетъ» № 31 стр. 53, 1371 года, «а вудеть князь.. съ литею въ лювен, иню и Олегъ.. въ лювен» № 32 р. 54, 1381 года; «а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, ини исправу учинати» № 33 стр. 56, 1388 года, «а тѣ (т. е. земли) хто возмежетъ выкупити, инѣ выкупатъ; а не возмогутъ, инѣ потанутъ къ чернымъ людемъ» ib. «а потомъ ина дастъ (с. княгини)» № 39, 1406 года.

VIII.

«Исторія согласныхъ звуковъ» (стр. 80 — 104) построена по той же мало удовлетворяющей системѣ, какъ исторія гласныхъ. Намъ пришлось бы повторить нѣкоторыя возраженія, сдѣланныя уже выше (см. на стр. 30—31), если бы захотѣли войти въ подробности. Изложеніе касается сначала «слѣдствій исчезновенія глухихъ», они представлены въ столь обширныхъ размѣрахъ, что почти всѣ звуковыя перемѣны, относящіяся къ согласнымъ, вытекаютъ изъ одной этой причины. Нельзя дѣйствительно отрицать, что «исчезновеніе глухихъ» отозвалось въ языкѣ, не сразу, а мало по малу, длиннымъ рядомъ сближеній между согласными, состоявшихся послѣ паденія бывшихъ перегородокъ. Но только не многія изъ этихъ сближеній водворились въ языкѣ какъ общее правило не только для устнаго произношенія, а также для передачи въ письмѣ (напр. «здравъ — здоровъ»); въ большинствѣ случаевъ сближеніе ограничивалось устнымъ произношеніемъ, въ письмѣ же мелькаютъ слѣды его лишь какъ ускользнувшія отъ вниманія писцовъ исключенія. Казалось бы, оба эти случая не должно смѣшивать; но у автора различіе между примѣрами какъ «здоровъ» (вм. бывшаго «съдоровъ», «сдоровъ») и «з дѣтьми, з голода» (вм. съ дѣтьми, съ голода) не проводится. Въ живомъ произношеніи языкъ подчиняется физиологическимъ законамъ, которые и въ наиболѣе усовершенствованномъ фонетическомъ правописаніи могутъ быть лишь отчасти выражены. Въ древнерусской письменности историческое уваженіе преданія было сильно развито; правда, что историческая переносчивость такимъ образомъ застигла многія физиологическія особенности древне-русскихъ нарѣчій, но не надо вѣдь забывать, что этотъ недостатокъ, чувствительный для филологовъ, окупался той громадною службою, которую онъ сослужилъ идее народнаго единства. Живучесть же этой идеи не въ малой степени зависѣла отъ единства культурно-

религіознаго, въ которомъ языкъ всегда игралъ видную роль. Итакъ историкъ языка безъ ропота беретъ на себя кропотливый трудъ отыскивать слѣды древнерусскаго произношенія по немногочисленнымъ, лишь случайно и для самого писца незамѣтно ускользнувшимъ отступленіямъ отъ литературнаго преданія. По этому конечно и я не отрицаю значенія для исторіи древнерусскаго произношенія такихъ не очень многочисленныхъ «описокъ», какъ «тъчеръ» — «тъчери» лавр. лѣт. 74, «лотка» (см. «лодка») акт. юр. № 18, стр. 37 (1530 г.) или «за хрептомъ» *ibid.* стр. 275 (1512 г.), или «дорошкою» акт. юр. кал. I, 49, и т. д.

Нельзя сказать, чтобы въ лекціяхъ проф. Соболевскаго было много сдѣлано для достиженія этой цѣли. Подъ заглавіемъ «ассимиляція и диссимиляція» приводится нѣсколько заурядныхъ примѣровъ, вовсе не исчерпывающихъ предмета. Напримѣръ переходъ безгласнаго *c* въ голосовое *z* вовсе не такъ важенъ передъ *b, z, d*, какъ передъ гласными, и передъ *л, р, м, с*, гдѣ онъ указываетъ на различія нарѣчій. Въ великорусскомъ нарѣчій говорится «сверхъ». въ малорусскомъ «зверхъ»; это такая же разница какъ въ этомъ же пунктѣ между нарѣчіемъ сербохорватскимъ и словенскимъ. Въ «лекціяхъ» по исторіи русскаго языка о ней говорится не здѣсь, какъ ожидали бы, а вкратцѣ намекъ сдѣланъ на нее на стр. 77, между тѣмъ какъ о предлогѣ «одъ» см. отъ упомянуто именно здѣсь, на стр. 82. Эта непослѣдовательность автора можетъ произвести невѣрное впечатлѣніе, какъ будто бы оба явленія не были однородны. О переходѣ звука *ж* въ *з* говорится два раза отдѣльно, тогда какъ было бы лучше подвести примѣры «хте» см. «кто» и «махній» см. «мажкій» подъ одну группу. Для прилагательнаго «лахкій» не указано даже ни одного примѣра; приведемъ хоть бы слѣдующій, изъ одной литовской грамоты 1456 года: «авыхомъ имъ мыта полехчманъ», въ рязанской кормчей 7а читаемъ: «аввакчѣмъ». Стоило также рядомъ съ «хте» указать на «лахти», напр. въ Домостроѣ («лахти свои оутверждаетъ на вретено») или «Ѡ лохти» Тихонр. пам. отреч. II. 359, и даже въ предлогѣ: «что х тому сѣщо и к

деревне полагло» въ акт. Калач. I, 449 (1479 — 1556). Гдѣ о переходѣ *к* въ *і* рѣчь идетъ, не слѣдовало обойти молчаніемъ предлогъ «поперегъ» (вм. «поперекъ»), встрѣчающійся уже въ одной юго-западной грамотѣ 1340 года; сл. также акт. юр. № 11 стр. 23 (1504 г.): «поперегъ рѣчки», тамъ же № 19 (1532 г. стр. 39) «поперегъ пола», № 150 стр. 167 (1554 г.) «поперегъ волотца». Появленіе звука *і* здѣсь объясняется, должно быть, такъ же какъ *з* въ «черезъ» вм. «чересъ» («черезъ верестне», «черезъ дорогычннѣ» и рядомъ «чересъ мѣлникъ» грам. лет. кн. 1341 г. Смирн. № 54), т. е. число случаевъ, гдѣ подаваясь вліянію существительныхъ, съ голосовыми согласными въ началѣ, состоялось уподобленіе стоявшей въ концѣ предлога согласной, переходомъ безгласной въ голосовую, увеличилось на столько, что говорящіе и пишущіе привыкли послѣднюю форму предлога считать нормальной. Я убѣжденъ, что и слово «четвергъ» не образовалось суффиксомъ *из*, какъ иные полагаютъ, а вышло изъ косвенныхъ падежей, гдѣ сначала произносилось «четвертъка», потомъ «четверка́», и наконецъ «четверга́»¹⁾; изъ косвенныхъ падежей вынуть по аналогіи именительный «четвергъ» вм. «четвертокъ». Въ памятникахъ XV вѣка попадаются еще обѣ формы: въ грамотѣ югозап. 1422 года «четвертокъ», въ такой же 1426 года «четвергъ».

Къ различнымъ переходамъ, выходящимъ наружу при сочетаніяхъ съ недными, шипящими, согласными не прибавленъ часто встрѣчающійся случай замѣны *ш* звукомъ *ч* послѣ зубныхъ согласныхъ, на чемъ основано нынѣшнее правописаніе «ветчина» вм. прежняго «ветшина», о которомъ я обширно распространялся въ моемъ «Архивѣ» IX, 314. Сличь въ акт. юр. 126 «ветчанъ», тамъ же 249 «молодичухъ», тамъ же 47 «покрадчи», тамъ же 30 «залетчи» вм. «залѣзши», и «перелѣзчи» вм. «перелѣзши», акт. арх. эксп. I, 389 «прочетчи», «ѣдчи» Кал. I. 195. Тамъ же

¹⁾ Мягкость *р* видна изъ такого примѣра: «четвертъка» мон. уст. XII в. Ср. 184; въ корячей XIII в. пишутъ рядомъ «четверга» и «четверка» Ист. библ. VI. 122, 123.

мною объяснено также нынѣшнее «богаче» вм. «богатче» (взъ «богатши»). Не упомянуть также случай перехода группы *сѣ* въ *ше* (вм. *сѣ*), засвидѣтельствованный витебскою грамотою около 1800 г. (у Срезн. стр. 240 — 241): «оу Битвыцѣ», «оу Фмолянцѣ»; сл. «щеголь», вм. «сцѣгль», (серб. цѣгли); *ш* послѣ зубныхъ упрощается въ *ч*: «шестеры ворота тчанны» (вм. дщанны, акт. юр. Кал. I. 225, 1561 г.), «поручикъ» писалось прежде «поруччикъ» (акт. юр. Кал. I. 263, 1646 г.) вм. «поруччикъ»; *ч* передъ *н* слышится какъ *ш* въ нынѣшнемъ «конечно» и т. д., поэтому въ акт. юр. № 259, 1551 г. «останошнему взать останошной и жеревей»¹⁾, сл. Срезн. м. п. № 27: «ключникъ»; Калач. I. 283 «обышныхъ», 293 «пушешная», 361 «урошны», 520 «мельнишного».

Переходъ *тс* въ *ц* не совсѣмъ то, что переходъ *жс*, *шс* и *чс* въ *с*, *ц*; въ первомъ случаѣ собственно и нѣтъ утраты звука, такъ какъ *тс* слышлось въ одинъ звукъ *ц*; напротивъ въ *жс*, *шс* и *чс* (т. е. *тшс*) мы замѣчаемъ утрату шипящей согласной, уступившей передъ свистящей. Къ примѣрамъ, приведеннымъ на стр. 81, прибавлю еще: «съ онѣскіе (вм. онѣжскіе) стороны» акт. юр. 127, «мүскіи» (вм. мужскій) акт. Калач. I, 57.

Наоборотъ въ «шести» *ш* поглощаетъ *с* и образуетъ косвенные падежи «шти» (вм. шьсти), сл. у Собол. стр. 51 или въ псков. лѣт. I, 302 «шти лѣтъ», Калач. I. 86 «со шти сотъ».

Къ случаямъ выпаденія согласныхъ можно бы прибавить еще много различныхъ примѣровъ. Между прочими обращаетъ на себя вниманіе число «седмь», существующее въ формѣ «семь» уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: въ остр. ев. 19 а «съ годнихъ семжъ», въ изб. 1073 года 196 d «данныи семь», мин. 1096, стр. 71: «семаго съвора», въ гал. ев. 1144 г. «семъ» (Бусл. Хр., стр. 45, Амфил.), въ надписи 1161 года «семино съворъ»; въ снв.

¹⁾ Нигдѣ я не наткнулся въ «лекціяхъ» на замѣчательный новгородизмъ «стороеъ» вм. «адороеъ»: «придоша стороеи новг. лѣт. I, фотолит. 25, 101, «придоша стороеи вси» ib. 72, 76, «саши стороеи вси воротимася» 87. И въ лужицко-сербскомъ языкѣ говорится «strouу».

патерикѣ (Срезн. свѣд. м. п. № 82, стр. 51) «часъ семъи», усп. соб. сб. «семакъ нево», «семага неведе» Библ. м. I. 16, 17. Ср. въ моск. грамотѣ 1389 года: «полъ сема ручаи» Г. Гр. I. 61. Выпаденіе *ѡ* въ словѣ «горазно» встрѣчается гораздо раньше, чѣмъ указано въ лекціяхъ, а именно въ послѣсловіи Остромирова евангелія: «горазнѣио». Стоило указать также на выпаденіе *ѡ* въ нынѣшнемъ малорусскомъ «зовуля» и «зазуля», бѣлор. «зязуля» вм. «зегзуля» при старомъ «зигзица» въ словѣ о П. Игор. изд. Потебни 134—135, и въ глаголѣ «разнѣвати»: «разнѣваеъ же са въ» изб. 1073, 145 с., «азъ ражнѣваухъ са» 99 а, сл. у Срезн. малоризв. пам. № 32 (стр. 28): «ражнѣва са», житіе Савы 313 «разнѣваеъ са». Это выпаденіе, случавшееся только иногда, напоминаетъ нынѣшнюю особенность русскаго языка не произносить *ѡ* передъ *н* въ: «двинуть, тянуть»; на повѣрку выходитъ, что уже въ XIII вѣкѣ такое *ѡ* выпадало: «самъ потануть» Шахм. 244 (гр. новг. 1294—1301), но не всегда: «не тагнеть» Шахм. 250, «тагноуло» ib. 251; ср. въ моск. гр. 1388 г. I. стр. 56: «нонѣча потануть», акт. юр. Калач. I. 91 «потануть», ib. 112 «не тануть» (1471 г.).

Если припомнимъ примѣръ «обязать», то конечно каждому понятно, что тутъ изъ сочетанія *ѡѡ* вышло *ѡ*; но не мѣшало бы указать на подобнаго же рода примѣръ въ глаголѣ «овѣстити» (лучше «овѣстити»), вм. *ов-ѣстити*: «и овѣстнаъ съ това» витебск. грам. ок. 1300 у Срезн. стр. 241, руссколив. акт. стр. 27, сл. въ грамотѣ смоленской 1229—30 г. по рукописи D. E. F: «иъ переже овѣстити (vl. шѣстити) имоу» русск. лив. акт. 435. Укажу еще на особенный случай выпаденія *ѡ* въ слѣдующемъ примѣрѣ: «съ верми» акт. юр. 123, (вм. «верми»).

Замѣчу кстати, что мнѣ не кажется правдоподобнымъ производство глагола «очнуться» изъ «очкнуться», я думаю, что «очнуться» вышло изъ «очутнуться» — «очунуться», съ послѣднимъ слѣдъ глаголъ «съчнотиса» или «съчнотиса» въ Истор. библ. VI. 837.

Не упомянуто объ одномъ нѣсколько загадочномъ случаѣ

вставки согласной. Уже въ Остром. евангеліи 103 а читаемъ «зманиѣ», Востоковъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе въ словоуказателѣ, что «зманиѣ» не есть описка, ибо оно встрѣчается и въ другихъ древнихъ рукописяхъ. Дѣйствительно могу указать по крайней мѣрѣ на слѣдующій примѣръ у Срезневскаго, стр. 196: «платитъ акы зманиѣ» (изъ Златоструя XII вѣка).

Въ особенности же можно было ожидать, что авторъ не забудетъ или здѣсь, гдѣ о вставкѣ согласныхъ рѣчь идетъ (стр. 83), или тамъ, гдѣ рассказывается о переходѣ *е* въ *у* и наоборотъ, разъяснить интересный случай согласной *е* въ оборотахъ: «вотчина», «вудѣль» и «вопчій». Такъ какъ эти примѣры попадаются въ московскихъ грамотахъ, то нѣтъ другого болѣе естественнаго объясненія для *е*, какъ сказать, что это формы, сросшіяся изъ существительнаго или прилагательнаго и предлога *еъ*, т. е. изъ именительнаго «отчина» вышло въ винит. падежѣ «е-отчину» и въ мѣстной «е-отчинѣ»; изъ «удѣль»: винит. падежѣ «е-удѣль», мѣстный падежѣ «е-удѣлѣ». Потомъ же привыкшіе къ оборотамъ «е-отчину», «е-отчинѣ», и «е-удѣль», «е-удѣлѣ», вынули отсюда новый именит. падежѣ «еотчина», «еудѣль». Этотъ ходъ развитія можно доказать примѣрами: въ древнѣйшихъ моск. грамотахъ читаемъ «свои отчина» № 27 стр. 44, 1362 г., № 35 стр. 63, 1389 г., «отчину» № 22 стр. 33, 1328 г., № 25 стр. 39, 1356 г., № 26 стр. 41, 1358 г., № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 58, 1389 г., «отчинъ» № 31 стр. 52, 1371 г., № 34 стр. 60, 1389 г., «отчиною» № 34 стр. 59, 1389 г.; первый же примѣръ съ *е* какъ разъ мѣстный падежѣ, съ пропускомъ даже предлога *еъ*, который чувствовался еще въ словѣ, начинающемся съ *е*: «что вуди судмъ когда въ великомъ княжествѣ и вотчинѣ въ свои на Москвѣ» № 24 стр. 38, 1353 г.; въ грамотѣ № 29, 1371 года, пишутъ уже: «еъ вотчину», «еъ мои вотчинѣ», «на свои вотчинѣ», «еотчинъ мои» (2 раза) стр. 49—50. Потомъ уже чередуются примѣры съ *е* съ примѣрами безъ *е*, напр. въ грамотѣ № 38, 1405 года: «еъ вотчину» (5 разъ), «отчинъ» (3 раза), № 39, 1406 г.: «отчиною», № 41, 1423 г. «свою

«отчиню» (2 раза), № 43 — 44, въ первой половинѣ постоянно «отчиню», «отчиню», «отчиню», «отчиню», только разъ «съ отчиню»; во второй же половинѣ постоянно съ *о*, только разъ «съ отчиню» и т. д. То же самое повторяется при словѣ «удѣль»: въ древнѣйшихъ грамотахъ еще безъ *о*: «теом удѣль» № 23 стр. 36, 1341 г., «съ удѣль» № 29, стр. 49, 1371 г., «съ теом удѣль» № 27 стр. 44, 45, 1362 г., «съ теомъ удѣль» № 23 стр. 36, 1341 г., № 27 стр. 44, 1362 г., № 33 стр. 56, 1388 г., и т. д., «удѣла» № 33 стр. 56, 1388 г., № 34 стр. 58, 1389 г., ib. стр. 59, ib. стр. 60 и т. д.; первый примѣръ съ *о* опять какъ разъ при предлогѣ *съ*: «съ вудѣль» № 35 стр. 63, 1389 г., «съ вудѣль» ib. 63, 64 (но рядомъ еще: «съ нашихъ удѣлехъ», «съ удѣла»). И это слово потомъ чередуется съ *о* и безъ *о*: въ грамотѣ № 38, 1405 г. «съ вудѣль» рядомъ съ «съ удѣль» и «удѣла»; № 43 стр. 87, 1428 г. «съ вудѣлехъ», № 46, 1433 г. «съ тотъ удѣль», № 49 стр. 100, 1433 г. «съ отчиню и съ вудѣль». Стоитъ привести еще слѣдующій примѣръ № 54—55, 1434 г. «съ отчиню и съ вудѣль удѣль дади нашего», изъ котораго видно, на сколько оборотъ «к-удѣль» сталъ — постоянной формулою. Такимъ же путемъ изъ «опричь» (№ 35 стр. 64, 1389 г. или № 43 стр. 87, 1428 г.) образовался оборотъ «вопришиню» № 39 стр. 73, 1406 г. (можно бы читать также «вопришиню»). Что касается до «опричь», то вѣроятно здѣсь совпали два различныя выраженія въ одной средней формѣ: «опрочь», «опрочь» и «оприсно» («оприсно того же села» № 54—55 стр. 113, 1434 г. значить то же самое, что въ другихъ примѣрахъ «опрочь»). Рядомъ съ «олухъ» попадаетъ также «волахъ»: «на двѣ олхи да съ волхъ на ель» акт. юр. 136 (№ 103, 1540 г.), сл. также въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71) XIV—XV в.: «Бонъчифора» рядомъ съ «Онъчифоръ», «Бягната» (см. «Игната»), «у Бонъдроникова» рядомъ съ «Ондронъ» стр. 110—111.

О вставочномъ *и*, вызванномъ предлогами *съ* и *съ* при глаголѣ «ати», можно было еще кое-что сказать для поясненія формъ, бывшихъ въ употребленіи встарину. Укажу на существительное

«натѣца», согласная и котораго стоять въ связи съ чутъемъ языка для происхожденія этого слова изъ сложныхъ глаголовъ, оканчивающихся на — «нать», моск. гр. № 44, стр. 87, 89: «хто будеть натцевъ изниманъ», № 35 стр. 64, 1389 г. «натцевъ намъ отпуцати». Встарину писалось еще только «сѣнмакъ» XIII в. Ист. библ. VI, 52, «отнимуть» или «отонмутъ» (моск. гр. 1327. 1328), «отонмати» (1362), «подонмать» (1380), «сѣмалъ» (1389), и конечно: «сѣметьса» акт. юр. 273.

Не подъ «отвердѣнїемъ шипящихъ» (на стр. 94), а подъ заглавїемъ «вставка согласныхъ» (къ стр. 83 — 84) надо было коснуться такихъ примѣровъ, какъ «ицѣло» вм. «изшѣло», потому что «ицѣло» образовалось изъ «из-шѣло», «ис-шѣло», «иш-шѣло» посредствомъ вставочнаго т: «иш-т-шѣло», послѣднее упростилось въ «иштѣло», какъ раж-д-женж (изъ «раж-женж», «раз-женж») въ «ражденж». Въ Остром. евангелїи встрѣчается два раза «ицѣдѣше», «ицѣдѣше», въ минеѣ 1096 г. октябрьской, стр. 20, 22: «рациве». Параллельное упрощеніе сочетанія видно въ «ѣцѣшто» вм. «ѣзъ чѣто» въ усп. сб. XII в. Библ. матер. I. 29.

IX.

Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ излагается въ двухъ различныхъ мѣстахъ (на стр. 84—86 и опять на стр. 90—97); все это можно было соединить въ одно цѣлое, распредѣлить лучше и обставить отдѣльные случаи убѣдительнѣе. Но по моему не совсѣмъ точно говорить вездѣ о отвердѣнїи согласной, гдѣ вм. прежняго ѣ встрѣчается въ письмѣ з. Въ такихъ примѣрахъ какъ «снѣдѣно» вм. «снѣдѣно» (стр. 84) вообще д никогда и не было мягкимъ. Лучше было бы сказать, что здѣсь ѣ исчезло гораздо раньше, чѣмъ оно могло бы подѣйствовать смягченіемъ на предыдущую согласную. Такое исчезновеніе гласной ѣ безъ вліянія на предыдущую согласную зависитъ конечно прежде всего

отъ качества ея: другое дѣло *л* передъ *з*, а другое *т*, *д*, *н*, *б*, *с*, *м*, *с*, *з*, и иногда даже *р* передъ тѣмъ же *з*. Еще до сихъ поръ слышится (съ небольшими исключеніями) «сильный», «вольный», «больной» и т. д., тогда какъ несомнѣнно уже давно говорилось «смутный», «голодный», «дробный», «ровный», «темный», «мирный», «красный», «грозный». Въ синод. корнц. 1282—3 года: «по штиѣ смѣрти» Срезн. 237; въ моск. гр. 1341 г. «у отна гроба», шпат. 422 «отна слуга», шпат. 433 «днина»; «съдокицамаъ» изб. 1076 Срезн. 144 а, «съдока» въ жит. Феодосія XII в. значтъ то же самое, что «едока». Уже въ церковнослав. языкѣ писалось въ неопредѣленномъ наклоненіи «зѣдати» вм. этимологически оправданнаго «зѣдати», поэтому и мин. 1096, стр. 41. 4: «мазѣда», въ сборникѣ 1076 г. «съзѣданомоу» Срезн. 141 а, и въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ «зодчій». Сохраненіе или восстановление мягкости зависитъ также отъ характера слѣдующаго слога, напр. при суффиксѣ *ба* замѣтно большое расположеніе къ мягкости: «свадьба», «ходьба», «косьба», «борьба»; поэтому и «волъжба» (вм. «волъшва», сл. «волшвиникъ»): «се естъ теомъ волъжвамаъ поспѣшникъ» XVI в. Тихонр. II. 118.

Можно жалѣть, что правописаніе древнихъ памятниковъ, передающее слоговое *р* иногда черезъ *ерь*, гдѣ *з* обочна-часть конечно мягкость плавной, не принято во вниманіе для опредѣленія случаевъ мягкости: «перьсты» добр. ев. 1164 г. Бусл. хр. 59, «перьстѣ» прол. 1262 г. у Погод. табл. 13 въ свникѣ, «перьстень» Срезн. мал. пам. № 31, XII в.; «горсть перьсти» XVI в. Бусл. хр. 742, «оскъверниша» сб. XII в. Срезн. 186; «дѣржаву», «дѣрзину» силъв. сб. XIV в. Срезн. сказ. о Бор. и Гл. 39, «перьсеухъ» патер. 1432 г., «въ терьни» гал. ев. Срезн. и. п. № 69, «стерьгающе», «прискерьвна» ib., «прозерьлигьыма», «бкерьже», «верьтепъ», «ис перьва» ник. черн. XII—XIII в. Срезн. и. п. № 55, «недѣлѣ керьвнъы» Ист. библ. VI. 97, «перьво» ib. 119 (XIII в.), «дѣржи» жит. Сав. 237, «скверьзи» ib. 249, «ис цѣрьнигова» новг. лѣт. I. 116, «съпѣрьши» 118; «перьвини» лѣт. лѣтоп. 19 (6370 г.), «очерьвална» ib. 79 (6488 г.), «дѣр-

жить» ипат. 541, «дѣръжахусѧ» ib. 406, «дѣръзнухѣ» ib. 436, «скѣръзи» ib. 401, даже «корьзномѧ» ип. 401, какъ въ евангелии 1266 года (галицкомъ) часто «на литорѧгии» и т. д. Здѣсь можно дѣйствительно говорить о секундарномъ смягченіи согласной *р*, сличить же объемъ подобныхъ случаевъ по древнимъ памятникамъ съ нынѣшнимъ произношеніемъ становится насущной потребностью въ исторіи русскаго языка.

Мягкость окончанія творительнаго падежа единственнаго числа исчезла въ произношеніи должно быть очень рано, т. е. вѣроятно уже въ XI—XII вѣкахъ трудно было отличать ее. Правда, въ памятникахъ этого ранняго времени различіе между мѣ творительнаго ед. ч. и мѣ дательнаго мн. ч. выдержано еще довольно послѣдовательно, но на меня оно не производитъ впечатлѣніе факта, взятаго изъ живого языка, а скорѣе кажется соображеніемъ теоретическимъ, подражаніемъ привычкѣ и преданію, водворившемуся рядомъ съ прочими данными церковнослав. языка. На эту мысль наводятъ меня довольно многочисленныя отступленія даже въ такихъ памятникахъ, въ которыхъ впрочемъ нельзя говорить о строгомъ соблюденіи церковнославянскихъ орфографическихъ приемовъ. Оказывается, что писцы очень часто путали окончаніе дат. падежа *омъ* съ окончаніемъ творительнаго *змѣ* (сл. Козловскій, Исслѣд. о языкѣ Остр. ев. 118); иногда писали въ твор. падежѣ *змѣ*, и на оборотъ въ дательномъ *омѣ*¹⁾; особенно часто употреблялось въ прилагательныхъ окончаніе *ънимѣ* безразлично какъ для дательнаго падежа мн. числа, такъ для творительнаго ед. числа. Для послѣдняго случая укажу на многочисленные примѣры въ минеѣ 1095 г.; по моему изданію сл. 064.20, 090.1, 094.1, 0100.15, 0101.19, 0106.13, 0114.14, 0116.21, 0127.8, 0129.5, 0135.9 и т. д.

¹⁾ Дательный мн. числа «наредѣмѣ моуташтимѣсѧ» изб. 1073, 97с можно считать правильной формой основы *ъ/ц*, но тамъ же 105 а «ратаннѣмѣ гасѣдоумѣтъ» — смѣшеніе дательнаго мн. ч. съ творительнымъ ед. ч.; а въ доказательство окончанія *змѣ* для этого падежа, приведу отсюда же примѣръ: «сеудѣмѣ врьвѣмѣмѣ вожиѣмѣ съвати» (хрѣсти дѣхѣд).

Хорошо сдѣлалъ авторъ, что отнесъ къ случаямъ «отвердѣнія согласныхъ» также окончаніе 3-го лица ед. и мн. числа на *мз* вм. старшаго *мъ*. Безполезно мудрствовать, какъ это дѣлаютъ лингвисты, не имѣющіе понятія объ исторіи русскаго языка, гдѣ фактъ на лицо; отъ проф. Соболевскаго можно было ожидать лучшаго, и онъ оправдалъ наши ожиданія, признавъ фактъ фактомъ, приобрятающимъ нѣкоторое объясненіе параллельными явленіями. Самые ранніе примѣры пренебреженія окончаніемъ *мъ* являются въ возвратныхъ глаголахъ въ видѣ формъ оканчивающихся на *-мъ*; пропускъ гласной *ъ* въ этомъ случаѣ встрѣчается уже въ памятникахъ XIII вѣка.

Къ стариннымъ случаямъ отвердѣнія принадлежитъ союзъ «донде» или «дондеже» вмѣсто «донъдеже» (взъ до-ндеже). Въ остром. ев. пишется еще съ *ъ*, но уже въ изборникѣ 1073 г. 152 с: «донъдеже», въ минеяхъ 1095—7: «донде» 083.в, «донъдеже» 135.14, «дондеже» (в. донъдеже) 402.в. Несочувствіе *н* мягкости выходитъ наружу въ такихъ словообразованіяхъ, какъ «сонмъ», «сонмище», въ прилагательныхъ: «деревенскій» (при «деревня»), «конскій» (при «конь»), «свинскій», «свинство» «лонскій» (при «свинья», серб. «свињски», «свињство», «славскій»). Для твердаго окончанія *-мъ* въ родительномъ падежѣ мн. числа существительныхъ ж. р. на *-мъ* у меня отмѣченъ примѣръ съ конца XV столѣтія: акт. юрид. № 6 (о. 1490 г.) стр. 12 «вашихъ деревень», сл. ib. № 81 (1541 г.) стр. 123 «семь сажень», ib. № 19 (1532 г.) стр. 40: «земель и поженъ», ib. № 191 (1601 г.) «поженъ» (отъ «пожна»), сл. также уменьшительное «поженка» ib. № 83 (1550 г.). По всей вѣроятности не чисто русскимъ словомъ считалось «надро» (вм. «нѣдро», «нидро»), примѣръ котораго «въ надрѣхъ» читаемъ въ одномъ памятникѣ XV вѣка: Истор. библ. VI. 864.

Не указанъ въ лекціяхъ примѣръ отвердѣнія окончанія «за» (собственно *зъ*) въ словѣ «польза»: въ Остр. еванг. род. падежъ ед. ч. еще только «польза» (или «пользи»), Марк. V. 26 въ реймск. ев. «пользѣ», но въ галицк. ев. 1144 г. уже «пользѣ»

(точно такъ Іо. VI. 63); поэтому и въ глаголѣ *ви*. прежняго «пользевати» галицкое ев. пишетъ Марк. VII. 17: «пользовалъ мѣсь» (точно такъ Мате. XV. 5). Въ житіи Θεодосія XII в. 1 d тоже: «испѣлъ во мѣсть пользѣ»; въ вопросахъ Киррика, по списку XIII вѣка: «мѣсть ти пользѣ» (Истор. библи. VI. 61). Параллельное существительное «стѣза» осталось мягкаго окончанія, поэтому гал. ев. Мате. III. 3, Марк. I. 3, Лук. III. 4, пишетъ «стѣза»; въ южнославянскихъ (напр. дечанскомъ, карвинскомъ) пишутъ уже въ XIII столѣтіи «стѣзы».

Говоря о случаяхъ отвердѣнія мягкаго *с*, авторъ полагаетъ (на стр. 95), что нарѣчіе «отсуду» древнихъ памятниковъ не имѣетъ никакой родственной связи съ нынѣшнимъ «сюда, сюды». Это отрицаніе уже чрезчуръ строго и конечно не оправдано. Въ тождествѣ формъ «сюда, сюды» съ церковнославянскимъ «сѣдоу» нельзя сомнѣваться, какъ нельзя было бы отрицать, что церковнославянское «сѣсѣдоу» и русское «всюду» — одно и то же. Русскія мягкія формы, мнѣ кажется, даже правильнѣе церковнославянскихъ, пренебрегшихъ мягкостью. Вообще мѣстоименія «сѣ» и «вѣсѣ (весь)» сохранили только въ русскомъ языкѣ правильную мягкость, между тѣмъ какъ въ южнослав. нарѣчіяхъ *с* сдѣлалось твердымъ, въ польскомъ же и чешскомъ языкахъ перешло даже въ *š* *вм. ѓ*. Поэтому въ южнослав. нарѣчіяхъ, въ числѣ ихъ также въ церковнославянскомъ, говорятъ «всѣакъ», въ польскомъ и чешскомъ «*však*», и только въ русскомъ осталась правильная форма «всякъ». Формы «сюда, всюду, всякъ» — одинаковы.

Не нравится мнѣ стилизація автора, когда онъ говоритъ, что «въ русскомъ языкѣ находилось и находится нѣсколько словъ, имѣющихъ въ корнѣ то твердое то мягкое *р*», (стр. 95). Примѣръ «нераднѣ» *вм.* «нераднѣ» доказываетъ только, что не понимая слова «нераднѣ» (или «нероднѣ») простонародное слово-толкованіе сблизило его съ «рядъ», «ряднѣ»; нынѣшнія слова «неряха», «неряшливъ» не имѣютъ ничего общаго со старымъ глаголомъ «раднѣ», они производятся естественнѣе отъ слова «рядъ», «порядокъ». Точно такъ я полагаю, что «рушитѣ» пе-

решлю въ «рюшити» лишь подъ вліяніемъ глагола «рютити». При частомъ колебаніи мягкаго *р* съ твердымъ легко образовались такія неправильныя формы въ простонародіи, какъ «грянця» или «крясть» вм. граница, красть, но вездѣ видна причина такого смѣшенія. Ныгѣшнее «дюжіѣ» образовалось безспорно подъ вліяніемъ нерусскаго слова «дюжина», а «стюденъ» можетъ быть обязано своею мягкостью слову противоположнаго значенія «теплыѣ». Колебанію *у* съ *ю* въ словѣ «блудити» конечно причина въ глаголѣ «блустити».

Къ случаямъ смягченія свистящей согласной съ переходомъ ея въ соответствующую шипящую я прибавлю еще два слова. Одно изъ нихъ общеизвѣстное «чечевича», образовавшееся изъ «соченица» ассимиляціею перваго слога ко второму. И въ чешскомъ языкѣ рядомъ съ «sočovice» существуютъ формы «šočovice», «bečovice» и «bosovice». Встарину писали (въ XIII в.) еще только «соченица», сл. вопр. Кипр. въ Истор. библ. VI. 32. Второе слово, соответствующее старославянскому «салма», въ древнерусск. памятникахъ сначала было «солома», но потомъ вышло «шолома»: «кындомы на шолома» ппат. 429, «ѣдуще по шоломену» ib. Въ словѣ о Полку Игоревѣ: «о руская зима, уже за шоломанемъ еси» (сл. толкованіе Огоновскаго стр. 50, Потебни 47). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что на образование этой формы повліяло слово «шоломъ», соответствующее церковнославянскому «шалма»: «соима шоломъ» ппат. 433, «шоломъ ихъ какъ солнцю восходящю» 540.

X.

Двѣ выдающіяся черты древнерусскаго консонантизма, мягкость *ж*, *ш*, *жс*, *жд*, *ч* и свистящей *ш*, и постепенное отвердѣніе ихъ, потомъ переходъ глубокогортаннаго твердаго произношенія сочетаній *кш*, *гш*, *хш* въ небомягкія сочетанія *км*, *шм*, *км* —

объ эти черты заслуживаютъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, посвященныхъ имъ въ лекціяхъ. Кажется, не трудно доказать, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности — не всѣхъ, но многихъ изъ нихъ — пока еще почти исключительно господствовали всѣ приемы церковнославянскаго языка, мягкость выше упомянутыхъ звуковъ высказывалась гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ современныхъ имъ памятникахъ южнославянскихъ. Стало быть это болѣе сильное проявленіе мягкости должно отнести на счетъ не церковнославянскаго языка, а живой среды русской. Оставимъ въ сторонѣ очень распространенную мягкость въ сочетаніяхъ съ ю; ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами сочетаній съ ѣ (гдѣ ѣ не соответствуетъ носовому звуку), мало употребительныхъ въ южнославянской письменности: «въ одежахъ овъчахъ» изб. 1073 181 b, «прѣображикмъ сѣ» 9 a, «жесточаютъ» 140 b, «моужа ю» 13 d, «пораждажъ» 9 a, «моужа погоувитъ жина лювоѣница» 170 a, «чась» 153 a, «отълоучансѣ» 183 b, «умлакъчашѣ» ib., «привлажжѣтъ ми сѣ» 184 a; «кжчаръ» изб. 1076 Срезн. 144 a, «мълчаннию» ib., «члѣти» 145 a, «вѣлчанниѣ» 144 b, «посочати» 142 a, «прилежати» 144 b, «троужатисѣ» 144 a, «подражати» 144 b, «държати» 145 a, «въздържаннию» 144 a, «судържанникмъ» 144 a, «послошати» 144 b. 145 b., «отъвращатисѣ» 144 b, «вращтаюштжсѣ» 144 b, «кръштати сѣ» 144 b, «члѣка воштгасѣ... и слоужаштѣ» 144 a, «прабца нашего» 142 b, «срдца своего» 142 a, «вс конца» 145 b, «немьръцалѣ» 143 a, «въдоенцамъ» 144 a, «приницати» 144 b.

Подробныя изслѣдованія должны пробѣрнуть и подтвердить или устранить мое предположеніе, высказанное уже въ «Четырехъ статьяхъ» на стр. 91, «что послѣ шипящихъ и мягкихъ свистящихъ ютованная гласная чаще ставится въ памятникахъ южнорусскихъ или новгородскихъ, чѣмъ въ новгородскихъ, хотя она и имъ не чужда». Наблюденіе это имѣетъ и теперь еще кажется точнымъ, но съ оговоркою, что имѣются южнорусскіе памятники и безъ этой склонности, т. е. воздерживающіеся отъ

нея, какъ на примѣръ изъ собранія рукописей князя П. П. Вяземскаго житіе св. Саввы. Этотъ великолѣпный памятникъ южнорусской, можетъ быть прямо кievской родины, соблюдаетъ мягкость шипящихъ только въ сочетаніяхъ съ ю, это же дѣлаетъ въ первой половинѣ рукописи съ удивительною послѣдовательностью «матѣжю» 25, «оуношю» 33, «чожа» 77, «къ лицу» 107, «оумершю» 115, «чернцю» 133, «хлѣвницю» 149. 181, «мѣжю» 151, «мажюцѣса» 167, «оусовницю» 175, «старцю» 185, «шиятчюца» 185, «коцюно—» 187, «вѣглицю» 189, «заповѣдь старцю» 223, «старцю» 223, «дшю» 229, «лицю» 273. Эта точность соблюдается, покуда «Боронъ псалъ» (до стр. 288); дальше ужъ этой послѣдовательности нѣтъ. А если уже въ одной рукописи замѣтны различныя орфографическія приемы, то тѣмъ паче необходима чрезвычайная осторожность при выводахъ, дѣлаемыхъ на основаніи многихъ памятниковъ, мало изслѣдованныхъ.

Самыя ранніе случаи отвердѣнія шипящихъ выходятъ наружу въ окончаніяхъ словъ; вопросъ только въ томъ, были ли такіе примѣры, какъ въ рукоп. синод. библ. XIII в. (поученія Константина пресвитера) «сѣвърьшонъ», «кращонъ», «кромѣ жонъ» (опис. рук. синод. библ. П. 2. 434) съ самаго начала — сочетанія твердыя? Въ этомъ можно сомнѣваться, имѣя въ виду множество примѣровъ изъ тѣхъ же памятниковъ, гдѣ точно соблюдается мягкость. На примѣръ въ грамотѣ смоленскоричжской 1284 — 1297 года (р. лив. акты № 34) читаемъ: «чоловѣка», «чоловѣка», но въ то же время: «рижанъ», «жаловѣнѣса», «тажа» (именг. ед. ч.), «кнѣцѣтъ». Или въ витебской грамотѣ около 1300 г. (р. лив. ак. № 49) пишутъ: «жо», «кнажо» «хочомъ», «отъ отчютъ», «шодъ», «шолъ», но въ то же время «сли не човѣли», «горожанъ», «дѣржалъ», «жаловою», «жаловѣли»; написаніе «слашгънша», тамъ же, я причисляю къ опискамъ, потому что ѣ и ы послѣ шипящихъ тогда еще не писались, это встрѣчается не раньше второй половины XIV столѣтія. На юго-западныхъ окраинахъ Россіи мягкость продолжалась и по пись-

меннымъ памятникамъ гораздо дольше: въ гал. грамотѣ 1393 г. «о дѣланицю» (рядомъ съ «пришодъши»), гр. гал. 1398 г. «свѣдано», «нашно», въ грам. 1400 г. «жаворонковича», «держалъ», «раницами», гр. 1403 г. «криницю», гр. 1404: «прислашати», «держати», «осбжаемъ», «печати»; гр. 1407: «радцями», «мѣстчаны», «львовчаны», «держати», «печать» и т. д. (по изданію Головацкаго въ «Науковомъ Сборникѣ»).

Переходъ произношенія *кы*, *гы*, *хы* въ *км*, *м*, *зм* начался очень рано, у Соболевскаго указано довольно много примѣровъ изъ XII вѣка. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло, если скажемъ, что въ живомъ произношеніи уже въ XI вѣкѣ происходило то, что въ письмѣ стало проявляться лишь нѣсколько позже. По крайней мѣрѣ примѣры надежнаго окончанія на *-кы*, *-кы*, появляющіеся уже въ XI столѣтіи (сл. Соболевск. лекціи на стр. 150), сильно располагаютъ въ пользу предположенія, что въ то же время, когда говорилось «эоловъ жемьскѣ» 1073. 174 d, или «ма вескѣ не ю начрѣтанѣ» григор. богосл. 188 γ, не произносилось уже *кы*, *гы*, *хы* существенно различно отъ нынѣшняго произношенія этихъ сочетаній. Ожидали бы первыя появленія сочетаній *км*, *м*, *зм* въ памятникахъ южнорусскихъ, гдѣ вообще гортанное произношеніе звука *ы* раньше начало уступать обыкновенному мягкому *и*. Матеріалъ, собранный въ «лекціяхъ» (на стр. 90—91), какъ будто подтверждаетъ это предположеніе; впрочемъ это можетъ быть простая случайность, потому что другіе памятники, тоже несомнѣнно южнорусскіе, раньше конца XII вѣка этого перехода вовсе не знаютъ. Для примѣра сошлюсь опять на житіе св. Саввы, гдѣ *ы* и *и* строго отличаются въ первой части рукописи, хотя тутъ же пишется «скитъскимъ оцѣмъ» 137 (см. «скитъстни»); только во второй части (со страницы 289) попадаются нѣкоторые примѣры съ *и*: «халкидонъскимъ» 303. 313. 315. 335, «антиохинскимъ» 331, «всѣмъ кириѣнцѣмъ» 371.

Профессоръ Соболевскій отнесъ примѣры окончанія на *-кы* въ склоненіи къ случаямъ вліянія однихъ падежей на другіе (на стр. 145—150); точно такъ примѣры повелительнаго склоненія на *-и*,

-*къ* къ аналогическимъ явленіямъ при спряженіи (стр. 178—9). Я съ этимъ не вполне согласенъ. Исторія этихъ формъ доказываетъ наглядно, что съ одной аналогіею падежей не справились. Самые ранніе примѣры сочетанія *къ* (вм. *къ*) принадлежать спеціальному случаю, когда сочетанію *къ* предшествуетъ согласная *с*; стало быть *с* полныхъ сочетаній «ска - сѣ - сѣкъ - скоу» явилось первою помѣхою переходу сочетанія *сѣ* въ *симъ*, *сѣ* въ *симъ* (или въ *симъ - симъ*). Этотъ отдѣльный случай не можетъ быть названъ чисто морфологическимъ, хотя конечно аналогія и тутъ приняла свою долю участія, но она стояла на второмъ планѣ, она подвернулась тогда, когда уже попадобился выходъ изъ неудобнаго сочетанія. Нелюбовь же къ сочетанію *симъ* видна не только въ окончаніяхъ падежей (въ житіи Кондрата «дѣстѣ старую рукою исправлено въ «дѣскѣ», «въ чарнѣчьскѣмъ житии» ж. Ө. 16 с., «въ кадиномъ селѣ монастырскѣ» 25 d, «въ чисантельскѣмъ чиноу» корм. XIII в. Бусл. хр. 377, «въ пещерскѣмъ монастыри» новг. лѣт. I. 57, «въ неревьскѣмъ концѣ» ib. 75, «на ламскѣмъ волоце» 82, «апостольскѣмъ цркви» снн. патер. (Срезн. № 82, стр. 51), но также въ корнѣ слова: «раскѣнилась ваши» читаемъ въ прологѣ около 1350 г. Срезн. 260, въ лавр. лѣтоп. 173 (фотолит. 119): «сима же тепенома и врадѣ ю поторганѣ проскѣломъ», въ шп. лѣт. стр. 207 «поводоста и оскѣломъ», ib. 512 «оскѣпцию и сѣчѣму»; въ рум. палеѣ 1494 г. (Пам. стар. лѣт. III 56): «роскѣлю дети мои». Все это доказываетъ, что главная причина для восстановленія сочетанія *сѣ* заключалась не настолько въ аналогической притягательности прочихъ падежей, насколько въ отвращеніи къ *-си*. Только такимъ образомъ становится понятнымъ, почему при *-сѣ* долго еще писали *-къ*, *-съ*, напр. въ смоленской правдѣ 1229 г.: «Смоленскѣ» сп. А., «Смоленскѣ» сп. С. D. E., но въ то же время во всѣхъ спискахъ «оу Ризѣ», «на врезѣ» (или «врезѣ»).

Аналогія сочетаній *-сѣ*, *-сѣ* потянула мало по малу за собою всю прочую массу примѣровъ, но этотъ поворотъ къ гортанной происходилъ здѣсь медленно, такъ что въ XIV и XV вѣ-

кахъ, судя по различнымъ памятникамъ, писалось еще то и другое рядомъ. Сначала было чаще старое: въ москов. грамотахъ читаемъ: «въ тамзѣ» 1356, «по згадцѣ» 1362, «сносѣ» 1406, «въ вѣжицкомъ вѣрсѣ» ib., «на Болзѣ» 1423, «на поруцѣ» (часто); но въ новгородской грамотѣ 1314 г. уже «на городкѣ» Шахи. 257, въ новгор. лѣтописи I. 256 (фотогр. изд.) «по Лугѣ»; въ двинскихъ грамотахъ XIV — XV вѣк.: «на рѣки», «въ путикѣхъ», «по рѣчкѣ», «въ хмелянникѣхъ», «на томъ участкѣ», (акт. юр. № 71), «въ томъ воракѣ» гр. конца XIV в. Иван. № 8, «прн посадникѣ» новгор. еванг. 1463 г. (Погод. табл. II. 10), «къ рѣкѣ» ак. юр. № 11, стр. 22 (1504 г.), но «по дензѣ» акт. юр. Калач. I. 103 (1445—62), «на Болоцѣ» (ib. 105, 1462—4), «по рѣцѣ» (ib. 129, 1423 г.), «е сосназѣ», «е рѣцѣ», «е Болзѣ» (ib. 443—4, 1482—1443 г.), «по дорозѣ» акт. юр. № 7 стр. 13 (1491 г.); въ Ефремѣ Сиринѣ 1377 г. (академическомъ): «Бладъчикѣ». Перевѣсь въ сторону возстановленія ж, з (вм. прежнихъ ц, э) былъ значительно поддержанъ, кромѣ общаго вліянія аналогіи всѣхъ прочихъ падежей, еще смѣшеніемъ именительнаго падежа множ. числа съ винительнымъ, вслѣдствіе чего -ци, -зи, -си и здѣсь вышло изъ употребленія. Въ грамотѣ № 17 у Иванова (московской 1449 г.) читаемъ еще по старому «намѣстници мою», но въ грамотѣ № 18 (тамъ же, изъ того же времени) является уже въ качествѣ именит. падежа «всѣ пошанники».

Опаснымъ считаю ссылаться для мягкости гортанныхъ на единичные примѣры, какъ «кюръ» вм. «куръ» (gallus), или «сюю» вм. кою (Собол. стр. 92); рискуемъ придать значеніе случайнымъ опискамъ. Но на формахъ, подобныхъ примѣру «колке» (вм. колько), можно было остановиться нѣсколько подробнѣе, подобрать въ одно такіе случаи, какъ «на Болухваци» грам. хут. 1192 г., въ двин. грамотахъ именит. пад. «Гавке», въ новг. лѣтописи «составке» и т. д. Замѣчу кстате, что не считаю правдоподобнымъ объясненіе нынѣшняго мѣстнаго (южнорусскаго) оборота «въ госці», «аналогією съ двойными формами» окончаній на -сѣ и -сѣзъ (изъ

-скъ). Объясненіе это предложено Соболевскимъ (на стр. 93). Но какъ могло вліять то, что давно уже стало исчезать въ языкѣ?

XI.

Не захотѣвъ усмотрѣть въ переходѣ *е* въ *у*, и наоборотъ, черту діалектическую, авторъ внесъ данныя этого перехода въ исторію согласныхъ (на стр. 87—89). Съ этимъ можно, пожалуй, согласиться, потому что въ исторіи консонантизма во всякомъ случаѣ объ этомъ должна быть рѣчь; но мнѣ кажется, собственные слова автора свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ переходъ все-таки и для исторической діалектологіи многознаменателенъ, что онъ дѣйствительно характеризуетъ юго- и сѣверозападные говоры или нарѣчія русскаго языка. Вѣдь въ концѣ концовъ надо же допустить, что этотъ переходъ значительнымъ количествомъ примѣровъ ознаменовалъ себя только въ смоленскихъ, витебскихъ, полоцкихъ и псковскихъ, потомъ же въ галицко-волинскихъ грамотахъ и текстахъ, происходящихъ изъ этихъ областей. Стало быть это все-таки черта діалектологическая, нужды нѣтъ, что она свойственна не одному только говору или нарѣчію. Физиологически это явленіе объясняется конечно тѣмъ, что настоящей разницы между *у* и *и* не было, оба звука совпали въ среднѣмъ *и* (или *у*); предпочтеніе же той или другой передачи этого звука въ письмѣ (черезъ *ѣ*—*ѣ* или *оу*—*у*)—по видимому было не совсѣмъ случайное. Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса можно ожидать, что оно установитъ, на сколько возможно, подъ какими условіями обыкновеннѣе происходилъ переходъ *е* въ *у*, подъ какими же, наоборотъ, *у* въ *е*. Большая склонность къ тому или другому, можетъ быть, стоитъ въ связи даже съ различіями говоромъ. По матеріалу, которой у меня подъ рукою, оказывается

какъ будто бы въ сѣверозападныхъ (бѣлорусскихъ) памятникахъ чаще стоитъ *у* вмѣсто *о*, въ южнорусскихъ же къ этому еще присоединяется довольно частое *о* вмѣсто *у*. Такъ уже въ смоленской правдѣ (1229 г.) по списку А читаемъ: «ѣздоу малъ», «оу Ризѣ» или «оу Ризе» (часто), «оу Роусе», «оу Гмольнѣскѣ» или «оу Гмольнеске», «оузати», «оу дывоу», «оу погрѣбѣ», «оу желѣза оусадитѣ», «оу дѣлго», «оу холѣпство», «оу верхѣ», «оу низѣ», «оу мѣсто», «оу городѣ», «оусхочеть», «наоуспать», «оу томѣ», «оу Рускон земанѣ», «оу латинеском цркви», «оу тѣхѣ вѣлѣсти». Въ полоцкой грамотѣ (ок. 1300, у Срезневскаго 240 и слѣд.): «оу Битѣвскѣ», «оу Гмольнескѣ», «оузаль», «оу честь», «оу развонниковоу клетѣ», «оу клетѣ», «оу дворе», «оу рать ити», «оу пироу», «оу ворзѣ», «оу томѣ»; сл. также «оу пуднѣи рѣмѣнѣ» 1330 г., «оузати» 1330. 1405, «оу рѣскон земанѣ» 1330, «оу Ригоу» 1330. Въ литовской грамотѣ 1387 г. (у Срезневскаго 266): «оузаль оу свон руки», «оу славоу», «оу синѣкѣ и оу вудуци», «оу низѣ», «оу верхѣ», «оусѣкин доходѣ», «оу литовьскон земанѣ», «оу Полтескѣ не оуступатиса», «оусель», «оусемѣ», «оусехѣ», «оусеми», «оусею», «оусев», «оусю», «оусла», «оуси», «оусакни».

Въ южнорусскихъ текстахъ попадаются конечно также приѣры: «оукоупѣ», «оузати», «оустокѣ», «оускрича», «оулѣсти оу коравль» (изъ гал. ев. XIII в.) «оудастѣ ю оу монастырь», «оусприяти», «оу сеѣтѣ» (изъ гал. Евр. Сир. XIII в.); но здѣсь вдобавокъ находимъ еще довольно часто *о* вм. *у*: «вѣмрѣте», «вѣмѣса», «вѣмолю», «вѣготоваю», «во-вѣстѣхѣ», «вѣ вѣшию вашу» (изъ гал. ев.), «во вѣжасѣ», «вничѣжи», «повчухѣса», даже «ото-вности» (вм. «отѣ оуности»); въ вѣнскомъ октонхѣ: «вѣтрова», «вѣчѣнемѣ», «навчи», «на едеса», «во вѣспѣмѣ». Грамоты южнорусскія чаще пишутъ *у* вм. *о*, чѣмъ *о* вм. *у*, но можетъ быть это предпочтеніе происходило подъ влияніемъ оффициальнаго литовско-русскаго языка. Все же есть *о* вм. *у* тоже въ грамотахъ галицкихъ (хотя изрѣдка): «вжитковѣ», «вжитки», «вжити тѣхѣ вжитковѣ», «вѣ кого врата», «вѣ ихѣ снѣвца» (гал.

грам. 1371 г. наук. сборн. I. 187—8), «везъ одвѣднѣ» (гал. гр. 1400, ib: 199), «оучь озира» (гал. гр. 1400, ib. 200), «ани екажетъ» (гал. гр. 1401, ib. II, 37), «вчинилан» (гал. гр. 1422, ib. 52, сл. «вчинилан» шпат. 188); «срадника», «вказали», «срочилан» (гр. 1421 г. ib. III. 135—6).

Въ позднѣйшее время (въ XVI столѣтїи) видна въ бѣлорусскомъ нарѣчїи склонность къ смѣшенїю *о* съ *у* не только съ перевѣсомъ въ сторону *у*, но также съ *о* вм. *у*; послѣднее встрѣчается довольно часто. Въ такомъ видѣ выходитъ наружу языкъ бѣлорусскаго познанскаго сборника, по изданїю А. Н. Веселовскаго. Здѣсь мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ «еже», «едарыли», «счлннтн», «на емѣ» «емолтъ», «счн», «наечнш», «емерасе», «е него» и т. д. и въ то же время: «у реку», «у гаубокомъ вину», «у сороме», «узавашн», «ушла в ложницу», «узречемъ», «усхочеш», «узрадовалоса», и т. д. Въ особенности стоятъ указать на *уо* передъ гласными: «уе-одну комеру», «уе-окно», «уе-огонь», «уе-одном дуврове», «уе-внгу землю», «уе-очн», «уе-одномъ чело-вца», «уе-острове», «уе-островѣ», «уе-угле», «уе-иную црков»; взрѣдка: «уевошолъ», «ево покон». Слич. въ шпатской лѣтописи 425: «он уетаган», ib. 423: «ево вчанн» (вм. обыкновеннаго «учанн»), или въ галицкомъ Ефремѣ Сиринѣ: «оучь молнтелухъ», «оучь спасннн».

Проф. Соболевскїй слишкомъ рѣшительно объявляетъ (на стр. 88), что «въ древнихъ памятникахъ кїевскихъ *у* изъ *о* нѣтъ». Какъ сказано мною выше (на стр. 16), я согласенъ только отчасти. Судя по памятникамъ, которые съ нѣкоторою достовѣрностью могутъ быть причислены къ кїевскимъ, переходъ *о* въ *у* здѣсь не былъ повидному очень распространенъ, но онъ замѣтенъ все-таки и здѣсь, по крайней мѣрѣ въ такихъ небольшихъ размѣрахъ, въ какихъ въ памятникахъ новгородскихъ, и если отъ вниманїя автора не ускользнули тѣ нѣсколько примѣровъ новгородскихъ, то онъ не пропустилъ бы привести и доказательства «кїевскїя», если бы принципиально не отрицалъ ихъ. Я выхожу съ другой точки зрѣнїя, поэтому позволю себѣ дополнить

наблюденія его примѣрами «киевскими». Во первыхъ въ сборникѣ 1073 форма «оуселакнаи» вѣроятно не что другое, какъ замѣна въ звукомъ оу на южнорусской ладъ («оуселенжи» 9 d, «оуселакнии вси зрашти» 48c, «оуселенюуж на средоу изведеть» 78c); такимъ же образомъ замѣненъ, кажется, глаголъ «въселитиса» въ изб. 1073, 37b: «въшедъши оуселатъса», хотя этотъ примѣръ менѣе убѣдителенъ. Сличн также «въчиненъ» 95 с. 97 с. или «наоутинъ» 252 с.¹⁾ Съ нѣкоторою натяжкой можно всё эти примѣры истолковать какъ преданіе церковнославянское, безъ участія въ нихъ южнорусскаго элемента (такъ проф. Соболевскій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, II, стр. 353); но я даю предпочтеніе догадкѣ, что по крайней мѣрѣ въ «оуселакнаи» и «въчиненъ», незамѣтно промелькнула черта южнорусская. Въ очень небольшомъ количествѣ примѣровъ видна эта черта и въ другомъ кievскомъ памятникѣ (по моему мнѣнію), въ житіи св. Саввы (по изд. проф. Помяловскаго): «оу долго время» 221, «въ что въвачимса» (вм. «овачимса», вѣроятно слышалось въ произношеніи «оувачимъ са», что напоминаетъ въ изб. 1073 г. «оускеарнимъса» 28 d, «оучистигъшиса» 38 b²⁾ и «оупрашаше» 381. Замѣчательно, что и этотъ памятникъ раздѣляетъ съ обоими сборниками, 1073 и 1076 года, не часто встрѣчающуюся особенность писать «въгодно» вм. «оутодно»: «помыслы воъгодноны» 27, въ изб. 1073 г. «въгодно» 35 b. 82 a, «въгодитъ» 85 с, «въгодити» 91 с и 1076, 74 a. Ссылка на южнославянскіе примѣры, гдѣ изрѣдка встрѣчается дѣйствительно «въгоднъ», не можетъ еще устранить мысль, что это совпаденіе трехъ памятниковъ южнорусскихъ не случайное. Въ такомъ же видѣ представляется мнѣ также совпаденіе обоехъ сборниковъ относительно колебанія между «въчинити», и «оучинити», между «въселити» и «оуселити».

¹⁾ Форма «наоутинъ» читается также въ первой новгородской глгописи I. 242 (фотол. изд.).

²⁾ «оучистити» равняется южнослав. «оучинитати», находящемуся въ глаголитѣ Клоповомъ (См. Микл. Lex. pal.).

Къ этому переходу *y* въ *e* и наоборотъ можно было прибавить еще краткое указаніе на особенность югозападнаго нарѣчія снабжать начальное *o*, когда оно вслѣдствіе долготы (или позиціи) черезъ *o* - *y* - перешло наконецъ въ *i*, въ началѣ согласною *e*: «*івѣцѣ*». Примѣры, какъ въ гал. ев. 1266 г. «за кооваца» 150 б, «о оджахъ коовчихъ» 30 б и т. д., доказываютъ, что приставка согласной *e* восходитъ къ очень раннему времени. Нѣсколько примѣровъ вошло съ *e* въ общее употребленіе: *восемь*, *вострый*, *вотъ* (сл. «отъ стон оу тѣв» Срезн. малозв. пам. № 32, стр. 28, еще безъ *e*). Встарину языкъ любилъ такое же *e* и внутри слова: «*Лавонтио*» грамот. XIV в. Срезн. № 29, «*лагичонъ*» полкарп. ев. 1307 г., «*Ларичонъ посадникъ*» Пск. глѣт. I. 197, «св. *Гезоргіо*» гр. дв. по сп. XV в. (акт. арх. эксп. I. № 4).

Если надпись на чарѣ Владимира Давыдовича черниговскаго, которую археологи относятъ къ 1151 году, подлинна, тогда можно бы уже съ нея привести примѣръ слова «*всподара*» безъ *i*!

Что же касается диссимиляціи плавныхъ (стр. 97—8), то эта склонность общеславянская. Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ, прибавлю изъ Срезнев. малозв. пам. № 31: «*халтуларичио*» (греч. *χαρτουλάριος*); въ житіи св. Саввы въ послѣсловіи: «*спотъ полемонаря*» (*παρამονάριος*), стр. 533; въ рязанской кормчѣ: «*каларимана*» 7 б, «*каларичиоу*» 7 с, въ еванг. XIV в. у Срезн. и. п. № 20 «*Фрала*», въ грам. галицкой 1398 г. «*Хролъ*», въ грамотѣ 1401 г. «*свалътромѣла*». Не упомянуто современное слово «*крилось*» рядомъ съ «*клиросъ*» («*крилошана*» югозап. г. 1366 г.); сл. также нынѣшнее польско-бѣлорусское «*folwark*—*фольварокъ*» (*Vogwerk*). Можетъ быть нѣчто похожее на эту диссимиляцію существуетъ также въ двухъ иностранныхъ словахъ, гдѣ первое изъ двухъ *m* перешло въ *b*: «*свохълмѣтъ*» лавр. глѣт. годъ 986 г. (эта форма встрѣчается уже въ южнослав. памятникахъ, напр. въ берлинскомъ сборникѣ XIII в.) и «*бусурманниъ*» (сл. «*долгъ вассарманьскыи*» моск. грам. 1388 г.) вм. «*шусульманниъ*». Наконецъ можно было ожидать указанія на

замѣну согласной *ж* въ началѣ именъ личныхъ согласною *м*, не знаю точно по какой аналогіи это совершилось: «*Минкулюю*» ев. новг. 1362 г. посл., «*Минзетоу*» новг. глѣт. I. 81, «*Минзитѣ*» Срезн. м. п. № 20. 27, и т. д. Вспомнимъ еще старое «*жмчюгъ*»—«*женчюгъ*» при нынѣшнемъ «*жемчугъ*» и «*стамга*» при «*деньга*».

Возстановленіе этимологическаго правописанія, обусловленное тѣмъ обстоятельствомъ, что литературнымъ языкомъ умѣли писать лишь люди начтанные въ церковной литературѣ, — вызывало конечно много неправильныхъ толкованій, которымъ и подчинялись писатели. Такъ напр. если въ Паисіевомъ сборникѣ написано «*рѣвчюца*», «*рѣвчети*» черезъ *в* (Срезн. 274), то это правописаніе придумано подъ вліяніемъ невѣрнаго словопроизводства отъ «*рѣвѣ*». Такъ должно быть сѣверновеликорусское «*охвочѣ*», «*охвота*» развилось не безъ участія глагола «*хватити*». Уже въ апат. глѣт. 423 читаемъ: «*оухвотмшаса фхати*»; въ палеѣ рум. муз. 1494 г. «*оухвочѣ яси*» Пам. ст. р. л. III. 57. Здѣсь конечно *ж* могло существовать не только въ правописаніи, но и въ дѣйствительномъ произношеніи. Несомнѣннымъ произношеніемъ отзывается бѣлорусское «*борздо*» (въ познанскомъ сборникѣ очень часто: «*ворздо рѣстучи*» 9, «*повѣдан ворздо*» 15, и т. д.), но какъ образовалось это слово вм. ожидаемаго «*борзо*» или м. б. «*бордзо*»? Изъ современнаго языка приводятъ «*баржджѣй*» (сравнит. степень = *врѣжѣ*), въ словарь Носовича и у Шейна (№ 90, сл. Карскаго Обзоръ, стр. 77), что тоже указываетъ на «*барздый*» какъ положительную степень.

Этимъ оканчиваются мои замѣтки по исторіи звуковъ русскаго языка. Придерживаясь порядка, въ какомъ изложенъ предметъ въ лекціяхъ проф. Соболевскаго, я старался кой въ чемъ пополнить изложеніе его данными изъ матеріаловъ, накопившихся у меня въ теченіе глѣтъ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ наши взгляды на нѣкоторые явленія древнерусскаго языка расходятся, я предложилъ свои толкованія. Я далеко, конечно, отъ мысли, что мои объясненія вездѣ лучше, что непременно вездѣ такъ.

какъ я объясняю; въ предметъ столь неудовлетворительно до сихъ поръ изслѣдованномъ, недосмотры неизбежны.

ХІІ.

Перехожу ко второй части «лекцій»: къ исторіи формъ русскаго языка. И здѣсь прежде всего вынуты «главныя формальныя особенности русскаго языка» (стр. 105 — 119), главнымъ образомъ по отношенію къ церковнославянскому языку. Такими «не существовавшими въ церковнослав. языкѣ» формами считаются: 1) род. пад. ед. ч. и имен. и вин. пад. мн. ч. на ѡ вм. церковнославянскаго окончанія ѡ; 2) формы косвенныхъ падежей «членныхъ именъ прилагательныхъ», напр. род. пад. на -ою, дат. падежъ на -ому; 3) мѣстоименіе «тѣмъ — тѣмъ» какъ дат. и мѣстный пад.; 4) второе лицо глагола на -мъ; 5) третье лицо ед. и мн. ч. на -мъ; 6) первое лицо мн. ч. на -ме и -мо; 7) имперфектъ на -язъ; 8) давнопрошедшее, состоящее изъ «глаголь и смь» и причастія на -и; 9) причастіе наст. врем. на -а; 10) неопредѣленное на -мъ; 11) еще нѣсколько особенностей. Этими конечно перечислены не всѣ формальныя особенности русскаго языка, ихъ гораздо больше: но прочія не упомянуты, должно быть, потому что развивались мало по малу, не выступая сразу въ древнѣйшихъ памятникахъ. Напр. несомнѣнною формальною особенностью русскаго языка надо признать совпаденіе существительныхъ всѣхъ родовъ въ окончаніяхъ мн. ч. на -амъ, -амъ, -аамъ; по характеру происхожденія это такая же особенность, какъ окончаніе имперфекта на -язъ (вм. -язъ), разница только во времени; имперфектъ на -язъ существовалъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, упомянутого же совпаденія всѣхъ родовъ въ одинаковыхъ окончаніяхъ тутъ еще нѣтъ. Но если сообразаться съ хронологическими причинами и исключать изъ формальныхъ

особенностей всѣ черты русскаго склоненія и спряженія, не выступившія уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, то надо будетъ, какъ мнѣ кажется, изъ перечня, сдѣланнаго выше, кое что вычеркнуть, напр. пунктъ 4. 8, можетъ быть также 6. и 10.

Не желая казаться придирчивымъ, беру главныя формальныя особенности, какъ онѣ изложены въ лекціяхъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Трудно вѣрить, что сложное склоненіе прилагательныхъ образовалось двумя различными путями, какъ полагаетъ проф. Соболевскій, анализируя форму «дверого» происхожденіемъ изъ «дверъ + его» (стр. 107), тогда какъ «дверраго» вышло безспорно изъ «добра + его». Не говоря ужъ о томъ, что «дверъ + его» едва ли могло бы дать «дверого», но хоть бы и могло, самое предположеніе, что сложное склоненіе прилагательныхъ основано на двухъ различныхъ принципахъ образованія, что формы его колебались между тѣмъ и другимъ принципомъ, заключаетъ въ себѣ столь мало правдоподобнаго, что безъ особенной нужды не должно прибѣгать къ такому объясненію. Не вижу причины отступать отъ обыкновеннаго толкованія формъ «дверого», «двероѣ», «дверои», «дверомъ», какъ аналогій къ склоненію мѣстоименія «того», «тоѣ», «тои» «тома». Взглянувъ такъ на эти формы, мы легко поймемъ существованіе въ иныхъ падежахъ обѣихъ формъ рядомъ: старой, по настоящему сложной, «дверраго», «дверрыѣ», «дверрѣи», «дверрѣма», и новой, аналогической: «дверого», «двероѣ», «двероѣи», «дверома». Проф. Соболевскій не затрудняется заявить, что «дверраго» въ историческое время вѣроятно совсѣмъ и не существовало, но допускаетъ формы «дверрыѣ» возлѣ «двероѣ», «дверрѣма» возлѣ «дверома»; мнѣ же сдается, если бы живая русская рѣчь уже въ XI столѣтіи не знала формы «дверраго», то памятники этого времени отнеслись бы и къ родительному падежу точно такъ, какъ къ дательному, т. е. если бы и не отвергли совсѣмъ формы на -аю, такъ по крайней мѣрѣ рядомъ съ ней писали бы также -аю. По исключительному употребленію окончанія -аю можно догадываться, что эта форма въ XI вѣкѣ еще существовала, даже

преобладала передъ окончаніемъ *-ою*, не вошедшимъ тогда еще въ употребленіе въ такихъ размѣрахъ, какъ въ дательномъ падежѣ окончаніе *-ому*. Почему же раньше произошло вліяніе дательнаго «*тому*» на форму прилагательнаго на «*-уму*», тѣмъ родительнаго «*тому*» на форму прилагательнаго на «*-аю*» — это не поддается нашему объясненію. Замѣчательно, что и въ двойственномъ числѣ «*тою*» уже въ древнѣйшее время притянуло къ себѣ форму прилагательнаго, преобразовавъ «*дверюю*» въ «*дверюю*», между тѣмъ какъ въ винительномъ падежѣ ед. числа держится «*добрюю*» еще до сихъ поръ.

Не знаю, должны ли мы удовлетвориться объясненіемъ, что попадающіеся иногда въ древнѣйшихъ памятникахъ примѣры дат. падежа на «*-оюмоу*» и «*-юмоу*» и «*-оумоу*» не что иное, какъ подражаніе формамъ церковнославянскимъ съ двумя *оу* (стр. 109)? Пожалуй, удвоеніе *о* могло дѣйствительно произойти подъ вліяніемъ церковнаго двойнаго *у* (напр. въ мин. праздн. XI—XII в. 36 б «къ вожьствьнооумоу», «швельнооумоу» ib. 32 б, въ послѣсловіи мстислав. евангелія: «вѣговѣрнооумоу и хръстолюви-коумоу и вѣмль частимобмоу»); точно такъ «*оумоу*» или «*ооумоу*» могли быть лишь комбинаціею двухъ окончаній: церковной и народной (напр. въ томъ же послѣсловіи: «нобѣгородьскоумоу» или въ изб. 1073. 99 с: «правднвооумоу соудоу»). Но что намъ сказать о формѣ на «*оюмоу*»? какъ понимать напр. изб. 1073, 13 d «къ вацъшвоюмоу»? Если уже приходилось искусственно соединять народное съ церковнымъ, не слѣдовало ли писать «*оуму*» вм. «*оюму*»? Поэтому можетъ возникнуть вопросъ, не представляетъ ли это «*оюму*» по отношенію къ церковнославянскому «*оуму*» извѣстный моментъ переходнаго развитія? на пути отъ «*оуму*» или «*оуму*» къ «*оюму*» не могъ ли языкъ на некоторое время остановиться на «*оюму*» и «*оюму*» также послѣ мягкихъ согласныхъ? Въ сборникѣ успенск. собора попадаются примѣры «*овладающоюмоу*», «*починающоюмоу*» рядомъ съ «*могущоумоу*». Если послѣдняя форма несомнѣнно церковнославянская, то и первая можетъ быть не простая выдумка писцовъ, а

отраженіе живой рѣчи того времени, когда переходъ съ *ому* въ *ему* черезъ *ому* захватывалъ на время также мягкое окончаніе.

Гдѣ о двойств. числѣ прилагательныхъ на *ою* (вм. *ую*) рѣчь идетъ, можно было указать ка обратное явленіе, на форму «*двоу*» вм. ожидаемаго «*двою*». Я считаю «*двоу*» формою русскою, въ противоположность церковнославянскому «*двоею*»; «*двоу*» подда-лось вліянію аналогіи съ формою «*десатоу*». Уже въ словахъ Григорія богослова 359^у читаемъ: «*дѣлж десатоу*»; въ новг. гр. 1805—8: «*стѣ двоу носадоу*» Шахм. 252, 254; «*дву жеривальстѣ*» моск. гр. 1356 г. (но также «*двоею жеривальстѣ*» *ib.* 1389 г.); такъ еще въ XV и XVI столѣтіи: «*стѣ тѣхъ дву селѣхъ*» грам. моск. 1406 г.; «*стѣ^т дву варница*» гр. моск. 1451 г. Ив. № 19, «*дву варницею*» *ib.* 1484 г. (гос. грам. I, № 54, стр. 115), «*стѣ дву амѣ*» 1565 г. Ив. № 40, «*стѣ дву варницахъ*» 1610 г. Ив. № 52, «*изъ дву колодазен*» 1602. 1610 Ив. № 51. 52, «*двѣ сажинѣ*» 1554 г. Бусл. хр. 762, «*дву старцовѣ*» 1613 г. Бусл. 1012, и т. д. Не знаю, можно ли будетъ доказать, что нѣкоторое время при «*дву*» для родительнаго падежа употреблялось «*двухъ*» для мѣстнаго, какъ напр. «о *двухъ* оглоבלахъ» Бусл. хр. 1218 (Котошихинѣ); или же явилось «*двухъ*» сразу для обоихъ падежей, по аналогіи конечно мѣстоименій и прилагательныхъ на *-ихъ*? Въ памятникахъ XV—XVI вѣка я замѣчаю еще и для предложнаго падежа господство формы *дву*: «на *дву двору*» «пришедъ въ *дву стѣ*» шпат. 585, «о *дву подахъ*», «да четыре црени, на *дву* сола варитѣ» акт. юр. № 85, стр. 126 (1568 г.), «на *дву хлѣвахъ*» тамъ же № 86 (1568 г.), «на *дву цирветѣхъ*», «на *дву подкаѣтахъ*» тамъ же № 90 (1578 г.), «стѣ *дву вѣлѣхъ*» *ibid.* № 228 (1557 г.) Какъ же объяснить югославское «*двоухъ*», напр. «подъ виною *двоухъ* тысячю» грам. югослав. 1507 г., № 42? Должно быть не замѣною окончанія *ю* въ «*двоею*» окончаніемъ *ихъ*, а скорѣе аналогіею прочихъ числительныхъ «*трѣхъ*» и даже «*треухъ*», «*четырѣхъ*» или «*четыроухъ*» и т. д. Когда изъ «*дву*» образовалось «*двухъ*», не могло устоять прежнее «*ою*», а подъ вліяніемъ прилагательныхъ перешло въ «*оюухъ*»: «судан *ою*

иухъ истцвѣтъ» (рядомъ съ «ова истца» и «между дву обвинѣтъ») акт. юр. № 7 (1491 г.), «съ овоухъ исцовѣтъ» грам. 1566 г. Ив. № 45. Форма «овоухъ», не имѣетъ такимъ образомъ ничего общаго съ числительнымъ дистрибутивнымъ «овомъ». Прибавлю еще, что форма «двума», «трема» откуда вышло *двумя*, *тремя*, встарину не ограничивалась творительнымъ падежемъ, а употреблялась также для дательнаго: «нашимъ намѣстникомъ двума стрѣльцима» грам. югозап. 1445 г. Петруш. № 50, «къ трема врезамъ», «къ трема осинамъ» ак. юр. № 8, стр. 16 (1498—1505 г.), «къ иухъ же патма варницамъ» *ibid.* № 170, стр. 191 (1551 г.); сравни еще «и пушкаремъ и затинцикамъ трицатьма осми часѣкъмѣтъ» Иван. № 47 (1593 г.). Однакожь уже въ московской грамотѣ 1341 года «молодшимъ двумъ».

Относительно формъ «твѣ», «сѣ», въ значеніи дательнаго и мѣстнаго падежей, вмѣсто ожидаемаго «тѣ», «сѣ», необходимо согласиться съ проф. Соболевскимъ въ томъ, «что ихъ конечное *e* нельзя объяснять смѣшеніемъ звуковъ *ъ* и *e*» (стр. 111), но онъ не обратилъ вниманія читателей на два важныя обстоятельства: во первыхъ окончаніе на *e* существуетъ только въ такомъ случаѣ, если гласная *e* остается также внутри мѣстоименія, въ первомъ, основномъ слогѣ, т. е. встрѣчаются лишь дательныя «твѣ», «сѣ»; во вторыхъ же народныя формы дательнаго падежа, съ гласной *o* въ корнѣ, «товѣ», «совѣ» не обнаруживаютъ подобной же замѣны *ъ* черезъ *e*. Къ примѣрамъ, приведеннымъ для поясненія въ лекціяхъ, прибавлю еще изъ слова св. Ипполита объ антихристѣ, памятника замѣчательнаго строгимъ различіемъ между *ъ* и *e*: дат. «сѣ» 28, «къ сѣ» 18. 61. 85. 86, «къ сѣ» 5. 51. 87; дат. «твѣ» 51, «к твѣ» 61. Въ житіи св. Саввы соблюдается точно такая разница: «къ совѣ» 17, «совѣ» 221, но «твѣ» 123, «сѣ» 225. 439. Изъ этихъ данныхъ я вывожу, что форма «товѣ», «совѣ» считалась настоящимъ дательнымъ или мѣстнымъ падежемъ, тогда какъ на «твѣ», «сѣ» смотрѣли какъ на родительный падежъ, поэтому и писали здѣсь *e* наперекоръ церковнославянскому преданію. Упорное отсутствіе

ніе отъ церковнославянскаго правописаія, когда надо было передать дательный падежъ не по своему, народному, напоминаетъ подобный же случай съ *ре, ле* (вм. *ръ, лъ*) взаи́мнъ народнаго *ере, оло*. Въ доказательство, что и на «тебѣ», «себѣ» смотрѣли какъ на родительный падежъ, можно бы привести случаи, правда, не очень часто встрѣчающіеся, гдѣ эти формы такъ и стоятъ въ качествѣ родительнаго падежа: «себѣ» мин. 1096. 8, «ис тебѣ» *ib.* 60. Дательный падежъ «товѣ», «совѣ» характеризуетъ нынѣшнее южнорусское нарѣчіе, отчасти также бѣлорусское. Появленіе этихъ формъ въ древнерусскихъ памятникахъ южныхъ не поражаетъ; но въ новгородскихъ оно нѣсколько неожиданно. Въ Остром. евангеліи этихъ формъ еще нѣтъ, въ минеяхъ 1096—7 онѣ довольно рѣдки. Не доказываетъ ли этотъ фактъ, что формы «товѣ», «совѣ» — преимущественно южнорусскія, распространившіяся на сѣверъ болѣе путемъ литературнаго вліянія, чѣмъ народной среды? Въ московскихъ грамотахъ XIV в. имѣется даже родительный падежъ: «везъ товѣ» (1341), «отъ товѣ» (1362), «отъ совѣ» (*ib.*), «у товѣ» (*ib.*).

ХІІІ.

Не могу вѣрить, что всѣ безчисленные примѣры второго лица ед. ч. на *-им*, встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ памятникахъ XI—XII вѣка, представляютъ исключительно только передачу церковнославянской формы, которой въ жизни языка соотвѣтствовало будто бы уже тогда окончаніе на *-им*. Благодаря тому обстоятельству, что теперь уже немалое число памятниковъ XI—XII вѣковъ доступно изслѣдованію и внимательному изученію, наше представленіе о степени самостоятельности этихъ памятниковъ по отношенію къ языку литературнаго преданія приобретаетъ съ каждымъ годомъ болѣе точный и опредѣленный

смыслъ. Мы теперь уже не изумляемся надъ 3 лицомъ ед. числа то на *-тъ*, то на *-е* безъ *-тъ*, если намъ скажутъ, что это формы русскія, мы принимаемъ ихъ какъ откликъ живой рѣчи; насъ не удивляетъ 1-ое лицо мн. ч. на *-мы*, *-ме*, если скажутъ, что эти окончанія отражаютъ собою примѣсъ живого языка къ литературному; отступленіе древнерусскихъ памятниковъ отъ церковнослав. языка въ нѣкоторыхъ особенностяхъ повелительнаго или неопредѣленнаго склоненія или имперфекта мы не затрудняемся причислить тоже къ несомнѣннымъ отраженіямъ живой русской рѣчи. Однимъ словомъ, число русскихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ при болѣе внимательномъ изученіи увеличивается. Поэтому конечно насъ не удивило бы, если бы уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣтили второе лицо ед. ч. на *-шь*. Но ни одного такого примѣра до сихъ поръ не удалось найти. Не имѣетъ ли эта отрицательная сторона, въ виду столь многочисленныхъ положительныхъ данныхъ, никакого значенія? Кажется, не слишкомъ смѣлый будетъ выводъ, если скажемъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ второго лица на *-шь* просто потому, что въ живой рѣчи того времени, если можетъ быть отчасти тогда уже употребляли сокращенное окончаніе *-шь*, все-таки не чуждались еще окончанія на *-ши*, бывшаго вѣроятно тогда еще въ общемъ употребленіи. Второе лицо не какая нибудь рѣдкость въ языкѣ, оно не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы отвращать отъ употребленія живой народной формы, по крайней мѣрѣ иногда, изрѣдка. Если же несмотря на все то въ древнѣйшихъ памятникахъ нѣтъ ея въ другомъ видѣ, какъ съ окончаніемъ на *-ши*, значитъ, другого окончанія тогда еще не знали, или же то другое тогда только что начало мало по малу выступать. Объ этомъ вопросѣ очень разумно рассуждалъ уже пять лѣтъ тому назадъ нашъ молодой ученый А. Шахматовъ въ 7-омъ томѣ моего журнала, на стр. 63—66; аргументы его кажутся мнѣ и теперь неотразимыми.

Къ окончаніямъ имперфекта на *-шесть* и *-зуть* замѣчу, что моя догадка относительно появленія этихъ формъ на югѣ и рас-

пространенія ихъ отсюда дальше на сѣверъ и по всей древнерусской письменности (ср. Четыре крит. палеогр. статьи, стр. 94—96) ссылкой на нѣсколько сѣвернорусскихъ памятниковъ (Лекціи, стр. 113) вовсе не устраняется. Я и самъ это зналъ и не отрицалъ существованія такихъ формъ въ сѣвернорусскихъ текстахъ; но я затронулъ моимъ предположеніемъ одинъ изъ очень интересныхъ, доселѣ не изслѣдованныхъ вопросовъ, насколько развитіе древнерусской письменности шло подѣ взаимнымъ вліяніемъ одной области на другую, одного центра на другой? Въ письменности, возникшей на основаніи чисто народнаго языка, подражательность не играетъ столь важной роли, какъ въ письменности поддерживаемой нѣсколько искусственно, индивидуальнымъ заучиваніемъ не то формъ, не то словъ литературнаго языка. Въ Россіи встарину не ограничивались только списываніемъ южнославянскихъ подлинниковъ; какъ извѣстно, шла также довольно оживленная, оригинальная дѣятельность на языкѣ не чисто народномъ, а смѣшанномъ, на половину церковномъ, на половину народномъ. Желаніе было писать языкомъ литературнымъ, оно достигалось не иначе какъ внимательнымъ чтеніемъ существовавшихъ образцовъ и подражаніемъ имъ. Принадлежали ли формы имперфекта на *-шесть*, *-хуше* къ такому достоинству древнерусскаго литературнаго языка, которое почерпалось изъ вѣчно живого родника народной рѣчи, или же оно наследовалось посредствомъ изученія и подражанія — вотъ въ чемъ вопросъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ послѣднее и въ доказательство, какъ далеко распростиралась подражательность, укажу на аористъ съ *тъ*: «не могшати ихъ удержати» спат. 421.

Для 1-го лица мн. числа мнѣ встрѣтился примѣръ «семе» уже въ праздничной минеѣ XI—XII вѣка (новгородской): «имѣже питоми семе вѣрнии... имѣже съставляли семе и живемъ» 84а. Это продолжалось въ новгородской письменности въ теченіе слѣдующихъ столѣтій, какъ доказываютъ примѣры, приведенные у Соболевскаго (на стр. 114), сличн также въ новгор. прологѣ ок. половины XIV вѣка: «ажемъ семе» (Срезн. 259); или въ

папѣ XIV в. (Тихонр. отреч., кн. I. 107): «*есме кланяюциса*», «*есме вси*» ib. 135; въ тактиконѣ 1397 года (новгор. рукоп.) 5 б. «*ажко присланици есме зде*». Это окончаніе стоитъ по всей вѣроятности въ близкомъ сношеніи съ «*есмъ*», оно напоминаетъ намъ въ грамотѣ хутынской формы «*вѣдала*» «*Барламе*» вм. окончанія на -з, и нѣкоторые другіе случаи именительнаго падежа на -е вм. -з, встрѣчающіеся тоже въ новгородскихъ грамотахъ (сл. Archiv für slav. Phil. VII. 60); не знаю, можно ли сказать, что на образованіе этого (см. на стр. 48), «*есме*» вліяла форма второго лица «*естъ*». Но русское «*есме*» развилось, какъ кажется, независимо отъ болгарскаго или чешскаго окончанія *ме*. Изъ русскаго *ме* (съ удареніемъ) вышло *мя* (*есма*), о чемъ была уже рѣчь.

Не умѣю навѣрно сказать, потому что недостаетъ точныхъ данныхъ для этого, не превышаетъ ли число формъ на *мы* въ первомъ лицѣ мн. числа то количество ихъ, которое существовало въ церковнославянскихъ текстахъ, чтобы оттуда могло послужить образцомъ для памятниковъ древнерусской письменности. По даннымъ, собраннымъ Видеманномъ (Beiträge zur altbulg. Conjugation, S. 8), въ древнѣйшихъ южнославянскихъ памятникахъ примѣровъ на *мы* вообще очень немного, если исключить Супрасльскій сборникъ, представляющій около 20 случаевъ. Сравнимъ ли съ этими данными памятники древнерусской письменности, то увидимъ тотъ-часъ же, что здѣсь число примѣровъ значительно возвышается. Въ одномъ изборникѣ 1073 года, если сосчитать всѣ примѣры, вышло бы, я полагаю, гораздо большее число ихъ, чѣмъ во всѣхъ южнославянскихъ текстахъ вмѣстѣ; уже на первыхъ 60 листахъ (включая сюда 78—81) мы читаемъ: «*вѣмъ*», 6 с, «*не оумьремъ*» 6 d, «*имамъ*» 6 d, «*овраштемъ*» 12 b, «*ствѣоримъ*» 17 с, «*овонакмъ*» 17 с, «*пытаемъ*» 18 с, «*трѣвоукмъ*» 18 d, «*спорицахомъ*» 32 а, «*спожиемъ*» 33 а, «*разоумѣхомъ*» 33 а bis, «*оупразнимъ сѧ*» 38 а, «*спечемъ сѧ*» 49 b, «*призахомъ*» 79 а, «*наказакмъ сѧ*» 51 d, «*овлацѣмъ сѧ*» 54 b, «*поплачѣмъ*» 57 с, «*расоудимъ*» 60 с, «*вждемъ и мы*» 32 d и «*есмъмы*» 32 а,

(можно читать «ксмъ мы», но тогда «мы» противъ греческаго текста лишнее). Какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ? Значитъ ли это частое употребленіе окончанія мы, что уже въ предполагаемомъ южнославянскомъ подлинникѣ сборника была очень сильно развита та черта, которую въ умѣренныхъ размѣрахъ можно наблюдать въ Супрасльскомъ сборникѣ? или же въ этой особенности памятника, какъ и въ очень частомъ отбрасываніи окончанія ть у 3 лица, проявилась черта живого языка русскаго? Если принять послѣднее толкованіе, то оно наводитъ насъ на мысль, что можетъ быть тогда еще и не было южнорусскаго окончанія мо, а было только мъ и мъ; развивавшееся же потомъ, для достиженія соразмѣрности между первымъ и вторымъ лицомъ въ числѣ слоговъ, окончаніе мо¹⁾ могло выгнѣснить не только окончаніе мъ, изъ котораго оно вышло, а также бывшее когда-то мы.

Относительно имперфекта на язъ вм. церковнославянскаго ѣхъ мое мнѣніе нѣсколько расходится съ толкованіемъ, предложеннымъ въ лекціяхъ (на стр. 114—115). Я не нахожу большаго различія въ томъ, оканчивается ли имперфектъ на язъ или яазъ; если бы формы «ндаши», «сѣдаши» могли быть названы исключительно книжными, чуждыми живому русскому языку, то я не вижу причины не считать такими же также формы «ндахъ» и «сѣдаше». Особенность древнерусскаго имперфекта состояла не въ томъ, что онъ не принималъ двухслогового окончанія яазъ, а въ томъ, что безъ различія всѣ четыре разряда глаголовъ (I—IV) оканчивались на язъ, при чемъ не обращалось вниманія на предыдущую согласную, не допускавшую въ первоначальныхъ сочетаніяхъ непосредственной мягкости. Эти «древнерусскія» формы имперфекта несомнѣнно явленіе позднѣйшее, аналогическое, развившееся подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ

¹⁾ Въ русскомъ языкѣ мо могло быть совсѣмъ не того происхожденія, какъ сербское мо, а выйти просто изъ ударяемаго м. Примѣръ, приведенный у Срезн. 154 с. изъ тріоди постной XI вѣка, «ка тѣмъ кристѣггимо» надо отнести къ нерѣдкимъ случаямъ опосокъ, гдѣ вм. ѣ по недосмотру написано о.

азъ или *язъ* было издавна въ употребленіи. Итакъ примѣры: «свѣдѣши», «приидѣши», «коупиши», «хѣдаши», «мыслиши», «чѣстахѣу» — они взяты мною изъ житія Θεодосія по списку усп. собора XII в. — не тѣмъ русскіе, что не оканчиваются на «аше», «ахѣу» — а тѣмъ, что не оканчиваются на *ѣхъ* или *ѣхѣ*, и тѣмъ, что коренная согласная осталась неизмѣненною въ сочетаніи «хѣдаши» вм. церковнославянскаго «хѣжаше», въ «чѣстахѣу» вм. «чѣщахѣу», въ «коупиши», вм. «коупиши», въ «мыслиши» вм. «мъшлиши». Между примѣрами «хѣдаши» жит. Θεод. 37 а и «исхѣдахѣути» ib. 34 d существенной разницы нѣтъ, обѣ формы «древнерусскія», между тѣмъ какъ «хѣжаше», ib. 34 d — форма церковнославянская. Точно такъ «свѣдѣши са» ib. 5 b — форма церковнославянская, не потому, конечно, что нѣтъ въ ней удвоенія гласной передъ ш, а потому что гласною выступаетъ *ѣ* (взамѣнъ *ѣ*) вмѣсто ожидаемаго по приему русскому *а*; на оборотъ «ѡпоусташе» 24 d я назову формою русскою, несмотря на окончаніе *аше*, потому что церковнославянскою могла бы быть только форма «ѡпоуцаши». Форму «имѣаше», на которую указывается, поддерживало настоящее время «имѣеть»; при настоящемъ «имамъ» въ имперфектѣ было бы «имаше» или «имаше»: «нигда же имашеть же вѣѣи градъ патрѣарха» снн. патер. Срезн. м. п. № 82 стр. 69; «имашѣути и» ж. Θεод. усп. сб. XII в. 11 с.

Трудно придавать значеніе изрѣдка встрѣчающимся формамъ 2 лица дв. и мн. ч. на *шта*, *штѣ*; примѣровъ вообще такъ мало, что нельзя не видѣть въ нихъ стремленія сблизить окончаніе *шта-штѣ* съ окончаніемъ *ста-сте*. Не будь окончанія *шта*, *штѣ*, а только *шта-штѣ*, то можно бы сказать, что обыкновенное *ста-сте* подъ влияніемъ единст. числа *ше* преобразовалось въ *шта-штѣ*. Такъ объясняется чешское *sta-šte*, не имѣющее впрочемъ ничего общаго съ древнерусскими примѣрами, и встрѣчающееся только въ болѣе позднихъ памятникахъ (при обыкновенномъ *sta-ste*).

О причастіи настоящаго времени на *a* авторъ разсуждаетъ два раза: на стр. 116 — 117 и на стр. 182 — 3. На второмъ мѣстѣ вѣрно изложено, что нынѣшнее «идя» преобразовалось изъ прежняго «ида», подѣ влияніемъ аналогіи съ «бія», «зная», вытѣснившей наконецъ прежнюю форму «ида» вполне. Не сказано только, чего можно было ожидать на стр. 116 — 117, какъ образовалось это «ида» въ свою очередь вм. церковнославянскаго «идѣ». Окончаніе *a* и отношеніе его къ *ы* автору не совсѣмъ ясны. Я бы этому удивлялся, если бы не была упущена изъ виду параллель съ подобнымъ же явленіемъ въ языкѣ сербскомъ. Но такъ какъ указывается только на чешское «jda», «jza», «fka», обойдены же молчаніемъ древнесербскія формы «моге», «иде», «кове» (сл. Даничић, Историја облика, стр. 348), то не удивительно, что ни словомъ не упомянуто единственно возможное объясненіе этихъ формъ на *a*. Дѣло въ томъ, что полнѣйшій параллелизмъ между древнесербскимъ «моге» и древнерусскимъ «мога» или древнечешскимъ «тога» ясно свидѣтельствуетъ о связи гласныхъ *e* — *a* съ носовымъ *м*. О происхожденіи *a* въ «мога» можно бы только тогда сомнѣваться, если бы и въ древнесербскомъ языкѣ существовала форма «мога»; но какъ скоро древнерусскому *a* въ данномъ случаѣ соответствуетъ сербское *e*, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что «мога-моге» образовались изъ «могы» на подобіе «пять-пять» (изъ пать), т. е. по аналогіи причастія «дѣлаа-дѣлаю» изъ «дѣлаа». Твердость окончанія, сохранившаяся во всѣхъ косвенныхъ падежахъ въ качествѣ гласной *у* съ предыдущей твердой согласной, не позволяла именительному падежу въ русск. языкѣ сразу поддаться полному смягченію, т. е. прямому переходу старославянскаго *ъ* въ *я*, сначала выступила наружу средняя форма съ *a* (безъ смягченія), т. е. сближеніе между твердыми и мягкими ограничивалось въ первое время въ именит. падежѣ ед. ч. м. р. одной гласной *a*, она же была то мягкая («знаа» «внѣ» или «ваа»), то твердая («ида» «мога»). Твердость слога была и въ чешскомъ языкѣ причиною появленія гласной *a* вм. *ie*: «jza» или «jda» на-

поминаетъ чешское «*rátu*», «*шаво*». Ссылка на *т̣* родительнаго падежа *вм.* *▲* не подходитъ.

Проф. Соболевскій говоритъ о двухъ формахъ супина въ церковнославянскомъ языкѣ, на *т̣* и на *ть* (стр. 117). Едва-ли это вѣрно. Существующая форма на *шт̣ь*, напр. въ «*свалшт̣ь*» и т. д., еще не доказываетъ суффикса *т̣ь*, такъ какъ и «**свалшт̣ь*» могло дать «**свалшт̣ь*», «**свалшт̣ь*», «*свалшт̣ь*». Для супина необходимо и въ древнерусскомъ языкѣ, на ряду со всѣми прочими славянскими нарѣчiami, остановиться на одномъ только окончанiи *т̣ь*, относительно котораго достаточное число примѣровъ приведено на стр. 181. Это не мѣшаетъ, конечно, допустить, что въ древнерусскомъ языкѣ очень рано неопредѣленное наклоненiе стало вводить языкъ въ заблужденiе, заставляя его (но сначала вообще довольно рѣдко) *вм.* окончанiя на *т̣ь* примѣнять окончанiе на *ть*; послѣднее случилось тѣмъ легче, что, какъ мы знаемъ, и въ неопредѣленномъ наклоненiи уже древнѣйшiе памятники обнаруживаютъ случаи сокращенiя на *т̣ь*. Эта возможность смѣшенiя и была причиною, что въ концѣ концовъ обѣ формы совпали въ одномъ окончанiи *т̣ь*. Иногда и при этомъ окончанiи все же чувствуется еще сила и дѣйствiе супина въ оборотѣ синтактичскомъ. Такъ въ грамотѣ рижсковитебской, писанной около 1300, читается: «*имѣ шолѣ с темѣ чабкомѣ соли вѣситѣ*» (Ср. 241, по изданiю Куника: «*вситѣ*»). Здѣсь не было бы достаточной причины для родительнаго падежа «*соли*» (рѣчь идетъ о опредѣленномъ количествѣ: «*мехѣ соли*»), если бы въ формѣ «*вѣситѣ*» не чувствовалась сила супина, несмотря на мягкое окончанiе, точно такъ, какъ напр. въ «*пригвоздитѣ крѣта*» жит. Никон. 24 б (при твердомъ окончанiи). Сличн такой же примѣръ: «*подоша воевати заноревѣи*» Псков. лѣт. I, 187 и даже: «*поѣхаше селѣ нѣмецкихъ воевати*» (*вм.* *воеватѣ*) *ib.*, или акт. юр. № 21 (1541 г.): «*прѣжаам... тоѣ жонки и дѣвки имать, сѣма косити*» Кал. I. 230.

Маленькая неточность ускользнула у автора, когда онъ говоритъ, что сербскiй и словинскiй языки знаютъ только формы на *т̣ь*. Нисколько!

Не помнится, чтобы я читалъ въ лекціяхъ, указаніе на то, какъ форма неопредѣленнаго иныхъ глаголовъ отстываетъ въ русскомъ языкѣ отъ церковнославянскаго. Это касается такихъ глаголовъ какъ «отверзѡу», «чѣтоу», «цвѣтоу», гдѣ по старинному въ неопредѣленномъ наклоненіи гласная являлась въ протяжномъ видѣ: «отверѣсти», «чѣсти», «цвѣсти», въ русскомъ же языкѣ уже очень рано неопредѣленное поддавалось вліянію настоящаго времени: «отверсти», «чѣсти», «цвѣсти», напр. «повелѣть отъверсти» ж. Феод. 15b, «ицѣсти» (вм. ицисти) павс. сб. Ср. 274, «приде почертъ» (вм. почереть) гал. ев. XIII в. Сборн. XV. 435, точно такъ въ еванг. 1393 г. «почертъ воды»; въ грамотѣ 1229 года по списку А: «того почѣсти за лихѣи моужь» (руск. лив. акт. 442), въ спискахъ В. С: «почѣсти»; «розчѣстиса» моск. гр. 1433 (г. гр. I. 101); «грамоту велѣлъ чѣсти» костр. гр. 1490 г. (акт. арх. эксп. № 4, стр. 7), «чѣсти» пск. суд. гр. § 25.

Неопредѣленное «ити» переходитъ въ «итти»; правописание колеблется между «итти» и «идти». Проф. Соболевскій указываетъ на примѣры XIV в. съ д передъ ти; я же могу указать на примѣры съ т передъ ти: «итъти» моск. гр. 1434 г. (г. гр. I. 109), 1434 (ib. 117, 2 раза), 1436 (ib. 121, 4 раза) и т. д.; «итъти» 1554 г. Бусл. хр. 763, «иизытти» XVI в. Тихонр. отреч. I. 8, «снитти» ib. 12; «итти» пск. суд. грам. § 70, «итти прочь» 1560 г. Калач. II. 551, и у Котошихина «итти». Не отрицаю конечно возможности объясненія, предлагаемаго проф. Соболевскимъ, но тогда, кажется, надо бы ожидать исключительно только «идти» и «итти», вм. «идъти», «итъти», которыхъ въ такомъ образѣ остается не объяснимымъ. Я предпочитаю думать, что на образованіе неопредѣленнаго «итъти» вліяли формы «найти», «пойти», «сойти» и т. д.; мягкость слога, предыдущаго окончанію ти, въ этихъ формахъ, вызвала и въ простомъ «ити» форму «іѣти», давшую «итъти» приблизительно такъ, какъ «веселіе» въ малорусскомъ нарѣчій даетъ «весілъ е», или такъ, какъ въ сербскомъ языкѣ рядомъ съ «пѣи», «вѣи» образовалось «ѣи». Изъ «итъти» развилось потомъ «итти»

(какъ изъ «вудато» вышло «вудто») и даже «понтти», напр. въ гр. № 20 акт. юр. «по межамъ понтти» (1534).

Проф. Соболевскій ставитъ гадательно вопросъ, не стоитъ ли русская форма *мя* въ «тѣмя» вм. обыкновеннаго «тѣмъ» въ связи съ сербскимъ окончаніемъ *ме*, производимымъ имъ же изъ *мя* (стр. 118)? Мнѣ кажется, что тутъ между сербскимъ и русскимъ языками ничего общаго нѣтъ. Всѣ діалектическія формы прилагательныхъ и мѣстоименій на *мя* развились несомнѣнно подъ вліяніемъ числительныхъ «двумя», «тремя», «четырьмя», образовавшихся изъ «деума», «треми», «четырьми» (обѣ послѣднія формы также «трема», «четырьма», конечно по аналогіи съ «деума», сличн даже «платма»: «платма варницамъ» 1551 г. ак. юр. 191). Весь вопросъ въ томъ, какъ образовалось «двумя» изъ «деума»? Соглашаюсь съ давно уже предложеннымъ объясненіемъ проф. Лескина, что «двумя-тремя» произошло изъ взаимнаго вліянія другъ на друга обѣихъ формъ «деума-треми». Параллели къ этому переходу имѣются въ «гостя» изъ «гости», въ «тебя» изъ «теви» (гдѣ какъ сказано вѣроятно вліяла также форма «та»).

Относительно формы «ксми» надо было непременно прибавить, что она явленіе довольно позднее, выступившее въ то время, когда уже этотъ глаголъ сталъ выходить изъ употребленія. Несомнѣнно «ксми» образовалось подъ вліяніемъ «кси».

XIV.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, отрывочность которыхъ обусловлена мало удовлетворительнымъ порядкомъ изложенія въ лекціяхъ, перехожу къ исторіи формъ склоненія и спряженія. Первымъ (склоненію) посвящено 42, послѣднимъ 32 страницы. Въ такомъ небольшомъ объемѣ нельзя было, конечно, подробно

изложить судьбу древнерусскаго склоненія и спряженія; надо было ограничиться лишь общими чертами. Дѣйствительно, изложение проф. Соболевскаго не въ уровень извѣстнымъ трудамъ Даничича по сербскому, Каллины по польскому языку, и въ новѣйшее время Облака по словенскому нарѣчю. Оно уступает имъ и полнотою и систематичностью. Примѣровъ приводится очень мало, такъ сказать только для того, чтобы намѣтить ходъ развитія. На черты діалектическія, насколько онѣ высказывались и въ этихъ данныхъ, указано только мимоходомъ и не всегда, напр. при родительномъ падежѣ ед. ч. на *у* не сказано, что и онъ въ извѣстныхъ столѣтіяхъ характеризуетъ языкъ русскій сѣверозападныхъ окраинъ. Едва ли можно удачнымъ назвать обозначеніе всѣхъ главнѣйшихъ отступленій древнерусскаго склоненія отъ обще-славянскаго словами «смѣшеніе основъ». Ни о какомъ смѣшеніи основъ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Развѣ напр. смѣшеніе основъ въ томъ, что уже въ изборникѣ 1073 г. читаемъ «отъ амоу»? Не вѣрнѣе ли было бы сказать такъ: въ извѣстное время существовалъ родительный падежъ ед. ч. существительныхъ мужескаго рода, оканчивавшихся въ именительномъ падежѣ безъ различія на *з*, съ двумя окончаніями: на *а* и на *у*. Древнерусскій языкъ унаслѣдовалъ оба эти окончанія; не желая же отказаться отъ одного, какого либо, изъ нихъ, какъ это сдѣлалъ напр. языкъ сербскій, онъ сталъ около окончанія на *у* группировать преимущественно существительныя одно- и двухсложныя, по большей части въ оборотахъ съ предлогами, существительныя выражающія обыкновенно матерію, мѣстность и т. п. То же самое повторилось въ дательномъ падежѣ, только что здѣсь языкъ распорядился двумя окончаніями *у* и *ом* нѣсколько иначе: второе отводилось главнымъ образомъ существительнымъ, выражающимъ названія лицъ или личныя имена. Какъ извѣстно, форма род. падежа на *у* сохранилась до сихъ поръ, тогда какъ окончаніе дательнаго на *ом* со временемъ (за исключеніемъ малорусскаго нарѣчія) исчезло. Итакъ не только о «смѣшеніи основъ», а также о «потерѣ падежей» слѣдовало бы говорить.

Прибавимъ къ этому родительный падежъ «гостя» вм. прежняго «гости»; здѣсь строго говоря нельзя толковать ни о «смѣшеніи», потому что нѣтъ рядомъ двухъ окончаній, которыя могли бы смѣшиваться; нельзя говорить ни о «потерьѣ» падежа, потому что окончаніе род. падежа на *ѣ* еще до сихъ поръ существуетъ, но только для словъ женскаго рода и для одного лишь слова мужскаго рода «путь». Стало быть перемѣна (преобразование падежей), случившаяся здѣсь, произошла подъ вліяніемъ рода; она же опять коснулась вовсе не «основъ», а извѣстныхъ падежей. Дательный падежъ «мѣстамъ» вмѣсто прежняго «мѣстомъ» тоже не можетъ быть названъ результатомъ смѣшенія основъ на *о* съ основою на *а*, потому что и здѣсь переходъ коснулся не основы, а готоваго падежа, да и причина перехода окончанія *омз* въ *амз* по всей вѣроятности заключалась не въ словахъ женск. рода, оканчивавшихся издавна на *амз*, а въ именительномъ падежѣ мн. числа словъ средняго рода на *а*. Судя по параллельнымъ явленіямъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, кажется, и въ русскомъ языкѣ окончаніе на *амз* - *амз* вм. *омз* - *поз* (*озз*) стало входить въ употребленіе прежде всего у словъ средняго рода. Можно ли наконецъ въ самомъ дѣлѣ говорить о «смѣшеніи твердыхъ и мягкихъ основъ на *о*» изъ-за одной формы мѣстнаго падежа на *ѣ* («солнцѣ»), выгнѣснвшей окончаніе на *ѣ*? Вѣдь *ѣ* тоже не твердый звукъ, не произносилось же «солнцо» или «солнцомъ»? Не лучше ли и здѣсь говорить лишь о преобладаніи одного изъ обоихъ окончаній, существовавшихъ прежде для одного и того же падежа, такъ что мягкость или твердость тутъ была не при чемъ. Обратное явленіе, т. е. вліяніе мягкихъ основъ на твердыя, авторъ замѣтилъ сначала «въ винительномъ падежѣ множ. числа» (стр. 128) и черезъ нѣсколько страницъ (на стр. 131) опять не только въ винительномъ мн. ч., но также въ родительномъ ж. р. ед. ч. Не слѣдовало ли подвести всѣ эти однородные случаи подъ одинъ уголъ зрѣнія?

Возраженія мои клонятся къ тому, чтобы убѣдить автора, во второмъ изданіи «лекцій» излагать судьбу русскаго склоненія по

очередя падежей: взаимное вліяніе различныхъ окончаній того же падежа другъ на друга, смѣна одного падежа другимъ или смѣшеніе ихъ между собою, наконецъ вліяніе рода на преобразование склоненія — всѣ эти качества древнерусскаго склоненія выступили бы гораздо нагляднѣе при изложеніи предмета въ другомъ порядкѣ, чѣмъ нынѣ.

XV.

Къ именительному падежу ед. ч. замѣчу, что нигдѣ не изложено, какъ далеко можно по памятникамъ прослѣдить формы «матн», «дчи» (дочи). Нѣсколько примѣровъ приведено мною выше (на стр. 59), сл. также въ грамотѣ 1508 г. акт. юр. № 13 «матн моа», въ двинск. грамотѣ XV (акт. юр. 112): «его дочи Федора», Кал. юр. б. I. 548 (1459 г.) «дочи». Относительно формы «церкви» (или «церквы»: «языческаа церквы» у Кирилла Туровскаго) авторъ какъ будто бы колеблется, не признать ли ему ее фактически существовавшей въ жизни народа (стр. 138). Напрасно. Это такая же литературная выдумка, какъ «сми», которую могли поддерживать еще и южнославянскіе тексты, гдѣ въ XII—XIII столѣтіи тоже иногда попадаетъ именительный падежъ «цркви» (напр. въ болонской псалтыри). Къ именительному существительныхъ на -ыни укажу на примѣръ, доказывающій существованіе формы въ простонародномъ текстѣ еще въ XVII столѣтіи; въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ (ПДП. 1879 I. стр. 79) читаемъ: «государыни»; къ словамъ же на яя (вм. церковнослав. ии) прибавлю еще «лодыя» изъ смоленской правды по спискамъ Д. Е. Ф. (р. лив. акты, 441).

На вопросъ, какъ долго существовалъ звательный падежъ, не дають вполне удовлетворительнаго отвѣта и объясненія примѣры приводимые на стр. 136. Не можетъ быть, кажется, сом-

нѣнія въ томъ, что такіе звательные, какъ «вратѣ», «господинѣ» держались долго: «господинѣ князь великинѣ» читаемъ въ московской грамотѣ 1405 года (гос. гр. I. 71), гдѣ второе слово уже въ формѣ именительнаго, тогда какъ въ витебскорижской около 1300 г. имѣется еще и зват. падежъ «кнѣжѣ» и даже «кнѣжѣ». Въ судной грамотѣ псковской XV вѣка находимъ: «азъ вратѣ товѣ заплатилъ», «оу мене, господо, тѣи приставы не бывали». Ипатская лѣтопись различаетъ еще звательный на е отъ звательнаго на у: «вратѣ и свату» 467, «вы намъ сыну всегда надоби» 300. Къ примѣрамъ звательнаго «вратнѣ» припомнимъ себѣ изъ грамоты 1130 года звательный падежъ: «вратнѣ», гдѣ ѣ въроятно еще выражало звукъ к.

Въ виду довольно ранняго исчезновенія звательнаго падежа можно сильно сомнѣваться въ вѣрности объясненія (на стр. 137), предлагаемаго проф. Соболевскимъ, на счетъ новгородскихъ формъ «останѣкѣ», «неанкѣ», «посадникѣ», которыя будто изображаютъ звательный падежъ! Какой звательный падежъ можетъ быть «посадникѣ»? не ожидали ли бы «посадникѣ» въ родѣ малорусскаго «козачѣ»? Удивляюсь, что авторъ послѣ очень разумнаго разсужденія, посвященнаго этимъ фактамъ въ статьѣ Шахматова, напечатанной въ моемъ «Архивѣ» VII 60 и слѣд., все еще продолжаетъ настаивать на своемъ звательномъ падежѣ!

Окончаніе род. падежа на у, какъ уже сказано выше, въ большинствѣ случаевъ ограничивается краткими одно- или двухсложными существительными, напр.: «со мху» ак. юр. 1504, стр. 22, «съ году на годъ» ib. 1532, стр. 40, «сроку» ib. 38, «съ дѣлу» ib. 40, «мошкѣ» ib. 46, «ломѣ» 1555, стр. 169, «мужественнаго поту своего» ипат. 436, «съ вою того» Бусл. хр. 701 (XV в.), уже въ жит. Θεод. 22 d: «Ѡ вою». Въ московской грамотѣ 1402 г. «того полону», въ югозападныхъ грамотахъ: «оца поля Богу» 1376, «до дрѣвгого рѣкъ» 1386, «того листѣ» 1409, «краковскаго рѣкъ» 1424, «Ѡ вродѣ» 1430; въ литовскихъ грамотахъ: «до мостѣ» 1375 (сл. «отъ мосткѣ» 1555 ак. юр.

168), «казательного закону» *ib.*, «ризького вѣсу» 1405 (рус. лив. ак. 120). Здѣсь можно припомнить также «съ молоду» псковск. лѣт. I. 297, существующее до сихъ поръ, и замѣну двойственнаго числа «два года» въ «два году» акт. юр. № 13 (1508 г.), Кал. I. 190, № 62 (около 1501 г.). Еще безъ перехода въ новое склоненіе употреблена въ родит. падежѣ форма «вѣз ремени» въ москов. грамотѣ 1389 г. (г. гр. I. 61), сл. «Ѹ камени» XV в. (Бул. хр. 700), «на одномъ корини» акт. юр. 1534 (р. 46), 1555 г. (стр. 168). Стоитъ упомянуть, что по той же аналогіи существовалъ также род. падежъ «пни»: «до осинового пни», «отъ того пни», «со пни» акт. юр. 1518, № 147, «у того пни» *ib.* 1554, стр. 167 (въ род. мн. ч. «у тѣхъ пней», но дат. ед. ч. «къ олхоному пню» *ib.*). Къ этому колебанію языкъ былъ приведенъ формами род. падежа «госта» и «гости», дательнаго «гостю», «гости» и даже «гостевни». Отъ существительныхъ «путъ» и «татъ» встрѣчается въ смоленской правдѣ родительный падежъ на *e* (въ изданіи Куника русско-лив. акты; по спискамъ D. E): «не воронити имъ того поуте» (въ спискѣ F: «пути того»), «иметь тате» (въ спискахъ A. B. C. F «тата»). Относительно «тата» можно полагать, что здѣсь *e* стоитъ вм. *я*, поэтому, должно быть, и «путе» стоитъ вм. «пута», формы засвидѣтельствованной въ бѣлорусскомъ нарѣчій (сл. Владиміровъ, др. Фр. Скорина, стр. 278). Какъ понимать въ псковской второй лѣтописи 40: «кроме христіаньскыа»? остатокъ ли это старины? Сличи еще род. падежъ «дади» въ моск. грам. 1362 г. № 27, и «мѣсци» въ акт. юр. 1529 г. № 237 (это вѣроятно простая описка вм. мѣсяца). Нынѣшнее произношеніе нарѣчія сегодни (вм. сегодня), которое иные осуждаютъ какъ «фабричное», основано на историческихъ правахъ, сл. «до Дмитрѣева дни» акт. юр. № 179, стр. 197 (1577 г.), «съ Ггорьева дни» *ibid.* стр. 198 (1585 г.); «сегодни» Калач. I. 193 (1547 г.), «тогожъ дни» *ibid.* I. 234.

Уже у проф. Соболевскаго указано на замѣчательное количество примѣровъ на *оми* — *оми* въ дательномъ падежѣ ед. ч. Такъ какъ этой формы въ нынѣшнемъ великорусскомъ нарѣчій

нѣтъ—она свойственна югу и юго-западу Россіи—то опять возникаетъ вопросъ, не обязанъ ли древнерусскій литературный языкъ—чисто народнаго мы и такъ не знаемъ—широкимъ распространеніемъ этой формы по всѣмъ памятникамъ какъ юга, такъ и сѣвера, зарожденію русско-славянской письменности именно на югѣ? другими словами, не есть ли дательный падежъ на *оми*—*оми* въ древнерусскомъ языкѣ—черта южнорусская? Я оставляю и этотъ вопросъ пока безъ окончательнаго отвѣта, будучи убѣжденъ, что дальнѣйшія изслѣдованія не обойдутъ его молчаніемъ.

Къ примѣрамъ, приводимымъ въ лекціяхъ (на стр. 121—122), прибавимъ еще такіе изъ ипатской лѣтописи, какъ: «златени», «стѣсени», «медведени»; или «гостени» грам. смол. 1284 г., вят.-рижск. 1300, въ югозападныхъ грамотахъ: «Волчкови» 1393, «Осташкови» 1386, «Клюсови» 1400, «Юркови» 1424, «Клѣсови» 1430; въ литовско-русскихъ грамотахъ: «королеви» 1340, «Басналеви» 1383, «вискупови» 1399—1429 и т. д.

Что въ домостроѣ читаемъ: «подастъ телесе здрачѣ», «свекрозе камка», здѣсь *e* замѣняетъ обыкновенное окончаніе *ь*, которое не въ свое мѣсто попало также въ «по отцѣ и по матерѣ» ак. юр. 1568 г., стр. 148.

Смѣшеніе родительнаго съ дательнымъ (мѣстнымъ), о которомъ говорится на стр. 143—144, по моимъ примѣрамъ встрѣчается преимущественно въ сѣверозападной области (напр. въ Псковѣ): «отъ великонъ рѣцѣ» псков. лѣт. II. 18, «съ дорозѣ» II. 41, «изъ него руцѣ» *ib.*, «отъ Бурконѣ лавици» *ib.* 31, «отъ Куканѣ лавици» 32, «по конецъ Брагонѣ улицы» *ib.* (я принимаю здѣсь *и* какъ окончаніе дат. падежа), «отъ Великонъ рѣкѣ» *ib.* 42 (ожидали бы «рѣцѣ»), напротивъ въ двин. гр. ак. юр. 112 (XV в.) «отъ рѣкѣ» вѣроятно *ѣ* родительный мягкаго окончанія *ви*. «рѣкѣ», сл. *ibid.* 271, «отъ рѣкѣ и до озера» (новг. XV в.); наоборотъ: «въ скатѣи Троицы» пск. лѣт. I. 180, «жены слѣпон отверзе очи» *ib.* 302. Примѣры, какъ «на Кромѣ отъ Псковѣ» пск. лѣт. II. 22. 23. 31 или «паче первыя воинѣ» *ib.* 37 могутъ быть также родительными падежами на *ѣ* *ви*. *ы*, хотя эта черта

преимущественно свойственна новгород. говору какъ въ род. ед., такъ въ винит. множ. числа: «половину отцинѣ» ак. юр. 119, «въ вникѣ» ib. 111 (двин. грам. XV вѣка).

Для винительнаго падежа не лишнимъ считаю упомянуть постоянный оборотъ «на конь» въ ввт. грам. 1300, въ грамотахъ московскихъ 1341 года, пск. суд. гр. § 110, пск. лѣт. I. 247 и т. д., сл. также «данте въ мнѣ конь» витебск. гр. 1300, въ новгородской грамотѣ 1301 г. «проводити сии гостя» (но это можетъ быть также «*nominativus cum infinitivo*»), сл. лавр. лѣт. 237 «читите гостя»; въ грам. витебской 1300: «далъ же *всприставѣ*», въ пол. ввт. 1405 г. «надѣючиса на вогъ» (рус. лив. акт., стр. 120).

Окончаніе мѣстнаго падежа на *у* подчиняется отчасти тѣмъ же условіямъ, какія выставлены выше для родительнаго падежа на *у*, напр. «на вору» жит. Б. Гл. по сп. XII в., «на низу» нов. гр. 1327 г. (Шахм. 263), двин. гр. XV в. акт. юр. 111, «на лѣсу» гр. 1526 г. ак. юр. 121, «у ставу» юж. гр. 1366 г., «на стану» пол. гр. 1330 г. (р. лив. а. 54), «въ стану» двинск. гр. 1501 г. ак. юр. 125, 1543 г. стр. 190, впат. лѣт., «на вроду» моск. гр. 1577 г. стр. 191, «на холму» лавр. лѣт. 221. 225, «на суду» пск. суд. гр., «на миру» пол. гр. ок. 1400, «во всакомъ иску» ib. 1405 (р. лив. а. 104. 119), «въ овчамъ къзу» ак. юр. № 19, стр. 40 (1532 г.), «на найму» ib., «на утау» ib. 55 (1571) и т. д. Уже съ давнихъ временъ тяготѣли къ *у* также существительныя, оканчивавшіяся на гортанную согласную, чтобы такимъ образомъ избѣжать переходъ ея въ свистящую, пока языкъ такъ сказать не вполне еще освоился съ сочетаніемъ *кь, ѣ, зь*. Большинство примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ (на стр. 122), подходит подъ это условіе, сл. также въ моск. грамотѣ 1327—8 г. «на червчатѣ шолку», или въ двинской грамотѣ XV в. (ак. юр. 115) «на писку», въ гр. 1510 г. ак. юр. № 14 «въ сямъ списку», ib. 1518, № 16 «въ томъ списку», ib. 1530, № 18: «въ судномъ списку», ib. 1534 г. № 20 «въ иску», «на островку» ib. 1568 г. № 85, стр. 126, «на томъ верегу» ib. 127, «въ долгу» № 126, стр. 152.

Преобладаніе окончанія ъ, показавшагося языку должно быть болѣе выразительнымъ, чѣмъ окончаніе и, могло дѣйствительно начаться очень рано, хотя нельзя всѣмъ примѣрамъ довѣрять. Къ упомянутому на стр. 128 прибавлю еще изъ миней 1097 г. стр. 310 «къ тисѣмъ пристаници». Замѣчательно, что и праздн. миней Импер. публ. библ. XI—XII в. нишетъ на л. 1236 точно такъ! Мѣстный ли это падежъ или же переписчики ошибочно поняли «пристаници» въ смыслѣ именительнаго? Для полной убѣдительности хотѣлось бы встрѣтить форму «пристанициѣ», чего однакожъ, насколько я знаю, нѣтъ. Итакъ, хотя можно допустить, что единичные примѣры преобладающаго окончанія на ъ появились уже въ XI—XII столѣтіяхъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что еще въ XIV столѣтіи вообще умѣли различать ъ отъ и по старому, напр. въ жит. Ниф. Ростовскаго 1219 г. читаемъ: «при князи при Василицѣ при сѣюу Костантиноуѣ», «къ дворци пречюднѣ». Въ московскихъ грамотахъ второй половины XIV и въ началѣ XV столѣтія пишутъ рядомъ по старому и по новому: 1341 г. гр. «пратьѣ», но еще «отци»; 1353 г. «кнагинѣ», «къ Переславѣ», «на Кержалчѣ», «къ княженьѣ», но еще «на князи»; 1356 г. «здоровѣ», «на Рокшѣ» и уже «по своему отцѣ».

Въ псковской суд. грамотѣ § 107 «по томъ времани» можетъ быть остатокъ старины, если е не замѣнило ъ, какъ это случилось въ «дочерѣ» юр. Кал. I. 33 (1669 г.), «по матерѣ» акт. юр. стр. 148 (1568 г.), «весь къ кровѣ» акт. юр. 109 (1678 г.).

Судьба именительнаго и винительнаго падежей множ. ч. изображена въ лекціяхъ не такъ, чтобы легко было получить точное понятіе о всѣхъ фазисахъ ихъ. Преданіе первоначальныхъ формъ, совпадавшихъ повидимому съ церковнославянскими, было нарушено съ одной стороны вторженіемъ винительнаго въ область именительнаго и происшедшимъ оттуда смѣшеніемъ обихъ падежей, съ другой стороны расширеніемъ области окончанія *ое*. Первое теченіе совершилось въ предѣлахъ всѣхъ нарѣчій

русского языка, послѣднее ограничивалось западной и югозападной полосой его. Это — самый общій выводъ, который можно сдѣлать на основаніи данныхъ, разбросанныхъ въ лекціяхъ по различнымъ мѣстамъ (сл. стр. 139 — 140 и стр. 122 — 123). Относительно многихъ подробностей остаемся въ недоумѣніи. Такъ напр. если въ московск. грам. 1327—8 г. читаемъ «мон люди коупленни», то здѣсь несомнѣнный имен. падежъ въ формѣ «мон» и «коупленни», «люди» же можетъ быть винительный, но также новый именительный, образовавшійся по аналогіи обыкновеннаго, именительнаго на и, подобно тому какъ въ сербскомъ языкѣ, гдѣ вообще именительный не уступилъ винительному, все-таки вм. «людик» рано вошла въ употребленіе форма «люди». Не такъ ли было и въ русскомъ языкѣ? Или же въ москов. грамотѣ 1402 г. «тогда именуется три князи крестьяньскии» — здѣсь «три» и «крестьяньскии» формы винительнаго, а «князи» форма именительнаго, но могла бы быть также форма винительнаго падежа, если считать «князи» новымъ винительнымъ, образовавшимся по аналогіи съ «люди», формою существовавшей еще въ XV—XVI вѣку: «на ваши люди» моск. гр. № 60 (1440 г.), стр. 131¹⁾. Настоящій именительный падежъ въ значеніи винительнаго виденъ въ примѣрѣ грамоты 1423 г. «волоостели свои и тиунни и доводцики судитъ княгини сама». Здѣсь «волоостели» и «тиунни» именительные падежи, «доводцики» по формѣ можетъ быть или винительнымъ (ки вм. кы) или именительнымъ (ки вм. ци). Послѣдній случай не подлежитъ сомнѣнію въ такихъ примѣрахъ: «на конюси свое» новг. лѣт. I. 194, «послалиси ови исцы на послуси» акт. юр. № 13 (1508 г.). Наоборотъ, винительный въ качествѣ именительнаго: «всѣ старцѣ» акт. юр. № 62 (1501 г.). Именительный множ. ч. на е — «вояре» — употребляется также какъ винительный «въ вояре» (напр. въ грамотѣ московской 1341 года).

¹⁾ Поэтому въ гр. 1508 г. (акт. юр. № 13, стр. 27) не слѣдуетъ читать: «и-а-а Дмитрию иши... оврагити», потому что «иши» не родительный, а винит. падежъ множ. числа.

Изъ «воира» вышло «воира», едва ли подъ влияніемъ собирательныхъ на ѡ, какъ полагаетъ авторъ (на стр. 154), а по той же причинѣ, которая вызвала «сма», «ста» изъ «сме», «сте» (см. выше на стр. 48—51). Я полагаю, что формы на я: «воира», «христьяна» и т. д. раньше попадаютъ на страницахъ древнерусскихъ памятниковъ, чѣмъ тѣ, которыя по толкованію, предлагаемому въ лекціяхъ, должны были послужить для нихъ образцомъ. Форму «воира» я могу засвидѣтельствовать подлинными памятниками XV вѣка: «кнѣзи и воира» 1462 — 1466 г. Калач. юр. б. I. 107, «кнѣзи и мои воира» 1479 г. Кал. юр. быт. I. 79. Вообще взаимное влияніе формъ именительнаго падежа мн. ч. еще не вполне выяснено. Я напримѣръ не могу удовлетвориться толкованіемъ (на стр. 154), что именительный «погребѣ», «городѣ», «домѣ», «рогѣ» и т. д. образовался по образцу «господѣ». Это объясненіе уже потому мало удовлетворяетъ меня, что слово «господѣ» обозначаетъ собирательное живыхъ существъ, тогда какъ приводимыя существительныя на -ѣ выражаютъ множественность предметовъ. Съ другой стороны подлежитъ сомнѣнію также догадка (тамъ же), что «сыновья», «сватовья», «кумовья» образовались по образцу «братья». Этому сопоставленію мѣшаетъ уже различіе ударенія, а также различіе род. падежа множ. числа: «братьевъ», «сыновей». Ближе во всякомъ случаѣ было бы указать на параллель съ формами «князьѣ», «мужья». Но какъ образовалось «князьѣ» и «мужья». Проф. Соболевскій указываетъ на форму собирательнаго ед. числа жен. рода «княжьѣ» и думаетъ, что нынѣшнее «князьѣ» не что другое, какъ та же самая форма, понятая въ слысѣ мн. числа, подобно тому, какъ «братья» безъ малѣйшей перемѣны формы только въ синтаксическомъ отношеніи перенесено изъ едн. числа въ множественное (стр. 152). Но и противъ этого соображенія можно возражать. Нѣтъ причины, кажется, полагать, что старинное «княжьѣ» въ ед. числѣ имѣло удареніе на послѣднемъ слогѣ; скорѣе можно утверждать, что произносилось «княжьѣ», по аналогіи съ «братья», (сл. «братъ-брата» и «князь-князя»). Въ такомъ случаѣ ожи-

дали бы и для множеств. числа произношеніе «кнѣзья» — род. пад. «кнѣзьевъ», по аналогіи «брѣтья-брѣтьевъ». Напротивъ, «кнѣзьѣ», а также «мужѣя» образовались вѣроятно не перенесеніемъ собирательной формы изъ ед. ч. въ множ. число, а скорѣе изъ предполагаемаго именительнаго множ. числа «*кнѣзьѣ», «*мужѣѣ» переходомъ ударяемаго, въ концѣ слова стоящаго *ѣ* въ *я*; точно такъ «сыновѣя» образовалось изъ «сыновеи», но не безъ участія въ образованіи этой формы другихъ уже готовыхъ примѣровъ на *-ѣя*. Примѣры именительнаго мн. ч. «кнѣзьѣ», «мужѣѣ» могутъ быть и для древнерусскихъ памятниковъ засвидѣтельствованы, по крайней мѣрѣ такими близко подходящими параллелями: «стражѣ стражахѣмъ» новг. лѣт. I, 33, «и сташа дѣньѣ зли» *ibid.* 30, «звѣрьѣ дивни» лавр. 131. По аналогіи этихъ существительныхъ могли образоваться также формы именит. падеж. «кнѣзьѣ», «мужѣѣ»; онѣ существовали, по крайней мѣрѣ, въ церковнослав. языкѣ ¹⁾ (сл. Миклошичъ-Брандтъ, стр. 750), а въ особенности сильно распространены въ нынѣшнемъ словенскомъ нарѣчьи (сл. Миклошичъ-Брандтъ 172. 805). Такой же переходъ въ именительный на *ie* былъ извѣстенъ также старочешскому языку (Gebauer, Staroč. sklonění substantiv kmene - o, str. 10 — 15) и старопольскому (Kalina, стр. 77). Поэтому очень можетъ быть, что онъ не былъ чуждъ также древнерусскому языку, только что здѣсь-то онъ не успѣлъ обнаружиться раньше, чѣмъ тогда, когда уже ударяемое *ѣ* перешло въ *ѣя*.

Миклошичъ и Брандтъ предпочитаютъ всѣ формы на *я* («брѣтья» «батѣзьѣя» рядомъ съ «кумовѣя» и «хозяева») рассматривать какъ собирательныя, и потому первоначально единственнаго числа (сл. Микл.-Брандтъ на стр. 412). Но едва ли этотъ на видъ болѣе простой способъ объясненія въ данномъ случаѣ самый вѣрный. Я согласенъ, что «батѣзьѣя» или «кнѣньѣя» или «кнѣчѣя», «кнѣбѣсьѣя», «кнѣполѣзьѣя», «кнѣугольѣя» дѣйствительно лишь

¹⁾ Поэтому встрѣчаются также въ русскихъ спискахъ церковныхъ текстовъ, напр. въ тактиконѣ 1897 года я отиѣтилъ себѣ съ листа 4-го «мужѣя».

собираТЕЛЬНЫя формы, перенесенныя по чутью внутренняго значенія въ множественное число. Но кто не видитъ разницы между этими словами и такими существительными какъ «князьѣ», «кумовьѣ», «друзьѣ», «сыновьѣ», «деверьѣ», «свекровьѣ!» Одна изъ этихъ формъ, «друзьѣ», просто по фонетическимъ причинамъ не можетъ быть собираТЕЛЬНЫМЪ ед. числа; сообразно съ «клѣчьѣ», «батѣжьѣ», «сѣчьѣ» и т. д. ожидали бы «дрѣжьѣ». Я затрудняюсь даже допустить, чтобы форма «Татарвѣ» могла быть что другое, какъ собираТЕЛЬное, образовавшееся изъ «Татѣровѣ», «татарѣвьѣ» — «татаровьѣ», съ которымъ по ударенію снова совпало «татарѣвьѣ» — «татарвѣ». Что языкъ не оставился на формѣ «татаровьѣ», тому я нахожу причину въ значеніи слова. Для названій не то мѣсть, не то народовъ, русскій языкъ любитъ существительныя собираТЕЛЬНЫя женскаго рода ед. ч., сл. «Мѣръ», «Моуroma», «Полю» и т. д. или въ пск. лѣт. I. 182: «Поганаѣ Латина». Какъ въ послѣднемъ примѣрѣ «Латина» образовалось изъ «Латина» вм. «Латине» (имен. ед. ч. было бы «Латининъ»), какъ «Лѣяна» (= жители деревни Лѣи) замѣнило форму «*Лѣяня» (вм. «Лѣяне» сл. Микл.-Брандтъ, I. 411, прим. 3), точно такъ «татарвѣ» вышло изъ «татаровьѣ», «татарѣвьѣ». Можетъ быть такимъ же образомъ изъ «листвѣе» (вм. «листвіе») образовалось «листвѣ», но здѣсь скорѣе вліяла аналогія такихъ словъ, какъ «муравѣ». Форма «хозяева» вышла изъ *«хозяевя» (вм. «хозяеве») точно такъ, какъ «бойра» изъ «бойря» (вм. «бойре»), какъ «мѣщѣана» изъ «мѣщѣаня» (вм. «мѣщѣане») — стало быть и здѣсь нѣтъ надобности говорить о переходѣ собираТЕЛЬНОЙ формы слова изъ единственнаго въ множ. число.

Труднѣе найти точку отправленія для многочисленныхъ именительныхъ на *а* безъ предъидущаго смягченія. Какъ я сказалъ, не вѣрится, чтобы одно слово «господѣ» могло сдѣлаться коноводомъ для всѣхъ тѣхъ существительныхъ, по большей части значеніемъ своимъ не укладывающихся въ рамку слова «господѣ». Развѣ можно допустить, что «господѣ», род. пад. «господѣ», по-

тянуло за собою: берега́-берего́въ, бока́-бокóвъ, вечера́-вечерóвъ и т. д.? Не думаю. Допустить это можно развѣ для такихъ словъ, какъ «лѣ́каръ», «пѣ́сарь», «учи́тель», которыхъ *á* и безъ того легко объясняется изъ консонантическихъ формъ «лѣ́карé», «пѣ́сарé», «учи́телé», формъ возможныхъ и для древнерусскаго языка, въ доказательство чего укажу на примѣръ изъ псковской судной грамоты: «а только тѣ́ пристави рекутьъ то слово» (Влад. Будан. Христ. I. 149, § 57). Но для именительныхъ «берега́», «города́», «лѣ́са» и т. д. повидимому и этихъ примѣровъ мало. Кажется, эти формы, довольно позднія, стали входить въ употребленіе только тогда, когда въ трехъ косвенныхъ падежахъ уже установились окончанія *амъ*, *ами*, *амъ*. Вѣроятно это преобладаніе окончанія, начинающагося съ *á*, на которомъ было удареніе, хотя и не вызвало, но по крайней мѣрѣ значительно поддерживало и для именительнаго ударяемое *á*. И такъ скажемъ, вслѣдствіе трехъ падежей «берега́мъ», «берега́ми», «берега́хъ» вышло наружу также для именительнаго «берега́». Нельзя однакожъ утверждать, что упомянутыхъ трехъ падежей было достаточно для воспроизведенія именительнаго на *a*; въ такомъ случаѣ примѣровъ именительнаго на *á* было бы гораздо больше. Что же мы видимъ? Мы замѣчаемъ условія, сильно ограничивающія окончаніе *á*. Подробно и внимательно распространяется о нихъ Я. К. Гротъ въ Фил. Разысканіяхъ³ I. 441—они доказываютъ, что окончаніе на *á* зависитъ еще и отъ различныхъ другихъ факторовъ, кромѣ помянутыхъ трехъ косвенныхъ падежей. Самымъ важнымъ изъ этихъ условій я считаю неударяемость окончанія въ род. падежѣ ед. числа. Разница же между «го́лоса» и «голоса́», «по́греба» и «погребá», «о́борока» и «окорока́» напоминаетъ очень живо такое же различіе у существительныхъ средняго рода: «сло́ва» и «слова́», «по́ля» и «поля́», «мо́ря» и «моря́», «зе́ркала» и «зеркала́», «де́рева» и «дерева́». Спрашивается, не дѣйствовала ли тутъ въ самомъ дѣлѣ аналогія окончанія средняго рода на *á*? Но это дѣйствіе я бы во всякомъ случаѣ распространилъ только на слова, обозна-

чающія конкретные предметы, какъ: бока́, глаза́, дома́, лѣса́, рога́, хлѣва́, берега́, вертела́, волоса́, вѣера́, города́, жолоба́, жернова́, колокола́, короба́, кузова́, образа́, острова́, погреба́, полога́, пояса́, тормоза́, терема́, черепа́; и на такія слова, которыхъ абстрактное значеніе можетъ перейти въ конкретное: года́, вѣка́, край, цвѣта́, голоса́, вечера́, холода́, откупа́, промысла́ и т. д. Напротивъ для словъ, обозначающихъ живыя существа, какъ: конюха́, повара́, пристава́, сторожа́, перепела́, тетерева́, и для всѣхъ иностранныхъ словъ такого же значенія, какъ: доктора́, мастера́, цензора́, профессора́ — ближе и естественнѣе думать, что они развивались подъ влияніемъ формъ: учителя́, писаря́ и т. д.

Да извинитъ читатель эту растянутость, свидѣтельствующую лишь о томъ, что нѣтъ еще достаточно подобранныхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса. Дѣйствительно въ лекціяхъ не указано, съ какихъ поръ попадаютъ примѣры на *а*; у меня по рукописи XV вѣка (1470 — 7, Уч. Зап. V. 61) отмѣчено «рукава же ризъ нхъ широчи», но это можетъ быть еще двойственное число, какъ вообще въ этомъ словѣ форма «рукава» вѣроятно остатокъ дв. числа. Въ грамотѣ 1568 г. (юр. акт. 126) пишутъ: «жернова новымъ запаснымъ», въ грамотѣ 1628 г. (у Иванова № 62): «на колоколане колокола».

Въ родительномъ падежѣ множ. числа хотѣлось бы нѣсколько подробнѣе узнать объ отношеніи между окончаніями мягкихъ основъ *езз*, *озз* и *ей*. Повидному «рувалевъ» («рувалевъ» гр. 1388 г., «ств рвалевъ»? гр. 1510 г.) и даже «рувалевъ» (ак. юр. стр. 111. 260) старше чѣмъ «рувалей», но уже въ гр. 1388 г. (гос. гр. I. 56) читаемъ «закладни не держати» рядомъ съ «закладневъ», встрѣчающимся въ гр. 1362 г. стр. 44. Ср. также «сто лецовъ» ак. арх. эксп. I. № 66 (около 1460 г.). Старый род. падежъ сохранился не только въ «ис конь», «пятьдесятъ конь» моск. гр. 1353 г. (гос. гр. I. стр. 38 сл. «коневъ» 1432—43 г. Калач. I. 92), но также въ «мимо своихъ дядь» ак. юр. 1508 г. № 13, стр. 25. Существительное муж. рода

«жеревъи» пишутъ уже очень рано въ род. мн. ч. «жеревъевъ» (напр. въ гр. 1356. 1389 г. и т. д.), но «остоже», какъ существительное средняго рода, остается пока еще по старому: «шестъ остожеи» ак. юр. 124 (1550 г.), сегодня же говорится «деревьевъ».

Гораздо лучше и удовлетворительнѣе изложена въ лекціяхъ судьба дательнаго падежа множ. числа (на стр. 126—127) рядомъ съ предложнымъ и творительнымъ. Но и здѣсь хотѣлось бы еще узнать кой-какія подробности. Авторъ не высказалъ на словахъ того, что явствуетъ изъ приводимыхъ имъ примѣровъ: совпаденіе всѣхъ родовъ существительнаго въ окончаніяхъ *амз*, *азз*, *амм* началось съ дательнаго падежа, за дательнымъ послѣдовалъ предложный, послѣдній же, поддавшійся той аналогіи, былъ творительный падежъ. Кажется, не трудно это доказать и подтвердить примѣрами, что ходъ развитія новыхъ формъ дѣйствительно шелъ въ этой очередн. Легче всего было дательному падежу перейти изъ *омз-амз* въ *амз*; переходъ изъ *о* въ *а* вообще самый близкій. Кромѣ того, я полагаю, и для русскаго языка не подлежитъ сомнѣнію, что первыя стали переходить въ окончаніе на *амз* слова средняго рода, для которыхъ уже въ именительномъ падежѣ предшествовало образцомъ окончаніе на *а*; при именительномъ «сѣла» легко было дательному «сѣломъ» перейти въ «сѣламъ», при «ловица» образовалось «ловицамъ» (вм. «ловициамъ», что тогда уже переходило въ «ловицомъ») и т. д. Существительныя мужескаго рода, совпадавшія прежде въ окончаніи дательнаго падежа съ среднимъ родомъ, прикнули тотчасъ же къ нимъ и по отношенію къ новому окончанію *амз*. Если же все это происходило такъ, какъ здѣсь изображено, тогда не нужно даже говорить о смѣшеніи основъ на *о*, *з*, *ь* и на *а*; никакого «смѣшенія основъ» не было, а просто дательный и предложный передѣляли свое окончаніе подъ влияніемъ именительнаго падежа, причемъ языкъ находилъ нѣкоторую поддержку въ существовавшихъ конкретныхъ «формахъ» (не «основахъ») женскаго рода на *амз*, *азз*.

Древнѣйшій примѣръ дательнаго муж. рода на амз попадаетъ уже въ XIII столѣтїи, если вѣрно напечатано у Срезневскаго послѣсловїе матигорскаго паремейника 1271 года: «налисахъ книгы сна азъ попъ стго дмитрѣа съ снѣимъ своимъ матигорцамъ». Зато еще въ XVI вѣкѣ существовали такія формы: «холопомъ и водромъ и мѣжникомъ» 1578 г.

Предполагая, что дательный падежъ мн. ч. былъ коноводомъ въ этомъ преобразованїи нѣсколькихъ формъ множ. числа, я опираюсь на данныя древнерусскаго языка, доказывающія, какъ мнѣ кажется, что мѣстному падежу труднѣе было уступить аналогїи, чѣмъ дательному, что въ то время, когда въ дательномъ падежѣ уже преобладало окончанїе амз, въ мѣстномъ еще происходила борьба стараго съ новымъ, выходили наружу даже формы не старыя и не новыя, а какія-то среднїя, какъ доказательство, что языкъ былъ уже выдвинутъ изъ старой колѣи, но на новую попалъ не сразу. Мы читаемъ въ двинской грамотѣ (акт. юр. № 71, VI. стр. 111) «тремъ селамъ» и рядомъ «на тихъ трехъ селѣхъ» (но также «въ ловицахъ» рядомъ съ «въ хмелиннѣхъ»); тамъ же VIII (стр. 112): «ловицамъ» и рядомъ «на всихъ угодахъ»; тамъ же XV (стр. 114): «по малымъ озерамъ», XVIII: «у переѣсницахъ» рядомъ съ «въ ручѣхъ»; тамъ же № 75 (1494 года): «къ пустошамъ», «дѣтамъ» (чаще въ это время еще «дѣтемъ»), но «на пустошѣхъ». Въ грам. 1555 г. (Калач. юр. б. I. 82—83): «къ селицамъ», «въ селицахъ», но также «въ полехъ». Въ одномъ послѣсловїи 1380 г. (у Срезн. 266) примѣръ «о людскихъ тяжестѣхъ» представляетъ такую же среднюю форму. Сл. въ полоцк. гр. 1409 г. «на конехъ». Въ тактиконѣ 1397 года читаемъ уже «о раздорахъ» 6° (именит. «раздоръ» ib.)¹⁾ Въ толк. еванг. 1441 г. (сѣверномъ):

¹⁾ Примѣръ «ои вергыа кмавахъ», приводимый въ русско-ливонскихъ актахъ на стр. 13, принадлежалъ бы къ древнѣйшимъ примѣрамъ, еще изъ XIII столѣтїя, но—вопервыхъ грамота сохранилась въ спискѣ съ конца XIV столѣтїя, во вторыхъ же въ подлинникѣ написано «ои вергыа кма³вахъ», что еще не даетъ полнаго права читать «кмавахъ».

«по селахъ скон^т ходацимъ», 103^б, «съ градѣхъ и селахъ» ib. 104^а Въ домостроѣ существуютъ рядомъ «коровѣхъ» и «коровьихъ», рядомъ «мешечкахъ» и «сѣдѣвкахъ».

Говоря о колебаніяхъ, замѣчаемыхъ въ окончаніи мѣстнаго падежа множ. числа, нельзя обойти молчаніемъ формъ на *охъ*. Кажется, онѣ встрѣчаются преимущественно въ западнорусскихъ текстахъ XV и XVI столѣтія, напоминаютъ же собою наклонность древнепольскаго языка къ этому окончанію. Въ псковской судной грамотѣ читаемъ: «на приказникохъ» § 14; въ ипатской лѣтописи^а 590: «к ляхохъ», часто у Скорины: «домоухъ, станоухъ, мехохъ, радоухъ, изыкоухъ» и т. д. (Владиміровъ, стр. 283). Съ этими народными формами западнорусскаго нарѣчія (или хоть бы только книжными, но проникшими въ письменность не изъ церковнославянскаго языка, а скорѣе изъ польскаго) не слѣдуетъ смѣшивать формы церковнославянскія на *охъ*, которыя занесены въ письменность въ этотъ позднѣйшій періодъ времени по образцу южнославянскихъ текстовъ того времени, въ которыхъ мѣстный на *охъ* встрѣчался не рѣдко. Такъ мы читаемъ въ одномъ церковномъ (апокрифическомъ) текстѣ XV вѣка «по мѣстоухъ» (Тихонр. отреч. кн. II. 371), въ одномъ текстѣ XVI вѣка «ш началникоухъ» (Булсл. ист. хр. 730).

Послѣдній, примкнувшій къ аналогіи, о которой рѣчь идетъ, былъ творительный падежъ; примѣры окончанія *ами* встрѣчаются изрѣдка уже въ XIV и XV столѣтіи: «съ поллами» западнор. грам. 1883 г., «съ луглами», ib. «скоплами изведоша», Бусл. ист. хр. 706, «оралами землями и пожнѣми и ловици и змелъниками» двин. грам. XV в. (ак. юр. 111), «съ сѣнными наволоки и съ кобровыми ловици и съ полѣшными лѣсами и съ путиками» ib. 115, «землами и пожнами и ловицами и всѣми угодьями» ак. юр. 39 (1532 г.). Старыя формы оставались долго въ употребленіи, въ особенности *ыми* не легко и не скоро поддалось общей аналогіи. Въ грамотахъ 13—14 вѣка часто попадаются формы: «лужьми», «коньми». Съ тѣхъ поръ, какъ окончаніе *ами* стало брать верхъ для всѣхъ существительныхъ

безъ различія, окончаніе же на *ы* еще не прекратило существованія, языкъ началъ терять чутье для различія обонхъ окончаній. Такимъ образомъ могли появиться мимоходомъ и такія формы, какъ: «съ двѣма комната» ак. юр. 1568 г. стр. 126; или въ псковской грамотѣ «подъ полуѣы» (см. «полубами»).

XVI.

Въ склоненіи мѣстоименій есть формы, о происхожденіи которыхъ можно сомнѣваться и предлагать различныя объясненія. Авторъ лекцій (на стр. 133—4) не затрудняется объяснить род. падежъ «меня», «тебя», «себя» вліяніемъ существительныхъ мужескаго рода. По его мнѣнію «меня» образовалось по образцу родительнаго «коня». Не считаю возможнымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Склоненіе личныхъ мѣстоименій не обнаруживаетъ никакихъ точекъ соприкосновенія со существительными мужескаго рода. Дательный падежъ на *ь* и творительный на *ю* напоминаютъ скорѣе склоненіе существительныхъ женскаго рода на *-а* (жень, женою). Формы «меня, тебя, себя» должны быть объясняемы иначе, т. е. по моему онѣ вышли, какъ уже сказано выше на стр. 49, изъ «менѣ», «тебѣ», «себѣ». Что же касается формъ «менѣ», «тебѣ», «себѣ» въ качествѣ родительнаго падежа — примѣровъ не очень много, но все же столько, что они должны обратить на себя вниманіе — эти формы могли бы дѣйствительно состояться подъ вліяніемъ стариннаго окончанія родительнаго падежа женскаго рода на *ь* («доушѣ»), если бы этому толкованію, предлагаемому проф. Соболевскимъ, не мѣшало то важное обстоятельство, что склоненіе мѣстоименій; какъ видно изъ обонхъ выше приведенныхъ окончаній *ь* и *ю*, не примыкаетъ къ существительнымъ женскаго рода съ мягкойю согласною, съ мягкими окончаніями. Какъ скоро въ дательномъ падежѣ существуетъ

«миѣ», «товѣ», «совѣ», въ творительномъ же «мною, тобою, собою», трудно допустить, чтобы въ родительномъ падежѣ на преобразованіе окончанія могли вліять слова типа «душа», вмѣсто типа «жена». Другими словами, допустивъ съ авторомъ «лекцій» вліяніе существительныхъ женскаго рода на образование родительнаго падежа ед. ч. мѣстоименій личныхъ, мы непремѣнно ожидали бы не «менѣ», «тебѣ», «себѣ», а «менѣ», «тебѣ», «себѣ». Поэтому для объясненія этихъ формъ надо искать другихъ причинъ. Сказать ли, что въ окончаніи ѣ просто отразилось вліяніе дательнаго падежа? Припомнимъ себѣ, что и въ дательномъ падежѣ существуетъ такое же колебаніе между окончаніями е и ѣ («тебѣ — тебѣ»). Но возможно еще и другое соображеніе. Я указалъ выше (см. стр. 51) на примѣры употребленія буквы ѣ въ такихъ случаяхъ, гдѣ потомъ народное произношеніе изъ прежняго е образовало звукъ я («воири — боари»). Спрашивается, не передавали ли очень многочисленныя формы именительнаго падежа мн. ч. на ѣ, а также и упомянутыя родительнаго «менѣ», «тебѣ», «себѣ» именно это переходное состояніе между е и я?

Мѣстоименіе перваго лица ед. числа «азъ» чередовалось уже въ XII столѣтіи съ народною формою слова я (а). Въ грамотѣ 1130 года (Мстислава и Всеволода) читаемъ рядомъ: «азъ мьстиславъ», «азъ далъ» и по народному «а се и всеволодъ». Причина отпаденія согласной з (по произношенію иногда с) въ лекціяхъ Соболевскаго не указана. Я нахожу ее въ аналогіи мѣстоименія перваго лица съ одной стороны съ «ты», съ другой стороны съ косвенными падежами тѣхъ же мѣстоименій (перваго и втораго лица). Произношеніе формы «азъ», съ консонантическимъ окончаніемъ, не находило опоры нигдѣ въ ближайшей области подходящихъ сюда словъ; всѣ формы оканчивались чистыми гласными (ты, миѣ, мене, мена, мною). Вотъ по моему причина, почему языкъ пожертвовалъ согласною также въ формѣ «азъ». Помнится, какъ въ моемъ родномъ городкѣ дразнили произносившихъ по словенски «яз» (вм. обыкновеннаго «я»), представля въ насмѣшку «тиз» (т. е. «ты» втораго лица съ такимъ

же з), желая этимъ какъ будто сказать, кто произноситъ «язъ», тотъ долженъ произносить и «язъ». Я вижу въ этой психологической чертѣ самое наглядное доказательство для того, что дѣйствительно «тъ» могло повліять на «азъ» или «язъ» и передѣлать его въ «ъ» (я).

Относительно именительнаго падежа множ. числа мѣстоименій оканчивающихся на ѣ («тѣ», «онѣ», «кѣ») авторъ не высказался опредѣленно; онъ говоритъ только, что это окончаніе состоялось «подобно именамъ» (на стр. 134). Стало быть — подобно именамъ женскаго рода съ мягкимъ окончаніемъ (напр. «душѣ»)? Такъ ли? Вотъ съ этимъ объясненіемъ я никакъ не могъ бы согласиться. Не подлежитъ, думаю, ни малѣйшему сомнѣнію, что «тѣ» — выводъ языка, сдѣланный для именительнаго падежа изъ совокупности косвенныхъ падежей, обнаруживающихъ всегда передъ окончаніемъ основу формъ «тѣ». Какъ въ «тѣхъ», «тѣмъ», «тѣми» всѣ роды безъ различія совпадали въ одной формѣ, точно такъ и для именительнаго новообразованная форма «тѣ» совместила въ себѣ всѣ роды безъ различія. Число примѣровъ, приводимыхъ въ лекціяхъ, можно бы увеличить множественномъ другихъ, изъ грамотъ XIV и XV вѣковъ, но они не даютъ ничего новаго. Прибавлю только, что основа «тѣ» такъ крѣпко засѣла въ языкѣ, что на основаніи ея развились нѣкоторыя новыя формы: въ грамотѣ 1462—1505 г. (у Калачева юр. быт. I, 170) читаемъ нѣсколько разъ «тѣе земли», «на тѣе земли»; даже въ единственномъ числѣ «тѣю деревнею», «тѣю землею» (въ грамотѣ 1473 г. ак. юр. № 411).

Впрочемъ въ склоненіи мѣстоименія «тъ» видво также вліяніе склоненія обыкновенныхъ прилагательныхъ. Когда въ именительномъ мн. числа пишутъ «тин людѣ» грам. витеб. риж. о. 1300, или «тѣе люди» рус. лив. акт. стр. 13, или «тін люди», «тін людѣ» грам. галицкая у Головацкаго № 1 (1375 года), или же въ винительномъ «тѣе люди», «тѣе конѣ», грам. вит. р. о. 1300 г., «тѣе люди дади есмо» гал. гр. 1375 г. ib. № 5, «оу тин часѣ» гр. 1388 г. ib. № 8—9, нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь вліяли формы

прилагательнаго склоненія. Это вліяніе распространилось также на косвенные падежи множ. числа. Мы читаемъ преимущественно въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ памятникахъ: «кмазь ты- нухъ» р. лив. акт. 13, «тымъ мнихомъ» 1375 г. Голов. гал. гр. № 5, «отъ тухъ масопдсть» ib. № 8—9 (1388 г.), «тыми же колоколъ» рус. лив. ак. 1407 г., «тухъ именовъ» югозап. гр. 1438 г. № 20, «къ тымъ селомъ» ib., «къ тымъ имѣньамъ» ib., «во всихъ тухъ имѣньахъ» 1442 г. № 25, «отухъ имѣньахъ» ib. № 39 (1503 г.), «на тухъ мостѣхъ» ib. № 55 (1510 года). Изрѣдка попадаются такія же формы въ грамотахъ новгородскихъ и московскихъ: «ис тухъ селъ» новг. гр. 1327 г., «с тухъ», «тухъ» ib. 1373 г., «къ тымъ своводамъ» ib. 1305 г., «тыми волостми» моск. гр. 1328 г. № 25, «тыми», «тымъ» ib., «у тухъ людинъ» 1353, № 24, «ис тухъ мѣсть» 1356 г. № 25. Это двойное склоненіе стоитъ въ связи съ двойнымъ именительнымъ падежомъ ед. числа. Старинное «тъ» могло остаться не тронутымъ въ своемъ окончаніи, принявъ изъ косвенныхъ падежей лишь слогъ «то» для опоры: получился именительный падежъ «тотъ» (напр. «тътъ товаръ» смол. гр. 1229 г., «тотъ въ сто, а тотъ потагнетъ» новг. гр. 1270 г. Шахм. 243, «тотъ дастъ Фяѣтъ» Срезн. 263). Къ этому именительному принадлежитъ правильное старинное склоненіе. Но «тъ» могло также, поддавшись вліянію прилагательныхъ, передѣлать именительный падежъ изъ «тъ» въ «тъи», «тъи», «той». Форма «тъи» встрѣчается дѣйствительно иногда въ грамотахъ новгородскихъ (въ грам. 1305 и 1327 гг.), но гораздо чаще въ грамотахъ западно-русскихъ, напр. въ витебско-рижской о. 1300 г. «тъи товаръ», «тъи конь», въ галицкой 1375 г. «той минъ», ib. 1401 г. «той рокъ». Въ грамотахъ южно-русскихъ попадаются, какъ еще нынѣ въ языкѣ южно-русскомъ, обѣ формы рядомъ: напр. у Головацкаго, въ грамотахъ отпечатанныхъ въ Науковомъ сборникѣ, пишутъ: «тъи листъ» № 1 (1350), «на тон день» № 8—9 (1388), «оу тужь днь» № 13 (1398), «тъи листъ» № 20 (1400), «тон слювъ» № 23 (1388), «на тон рокъ» № 24

(1401) и т. д., но тамъ же рядомъ: «тотъ миръ», «тотъ Опо-вѣсть», «тотъ истинныи» № 1, «тотъ овакъдматъ» № 4 (1371), «на тотъ рокъ» № 7 (1386), «на тотъ листъ» № 8—9, «тотъ зыскалъ», «тотъ стратнаъ» № 24 (1401).

При существовавшей формѣ «тъи», «тони» простая послѣдовательность заставляла языкъ идти еще дальше, онъ образовалъ для женскаго рода форму «таи», для средняго «тоѡ»: «тага шнида» гр. 1300, «таи околица» лит. гр. 1387. Срезн. 267, «оуца таи волость» ив., «таи половина» грам. 1403 г. у Голов. № 26, «тоѡ шзеро» ив. № 19 (1392—1429), «тоѡ село» лит. гр. 1387; для винительнаго падежа ж. р. форму «түю»: «про түю жалову» р. лив. а. 1284, «тѡю жъ правдѡ» гр. 1350 г. Голов. № 1, «тѡю земалю», «оу тѡю землю» ив. № 26 (1403), «оусю түю дамъ» лит. гр. 1387 г.; для винительнаго средняго рода множ. числа «таи»: «оу таи ловишча» ив. № 18 (1392), «оуца таи села» лит. гр. 1387 г.

Для винительнаго падежа ж. р. ед. ч. существуетъ также форма «тоѡ», она появляется довольно поздно, кажется, не раньше XVI вѣка, ср. напр. «тоѡ кавалу», «тоѡ свою отчину» кал. I. 197, 199 (1547 г.), «на тоѡ деревню» ав. юр. № 183, стр. 198 (1585 г.), «тоѡ пустошь» кал. I. 75 (1593 г.); это «тоѡ» конечно не что другое какъ родительный падежъ ж. р., колебавшійся уже давно между «тоѡ» и «тоѡ». Какъ это случилось, что это *e* произносится *ѣ* вм. ожидаемаго *я*? Проф. Соболевскій думаетъ (стр. 57), что здѣсь, по всей вѣроятности, оказали вліяніе формы средняго рода на *о* — моѡ, твоѡ, своѡ. Едва ли это такъ. Аналогическія вліянія происходятъ обыкновенно внутри рода или внутри падежа. Поэтому мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь на родительный падежъ ж. рода вліялъ родительный же падежъ м. рода, т. е. что *моѡ* поддалось вліянію произношенія *моѡ*, или, лучше сказать, *сѡ* вліяло на *ѣ*.

Что касается формъ множ. числа съ основнымъ *и* вм. ожидаемаго *ю* въ такихъ памятникахъ, какъ новгородскія, московскія, двинскія грамоты, то мнѣ сдается, что здѣсь вліяніе про-

исходило не съ окончаній мягкихъ на твердыя, а съ именительнаго падежа на косвенные. Мы присутствуемъ такъ сказать при борьбѣ именительнаго падежа съ косвенными, при борьбѣ для существованія. Именительный падежъ «ти», «еси» напрягаетъ свои силы и на время притягиваетъ къ себѣ даже косвенные падежи: «тимъ», «тихъ», «тимн»; «есимъ», «есихъ», «есимн», но силы его вскорѣ истощаются и онъ самъ уходитъ со сцены, уступивъ мѣсто новой формѣ, свидѣтельствующей о перевѣсѣ косвенныхъ падежей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ двинскихъ грамотъ XV вѣка, въ актахъ юридическихъ № 71: «тимн землемн» IV, «есимъ тимъ саврамъ» V, «тихъ селъ», «тихъ земель», «на тихъ трехъ селѣхъ», «ти три села», «на ти земан» VI, «на есихъ угодыѣхъ» VIII, «со есимъ володѣньемъ», «со есимн угодын» X. Въ доказательство, что здѣсь формы вліяли другъ на друга, можно привести примѣръ ib. XI. «цѣмъ владѣлъ... тѣмъ владѣти», гдѣ подъ вліяніемъ формы «тѣмъ» вышло даже «цѣмъ».

Гдѣ о мѣстоименіяхъ рѣчь идетъ, не лишне было бы упомянуть словомъ о параллелизмѣ между *тотъ* — *той* и *сесь* — *сей*. Форма «сесь» существуетъ преимущественно въ юго-западныхъ текстахъ: «на сесь листъ» гал. грам. 1398 г. № 13 у Голов., «на сесь нашъ листъ» ib. № 26 (1403 г.); въ юго-зап. актахъ: «сесь мой записъ» № 48 (1508), «сесь нашъ листъ» ib. № 59 (1512). Примѣръ «также и сесь сложила» Бусл. ист. хр. 750 — выходитъ уже изъ рамки юго-западнаго края, сл. также у Кал. I. 187 «сесь списокъ», то же самое ак. юр. 28. Я нашель также «сесн»: «кто на сесн листъ позыритъ» грам. 1421 г. у Голов. № 32. Въ той же грамотѣ читается также довольно рѣдкая форма «тонъ»: «а тонъ листъ даде панъ Баско». Винительный падежъ ж. рода мѣстоименія «ся» въ церковно-славянскомъ языкѣ былъ «сннъ» — «снкъ», въ русскомъ «сю» и даже «сюю»: «сюю грамоту» читаемъ въ литовско-русской гр. 1387 г. рядомъ съ «сю грамоту» Срезн. 266. 267, «сю кавалу» Кал. I. 201 (1547 г.). Есть также «сее» (рядомъ съ «тоез»): «сее грамоту» ак. арх. эксп. I.

380⁶. Въ грамотѣ полоцкой 1264 г. «сюю грамоту» теряетъ значеніе потому, что тамъ же есть также «сню». Именительный ж. рода «си»: «грамота си» русско-лив. ак. 131 (1407 г.); сл. ак. арх. эксп. I. 389^а. Средняго рода мн. числа: «по са мѣста» Кал. I. 222 (1561 г.).

Авторъ приписываетъ мѣстоименію «тотъ» значеніе члена уже для древне-русскаго языка (стр. 158). Приводимые примѣры мало убѣдительны. Въ сущности мѣстоименіе не лишняя прибавка, оно выдвигаетъ существительное какъ нѣчто читателю уже знакомое, съ нарочнымъ указаніемъ на него. Обыкновенно о такомъ словѣ, снабженномъ мѣстоименіемъ, заходила уже рѣчь въ предыдущемъ. Въ примѣрѣ изъ лѣтописи сказано: «смердовъ жалуете и ихъ конини», поэтому въ продолженіи разсказа можно было прибавить: «начнетъ смердъ тотъ орати лошадыю тою». Точно такъ во второмъ примѣрѣ: «въшедша два лаха на увозъ... лаха та лошащета его». Подобныхъ примѣровъ очень много. Въ этомъ смыслѣ написалъ также Аблесимовъ, на котораго авторъ ссылается: «коней и щу... а кони-та, кони-та какіе добрые были». Вся разница въ томъ — и за это указаніе мы признательны автору — что встарину мѣстоименіе еще склонялось, въ новомъ же языкѣ остались лишь нѣкоторыя формы его, преимущественно *то*. Если же говорить о употребленіи мѣстоименія въ качествѣ члена, отчего не указать на то «тотъ», которое въ русскомъ языкѣ служитъ опорой для существительнаго, имѣющаго возлѣ себя относительное предложеніе? Вѣдь и въ этомъ случаѣ мѣстоименіе играетъ роль члена, такъ какъ, судя по другимъ языкамъ, безъ него можно обойтись. Примѣры такой прибавки мѣстоименія имѣются уже въ старомъ языкѣ, напр. въ грамотѣ витебско-рижской о. 1300 г. читаемъ: «а имуть ть того чловека, кто развон оучинилъ», «про тую дѣтину, что товаръ его вылъ съ развонниковымъ товаромъ», «тын товаръ штдан, что еси взалъ».

XVII.

Относительно склонения прилагательныхъ и причастій надо будетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ кое-что прибавить. Напримѣръ, желательно бы увидѣть по примѣрамъ, какъ долго въ старомъ языкѣ именное склоненіе прилагательныхъ продолжало существовать на ряду съ формами сложными. Встарину писали: «поиаст золотъ» моск. гр. 1328, стр. 32, «поиастъ великии золотъ ib. 1356, стр. 40, «ковшъ великии золотъ» ib., «счечакъ золотъ» ib., «дати ти путь чистъ» моск. гр. 1368, стр. 48. «сваюдо серебряно» ib. 1328, стр. 32, рядомъ съ «сваюдо великое» ib., «шапка золота» ib. 1356, стр. 40, «саван золота» ib. рядомъ съ «шапка золотая» 1328, стр. 32, «чепъ золоту колчату» 1356, стр. 40, рядомъ съ «коровочку золотую» 1328, стр. 32, «поиастъ сердониченъ» 1328, стр. 31, рядомъ съ «кожухъ черленый» ib. 32, «на черчатъ шолку» рядомъ съ «въ великомъ свертцѣ» ib.; сл. «по чепи по золотѣ», «по пошкѣ по золоту» ib. 1356, стр. 40. Въ актахъ юрид. № 103 (1540 г.): «ель же на поклапу» рядомъ съ «ель поклапу» стр. 136, ib. № 104 (1556): «земла добра» рядомъ съ «земла среднаа» стр. 138; «сушило велико» ib. № 86, 126 (1568 г.). Въ впат. лѣтописи 473: «созда церковь камену» рядомъ съ «свати церковь камену». Сл. еще Кал. I. 548 (раньше 1459 г.): «лошакъ рыжъ, лысъ», ib. 573: «меринъ каръ, ковыла вѣра», ib. 540 «мерина темносѣра, да мерина рыжа, да ковылу карю, да ковылу чалу».

Такая же свобода существовала въ выборѣ формы для прилагательнаго въ аппозиціи: «ожерелье на цкахъ, на золотыхъ, разрушно съ ахонты и зъ жемчуги» моск. гр. 1509 г. стр. 406; «приде Лестяко къ Бялзу, увѣженъ Александромъ» впат. 487; «кто на пиръ придетъ пити названъ» ак. арх. эксп. I, № 143, стр. 115а.

Потеря именнаго склоненія у причастій настоящаго и прошедшаго времени, о которой на стр. 156—7 рѣчь, не можетъ

быть названа особенностью древне-русского языка по отношенію ко всѣмъ примѣрамъ, приводимымъ авторомъ: иные изъ нихъ несомнѣнно существовали уже въ южно-славянскихъ подлинникахъ. Отъ вниманія автора несомнѣнно не ускользнула попытка профессора Ю. Шмидта объяснить формы на -и при дательномъ самостоятельномъ ед. числа какъ остатокъ консонантическаго окончанія этого падежа (К. Z. XXVI, 369, 370). По моему съ почтеннымъ лингвистомъ нельзя согласиться, но наблюденіе его доказываетъ многочисленность отступленій отъ правильнаго употребленія причастія въ дательномъ падежѣ, замѣну его окончаніемъ на -и или на -е. Если бы объясненіе Шмидта было вѣрно, мы ожидали бы какъ остатокъ консонантическаго дательнаго только окончаніе на -и, но какъ извѣстно, въ старинныхъ текстахъ это окончаніе чередуется съ окончаніемъ па -е. Колебаніе же между и и е могло произойти оттого, что въ именительномъ множ. числа употреблялись оба окончанія, для окончанія и кромѣ того напращивался въ единственномъ числѣ именительный ж. рода. Раньше другихъ пошатнулся конечно дательный самостоятельный, напр. въ первой новгор. лѣтописи (фототип. изд. стр. 77) читаемъ: «кнѣзю же очютиѣшю» (вм. очютиѣшю), или же тамъ же на стр. 215: «фоминѣ нѣ исходаче»; въ особенности въ множ. числѣ чутье для правильной именной формы утратилось очень рано, ее стали замѣнять формою сложною, напр. «слицимъ послы межи совою о мирѣ, Олговичемъ же и Половцемъ не дадущимъ мнритиса... столцимъ же имъ до вечера» впат. 301. Гдѣ не было нарочно выраженаго дательнаго имени или мѣстоименія, тамъ и причастіе покидало форму дательнаго, довольствуясь окончаніемъ на и: «повелѣ имъ ѣздати воевати» впат. 468, «не погитши пчелъ меду не ѣдати» ib. 509, «назадъ ѣдучи приставають къ верегу» акт. арх. эксп. I, № 263, стр. 293 (1563 г.), сл. ib. № 65 (о. 1460) «кому вудеть стати ѣдучи». Есть также примѣры на е: «тѣмъ поуѣдъ извераче оучинити, а друтъи ковати извернеше тѣмъ» смол. грам. 1330 г., рядомъ съ «правити слоу поемъши дѣтскыи». Замѣна винительнаго падежа

номинальнаго склоненія тѣмъ же окончаніемъ на и видна также въ пригѣрахъ, подобныхъ слѣдующему: «видѣвши же книжнии его примѣши мнискми чинъ» впат. 472. Позднѣйшимъ шагомъ, кажется, была утрата чутья для разницы числа, напр. «уже буду не исправнѣ, исправѣ читите» еванг. синод. 1357 г., «радуется заецъ извѣгши истенета» маргар. 1499 г. послѣсл., «Накрасъ жнеучи въ той отчинѣ да тѣ деревни запустошила» Кал. I. 219 (1576 г.), *ibid.* 176 (1534 г.): «мена не жалуа а нарокачи нгумену да велѣла». «не хода на судъ помирились» акт. арх. эксп. I, № 263 (1563 г. стр. 292), и наоборотъ «везучи дорогоу беречи не учну» ак. юр. № 200 (1655), или тамъ же, стр. 164 (1559 г.): «вѣ въ тѣхъ разбойниковъ нмалн жѣ да обыскаеъ и доведчи на нихъ и пытаеъ накрѣпко казнили».

Остатокъ стариннаго винительнаго падежа имен. склоненія сохранился въ оборотѣ «влѣжачь»: ак. юр. № 61 стр. 102 (1676 г.).

Не понимаю, почему авторъ (стр. 157) называетъ форму «видя», «увидѣвъ» — старою, окончаніе же и въ «идучи», «видѣвши» — формою новою? Я не вижу для этого названія ни малѣйшей причины въ исторіи рус. языка. Вѣдь формы «видя» или «увидѣвъ» настолько же новы для существительнаго женск. рода или мн. чис., на сколько стары формы «идучи», «видѣвши», если онѣ относятся къ существительнымъ женскаго рода или множ. числа! Новое развѣ то, что языкъ уже не отмѣчаетъ разницы рода или числа, и давая предпочтеніе той или другой формѣ, руководится соображеніями другого свойства. Такъ напр. форму на *чи* любить простонародный и, подражая ему, книжный языкъ въ концѣ предложенія: «взяться за дѣло *умтючи*» Тург., «ступилъ... переваливаясь какъ бы *крадучись*» *id.*, «сердце изныло на родителей нашихъ *мядючи*» *id.* Точно такъ форма на *чи* становится все болѣе правиломъ у глаголовъ возвратныхъ: «она стосковалась не *простигошисъ* со мною какъ слѣдуетъ» Аксак. сем. хр., «старикъ долго ходилъ *задумаюшисъ*» *ib.*, «они станутъ тосковать *разставшисъ* съ семействомъ» *ib.*; «*тоднляшисъ* съ ночлега, мы

имѣли возможность не захватить въ село», *ib.* «не дождавшись охлажденія, уходилъ отъ меня» Гонч., «обуешься, взявъ ружье и осторожно отворишь дверь... вышелъ на улицу» Турген., «сидѣлъ скорбишься *ib.*, «уже промотаешься, онъ въ п. не порывался» Гонч., «повертыешься около себя опять улеглась» *ib.*, «закутаешься въ плащъ, погрузилась въ мечтъ» *ib.*, «протруешься на ранней зарѣ, Левинъ попробовалъ будить товарищей» Толст. Невозвратные глаголы употребляютъ безъ различія формы на *-тъ* или на *-шии*, хотя и здѣсь второе окончаніе кажется выразительнѣе, поэтому дается предпочтеніе ему, когда оно выставлено въ концѣ: «жутко умирать не полюбимши» Тург. У глаголовъ перваго разряда длинныя формы на *-шии* уже потому почти исключительно въ употребленіи, что короткія совпадали бы съ причастіемъ другого рода: «протекши болѣе двухъ тысячъ пяти верстъ, впадаетъ въ Касп. море» («протекъ» совпадало бы съ церковносл. «протеклъ») Пушкин., «зажевши свой лагерь, пошелъ обратно» («зажегъ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «зажиглъ») *id.*, «строевую службу онъ прошелъ, протерши лямку» Гонч. («протеръ» совпадало бы съ церковнославянскимъ «протерлъ»), «она сидѣла подперши» Толст.

Къ примѣрамъ особеннаго употребленія несклоняемой сравнительной степени прибавляю форму «вольшии» возлѣ «воле»; значить встарину языкъ останавливался пока еще на одной изъ правильныхъ формъ именительнаго падежа, такими же были «воле» изъ средняго, «вольшии» изъ женскаго рода: «котораа деревна волшии пашиню и угодемъ, и они на ту деревню волшии корму и поворогъ положить» ак. арх. эксп. I. № 150, стр. 121 а, «вольшии того» ак. юр. № 70, стр. 109 (1678 г.), «а волшии того есми денегъ у нихъ не имѣлаъ» Кал. I. 176 (1534 г.), «версты по двѣ и по три и волшии» *ib.* 211 (1547 г.).

Говоря о судьбѣ формъ прилагательныхъ на *-зи* и *-шии* (стр. 159—160), профессоръ Соболевскій употребляетъ такія выраженія, по которымъ можно бы вывести заключеніе, что формы

на *-ой*, *-ей* водворились въ великорусское нарѣчіе лишь въ теченіе XV столѣтія, вытѣснивъ мало по малу бывшія раньше въ употребленіи окончанія *-ый* и *-ий*. Можетъ быть это въ самомъ дѣлѣ такъ и было въ литературномъ языкѣ. Но вѣдь цѣль изслѣдованія въ родѣ «лексій» не довольствуется изложеніемъ фактовъ, она стремится изъ-за написаннаго слова глубже проникнуть въ характеръ народнаго произношенія. Дорожа этой высокою, хотя трудно достижимою цѣлью, мы должны и въ данномъ случаѣ поставить вопросъ прямо: слѣдуетъ ли окончанія *-ой*, *-ей* признать въ великорусскомъ нарѣчій чертою сравнительно новою, или же они существовали въ живомъ языкѣ уже давно, но долгое время были покрыты слоемъ формъ литературныхъ? Я склоняюсь въ сторону послѣдняго мнѣнія; и какъ уже сказано выше (на стр. 29), считаю возможнымъ допустить, что въ примѣрахъ «тѣлообразной видъ» мин. 1096 г. 36^а, «мистеріе чюдной» ib. 107^а, «кѣчаномъ живеть» мин. 1097, 4^б, или «ющичномъ еранъ», «истинномъ» пс. толст. XII в. (Лавр. 29) мелькаютъ ранніе слѣды народнаго произношенія. Что же побуждало писцовъ замѣнять въ этихъ примѣрахъ окончаніе *-ии* окончаніемъ *-ои*, если не желаніе поддѣлаться подъ народное произношеніе? Можетъ быть даже не что другое какъ привычка произносить окончаніе именительнаго падежа на *ой* вводила иногда въ заблужденіе относительно косвенныхъ падежей въ такихъ примѣрахъ: «полѣзньныхъ» мин, 1097, 9^а, «министральныхъ» ib. 14^б.? Впрочемъ подобныхъ примѣровъ очень немного. Изъ раннихъ случаевъ окончанія *-ои* приведу изъ послѣсловія евангелія 1339 года (у Срезн. малонзв. пам. № 86): «князь великомъ».

Въ женскомъ родѣ слова «третій» ожидали бы по аналогіи съ «первалъ», «вторалъ» форму «третьалъ», вмѣсто чего нынѣ пишемъ *третья*. Въ старомъ языкѣ можно встрѣтить также полную форму: «да третьяма вервь» акт. юрид. 1544 г. стр. 123^б, № 81.

Окончаніе родительнаго падежа прилагательныхъ на *оо* (зм. *юо*) объясняется авторомъ изъ произношенія *ло* переходомъ согласной *л* въ *о* (на стр. 90). Объясненіе это не хуже другихъ

попытокъ, но пока не засвидѣтельствованы формы въ родѣ «досроо», какъ напр. засвидѣтельствованы слова «осподарь» (двни. гр. 1397, моск. грам. I. 117) или «великою княжину» (моск. гр. I. 147), любознательность наша остается и впредь неудовлетворенною. Столь замѣчательный фактъ русскаго языка заслуживалъ освѣщенія нѣсколькими примѣрами. Сказано же только на словахъ, что «формы съ *е* встрѣчаются уже въ московскихъ и сѣвернорусскихъ актахъ XV в.». Мнѣ встрѣтилось дѣйствительно въ одной подмосковной грамотѣ, относимой къ 1462—1466 г., но сохранившейся въ «современномъ спискѣ»: «молодое членка», «е правое» (Калач. юр. б. I. № 31, стр. 107), потому же въ подлинной грамотѣ московской 1445—1446 г. Троиц. Серг. мон. «е правое» (тамъ же I. 97) и въ грам. Бѣлозерскому Кириллову монастырю 1471 г. «перезъ село», «им ставленое», «съ волостное», «манастырское» тамъ же № 31, стр. 113. Изъ XVI в.: «старое рязводу» гр. моск. 1566 г. у Иванова № 41, (тамъ же № 65 (1630 г.): «да подачно Ондра»). Много примѣровъ даетъ домострой по списку XVI вѣка: «княза молодое», «мновобрачное», «ветшаное», «зеленое», «того і того» «шваке ис чие вѣдетъ» и т. д. Въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ по списку XVII в. (въ изданіи О. Д. П. 1879, I): накормите прохожега старца 66, «лѣтчика повара ѡшиеть» ib., «мново государа» 1613 г. Бусл. 1008, «иео друзи» 1665 Тихонр. II. 437.

Кому угодно довольствоваться объясненіемъ этихъ формъ путемъ перехода *з* черезъ *л* въ *е*, тотъ съ удовольствіемъ будетъ указывать на «повостъ» (см. погостъ) какъ произношеніе Вятской губерніи, ка «восподь», «восударыня» тамъ же, на «блavorодіе», «вербовой лис(т)» въ Екатерин. губерніи.

XVIII.

Прибавимъ наконецъ нѣсколько замѣчаній къ послѣдней, десятой, главѣ, излагающей «исторію формъ спряженія» (стр. 163—194). Авторъ начинаетъ съ потери имперфекта, полагая что эта потеря могла произойти въ самое раннее время. Но такъ какъ выше (на стр. 96—97) сказано, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ имперфектъ формою своею значительно отступалъ отъ правильно образованной церковнославянской—то надо допустить, что въ первое время древнерусской письменности имперфектъ еще существовалъ и въ народномъ употребленіи, только формы его были, конечно, лишь терпимы, нисколько же не принадлежали къ любимымъ средствамъ народнаго выраженія. Мнѣ кажется, положеніе имперфекта въ древнерусскомъ языкѣ было нѣсколько похоже на состояніе нынѣшняго сербскаго языка, въ которомъ имперфектъ уже совсѣмъ вымираетъ, но въ литературномъ языкѣ онъ употребляется еще довольно часто и это употребленіе вовсе не обусловлено знакомствомъ писателей съ церковнымъ языкомъ, а вытекаетъ изъ живого чутья. Точно такъ, должно быть, и въ древнерусскомъ языкѣ формы имперфекта уже охотно обходились, но если иногда писали ихъ, то не потому только, что выучивались имъ изъ церковныхъ книгъ, а потому, что черпали изъ не пересохшаго еще родника живой рѣчи. Такое впечатлѣніе производятъ на меня многочисленные случаи имперфекта въ разныхъ текстахъ русскаго происхожденія, напр. въ житіи Θεодосія, написанномъ Несторомъ, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и т. д. Такіе примѣры, какъ въ Лавр. лѣт. 11: «си же (Оври) коеваху на словѣнѣхъ... и насилье теораху же намъ дулѣльскимъ аще поѣхати будаше шѣтрину, не дадаше въпрачи кона ни вола, но велаше въпрачи...» или тамъ же, стр. 180: «и тако изидаше изъ монастыра, взяма мало коврѣжкѣ въшедъ въ пещеру и затеораше двери пещерѣ и засыпаше перстью... аще ли будаше нужное

шрудѣ, то шконцемъ малѣи вѣсѣдоваше», или тамъ же, 184: «аще кого видаше в помышленнѣи, ованчаше и в тайгѣ и наказаше влюстикѣ аще которѣи братъ оумъшлалаше или из манастира и оузраше и, пришедъ к нему ованчаше мысль его и оутѣшаше брата аще к нему что речаше, свудашитса старче слово», или тамъ же: «изидаше ис цркви шедъ въ кѣлю и оуснаше и не възераташитса в цркви до Олгѣти. аще ли вержаше на другаго и не признаше к нему цѣтокъ, стоиши... дондеже Опошху оутреною и тогда изидаше в кѣлю свою», или въ 1-й новгор. гѣтописи: «оже куплаху по ногатѣ хлѣвъ» 6631 (такъ часто), «адахоу люди листъ липовѣ» 6636 (и это часто), «чадо свое всажаше въ лядю» ib., «стражѣ стрежаху день и ношь» 6644, «по вса дни загарашиса, не смѣлаху людѣ жиревати въ домъхъ, нъ по полю жиелахуть» 6702, «вожаше съ совою посадника» 6704, «жаллаху по немъ... и радовахуся» ib., «дѣти своѣ далахуть одѣренъ» 6723 — и т. д. — многочисленныя примѣры подобнаго рода производятъ на меня, повторяю, впечатлѣннѣе чуткаго отношенія къ живой народной рѣчи. Для подражанія языку церковнославянскому заключается въ этихъ и подобныхъ оборотахъ слишкомъ много самостоятельности и оригинальности, но и неправильность не доходитъ еще до тѣхъ размѣровъ, какіе видны въ формахъ XV—XVI столѣтій. Поэтому, мнѣ кажется, можно считать несомнѣннымъ, что формы имперфекта, въ древнерусскомъ языкѣ X—XIII вѣка жили еще въ памяти народа, хотя съ кой-какими измѣненіями противъ церковнославянскаго языка. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что на большомъ пространствѣ русскаго языка потеря имперфекта произошла не въ одво и то же время, но я не считаю возможнымъ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ изслѣдованій по исторіи русскаго языка, съ точностью опредѣлить или указать, съ какого конца эта потеря началась. Можно догадываться, что на сѣверозападной окраинѣ, но пока это такъ и остается простой догадкой.

Основательно возражаетъ авторъ противъ «бишь» какъ им-

перфекта; съ объясненіемъ, предложеннымъ покойнымъ Шлейхеромъ, нельзя согласиться. Но не знаю, почему не сказано, какъ другіе объясняютъ это «бишь»? Кажется, съ производствомъ частицы «бишь» изъ «баншь» (отъ глагола «банть») можно согласиться.

Аористъ могъ гораздо долѣе существовать въ живой рѣчи русской, чѣмъ имперфектъ, судя по тому, что въ нынѣшнемъ сербскомъ языкѣ аористъ находится еще въ общемъ употребленіи, тогда какъ имперфектъ, какъ сказано, уже вымираетъ. Нельзя однакожь утверждать, что всѣ формы древнерусскаго аориста вполне совпадаютъ съ церковнославянскими. Отступленія замѣтны уже въ памятникахъ XIII—XIV вѣковъ. Къ примѣрамъ, вычисленнымъ въ лекціяхъ на стр. 165, прибавимъ еще тотъ-другой. Прежде всего отмѣтимъ отсутствіе окончанія *тъ* въ третьемъ лицѣ ед. числа такихъ примѣровъ, какъ «поча книжити» 1283—4 Срезн. 237, «мача» 1350 Срезн. 259, «приа» о. 1350 Ср. 260, «въза» *ib.* 283, «из-д-роукы иза кмоу мчъ» жит. Ник. Срезн. мал. пам. № 32, «поча оувъжати сѣнца» новг. гѣт. I. 20, «въза новын тѣргъ» *ib.* 40, «и приа слы вса» *ib.* 43, «поя дѣчрь» *ib.* 79. Чередованіе въ послѣднемъ глаголѣ двухъ основъ, неопредѣленнаго наклоненія «поати» съ настоящимъ временемъ «помму», заставило языкъ образовать иногда аористъ изъ основы, свойственной только настоящему времени, и вотъ появились такія формы аориста: «дротына изма роукама» новг. гѣт. I, 31, «и ту ѿ изма, и посла пѣлкъы, изма жены и дѣти, а градъ ихъ зажеже» *ib.* 150, «изма дворанѣ», *ib.*, «осѣкы ихъ възъма» *ib.* 156, «а дротына измаша» *ib.* 73, «многы повнша а нныхъ измаша» 167, «поути зааша и сълы измаша» 68, «измаша къназа» 232, «и данн помма по въ-моу върхоу... и за колокомъ възъма дань» *ib.* 115 (случи на-противъ «воротнѣшиса възаша всю дань» 71), «не ида къ го-родоу помма дары» 172, «помма около озера сѣна» 212, «оу-внша ихъ мѣ, а жены ихъ и дѣти поммаша» *ib.* 124 (сл. «въ-заша дѣти ихъ» 14), «поммаша слоужьваноу вуглане» 140,

«дкоръ зажьгоша а житик нхъ поммаша» 148, «на ннѣхъ се-
рефр поммаша» 150. Форму «поммаша» можно читать какъ
«поммаша» и какъ «поймаша», потому что существуютъ рядомъ
«изимаша» и «изьмаша» ib. 64, сл. «изима» 230. Такъ
«стима» ib. 6. 7 вѣроятно произносилось *сойма*, не *сомма*, т. е.
симма, сл. «периммаша» ib. 21. 59. И въ простомъ глаголѣ
рядомъ съ «аша» встрѣчаемъ также «имаша» съ нѣкоторымъ
оттѣнкомъ различія въ значеніи; послѣдняя форма стоитъ въ
связи настолько съ «имати—имамъ», сколько съ настоящимъ
временемъ «имж — иметь»: «вѣзаша на разграбленіи дѣмъ
нхъ... имаша на нхъ нѣ съ полуторъ тысяще грѣнъ» 36,
«вѣзаша оу него... такоже и оу ннѣхъ имаша» 42, «имаша
искоупъ князи» 239. Къ этому аористу примкнуло наковецъ
также неопредѣленное склоненіе «номмати» — хотя въ новгор.
лѣтописи еще правильно «омати», напр. 218 — со значеніемъ
совершеннаго вида, отсюда и причастія «номмавъ» (читай: *лом-
мавъ*) или «измавъ»: «а новгородѣце измавъ всеволодъ... дѣр-
жаше оу себе» 115 — 116, «измавъ и вса посла» 165, «амо
тамо измано качьшикъ моужъ» ib., «понаде къ торожкоу поммавъ
старенишикъ моужни» 168. И съ окончаніемъ настоящаго вре-
мени: «помма съ совою» 105. 161.

Такъ какъ аористъ былъ живучее имперфекта, то не удиви-
тельно встрѣтить иногда форму аориста тамъ, гдѣ ожидали бы
имперфектъ, напр. въ той же новгородской лѣтописи (фотол. изд.)
стр. 22: «егда вѣше велника въ волховеъ а снѣгъ лежа до шкова
дѣи» (вм. «ажаше»); ib. 38 «и стои есъ лѣто османъка велника
во ъ. рязан» (вм. «стоиши»); или же аористы отъ основъ несовер-
шеннаго и многократнаго вида, которые болѣе свойственны фор-
мамъ имперфекта, въ новг. лѣт. 61—62 читаемъ «кмагънио
вълоустинша въ монастырь стѣнъ варяръ а дружинноу нго въ
погрѣвъ вѣсажаша» (ожидали бы «вѣсадиша», напротивъ при-
мѣръ на стр. 24 «оцѣ и мѣи чадо свое вѣсажаше» можно понять
какъ 3-е лицо ед. ч. имперфекта, поэтому и не нужно съ проф.
Соболевскимъ, на стр. 165, предполагать здѣсь смѣшеніе окон-

чаній имперфекта и аориста¹⁾; *ibid.* 202 «много оумаша и не могоша ко оумолити» (здѣсь было бы лучше «оумашу»); тамъ же «повокаша около тѣржоу вицисла и на догонаша тѣржоу» (ожидали бы по крайней мѣрѣ «не догониша», какъ 190 «съгомиша»), *ibid.* 204: «съзва влѣдоу антониа и посадника неанка и всѣ новгородце и запраша вратик свои и всѣхъ новгородца» (и здѣсь ожидали бы «запрашаше», т. е. «молаше»).

Примѣрами, приводимыми въ лекціяхъ (стр. 165—6), конечно еще не исчерпаны всѣ странности въ употребленіи аориста. Количество ихъ безчисленное, начиная съ смѣшенія основъ, примѣры котораго указаны выше — сравни тамъ же 29. 97 «роувоша» при неопредѣленномъ «роуемти» или въ текстѣ XVI в. (Тихонр. отреч. пам. I. 10) «аз же листвѣ вероѣ» — и кончая съ полнѣйшею потерей чутя для различія лицъ, что конечно встрѣчается не раньше XVII столѣтія: яко слышахъ азъ, распалихся сердце мое Тихонр. I. 4 (XVII в.), благословенъ господь Богъ вышній иже научиша тебѣ с нашего учениа мудрости сем. мудр. I. 12 (изд. О. Л. Д. П.), введе его въ свои полаты и посади его подле себя и смотриша на него *ibid.* 14, жена его ключи украдоша и хожаше к ѡному юноше *ibid.* 33, «от конскаго ржанна град трясяхуся (ск. о Бовѣ кор. XVII в. П. Д. П. 1879. I. 50), и т. д.

Смѣшеніе 3-го лица ед. числа въ значеніи аориста прибавкою окончанія *тъ* съ настоящимъ временемъ въ значеніи будущаго я могъ бы засвидѣтельствовать однимъ примѣромъ уже первой новгородской лѣтописи, на стр. 11: «аще кто изъ іствѣы вьмѣзеть, напрасно оувикнѣ вькваше», хотя здѣсь не немислимо также будущее время въ такомъ смыслѣ: сколько разъ ни кто выйдетъ. Примѣръ, приводимый въ лекціяхъ «родитъ» (на стр. 165) изъ евангелія 1355 г., нельзя назвать надежнымъ потому, что точно такъ пишутъ «родитъ» вм. «роди» уже южнославян-

¹⁾ Въ другомъ примѣрѣ изъ той же лѣтописи, стр. 180: «и вса мѣста еснискаша а изъ гѣчкѣ глєзди глѣннмаша, и еидеши вєдоу текоуцию, идоша прочѣ» несомнѣнно надо исправить «еидеши» въ «видѣши».

скіе тексты (ср. Мар. ев. стр. 3. 17). Замятимъ кстатѣ, что и Кириллъ Туровскій употребилъ для аориста «оумръѣтъ» 34, «поможетъ» 50.

Еще обращу вниманіе на одну особенность древнерусскаго аориста, характеризующую его по отношенію къ старославянскому. Какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ памятникахъ южнославянскихъ имѣются аористы «пожрѣхъ» и болѣе употребительное «пожрѣхъ», «оумръхъ» и болѣе употребительное «оумръхъ» и т. д. (см. Миклошичъ-Брандтъ 134, Wiedemann, Beiträge 92—93, 103). Въ древнерусскихъ памятникахъ, насколько они не передаютъ буквально формы церковнославянскія, преобладаетъ аористъ перваго типа, если рѣшимся отождествить «оумръоухъ» съ церковнославянскимъ «оумръхъ», если же не лучше будетъ, сказать, что это аористъ новѣйшаго типа на -огъ: «оумаре» (вл. оумре) мн. 1096, 010. 17, «оумре онтонъ» новг. глѣт. I. 49, «измароша» ib. 24, «измароша» ib. 127, «оумроша» еванг. 1393 г., «простаре» тріод. постн. Ср. 151.

XIX.

Взаимъ аориста и имперфекта русскій языкъ сталъ очень рано, уже въ первыя столѣтія древнерусской письменности, употреблять причастіе прошедшаго времени на -лъ со вспомогательнымъ «сма» и безъ него. Объ этомъ излагается въ лекціяхъ на стр. 169—172, гдѣ достаточнымъ количествомъ примѣровъ освѣщенъ фактъ, что при 3-мъ лицѣ ед. числа глаголъ «сѣсть» могъ отсутствовать уже въ древнѣйшее время, начиная съ надписи на тмутороканскомъ камнѣ и такихъ коротенькихъ записей въ различныхъ рукописяхъ, какъ «Лавра псалъ» (мн. типогр. библ. за апрѣль), «городѣнь псалъ» 1096, «завендъ псалъ» ев. 1097, «оугриница ѱалъ» (юр. ев. 1119), «а писалъ 2 2

«кило» 1232 г. сл. отмѣтку «чи кдѣ дѣтина помалъ, Щцъ ѡалъ до сюду» парем. 1271 г. Вѣрно указано въ лекціяхъ также, что и для перваго лица могло отсутствовать «есма», но лишь при нарочной прибавкѣ мѣстоименія «азъ» или «а»: «и азъ далъ роукою своєю» читаемъ уже въ грамотѣ 1130 г. рядомъ съ «азъ... повелѣлъ ксма» и «се изъ Бсиколодъ далъ ксма». Нѣсколько позже, т. е. не раньше конца XIII столѣтія, попадаютъ уже и второе лицо ед. и мн. числа и первое лицо мн. ч. безъ «еси», «есте» и «есмы»: въ грамотѣ витебскоряжской около 1300 г. (Ср. 240—241) читаемъ: «мы ваше вратне не швидѣли ни грабили товара... аже ты его товаръ оузала... то ты ему не далъ... а ты ему велелъ продати... ты княжо тые коне швизрелъ ты его хотелъ безъ измены... тотъ ты реклъ княжо». Но рядомъ съ этими примѣрами въ той же грамотѣ еще, чаще прибавляется «еси»: «еси товаръ шилъ... ты его шковалъ еси и дѣржалъ его еси... а товара еси шилъ... княже то еси неправду дѣлалъ, забылъ еси... шолъ еси, товаръ еси взалъ, и то помалъ еси, тотъ еси неправду дѣлалъ, что еси взалъ, оу чемь то еси неправду дѣлалъ, то еси неправою думою думалъ, и велелъ еси, ажо еси свое крѣное человане забылъ, оумовилъ еси, ты княжо давалъ еси, далъ жо еси, не дослужилъ са еси, что еси самъ давалъ». Точно такъ и къ первому лицу мн. ч. прибавляется еще чаще «есме»: «както есме не чювали... приговорили са есме вѣли и рекли есме... какъ то есме не чювали».

Проф. Соболевскій отзывается (на стр. 172) о сложномъ прошедшемъ времени такъ: «мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, когда исчезли эти формы; но въ актахъ XVI—XVII в. мы еще встрѣчаемъ полныя формы 1-го и 2-го лицъ прошедшаго сложнаго». Эти слова, передающія вѣрно фактическую сторону, способны вызвать возраженіе по отношенію къ дѣйствительному смыслу приводимыхъ фактовъ. Неужели авторъ лекцій считаетъ такіе примѣры какъ «далъ есми» отраженіемъ живой народной рѣчи? неужели онъ вѣритъ въ дѣйствительность формы 1-го лица «есми»? На стр. 118 онъ оставилъ благоразумно этотъ

вопросъ нерѣшеннымъ, сказавъ только, что «есми» «мы находимъ... въ памятникахъ XIV вѣка и слѣдующихъ, какъ сѣверно-, такъ и западно- и южнорусскихъ, между прочимъ въ грамотѣ Андрея Полоцкаго до 1399 года». Примѣры XIV вѣка еще такъ рѣдки, что стоило перечислить ихъ. На грамоту Андрея Полоцкаго трудно сослаться, потому что она сохранилась только въ спискахъ: да хотъ бы и придать значеніе подлинности нѣсколькимъ примѣрамъ съ конца XIV вѣка, какъ напр. въ грамотѣ о. 1400, гдѣ читаемъ «положилъ есми», «придалъ есми» (Срезн. обзор.² 290) — въ грамотѣ полоцкой 1396-го года: «иж позволѣ есми» теряетъ значеніе уже потому, что тамъ же написано еще «писана вѣсти» — все-таки эти примѣры, если взглянуть на нихъ критически, теряютъ значеніе уже потому, что въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ, начиная съ конца XIV столѣтія, всплываетъ наружу «есми», во всѣхъ древнѣйшихъ текстахъ писалось еще только «есмы». Въ грамотахъ московскихъ 14-го вѣка постоянно писали: «есмы роздѣлъ оучинилъ», «далъ есмы» (1328 г.), «велѣлъ есмы», «положилъ есмы» (1353 г.), «писалъ есмы» (1371 г.) и т. д., только въ 15-мъ столѣтіи, да и это сначала въ спискахъ, начинается появляться «есми»: «что есми съ тобою одинъ чело-вѣкъ» 1433 г. № 48 (стр. 96), «а со княземъ есми любовь взялъ» ib. 97, «а что есми посылааъ» ib. 98, въ грам. 1434 г. (тоже въ копіи № 51, стр. 103): «есми далъ», въ подлинникѣ, въ двухъ грамотахъ 1434 года, № 54—55 (стр. 107—112): «далъ ти есми», «а что еще въ цѣлованье вудучи есми съ тобою, не додааъ ти есми», ibid. № 60 (стр. 131, 1440 г.): «далъ есми вамъ во очину», «што сѧ вылъ есми отъступилъ». Такъ въ одной рязанской грамотѣ 1356 г. читаемъ «далъ есмы», «есмы вѣхуааъ», «есмы оучинилъ» и даже съ причастіемъ на *о*: «возрѣеъ есмы», «сгадаеъ есмы», а въ рязанской же грамотѣ великой княгини Анны (1464—1501) пишутъ «пожаловала есми». Всѣмъ этимъ примѣрамъ я не придаю больше значенія, чѣмъ пресловутому сербскому изъ XIV столѣтія, на который авторъ не пропустилъ сослаться!

Въ памятникахъ, употребляющихъ еще имперфектъ, передается также давнопрошедшее время чрезъ причастіе со вспомогательнымъ глаголомъ «вахъ-ваше», напр. въ новгород. лѣт. I, 79 «оумьрѣаъ ваши», «тоу во вахуу кышан соудальци пълкомь» ib. 86. Съ исчезновеніемъ имперфекта долженъ былъ выйти изъ употребленія и этотъ синтаксическій оборотъ; форму «вахъ-ваше» замѣнило причастіе «выль», опять съ глаголомъ «есмь» или же безъ него: въ выше упомянутой грамотѣ витебско-рижской: «приготовилан са есме вылан», или въ грамотѣ новгородской 1270 года (Шахм. 242): «а что выль выль вратъ твои», въ смол. рижской грамотѣ около 1300 (Кунникъ, Нап. № 8): «какъ есте выли еъ л(ювь)ви», въ московской грамотѣ 1388 г. (С. Г. Гр., № 33, стр. 56): «а что ти са есмъ выль отступилъ дани еъ Ростовцѣ». Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ это сдѣлано на стр. 166, надо было заявить, что нынѣшнее вставочное *было* вынулось изъ указаннаго оборота давнопрошедшаго времени. Параллель къ этому замѣчательному синтаксическому развитію представляетъ вставочное *будетъ* или *буде*, подобный же остатокъ синтаксического оборота причастія на -лъ со вспомогательнымъ глаголомъ *буду*, о которомъ говорится на стр. 167—168. Напрасно авторъ возражаетъ противъ названія этого оборота сослагательнымъ будущимъ; вѣдь названіе грамматической формы не должно обнимать всѣ случаи синтаксического употребленія ея; для большинства же славянскихъ нарѣчій, въ томъ случаѣ и древнерусскаго языка, этотъ оборотъ представляетъ дѣйствительно не что другое какъ сослагательное будущее. Если въ грамотѣ о. 1300 г. (Срезн. 240) написано: «вудуть тови княже лишни людѣ тую думу повѣдали... то естъ тови княже достоинно аже вы тые люди казнимъ», то здѣсь конечно рѣчь идетъ о событіи прошломъ, уже совершившемся, но написавшій изреченіе «вудуть повѣдали» взглянулъ на этотъ фактъ съ своей точки зрѣнія какъ на нѣчто подлежащее еще повѣркѣ, какъ будто бы прибавляя отъ себя: «если окажется, что тебѣ повѣдали». Въ такомъ смыслѣ нужно понять всѣ завѣренія старыхъ записей:

«ази кде... воудоу криво написалъ» прол. 1262 г., «аще кде воудоу изъгроушилъ» 1307 г. Ср. 242, «гдѣ буду не исправилъ ни описалса» 1369 Ср. 264, «кдѣ воудоу не дописалъ ни приписалъ» 1370 Ср. 265. Сл. также Калач. I. 90 (1391—1425): «што емоу далъ... ни што воудет к тѣмъ поустошимъ потагло иныхъ земля», въ грамотѣ 1427 года (Ср. м. п. № 54): «мѣста потагани будутъ к антеѣ... а подать будутъ давали, иню имъ и нинеча тагнути». Настоящимъ будущимъ сослагательнымъ ставовится этотъ оборотъ, коль скоро главное предложенье содержитъ въ себѣ будущее время; къ числу такихъ формъ принадлежитъ, конечно, также неопредѣленное наклоненіе въ значеніи повелительнаго, напр. «а коунъ кматн на нухъ оу истцекъ своихъ, оу кого воудеть кто коупилъ» новг. гр. (1307—1308, Шахм. 249), «взати кмоу коунъ, колико воудеть далъ по исправѣ» ib. (1305—1308 Шахм. 251), «кто воудеть коупилъ... кто воудеть даромъ вьлѣ... а то пондетъ вес коунъ к новоугородоу» ib. (1325—1327, Шахм. 262). Въ смоленской правдѣ о. 1280 г. (Срезн. 223—224): «аже оубають моужа вольного, тѣ вьдати развонники, колико то нухъ воудѣтъ вьлао»; (р. лив. акты, стр. 420—443): «а воудеть переже на нен не вьлао соромъ» § 12, «аже воудеть на нен переѣ соромъ вьлѣ» ib., «што воудеть имъ соулнѣ нанма, черес то имъ воле не взати» § 37 по редакціи D. E. F. (въ А. В. С.: «что имъ посоулншъ, то дан а волѣ не дан»). Сущность новаго оборота заключается въ томъ, что «будеть» прекращаетъ дополнять причастіе какъ вспомогательный глаголъ и присоединяется къ предложенію въ родѣ самостоятельной вставки, вліяющей на глаголъ въ значеніи: *must* *будетъ* или *may* *положимъ*, что равняется союзу *если*. Въ грамотѣ № 52 у Калачова, акты юр. быта (стр. 222, 1561 г.) читаемъ: «азъ господине того не вѣдаю, кому вудеть Некрасъ лелалъ и гдѣ у него записано». Здѣсь можно будетъ отнести къ причастію «лелалъ», по также считать самостоятельную вставку. Такое же двусмысленное положеніе занимаетъ будетъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «азъ лавокъ денги и платьє и сукна и вса-

кой товаръ краалъ ли, и вудеть краалъ, и кто съ нимъ товарищи вылаи». Кал. I. 268 (1647 г.). Самостоятельное положеніе вставочнаго вудеть видѣе тамъ, гдѣ главнымъ глаголомъ предложенія состоитъ не причастіе на -лъ, а настоящее время: «та вудеть пожилина росолала лежитъ пуста» грам. 1578 г. у Иванова № 42, «а вудеть наши земли... намъ очистица» 1686 г. ib. № 70, «кто вудеть роду его тое вотчину похочеть выкупить, и ему та вотчина выкупать» Кал. I. 87 (1625 г.), «и бѣде вы не здадите моего изменника» о Бовѣ корол. XVII в. ПДП. I, 64, «а вуде кто изъ тое вотчины возьметъ крестьянина, а а не очистица, и мнѣ дать крестьянина» Кал. I, 484 (1692), «а вуде кто станетъ въ тѣхъ людехъ вступатца, и мнѣ очистица отъ крѣпостей» ib. 487 (1695).

Выраженію *буде* вполне соответствуетъ вышшее *если*, старшее *естъ*: «а естъ де вы кто къ нему подкинулъ, и онъ де вы человекѣе свое записалъ» Кал. I, 519 (1680 г.).

XX.

Указывая на разные способы передачи будущаго сложнаго (на стр. 168—169), проф. Соболевскій находитъ, что передача черезъ «начьноу» съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ была очень рѣдка. Кажется, это не такъ; число примѣровъ съ начьноу, почьноу, учьноу, не меньше чѣмъ примѣровъ будущаго сложнаго съ хочьноу и неопредѣленнымъ: «а почьнѣтъ са кто Ѡниухъ просити» смол. правда 1230 г. Ср. 224, «а кто почьне наступати на ти земли, иню очистицати ти земли Онцифору» двин. гр. XIV—XV в. (юр. ак. № 71, стр. 111), «а кто почьнѣтъ наступать, иню спасъ на него» Кал. I, 441 (XV в.), въ новгород. грам. 1317 г. (Шахм. 259): «а въ которого члѣка почьнѣтъ шкупати(ти) села, шкупити кому и доврок и худюю; въ акт. юр. б. Калач. I. № 15, стр. 35

(1673 г.): «а кои нынѣ крестьяна... живутъ и... учнутъ жити», «которые въ тѣхъ деревнахъ живутъ и впередъ на пустошахъ учнутъ жити» ib. 55 (1612 г.), «всѣмъ крестьяномъ, которые въ тѣхъ деревнахъ живутъ и впередъ учнутъ жити» ib. 74 (1588 г.). Эта фраза «учнутъ жити» повторяется часто (сл. Кал. I. 83: 1555 г. и т. д.); взаимѣнъ ея въ другихъ, кажется, болѣе древнихъ грамотахъ, читаемъ «нмю»: напр. въ московской 1388 г.: «коли нмюу слати» стр. 56— «а хто имет жити людем старожилицек, и тѣмъ людемъ... ни котораа дань» Кал. I. № 30 (стр. 78, 1443 года), «кто оу нихъ имет жити» ib. 91 (1443); сл. тамъ же I. 92 (1433 г.), 104 (1463). Слич также Кал. I. 101 (1449 г.) «коли... оучнут соль продавати», «учнеть судити», «учнутъ искати»; ib. 443 (1443): «оучнут логити», а въ грамотѣ смол. 1230 г. (Срезн. 224—225): «нмюуть са бити», «тять ли сметь хытрити». Такое же разнообразіе и въ прошедшемъ времени: ib. 253 (1620 г.) «учалъ говорити» Кал. I, 184 (1534 г.): рядомъ съ «искати сталъ», «отечать не стали» Кал. ib. 185, а въ галицкой грамотѣ 1401 г. «тожъ смѣла ѡтповѣдати» (Голов. Наук. Сборн. 1866. I. 37).

Судьба сослагательнаго склоненія со вспомогательною частицею *бы*, превратившеюся въ неизмѣняемое словечко изъ бывшаго когда-то аориста «вѣхъ-вѣша», изложена на стр. 166—167. Не вполне точнымъ нахожу выраженіе автора, будто «старая форма сослагательнаго склоненія стала превращаться въ форму прошедшаго сложнаго съ неизмѣняемою частицею *бы*». Не о прошедшемъ сложномъ рѣчь идетъ, а о измѣненіи которому подвергалась форма вспомогательнаго глагола *вѣхъ*. Примѣры, приводимые самимъ авторомъ, доказываютъ, что это такъ. Развѣ въ примѣрахъ «любилн вы ма вѣсте», «грѣха вы не выша имѣли», «знали вы вѣсте и отца», «аще вы выша силы были вы» и т. д. можно говорить о прошедшемъ сложномъ съ прибавкою *бы*? Не лучше ли сказать, что 3-е лицо ед. числа *бы*, вслѣдствіе частаго употребленія его рядомъ съ союзомъ *а*, *аще*, прикинуло къ этимъ союзамъ какъ нѣчто нераздѣльное, причемъ «вѣхомъ»,

«высте», «выша» сначала еще не опускались, а все-таки оставались въ предложениі настоящими выразителями условности и заодно указателями лицъ. Только во второмъ лицѣ, сначала лишь множественнаго числа, вмѣсто «аще вы есте» вошло въ обычай писать также «аще вы есте». Происхожденіе этого оборота мнѣ представляется такъ: когда чутье для правильнаго употребленія глаголовъ «сма» и «вухъ» начало колебаться, на форму *бысте* стали смотрѣть какъ на сложившуюся изъ *бы* и *есте*, поэтому при выставленномъ уже *бы* рядомъ съ союзомъ *аще* (или *а* или *что*) *вм.* повторенія полнаго *бысте* довольствовались формой *есте*, какъ мнимымъ сокращеніемъ полнаго *бысте*. Примѣровъ для *бы есте* и даже *бы естя* — количество громадное, начиная съ XIV столѣтія; два примѣра изъ московской грамоты 1353 года приведены у Соболевскаго — по образцу же множ. числа развился потомъ, гораздо позднѣе, и для единственнаго числа оборотъ *бы еси*: «аще вы еси хотѣлъ изъавити, изъавилъ вы еси» читаю въ одномъ прологѣ XVI вѣка, гдѣ конечно *еси* такая же вставка книжной мудрости, какъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ; ср. «ѡ истинѣ выла вы еси на сѣмъ конѣ» Бусл. хр. 703 (XV в.), «и се книжнами вы еси поговорилъ» ib. 755 (1533 г.). Въ грам. 1649 г. (Кал. I. 271): «и ты въ... сыскала вы еси», въ сказаніи о семи мудрецахъ I. 10: «прошу у тебя, что еси посла послѣ своего». Встарину не знали такихъ цвѣтковъ краснорѣчія, напр. въ грамотѣ о. 1300 (Срезн. 241) писали: «аще вы ты оу своемъ словѣ стоилъ а нашу вратню проводилъ вы, мы выхомъ не поминали».

XXI.

Къ изложенію того, что называется «Исторією формъ настоящаго времени» (на стр. 172 — 176), позволю себѣ прибавить слѣдующее. Я былъ изумленъ, прочтя у автора (на стр. 173),

что онъ считаетъ 2-е лицо ед. числа глаголовъ дашь, ѣшь — повелительнымъ наклоненіемъ. Миѣ до сихъ поръ казалось самымъ естественнымъ дѣйствіемъ аналогіи 2-го лица всѣхъ прочихъ глаголовъ, что и даси, ѣси, черезъ дась, ѣсь, перешло въ дашь, ѣшь. Да и единственный примѣръ, приводимый авторомъ изъ псалтыри XIV в. «до извѣтка ѣши» не говоритъ въ пользу его толкованія потому, что «ѣши» ужь никакъ не указываетъ на повелительное наклоненіе. Но формы дадимъ—дадите, ѣдимъ—ѣдите, не повелительное ли это наклоненіе? Допустимъ, что это такъ, хотя легко представить себѣ, что бывшія (дадать) и существующія до сихъ поръ (ѣдятъ) окончанія 3-го лица легко могли, по аналогіи съ прочими глаголами, вполне независимо отъ повелительнаго наклоненія, развить новыя формы для 1-го и 2-го лица мн. ч.: дадимъ—дадите, ѣдимъ—ѣдите (по образцу родять—родимъ—родите).—Это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что дадите—ѣдите для повелительнаго вовсе не употребительны, по предложенному же въ лекціяхъ объясненію выходитъ страннымъ, что формы повелительнаго наклоненія, на дѣлѣ не существующія, могли вытѣснить формы настоящаго времени. — Но повторю, хоть бы и допустить, что нынѣшнее дадимъ — ѣдимъ формы стариннаго повелительнаго наклоненія, слѣдуетъ ли отсюда, что и дашь—ѣшь должны быть формы повелительнаго наклоненія? По моему вовсе нѣтъ. Поэтому я буду и впередъ смотрѣть на ѣшь, дашь, какъ на аналогическія формы настоящаго времени, пока миѣ не укажутъ хоть бы на одинъ примѣръ съ окончаніемъ жь въ значеніи настоящаго времени. Не имѣю примѣровъ, да и у Соболевскаго нѣтъ ихъ, для настоящаго времени: ѣдимъ—ѣдите, дадимъ—дадите; — въ концѣ XIII столѣтія еще писали «даси» («ман того не даси» рижск. гр. о. 1300 Срезн. 241) и мн. ч. «мъ правдоу дамъ» гр. смол. 1284—1297, «мъ не дамъ ни продамъ» *ibid.* Ср. 241; повелительное «дамъ» существовало уже въ XIV столѣтіи: «а сумгане дамъ смоу» Срезн. м. п. № 20, «дайте» *ib.* № 35; но для множ. числа повелительнаго наклоненія могу засвидѣтельствовать новыя формы уже примѣ-

ромъ XIV вѣка: «мъ же, вратіе, шжамъ» Бусл. хр. 498. Въмѣсто нынѣшняго совпаденія повелительной формы «ѣшь», съ настоящимъ «ѣшь» встарину различали то отъ другого: «не шжъ есакоа нечистоты» мин. XVI в. ОЛДП. № 11. 168; «даи свою дочь за меня с любви, а не дашъ с любви» Бов. кор. XVII в. ПДП. 1879 I. 54.

Какъ изъ даси вышло дашъ, такъ изъ хоши—извѣстной формы желательного-повелительнаго склоненія—вм. хошь развилося хошь по той же аналогіи обыкновеннаго окончанія второго лица на шъ: «ты въ кавалѣ послухъ, а вотчину хошь выкупать назадъ?» Кал. I. 190 (1534 г.), «не могла яз Бовы прелстить хошь его повѣсь, хошь его на колъ посади» Бов. кор. ПДП. 1879 I. 63. Встарину было «хоши»: «не хоши прияти» Срезн. 193 (около 1200), «въсхоши въ здържанню» ефр. сир. XIII—XIV в. Къ единственному «хоши» принадлежитъ правильное множ. число желательнаго склоненія «хотимъ», вошедшее въ новомъ языкѣ въ общее употребленіе. Простонародный языкъ, а также древніе памятники, знаютъ множ. число дѣйствительнаго настоящаго времени: «мъ хочомъ вѣ жаловатиса» грам. пол. 1300 г. Срезн. 241, «ижа хочимъ» юговал. гр. 1389 г., «хочютъ» грам. пол. вит. 1407 г.

Относительно глагола «дышать» было бы достаточно указать автору на Я. К. Грота (Русск. правоп. ⁴ 30, Филол. Разыск. ³ II. 322). Лучше всего умѣетъ соблюдать это различіе нарѣчіе словенское, въ которомъ *dišati*—*dišim*—*diši* значить: распространять запахъ, а *dihati*—*dišem*: дышать; первый глаголъ ставитъ удареніе на послѣдній слогъ: *dišim*, *dišiš*, *diši*, второй на предпоследній: *dišem*, *dišes*, *diše*.

Для правильнаго настоящаго времени «слоку» вм. нынѣшняго слыву укажу на примѣры, отмѣченные у меня: «што руськаа земля словеть полочкаа» вит. пол. грам. 1264 г., «Деревна на которои вы стоите, словеть Борозовескаа» акт. юр. № 19 (стр. 41, 1532 г.). Къ случаямъ же утраты правильнаго настоящаго времени прибавлю гнать—гоню (вм. жену).

Окончаніе 3-го лица ед. числа безъ -ть вовсе не такъ рѣдко, какъ могло бы показаться, судя по словамъ проф. Соболевскаго. Для меня «само собою» не «разумѣется», что многочисленныя формы безъ -ть въ изборникѣ Святослава принадлежать не русскому, а церковнославянскому языку. Это надо было доказать. Да и самъ проф. Соболевскій не считаетъ этого вопроса столь простымъ и легкимъ, какъ казалось бы по его слегка брошенной формулѣ «само собою разумѣется». Вѣдь и онъ прибавляетъ многозначительную оговорку, окопчательно разрушающую его увѣренность. Онъ говоритъ, что если не всё, то многія формы могутъ быть считаемы за принадлежащія не русскому, а церковнославянскому языку (стр. 175). Но если многія формы — церковнославянскія, то хотѣлось бы узнать, какія же все-таки русскія? Авторъ допускаетъ и самъ, что 3-е лицо единст. числа безъ -ть особенно часто попадаетъ въ галицко-волинскихъ памятникахъ. Не будетъ ли кстати по отношенію къ этой особенности признать также изборникъ Святослава близкимъ родственникомъ галицко-волинскихъ памятниковъ? Во всякомъ случаѣ этотъ довольно важный вопросъ нуждается въ болѣе подробномъ разборѣ и изслѣдованіи. Не вдаваясь въ перечисленіе примѣровъ изъ изборника 1073 или 1076 годовъ, напомнимъ только, что и въ словѣ Иподита объ Антихристѣ, памятникѣ, отличающемся впрочемъ замѣчательною выдержанностью церковнославянскаго языка, все-же попадаются примѣры безъ -ть: «свудѣ видѣли» 6, «хоще» 67, «да почыте» 73, «да не може» ib., «не поѣдаю ли землю нхъ ни, не держа ли ю ромлю» 44, «да положи еже има» 54. Въ торжественникѣ XII вѣка, въ которомъ чудо св. Николая (Срезн. м. п. № 32), нѣсколько разъ читаемъ «ю» (вн. «кста») и также: «отъ стом оуте» (стр. 28). Въ житіи св. Савы только «что пророкъ въчмаю» 209, «да вуде вес трюда» 229, «сжеже к лѣло» 253, «что ти е» 455.

Въ обзорѣнн формъ повелительнаго наклоненія не все излагается въ такомъ видѣ, чтобы дѣйствительныя историческія про-

цессы выходили вполне ясно наружу. Во главѣ всѣхъ отступленій древнерусскаго повелительнаго отъ церковнославянскаго я бы поставилъ то, что было главною причиною ихъ, т. е. рѣшительное вліяніе 2-го лица ед. числа на 2-е лицо мн. числа. Начиная уже съ Остромирова евангелія, какъ хорошо указано на стр. 178, постоянно повторяются примѣры уравниванія 2-го лица множественнаго числа 2-му лицу ед. числа, такъ что вся разница заключалась только въ прибавкѣ къ единственному числу окончанія -те для множественнаго числа. Напрасно авторъ увѣряетъ (стр. 178), что «старыя формы на -ѣмъ, -ѣте были еще въ полномъ употребленіи въ сѣверно- и зап.-русскихъ говорахъ въ XIII—XIV в.». Я съ этимъ не могу согласиться въ виду такихъ фактовъ, какъ у Срезн. м. п. № 32 (XII в.) «съ великою вѣрою помидиѣ», «идиѣ» стр. 26, въ грамотѣ смоленско-рижской о. 1297 (Кун. Нап. № 3): «какъ те мозите стояти», или въ гр. новгор. XIII в. (Срезн. м. п. № 35): «възмите», въ двинской грамотѣ XIV в. «станите на судъ» (ib. № 29), въ мнѣѣ новгородской 1369 года «не клѣните», въ грамотѣ новгородской послѣ 1300 (Срезн. 242): «томуоу вѣры имите», въ грамотѣ витебско-рижской около 1300 г. (Ср. 241): «се мы готови, поедимъ», въ послѣсловіи одного новгородскаго евангелія 1232 года (Срезн. обзор.² стр. 106) «кде воудоу помалъ са, чтите исправляюще». Даже въ новгородской лѣтописи I. 158: «и мы помидимъ». Наконецъ въ сѣверныхъ двинскихъ грамотахъ XIV—XV вѣка читаемъ: «постерегите» акт. юр. 430, «возмите», 432, «не динните», «не обидате», «постерегите» ib. Не хочу этимъ отрицать, что иногда оставались формы на -те по церковнослав. преданію, но это лишь остатки литературной формы. Какъ извѣстно, на сокращеніе окончанія и въ ѣ въ современномъ языкѣ вліяетъ удареніе, падающее на предыдущій слогъ; встарину быть можетъ случаевъ съ удареніемъ на и было больше, чѣмъ нынѣ. Сл. напр. у Кал. I. 217 (1555 г.): «поѣди господине за нами, и мы тебѣ укажемъ», произносилось несомнѣнно «поѣди».

Въ южнорусскихъ говорахъ сохранилась разница между «веди» и «ведѣте», между «неси» и «несѣте» до сихъ поръ въ степени мягкости: веди, неси—ведите, несите; эта разница проведена тамъ же и для глаголовъ III^б и IV-го класса: гори, хвали—горите, хвалите, гдѣ конечно горите хвалите формы аналогическія, поддавшіяся подъ образецъ повелительныхъ ведите, пиите, мрите, двигните. Сюда, должно быть, относятся также примѣры, приводимые авторомъ изъ разныхъ южнорусскихъ памятниковъ: «отгвалѣте», «хуранѣтеса», «творѣте», «молѣтеса». Но съ этими примѣрами не должно смѣшивать встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ формы «нищѣте», «покажѣте», «скажѣте», въ которыхъ чередуется съ а («нищате», «покажате», «скажате»). Въ послѣднихъ примѣрахъ нѣтъ повидному ничего диалектическаго-русскаго, это скорѣе рабское подражаніе формамъ, занесеннымъ въ древнерусскую письменность съ юга. Не всегда легко рѣшить, принадлежитъ ли форма на -ѣте къ старымъ (т. е. южнославянскимъ) или новымъ (южнорусскимъ). Напр. въ житіи св. Савы, памятникѣ, какъ уже сказано, несомнѣнно южнорусскомъ, можно бы «възницѣте» стр. 169 считать новизною южнорусскою, но такъ какъ здѣсь во всѣхъ прочихъ случаяхъ строго выдержана разница между -ите и -ѣте (напр. «идѣте», но «помолчите» ib.), то можетъ быть здѣсь и форма «възницѣте» такая же, какъ въ прочихъ древнѣйшихъ памятникахъ (напр. въ Остром. ев.).

Къ примѣрамъ, доказывающимъ силу и способность стариннаго языка отдѣлать возвратное мѣстоименіе отъ своего глагола (на стр. 180), прибавлю нѣсколько ихъ изъ грамотъ, отличающихся свѣжестью народной рѣчи XVI вѣка: «а ты са на тѣхъ шлани ам?.. на тѣхъ са, господине, шлюжъ» Кал. I, 177 (1534 г.), «истецъ и понатые со княземъ Юрьемъ за поле понмаамъ жъ са» ib. I, 195, «на дѣло шлани ам са» ib. 204 (1547 г.), «си князь Юрън съ ними за поле понмаатъ же съ» ib. 209. Какъ и нынѣ, сокращалось возвратное мѣстоименіе изъ са въ съ, если предыдущее слово оканчивалось гласною, напр.

акт. юр. № 20 (1534 г.): «шлемса господине», «шлаюся господине», «на поле битиса», «на поле битса».

О неопредѣленномъ наклоненіи и причастіяхъ была уже рѣчь выше. Къ формамъ существительнаго глагола прибавлю очень рѣдко попадающуюся сокращенную «еса»: «у кого еса то сержро занимовалъ» моск. гр. 1433 г. (I. стр. 104).

XXII.

Профессоръ Соболевскій заканчиваетъ свои лекціи главою XI объ удареніи, съ общими разсужденіями которой я согласенъ, не знаю только, почему онъ къ ударенію хроматическому причисляетъ лишь языки санскритскій, греческій и латинскій, какъ будто бы литовскій и славянскій не принадлежали къ тому же числу языковъ съ удареніемъ хроматическимъ. Или развѣ не сохранилась до сихъ поръ музыкальность ударенія въ высокой степени въ языкѣ сербскомъ? Она существуетъ также въ языкѣ чешскомъ, съ ограниченіемъ однакожь только на долгіе слоги. Въ словенскомъ же нарѣчій, напротивъ, все болѣе преобладаетъ безцвѣтная экспираторность, взявшая верхъ также въ языкѣ болгарскомъ и русскомъ. Но съ такими общими разсужденіями далеко не уйдешь. Пора взяться за изслѣдованіе ударенія по частямъ. Въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка рѣчь конечно можетъ быть лишь объ удареніи, встрѣчаемомъ въ рукописяхъ, но какъ разъ на эту сторону вопроса еще никто не обратилъ вниманія. Удареніе древнерусскихъ рукописей, гдѣ оно появляется съ конца XIV и начала XV столѣтія и потомъ переходитъ въ старопечатныя книги, надо будетъ изучать въ связи съ рукописями южнославянскими съ одной, и съ произношеніемъ живой

русской рѣчи съ другой стороны. Въ первомъ отношеніи сдѣлано пока еще очень немного. Но и въ послѣднемъ далеко не все. Пока еще и пособій, облегчающихъ изученіе современнаго русскаго ударенія, не очень-то много. Нельзя не отозваться съ особенною признательностью о нѣкоторыхъ новѣйшихъ попыткахъ напечатать тексты простонародныхъ говоровъ съ удареніями. Къ такимъ принадлежитъ тоже прекрасное изданіе сочиненій Квитки, вышедшее подъ редакціею профессора А. А. Потебни. Неотразимый научный аксіомъ о принадлежности всѣхъ нарѣчій русскаго языка къ одному цѣлому по отношенію къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ беретъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу свою какъ разъ изъ совпаденія всѣхъ русскихъ нарѣчій въ одинаковомъ удареніи.

Этимъ кончаются и мои замѣтки. Не воображаю себѣ, что ими предметъ исчерпанъ, хоть бы въ скромныхъ размѣрахъ, намѣченныхъ ему въ «лекціяхъ». Собственно говоря, и авторъ и рецензентъ вращаются пока преимущественно въ старшихъ столѣтіяхъ русскаго языка, приблизительно до конца XV столѣтія. Позднѣйшія столѣтія внесли въ ихъ анализъ лишь очень немного. Историческое развитіе русскаго языка, какъ онъ двигался въ продолженіе многихъ столѣтій своей письменными памятниками ознаменованной жизни, изображено здѣсь еще въ очень неполномъ видѣ. Изъ каждаго огородка по цвѣточку, выходитъ пестрый составъ, который все-таки не можетъ замѣнить впечатлѣній живого цѣлаго. Дѣйствительно, по этимъ отрывкамъ, очутившимся нѣгдѣ иногда чисто случайно, нельзя составить себѣ точное представленіе о судьбахъ, постигшихъ русскій языкъ въ различныя эпохи его жизни. Гдѣ, когда и какъ развертывалось богатство его въ словахъ и формахъ, его оригинальность въ синтактическихъ оборотахъ, его плавное теченіе народной рѣчи съ особенною силою и удачею, гдѣ ли и когда убывало этихъ качествъ его и по какимъ причинамъ — обо всемъ этомъ мы такъ и не узнаемъ ничего удовлетворительнаго изъ этихъ лекцій и другихъ подобнаго рода обзорнѣй. Даже нынѣшній литературный языкъ, этотъ

продуктъ и наслоеніе многовѣковой жизни и работы всѣхъ частей русскаго народа, сложившійся при участіи какъ церковно-славянскаго языка, такъ и всѣхъ живыхъ нарѣчій, это «великое зеркало» воспримчивости русскаго духа — и онъ останется неразгаданнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ раскрыты и оцѣнены всѣ факторы, принявшіе участіе въ созданіи различныхъ типовъ этого языка въ теченіе столѣтій.

Особенно важнымъ я считаю въ исторіи русскаго языка одинъ моментъ, на которомъ и остановлюсь двумя словами. Я имѣю въ виду поворотъ къ архаистическому направленію, совершившійся въ теченіе XV столѣтія въ церковнославянскомъ языкѣ, какъ органѣ древнерусской литературы. Безъ правильной оцѣнки его становится непонятнымъ то большое количество славянскихъ элементовъ, словъ и оборотовъ, которое до сихъ поръ существуетъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Было бы ошибочно думать, что всѣ «славянизмы» нынѣшняго литературнаго языка русскаго восходятъ къ очень ранней эпохѣ. Напротивъ, по памятникамъ древнерусской письменности XII—XIV столѣтій можно прослѣдить и убѣдиться, что уже тогда въ очень внушительныхъ размѣрахъ церковнославянскій языкъ сталъ «русѣть», уступая медленно, но безостановочно, то въ звукахъ и формахъ, то въ синтаксическихъ оборотахъ, вліянію окружавшей его народной среды. Но вотъ наступила эпоха реакціи, подъ гнетомъ тяжелыхъ временъ, постигшихъ Россію, пустилъ глубокіе корни аскетизмъ и отшельничество, возобновились и ожили прерванныя на нѣкоторое время сношенія съ центрами грекославянской духовной жизни на югѣ, съ царствующимъ градомъ Константинополемъ, съ святой горой Аеономъ, съ Иерусалимомъ. Навѣстить эти мѣста, почерпнуть новую силу вѣры и поученія, стало завѣтной мечтой русскихъ монаховъ и безмолвствующихъ отшельниковъ. Оттуда получались опять книги, которыми дорожили болѣе чѣмъ обыкновенными дома сготовленными русскими изводами. Стефанъ Новгородецъ прямо говоритъ, что изъ студійскаго монастыря посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріодъ и ныня книги. По сви-

дѣтельству одной рукописи (Р. М. № 360) въ Константинополѣ былъ въ 1392 году списанъ русскимъ монахомъ сборникъ повѣстей и поученій (изъ патериковъ и прологовъ); въ 1421 списали тамъ же «убогій Евсеій и непотребный Ефремъ» творенія св. Іоанна Лѣствичника, въ 1431 году какой-то «смирный инокъ Аванасій русинъ» списалъ опять сборникъ различныхъ житій и похвальныхъ словъ въ одномъ монастырѣ на Аеоиѣ (Опис. сл. рук. библ. св. Троицкой Серг. лав. № 746 (III, стр. 141). Но дорожили, не только книгами, полученными съ юга, или же свѣренными съ южнослав. подлинниками, а также людей пріѣзжихъ съ юга принимали съ большимъ почетомъ. Достаточно указать на митрополита Кипріяна, на Григорія Дзамблака, на Пахоміа Логовета.

Стеченіе этихъ обстоятельствъ сильно повліяло на церковно-славянскій языкъ древнерусской письменности, оно дало ему другое направленіе, оторвало его отъ слишкомъ близкаго общенія съ народною средою, вмѣсто оборотовъ простонародной рѣчи водворило пышную витіеватость византійскую. Даже на внѣшнихъ признакахъ графики отразилась эта эпоха реакціи; въ памятникахъ церковной письменности этого времени неожиданно стали снова появляться юсы и на болгарскій ладъ смѣшанное ихъ употребленіе, начали входить въ моду знаки з и љ, на сербскій ладъ писалось иногда ѡ послѣ твердыхъ согласныхъ, и т. д. Но эта реформація церковнославянскаго языка захватила только сѣверовосточную и центральную Россію, московское государство; сѣверозападная же часть Россіи, великое княжество Литовское, въ этомъ движеніи участвовало гораздо слабѣе, здѣсь авторитетъ церковнославянскаго языка уступалъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ то простонародной стихіи, то культурному вліянію польскому. Такимъ образомъ отселѣ выступили на сцену два русскіхъ языка: одинъ московскій рускославянскій, другой литовскій рускославянскій; стройнѣе, правильнѣе, какъ мнѣ кажется, двигался первый, въ которомъ принимали участіе только два фактора, русскій и церковнославянскій; пестрѣе, шероховатѣе

шло развитіе второго, въ которомъ помимо церковнославянскаго фона участвовала примѣсь бѣлорусская и примѣсь южнорусская, да кромѣ того на всемъ этомъ тяготѣлъ языкъ польскій. Исторія русскаго языка должна съ полною справедливостію отнести и къ этому второму двигателю культурныхъ интересовъ; не малая задача выпала на долю его, которую онъ исполнялъ при довольно неблагоприятныхъ условіяхъ съ большимъ усердіемъ.

І. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

- Аблесимовъ 125.
Аксаковъ 128.
Брандтъ 112, 113, 137.
Будановъ В. 114.
Буслаевъ, Ф. И. 7, 10, 100, 106, 118, 124, 144, 146.
Веселовскій, А. Н. 83.
Виденантъ 95, 137.
Владиміровъ 106, 118.
Востоковъ 7, 67.
Гебауеръ 20, 112.
Головаціи 83, 78, 121, 122, 123, 124, 143.
Гончаровъ 129.
Гриниъ Яковъ 1, 47.
Гротъ Я. К. 114, 146.
Даль Вл. 6, 52.
Даничичъ 98, 102.
Дзамблакъ Григорій 153.
Житецкій 10.
Ивановъ 80, 115, 131.
Калачовъ 55, 62, 66, 80, 99, 100, 104, 106, 111, 115, 117, 121, 124, 125, 126, 128, 129, 141, 142, 143, 144, 149.
Калпа 102, 112.
Карскій 86.
Квѣтка 151.
Кипріянь, митрополитъ 153.
Козловскій 28, 29, 72.
Колосовъ М. 7, 8, 18, 53.
Котошкнигъ 100.
Кушнѣ 86, 99, 106.
Кушнѣ-Напѣрскій 53, 140, 143.
Лавровскій П. А. 4, 6, 10.
Лескинъ 101.
Максимовичъ 6.
Миклопичъ 20, 47, 112, 113, 137.
Напѣрскій 57.
Невоструевъ 43.
Новгородецъ Стефанъ 152.
Носовичъ 86.
Облакъ 102.
Огоновскій 75.
Пахомій, логофетъ, 153.
Погодинъ 6, 80.
Помяловскій И. В. 16, 84.
Поповъ А. 26.
Потебня А. А. 6, 10, 67, 75, 151.
Пушкинъ 129.
Смирновъ 60.
Соболевскій, А. И. 9, 10, 14, 15, 16 и т. д.
Срезневскій, И. И., 1, 2, 3, 4, 7, 26, 39, 41, 51, 53, 57, 59, 60, 68, 79, 85, 86, 96, 97, 117, 122, 123, 124, 134, 140, 144, 145, 146, 147, 148.
Тихонравовъ 26, 41, 53, 64, 95, 100, 118, 136.

Толстой 129.

Тургеневъ 128, 129.

Шахматовъ, А. А. 10, 43, 46, 48, 57, 60,
67, 80, 93, 105, 122, 140, 141, 142.

Шейнъ 48, 86.

Шимановскій 45.

Шлейхеръ 134.

Шмидтъ 127.

II. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТА.

А. Русскій языкъ вообще.

Два главныхъ положенія И. И. Срезневскаго относительно русскаго языка 2, 3, 4.

Мнѣніе Срезневскаго объ отношеніи языка русскаго къ церковно-славянскому 2, 3.

Объ отношеніи нарѣчій великорусскаго къ малорусскому 5, сл. 151.

О времени появленія русскіхъ нарѣчій 4.

О галицко-волынскомъ типѣ памятниковъ 11, 17.

О говорѣ полянъ 25.

О диалектическихъ признакахъ 15, 26, 81. Аканье 52.

Вліяніе языка церковно-славянскаго на русскій 151—152; вліяніе литератур. языка одной области на другую 94.

Возобновленіе сношеній съ югомъ 152—153.

Два русско-славянскіе языка: московскій и литовскій 153—154.

Удареніе 53, 150, 151; произношеніе неударяемыхъ гласныхъ 53.

Б. Звуки.

а) Гласныя.

Потери носовыхъ гласныхъ 19.

Слабыя гласныя, исчезновеніе и возобновленіе ихъ 80 и сл.

Гласныя сварабачицкскія 83.

Стяженіе 62.

а: переходъ въ е 51, въ о 54.

с: твердое въ началѣ 28; удлинненіе 83; вѣсто е 82, и 83, и 26, 40, 41, 44, 57; переходъ: въ а 43, 50, въ ѣ 83, 49, (ю, жо, мо 35, 83, 39, ю, мо 36, 39), въ о 48, 49, въ я 48, 49, 50, 51, 112; сокращеніе въ ѣ 61, 62.

и: вѣсто е 10, 11, 13, 16, 17, 26, 32, вѣсто и 13, 25, 40, 41, 44, 46, вѣсто ѣ 78; сокращеніе въ ѣ, е 34, 59, 60.

о: вм. а послѣ плавныхъ 21, произношеніе какъ а 52, 53, 54, 55, начальное вѣсто и 24, вм. ѣ 27; удлинненіе 83.

у: употребленіе вѣсто начальн. «еъ» 11, 17; смѣшеніе съ «еъ» 13, 15, 16; вѣсто е 16, 83, 84.

ѣ—я: какъ знаки 27; чуткость языка къ нимъ 28; различное значеніе гласной ѣ 31; ѣ колеблется между е и и 32.

к: переходъ въ о 19, 31, вм. о 27.

ч: смѣшеніе съ и 47; вѣсто и 17, вм. о 17, 27; произношеніе какъ ѣ 47, 48; сокращеніе въ ѣ 60.

ѣ: переходъ въ е 19, 32; замѣна черезъ и 32, исчезновеніе 70, 71.

ю: произношеніе 29, 39, 40, 42, 43, 44; южно-русское употребленіе вообще 10, 15, 16, 41, 45; вѣсто е 11, 13, 14,

16, 17, 41, 46, вк. и 46, 49; ослабленіе въ е 57; — ѣ = я — 48.
ж: вк. ж 88, переходъ въ ж 60.
л: переходъ въ е 51, 52.

б) *Согласныя.*

Выпаденіе согласныхъ 66, 67.
Вставка согласныхъ 68, 69.
Отвердѣніе (тѣ въ тѣ) 78.
Отвердѣніе согласной нѣ въ н 78, шипящихъ 77, 78.
Мягкость шипящихъ 76, 77.
Двусимилія плавныхъ 85, 86.
с: Употребленіе нач. «съ» вк. у 11; «съ» смѣшано съ у 13, 15, 81, 82, 83, уе. 83; с переходъ въ у 84; вк. у 82, 83; какъ приставка 85; выпаденіе 67.
с: выпаденіе 67, переходъ въ с (черезъ ѣ) 131.
д: отсутствіе передъ л, н 19; выпаденіе 67.
ж: вк. сочетанія дж 19.
ж, жд: мягкость ихъ 76, 77; отвердѣніе 77, 78.
жд: вмѣсто жч 17.
жс, жс, жс: переходъ въ с, н 66.
жч: вмѣсто жд 11, 13, 15, 16, 17.
з: отвердѣніе 78, 74.
к: переходъ въ к 65, въ з 64.
л: мягкое послѣ губныхъ вк. ј 16.
л: вмѣсто н 86.
м: вставочное 69, 70.
с: переходъ въ з 65; отвердѣніе 74.
ж: переходъ въ д 64.
ч: смѣшеніе съ ч 11, 12, 41; мягкость 76, 77; отвердѣніе 77, 78.
ч: вк. сочет. чј 19; прозношеніе какъ ш 66; мягкость 76.
ш: переходъ въ ч 65.
ш, ш: мягкость 76, 77; отвердѣніе 77, 78.
ш: предпочтено русск. ч 20; —упрощеніе въ ч 66.

в) *Сочетаніе гласныхъ съ согласными.*

Первое полногласіе 19—22.

Сочет. *ао, ро* вк. *оао, оро* 21.
Второе полногласіе 22—23.
Мягкость, различная степенъ ея: *ме—ми, ле—ле*, но—только *ре*' 28.
Сочетанія *ри, ли—ре, ле* 44; *чо, жо* 85—87.
Сочетаніе *еръ, еръ* вк. слоговыхъ *рр, рр* 71, 72.
с: въ оборотѣ «вотъ»—88, 69.
ш—ш 78.
кш—кш 78.
кш, кш, кш—кш; смш, смш 78, 79.
ош—ос —ом—ош 57.
ре вк. *ре* 28.
сл—см 56.
смш: переходъ въ шс 66.
шш—шш 78.
шш вк. *шш* въ окончаніи 86.

В. *Формы.*

О склоненіи вообще 101, 102; склоненіе именное прилагательныхъ 126.
Имен. ед. ч. на: *и, или* 104, *ѣ, ѣб, ѣб* 29, *оѣ, оѣ* 180; мѣстном. 119—124; —мн. ч. на: *и* 9, 51, 121, *оо* 109; 110, *ом* 111, 112, 118, *а* 111, 118, 114, 115, *е* 110, *а* 111; вторженіе вниительнаго 109, 110; имен. двойств. числа на у вк. *а* 106.
Родит. ед. ч. на: *а, у* 102, 105; согласн. основъ 106; *и* 9, 57, 119, 120; *ос* 57, 123, *ом* 57; *им* 58; сложн. прилаг. 88; на *ю, оо* 180, 181; на *л* 49, 119; смѣшеніе съ дательнымъ-мѣстнымъ 107; —мн. ч. на: *нѣ* 78, *ош, ош*, *ош* 115, 116; —двойств. числа на *ою, у* 90.
Дат. ед. ч. на: *у* 102, *ош, ош* 102, 106, 107; сложн. прилаг. 89; причастій на: *и, е* 127; —мн. ч. на: *амѣ* 72, *омѣ* 103, *амѣ* 103, 116, 117.
Винит. ед. ч.: 106, на: *и* 128; —мн. ч. на: *и* 9; мѣстном. 121.
Звател. ед. ч.: существованіе и исчезновеніе 104, 105.
Творит. ед. ч. на *мѣ* и *мѣ* 72; мн. ч. на: *амш, амш* 118, *и* 119.

Мѣстн. ед. ч. на: *я* 108, 109; *у* 108; смѣ-
неніе съ родит. 107;—мн. ч. на: *аза*,
аза 117, *аза* 118.

Формы мѣстоименія *я* *себе*—*тебя*, *себе*—
себя 91, 92; род. *меня*, *тебя* 49, 118;
род. *меня*, *тебя* 120; имен. мн. ч. *мы*
121; имен. мн. ч. *нами* 121.

Прибавочное мѣстоименіе *я* 125.

Форма числит. на—*я* 101.

2-ое лицо ед. ч. на: *ты* 92, 93, *дашь*,
ѣшь 145.

3-ье лицо ед. ч. безъ *я* 147, на *мы* 10,
11, 13, 14, 26.

1-ое лицо мн. ч. на: *мы* 94, 95, *мы* 95,
96, *мо* 96.

Имперфектъ вообще и потеря его 132,
133.

Оконч. имперфектъ—*шема*, —*хума* 93,
94.

Оконч. имперф.—*аза*,—*аза* 96, 97.

Оконч. 2 л. дн. и мн. ч. *шема*, *шема* 97.

Аористъ вообще 134, 135, на *аза* 137.

Аористъ на *я* 94, 136, 137.

Аористъ 3 л. ед. ч. безъ *я* 134.

Потеря чутья для различія лицъ въ
аористѣ 136.

Формы взаимнѣ аориста 137, 138, 139.

Формы прошедш. времени безъ вспом.
глагола *есма*, *еса*, *есть*, *есмы*, *есме*,
есте 137, 138, *есма*—*есми* 139.

Давнопрошед. вр., перед. чрезъ прича-
стіе и вспом. глаг. *баша*—*баша* 140;
баша—*есма* 140.

Сослагательное будущее 140, 141.

Будущее сложн. съ *начу*, *почну*, *учу*
съ неопред. 142, 143;—съ *иму* 143.

Форма неопред., отступать отъ цер-
ковнослав. 100.

Форма неопред. *ими*—*ими*—*ими*
100.

Неопредѣл. накл. какъ повелѣт. 141.

Повелѣт. накл. 145, 143.

Повелѣт. накл. на:—*а*,—*ама* 149.

Желательн.—повел. накл. *хочма*—*хочма*,
хочма 146.

Вставочное «будеть» 141, 142.

Форма *есма* 101.

Сослагательное накл. съ частицею *ебма*
143, 144.

О формѣ сущина 99.

Причастіе наст. вр. на —*ущій* 20, на
—*а* 93; дѣспричастіе на —*чи*, —*ами*
123, 129.

Отдѣленіе возвратнаго мѣстоименія отъ
глагола 149.

Г. Слова.

Авирмана,—*ишо* 85.

Аганицю 77.

азъ—*азъ*—*я* 120.

алефсоева 32.

алобо—*аьбо* 60.

антиохискии 78.

апостольскѣи 79.

ardŭti 21.

бджола—*бчола* 37.

бедъ (род. мн. ч.) 41.

безо 28.

берегу (мѣст.) 108.

березъ (мѣст.) 79.

берестьянъ 51.

берни (им. берни) 67.

берох 136.

бесерменскѣи 85.

бесѣдоваше 133.

бешью (им. *бопью*) 27.

бискупови 107.

битова 37.

бишь 134.

блговѣрьнооумоу 89.

блажонъ 36.

богаче 66.

божни 58.

божьствооумоу 89.

божьомъ 38.

боге—*бола* 49.

больши 129.

болѣзньонхъ 130.

бораній—*бараній* 55.

боранъ—*баранъ* 55.

бородо 36.

боровъ 51.

бору (мѣст.) 106.
 борьбе 80.
 бохъмитъ 85.
 бою (род.) 105.
 боѣра 118.
 боаромъ 117.
 боарѣ 51.
 боара 111.
 бошптаса 76.
 брате (зват.) 105.
 братямъ, братѣѣ (зват.) 105.
 брѣтямъ 111.
 бродъ (род.) 105, (мѣст.) 106.
 бядены и ны 95.
 буди—будь 83, 59.
 боудѣше 41.
 боудѣше 97.
 будаше 182.
 булъ вм. былъ 56.
 быша—быше—бышь 59, 60.
 бытъна 27.
 бѣльѣ 49.
 бѣсѣдами,—доумъ 41.
 бахъ, баше, бахоу 140.

 в него 83.
 в ѣномъ земли 83.
 вальтронѣа 85.
 варагъ 25.
 Василевъ 107.
 Васильковъ 88.
 вашее братие 57.
 вашего, вашомъ 39.
 вдарыли 83.
 вдеса 82.
 везучи не учну 128.
 великии 78, 126,— кое,—ко, комъ 126.
 великомъ (м.) 130.
 величанинъ 76.
 велаше 182.
 вельць 41.
 вельценосць 41.
 вереме 54.
 верою 41, къ вѣре 42.
 версѣ 80.
 верхъ 23.
 верьбѣямъ 71.

верятель 71.
 весеноу 82.
 весу (мѣст.) 106.
 весѣлиа 16.
 ветчаны 65, ветчина 65.
 вже 83.
 вжити 82.
 вжитки,—ове 82.
 взеръзи 71.
 видѣти, видѣвшие, видѣтъ, видѣтъ 41.
 видѣше 183.
 видѣмаючи 47.
 видѣное видны 57.
 висн 82.
 Витеблице 66.
 вѣнца—воовца 85.
 вкажетъ 83.
 вказали 83.
 Владычкѣ 80.
 вѣжачъ 128.
 вмерлое 83.
 вномъ, на вмѣ 83.
 вшеде 53.
 вничъжи 82.
 во вѣжасѣ 82.
 воу покои 83.
 во вчаны 83.
 во вѣспѣнье 82.
 во вѣстѣхъ 82.
 вовазу 132.
 вокаше 183.
 Волга-поволжне-поволожье 23.
 Волгѣ 80.
 володимерьское волости 57.
 волосново 131.
 Володѣ 80.
 Волхвенци 80.
 волъжа, волшебный 71.
 Волгчкови 107.
 (оу) вольное жены 57.
 волъжа—онъжа 69.
 Вондроникова—Ондромъ 69.
 Вонгччюоръ—Онгччюоръ 69.
 восвчкъ 85.
 (за) восвѣда 85.
 вопращенну—опрчъ 69.
 воронѣ 48.

восемь 85.
 вострый 85.
 воскъ (мѣст.) 78.
 вотъ 85.
 вотчина—отчина 68.
 вреда 45.
 вредить 45.
 время,—они,—еньхъ 21, 45.
 временае (мѣст.) 109.
 вретница 45.
 вронца 88.
 врадника 88.
 всажаше 138.
 вси, всишь, всиши, всихъ 41, 124.
 вси 17.
 всакни, всакые 58.
 всакое неправды 57.
 всякъ—však—всакъ 74.
 будѣтъ—удѣтъ 69.
 вчинили, вчиниша 88.
 вчорá—учорá 37.
 вчи 88.
 вчинити 88.
 вчѣньемъ 82.
 въ что въблечемса 84.
 въ вѣшено 82.
 выгодно, выгоднои, выгодноѣ 84.
 въготоваю 82.
 вдова—вдовицамъ 71, 76.
 въ его брата 82.
 възвѣщающа 47.
 въздръжанне 76.
 възма, въза, възаша 134.
 въ ихъ сповца 82.
 възѣоуцомъ 86.
 въмолю 82.
 въпрете 82.
 въмѣса 82.
 вънидѣ 41.
 въсажаша 135.
 въскоре 26.
 въступати 53.
 вътроба 82.
 въчинены 84.
 въщѣтъ 70.
 Выгнать—Игнать 69.
 выгѣзеть 136.

вынать, вынетса 70.
 выша 37.
 вълкт. (*vlykь)—волкъ 22.
 въсемъ 41.
 въсехъ 42.
 вѣде 26.
 вѣдѣ—вѣде—вѣди—вѣдъ 58.
 вѣлкааго, вѣлчѣства 41.
 вѣльблоудъ 16.
 вѣмъ 95.
 вѣтъааго 41.
 вѣчьной (животъ) 130.
 Вѣшере—Вѣшеры 54.
 ващѣшоюу 89.
 галичанѣ 51.
 Геворгин 85.
 гнать—гоню 146.
 гнѣвъ, гнѣвъ 41, 44.
 гнѣсть 54.
 году (род.) 105.
 гонѣние 16.
 горагнѣмъ 67.
 горныи 53.
 городицкей 48.
 городкѣ 80.
 горожанѣ 77.
 господá 118.
 господине, господо (зват.) 105.
 гостени 107.
 гость (винит.) 108, гостя—гости (род.) 106.
 государыни 104.
 градѣх 118.
 гражданѣ 51.
 границами 78.
 грошновъ 89.
 грывенъ 47.
 грѣхъ 45.
 дадаше 132.
 дать мсми 138.
 дати—дать 34.
 дашъ 145.
 даахуть 133.
 двума—двумя 101.
 двума—двумъ 91.

дву—двухъ—двоихъ 90.
 ден—де 59.
 делеса, делесь, делесы 26.
 дензѣ 90.
 день, дни—денью 83.
 деревешъ 78.
 деревье 50.
 деревня 118.
 державу 71.
 держалъ 78.
 держаніе, держати 78.
 держки, держити, дѣржакусъ 71.
 дерьну, дерьнувъ 71.
 десницею 41.
 дѣтя 46.
 дѣвојка—дѣвица 46.
 дни (род.) 106.
 днина 71.
 дѣлье 112.
 добра 128.
 доведчи 128.
 догонаша 136.
 долга—дологъ 23.
 долгу (мѣст.) 103.
 должонъ 36.
 доловъ—долови 59.
 долото 23.
 домачадецъ 54.
 домовъ—домови 59.
 домохъ 118.
 доньдеже—донъдеже—дондеже—донде
 78.
 дорозѣ 80.
 дорошкою 64.
 досаждаютъ 20.
 досташетца 58.
 дочи—дочь 59, 104.
 древо, древа 45.
 другѣй 48.
 друзья 118.
 дрыва 27.
 душовном 39.
 душію 77.
 дюжій 75.
 дѣвъ, двоу—двою 90.
 дѣждь, дѣждю, бездождю, 17.
 дѣжча, одѣжчивъ, бездожъчывъ 17.

дѣстѣ—дѣскѣ 79.
 дѣщѣръ 17.
 дышать 146.
 дѣржащомъ 36.
 дѣржати 78.
 дѣлницю 78.
 дѣла—*дела—*дѣла—дѣл 61.
 дѣркаль 77.
 дади (род.) 106.
 дадь 115.

Сванъ 54.
 ево 181.
 единъ—одинъ 24.
 еднени 42.
 ездачи 127.
 езеро—озеро 24.
 елень—озень 24.
 Елюѣрии 46.
 еншо 37.
 есме, есме 94, 95.
 есигъми 95.
 есмь—есми 139.
 есмѣ, естѣ 48.
 есь 150.

железо 41.
 женскѣ 78.
 жеребьевъ 116.
 жернова 115.
 жесточаютъ 76.
 живучи 128.
 живахуть 183.
 житьѣ 49.
 жо—ажо 37, 77.
 жолудокъ 37.
 жона 35, 37.
 жонъ 77.
 жоны, съ жонюю—жанѣ, жабюю, жанѣ
 36.
 жребии 45.
 жреба 45.
 жрець, жреца—жреца 32.
 жы (вм. же) 54.
 жльчюгъ 86.
 Жаворенковича 78.
 жалобилса 77.

жалобю 77.
жаловали 77.
жалаку 188.

загарашеса 188.
заецъ 51.
зайца—заца—заца 52.
закладни—закладнѣвъ 115.
закону (род.) 106.
залетчи 65.
запаша 186.
засъшаше 182.
затвораше 182.
защититѣль 17.
звѣгач—збирати 46.
звѣрье 112.
згадѣ 80.
зеганцы—зегзуля—засуля 67.
зеленово 181.
земля, земли 67, 68.
знамѣни 16.
знахоръ 55.
зодчій 71.
золобу 28.
золобъ 78.
золотъ, золота—золотамъ 126.
золоту—золотую 126.
зъдати—назъда—съзъданому 71.
зѣлье 16.
зѣмное 16.
зѣмныкъ 16.
затени 107.

игрець—игръца—игреца 82.
иже—ижъ 59.
ижченалѣ, ижченоуть 17.
избѣгши (м. р.) 128.
изведаче 127.
извернише 127.
известъ—известъ, известью 47.
извлече 45.
извѣщѣние 16.
изденъ 26.
издаше 182.
изма, измаша, измаша 184.
измабъ 185.
измалтанѣ 51.

изъроша 187.
изъ обокъ 28.
иззоостанѣтъ 28.
иззыномъ 57.
иза 184.
извовъскыи 61.
Илеѣино 54.
ишамы 95.
ишаша 185.
ишашетъ 97.
ишхоути и 97.
ишемъ 42.
ишомо 181.
ишом 57.
ишомкацокъ 89.
ишъ, иши, ишо—и ошъ, и оши, и оно 62.
ишъ 21.
иш—сѣ 61.
ишку (мѣст.) 106.
иштеннаго 58.
иштенномъ (им. м. р.) 180.
иштребе 45.
ишходакоутъ 97.
ишходаче 127.
ишъщѣние 16.
ишъщѣше 70.
ишъщю 70.
ишъщѣте—ишъщате 29.

к—х 64.
камени (род.) 106.
камену—нуо 126.
камешѣ—камешѣя—камѣниа 50.
камѣниие 16.
камѣнникомъ 17.
карь—карю 126.
Келесна 82.
кльчѣя 112.
кльчаръ 76.
Клѣсови 107.
Клосови 107.
кльошникъ (им. кльочникъ) 66.
кльутье 50.
кльазъ, кльаже, кльажо (звѣт.) 105.
кльажо 77.
кльазъа 49.
кльазъа 118.

КВАННО 131.
 КОБИГЪ 47.
 КОЖЕДО 82.
 КОЗЛАГЪ 51.
 КОЛНКО—КОЛНКО 60.
 КОЛЪКЕ 80.
 КОЛОКОЛА 115.
 КОЛОМЕНЬСКОЕ 57.
 КОЛЪЕ 50.
 КОЛЬСНИЦА 82.
 КОМЧАТЫ 119.
 КОМАТЬ—КАМАТЬ 55.
 КОМЕХЪ 117.
 КОМПАНИЮ 41.
 КОНЦА (РОД.) 76.
 КОНЧАТИ 77.
 КОНЫ—КОНЬЕ 115.
 КОНЫ, НА КОНЫ (МН.) 108.
 КОНЫМИ 118.
 КОНЫЦЪ 56.
 КОПЬЯМИ 118.
 КОРАБЪХЪ—КОРАБЪ 118.
 КОРЕНИ (РОД.) 106.
 КОРОЛЕВИ 107.
 КОРЧОВЕЦЪ 88.
 КОРЪЗНОМЪ 72.
 Коръла 46.
 коръшны 16.
 (ис) которое земле 57.
 которои 57.
 которагъ—которани 58.
 КОЩОВО 77.
 КРЕПОСТЬ 41.
 КРЕСТЬЯНА 51.
 КРЕЛОСЪ 85.
 КРИНИЦЮ 76.
 КРОВЕ (РОД.) 106.
 КРУЖЕНО—КРУЖИВО 47.
 КРУЖЪ 41.
 КРУЖОГЪ 77.
 КРУЖАТИ СА 76.
 КРУЖКО 45.
 КУШЕЦА 54.
 КУШОВА 118.
 КУШЕНАГЪ 58.
 КУШАХУ 133.
 КУШИШЕ 97.

КОУНЦОМЪ 86.
 КЪЛБАГЪ 25.
 КЪНЬЦЪ 27.
 КЪНАЖО 87.
 КЪНАЗОНЪ 86.
 КЮРЪ (ИМ. КУРЪ) 80.
 КЮСО 80.
 ЛАНСКОМЪ 79.
 ЛАРИВОНЪ 85.
 ЛАТИНА 118.
 ЛАХТИ—ЛОХТИ 64.
 ЛАЦНА 118.
 ЛЕВОНТИИ 85.
 ЛЕГИВОНЪ 85.
 ЛЕЖА (ИМ. ЛЕЖАШЕ) 135.
 ЛЕДУШТИ 20.
 ЛЕЩОНЪ 115.
 ЛИСТВА 118.
 ЛИСТИ (МЪСТ.) 40.
 ЛИСТЪ (РОД.) 105.
 ЛИТОРЪГИИ 72.
 ЛИШЕ—ЛИШЕ 59.
 ЛИЦЮ 77.
 ЛОВИЩАМИ 118.
 ЛОВИЩАМЪ 116.
 ЛОДЬЯ 21, 104.
 ЛОНУ (РОД.) 105.
 ЛОТКА 64.
 ЛОШЕДЬ 52.
 ЛУЧАМИ 118.
 ЛУГЪ 80.
 ЛУЧЕВА 131.
 ЛЪСТИ—ЛЪСТЫ 47.
 ЛЪСЪ 126.
 ЛЪВОВЧАНИ 78.
 ЛЪКАМЪ—ЛЕГЧАМЪ 88.
 ЛЪ, ЛЪ—ЛЯ, ЛЯ 29.
 ЛЪСАМИ 118.
 ЛЪСУ (МЪСТ.) 108.
 ЛАХОВЪ 51.
 ЛАХОТЬ 118.
 ЛЮБОДЪИЦА 76.
 МАККОЦАСА 77.
 МАНАСТЫРЬСКОЕ 131.
 МАНОТЬЯ 83.

мати—мать 59, 104.
 матигорьцагъ 117.
 мачоха 87.
 медведеви 107.
 межю 77.
 межю—межи; межы—межь 60.
 мелко 21, 22.
 мене 48, 49.
 меншому 39.
 менте—мие 38.
 меня 48, 49.
 Мерм 118.
 местѣхъ 26.
 метл—мость 22.
 мехохъ 118.
 мешечкахъ 118.
 Микитоу,—ѣ 86.
 Микулю 86.
 миру (мѣст.) 108.
 младенѣцъ 56.
 младъ 21.
 млеко 45.
 (со) млыны 47.
 могошати 94.
 могоуцоуоумоу 89.
 моее 57.
 моеи—моей 33, 58.
 молодово 181.
 (съ) молоду 106.
 молодшого,—ому 89.
 молоко 21, 22.
 молодшого—щово 39.
 молѣнии 16.
 монастырьскѣ 79.
 московское 57.
 мостѣ (род.) 106.
 мошку (« ») 106.
 нравъ 21.
 мѣжкомъ 117.
 мужь 112.
 мужьми 118.
 мужьское дчери 38.
 мужья 49.
 мужа 76.
 Моурома 118.
 муски 66.
 мху (род.) 106..

мѣчанинъ 76.
 мѣгѣваще 22, 23.
 мѣслише 97.
 мѣстохъ 118.
 мѣстьчаны 78.
 мѣщанá 118.
 мѣтежю 77.
 мѣтѣжь 17.
 навчи 82.
 навчыш 83.
 надро—надрѣхъ 98.
 найму (мѣст.) 106.
 наказамы са 95.
 наказаше 188.
 намѣстници 80.
 напред 45.
 народѣмъ (дат. мн. ч.) 72.
 наслажѣним 16.
 наследовавъ 41.
 наследы 41.
 наследникомъ 40.
 насѣльникъ 17.
 наоугнигъ 84.
 наоуспати 82.
 научиша (мже, ед. ч.) 186.
 нача 134.
 начиникохъ 118.
 нашее 57.
 нашого,—омоу,—омъ 87, 88.
 нашѣмъ,—ѣи 17.
 нашо 78.
 нашоуъ 83.
 небреже 45.
 незванъ 126.
 венстьѣньномъ 180.
 нелья 48.
 нѣмѣштá 20.
 немцомъ 86, 87.
 немьрьцамъ 76.
 неразрушомъ 86.
 неревьскомъ 79.
 неряха 74.
 несоуменьнымъ 82.
 нетлиним 40.
 нетьленинъ 41.
 нечистинымъ 82.

- нечѣстивыхъ 47.
 низа 37.
 низу (мѣст.) 108.
 ничого 33.
 новгородской 57.
 новгородскоубою 89.
 Новей городокъ 48.
 новобрачново 131.
 ношнѣмъ 32.
 ношномъ (им. ед. ч. м. р.) 130.
 ноуждамъ 76.
 нынче—нынѣча—нонѣча 52.
 нынѣча—нынѣча—нынѣча—нынѣча—
 —нынѣча 61.
 нѣ 17.
 нѣи 17.
 нѣмъ 17.
 нѣмецкей 48.
 натець 70.
 натець 39.
 нон, нонъ 38.

 обаволы—обаволъ 60.
 обестити—обѣстити 67.
 обѣда, обѣднѣи, обѣдѣть 20.
 обижать 20.
 обиждѣть 20.
 обичнѣи 32.
 обладающою 89.
 облекостаса 45.
 облекчвемъ 64.
 облещѣтъ са 44, 95.
 обличаше 133.
 обомгъ 90, 91.
 обоманены 95.
 обрашталюштя са 76.
 обрете 41.
 обраштемъ 95.
 обыскавъ 128.
 огонь, огни—огонь 23.
 одвѣкнѣ (род.) 33.
 одежахъ овъчакъ 76.
 одинокъ 57.
 одирнѣ—одернѣ—одернѣ 54.
 одолевь 41.
 ожо 36.
 окромѣ 48.

 омѣскіе 66.
 Опонкей 48.
 опрѣсно—опрочъ—опроче 69.
 опроче—опрочъ 59.
 ораъ—21.
 орити 21.
 оруженемъ 53.
 оскверниша 71.
 оскѣшнро 79.
 оскѣпомъ 79.
 осподаръ 131.
 осподара 85.
 останошнему 66.
 останке 30.
 Осташкови 107.
 остожей 116.
 остръ—остеръ 23.
 острѣщи 46.
 осоужѣны 16.
 осѣжлемъ 78.
 осѣдлѣти 16.
 Ѡверже 71.
 отнѣ—отна—отнѣ 71.
 ото шости 62.
 отоннуть 23.
 Ѡпомку 133.
 Ѡпоустааше 97.
 отсуду 74.
 отыннуть—отоннуть 70.
 отчовъ 37, 77.
 отъвращати са 76.
 отъврѣсти 100.
 отълоучанса 76.
 отъ—ать 54.
 охвочъ 86.
 оче—аче 54.
 очервлена 71.
 очнутъся 67.
 очютнѣвшѣ (кѣзю) 127.
 ошнѣ—хоботъ 22.

 падѣны 16.
 патреарсѣ 53.
 пенѣ 50, 54.
 перевѣшцахъ 117.
 перемаша 135.
 перелѣзчи 65.

- перо—пѣро 87.
 перьва—перьвомъ, перьвни 71.
 перьсехъ 71.
 перьсты, перьсти, перьстѣ, перьстемъ 71.
 печены са 95.
 печерьскемъ 79.
 печать,—и 78.
 писку (мѣст.) 108.
 писалъ 187.
 питателеницю 82.
 питицами 82.
 плахъ 21.
 плеци—плече 58.
 плицю 77.
 плохъ 21.
 плѣнни 45.
 пни (род.) 108.
 побѣдоносци 82.
 побѣженоу 17.
 повелѣтъ мсмъ 188
 повелѣннмъ 41.
 повчяхъса 82.
 повѣтра 54.
 погнетши 127.
 погребѣ 41.
 погъбѣнни 16.
 подонметъ 28, 70.
 подражати 76.
 подачево 181.
 поемъши 127.
 поеницѣ 52.
 поженъ, поженна 78.
 поживемъ 95.
 поина, поинаша 184, 185.
 поинавъ 185.
 покажѣте са 29.
 покантеса 58.
 покантеса—поканѣсть 60.
 поклажен—поклажее 58.
 поклонѣнни 16.
 поклапу,—ую 126.
 полехчили 64.
 полехъ 117.
 поломонаръ 85.
 полонѣ (род.) 105.
 полохъ 21.
 Полоцкъ—Полотьска—Полтескъ 82.
 полубы 119.
 пользевати—пользовать 74.
 польза, пользѣ—пользы 78, 74.
 Полы 118.
 полами 118.
 поможеть 187.
 попѣва—попѣва 89.
 поперегъ 65.
 поперекъ 21.
 поплатѣны 95.
 попь, поппе, поппамъ 49.
 попь новгородское 88.
 попьче са 41.
 пораждя 76.
 поромъ—паромъ 55.
 порутчикъ—порутчикъ—поручикъ 66.
 поруцѣ 80.
 посадникъ 80.
 послужѣнни 16.
 послушати 76.
 пострѣщиса 46.
 потокиетьса 88.
 потребно 45.
 потрѣба 21.
 поту (род.) 105.
 поучати 76.
 поча 184.
 почертъ 100.
 почивающоמו 89.
 почонши 86.
 почьсти—почисти 100.
 поча 184.
 пошленики 80.
 пом 184.
 правово 78.
 правдивооумоу 89.
 прабца 76.
 пре 45.
 прегрешинню 56.
 предаи 45.
 предасть 45.
 преднее 45.
 предъ 45.
 преже 45.
 прендѣ 41.
 прелестъ 45.

преложю 45.
 преподобные 45.
 преславномъ 45.
 престависа 45.
 престолю 45.
 преступаютъ 45.
 приближаютъ ми са 76.
 прииде 41.
 пригождатся 20.
 пригожо 89.
 приидаше 97.
 приидиши 128.
 приказанюхъ 118.
 прилежати 76.
 приидаше 183.
 приложениа 16.
 приидати 76.
 прискеребна 71.
 прислѣдствѣ 78.
 приставе 144.
 приидиши 78.
 прии 184.
 приихомы 95.
 просебаа 51.
 прозерливѣма 71.
 проглаждатся 20.
 проповѣдатель 82.
 прорицахомы 95.
 проскѣпомъ 79.
 простъре 187.
 прохожева 181.
 проче—прочъ 59.
 прочетчи 65.
 прѣ—пре—пере 44.
 прѣображениа са 76.
 прѣщениа 45.
 псалъ, фалъ (безъ мести) 187.
 пугошѣхъ 117.
 пуговица — пуговка — пуговища 62.
 поуе (род.) 106.
 путиами 118.
 путикѣхъ 80.
 пушомъ 87.
 пыгасны 95.
 пьрвоа 57.
 пьрвыа 40.
 пьсалъ (безъ мести) 187.

пѣщъ 41.
 патка 91.
 радовахуса 183.
 раддами 78.
 ражчегъса 17.
 раз—21.
 разгѣванте 53.
 раддоракъ 117.
 радѣливномъ 96.
 радличнѣ 82.
 радгѣвавъ 67.
 разрушано 126.
 разоумѣхомы 95.
 раскѣпиласа 79.
 распаликса (сердце) 186.
 расоудныа 95.
 ратномъ 57.
 ратьникѣмъ (дат. мн. ч.) 72.
 гаванъ 21.
 ребнику 54.
 река 41.
 реку—раку—рку 61, 62.
 ременн (род.) 106.
 ременницъ 53.
 речаше 118.
 Ржову 89.
 рижакъ 77.
 Ривѣ 79.
 робчюща, робчете 86.
 ровный 21.
 ровель 21.
 родительницъ (мн.—по) 82.
 родить 186.
 родить 82.
 роз—21.
 розвѣ 21.
 розчестиса 100.
 розчетъ—но розочту 23.
 рокъ (род.) 106.
 росквело 79.
 ростовѣцъ 56.
 рублевъ,—овъ,—ей 115.
 роукава 115.
 рухледъ 52.
 ручѣхъ 117.
 роуце (мѣст.) 42.

роуци (твом) 40.
 рыгъ 27.
 рыболове,—ова 51.
 рыжъ,—а 126.
 рѣзъ (род.) 105,
 рѣки (мѣст.) 80.
 рѣкѣ 80.
 рѣчкѣ 80.
 рѣцѣ 80.
 рюшети 75.
 радохъ 118.

Сажке 80.
 сажень 78.
 сбудашета 188.
 свату (зват.) 105.
 свекровья 118.
 свидини—свидени 40.
 свидѣтьствоуютъ 17.
 свои 57.
 свое 58, 57.
 своим, своимъ 88.
 свѣдѣтельство 27.
 свѣдчу 78.
 свѣрьзи 72.
 себе—собѣ 91.
 себе—собе 48, 49.
 собѣ 91.
 себа—соба 49.
 севера 26.
 сево 131.
 сегодня 106.
 сее 57, 124.
 сей 124.
 селамъ 116.
 селакъ 118.
 селицахъ 117.
 селѣхъ 117.
 семь—седь 88, 66.
 сердониченъ 126.
 серебряно 126.
 серегѣрьскѣи 46.
 сеси 124.
 сесь 27, 124.
 сесьць 26.
 сидѣть, сидѣѣ 46.
 силе твои 42.

снж, снж—сно, сноу 124.
 сказывашъ 62.
 скербъ,—емъ,—ащеса 15, 17, 26.
 скитѣскии 78.
 сконцании 41.
 скъружь 22, 28.
 сладокъ 21.
 слепоту 41.
 слову, словеть 144.
 словѣсноую 17.
 словѣсана,—ваго, словѣси 41.
 слоужитѣль 17.
 слоужашта 76.
 слышавъ—слышевъ 51.
 слышъши (описка) 77.
 слюцимъ (послы) 127.
 Смоленскъ,—Смоленска—Смоленскъ 82.
 Смоленске 79.
 Смоленьце 66.
 Смольнѣскѣ 79.
 смотриша (8. л. ед. ч.) 136.
 سموуцаоцомъ 86.
 сматѣние 16.
 сноповѣ 50.
 сносъ 80.
 солома—шолома 75.
 сосназѣ 80.
 сочевница—течевница 75.
 списку (мѣст.) 106.
 сповѣде 26.
 спусте 54.
 срдценѣи очи 82.
 срдца (род.) 76.
 среднаа 126.
 средокрѣтную 45.
 средоу 44, 45.
 средъ 45.
 сроку (род.) 105.
 срѣбро 16.
 ставленово 131.
 станохъ 118.
 стареншии 26.
 старешоמוу,—ѣи 86, 89.
 старешоמוу 89.
 старинина—старшій, старшина 61.
 старово 131.
 старожицовъ 89.

старцю (заповѣдь) 77.
 старьцю 77.
 старѣшій, старѣшнина—старшій 61
 стергающе 71.
 стожье,—ья 50.
 сторовъ—здоровъ 66.
 стом,—ше 133, 135.
 стражи 112.
 стрегоущимъ 45.
 стрезаху 133.
 стричи 46.
 строгъ 21.
 студень 75.
 стъза, стъзы 74.
 судожъ—судакъ 55.
 суду (мѣст.) 106.
 соудъ 25.
 соудымъ (дат. мн. ч.) 72
 соужома 36.
 сѣндѣкхъ 118.
 сѣчья 113.
 сѣвърьшонъ 77.
 сѣвърьши 71.
 сѣважате 29.
 сѣина 135.
 сѣинавшъ 70.
 сѣмѣлаху 133.
 сѣтворимы 95.
 сѣчюнутиса, сѣщюнутиса 67.
 сѣновья 113.
 сѣновѣ 51.
 сѣновѣцъ 56.
 сѣвърьгѣи 17.
 сѣвърьскѣи 17.
 сѣдло 16.
 сѣи 17.
 сѣзнаш 17.
 сѣмь 17.
 сюда 74.
 ся—си—сь 56, 59.
 си 125.
 тажо 36.
 Татарва 113.
 татарѣ—татаровѣ—татарова 51.
 тате (род.) 106.
 там—тое 123.

твориць—творѣць—творецъ 56.
 твораху 132.
 тебе—тобе 48, 49, 92.
 тебе—тобѣ 91.
 тебѣ 91.
 теба 48, 49.
 телеснымъ,—ымъ 26.
 темъ, техъ 41.
 тенето—томото 22.
 ти, тимъ, тикъ, тими 124.
 тоба 49.
 тово 131.
 тое обиды 57.
 толикко—только 60.
 тогъ 124.
 Торжокъ,—а,—у—торожка,—торожку
 23.
 тотъ, тѣтъ 122, 125.
 требоущимъ 45.
 тремъ 33.
 трема 91.
 третимъ 130.
 тридцетъ 54.
 трошкком—грошкком 53.
 троужатиса 76.
 трѣба 21.
 трѣбуемы 95.
 трѣзавъ 21.
 трѣтисмоу 17.
 трѣтью 17.
 трясихуса (градъ) 136.
 тоую 123.
 Тѣбрь 46.
 тчанные 66.
 тѣи, тѣи, той 122.
 тѣкомо—токомо 33.
 тѣчеръ—тѣчери 64.
 тѣжь 122.
 тѣмъ, тѣмхъ, тѣхъ, тѣми 124.
 тысечю 51.
 тѣ, тѣе, тѣю 121.
 тѣлообразномъ (м. р.) 130.
 тѣмъ—цѣмъ 124.
 тѣплотю 41.
 тѣчааше, тѣкоюущимъ, потѣкоша 41.
 тягнути—тянуть 67.
 тажестѣхъ 117.

тажа 77.

оу, у 82, 83. 84.
 ув, оувъ 88.
 убѣженъ 126.
 оувидити 41.
 увошогъ 88.
 уктагли 88.
 углу (мѣст.) 108.
 угодыѣхъ 117.
 угодыни 118.
 оугринъ 25.
 оудасть 82.
 оудържаннѣмъ 76.
 уже—ужь 59.
 ужо 86.
 ѣадоумалъ 82.
 узрадовалоса 83.
 узречем 83.
 оузраше 133.
 оузреть 41.
 узавши 83.
 оузати, оузалъ 82.
 оунамаша 186.
 оуклонѣние 16.
 оукрадоша (3. л. ед. ч.) 186.
 оукоупѣ 82.
 (съ) оуладякою 47.
 оулѣсти 82.
 улицы (им.—у) 54.
 оумершюу 77.
 ушѣгас—умірати 46.
 оумиреть 137.
 оумьремы 95.
 оумьрохъ,—е,—оша 137.
 оужышлаше 133.
 оумакъчаша 76.
 оуношо 77.
 оухвотншася 86.
 оупразинны са 95.
 оупрашаше 84.
 упрекъ 21.
 оуражонъ 86.
 урождай 20.
 урошныя (им. урочныя) 66.
 оусее, оусею, оусемъ, оусемъ, оусежъ,
 оусени, оусю, оуса, оуси 82.

оуселенямъ 84.
 оуселатъса 84.
 оускварникъ са 84.
 оускрича 62.
 оуснаше 133.
 оусобицю 77.
 оусприти 82.
 оуспѣние 16.
 оустни (мош) 40.
 оустокъ 82.
 оусочеть 82.
 усочеть 83.
 оусени 82.
 оутвържонъ 86.
 оутѣшаше 133.
 участки 80.
 оучистивѣшеса 84.
 ушла (в ложницу) 83.

фольварокъ 85.
 Фрола 85.

халкидоньскии 78.
 халтуларени 85.
 харотью, харотѣхъ 33.
 хлѣбницю 77.
 хмелникѣхъ 80, 117.
 хмелниками 118.
 хода (—помирились) 128.
 ходаще 97.
 козяева 113.
 колопенъ 117.
 холъманѣ 51.
 хѣта—хѣте, хѣти—хѣть 59.
 кочемъ 146.
 кочомъ 37, 77, 146.
 кочютъ 146.
 хоци—хощь 146.
 хрептомъ 64.
 Хрогъ 85.
 хрьстолобивоѣноу 89.

царевъ 51.
 целомоудрьмъ 41.
 церкви 104.
 цетвертомъ 41.

- чалу 126.
 чезо 181.
 черичатѣ 126.
 черево (мѣст.) 42.
 через—черезъ 65.
 черлеги 126.
 чернеца, черица—чернеца—черенца 23.
 черморизницъ 58.
 черный 23.
 черныцю 77.
 чести 100.
 четвертъка—четверка—четверга—чет-
 вергъ (им. четвертокъ) 65.
 численнѣ 58.
 числительскѣмъ 79.
 чистъ 126.
 чоботомъ 83.
 чою 87.
 чолобитѣ 87.
 чоловеса,—вѣка 77.
 чоловѣкъ 87.
 чортковичъ 83.
 чоръторышскѣмъ 83.
 чотирі 87, 89.
 чревѣ 45.
 чтеца, четца 32.
 чтунъ 83.
 чръньчскѣмъ 79.
 чьстиномоу 89.
 чьстахоу 97.
 чѣмъ 17.
 чѣсть 56.
 човали 77.
- чюдномъ (м. р.) 180.
 чюдѣса, чюдѣсь 41.
 чожа 77.
 чожею жемъ 83.
 чась 76.
 чамти 76.
 чашъчюца 77.
 чолюку (мѣст.) 108.
 чоюмъ 76.
 чолюдневнѣ 87.
 чолюгъ, чолюгъ, чо—, при—, 87, 77.
 шти—шьсти 66.
 шюльничювъ 83.
 щеголь 66.
 щокѣ 87.
 ѣдучи 127.
 ѣдчи 65.
 ѣзу (мѣст.) 108.
 ѣшь 145.
 юсимъ 83.
 ѡбылко 17, 27.
 ѡвлемоомоу 89.
 ѡвгѣннѣ 16.
 адуцю 83.
 адахоу 133.
 ѡзыкохъ 118.
 ястребъ—астрабъ 52.
 аша 135.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 5.

ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лн., № 12.
1889.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Октябрь 1889 года.**

Непрежнныи Секретарь, Академикъ *Л. Весслоескій*.

ПЯТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ предѣдательствующимъ во II-мъ Отдѣленіи, вице-президентомъ Академіи Я. К. Гротомъ 20 октября 1889 года.

При видѣ сегодняшняго почтеннаго собранія, мы невольно чувствуемъ опасеніе, что оно не будетъ удовлетворено нашимъ отчетомъ, такъ какъ комиссія, постановившая приговоръ надъ представленными на конкурсъ литературными трудами, признала возможнымъ выразить свое одобреніе, и то лишь въ умѣренной степени, только двумъ соискателямъ. Причиною тому — весьма категорически выраженные въ правилахъ о Пушкинскихъ преміяхъ требованія.

Въ нынѣшнемъ году на конкурсъ явилось 7 соискателей съ 9-ю трудами, изъ которыхъ два стихотворные, именно финская эпопея «Калевала» въ переводѣ Л. П. Бѣльскаго и «Донъ-Жуанъ» Байрона въ переводѣ П. А. Козлова.

Эти-то два поэтическіе перевода и признаны заслуживающими: первый — преміи въ 300 рублей, а второй — почетнаго отзыва.

Комиссія, которой предлежало произнести окончательное заключеніе о представленныхъ на преміи трудахъ, состояла, подъ предѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Академіи, изъ пяти членовъ Отдѣленія и слѣдующихъ приглашенныхъ имъ

лицъ: П. И. Вейнберга, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, Д. В. Григоровича, Г. П. Данилевскаго, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго.

I.

Такъ какъ разсмотрѣніе «Калевалы» безусловно требовало основательнаго знанія финскаго языка, то разборъ перевода этой поэмы былъ порученъ доценту Гельсингфорскаго университета г. Крону. Но прежде сообщенія этого разбора я считаю необходимымъ ознакомить просвѣщенныхъ слушателей съ содержаніемъ знаменитаго финскаго эпоса. Это — собраніе народныхъ пѣсенъ или, какъ называютъ ихъ сами финны, — *рунъ* многочиселаго содержанія, происхожденіе которыхъ относится къ весьма отдаленному, доисторическому времени, когда единственными сосѣдями финновъ были лапландцы. Большинство этихъ рунъ сохранилось въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, искони населенныхъ финнами, особенно въ Архангельской. Около 1830 года ихъ началъ собирать, странствуя пѣшкомъ, человѣкъ, вышедшій самъ изъ народа, но получившій на родинѣ университетское образованіе, одаренный необычайною энергіей и неутомимымъ трудолюбіемъ, провинціальный врачъ Илья Ленротъ, только недавно умершій. Сперва онъ считалъ эти пѣсни отдѣльными произведеніями народной фантазіи, но вскорѣ замѣтилъ между ними связь и мало-по-малу составилъ изъ нихъ цѣлый обширный эпосъ, который собирателемъ раздѣленъ на руны и изданъ въ 1835 году подъ заглавіемъ: *Калевала*. Названіе это по финскому словообразованію значитъ *страна Калевы*, а *Калеса* есть имя отца героевъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, такъ что подъ словомъ Калевала должно разумѣть собственно Финляндію. Такимъ образомъ этотъ финскій эпосъ принадлежитъ къ одному разряду съ обѣими поэмами Гомера и наглядно объясняетъ намъ ихъ происхожденіе. Сущность содержанія его составляетъ вражда между двумя народами, какъ у Гомера между греками и троянцами. Въ Калевѣ враждуютъ финны съ лоп-

рями, жителями страны *Похиолы*. Поводомъ ко взаимной враждѣ было сватовство финскихъ героевъ за прекрасную невѣсту на *Съверѣ* и предложенная женихамъ задача — достать какое-то волшебное сокровище, которое находится во владѣніи *Похиолы*, а потомъ увозится финнами, но на обратномъ пути ихъ въ отечество разбивается. Это невѣдомое сокровище носитъ названіе *Сампо*, значеніе котораго до сихъ поръ еще вполнѣ не объяснено. По описаніямъ, часто повторяющимся въ поэмѣ, видно только, что это — искусно сдѣланное орудіе, пестрое, съ красивою крышей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ *Сампо* растетъ какъ трава или дерево; корни его укрѣплены на 9 сажень глубины въ одной скалѣ въ *Похиолѣ*; одинъ корень идетъ въ землю, другой въ воду, третій въ «гору родины». По наиболѣе распространенному мнѣнію, подъ *Сампо* надо разумѣть мельницу. Въ тотъ же день, какъ оно было сковано, пошло оно молотъ съ самаго разсвѣта, и смололо хлѣба три короба: одинъ на расходъ, другой на продажу, третій въ прокъ. Сказки о такой мельницѣ, говоритъ *Яковъ Гриммъ*, ходили у всѣхъ германскихъ народовъ. *Сампо* было всѣмъ желанное сокровище, которое обѣщало обладателю всякаго рода благополучіе.

Главными лицами въ поэмѣ являются, со стороны финновъ: пѣснопѣвецъ *Вейнемейненъ*, его братъ, вѣщій кузнецъ, повелитель вѣтровъ *Ильмариненъ* и веселый искатель приключеній *Лемминкейненъ*, который, по замѣчанію г. *Бѣльскаго*, сродни героямъ русскихъ былинъ *Чуригъ Пленковичу* и *Алешѣ Поповичу*, какъ опасному волокитѣ.

У жителей мрачной *Похиолы* главную роль въ «*Калевалѣ*» играетъ злая старуха *Лоухи*, съ своею дочерью, въ которую влюбляется *Лемминкейненъ*. Главнаго выразителя міровоззрѣнія финновъ мы видимъ въ *Вейнемейненѣ*, мудромъ старцѣ и вмѣстѣ искуснѣйшемъ чародѣѣ, которому слово и пѣніе служатъ всеильнымъ орудіемъ власти. Въ немъ олицетворяется поэтический даръ финновъ, ихъ вѣра въ могущество слова, ихъ уваженіе къ знанію и мудрости, какъ первымъ условіямъ господства.

Въ «Калевалѣ» безпрестанно встрѣчаются мрачныя заклинательныя пѣсни; оружіе замѣняется по большей части колдовствомъ посредствомъ пѣнія. Вейн-нъ и братъ его Ильм-нъ рѣшаются ѣхать въ Похиолу и, во что бы то ни стало, овладѣть Сампо. Дорогою къ нимъ пристаеъ третій товарищъ, весельчакъ Лемминкейненъ. Ихъ лодка плывеъ по морю на хребтѣ огромной щуки, которую потомъ Вейнемейненъ убиваетъ, и ея зубы подаютъ ему мысль сдѣлать арфу, или, какъ называютъ ее финны, кянтелу. Какъ скоро она была готова, всѣ пробуютъ играть на ней, но никому не удается извлечь изъ нея настоящихъ звуковъ. Тогда беретса за струны самъ Вейнемейненъ и поетъ всемогущія пѣсни. Онъ становится вторымъ Орфеемъ: цѣлыми стадами стремится къ нему звѣри, птицы и рыбы; герон, слушая его, заливаются слезами; у самого Вейнемейнена онъ текутъ по лицу рѣкою, надаютъ въ море и превращаются тамъ въ драгоценныя камни.

«Калевала» богата своеобразными вымыслами фантазіи еще младенческаго народа, близкаго къ природѣ, съ которою его связываетъ живое сочувствіе; но рядомъ съ истинными красотами поэзіи въ Калевалѣ много и темнаго, таинственно-дикаго, много чудовищныхъ образовъ, лишенныхъ всякаго правдоподобія, напр. когда описывается быкъ, который такъ огроменъ, что отъ одного рога его до другого ласточка летѣла цѣлый день; одна нога его въ Олонцѣ, другая въ Норвегіи, третья на Иматрѣ, четвертая у моря Лапландскаго.

Долго Калевала оставалась малозвѣстною въ литературномъ мірѣ внѣ Финляндіи. Только лѣтъ черезъ десять послѣ ея появленія на финскомъ языкѣ, съ нею ознакомился знаменитый германскій филологъ Яковъ Гриммъ, который, признавъ въ этомъ произведеніи одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ народныхъ эпосовъ, написалъ о немъ довольно обширное изслѣдованіе. Эта статья и обратила на Калевалу вниманіе ученыхъ и много способствовала къ распространенію ея извѣстности. Но еще прежде того о ней говорилось въ русской литературѣ и сообщены были извлеченія, сперва въ Журналѣ Мин. Народн. Просв., а потомъ

въ Современникѣ Плетнева, гдѣ въ 1840 г. появляется подробный обзоръ всего содержанія поэмы, съ стихотворнымъ переводомъ большого отрывка изъ 29-й гдѣсни. Позднѣе Калевала была переведена стихами на шведскій языкъ Кастрѣномъ, а на нѣмецкій — нашимъ покойнымъ академикомъ Шифнеромъ. Въ новѣйшее время было напечатано на русскомъ языкѣ, особою книгой, прозаическое изложеніе Калевалы, составленное г. Гранстремомъ.

Затѣмъ въ Москвѣ, подъ руководствомъ профессора Буслаева, Калевалу переводили находившіеся тамъ для изученія русскаго языка молодые финляндцы: покойный Лундаль и г. Гельгрень (Hellgren). Послѣдній издалъ нѣкоторыя части своего стихотворнаго перевода. Наконецъ въ прошломъ году напечатанъ и представленъ на Пушкинскую премію посвященный Ѳ. И. Буслаеву переводъ въ стихахъ г. Бѣльскаго.

Чтобы ознакомить почтенное собраніе съ достоинствами этого перевода, я намѣренъ привести изъ него небольшой отрывокъ, но прежде сообщу нѣсколько строкъ изъ предисловія г. Бѣльскаго, чтобы указать на нѣкоторыя особенности внѣшней стороны подлинника. Это, во 1-хъ, почти постоянное сопоставленіе синонимовъ въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ, напр. въ одномъ стихѣ: *дѣла*, въ слѣдующемъ: *дѣлица*, *дѣлушка*; во 2-хъ, синонимическое повтореніе стиха, напр.:

Если ты вернешь замять,
Злой свой заговоръ воротить...

въ 3-хъ, это стремленіе почти синонимически разнообразить два рядомъ стоящіе стиха повлекло за собой странное смѣшеніе чиселъ: если въ первомъ стихѣ указывается какое-либо число предметовъ, то въ слѣдующемъ эти предметы, оставаясь въ томъ же числѣ, называются въ числѣ большемъ:

Шесть онъ зернышекъ находить,
Семь сѣмянъ онъ поднимаетъ...

или еще болѣе странное сопоставленіе:

На шестую ночь скончалась,
На осьмую умерла бы.

Въ переводѣ сохранены эти странности. Малагая въ своемъ послѣсловіи трудности перевода съ финскаго языка на русскій, г. Бѣльскій справедливо указываетъ на рѣзкое различіе обоихъ языковъ какъ въ грамматическомъ строѣ, такъ и въ фонетическомъ составѣ словъ, которыя въ финскомъ языкѣ всегда носятъ главное удареніе на начальномъ слогѣ.

Стихъ Калевалы въ подлинникѣ силлабическій, не рифмованный; этотъ размѣръ, невозможный въ русскомъ языкѣ и превращающійся у переводчиковъ, по необходимости, въ четырех-стопный хорей, составляетъ одно изъ главныхъ затрудненій въ соблюденіи точной передачи текста.

Въ Калевалѣ такое множество мѣстъ, исполненныхъ поэтической правды и прелести, что трудно остановиться на какомъ-нибудь изъ нихъ, чтобы дать понятіе о достоинствѣ цѣлаго. Одна изъ своеобразнѣйшихъ рунъ — 41-я, въ которой изображается игра Вейнемейнена на изготовленной имъ кантелѣ, и мы избираемъ ее тѣмъ болѣе, что по сравнительной краткости своей она можетъ быть приведена почти вся.

Вотъ играетъ Вейнемейненъ —
Не осталось звѣря въ лѣсѣ,
Изо всѣхъ четвероногихъ,
Звѣря съ длинными ногами,
Что бъ не шель туда послушать
И ликуя подивиться.

Бѣлка весело цѣплялась,
Съ вѣтки прыгала на вѣтку;
Подбѣжали горностаи,
Возлѣ изгороди сѣли;
Лось запрыгалъ на полянѣ;
Даже радовались рыси.

Волкъ проснулся на оолотѣ;
На песчаникѣ подвляся,
Самъ медвѣдь въ еловыхъ вѣткахъ
Средь густыхъ зеленыхъ сосенъ
Волкъ бѣжить черезъ болота,
А медвѣдь черезъ дубраву
И садится у забора,
У калитки онъ усѣлся;
Повалилъ заборъ на камни.
На песокъ свалилъ калитку
На сосну тогда влѣзаетъ,
Лѣзетъ онъ тогда на елку,
Чтобы ту игру послушать,
Чтобы радуясь дивиться.

Всѣ, и юноши, и дѣвы
Влѣзли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка лѣса,
Эта мудрая старуха,
Вышла въ синенькихъ чулочкахъ,
Подвязавъ ихъ краснымъ бантомъ;
На нарость березы сѣла,
На изгибъ ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтобъ услышать эти звуки.

Всѣ воздушныя летуньи
Запорхали, прилетѣли,
Прилетѣли и усѣлись,
Чтобъ услышать эти звуки,
Чтобы радуясь дивиться.

Вотъ орелъ услышалъ дома
Эти звуки по Суоми;
Онъ птенцовъ въ гнѣздѣ оставилъ,
Самъ собравшись улетаетъ,

Прямо къ кантеле героя
 Гдѣ игралъ самъ Вейнемейненъ.
 Съ высоты орелъ спустился,
 Изъ-за тучъ спустился ястребъ,
 Изъ потоковъ вышли утки,
 Вышли лебеди изъ топей,
 Даже яблочки малютки
 Съ сотней чижичковъ слетѣлись,
 Съ ними жаворонки съ поля,
 Цѣлой тысячей летѣли,
 На плечахъ сѣдлись старца.
 Такъ игралъ отецъ почтенный,
 Восхищалъ всѣхъ Вейнемейненъ.

Даже дочери творенья,
 Дѣвы воздуха явились,
 И дивясь восторгались,
 Слыша кантеле звучанье,
 И одна въ воздушномъ свѣтѣ
 На небесномъ сводѣ сѣла,
 А на облакѣ другая
 На краю сіяла красномъ.

Ахто, этотъ царь потоковъ,
 Съ травяной брадою старецъ,
 Выплылъ тоже на поверхность,
 На цвѣткѣ морскомъ онъ выплылъ.
 Слышитъ дивные тѣ звуки,
 Говоритъ слова такіа:
 «Не слыхалъ нигдѣ я раньше
 Ничего, что бъ такъ звучало,
 Какъ играетъ Вейнемейненъ,
 Этотъ вѣчный заклинатель».

Наконецъ воды хозяйка,
 Вся покрытая травой,
 Поднялась изъ глуби моря,

Выплываетъ осторожно,
Проползла въ тростникъ прибрежный
И на рифѣ тамъ усѣлась,
Чтобъ послушать эти звуки,
Вейнемейнена напѣвы.
Звуки чудно раздавались,
И игра была прекрасна.
Задремала водъ хозяйка,
И заснувши наклонилась
Наверху скалы пестрѣвшей,
На краю большого камня.

Старый вѣрный Вейнемейненъ
День играетъ и другой день;
Не осталось героя,
Никого изъ этихъ храбрыхъ,
Не осталось тамъ ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто бъ отъ той игры не плакалъ,
Чье не тронулось бы сердце.
Плачутъ юные и старцы,
Плачутъ люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачутъ также и дѣвицы,
Плачутъ дѣвочки малютки.
Такъ чудесны эти звуки,
Такъ играетъ дивно старецъ.

Плачетъ старый Вейнемейненъ,
Слезы катятся обильно,
Изъ очей сбѣгають капли,
Тѣ жемчужины стекають;
Ячменя онѣ крупнѣе,
Больше ягодки болотной,

Покруглѣй яйца тетерьки,
 Головы касатки больше.

Изъ очей водица каплетъ,
 Сильно каплями сбѣгаетъ
 И на челюсти стремится,
 По щекамъ бѣжитъ прекраснымъ,
 А со щекъ она сбѣгаетъ
 На широкій подбородокъ,
 Съ подбородка же стремится
 По груди высокой старца,
 А съ груди высокой старца
 На крѣпчайшія колѣни,
 А съ колѣнъ крѣпчайшихъ этихъ
 На подъемъ ноги высокой,
 А съ ноги высокой старца
 Ужъ на землю подъ ногами,
 Черезъ пять катится куртокъ,
 Шесть златистыхъ подпоясокъ,
 Да чрезъ семь рубашекъ синихъ,
 Черезъ восемь штукъ кафтановъ.

Такъ роняетъ Вейнемейненъ
 Водяныя капли старый
 На морское побережье,
 А съ морского побережья
 Въ глубину воды блестящей,
 На чернѣющую тину.

Молвить старый Вейнемейненъ,
 Говорить слова такіа:
 «Нѣтъ ли здѣсь межъ молодежью,
 Между юными толпами,
 Въ этомъ племени обширномъ,
 Изъ сыновъ кто не найдется ль,
 Кто бь собралъ мнѣ эти слезы,
 Изъ глубокихъ водъ блестящихъ?»

Отвѣчали молодые,
 Такъ ему сказали старцы:
 «Нѣту здѣсь межъ молодежью,
 Между юными толпами,
 Въ этомъ племени обширномъ,
 Изъ сыновъ здѣсь не найдется,
 Кто бъ собралъ тебѣ тѣ слезы
 Изъ глубокихъ водъ блестящихъ».

Молвить старый Вейнемейненъ,
 Говорить слова такія:
 «Кто мой достанетъ слезы,
 Водяныя вынетъ капли
 Изъ глубокихъ водъ блестящихъ,
 Дамъ тому изъ перьевъ платье».

Подошелъ, закаркавъ, воронъ.
 Молвить старый Вейнемейненъ:
 «Принеси мнѣ, воронъ, слезы
 Изъ глубокихъ водъ блестящихъ,
 Дамъ тебѣ изъ перьевъ платье».
 Не досталъ въ водѣ слезъ воронъ.

Утка синяя то слышитъ,
 Утка синяя подходитъ.
 Молвилъ старый Вейнемейненъ:
 «Утка синяя, ты часто
 Въ глубину уходишь съ клювомъ,
 Любишь свѣжую водичу —
 Собери пойдн мнѣ слезы
 Изъ глубокихъ водъ блестящихъ;
 Будетъ славная награда:
 Дамъ тебѣ изъ перьевъ платье».

Собирать уходитъ утка,
 Вейнемейненовы слезы
 Изъ глубокихъ водъ блестящихъ.
 Тамъ на черномъ, темномъ илѣ

Собрала по морю слезы,
 Принесла ихъ въ руки Вейно.
 Слезы видъ другой имѣли
 И прекрасно измѣнились:
 Заблестѣли, точно жемчугъ,
 Голубымъ сверкали блескомъ,
 Чтобъ царю служить украсой,
 Вѣчной мощному утѣхой.

Относительно вѣрности и точности перевода Калесалы г. Кронъ далъ слѣдующій отзывъ.

«Доцентъ Л. П. Бѣльскій составилъ свой переводъ просто и свободно, не обременяя его излишними прибавками; въ общемъ онъ сумѣлъ хорошо передать незатѣйливую красоту оригинала. Жаль только, что тонкое оттѣненіе словъ, особенно ономато-поэтическихъ, изобилующихъ въ финскомъ языкѣ, иногда пропадаетъ въ переводѣ.

Такъ напр. въ рунѣ IV, стихъ 8 и 13¹⁾ «цвѣтушій» братъ и дѣвушка съ тонкимъ подоломъ оба получаютъ прозвище: «молодой» или «младой»²⁾. Также въ рунѣ IV, ст. 140 «малинѣ» дается общее названіе «ягоды». Въ р. IV, 253—254 старикъ «спотыкающійся о свои носки и падающій черезъ сухую вѣтвь», просто называется «хилымъ и дряхлымъ». — Въ р. IV, 362 вмѣсто «пристани въ родной бухтѣ» употребляется выраженіе: «вода здѣшняя». — Въ р. IV, 441 поэтическая картина: «матери, не качайте въ люлькѣ» и т. д. въ переводѣ совсѣмъ исчезла: «не принуждайте дочерей къ браку». — Въ р. XLI, 190 о слезахъ Вейнейнена говорятъ, что онѣ «больше ягодки болотной... головы касатки больше», хотя въ оригиналѣ употребляются два

1) Къ сожалѣнію въ переводѣ упущена нумерація стиховъ, столь нужная для цитатовъ.

2) Странно, что переводчикъ не обращаетъ вниманія на переводъ Гельгрена, знакомый ему, какъ видно изъ предисловія, гдѣ всѣ мѣста, означенныя въ рунѣ IV, переведены совершенно вѣрно.

разныхъ слова «herkeämmät, pägeämmät», точнѣ опредѣляющіе синонимы обыкновеннаго слова «suuremmat».

Очевидно переводчикъ постарался по возможности вѣрно передать и такія слова, которыя менѣ въ употребленіи, и смыслъ которыхъ темнѣе. Однакоже укажемъ на нѣкоторыя невѣрности.

Въ р. I, 164 вмѣсто «мать воды», выраженіе, встрѣчающееся потомъ, сказано «дѣва водяная». — Въ р. IV, 25 «haahen haljakka», т. е. судномъ привезенная, стало быть иностранная ткань, переводится «лучшее платье». — Въ р. IV, 202, вмѣсто «волны въ ведрѣ» мы читаемъ: «волна воды текучей». — Въ р. IV, 207—208 слова «застывшій снѣгъ зимою, вода въ ключѣ холодномъ» передаютъ совершенно невѣрную мысль, такъ какъ душа несчастнаго сравнивается съ весеннимъ, грязнымъ снѣгомъ и стоячей, черной водою. — Въ р. IV, 215—216 «черноты лучше... ночи не яснѣе» переводъ совсѣмъ произвольный, такъ какъ въ оригиналѣ «деготь» и «уголь» составляютъ предметъ сравненія. — Въ р. XI, 119 «murti mustoa haventa» не значить «кудри черныя теребить», но «онъ кусалъ свою черную бороду». — Въ р. XXIII, 21 «vegan nukka» переводится «платочекъ пестрый», когда это слово обозначаетъ шершавую занаванку платка.

Еще больше, чѣмъ эти невѣрно понятыя слова, вредятъ нѣкоторыя грамматическія недоразумѣнія, затемняющія красоту мысли.

Въ р. IV, 157 «tulim kukkana kotihin» передается «я въ цвѣтахъ домой вернулась», вмѣсто «какъ цвѣтокъ». — Въ р. IV, 228—230 слова: «Слезы матери родимой, Отъ отца слеза пожалуй, И едва ль слеза отъ брата» не передаютъ градаціи въ оригиналѣ: мало — меньше — ничего. — Въ р. IV, 285—289 просьба: «Перестань, отецъ, ты плакать» очень не кстати замѣняетъ горькую жалобу: «отецъ меня не оплакиваетъ». Переводчикъ повидимому здѣсь смѣшалъ отрицательную настоящую форму «ei itke» съ отрицательной повелительной «älä itke». — Еще болѣе странно выходитъ въ р. IV, 515—516: «Локоть мой тогда старѣетъ, Кисть руки ослабѣваетъ»; ошибка лежитъ

въ смѣшеніи родительнаго и винительнаго падежей. «*Kuupägän ikä kuluvi, vaaksan varsi vāhenevi*», т. е. «мой лѣта проходятъ на локоть, мой станъ старѣетъ на пядень». — Въ р. XXXVI, 281—284, въ словахъ: «Но ты, мать моя, не слышишь, какъ глазами говорю я, какъ горюю я бровями» весь смыслъ извращенъ неподходящимъ переводомъ финскаго «*adessivus*» на русскій «*instrumentalis*». Куллерво находится на могилѣ своей матери, стало быть онъ стоитъ на ея глазахъ и пр. — Въ р. XLI, 129 мы читаемъ: «рыбы въ камыши уткнулись грудью», вмѣсто «грудь о-грудь», т. е. рядомъ.

Я позволяю себѣ мимоходомъ замѣтить, что «*Ahti*» и «*Ahto*» слѣдовало бы писать Ахто и Ахте, а не Ато, Ати, потому что буква *h* произносится такъ же какъ и въ нѣмецкомъ словѣ *acht*.

Наконецъ, что касается «алфавитнаго указателя личныхъ именъ съ объясненіями», то свѣдѣнія могли бы легко быть почерпаны изъ болѣе новыхъ источниковъ, какъ напр. изъ послѣдняго финскаго изданія Калевалы.

Всѣ помянутыя ошибки такъ рѣдки однакожь, что онѣ никакимъ образомъ не мѣшаютъ наслажденію читателя. Вообще можно прочесть цѣлыя сотни строкъ, не находя никакихъ ошибокъ, заслуживающихъ вниманія. И такъ какъ переводчикъ сумѣлъ схватить духъ оригинала и ловко передалъ трудности эпическаго языка, даже съ помощью часто встрѣчающихся цезуръ, совладѣлъ съ размѣромъ Калевалы, я долженъ засвидѣтельствовать, что переводъ весьма удаченъ и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ награды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключаетъ рецензентъ я позволяю себѣ выразить свою радость по поводу того, что благодаря такому отличному посреднику наша народная эпопея стала доступною русскому обществу».

II.

Приступая къ изложенію содержанія доставленной профессоромъ Н. И. Стороженкомъ рецензій Донъ-Жуана Байрона въ переводѣ г. Козлова, напечатанномъ въ двухъ то-

махъ, я долженъ замѣтить, что критикъ остановился преимущественно на поразившихъ его недостаткахъ, рѣдко указывая на достоинства, которыя, по его мнѣнію, почувствуетъ и оцѣнитъ самъ читатель.

Вышедшимъ недавно переводомъ Донъ-Жуана — такъ начинается г. Стороженко — достойнымъ образомъ завершается рядъ попытокъ усвоить русской литературѣ гениальное произведеніе англійскаго поэта. Не говоря уже объ отрывкахъ изъ Донъ-Жуана и переводахъ отдѣльныхъ пѣсень поэмы, начавшихъ появляться въ русскихъ журналахъ уже въ тридцатыхъ годахъ, мы имѣли три полныхъ перевода Д. Жуана: два стихотворныхъ — Любича - Романовича (С.-Петербургъ, 1847 г. 2 тома) и Минаева (первоначально печатавшійся въ *Современникъ* за 1865 — 66 г. и потомъ вошедшій во второй томъ извѣстнаго изданія г. Гербеля *Байронъ въ переводахъ русскихъ поэтовъ*) и одинъ прозаическій г. Соколовскаго. Первый изъ нихъ, названный самимъ переводчикомъ вольнымъ, не передаетъ ни буквы, ни духа подлинника, не говоря уже о томъ, что онъ сдѣланъ стихами, которыя Валеріанъ Майковъ назвалъ колючими; переводъ, г. Минаева, мѣстами очень поэтический, такъ далекъ отъ подлинника, что г. Гербель не счелъ возможнымъ перепечатать его во второмъ изданіи своего «Байрона» и поручилъ г. Соколовскому перевести Д. Жуана прозою.

Къ счастью, неудачная попытка г. Минаева не только не охладилла, но даже окрылила рвеніе переводчиковъ: въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1880 г. появился прекрасный переводъ нѣсколькихъ пѣсень Д. Жуана (2-я, 3-я и 73-я стансы четвертой пѣсни), принадлежащій маститому переводчику Данте Д. Е. Мину; наконецъ, въ нынѣшнемъ году является новый стихотворный переводъ всего Д. Жуана размѣромъ подлинника, сдѣланный П. А. Козловымъ.

Переводъ Д. Жуана стихами, да къ тому же размѣромъ подлинника представляетъ почти неодолимая трудности. Гѣте, переведшій въ 1821 г. (въ изданіи Kunst und Alterthum) въ

видѣ опыта нѣсколько стансовъ изъ первой пѣсни Д. Жуана, находилъ, что переводчикамъ будетъ труднѣе всего передать шутивый и ироническій тонъ подлинника, потому что нѣмецкая поэзія не обладаетъ такимъ выработаннымъ комическимъ стилемъ, какъ поэзія англійская. Но есть трудность другого рода, едва-ли легче одолимая — это постоянная перемена тона. Удалившись въ добровольное изгнаніе, разочарованный въ жизни и людяхъ, преслѣдуемый клеветой общества и яростными напаками реакціонной прессы, Байронъ мстилъ современному ему обществу, издѣваясь надъ всѣмъ, передъ чѣмъ оно преклонялось; отсюда его злыя выходки противъ брака, формальной нравственности, общественнаго мнѣнія, реакціонной школы поэтовъ, во главѣ которой стояли Уордсвортъ и Соути и т. п. Повидимому Байронъ, какъ впоследствии Гейне, находилъ особое удовольствіе издѣваться надъ своими несообразительными читателями; поднявши ихъ на крыльяхъ поэзіи въ свѣтлую высь идеальнаго міра, онъ неожиданно мѣнялъ тонъ и охлаждалъ ихъ восторги какой-нибудь злой шуткой или цинической остротой. Эта особенность байроновскаго стиля, почти незамѣтная въ его юношескихъ поэмахъ, достигаетъ своего высшаго развитія въ Д. Жуанѣ, и эту-то особенность постоянно долженъ имѣть въ виду переводчикъ; всякое смягченіе въ этомъ отношеніи неизбежно отзовется невѣрностью тона. Если мы прибавимъ къ этому самый языкъ поэта, нигдѣ не достигающій такой энергіи, сжатости и лаконизма, то мы поймемъ съ какими трудностями приходилось бороться переводчику, желавшему во что бы то ни стало сохранить размѣръ подлинника и байроновскія октавы.

Каждый изъ переводчиковъ Донъ - Жуана имѣлъ свой взглядъ на свою задачу. Одни старались перевести какъ можно ближе къ подлиннику, жертвуя для этого самой стихотворной формой; такъ поступали французскіе переводчики Д. Жуана Paulin Paris и Amédée Pichot, а изъ русскихъ г. Соколовскій, которые предпочли перевести поэму Байрона прозой; другіе, напротивъ того, отпрявляясь отъ мысли, нѣкогда блестяще разви-

той А. В. Шлегелемъ, что поэтѣ непременно нужно переводить языкомъ поэтовъ, переводили стихами, стараясь воспроизвести поэзію подлинника и жертвуя для рѣшмы близостью; такъ понималъ свою задачу г. Минаевъ, переводъ котораго скорѣе можно назвать фантазіей на байроновскіе мотивы, чѣмъ переводомъ; наконецъ третьи посмотрѣли на свою задачу нѣсколько иначе: усматривая тайну впечатлѣнія, производимаго Д. Жуаномъ въ самомъ размѣрѣ подлинника, они старались переводить размѣромъ подлинника и сохранить байроновскую октаву; такъ поступалъ между прочимъ покойный Минъ. Хотя г. Козловъ и не изложилъ своего profession de foi, какъ переводчика, но переводъ его доказываетъ, что именно такъ смотрѣлъ онъ на свою задачу. Мы ничего не имѣли бы противъ этого взгляда, если бы близость къ подлиннику и вѣрность его духу была для переводчика такъ же обязательной какъ соблюденіе байроновской октавы съ ея неизмѣннымъ рѣшмованнымъ двустишіемъ въ концѣ.

Чтобы преодолѣть исчисленные нами неизбѣжныя при переводѣ Д.-Жуана трудности, нужно не только обладать поэтическимъ чувствомъ и хорошо владѣть стихомъ, нужно вчитаться въ поэта, усвоить себѣ его стихъ, его поэтическую манеру, такъ сказать, сжиться съ нимъ. Вотъ почему первыя пѣсни Д.-Жуана вышли у г. Козлова вообще слабѣе послѣднихъ; вотъ почему въ нихъ встрѣчается больше случаевъ принесенія содержанія въ жертву формѣ. Борьбу нашего переводчика съ подлинникомъ лучше всего можно прослѣдить на первой пѣсни, гдѣ онъ еще пробовалъ свои силы и набивалъ руку.

Во второй стансѣ первой пѣсни Байронъ, лица героя для своей поэмы, перечисляетъ англійскихъ полководцевъ, бывшихъ предметами праздныхъ толковъ и глазѣнья уличной толпы:

Узнавъ хвалу людей, враговъ нападки,
Они прошли, какъ мимолетный сонъ,
Какъ «девять поросятъ единой матки»,
Видѣнья Банко.

Прочтя эти стихи, читатель можетъ вообразить, что сподвижникъ Макбета Банко въ самомъ дѣлѣ имѣлъ такое странное и некрасивое видѣнье, но при сличеніи съ подлинникомъ окажется, что это видѣнье — плодъ недоразумѣнія переводчика.

Въ подлинникѣ сказано:

Each in their turn like Banquo's monarchs stalk
Followers of Fame nine farrow of that sow:

Здѣсь Байронъ очевидно намекаетъ на извѣстную сцену въ трагедіи Шекспира (актъ IV, сцена I), гдѣ въ силу заклинанія вѣдьмъ проходятъ передъ Макбетомъ, пришедшимъ узнать свою судьбу, восемь королей, потомковъ Банко и онъ самъ; для того, чтобъ ихъ вызвать, Геката велитъ бросить въ волшебный котелъ кровь свиньи, пожравшей девять своихъ поросятъ и жиръ убійцы, покончившаго свои дни на висѣлицѣ. Случайное соотвѣтствіе числа поросятъ числу королей и числу знаменитыхъ полководцевъ и подсказало Байрону шекспировское выраженіе: «nine farrow of that sow», въ которомъ переводчику почудился намекъ на необычайное видѣніе Банко.

Характеризируя мать Донъ-Жуана, поэтъ между прочимъ замѣчаетъ, что ея серьезныя изреченія были возвышенны до темноты — выраженіе, не совсѣмъ удачно переведенное г. Козловымъ:

Она такъ мысли возносила,
Что рѣчь ея была темна подѣ часъ.

Употребленіе выраженій, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго языка уместно въ величавой и торжественной рѣчи; въ поэмѣ же Байрона, слогъ которой отличается необыкновенной простотой, они звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ.

Продолжая ту же характеристику, Байронъ въ XIV стансѣ говорить:

She liked the English and the Hebrew tongue
 And said there was analogy between'em,
 She proved it some how out of sacred song,
 But I must leave the proof to those who've seen'em.

Она любила англійскій и еврейскій языки и увѣрjala, будто между ними существуетъ какое-то сходство. Мнѣніе свое она поддерживала цитатами изъ священныхъ книгъ, но я предоставляю рѣшеніе этого вопроса людямъ, болѣе съ ними знакомымъ¹⁾.

Г. Козловъ переводитъ:

Цитируя слова священныхъ книгъ,
 Она всегда отстаивала мнѣнье,
 Что съ англійскимъ еврейскій схожъ языкъ;
Пуškai отброситъ тотъ свои сомнѣнья,
Кто съ тайники застытыхъ строкъ проникъ.

Что переводчикъ хотѣлъ сказать этими двумя стихами, мы не беремся угадать, такъ какъ не можемъ проникнуть въ тайники его намѣреній; одно знаемъ, что эти стихи не имѣютъ ничего общаго съ подлинникомъ.

Погоня за римой своенравной — общая участь поэтовъ. Байронъ въ одномъ мѣстѣ Донъ-Жуана (пѣснь IX, станса 74) называетъ риму могучимъ пароходомъ, заставляющимъ стихи плыть даже противъ теченія здраваго смысла. Хотя г. Козловъ и хорошо владѣетъ стихомъ, но и ему не рѣдко приходится послѣ безплодныхъ поисковъ за римой приносить въ жертву ей вѣрность подлиннику и замѣнять одно выраженіе другимъ, прямо ему противоположнымъ, только потому, что къ первому трудно было подыскать подходящую риму.

1) Отрывки изъ Донъ Жуана мы всюду приводимъ по прозаическому переводу г. Соколовскаго, позволяя себѣ исправлять его въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда онъ, по нашему мнѣнію, не вполне точно передаетъ мысль подлинника.

Въ стансѣ XXIX первой пѣсни читаемъ:

Она жъ на все глядѣла съ *равнодушьемъ*
И это свѣтъ считала великодушьемъ.

Между тѣмъ какъ въ подлинникѣ ясно сказано, что жена отца Д. Жуана донья Инеса:

Saw his (т. е. мужа) agonies with such *sublimity*
That all the world exclaimed: what magnanimity!

Не говоря уже о неуклюжести самой рѣзмы, замѣна *осмичаваю спокойствіемъ* равнодушьемъ совершенно искажаетъ мысль поэта.

Въ другомъ мѣстѣ переводчикъ для рѣзмы замѣнилъ байроновскую черту въ характеристикѣ Юліи (въ стансѣ LXI) чертою своего собственнаго изобрѣтенія; въ подлинникѣ говорится, что Юлія была очень граціозна (*she, in sooth, possessed an air and grace by no means common*), а г. Козловъ увѣряетъ, что она была очень восторженна:

Дышала въ ней восторженность живая.

Въ слѣдующей строфѣ своенравной рѣзмѣ принесена переводчикомъ въ жертву острога подлинника. Сказавъ, что Юлія вышла замужъ за пятидесятилѣтняго старика, поэтъ прибавляетъ: «мужей такого рода на свѣтѣ довольно, но я думаю, что вмѣсто одного пятидесятилѣтняго лучше бы имѣть двухъ двадцатипятилѣтнихъ, особенно въ южныхъ странахъ».

Въ переводѣ г. Козлова соль подлинника исчезла:

Пятидесяти лѣтъ былъ мужъ у ней...
(Слѣпой судьбы печальная услуга!)
Ей лучше бъ взять двухъ молодыхъ мужей,
Чтобъ замѣнить почтенныхъ лѣтъ супруга.

Въ LXXX стансѣ въ интересѣ рѣзмы — и приоавимъ довольно пошлой — г. Козловъ самовольно измѣняетъ естествен-

ный ходъ любовныхъ отношеній и ставитъ въ концѣ то, что обыкновенно происходитъ въ самомъ началѣ:

Любовь такая дѣвственно - чиста;
 Ей можно предаваться безъ опаски,
 Сначала ручку, а затѣмъ уста
 Цѣлуютъ нѣжно, робко строятъ ласки и т. д.

Нечего и говорить, что о глазкахъ нѣтъ и помину въ подлинникѣ: они введены переводчикомъ единственно для рѣзвы.

Весьма характеристическій примѣръ безцеремоннаго обращенія рѣзвы съ подлинникомъ представляетъ стансъ LV.

Инеса добродѣтельная зналась
 Лишь только съ тѣмъ, кто *правдой* былъ богатъ;
 Къ ней часто донна Джулія являлась.
 Назвавъ ее звѣздой, о ней наврядъ
 Понятъ дамъ. Съ ней красота сроднялась,
 Какъ съ моремъ соль, съ цвѣтами ароматъ,
 Съ Венерой поясъ, съ Купидономъ стрѣлы;
 (*Последнія сравненія слишкомъ смѣлы*).

Всякому, кто читалъ предшествующія стансы, гдѣ мастерски очерчена мать Донъ-Жуана, покажется страннымъ, чтобы такая святоша и лицемѣрка могла искать сближенія съ правдивыми и прямыми натурами, и еще болѣе страннымъ, чтобы Байронъ могъ считать слишкомъ смѣлыми такія избитыя сравненія, какъ поясъ Венеры и стрѣлы Купидона. По счастью, ничего подобнаго не находится въ подлинникѣ: тамъ, напротивъ того, мы читаемъ, что донья Инеса знакоилась — какъ и слѣдовало ожидать — только съ особами, отличавшимися скромностью и благочестіемъ (all selected for discretion and devotion), что Байронъ считалъ приведенныя выше сравненія избитыми и пошлыми (trite and stupid). Все это придумано переводчикомъ для рѣзвы, а послѣдній стихъ кромѣ того съ тѣмъ, чтобъ сохранилъ особен-

ность байроновской октавы, всегда оканчивающейся рюмованнымъ двустипіемъ. Извѣстно, что Шекспиръ любилъ заканчивать такимъ образомъ самыя эффектныя сцены своихъ драмъ. Эта особенность безспорно придаетъ байроновской октавѣ оригинальный эффектъ и весьма желательно сохранить ее и въ переводѣ, конечно подъ условіемъ, чтобъ не приносить ей въ жертву — какъ въ данномъ случаѣ сдѣлалъ г. Козловъ — вѣрность подлиннику, которая всегда должна стоять на первомъ планѣ.

Задумавъ перевести Донъ-Жуана размѣромъ подлинника, съ соблюденіемъ особенностей байроновской октавы, г. Козловъ добровольно связалъ себя по рукамъ и ногамъ. Если принять въ соображеніе, что байроновская октава заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ отъ 60—65 словъ (не говоря о принятыхъ въ англійскомъ поэтическомъ языкѣ сокращеніяхъ), тогда какъ октава переводчика — только отъ 40 до 50, то можно заранѣе предсказать, что г. Козлову никогда не угнаться за подлинникомъ, никогда не вмѣститъ въ свою сравнительно узкую строфу все богатое содержаніе байроновской октавы. Все, что можно сдѣлать въ данномъ случаѣ — это, не гонясь за близостью и полнотой, стараться передать — насколько позволяетъ требованіе всесильной рюмы, — сущность, эссенцію и букетъ подлинника. Такъ и поступаетъ г. Козловъ, и нужно удивляться искусству, съ какимъ онъ въ большинствѣ случаевъ разрѣшаетъ эту трудную задачу. Приведу для примѣра СХІV стансу, гдѣ описывается чудная лѣтняя ночь:

Въ тотъ сладкій часъ, когда природа спитъ,
 Одѣтая волшебнымъ блескомъ ночи,
 Когда луна деревья серебрить,
 И звѣзды, какъ безчисленныя очи,
 Глядятъ съ небесъ на этотъ чудный видъ,
 Душѣ съ собою справиться нѣтъ мочи;
 Она собой владѣть перестаетъ,
 Но не покой ей этотъ мигъ даетъ.

Вотъ это мѣсто въ прозаическомъ переводѣ г. Соколовскаго, весьма близкомъ къ подлиннику: «Часть этотъ заключаетъ въ себѣ какое-то опасное безмолвіе, какую-то тишину, которая заставляетъ душу раскрываться, но лишаетъ ее способности самообладанія. Серебряный свѣтъ луны, озаря деревья и башни, проливая красоту и нѣгу на все, дѣйствуетъ также на сердце, возбуждая въ немъ сладкое томленье, которое никакъ не можетъ назваться желаніемъ покоя».

Сравненіе съ подлинникомъ показываетъ, что за исключеніемъ «сладкаго томленья (loving languor)», переводчикъ не упустилъ ни одной существенной черты въ описаніи ночи и ея вліянія на сердце людей. Но лишь только поэтъ начинаетъ рисовать мелкими штрихами и вдается въ подробности, строфа переводчика дѣлается узкой въ сравненіи со строфой подлинника, переводчикъ принимается сокращать подлинникъ, замѣнять картину краткимъ описаніемъ, опускать характерныя черты, и въ результатѣ получается блѣдная и сокращенная копія, которая не производитъ и половины впечатлѣнія подлинника. Возьмемъ для примѣра стансу С первой пѣсни:

Отцовъ недальновидныхъ иногда
 Случается, что дочери проводятъ
 И достигаютъ цѣли безъ труда.
 Что толку въ томъ, что съ дочерей не сводятъ
 Родные глазъ? Случится ли бѣда,
 Отцы въ негодованіе приходятъ
 И, не виня оплошности своей,
 Готовы проклинать своихъ дѣтей.

Насколько эта станса блѣднѣе, суше и бѣднѣе содержаніемъ, покажетъ сравненіе ея съ прозаическимъ переводомъ г. Соколовскаго: «Родители также по временамъ бываютъ близоруки. Глядя глазами рыся, они никогда не видятъ того, что уже давно подмѣтилъ съ злобной радостью свѣтъ, кто любовница у юнаго Гопфуля или любовникъ у миссъ Фанни. Но вдругъ какой-нибудь

несчастный случай открываетъ имъ все; ихъ двадцатилѣтніе планы разрушены, все перевернуто вверхъ дномъ: мамаша плачетъ, папаша проклиняетъ день своего рожденія и удивляется, на какой чортъ онъ произвелъ на свѣтъ такихъ наследниковъ».

Бываютъ случаи — и ихъ не мало — когда вслѣдствіе сокращеній переводчика получается неясность. Таковы заключительныя стихи CVIII стансы:

Не жди любви, какъ стукнетъ пятьдесятъ —
Тогда гней полсотни просто кладь.

Въ подлинникѣ:

At fifty love for love is rare, 't is true,
But then, no doubt, it equally as true is
A good deal may be bought for fifty Louis.

По-русски: «Справедливо, что въ пятьдесятъ лѣтъ трудно ждать любви за любовь, но безъ сомнѣнія не менѣе справедливо, что суррогатъ ея можно купить за пятьдесятъ лундоровъ». Очевидно, что здѣсь неясность произошла отъ того, что три стиха подлинника переданы по-русски двумя.

Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи другой примѣръ (Пѣснь IV, ст. XVII). Описывая любовь Ганде и Д. Жуана, поэтъ восклицаетъ: «Дивная и столь же рѣдкая привязанность! Они любили другъ друга этой любовью, въ которой хочеть потеряться сама душа, когда жизнь насъ утомляетъ, когда мы изнемогаемъ отъ всего, что видимъ и слышимъ въ этомъ старомъ мірѣ: отъ интригъ, пошлыхъ приключеній, страстишекъ, свадебъ, похищеній, въ которыхъ факель Гименея освѣщаетъ только позоръ лишней проститутки, позоръ, неизвѣстный только одному мужу!»

Всѣ старанія талантливаго переводчика передать эту пламенную стансу близко къ подлиннику не увѣнчались успѣхомъ; ее пришлось поневолѣ сокращать, а въ сокращеніи она утратила половину своей поэзии.

Въ ихъ жилахъ кровь струилась *жмучей лавой*;
 Любовь ихъ жгла огнемъ своихъ лучей;
 Такой любви не знаетъ свѣтъ лукавый,
 Что поражаетъ пошлостью своей;
 Гдѣ поле для интригъ, гдѣ *жмжм* нравы,
 Гдѣ часто освѣщаетъ Гименей
 Позоръ блудницы избраннаго круга,
 Позоръ лишь скрытый для ея супруга.

Если приведенныя стансы Байрона теряютъ въ переводѣ г. Козлова половину своего глубокаго содержанія и своей поэзіи, то виной тому не одно несовершенство перевода, а обиліе содержанія въ английской октавѣ, которая только въ немногихъ случаяхъ можетъ быть удачно передана меньшей по объему русской октавой. По нашему мнѣнію, единственное средство помочь горю — это перевести Донъ-Жуана десятистрочными стансами, съ тѣмъ, чтобы онѣ, подобно байроновскимъ октавамъ, заканчивались рифмованнымъ двустипіемъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи два лишніе стиха, русскіе переводчики могли бы смѣлѣе вступить въ борьбу съ подлинникомъ, борьбу, которая при существующихъ условіяхъ всегда окажется неравной...

Къ недостаткамъ перевода первой гдѣсни Донъ-Жуана слѣдуетъ отнести невѣрный тонъ, который взялъ переводчикъ въ описаніи любви Донъ-Жуана и Юліи. Упустивъ изъ виду, что Донъ-Жуанъ любилъ Юлію робкой и поэтической любовью шестнадцатилѣтняго юноши, переводчикъ то и дѣло употребляетъ выраженіе *сладострастѣе* (ст. XCIV), *клокотаніе страсти* (ст. XCV), *клокотаніе крови* (ст. CXII), о которыхъ нѣтъ и помину въ подлинникѣ. Равнымъ образомъ и Юлія является у него болѣе страстной и смѣлой, чѣмъ у Байрона; въ подлинникѣ она не сразу отдается нахлынувшей страсти и разсѣянный видъ ея обличаетъ борьбу съ мыслью, которой она не можетъ подавить (ст. CX); въ русскомъ же переводѣ говорится, что

Она его съ любовью созердала,
 Вся отдаваясь страсти молодой.

Въ переводѣ второй, третьей и четвертой пѣсней г. Козлову пришлось вступить въ борьбу съ такимъ талантливымъ и опытнымъ переводчикомъ, какъ покойный Д. Е. Минъ. Борьба эта ведется имъ съ переменнымъ успѣхомъ; есть стихи и цѣлыя строфы, которые удался г. Козлову лучше чѣмъ г. Мину, и наоборотъ.

Возьмемъ на примѣръ первые четыре стиха XV стансы второй пѣсни:

Don Juan had got many things to leave
His mother and a mistress and no wife,
So that he had much better cause to grieve,
Than many persons more advanced in life.

Г. Козловъ:

А Донъ-Жуанъ и съ матерью и съ милой
Разстался (не съ законною женой)!
Поэтому понятно, что уныло
Прощался онъ съ родимой стороной.

Г. Минъ:

А Донъ-Жуанъ покинулъ все: и мать
И милую (хоть не жену), на горе;
И такъ имѣлъ онъ больше правъ страдать
Чѣмъ кто иной пускающійся въ море.

Здѣсь первые два стиха лучше переведены г. Козловымъ, не забывшимъ отмѣтить, что въ глазахъ поэта разлука съ законной женой не могла принести столько горя какъ разлука съ милой; эта провія совершенно пропала у г. Мина, въ переводѣ котораго поэтъ повидимому удивлялся, что можно такъ горевать за незаконной женой, но за то два послѣдніе стиха переведены у Мина ближе къ подлиннику. Первые четыре стиха слѣдующей строфы вышли у г. Козлова лучше, главнымъ образомъ потому, что онъ правильно перевелъ *weeping Muse* эпите-

томъ *сезонная муза*, тогда какъ г. Минъ употребилъ въ этомъ случаѣ слово *каменный* только для того, чтобъ оно могло рифмовать съ *отчаянной*, и наоборотъ, смерть пьянаго камердинера Педро, угодившаго съ пьяныхъ глазъ, вмѣсто баркаса, въ океанъ, передана у г. Минна лучше. Г. Минну удалось придумать подходящій эпитетъ для англійскаго *a wine-and watery grave*

And so he found a wine-and watery grave.

(Ст. LVII).

Быль взять онъ винно-водяной могилѣй,

оставленнаго безъ перевода г. Козловымъ, потому что нельзя же считать переводомъ не совсѣмъ понятный стихъ:

И утонувъ, вино водой разбавилъ.

Прилагая къ обоимъ переводчикамъ поэтическій критерій, можно сказать, что мѣста описательныя и драматическія лучше удаются г. Козлову, тогда какъ мѣста лирическія и описанія, требующія энергіи и сжатости выраженія, лучше выходятъ у г. Минна. Вотъ почему въ переводѣ прелестнаго эпизода о пребываніи Д.-Жуана на островѣ Пирата переводчики поочередно вырываютъ другъ у друга пальму первенства, пока она окончательно не остается въ рукѣ г. Минна, достигшаго въ переводѣ знаменитой пѣсни странствующаго поэта (въ III пѣсни) поразительной энергіи выраженія.

Не лишено интереса сопоставить двѣ строфы этой пѣсни въ переводѣ обоихъ переводчиковъ.

Г. Козловъ:

6.

Отрадно и то, что средь звона оковъ
 Не въ снахъ мириться я съ рабскою долей...
 Мнѣ больно и стыдно глядѣть на рабовъ;
 Геройскаго духа не видно въ нихъ богъ;
 Поэтъ! не пробудишь ихъ лирой своей:
 О Греція плача, за грековъ краснѣй!

7.

Но краска стыда, но слеза или вздохъ
 Помогутъ ли? Предки борьбою кровавой
 Спасались отъ бѣдъ. О могила! хоть трёхъ
 Верни намъ спартанцевъ, увѣнчанныхъ славой, —
 И, полны надеждъ, вдохновенья и силъ,
 Сроднимся мы съ громомъ другихъ Фермопиль!

Г. Минъ:

6.

Нѣтъ, я горжусь и тѣмъ, что въ вѣкъ
 Позора, горькой укоризны,
 Могу еще, какъ древній грекъ,
 Краснѣть за срамъ моей отчизны;
 Краснѣть за грековъ въ тишинѣ
 И плакать о родной странѣ.

7.

Но какъ же плакать и краснѣть
 Въ странѣ героевъ богоравныхъ?
 Земля, отдай намъ только треть,
 Одну лишь треть спартанцевъ славныхъ!
 О, пусть возстанутъ изъ могилъ
 Для славы новыхъ Фермопиль!

Если принять за критеріумъ сравненія впечатлѣніе, которое производятъ эти чудныя строфы въ переводѣ обоихъ поэтовъ, несомнѣнно, что переводъ г. Мина далеко оставитъ за собой переводъ г. Козлова, чему не мало способствуетъ употребленный г. Миномъ четырехстопный ямбъ, который порывистѣе и энергичнѣе волнообразнаго разиѣра г. Козлова. Кстати замѣтимъ, что самъ Байронъ измѣнилъ въ этомъ случаѣ своему обычному разиѣру и чтобъ придать болѣе жизни и движенія пѣсни поэта, наложилъ ее короткими стихами.

По мѣрѣ того, какъ г. Козловъ входитъ въ свой трудъ,

сживается съ манерой поэта, переводъ его становится лучше, ошибки противъ стиля рѣже. Пятая пѣснь, которой такъ восхищался Шелли, находя, что всякое слово въ ней носить на себѣ печать безсмертія, и шестая, въ которыхъ описывается продажа Д.-Жуана въ рабство и его пребываніе въ гаремѣ султана, переведены г. Козловымъ весьма удовлетворительно. Впрочемъ и въ нихъ попадаются неточности и неловкости, которыя слѣдуетъ отмѣтить. Такъ въ LV стансъ V пѣсни въ описаніи гарема находятся такіе стихи:

Да кое-гдѣ изъ за портьеръ порой
Выглядывали женскія головки,
Что новизна смущала *обстановки*.

Слово *обстановка*, очевидно, вставлено сюда для рѣимы, ибо новизна обстановки не могла смутить султанскихъ женъ, постоянно жившихъ въ этой обстановкѣ; недоумѣніе читателя разрѣшается справкой съ подлинникомъ, гдѣ сказано что султанскія жены выглядывали изъ за портьеръ, удивляясь необычному для нихъ шуму. Въ СІХ ст. той же пѣсни въ характеристику Гюльбеи вставлены переводчикомъ черты, о которыхъ ничего не знаетъ подлинникъ:

Въ ней гордость охлаждала сердца пыль,
Рабы могли идти за нею слѣдомъ,
Но рабства гнетъ ей былъ самой невѣдомъ.

Вмѣсто этой тирады, въ подлинникѣ просто говорится, что въ ней кое-чего недоставало (въ смыслѣ женственности?), что она скорѣе готова была повелѣвать, чѣмъ уступать» (As if she rather ordered, than was granting).

Въ СХХХІХ ст. встрѣчается странный стихъ:

Потомъ дать негру *порку съ знакъ приѣта*,

между тѣмъ какъ въ подлинникѣ сказано только: to sentence the lash to Baba (имя негра).

Прекрасно переведенъ г. Козловымъ штурмъ Измаила—этотъ перлъ батальной поэтической живописи, составляющей содержание VII и VIII пѣсней. Приводимъ для пригѣра известную характеристику Суворова, мастерски переданную г. Козловымъ:

Молясь, остря, весь преданный причудамъ,
То ловкій шутъ, то демонъ, то герой,
Суворовъ былъ необъяснимымъ чудомъ.
За всѣмъ слѣдя, онъ планъ готовилъ свой
И ничего не оставлялъ подъ спудомъ.
Какъ арлекинъ, носясь передъ толпой,
Онъ мѣръ дивилъ то шуткой, то погромомъ
И былъ сегодня Марсомъ, завтра.— Мономъ.

А вотъ еще прелестная станса, въ которой описывается смерть татарскаго хана, потерявшаго въ бою всѣхъ своихъ сыновей и произвешаго казачьей пикой:

Игрою увлеченъ воображенья,
Почувствовавъ въ груди конецъ копья,
Онъ прошепталъ «Аллахъ!» и въ то жъ мгновенье
Предъ нимъ сверкнула вѣчности заря,
И рай предъ нимъ, какъ свѣтлое видѣнье,
Предсталъ огнями яркими горя.
Пророки, дѣвы, ангелы, святые
Ему явились, свѣтомъ облитые. (Пѣснь VIII, ст. СХV).

Вообще вся вторая половина поэмы переведена удовлетворительнѣе, чѣмъ первая: стихъ течетъ плавнѣе, стиль выдержанъ лучше. Но чѣмъ она лучше въ цѣломъ, тѣмъ несприятнѣе дѣйствуетъ присутствіе прежнихъ погрѣшностей, отъ которыхъ и здѣсь не могъ освободиться г. Козловъ, хотя во всякомъ случаѣ онѣ находятся въ гораздо меньшемъ количествѣ. Укажемъ на важнѣйшія изъ нихъ.

Въ LXXI стансѣ седьмой пѣсни отвѣтъ Джонсона Суворову совершенно переначенъ переводчикомъ, по всей вѣроят-

ности для того, чтобъ заключить октаву эффектнымъ двустипіемъ. «Я знаю — говоритъ Джонсонъ — что ничто такъ не смущаетъ сердце героя въ битвѣ, какъ мысль объ оставленной семьѣ». Этотъ отвѣтъ превращается подъ рукой переводчика въ слѣдующую сентенцію:

Когда жена, какъ шмель, жужжитъ надъ ухомъ,
Храбрѣйшій воинъ можетъ падать духомъ.

Въ XXIII стансѣ девятой пѣсни Байронъ называетъ Петербургъ столицей неучей (boogs), цивилизованныхъ Петромъ В., которые до сихъ поръ показали себя болѣе храбрыми, чѣмъ умными. Изъ патріотическихъ или ритмическихъ соображеній, но только г. Козловъ совершенно уничтожаетъ эту нелестную для насъ характеристику:

Герой моей поэмы (вашъ онъ тоже,
Надѣюсь я) отправленъ въ Петроградъ,
Что создалъ Петръ Великій, силы множа,
Чтобъ тьмою не былъ край его объять.

Въ LIX стансѣ X пѣсни, вслѣдствіе дурной разстановки словъ и необходимости сокращенія въ интересѣ рѣмы, прекрасная мысль поэта искажена до неузнаваемости. Вспоминая о Наполеонѣ I, Байронъ восклицаетъ: «И такой славы суждено было быть похороненной подъ снѣгомъ! Впрочемъ, если вы хотите согрѣться, проѣзжая черезъ Польшу, произнесите имя Косцюшка, которое можетъ, подобно Геклѣ, выбрасывать пламя среди льдовъ и снѣговъ». Въ переводѣ г. Козлова вышло что-то совсѣмъ непонятное:

Кто видѣлъ Польши свѣтлыя картины,
Тотъ знаетъ, что рождаетъ пламя ледъ,
Какъ только о Косцюшкѣ рѣчь зайдетъ.

Но все это еще не такъ важно. Гораздо важнѣе тѣ неточности и искаженія, которыя касаются душевныхъ убѣжденій

поэта. Одну изъ оригинальныхъ чертъ поэмы Байрона, названной самимъ творцомъ эпосомъ новѣйшихъ временъ, составляетъ ея, такъ несвойственная эпосу, субъективность. Поэтъ пользуется всякимъ случаемъ, всякимъ подходящимъ жизненнымъ фактомъ, чтобъ по поводу его въ великолѣпныхъ лирическихъ отступленіяхъ раскрыть передъ читателемъ свою душу, высказать свои литературныя симпатіи, свои религіозныя, социальныя, философскія и политическія убѣжденія. Вотъ почему при переводѣ этихъ мѣстъ нужно соблюдать особую точность. Нужно отдать справедливость г. Козлову, что онъ не мало потрудился въ этомъ отношеніи; большинство лирическихъ отступленій передано имъ красиво и точно; вспомнимъ, на примѣръ, хоть взглядъ Байрона на войну и военную славу, мастерски переданный г. Козловымъ:

Слезу страданья осушить съ любовью
Славяще, чѣмъ весь міръ забрызгалъ кровью.

(Пѣснь VIII, ст. III).

Но есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ переводчикъ не справился съ своей задачей и приписалъ Байрону мысли, которыхъ онъ не раздѣлялъ.

Въ XXV и XXVI стансахъ IX пѣсни, особенно богатой лирическими отступленіями, Байронъ изложилъ сущность своихъ политическихъ убѣжденій, благодаря которымъ онъ въ свое время стоялъ одиноко среди политическихъ партій. Первая станса переведена г. Козловымъ удовлетворительно, но во второй онъ сдѣлалъ измѣненіе, вольное или невольное, но во всякомъ случаѣ не желательное. «Я хотѣлъ бы—говорить поэтъ—чтобы люди были одинаково свободны, какъ отъ тиранніи народа, такъ и отъ тиранніи королей, какъ отъ васъ, такъ и отъ меня. У г. Козлова напротивъ того Байронъ выставляется только противникомъ демагоговъ:

..... Зову свободу,
Но къ демагогамъ не пристану я,

Чтобъ равныя права имѣли всѣ мы,
Веду борьбу.

Когда знаешь, что Байронъ былъ поклонникомъ скептической философіи, хотя и сознавалъ ея недостатки, становится совершенно понятнымъ его заявленіе, что хотя и пріятно (It is a pleasant voyage) странствовать съ Пиррономъ по океану умо-зрѣнія, но вѣдь можетъ случиться, что туго натянутые паруса опрокинутъ лодку и т. д. Г. Козлову, неизвѣстно зачѣмъ, понадобилось смягчить и эту мысль:

Съ Пиррономъ мнѣ скитаться не съ руки,
По безднѣ мысли плавать безразлично,
Опасности отъ бурь тамъ велики и т. д.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней формѣ перевода, о лексическомъ составѣ слога г. Козлова и объ его стихѣ. Къ нѣкоторымъ словамъ переводчикъ безспорно питаетъ какое-то трудно объяснимое пристрастіе. Особой симпатіей его, напр., пользуется эпитетъ *уммыи* — на-слѣдіе туманнаго романтизма — которое г. Козловъ употребляетъ и кстати и не кстати, въ большинствѣ случаевъ тамъ, гдѣ его на это не уполномочиваетъ подлинникъ. Вмѣсто *одинокій* крикъ пловца (a solitary shriek), онъ пишетъ *уммыи* (гѣснь II, ст. LXIII); Ганде склоняется надъ полумертвымъ Донъ-Жуаномъ *уммыи* (въ подлинникѣ сказано просто: It was bending close over his); Лондонъ онъ называетъ *уммыи* и страшнымъ городомъ (гѣснь X, ст. LXXXII — въ подлинникѣ нѣтъ ни того, ни другого эпитета); даже рѣзкій звукъ взводимаго курка (въ подлинникѣ quick jar) почему-то кажется ему *уммыи* (гѣснь IV, ст. XLI). Неизвѣстно также почему г. Козловъ не разъ употребляетъ некрасивое слово *исчады* (томъ I, стр. 186, и т. II, стр. 154 и т. д.) и избитый эпитетъ *жалкій*, въ выраженіяхъ *жалкій солды* (гѣсня I, ст. XIX), *жалкіе врады* (гѣсня IV, ст. XVII). Мы тоже не особенно рекомендовали бы поэту упо-

треблять въ переводѣ иностранныхъ произведеній такія народныя слова и выраженія, которыя не получили еще пока права гражданства въ поэтическомъ языкѣ, напр. *безъ опаски, сердце билось шибко, кремень* въ смыслѣ чловѣка твердаго характера. Повидимому, нѣтъ ничего дурного въ словѣ *кремень*, а между тѣмъ употребленное г. Козловымъ въ потрясающей сценѣ объясненія Гаиде съ своимъ отцомъ оно производитъ почти комическое впечатлѣніе:

Ты глухъ къ мольбамъ, ты жалость гонишь прочь,
Но если ты кремень — кремень и дочь (пѣсня IV, ст. XLII).

Что до стиха г. Козлова, то онъ въ большинствѣ случаевъ плавленъ и гибокъ, хотя нѣсколько вялъ. Нужно отдать справедливость г. Козлову, что онъ только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ глагольнымъ рѣмамъ, всегда готовымъ выручить поэтовъ, но къ сожалѣнію онъ не прочь прибѣгать къ помощи частицъ *и, то, бы* и т. д., которыя не мало вредятъ благозвучію его стиха. Кромѣ того не мало вредитъ стиху г. Козлова неразборчивое употребленіе рѣемъ. Съ трудомъ вѣрится, чтобы у поэта, такъ владѣющаго стихомъ, какъ г. Козловъ, можно было встрѣтить жалкія и неуклюжія рѣмы въ родѣ *трясяся — мяса, моралистовъ — неистовъ, ошце — злопшій, мечтательствъ — обстоятельствоъ* и т. д. Иногда въ угоду рѣемъ переводчикъ совершаетъ ужасныя вещи, заставляетъ поэта рвать на части любимыхъ женщинъ¹⁾, присоединяетъ къ Англіи цѣлыя страны

1) Пѣсня II, ст. CLXV:

Покинувъ свѣтъ, гдѣ я былъ моднымъ львомъ,
Не помню дамъ (мои остыли страсти!),
Съ которыми я прежде былъ знакомъ,
Забывъ и тѣхъ, которыхъ *реалъ* на часки.

Въ подлинникѣ это выражено пословицей:

Where I line other dogs have had my day,

соотвѣтствующей французскому выраженію: «j'ai eu mes beaux jours aussi» и русскому: «были и у меня красныя дни».

(пѣснь I, ст. СXXXII), не шадеть падежей, насилуетъ склоненія (пѣснь II, ст. СXCVI, стихъ 8; пѣснь X, ст. LIII, стихъ 2 и т. п.).

Указанные нами недостатки перевода г. Козлова не умаляютъ его значенія, тѣмъ болѣе, что они съ избыткомъ уравниваются многими положительными достоинствами, о которыхъ мы не распространялись, такъ какъ они чувствуются всякимъ читателемъ. Какъ произведеніе художественное, въ которое поэтъ-переводчикъ положилъ столько таланта, труда и любви, переводъ Донъ-Жуана, сдѣланный г. Козловымъ, заслуживаетъ, по моему мнѣнію, почетнаго отзыва или даже половинной Пушкинскоі преміи».

Мнѣ остается дополнить разборъ проф. Стороженка приведеніемъ такого отрывка изъ разсмотрѣннаго имъ труда, который могъ бы дать понятіе объ общемъ характерѣ перевода г. Козлова. Беру начало той самой пѣсни (VII), которую наиболѣе похвалилъ рецензентъ и которая представляетъ для насъ особенный интересъ описаніемъ взятія Измаила.

Любовь и слава — шаткія опоры...

О нихъ твердятъ, но рѣдко предъ собой

Мы видимъ ихъ; онѣ, какъ метеоры,

Пронесутся, и гнѣня насъ красой;

Мы тщетно обращаемъ къ небу взоры,

Чтобъ видѣть ихъ, и путь свой ледяной,

Мгновенье озарѣнный ихъ лучами,

Мы продолжаемъ, скованы цѣпями.

Какъ жизнь, разнообразенъ мой романъ;

Съ нимъ сходенъ свѣтъ полярнаго сіянья,

Ласкающаго лёдъ далѣкихъ странъ.

Не всё жъ свои оплакивать страданья,

И такъ какъ жизнь — лишь горестный обманъ,

Что можетъ привести въ негодованье,

И выставка пустая, то не грѣхъ
Дарить всему на свѣтѣ только смѣхъ.

И что-жь? *Меня*, творца поэмы этой,
Со всѣхъ сторонъ озлобленно язвятъ
За то, что я не вѣрю правдѣ свѣта
И зло во всемъ какъ будто видѣть радъ;
Безжалостно на части рвутъ поэта...
Я не пойму, чего они хотятъ:
О томъ же Данте говорилъ со стономъ
И Сервантесъ съ премудрымъ Соломономъ.

Земную жизнь не цѣнятъ высоко
Платонъ, Свифтъ, Лютеръ, Тилотсонъ и Весли,
Руссо, Макиавель, Ла-Рошфукъ...
Меня и ихъ винить возможно ль, если
Съ судьбою намъ мириться не легко?
Коль правы мы, отвѣтъ за это несть ли?
Къ тому жъ, ни вамъ, ни мнѣ не разрѣшить,
Что лучше: вѣкъ окончить, или жить.

Сократъ сказалъ, что наши всѣ познанья
Лишь шаткость ихъ доказываютъ намъ;
Поэтому игѣемъ основанье
Всѣхъ мудрецовъ приравнивать къ осламъ;
Великій Ньютонъ, тайны мѣрозданья
Открывшій людямъ, сознается самъ,
Что къ правдѣ путь для смертныхъ не проложенъ
И что предъ ней онъ жалокъ и ничтоженъ.

Еклезіастъ гласитъ: «всѣ суета»;
Духовные отцы не разъ на дѣлѣ
Доказывали намъ, что не мечта
Подобный взглядъ. Поэты часто пѣли
О томъ, что жизнь ничтожна и пуста,
И мудрецы согласны съ ними. Мнѣ ли

Поэтому, во избѣжанье ссоръ,
Скрывать о жизни строгій приговоръ!

О, люди или псы! (За честь считайте,
Что мною вы со псами сравнены!
Вы хуже ихъ!) Въ моей поэмѣ, знайте,
Что по заслугамъ вы оцѣнены;
На Музу, сколько вамъ угодно, идите;
Ей ваши крики вовсе не страшны,
Какъ волчій вой лунѣ. Всѣ Муза свѣтитъ
И вашей злобы даже не замѣтитъ.

«Я вдохновлёнъ любовью и войной».
(Цитата не вѣрна; бояся споровъ,
Въ томъ сознаюсь, но смыслъ ея такой.)
И вотъ съ обонхъ не свожу я взоровъ,
И васъ прошу послѣдовать за мной
Въ тотъ городъ осаждённый, что Суворовъ
Со всѣхъ сторонъ искусно обложилъ.
Какъ алдерманъ мозги ¹⁾, онъ кровь любилъ.

Построенный на отмели Дуная,
Въ восточномъ стилѣ, городъ Измаилъ
Стоялъ, весь лѣвый берегъ защищая,
И-крѣпостью первоградной былъ,
Но крѣпость ту постигла участь алая:
Разбивъ враговъ, её Суворовъ срылъ.
Вѣрстъ шесть считалось крѣпостного вала;
Она жъ отъ моря въ ста верстахъ стояла.

Предмѣстье помѣщалось съ нею въ рядъ
Хотя фортификаціи законы
Такъ размѣщать построекъ не велать.
Въ защиту стѣнъ какой-то грекъ учёный

1) Mutton — англійское національное блюдо изъ бычачьихъ мозговъ.

Возвёлъ искусно массу палисадъ
И тѣмъ ослабилъ средства обороны.
Онъ имъ наносилъ лишь вредъ себѣ,
Врагамъ давая перевѣсъ въ стрѣльбѣ.

Хочу воспѣть, войны и славы богъ,
Я храбрыхъ русскихъ, къ приступу готовыхъ!
Я былъ бы радъ, коль описать бы могъ
Дѣла людей, въ цивилизаціи новыхъ.
Ахиллъ, въ крови отъ головы до ногъ,
Не могъ страшнѣе быть бойцовъ суровыхъ,
Чьи имена полны слоговъ такихъ,
Что невозможно выговорить ихъ.

Поэтому имѣя прервалъ я нить,
Которыхъ даже молвить трудъ чертовскій;
Подумайте: легко ль въ стихи вкленъ
Фамиліи на: *микинъ, ускинъ, оескій!*
Всё жъ объ иныхъ я долженъ говорить.
Шихматовъ, Шереметевъ, Разумовскій,
Куракинъ, Мусинъ-Пушкинъ были тамъ,
Погибель и позоръ суля врагамъ.

То были люди чести и совѣта,
Которымъ былъ извѣстенъ къ славѣ путь;
Ни муфтіевъ они, ни Магомета,
Конечно, не страшилися ничуть
И были бы готовы — вѣрно это
Ихъ шкурой барабаны обтянуть,
Явился вдругъ нужда въ телячьей кожѣ,
Иль, при покупкѣ, стань она дороже.

Мы сожалѣемъ, что правила о Пушкинскихъ преміяхъ не позволили комиссіи быть щедрѣе въ раздачѣ ихъ на нынѣшнемъ конкурсѣ. Къ строгости въ оцѣнкѣ представляемыхъ на эти

премій произведеній обязываетъ судей самое имя того, въ чью память они учреждены. Нельзя не признать, что между подлежавшими нашему разсмотрѣнію трудами были такіе, которые отличались весьма существенными достоинствами, но представляя и крупные недостатки, они не могли соединить въ свою пользу требуемаго положеніемъ числа голосовъ. Академія высоко цѣнить ту обязательную готовность, съ какою приглашенные ею литераторы приняли участіе въ обсужденіи внесенныхъ на конкурсъ трудовъ, и въ изъявленіе своей благодарности присудила золотыя пушкинскія медали слѣдующимъ лицамъ: доценту Крону, профессору Стороженку, Я. П. Полонскому и Л. И. Поливанову.

СВОРНІЦЬ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLVI, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ
ВЪ
ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.
XI — XVII

Академика А. Н. Веселовскаго.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1880.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1889 г.**

Непрямой Секретарь, Академикъ К. Весселскій.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

ХІ.

ДУАЛИСТИЧЕСКІЯ ПОВЪРЬЯ О ИРОЗДАНІИ.

(Посвящается Вл. Вл. Каллашу.)

Извѣстный эпизодъ великорусскаго духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, источники котораго давно указаны, представляетъ рядъ отвѣтовъ на вопросы: откуда взялся у насъ свѣтъ, солнце и мѣсяць, звѣзды и громы, роса и дробень дождикъ и т. п. Все это отъ Господа: отъ очей, лица, ризъ, слезъ, думъ Божіихъ и т. п. За этимъ слѣдуетъ вопросъ о созданіи человѣка, принимающей по плану къ апокрифической статьѣ о сотвореніи Адама изъ восьми частей. Отвѣтъ, сохранившійся лишь въ нѣсколькихъ записяхъ стиха, совпадаетъ вообще, за вычетомъ образности, съ библейскимъ представленіемъ: тѣло отъ персти (кости отъ камня, тѣлеса отъ сырой земли, кровь отъ черна моря), но

У насъ умъ-разумъ самого Христа,
Наши помысли отъ облацъ небесныхъ.

Рядомъ съ этимъ монотенстическимъ взглядомъ на космо- и антропогонію сохранился среди славянскихъ народностей и другой, дуалистическій. Отраженіе его давно усматривали въ слѣдующей галицкой колядкѣ:

Коли не было з-мешада свѣта;
(Колись-то было з початку свѣта)
Подуй-же, подуй, Госноди,
Изъ Святниъ Духомъ по земли'

Тогда не было неба, ни земли
 Ано лемъ было сяное море,
 А ссередь моря зелений явіръ (два дубойки),
 На яворойку два (з. Б; А—три) голубойки,
 Два (А. три) голубойки радойку радать,
 Радойку радать, якъ світь сновати.
 «Та спустиме ся на дно до моря
 (Вывесеме ся дрібного піску,
 Дрібного піску, синёго камінця;
 Дрібный пісочокъ посіеме мы,
 Спній каменецъ подунеме мы (А. Золотый камінь носіеме мы):
 Зъ дрібного піску — чорна землиця,
 Студена водниця, зелена травниця;
 Зъ синёго камінця — синее небо)
 Світле сонейко, ясепъ місячокъ....
 Ясна зірниця, дрібны звіздойки ¹⁾

Какъ въ одномъ варіантѣ этой колядки являются три, а не два голубя, такъ въ другомъ удержана та-же тройственность, но вмѣсто голубей выведены въ томъ-же актѣ Христосъ и ап. Петръ и Павелъ ²⁾:

Якъ то було спрежде віка,
 Зачатьє світа,
 Выгрывало синее море,
 На синёму морі
 Стаяло три явори,
 На тихъ яворахъ
 Три крислечки,
 На першому крислі
 Самъ Госнодь седить,

¹⁾ Головацкій, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, Т. II, стр. 5, № 7, Сяночкаго округа = А; Костомаровъ, Объ историческомъ значеніи Русск. нар. поэзи, Харьковъ 1843, 66 (изъ тѣхъ же мѣсть) = Б. Сл. Nowosielski, Dziennik Warszawski 1854 № 99 (Сл. Kolberg, Rokucie I, стр. 348—9). Текстъ сообщается по Потебнѣ, Объясненія малорусскихъ народныхъ пѣсней, II Колядки и щедровки, стр. 788—9 (заимствованное изъ Б поставлено въ скобки). См. ту-же колядку у Шафарика, Narodopis, 1842, стр. 157 (= А.).

²⁾ Nowosielski, Lud ukraiński II 103—104.

На другимъ креслі
 Святий Петро,
 На третимъ креслі
 Святий Павло.
 Рече Господь до Святого Петра:
 «Порни, Петре, на дно въ море,
 Достань, Петре, жовтого піску,
 Та посій по всьму світу,
 Сотвори, Петре,
 Небо и землю,
 Небо съ звіздами,
 Землю зъ квітами.
 Петро порнуй и дна не доставъ,
 И піску не взявъ,
 И світа не сіявъ,
 Не сотвориъ Петро
 Ни неба, ни земл,
 Ни неба зъ звіздами,
 Ни земл зъ квітами.

Также неудачно нырлетъ ап. Павелъ.

Порнуй самъ Господь на дно въ море,
 Доставъ Господь жовтого піску,
 Та посіявъ по всьму світу,
 Сотвориъ самъ Господь
 Небо и землю,
 Небо зъ звіздами,
 Землю зъ квітами.

Колядкой о двухъ голубяхъ началъ Эрбенъ ¹⁾ свой небольшо-
 шой сборникъ славянскихъ разсказовъ о созданіи свѣта. Съ тѣхъ
 поръ свѣдѣнія о нихъ настолько расширились и обогатились ²⁾,
 что представляется любопытной задачей — пересмотрѣть ихъ въ

¹⁾ Erben, Bajč slovanská o stvoření světa, вЪ Časopis Musea království českého 1866, стр. 35 слѣд.

²⁾ Сл. библиографію въ мѣстѣ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Кито-
 врасѣ, стр. 164, прим. 1; Грек, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte,
 2-е Aufl., стр. 782, прим. 1. Частныя указанія сл. въ слѣдующихъ примѣча-
 ніяхъ..

совокупности въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ самымъ повѣрьемъ. Эрбенъ считалъ его исконнымъ славянскимъ ¹⁾; онъ же, О. Миллеръ ²⁾ и Афанасьевъ ³⁾ даютъ ему непосредственно мифологическое объясненіе; Кастренъ ⁴⁾ склоненъ былъ предположить, по поводу аналогическихъ восточно-финскихъ повѣрій, что они могли быть заимствованы изъ Библии; другіе (въ томъ числѣ и я) ⁵⁾ усматривали въ славянскихъ легендахъ отраженіе богомилскаго ученія, приписывавшаго сотвореніе міра совокупному творчеству Бога и дьявола. Проф. Юлій Кронъ ⁶⁾, недавно пересмотрѣвшій этотъ вопросъ по поводу космогоническаго мифа Калевалы, склоняется къ тому, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ финско-угорскимъ, даже урало-алтайскимъ древнимъ повѣрьемъ: именно на востокѣ, среди финскихъ и, специальнѣе, волжскихъ племенъ оно сохранилось въ большей цѣлостности, хотя не безъ вліянія христіанскихъ элементовъ; славяне переняли его и удержали въ менѣ ясныхъ очертаніяхъ, напр. сербы. — Еще не познакомившись съ работой покойнаго Крона, любезно доставленный мнѣ въ корректурныхъ листахъ его сыномъ Карломъ Крономъ, доцентомъ Гельсингфорскаго университета, я пришелъ къ аналогическимъ заключеніямъ: о возможныхъ финскихъ основахъ распространеннаго среди славянъ космогоническаго мифа. Въ подробностяхъ изслѣдованія, равно какъ и въ его выводахъ я расхожусь съ почтеннымъ фольклористомъ, такъ безвременно похищеннымъ у науки.

На первый разъ устранимъ кажущееся разногласіе воззрѣнія: народный (финскій, славянскій) — или захожій, богомилско-христіанскій мифъ. Одинъ взглядъ не исключаетъ другого, какъ ни противоположными они представляются. Богомилство не было самостоятельнымъ религіознымъ толкомъ, его дуализмъ

¹⁾ Erben, I. с. стр. 46.

²⁾ Опытъ истор. обзорѣнія русск. словесности, I 37.

³⁾ Поэт. воззрѣнія Славянъ на природу, II 460 слѣд.

⁴⁾ Castrén, *Finak Mythologi*, стр. 300.

⁵⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Кятоврасѣ стр. 164.

⁶⁾ J. Krohn, *Finaka litteraturens historia* I, стр. 175.

восходитъ къ ученію манихеевъ и павликіанъ, его мнѣ о міро-зданіи напоминаетъ древне-иранскія представленія о совмѣстномъ, враждебномъ другъ другу творествѣ Ормузда и Аримана¹⁾, но *отъ какихъ* формы мнѣа могли быть мѣстныя, народныя. Были-ли онѣ исконно-славянскими? Этнической составъ населенія балканскаго полуострова, гдѣ развилась и долго гнѣздилась ересь, не исключаютъ предположенія, что въ его космогоническихъ преданіяхъ сохранились слѣды другого, можетъ быть, не арийскаго міросозерпанія. Но это лишь одна изъ многихъ возможностей, осложняющихъ рѣшеніе вопроса. Встрѣчая дуалистическія легенды о созданіи міра на почвѣ Россіи мы можемъ двоиться въ объясненіи ихъ сходства, напр. съ болгарскими: можемъ говорить о пра- или до-славянскомъ вѣрованіи, одинаково или сходно отразившемся тамъ и здѣсь, но съ такимъ же правомъ о воздѣйствіи на народную фантазію тѣхъ отреченныхъ легендъ въ духѣ богомилства, которыя, явившись на славянскомъ югѣ выраженіемъ еретическаго вѣроученія, распространились и далѣе вмѣстѣ съ памятниками южно-славянскоі церковно-учительной письменности. Та-же двойственность рѣшенія, и еще болѣе принципиальная, представляется и въ слѣдующемъ: дуалистическія сказки о мірозданіи записаны были у нашихъ инородцевъ; откуда взялись онѣ? Мы сообщимъ ихъ прежде чѣмъ привести славянскіе апокрифы того-же содержанія и народныя къ нимъ параллели.

I.

Горные *черемисы* казанскаго края²⁾ вѣрятъ въ два главныхъ и собесзначальныхъ божества: благое Юма и злое Кереметь, ко-

¹⁾ Сл. А. Darmesteter, *Essais orientaux: Les cosmogonies ariennes*, стр. 171 слѣд.

²⁾ Сл. Казанская губернія Лаптева, стр. 485; *Этнографическій Сборникъ*, 1858, IV, 210—211; тамъ-же, V, 41 (выписка изъ Вятскихъ вѣдомостей); *Знаменскій*, Горные Черемисы Казанскаго края, *Вѣстникъ Европы* 1867, Дек. стр. 48—9; сл. *ib.* 40, 43 (сотвореніи земли Юмой), 51—52; Бехтеревъ, *Вотьяки*, *Вѣстн. Евр.* 1880, Сент. 168—9. Сл. *Egman's Archiv. f. wissenschaftliche Kunde v. Russland*, XVII B. 1-er Heft (1858), стр. 387—8 (перев. статьи Вишневецкаго въ *Вѣстн. Имп. Геогр. Общества*).

торый является младшимъ братомъ перваго, но также вѣченъ, какъ и онъ. При началѣ міра Кереметь хотѣлъ дѣлать тоже, что и Юма, но по безсилію могъ только портить созданное старѣйшимъ братомъ. Когда Юма пожелалъ сотворить сушу, онъ приказалъ Керемети, который плавалъ по морю въ видѣ селезня, достать изъ подъ воды горсть земли; Кереметь досталъ, но отдавая принесенную землю, часть ея удержалъ во рту. Юма дунулъ на горсть земли и велѣлъ ей покрыть собою воды; воля его тотчасъ исполнилась. Тогда и Кереметь сталъ выплевывать утаенную часть земли, и гдѣ плевалъ, тамъ возникали горы и скалы. Затѣмъ Юма принялся высѣкать молотомъ искры изъ камня — и полетѣли *сакчи* (шукчи); Кереметь подсматривалъ за нимъ въ это время, и когда Юма уснулъ, онъ также сталъ высѣкать искры, и полетѣли его собственные сакчи — *шайтаны*. Такъ объясняется происхожденіе добрыхъ и злыхъ духовъ; послѣдніе, сверженные съ неба, распредѣлились по разнымъ частямъ міра и объявились мѣстными кереметями, водяными шайтанами, яръ-вадышами (озерными водяными) и т. п. — Къ этому пристраивается рассказъ о сотвореніи Юмой тѣла перваго человѣка и попыткѣ Кереметя испортить его. Воспользовавшись тѣмъ, что Юма ходилъ на небо за душой человѣку, Кереметь оплевалъ его тѣло съ ногъ до головы, такъ что Юма и вычистить уже не могъ, а просто взялъ да выворотилъ на-изнанку, отчего внутренность человѣка осталась поганою. Тутъ же Юма проклялъ и собаку, которая приставлена была караулить человѣка, за то, что она, не стерпя холода, напущеннаго Кереметемъ, соблазнилась на шубу, которую онъ ей посулилъ, и допустила его до человѣка. Кереметь далъ ей шерсть, а до того она была голая.

Отъ нищихъ калѣкъ, поющихъ свои стихи по деревнямъ, отъ раскольниковъ, живущихъ около черемисскихъ деревень въ Козмодемьянскомъ и Васильевскомъ уѣздахъ, черемисы заимствовали много апокрифическихъ сказаній, которыми они охотно вспоминаютъ свою скудную мифологію, говорить (I. с. стр. 48)

г. Знаменскій. Изъ такого источника могла зайдти къ нимъ и дуалистическая сказка о мірозданіи, въ уровень съ дуализмомъ ихъ собственной миеологіи, впрочемъ, слабо развитомъ (I. с. стр. 51). Повѣрку этого взгляда могли бы дать сходные рассказы, записанные у луговыхъ черемисовъ, почти не тронутыхъ христіанствомъ и русской цивилизаціей (I. с. стр. 30).

По сказаніямъ *Мордвы*¹⁾ верховный Богъ, Чамъ-Пасъ²⁾ сотворилъ всё видимое и невидимое; отъ него происходитъ одно только добро, но чтобы люди не забывались, онъ попустилъ Шайтану³⁾ сотворить злыхъ духовъ и посадилъ ихъ въ болотахъ и омутахъ. Шайтанъ, представитель злого начала, является созданіемъ Чамъ-Паса, точно также какъ и Анге-Патяй (мать богиня), доброе божество, источникъ жизни, чадородія и плодородія на землѣ. Она родила четырехъ боговъ и четырехъ богинь, желала какъ можно скорѣе наполнить весь міръ добрыми божествами, чтобы, не говоря уже о людяхъ, при каждомъ деревцѣ, при каждой травкѣ присутствовалъ добрый духъ, который бы охранялъ созданія Чамъ-Паса отъ козней Шайтана. Она обратилась съ просьбой объ этомъ къ отцу своему; Чамъ-Пасъ далъ ей огниво, сынъ ея, Нишки-Пасъ (богъ неба, солнца, огня и свѣта), принесъ ей кремней. Анге-Патяй стала ударять огниво о камень, и сколько при этомъ вышло искръ, столько явилось добрыхъ духовъ бзасовъ. Шайтанъ увидалъ, что дѣлаетъ Анге-Патяй, взялъ изъ земли два кремня (огнива ему негдѣ было взять, ибо оно получено было матерью боговъ отъ Чамъ-Паса) и также сталъ высѣкать огонь. Сколько вылетѣло искръ, столько произошло и злыхъ духовъ. И до сихъ поръ Анге-Патяй и

1) Сл. Мельниковъ, Очерки Мордвы, Русскій Вѣстникъ 1867, т. 71-й, стр. 218; 222; 224; 219—221; 228—233.

2) Иначе: Пасъ (у Эрзи), либо Шкабо-вась или Шкай (у Мокши. Сл. Н. Смирновъ, Мордовское населеніе Пензенской губернии, Пенз. епарх. вѣдомости 1874 г. № 3, стр. 97), Вярда — шкай (Древн. и Нов. Россія, 1831, Мартъ, Дубасовъ, Истор. извѣстія о Мордвѣ, населяющей Тамбовскую губернію, стр. 598).

3) Иначе: Мастеръ-Пасъ. Сл. Смирновъ, I. с. 98.

Шайтанъ высѣкають огонь, и отъ этого съ каждымъ днемъ умножаются какъ добрые, такъ и злые духи.

Другіе рассказы противопологаютъ, въ дѣлѣ творенія, Шайтана самому Чамъ-Пасу. Однажды, когда ничего еще не было на свѣтѣ, кромѣ одной воды, плылъ Чамъ-Пасъ на камнѣ и размышлялъ самъ съ собою, какъ сотворить видимый міръ. Нѣтъ у меня ни брата, ни товарища, съ кѣмъ-бы я могъ посоветоваться; при этихъ словахъ онъ плюнулъ съ досады въ море. Слюна обратилась въ огромный бугоръ и поплыла за нимъ; Чамъ-Пасъ ударилъ по немъ жезломъ, изъ него выскочилъ Шайтанъ и сказалъ: Ты жалѣешь, Господи, что нѣтъ у тебя ни брата, ни товарища, съ кѣмъ бы тебѣ подумать и посоветоваться о сотвореніи міра; я, пожалуй, радъ быть твоимъ братомъ. Чамъ-Пасъ обрадовался и сказалъ: «Ну, хорошо, будь мнѣ хоть не братомъ а товарищемъ. Давай творить землю. Изъ чего же мы её сдѣлаемъ? Вѣдь кромѣ воды нѣтъ ничего». Шайтанъ молчить, не знаетъ изъ чего землю сдѣлать. «Нырни, товарищъ, въ море-окіанъ, на днѣ есть песокъ, принеси его немного, изъ него и сдѣлаемъ землю». — А я только что хотѣлъ это самое сказать, братецъ, перебилъ Шайтанъ, потому что не хотѣлъ показать Чамъ-Пасу, что тотъ выше его и знаетъ больше, и все называлъ его братцемъ, хотя Чамъ-Пасъ взялъ его только въ товарищи. «Такъ ступай же на дно, принеси песку, да смотри, какъ станешь братъ песокъ, помяни имя мое». Шайтанъ погрузился на дно, но по гордости не захотѣлъ помянуть имя Чамъ-Паса, а помянулъ свое; тогда изъ-подъ дна морскаго вышло пламя и обожгло его, и онъ не могъ взять ни одной песчинки. Обожженный вынырнулъ онъ на поверхность моря, говоритъ Чамъ-Пасу о своей неудачѣ; тотъ велитъ ему спуститься снова, но и на этотъ разъ тотъ-же неуспѣхъ. Въ третій разъ спустился Шайтанъ и боясь, чтобы пламя совсѣмъ его не спалило, помянулъ имя Чамъ-Паса и безъ всякой помѣхи набралъ полонъ ротъ песку. Вынырнувъ на поверхность моря, онъ отдалъ песокъ Чамъ-Пасу, но часть его утаилъ у себя за щекой; думаетъ: пусть братъ мой творить

свою землю, а я сотворю свою. Чамъ-Пасъ сталъ разбрасывать по морю песокъ, и онъ, увеличиваясь, дѣлался землею; но по мѣрѣ того выростали и песчинки, оставшіяся за щекой у Шайтана; отъ того годова у него разрослась въ огромную гору. Отъ нестерпимой боли Шайтанъ заревѣлъ и покаялся Чамъ-Пасу, что утаилъ часть земли; Чамъ-Пасъ ударилъ его жезломъ по головѣ и велѣлъ выплевывать песокъ; тотъ дѣлалъ это такъ сильно, что жидкая, еще не окрѣпшая земля отъ того поколебалась, отчего произошли ямы, овраги и долины, а изъ песку, который онъ извергъ, образовались бугры, холмы и горы. «Не можешь ты быть мнѣ товарищемъ, говоритъ ему Чамъ-Пасъ: ты золъ, а я добръ, будь-же ты проклятъ и ступай подъ дно морское, въ преисподнюю, въ тотъ самый огонь, что опалилъ тебя за гордость; сиди тамъ и мучься на вѣки вѣковъ». По другимъ мордовскимъ сказаніямъ проклятіе Шайтана вызвано его гордыней: онъ пожелалъ стать на мѣсто творца: «Чамъ-Пасъ, сказалъ онъ ему, ты уже старъ, тебѣ пора на покой, а я молодъ; такъ сиди ты на своемъ мѣстѣ и спи, а я одинъ буду управлять міромъ, который мы сотворили».

Разгнѣванный на Чамъ-Паса Шайтанъ старается испортить всё доброе, имъ созданное: такъ на чистое, голубое небо онъ набросалъ черныхъ тучъ; Чамъ-Пасъ не очистилъ неба отъ тучъ, но вложилъ въ него плодотворный дождь. Онъ создалъ рѣки съ гладкою, свѣтлою поверхостью; Шайтанъ напустилъ на нихъ вѣтры и произвелъ на нихъ волненія, но Чамъ-Пасъ построилъ барку, сдѣлалъ руль и весла, спилъ парусъ и научилъ людей судоходству. Когда Чамъ-Пасъ захотѣлъ сотворить сушу, а воды въ это время были уже созданы, то увидалъ, что Шайтанъ въ видѣ утки плаваетъ по морю. Чамъ-Пасъ велѣлъ ему нырнуть на морское дно и достать оттуда немного земли. Шайтанъ нырнулъ, досталъ земли, но отдалъ Чамъ-Пасу не всю, немного удержавъ у себя во рту. Чамъ-Пасъ изъ принесенной со дна моря земли сотворилъ сушу, и она вышла гладкая, ровная; Шайтанъ набросалъ на нее оставшейся у него во рту

земли, отчего образовались горы, камни, овраги, но Чамъ-Пасъ исправилъ эту порчу, положивъ въ горы золота, серебра, желѣза и драгоценныхъ камней. Изъ накидаемыхъ Шайтаномъ камней онъ научилъ людей дѣлать мельничные жернова, а овраги наполнилъ водою, отчего произошло множество рѣчекъ. Чамъ-Пасъ создалъ землю, покрытую прекрасными деревьями, Шайтанъ поднялъ бурю, которая повалила ихъ множество; оставшіеся отъ того пустыя мѣста Чамъ-Пасъ обратилъ въ пашни и луга и научилъ людей земледѣльству и сѣнокосевію. Когда онъ слѣпилъ человѣка изъ глины и ушелъ на нѣкоторое время въ другое мѣсто для соторенія души, онъ приставилъ собаку караулить тѣло, чтобы Шайтанъ не испортилъ его. А собака была прежде животное чистое и на ней шерсти не было. Шайтанъ напустилъ страшный морозъ, такъ что собака едва не замерзла; онъ предложилъ ей одѣть её шерстью и за то допустить къ тѣлу еще бездушнаго человѣка. Та согласилась. Шайтанъ оплевалъ всего человѣка, отъ чего произошли болѣзни; потомъ сталъ вдыхать въ него свое злое дыханіе. Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, собакѣ велѣлъ навсегда носить нечистую шерсть, а тѣло человѣка выворотилъ на изнанку, но болѣзни, происшедшія отъ Шайтановой слюны, все-таки остались въ немъ. Потомъ, вдунувъ въ человѣка доброе свое дыханіе, оставилъ его. Оттого въ человѣкѣ и остались наклонности и къ добру и къ злу; отсюда предложеніе Шайтана Чамъ-Пасу: въ человѣкѣ половина души моей, половина твоей; раздѣлимъ всѣхъ людей пополамъ, пусть одни будутъ твои, другіе мои. Чамъ-Пасъ прогналъ Шайтана, а чтобы люди не стали его добычей, одарилъ ихъ разумомъ, научилъ различать хорошее отъ дурного. Шайтанъ съ досады сталъ творить свои созданія: злыхъ духовъ и болѣзни, такихъ-же злыхъ духовъ, которыхъ напустилъ на людей.

Иначе рассказываютъ, что человѣка хотѣлъ сотворить не Чамъ-Пасъ, а Шайтанъ: собралъ глины, песку и земли отъ семидесяти семи странъ свѣта, но слѣпить благообразное тѣло не могъ: то слѣпить свиньей, то собакой, то гадомъ; а ему хо-

тѣлось сотворить человѣка по образу и подобію Божию. Позвавъ птичку-мышь онъ сказалъ ей: Лети ты на небо, тамъ у Чамъ-Паса полотенце виситъ; когда онъ въ баню ходитъ, тѣмъ полотнцемъ обтирается; виситъ оно у него на гвоздикѣ, заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, свей гнѣздо, разведи дѣтей, чтобъ одинъ конецъ полотенца сталъ тяжелѣй и упалъ-бы ко мнѣ на землю. Летучая мышь такъ и сдѣлала; Шайтанъ обтеръ полотнцемъ слѣпленнаго имъ человѣка, который получилъ образъ и подобіе Божіе, но вложить въ него живую душу онъ не могъ. Когда Господь оживилъ его, Шайтанъ вступаетъ съ нимъ въ споръ: и на его долю-изъ человѣка надобно что-нибудь ему дать. Рѣшили такъ: образъ и подобіе отъ моего полотенца, сказалъ Чамъ-Пасъ, и душа моя, а тѣло пусть будетъ твое. А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за службу Шайтану: отнялъ у нея крылья и приставилъ голый хвостъ, такъ-же какъ у Шайтана, и далъ такія-же лапы, какъ и у него.

Присоединимъ къ этому мордовское сказаніе о грѣхопадѣніи первыхъ людей. Они находились въ блаженномъ состояніи, всѣ были богаты, и имущество у всѣхъ было равное. Чамъ-Пасъ послалъ имъ для управленія сына своего Нишки-Паса, который жилъ на землѣ въ образѣ человѣка и помогалъ людямъ во всемъ, научая ихъ добру; не было между ними ни ссоръ ни вражды, пока Шайтанъ не явился къ одному старику и не подалъ ему вѣтку одного неизвѣстнаго дотогѣ растенія: пусть посадитъ его, только не сказываетъ Нишки-Пасу. Выросъ хмѣль; снова явился Шайтанъ, научилъ старика дѣлать пиво и медъ, а изъ муки курить вино. Отъ этого произошло пьянство, явились вражды и ссоры; Нишки-Паса, увѣщевавшаго отстать отъ вина, лишили вачальства, и, по наущенію Шайтана, убили до смерти, но онъ всталъ и вознесся на небо, сказавъ убійцамъ своимъ: Не хотѣли вы со мной въ добрѣ жить, теперь безъ меня вамъ будетъ хуже. Тотчасъ-же солнце стало свѣтить и грѣть въ семь разъ меньше, зима стала въ семь разъ суровѣе, земля стала требовать усиленнаго удобренія и труда, да и то давала урожай небольшіе, а

временами и вовсе не стала хлѣба родить; скота осталась самая малость. Тогда, чтобы держать между людьми порядокъ, Чамъ-Пась назначилъ надъ ними царей, князей, судей и другихъ начальниковъ и далъ имъ власть такую, что за дурныя дѣла они сажаютъ въ тюрьму, бьютъ крутомъ и плетью и казнятъ смертью ¹⁾.

Слѣдующія легенды представляютъ варианты сообщенныхъ.

Сперва не было земли, повсемѣстно разливались воды. Однажды Вярдя-шкой плылъ въ лодкѣ и плюнулъ въ воду, отчего произошелъ злой духъ въ видѣ птицы. — Слѣдуетъ знакомый намъ рассказъ о сотвореніи земли; изъ земли, которую извергъ демонъ, образовались горы. По сотвореніи міра, богъ заключаетъ съ демономъ условіе, что живые люди будутъ принадлежать богу, мертвые—злому духу. Но такъ какъ по дѣйствию послѣдняго люди стали постоянно умирать, то Вярдя-шкой вынужденъ былъ принять мѣры къ освобожденію рода человѣческаго отъ напрасной смерти. Съ этою цѣлью одинъ изъ его приближенныхъ поступилъ въ услуженіе къ демону и похитилъ у него условіе, заключенное съ Вярдя-Шкаемъ, которое хранилось на днѣ моря, въ одномъ камнѣ. — У перваго человѣка, котораго Богъ помѣстилъ въ рай, кожа была твердая, роговая; демонъ прокрался въ рай, обольстилъ собаку обѣщаніемъ покрыть ея шерстью, а человѣка оплевалъ, кромѣ оконечностей пальцевъ на рукахъ и ногахъ. Въ остальномъ рассказъ тотъ-же; такъ въ эпизодѣ о происхожденіи злыхъ духовъ: Вярдя-шкой ударяетъ одинъ камень о другой, вылетаютъ боги; демонъ дѣлаетъ то-же — и вы-

¹⁾ См. сходныя сказанія вотяковъ о Кыдысинѣ у Первухина, Эскимъ преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. I Древняя религія вотяковъ по ея слѣдамъ въ современныхъ преданіяхъ. Вятка 1888 (перепечатано изъ Вятскихъ губери. Вѣдомостей 1888 г.), стр. 7 и слѣд. По Чувашскимъ сказаніямъ сынъ верховнаго бога, отвѣчающій мордовскому Нишки-Пасу, также убить людьми по наущенію Шайтана; чтобы скрыть преступленіе они сожгли тѣло убитаго, а прахъ развѣяли по вѣтру; но тамъ гдѣ палъ этотъ прахъ, выросли деревья, а съ ними возродился и сынъ бога — во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ—кереметей. См. Смирновъ, I. с. № 5, стр. 166—7.

летаютъ подобныя ему духи; когда Вярдя-шкой это замѣтилъ, произнесъ заклѣтіе, и изъ камня, вмѣсто духовъ, начали вылетать огненные искры ¹⁾).

Въ другой легендѣ ²⁾, также начинающейся на безбрежной поверхности водъ съ нырянія гоголя — злого духа, онъ спрашиваетъ Господа, какаѣ ему будутъ за то награда отъ него и будущаго творенія. Господь отвѣчаетъ: Люди, которыхъ я сотворю изъ земли, будутъ тебя поминать при вѣздѣ на гору, а меня при спускахъ. Злой духъ остался доволенъ этимъ дѣлежемъ. Вотъ почему люди поминаютъ его недобрымъ словомъ, взбираясь на крутизну, а подъ гору ѣдутъ легко, приговаривая: Ну, съ Богомъ!

Соотвѣтствующія преданія *вотьяковъ* ³⁾ сохранили лишь эпизоды того-же вѣрованія, съ своеобразной разработкой. Ихъ Инмаръ, богъ благой и правосудный, и Шайтанъ или Кереметь ⁴⁾, представитель зла, родные братья; первоначально оба они были боги добрые, но поссорившись съ братомъ, Кереметь сталъ злымъ, хотя равносильнымъ Инмару, которому люди, растенія и животныя обязаны своимъ существованіемъ. Перваго человѣка Инмаръ сотворилъ изъ красной глины и поселилъ въ раю, плодами котораго онъ питался. Однажды, когда Инмаръ послалъ Кереметя осмотрѣть землю, всё-ли сотворенное на ней хорошо, тотъ нашелъ все благополучнымъ: скучалъ одинъ лишь человѣкъ. Узнавъ объ этомъ Инмаръ велѣлъ младшему брату научить человѣка дѣлать кумышку — напитокъ, имѣющій свойство разгонять скуку. Это не развеселило человѣка, но когда Кереметь вторично донесъ о томъ Инмару, тотъ не повѣрилъ ему, разсер-

¹⁾ П. Дубасовъ, I. с., стр. 598—4.

²⁾ К. Митропольскій, Мордва, мировоззрѣніе ихъ, нравы и обычаи, Мѣское Слово 1877, № 3, стр. 18—19.

³⁾ Бехтеревъ, I. с., стр. 150—2. Сл. Островскій, Вотьяки Казанской губерніи (Труды общества естествоиспытателей при имп. казанскомъ университетѣ, т. IV, № 1), стр. 35.

⁴⁾ Иначе: Лужь. Сл. Митропольскій, Крещеные вотьяки Казанскаго уѣзда (Казань, 1876 г.).

дился и упрекнулъ во лжи, а озлобленный Кереметь плюнул ему въ лицо. Оттого между ними вѣчная ссора. Когда послѣ того самъ Инмаръ пошелъ осматривать свои творенія и спросилъ человѣка о причинѣ его скуки, онъ отвѣтилъ, что ему необходима жена. Инмаръ исполнилъ его желаніе, но воспретилъ въ теченіе года пить кумышку, которую успѣлъ осквернить Кереметь; и жену онъ сдѣлалъ любопытною и проницательною — на зло брату. Тогда Инмаръ проклялъ меньшаго брата, который продолжалъ мстить, производя безпорядокъ на землѣ и вводя человѣка въ грѣхи; такъ онъ понудилъ первую жену преступить повелѣніе Инмара — не прикасаться къ кумышкѣ: по своему любопытству она открыла чашку, отпила изъ нея и поднесла мужу; съ тѣхъ поръ люди стали грѣшными и смертными, потому что Кереметь посадилъ въ чашку съ кумышкой смерть. Они были выгнаны изъ рая и лишились благословенія плодиться и множиться. Послѣ первой неудачи Инмаръ сотворилъ нѣсколько паръ мужей и женъ изъ красной глины, а для охраны ихъ отъ Керемети приставилъ къ каждой парѣ по огромному черному псу; оттого собака въ почетѣ у вотяковъ, она изъ всѣхъ животныхъ самое приближенное къ Инмару, знаетъ всё, что дѣлаетъ онъ и Кереметь, и прогоняетъ послѣдняго отъ человѣка.—Рядомъ съ этой легендой разсказывается и другая, совершенно тождественная съ черемисской и мордовской: о собакѣ, поставленной сторожить тѣло человѣка и прельщенной дьяволомъ, который обѣщалъ ей шерсть, а человѣка оплевалъ, послѣ чего Инмаръ вывернулъ его на-изнанку¹⁾. Сл. еще преданіе, записанное у вотяковъ елабужскаго уѣзда: семь братьевъ били молотомъ по скалѣ и отбивали осколки; каждый осколокъ обращался въ человѣка; младшій братъ вмѣсто того, чтобы при ударѣ говорить: Господи благослови!, приговаривалъ: Будь проклять! Изъ его осколковъ вышли нечистые духи²⁾.

¹⁾ Первухинъ, I. с., стр. 3—4, 84.

²⁾ Потанинъ, Очерки Сѣверо-Западной Монголіи, вып. IV, стр. 800.

Сообщаемыя далѣе свѣдѣнія о космогоническомъ мнѣи у *Вогуловъ* я заимствую изъ упомянутой выше книги Крона ¹⁾. Я выбираю лишь нѣкоторыя черты въ соотвѣтствіи съ сообщенными мѣстами. Первая пара людей, спущенныхъ съ неба, носилась по морю на клочкѣ суши вышиною не болѣе какъ съ хижины. Надоѣло это блужданіе сыну первой жены, *Elem-ri*; въ образѣ бѣлки онъ взобрался на небо, чтобы попросить помощи Бога, *Nimi Таагом*. Тотъ велѣлъ ему опуститься на морское дно въ видѣ утки и лутка и взять тамъ ила, необходимаго для сотворенія земли. Въ первый разъ это ему не удалось, во второй онъ вынесъ три пригоршни илу; изъ одной онъ создалъ рѣки и ручьи, изъ другой озера, изъ третьей лѣса и луга. — По другому сказанію *Nimi Таагом* сотворилъ въ началѣ нѣсколькихъ исполнителей, которые и прозвались сыновьями *Nimi Таагом'а*. У каждого вогульского племени есть свой покровитель, одинъ изъ сыновей *Nimi Таагом'а*, но общій всѣмъ — младшій его сынъ *Sarnju-ater* (золотой вождь) или *Lunt-ater*, такъ названный потому, что онъ летаетъ въ образѣ дикаго гуся (иначе: ворона). *Krohn* полагаетъ, что это одно лицо съ *Elem-ri*, спустившимся въ море въ видѣ утки. — У сибирскихъ маньзовъ, которыхъ г. Гондатти ²⁾ считаетъ тождественными съ древними юграми и вогулами, доживающими въ числѣ нѣсколькихъ семей въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, эти преданія рассказываются нѣсколько иначе: Корсъ торумъ создалъ небо, землю, воду, огонь, солнце, луну и звѣзды, причемъ земля была создана плоской, сверху прикрытой небомъ, а съ краевъ окруженной водою. Въ началѣ вода все покрывала; тогда Корсъ Торумъ велѣлъ *луди*, птицѣ, отлично ныряющей, достать со два моря немного земли; она три раза ныряла, но первые два бесполезно, только въ третій разъ захватила немного песку, поперхнулась, и онъ разлетѣлся въ разныя стороны, лишь

¹⁾ 1. с. 165—7.

²⁾ Гондатти, Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Москва 1868, стр. 4 и 45 слѣд.

одинъ небольшой комочекъ остался на мѣстѣ, у самой-же изъ горла пошла отъ натуги кровь, которая запачкала ей немного голову, отчего у нея и до сихъ поръ голова красная. Тогда прилетѣла гагара, стала смѣяться надъ лулой: ей-ли, такой небольшой птицѣ, доставать изъ-подъ воды землю? Нырнула сама два раза, но оба безуспѣшно, а на третій выплыла замертво. Лули, чтобы дать ей вздохнуть, положила ее голову къ себѣ на спину, запачкала при этомъ ей зобъ кровью (у гагары и до сихъ поръ онъ красный) и привела ее въ чувство. Когда та оправилась, она и говорить: Спасибо, никогда этого не забуду; будь ты съ этихъ поръ старшей, а я тебя буду во всемъ слушаться. Послѣ этого они улетѣли, и гагара стала считаться младшей, а лули старшей сестрой. На другой день изъ комочка, который вынесла лули, сдѣлалась земля такой величины, что на нее можно было поставить одну ногу; затѣмъ она стала дѣлаться всё больше и больше, такъ что птица въ первый разъ могла облетѣть её въ то время, въ какое поспѣваетъ котель, во второй — до полудня съ восхода солнца, а въ третій — уже приходилось летѣть цѣлыхъ три дня. Затѣмъ земля достигла своей обыкновенной величины, хотя и теперь еще она по немногу увеличивается; уменьшаетъ ее ростъ *смыз кул*, исключительно питающійся землею, да лѣсные пожары. Вмѣстѣ съ этимъ созданы были и богатыри, которые сильно воевали между собою, главнымъ образомъ изъ-за женщинъ, и много проливали крови. Нуми торумъ, сынъ Корсъ-Торума, покаралъ ихъ за то пожаромъ и потопомъ, послѣ чего приступилъ къ творенію новыхъ существъ: вырѣзалъ изъ листовницы два бревна, придалъ имъ форму человѣка, и чтобы прикрѣпить голову, которая падала на грудь, воткнулъ между грудью и шеей гвоздь; затѣмъ поставилъ на ноги спиной къ себѣ, дунулъ, и куклы ожили, свиснули, убѣжали въ лѣсъ и сдѣлались мѣнквами, т. е. лѣшими. Приступивъ во второй разъ къ творенію, Нуми взялъ листовничную сердцевину, сдѣлалъ изъ нея нѣчто въ родѣ остововъ, оплелъ ихъ листовничными-же корнями, поставилъ лицомъ къ себѣ, дунулъ, и они ожили; и такимъ

образомъ появились первые люди, совершенно подобные теперешнимъ, только мохнатые. Нуми разрѣшилъ имъ ходить вездѣ, гдѣ только захочется, позволилъ ѣсть все, за исключеніемъ голубки мѣкнвъ пиль ивъ; послѣ этого онъ поднялся на небо отдыхать отъ трудовъ своихъ. Черезъ нѣсколько времени захотѣлось ему посмотреть, что дѣлаютъ на землѣ новые ея поселенцы. Спустился внизъ, смотритъ вездѣ и нигдѣ ихъ не находитъ; кричитъ — никто не отзывается; наконецъ увидѣлъ ихъ спрятанными подъ кустами, велѣлъ выгнать оттуда: оказалось, что, послушавшись повелѣнія Нуми, они поѣли запрещенныхъ ягодъ, волосы у нихъ всѣ выгнѣли, они стали зябнуть, оттого и забрались въ кусты. Они рассыпались отъ дуновения Нуми, который въ третій разъ приступилъ къ сотворенію людей: взялъ тальнику, сплелъ изъ него нѣчто въ родѣ скелетовъ, обмазалъ глиною, поставилъ передъ собою, дунулъ на нихъ, и появились люди, положившіе начало человѣческому роду. Вмѣстѣ съ ними онъ сотворилъ изъ сосновыхъ сучьевъ оленей, рыбъ, птицъ и звѣрей ¹⁾, показалъ людямъ всѣ рыболовные и звѣроловные снаряды, какъ ихъ дѣлать и какъ ими пользоваться; устройство лодки, лыжъ, нарты и дома; велѣлъ приучать дѣтей къ охотѣ за звѣремъ, птицей и рыбой, и передать затѣмъ все то, что они слышали отъ него; послѣ этого онъ поднялся на небо и сталъ отдыхать, довольный теперь своимъ твореніемъ.

Разсказываютъ-ли *Самоды* знакомую намъ легенду о міро-зданіи — я не знаю. По ихъ преданію Нумъ сотворилъ землю,

¹⁾ Сл. слѣдующее преданіе о созданіи людей изъ стружекъ и искръ: мста за смерть отца, какой-то богатырь начинаетъ истреблять всё живое, не только людей, но и звѣрей, птицъ и рыбъ. Его уговариваютъ родные, велитъ отстать отъ бойни великанъ старикъ, явившійся съ неба; богатырь не унимается. Перебилъ много, а народу все не уменьшается, потому что Нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника стругали деревянную, и чтобы изъ искръ и изъ стружекъ дѣлались люди. Бьетъ богатырь день, бьетъ другой, третій, и все не устаетъ; тогда Нуми самъ спустился на землю, дунулъ на него, и онъ полетѣлъ на небо, гдѣ и превратился въ зорю, а такъ какъ онъ былъ весь въ крови, то оттого и зоря всегда бываетъ красною I. с. 56.

воды, рыбу и птицъ, растенія и животныхъ, наконецъ собаку и самоѣда; оба они были голые. Собака стерегла челоуѣка отъ дьявола, завидовавшаго его счастью на землѣ; разъ, когда челоуѣкъ спалъ, дьяволъ напустилъ сильный холодъ и соблазнилъ собаку обѣщаніемъ шерсти: погладилъ её рукою, шерсть на ней выросла — и она позволила дьяволу приблизиться къ спящему; онъ плюнулъ на него, отчего тѣло покрылось прыщами (оспой). Началъ онъ послѣ хворать, терпѣть отъ холода; собака не стала беречь его, звѣри, прежде шедшіе къ нему на зовъ, бѣгали отъ него; пришлось подниматься на хитрости и ловушки, чтобы промышлять ихъ. Сжалившись надъ челоуѣкомъ Нумъ далъ ему женщину ¹⁾. — Рядомъ съ этимъ отрывкомъ цѣльнаго преданія — другой, помѣстившійся въ легендѣ о потопѣ ²⁾: я имѣю въ виду эпизодъ о ныряніи: рассказываютъ, что семь челоуѣкъ, спасавшіеся въ лодкѣ, подняты были водою подъ самое небо, такъ что не могли вставать не согнувшись подъ небеснымъ сводомъ. Увидѣвъ, что имъ приходится плохо, они попросили гагару отыскать имъ нѣсколько земли; гагара нырнула въ воду и черезъ семь дней вынесла нѣсколько земли съ пескомъ и травою. Бросивъ всѣ эти вещи въ воду, люди начали просить Нуа (=Нума) устроить имъ землю; послѣ того пошла вода на убыль, обозначились деревья и лодка стала на сушу.

Въ *тюркскомъ* сказаніи, записанномъ на Алтаѣ ³⁾, Шифнеръ усмотрѣлъ соединеніе старопранскихъ элементовъ съ буддѣйскимъ, проводникомъ котораго были монголы, и христіанскимъ, привнесенномъ русской культурой. Слѣды буддизма въ

¹⁾ Кушелевскій, Сѣверный полюсъ и земля Янамаъ (СПБ. 1868), стр. 116 слѣд.

²⁾ Третьяковъ, Туруханскій край, его природа и жители (СПБ. 1871), стр. 201—2.

³⁾ Сл. Radloff, Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der daungarischen Steppe, I Abtheilung. Proben der Volkalliteratur. Uebersetzung, I Theil (1866 г.), стр. 175 слѣд. и предисловіе Шифнера, стр. X. Та-же легенда пересказана г. Радловымъ въ Восточномъ Обзорѣнн 1882 г. № 7, стр. 11—12, въ статьѣ: Мисеологія и міросозерцаніе жителей Алтая.

именахъ собственныхъ несомнѣнны; что до иранства, то, по отношенію къ дуалистическому характеру легенды, оно настолько-же обусловило и богомильское мировозрѣніе и его мнѣніе о мірозданіи. Что касается до русскаго элемента, то въ данномъ случаѣ онъ явился-бы проводникомъ не столько христіанскаго, сколько спеціально отреченнаго, и именно богомильскаго содержанія.

Алтайскій разсказъ слѣдующій:

Прежде чѣмъ создана была земля, была одна лишь вода: не было ни неба, ни солида, ни луны; лишь Господь носился въ воздухѣ, а вмѣстѣ съ нимъ одинъ человѣкъ, оба въ образѣ черныхъ гусей. Господь ни о чемъ не думалъ, а тотъ человѣкъ поднялъ вѣтеръ, взволновалъ воду и брызнулъ ею въ лицо Господа: онъ хотѣлъ подняться выше его, а самъ упалъ въ воду и сталъ молить: Спаси меня, Боже! По слову Господа онъ поднялся изъ воды. Тогда Господь сказалъ: Да будетъ твердый камень; на этомъ камнѣ, вышедшемъ со дна моря, утѣлся тотъ человѣкъ. По повелѣнію Божію онъ спускается въ море и выноситъ оттуда горсть земли, которую Господь бросилъ на поверхность воды со словами: Да будетъ земля; и земля явилась. Когда Богъ снова послалъ того человѣка на морское дно съ тѣмъ-же порученіемъ, онъ захватилъ двѣ горсти: одну запихалъ въ ротъ, чтобы тайкомъ отъ Бога и до него сотворить землю, другую отдалъ Богу. Богъ посягъ пригоршню, отчего земля стала толще, а во рту у того человѣка она такъ принялась расти, что едва не задушила его. Онъ побѣжалъ въ сторону отъ Бога; оглянулся, а Богъ около него. Задыхаясь онъ взмолился къ нему о спасеніи. Что ты затѣялъ? спросилъ его Господь. Не думалъ-ли ты, что утаишь передо мной землю во рту? И зачѣмъ утаилъ ты её? — Я хотѣлъ сотворить сушь. — Выплюни землю. — Тотъ человѣкъ принялся выплевывать, отчего и произошли болотныя кочки. Теперь ты во грѣхѣ, говоритъ ему Господь: ты хотѣлъ сдѣлать мнѣ зло, и народъ, тебѣ подчиненный, будетъ такого-же помысла, а мой народъ будетъ свѣтлыхъ

явился Господь, Тбгбngбі свалилъ вину на Edjji, она на змѣю. Змѣя извиняется: дьяволъ вошелъ въ неё, когда она погружена была въ сонъ; собака тѣмъ, что онъ былъ ей невидимъ. Господь проклялъ змѣю, обѣщаетъ низвергнуть Эрлика подъ три земныхъ пласта, въ страну мрака, гдѣ нѣтъ ни солнца, ни мѣсяца; послѣдовавъ совѣту дьявола, люди стали ему подвластны и не узрять свѣта Божія; они будутъ отнынѣ плодиться отъ себя, и Господь не станетъ имъ болѣе подавать пищи. Удаляясь, Господь обѣщаетъ послать людямъ Mai-tere ¹⁾: онъ научитъ ихъ, какъ добывать и изготавлять пищу. Когда явился Mai-tere, Эрликъ проситъ его: Помоли за меня Бога, я бы желалъ взойти на небо, по сторону Господа. Mai-tere преклоняется предъ Господомъ въ теченіе 62-хъ лѣтъ, и Богъ соглашается внять Эрлику, если онъ не будетъ ни враждовать съ нимъ, ни чинить зла людямъ. Явившись къ Господу, Эрликъ проситъ его благословенія: онъ хочетъ создать свое небо. Господь благословляетъ его, и Эрликъ сотворилъ небо, гдѣ его дьяволы размножились. Жилъ въ то время человекъ божій, Mandy-Schire ²⁾, подумалъ про себя: Наши люди живутъ на землѣ, люди Эрлика на небѣ; это неладно. Пошелъ онъ воевать съ Эрликомъ, а тотъ обратилъ его въ бѣгство, поразивъ огнемъ. Mandy-Schire жалуется Богу: онъ хотѣлъ свергнуть съ неба народъ Эрлика, но у него не хватило силы. «Нѣтъ никого сильнѣе меня, отвѣтилъ Господь, но Эрликъ теперь тебя сильнѣе; его время еще не пришло, когда придетъ—я скажу тебѣ». Долгое время прожилъ Mandy-Schire спокойно и снова явился къ Господу: его день пришелъ. Сегодня ты будешь силенъ, съ тобой будетъ мое благословеніе, говоритъ ему Богъ.—Но у меня нѣтъ ни ружья, ни колчана (съ стрѣлами), ни копья, ни меча, одна лишь красная рука.—Господь даетъ ему копьё, которымъ онъ и разрушаетъ небо Эрлика и всё свергаетъ внизъ: изъ обломковъ произошли скалы, камни, горы; такъ исказилась ровная земля, созданная Богомъ; народъ Эрлика также

¹⁾ По объясненію Шинера = буддійскій bodhisattwa: *Maitreja*.

²⁾ По объясненію Шинера — другой bodhisattwa: *Mandshucrl*.

попадалъ на землю, кто куда: одни въ воду, другіе въ гѣсъ или на камни — и всѣ умерли. — Ты разрушилъ мое небо, говорить Богу Эрликъ, дай мнѣ земли: хоть одно поле, пять саженой, хоть столько, сколько пришлось подъ концемъ палки, которую Эрликъ воткнулъ въ землю. Когда Господь согласился на послѣднюю просьбу, Эрликъ принимается строить на этомъ крохотномъ клочкѣ земли новое небо, но Господь отсылаетъ его подъ землю: тамъ постройся, въ глубинѣ ада, и да горитъ сверху неугасимый огонь; никогда болѣе ты не увидишь ни солнца, ни мѣсяца. Эрликъ надѣется, что подъ его властью будутъ всѣ умершіе, но Господь не согласенъ. — Что-же мнѣ дѣлать одному безъ подданныхъ? — Дѣлай, что хочешь, можешь самъ создать себѣ людей. — Эрликъ испрашиваетъ на это благословеніе божіе, сдѣлалъ мѣхъ, положилъ полосу, сталъ бить молотомъ: изъ подъ молота выскочили поочередно лягушка, змѣя, медвѣдь, кабанъ, *Alshuv* (волосатый демонъ), *Schulshuv* (демонъ) и верблюдъ. Господь бросаетъ всѣ его орудія въ огонь: изъ мѣха вышла женщина, изъ полосы и молота мужчина. Господь плюнулъ на женщину, и она обратилась въ цаплю (*Kogdoi*), перомъ которой не оперить стрѣлы, мяса не ѣсть и собака, которая дѣлаетъ вонючими болота; плюнулъ на мужчину, и онъ обратился крысой (*jalbon*), съ длинными ногами и безъ рукъ, сидящую въ дому, грызущую старья подошвы.

Удаляясь на небо Господь оставляетъ людей на попеченіе *Schal-Jime* ¹⁾, *Mandy-Schire*, *Jarkara* ²⁾ и *Podo-Sunkū* ³⁾. У каждаго свои обязанности: *Podo-Sunkū* пусть утверждаетъ солнце и мѣсяцъ, *Mandy-Schire* охраняетъ землю и небо и сражается съ Эрликомъ. Ему даются и другіе завѣты: если кого онъ сочтетъ

¹⁾ По толкованію Шифнера — иранскій *Jima*.

²⁾ По объясненію Шифнера, можетъ быть, *Diparjaka*.

³⁾ Можетъ быть: *Tsonkhara*, извѣстный буддискій реформаторъ, или *Buddha-Sakjatinii*. Объ отношеніи послѣдняго къ мѣсяцу см. *Pallas, Mongolische Völkergeschichten* II, стр. 41 и мое изслѣдованіе: *Croissans-Creances* и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, приложение къ XXXIX-му т. Зап. Имп. Ак. Наукъ, № 4, стр. 18 слѣд.

злымъ, пусть не отвергаетъ (тотчасъ-же); если правитель дурень или хорошъ, пусть не считаетъ всѣхъ подданныхъ таковыми же, какъ онъ; пусть наставляетъ людей на всякое добро, научитъ ихъ ловить рыбу удой и сѣтями, стрѣлять бѣлокъ, пасти скоть. Всему этому и научилъ людей Mandy-Schire, пока не удалился на небо.

Я привелъ *in extenso* алтайскую сказку, не ограничиваясь ея космогоническимъ и антропogоническимъ эпизодами. Именно взятая въ цѣломъ она убѣдительно по вопросу о своихъ источникахъ: ея Эрликъ — Сатаналъ богомильской легенды, Mandy-Schire, не взирая на свое буддѣйское прозвище, архангелъ Михаилъ. Къ представленію Эрлика нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ собралъ недавно г. Потанинъ ¹⁾. У алтайцевъ, черневыхъ татаръ и монголовъ, говоритъ онъ, Эрликъ считается властителемъ надъ міромъ усопшихъ душъ, но монгольскія сказанія говорятъ, что Эрликъ-ханъ царствовалъ прежде насильно гдѣ-то въ горнемъ мірѣ, но былъ побѣжденъ божествомъ Ямандагъ, послѣ чего наименованъ властителемъ нижняго міра. Алтайское преданіе представляетъ его съ змѣей въ рукѣ вмѣсто плети; алтайская пѣсня зоветъ вино напиткомъ Эрлика; къ нему ѣдетъ богатырь Ирень - Шайнъ доставать джиравы, винокуренный снарядъ; призываніе изображаетъ Эрлика румянолицымъ, какъ бы богомъ веселія. Можно догадываться, что ему приписываютъ изобрѣтеніе вина, какъ въ мордовской (и вотяцкой), въ русскихъ и румынскихъ легендахъ о началѣ винокурения и въ богомильскомъ вѣрованіи — вино отъ дьявола. Къ источникамъ подобнаго рода, скорѣе, чѣмъ къ мусульманскому преданію восходитъ, по всей вѣроятности, и названіе Эрликъ — ада, отецъ Эрликъ, т. е. или первый человекъ, какимъ считаютъ его кузнецкіе татары, или творецъ его. Объ его участіи въ сотвореніи міра и человекъ разсказывается слѣдующее: Есть на небѣ Ульгень; у него семь сыновей: Яки-

¹⁾ Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV: Матеріалы этнографическіе, стр. 692—3 прим. 44 (къ стр. 71) и стр. 218—228, 797 слѣд.

ганъ, Каршитъ, Бахтаганъ, Кара, Кушканъ, Каанымъ и Янкъ; у Ерлика также семь сыновей: Баатыръ, Керей, Ельтекъ, Тэбиръ-ханъ, Абраганъ (Ябаша черневыхъ татаръ и Карашъ алтайцевъ). Когда не было ни неба, ни земли, а была только вода, Ульгень спустился къ водѣ, чтобы сотворить землю. Думалъ, думалъ, и не знаетъ какъ начать. Въ это время къ Ульгенью подошелъ человѣкъ; Ульгень спросилъ его: «Ты кто?» — Я тоже пришелъ сотворить землю, отвѣтилъ тотъ. Ульгень осердился и сказалъ: «Я не могу сотворить, гдѣ-же тебѣ?» А человѣкъ ему въ отвѣтъ: Я сейчасъ найду, изъ чего сотворить землю.—«Откуда же ты возьмешь такую вещь, изъ которой можно сотворить землю?», спросилъ Ульгень. — Ты не сердись, а я знаю, откуда её достать, сказалъ тотъ. Ульгень сказалъ: «Я сердиться не буду, если можешь достать эту вещь, то скорѣй доставай». Человѣкъ сказалъ Ульгенью: Если не будешь сердиться, то я достану — и тутъ же вынулъ въ воду. На днѣ воды онъ нашелъ гору, оторвалъ отъ нея кусокъ земли и набилъ ею свой ротъ. Выгѣзши изъ воды, человѣкъ выплюнулъ землю въ пригоршню Ульгения. Ульгень бросилъ эту землю, и стала земля только изъ дерна; у человѣка же между зубами осталось немного земли; онъ плюнулъ, и сдѣлалась согра, т. е. кочковатое и болотное мѣсто. Ульгень и говоритъ человѣку: «Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ? землю надо гладкою сотворить». Тутъ онъ осердился, сталъ ругать человѣка; а у того человѣка была палка, на которую онъ опершись стоялъ и слушалъ, пока богъ его ругалъ. Наконецъ Ульгень сказалъ: «Пусть тебя не будетъ на этой землѣ!» Тотъ выслушалъ и говоритъ Ульгенью: Дай мнѣ хоть столько мѣста, сколько занимаетъ конецъ моей палки! Ульгень сказалъ: «И этого не дамъ». Человѣкъ стоитъ и плачетъ. Тогда Ульгень съ сердцемъ сказалъ: «Ну возьми это мѣсто! Что ты изъ него сдѣлаешь?» При этихъ словахъ тотъ человѣкъ провалился сквозь мѣсто, которое выпросилъ, и его не стало. — Теперь Ульгень сталъ думать, какъ сотворить зерно. Прилетѣла къ Ульгенью ласточка, у ней во рту было зерно, она и рассыпала его по землѣ.

Потомъ Ульгень сотворилъ лѣсъ и всё, что есть на землѣ. Сотвореннаго было очень много, плоды такъ и вѣселись. Потомъ Ульгень вздумалъ создать человѣка. Тѣло онъ сотворилъ изъ земли, кости изъ камней; потомъ сотворилъ женщину изъ ребра и положилъ ихъ двоихъ на землю. Только душу не могъ вложить въ человѣка. Потомъ сотворилъ собаку живую, но безъ шерсти. Затѣмъ онъ задумался и ушелъ: то-ли такъ ушелъ, то-ли душу искать, а собаку оставилъ караулить тѣла двухъ человѣкъ. Неизвѣстно, откуда явился человѣкъ, имя ему Ерликъ (это былъ тотъ самый, который провалился въ дыру). Собака начала лаять на него и не пускать къ тѣламъ. Ерликъ говоритъ ей: «Я пришелъ сотворить тебѣ шерсть и вложить въ тѣла душу». — Если такъ, сказала собака, то иди и дѣлай. Ерликъ говоритъ собакѣ: «Съѣшь то, что я тебѣ дамъ». Потомъ испражнися, и собака съѣла его испражнение; оттого у нея выросла шерсть. Потомъ Ерликъ сломилъ дудку, вложилъ её въ заднепроходное отверстіе человѣку и дунулъ. Тѣла ожили, и Ерликъ исчезъ. Ульгень воротился къ тѣламъ и думаетъ: «Вотъ человѣкъ, который провалился, обманулъ меня и вмѣшался въ мое дѣло». Съгъ Ульгень и не знаетъ, что дѣлать: то-ли истребить эти тѣла и новыя сотворить, потому что Ерликъ вложилъ въ нихъ худую душу, то-ли такъ оставить? Когда Ульгень сидѣлъ и думалъ, къ нему прискакала лягушка и говоритъ: Зачѣмъ истреблять ихъ? Пусть себѣ живутъ: которые умираютъ, пусть умираютъ, которые живутъ, пусть живутъ. — Ульгень послушался и оставилъ людей жить. Потомъ Ульгень сталъ думать, изъ чего бы сотворить огонь, потому что люди были нагіе. Лягушка говоритъ Ульгению: На горѣ есть камни, а на березѣ губа. — Ульгень догадался, взялъ губу, сдѣлалъ трутъ, затѣмъ взялъ два камня и добылъ огонь. Потомъ Ульгень сказалъ людямъ: «Всѣ плоды ѣшьте, только съ одного дерева не ѣшьте плодовъ», и неизвѣстно куда ушелъ. По наущенію Ерлика люди ослушались, и какъ только отвѣдали запретныхъ плодовъ, какъ почувствовали, что они нагіе; имъ стало стыдно, и они разбѣжались въ разныя стороны.

Когда вернулся Ульгень, они вышли на его зовъ, прикрывшись листьями. «Я не велѣлъ ѣсть плода съ этого дерева, говоритъ имъ Ульгень; зачѣмъ вы ѣли? Теперь сами добывайте себѣ хлѣбъ и одежду». Послѣ того онъ сотворилъ другихъ животныхъ. У перваго человѣка Адама родились 9 сыновей и 9 дочерей; отъ нихъ и пошли люди. — Съ однимъ эпизодомъ приведенной легенды сл. сказаніе черногѣсскихъ татаръ ¹⁾: великій Рајапа сотворилъ тѣло человѣка, и пока ходилъ къ Кудаяу за душою, Ерликъ соблазнилъ собаку, сторожившую тѣло, обѣщаніемъ золотой шерсти. Ерликъ оплевалъ человѣка, Кудай вывернулъ его на-изнанку, отчего слюна оказалась внутри; а собака наказана тѣмъ, что человѣкъ можетъ съ нею дѣлать, что хочетъ, бить ее и убивать беззапретно.

Слѣдующій вариантъ того-же сказанія приноситъ новыя подробности, значеніе которыхъ выяснится далѣе, но идея дуализма подверглась въ немъ дальнѣйшему разложенію. Сначала было небо да вода, земли еще не было. Очурманы жилъ на небѣ, ему и присѣсть было негдѣ. Затѣявъ создать землю, онъ сталъ искать себѣ товарища, нашелъ Чаганъ-Шукуты, и вмѣстѣ стали спускаться на воду. Завидѣвъ ихъ, лягушка унырнула въ воду; посланный товарищемъ, Чаганъ-Шукуты вытащилъ еѣ изъ глубины и положилъ на воду брюхомъ вверхъ. Я сяду на брюхо лягушки, говоритъ Очурманы, а ты нырни и достань со дна, что тебѣ попадетъ; только въ водѣ поминай меня, а то тебѣ своею силою ничего не сдѣлать. Чаганъ-Шукуты вынесъ охапку жидкой земли; «кабы не я, не достать бы тебѣ земли», сказалъ онъ Очурманы, и лишь только выговорилъ это, какъ земля вывалилась у него изъ рукъ и упала въ воду. Спустившись во второй разъ и нацарапавъ пригоршни твердой земли, Чаганъ-Шукуты донесъ еѣ, приговаривая, какъ ему было наказано: Не я тебя беру, не я тебя несу, а Очурманы. Очурманы велѣлъ посыпать эту землю на лягушку, самъ сѣлъ и товарища посадилъ съ собою;

¹⁾ Radloff, l. c. I, 285.

лягушки не стало видно, а видна была земля и притомъ столько, сколько они двое заняли мѣста. Посидѣли они и задремали, а потомъ и заснули. Тутъ явился Шумусь, смотреть, что это два человѣка лежатъ на землѣ, а лишней земли подъ ними нѣтъ, подошелъ и думаетъ: «Взять ихъ и бросить вмѣстѣ съ землею въ воду». Пока бѣгъ брался за край земли, взглянулъ, воды уже нѣтъ; онъ поспѣшно схватилъ ихъ обонхъ и бѣгомъ понесъ, чтобы добѣжать до края земли и бросить ихъ въ воду; но пока онъ бѣжалъ, земля всё росла; бѣжалъ онъ, изъ силъ выбился, а воды всё не видать; бросилъ онъ ношу и успѣлъ убѣжать, пока еще не проснулся Очурманы, который говоритъ товарищу: Когда насъ Курюмесь хотѣлъ бросить въ воду и утопить, земля насъ защитила. — Сотворивъ землю и отдохнувъ, Очурманы съ товарищемъ стали ходить по землѣ; «я выдумалъ, а ты мнѣ помощникъ, говоритъ Очурманы; теперь давай дѣлать на землѣ живое». Сотворили они тѣло человѣка изъ земли, пошли искать ему душу, а чтобы дьяволъ его не украсть, поставили караульщикомъ собаку, которую сотворили безъ шерсти. Дьяволъ прельщаетъ её обѣщаніемъ шерсти и корма, если она подпуститъ его къ тѣлу; пошептавъ что то, и она стала съ шерстью; стала просить ѣсть; вотъ твой хозяинъ тебя накормитъ, отвѣчалъ дьяволъ. Подойдя къ тѣлу человѣка, онъ зажегъ пряжу, дымъ вдунулъ ему въ носъ, и человѣкъ сталъ ходить. Когда вернулся Очурманы съ товарищемъ, удивились: Мы тебя сотворили, кто-жь тебѣ далъ душу? — А я какъ знаю, отвѣчалъ человѣкъ; вы-ли или кто другой меня сотворилъ?—Создавъ человѣка и женщину, Очурманы сказалъ товарищу: «Теперь всему сотворенному нуженъ правитель. Ты хоть мнѣ помогаешь, но самъ ты ничего не выдумалъ». Чаганъ-Шукуту обидѣлся и сказалъ: «Еслибъ не я, ты-бы ничего ни сдѣлалъ». Слово за слово, и поругались; хотѣли было драться, но Очурманы сказалъ: «Постой, мы поставимъ чашку съ водою и сядемъ подлѣ чашки одинъ противъ другого; на чьей сторонѣ выростетъ въ чашкѣ цвѣтокъ, тому и быть богомъ и править землею». Въ это время явился Шумусь, говоритъ,

что его позабыли: «Если бы не я, такъ земли бы не было. Давайте же и мнѣ пай изъ сотвореннаго». Долго они спорили и ругались, наконецъ, посовѣтовавшись съ товарищемъ, Очурманы сказалъ Шулмусу: «Вотъ твой пай; сколько есть земли подъ оконечностію твоей палки, то и возьми». Тотъ осердился, ткнул палкой въ землю, выдернулъ её, и оттуда ползли черви, змѣи и прочіе гады ¹⁾). Послѣ того Очурманы съ товарищемъ налили въ чашку воды, сѣли и стали дожидаться, на чьей сторонѣ вырастетъ цвѣтокъ. Пока сидѣли, оба задремали. Чаганъ-Шукуты проснулся напередъ, посмотрѣлъ однимъ глазкомъ на товарища, видитъ, что тотъ еще не открылъ глазъ, взялъ да и сорвалъ цвѣтокъ и положилъ на свой край блюда. Проснулся Очурманы, посмотрѣлъ, видитъ, что цвѣтокъ на сторонѣ Чаганъ-Шукуты, а корень на его сторонѣ, догадался въ чемъ дѣло и сказалъ: «Вотъ мы, боги, воруетъ другъ у друга, значить, и люди будутъ такіе же воры, все сотворенное будетъ въ постоянной ссорѣ и враждѣ, а люди и животныя будутъ стараться истреблять другъ друга». Обидѣлся Очурманы и вознесся на небо ²⁾).

¹⁾ Такъ и въ одной вотяцкой легендѣ, которую слѣдуетъ присоединить къ сообщеннымъ выше (стр. 13—14): когда послѣ потопа Инмаръ пожелалъ вновь создать міръ, онъ послалъ одного изъ оставшихся людей добыть землю. Тотъ два раза отказывался и лишь въ третій досталъ. Тогда Инмаръ послалъ его и еще другого человѣка сѣять землю. Первый ходилъ днемъ, поэтому сѣялъ ровно, и у него выросли долины, луга, равнины, а у ходившаго ночью выходили горы, пропасти и овраги. Когда появилась вновь земля, Инмаръ спросилъ человѣка, сколько ему ея надо, чтобъ жить. Тотъ запросилъ половину; Инмаръ земли далъ, а за жадность наказалъ: приказалъ воткнуть въ землю когъ, а затѣмъ вынуть его; изъ образовавшагося отверстія вышли всевозможныя гады. — Человѣкъ замѣнилъ въ этомъ разсказѣ Керемети или Луда. См. Богоевскаго, Очеркъ быта сарапульскихъ вотяковъ, отгискъ изъ Сборника матеріаловъ по этнографіи, изд. В. Миллеромъ, стр. 18, 16.

²⁾ Монгольская легенда, сообщенная мнѣ Г. И. Потанинымъ, совпадаетъ съ послѣднимъ эпизодомъ разсказанной въ текстѣ. Земля прежде была гладкая, людей на ней не было, были только двѣ сестры, солнце и луна. Солнце и говоритъ мѣсяцу: Ты ходи днемъ, я буду ночью. Мѣсяцъ ей на это: Нѣтъ! днемъ будетъ много людей, мнѣ будетъ стыдно ходить! Согласились, что солнце станетъ ходить днемъ, и печалились, что земля гладкая, покрытая водою, и нѣтъ кочки, гдѣ-бы поселиться человѣку. Богъ Шакчжи - тоба (= Шакья-муни, Будда) сотворилъ мужчину и женщину, женщина родила

По сказанію иркутскихъ *бурятовъ* ¹⁾ въ началѣ было одно безпредѣльное море, на днѣ котораго лежали черноземъ и глина. Захотѣвши сотворить міръ, Богъ велѣлъ бѣлой гагарѣ нырнуть и достать глину со дна океана. Нурнувъ, гагара вынесла на носу красную глину и черноземъ. Она разбросала ихъ во всѣ стороны, отчего образовалась земная поверхность и начала производить всѣ роды растений. Такъ какъ земля лежитъ на поверхности моря, то её поддерживаетъ на своемъ боку огромная рыба; когда она поворачивается съ боку-на бокъ, происходитъ землетрясеніе. — Сотворивъ человѣка, Богъ положилъ его въ свѣтлой комнатѣ, самъ поднялся на небо за душою, а сторожить у комнаты поставилъ собаку, которая сотворена была голою, тогда какъ человѣкъ былъ мохнатъ. Вѣрная повелѣнію Господа, собака не пускала къ человѣку дьявола, пока онъ не подыгъ бурю, которая её отогнала. Тогда дьяволъ вошелъ и наплевалъ на тѣло человѣка, вслѣдствіе чего оно лишилось волосъ и сдѣлалось смертнымъ; а собаку Богъ наказалъ, покрывъ её шерстью.

«гудай» (брюшина); богъ разрѣзалъ его и выпустилъ оттуда множество маленькихъ дѣтей, которымъ велѣлъ разойтись и жить по разнымъ частямъ земли. Потомъ Шакчи-тоба и Майдари стали ждать: у кого въ чашкѣ вырастетъ цвѣтокъ. Выросъ онъ у перваго, но Майдари вырылъ его, переиѣстивъ въ свою чашку и говорить: Смотри, у меня цвѣтокъ выросъ. Шакчи-тоба былъ богъ съ доброй душой, онъ сказалъ: Хорошо, пусть будетъ твой вѣкъ, но люди твоего вѣка будутъ лгать и воровать. (Зап. отъ монгола Очира въ южномъ Ордосѣ, на границѣ засѣннаго Китая).—Кстати приведу тунгусское космогоническое преданіе (зап. въ Амдо, области, пограничной съ Тибетомъ, отъ Ам-Салуна, тангута изъ окрестностей монастыря Лабрана), также сообщенное мнѣ г. Петаннинымъ: богиня Анѣ-гомъ Чжаму, задумавъ создать міръ, позвала богиню Нчжигму, дала ей подолъ земли и сказала: Нужно создать землю, животныхъ и людей. Землю нужно сдѣлать ровною и гладкою, чтобы не было на ней горъ, людей всѣхъ равными, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Иди, разсѣй эту землю, приговаривая: Гдѣ горамъ быть, чтобы не было горъ, кому богатымъ быть, не быть богатымъ, кому бѣднымъ — не быть бѣднымъ. Нчжигму обрадовалась, что ей поручили сотворить землю и людей, и такъ заторопилась, что произнесла приговоры какъ разъ наоборотъ. Оттого земля вышла гористая, а люди не равные.

¹⁾ Шашкинъ, Шаманство въ Сибири, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1864 г. кн. II, стр. 30 и 33. См. тамъ же стр. 31 и 33: тунгусскія преданія о мірозданіи.

Кончим якутскими вариантами тѣхъ же миеовъ ¹⁾. Творецъ создалъ землю ровною и гладкою; тогда явился злой духъ и сталъ её топить и царапать, чтобы её уничтожить; отъ этого образовались горы, долины и рѣки. Или рассказываютъ, будто онъ разорвалъ землю такъ, что она треснула, но творецъ сказалъ ей: Это тебѣ не повредить, расти, только, расти. Она и стала расти; такъ образовались большія рѣки и даже моря изъ возроставшихъ трещинъ, а между ними выросла твердь земли. За тѣмъ творецъ построилъ огромный каменный домъ, поставилъ въ нихъ каменные статуи и приставилъ человѣка къ нимъ сторожемъ. Ежедневно злой духъ старался подкупить человѣка и добиться входа въ домъ. Наконецъ ему удалось достигнуть своего намѣренія, когда онъ пообѣщалъ человѣку подарить ему пестрый нарядъ, какой онъ пожелаетъ, не зная ни износа, ни починки. Получивъ доступъ въ домъ, злой духъ запачкалъ статуи каломъ и всякими другими испражнениями. Творецъ пришелъ, увидѣлъ случившееся и далъ сторожу, чего тотъ пожелалъ, обративъ его въ собаку; статуи-же выворотилъ на изнанку, такъ что наружная ихъ сторона пришлась во внутрь. Съ тѣхъ поръ люди внутри полны грязи и кала. Потомъ творецъ вдохнулъ жизнь въ эти статуи и четверемъ изъ нихъ далъ женъ. Неженатые стали жаловаться на свою судьбу, но не были услышаны; такъ произошло прелюбодѣянiе. Между тѣмъ подросли четыре дочери четырехъ женщинъ. Изъ нихъ три были выданы замужъ за холостыхъ, осталась одна женщина неудовлетворенною и жаловалась на судьбу свою. Творецъ увѣщалъ ее, но она предалась разврату; тогда онъ посадилъ ее на раздвоившуюся вершину ели, и она выросла въ нее, но все-таки восклицала, что не въ состоянiи терпѣть. Тогда творецъ отпустилъ ее, и она продолжала жить по прежнему.

Слѣдующій якутскій же пересказъ отличается сильной христіанской окраской. На небѣ, вмѣстѣ съ своею матерью, жилъ

¹⁾ Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири, ч. II, стр. 820—1; Третьяковъ, I. с., стр. 207—3.

Исусъ Христосъ; при немъ находился товарищъ и совѣтникъ Николай чудотворецъ, а служителями были семь ангеловъ. Подъ небомъ была вода. Матерь Божія предположила создать землю. Не имѣя на то нужныхъ матеріаловъ, она сотворила гагару съ бѣлымъ носомъ и утку, названную Улункусъ. Выславъ на воду этихъ птицъ, Она велѣла имъ нырнуть и достать со дна моря комокъ земли. Если вы исполните мою просьбу, сказала Она, то я дамъ вамъ такое проворство, какого не будетъ имѣть ни одна птица. Первою изъ воды явилась утка и выбросила изо рта кусокъ земли. Прибывшая затѣмъ гагара объявила, что она, заблудившись въ морѣ, земли не нашла; но Матерь Божія замѣтила однакожь, что у гагары полонъ ротъ набить землею. Разсердившись на такой обманъ, она сказала гагарѣ: Лукавая птица, не я ли дала тебѣ противъ утки и силъ больше и носъ длиннѣе, и назвала тебя святымъ именемъ, а ты меня обманула, пожагѣвъ море? За тѣмъ Матерь Божія прокляла гагару, прибавивъ: Отнынѣ ты, какъ послѣдняя гадина, будешь во всеобщемъ презрѣніи, станешь жить не на святой землѣ, а на водѣ и питаться всякою дрянью. Послѣ этого Матерь Божія изъ принесенной земли сдѣлала шарикъ и, освятивъ его, спустила въ море. Не утонулъ этотъ шарикъ, не унесли и не разбила его волны, остался онъ на одномъ мѣстѣ и какъ пловучій островъ началъ увеличиваться, пока наконецъ изъ него не образовалась большая земля. Увидѣла Матерь Божія землю, порадовалась и задумала населить её людьми; взяла Она песку и создала изъ него двухъ мужчинъ и одну женщину. Вскорѣ съ женщиною слюбился одинъ изъ мужчинъ и у нихъ родилась дочь, которая, возмужавъ, сдѣлалась женою другого мужа. Родители ея узнали объ этомъ лишь по рожденію у дочери ихъ ребенка женскаго пола. Матерь Божія обвинчала послѣднюю чету, но молодая женщина вскорѣ умерла. Тогда Матерь Божія вновь сотворила изъ песку двухъ мужчинъ, изъ коихъ одинъ и женился на подростшей дѣвочкѣ-сироткѣ. Но и этотъ бракъ оказался несчастливъ: мужъ померъ. Не хорошо, подумала Матерь Божія, и въ третій разъ создала

мужчину и женщину; отъ нихъ въ послѣдствіи родился сынъ, который, возмужавъ, и женился на вдовѣ. Послѣ этого прекратилась между людьми безвременная смертность, и у каждой четы народилось по семи человекъ дѣтей, отъ которыхъ пошли колѣна и народы.

Всѣ эти преданія, записанныя среди инородческихъ элементовъ русскаго населенія ¹⁾, оказываются, какъ увидимъ далѣе, сходными, нерѣдко буквально, съ разказами русскими и болгарскими и съ старой повѣстью о мірозданіи, распространенной въ рукописяхъ и популярной среди нашихъ раскольниковъ. Раскольникья колонизація могла занести ее на окраины русской земли, гдѣ она могла быть перенята и усвоена инородцами; но возможно и другое предположеніе, уже ранѣе намѣченное нами: что напр. черемисская, мордовская и т. д. — и южнославянская легенды принадлежали первично одной и той-же полосѣ развитія и религіознаго міросозерцанія, богомилы лишь внесли въ кругъ своихъ дуалистическихъ мнѳовъ, можетъ быть, не славянское преданіе, отвѣчавшее ихъ цѣлямъ, а черемисы и алтайцы получили обратно свой старый космогоническій мнѳъ въ освѣщеніи христіанской ереси и апокрифовъ. Слѣды ихъ вліянія на столько ясны, что на ихъ указаніи едва-ли стоить останавливаться. Отметимъ-лишь въ одной изъ мордовскихъ легендъ эпизодъ о «рукописаніи Адама» ²⁾, о древѣ познанія, о винѣ, какъ изобрѣтеніи дьявола (мрд., вотяцк., монг.) и т. д.

¹⁾ Не въ нашихъ цѣляхъ лежало распространить сравненіе на сходные мнѳы не-европейскихъ народовъ. Отметимъ мимоходомъ лишь слѣдующій, приведенный проф. Сумцовымъ (Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевская Старина 1887, Іюнь-Іюль, стр. 285, съ ссылкой на Reville, Les religions des peuples non civilisés, I, стр. 282): по религіозно-мнѳическимъ представленіямъ Чипевамъ первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру спуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ. Мускусная мышь обнарудила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину или на илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виска произошла земля.

²⁾ Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. I, 4, 12, 300; Порфирьевъ, Апокр. сказ. по солов. ркп., стр. 40, 41. Сл. Nowosielski, Lud Ukraiński, I, 8—9.

Такъ или иначе, исконно-славянскій характеръ дуалистиче-
скаго мнѣя о мірозданіи долженъ быть оставленъ подъ сильнымъ
сомнѣніемъ. Что именно богومیлы воспользовались имъ—на это
есть факты, точно также какъ существуютъ несомнѣнныя свидѣ-
тельства тому, что среди славянскаго населенія они или, точнѣе,
создавшаяся у нихъ отреченная космогоническая повѣсть, содѣй-
ствовала его распространенію. Для запада мы такихъ показаній
не имѣемъ: мнѣ по крайней мѣрѣ не извѣстно ни одно записанное
тамъ сказаніе, которое отвѣчало-бы содержанію нашихъ и юж-
нославянскихъ. Фактъ, на первый взглядъ необъяснимый, но
тѣмъ не менѣе находящій объясненіе. Южнославянская легенда
о мірозданіи была выраженіемъ умѣренного дуализма, господ-
ствовавшего среди богومیловъ сербскихъ и отчасти босанскихъ,
у итальянскихъ патареновъ (кроме албанскихъ) и французскихъ
катаровъ (за исключеніемъ тулузскихъ)¹⁾: два творческихъ на-
чала сосуществуютъ въ мірѣ, доброе и злое, но первое видимо
преобладаетъ, ограничивая самостоятельность второго, ему под-
чиненнаго, отъ него отпадшаго. Такое возрѣніе и выразившія
его легенды легко усваивались въ христіанской средѣ, смягчав-
шей ихъ крайности. Среди крайнихъ дуалистовъ, какими были
напр. тулузскіе катары, космогоническій мнѣ долженъ былъ
отличаться другимъ, болѣе рѣзкимъ характеромъ, вызывая
большее вниманіе господствующей церкви и преслѣдованія, отъ
которыхъ не устоялъ. Замѣтимъ, кстати, что на западѣ эти
преслѣдованія были устойчивѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ на
востокѣ, и что альбигойскія войны рано пресѣкли распростра-
неніе ереси, которая на балканскомъ полуостровѣ продолжала
существовать до XIV и даже до XV столѣтія. Сказаннаго до-
статочно для объясненія неравномѣрной жизненности дуалисти-
ческаго преданія въ народѣ тамъ и здѣсь. Это, разумеется, не
исключаетъ возможности, что въ той или другой чертѣ дуалисти-
ческій мнѣ сохранился кое-гдѣ и въ западныхъ повѣрьяхъ.

¹⁾ Rački, Bogomili i patareni 170—1.

Я считаю по прежнему вѣроятнымъ, что распространенныя сказки о Правдѣ и Кривдѣ, о неравномъ дѣлѣжѣ, относятся къ числу усвоенныхъ богами: онѣ отвѣчала ихъ воззрѣнію, подѣлившему небо и землю между добрымъ и злымъ началомъ ¹⁾. Далѣе мы увидимъ, что и нѣкоторыя преданія о созданіи звѣрей относятся, по всей вѣроятности, къ ихъ космогоническому мнѣю. Выхваченные изъ связи дѣлага толка, отторженные отъ системы, отдѣльные мотивы могли безъ-зазора просуществовать до насъ въ видѣ сказки и притчи. Говоря такимъ образомъ, я не поднимаю на-ново вопроса, уже поставленнаго мною выше (стр. 5) по поводу богомилской космогонической легенды: богомилство, какъ поздняя ересь, питалось и древними вѣроученіями и готовыми мнѣями, почему легко выразить предположеніе, что многое, что въ послѣдней области мы считаемъ богомилскимъ, въ сущности сказывалось и распространялось ранѣе обособленія самой секты. Но эта секта была пропагандирующая, любила апокрифы и заподозрѣна была въ приверженности къ «баснямъ». Ея вліяніе на распространеніе космогоническаго сказанія въ православной славянской средѣ несомнѣнно; мы только обобщаемъ этотъ фактъ, перенося его предположительно на другія области, охваченныя еретическимъ движеніемъ. Оправданіе гипотезы — въ объясненіи нѣкоторыхъ, хотя-бы и второстепенныхъ данныхъ, стоявшихъ дотолѣ въ сторонѣ и внезапно освѣщающихся въ связи съ цикломъ аналогическихъ явленій. Повѣрку гипотезы мы предоставляемъ другимъ, ставя её въ зависимость отъ накопленія новаго, недоступнаго намъ матеріала ²⁾.

¹⁾ Сл. мѣст Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ стр. 96.

²⁾ Уже во время печатанія этой статьи В. В. Каллашъ доставилъ мнѣ слѣдующій ютандскій вариантъ легенды о широданіи, записанный г. Богаевскимъ въ Саранульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, отъ вояки Лаврентія изъ деревни Новый Сентачъ. Въ началѣ всего была одна вода; какое-то существо, жившее при себѣ «спосылку» (посылнаго?), жале въ то время. Задумавъ сѣтворить землю, оно спустило своего «спосылку» подъ воду въ большой бутылкѣ, къ которой былъ привязанъ ремень. Спустили, спустили, а ремень все надо подвигивать. Наконецъ «спосылка» достигъ до рака. «Куда идешь?» — Искать

II.

Распорядокъ слѣдующаго изложенія не предвзятый, не руководящійся какимъ-нибудь изъ высказанныхъ выше взглядовъ на происхождение и народное или литературное значение космогоническаго мифа, подлежащаго нашему разбору. Мы начинаемъ съ древнихъ свидѣтельствъ о немъ и съ раннихъ записей. Намъ болѣе полный рассказъ принадлежитъ Евоннiю Зигабену¹⁾: Λέγουσι (т. е. богомилы) τὸν δαίμονα τὸν παρὰ τοῦ Σωτῆρος ὀνομαζόμενον Σαταναῆν υἱὸν καὶ αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ὀνομαζόμενον Σαταναῆλ, καὶ πρῶτον τοῦ Υἱοῦ καὶ Λόγου, καὶ ἰσχυρότερον, ἅτε πρωτότοκον, ὡς εἶναι τούτους ἀδελφοὺς ἀλλήλων. Εἶναι δὲ τὸν Σαταναῆλ οἰκονόμον, καὶ δευτερεύοντα τοῦ Πατρὸς, τὴν αὐτὴν αὐτῷ περιεχόμενον καὶ μορφήν, καὶ στολήν, καὶ ἐν δεξιᾷ αὐτοῦ καθήμενον ἐπὶ θρόνου, καὶ τῆς μετ' αὐτὸν εὐδύς τιμῆς ἀξιούμενον, ὑφ' ἧς μεδυσθέντα καὶ εἰς ἀπόνοιαν ἐπαρθέντα μελετήσαι ἀποστασίαν, καὶ ποτε δραξάμενον καιροῦ καθεῖναι πείραν τισι τῶν λειτουργικῶν δυνάμεων, εἰ βούλοιντο κουφιζόμενα τοῦ βάρους τῆς λειτουργίας ἀκολουθήσαι τούτῳ καὶ συγκατεξαναστήναι τοῦ Πατρὸς. — Они поддались его увещанию и Господь свергнулъ ихъ съ неба. Λέγουσι τὸν Σαταναῆλ ἄνωθεν βρέντα καὶ μὴ δυνάμενον τοῖς ὕδασι ἐφιζάνειν· Ἡ γῆ γάρ, φησὶν, ἦν ἀόρατος καὶ ἀκατασκευάστος· ἐπεὶπερ ἔτι καὶ τὴν θεῖαν περιέκειτο μορφήν καὶ στολήν, καὶ τὴν δημιουργικὴν ἐκέκτητο δύναμιν, συγκαλέσαι τὰς συγκαταπεσούσας αὐτῷ δυνάμεις, καὶ θάρσος αὐταῖς ἐμβαλεῖν, καὶ εἶπεν, ὡς· Ἐπεὶ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ὁ Θεὸς ἐποίησεν ποιήσω καὶ γῶ δεύτερον οὐρανὸν, ὡς δεύτερος

землю. — «Какую землю? Я это двадцать лѣтъ живу здѣсь и никакой земли не знаю». Но «посылка» достаетъ еѣ и набилъ себѣ ею полость рта. Когда онъ вернулся, главное существо говорить ему: Брызни этой землей, такъ чтобы у тебя во рту не осталось ни песчинки. Тому и стало любопытно: а что если оставить одну? Онъ такъ и сдѣлалъ: брызнулъ, и появилась гладкая земля, а песчинка во рту стала расти, и онъ не въ силахъ отъ нея освободиться. Главное существо велитъ ему скорѣе бросать еѣ; отъ этого выросли горы и всякая неровности.

¹⁾ Euthymii Zigabeni, Panoplia Dogmatica, tit. XXVII, §§ 6—7. Сл. Ваѣки, I с., стр. 160 слѣд.

Θεός, και τὰ ἐξῆς ἀκουλούδως, και εἶπε· Γενηθήτω στερέωμα, και ἐγένετο, γενηθήτω τὰδε και τὰδε, και γεγόνασιν ἅπαντα. Και κατακοσμήσας μὲν τὸν δεύτερον οὐρανὸν περιελών δὲ τὸ ὕδωρ ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς και τάσας ἐν οἷς ἐδοκίμασε τόποις, . . . και καλλωπίσας αὐτήν και καθωραΐσας, και τὰ ἐκ γῆς πάντα φυόμενα δημιουργήσας, και τὰ ζῶα, και εἰ τι ἕτερον, ἀπεκλήρωσε ταύτην ἑαυτῷ τε και ταῖς ἀποστατικαῖς δυνάμεισιν οἰκητήριον. Ἔπειτα πλάσας τὸ σῶμα τοῦ Ἰδὰμ ἀπὸ γῆς ὕδατι φυραδείσης, ἔστησεν ὀρθόν, ἀφ' οὗ καταρρεύσασά τις νοτις ἐπὶ τὸν δεξιὸν πόδα, και διὰ τοῦ μεγάλου δακτύλου χυθεῖσα κατὰ τοῦ ἐδάφους ἐλικοειδῶς ἐρρήη, και σχῆμα ὄφως ἀπέτελεσεν. Ἀθροίσας δὲ τὸ ἐν ἑαυτῷ πνεῦμα ὁ Σαταναήλ ἐνέπνευσε τῷ πλασθέντι σώματι ζωὴν, τὸ δὲ ἐξ αὐτοῦ πνεῦμα διὰ χαυνότητα καταρρῦεν ἐπὶ τὸν δεξιὸν ὁμοίως πόδα, και διὰ τοῦ μεγάλου δακτύλου χυθὲν εἰς τὴν ἐλικοειδῆ βράνιδα κατέσκηψεν. Ἡ δὲ παραυτίκα ζωοποιηθεῖσα, και ἀποτμηθεῖσα τοῦ δακτύλου γέγονεν ὄφις, και ἐρπυσε. Διὰ τοῦτο γὰρ και φρόνιμον αὐτὸν γενέσθαι, και νουνεχῆ, ὡς τοῦ ἐμφυσήματος τοῦ Σαταναήλ εἰς ψυχὴν αὐτῷ καταστάντος, ὅπερ ἰδὼν ὁ καινὸς οὗτος δημιουργός, και γνοὺς, ὅτι μάτην πονεῖ, διεπρεσβύσατο πρὸς τὸν ἀγαθὸν Πατέρα, και παρεκάλεσε πεμφθῆναι παρ' αὐτοῦ πνοὴν, ἐπαγγειλάμενος κοινὸν εἶναι τὸν ἄνθρωπον, εἰ ζωοποιηθῆ, και ἀπὸ τοῦ γένους αὐτοῦ πληροῦσθαι τοὺς ἐν οὐρανῷ τόπους τῶν ἀπορρήφεντων ἀγγέλων. Τὸν δὲ Θεὸν ὡς ἀγαθὸν ἐπανεῦσαι και ἐμφυσῆσαι τῷ παρὰ τοῦ Σαταναήλ πλασθέντι πνεῦμα ζωῆς, και γενέσθαι παραυτίκα τὸν ἄνθρωπον εἰς ψυχὴν ζῶσαν λαμπρύνασαν τὸ σῶμα, και πολλαῖς αὐτὸ καταφαιδρύνασαν χάρισιν. Слѣдуетъ дагѣе разскажь о сотвореніи Еввы и о зависти Сатанаила, котораго, вселившись въ тѣло змѣи, оболыщаеть Евву; отъ него она родитъ Каина и Каломену. За это Господь наказалъ его, отнявъ ἀπ' αὐτοῦ τὴν θεῖαν αὐτίκα και στολήν και μορφήν και τὴν δημιουργικήν, ὡς εἶρηται, δύναμιν και τὴν τοῦ Θεοῦ προσηγορίαν. Θεὸν γὰρ ἄχρι τότε και αὐτὸν ὀνομάζεσθαι. Και γυμνωθέντα τούτων ἀπάντων σκοτεινὸν γενέσθαι και δυσειδῆ. Τὸν δ' ἀγαθὸν Πατέρα μέχρι τούτου στήσαντα τὴν ὀργήν, ἀφαιναί τοῦτον κοσμοκράτορα και κύριον, ὢν αὐτὸς ἐδημιούργησε, πεισὼν ἄνωθεν.

Изъ отрывочнаго разсказа Зигабена отмѣтимъ слѣдующее, что пригодится намъ при дальнѣйшемъ разборѣ: Сатанаилъ и Богъ-Сынъ — братья; творчество перваго неба и земли приписано Богу Отцу; лишь послѣ паденія своего Сатанаилъ пытается создать новое небо, освобождаетъ землю изъ подъ воду, производитъ звѣрей и растительность. Его участіе въ дѣлѣ сотворенія человѣка ограничивается тѣломъ, которое онъ не въ состояніи оживить; вмѣсто того ему дается только создать змѣю. Его роль въ дуалистической космогоніи уже принижена: онъ не равносильнъ Богу-отцу, хотя считается сильнѣе брата-Христа; Евѣмій Зигабенъ зоветъ его иронически: *Καίνος . . . δημιουργός*; въ Liber S. Joannis онъ названъ: *imitator Dei*.

Разбирая эту книгу, болгарскую по происхожденію (*secretum Haereticorum de Concorezio, portatum de Bulgaria a Nazario, suo episcopo*) ¹⁾, я ограничусь общей схемой, чтобы имѣть возможность воспользоваться отдѣльными эпизодами при анализѣ соответствующей славянской статьи. Планъ Liber даетъ бесѣда ап. Іоанна съ Христомъ за трапезой. Первый спрашиваетъ: «*Domine, antequam Satanus caderet, in qua gloria persistebat apud patrem tuum? Et dixit mihi: In tali gloria erat, quod ordinabat virtutes caelorum; ego autem sedebam apud patrem meum. Ipse erat ordinans omnem imitatoreм patris (? вѣроятно: omnia, et imitator) et descendebat de coelo in infimum et ascendebat ab infimis usque ad thronum invisibilis patris, et observabat gloriam quae erat moventis coelos, et cogitavit sedem suam ponere super nubes caelorum et volebat altissimo similis esse*». Онъ спускается до огня въ преисподней, и вернувшись, «*introivit ad angelum aëris et ad eum, qui super aquas erat, et dixit eis: Haec omnia mea sunt; si audieretis me, ponam sedem meam in nubibus et ero similis altissimo et tollens aquas de superiori firmamento isto caetera loca maris congregabo, et post hoc non erit aqua super faciem universae terrae, et regnabo vobiscum in secula*

¹⁾ Thilo, Codex apocryphus novi testamenti, p. 884 прим. 1.

seculorum»¹⁾. Сатаналъ свергнуть за свою гордыню, увлекъ съ собою «cum cauda tertiam partem angelorum dei». «Et descendens Satanas in firmamentum hoc nullam requiem potuit facere sibi nec iis qui cum eo erant. Et rogavit patrem dicens: Patientiam habe in me, et omnia reddam tibi. Et misertus ei pater, et dedit ei requiem et his qui cum eo erant, quodcumque vellet, usque ad septem dies. Тогда началось творчество Сатаналъ: онъ поднимаетъ небо изъ подъ воды, творить солнце, луну и звѣзды; fecit angelos ministros suos secundum ordinem formae altissimi et praecepto invisibilis patris tonitrua, pluvias, grandines et nives; emisit angelos ministros suos super ea et praecepit terrae, ut produceret omne altile et omne reptile et arbores et herbas, et praecepit mari, ut produceret pisces et aves coeli. Онъ сотворилъ изъ глины (corpus luteum) тѣла Адама и Евы, повелѣвъ двумъ ангеламъ третьяго и второго неба войти въ нихъ. Онъ велѣлъ имъ смѣшаться, но они не умѣли сотворить грѣха; тогда онъ поднялся на хитрость: создалъ рай и ввелъ туда первыхъ людей; «et plantavit diabolus arundinem in medio paradisi, et ita celavit ingenium suum diabolus nequam, ut ipsi non cognoscerent deceptionem ejus. Et intrabat et loquebatur ad eos dicens: De omni fructu, qui est in paradiso, comedite, de fructu vero scientiae boni et mali nolite comedere. Verumtamen introivit diabolus in serpentem nequam et seduxit angelum, qui erat in forma mulieris, et effudit frater ejus (sc. Adam) concupiscentiam peccatorum et fecit concupiscentiam suam cum Eva in cantu (cute?) serpentis.

Это представление о созданіи человѣка, раздѣляемое и катарамъ и босанскими еретиками²⁾, значительно разнится отъ сооб-

¹⁾ Сатана уговариваетъ ангеловъ не платить Господу должнаго, а мѣше слѣдующаго: тенденціозное толкованіе извѣстной притчи въ Евангеліи отъ Луки, о которой говорить и Загабень l. c. tit. XXVII, § 6. Сл. Thilo l. c. p. 886—7, прим. 1.

²⁾ Сл. Thilo, l. c. стр. 899, прим. 4; Раѣки, l. c. 178, 176.

щаемого Зигабеномъ: въ Lib. Johannis дьяволъ творить тѣло изъ глины, такъ и у Зигабена; но тамъ Сатанаиъ вселяетъ въ тѣло ангельскую душу, здѣсь самъ Господь оживляетъ духомъ своимъ созданную демономъ плоть, и участіе Сатаны оканчивается его неудачей — и сотвореніемъ змѣи. Славянскій апокрифъ представляетъ здѣсь, какъ увидимъ, то характерное отличіе, что участію Сатаны даются другія границы и другое освѣщеніе: онъ хочетъ завѣдомо испортить *созданіе* Божіе, *искажая* тѣло человѣка. Авторъ Liber S. Johannis, кажется, зналъ легенду, сходную съ апокрифомъ, но лишь въ чертѣ, приписывающей Господу созданіе человѣческаго тѣла; эту легенду онъ отрицаетъ, какъ ложную. Отвѣчая на вопросъ апостола, Христосъ говоритъ ему: «Audi, Johannes, dilecte patris mei, insipientes homines ita dicunt in praevaricatione patrem meum corpora lutea fabricare; sed spiritu sancto omnes virtutes coelorum fecit, et sancti propter praevaricationem inventi sunt habentes corpora lutea mortalia, et ideo morti traditi sunt». Невѣжественные люди говорили, стало быть, что Господь создалъ людямъ тѣло отъ персти; на самомъ дѣлѣ, грѣхопаденіе было причиной того, что люди явились съ тѣлами отъ персти, т. е. смертными. — Какъ соединялъ авторъ это преданіе объ антропогоніи съ предыдущимъ, по которому Сатана былъ и творцемъ плоти отъ персти и подателемъ духа (отъ ангела) — я не знаю. Представляю, что тѣла прародителей до грѣхопаденія были иныя, чѣмъ послѣ того, отвѣчаютъ въ известной мѣрѣ народныя преданія: будто тѣло человѣка первоначально было покрыто роговою оболочкою и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Сл. Терещенко, Бытъ русскаго народа V, 48—9; Шейковскій, Бытъ Подолянъ, т. I, вып. 2, стр. 28; Rulikowski, Opis rozada Wasylkowskiego, 177; Nowosielski, Lud Ukrainaki I, 5—6; Чубинскій, Труды I, стр. 145—6; Е. Барсовъ, Народныя преданія о миротвореніи, Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Дрѣвн. російскихъ при Москов. Университетѣ 1886, кн. IV, Матеріалы историко-этнографическіе, стр. 6. Сл. выше, стр. 12—18, мордовское преданіе о миротвореніи.

Бесѣды Козьмы пресвитера ¹⁾ не даетъ подробностей для космогоническаго міеа болгарскихъ богомиловъ. Они говорили: «яко нѣсть Богъ сотворилъ небесе, ни земля, ни всѣхъ сихъ видимыхъ», дьявола прозывали властелиномъ и княземъ твари Божіей, «глаголюще: по діаволи воли суще вся, небо, солнце, звѣзды, воздухъ, земля, человекъ, церкви, кресты и вся Божія дьяволу предають и просто вся движущияся на земли, и съдушная и бездушная, дьяволомъ зовуть». «Слышаще бо въ евангеліи Господа рекша притчу о двою сыну, Христа убо творять старѣйшаго сына, меньшаго же, еже есть заблудилъ отца, діавола мѣнять, и сами в мамону прозваша, и того творца нарицають и строителя земныхъ веществъ и того повелѣвша человекомъ жены поимати и мясо ясти и вино пити».

Къ этимъ свидѣтельствамъ примыкаетъ славянская статья, съ эпизодомъ, очевидно, богомильскаго происхожденія, къ сожалѣнію еще не изданная и не разобранныя критически. Щаповъ ²⁾ сообщилъ ея отрывокъ по извлеченіямъ, сдѣланнымъ проф. Григоровичемъ изъ одной Слѣпченской рукописи; на другую рукопись Григоровича (изданную нынѣ г. Мочульскимъ), позднѣйшаго письма, ссылается въ своихъ сообщеніяхъ и проф. Буслаевъ ³⁾; Пыпинъ пользовался статьею также въ новомъ спискѣ, гдѣ она озаглавлена «*Свѣтокъ божественныхъ книгъ*» ⁴⁾; въ рукописяхъ, изъ которыхъ проф. Лавровскій сообщилъ Ербену ⁵⁾ космогоническій эпизодъ, она подписана — въ одной: *Сказаніе о созданіи міра*, какъ и въ новомъ спискѣ, обязательно доставленномъ мнѣ проф. Порфирьевымъ, и въ ва-

¹⁾ Сл. Православный Собесѣдникъ 1864 г., ч. I, стр. 498 и ч. II, стр. 97, 100, 101, 106, 198.

²⁾ Щаповъ, Очерки народнаго міросозерпанія и суевѣрія, Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, Мартъ 91.

³⁾ Очерки, I, 615 слѣд.

⁴⁾ Пыпинъ, Дожитыя и отреченныя книги русской старины (Русское Слово 1862, Февраль стр. 52 слѣд.); Пыпинъ и Спасовичъ, Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, 2 изд. I, стр. 79—80.

⁵⁾ I. с. 88.

ріантъ у Щапова ¹⁾; въ другой, съ содержаніемъ которой познаноиъ насъ Щаповъ ²⁾: *Христовъ дневникъ*; въ экземплярѣ, принадлежащемъ Археологическому музею при кievской Академіи Наукъ № 135 (поступ. отъ Е. Барсова): *Слово о зачатіи неба и земли и осел оселенныя*. Одинъ изъ текстовъ проф. Григоровича (XVIII в., вывезенъ изъ Чебоксаръ) былъ напечатанъ г. Мочульскимъ ³⁾, нач. «Трудолюбивыхъ мужей и бѣлюбивыхъ списано изъ божественныхъ книгъ Василя великаго, Григория богослова, Іоанна Дамаскина о преславныхъ преніихъ невѣдомыхъ вещей». Болѣе древній текстъ сказанія изданъ былъ ранѣе того Е. Барсовымъ; онъ озаглавленъ: *(1) тиверіадскомъ морѣ* ⁴⁾. Изъ предисловія къ этому изданію мы узнаемъ еще объ одномъ спискѣ (XVIII в.) той-же статьи, находящемся въ собраніи Е. В. Барсова: *О бытіи неба и земли*. — Отдѣльными частями наша статья вошла въ нѣкоторые изводы «Бесѣды трехъ святителей» ⁵⁾.

Содержаніе ея компилятивное, напоминающее извѣстный сводъ апокрифовъ, носящій имя болгарскаго попа Іереміи (Слово о монсеовомъ извѣтѣ дрѣвѣ), начинается съ разсказа о мірозданіи, сверженіи сатаны, твореніи первыхъ людей, переходя къ грѣхопадению прародителей, изгнанію ихъ изъ рая и покаянію, убійству Авеля и искупительной жертвѣ Христа. Апокрифическое содержаніе, наполняющее эти рамки, разнообразится по спискамъ: такъ повѣсть о «морѣ тиверіадскомъ», изданная Е. Барсовымъ, и списокъ проф. Порфирьева вводятъ обильно

¹⁾ Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древне-русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ. Православный Собесѣдникъ 1861 г., часть II, стр. 261 слѣд.

²⁾ I. с. стр. 268—5.

³⁾ Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха Голубиной книгъ. Варшава 1887, стр. 287 слѣд.

⁴⁾ Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886, II, Матеріалы историко-литературныя стр. 5—8.

⁵⁾ См. напр. у Порфирьева, Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, стр. 87—9, изъ статьи: Повѣсть свѣта Андрія со Епифаніемъ о оспросѣхъ и отелетскѣхъ.

мотивы изъ крестныхъ сказаній: хожденіе Сноа въ рай и легенду о разбойникахъ, сторожившихъ крестное древо, извѣстную, кромѣ того, лишь изъ Іереміиной компіляціи. Но списки, суди по немногимъ, доступнымъ мнѣ въ текстѣ и извлеченіяхъ, расходятся еще и въ другомъ отношеніи: одни, которые мы обозначимъ названіемъ *Свитка божественныхъ книгъ* (списокъ Пылина, Григоровича; Археол. Муз. при Кіевск. дух. Академіи) начинаются съ разсказа объ единоличномъ творествѣ Господа, лишь впоследствии переходя къ противопоставленію, въ творческомъ актѣ, Бога и Сатанаила; другіе открываются прямо послѣднимъ эпизодомъ, какъ напр. сказаніе о тиверіадскомъ морѣ (Барсовъ, Порфирьевъ; Сказаніе о созданіи міра и Христовъ дневникъ). Слѣдующія сопоставленія разъяснятъ отношенія обохъ текстовъ между собою.

Въ *Свиткѣ божественныхъ книгъ* (по чебоксарской рукоп. Григоровича) разсказъ начинается такимъ образомъ: «Прежде земли бысть Господь Саваофъ въ трехъ комарѣхъ на воздухѣхъ въ велегѣпотѣ, безначальный царь, невѣдомъ, таинъ, присносущный, несозданный, несказанный, нерожденный, незачатый, вмѣстный и невидимый и неосазаемый, безсмертный и безплотный. И тогда бысть свѣтъ отъ лица Господня Саваофа седмерницею свѣта сего свѣтлѣе, ризы его быша бѣлыя яко свѣтъ свѣтозарный отъ лица Господня. И сидѣлъ Господь Саваофъ в трехъ коморехъ на воздухѣхъ на престолѣ превыспренняя славы, и помысли себя Господь Саваофъ безначальный отецъ, тако о'ргнулъ отъ сердца и родилъ возлюбленнаго сына божія Господа нашего Иисуса Христа, из-вустъ своихъ духъ свои святыи изъпусти на него видѣ ѿ голубяте образѣ. Стѣми тремя комарами прообразова Господь троячный и безначальный сынъ и отецъ и съвятый духъ, на тѣхъ трехъ комарехъ безначальный крестъ, и тотъ крестъ прообразова Господь Богъ распятіе сына своего Иисуса Назарянина иудейска.... Не бысть тогда неба, ни земли, ни моря, ни ангель, ни архангель, ни херувимъ, ни серафимъ, ни рѣкъ, ни езеръ, ни кладезей, ни источникъ, ни человекъ, ни горъ, ни

облакъ, ни звѣздъ, ни свѣту, ни звѣрей, ни птицъ, ни вертепъ, ни зарей: тогда была тма и бездны и темнота, не бысть тогда ни дня, ни нощи, ни вѣковъ, ни часовъ. Тогда бысть себе безсмертный безначальный сынъ божій Иисусъ Христосъ, сотвори словомъ повелѣниемъ отца своего небеснаго всю тварь небесную, видимую и невидимую. И како рече Господь, тако сотворилося и создалося духомъ святымъ отъ оустъ его премудрыхъ. И рече Господь: Буди небо хрустальное на столпѣхъ желѣзныхъ на седмидесяти тмахъ тысящъ, и будите озера и облаки и звѣзды и свѣтъ, и вѣтръ дунуль изъ нѣдръ своихъ, раи на востоцѣ насади, и востокъ и западъ и сѣверъ и югъ, ангель ¹⁾ сидитъ на востоцѣ въ велегѣпотѣ превыспреняя славы своея; семь небесъ словомъ сотвори Господь, мразъ отъ лица господня исхоишъ, а громъ — гласъ господень въ колесницѣ огненной утверждень, а молнія слово господне изъ устъ божинихъ исходитъ, а солнце отъ нутренія ризы господни, понеже Господь по лицу своему утреса, а луна отъ лица.— И рече Господь: Буди тма столповъ на воздушѣхъ; и тако сотворилося словомъ господнимъ, а столпы недвижныя желѣзныя отъ начала вѣка сего, и буди на тѣхъ столпѣхъ камень недвижный, а на камени земля, а подъ землею адъ недвижныи и весь мѣдень, и веревъ желѣзныя и врата мѣдныя и желѣзныя, а подъ адомъ тартаръ, дна нѣтъ. И рече Господь: Буди надъ адомъ тма столповъ мѣдныхъ и на столпахъ камень, а на камени земля. Господь словомъ камень и кремьнь сотвори. И рече Господь: Буди на земли море тиверидское, вода соленая. Первая земля на воздушѣхъ сотворена и утверждена, вторая земля на аде, а на той земли море, а у того моря тиверидскаго брегу нѣтъ». Здѣсь примыкаетъ разсказъ, съ котораго начинается повѣсть о «тиверидскомъ морѣ».

Остановимся на нѣкоторыхъ подробностяхъ приведеннаго сказанія. Оно, очевидно, спутано въ эпизодѣ о созданіи земли: говорится о двухъ земляхъ, изъ которыхъ одна утверждена на

¹⁾ Въ сивскѣ Пылина: Богъ.

адѣ, на ней море; другая «на воздухѣхъ», но о ней не было рѣчи. Въ статьѣ о «тиверіадскомъ морѣ» Господь творитъ землю на морѣ, такъ далѣе и въ Свѣткѣ: это и есть вторая земля; первая, очевидно, покоится на адѣ; послѣдовательность такая: *камень*, поддерживающій *первую землю*, подъ нимъ *адъ* и тартаръ; на землѣ *море* (тиверіадское), на которомъ Господь и творитъ *вторую землю*. Это, съ нѣкоторыми отгѣнками, послѣдовательность космогоническихъ отрывковъ, встрѣчающихся въ славянскихъ спискахъ, въ богомильскомъ Liber Johannis и цѣломъ рядѣ западныхъ Вопросовъ и Отвѣтовъ ¹⁾; Свитокъ не забытъ, какъ увидимъ, и гигантскихъ рыбъ, но не знаетъ міроваго дерева. Сл. апокрифъ «Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ»: «Въпрѣ: Да скажи ми що дръжить землю? Рече: Вода висока. Да що дръжить воду? Отвѣтъ: Камень плосень вельми. Да что дръжить камень? Рече: Камень дръжить .д. китовы златы. Да что дръжить китове златы? Рече: Рѣка огнь'наа. Да что дръжить того огня? Рече: Други огнь еже ксть пожечь того огня .в. чести. Да что дръжить того огня? Рече: Доубъ желѣзный, кже есть прьво посаждень шть въсего же кореніе, на силе божіеи стоять». Существенно тоже находимъ въ «Словѣ о небеси и земли»: «Отъ чеса бысть земля? Отъ тины водные. Что дръжить землю? Вода». Далѣе: камень; вмѣсто китовъ — «брави четверо, крилати. А брави четыре что дръжить? Огнь отнудуже бане истечють. А огнь что дръжить? Други огнь горчаиши того .ві. кратъ. А ть огнь что поддръжить? Дубъ прьво всѣхъ насаждень, а кореніе дуба того стоять на силѣ божіе, Господь-же и сила божіа зачала и конца не имать». Въ болгарскомъ спискѣ Бесѣды трехъ святителей прошлаго столѣтія ²⁾, снова являются «.д. китове златни», подъ ними огненная рѣка, подъ которой «други огнь погорешъ .ві. чета», а его держитъ «железень дашь, да то е наинапретъ посаждень, а корену му стоять на сила божіа». —

¹⁾ Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 448; Jagić въ Archiv f. slav. Philol. I, стр. 95, 127—8; R. Koehler ib. 335—6.

²⁾ Изд. Novaković, Starine VI, стр. 48.

R. Köhler (l. c.) указалъ на рядъ западныхъ параллелей къ приведенной славянской статьѣ. Въ діалогѣ между Адрианомъ и Епиктетомъ на вопросъ: «*Quid sustinet terram?*» отвѣчаютъ: *Aqua.*

Quid sustinet aquam? Petra.

Quid sustinet petram? Quatuor animalia (толкуются иносказательно: четыре евангелиста).

Quid sustinet illa quatuor animalia?

Ignis.

Quid sustinet ignem? Abissus.

Quid sustinet abissum?

Arbor quae ab initio posita est, ipse est Dominus Jesus Christus. И здѣсь иносказаніе взяло верхъ надъ реальнымъ образомъ: въ *Historia de la donzella Theodor* дерево толкуется какъ «*el arbol que fue plantado en el paraíso, que la raiz del uva en et infierno ante de la pasión de Jhesu Cristo*», что подтверждаетъ и провансальская статья, гдѣ дерево, поддерживающее пропасть, райское: на немъ живутъ патриархи и пророки. Славянскіе тексты, очевидно, разумѣютъ то-же; выраженіе: «*кже есть прѣво посажденъ (т. е. доубъ), шть огсесо же коремѣ*», я сблизжаю съ рассказомъ Григорія о крестномъ дровѣ: когда Господь насаждалъ рай, Сатаналъ похищалъ *отъ осмъ стьманъ* и сблжал ихъ посреди рая. «Рече Гдѣ: Ты бу^а азъ и тело мое и будетъ тебѣ на прогнаніе. Изышь^аши же вынь Сатаналъ и рече: Гдѣ, б^алвы елико насадиш^а. Бѣ рече: Тоу есмь азъ посрѣ^а рая. Ег^а иде Сатаналъ да видать дрѣво свое *кже насади, то^ада почрънѣнъ бѣ дѣзволь, и дрѣво его изгна изъ рая*¹⁾. «Имать отъ всѣхъ саженей дрѣвныхъ въспрято на себѣ и отъ всѣкого сѣденія и плода», говорится о райскомъ дровѣ въ преніи Павліота съ Азимитомъ²⁾. — Сопоставляя провансальскіе Вопросы и Отвѣты съ *Historia de la donzella Theodor*, мы получаемъ новое подтвержденіе параллели между крестнымъ деревомъ хри-

¹⁾ См. Разысканія X, стр. 370—1.

²⁾ См. мой очеркъ древне-русс. новѣсти въ *Ист. русск. лит.* Галахова I, стр. 400.

стианскихъ легендъ и образомъ сѣвернаго Иггдрасила, одинъ изъ корней котораго также спускается въ Nifheim = inferno ¹⁾). Вспомнимъ индѣйскія представленія о мирѣ, какъ «древъ Брагмы» (asvattha = ficus religiosa): его корни на высотѣ, вѣтви спускаются внизъ, на немъ покоятся міры; ὑπόπτερος δρυς Ферекида, на которомъ Зевсъ распростеръ небо, землю и океанъ ²⁾; металлическое мировое дерево-сосну Аино и т. п. ³⁾).

Собранныя указанія подтверждаются эпизодомъ богомильскаго Liber S. Johannis ⁴⁾ и съ своей стороны вносятъ въ него нѣкоторыя исправленія. Надо помнить, что эпизодъ этотъ введенъ за рассказомъ о сотвореніи *второй* земли; послѣдовательность начинается, стало быть, съ воды = моря, покрывающаго первую землю = камень; она покоится на двухъ гигантскихъ рыбахъ «Et transcendens (Satanas) invenit universam faciem terrae cooperatam aquis. Et transcendens subtus terram invenit duos pisces, jacentes super aquas, et erant sicut boves juncti ad arandum, tenentes totam terram invisibilis patris praecepto ab occasu usque ad solis ortum. Et cum descendisset, invenit nubes pendentis, tenentes pelagum maris. Et cum descendisset deorsum, invenit suum ossop, quod est genus ignis, et postea non potuit descendere deorsum propter flammam ignis ardentis». Текстъ въ концѣ едва-ли не испорченъ: рыбы являются возлежащими super aquas = pelagum maris. Подъ aquas разумѣется, быть можетъ, рѣка огненная славянской статьи, на которой покоятся киты; въ такомъ случаѣ ossop = genus ignis будетъ «други огонь еже ксть пожечь того огня .в. чести», «горчайши того .ві. кратъ», «погорешъ .Ѣ. чета».

Къ разобранному выше рассказу Святка примыкаетъ, какъ уже сказано выше, эпизодъ о «тиверіадскомъ морѣ». Тиверіад-

¹⁾ Разысканія IV, стр. 60, 66—7.

²⁾ Darmesteter l. c., стр. 148, 168; сл. 179—180.

³⁾ См. Academy 1888 г. № 862, стр. 805—6: Aino Hymns. Сл. J. Krohn, Finska litteraturens historia I, стр. 201 слѣд. (Den stora eken).

⁴⁾ Thilo, l. c., p. 886.

ское море показатель моря вообще. Въ одномъ спискѣ Вопросовъ и Отвѣтовъ на вопросъ: «колико ѣ горъ [и] велики^ѣ морь?» дается такая отвѣдь: «.vi. горъ аравитьскы^ѣ; . . . а морь велики^ѣ .vi., а всѣмъ горамъ мати Та[во]ръскаа, а моремъ тивир[и]ядское море» ¹⁾).

Соотвѣтствіе сказанія о тиверіадскомъ морѣ съ Свиткомъ по (рпк. Григоровича) легко уяснить себѣ изъ слѣдующаго сопоставленія:

Свитокъ: «первая земля на воздухѣхъ сотворена и утверждена, вторая земля на аде, а на той земли море, а у того моря тивирнадскаго берегу нѣтъ. И с'ниде Господь по воздуху на море тивирнадское и узрѣ Господь плавающа на томъ море тивирнадскомъ гоголя» и т. д.

Сказаніе о тивирнадскомъ морѣ: «Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тивирнадское, а береговъ оу него не было; и с'ниде Гдь по воздуху на море тивирнадское и видѣ Гдь на мори гоголя пловуща, а тотъ гоголь Сотанангъ, заросъ во [п]еніи морской. И рече Гдь Сотанангу, аки не вѣдаа его: Кто еси? И рече Сотанангъ: Азъ есмь Богъ. А мена како наречеши? И отвѣща Сотанангъ: А ты Богъ богомъ и Господь господемъ. Аще бы Сотанангъ не то слово рекъ Господу, и Господь бы его тутъ же искоренилъ на мори тивирнадскомъ. И рече Господь: Сотананге! Понырися въ море и вынеси мнѣ земли и камень. Сотанангъ же послуша Господа и понырися въ море и вынеси земли и камень. (И взя Господь землю и песокъ, разсѣа по морю тивирнадскому и рече: Буди на море земля толста и пространна) ²⁾). И взя Господь оу Сотананга камень и преломи его на полы, и въ правой рукѣ оставъ Господь оу себя, а въ лѣвой отдалъ Господь Сотанангу. И взя Господь посохъ и нача бити камень и рече: Выгѣти изъ него камени агтели и архангели по образу моему и по подобію и безплотіи.

¹⁾ Мочульскій I. с. 114.

²⁾ Поставленнаго въ скобки нѣтъ въ рпк. Григоровича.

И почали шть того времени выгѣтати силы огненъныя, и сотвори Господь аггелы и архаггелы и вса девать чиновъ. И виде Сотонаилъ, что сотворилъ Господь, и почалъ тотъ кремень бити, что далъ ему Господь изъ лѣвыя руки, и почали оу Сотонаилу выгѣтати аггелы его сотонаилловы, себе сотвори силу великую. И сотвори Господь [Сотонаила] начальникомъ надо всѣми чиньми аггельскими». Въ Свѣткѣ (рѣк. Григоровича) созданіе ангеловъ и бѣсовъ рассказано иначе и сотвореніе (второй) земли помѣщается уже послѣ того: «И оудари Господь жезломъ по камению и рече Господь: Будите ангели по образу моему, сильни, безплотни и безсмертныи, совершайте хотѣние мое в вышнихъ. И сотвори Богъ отъ криле огненныхъ Михаила архангела и Гаврила, Іеурія и Михаила парафлама, помогаая херувимы, серафимы, аггелы, архаггелы; а жезлъ былъ стальной укладной, чѣмъ оудари Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и съ камени вылетели аггелы словомъ повелѣнія Господня, Михаилъ архангелъ и Гаврилъ, небеснаго царя воеводы; Сатана-же набилъ изъ камня бесовную безчисленную силу боговъ плотныхъ. И рече Господь: Будите тридесять три кита на море твѣриадскомъ на водахъ, и буди на тѣхъ китѣхъ земля, и *разсыя Господь землю на ниазъ: буди земля толста, широка и пространна*; и прорасте дровеса и травы и цвѣты, горы и холмы и источники и езера и рѣки. И сотвори Господь отъ земли зверей и скоты и рыбы въ водахъ и птасицы, летящия по воздухоу, и сотвори день и ноцъ и гады, пресмыкающияся по земли, а китомъ тѣмъ повелѣ пищу Господь аггеломъ отъ рая приносить, на нихже утверждена земля и не подвизается ни въ которую сторону».

Изъ дальнѣйшаго разсказа, общаго той и другой рецензїи, отвѣтимъ лишь непосредственно слѣдующее: гордыня сатаны, его сверженіе и созданіе Адама Христомъ «шть седми частей: шть земли тѣло, шть камени кости, шть мора кровь, шть слнца очи, шть облака мысли, шть ветра дыханіе, шть шгна теплота. И понде Господь на небеса ко шпу своему по дшпу Адама, Сотона же, не вѣдаа что сотворити ему, истыка тѣло адамово

версты; и приде Господь къ своему созданію к тѣлу адамову и виде тѣло истыкано все, и рече Господь: О діаволе, како еси смѣлъ надъ моимъ созданіемъ тако сотвори[ти]? И отвѣща діаволь: Господи, аще та кой члвкъ чыгънетъ (Сказ. о тивер. морѣ; у Григоровича: забудеть та), что заболитъ, и тотъ да теба поманеть. И Господь повороти Адама внутрь ранами; и штоле зачатса болѣзнь, Сатана сотворилъ: аще оу кого заболитъ, и тотъ да воздохнетъ, охъ, охъ, Господи помилуѣ.

Этимъ эпизодомъ сказанія о тиверіадскомъ морѣ¹⁾, тождественнымъ въ общихъ чертахъ съ соответствующимъ эпизодомъ Свитка, мы заключимъ наши извлечения изъ славянской космогонической повѣсти, чтобы предложить по ея поводу нѣсколько общихъ заключеній.

Мы уже сказали (сл. стр. 33), что космогоническій мифъ, выраженный въ ней, отличается замѣтно-смягченнымъ характеромъ дуализма, и что эта смягченность могла отвѣчать возрѣніямъ того толка, среди котораго вращался самый мифъ. Можетъ быть, мы вправѣ присоединить къ этому и еще объясненіе: вліяніе христіанской передѣлки. Въ *Liber Johannis*, болгарскій источникъ котораго несомнѣнень, Сатаналъ является совопросникомъ Господа, хотя ему и неравнодѣрнымъ; ему приписано созданіе второй земли (по его желанію она вышла изъ воды), солнца и свѣтилъ. Въ славянской статьѣ всё это совершается мановеніемъ Божиимъ, и лишь сотвореніе злыхъ духовъ принадлежитъ сатанѣ. Въ созданіи челоуѣка онъ участвуетъ страдательно, портитъ его: позднее искаженіе мотива, намѣченного у Зигабена, гдѣ сатана пытается, но неудачно, оживить челоуѣка, какъ въ крестной легендѣ у Григорія онъ насаждаетъ райское древо, но себѣ во вредъ. Съ точки зрѣнія христіанской эти неудачныя попытки творчества сложились въ типъ: дьявола, какъ *imīa Dei*; сл. іш-

¹⁾ Сл. Сказаніе како сотвори Богъ Адама (Пам. старини. русск. лит. III, стр. 12 слѣд.). Начинается съ разсказа о сотвореніи Адама отъ восьми частей; слѣдуетъ эпизодъ о діаволѣ, осквернившемъ тѣло перваго челоуѣка — и о собахѣ.

tater Dei въ Liber S. Johannis; за передѣлками богомильской дуалистической легенды мы вправѣ предположить другое основное воззрѣніе, затемненное лишь впоследствии: представленіе дьявола, какъ дѣйствительнаго творца всего видимаго и плотскаго. Liber Johannis говоритъ о созданіи имъ земли и свѣтилъ, животнаго и растительнаго міровъ; въ народныхъ легендахъ, которыя мы далѣе сопоставимъ съ славянской статьёй, разобранной выше, его творчество понято уже, но въ богомильскомъ же смыслѣ; если въ сказкахъ ему приписывается созданіе вредныхъ животныхъ, напр. волка, то понятіе вреда здѣсь, можетъ быть, позднее, навѣянное христіанскимъ взглядомъ на дьявола, а въ началѣ дѣло шло просто о созданіи звѣрей и всего живущаго и прозябающаго — «княземъ міра сего».

Дѣлаю здѣсь эти замѣтки, между прочимъ, въ виду слѣдующаго: если въ народныхъ космогоническихъ легендахъ дуалистическаго направленія иные мотивы разсказа покрываются содержаніемъ отреченнаго «Свѣтка», другіе разнятся отъ него, но развиваютъ тѣ-же идеи, мы въ правѣ поставить вопросъ: тѣмъ объяснить эту разницу? Тѣмъ-ли, что народныя легенды восходятъ къ болѣе полному преданію, тѣмъ случайно сохранившееся намъ, какъ завѣдомо богомильское? или эти преданія стоятъ по ту сторону богомильства, — возможность уже предусмотрѣнная нами выше, въ началѣ этого изслѣдованія (сл. стр. 5); либо, наконецъ, въ тѣхъ лишнихъ подробностяхъ, которыя являются въ легендахъ, слѣдуетъ видѣть самостоятельное, логическо-поэтическое развитіе основъ, намѣченныхъ краткими чертами въ древнемъ мифѣ? Примѣромъ мнѣ послужитъ преданіе, записанное въ одной рукописи пермской семинаріи, извѣстное также у томскихъ старообрядцевъ, подъ названіемъ «Христовъ дневникъ»¹⁾. Когда не было ни неба, ни земли, было одно море тиверіадское. На этомъ морѣ плавалъ гоголь. Богъ велѣлъ гоголю достать со дна моря два камня. Гоголь досталъ, Богъ началъ бить камень о

¹⁾ Щаповъ, Смѣсь, I. с. стр. 280—1.

камень: отъ искръ, вылетающихъ изъ камня, явились ангелы. Гоголь также угарилъ камень о камень, и у него явились свои ангелы — десятый чинъ, его собственные. Далѣе гоголь этотъ снесъ яйцо, на этомъ яйцѣ отразился Богъ — второе лицо. Богъ велѣлъ гоголю принести пять земель, гоголь принесть, и изъ нихъ Богъ сотворилъ человѣка. Сотворивши человѣка, Богъ скрылся; дьяволъ - гоголь воспользовался этимъ случаемъ и сотворилъ людей уродливыми. Оттого гнѣвъ Бога на Сатананла, который побѣжденъ, а на мѣсто его вождемъ небснаго воинства сталъ Михаилъ.

Образъ Сатананла - гоголя, невѣстный ни Зигабену, ни Liber Johannis, встрѣтился намъ въ шнородческихъ преданіяхъ, мы увидимъ его въ русскихъ народныхъ пересказахъ легенды. Какъ объяснить появленіе самаго образа? Не въ связи-ли съ представленіемъ безбрежнаго моря, къ которому приуроченъ космогоническій мифъ? Въ Liber Johannis сатана спускается къ землѣ et invenit universam faciem terrae cooperatam (т. е. aquis); у Зигабена его творчество и начинается потому, что онъ не могъ удержаться на водахъ: *μη δύναμενον τοῖς ὕδασι ἐπιζάνειν* (Paporlia dogmatica tit. XXVII, 7). Его и представили себѣ въ образѣ водной птицы: селезня, гоголя, что повело за собой, въ нѣкоторыхъ пересказахъ, къ представленію Господа также гоголемъ. Сл. двухъ гусей въ алтайской сказкѣ, двухъ голубей въ галицкой колядкѣ. Но, можетъ быть, мы и не вправѣ вмѣнить развитіе образа позднѣйшей стадіи легенды. Отвѣтъ на это сомнѣніе мы пытаемся представить далѣе

III.

Переходя къ обзорѣнію народныхъ славянскихъ мифовъ о мірозданіи мы напередъ должны сознаться, что отдѣленіе ихъ отъ предыдущихъ не принципиальное, а хронологическое: между «Свиткомъ божественныхъ книгъ» и «Дневникомъ Христа» съ одной стороны и рядомъ соотвѣствующихъ сказокъ разница во

времени и въ степени народнаго усвоенія; русскія легенды, записанныя у раскольниковъ стоятъ на перепутьи между Свѣткомъ и сказкой и могутъ быть отнесены съ одинаковымъ правомъ въ группу литературныхъ фактовъ, разсмотрѣнныхъ выше, или народныхъ, къ обзору которыхъ мы обращаемся. Начнемъ съ *бомарскаго* сказанія ¹⁾.

Испървенъ земя и хора нѣмало. На 'сѣждѣ бѣло вода. Имало само Господь и дяволъ, кон-то живѣли тогава наядно.

Юдинъ пѣтъ Господь рекъль дяволу: Хаид' да направимъ земж и хора. — «Да направимъ, отговорилъ дяволъ-тъ, ами отъ дѣ да земемъ прьсть?» — Подъ водж-тж има прьсть, рекъль Господь на дяволъ-тъ; влѣзь та извади малко. — «Добрѣ», отговорилъ дяволъ-тъ. — Прѣди да са пуснешъ ама, казалъ Господь дяволу, кажи: Съ божж силж и съ мож! Тогава тѣ ште стигнешъ дѣно и ште намѣришь прьсть! — Дяволъ-тъ са пуснѣлъ, нѣ не рекъль прьво: «съ божж силж и съ мож!», ами: «съ мож и божж силж!» Затова и не стигнѣлъ дѣно. На второй-тъ пѣтъ пакъ тѣй направилъ и пакъ дѣно не стигнѣлъ. На третий-тъ пѣтъ вече казалъ: «съ божж силж и съ мож!» и тогава стигнѣлъ дѣно, и съ нокти си закачилъ малко прьсть. Неж прьсть Господь ѣж турилъ подъ водж-тж и станѣло малко земя. Дяволъ-тъ, като видѣлъ това, намислилъ хитрость такъвъж: поканилъ Господа да спѣтъ, та като заспи Господь, да го бутне въ водж-тж, и да остане самъ той и да са прослави, какво-то той ужъ да ѣ направилъ земж-тж. Господь зналъ това, но лѣгнѣлъ и са прѣсторилъ, че спи. Тогава дяволъ-тъ става, зима Господя на рѣцѣ и трѣгнува кждѣ водж-тж, за да го хвърли; той върви кждѣ водж-тж, а земя-та расте. Като не стигнѣлъ водж, обьрнѣлъ са пакъ на другж странж, нѣ пакъ до водж-тж не стигнѣлъ. Тогава се обьрнѣлъ и на третж странж, і, като не стигнѣлъ пакъ водж-тж, турилъ Господя на земж-тж, па

¹⁾ Общъ Трудъ 1868 г. II, стр. 78—8; Драгомановъ, Мал. нар. преданія и разказы, стр. 429 и слѣд. Св. Вазовъ и Величковъ, Болг. христостатія, стр. 46—9.

лѣгнѣлъ и той. Като поспалъ малко, румнѣло му, че останѣла оште и четвърта страна; зима Господи и го понеса къдѣ водѣ-тѣ, но 'се пакъ не стигнѣлъ до неж. Тогава дѣволѣ-тѣ разбужда Господи: «Стани, Господи, да благословимъ земѣ-тѣ, вижъ, колко ти пораснѣ, додѣ нѣга спакме!» — Кога-то ма ти носи на всѣ четыре страни, за да ма хвърлишь въ водѣ-тѣ, и направи кръсть въ мене, азъ благословихъ земѣ-тѣ, казва Господи.—Дѣволѣ-тѣ са разсърдѣлъ за това, оставилъ Господи и побѣгнѣлъ отъ него». Оставшись одинъ, Господи недоумѣваеъ, какъ ему остановитъ ростъ земли; пришлось обратитъся за совѣтомъ къ нечистому: Господи посылаетъ къ нему «ангела-воина», а затѣмъ пчелу, имъ созданную (въ связи съ этимъ разсказываеъся о сотвореніи дѣволомъ козы), которая должна подслушать, что скажетъ дѣволѣ. «Ехъ, глупавъ Господи!, говоритъ онъ; не знай, да земе единъ прѣтъ па да кръстоса на 'сѣ четыре страны и да каже: Стига толкова земля!» Когда Господи перекрестилъ ѣе, земля перестала расти. Затѣмъ онъ создалъ изъ персти людей и, когда они стали размножаться и умирать, «повикалъ дѣволѣ-тѣ и го поканилъ, да живѣютъ наядно». На томъ согласились, чтобы живущіе были Господни, мертвые во власти дѣвола ¹⁾.

¹⁾ Очень гѣроатно, что въ легендѣ о происхожденіи пѣнцевъ (Св. Верковича, Описание быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологін и этнографіи, т. XIII, вып. I, Труды Этнографическаго отдѣла, кн. 3, вып. I, стр. 9—10) отражены черты дуалистическаго мѣна. Родоначальникъ Пѣнцевъ—Пій (что, будто-бы, означаетъ красный) былъ старшимъ сыномъ Бога, братомъ солнца. Онъ научилъ свой родъ прежде садить виноградники и готовить вино, дабы они веселились и забывали свои заботы и труды. Пій невадилъ своего брата-солнце, потому что оно родилось болѣе свѣтлымъ, чѣмъ онъ. Разъ Пій такъ поссорился съ братомъ, что Богъ, боясь за солнце, поставилъ его на высотѣ, чтобы Пій не могъ достать его, а солнцу повелѣлъ свѣтитъ Пию не постоянно, а на половину. Чтобы помочь себѣ Пій изобрѣлъ огонь; когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, онъ покался, Богъ пожаловалъ его луною, дочерью солнца, дабы она свѣтила ему, когда отецъ того не дѣлалъ. Прошло много лѣтъ, и Пій изобрѣлъ желѣзо, изъ котораго онъ сдѣлалъ огненныя орудія, чтобы вострѣбать все, что Богъ подарилъ землѣ, которая

Въ *словинской* сказкѣ ¹⁾ дуализмъ болгарской исчезъ, но подробности легенды указываютъ ясно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ-же древнимъ сказаніемъ.

Въ началѣ не было ничего кромѣ Бога; онъ покоился, и его сонъ длился вѣчно; но было положено, что онъ проснется. Когда онъ пробудился, сталъ озираться, и куда ни глянетъ, всюду загорается звѣзда. И сталъ Господь дивиться тому, что создалъ своими очами. Онъ пошелъ; идетъ дальше и дальше, но конца не видитъ, подъ нимъ одно море. Тогда онъ спустился въ него, дошелъ до дна, и когда поднялся снова, подъ его ногтемъ забилась песчинка. Она выпала и осталась на морской поверхности: это и есть наша земля.

У *словаковъ* существуетъ обрывокъ такого сказанія ²⁾: въ началѣ свѣта Господь летѣлъ въ высотѣ, неся землю въ платѣ (v zástere), и гдѣ сыпалъ, тамъ появлялись равнины, горы и доли плодородные. Діаволъ гнался за нимъ, чтобы получить и свою долю; не получивъ её, разорвалъ платъ, и изъ него выпадали одвѣ скалы, отчего голы и бесплодны вершины Татръ.

Въ *Галиции и Буковинѣ* ³⁾ рассказываютъ, что въ началѣ вѣковъ было только небо да море; по морю плавалъ Богъ въ лодкѣ и встрѣтилъ большую, густую пѣну, въ которой лежалъ чертъ. «Кто ты?» спросилъ его Господь. — Возьми меня къ себѣ въ лодку, тогда скажу. — «Ну ступай!», сказалъ Господь, и вслѣдъ за тѣмъ послышался отвѣтъ: Я чертъ! Хорошо, еслибъ была твердая земля, гдѣ-бы отдохнуть намъ, говоритъ онъ. —

была его женою. Богъ, внимая просьбамъ земли, чтобъ онъ залечилъ ея раны, выпустилъ воды и вѣтры, а Пія заперъ въ пещеру надъ стопами земли. Съ тѣхъ поръ поколѣніе Пія расцѣлосъ по землѣ, лица своего родоначальника.

¹⁾ Сл. Крек I. с. 788 и библиографію въ прим. 3: J. Trdina, въ V. Pasel, Neven VI, 60, 61; K. J. Erben, Čas. Česak. Mus. XL, 39; онъ-же: Vybrané báje и т. д. р. 1; онъ-же: Slovník naučný VIII, 608^b; Dobšinský, Úvahy o slovenských povestiach. Vydala Matica Slovenská, 1872 p. 39.

²⁾ Dobšinský, I. с., 38—9.

³⁾ Zeitschrift für deutsche Mythologie I, 178—80 (изъ Буковины); Erben, Čitačka 148—4; Асанасъевъ, Поэт. воззрѣнія, II, 460—1.

«Опустись на дно морское, набери тамъ во имя мое горсть песку и принеси: Я изъ него сдѣлаю землю». Чертъ опустился, набралъ песку въ обѣ горсти, и примолвилъ: Беру тебя во имя мое. Когда онъ вышелъ на поверхность воды—въ горстяхъ не осталось ни зернушка. Погрузившись вторично, онъ набралъ песку во имя Божіе, и когда вернулся, песку у него осталось только за ногтями. Богъ взялъ этотъ песокъ, посыпалъ по водѣ и сотворилъ землю, ни больше, ни меньше, какъ сколько нужно было, чтобы имъ обонимъ улечься рядомъ: Богъ къ востоку, а чертъ къ западу. Когда черту показалось, что Богъ заснулъ, нечистый сталъ толкать его, чтобы онъ упалъ въ море и потонулъ; но земля тотчасъ-же далеко расширилась къ востоку. Увидя это, дьяволъ началъ толкать Бога къ западу, а потомъ къ югу и сѣверу: во всѣ эти стороны земля раздавалась широко и далеко. Потомъ Богъ всталъ и пошелъ на небо, а чертъ по пятамъ за нимъ; услышалъ, что ангелы славилъ Бога въ пѣсняхъ, и захотѣлъ создать себѣ столько-же подданныхъ духовъ; для этого обмылъ свое лицо и руки водою, брызнулъ ею назадъ отъ себя и сотворилъ столько чертей, что ангеламъ не доставало уже мѣста на небесахъ. Богъ приказалъ Ильѣ громовнику напустить на нихъ громъ и молнію; вмѣстѣ съ великимъ дождемъ попадали съ неба и черти.

Въ Россіи космогоническія сказанія этого рода записаны были не разъ. Мы передаемъ ихъ въ порядкѣ мѣстности, гдѣ они были собраны. Открывая перечень вариантомъ Терещенка (Происхожденіе горъ)¹⁾, я предполагаю, что онъ записанъ былъ гдѣ нибудь *на югъ Руси*.

Въ началѣ свѣта Богъ позвалъ черта и велѣлъ ему нырнуть въ бездну водную, чтобы достать оттуда горсть земли: онъ хочетъ создать землю. Ладно, думаетъ сатана, и я то-же сдѣлаю: нырнулъ, досталъ земли, и ею-же набилъ ротъ. Когда принесъ онъ еѣ Богу, самъ не говоритъ ни слова, ибо ротъ былъ у него

¹⁾ Терещенко, Бытъ русскаго народа V (1848 г.), стр. 44—5 въ прилѣчаніяхъ.

набить. Господь куда ни броситъ землю, то она и является — такая ровная, ровная, что на одномъ концѣ видно, что дѣлается на другомъ. Сатана смотритъ, смотритъ; хотѣлъ что то сказать и поперхнулся; а Богъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? Чертъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу; громъ и молнія поражаютъ его на бѣгу; гдѣ онъ приляжетъ, тамъ выдвинутся пригорки и горы, гдѣ кашлянетъ, тамъ выростетъ гора; гдѣ прискочетъ, тамъ высунется поднебесная гора.

Сходно у Руликowskaго: Господь посылаетъ дьявола достать со дна морскаго горсть песку. На что? спрашиваетъ онъ. — Не спрашивай, а когда будешь брать песокъ, скажи: Господи благослови! Два раза нырять дьяволъ, но разсердившись на то, что Господь не удовлетворилъ его любопытства, ничего не вынесъ. Тогда Господь говоритъ ему, что изъ того песку онъ сотворитъ землю и людей. Это понравилось черту и, спустившись еще разъ, онъ не забылъ и себя: набилъ ротъ пескомъ, чтобы обмануть Бога и себѣ сотворить землю. Когда Господь посыпалъ песокъ, и земля стала расти на водахъ, она принялась расти и во рту черта; онъ сталъ выплевывать её, и на болотахъ и озерахъ поднялись кочки (wuzru). Оттого на нихъ (kerach) охотно живетъ дьяволъ ¹⁾.

Его дальнѣйшее творчество — неумѣлое подражаніе Богу: онъ видѣлъ украдкой, какъ Богъ сотворилъ челоуѣка изъ глины и оживилъ его духомъ своимъ. Дьяволъ также принимается за дѣло, гѣпитъ изъ глины, и дѣло, какъ будто, ему удается; будутъ и у меня слуги, будетъ кому мнѣ кланяться! Но оживить свое созданіе онъ не можетъ: отъ его дуновения оно разсыпалось въ прахъ ²⁾.

Одинъ рассказъ у Чубинскаго ³⁾ начинается такъ: «Кольсь

¹⁾ Rulikowski, Opis powiatu wasilkowskiego. Warszawa 1857, стр. 169—170; Nowosielski, Lud Ukrainaki I, (Wilno, 1857) стр. 2—3, заимствовавшъ соотвѣтствующій рассказъ у Руликowskaго, не ссылаясь на него.

²⁾ Nowosielski l. с. стр. 9—10.

³⁾ Труды, т. II, отд. I, № 96, стр. 359—60.

не було ни землі, ни неба, а было все вода». Летая надъ водою. Господь видитъ: что-то плыветъ, точно головешка, безъ рукъ и безъ ногъ. Это плылъ Сатаналъ. Господь велѣлъ ему нырнуть и достать земли со словами: «Берись, земле, во имя Боже». Два раза это ему не удавалось, ибо онъ упомянулъ свое имя вмѣсто Божія; на третій разъ досталъ, отдалъ землю Богу и говоритъ: Будемъ теперь сѣять. И начали они сѣять: «де упала земля купкою, то тамъ стала гора, де попадала рівненько, то тамъ стали поля рівны, а де протынули шматокъ воды и не покрылы землю, то тамъ стало озеро. Ото посіявши, Богъ перекрестывъ землю та й полетівъ на небо. О-такъ-то явилась земля». Космогоническій антагонизмъ здѣсь забытъ.

Въ легендѣ, записанной въ ольгопольскомъ уѣздѣ ¹⁾, дѣйствующими лицами является Христось и ап. Петръ: они «не маючы що робыты, сидѣлы и нудылыся». Боже, говоритъ *амостола* св. Петръ, «еднакъ не маешъ що робыты, чего хоць теперь зроби свѣтъ». Хорошо, только надо позвать черта, чтобъ онъ досталъ изъ моря песку и синяго камня. Когда чертъ явился, Христось велитъ его полѣзть въ воду и схватить, что потрафится, приговаривая: Не я беру, а Богъ беретъ. Чертъ приговариваетъ, какъ разъ наоборотъ, и возвращается съ пустыми руками; въ третій разъ онъ приноситъ песку и синій камень, изъ которыхъ Господь творитъ свѣтъ; оставалось его «перекрестыты». Какъ это сдѣлать? — Я знаю, говоритъ Петръ, велитъ черту везти себя до воды, за что обѣщаетъ «ѣму наробыты помошныкѣвъ». Чертъ везетъ Петра, искрестилъ весь свѣтъ поперекъ, а до воды не довезъ: такъ «перекрестыты» они весь свѣтъ. Тогда Петръ научаетъ дьявола, какъ надѣлать себѣ помощниковъ: пусть встанетъ рано въ субботу, возьметъ воды, да и брызветъ назадъ себя; сколько брызговъ, столько и чертей. Такъ дьяволъ и сдѣлалъ: съ тѣхъ поръ на свѣтѣ становится горьше и горьше, а чертей рождается больше и больше.

¹⁾ Чубинскій, Труды, I 142—3.

Вѣроятно изъ легенды подобнаго типа, гдѣ рядомъ съ Господомъ явился и св. Петръ, вышель приведенный выше (стр. 2—3) пѣсенный вариантъ Новосельскаго, гдѣ дьявола нѣтъ, а товарищами Бога въ твореніи названы ап. Петръ и Павелъ. Петръ ныряетъ неудачно, какъ Сатаналъ древняго сказанія, и какъ онъ препирался съ Господомъ, такъ и ап. Петръ въ коладкѣ, разумѣется, съ измѣнившимся характеромъ пренія: Господь и ап. Петръ заспорили, купаясь въ криницѣ, что больше: земля или небо? Господь говоритъ, что земля, и когда ангелы смѣряли небо и землю, оказалось что такъ: небо ровное, а на землѣ

Горы и долины,
Горы и долины да и колонны ¹⁾.

О сотвореніи чертей существуетъ нѣсколько разсказовъ, подобныхъ ольгопольскому и приведенному выше (стр. 55) буковинскому. Богъ сказалъ черту, чтобы онъ омочилъ палецъ въ морѣ и бросилъ-бы каплю воды за себя, не осматриваясь; чертъ ослушался, оглянулся, и увидѣлъ подобныхъ себѣ. Стагъ онъ дальше продолжать тотъ же опытъ, и чертей явилось безчисленное множество ²⁾. — Когда небо было готово, но не было еще земли, а только вода въ видѣ пѣны, «сатаналюцыперъ» пицалъ въ этой пѣнѣ. Богъ освободилъ его, взялъ съ собою на небо, самъ сѣялъ землю, а черту позволилъ сѣять камни, которые такъ скоро росли, что чуть не доставали вершинами неба. Чертъ выдумалъ такой способъ: умывалъ руки и трясъ ими назадъ себя: отъ этого народилось множество чертей ³⁾. — «Чорт сперва був у Бога первим апостолом та все ходив за ним та підглядав; як став Бог мир строїть — и він собі. От Бог ёго и прогнав, а він все таки за ним ходе. «Чого ти за мною ходиш? — Зроби мені, Боже, товариша. — «Піди до моря

¹⁾ Сл. Головацкій, I. с., II стр. 32; Чубинскій, I. с., III стр. 307. Сл. мов Разысканія III стр. 287.

²⁾ Чуб. I 191.

³⁾ Ib. 191; сл. 185.

та плюхни од себе води, та тобі і буде товариш». От прийшов він, хлопнув, дивиться, стоить такий як і він; давай він тоді плюхкати, вже до біса наробів, а Бог і побачив яка їх отара. Годі тобі, кае. Тоді він вже і перестав ¹⁾.

Въ одной легендѣ черти произошли по неосторожности Адама: ему одному скучно въ раю, Господь и думаетъ дать ему пріятеля—это лучше, чѣмъ жена. Велитъ Адаму омочить россою мезинный палець и отряхнуть передъ собою: явится пріятель; только гляди не отряхивай позади себя. Адамъ забылся что-ли или почему-либо другому, только омочилъ въ росу всю пятерню, да и тряхнулъ ею позади себя: явилось пять чертей; давай мочить лапы, да трясти позади себя. Такъ ихъ умножилось, что небо трещало; Господь велитъ ангеламъ повыгонять ихъ съ неба ²⁾.

Слѣдующія легенды, не знающія рассказаннаго нами эпизода о созданіи чертей, разнообразно передають общее содержаніе мифа.

«Першо не було ны неба, ны земли, була тьлькы тьма и вода змішана зъ землею, такъ неначе кваша, а Богъ летавъ святымъ духомъ по-надъ водою, котора шуміла піною. Отъ, разъ Богъ ходыть по воді да дыкнувъ на ту піну и сказавъ: Нехай буди янголъ». Этому ангелу-Сатаналу Господь даетъ два крыла и велитъ летать, какъ и онъ; но онъ не можетъ; тогда Господь далъ ему «еще двое крылъ» и «еще двое»; Сатаналъ очутился шести-крылымъ серафимомъ; тогда Богъ сотворилъ свѣтъ и далъ ангелу мечъ; на второй день сотворилъ небо, на третій велѣлъ ангелу достать изъ моря частичку земли во имя Божіе. Слѣдуетъ извѣстный намъ эпизодъ нырнія и неудача ослушавшагося черта; когда земля стала у него расти за губою, онъ взмолился, и Господь велѣлъ ему плевать: пока онъ выплевывалъ землю, изъ его рта летѣли такіе, какъ и онъ, черти, а какъ сталъ плевать

¹⁾ Драгомановъ, Малор. нар. преданія и рассказы стр. 42.

²⁾ Драгомановъ, I. с. 91.

чистою сиюною, то вылетѣли ангелы, краше его самого. «Теперь трошки оддышмо, да підемъ на небо», говоритъ Господь; пока онъ и свѣтлые ангелы спять, Сатанаалъ со своими хочеть покидать и Бога и ангеловъ въ воду; носились они съ ними на всѣ четыре стороны, до воды не дошли; земля въ это время разрослась, а дьяволы уснули отъ усталости. Господь съ свѣтлыми ангелами побросалъ ихъ воду, а самъ пошелъ на небеса; здѣсь онъ однимъ ангеламъ далъ по шести крыль — это серафимы, другимъ, архангеламъ, далъ по трое: одного назвалъ Гавріиломъ, другого Михаиломъ; такъ всѣхъ и поназывалъ. Затѣмъ сотворилъ солнце, мѣсяцъ и зорю. — Это было въ четвертый день; въ пятый создалъ двухъ великихъ рыбъ, чтобы поддерживали землю, а малыхъ пустилъ въ воду, чтобы разводились. «Потымъ зробывъ пташки та й попускавъ, щобъ літали и плодымысь»¹⁾.

Менѣ библейскихъ воспоминаній въ легендѣ, записанной въ Подольской губерніи г. Руданскимъ и давно извѣстной по сообщенію ак. Сухомлинова въ Основѣ²⁾.

«Ото як задумав Господь сотворити свѣтъ, то й говоритъ до найстаршого ангела, Сатанаала: А що, каже, Архангеле мій, ходім творити свѣтъ! — То ходімо, Боже, каже Сатанаал. — Ото вони і пішли над море; а море таке темне, сказано, безодне! Ото Бог и каже до Сатанаала: Бачиш, каже, оттую безодню? — Бачу, Боже. — Іди-ж, каже, у тую безодню на саме дно та дістань мене жменю піску. Та гляди, каже, як будеш брати, то скажи про себе: Бере тебе, земле, на име Господне?» Слѣдуетъ двойное, безуспѣшное ныряніе Сатанаала; «не хитри, Сатанале, каже Господь, іди знову та не приточуй свого имя!» Когда Господь ходить по морю, разсѣвая землю, Сатанаалъ обливалъ руку, въ которой несъ песокъ: «хоч трохи, думае, сховаю для себе, а потім, думае собі, и землю збудую, а Господь разсіав. — А що, каже, Сатанале, нема більше піску? — А нема, Боже! —

¹⁾ Чубинскій, I 148—4.

²⁾ Драгомановъ, I. с. стр. 89—91—Основа VI, 59—60.

То тра благословити! каже Господь». Отъ благословенія Божія ростеть земля, бухнетъ и во рту Сатанама. «Той і зачав плевати та харкати; і де він плював, то там виростали гори, а де харкав, то там скали. От через шо то у нас і земля не рівна! Воно ще кажуть, що ніби то ті скали та гори, Богъ знае, доки-б росли, а то Петро, та Павло як заклиали Их, то вони вже й не ростуть».—Пока Господь починаеть, Сатанамъ пытаеться бросить его въ море, носилъ его во всѣ четыре стороны, но до воды не добѣжалъ: «звісно, земля уже такъ разрослася, шо въ саме небо уперла краями, тай де вже там теє море». Когда потомъ Сатанамъ будить Господа, чтобъ освятить землю, Онъ говоритъ ему, что уже сдѣлалъ это: «Освятив я еі сеі ночі на всі чотири боки!»

Остановимся еще на двухъ преданіяхъ, записанныхъ г. Свидницкимъ ¹⁾. Задумалъ Богъ сотворить свѣтъ, собралъ ангеловъ да и посылаеть ихъ достать изъ подъ воды сѣмянъ (насіня) земли. Нырjali они, нырjali, но до дна не достали, ибо они были легче воды. Откуда ни возьмись явился сатана. Здорово, Боже! говоритъ. — Чого тобі треба? — Хочешъ, я достану тебѣ земли?—Добре.—А что мнѣ за то?—Дамъ тебѣ пекло.—Згода, сказалъ сатана и бухнулъ въ воду. Долго было не видать его, ангелы подумали, что онъ погибъ: Туда ему и дорога! А онъ выплылъ и вынесъ сѣмянъ земныхъ. Богъ посѣялъ землю, а пекло съ той поры осталось за злымъ духомъ.

Ближе къ апокрифу другая легенда, слышанная г. Свидницкимъ: затѣявъ сотворить свѣтъ, Господь посылаеть сатану на дно моря, чтобъ онъ вынесъ землю на ногтяхъ; принесенную землю сѣетъ самъ сатана, но она разсыпается у него на водѣ, ибо онъ сѣетъ еѣ въ свое имя, а не въ Божіе. Не ростеть земля, докладываетъ онъ Господу. — Поди и скажи, какъ я велѣлъ, увидишь, что земля виростеть. — Скажу, какъ Богъ повелѣлъ,

¹⁾ Е. Барсовъ, Народныя преданія о міротвореніи. Читенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886 IV, Сибѣа, стр. 3—5.

но украду немножко сѣмянъ, а послѣ, увидѣвъ, какъ земля будетъ расти во имя Божіе, посѣю въ другомъ мѣстѣ и создамъ свѣтъ для себя. Тогда Богъ здѣсь, а я тамъ «будемъ богувати». Спустившись еще разъ въ море, онъ съ этой цѣлью и спряталъ земли себѣ въ ротъ, а другую посѣялъ во имя Божіе. Стала земля расти: «ажъ кипить, такъ росте», но растеть она и во рту у злого духа. Онъ пытается выковырять её когтями, но не успѣваетъ; понесся подъ-небеса, а земля такъ и «верне» ему изо рта; ужъ цѣлыя горы наблевалъ, а земля все растеть да растеть. Взмолился онъ къ Богу, Господь и поблагословилъ: «Годи земле расти». Земля и перестала расти, но осталась покрытой горами; а Богъ сѣялы её «рівненко». Потому то теперъ «де степъ широкій, то Божа земля, а де горы, та ярі, то чортова земля».

Отдѣльныя легенды дополняютъ сообщенныя нами, развивая далѣе разсказъ о мірозданіи въ уровень съ апокрифомъ, иногда удаляясь отъ него.

Создавши землю, Богъ принялся за созданіе человѣка, и создавъ прекрасное тѣло, оставилъ его полежать нѣкоторое время, чтобы оно сдѣлалось способнымъ принять въ себя душу, а самъ отошелъ. Приходитъ сатана, смотритъ, что создалъ Богъ, видитъ, что лежитъ человѣкъ прекрасный, чистый—да и пригорюнился. «Постоявши, сумный, подумавши, взявъ та й облювавъ чововика. — Що се добраго ти наробивъ? упрекаетъ его Богъ.— А що-жъ, отвѣчаетъ сатана, ты-жъ на що сотворивъ его такого хорошаго? Бувши такимъ вінъ би й незгадавъ, що я есть на світі. А такъ колысь и мене згадае». Видитъ Богъ, что сатана напакостилъ, но дѣлать нечего: что однажды Богъ дѣлаетъ, того ужъ не передѣлываетъ. Но и оставить человѣка облеванымъ Господь не хотѣлъ, а потому «взявъ та й вывернувъ его» облеванымъ внутри. И теперъ наше тѣло на выворотъ: что было сваружи, то теперъ внутри, со всѣмъ тѣмъ, что сатана наблевалъ; и всѣ болѣзни изнутри начинаются¹⁾.

¹⁾ Барсовъ, I. с. стр. 5; сл. Чубинскій, I 145.

Къ этому присоединяется слѣдующее преданіе: «Зліпив Бог чоловіка з глини и поставив сохнутъ, а собаці наказав, щоб стерегла, та сам і пішов. От собака стерегла, стерегла, змерзла і заснула, а собака тоді була гола, біз шерсті. А ішов чорт, побачив чоловіка, розідрав на двоє ёму груди і нахаркав туди, зложив, як було, і поставив. От приходе Бог, вдунув в чоловіка безсмертну душу, а чоловік і захаркав. Бог тоді на собаку: Як же ти не встерегла? — А я, каже, Боже, змерзла та заснула, а дай мені шерсті, то тоді вірно стерегтиму. Тоді Бог взяв і дав їй шерсть, а чоловік так і оставсь на віки з харкотиннями»¹⁾.

Если этотъ разсказъ привязывается къ апокрифу, то слѣдующій²⁾ стоить виѣ его, хотя несомнѣнно на столь-же древней почвѣ. Когда Господь сотворилъ человѣка, то дьявогъ пожелалъ и себѣ сдѣлать такого-же. Принялся за работу, но у него, вмѣсто человѣка, вышелъ волкъ. Чтобъ оживить его, бѣсъ сказалъ: «гуля Бога», но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: «гуля ёго», волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ, а чортъ ушелъ и хотѣлъ взлѣзть на дерево, но волкъ догналъ его и схватилъ за ногу. Изъ раны потекла кровь и заструилась по дереву, а то дерево была ольха. Потому и теперь это дерево красно.

Одинъ изъ малорусскихъ вариантовъ космогонической легенды³⁾ называетъ Сатанайла идоломъ: «З Богом заспорився идол. Идол став казати: Землю, яку ти зробив, таку саму і я произведу». Слѣдуетъ обычный разсказъ о ныряніи, безъ извѣстной подробности о происхожденіи горъ: «шо Бог создав, те рівне, чисте», что идолъ, то «гори і всяки викрутася». Такъ и во всемъ, что онъ ни дѣлалъ. «Заспорив идол ще з Богом: Бог посіє овес, то овес, а в идола, якъ посіє овес, то родить осот. Бог создає корову, корова так і виходить, а идол хоче зробити корову, а виходить коза». Дополненіемъ этой легенды служатъ

¹⁾ Драгомановъ, I. с. стр. 1.

²⁾ Чубинскій, I стр. 145.

³⁾ Драгомановъ, I. с., 15—16.

разсказъ о дѣлежѣ свѣта: всѣхъ Господь надѣлилъ, не явился лишь чертъ; опоздалъ и плачетъ, что ему ничего не досталось. Господь, сжалившись, даетъ ему овесъ, пусть распишется. Чортъ бѣжитъ полевъ и, чтобы не забыть, всё кричитъ: овесъ, овесъ, овесъ! Подслушавъ человѣкъ, какой прекрасный знакъ Богъ сулитъ черту; дай, говоритъ, его испугаю — да какъ крикнетъ: А куда! Чортъ съ переполоху забылъ про овесъ, «а жуди ѣму за жуди» здалось»; бѣжитъ и кричитъ: куколь, куколь, куколь! Оттого и зовется куколь — чортова земля ¹⁾).

Г. Данилевскій ²⁾ слышалъ легенду о мірозданіи на Двѣпрѣ: главный, вѣрный ангелъ два раза ныряетъ; въ первый ничего не досталъ, очень глубоко, во второй вынесъ илу, и Господь началъ сѣять землю. Куда на восходѣ солнца ни кинетъ, тамъ становятся горы, долины, поля, и на тѣхъ поляхъ, горахъ и долинахъ выросли травы, деревья и зацвѣли цвѣты. Богъ оглянулся и видитъ, у ангела распухла губа. — Что это у тебя? — Ошкрябнулся, Господи, какъ нырялъ. — Стало благословляться на свѣтъ, взошло и покатилося по небу солнце; былъ первый на свѣтѣ день. Оглянулся Богъ передъ вечеромъ и видитъ, ангелъ изъ за губы то-же вынимаетъ что-то и кидаетъ на западъ солнца, и изъ того киданья также становятся долины, горы и поля, только безъ травы, безъ цвѣтовъ и деревьевъ, голыя, какъ въ позднюю осень, пустыя и точно проклятыя. — Что это ты дѣлаешь позади

¹⁾ l. c. 14—15. Сл. Kolberg, Lud, zerya VII, cz. III, str. 6, прим. *: папаа съ неба Люциферъ спросилъ архангела: «кажъ ja бѣдѣ sia? Michał powiada: na pustkasz. — Сѣи ja бѣдѣ sia? Michał odpowiada: owies. — Alisici diabeł Lucyfer przesyłuszal i, zamiast owies, myślał że oses; więc też odtąd na wieki sieje oses oodikaj — i to jego żniwo. Сл. еще Чубинскій, l. c. I, 79: однажды чертъ, встрѣтивъ Спасителя, началъ просить Его отдать ему въ распоряженіе гречиху и овесъ на томъ основаніи, что онъ пособлялъ Богу творить міръ. Господь исполнилъ его просьбу. Чертъ, не поблагодаривши Бога, побѣжалъ. Онъ неожиданно встрѣтилъ волка, испугался и на вопросъ волка, чего такъ смѣяться, позабылъ о полученномъ подаркѣ и сказалъ: «мыши Богъ давъ четверть и осеть»; оттого черти ими теперь и владѣютъ.

²⁾ Г. П. Данилевскій, Сторія о Господѣ и о землѣ, Истор. Вѣстникъ, 1868, Дек. стр. 782.

меня? спрашиваетъ Господь. Тотъ молчитъ. — Признайся, ты украсть плу или утаилъ отъ меня? — Ангелъ клянется, что не красть и не утаилъ. — Ну будь же ты не моимъ первымъ и вѣрнымъ ангеломъ, а сатаналомъ, и чтобъ тебѣ отъ сего часу опочину не было до конца вѣка и земли. — Богъ полетѣлъ выше и дальше, на восходъ солнца; а сатана низомъ, на западъ. Отъ божьяго сѣянья стали добрые люди и земли, а отъ дьяволова злые и всякая неправда и грѣхи. Съ тѣхъ поръ сатана съ своими подпомощниками больше и держится надъ водою, въ омутахъ, у мельницъ и переправъ; водяные—то все его дѣти.

Бѣлорусскій рассказъ «о сотвореніи болотъ»¹⁾ также ограничивается эпизодомъ мірозданія. «Перши-на-перши була одна только вода; на ей кой-коли ходзивъ Богъ. Вотъ только разъ онъ идзеть, ажны видить: плуветь выдынэй пузырь. Во й кажить Богъ: Стой!—Пузырь остановился. Кажить Богъ: Лопни! Пузырь лопнувъ, зъ яго выскычивъ чертъ и кажить: Што табѣ вѣдо, Божухна? Тогда Богъ кажить: «Нада-бъ було здѣлыть што пытвирдѣй, а то нявдѣба ходить». Господь посылаетъ его достать изъ воды кусокъ земли; чертъ набралъ её въ подолъ и за щеку напихалъ. Богъ посѣялъ землю и говоритъ: «што-бъ пы зямлѣ пырасли дзарѣва и трава». Стали онѣ расти на землѣ, стали расти и во рту черта: раздуло его, нельзя ему ни пить ни ѣсть. Долго онъ крѣпился, да не въ моготу, а тутъ и Богъ идеть. Пустился онъ бѣжать и плевать; гдѣ наплевалъ, тамъ «стала выдывная земля съ дивьями и травой».

Обзоръ *великорусскихъ* легендъ мы начнемъ съ вариантовъ Якушкина.

Сталъ Господи міръ творить, гдѣ народу жить. Распустилъ онъ море-окіянь; надо землю сѣять. Прибѣжалъ лукавый чертъ да и говоритъ Господу: «ты, Господи, все творишь: весь міръ сотворишь, окіянь-море напустишь, дай мнѣ хоть землю посѣять!»—Сѣй, сказалъ Господи. Сѣялъ, сѣялъ лукавый — ника-

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. народныя пѣсни, стр. 428—429.

кого толку!—«Опускайся ты, лукавый, сказалъ Господи, на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли». Два раза вымывало у него изъ горсти землю, на третій по божьему велѣнью осталась за ногтемъ песчиночка. «Богъ взялъ ту песчиночку и настѣялъ всю землю, съ травами, съ лѣсами, со всякими для человека угодыми. Будемъ съ тобой, Господи, родными братьями, сказалъ лукавый Господу: ты будешь меньшей братъ, я большой.— Господи усмѣхнулся. — Будемъ, Господи, братьями равными.— Господи усмѣхнулся опять. — Ну, Господи, ты будешь старшій братъ, я меньшей. — Возьми, говоритъ Господи, возьми меня за ручку повыше локотка: нажми ты ручку ту изъ всей силы. Лукавый взялъ Господа за ручку выше локотка; жалъ ручку изъ всѣхъ силъ; усталъ отъ натуги, а Господи стоитъ да только усмѣхается. Тутъ Господь только взялъ лукаваго за руку; лукавый такъ и присѣлъ. Господи наложилъ на лукаваго крестное знаменіе, лукавый и убѣжалъ въ преисподнюю ¹⁾. — Въ связи съ этимъ стоитъ рассказъ о созданіи Адама и Евы ²⁾. Господь пустилъ ихъ жить въ раю, «а къ воротамъ райскимъ приставилъ собаку, звѣря чистаго: по всему раю ходила». Онъ велитъ собакамъ не пускать лукаваго—какъ бы онъ не опоганилъ его людей, а лукавый бросилъ ей кусокъ хлѣба, она и пропустила его. Чертъ опеваля Адама и Еву, Господь «выворотилъ» ихъ: не обтирать же ихъ, не марать рукъ въ чортовы слюны; оттого и слюна погана. А собакамъ Богъ сказалъ: «Была ты, собака, чистый звѣрь, ходила по всему пресвѣтлому раю; отнынѣ будь ты песь — нечистый звѣрь: въ избу тебя грѣхъ пускать, коли въ церковь вбѣжишь — церковь снова святить. Съ тѣхъ поръ не собака зовется, а песь: по шерсти погана, а по нутру чиста».

Въ легендѣ о Ноѣ праведномъ ³⁾ — Ноѣ замѣнилъ Адама; Господь приставилъ собаку, тогда еще голуую, стеречь его; чертъ соблазнилъ её—шубой на руки и на ноги. Далѣе рассказъ

¹⁾ Буслаевъ, Оч. I 487.

²⁾ I. с. 488.

³⁾ Афанасьевъ, Нар. русск. легенды № 14.

тотъ же; а собакѣ Господь сказалъ: «Штобъ ты црковныва звону ни слыхала, у Божій храмъ ни хадла». — И далѣе, въ эпизодѣ о грѣхопадѣнїи, Ной является въ роли Адама, но легенда о мірозданїи отнесена къ творенїю земли— послѣ потопа ¹⁾: дьяволъ спрятался въ ковчегъ въ образѣ мыши, выходитъ изъ него послѣднимъ и говоритъ: «Вотъ, Госпыди, хотѣлъ мнѣ утаптъ; вѣдь я вѣтанъ! я тебе большой братъ!». Слѣдуетъ, какъ у Якушкина, проба силы, послѣ чего дьяволъ признаетъ себя меньшимъ братомъ и по повелѣнїю Господа лѣзетъ въ море, чтобы достать горсть земли. Нырняеье рассказано съ обычными подробностями, но одна (творчество дьявола) забыта: чертъ прячетъ себѣ за щеку земли, чтобы сдѣлать себѣ то-же, что сдѣлаетъ Господь. Господь съѣтъ землю, а дьяволъ говоритъ ему: «Пасажали мы бѣлый свѣтъ; можеть, тебе будутъ хвалити, мнѣ поминати; я и тѣмъ буду доволинъ».

Среди псковскихъ раскольниковъ также существуетъ извѣстный намъ рассказъ о мірозданїи: Богъ и чертъ, нырняеье; чертъ не провзноситъ заповѣдныхъ словъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, почему на первый разъ и не досталъ земли; во второй онъ набилъ себѣ ею ротъ. Господь съѣтъ землю, оттого образовались три части свѣта, но и часть, находившаяся во рту у черта, стала расти; онъ извергнулъ её, отчего произошли болота, степи и пустыри. Сотворивъ изъ глины тѣло человѣка, Господь положилъ его на землю, и пока самъ ходилъ за душою, сторожить человѣка оставилъ собаку. Приходитъ чертъ; собака не поддалась его ласкамъ и угрозамъ и укусила его въ икру, но онъ напустилъ на неё такой холодъ, что она околѣла, а человѣка чертъ оплевалъ, отчего у насъ всякія болѣзни и недуги. Вернувшись, Господь не пожелалъ пересоздавать тѣло, ибо усмотрѣлъ, что и недуги необходимы; а собакѣ далъ шубу, чтобы въ другой разъ сторожила лучше ²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 18, самоѣдское преданїе о потопѣ.

²⁾ Russwurm в Zeitschrift. f. deutsche Mythologie, IV, 157—8.

Въ заонежскомъ преданіи, сообщеннымъ Рыбниковымъ ¹⁾, снова является на сцену знакомый намъ образъ «гоголя». Рассказывается такимъ образомъ: «По достояльному окіянь-морию плавало два гоголя: одинъ бѣль-гоголь, а другой черень-гоголь. И тыми двумя гоголями плавали самъ Господь Вседержитель и Сатана. По Божію повелѣнію, по Богородицину благословенію, Сатана выдѣнулъ со дна моря горсть земли. Изъ той горсти Господь-то сотворилъ ровныя мѣста и путистыя поля, а Сатана надѣлалъ непроходимыхъ пропастей, щельевъ и высокихъ горъ. И ударилъ Господь молоткомъ въ камень и создалъ силы небесныя; ударилъ Сатана въ камень молоткомъ и создалъ свое воинство. И пошла между воинствами великая война: по началу одолевала было рать Сатаны, но подъ конецъ взяла верхъ сила небесная. И сверзилъ Михайла архангелъ съ небеси сатанино воинство, и попадало оно на землю въ разныя мѣста: которые пали въ лѣса, стали лѣсовниками, которые въ воду — водяниками, которые въ домъ — домовниками; иные упали въ бани и сдѣлались банниками, иные во дворахъ — дворовниками, а иные въ ригахъ — ригачниками». — Сл. ту же подробность въ Сказаніи о тиверіадскомъ морѣ: «коево гдѣ огонь засталъ, иново въ горахъ, иныхъ въ пронастѣхъ, по воздуху летащихъ, а иныхъ рукою или ногою блага (блата?) плаваесть: гдѣ коево засталъ, тутъ и до сего дни пребываесть».

Другой сѣверно-русскій пересказъ того же преданія сообщенъ былъ Е. Барсовымъ въ его статьѣ: Сѣверныя сказанія о Лембогахъ и удѣльницахъ ²⁾ и въ замѣткѣ, откуда мы выше заимствовали малорусскія легенды, записанныя Свидницкимъ ³⁾.

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваоѣ на землю и спросилъ: Кто здѣ е? И откликнулся сатана и рекъ: Я здѣ е. И спросилъ Саваоѣ сатану: Есть ли гдѣ земля, не видалъ-ли?

¹⁾ Дневъ 1862 г., 52; Пѣсни собр. П. П. Рыбниковымъ, IV, стр. 219—220.

²⁾ Труды Этнограф. Отд. Имп. Общ. естествознанія ил. III, выд. I, стр. 87.

³⁾ Чтенія 1866, IV, стр. 1—2.

Есть на днѣ моря, отвѣчалъ сатана.— Сходи-же на дно моря и достань земли.

Обернулся сатана гоголемъ, нырнулъ на дно морское и въ ротъ земли напихалъ. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю, и онъ вынырнулъ ни съ чѣмъ.

Саваоѣ послалъ его другожды. Но и на другой разъ то-же случилось. Стыдно стало сатанѣ, а Саваоѣ его укоряетъ и говоритъ: Немоощенъ братъ ты. Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону-дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли.

Нырнулъ сатана въ третій разъ: сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваоѣ и принесъ земли. Саваоѣ эту землю и разсѣялъ въ восточную сторону, и стала чудная, прекрасная земля. И спросилъ Саваоѣ сатану: Вся-ли тутъ земля? Вся, сказалъ сатана, а самъ держитъ частицу за щекой. А земля за щекой стала расти — прибывать, а щеку стало раздувать. Видитъ сатана, что не обмануть ему Саваоѣ: взялъ да разсѣялъ ту землю въ сѣверную сторону, и стала тутъ земля холодная, каменная и нехлѣбородная.

И задумалъ Саваоѣ создать себѣ полкъ воиновъ, далъ сатанѣ молотъ въ руки и велѣлъ бить въ каменную гору правой рукой, а самъ пошелъ на востокъ рай насаждать. Боговъ товарищъ началъ молотомъ въ камень бить, изъ камня войны свѣтлы начали выскакивать да на востокъ Богу кланяться; билъ до того, что рука устала, попробовалъ бить лѣвой рукой. Лишь только ударилъ, выскочилъ черный чертъ да и поклонился молотобойцу. Смекнулъ сатана, въ чемъ дѣло, да и давай лѣвой рукой колотить; до того билъ, что чуть-чуть со свѣтлыми полками не сравнялся. Той порой Саваоѣ дѣло свое сдѣлалъ и пришелъ къ сатанѣ. Пришелъ и видитъ дѣло плохо; что дѣлать? Взялъ скорѣй, зааминилъ. Перестали выскакивать силы нечистыя, а сталъ выскакивать только огонь, какъ и теперь бываетъ при ударѣ желѣзомъ о камень. Возгордился сатана и задумалъ *раздѣлиться* съ товарищемъ; но тотъ не то и говоритъ: сталъ

хвастаться силы богатствомъ. Пошло на раздоръ: Саваоѣ построилъ небо, а сатана другое, выше того; Саваоѣ построилъ еще небо, а сатана выше того. Сдѣлали они по семи небесъ, а сатана всё выше забирается. Зааминилъ скорѣе Саваоѣ и велѣлъ Михаилу архангелу столкнуть сатану на землю со всѣми его небесами и со всею его силою невидимой. Пошелъ архангелъ Михаилъ, а тотъ и на версту не допустилъ его къ себѣ. Саваоѣ послалъ его другожды, но сатана отогналъ его еще дальше. Сталъ посылать его Саваоѣ третій разъ, но онъ отвѣчалъ: Боюсь, Господи, опалить. Тогда Саваоѣ сказалъ Михаилу архангелу: Опустись ты на землю къ Черному морю, увидишь на берегу икону, дѣву съ младенцемъ; благословись у младеня и ступай на сатану. Сдѣлалъ архангелъ по слову Господню, столкнулъ сатану съ неба, спровергъ небеса и всю силу его, и валилось сатанинской силы, аки мелкаго дождя, шесть недѣль. Много пало её на землю, а больше того осталось на воздухѣхъ. — Сл. рассказъ Свитка (по ркп. Григоровича): причтенный «въ архангелы» сатана возгордися «въ себѣ помышляя: Сотворю себѣ престолъ надъ звѣздами на воздухѣхъ. Господь же проразумѣ мысль его лукавую и посла архангела Михаила, повелѣ сатану свергнуть съ небеси. Михаилъ архангелъ удари сатану жезломъ, и попали [его] огонь отъ сатаны. Михаилъ архангелъ прииде ко Господу Саваоѣу и рече: Огонь мя палить отъ сатаны. И Господь Михаила постриже въ черницы и положи на его схиму со кресты простыми, знаменне Христа сына Божія. Михаилъ архангелъ иде и удари сатану жезломъ и сверже его съ небеси на землю во адову кромѣшную со всѣми его бесовскими силами, и паде бѣсъ съ небеси три дни и три нощи, что капли дождевыя шло силы бесовския во адъ кромѣшный. И Господь рече: Аминь, аминь, аминь. Небеса затворишася и висяще бѣсы держими по воздуху повелѣниемъ божимъ падаютъ на землю отъ искреннея десницы вышняго божія промысла и сокрушаются на земли».

Пошехонское сказаніе, недавно сообщенное г. Деруно-

нымъ ¹⁾ отличается особымъ литературнымъ складомъ, необъяснимымъ ни качествами народнаго стиха, ни особенностями рукописнаго пересказа. Господь говоритъ Сатаналю: «Любимѣйшій мой духъ, Сатанале, опустишь ты въ воды глубины неизмѣримыя, за тридцать поприщъ, въ тридесатомъ возьми на днѣ водномъ земли пригоршни, вынеси ю на поверхность воды: посью, да будетъ твердь земная». Дважды нырялъ Сатаналъ, воздымая сильную бурю, но вода выполаскивала землю изъ пригоршней. «Сатанале, духъ мой возлюбленный», говоритъ Господь, «приди ко мнѣ, попроси со смиреніемъ и кротостію у меня благословенія на такое дѣло великое. Съ нимъ достанешь и вынесешь землю на поверхность водную». Получивъ благословеніе, Сатаналъ досталъ земли, которую Господь, летая, посылалъ о десную и о шую. «За полетами Господними возставала твердь земная и дѣлалась прекрасною, ровною равниною; заснѣла голубая твердь небесная, засіяло солнце, засверкали звѣзды, заходили тучи и заблестала молонья». Господь радуется, силы небесныя славословятъ его; только гордый Сатаналъ стоитъ поодаль: «Мнѣ за сіе придите и воздайте хвалы: мои труды». Трижды призывалъ его Господь на поклоненіе себѣ и наконецъ сказалъ съ гнѣвомъ: «Отойди отъ меня, сатана гордый». Вмѣстѣ съ нимъ отошла и девятая часть небесныхъ силъ, зашумѣла, полетѣла: «гдѣ пролетитъ да хлопнетъ крылами — дѣлаются на землѣ провалы, выступаютъ моря водныя; гдѣ пуститъ изъ себя воду — тамъ бѣгутъ рѣки и ручьи; гдѣ крошитъ изъ себя калъ — тамъ дѣлаются камни; гдѣ топнетъ ногой — тамъ выдвигаются горы; гдѣ пуститъ изъ себя дыханіе — тамъ изъ земли пышетъ поломя». Господь посылаетъ противъ Сатаны юнаго Муху, котораго переименовалъ Михаиломъ, «архистратигомъ, воеводою всѣхъ небесныхъ силъ»; далъ ему «огненное

¹⁾ Труды Этнографическаго отдѣла Имп. Общ. любит. естествознанія, антропологии и этнографіи, книга IX: Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I (Москва 1889): Изъ русской народной космогоніи 120—121.

копье, мечь кладенець, броню булатную, на головушку надѣлъ шлемъ духовный съ перьями изъ павлина и благословилъ правою рукою». Происходитъ страшная битва; «и побѣдилъ юный архистратигъ Михаилъ сатану и всю силу его, сверзилъ въ преисподнюю землю».

Заклучимъ наше обозрѣніе двумя легендами, записанными на окраинахъ Россіи. Первая изъ юго-западной части томской губерніи ¹⁾: Богъ послалъ черта достать земли со дна морскаго; чертъ три раза нырялъ, но не могъ вынести земли: сколько ни захватить въ руку, на обратномъ пути водой всё и вымоетъ; только подъ ногтями осталось немного. Богъ взялъ у него землю изъ подъ ногтей и сотворилъ изъ нея землю; тогда чертъ сталъ спорить съ нимъ и сказалъ: Развѣ я для того доставалъ землю? И хотѣлъ онъ собрать всю землю и снова бросить въ воду, но собрать-то уже и не могъ: побѣжить за ней, а она всё дальше и дальше уходитъ отъ него, да такъ расширилась, что теперь конца-краю ей нѣтъ.

Слѣдующій рассказъ о происхожденіи горъ записанъ со словъ казака въ станицѣ Разшеватской, Кавказскаго уѣзда, Кубанской области.

Когда Богъ добылъ себѣ сѣмянъ земли, то дьяволъ какимъ-то образомъ успѣлъ украсть нѣсколько этихъ сѣмянъ и себѣ. Для того, чтобы не потерять ихъ и скрыть слѣды своего воровства, онъ всё уворованныя сѣмена положилъ себѣ за щеку. Когда Богъ посѣялъ землю и сѣмена начали быстро расти, то къ ужасу нечистаго духа, пустили ростки и сѣмена, находившіяся у него за щекою; при этомъ они настолько быстро росли, что стали препятствовать дьяволу даже жевать пищу. Чтобы избавиться отъ этого несчастія, дьяволъ началъ своей лапой вытаскивать кусочки земли изъ-за щеки и бросать въ разныхъ мѣстахъ: куда попалъ большой кусокъ, тамъ выросла большая

¹⁾ Поганниъ, Юго-западная часть томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи, Этнограф. Сборникъ VI, 122.

гора, а куда маленькій — тамъ образовался курганъ или небольшая возвышенность. Однако, какъ ни старался дьяволъ поскорѣе выбросить изо рта всю землю, онъ не успѣлъ исполнить этого, потому что сѣмена быстро росли; пришлось разорвать щеку, чтобы освободиться отъ земли. Вотъ почему и рисуется дьяволъ съ открытыми зубами ¹⁾.

Изъ польскихъ легендъ я могъ выбрать лишь немного, отвѣчающее той или другой подробности нашего мива. Въ началѣ было небо, гдѣ властвовалъ предвѣчный Богъ свѣта; съ нимъ, но покнже его, князь тьмы. Первой сотворилъ Господь воду, которая подошла подъ небесныя палаты; освятивъ её и омочивъ въ ней криво, Господь покропилъ на право и на лѣво: на право явились ангелы, на лѣво духи тьмы. По повелѣнію Божию вода опала; Господь основываетъ на ней землю, положивъ на крестъ двѣ великанскихъ рыбы и бросивъ на ихъ хребты крошку, какъ-бы зерно песку ²⁾.

Очень вѣроятно, что и въ польскомъ folk-lore'ѣ найдутся сказанія, ближе отвѣчающія русскимъ и литовско-латышскимъ. Сообщеніемъ слѣдующей литовской легенды я обязанъ любезности Э. А. Вольтера ³⁾. Богъ ходилъ надъ водою вмѣстѣ съ чертомъ, недобрымъ. Богъ велѣлъ ему нырнуть въ воду и вынести земли во рту или въ рукѣ, но онъ изъ жадности наполнилъ ею себѣ уши, носъ, глаза и т. д. Богъ побранилъ его за это, сталъ считать ни во что и причислилъ къ недобрымъ. Землю, вынесенную чертомъ, онъ разсыпалъ по водѣ, и сдѣлалась земля. — Въ началѣ міра, когда Богъ собирался творить ангеловъ, онъ, держа въ рукахъ камень съ кресивомъ, выбилъ изъ кресива искры: сколько искръ полетѣло, столько стало ангеловъ. Чортъ принялся дѣлать то-же, но живыхъ не творилъ; челоуѣка, имъ

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. Управленія Кавказскаго учебнаго округа, III, Отдѣлъ 2, стр. 98.

²⁾ Kolberg, Lud, верга VII, сз. III, стр. 3—6.

³⁾ Записано въ Россіенскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи со словъ В. Бакутиса, родомъ изъ деревни Сербенты, Россіенскаго прихода.

созданнаго, потому и прозвали «бездушникомъ», что души у него не было.

Латышскія повѣрья¹⁾ воспроизводятъ эпизоды сообщенныхъ выше. Слѣдующее напоминаетъ мордовскую легенду (сл. выше стр. 13): Богъ устроилъ дороги ровныя, прямыя, а дьяволъ по-совѣтовалъ ему сдѣлать ихъ гористыми: проѣзжіе станутъ насъ поминать, Бога будутъ призывать, взбираясь на гору, а спускаясь говорить: Чортъ возьми, конямъ ни сдержать повозки.— Интересенъ варьянтъ о созданіи волка: Господь сотворилъ животныхъ, дьяволъ — волка, но оживить его не могъ, а не хотѣлось ему, чтобы волкъ могъ сказать: Богъ меня создалъ. Принялся онъ дуть въ носъ, уши и задъ, говоря: Дьяволъ тебя сотворилъ! Ничто не помогало: Надо было рѣшиться, и онъ тихонько сказалъ волку на ухо: Господь тебя создалъ! Волкъ сорвался и убѣжалъ въ лѣсъ; и теперь онъ еще не знаетъ, кого ему держаться: Бога или дьявола; потому онъ и не выходитъ изъ лѣса.

Я приберегъ къ концу космогоническія сказанія, собранныя Феккенштедомъ, въ виду сомнѣній, возбужденныхъ ими въ критикѣ²⁾. По одной легендѣ, когда Господь пожелалъ создать землю, онъ создалъ ангеловъ: каждый изъ нихъ долженъ былъ доставить къ постройкѣ по песчинкѣ, а Господь положилъ камни въ основаніе земли; но Arges, которому былъ порученъ надзоръ за этимъ дѣломъ, утаилъ песчинку ангела мира (Kintracht). Оттого земля вышла не прочной; въ началѣ она была ровная и гладкая, но отъ колебаній и сотрясеній приняла настоящій видъ. И впоследствии, когда Господь создалъ людей и животныхъ,

¹⁾ Revue des traditions populaires II: Henri Zinciém — Wissendorff, Légendes mythologiques lettonnes, стр. 481 слѣд., МѠ IX и X.

²⁾ Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten (Litauer), I, стр. 214 слѣд. passim; 284—5; сл. II, 252, 260, 272. Сообщая далѣе нѣсколько свѣдѣній изъ сборника Феккенштедта, я ни въ виду и сдѣланныя противъ него оговорки. См. Отчетъ Э. А. Вольтера въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1886 г. (т. 22) стр. 328 и 329.

ссоры и вражды между ними были слѣдствиемъ того же похищенія. Господь велѣлъ всѣмъ ангеламъ спуститься на землю и поискать въ ея основахъ причинъ такого нестроенія. Всѣ они нашли свои песчинки на мѣстѣ и вернулись къ Богу; не нашель своей части лишь ангелъ мира. Тутъ догадались, что похищеніе совершилъ Artes; Господь проявилъ свой гнѣвъ на него въ громѣ и молніи; отправились къ Artes'у, обыскали его, но ничего не нашли. Всѣ несовершенства на землѣ и среди людей происходятъ отъ обмана Artes'a; оттого всякій разъ, когда Господь видитъ неправду или раздоръ, онъ идетъ къ похитителю искать утаенной песчинки, а на небѣ въ то время бываетъ гроза.

Artes отвѣчаетъ Сатаналу знакомыхъ намъ космогоническихъ легендъ. По другому литовскому преданію Господь сотворилъ землю, св. Духа и черта; они вмѣстѣ жили на землѣ, но дьяволъ не любилъ Господа, держался въ сторонѣ отъ него, и когда Господь сотворилъ изъ глины тѣло перваго человѣка и удалился на три дня, дьяволъ разбилъ созданное. Господу пришлось скленть его кос-какъ, и лишь когда человѣкъ оживленъ былъ духомъ жизни, его тѣло получило снова тотъ видъ, какое имѣло прежде, чѣмъ попасть въ руки нечистаго. — Отмѣтимъ въ заключеніе рассказы о двойственномъ твореніи: Христосъ создалъ птицъ и рыбъ, св. Петръ четвероногихъ, дьяволъ червей и всякую нечисть; либо ап. Петръ и чертъ творять въ запуски: у перваго выходитъ овца, у втораго коза.

Иначе рассказывается, что всё видимое — твореніе Zeste, первоадамнаго, двуполога существа; однажды Algis (Lasicki: Algis angelus est summoium deorum = Михаилъ?) не пустилъ его, по волѣ Перуна, въ заповѣдное мѣсто божьяго сада, отразивъ его громомъ и молніей. Разгнѣванный Zeste рѣшилъ создать себѣ собственное мѣстопребываніе: онъ разорвалъ свою одежду и бросилъ еѣ вмѣстѣ съ золотымъ вѣнцомъ и другими украшениями. Изъ снятаго сукна стало небо, изъ серебрянаго платья — звѣзды, вѣнецъ сталъ солнцемъ, шитый нагрудникъ — мѣсяцемъ, другія

украшения — землю. На ней онъ водворился: ангелы, исполнены и карлики и люди, небо, земля и море — его твореніе.

IV.

Одно и тоже древнее сказаніе, неравномѣрно тронутое духомъ монотеизма, лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ легендъ. Общія очертанія тѣ-же, что въ религіяхъ Индіи и Греціи: въ началѣ была одна вода (Darmsteter l. с. 142, 150); вездѣ сцена міротворенія перенесена къ морю и на немъ совершается. Интересна подробность, что земля сѣется и что дьяволъ также тщится украсть отъ его сѣмянъ, какъ въ крестной легендѣ у Григорія отъ сѣмянъ райскаго дерева; вспомнимъ, что въ міросозерцаніи отреченной статьи, которую мы привели (стр. 44—46) въ объясненіе Свитка, на этомъ деревѣ покоится и земля и преисподняя. Совмѣстное творчество добраго и злаго началъ понято, какъ *споръ о божуваньи*, въ которомъ злое начало утратило прежній характеръ равноправности: дьяволъ хочетъ назваться *братомъ* Богу, даже меньшимъ, но оказывается безсильнымъ; онъ творитъ, но подражая и не успѣвая, либо старается испортить со-творенное. Интереснѣе другое пониманіе отношеній, сохранившееся въ сѣверно-русскомъ пересказѣ: Сатана хочетъ *раздѣлиться* съ Саваоомъ, и оба соперничаютъ другъ другомъ, созидавая небеса, одно выше другого, какъ въ другихъ легендахъ они дѣлятъ между собою живыхъ и мертвыхъ. Этотъ мотивъ *раздѣленія*, отразившій болѣе древнее представленіе *отдѣльности*, сохранился, быть можетъ, и въ своеобразномъ сюжетѣ южнославянскихъ пѣсенъ о *дѣлѣхъ земли и неба* между святыми, при чемъ каждому достается область, находящаяся подъ его руководствомъ (сл. Караѣић Срб. Пј. II, № 1 и 2; Петрановичъ № 1; Миладиновы Бжлг. нар. пѣсни № 30 и 53 и др.). Если въ данномъ случаѣ наше предположеніе о дуалистической подкладкѣ указанныхъ пѣсенъ можетъ показаться сомнительнымъ, ибо нѣтъ принципиальной противоположности дѣлящихъ началъ, то для слѣ-

дующаго цикла сказокъ это сомнѣнiе устраняется, ибо противоположность существуетъ. Я разумѣю распространенный циклъ сказанiя о Правдѣ и Кривдѣ ¹⁾ и смежный съ нимъ о неровномъ дѣлежѣ ²⁾. Обыкновенно, дѣло идетъ о дѣлежѣ работы на полѣ и ожидаемой жатвы между звѣрями (лиса и медвѣдь, лиса и коза и т. д.), изъ которыхъ одинъ оказывается одураченнымъ, одѣзненнымъ; либо вмѣсто животныхъ выступаютъ: баба и чертъ, святой (св. Иоаннъ, св. Петръ, св. Криспинъ и др.) и дьяволъ, и роль простака предоставлена дьяволу. Я полагаю, что это освѣщенiе, разработанное въ комическомъ типѣ средневѣковаго бѣса, слѣдуетъ понять въ связи съ его христіанизованнымъ представлениемъ въ апокрифѣ и народныхъ легендахъ о міроздавнiи: и здѣсь онъ уже не творецъ равносильный Богу, а его неумѣлый совопросникъ, пытающійся сотворить землю, человека, небеса, но въ результатѣ одураченный и наказанный ³⁾. Интересно отмѣтить, что звѣрь, выступающій въ сказкѣ о дѣлежѣ въ роли дьявола: волкъ и коза, представлятъ намъ дагѣ именно его созданими.

¹⁾ Сл. Славянскiя сказанiя о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 91 слѣд. и прим. 2 на стр. 98—94, прим. 3 на стр. 94. Указанную тамъ литературу сказки можно-бы генеръ значительно пополнить. Сл. между прочимъ Cosquin, Contes pop. de Loggaine I, № VII и прим. и мой отчетъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССІ, отд. 2, стр. 296; Pitre, Nouvelle pop. toscane № XXIII и прим.; Clouston, Popular tales and fictions, I, стр. 249 слѣд., 464—5; Романовъ, Бѣлорусскiй Сборникъ I, вып. 3 (Сказки), № 72.

²⁾ Сл. Слав. сказанiя о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 94 и прим. 1 и 2. Сл. еще (Keightley) Mythologie der Feen u. Elfen aberg. von. O. L. B. Wolff, 1-er Theil, стр. 196—8 (съ ссылкою на сходный рассказъ у Rabelais); Veskenstedt, l. c. I, 285—6; Carnoy, Littérature orale de la Picardie p. 62 слѣд. (Saint Crispin et le diable); Sébillot, Traditions et superstitions de la Haute Bretagne I, 326 слѣд.; Revue des trad. pop. II, 486; III, 166; Сборн. свѣдѣнiй о Тороной области, вып. I, стр. 260—1; Рудченко, Нар. южно-русскiя сказки I, № 29; Романовъ, l. c. № 75 и дагѣ малорусскую легенду о спорѣ мыши и воробья. Библиографическiя составленiя у Колмачевскаго, Животный эмюз на западѣ, стр. 111 слѣд. и К. Krohn'a, Bär (wolf) und Fuchs. Eine nordische Tiermärchenkette. Helsingfors 1868, p. 97 и слѣд.

³⁾ Сл. выше стр. 64 и прим. 2, малорусскую и польскiя легенды — и литовскiя въ Rev. d. trad. pop. II, стр. 482 слѣд., №№ I, II, III.

Какъ сказки о дѣлѣжѣ могли служить выраженіемъ дуалистическихъ идей, такъ въ другихъ отразятся тѣ или другія подробности космогоническаго мѣна, лишь въ общихъ чертахъ намѣченнаго въ славянской апокрифической статьѣ и ея народныхъ отраженіяхъ. Дьяволъ былъ творцемъ всего видимаго, плотскаго, матеріальнаго, и это представленіе было разработано въ отдѣльныхъ разсказахъ, значеніе которыхъ мы можемъ разглядѣть подѣ ихъ христіанской оболочкой.

Начнемъ съ легенды о дьяволѣ, какъ творцѣ солнца.

Сербы разсказываютъ (Караѣић, Срб. нар. припов., стр. 114), что когда дьяволы отошли отъ Бога и ушли на землю, взяли съ собою и солнце, которое ихъ повелитель носилъ съ собою, воткнувъ его на свое копье. Земля жалуется Богу, что она сгораетъ отъ солнца, и Господь послалъ архангела: пусть попытается отнять похищенное свѣтло. Архангелъ спустился на землю и притоварищился къ сатанѣ; тотъ понялъ, чего онъ хочетъ, и былъ на сторожѣ. Ходили они вмѣстѣ, и когда разъ, придя къ морю, хотѣли выкупаться, дьяволъ воткнулъ копье съ солнцемъ въ землю. Стали они купаться, архангелъ и говоритъ: Станемъ-ка нырять, посмотримъ, кто вырветъ глубже. — Ну ныряй! отвѣчаетъ дьяволъ. Архангелъ нырнулъ и вынесъ въ зубахъ морскаго песку. Теперь была очередь за дьяволомъ, но тотъ боялся, какъ-бы архангелъ не унесъ у него солнца, плюнулъ на землю и оттого произошла — сорока: еѣ онъ и оставилъ сторожить солнце, пока самъ не принесетъ песку со дна моря. Когда дьяволъ погрузился, архангелъ сотворилъ надъ моремъ знаменіе креста, отчего море покрылось льдомъ въ девять локтей толщиною; схватилъ солнце и полетѣлъ на небо. Въ это время сорока защекотала; услышавъ это, бѣсъ понялъ въ чемъ дѣло и поспѣшилъ вынырнуть; видитъ — море заложено льдомъ и ему нѣтъ выхода; снова спустившись на дно, онъ схватилъ камень, пробилъ имъ ледъ и пустился догонять архангела. Уже тотъ вступалъ одною ногою на небо, когда сатана схватилъ его за другую и когтями вырвалъ изъ-подъ ступни большой кусокъ мяса. Ра-

веньи архангелъ принесъ солнце къ Господу, а самъ плачется: Что я теперь стану дѣлать? А Богъ и говоритъ ему: Я устрою, чтобъ у всѣхъ людей нога была подъ низомъ такая-же, какъ и у тебя. Съ тѣхъ поръ у всѣхъ насъ ложбина или впадина на ступнѣ.

Тотъ-же самый мотивъ разработанъ въ одной черногорской пѣснѣ (Караѣић, Срб. нар. пјесме II, № 17, стр. 81 слѣд. и прим.; Безсоновъ, Калки I, стр. 601 слѣд.), только вмѣсто дьявола — царь Дукліанъ, т. е. Діоклетіанъ, типъ отверженнаго грѣшника, пособника, сына сатаны¹⁾; вмѣсто архангела—Иванъ Креститель. Оба они — братья названные, пьютъ вино на припекѣ у синяго моря. Иванъ предлагаетъ поиграть: онъ — яблокомъ, царь «ко-руномъ». Яблоко угодило въ море, а Иванъ сѣтуетъ; царь обѣщается достать его—только не унеси моего вѣнца, говоритъ онъ. Иванъ клянется, но когда царь нырнулъ, полетѣлъ на небеса, спрашиваетъ Господа: Поклятыя-ли мнѣ тобою криво, унести-ли вѣнецъ у царя? Господь отвѣчаетъ: Поклянись мною (?) три раза криво, только не моги клясться моимъ именемъ. Иванъ слетѣлъ къ морю, Дукліанъ вынесъ въ зубахъ яблоко; снова начинается игра и опять яблоко попало въ море. Царь отправляется за нимъ и вторично беретъ съ Ивана извѣстную клятву; вѣнецъ бросилъ подъ шапку, оставилъ при немъ птицу зловѣщую. На этотъ разъ Иванъ заледенилъ море двѣнадцатю льдами, а самъ съ золотымъ вѣнцомъ полетѣлъ къ небу. По карканью птицы царь догадывается о похищеніи: три льда проломилъ головою, другіе малымъ камнемъ со дна моря — «одъ хиляде окахъ»; развернулъ крылья, догналъ Ивана у небесныхъ вратъ, за правую ухватилъ его ногу, что прихватилъ, то и оторвалъ. Иванъ свѣтлое солнце принесъ на небо, жалуется Господу, что его изувѣчили; а Господь говоритъ: Не бойся, я сдѣлаю такъ всякому.

Проф. Дриновъ издалъ недавно, по рукописи Бонцова,

¹⁾ Сл. Разысканія VIII, 265; сл. мой отчетъ о сборникѣ г-жи Кренивицъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССХХV, отд. 2, стр. 222.

другой болгарский вариантъ этого сказанія ¹⁾. Въ началѣ у дьявола была одинаковая сила съ Богомъ, который давалъ ему много работы. А вотъ какъ онъ сталъ дьяволомъ: однажды Господь расхаживалъ по горамъ и доламъ и радовался; только не было у друга, съ кѣмъ бы провести время. «Ведьжж като са разхожда, мерѣжа му са сѣнката и той я викнѣл: Стани друже! И сѣнката са исправила пред него, като чивяк: но то не было чивяк, ами дьяволъ. Господь дружится съ нимъ, хочеть его наградить; дьяволъ предлагаеть ему подѣлится свѣтомъ: Богу небо и живые люди, дьяволу пусть будетъ принадлежать земля и умершіе. По его требованію Господь даетъ ему на то рукописаніе. Когда прародители были изгнаны изъ рая и принялись за пахоту, дьяволъ запретилъ имъ это, ибо они не спросились хозяина. Пожалѣлъ Господь о данной имъ записи, а когда впоследствии дьяволъ заодно началъ мучать и грѣшныхъ и праведныхъ, Богъ рѣшилъ отнять у него власть и послалъ ангела: пусть похититъ у него рукописаніе. Нечистый полюбилъ ангела, но записи ему не показывалъ. Однажды, когда они шли мимо озера, ангелъ спрашиваетъ дьявола: можетъ-ли онъ достать со дна горсть песку? Я то могу, а ты не можешь, хотя сильнѣе и хитрѣе меня. Ангелъ нырнулъ и досталъ песку; вырветъ и дьяволъ, но три раза возвращается съ полупути: у него въ пятѣ за пазухою осталось рукописаніе, онъ и боится, какъ-бы не нашелъ его другарь. Увѣрившись, что у него нѣтъ злаго умысла, онъ спустился на самое дно, но вынырнуть ему было тяжелѣе, чѣмъ легкому ангелу, который и воспользовался тѣмъ временемъ, похитилъ записи и понесся на небо. Дьяволъ за нимъ, догналъ его у входа, но ему удалось лишь схватить его за ногу и вырвать кусокъ тѣла изъ подъ ступни. Ангелъ явился передъ Господомъ съ рукописаніемъ, хромая на лѣвую ногу и плачась. «Нѣма ништо, рекал дядо Господ, аз штж да направа на сичките хора

¹⁾ Периодическо Списание, кн. VIII, стр. 124 слѣд. Указаніемъ на этотъ текстъ я обязанъ П. А. Сырку.

така, и теб не ште да е срамота. Отъ онова время е остало да ни сѣ стапалата вдѣлбнати».

Въ параллель къ этимъ легендамъ приведемъ соотвѣтствующую малорусскую ¹⁾: «Давно це було. Тоди ни людей, ни земли, ни дерева, ни птыци и ни якои ще живои твари не було на съвити.... Ото-жъ тоди була скризь вода, а надъ нею перше небо, на котримъ живъ Богъ и два іого прислужники: Мишка та Гришка.... А на самому неби, тамъ де теперъ живе Божа Мати, живъ Сатанаилъ, и все Господови перечивъ. Що не слоче Господь зробити, то винъ, лукавый цей Сатанаилъ, визме та и помншае, не дасть таки, проклятый, зробити. Ото и задумавъ Господь Богъ, яко-бы то іому стребити Сатанаила, та не такъ то конче стребити, якъ видяти ризу іого, у котри, мовлявъ, уся сила сатанаилова седила. — Отъ одного разу Сатанаилъ роздягся, положивъ ризу свою на камени и став плавати на мори, бо дуже любивъ, проклятуций, купатись, а Господь сидить на свому неби та дивиться. Отъ и заспоривъ Господь Богъ зъ Сатанаиломъ: Чи достанешъ, Господь каже, дна морского? а Сатанаилъ каже: Ба доставу. Отъ Сатанаилъ почавъ пробувати та поринати, а Господь прикликавъ Мишку, та й звеливъ іому, шобъ злетивъ на море, та якъ пирне Сатанаилъ, то шобъ почавъ дмухати на море. Такечки и зробити. Сатанаилъ пирнувъ у перве, а Мишка почавъ дмухати на воду — море тако и знялось корою, замерзло. Сатанаилъ выпирнувъ, та головою и пробивъ ліодъ. Отъ Господь и каже: «А, ну, поринай, каже, у друге!» Бо умова у ихъ, бачите, була до тріохъ разъ шобъ поринати». Такъ повторилось во второй и въ третій разъ; самъ Господь помогаетъ дуть на море, и «море такимъ товстымъ ліодомъ взялось, шо Сатанаилъ якъ выпирнувъ, то и не змигъ уже пробити головою ліоду, а Гришка тимъ часомъ ухопивъ его ризу та и ставъ утикати зъ нею на небо. Сатанаилъ же побачивши, шо зъ нимъ не жартують, мерщій

¹⁾ Киевская старина, 1887 г., Май, Олтаржевскій, Изъ народныхъ вѣрованій, стр. 196—197. Легенда слышана отъ старика крестьянина, бывавшаго и въ кубанскихъ степяхъ и въ Одессѣ и въ Бессарабіи.

почавъ прохукувать лідь; прохукавъ дивку тай погнався за Гришкою и уже ставъ доганяти його, бо у Гришки було двое крыль, а у Сатананга цилыхъ шестеро. Коли тутъ де не взявся Мишка, та мечемъ и одчухравъ Сатанангови крыла. Отъ Сатананга упавъ у море, а рызу його Мишка зъ Гришкою принесли до Бога. И у ци самѣ рызи писля Исусъ-Христось на крести мучився, а зъ Мишки та Гришки Господь зробивъ архангеливъ Михаила та Гавріила».

Варьянтъ съ Полѣсья, напечатанный И. Трусьвичемъ¹⁾ соединяетъ моментъ нырянія — при мірозданіи — съ моментомъ второй болгарской сказки: рукописаніе. То-же водное пространство въ началѣ и ныряніе ангела, чтобы достать «жменю» песку; Господь взялъ принесенную землю въ руку, дунулъ на неѣ и бросилъ въ море: такъ стала земля, которую держала на спинѣ исполинская рыба Малмонъ (или двѣ рыбы, лежація крестъ на крестъ); отъ ея движенія и происходитъ землетрясеніе. Ангелъ также пожелалъ сотворить себѣ свой міръ, бросилъ землю, припританную имъ за ногтями; оттуда холмы и горы. — Господь сотворилъ человека изъ глины и оживилъ духомъ своимъ; ангелъ пытается сдѣлать то-же, но оживить не въ силахъ; то-же дѣлають за нимъ и другіе; въ наказаніе за то Господь обратилъ ихъ въ дьяволѣвъ и сбросилъ съ неба. — Прародители были такіе сильные, что когда ступали по камнямъ, оставляли въ нихъ слѣды; послѣ грѣхопаденія, наоборотъ, камни вдавливались въ ногу: оттого у насъ впадина на подошвѣ. — Чертъ запретилъ Адаму пахать и сѣять, ибо онъ владыка земли, и дозволилъ лишь подь условіемъ, что тотъ запишетъ за нимъ всѣхъ своихъ дѣтей. Получивъ записъ Адама онъ вложилъ еѣ въ камень и бросилъ въ море. Что ты сдѣлалъ? говоритъ Адаму Господь; ты погубилъ всѣхъ людей, которые произойдутъ отъ тебя. Спустившись на дно моря Господь досталъ записъ и вернулъ ее Адаму. Желая отмстить Богу чертъ заказалъ кузнецу цѣпь, чтобы оковать ею Господа.

¹⁾ Киевлянинъ 1866 № 44: Космогоническія преданія жителей Полѣсья. Отинъ указанія, какъ и многими другими, я обязанъ В. В. Кладану.

Кузнецъ предлагаетъ нечистому испытать на себѣ крѣпость цѣпи: оковалъ ему шею, прикрѣпилъ къ столбу, да такъ и оставилъ, ибо цѣпи нельзя было перервать. Такъ Господь одержалъ побѣду надъ адомъ.

Передъ нами своеобразная христіанская перелицовка богомилскаго преданія о мірозданіи. Правда послѣдній моментъ затемненъ, или, скорѣе, замѣненъ въ черногорской пѣснѣ другимъ: игрою; но осталось въ сербской и болгарской сказкѣ характерное вынесеніе песку и проглядываютъ древнія черты въ смѣшеніи этого момента съ другимъ, апокрифическимъ: о рукописаніи, данномъ Адаму, которое надо достать со два моря (болгарскій и полѣсскій варианты), вмѣсто чего одинъ малорусскій говоритъ о ризѣ Сатанаила. — Рядомъ съ дьяволомъ Сатанайломъ — Діоклетіаномъ является то архангелъ, то Иванъ; первый могъ-бы дать поводъ сблизить его съ Михаиломъ апокрифа, но такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ легендой о мірозданіи, то, очевидно, онъ замѣнилъ Бога. Подъ Иваномъ пѣсня разумѣетъ и называетъ Крестителя, что не отвѣчаетъ богомилскому взгляду на него: по ихъ ученію онъ еще принадлежитъ ветхому завету, онъ—*«предтеча царю великаго солнца, Антихриста»*¹⁾, если не правильнѣе другое чтеніе: «*Іоанна же Предтечу и зарю великааго Солнца безчествуютъ, антихристова предтечу наричюще*»²⁾. Іоаннъ Креститель можетъ быть лишь поздней замѣной Апостола; что это такъ—станетъ очевиднымъ впоследствии. Отмѣтимъ пока, что въ пѣснѣ онъ братъ названный Діоклетіану, т. е. дьяволу, какъ и въ богомилскомъ представленіи Богъ и дьяволъ совмѣстники, равноправные братья. — Важнѣе другая подробность: Иванъ похищаетъ у Дукліана его *золотой спянецъ*, оказывающійся впоследствии *«сетямъ солнца»*; въ сербской сказкѣ солнце похищено дьяволомъ, какъ въ румынской колядкѣ³⁾

¹⁾ Косьва пресвитеръ у Раѣки, Bogomili i Patareni, стр. 178.

²⁾ Православный Собесѣдникъ, 1864 ч. II, стр. 90.

³⁾ Разысканія VII, стр. 263—4, VIII, 325—6 и прил. Сл. Veckenstedt, I. c. I, стр. 287—8.

Людой, и дѣло идетъ объ обратномъ его добываніи. По моему мнѣнію мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднѣйшей перелицовкой другого мотива; вѣнецъ солнце, очевидно, принадлежитъ Дукліану— дьяволу, имъ созданъ. Черногорская пѣсня, въ данномъ случаѣ, поддерживается богомильскимъ Liber Johannis, исправляя его въ свою очередь. Здѣсь разсказывается слѣдующее: по сверженіи своемъ съ неба, *descendens Satanas in firmamentum hoc nullam requiem potuit facere sibi nec iis, qui cum eo erant. Et rogavit patrem dicens: Patientiam habe in me, et omnia reddam tibi. Et misertus ei pater, et dedit ei requiem et his qui cum eo erant, quodcumque vellet, usque ad septem dies. Et sic sedit in firmamento et praecipit angelo qui erat super aërem et qui erat super aquas, et elevaverunt terram sursum, et apparuit arida; et accepit coronam angeli, qui erat super aquas, et de medietate fecit lumen lunae et de medietate lumen solis* (рпк. stellarum), *et de lapidibus fecit omnes militias stellarum.* Слѣдуетъ разсказъ о сотвореніи имъ всего видимаго. — Thilo ¹⁾ читаетъ въ послѣдней фразѣ: *angelus* вм. *angeli*, а о *medietas* говоритъ: *videtur esse τόπος μεσότητος Valentinianorum et quae in eo est materia subtilior.* Замѣтка Бонакурса о катарахъ ²⁾: *ipsum diavolum credunt esse solem*—и черногорская пѣсня о Дукліанѣ оправдываютъ наше измѣненіе текста (*solis* вм. *stellarum*), указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ и на настоящій его смыслъ, не требующій никакихъ другихъ поправокъ: Сатана творитъ солнце (и луну) изъ двухъ половинокъ ³⁾ вѣнца ангела, что надъ водами; звѣзды — драгоценные камни этого вѣнца. Это объясняетъ и вѣнецъ Дукліана, т. е. сатаны: онъ отвѣчаетъ вѣнцу «ангела надъ водами» и сичему камню со дна моря галицкой

¹⁾ Codex apocryphus novi testamenti, стр. 887—888 и прим. 8.

²⁾ Vita haereticorum s. manifestatio haeresis Catharorum у D'Achéry, Spicilegii Vet. Script. t. I, стр. 209.

³⁾ Сл. Archiv f. lat. Lexicographie III 458 слѣд. (Wölfflin): *medietas*, встречающееся съ конца II вѣка у лат. писателей въ значеніи *μεσότης*, употребляется Палладіемъ, Вередіемъ, Аммианомъ и др., въ смыслѣ *половина*; такъ позднѣе (съ нач. 6-го вѣка) въ Италиі и во Франціи.

колядки, изъ котораго сотворено солнце и мѣсяцъ и дробныя звѣзды. Я полагаю, что эта космогоническая идея выражена въ черногорской пѣснѣ еще и другимъ параллельнымъ образомъ: яблокомъ, угодившимъ въ море; припомнимъ, что и сербская сказка предполагаетъ сходный символъ, говоря о солнцѣ, воткнутомъ на копье. Подъ яблокомъ слѣдуетъ разумѣть, быть можетъ, глазное яблоко, глазъ: въ «Свиткѣ» (рпк. Григоровича) говорится, что «солнце отъ нутренія ризы Господни, понеже Господь по лицу своему утреся, а луна отъ лица»; въ болгарскомъ спискѣ Бесѣды трехъ святителей (изд. Новаковичемъ) объясненіе другое: «Когато-то сотвори Богъ небо и земля, тогда помисли, како да сотвори чловека, и какъ ште да се распне и на смръть да са предаде, и когда смисли Богъ за своя-та смръть, тогда слъза паде изъ око Господне, и *отъ тата слъза нарече Богъ слънце и мѣсець*». Въ духовномъ стихѣ о Голубиной книгѣ солнце отъ лица Божія (вар. отъ груди), мѣсяцъ отъ груди, лица, очей Божіихъ; звѣзды отъ ризъ, но и отъ очей (сл. выше стр. 54 словинское преданіе); зоря отъ очей, но и отъ ризъ. — Яблоко (глазъ-солнце), попадающее въ море, откуда его надо достать, можетъ быть, лишь дублетъ къ задачѣ: достать солнце-вѣнецъ демона. То и другое въ его власти, какъ имъ созданное; позже говорили: похищенное; основой образа могло быть наблюденіе надъ солнцемъ (и другими свѣтлами), отражающимися въ морѣ, таящимися въ немъ¹⁾. Такъ объясняется и параллельный мифъ о солнцѣ-глазѣ Одина, данномъ имъ въ залогъ великану Мимиру, который держитъ его въ своемъ родникѣ—морѣ, Mimis-brunnr (Völuspá, строфы 27—9 ed. Sijmons), подъ мировымъ деревомъ. Въ этомъ Mimis-brunnr видѣли небо = небесный океанъ, съ его единственнымъ глазомъ солнцемъ; съ этой точки зрѣнія понятны объясненія, предложенныя Гриммомъ (D. Myth. 4-е изд. стр. 314 слѣд.) и Вигфуссономъ (Dict., a. v. Mimir) именъ,

¹⁾ Сл. Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde V, 1, стр. 102 и для слѣдующаго весь комментарий къ 18-й (по его тексту) строфѣ Völuspá, l. c., стр. 99 слѣд.

сложныхъ съ *mimir*: *hregg-mimir* (*hregg*: буря съ дождемъ) и *vett-mimir*: названіе двухъ изъ девяти небесъ сѣверной мнѳологій (сл. Müllenhoff, I. c., стр. 105); послѣднее *Vigfusson* толкуетъ: верхнее небо, Гриммъ: дающее влагу (*vaeta*: *humor*), ибо и *sökk-mimir* (*mimir* глубины; иначе *Vigfusson*: *sky of the Inferno?*), названіе одного исполина, возвращаетъ насъ къ представленію глубины, моря, какъ и *Mims-synir*, сыны Мимира, являющіеся въ разсказѣ о грядущемъ концѣ міра: разыграли сыны Мимира (*Völusrá*, 46 ed. Sijmons), т. е. волны, какъ переводили обыкновенно; *Vigfusson* и здѣсь объясняетъ предположительно: вѣтры ¹⁾.

Мимиръ — представитель досвѣтной, космической мудрости, утаенной отъ боговъ, въ извѣстномъ смыслѣ имъ враждебной; чтобы причаститься этой мудрости Одинъ, будто-бы, и отдалъ Мимиру свой глазъ (сл. *Gylfaginning* с. XV). На сколько эта редакція мифа сохранила его древнія очертанія — остается вопросомъ: выраженіе о глазѣ Одина = солнцѣ, какъ о залогѣ Одина (*veð Valfödur*), отзывается кеннингомъ въ манерѣ скальдовъ; оно могло быть отвлечено отъ мифа, но и мифъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ разсказывается, могъ сложиться въ соотвѣтствіи съ кеннингомъ.

Этимологически слово *Mimir* загадочно. Я. Гриммъ сближалъ его съ англос. *mimor*, теомор, *gemimer* (*memoriter notus*), *mimerian* (*memoria tenere*), нижненѣм. *mimeren* (*phantasieren*), съ другой стороны съ именами, какъ *Mime* (кузнецъ въ Битерольфѣ), *Mimilo*, *Mimedrūt* ²⁾; въ сравненіе идетъ и кентавръ

¹⁾ Такъ въ словарѣ. Въ *Corpus poet. boreale* I, стр. 198: *The sons of Mimi are astir*; II, стр. 626 и прим. на стр. 651, въ гипотически восстановленномъ текстѣ *Völusrá*, онъ печатаетъ: *leika Mims....*, но не переводитъ этого мѣста. Сл. Müllenhoff, I. c., стр. 107: *Sökkmimir = riesischer Geist der Tiefe*; стр. 141: *Mims synir = die einzelnen Quellen und Gewässer... oder ihre Wellen*.

²⁾ Сл. у Саксона Грамматика: *Miming*—гѣсной духъ, обладатель чудеснаго меча и записки, умножающаго сокровища. О мечѣ *Miminc* сл. Müllenhoff, *Zeugn. und Excursus, Za. f. deutsches Alterthum* XII, 365—6, 360, 277; сл. *Deutsche Alterthumskunde* I. c., стр. 105—6.

Mímas. Въ позднѣйшей замѣткѣ Гриммъ отказался отъ сближенія *Míme* съ *Mímir'*омъ, ибо въ первомъ вѣроятно *i*. Еслибы, по повѣркѣ, оно оказалось-бы таковымъ и въ послѣднемъ, то англосаксонскія параллели могли-бы послужить къ разясненію общаго имъ корня: *mím*, можетъ быть, съ первичнымъ смысломъ: удерживать, задерживать, потомъ уже: удерживать въ памяти, запоминать¹⁾. *Mímir* былъ-бы удерживающимъ, — какъ похититель солнца и какъ противоположность къ движущемуся, бурному: *Odinn* родственъ съ *Óðr*, гот. *wōds* = *δαίμωνίζόμενος*, *mad*, *frantic*; либо съ *Óðr*: *mind*, *wit*, *soul*, *sense*. Въ *Мимирѣ* и *Одинѣ* мы получили бы, такимъ образомъ, противоположность двухъ творческихъ началъ, не исключаящую совмѣстность дѣятельности: *Одинъ* научается у *Мимира*, онъ его другъ (*Mimsving*) — какъ и въ дуалистическомъ мнѣніи о мірозданіи богъ и Сатанаилъ стоятъ другъ къ другу близко, либо братья.—Замѣтимъ еще, что новое поколѣніе людей, послѣ гибели міра, произойдетъ отъ *Líf* и *Lífgrasir*, спрятавшихся въ древѣ *Hoddmimir'*а, т. е. *Мимира* сокровищъ, драгоценностей (*Vafþrúðnismál* 45; *Gylfaginning* 53).

Если *Müllenhoff*,²⁾ усматриваетъ въ *Mimir'*ъ «*einen . . . mit der höchsten Gottheit verbündeten, fürsorgenden Geist, den Denker*», говоря, что «*durch seine Verbindung mit dem Himmels-gott ist er ein wesentlicher Theil der Vorsehung selbst*» — то такое философское пониманіе едва-ли лежало въ основахъ древняго мифа.

Другихъ слѣдовъ дуализма въ сѣверной космогоніи намъ придется коснуться еще далѣе.

V.

Пока вернемся еще разъ къ содержанію сербской сказки и черногорской пѣсни, чтобы выяснитъ въ нихъ нѣсколько забытыхъ, очевидно богомильскихъ подробностей. Уже было замѣчено,

¹⁾ Этой попыткой толкованія я обязанъ Ф. А. Брауну.

²⁾ *l. c.*, стр. 105, 106.

что, противопоставленный Дуклиану-дьяволу, Иоанн могъ быть въ древнемъ преданіи только апостоломъ, богословомъ, не Крестителемъ. Къ этому предположенію ведетъ насъ не только особое уваженіе, которымъ пользовался среди богомиловъ именно Иоаннъ богословъ ¹⁾, но и слѣдующее апокрифическое слово объ Антихристѣ ²⁾ и ап. Иоаннѣ, упредившее планъ разобранныхъ выше сказки и пѣсни. И здѣсь мы присутствуемъ при преніи добраго и злого начала, Ивана и Антихриста (= Сатаны, Дуклиана), который приводится въ связь съ *солнечнымъ врагомъ*; вспомнимъ *солнце-отънецъ* Дуклиана. Преніе въ апокрифѣ отнесено къ концу дней; какъ и въ пѣснѣ, Иванъ летитъ на небеса, Антихристъ слѣдомъ за нимъ; можетъ быть, мотивъ чудесъ, совершенныхъ Антихристомъ, стоитъ въ извѣстной связи съ богемильскимъ представленіемъ о дьяволѣ — творцѣ.

Разсказъ начинается съ чудеснаго рожденія Антихриста; не изъ подобнаго-ли источника заимствованъ сходное сказаніе интерполированный текстъ Меоодіевскихъ откровеній? ³⁾ Антихристъ творитъ чудеса; Иоаннъ богословъ, являющійся его совопросникомъ въ согласіи съ нѣкоторыми памятниками ⁴⁾, сходитъ съ небесъ и препирается съ «дьяволомъ», который не въ состояніи оживить камни; Иоаннъ молится, «и тогда каменіе живо боудеть, и потечеть все каменіе. Богословъ же обратитъ се горѣ на небеса, и видѣвъ тои тогда Ан'тихристъ поидеть въслѣдъ нго. И рече Іоан'нъ богословъ къ Богу: Владыко, како можеши трѣпѣти, яко хоптешъ дѣаволь възгѣсти к тебѣ? И рече Богъ: Не брѣзи нго, да възгѣзеть толкон, и пакы на землю спаднеть. И иде

¹⁾ Проф. Дриновъ, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ, Спб. (1888), стр. 85—6, видитъ въ замѣнѣ ап. Іоанномъ ап. Петра въ извѣстной легендѣ о грѣшной матери, отпечатокъ богемильскихъ предизекцій. О другихъ слѣдахъ культа ап. Іоанна среди южныхъ славянъ я скажу при другомъ случаѣ.

²⁾ Starine XVI: Novaковиć, Priča o Antihristu (по ркп. нар. библіотеки въ Вѣнградѣ), стр. 81 слѣд.

³⁾ См. моя Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 72.

⁴⁾ См. моя Разысканія VIII, 396.

духъ дьяволовъ до вратъ небесныхъ. И срѣштоуть аггелы .і., и съвръгуть кого на землю, и слѣтять и паднѣ прѣдъ слыньчныимъ градомъ. Градь же ты весь златъ, иже ксть градь ты испльнкнѣ всього гада сміина. И сміи кдннѣ облѣжнть весь градь, и шпашь же дръжнть въ оустѣхъ оу вратѣхъ града. Юже и сміи ты всталь то тун, и лѣжнть противъ възбрало ти, а градь ты ксть въ ширинуу .зі. пырвшть, дльжннѣ и ширинѣ толико». Тогда явится Илія пророкъ и станеть бороться съ Антихристомъ.

Солнечный градь, очевидно, Вавилонъ средневѣковыхъ сказаній, нашей Повѣсти о вавилонскомъ царствѣ и гностическаго эпизода въ житіи свв. Кирика и Улиты, на который я снова обратилъ вниманіе въ моемъ отчетѣ о книгѣ Гастера ¹⁾. Онъ встрѣтился мнѣ въ одномъ славянскомъ спискѣ житія; Dillmann ²⁾ пересказываетъ его по сирійскому и арабскому текстамъ, вмѣняя его (стр. 348) подлиннику, отмѣченному уже въ индексѣ папы Геласія (495—496 г.) и, вѣроятно, отличавшемуся болѣе яркимъ гностическо-мавхейскимъ колоритомъ, чѣмъ его позднѣйшіе, очищенные пересказы.

Въ славянскомъ житіи Кирика и Улиту—сбираются бросить въ котель съ кипящей смолою, масломъ и воскомъ; Улита колеблетъ, но сынъ поддерживаетъ её напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей «отъ печи» Ананію, Азарію и Мисаила и пророка Данила изъ львиного рва, и далѣе говоритъ: «Не вѣсы-ли, мати моа, егда Маѣимнанъ црѣ повелѣ наю възложити въ корабь и сточитъ наю шть свое земле? Беху бо тамо свѣріе мнози, не можетъ еззыкъ члѣвъ ни исчесты, и ехидни аспидъ; бѣше бо ту змен великы, шпашь его досезаше до оустъ его и посрѣ^а его

¹⁾ Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, Мартъ, стр. 4 слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ сл. еще Kolberg, Lud, serua VII, ca. 8, стр. 24—5 и прим. (Сиввалы въ Вавилонѣ) и Rev. des traditions pop. IV, № 2: David Fitzgerald, De quelques légendes celtiques стр. 85 (къ образу змѣя, облегающаго городъ и т. п.).

²⁾ Ueber die apocryphen Märtyrergeschichten des Cyrillus und Julitta, въ Sitzungsberichte d. kgl. preuss. Akad. der W. zu Berlin, XVIII—XXIII.

блато ѡбѣстоаше миноующи .н̄. д̄ни. И гризешѣ травѣ и трѣстїе и хотѣху наю пожрѣти звѣріе тїи, нь Богъ спасе наю и избави насѣ ѡтѣ звѣри лютыхъ. Не вѣси ли, маты моа: егда придоховѣ къ Вавулону градуу и ѡбрѣтоховѣ его пуста, и бѣху ту зверїе мнози, и ны единь къ намъ не прикоснусе? Не вѣси ли, маты моа, гакѣ егда придоховѣ на рѣцѣ Маднамли, та бо ксть рѣка исходеще ѡтѣ бездны и с пекломъ течеть размесь, тоу же рѣку не можеть ни единь члвкъ прѣйти, нь божіемъ повелѣніемъ въ суб[оту] прѣходеть ¹⁾, и тогда прїадутъ вси зверїе, темъ же ксть камень зелель, — а ми прѣидоховѣ въ д̄нѣ четвертокъ повелѣніемъ божіемъ».

Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ сирійскаго житїя (Dillmann, стр. 346—7), напомнившїй Дильманну отреченныя Дѣянїя апостола Фомы, особливо ихъ гностическїй гимнь. «Стоя въ котлѣ, св. Кирїакъ началъ на своемъ языкѣ читать молитву, содержанїе которой въ переводѣ такое: Се врата Господа, въ которыя вступаютъ праведные! И снова сказалъ онъ: Когда я молился, мать моя сдѣлала мнѣ одежду (στολή) и украсила еѣ жемчугомъ; мать моя—церковь, жемчугъ—божественныя слова, наставленїе св. Духа. Съ знаменїемъ эпистолиї св. Духа (съ посланїемъ св. Духа, какъ знаменїемъ?) я былъ посланъ въ мрачный градъ, гдѣ не было ни одного луча свѣта, ни солнца, ни луны, ни мѣсяца. Когда я прибылъ въ градъ . . . , я нашелъ тамъ онокентавровъ и гиппокентавровъ и волшебяицу Lmmtaus (или Lmmtaos) и множество демоновъ: они хотѣли уничтожить меня, но эпистолиї ихъ отогнала. Затѣмъ я прибылъ въ Вавилонъ, къ рѣкѣ, нарицаемой страшною (Tausris или Таосрис), черезъ которую люди могутъ переправитя лишь въ субботу, ибо и ей повелѣно покоитя въ первый день недѣли. Въ той рѣкѣ есть нѣчто, истекающее изъ глубины, и все это песокъ, ни одинъ чловѣкъ не въ состоянїи увидѣть воды той рѣки. Когда я пе-

¹⁾ См. преданїя о рѣкѣ Сабатїонѣ въ моемъ изслѣдованїи: Изъ исторїи романа и повѣсти вып. I, стр. 286 прим. 2 и 292, прим. 1.

реправился черезъ рѣку, я прибылъ въ тотъ городъ, море собранія (море Квіа и Кбіа), и нашелъ тамъ змѣй и ехиднъ и многочисленную рать демоновъ, великихъ драконовъ и царя всѣхъ земныхъ пресмыкающихся, опашь котораго засунута въ его пасть ¹⁾, а передъ лицомъ его лежитъ путь ехиднъ; у него зубы, что острыя иглы, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, когти что когти орла, пасть какъ острый вертелъ; пищей ему служить папирусъ и кожа воловъ; изъ его ноздрей исходитъ духъ, подобный дыму, а когда онъ раскрываетъ пасть, въ теченіи семи дней проглатываетъ воды Иордана, и ни одна капля не упадетъ изъ рта. Это тотъ змѣй, который совратилъ вождельніями ангеловъ съ высоты; змѣй, соблазвившій перваго Адама и изгнавшій его изъ рая (формула: «это змѣй» повторяется нѣсколько разъ къ ряду, съ такими же библейскими воспоминаніями). Когда онъ узрѣлъ меня, онъ хотѣлъ меня проглотить, но письмо заткнуло ему пасть. Тогда явился Спаситель, сжегъ великаго змѣя, отогналъ отъ меня сонмище демона, собралъ все, что осталось отъ израильской рати и выслалъ ихъ въ тотъ градъ; и они казались единоплеменными. А есть въ томъ градѣ знаменіе: пороги и врата изъ желѣза, въ 300 исполнскихъ аршиновъ высотой (Второзаконіе 3, 11 Pesch.); говорятъ, что въ послѣдніе дни то желѣзо и пороги будутъ стоптаны ногами проходящихъ, такъ что отъ желѣза ничего не останется на томъ мѣстѣ для идущаго вокругъ пути живыхъ. Когда я прибылъ въ городъ царства (stadt des Reiches), я окончилъ мои молитвы».

Связь этого эпизода изъ житія свв. Кирика и Улиты съ соотвѣтствующимъ отрывкомъ апокрифа — несомнѣнна: вездѣ одинъ и тотъ же образъ чудовищнаго змѣя, а этотъ змѣй — Сатана, Антихристъ. Вавилонъ житія — и нашей повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ — отвѣчаетъ «солнечному граду» апокрифа, куда сверженъ Антихристъ, но гдѣ онъ въ сущности пребываетъ,

¹⁾ Dillman, l. c. стр. 847, прим. 2. См. сходный образъ въ отреченныхъ Діаволахъ ап. Фомы: οὐ τὴ οὐρὰ ἔχουσαι τῆ ἰδία στόματι

ибо онъ создатель солнца (Lib. S. Johannis); вѣнецъ Дукліана есть отраженіе этого своеобразнаго представленія Люцифера. Въ нашей Новѣсти о вавилонскомъ царствѣ апокалипсическія черты этого сказанія объ Антихристѣ уступили мѣсто сказочной фантазмагоріи; тѣмъ интереснѣе совпаденіе нѣкоторыхъ его подробностей съ чертами сирійскаго житія. Въ послѣднемъ драконѣ, облегающій городъ, — демонъ, «царь пресмыкающихся»: у него хвостъ сошелся съ пастью, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, изъ ноздрей выходитъ дымъ. Въ повѣсти онъ обратился въ какую-то подѣлку Навуходносора и оживаетъ лишь впоследствии, какъ оживаютъ, на пагубу всѣмъ, змій, начертанные на вавилонской утвари и оружій: своеобразная перелицовка апокалипсической данной — объ антихристовомъ начертаніи, о печати змія. Рассказывается, что Навуходносоръ велѣлъ сотворить вокругъ города «змій великъ, во главу бы змиеву вѣздъ въ градъ»; «глава бы змиева во вратѣхъ градныхъ съ хоботомъ свилась»; и «повелѣ во вратѣхъ градныхъ, въ главѣ змиевѣ по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлати, и за тѣ рѣшетки повелѣ уголія навозити; и какъ во время посольскаго приходу, егда послы придуть отъ великихъ царей и великихъ кралей, и тогда Навуходносоръ царь вавилонскій повелитъ грознымъ своимъ воеводамъ за градомъ на полѣ, на двадцати вѣрстахъ до града, полки великіе урядити и по полкамъ знамена львовы, и во всѣхъ полкахъ набаты и накры и многогласныя трубы. Егда же послы пойдутъ въскрозь великіе полки, тогда во всѣхъ полкахъ ударити повелѣ воеводы во всѣ набаты и накры и во многогласныя трубы, и тогда послы весело буюше идучи. А како близъ вратъ градныхъ придуть, и тогда триста кузнецовъ начнутъ въ мѣхи дуги разжегши уголье, и тогда дымъ и искры; а какъ выйдутъ послы во врата въ главу змиеву, и тогда огонь и поломя опалятъ пословъ. И тогда послы ужаси великія исполнятся и пришедъ къ великому царю Навуходносору поклонятся».

Если эпизодъ о вавилонскомъ змѣѣ и царствѣ входитъ въ

составъ житія о Кирикѣ и Улитѣ и принадлежитъ по замыслу не къ объективно-повѣствовательнымъ, а къ легендарно-апокрифическимъ мотивамъ, то намъ важно отмѣтить мнѣніе Дильмана: о его гностическо-манихейскомъ колоритѣ. Это указываетъ на кругъ идей, въ которыхъ вращались богомилы: именно такого рода апокрифы могли быть у нихъ въ ходу и отразиться впоследствии въ южно-славянской народной пѣснѣ, легендѣ — и повѣсти. Этимъ я ставлю вопросъ о южнославянскомъ происхожденіи «Повѣсти о вавилонскомъ царствѣ», найденной до сихъ поръ лишь въ русскихъ спискахъ: въ основѣ его тотъ-же апокрифъ, но въ позднѣйшей стадіи своего литературнаго примѣненія; и здѣсь данныя апокрифа развились въ схему повѣсти, какъ талмудическіе рассказы о Соломонѣ перешли въ романтическое сказаніе объ увозѣ его жены. Христіанскіе и апокрифическіе сюжеты спускались въ кругъ свѣтскаго чтенія, какъ, наоборотъ, христіанизировались свѣтскіе мотивы¹⁾; и тѣ и другіе питали народную поэзію.

Я имѣю въ виду черногорскую пѣсню объ Иванѣ и Дукліанѣ, въ которой предложу еще одинъ комментарий.

Гонимая за Иваномъ Дукліанъ-дьяволъ отхватилъ у него часть ноги подъ ступнею; оттого будто бы у всѣхъ людей подъ ногою выемъ; полѣсская легенда (сл. выше, стр. 82) объясняетъ это иначе. Мы, очевидно, имѣемъ дѣло, съ одной изъ такъ называемыхъ *légendes des origines*, отвѣчающихъ какимъ нибудь рассказамъ, традиціоннымъ или нѣтъ, на вопросы: откуда у того или другого звѣря, птицы та или другая повадка, цвѣтъ перьевъ, форма ушей и хвоста и т. п.? Отчего короткія уши у верблюда

¹⁾ Въ сербской Александріи, въ эпизодѣ о взятіи Аенія, говорится: *«и ерата великаа Ариева леда падоме се»*. Проф. Дестунишъ предложилъ очень вѣроятную догадку, что Ариева леда—переводъ Ἄριος πάρος (сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 181). Сл. Сборникъ Импер. Публ. библ. XVI вѣка, № ХСІ (Погодин. № 1287) л. 170: «Въ Аеніѣхъ прѣдъ идолюскою црковью лежаше камень великъ, на немже Арій оучаше людѣи, и оученіеъ его мнози ширачишѣ, и сѣмъ сѣ ширази и тогъ рѣкъ нарекоша камень тогъ Ариѣ ледъ».

и медвѣдя? ¹⁾ отчего у сокола крылья какъ-будто окарнаны ²⁾, у человѣка — впадина подъ мышкой ³⁾, впадина подъ ступней? Отчего хромъ чертъ? На послѣдній вопросъ отвѣчаетъ рядъ сказокъ, записанныхъ въ Болгаріи, у хорватовъ, грековъ, албанцевъ, малороссовъ и эстонцевъ ⁴⁾. Общее содержаніе такое: когда Господь сотворилъ человѣка изъ земли, дьяволъ также принялся за творчество и слѣпилъ волка, но не въ состояніи былъ оживить его — какъ и въ разсказѣ у Зигабена онъ не въ силахъ вдохнуть духъ жизни въ первозданнаго человѣка. Какъ и тамъ, Господь является на помощь: оживилъ волка, а тотъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ; дьяволъ отъ него, полѣзъ на дерево, но волкъ догналъ его и откусилъ пяты; съ тѣхъ поръ чертъ — безпятаый, какъ по сѣверному миеу (Gylfaginning 50) у лосося тонкій хвостъ съ тѣхъ поръ, какъ Торъ схватилъ Локи, принявшаго образъ этой рыбы.

Всѣ это — отрывки зоогонической сказки, входившей въ кругъ древнихъ легендъ о дьяволѣ — творцѣ. Уже въ разсказѣ Зигабена ему приписано созданіе змѣи; въ эстонскомъ преданіи онъ также творитъ змѣю (изъ песку; сл. соответствующія черты у Зигабена) и жабу; въ финскомъ змѣя произошла отъ плевка *Sujätätg* (= Шайтанъ Мордвы, Кереметь черемисовъ) въ морскія волны, которыя растянули его, а злой духъ его жи-

¹⁾ Сл. мон. Замятки по литературѣ и народной словесности I, стр. 54. Сл. Колмачевскій, I. с. стр. 81 слѣд.; Чубинскій, Труды I, стр. 52; Méluaine II № 28 (сказка о лисѣ и медвѣдѣ — волкѣ, объясняющая, почему у медвѣдя хвостъ коротокъ. Инд. изъ Америки).

²⁾ Сл. разсказъ Негвагагага⁴. Сл. мон. Мелкія замятки къ былинкамъ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLVII, отд. 2, стр. 81.

³⁾ Сл. мон: Противорѣчія итальянскаго возрожденія, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLIV, отд. 2, стр. 386. О подобныхъ *legendes des origines* см. мой отчетъ о книгѣ *Mariani* въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXLIV, отд. 2, стр. 216 слѣд. и отдѣлъ *Les rouquoué* въ *Revue des trad. pop.* II, стр. 488 слѣд., стр. 491 слѣд.; III, стр. 25 слѣд., 97 слѣд., 156 слѣд., 262 слѣд., 616—617.

⁴⁾ Сл. мон. Разысканія VIII, стр. 328—332, 458—9; Шапкаревъ, Болгарскіи народни присказки и вѣрованія № 7-й; Драгомановъ, Малорусск. нар. преданія и разказы, стр. 43, 59; Заря 1883 г., стр. 250; Рудченко I, 72.

вилъ¹⁾; въ малорусскомъ чертъ слѣпилъ изъ глины такого большаго волка, что его пришлось острогать: изъ стружекъ понадѣлались шершни, оводы, мухи, комары²⁾; болгарскія³⁾, русская⁴⁾, нѣмецкая и литовская (сл. выше, стр. 75) — сотвореніе козы или козла; въ чтеніе отъ Адама (Вопросы и отвѣты, сл. Jagić, Prilozi, стр. 43) дьяволомъ созданы медвѣдь⁵⁾, вѣшкѣ и волкодлаки; въ легендѣ у Терещенка (V, 45) — ракъ; въ Сициліи онъ является творцемъ нетопыря (taddarita), который и носить его образъ⁶⁾. Такъ вѣроятно и въ приведенномъ выше (сл. стр. 11) мордовскомъ сказаніи гдѣ Шайтанъ ѣздитъ сдѣлать тѣло человѣка, но у него выходитъ то свинья, то собака, то гадъ, пока птичка-мышь не принесла ему полотенце Чамъ-Паса. — Если въ Малороссіи и Польшѣ (сл. выше, стр. 64 и прим.) куколь или осеть достались черту (имъ созданы?), то въ сѣверной Ютландіи и Даніи «овсомъ Локк» зовется родъ вреднаго злака: *polutrichum comstune, avena fatua, rhinatus christa galli* ?). — Бразильскіе негры рассказываютъ, что когда изъ подражанія Господу дьяволъ принялся за созданіе человѣка, онъ слѣпилъ изъ глины — негра⁷⁾. Въ Бретани его зовутъ подражателемъ Бога (*le singe de Dieu*); двойственность творчества простирается на цѣлый рядъ предметовъ и явленій, изъ числа которыхъ мы выберемъ самыя показательныя:

¹⁾ Сл. Кролл, I. с., 171.

²⁾ Чубинскій, Труды I, стр. 52.

³⁾ Драгомановъ, Малор. Нар. преданія и рассказы, стр. 481 (въ болгарскомъ сказаніи о сотвореніи міра); сл. Крауса, *Sagen u. Märchen der Südlaven I*, № 29.

⁴⁾ Садовниковъ, Сказки самарскаго края № 82, стр. 251.

⁵⁾ У черемисовъ медвѣдь поставленъ въ самое близкое отношеніе къ Керемету, который въ его образѣ показывается людямъ. Сл. Знаменскій, I. с. стр. 80.

⁶⁾ Pitre, *Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane v. XVIII: Fiabe e leggende*, № CXXIII. Чехи считаютъ мышь созданиемъ черта.

⁷⁾ Weinhold, *Die Sagen von Loki*, *Za. f. deutsch. Alterthum VII*, стр. 85; Maurer, *Isländische Volkssagen*, стр. 1.

⁸⁾ Girard de Rialle, *L'origine des Nègres*, *Rev. des traditions populaires II*, 41.

Богъ сотворилъ человѣка,	дьяволъ женщину и обезьяну.
» » корову,	» козу.
» » быка,	» козла.
» » овцу,	» волка.
» » собаку,	» волка, лису.
» » голубя,	» сороку.
» » ласточку,	» летучую мышь.
» » пчелу,	» осу, муху.
» » розу,	» шиповникъ.
» » пшеницу, рожь,	» осоку, плевель.
» » овесь,	» <i>avena fatua</i> .
» » землю,	» воду, чтобы потопить ее.
» » солнце,	» мѣсяць.
» » день,	» ночь ¹⁾ .

Во всѣхъ этихъ разсказахъ и повѣрьяхъ творчество дьявола отличается отрицательнымъ характеромъ, который въ христіанскихъ пересказахъ долженъ былъ принять особый оттѣнокъ: дьяволъ творитъ вредныхъ животныхъ по преимуществу, въ совопросничествѣ съ богомъ, творцемъ всего благого ²⁾. Эта идея совопросничества въ актѣ творенія, ясно выраженная въ богومیльскомъ апокрифѣ, даетъ особое значеніе мотиву, указанному мною въ одной бретонской легендѣ и въ эпизодѣ *Roman du Renart*. Въ первой разсказывается, что Господь, ударивъ тростью по очагу, создалъ корову; женщина повторяетъ ударъ, отъ котораго является огромный волкъ, пожирающій корову. Въ первой браншѣ романа о *Renart* всѣ вредные звѣри, между прочимъ, и волкъ, выходятъ изъ моря по мановенію Еввы, полезные — по знаку Адама. Всюду сопоставлены, подъ разными именами, до-

¹⁾ G. Le Calvez, *Les oeuvres de Dieu et celles du Diable*, t. c. I, 202—3.

²⁾ Интересно согласіе преданій относительно созданія Богомъ пчелы — въ болгарской — и мордовской (Нишки-пасъ) легендахъ. Такъ у русскихъ и чувашей разсказывается о происхожденіи пчелы изъ пупка великаго Бога (чувашин), изъ пупка Христа во время его страданія на крестѣ. Св. Магнитскій, *Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры*, стр. 251 и прим. 1.

брое и злое начала, по этимъ категоріямъ располагается и все созданное. Что дѣлаеть эти сказки особенно интересными въ связи съ идеей, которую мы преслѣдуемъ, это не категорія созданнаго, а актъ совмѣстнаго творчества, вызвавшій ихъ къ жизни.

Въ связи съ этими сказками стоитъ эпизодъ алтайской легенды, записанной Радловымъ (сл. выше стр. 22), къ которой мы позволимъ себѣ вернуться. Эрликъ, желая сотворить себѣ людей, подданныхъ, становится кузнецомъ: изъ подъ его молота выскакиваютъ другъ за другомъ лягушка, змѣя, медвѣдь, кабанъ, два демона и верблюдъ. Господь отвѣчаетъ ему такимъ-же актомъ творчества, но въ проявленіи его категоріи добра и зла, очевидно, забыты: Богъ бросаетъ въ огонь всѣ орудія Эрлика, изъ мѣха вышла женщина, изъ полосы и молота мушкетеръ, когда Господь плюнулъ на нихъ, въ цаплю и крысу.

Алтайское сказаніе освѣщаетъ намъ въ свою очередь нѣкоторыя подробности Калевалы, позволяетъ, по крайней мѣрѣ, предложить по ихъ поводу, нѣсколько вопросовъ. Что въ Калевалѣ сопоставлены, иногда и не совсѣмъ удачно, понятія и представленія, не гармонирующія другъ съ другомъ, извѣстно всякому, кто знакомъ съ происхожденіемъ этого своднаго эпоса. Именно въ легендахъ о міротвореніи противорѣчія замѣчаются особенно рѣзко. Въ первой рунѣ разсказывается о дѣвѣ воздуха, Изьматарь, спустившейся на море и оплодотворенной вѣтромъ. На ея колѣнѣхъ утка снесла семь яицъ, шесть золотыхъ, одно желѣзное; они скатились, но

Не погибли яйца въ тинѣ
И куски во влагѣ моря,
Но прекрасно измѣнились,
Превратились въ обломки:
Изъ яйца, изъ нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Изъ яйца, изъ верхней части,
Сталъ высокій сводъ небесный;

Изъ желта, изъ верхней части,
 Солнце свѣтлое явилось;
 Изъ бѣла, изъ верхней части,
 Ясный мѣсяцъ появился;
 Изъ ясна, изъ нестрой части,
 Звѣзды сдѣлались на небѣ;
 Изъ ясна, изъ темной части,
 Тучи въ воздухъ явились ¹⁾.

Затѣмъ сама Ильматаръ начинаетъ творить на морѣ ²⁾.

Только руку простирала,
 Воздвигала тотчасъ мисы;
 Гдѣ ногою становилась,
 Вырвала рибамъ ямы;
 Гдѣ же вовсе погружалась,
 Глуби глубже становилась.
 Гдѣ земли касалась бокомъ,
 Ровный берегъ тамъ являлся;
 Гдѣ земли ногой касалась,
 Тамъ лосось тони стали;
 Гдѣ главою приближалась,
 Вухты малыя являлись.
 Отплыла отъ суши дальше,
 На волнахъ остановилась,
 Создала скалы въ морѣ
 И подводные утесы,
 Чтобъ суда тамъ разбивались,
 Чтобъ люди погибали.

Ужъ утесы создались,
 Скалы въ морѣ основались,
 Ужъ столбы вѣтровъ воздвиглись.
 Создался словомъ страны,
 Ярмо камни занестрали,
 И наморщились утесы —

не рождался лишь сынъ Ильматаръ, Вейнемейненъ (Vainâ:

¹⁾ Калевала, переводъ Л. П. Бѣльскаго, Пантеонъ Литературы 1888, Генуя, стр. 21.

²⁾ I. c. 22.

стоячая, тихая вода), продолжающій потомъ эти подвиги устроенія—по отношенію къ человѣку, не къ космосу.

Такъ во второмъ текстѣ Калевалы; въ первомъ изданіи, поддержанномъ въ этомъ случаѣ согласіемъ всѣхъ извѣстныхъ намъ по записи народныхъ пѣсенъ ¹⁾, самъ Вейнемейненъ является демиургомъ: онъ носится по волнамъ моря и гдѣ подниметъ голову, тамъ по его слову поднимается островъ, куда простретъ руку, протянется мысль, гдѣ коснется ногой морскаго дна, тамъ станеть глубь для рыбы и т. д. На его-то колѣнѣ, выставившемся изъ воды, точно холмъ, покрытый травою, орлица снесла семь яицъ и происходитъ дальнѣйшее творчество, приписанное въ предъидущемъ варіантѣ Ильматаръ. — По еще третьему разнорѣчію орелъ, вернувшись къ гнѣзду и найдя свои яйца разбитыми, творитъ изъ нихъ міръ ²⁾.

Krohn ³⁾ указываетъ на пѣсни, записанныя въ Ингерманландіи, въ нѣкоторыхъ областяхъ сѣверной Финляндіи и у эстовъ, съ тѣмъ же образомъ птицы (ласточки, орла) и яицъ, изъ частей которыхъ происходитъ твореніе всего видимаго; демиурга нѣтъ, его появленіе характеризуетъ космогоническія сказанія сѣверныхъ финновъ. Такимъ является, какъ мы видѣли, Вейнемейненъ, но, рядомъ съ нимъ, начиная съ седьмой руны Калевалы, и Ильмариненъ. Когда хозяйка Похьолы сулитъ Вейнемейнену руку своей дочери подъ условіемъ, чтобы онъ сковалъ ей Сампо, тотъ отказывается, обѣщаясь прислать вмѣсто себя Ильмаринена:

Онъ кузнецъ, и первый въ мірѣ,
Первый мастеръ онъ въ искусствѣ,
Вѣдь онъ выковалъ ужъ небо,
Крышу воздухъ сковалъ онъ,
Такъ что нѣтъ слѣдовъ оковки,
И слѣдовъ влещей не видно ⁴⁾.

¹⁾ Krohn, l. c. стр. 154.

²⁾ Castrén's Vorlesungen über die finnische Mythologie, übersetzt von A. Schiefner, стр. 287—9.

³⁾ l. c. 161—8.

⁴⁾ Бѣльскій, l. c. Февраль 1888, стр. 88.

Сл. руну 49-ую (Ильмариненъ о себѣ):

Никакого нѣтъ тутъ чуда,
 Что кузнецъ я, и хорошій,
 Если выковалъ я небс,
 Кровлю воздуха устроилъ ¹⁾—

что, какъ видно, въ совершенномъ противорѣчїи съ тѣмъ, что о созданїи неба сказано было въ 1-й рунѣ. Въ другомъ мѣстѣ говорится (49 руна): когда хозяйка Похьолы похитила солнце и мѣсяць, Ильмариненъ попытался сковать то и другое изъ золота и серебра,

Кверху смесъ ихъ осторожно,
 Высоко онъ ихъ поставилъ,
 На сосну отнесъ онъ мѣсяць,
 На вершину ели солнце;

 Но сіять не хочетъ мѣсяць,
 И свѣтитъ не хочетъ солнце ²⁾.

Въ связи съ этимъ эпизодомъ стоятъ другой (руна 10): Ильмариненъ не слушаетъ уговоровъ Вейнемейнена и не хочетъ ѣхать въ Похьолу ковать Сампо; Вейнемейненъ поднимается на хитрость: увлекаетъ Ильмаринена разговоромъ о видѣнномъ имъ чудѣ:

Есть сосна съ главою цвѣтущей
 И съ вѣтвями золотыми
 На краю поляни Осмо:
 За вершиней свѣтитъ мѣсяць
 И Медвѣдица на вѣткахъ ³⁾.

Всѣ это Вейнемейненъ сдѣлалъ своимъ волшебствомъ; Ильмариненъ соблазняется, идетъ посмотреть на диво, полѣзъ доста-

¹⁾ I. с., Декабрь 1898, стр. 580.

²⁾ I. с. 578.

³⁾ I. с. Февраль, стр. 108—109. По наблюденїямъ Крома въ пѣсенномъ оригиналѣ Лѣпрота на вершинѣ сосны являлись куница и бѣлка; Лѣпротъ замѣнилъ ихъ мѣсяцемъ и звѣздами, и замѣнилъ удачно, въ стилѣ преданїя.

вѣтъ мѣсяць и звѣзды, а въ это время, чарами Вейнемейнена, поднялся вѣтеръ и унесъ кузнеца въ морозную Похьолу.

Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно-космическимъ мифомъ, лишь приложеннымъ позднѣйшею эпическою пѣсней къ другимъ цѣлямъ. Въ началѣ Ильмариненъ въ самомъ дѣлѣ сковалъ, вмѣстѣ съ небомъ, и солнце и мѣсяць. Такъ въ эстонскомъ мифѣ, гдѣ Wappa issa, пребывавшій въ своемъ высокомъ небѣ, въ покоѣ, освѣщенномъ солнцемъ (позднѣйшая уступка идеѣ единобожія), творитъ героевъ, между прочимъ Wappeshiine и Pimagine ¹⁾, и пока они спятъ, создаетъ свѣтъ; во время его сна они довершаютъ его: Ильмариненъ выковалъ изъ стали и распростеръ надъ землею сводъ неба, прикрѣпилъ къ нему свѣтлыя звѣзды и мѣсяць — и солнце, взятое изъ покоя Wappa issa'ы, устроивъ такъ его механизмъ, что оно опускалось и поднималось.

Варьянтомъ этого космогоническаго мифа представляется мифъ разсказъ о томъ, какъ Ильмариненъ сковалъ Сампо: чудесную мельницу, которая молола муку, соль и деньги, одну мѣру на потребу, другую для продажи, третью про запасъ (руна 10). Отъ Сампо изобиліе:

Отчего не жить Похьолѣ,
Если Сампо есть въ Похьолѣ?
Тамъ наханье, тамъ посѣвы,
Тамъ различныя растенья,
Неизмѣнны тамъ блага (руна 38) ²⁾

Когда позднѣе Вейнемейненъ съ товарищами похитили Сампо, хозяйка Похьолы нагнала ихъ въ образѣ орла, схватила Сампо и бросила въ море. Чудесная мельница разбилась въ куски:

Потонули тѣ обломки,
Тѣ куски большіе Сампо,

¹⁾ Castrén, I. с. 294—6. Сл. Krohn, I. с. 170: въ западныхъ эпическихъ пѣсняхъ Pimagatsche = Pimaginen называется первымъ слугою отца, владетелемъ міра.

²⁾ Вѣльскій, I. с. Октябрь 1886, стр. 466.

Въ глубинѣхъ потоковъ синихъ,
 Въ темной тинѣ дна морского;
 Тамъ отъ нихъ въ водѣ богатство
 И сокровища у Ато....
 Полегли куски другіе,
 Тѣ обломки, что поменьше,
 На хребтѣ морей синѣвнскихъ,
 На волнахъ морей широкихъ,
 Чтобъ морской началъ ихъ вѣтеръ,
 Колыхало-бъ ихъ теченье.

Тѣ осколки понесло къ берегу; видитъ это Вейнемейнегъ,

Онъ обрадовался очень,
 Говорилъ слова такіа:
 «Вотъ отсюда выйдеть сѣмя,
 Неизмѣнныхъ благъ начало,
 И паханье, и посѣвы,
 И различныя растенья,
 И блескъ мѣсяца отсюда,
 Благодѣтельный свѣтъ солнца
 На большихъ поляхъ Суоми,
 На родныхъ моихъ поляхъ (руна 48) ¹⁾».

Сампо, несомнѣнно, символъ природной производительности и плодородія; Ильмариненъ не только создатель тверди съ его свѣтилами, но и податель земныхъ благъ.

По свидѣтельству Крона народныя гѣсни поютъ про кованіе Сампо кратко, не болѣе, какъ въ четырехъ стихахъ; Лёнротъ развилъ этотъ эпизодъ подробностями, заимствованными изъ сообщаемого далѣе разказа о кованіи жены, и внесъ нѣкоторыя произвольныя поправки, не мѣняющія впрочемъ стиля цѣлага. Такъ онъ замѣнилъ мечъ народной гѣсни лукомъ и присоединилъ въ концѣ явленіе плуга; получился рядъ образовъ, символизирующихъ стадіи историческаго развитія: отъ охоты (лукъ) и рыболовства (челнокъ) къ скотоводству (корова) и пахотѣ (плугъ).

¹⁾ 1. с. Ноябрь стр. 514—515.

Народъ не знаетъ такой послѣдовательности и рефлексіи. Все это надо имѣть въ виду при чтеніи слѣдующаго эпизода 10-й руны Калевалы ¹⁾).

Ильмариненъ работаетъ, смотритъ на дно горнила, что выходитъ:

Лукъ изъ пламени явился
Съ блескомъ мѣсяца златого,
Серебромъ концы блестящи,
Рукоятка нестрой мѣдью.
Видъ по виду лукъ прекрасенъ,
Но имѣлъ дурное свойство:
Каждый день просилъ онъ жертвы,
А по праздникамъ и вдвое.

Лукъ брошенъ въ пламя, и снова началась работа. На другой день

Изъ огня челнокъ тамъ вышелъ,
Вышла лодка темной краски:
Влатомъ бортъ ея украшенъ,
И уключины изъ мѣди.
Видъ челнокъ прекрасенъ съ виду,
Но имѣлъ дурное свойство:
Самъ собою шелъ въ сраженье,
Безъ нужды стремился въ битву.

На третій день

Изъ огня корова вышла,
У нея рога златые,
Среди гба у ней созвѣздье,
Между рогъ сіялъ кругъ солнца.
Хороша корова съ виду,
То у ней дурное свойство:
Снитъ средь гбса постоянно,
Молоко пускаетъ въ землю.

Въ четвертый разъ

Изъ огня тамъ плугъ выходитъ,
У него сошники изъ злата,

¹⁾ 1. с. Февраль 114—116.

Стержень плуга былъ изъ мѣди,
И серебряная ручка.
Съ виду былъ тотъ плугъ прекрасенъ,
Но имѣлъ дурное свойство:
Онъ нахалъ поля чужія,
Ворождалъ онъ лучшей выгонъ.

Лишь послѣ этихъ подѣлокъ выходитъ изъ горнила сокровище — Сампо.

Сл. рассказъ 37-й руны о томъ, какъ Ильмариненъ, потерявъ жену, принялся ковать себѣ новую изъ золота и серебра. Здѣсь мы вступаемъ въ дѣйствительную параллель съ алтайской сказкой ¹⁾:

Взялъ онъ золота изъ моря,
Серебра въ морскихъ теченьяхъ,
Сгромоздилъ деревья въ кучу,
Тридцать разъ за ними падилъ;
Сжегъ деревья эти въ угли,
Наложилъ углей въ горнило.

Взялъ онъ собранное золото,
Серебра онъ взялъ обломковъ
Въ ростъ осенняго агненка
Или зимняго зайченка.
Бросилъ золото, чтобъ клавить,
Серебро въ горнило бросилъ,
Раздувать нѣхи поставилъ
Слугъ, работниковъ подонныхъ.

Раздувають сильно слуги
И нѣха они качають;
Руки ихъ безъ рукавичекъ,
Плечи вовсе не покрыты.
Самъ кователь Ильмариненъ
Поворачиваетъ угли,
Чтобъ изъ золота фигуру,
Изъ серебра невесту сдѣлать.

¹⁾ Сл. I. с., 1886 г. Сентября стр. 456 слѣд. Сл. тотъ-же сюжетъ, но съ сокращеніемъ подробностей, въ *Finnische Märchen abers. v. Emmy Schreck* (1887) № 1, стр. 8 слѣд.

Слуги плохо раздувають
 И мѣхи качаютъ слабо.
 Самъ кователь Ильмариненъ
 Раздувать мѣхи подходитъ:
 Разъ качнулъ, качнулъ другой разъ,
 И потомъ, при третьемъ разѣ,
 Посмотрѣлъ на дно горнила,
 На краю горящей печки:
 Что выходитъ изъ горнила,
 Что въ огнѣ тамъ пронеходить?

Вотъ овца изъ печи вышла,
 Побѣжала изъ горнила;
 Шерсть изъ золота и изъ мѣди,
 Изъ серебра есть также шерстка,
 Чтобы все довольны были,—
 Ильмариненъ недоволенъ:

Бросивъ въ печь овцу, онъ снова принимается за работу:

Изъ огня бѣжать жеребчикъ
 И къ мѣхамъ онъ подбѣгаетъ
 Златогривный, среброглавый,
 А конница все изъ мѣди.

Снова недоволенъ Ильмариненъ:

Я жемч лишь ждалъ изъ злата,
 Изъ серебра себя сунруги.

Жеребчикъ брошенъ въ горнило; по третьему разу

Изъ горнила вышла дѣва
 Съ золотыми волосами
 И съ серебряной головкой,
 Съ превосходнымъ, чуднымъ станомъ,
 Такъ что прочимъ стало страшно —
 Ильмаринену не страшно.

Сталъ трудиться Ильмариненъ,
 Самъ кузнецъ, надъ той фигурой;
 Онъ ковалъ не снавши ночи,
 Днямъ ковалъ безъ остановки,
 Ноги сдѣлалъ этой дѣвѣ,
 Ноги сдѣлалъ ей и рукамъ;

Но нога идти не можетъ
И рука не обнимаетъ.

Овъ куеть дѣвигѣ уни,
Но овѣ не могутъ слышать;
Овъ уста искусно одѣлалъ,
И глаза ей, какъ живые;
Но уста безъ словъ остались
И глаза безъ блеска чувства.

И промовилъ Ильмариненъ:
«Хороша была-бы дѣва,
Еслибъ рѣчью обладала,
Языкомъ одумевленнымъ».

Ночью на брачномъ ложѣ, съ того бока, гдѣ лежитъ молодая,

Только холодъ проникаетъ,
Лишь морозъ проходитъ страшный,

и Ильмариненъ бросаетъ красавицу по уговору Вейнемейнена.

Сравненіе съ алтайской легендой указываетъ на настоящее значеніе финской: она была, первоначально, такого-же космогоническаго характера. Ильмариненъ — творецъ всего видимаго, плотскаго, прозябающаго; Вейнемейненъ вѣщій мудрецъ и гѣвонецъ, представитель человѣческой культуры — *брамс* Ильмаринена по первому своду Калевалы: они отъ одной матери, одна и та-же утка ихъ лелѣяла; Вейнемейненъ родился ночью, Ильмариненъ на слѣдующій день ¹⁾. Они не совопросники: сватаніе обонхъ за дочь хозяйки Похьолы едва-ли указываетъ на идею забытаго мифологическаго соперничества, а народныя гѣсни не знаютъ и различія въ приемахъ творчества, представляя Вейнемейнена такимъ-же ковачемъ, какъ и Ильмариненъ: онъ куеть жену, Сампо и т. д. ²⁾. Для меня важно въ первомъ составѣ Калевалы

¹⁾ Castrén, Vorlesungen, стр. 284—5. Второе изданіе Калевалы эти подробности заглушало.

²⁾ Сл. Krohn, I. с. стр. 150, 212; 254, 255—61, 288 и 188—9: о творческомъ актѣ, понятіи, какъ ковалье, у скандинавовъ и литовцевъ.

представленіе *деу* братьевъ творцевъ; финскія гѣсни подсказутъ остальное. Въ архангельской губерніи поется: Вейнемейненъ ѣдетъ по морю на конѣ въ Пехьолу; косоглазый ланландецъ, питавшій къ нему древнюю вражду, стрѣляетъ въ него; стрѣла угодила въ коня Вейнемейнена, а самъ онъ упалъ въ море. Здѣсь на его колѣно спускается утка, снесла яйцо—и происходитъ знакомый намъ актъ творенія¹⁾. — Лѣпротъ разъединилъ оба эпизода: стрѣльбы и мирозданія, ибо «древняя» вражда ланландца — до мирозданія казалась ему нелогичной. Въ эпизодѣ стрѣльбы ланландецъ названъ у него (въ 6-й рунѣ) *Joukahainen'omъ*; если онъ тождественъ съ *Joukamoinen'omъ*, братомъ Вейнемейнена и Ильмаринена — одной народной гѣсни²⁾, то къ идее *досетимной бражды* присоединяется и *брастиео*. Важнѣе слѣдующее: въ 3-й рунѣ Калевала Юкагайненъ вызываетъ Вейнемейнена на состязаніе гѣснями и вѣщей мудростью; онъ хвалится:

Помню древность и сѣдую,
 Какъ тогда вснахалъ я море
 И коналъ морскія глубы;
 Рыбалъ вырилъ я нещери,
 Олустилъ я дно морское,
 Расиростеръ тогда озера,
 Горы на горы металъ я,
 Накидалъ большія скалы.
 Я шестымъ былъ человекомъ,
 Богатирь седьмой считался:
 Сотворилъ я эту землю,
 Заключилъ въ границы воздухъ,
 Утвердилъ я столбъ воздушный
 И построилъ сводъ небесный,
 Я направилъ ясный вѣсцъ,
 Солнце свѣтлое поставилъ,
 И Медвѣдику на небѣ,
 Звѣзды по небу раскидалъ.

¹⁾ 1. с., стр. 158.

²⁾ 1. с. стр. 260—1.

Мозель старій Вейнемейненъ:

Лжешь ты выше всякой мѣры;
Никогда при томъ ты не былъ,

.....

И тебя тамъ не выдали ¹⁾.

Вейнемейненъ устраняетъ заявленіе Юкагайна, какъ хвастовство; но это, быть можетъ, точка зрѣнія позднѣйшей пѣсни, не удаляющая возможности болѣе древняго пониманія. Напомнимъ *дослѣдную вражду* лапландца, Юкагайна, къ *браму*, его похвалю *творчествомъ*, сцену послѣдняго, приуроченную къ *морю* — и мы получили цѣлый рядъ подробностей, отвѣчающихъ дуалистической сказкѣ о мірозданіи. Отметимъ еще, что въ міросозерцаніи финскаго эпоса Лапландія тождественна съ Похвлой, мрачной и морозной страной, враждебной Вейнемейнену и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣющей сокровищемъ производительности — Сампо. Аналогія дуалистическихъ легендъ, возведенныхъ къ ихъ прототипу, объясняетъ это кажущееся противорѣчіе ²⁾: Сатаналъ, представитель мрачнаго, плотскаго начала, вмѣстѣ съ тѣмъ творецъ всего сущаго. — Ко всѣмъ этимъ совпаденіямъ присоединяется и образъ *мими*. Я имѣю въ виду замѣтку Krohn'a ³⁾ по поводу того разсказа о мірозданіи, гдѣ дѣйствующими лицами являются (Pshatag =) Вейнемейненъ и какая-то птица; части ея яйца и даютъ матеріалъ для творчества. Образъ птицы, говоритъ Кронъ, повелъ къ представленію яйца и открылъ этимъ путемъ доступъ въ финское сказаніе литовскаго повѣрья о міровомъ яйцѣ. Исконно-финскимъ (urfinnisch) остается, — такимъ образомъ, образъ птицы, помощницы творца; Калевала сохранила память и о знакомомъ намъ эпизодѣ «нырянія», именно въ той

¹⁾ Вѣзекій, I. с. Январь 1888 г., стр. 39—40.

²⁾ Иное объясненіе у Krohn'a, I. с., стр. 226—9.

³⁾ J. Krohn, Die Entstehung der einheitlichen Epen im allgemeinen, въ *Z. für Völkerpsychologie* XVII, 63—4; смъ же: *Finaka litteraturens historia* I, стр. 178—179; 171. Иное объясненіе у Castrén'a, I. с. 289 слѣд. Смъ еще Darmesteter, I. с. 143, 144, 158, 175—6.

чертъ, что синяя утка, по мановенію Вейнемейнена, спускается въ море, чтобы достать оттуда — слезы вѣщаго пѣвца и де-міурга (руна 41). — Мы опять пришли къ птицѣ-гоголю бого-мильской легенды; рассказъ «Христовъ Дневникъ» (сл. выше, стр. 50—1) по рукописи пермской семинаріи заставляетъ этого гоголя — снести и яйцо; хотя этому акту далѣе не дается, по-видимому, космогоническаго значенія, но совпаденіе съ Кале-валой во всякомъ случаѣ интересно. Въ слѣдующей легендѣ, записанной Кулишемъ (Записки о Южной Руси, II 31—2), яйцо свесенное птицей, несомнѣнно космическаго характера, хотя и здѣсь это представленіе не развито. Отметимъ мимоходомъ эле-ментъ спора и дѣлежа, на значеніе котораго въ отраженіяхъ на-шего мѣста мы указывали ранѣе. «Колісь-то, ще за пѣрваго віка, за старіхъ людей, мѣша да горобецъ да засіяли прѣсо. Якъ пожали вони прѣсо, то почали ділітьця, да й не помирілись. Ось стали бітьця и стала збиратьця усѣка птиця и всѣкі звірі. Якъ стали бітьця, якъ стали бітьця, то птиця и подужала звірівъ. Да хочъ подужала, а такі й самá побілася. Тільки одна птиця вніялась, що добила усіхъ звірівъ. Ужé й та птиця вморілася да й сіла на такому висóкому дѣреві». Мимо дерева проходилъ мужикъ. Онъ накормилъ птицу, отдавъ ей своего быка, и отвесъ её въ лѣсъ, гдѣ она жила. Въ благодарность за такую услугу, птица «вінесла́ ёму царствечко въ золотóму я́чку... А вінъ и рощинівъ посередъ шляху: ажъ тутъ відтіль ярмарокъ такий, що Бóже храни!» Насилу мужикъ собралъ его и за-крылъ яйцо.

Яйцо въ «Христовомъ Дневникѣ» и малорусской легендѣ исключаютъ гипотезу литовскаго вліянія на «финскій мѣсъ»; древ-нимъ, во всякомъ случаѣ остается образъ птицы — творца: онъ встрѣчается уже въ Свигкѣ (гоголь), въ мордовской (утка), вогульской (утка), черемисской (селезень), самоѣдской (гагара), алтайской (гусь), бурятской и якутской (гагара) и онежскихъ (гоголь) сказкахъ; болгарскія и южнорусскія легенды его не знаютъ, но галицкая колядка о голубкахъ (сл. выше стр. 1—2)

восполняетъ здѣсь недочеты преданія. Принадлежала-ли эта образность финскотюркскимъ элементамъ болгарской народности? Дуализмъ ростовскихъ кудесниковъ, о которыхъ говоритъ наша лѣтопись (П. С. Р. Л. I, 76), не есть-ли въ основѣ финскій, подновленный богомилствомъ? «Богъ мывъся въ мовнищи и вспоитьвья, говорили они, отеръся ветъхомъ и верже съ небесе на земню; и распрѣся Сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити челоуѣка? И сотвори дьяволъ челоуѣка, а Богъ душу въ не вложи». Это, въ основѣ, богомилское ученіе; значеніе ветоши, брошенной на землю, не объяснено; припомнимъ одну подробность «Свитка»: солнце отъ нутренія ризы Господни, «понеже Господь по лицу своему утреса». На тождество лѣтописнаго разсказа съ мордовской легендой, приведенной выше (стр. 10—11), указалъ уже Мельниковъ ¹⁾.

Перенесемъ еще разъ добытые нами результаты сравненія, на почву сѣверной мифологій. Она также знаетъ мотивъ кованья въ непосредственной близости съ созданиемъ: боги соорили кузницу, подѣляли себѣ снарядъ и кують; не было у нихъ недостатка въ золотѣ (Völuspá 7—8, ed. Sijmons); слѣдуетъ непосредственно разсказъ о созданіи дверговъ (9 слѣд.) и оживленіи первой людской пары (17—18). Я отношу къ тѣмъ-же представленіямъ разсказъ Skáldskaparmál XXXV: Локи остригъ изъ злорадства волосы Снефъ, жены Тора и спасается тѣмъ, что достаетъ отъ ковалей, черныхъ альфовъ, сыновей Ívald'a, золотыя кудри, прирастающіе и растущіе на головѣ, какъ настоящіе. Тѣ-же альфы сковали ему Skíðblaðnir и копье Одина, Gungnir. Ковачами являются два брата, Brokkr и Eitrig; въ текстѣ, очевидно, неясно выражена подробность, что всѣ указанные подѣлки принадлежатъ первому, ибо непонятно, почему Локи бѣется объ закладъ съ Броккомъ о своей головѣ, что его брату не сдѣлать такихъ-же диковинокъ. Eitrig принимается за работу, велитъ брату всѣ время раздувать мѣха, пока онъ не вынетъ изъ горнила, что

¹⁾ l. c., стр. 281 прим. и стр. 249.

туда положилъ. Другъ за другомъ выходятъ: золотошерстый кабанъ, перстень Dgaurnir и молотъ — Miðlnir, ставшій впоследствии молотомъ Тора. Локи старается помѣшать дѣлу, являясь назойливой мухой, которая садится на Брокка и кусаетъ его, чтобы побудить приостановить работу. Два раза это не удается, удалось на третій: оттого у молота Тора рукоятка вышла короткая. Локи проигралъ, но спасается отъ смерти, ибо когда Броккъ хочетъ отрѣзать ему голову, заявляетъ, что повиненъ головой, — не шей.

Снова передъ нами имѣе, уже встрѣчавшійся намъ въ сказаніяхъ дуалистическаго характера, какъ выражающій актъ творчества. Въ сѣверномъ разсказѣ этотъ моментъ не выраженъ можетъ быть, потому, что перенесенъ въ другую сферу дѣйствующихъ лицъ; но мы отмѣтимъ въ немъ участіе Локи и еще разъ вернемся къ вопросу о слѣдахъ дуализма въ сѣверной космогоніи.

Въ стихотворной Эддѣ въ созданіи человѣка участвуютъ три бога: Обинн, Ноенир и Лоббигг; одинъ даетъ ему бнд — дыханіе жизни, Ноенир — ёб: разумъ, душу, Лоббигг — lá ok litu góba; lá, lae переводятъ: craft, art, skill; litr = countenance, complexion; взятые вмѣстѣ оба признака сводятся къ тѣлу ¹⁾. Это распредѣленіе творчества, напоминавшее Vigfusson'у (Dict, a. v. ёбг) платонова Протагора, примыкаетъ къ старому ученію о трихотоміи человѣческаго существа. По взгляду Платона, сообщенному Филономъ, человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей: духа, души и тѣла. Въ 1-мъ посланіи къ Солунянамъ 5, 23 ап. Павелъ выражаетъ желаніе, чтобы Богъ освятилъ ихъ тѣло, душу и духъ; въ посланіи къ Евреямъ 4, 3 онъ говоритъ объ отдѣленіи души и духа черезъ λόγος. Юстинъ мученикъ разсматриваетъ тѣло, какъ жилище души, а душу, какъ жилище духа;

¹⁾ Въ Старшей Эддѣ; гдѣ мѣсто Ноенир'а и Лоббигг'а являются VIII и Vё. Одинъ даетъ бнд (илл: бнд ok lif), второй lif (илл: vit ok hroering: разумъ и движеніе), третій heuga ok eyn (илл: ásjónu, máll ok heuga ok ájón: внѣшній видъ, рѣчь, слухъ и зрѣніе).

Татианъ различаетъ душу и духъ, какъ низшее и высшее: въ духѣ образъ божій и подобіе; человѣкъ черезъ λόγοςъ приобрѣлъ безсмертіе, такъ какъ получилъ часть Божества; но онъ смертенъ, когда духъ выйдетъ изъ него. Душа смертна и уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ, такъ какъ она истины не знаетъ и возстанетъ съ тѣломъ при концѣ міра. Въ началѣ духъ живетъ съ душою, и когда послѣдняя не слѣдуетъ за духомъ, онъ еѣ оставляетъ; только у праведниковъ есть духъ Божій. — По Оригену человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа. Дѣйствительный образъ Божій есть λόγοςъ: до тѣхъ поръ, пока человѣческая душа была въ чистомъ духовномъ состояніи, она оставалась въ общеніи съ Богомъ, была образомъ Λόγος'а. Тѣла были одушевлены низшей душой, которая находится въ крови и у всѣхъ животныхъ дѣйствуетъ какъ жизненная сила. Надъ этой низшей душой въ человѣкѣ стоитъ разумная душа — духъ, который и есть собственно, человѣкъ ¹⁾).

Представленія сѣверной космогоніи такіа-же трихотомистическія; но вопросъ въ томъ: на сколько они могли заслонить болѣе древнее, дуалистическое? Извѣстно, что въ сѣверномъ Олимпѣ сошлись два сонма боговъ, различныхъ по происхожденію: Азы и Ваны; относительно послѣднихъ было высказано предположеніе, что они принадлежатъ финской (Vanir — и Вейнемейненъ) или даже славянской народности. Между тѣми и другими была распря, кончившаяся примиреніемъ и обмѣномъ заложниковъ: отъ Азовъ пошелъ заложникомъ Ноенігъ (Gylfaginning XXIII), Азы говорили, что онъ достоинъ власти и дали ему въ совѣтодатели мудрѣйшаго изъ людей, Миміра (Ynglingasaga, с. IV). Ноенігъ, одинъ изъ творцевъ въ космогонической сказкѣ, явился такимъ образомъ уже на почвѣ синкретическаго вѣрованія, смѣшавшаго Азовъ съ Ванами; въ связи съ Однимъ и Локи онъ выступаетъ еще въ разсказѣ о похищеніи яблоковъ Идуны (Gylfaginning 26, Bragaгаебиг 56) и о заклѣтѣи клада Нифлунговъ (Reginmál, введеііе;

¹⁾ Мочульскій, 1. с., стр. 74—5 съ ссылкой на Engelhardt I, 278. Сл. Raški, 1. с., стр. 176 (ученіе западныхъ катаровъ).

Skaldskaparpmál 39, Völsungasaga XIV). Его кеннинг: товарищъ, пріятель Однна; но и skjóti-áss — быстрый, долгоногій (langi fótr), властитель ила (aukkonungr. Сл. Skaldskaparpmál 14). Всѣ это идетъ къ этимологiи, предложенной Вигфуссономъ, по имѣ не обоснованной¹⁾: Hoenir — χύκνος. Kú—xv—os отъ V qan, откуда лат. capo, греч. χαβάζω, древнеир. capim, capaim — пою; гот. hana, дрвнр. нѣм. hano, аглс. hana, древнесѣв. hani въ связи съ древневерхненѣм. huon, древнесакс. hōn, древнесѣв. hōns (plur. tantum). Герм. формы указываютъ на глаголѣ *hanan *hon; Hoenir (основа прагерм. *hōnja), стоящій еще на высшей степени Ablaut'a, значить собственно: *мѣсяцъ*: эпитетъ, идущій къ птицѣ, лебедю или другой водной — быстрой и долгоногой; отсюда одинъ изъ эпитетовъ бога-творца, властителя «ила». Это не птица-ли творецъ древняго финскаго мива? Hoenir могъ являться впервые въ какой-нибудь космогонической легендѣ знакомаго намъ дуалистическаго типа; тройное число творцевъ въ сѣверномъ разсказѣ получилось, быть можетъ, вслѣдствіе сплоченія двухъ аналогическихъ мивовъ того-же содержанія. За вычетомъ Hoenir'a мы придемъ къ Lōdur'у (lōdr, laodr = пѣна?) или Lōdur'у (= *Vlōdur, инд. vṛtra, демонъ лѣтняго жара) и его *дру* (vinr Lōdurs)²⁾ Одну. Въ Lōdur'ѣ видятъ Локи; выше указано на его появленіе въ союзѣ съ Однимъ и Hoenir'омъ; въ связи съ творчествомъ Lōdur'a получаетъ смыслъ и роль Локи въ разсказѣ о соперничествѣ Брокка и Эйттрира. Локи, первоначально, представитель исполннкой мощи и мудрости гдѣ-то въ другомъ мірѣ, Útgarr: Útgarraloki; воспринятый въ сонмъ Азовъ (Ásaloki), онъ остается столь-же мудрымъ, но въ освѣщеніи хитрой находчивости, чаще злобы и коварства: онъ — пособникъ йотуновъ въ похищеніи молодильныхъ яблоковъ Идуны (Gylfaginning XXVI; Bragarædur 56), въ покушеніи украсть Фрею, а съ нею вмѣстѣ солнце и мѣсяцъ съ неба (Gylfaginning XLII, Olaf Tryggva-

¹⁾ Corpus poet. boreale I, стр. CII.

²⁾ Сл. Vigfusson Dict. a. v. Lōdur; Noreen, Tidskrift for Philologi, нова серія, IV, стр. 28 слѣд.

* Словникъ П. Ол. Н. А. Н.

sonns. 2, 17). Напомнимъ глазъ Одина = солнце во власти у Мимира и эпитеты Одина: *Mímsving* и *ving* *Löburs*. На этой степени пониманія Локи могъ быть сближенъ по типу, какъ сближался по имени, съ Люциферомъ христіанскаго преданія. Первичнаго значенія его имени и предложенныхъ для него объясненій я не касаюсь. Вейнгольдъ ¹⁾ признаетъ въ немъ и огненное — и водное начало, сближая названіе чудовищнаго волка *Fenrig*'а, сына Локи и его отраженія, съ сѣв. *fen*, готск. *fani* — *κηλός*.

Не на почвѣ космогоническаго разсказа мы встрѣчаемъ въ сѣверной мифологіи извѣстный враждебный дуализмъ Одина и Митотина, Одина и Оллера — *Ullr*'а (*Saxo Gramm.* 43 слѣд.; 129 слѣд.). *Ullr* характеризуется какъ отличный бѣгунъ на конькахъ (*öndráss*) и стрѣлокъ изъ лука (*bogaáss*); то и другое принадлежитъ къ характеристикѣ финна; эпизодъ *Ketils-saga*'и, сближенный недавно ²⁾ съ разсказомъ объ Оди́нѣ и *Ullr*'ѣ, ставитъ на мѣсто послѣдняго — финскаго короля *Gusi* ³⁾. — Если въ *Ynglingasaga*'ѣ (с. 3) ⁴⁾ вмѣсто *Ullr*'а являются, въ аналогической легендѣ, братья Одина, *Vili* и *Vé*, то это служитъ намъ къ освященію того разсказа о мірозданіи, который въ *Сноррровой Эддѣ* отвѣчаетъ знакомому намъ космогоническому мифу Эдды стихотворной: творцами выступаютъ *Ödinn*, *Vili* и *Vé*; вмѣсто двухъ послѣднихъ легко представить себѣ на болѣе древней стадіи развитія какое-нибудь одно лицо.

¹⁾ Weinhold, Die Sagen von Loki, *Za. f. deutsches Alterthum* VII, 8.

²⁾ F. Dettler, Der Finnenkönig Gusi, *Za. f. d. Alterthum*, XXXII, 449 слѣд.

³⁾ Въ *Ötvaroddasaga*'ѣ с. 4 Гриммъ даритъ Одду три стрѣлы, называемыя *Gusilpautar* (дары *Gusi*); онѣ оперены золотомъ, сами летятъ съ тетивы и къ ней возвращаются, такъ что ихъ нечего искать; ихъ отнялъ *Ketillr haengt* у короля Финновъ *Gusi*; онѣ поражаютъ всякаго, въ кого направлены, ибо это — подѣлка дверговъ.

⁴⁾ *Ca. Lokasenna*, 26.

Разборъ легендъ о міроздавіи важенъ мнѣ не только по своимъ результатамъ, еслибы они оказались заслуживающими вниманія, но и по отношенію къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ. Одинъ касается сѣверной миеологии и ея изученія. За послѣдніе годы оно сдѣлало значительные успѣхи: давныя сѣверныхъ миеовъ точнѣе выдѣляются изъ обще-германскихъ и не даютъ болѣе рѣшающихъ аналогій къ освѣщенію послѣднихъ; особенности мѣстнаго развитія, хронологія наслоеній, значеніе эпохи викинговъ и христіанскихъ вліяній — понимаются яснѣе. Но, можетъ быть, анализу, предстоить пойти и далѣе: Азы и Ваны открываютъ въ составѣ сѣвернаго миеа два теченія, изъ которыхъ одно ведетъ изслѣдователя за предѣлы специально-германскаго преданія къ чуждой этнической основѣ. Мотивы сѣверныхъ повѣрій и разсказовъ открываются въ содержаніи Калевалы; важнѣе обратный вопросъ: о значеніи «ваническаго» элемента въ міросозерпаніи Эдды. Это и даетъ въ моихъ глазахъ особый интересъ вопросу о сохранившихся въ немъ слѣдахъ космогоническаго дуализма. Другой вопросъ касается метода вообще. Объясняя сходство миеовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство либо объясняется изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствование предполагаетъ въ воспринимавшемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мысленія, аналогическіе образы фантазій. Теорія «заимствованія» вызываетъ, такимъ образомъ, теорію «основъ», и обратно; анализъ каждаго факта изъ области *folklore*'а долженъ одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миеа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ какъ усвоющей среды, такъ и усваиваемаго мате-

ріала. Германскіе эпическіе мотивы легли въ основу французскихъ *Chansons de geste* и снова перешли черезъ Рейнъ — поэмами феодальнаго и рыцарскаго пошиба. Вмѣсто этой окраски я предполагаю христіанско-богомилскую въ тѣхъ легендахъ, которыя, направлясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ, совершивъ одно изъ тѣхъ круговращеній, которыхъ путь трудно услѣдить, но которыя изслѣдователь всегда обязанъ имѣть въ виду, какъ возможныя.

ХІІ.

БЕЗРАЗЛИЧНЫЕ И ОБЪЕДИНЕННЫЕ ВЪ ЖИТИИ ВАСІЛІЯ НОВАГО И НАРОДНОЙ ЭСХАТОЛОГІИ.

Эсхатологию я принимаю въ широкомъ смыслѣ этого слова: представленія о конечныхъ судьбахъ міра, о связанной съ этимъ участи человѣчества — и загробной долѣ каждаго человѣка до послѣдняго счета на страшномъ судѣ. Всѣ эти вопросы, волновавшіе средневѣковое общество, отражались въ его легендѣ и поэзіи, въ которыхъ интересно подѣлать долю своего и чужаго, представленія христіанства и—условія народнаго вѣрованія, сдѣлавшія возможнымъ ихъ усвоеніе. Усвоеніе это было неравномѣрное, и не трудно, въ частности, разгадать его причины. Вопросъ о конечныхъ судьбахъ міра могъ сложиться въ средѣ съ богатымъ историческимъ и культурнымъ прошлымъ; чѣмъ оно сложнѣе, чѣмъ больше оно поставило вопросовъ, тѣмъ страстнѣе желаніе усмотрѣть ихъ разрѣшеніе въ будущемъ. Христіанство воспринято было и окрѣпло въ такой именно средѣ, полной разочарованій и гоненій, которыхъ не вѣдали полудикіе народы сѣвера. Ихъ эсхатологія могла отвѣчать вообще на вопросъ о катастрофѣ, имѣющей постигнуть видимый міръ, но не могла имѣть исторической подкладки Апокалипсиса. Его толковали и надъ нимъ задумывались немногіе избранные; его данныя разрабатывали по еретическимъ и политическимъ тенденціямъ; собственно въ народѣ

онъ интересы не возбуждалъ. Такъ объясняется и оправдывается мнѣніе Сахарова, что не смотря на распространенность въ древней Руси сочиненій и сказаній объ Антихристѣ и о кончинѣ міра и видимое вліяніе ихъ на воззрѣнія русскаго народа, народныхъ стиховъ, возникшихъ подъ ихъ навіемъ, почти нѣтъ. Кромѣ небольшихъ отрывковъ, внушенныхъ «Вопросами Іоанна Богослова Господу», мы встрѣчаемъ лишь краткія замѣчанія о томъ, что «вѣкъ нашъ скончается», «приходитъ къ намъ время послѣднее», «это время будетъ антихристово», «будетъ его царства полчетверта лѣта», «сниздутъ пророци Божіи», «сойдетъ Ілія, Божій пророкъ, и Онохъ, Божій пророкъ» и т. п.¹⁾ Къ образамъ эсхатологической борьбы фантазія не была, очевидно, приготовлена и не внесла въ нихъ ничего новаго, своего; даже извѣстная подробность духовнаго стиха, что земля загорится отъ крови Ильи, сраженнаго врагомъ, оказывается взятой не изъ народнаго мѣста, а изъ какой нибудь неизвѣстной намъ статьи эсхатологическаго содержанія²⁾.

То-же слѣдуетъ сказать и о представленіяхъ, связанныхъ съ идеей страшнаго суда, конечной участи праведныхъ и грѣшниковъ — въ раю или аду. И здѣсь фантазія европейскихъ народовъ представила, если не *tabula rasa*, то едва загрунтованное полотно, образы и краски дали христіанскія картины страшнаго суда и соответствующія легендарныя и апокрифическія статьи, въ родѣ Хожденія Богородицы по мукамъ, Видѣнія ап. Павла и популярныхъ на Руси Откровеній Мееодія, Слова Палладія мнха и Житія Василя Новаго. Зависимость русскихъ духовныхъ стиховъ отъ этихъ и тому подобныхъ памятниковъ не указываетъ на встрѣчную дѣятельность народнаго воображенія. Воспринявъ ихъ содержаніе, оно почти ихъ не переработало: описаніе райскихъ блаженствъ блѣдно, потому что оно блѣдно и полно общихъ декоративныхъ мѣстъ и въ ихъ христіанскихъ изображеніяхъ,

¹⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сказанія въ древне-русской письменности, стр. 148; сл. стр. 247.

²⁾ См. мон. Размысканія VIII, стр. 240 и слѣд.

напр. въ житіи Андрея Юродиваго; муки народнаго ада также однообразны и также схематически распределены, какъ въ навѣявшей ихъ церковной или отреченной легендѣ. Если здѣсь можно говорить о какомъ-нибудь усвоеніи, то развѣ въ самомъ вѣѣшнемъ значеніи этого слова: наказанія и характеристика грѣшниковъ популяризировались, и сочетались на ново черты, иначе распределенныя въ источникахъ. Такъ напр. въ стихѣ, начинающемся словами: Воскреснетъ Богъ и вознесетъ рука его (Безсоновъ, Калѣки, вып. V, ЖЖ 497; сл. 499, 500): здѣсь іереямъ-священникамъ и судіямъ неправеднымъ

*Потреба имъ будутъ глубокіе,
Мразь имъ будутъ люте.*

Далѣе описываются: «котлы мѣдныя, огни различныя, змѣи сосущіе — мужамъ беззаконникамъ и женамъ беззаконницамъ; смола кипучая и скрежетаніе зубное и плачь непрестанный — глумотворцамъ и пересмѣшникамъ; вытягиваніе языковъ и повѣшеніе за языки на удахъ желѣзныхъ — клеветникамъ и злоязычникамъ; гады горькіе и смрады всякіе — пьяницамъ и картежникамъ; повѣшеніе за хребты надъ каменными плитами и на гвоздѣ желѣзное — плясунамъ и вольтыщикамъ; червь неусыпающій — сребролюбцамъ и грабителямъ»¹⁾.

Иначе ставится вопросъ объ отношеніи своего и чужого въ народныхъ представленіяхъ о временной участи каждаго за-гробомъ до наступленія послѣдняго суда. Въ этой области эсхатологическихъ интересовъ народное вѣрованіе сложилось въ опредѣленныя формы быта и обряда: усопшіе, «родители», т. е. старшіе въ родѣ, продолжали и на томъ свѣтѣ жить прежней матеріальной жизнью; у нихъ «домовина»²⁾, ихъ кормятъ на поминкахъ, ждутъ ихъ посѣщенія и ходятъ къ нимъ на погостъ, «на гостебище» и

¹⁾ Сл. Сахарова, I. с., стр. 242—3.

²⁾ Къ параллелизму: домъ—домовина сл. старонѣм. hūs = домъ и старостѣ. haugt—могильный курганъ, оба отъ корня hūh: гнуть, выводить сводомъ; первичный домъ былъ такой-же курганной пещерой, какъ и haugt. Сл. Laistner, Über den Butzenmann, Zs. f. deutsch. Alterth. XXXII, стр. 152.

т. п. ¹⁾). Это представление, свойственное не однимъ только индоевропейскимъ народамъ на извѣстной степени развитія ²⁾, не разрываетъ связи между живыми и мертвыми: одинъ и тотъ-же *родъ* жилъ на землѣ и подъ нею, отжившіе не покидали живущихъ, пеклись объ нихъ, опредѣляли ихъ судьбу, то, что имъ на роду написано; они — старшіе, предки, окружены въ свою очередь суевѣрнымъ культомъ потомковъ.

Въ эту цѣльность живыхъ и мертвыхъ христіанство внесло элементъ раздвоенія — разграниченіемъ души и тѣла, идеи грѣха и воздаянія, грознымъ образомъ смерти, побѣждающей жизнь, ангеловъ, препирающихся изъ-за души съ духами тьмы. Оба круга идей сошлись въ синкретическомъ двоевѣрїи, въ которомъ трудно бываетъ разглядѣть составныя части и поводы смѣшенія. Языческому или христіанско-апокрифическому повѣрью принадлежатъ напр. народныя представленія о потоцѣ, который предстоитъ переплыть или перейти умершему, о лающихъ псахъ, охраняющихъ загробный путь, о платѣ перевозчику, перевозающему души? ³⁾. Когда, съ другой стороны, сѣверно-русскія причитанія говорятъ о смерти:

Хоть не дальняя дорожка — безъизвѣстная,
Не гѣсныи перелѣски — мутарливны ⁴⁾,

и покойника представляютъ себѣ удалившимся то на солнце, то на мѣсяцъ, то въ гѣсахъ и водахъ, за горами толкучими, въ облакахъ и синихъ моряхъ и т. д. ⁵⁾ — невольно является во-

¹⁾ См. мон: Die russischen Totenklagen, Russ. Revue, 2-er Jahrg, 12 Heft, стр. 3 слѣд., 18 слѣд. отдѣльнаго оттиска.

²⁾ О загробныхъ представленіяхъ у финскихъ народностей см. Castrén, Vorlesungen über finnische Mythologie, übers. v. Schiefner, стр. 126 слѣд. О поминкахъ и угощенїи покойниковъ у Черемисовъ см. Знаменскій, Горные черемисы Казанскаго края, Вѣстн. Евр. 1867, Дек. стр. 64—5, 69—70 слѣд.

³⁾ См. Разысканія VI, 35. Къ вѣрованію, что загробный міръ отдѣленъ отъ насъ рѣкою, потокомъ см. матеріалъ, указанный Mannhardt'омъ, Germ. Mythen, Register, a. v. Totenstrom.

⁴⁾ Е. Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края I, № 1, стр. 4—5.

⁵⁾ I. с., № I, 88; VIII, 16; IV, 61, 72; IX, 181; XIV, 211; XIII, 191, 197.

прось, не отразилось ли въ риторикѣ похороннаго плача — христіанское представленіе о страствованіяхъ души по «мутарсливой» дорожкѣ, т. е. по мытарствамъ?

Ученіе о мытарствахъ, издавно принятое церковью ¹⁾, распространялась у насъ, главнымъ образомъ благодаря популярности житія Василія Новаго, извѣстнаго на Русь съ XII вѣка ²⁾, если Авраамію Смоленскому принадлежитъ «Слово о небесныхъ силахъ», очевидно составившееся подъ его вліяніемъ. Житіе это даетъ намъ поводъ разобрать одинъ забытый эпизодъ средневѣковой и народно-сказочной эсхатологій; но и вообще оно интересно, какъ своимъ составомъ, такъ и разнообразіемъ поднимаемыхъ имъ вопросовъ. Русскіе изслѣдователи (Буслаевъ, Сахаровъ I. с. стр. 166 слѣд. и passim, и др.) не разъ касались его, но, можетъ быть, изъ него можно извлечь и большее на пользу средневѣковой эсхатологій и современныхъ ей взглядовъ на нравственность, на категоріи грѣховъ. Прежде, чѣмъ перейти къ спеціальной задачѣ этого изслѣдованія, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ текстѣ, подавшемъ ему матерьялъ.

Житіе Василія Новаго († 944), написанное ученикомъ его, мнихомъ Григоріемъ, извѣстно въ двухъ редакціяхъ. Одна, подробная, представлена ркп. Москв. Синод. библиотеки № 249 (по каталогу Маттея № 236), XVII в.; Inc. 'Ο *βιότατος καί προφητικώτατος Δαυίδ* ³⁾; текстъ, напечатанный болландистами (AASS. Martii, t. III, Прил. стр. 20 слѣд.), не что иное, какъ механическое сокращеніе этого подлинника, опустившее эпизоды

¹⁾ Св. Ефрема Сиріна, Слово на почившихъ о Христѣ (Твор. Св. отц. XV, стр. 269); Св. Макарія Великаго, О двоякомъ состояніи умершихъ изъ сей жизни (Христ. Чт. 1828, XXXI, 118—114); Иоанна Златоуста, Бес. на Еванг. Мате. LIII, т. II, стр. 414; Слово Кирилла Александрійскаго объ Исходѣ души; житія Антонія Великаго, св. Иоанна Милостиваго и др. См. библиографію у Сахарова, I. с. стр. 166 и прим. 1.

²⁾ Сахаровъ, I. с., стр. 169.

³⁾ См. дагѣ Приложение I. Орывки напечатаннаго въ немъ греческаго текста были просмотрѣны проф. Г. С. Дестунисомъ и В. К. Еришtedтомъ, которымъ приношу благодарность за предложенныя ими исправленія.

Хождения Θεодоры и Видѣнія Григорія и рассказанныя между тѣмъ и другимъ чудеса и видѣнія. Другая греческая редакція, сохранившаяся въ ркп. той-же Синодальной библи. XVI в. № 250 (№ 237 по кат. Маттеи; Inc.: Τῆς ἀκατάληπτου Θεοῦ περὶ τὸ βρότειον γένος ὑπεραγάθου φιλανθρωπίας καὶ ἀγαθότητος и т. д.), представляетъ отчасти стилистическую переработку подробнаго текста: удержано Хождение и Видѣние, но изъ чудесъ опущены рассказанные въ нашемъ изданіи на стр. 55—57 (Τούτων οὕτως — εἰς τέλος ἐξίβη), 60—62 (Οἱ δὲ τοῦ οἴκου — δι' οὐ ἐσώθη τοῦ πικροῦ ἐκείνου θανάτου), 63 (Οἱ δὲ προρρηθέντες) — 76. Зависимость этого текста отъ подробнаго доказывается опущениемъ, въ которомъ повиненъ и редакторъ текста болландистовъ: нѣтъ чуда съ Иоанномъ, котораго хотѣла отравить его раба (сл. у насъ стр. 69 слѣд.), что не помѣшало ни тому, ни другому пересказчику сослаться именно на это чудо въ рассказѣ о погребеніи святого. Сл. въ нашемъ изданіи стр. 81 (выписка изъ AASS.) и въ Син. ркп. № 250, л. 210 v.: ἀλλ' οὐκ εἶασεν αὐτὸν τοῦτο εἰς ἔργον ἀγάγειν Ἰωάννης ἐκεῖνος, οὐ πάλαι ἀνωτάτω τῶν λόγων ἐν τοῖς τοῦ ὁσίου ἡμῶν πατρὸς μερικοῖς θαύμασιν ἀπεμνημονεύσαμεν, ὃν ὁ ὁσῖος ἡμῶν πατὴρ ἀπὸ τῆς ἰδίας δούλης ἐπιγενομένης αὐτῷ δαμονικῆς μάστιγος καὶ περιεργίας παραδόξως ἐρρύσατο (f. 211 r.) καὶ ὑγιῆ ἀπέδειξεν. — Отъ текстовъ, отвѣчавшихъ, судя по началу, типамъ греч. Син. №№ 249 и 250, пошли два пересказа житія, помѣщенные въ Макарьевскихъ Миняяхъ подъ 26 Марта (л. 633 слѣд., л. 748 слѣд.); типу греч. син. № 250 принадлежитъ житіе по ркп. XIV—V в., извлечения изъ которой были сообщены мнѣ И. А. Шляпкинымъ ¹⁾).

¹⁾ Въ числѣ греческихъ рукописей на Афонѣ, описанныхъ Ламбромъ (Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἁγίου Ὄρους ἑλληνικῶν κωδίκων ὑπὸ Σπυριδῆνος Π. Λαμπρού, т. А', μέρος Α'. Ἐν Αθήναις 1868) есть два списка житія Василія Новаго: № 572, XV и частью XVIII в. (Βίος καὶ πολιτεία καὶ θαυμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Νεοῦ, συγγραφεῖσα παρὰ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου) и № 719 (пис. въ Апрѣлѣ 1826 г.); кромѣ того въ № 751, § 1 несомнѣнно сохранились отрывки житія. Сл. начало: . . . γνησίως ἐκποφραίνετο καὶ φησὶ πρὸς με· Κύριε μου, Γρηγόριε, τί τε τοῖς ὅδε ἀποκατέστης; μὴ

Для слѣдующаго пересказа мы пользуемся славянскимъ текстомъ.

О житіи угодника сказано кратко, и въ сущности не оно возбуждало главный интересъ. Примикурій Константинъ приставилъ въ услуженіе святому свою кормилицу, Θεοδору; она умираетъ, а Григорій, желая знать, какая участь постигла её за гробомъ, удостоился по молитвѣ своего наставника узрѣть въ видѣніи Θεοδору и услышать отъ нея разсказъ о разлученіи души отъ тѣла и о пройденныхъ ею мытарствахъ. Когда она умерла, у ея одра явились демоны въ образѣ страшныхъ зѳіоповъ и свѣтоносные ангелы, пререкаясь другъ съ другомъ о ея душѣ. Въ слѣдующемъ образѣ смерти есть черты, перешедшія въ нѣкоторыя редакціи нашего Пренія Живота со Смертію ¹⁾: «И вотъ пришла смерть, какъ левъ рыкая, образомъ зѳіо страшна, подобія аки-бы человѣческаго, но тѣла отнюдь не имуща, отъ единыхъ точію костей человѣческихъ составляема. Нопаше же различныя орудія къ мученію: мечи, стрѣлы, копія, барды, косы, серпы, рожны, пилы, сѣкиры, теслы, оскорды и удицы, и иная нѣкая незнаемая». Ангелы велятъ смерти поскорѣе отрѣшить душу отъ узъ плоти. — «И абіе приступыше ко мнѣ, взя малый оскордъ и нача отсецати первѣе ноги мои, потомъ руки, таже иныи орудіи иныя вся уды моя разслабѣваше, члены отъ составовъ раздѣляющи. И не имѣхъ рукъ, ни ногъ, и всё тѣло мое омертвѣ, ни можахъ двинуться прочее; таже взя теслу и отсѣче главу мою, и къ тому не можахъ подвигнути главы, чужда бо ми есть; по сихъ всѣхъ сотвори въ чаши нѣкое раствореніе и ко

ἀπέθανες καὶ ἀπὸ τοῦ ματαίου ἐκείνου κόσμου ἡλευθερώθης καὶ πρὸς τὴν ἀνέσπερον ταύτην διαγωγὴν καὶ μακαρίαν μονὴν κατήντησας (сл. нашъ текстъ стр. 18). Fin.: Οὕτω δύναται τις πολυτρόπως τὴν ἐλεημοσύνην ἐργάζεσθαι, ἧς καὶ ἡμεῖς, ἀδελφοί, ἐργάται γενέσθαι σπουδασόμεν καὶ ἐρασταὶ θερμότατοι αὐτῆς εὐραδῆναι ἐν τῇ φεβρῶ καὶ ἀτελευτήτῃ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ὡς ἂν τοῦ θείου νυμφῶνος καὶ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν ἀξιωώμεν μετὰ πάντων τῶν ἀγίων ἐν αὐτῷ Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν, ὃ κρίκει πᾶσα δόξα, τιμὴ καὶ προσκύνησις σὺν τῷ ἀνάρχῳ Πατρὶ, τῷ παναγίῳ καὶ ζωοποιῷ Πνεύματι νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων ἀμήν.

¹⁾ Св. И. Жданова, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, Приложенія № 2, стр. 203, 204.

устомъ моимъ придѣвши, нуждею напои мя. Только бѣ горько напоеніе то, яко не могуши стерпѣти, душа моя содрогнуса и вьскочи отъ тѣла яко оторжена нуждею»¹⁾). Отмѣтимъ образъ смерти, напаяющей умирающаго какимъ-то зельемъ, какъ комментарий къ выраженію: пить смертную чашу.

Освобожденную душу держатъ ангелы, и снова приступаютъ къ нимъ демоны, выставляя на видъ грѣхи усопшей, тогда какъ ангелы припоминаютъ ея добрыя дѣла. Тогда явился внезапно преподобный Василій, вручилъ ангеламъ «мѣшечъ» или «ковчежець» и сказалъ: «егѣа хощета мытарства на вѣдоусѣ мнновати, ѡскупоуита ю в'землюще ѡ сего, хотащїи срѣсти долги ѡ лоукавыѣ доуховѣ. Се же соуѣ в' мѣшцыѣ ѡ нѣзѡбїлїа ѡ трюдовѣ и потовѣ събран'на даровавѣ ей, ѡиде» (рпк. XIV—V в.). Этими «трусами» Василїа ангелы откупаютъ душу Феодоры на мытарствахъ, когда оказывается недочетъ въ ея собственныхъ добрыхъ дѣлахъ. Чудесный садъ, который показываетъ Григорїю Феодора, также насажденъ трудами и подвигами святого, ибо онъ постился, бодрствовалъ, молился, лежалъ на голой землѣ, претерпѣвалъ зной и холодъ, питался въ пустынѣ много лѣтъ быліемъ ради спасенїа многихъ душъ — ибо терпящимъ во временной жизни болѣзни и скорби ради Господа и исполняющимъ его святыя заповѣди здѣсь отъ Бога готовится, въ награду и утѣшеніе за труды, веселїе на безконечныя вѣки, по слову Давида: Труды рукъ своихъ съѣси (Псалм. 127, 2).

¹⁾ Вотъ соотвѣтствующій эпизодъ по рпк. XIV—V в.: «ѣи приде оубѡ вназапоу смртї, видѣнїе еа ѡко левъ ревы, жегѣза вьсакоа носа, меча, ножи, серпы, пилы, секиры, ѡскорды, рожны, оуды, стрѣлы, теслы, брадвы, ннї же козаныи дїствоуетъ различныи ѡбразы и ѣднїю смртїи вѣѣ. Сїа смнрєнаа моа дїѣа видѣвши страхомъ вельнн вьзгроуѣса. Рекоста оубѡ къ смртїи ѡна зѣтлїа юноши: Что стоиши? разрѣши съѡузы и приди посреди, не имать бо аместїи многи грѣховныи. Ѣна же пристоунавши малымъ ѡскордыцємъ начатъ зѣѣдати нознїи моїи и потомъ роуцѣи и вєса съставыи и члѣныи разслабївши и ѡсєрєа дванадєсаѣ ног'тєнїи моїи и ѡбїє ѡмерьтѣѣ вєсє тѣло мое и ѡт'тудоу нн оукоу ѡнѣѣ нн ногу, ѡт'тудоу не моїаѣ двнгуѣтнєса ннкакѡже. И потомъ рїїмѣ тєсло ѡтѣчє выю мою и к томоу не ногоѣ двнгуѣтнє главою, и посємъ ѡлївїшии чашю, что же бѣ не разѡумѣѣ, и вдастѣ нн вснїтнє чашю. Тако нн ѡ тѡлѣ бѣ гор'ко, нко вѣ тѣѣ чѣ ѡт'тѡр'же нн дїю, и вѣскорѣ вьскочи нє тѣла.»

Эти труды Василія и помогаютъ Θεодорѣ тамъ, гдѣ обвиненія демоновъ являются состоятельными и элементъ личной грѣховности разрываетъ, оживляя её, отвлеченную схему грѣховъ. Празднословіе, пьянство, объяденіе и блудъ — вотъ чѣмъ грѣшила Θεодора, какъ и Данте очищается въ Пургаторіи отъ гондыни и *lussuria*.

Мытарства расположены въ воздушномъ пространствѣ, каждое изъ нихъ отдано особому грѣху, и на его стражѣ стоятъ демоны, вѣдающіе и испытующіе въ немъ грѣшную душу. Въ рассказѣ Θεодоры ихъ 21; ихъ 20 въ Словѣ о небесныхъ силахъ, въ очевидной зависимости отъ житія Василія Новаго:

Житіе:		Слово:
1. Оклеветаніе (осмѣяніе)	καταλαλιᾶ	оболганіе (ложь)
2. Поруганіе	λοιδορία	оклеветаніе.
3. Зависть	φθόνος	зависть.
4. Ложь	ψεῦδος	гнѣвъ.
5. Гнѣвъ и ярость	θυμός και ὀργή	ярость съ гнѣвомъ.
6. Гордость и вы- сокомѣріе	ὑπερηφανεία	гордость.
7. Празднословіе и сквернословіе	μωρολογία	срамословіе и плясаніе
8. Дихва (коварство) и лезть	τόκου και δόλου	рѣзонманіе и ограбле- ніе.
9. Неправда и тщесла- віе	τῆς ἀκηδίας και τῆς κενοδοξίας	тщеславіе.
10. Сребролюбіе	φιλαργυρία	златолюбіе и сребро- любіе.
11. Пьянство	πολυοινοποσίας και μέθης	пьянство и запоиство.
12. Злопомыслие	μνησικαχία	злопомысливаніе.
13. Обаяніе	τῶν ἐπαοιδῶν	чародѣйство и волхво- ваніе

14. Объяденіе и чре- воугодіе	γαστριμαργία	объяденіе и раннее яденіе и питіе.
15. Идолослуженіе	είδωλολατρεία	всякая ересь («вѣра въ встрѣчу, въ чохъ, въ ползвъ и птичій грай, ворожю, и еже басни бають и въ гусли гу- дутъ»).
16. Мужеложство и дѣтоскверненіе	άνδρομανία και παιδοφθορία	прелюбодѣяніе.
17. Любодѣяніе	μοιχεία	убійство.
18. Разбой	φόρος	татьба.
19. Татьба	κλοπή	блудъ.
20. Блудъ	πορνεία	скуность и немилосер- діе.
21. Немилосердіе и жестокосердіе	άσπλαγχνία και σκληροκαρδία	

Зависимость Слова отъ Житія въ схемѣ грѣховъ несомнѣнна; разница представляется въ первыхъ четырехъ №№ и легко объ-яснима: замѣнивъ оклеветаніе (№ 1 Житія) обогаченіемъ, ложью, подвинувъ оклеветаніе на второе мѣсто, Слово раздѣлило № 5 Житія: гнѣвъ и ярость на два своихъ №№ 4 и 5, ибо ложь (№ 4 Житія) уже была предвосхищена его № 1. Далѣе опущень № 16 (мужеложство), чѣмъ и объясняется, при совпаденіи даль-нѣйшихъ №№, почему мытарствъ оказалось всего 20.

Внутренняго, логическаго распорядка въ послѣдовательности и группировкѣ грѣховъ, въ родѣ извѣстной у Григорія Нисскаго, мы не видимъ. Это, впрочемъ, общая характеристика загробныхъ видѣній и откровеній, за исключеніемъ Божественной Комедіи, сознательно проведеншей въ Аду Аристотельскую и Цицероновскую схему пороковъ, въ Чистилищѣ — церковное ученіе о семи смертныхъ грѣхахъ. Не смотря на это именно къ объясненію Дантовскихъ воззрѣній и образности Мытарства Теодоры даютъ

не безынтересный материалъ. Особливо 8-е мытарство вызываетъ попытку сравнительнаго комментарія.

Содержательное, по отношенію къ степенямъ караемой грѣховности, распредѣленіе Дантовскаго Ада извѣстно изъ объясненія Виргилія въ XI-й пѣснь: до седьмаго круга караются проступки, которые можно объединить понятіемъ невоздержности, *incontinenza*; Witte называетъ ихъ *Schwachheitsünden*; они легче слѣдующихъ, ибо

incontinenza

Men Die offende e men biasimo accatta

(*Inf. XI, 83—4*),

а въ Аду, чѣмъ тяжелѣе категорія грѣховности, тѣмъ ближе они къ центру. Для распредѣленія ихъ въ 7-мъ и слѣд. кругахъ Данте воспользовался указаніемъ Цицерона (*De offic. I, 13: duobus modis fit injuria: aut vi aut fraude*), которыя такъ толкуетъ Виргилій (*Inf. XI, 22 слѣд.*): «Всякое зло, преслѣдуемое небомъ, всегда имѣетъ своей конечной цѣлью обиду; нанося вредъ другимъ лицамъ, она проявляется либо въ видѣ простаго *насмѣія* (*forza = vis*), либо въ видѣ *обмана* (*frode*). Но такъ какъ обманъ— это зло, зарождающееся только въ людяхъ, а не въ животныхъ, то оно болѣе гнѣвитъ Бога, и за этотъ грѣхъ обманщики (*fredolenti*) подвергаются тягчайшему наказанію». Оттого насильникамъ (*violenti*) отведенъ 7-й, обманщикамъ 8-й кругъ; тягчайшій видъ обмана, предательство, карается въ самомъ центрѣ ада, гдѣ томится и Луциферъ.

Таково объясненіе Виргилія. Припомнимъ по какому поводу оно дается: поэты готовятся вступить въ 7-й кругъ; спускъ будетъ медленный, и Виргилій коротаетъ время, толкуя своему спутнику дальнѣйшее распредѣленіе грѣховъ по категоріямъ насмѣія и обмана. Данте спрашиваетъ его: какому опредѣленію отвѣчаютъ грѣхи, караемые въ областяхъ, ими пройденныхъ (*Inf. XI, 70 слѣд.*)—и Виргилій отвѣчаетъ ему, разъясняя, что такое *incontinenza*. Данте перечисляетъ по этому поводу гнѣвныхъ,

грѣшившихъ плотскою страстью, скупыхъ и расточительныхъ: грѣхи, наказуемые во 2-мъ по 5-й кругъ, хотя ихъ послѣдовательность въ перечнѣ не та, какая была на дѣлѣ (плотская страсть, чревоугодіе, скупость и расточительность, гнѣвъ). Это объясняется требованіемъ стиха; важнѣе умолчаніе еретиковъ, томившихся въ гробахъ 6-го круга: они также подходятъ подъ понятіе *incontinentia*, ихъ грѣхъ въ невоздержности мысли, не въ злой волѣ или обманѣ — точка зрѣнія, характерная для Данте — догматика.—Другихъ вопросовъ Данте мы не ожидаемъ: пройденное объяснено, слѣдующее разъяснится, наконецъ общій планъ будущаго пути и встрѣчь уже данъ Виргиліемъ. Онъ говоритъ (*Inf. XI, 31 слѣд.*) о 7-мъ кругѣ, что въ первомъ его ярусѣ они найдутъ насильниковъ противъ ближняго, во второмъ насильниковъ противъ самихъ себя (самоубійцы), въ третьемъ насильниковъ противъ Бога (кошуну) и природы (содомиты)—и ростовщиковъ (*Саорза*). Именно послѣдніе и вызываютъ неожиданный вопросъ Данте (*Inf. XI, 94 слѣд.*): онъ проситъ объясненія, недоумѣвая, какимъ образомъ ростовщики явились въ этой связи. Виргилій отвѣчаетъ хитросплетеніемъ ¹⁾: какъ природа — истечение божественнаго разума и художества, такъ искусство — ученикъ природы; если оно идетъ противъ нея, оно является насиліемъ. Таково искусство ростовщиковъ.

Я назвалъ вопросъ Данте неожиданнымъ; ставя его особо, задолго до своей встрѣчи съ насильниками искусства въ XVII пѣснѣ Ада, онъ, быть можетъ, оставилъ намъ свидѣтельство собственныхъ колебаній и недоумѣній, поднимавшихся въ немъ, когда онъ строилъ планъ своей грѣховной гѣстивиды. То-же недоумѣніе я усматриваю и далѣе — въ строеніи XVI и XVII пѣсенъ: поэты посѣтили ярусъ насильниковъ противъ природы; готовясь идти далѣе, Виргилій вызываетъ изъ пропасти чудовищнаго Геріона, символъ обмана и лицемерія, съ тѣмъ, чтобы онъ перенесъ ихъ въ 8-й кругъ, гдѣ именно карается обманъ. Слѣ-

¹⁾ L'argomento non è de' più diretti, говоритъ Tommaseo

дуетъ явленіе и описаніе Геріона XVI 130—XVII 1 слѣд.; онъ вынырнулъ изъ глубины пропасти и остановился въ уровень съ ея краемъ; путники дѣлаютъ обходъ по краю, избѣгая песчаной равнины и огненнаго дождя. Уже подойдя къ Геріону Данте видитъ въ сторонѣ, на концѣ седьмаго круга, какихъ то сидѣвшихъ тамъ людей; если ты хочешь всё осмотрѣть въ этомъ кругѣ, говоритъ Виргилій, подойди къ нимъ и побесѣдуй, но не долго, пока я уговорю чудовище ссудить намъ свои крѣпкія плечи. — Данте идетъ и бесѣдуетъ съ ростовщиками.

Они выдѣлены изъ числа другихъ насильниковъ 7-го круга явленіемъ Геріона, олицетворяющаго обманъ, поставлены какъ-то особо, въ сторонѣ, на самомъ краю пропасти, внизу которой караются обманщики. Это распредѣленіе, быть можетъ, не случайно. Григорій Нисскій (сл. канонич. посланіе его къ Литою еп. Мелитинскому, прав. 6) помѣщаетъ лихву въ категорію *любоствязанія* вмѣстѣ съ татьбой и разбоемъ, гробокопательствомъ и святотатствомъ. «Предисловіе къ великому покаянію» соединяетъ, какъ двѣ матицы всякому злу, неправедное стяжаніе съ пьянствомъ; первое хуже: пьяница проспится, а отъ неправеднаго богатства нельзя проспаться; рѣзы и наклады хуже воровства; не должно допускать такихъ людей до покаянія, пока не возвратятъ *неправеднаго стяжанія*. Съ другой стороны декреталии сводятъ подъ однимъ титуломъ лихву не только съ поджогомъ, разбоемъ и татьбой, но и съ *crimen falsi*, тогда какъ *Penitentialia Valicelliana* I представляетъ обратный порядокъ, говоря сначала (§§ 47—52) о *crimen falsi* и затѣмъ переходя къ *usura* (§§ 54—5) ¹⁾. Сходно въ Хожденіи Теодоры: 8-ое мытарство соединяетъ въ себѣ грѣхи *лжесвѣдѣнія и обмана*: τῶρου καὶ δόλου, слав. лихва и лезть (или коварство). Отнеся своихъ ростовщиковъ къ границѣ области, гдѣ карается обманъ, Данте могъ имѣть въ виду такой именно взглядъ и, соединивъ его съ своимъ, измѣнилъ приему, которому обыкновенно слѣдуетъ въ

¹⁾ Schmitz, Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche, стр. 270 и слѣд.; сл. прим. къ § 54.

* Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

распределеніи грѣховъ, караемыхъ въ аду, отъ болѣе легкихъ къ болѣе тяжелымъ. Здѣсь наоборотъ: въ началѣ грѣховность представляется *восходящею* отъ насилія противъ ближняго и себя къ насилію противъ Бога, затѣмъ линія ломается и идетъ внизъ: отъ насилія противъ Бога къ насилію противъ природы — и искусства. Оно явилось послѣднимъ, потому, быть можетъ, что приводило — къ пропасти обмана.

14-е мытарство Θεодоры еще разъ обращаетъ насъ къ Данте: демоны объяденія язображаются *παχύς και πίονες*; они *лаютъ* на Θεодору, какъ надъ *golosi* третьяго адскаго круга (Inf. с. VI, 13—14) Церберъ .

По пѣсьмъ лаетъ настію тройной
 На грѣшный родъ, увязшій въ тинѣ грязной.
 Овъ съ толстнмъ чревомъ, съ сальной бородой,
 Съ когтямъ на лапахъ, съ красными глазами,
 Хватаетъ злмхъ, рветъ кожу съ нихъ долой.

17-е мытарство любодѣянія отдѣльно отъ блуда (№ 20) разбоямъ и татьбой; послѣдніе отнесены, какъ мы видѣли, у Григорія Нисскаго, вмѣстѣ съ лихвой, къ категоріи любостязанія, тогда какъ любодѣяніе и блудъ входятъ въ психологическую группу грѣховъ вожделѣнія. По поводу блуда проводится въ нашемъ текстѣ взглядъ на различную степень виѣяемости одного и того-же проступка, смотря по отношенію его къ таинству. Демоны укоряютъ Θεодору въ прелюбодѣяннн, ангелы защищаютъ ея. Вотъ рассказъ Θεодоры: «преже ѣгѣа не работаѣ еще стѣму нашемуу ѡѣцю (т. е. Василию), имѣѣ подруга ѣгоже бѣ ми предаа гѣа моа, ѣ живаѣ с ниѣ, падоѣже са нѣкогѣа ѡѣ него с другими юношамн; сего раѣ (дѣволы) много на ма клеветаху. Глѣста же нѣ водащи ма анѣла, гѣко си раба бѣ, нѣ ѡѣ ѣрѣа блѣословнса, ни въ цѣкви гѣн вѣнчаса с мужеѣ, ѣго же вѣаѣ, да не прелюбодѣяннне боудетъ снцевѣ грѣси, нѣ паче блѣуѣ сѣа подобаеѣ гѣти. (Уни же прѣтнву вопѣахоу гѣще: нѣ ли вторын раѣ боу стажа-вын ѣго, нскупнвын ѣго среброѣ гѣн нго? Сѣа оубѣ оу вѣѣкн

своего съчета са муже^а, подобно е прелюбодѣаніе гѣти грѣ^а ел^а, а не блон^а» (рпк. XIV—V в.). Бракъ Θεодоры, какъ рабы, былъ не церковный, потому и ея грѣхъ попадаетъ, не смотря на логику дьяволовъ, въ болѣе легкую и, прибавимъ, широкую категорію. О мытарствѣ, его испытующемъ, говорится: «сего мытарства мало дѣшъ минуе^а бес пакости, понеже соует^анын миръ ѿ^а соущи^а в не^а питаніи блудлюбивъ е^а и сластолюбив, того ради множаншаа ѿ^а него сѣи долоу ѿ^атер^азаю^а и въ адѣ заключаю^а к' томоу ꙗко та^а хвалитса кнѣзь мытарства сего глѣа, ꙗко азъ ѣдин наполнаю ро^аство^а 1) ѿгненое дѣшъ члѣскы^а ѿ^а сего моѣго рѣства» (ib.). Это напоминаетъ намъ распорядокъ загробнаго міра у Данте, располагающаго грѣхи въ Аду по нисходящей линіи, отъ болѣе легкихъ къ болѣе тяжкимъ, въ Чистилищѣ въ обратномъ движеніи, отъ болѣе тяжкихъ къ болѣе простительнымъ. Послѣднихъ больше; оттого адскія жилища и идутъ, суживаясь конусомъ къ центру земли; тѣмъ дальше, тѣмъ болѣе грѣховности, но уменьшается и количество ея представителей. Самый населенный кругъ Ада есть вмѣстѣ съ тѣмъ его первый: въ немъ карается плотская страсть, т. е. блудъ; въ чистилищѣ, наоборотъ, ему отведена послѣдняя терраса у верха горы, послѣ чего мы вступаемъ въ видѣніе—земнаго рая. Такъ въ сущности и въ рассказѣ Θεодоры: ея 20-ое мытарство отдѣлено отъ «небесныхъ вратъ» лишь мытарствомъ «немилосердія»; мнѣхъ Григорій помѣстилъ его здѣсь, согласно съ тѣмъ особымъ значеніемъ, какое дается милосердію и милостыни въ продолженіи всего житія: это его нервъ, его центръ; набожный панегиристъ не разъ обращается къ восхваленію спасительной силы милостыни 2); пройдя второе мытарство Θεодора спрашиваетъ ангеловъ: знаютъ-ли люди, что ожидаетъ ихъ по смерти? «Знаютъ отвѣтили они, но пресыщеніе и мірскія удовольствія не позволяютъ имъ помнить о томъ. Божественное Писаніе говоритъ, что

1) Родство = γέννηα, спутанное съ γέννη; такъ въ другомъ мѣстѣ: «снхже (демоновъ) видѣніе горъ ши ро^аства ѿгненаго».

2) Сл. AASS. I. с., стр. 25 § 25 и стр. 32 § 59 (въ рпк. подробнѣе).

особенно хорошо будет подающимъ милостыню, которая больше другихъ добродѣтелей можетъ оказать здѣсь помощи. Пусть же день и ночь занимаются люди добрыми дѣлами, они избавятся отъ тяжкихъ бѣдъ и вѣчныхъ мученій». Сходно въ поученіи при 11-мъ мытарствѣ. Всѣ это приготовляетъ насъ въ послѣдней части житія къ поэтическому олицетворенію Милостыни, какъ она представлялась Григорію въ видѣніи страшнаго суда, всё спасающей и всё искупающей, стоящей превыше поста и самобичеванія, какъ и въ русскомъ поученіи говорится: «Нѣтъ пользы, если будемъ поститься, а отъ жестокаго сердца не воздержимся. Кто не ѣстъ мяса, воздерживается отъ питія, а убогихъ не милуетъ, тотъ хуже скота. Кто на голой землѣ легаеъ всю ночь, не спя молится, а убогихъ не милуетъ, и тотъ не лучше скота. Аще кто дастъ село монастырю, то на пагубу души своей, аще ли на раздѣлъ убогимъ, на спасеніе души. Милостыня выше приноса въ церковь. Не утворяй церкви, видя скорбящаго брата: живой храмъ выше, истовѣе церкви. У церкви можно украсть твой даръ, а у алчнаго и ночью самъ дьяволъ дара твоего украсть не можетъ»¹⁾. Взглядъ, напоминающій намъ легенду, рассказанную объ александрійскомъ архіепископѣ Іоаннѣ Милостивомъ²⁾,

¹⁾ Отчетъ о рефератѣ прое. Тихомирова въ засѣданіи отдѣла этнографіи, состоящаго при Имп. Общ. любителей естествознанія 9 Февраля 1875 г. (Моск. Вѣдомости, 15 Февраля 1875 г., № 44: Засѣданіе отдѣла Этнографіи, 9 Февраля).

²⁾ Сл. Н. Gelzer, Ein griechischer Volkschriftsteller des 7 Jahrhunderts въ Sybel's Hist. Zeitschrift, 61 Band, I Heft, стр. 16. Интересно отмѣтить, что одно изъ благотвореній Іоанна Милостиваго перенесено въ Повѣстяхъ Пафутія Боровскаго (сл. наше Приложение 2-е) — на Іоанна Калиту. Однажды какой-то богатый иностранецъ захотѣлъ испытать доброту архіепископа, и когда Іоаннъ собрался посѣтить больницю, подошелъ къ нему, одѣтый въ рубище, и попросилъ милостыни. Ему подали шесть золотыхъ. Черезъ три дня онъ явился въ другой одеждѣ и снова просить; Іоаннъ снова велѣлъ дать ему шесть золотыхъ; когда нищій удался, казначей шепнулъ архіепископу, что тотъ человекъ уже во второй разъ получилъ милостыню; а Іоаннъ какъ будто и не слышитъ. Когда въ третій разъ подошелъ тотъ-же нищій, казначей кивнулъ архіепископу, давая ему понять, что это всё тотъ-же; а тотъ говоритъ: Подай ему двѣнадцать золотыхъ, дабы онъ не былъ ниѣ Христомъ и не ввелъ меня въ искушеніе.

постоянную проповѣдь милостыни въ Патерикахъ, въ народномъ стихѣ о Лазарѣ и въ другомъ, внушающемъ:

Души спасти — костомъ и молитвою,
Въ рай войти — святой милостыней.

(Безсоновъ, вып. V, ЖМ 504; сл. 506, 510—512, 515).

Миновавъ мытарства Θεодора приходитъ къ небеснымъ вратамъ, гдѣ видитъ обители святыхъ и лоно Авраамово. Ангелы водятъ её потомъ и по мукамъ, гдѣ она слышитъ вопли и рыданіе грѣшниковъ, послѣ чего она приведена была для успокоенія въ обитель преподобнаго Василя, въ 40-й день, когда Василій на землѣ творилъ по ней память.

За рассказомъ Θεодоры слѣдуютъ въ житіи чудеса и видѣнія святаго и далѣе откровеніе страшнаго суда, бывшее самому спсателю житія по слѣдующему поводу: на Григорія напало сомнѣніе касательно правоты христіанской вѣры; вѣра іудейская начала казаться ему именно тою вѣрою, которая угодна Богу, праведна, потому что Авраамъ у іудеевъ праведенъ, Моисей далъ имъ законъ, котораго они и теперь держатся. Свои сомнѣнія онъ передалъ блаженному Василю, который вразумилъ его, а такъ какъ у Григорія еще остались колебанія, помолился по его просьбѣ, чтобы Господь открылъ ему въ сонномъ видѣніи состояніе въ загробной жизни людей всѣхъ вѣръ и всѣхъ исповѣданій.

Излагать это видѣніе въ связи я не буду, такъ какъ оно подробно было рассказано г. Сахаровымъ ¹⁾ и будетъ издано нами особо. Укажу на перечень именъ языческихъ божествъ; на категоріи грѣшниковъ, гдѣ являются рядомъ: «гудецъ и смычникъ и свирѣльникъ и клятвенникъ и мертвыми волхвуй» — и «богомилнъ» ²⁾. Послѣдними на судъ явились отметники и гонители; ангелы ввергли ихъ въ тартаръ, откуда слышенъ былъ ихъ вопль

¹⁾ I. с., стр. 170 и слѣд.

²⁾ Съ осужденіемъ гудецъ и т. п. сл. слѣдующую подробность житія: «нико особаго бѣса иматъ властелинъ и подроно и на позорищи ему оугожають».

и стоны. Изъ общаго крика выдѣлялся одинъ голосъ: онъ то ревѣлъ, то стоналъ, то скрежеталъ зубами, наконецъ обратился къ самому Распятому: «О люте, о люте, о распятый сокровенный Боже, купно же и человѣче! Не азъ единъ, но мнози о тебѣ прельстишася и не разумѣша Твоего вочеловѣченія, страстей твоихъ, и отвергошася Тебя, якоже и азъ И се нынѣ вижу, яко Ты единъ Вышній, Господь Иисусъ Христосъ въ славу Богу и Отцу О горе тѣмъ, иже Тебя истиннаго Бога не увидѣша и Твоего плотскаго смотрѣнія не пріяша и не вѣроваша Тебѣ и не крестишася О люте мнѣ, яко злѣ погибаю въ пламени семъ до конца снѣдающа мя. О благодѣтельная смерть! Смерть, гдѣ еси, дабы нынѣ пришедше избавила мя еси отъ горькія сія болѣзни» Кто это такъ горько мучится? спрашиваетъ Григорій у своего ангела путеводителя. — Это Діоклетіанъ мучитель, гонитель христіанства. «Здѣсь совершился конецъ суда Божию», говоритъ Григорій, «ангелы затворили страшныя муки въ преисподнихъ земли».

Образъ Діоклетіана въ тартарѣ, стонами котораго заключается картина страшнаго суда и «затворены страшныя муки», не лишень нѣкоторой грандіозности. Это не Діоклетіанъ мучитель, а Діоклетіанъ — Дуклианъ южнославянскаго (и, можетъ быть, среднегреческаго) преданія, отождествившаго его съ дьяволомъ — Антихристомъ. На стѣнописи монастыря на Саламинѣ, изображающей страшный судъ, онъ также помѣщенъ въ числѣ другихъ грѣшниковъ¹⁾. Видѣніе Григорія выдѣляетъ его особо: онъ какъ бы въ центрѣ преисподней, какъ Люциферъ Дантовскаго Ада. Только Діоклетіанъ мучится въ пламени, Люциферъ въ ледяномъ озерѣ, которое самъ морозитъ вѣяніемъ своихъ гигантскихъ крыльевъ: представленіе тартара, знакомое и нашей старинѣ. Въ словѣ Кирилла Александрійскаго объ исходѣ души читаемъ: «обоюся тартара (*tartarou*), зане не причастенъ есть

¹⁾ См. Покровскаго, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства, Труды VI археологич. съѣзда въ Одессѣ, т. III, стр. 816.

теплоты». Такъ и въ апокрифическомъ сказаніи о явленіи ангела преп. Макарію Египетскому: «а се есть червь неусыпаемый, а се есть глаголемый тартаръ — зима несъгрѣема и мразъ лють» ¹⁾).

Видѣніе Григорія, вызванное его религіозными сомнѣніями, раскрыло ему загробную участь людей «всѣхъ вѣръ и всѣхъ исповѣданій». Этотъ моментъ сомнѣнія намъ и интересенъ: онъ-то, можетъ быть, и заставилъ писателя задуматься надъ другими вопросами, связанными съ идеями суда и возмездія. Діоклетіанъ осужденъ; но что будетъ съ язычниками милостивыми и добродѣтельными, не познавшими истиннаго Бога не по косности, а по невозможности познать его? Что будетъ съ тѣми, которые не удовлетворили въ полной мѣрѣ божественной справедливости, но и не заслужили окончательнаго осужденія? Отвѣтъ на эти вопросы дають два эпизода житія Василія; оба принадлежать перу Григорія. Я объединилъ ихъ однимъ общимъ названіемъ: безразличные и обоюдные.

I.

По христіанскому представленію, упрочившемуся въ средніе вѣка на западѣ, существовало три постоянныхъ мѣста пребыванія для отжившихъ: кромѣ рая и ада—еще и «лоно Авраамово», *sinus Abrahae*, иначе *limbus patrum*, въ которомъ обрѣтались ветхозавѣтные святые, лишеныя лицезрѣнія Божія вслѣдствіе первороднаго грѣха и жившіе надеждою спасенія, пока Иисусъ Христосъ не ввелъ ихъ въ свою славу. Въ связи съ этимъ «либбомъ отцовъ» стоитъ и особое мѣсто пребыванія для некрещенныхъ младенцевъ, на которое св. Тома Аквинскій перенесъ то же названіе: *limbus infantum* или *puerorum*. Въ представленіи св. Тома адъ находится въ центрѣ земли, надъ нимъ чистилище, далѣе *limbus infantum* и, наконецъ, *sinus Abrahae*, которое пред-

¹⁾ Древности, Труды Моск. Археол. Общ. Т. 1. Матеріалы для археологич. словаря а. в. тартаръ, стр. 74—5.

ставляется, такимъ образомъ, стоящимъ ближе всего къ райскимъ селеніямъ. Древнія живописныя изображенія помещаютъ его въ раю, въ символическомъ образѣ: Авраамъ съ праведною душою или душами на лонѣ, вокругъ него нѣсколько другихъ душъ въ видѣ дѣтей ¹⁾). Въ житіи Василія Новаго († 944 или 952), писанномъ его ученикомъ, мнѣхомъ Григоріемъ, Теодора видитъ въ раю, въ числѣ другихъ святыхъ обитателей, и лono Авраамово, и то, что мы могли бы назвать — *limbus infantum*. «И приведоша мя въ нѣдра Авраама патриарха (рпк. XIV—V в.: в' пазоухоу), вся показующе; бѣ же исполнь славы и радости духовныя и благовонныхъ цвѣтець и мѣра и шипокъ и арамать; бяху же тамъ и палаты различны, токмо духомъ божіимъ устроены. И тамо видѣхъ множество безчисленно младенецъ ликующихъ и веселящихся радостно окрестъ его. И вопросихъ водящихъ мя ангель: Что есть сицевый соборъ святоносныхъ силъ младенецъ ликующихъ окрестъ святолѣпнаго сего старца? И рѣша ми: Се есть патриархъ Авраамъ, и си еже слышала еси нѣдра Авраамля, и сій соборъ — христіанстїи младенцы соуть, разрѣшившесея отъ плоти несквернїи».

Въ этомъ лонѣ Авраамовѣ покоится и нищїй въ притчѣ о Лазарѣ (Лук. XVI, 22 и др.); всюду разумѣется то состояніе блаженства, котораго сподобились ветхозавѣтные праведники, когда Христосъ извлекъ ихъ изъ ада и, приведя въ рай, передалъ арх. Михаилу (Ниководимово евангелїе). Въ раю знаетъ ихъ и отреченный Апокалипсисъ ап. Павла и другіе тому подобныя памятники; въ повѣсти объ Іосифѣ Аримаеѣйскомъ ²⁾ Христосъ говоритъ праведному разбойнику: «Ты одинъ вселишься въ рай, и никто изъ первосозданныхъ не увидеть въ него тѣломъ,

¹⁾ Такъ въ миниатюрѣ *Hortus Deliciarum*; на фрескахъ Опасо-Передицкой церкви близъ Новгорода (1199 года), Дмитріевскаго собора во Владимирѣ на Клязьмѣ (исполненыя первоначально въ концѣ XII в., онѣ были реставрированы русскими мастерами въ XV—XVI вв.), Успенскаго собора тамъ-же и др. Указанїя эти заимствованы изъ труда проф. Покровскаго I. с.

²⁾ См. Tischendorf, *Evangelia apocrypha*, стр. 435.

ты единъ до втораго и страшнаго моего пришествія»; въ видѣніи Альберика Авель, Авраамъ, Лазарь и праведный разбойникъ одни лишь и обитаютъ въ раю, другіе святыя поселены вокругъ и удостоятся принятія въ него лишь по второмъ пришествіи Христа.

Такимъ образомъ древній «лимбъ отцовъ» у предѣловъ ада опустѣлъ¹⁾, и средневѣковая фантазія принялась населять его новыми жильцами: душами дѣтей, умершихъ до крещенія, и тѣнями добродѣтельныхъ изычниковъ. Населеніе совершилось не вдругъ. Видѣніе страшнаго суда мнихомъ Григоріемъ, составляющее часть житія Василія Новаго, указывало дѣтямъ, умершимъ до крещенія, такую конечную участь: такъ какъ въ нихъ не было никакого зла, но не видно было и Божьей благодати, то, воззрѣвъ на нихъ, Господь разгнѣвался не на нихъ, а на ихъ родителей, не просвѣтившихъ ихъ святымъ крещеніемъ, и повелѣлъ имъ дать мѣсто покойное на полуднѣ, «и мало нѣкія вѣчныя жизни наслажденіе, обаче да не видятъ лица Господня». У Альберика дѣтскія души очищаются въ первой долиніи ада, полной огня и жгучихъ паровъ; Данте помѣщаетъ такихъ младенцевъ въ первомъ кругѣ своего Ада, то-есть, въ лимбѣ (сл. Inf. IV, 30, 35; Par. XXXII, 83), какъ въ Энеидѣ (VI, 426 слѣд.), тотчасъ за адскою рѣкой, при вступленіи въ область, охраняемую Церберомъ:

continuo audite voces, vagitus et ingens,
infantumque animae fientes in *limine primo*:

¹⁾ Къ представленію лимба интересно отмѣтить слѣдующее: въ латинскихъ Диалогахъ между Адрианомъ и Эпитектомъ земля представляется покоящеюся на камнѣ, камень поддерживаютъ *quatuor animalia*, подъ ними огонь; огонь держитъ *abissus*, а пренеподною поддерживаетъ *arbor*, quae ab initio posita est. Въ соответствующемъ отрывкѣ испанской народной книги, *Historia de la donzella Theodor*, это то древо, которое посажено было въ раю, а корень его, до смерти Спасителя, спускался въ самый адъ. Провансальскіе Диалоги называютъ это дерево райскимъ, на немъ патриархи и пророки, оно держитъ небо и море и весь свѣтъ. Такимъ образомъ ветхозавѣтные праведники оказываются въ адѣ (*abissus*) и висѣтъ, при (на?) райскомъ деревѣ. Сл. выше, стр. 45—6.

quos dulcis vitae exsortes, et ab ubere raptos
abstulit atra dies et funere mersit acerbo ¹⁾.

За ними слѣдуютъ неповинно осужденные на смерть, самоубійцы и погибшіе отъ несчастной любви; дагѣ герои. У Данте порядокъ нѣсколько иной: въ лимбѣ дѣти и герои древности — добродѣтельные язычники: во второмъ кругѣ Ада — Паоло и Франческа, поэтическіе показатели цѣлаго ряда другихъ, увлеченныхъ ко грѣху любовью.

Добродѣтельные язычники въ Дантовскомъ лимбѣ также являются результатомъ постепеннаго приуроченія. Въ хожденіи ап. Павла по мукамъ ²⁾ они еще въ аду: апостолу представляются въ числѣ другихъ грѣшниковъ, между содомитами и женами, наказанными за вытравленіе плода, другіе мужи и жены, облеченные въ свѣтлыя ризы, но незрячіе очами; они погружены въ пропасти огненной. Ангель объясняетъ: это — язычники, творившіе милость, но не познавшіе Бога; потому они и принимаютъ безпрестанную муку. — Болѣе гуманное отношеніе къ нимъ мы встрѣчаемъ у Діонисія Ареопагита (ed. Corderius I, 608—609): св. Карпу представляются въ видѣннѣ два язычника, проклятые имъ, ибо они учинили соблазнъ въ его паствѣ. Они стоятъ на краю пропасти, полной гадюкъ; онъ хочетъ столкнуть ихъ туда и уже простеръ руку, но остановленъ Христомъ являющимся съ небесъ и говорящимъ ему: Порази меня, ибо я готовъ еще разъ умереть за человѣчество. Стало бытъ и для доблестныхъ язычниковъ возможно было, если не спасеніе, то извѣстное смягченіе участи: пребываніе не въ тартарѣ, а въ лимбѣ. Метхгильда Магдебургская отводитъ имъ верхнія части ада, гдѣ мученія меньше;

¹⁾ Въ древнегреческомъ повѣрью дѣти, умершія преждевременно, носятъ по ночамъ въ свѣтѣ Гекаты вмѣстѣ съ тѣми, которые скончались безъ потомства и не извѣдавъ любви.

²⁾ Тихонравовъ, Пам. отреч. русск. литературы, II, стр. 53. Ни въ греческомъ текстѣ Апокалипсиса ап. Павла (Апocalypses апостолу ed. Tischendorf, стр. 60—61), ни въ сирійскомъ (P. Zingerle въ Heidenheim's Vierteljahrschrift 4-ter B., стр. 189—188) этого эпизода нѣтъ.

за ними слѣдуютъ евреи, далѣе — невѣрные христіане ¹⁾. Данте также помѣщаетъ въ первомъ адскомъ кругѣ, то-есть въ лимбѣ, добродѣтельныхъ язычниковъ: рядомъ съ поэтами и философами древности — Аверроэса и Саладина, женщинъ, мужчинъ и дѣтей. Что ихъ соединяетъ въ этой доли скорби — это не грѣхъ: они не согрѣшили, но, родившись до явленія Спасителя, не могли сподобиться ни крещенія, ни вѣры въ истиннаго Бога. Въ этомъ ихъ единственная, не личная вина; въ сущности, они стоятъ внѣ опредѣленія грѣха или добродѣтели — въ христіанскомъ пониманіи этихъ словъ, и въ этомъ смыслѣ безразличны. Толкуя дантовскій стихъ *Inf. IV, v. 45*:

Conobbi che in quel limbo eran sospesi,

древніе комментаторы объясняли, что эти люди не осуждены и не спасены. Данте не даетъ имъ матеріальнаго наказанія, но за то другое, пожалуй, болѣе страшное: они живутъ страстнымъ желаніемъ, но безъ надежды лицезрѣть Господа, *Inf. IV, v. 42*:

Che senza speme viviamo in disio.

Сл. *Inf. IX, v. 18*:

Che sol per pena ha la speranza sionca.

Данте удостоилъ рая души праведныхъ язычниковъ, Траяна и Рифей, окружилъ такимъ благоговѣніемъ образы доблестныхъ мужей древности, пребывающихъ въ лимбѣ, что казалась несомнѣнной съ такимъ отношеніемъ поэта примѣненная къ нимъ кара: безнадежнаго желанія. И вотъ явилась попытка: внести въ приведенные выше стихи смыслъ, долженствовавшій помирить ихъ съ гуманными воззрѣніями Данте, или скорѣе, его почитателей. Соклари усмотрѣлъ въ состояніи безнадежнаго желанія такое настроеніе духа, которое не равносильно отчаянію: все дѣло въ психологическомъ его толкованіи: надо представить себѣ

¹⁾ Preger, *Geschichte der deutschen Mystik*, I, 104.

въ тѣхъ душахъ такую силу желанія, которая удаляла бы отъ нихъ приводящую въ отчаяніе мысль о безконечномъ лишеніи, и, вмѣстѣ, столь робкую надежду, чтобы увѣренность въ будущемъ блаженствѣ не доводила желанія до страстнаго его предвкушенія. Иначе и реальнѣе понятіе состояніе возресо, то-есть стоящаго, поставленнаго по срединѣ, въ колебаніи, другой комментаторъ Божественной комедіи, Ломбарди: это не расторженность духа между желаніемъ и надеждой, не состояніе «нерѣшеннаго» между блаженствомъ и наказаніемъ; оно понимается какъ временное— въ виду окончательнаго приговора на послѣднемъ судѣ, когда нерѣшенное рѣшится и души праведныхъ язычниковъ населятъ обновленную землю. Blanc также склоненъ понять выраженіе *возресо* въ томъ смыслѣ, что Данте хотѣлъ имъ указать на лучшую участь, ожидающую въ будущемъ временныхъ обитателей *лмба*; иначе, какъ объяснить себѣ обѣщаніе Беатриче *Виргилю*, *Inf. II, v. 73—74*: когда я буду предстоять передъ Господомъ, я часто буду хвалить тебя?

Quando sarò dinanzi al Signor mio
Di te mi loderò sovente a lui.

Виргилю также естественно было очутиться въ средневѣковомъ раю, какъ *Траяну* извѣстной легенды о *Григоріѣ Великомъ*: въ IV-й *эклогѣ Виргилія* средневѣковые люди вычитывали пророчество о рожденіи Спасителя; онъ былъ типомъ мудраго, вѣщаго язычника, приуготовленный сосудъ христіанства, еслибъ онъ былъ взысканъ его откровеніемъ; въ *Мантуѣ* до XV вѣка пѣлся въ церкви гимнъ: будто бы ап. Павелъ пролилъ слезы надъ гробницею *Марона*: «какимъ бы (христіаниномъ) я учинилъ тебя, еслибъ засталъ тебя въ живыхъ, о величайшій изъ поетовъ». Далѣе можно было идти въ направленіи, указанномъ *ирландскою легендой о св. Кадокѣ* (V вѣка ¹⁾: однажды онъ гулялъ

¹⁾ Hersart de la Villemarqué, La légende celtique et la poésie des cloîtres en Irlande, en Cambrie et en Bretagne (Paris, 1864): XIV. La légende de st. Kadok.

по морскому берегу въ обществѣ св. Гильды, держа подъ мышкой книгу Виргилія, по которой имѣлъ обыкновеніе обучать мальчиковъ въ школѣ. Онъ плакалъ и, на вопросъ св. Гильды, отвѣчалъ, что проливаетъ слезы о Виргиліи, вѣроятно, обреченномъ на вѣчныя муки. Гильда подтверждаетъ это предположеніе; въ это время порывъ вѣтра выхватилъ книгу изъ-подъ рукъ святого и унесъ ее въ морѣ. Тогда св. Кадокъ даетъ завѣтъ: не ѣсть и не пить, пока ему не будетъ открыто, какая участь ожидаетъ на томъ свѣтѣ тѣхъ, которые на землѣ пѣли, какъ поютъ ангелы на небѣ. Во снѣ онъ слышитъ голосъ, просящій — молиться за него, а на другой день находитъ въ пойманной имъ лососѣ утраченную книгу. Виргилій, очевидно, былъ спасенъ ¹⁾).

Представленіе о загробной участи праведныхъ язычниковъ, стало быть, колебалось между св. Гильдой и Кадокомъ, строгимъ

¹⁾ Древнія славянскія представленія о Виргиліи отражаютъ сравнительно позднюю стадію въ развитіи его легендарнаго типа на западѣ: это — Виргилій магъ и волшебникъ. Сл. Jagić, Die südslavischen Volkssagen von dem Grabasijaš diyak und ihre Erklärung въ Archiv f. slav. Philologie, II, 487—481 и 748; ib. IV, стр. 611 сл.: Asboth, Der Garabonczás diak nach der Volksüberlieferung der Magyaren. Виргилій, какъ провозвѣстникъ Христа, извѣстенъ намъ изъ старопечатныхъ (XVII в.) Чудесъ Пресвятой Богородицы, извлеченія изъ которыхъ (по дефектному экземпляру библи. Кіево-Печерской Лавры, отд. VII, № 7) любезно доставлены были намъ Вл. Ва. Каллашениъ. Виѣсть съ чудомъ о Виргиліи приведу и слѣдующее за нимъ, касающееся христіанскаго пророчества Овидія:

Чѣда престоу Бѣи межѣ поганями.

Чѣдо трѣтєѣ, л. ѡа (стр. 2).

Вѣрѣдлушъ побѣта бѣдучи поганѣномъ невѣрѣнымъ, чы ѣ забѣгу дѣха научѣнѣный, написалъ ѣ прѣчтой Дѣѣ и ѣ прѣтинъ Хѣомъ такіи словѣ: "Южъ вертѣтєса ѣ Дѣѣа, вертѣтѣтєса сатурнѣвымъ цѣрства.

(съ боку: 'Еглогъ ѣ).

Чѣдо чѣтвѣртѣѣ л. ѡв (стр. 1).

'Овѣдлушъ Вѣршопѣсецъ, бѣдучи поганѣномъ ва выгнѣнію межѣ Сармѣтани, написалъ ѣ Престоу Бѣи Вѣрши, въ которыхъ Бѣѣнею ѣѣ называеѣтє, новачи:

Вѣрѣ тоуѣ що ѣ новѣю, въ тѣмъ та оупевѣю,

Жѣ въ Сармѣцкой крайѣѣ ѣ тѣмъ дѣбрѣ знѣю,

Зѣ ѣба са тѣтъ зѣавѣло чѣдо, повѣдѣютъ

Прѣзъ Богѣнію, котрѣю всѣ тѣтъ выславѣютъ.

(съ боку: "Овѣдлушъ де По: кнѣ: ѣ. "Елег. ѣ. до Маѣшиа).

рѣшеніемъ догмы и вожделѣніями человѣческаго милосердія. Видѣніе мниха Григорія (въ житіи Василя Новаго) склонилось въ послѣднюю сторону: въ числѣ праведниковъ, входящихъ «въ радость Господа», за Адамомъ, Авелемъ и др., является новый сонмъ: «И по симъ прииде малъ ликъ, лица же ихъ бяху красна, бѣла и румяна; сіи же бѣху иже преже пришествія Христова отъ языкъ, не ищуще закона, но дѣлы законъ исполняюще и идоломъ не поклонившеся, но цѣломудрени быша и милостивы и Бога чтуще; и симъ повелѣ (Господь) внити, и того ради сподобитися сея радости неизреченныя».

Не такого мнѣнія былъ Данте — не взирая на желаніе его комментаторовъ: его Виргилій далекъ отъ христіанскаго освѣщенія ирландской легенды; онъ — вдохновенный учитель, поэтъ и мудрецъ, но его руководства хватаютъ лишь до границъ откровенной истины. Онъ самъ обрѣтается въ лимбѣ, между желаніемъ и надеждой; его мѣсто въ аду, какъ учило и хожденіе ап. Павла, но онъ и всѣ великіе иновѣрцы лимба являются въ такомъ симпатичномъ и вмѣстѣ грустномъ освѣщеніи, что оно искупаетъ, не отмѣняя его, строгій приговоръ догмата. И это не шагъ назадъ въ пониманіи древности, а прогрессъ; гуманистическая ея идеализація взяла перевѣсъ надъ христіанскою: содержаніе языческой мысли и поэзіи цѣнится въ нихъ самихъ, въ ихъ цѣляхъ и человѣческихъ задачахъ, не по идеѣ прообразованія, спасавшей для новой культуры завѣты древней — поскольку послѣдняя, казалось, предвѣщала первую; Виргилія поэта — въ вдохновенномъ пѣвцѣ IV эклоги.

II.

Если обитатели лимба стоятъ нерѣшенные, въ опредѣленія грѣха и заслуги, то въ преддверіи къ Дантовскому Аду мы встрѣчаемся съ другимъ, подобнымъ же типомъ. На этотъ разъ опредѣленіе существуетъ, ибо мы имѣемъ дѣло съ грѣшниками, которымъ оно было открыто и вмѣнено; ихъ грѣхъ не въ невѣдѣніи, а въ колебаніи между завѣтами добра и зла, въ нравствен-

ной нерѣшительности. Это, въ самомъ дѣлѣ, безразличныя и обоюдныя; не безусловно грѣшныя, но и не добродѣтельныя; въ смыслѣ примѣненнаго къ нимъ наказанія они такія же нерѣшенные, какъ грѣшившіе по невѣдѣнію.

По современному нидерландскому повѣрью ¹⁾, когда женщина умираетъ въ родахъ, ея душа стремится къ небу, гдѣ ее не принимаютъ за грѣхи, а дѣ также отрицается ея, ибо она достаточно искупила содѣянное ею — своими страданіями. Она и мечется между небомъ и землей: такъ объясняется явленіе вихря. — Это лишь частная разработка древняго мотива, не усвоеннаго церковнымъ догматомъ, но оставившаго слѣды въ апокрифической легендѣ и искусствѣ. Въ сирійскомъ и греческомъ текстахъ Апокалипсиса ап. Павла (Tischendorf, l. c., 52—53; Zingerle, l. c., 159—160) онъ видитъ *передъ* вратами Господняго града нѣсколько людей, стоявшихъ и плакавшихъ подѣ безплодными деревьями (*καὶ συνέκρητον αὐτοῖς τὰ δένδρα*) и не имѣвшихъ возможности вступить въ божій градъ. Это постники и молитвенники, грѣшныя самоубійствомъ и гордыней. Какъ они поставлены въ преддверіи блаженства, такъ другіе грѣшники такого же обоюднаго типа помѣщены въ *самомъ началѣ адской области*, ихъ ноги въ огненной рѣкѣ: это тѣ, которые при жизни не были ни праведными, ни грѣшниками (Zing., стр. 164; въ греч. этого нѣтъ), «ни теплы ни студены», какъ сказано о нихъ въ старо-славянскомъ текстѣ (Тихопрравоѣ, l. c., стр. 49), и въ нѣсколько иныхъ образахъ, въ ново-болгарской переработкѣ апокрифа: на рѣкѣ, гдѣ мучатся грѣшники, апостолу видится «едяиъ машъ, че са весели и пее *ни то у праведни-те ни то у грешни-те*». На землѣ онъ проводилъ жизнь «на пусто и на лудо», «не зло не добро», не приносилъ Богу ни поста, ни милостыни, ни поклоновъ, вотъ почему онъ и помѣщенъ «ни ва грешни, ни в праведни» (Novakovic, Starine, IV, стр. 39). Сюда же относится эпизодъ апокрифическаго разсказа объ Авраамѣ, котораго мнѣ пришлось коснуться

¹⁾ Wolf, Niederländische Sagen, № 519.

при другомъ случаѣ (Разысканія, VI, 34): Авраамъ перенесенъ на «окіанъ», гдѣ поглядѣвъ «выспрь», онъ видитъ двое вратъ: однѣ малыя, другія великія, тѣ ведутъ «въ животь», эти въ пагубу. Ангелы вгоняютъ въ послѣднія семь душъ; всѣ онѣ оказались грѣшными, «развѣ юже дрѣжаще ангѣлѣ дѣшо въ рукоу своєю, обрѣте бо еѣ грѣзъ точѣ съ правдами еѣ, да не ѡстави еѣ, ни въведе еѣ в покон, но въведе ю еже е посреѣ» (Тихо-правовъ, I. с.; I, 84—85). Въ одномъ текстѣ этой статьи такая душа изображена женой, ставшей *посреди обомъ вратъ*, «и ни въ едина врата въходящи». — Если повѣсть о Тундалѣ отводитъ особое мѣстопробываніе душамъ тѣхъ, которые были *malī sed non valde* и тѣмъ *boni non valde, qui de inferni cruciatibus egepti nondum merentur sanctorum consortio conjungi*—то разумѣется какое-то *переходное* состояніе, подобное чистилищному. Въ видѣніи Баронта (Acta Sanctorum, 25 Mart. III, 564—574) грѣшники подобнаго рода помѣщены въ аду: такъ какъ въ жизни они дѣлали нѣчто доброе, то каждый день въ шестомъ часу они освѣжаются обонаніемъ райской манны, придающей имъ новыя силы. Въ видѣніи Григорія (въ житіи Василія Новаго) этимъ грѣшникамъ отвѣчаетъ особый типъ милостивыхъ блудниковъ: они выдѣлены изъ числа другихъ осужденныхъ, ихъ «одѣяніе яко мгла, лица ихъ бяху яко черныхъ человекъ, овогда усрамляхуся, овогда же просвѣщяхуся, отъ рукъ же ихъ десныхъ капаше масло чисто яко злато, отъ лѣвыхъ же яко суровая смола. Ихъ же видѣ Господь остави и отврати лице свое отъ нихъ; и абіе пришедше сурови ангелы влечаху ихъ съ нуждею, они же обращяхуся, часто вопіюще, къ Господу: Пошадѣ насъ, милостивый Боже! И видяшеса Господь милосердую и гнѣваѣяся на нихъ. И се внезапно сниде отроковица съ небесе, красна зѣло и препрославленна, и служяху ей ангели, и пришедше ста предъ Господомъ и поклонися о соньмѣ ономъ, и скоро постиже немилостивыхъ ангелъ и глаголаше имъ: Жьво лице Отца иже есть на небесѣхъ, и едиnorodнаго Сына его и Святаго Духа, яко не имать мучитися соньмѣ сей. Познавше же ангели, кто есть та, и рѣша

къ ней: Вѣмы, кто ты еси, яко ты еси возлюбленная Богомъ Милостыня, и никто же инъ паче тебе имать дерзновение, но мы не можемъ преслушати Судіи. Она же рече: Вѣмъ и азъ сице, но молихся о нихъ много, и повелѣ ми возвратити васъ съ нами. Тѣмъ же возвратишася и сташа предъ лицомъ Судіи, трепещуще яко листвіе. И абіе глагола къ нимъ Судія: Яко милостыни вашей ради огня вѣчнаго избавляю вы, блуда же ради и инѣхъ нечистотъ и страстей въ царство мое не внидете и благихъ моихъ не насладитесь и радости святыхъ не узрите. И повелѣ дать имъ *мѣсто на сѣверѣ, да будутъ потребныхъ скудны*.

Милостивымъ блудникамъ Григоріева видѣнія, говоритъ проф. Буслаевъ ¹⁾, отвѣчаетъ въ русскихъ изображеніяхъ страшнаго суда образъ блудника, привязаннаго между адомъ и раемъ къ столбу, съ надписью: «Что стонеша, человѣче, и позираеша на рай и на муку? Блуда бо ради лишень бысть блаженнаго рая, а милостыни ради лишень вѣчныя муки» ²⁾.—Источникомъ этого представленія, замѣнившего страну на сѣверѣ между адомъ и раемъ, могъ быть рассказъ въ родѣ сообщеннаго Амартоломъ, извѣстный и въ русскихъ пересказахъ ³⁾. Былъ въ Константинополѣ при Львѣ Исаврѣ († 741) человѣкъ очень сильный и знаменитый, весьма богатый, крайне нищелибивый и милостивый, но по дѣйствию лукаваго имѣлъ страсть блуда. По его внезапной смерти было стязаніе о судьбѣ этого человѣка у патріарха Германа и знаменитыхъ епископовъ; одни говорили: писано: искушеніе души человѣка его богатство—онъ давалъ милостыню отъ своихъ и праведныхъ трудовъ, а не отъ чужихъ или неправедныхъ; другіе же возражали, что рабъ Божій долженъ быть

¹⁾ Буслаевъ, Очерки II, стр. 139—141, 135. Сл. Сахаровъ, Эсхатологическія сказанія въ древней русской письменности, стр. 143—180.

²⁾ Сл. Ровинскій, Русск. нар. картинки, № 1007; Покровскій, I. с. стр. 323 (миниатура XVII в.).

³⁾ Терновскій, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложение въ древней Руси, I, стр. 90—91; Покровскій, I. с., стр. 380. Сл. Лѣтовникъ Георгія мнѣха въ издавіи Общества любителей древней русской письменности вып. III, л. 387.

во всемъ совершенъ и непороченъ, ибо писано: «аще кто весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ»; и еще: «въ чемъ застану, сужу тебя, говорятъ Богъ». Патриархъ заповѣдалъ постъ и молитву и предложилъ по всѣмъ монастырямъ и жилищамъ отшельниковъ просить Бога, да откроетъ имъ судьбу того человѣка. Одному боголюбивому мужу было видѣніе, которое онъ и разсказалъ всенародно: онъ видѣлъ «такое мѣсто, съ правой стороны котораго рай неизреченной красоты, съ лѣвой печь, пламень которой восходилъ до облаковъ, а покойный богачъ стоитъ между раемъ и оною страшною печью и много и горько стенаетъ, смотря на рай. И вотъ, когда онъ стеналъ и сокрушался, какой-то свѣтоносный мужъ сталъ около и говоритъ: «Что всуе стенаешь, человѣче? Вотъ ради своей милостины ты избавился отъ геенны, а за преданность скверному и нечистому блуду лишенъ царства небеснаго».

Въ одной изъ «Повѣстей отца нашего Пафнутія Боровскаго» ¹⁾ тотъ же мотивъ своеобразно разработанъ — въ приложеніи къ милостивому язычнику. Дѣло было во время мора 1427 года: съ его описанія, чрезвычайно интереснаго въ культурномъ отношеніи, и начинаются повѣсти, какъ въ Декамеронѣ съ описанія чумы, только вмѣсто игривыхъ новеллъ слѣдуютъ — видѣнія. Нѣкая инокня, обмершая въ ту пору и потомъ очнувшаяся, разсказываетъ, что и кого она видѣла въ раю и въ аду и — въ мѣстѣ по срединѣ. Отойдя отъ рая, «и мѣста мучнаго не дошедъ, и видѣ шдръ и на немъ пса лежаща, одѣана шубою со-

¹⁾ По рукописи Волоколамской бібліотеки, нынѣ Московской дух. Академіи № ¹⁶⁴/₅₉₀, л. 575 об.—577 л. Сборникъ въ небольшую осьмушку, писанъ Васціаномъ, ученикомъ старца Фатѣя, ученика Касьяна Босаго; перечень статей сборника въ описи рукописей Волоколамскаго монастыря, Читенія въ Общ. исторіи и древностей 1881 г. кн. 8-я. За эти свѣдѣнія и за предоставленіе мнѣ списка рѣдкихъ повѣстей привожу мою искреннюю благодарность Н. С. Тихонравову. По другому списку (библ. Троицкой Лавры, XVI в.) повѣсти были напечатаны въ IV-мъ приложеніи къ рѣчи проф. И. Некрасова, О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы (Одесса, 1869); я пользовался ими и въ рип. Синодальной бібл., № 927, л. 80 лиц. и слѣд., по которой онѣ и напечатаны въ нашемъ Приложеніи 2.

боліею. Онаже въпроси водащаго ея, глагола: Что есть сіе? Онаже рече: Се есть щербетьника сего горанинъ милостивый и добродѣтельный; неизреченна ради его милостыни избави его Богъ отъ муки, и яко не потщися стажати истинную вѣру и не породиса водою и духомъ, недостовнъ бысть внити въ рай по Господню словеси: Иже не родитса водою и духомъ, не видеть въ царство небесное. Только жъ бѣ милостивъ, всѣхъ искупаа што всакна бѣды и отъ долгу, и пускаше и по шрамъ посылаа и плененыа христіаны искупаа пуцаше, и не токмо чловѣки, но и птица, отъ оуловившихъ искупаа, пускаше. Показа же Господь по чловѣческому обычаю зловѣрія ради его въ песіемъ образѣ, милостыни же честное многодѣнною шубою обѣтави, еюже покрываемъ избавленіе вѣчныа муки назнамена: тамо бо и невѣрныхъ душа не песіемъ образѣ будутъ, ниже шубами покрываютса, но якоже рѣхъ, псомъ зловѣріе его обѣяви, шубою же честное милостыни. Виждь ми величество Милостыни, яко и невѣрнымъ помогаетъ!»

Буслаевъ сравниваетъ съ образомъ одинокаго грѣшника у столба фигуру Соломона, встающаго изъ могилы въ страшномъ судѣ Орканьи: онъ дѣйствительно, отвѣчаетъ тому специальному пониманію нравственной обоюдности, которая выражается въ сочетаніи милостыни и блуда; житіе Василія Новаго присоединяетъ къ этому иныя нечистоты и страсти; повѣсть Пафнутія вводитъ моментъ язычества. Обоюдность какъ бы расширяется, такимъ образомъ, къ общему понятію чловѣка, стоящаго между наказаніемъ и блаженствомъ, потому что колебался между грѣхомъ и добродѣтелью.

Западная легенда типически олицетворила такихъ сознательно-нерѣшительныхъ въ образѣ ангеловъ, которые при паденіи Люцифера продолжали ему повиноваться, но не погрѣшили, подобно ему, гордыней. Оттого они не спасены, но и не наказаны, какъ павшіе ангелы, а только лишены лицедрѣнія Божія. Ихъ представляли себѣ въ образѣ птицъ, населяющихъ свой особый рай; въ теченіе всего года они блуждаютъ, какъ души, и

лишь о Пасхѣ получаютъ птичій образъ и спускаются на островъ св. Брандана, чтобы пѣснопѣниемъ возблагодарить Господа за его милосердіе. Какъ они не умѣли сдѣлать выбора между добромъ и зломъ, такъ и въ своемъ превращеніи они живутъ и на сушѣ, и на морѣ, отдаваясь теченію волнъ, ловя рыбу и ничего не понимая, взывая къ Богу: Остави намъ владыко, и помилуй насъ, Господи, мы бо согрѣшихомъ пачи всея твари», какъ читается въ легендѣ о св. Макаріи римскомъ ¹⁾.

Какъ сложилось это зооморфическое представленіе безразличныхъ ангеловъ? Въ основѣ, очевидно, представленіе райской птицы — но вмѣстѣ и души, которую средневѣковыя легенды любили изображать въ такомъ именно образѣ, знакомомъ уже Египтянамъ. У нихъ птица — душа является съ человѣческимъ лицомъ, какъ въ эпизодахъ псевдокаллистонова романа — и въ русскихъ миниатюрахъ, гдѣ райскія птицы Алконошь и Сиринъ изображены до пояса дѣвушкой, съ распущенными волосами, съ вѣнкомъ и нимбомъ, а отъ пояса до ногъ въ видѣ пернатомъ ²⁾.

Вольфраму von Eschenbach также знакомо представленіе ангеловъ,

die newederhalb gestuonden
dô striten begunden
Lucifer und Trinitas

(Parzival 471, 15 слѣд.). Они осуждены у него спуститься на землю и быть хранителями Граля; простилъ-ли ихъ Господь, или осудилъ, не знаю; коли на то была Его воля, онъ снова призвалъ ихъ къ себѣ. Такъ понимаю я Parz. 471, 23 слѣд.:

ich enweiz op got uf sie verkôd,
ode ob ers fürbaz verlôd.
was daz sin reht, er nam se wider.

(Сл. I. с. 454, 26). Въ другомъ мѣстѣ (798, 11 слѣд.) Воль-

¹⁾ См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 270—271, 309, 317 и слѣд. и Zimmer, Keltische Beiträge II: Brendans Meerfahrt, въ *Zs. f. deutsches Alterth.* XXXIII, стр. 139—140 (§ 14), 156—157 (§ 10), 162—163 (§§ 18—19), 190—1 (§§ 9, 10, 12, 13), 195 (§ 25), 213 (§ 5).

²⁾ Покровский, I. с., стр. 351 и слѣд.

Фрамъ пытается рѣшить этотъ вопросъ, но путается въ противорѣчійхъ: тѣ ангелы пребывали при Грагѣ, ожидая Божьяго милосердія; рѣшенія Господа неизмѣнны: Онъ всегда ратуетъ противъ нихъ (*er stritet iemer wider sie*), и кто хочетъ заслужить передъ нимъ, долженъ поступать такъ же, ибо они погибли на вѣки:

*swer sins lōnes iht wil tragn,
der muoz denselben widersagn:
ðweclīch sint si verlorn.*

Данте, не знающій птичьихъ образовъ легенды, какъ и Вольфрамъ, съумѣлъ выйти изъ его противорѣчій, придержавшись, быть можетъ, древней локализациі безразличныхъ: нерѣшительные ангелы населяютъ преддверіе къ его аду. Это тѣ, которые

*non furon ribelli
Nè fur fedeli a Dio, ma per sè foro.
Cacciarli i ciel per non esser men belli,
Nè lo profondo Inferno gli riceve
Chè alcuna gloria i rei avrebber d'elli
(Inf. III, v. 38 слѣд.)*

(«которые не возмущались противъ Господа, но и не пребыли вѣрными ему, а стояли по себѣ. Небеса отринули ихъ, чтобы не поступиться своей красотой, а глубокой адъ ихъ не принялъ, ибо грѣшникамъ была бы отъ нихъ нѣкая слава»).

Интересно для свѣтскаго, политически-дѣятельнаго взгляда Данте то обобщеніе, которому подвергся у него завѣщанный преданіемъ обоюдный нравственный типъ. Полу-грѣшные, полуправедные ангелы попали въ общій сонмъ людей безразличныхъ не только передъ широкими принципами добра и зла, но и практически-нерѣшительныхъ, трусливыхъ, робкихъ духомъ передъ требованіями дѣла; тотъ «печальный родъ», что

Жилъ безъ хулы и славы бытія (Inf. III, v. 35—36),

не угодивъ ни Богу, ни его супротивникамъ (*ibid.*, v. 63). При жизни эти «несчастные, никогда (въ сущности) не жившіе» (*ibid.*,

v. 64 слѣд.), не рѣшались откровенно двинуться за тѣмъ или другимъ знаменемъ; теперь они осуждены вѣчно и безъ усталы стремиться за быстро движущимся стягомъ, нагіе, кусаемые мухами и осами, обливаясь кровью и слезами, которыми у ихъ ногъ питаются гадкіе черви. «У нихъ нѣтъ надежды на смерть», толкуеть Данте Виргилій, — «ихъ слѣпая жизнь на столько презрѣнна, что они завидуютъ всякой другой участи. На свѣтѣ нѣтъ ихъ памяти: Милосердіе и Правосудіе гнушаются ими. Не будемъ говорить о нихъ: посмотри на нихъ и пройди мимо»:

Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.

Данте наказалъ Паоло и Франческу, но онъ видимо растроганъ, человѣчески заинтересованъ ихъ участіемъ, ихъ грѣхомъ, и лишается чувствъ, услышавъ ихъ рассказъ о себѣ. Мимо трусовъ и безразличныхъ онъ проходитъ съ презрѣніемъ, онъ суровѣе къ нимъ, чѣмъ мнихъ Григорій, у котораго Господь то гнѣвается, то милосердуетъ при видѣ такихъ же грѣшниковъ; Милостыня и Правосудіе противопоставлены, но первая перемогаетъ. И въ этомъ случаѣ, какъ въ вопросѣ о судьбѣ праведныхъ язычниковъ, Данте вышелъ изъ предѣловъ и міросозерцанія легенды: тамъ — подъ вліяніемъ классическихъ симпатій, здѣсь подъ давленіемъ живой политической среды, воспитавшей въ немъ перваго гражданина Италіи, того, кто въ преддверіи къ своему аду покаралъ общественное безразличіе, въ его нѣдрахъ — политическое предательство въ лицѣ Брута и Кассія.

Такъ преобразились въ Дантовскомъ пониманіи древнія представленія о загробной участи безразличныхъ и обоюдныхъ. Въ христіанскомъ преданіи этотъ типъ безвыходной, *устойчивой* участи едва намѣченъ, можетъ быть, потому, что отдалъ черты на выработку другихъ: представленія о *демисеніи* по мытарствамъ, ведущимъ въ адъ или рай, о *переходномъ* состояніи чистилища, приготавлиющемъ къ вѣчному блаженству. Естественно предположить, что въ дошедшихъ до насъ древнихъ и современныхъ народныхъ сказаніяхъ сохранился кое-гдѣ, подъ новою

окраской, болѣе древній образъ обоюдныхъ, устойчиво-наказанныхъ грѣшниковъ. Критеріемъ для приблизительнаго выдѣленія такого именно типа изъ связи съ остальными можетъ служить, кромѣ мотива нравственной обоюдности, смѣшенія добра со зломъ, еще и колебаніе въ приуроченіи: то къ раю, то къ аду, или гдѣ-то по срединѣ, на землѣ, гдѣ эти полугрѣшники отбываютъ свое наказаніе. Здѣсь и могъ привязаться къ нимъ тотъ моментъ движенія, который увлекъ ихъ въ другую сферу представленій.

Нѣсколько примѣровъ послужатъ къ уясненію сказаннаго.

Крестьянинъ въ старо-французскомъ *fabliau*: *Du vilain qui conquist paradis par plait*¹⁾, въ основѣ, обоюдный грѣшникъ, нынѣ полупонятный въ шуточной обработкѣ разсказа. Когда онъ умеръ, при выходѣ его души изъ тѣла не было ни ангеловъ, ни дьяволовъ и никого, кто приказалъ бы ему что-либо или о чемъ спросилъ (*Ne troeve qui riens li demant — Ne nule chose li couchant*). Очевидно, знакомое намъ положеніе человѣка, котораго не хочетъ принять къ себѣ ни рай, ни адъ, ибо онъ не цѣльный ни по грѣхамъ, ни по заслугамъ. Видитъ, архангелъ Михаилъ несетъ въ рай ликующую душу; вслѣдъ за нимъ входитъ туда и крестьянинъ и тамъ и остается, уличивъ всѣхъ святыхъ, что за каждымъ изъ нихъ считается въ жизни какой-нибудь грѣхъ. Грѣшилъ, очевидно, и онъ, но онъ же питалъ и одѣвалъ нищихъ, отъ Бога никогда не отрекался и никого не убивалъ. Въ старонѣмецкомъ пересказѣ этого *fabliau* впечатлѣніе двойственности, обоюдности еще усилено, но также въ формахъ коміама: когда умеръ мельникъ, попы двухъ сосѣднихъ приходовъ начали спорить, кому его погребсти; одинъ умный человѣкъ совѣтуетъ имъ — положиться на осла: взвалить на него покойника, и куда оселъ пойдетъ съ нимъ, въ той церкви и похоронить. Оселъ остановился у висѣлицы; тутъ и схоронили тѣло мельника, а

¹⁾ Anatole de Montaigon et Gaston Raynaud, Recueil général et complet des *Fabliaux*, t. III, № LXXXI; Ad. von Keller, *Erzählungen aus altdutschen Handschriften*, стр. 97 слѣд.; сл. мой отдѣлъ о повѣстяхъ въ *Ист. русск. лит. Газахова*, I, стр. 497—500.

душу схватилъ бѣсъ и понесъ въ адъ. Но здѣсь рѣшили, чтобъ усилить муку грѣшника, показать ему напередъ райскія селенія, блаженства которыхъ онъ лишился на вѣки. Мельника несеть туда старый, глупый бѣсъ, несеть его, по уговорамъ, все выше и выше, пока мельнику не удалось спрыгнуть прямо въ рай. Бѣсъ начинаетъ требовать своей жертвы, а мельникъ препирается съ святыми, вступаетъ въ разговоръ съ Богородицей и Христомъ, которому говоритъ, что разъ въ жизни и онъ подалъ, во имя его, старый мѣшокъ. Господь велитъ тотчасъ же принести его и отдать жертвователю — но тотъ разостлалъ его у райскихъ вратъ и усѣлся на немъ. Я сижу на своемъ, говоритъ онъ, и стою на своемъ правѣ. Такъ онъ и остался въ раю.

Я едва ли ошибаюсь, придавая особое значеніе нѣкоторымъ чертамъ этой легенды: грѣшника не хоронятъ ни въ той, ни въ другой церкви, а посрединѣ, несуть въ адъ, а напередъ показываютъ ему райскую обитель. Онъ — грѣшникъ, какъ вообще мельникъ народнаго разсказа, но разъ въ жизни подалъ милостыню; ему мѣсто было первоначально не въ аду и не въ раю, а тамъ, гдѣ поставленъ милостивый блудникъ Григорьева видѣнія. Интересно въ этомъ отношеніи начало русской повѣсти о бражникѣ, воспроизводящей основныя черты и содержаніе приведенныхъ французской и нѣмецкой. «Бысть нѣкій бражникъ и зѣло много вина пилъ во всѣ дни живота своего, а всякимъ ковшомъ Господа Бога прославлялъ и часто въ нощи Богу молился. И повелѣ Господь взять бражникову душу и поставить ю у вратъ сятаго рая»¹⁾. Если онъ, какъ и его сверстники въ другихъ вариантахъ смѣхотворнаго разсказа, попадаютъ въ рай, то это

¹⁾ Въ одной древне-русской легендѣ монахъ, погрѣшившій гордынею, видитъ сонъ: будто онъ стоитъ передъ престоломъ Божиимъ, ангелы говорятъ о его дѣвственности, постничествѣ и молитвѣ, бѣсы уличаютъ въ гордости и непослушаніи. Господь велитъ поставить его у дверей царствія Божія, чтобы онъ всѣмъ проходящимъ кланялся до земли, прося себя прощенія. Сл. Сахарова, Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси (оттискъ изъ Христ. Читанія 1888 г., № 11—12, стр. 127).

лежало въ цѣляхъ самаго разсказа; по требованію строгаго догмата ему мѣсто въ аду, ибо писано: «аще кто весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ». Такъ грѣшная мать въ распространенной легендѣ о святомъ Петрѣ попадаетъ въ адъ, хотя въ жизни совершила одно доброе дѣло: она была богата и скупа, но однажды подала милостыню луковичнымъ стеблемъ или листомъ пырея. На этомъ-то стеблѣ или листѣ и пытается сынъ вытянуть ее изъ пекла, но она оборвалась, такъ много уцѣпилось за нее грѣшныхъ душъ ¹⁾).

Легенда о крестьяннѣ-мельникѣ-бражникѣ встрѣчается въ

¹⁾ См. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шахамши, стр. 40 и прим. 1; *Ortoli, Les contes populaires de l'île de Corse*, стр. 285—287, № XXIX; *VaechtoId, Einundzwanzig Fabeln, Schwänke und Erzählungen des XV Jhrts, Germania XXIII, 3*, стр. 270—1 (*St. Petrus und der Holzhacker*); болгарскія (Милadiniновъ, стр. 47—48, 50—51, 56) и сербскія пѣсни (Караджичъ, I, 206), въ которыхъ вмѣсто ап. Петра является иногда ап. Іоаннъ. См. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, стр. 86 и 128 и замѣтки М. Дринова, Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ дебрскихъ славянъ. Спб. 1888, стр. 85—86. — Въ черемисскомъ варіантѣ этого разсказа (Казанскій, Горные черемисы казанскаго края, Вѣсти. Европы 1867, Дек, стр. 56) лукъ замѣненъ лукою: мужикъ въ гостяхъ у Бога, смотритъ, преступая его наказъ, въ окно небы: изъ одного видитъ адъ, изъ другого рай свѣтлый, изъ третьяго рай потемнѣе, изъ четвертаго землю. Въ аду такая стена: человѣкъ хочетъ вытащить лукою друга изъ ада, но не можетъ; подаетъ луку, а другъ его и сорвался. Господь впоследствии объясняетъ мужику: человѣкъ, который не можетъ вытащить друга, подарилъ ему только луку, а надобно дарить возжи и кушакъ. — Монгольская легенда о скупомъ богачѣ разсказываетъ, что когда пророкъ Моисей, принявъ видъ нищаго, попросилъ у него милостыни, онъ не пожелалъ дать ему больше, чѣмъ пучекъ конскаго волоса. За это Господь повелѣлъ землѣ поглотить его, но онъ не дошелъ до ея основанія: пучекъ волосъ, поданный имъ пророку, поддерживаеъ его на серединѣ между поверхностью земли и адомъ. См. Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, вып. II, примѣчанія, стр. 86, прим. 25. Иначе въ легендѣ объ Іудѣ: онъ подверженъ адскимъ мученіямъ, но два добрыхъ дѣла, совершенныхъ имъ въ жизни, облегчаютъ его участь. Св. Бранданъ встрѣчаетъ его стоящимъ на скалѣ среди бушующаго моря, онъ держится за столбъ, иначе волны унесли-бы его. Это въ воздаяніе за мостъ и плотину, устроенныя имъ въ мѣстѣ, гдѣ прежде на переправѣ погибали люди; его лицо повязано платкомъ, что не даетъ ему захлебнуться: зтогъ платъ, купленный имъ на деньги, утаенныя отъ милостыни, онъ когда-то подаетъ бѣдному. См. Franc. Michel, *Le voyage merveilleux de Saint Brandan*, стр. 59, 70—1.

цѣломъ рядѣ народныхъ пересказовъ, большею частью въ смѣшеніи съ постороннимъ мотивомъ: трехъ желаній, которыя исполняетъ бѣдняку (игроку, солдату, кузнецу, мельнику, монаху и т. п.) І. Христось или ап. Петръ въ награду за его гостепріимство или милосердіе. При помощи одного изъ полученныхъ такимъ образомъ даровъ (кресло, ранецъ, карты и т. п.) бѣднякъ обманываетъ смерть, связываетъ чорта, и онъ же даетъ ему поводъ пробраться въ рай: въ этомъ моментѣ сказка разобраннаго типа сливается съ сказкой о трехъ желаніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не коснемся послѣдняго момента, ограничиваясь лишь содержаніемъ, общимъ обѣимъ группамъ разсказовъ ¹⁾.

Во Франціи герой сказки носитъ имя Misère, при немъ собака Pauvreté (Carnoy, стр. 78 слѣд., Sébillot, Contes, № LII); либо Sans-Souci (Luzel, Légendes, стр. 311 слѣд.). По ремеслу

¹⁾ Къ литературѣ см.: Br. Grimm, Kinder- und Hausmärchen, №№ 81 и 82 и примѣчанія къ № 82; Bäckström, Svenska Folkböcker, II, стр. 224 и слѣд.; Champfleury, De la littérature populaire en France. Recherches sur les origines et les variations de la légende du bonhomme Misère (Paris. 1869; повторено въ его Histoire de l'imagerie populaire. Paris. 1869, стр. 105—188) и отчетъ R. Koehler'a въ Jahrb. f. rom. u. engl. Literatur, V 23—25; см. тамъ-же стр. 4—5, примѣчанія R. Koehler'a къ Cenac Moncaut, Contes pop. de la Gascogne: Le sac de la Ramée.—De Gubernatis, Le novellino di Santo Stefano di Calcinaja (Torino, 1869), №№ 82 и 88; G. Widter, A. Wolf u. R. Koehler, Volksmärchen aus Venetien въ Jahrb. f. rom. u. engl. Liter., VII, 121 слѣд. и примѣч. къ стр. 126; Pitre, Fiabe, nouvelle e racconti pop. siciliani, № CXV и прим. (см. томъ IV, прим. на стр. 439—440); Finamore, Novelle pop. abruzzesi (Pitre, Archivio, IV, стр. 480 слѣд., №№ XII и XIII); Krauss, Sagen u. Märchen der Südslaven, II, №№ 125 и 126; Leskien und Brugmann, Lit. Volkslieder u. Märchen, прим. къ № 17, стр. 559 слѣд.—Ortoli, l. c., стр. 285—287, № XXIX; Carnoy, Littérature orale de la Picardie, стр. 67 и слѣд. и варианты; Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 311 слѣд. (см. библиографическія примѣчанія на стр. 384); Sébillot, Littérature orale de la Haute-Bretagne, стр. 207—208; его-же: Contes pop. de la Haute-Bretagne t. II, № LII; его-же: Contes des provinces de France, № 24 (стр. 149—153); Arnandin, Contes pop. recueillis dans la Grande Lande, le Born, les Petites Landes et le Marenais (Bordeaux 1887), № 1: Le Forgeron Misère; Percy, Reliques of ancient english Poetry, III, p. 145 (The wanton wife of Bath); Janss Kemp, Danske folkeeventyr (Kjöbenhavn, 1879), стр. III слѣд.: Hvordan Stefens sjæl kom i himmerig.

онъ былъ мельникомъ, велѣлъ похоронить себя съ четверникомъ (quart) и, добравшись до райскихъ дверей, улучилъ минуту, когда онѣ распахнулись передъ другимъ, чтобы невзначай войти и самому, катя передъ собою свою мѣру, на которую и садится: я сижу на своемъ добрѣ, говоритъ онъ (Sébillot, Litt. ogale, p. 207—208). Въ другихъ случаяхъ онъ ссылается на то, что вѣтеръ унесъ его шапку въ рай, или самъ забрасываетъ ее туда и, войдя, располагается на ней (Carnou, стр. 139 слѣд.; Luzel, Légendes, I, стр. 311 слѣд.; Widter, Wolf u. Koehler, I. c., стр. 127—128, Grimm, I. c., III, стр. 139); вмѣсто шапки является иногда колода картъ (Grimm, I. c., III, стр. 133), ранецъ (I. c., стр. 134), фартукъ (I. c., стр. 136, 138, 139); либо герой сказки проситъ позволенія поставить въ рай хотъ свои башмаки, а затѣмъ, когда у райскихъ вратъ ап. Петра смѣнилъ св. Антоній, входитъ и самъ, ссылаясь на то, что онъ посыльный ап. Петра, вонъ и его башмаки стоятъ (Ortoli, I. c. стр. 219, № XXVII); или онъ говоритъ, что у него монетка закатилась за райскую подворотню, и самъ идетъ, чтобъ достать ее. Оказывается, что хотя при жизни онъ и грѣшилъ, за то каждый день молился св. Бернарду (Ortoli, I. c.), Богородицѣ (Finaшогe, I. c., № XIII), либо былъ добрымъ человѣкомъ, но скрылъ убійство сосѣда, совершенное имъ въ запальчивости (Carnou, I. c., стр. 139 слѣд.), подавалъ милостыню отъ своего богатства (Grimm, III, стр. 139) — и усаживается въ рай на плащѣ, который когда-то подалъ бѣдняку (I. c., стр. 141). Его не пускаютъ ни въ адъ, ни въ чистилище, ни въ рай; ему удается остаться въ рай, но иногда онъ тамъ не уживается, и его изгоняютъ (Ortoli, I. c.; Carnou, стр. 67 слѣд.; Sébillot, Contes, I. c.), и его и теперь еще можно встрѣтить на землѣ, иронически кончаетъ сказка, имѣя въ виду прозвище Misère и вмѣстѣ съ тѣмъ случайно возвращаясь къ старому пониманію легенды, легкой въ ея основу: именно въ этой легендѣ грѣшники, подобные нашимъ, должны были находиться гдѣ-нибудь между адомъ и раемъ, какъ въ одной нѣмецкой сказкѣ (Grimm, III, стр. 139)

разобраннаго типа и въ сказаніяхъ о ландскнехтахъ ¹⁾): дьяволы не хотятъ принять ихъ у себя, ибо они носятъ красный крестъ въ своемъ знамени, а апостолъ Петръ не пускаетъ ихъ, потому что они были кровожадны, обирали народъ и кощунствовали. Тогда ихъ капитанъ такъ принимается стыдить ап. Петра его предательствомъ Спасителя, что тотъ покраснѣлъ со стыда и отводитъ грѣшникамъ деревню Beiteinweil («подожди немного») между небомъ и адомъ: тамъ они живутъ, играютъ и столуютъ. Въ соотвѣтствующей фацеціи у Бебеля и ея подражаніяхъ они попадаютъ въ рай.

Этотъ моментъ упрековъ, обращенныхъ къ святымъ ²⁾, возвращаетъ насъ къ мотивамъ старой новеллы о крестьянинѣ-мельникѣ-бразникѣ, еще не осложненной мотивомъ «желаній». Къ этой новеллѣ примыкаетъ и одна нѣмецкая, которую я съ умысломъ отдѣлилъ отъ другихъ, ибо она представляетъ особенности, до сихъ поръ не встрѣтившіяся намъ и открывающія новую перспективу въ исторіи древнихъ представленій объ «обоюдныхъ». Дѣло идетъ о старомъ шванкѣ, героемъ котораго является извозчикъ Hans Pfriem; если онъ тождественъ съ Niclas Pfriem'омъ, упоминаемымъ на ряду съ Claus Narr въ одномъ сатирическомъ листкѣ 1524 года, то популярность его довольно старая. Bolte (I. c.) издалъ по рукописи второй половины XVI вѣка рассказъ о немъ и указалъ на стихотворную его версію, выразивъ предположеніе, что оба восходятъ къ одному болѣе древнему, печатному оригиналу. Имъ или какимъ-нибудь устнымъ пересказомъ воспользовался Martinus Haunecius для драматической обра-

¹⁾ См. Grimm, I. c., III, стр. 148; Wendunmuth von Hans Wilhelm Kirchhof, ed. H. Oesterley, I, стр. 186 и 188 и V, стр. 39 (примѣчанія). Къ указанной тамъ библиографіи сл. добавленія Johannes Bolte, Das Märchen von Hans Pfriem въ Zeitschrift f. deutsche Philologie, XX, стр. 335.

²⁾ См. его своеобразное примѣненіе у Arnason'a, Islenskar Þjóðsögur v. II, стр. 39 слѣд.: Богородица не впускаетъ въ рай душу грѣшника, доставленную его женою, и слышитъ такой упрекъ: Развѣ не помнишь ты, что ты не могла указать, кто былъ отцемъ твоего ребенка? И Богородица слышитъ затворить райскія двери.

ботки того же сюжета, въ которомъ В. Гриммъ, едва ли основательно, заподозрѣлъ мнѳическую основу¹⁾. Въ 1581 году явилась: *Nauphramea sive Momoscorus, comoedia nova M. Martini Nauphessii Borg. Lipsiae. MDLXXXI*, которую самъ же авторъ передѣлалъ по нѣмецки²⁾. Въ предисловіи онъ рассказываетъ и старую сказку, изъ которой заимствовалъ содержаніе своей комедіи и которая такъ полюбилась Лютеру, что онъ сослался на нее въ своей проповѣди на 15-ую главу перваго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ. Какъ онъ, такъ и другіе ея пересказчики въ XVI вѣкѣ видѣли въ ея протагонистѣ готовый примѣръ для вразумленія людей, назойливо полагающихъ, что они могутъ своимъ умомъ постигнуть тайны Божія. Эта точка зрѣнія и повела, вѣроятно, къ измѣненію древняго типа нравственной двуличности: вмѣсто него является человекъ не злой, но безпокойно придирчивый, всюду и не впадать глѣзущій съ совѣтомъ, ибо все оказывается не по немъ, и онъ все знаетъ лучше. Оттого въ раю сдѣлали напередъ распоряженіе не впускать его туда по смерти, а онъ все-таки пробрался туда, и его оставляютъ, ибо онъ общается вести себя покойно и не мѣшаться не въ свое дѣло. Между тѣмъ то, что онъ видитъ въ раю, сразу начинаетъ волновать его, возбуждая духъ противорѣчія: онъ видитъ людей или дѣвушекъ, наливающихъ воду въ дырявую бочку, откуда вода стекала; людей, несущихъ бревно на плечахъ поперекъ узкаго прохода, когда удобнѣе было бы нести его вдоль; наконецъ погрязшую въ лужѣ телегу, къ которой возница припрегъ лошадей, чтобы вывезти ее, но такъ, что одна пара приходилась спереди, другая сзади. На этотъ разъ Pfriem не выдержалъ: развѣ такъ вытаскиваютъ повозку? вступается онъ. Такъ онъ нарушилъ обѣтъ — невмѣшательства, и Господь посылаетъ къ нему св.

¹⁾ W. Grimm, Die Himmelstürmer вЪ Zeitschrift für deutsche Mythologie, II, стр. 2—7; повторено вЪ Kleinere Schriften, т. IV, стр. 342—8.

²⁾ См. новое изданіе текста вЪ Neudrucke deutscher Litteraturwerke des XVI u. XVII Jahrhunderts № 86: Hans Pfriem oder Meister Kecks. Komödie von Meister Nauphessius. Abdruck der ersten Ausgabe (1582). Halle a. S. 1882.

Петра, чтобы выпроводить его из рая. Pfriem начинает стыдить его, какъ въ пересказанныхъ выше старо-французской и нѣмецкой новеллахъ, вступаетъ въ препирательство и съ другими святыми, которыхъ посылають къ нему съ тою же цѣлью, и остается на своемъ мѣстѣ. Не зная, какъ къ нему приступить, къ нему направляють — невинныхъ младенцевъ, избіенныхъ Иродомъ: за ними нѣтъ никакого проступка, ихъ не уличить, они и выпроводятъ его изъ рая. Но онъ и тутъ нашелся: влѣзъ на райское дерево, сталъ отряхивать яблоки, а дѣтей пригласилъ кушать; тѣ развлеклись и забыли зачѣмъ были посланы. У Deulins, *Contes d'un buveur de bière* (5-е éd. Paris. 1873, стр. 189), подобное рассказывается о мельникѣ въ раю, также препирающемся со святыми и также отводящемъ «невинныхъ младенцевъ», которыхъ угощаетъ пирожками.

Изъ какого-нибудь изданія XVI или XVII вѣка почерпнулъ свой рассказъ о Pfriem'ѣ Ludvig Aurbacher, *Ein Voksbüchlein* (1827 г.); его текстомъ воспользовалась *Neueste Kinderbibliothek* (Hildburghausen, 1827), II, 143 слѣд., откуда онъ попалъ и въ сборникъ Гриммовъ (*Kinder und Hausmärchen*, № 178: *Meister Pfriem*). Въ послѣднемъ Pfriemъ является портнымъ, у Aurbacher'а онъ по прежнему извозчикъ. Вѣроятно, Aurbacher'у принадлежатъ и нѣкоторыя другія измѣненія противъ знакомой намъ древней редакціи сказанія. Такъ райскія видѣнія Pfriem'а происходятъ у него не на яву, а въ сновидѣніи; препирательства съ святыми нѣтъ; видѣніямъ дается толкованіе: такъ по поводу второго (бревно, которое несутъ поперекъ) говорится, что это то самое бревно (евангельской притчи), которое мы не видимъ у себя въ глазу, тогда какъ усматриваемъ лучинку въ глазу ближняго. Третье видѣніе, заставившее мастера Pfriem'а недоумѣвать, рассказано такимъ образомъ: телега оказывается нагруженной «добрыми намѣреніями»; этого одного было недостаточно возницѣ, чтобы попасть на надлежащій путь, но ему все-таки удалось втащить свою повозку — и вотъ являются два ангела и припрягаютъ къ ней по парѣ крылатыхъ коней съ той и съ дру-

гой стороны. Когда Pfr̄iem не воздержался отъ замѣчанія, одинъ изъ ангеловъ выпроводилъ его изъ райскихъ вратъ; обернувшись, онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ крылатые кони понесли повозку въ высоту. Тутъ онъ проснулся.

III.

Что особенно остановило мое вниманіе въ сказкѣ о Pfr̄iem'ѣ— это странный характеръ видѣній, представляющихся ему въ раю. Именно въ раю они не у мѣста: они скорѣе отвѣчаютъ старымъ представленіямъ объ участи обоюдныхъ, какъ они отразились въ цѣломъ рядѣ аллегорическихъ видѣній и въ эпизодѣ загадочныхъ «встрѣчъ» народныхъ сказокъ ¹⁾.

Въ житіи св. Арсенія, написанномъ св. Теодоромъ Студитомъ († 826), и соотвѣтственно ему въ прологѣ подъ 3-мъ Декабря, рассказывается, что святому бысть гласъ: **Иди и смотри дѣла челоуѣческія. Онъ видитъ эііопа, рубившаго дрова и взваливашаго на плечи вязанку: она ему не подъ силу, а онъ все увеличиваетъ ношу (это тотъ, кто кается въ грѣхахъ и продолжаетъ грѣшнить); челоуѣка, черпавшаго воду изъ колодца въ разбитый сосудъ, изъ котораго вода выливалась назадъ (это челоуѣкъ, подающій милостыню, но теряющій ея плодъ, вбо продолжаетъ грѣшнить ²⁾); наконецъ двухъ юношей, ѣхавшихъ верхомъ рядомъ**

¹⁾ Я полагаю вѣроятнымъ, на основаніи неучаемыхъ дагѣ сказокъ, что нѣсколько необычныхъ видѣній въ коптскомъ Апокалипсисѣ Сефонія, сохранившемся лишь въ отрывкахъ, относятся къ представленіямъ объ обоюдныхъ: Сефоній водить двухъ челоуѣкъ, шествующихъ, какъ одинъ (съ однимъ лицомъ: *μνοχροσθιτος*?), двухъ женщинъ, молотившихъ у одной мельницы. Сл. Stern, *Die Apocalypse des Sophonias*, в *Zeitschrift f. ägyptische Sprache u. Alterthumskunde*, 1886 г., XXIV Jahrg., p. 119. Сл. *Sólarliód* 57—8: *áinnuð mðnnum svipvísar komur — mðlu moid til matar*.

²⁾ Въ одной старо-французской легендѣ и ея италянскомъ пересказѣ отшельникъ возлагаетъ на грѣшника искусъ: наполнить сосудъ водою и принести ему; но сосудъ не наполняется, пока въ него не капнула слеза покаянія. Сл. Zambrini, *Dodici conti morali d'anonimo senese* в *Scelta di curiosità letterarie*, № IX, conto settimo, и R. Koehler в *Zeitschrift f. rom. Philol.*, I, стр. 368

другъ съ другомъ: предъ ними бревно, положенное поперекъ сѣ-
дель; они хотятъ проѣхать такимъ образомъ въ ворота святы-
лища, но не могутъ и принуждены остановиться передъ храмомъ.
Это — гордые люди, у которыхъ дьяволъ отнимаетъ смиреніе,
почему они и не уступаютъ другъ другу на узкомъ пути спасенія
и такъ и остаются — у входа въ царствіе небесное ¹⁾).

Сличите съ аллегоріей Пролога и тому подобными вносказа-
тельными видѣніями нашей Пален, Вопросовъ и Отвѣтовъ, Сновъ
Шаханши и т. п. ²⁾ эпизодъ сказки-легенды, типически пред-

¹⁾ См. Acta Sanctorum Jul., t. IV, стр. 626 E, cap. 3, § 19: Καθημένου οὖν αὐτοῦ εἰς τὸ κέλλιον ἤλθα φωνὴ λέγουσα αὐτῷ: Δεῦρο, δεῖξω σοι τὰ ἔργα τῶν ἀνθρώπων. καὶ ἀναστὰς ἐξῆλθεν καὶ ἀπήνεγκεν αὐτὸν εἰς τόπον τινα καὶ ἔδειξεν αὐτῷ αἰδιάσια κόπροντα ξύλα καὶ ποιοῦντα φορτίον μέγα, ἐπαίραζε δὲ βασιτάσαι αὐτὸ καὶ οὐκ ἠδύνατο, καὶ ἀντὶ τοῦ ἄρα ἐξ αὐτοῦ ἀπελθὼν πάλιν ἔκοπτε ξύλα καὶ προσετίθη τῷ φορτίῳ. Καὶ προβάς ὀλίγον ἔδειξεν αὐτῷ τινα ἰστάμενον ἐπὶ λάκκου καὶ ἀντλοῦντα ὕδωρ ἐξ αὐτοῦ καὶ μεταβάλλοντα εἰς δεξαμένην τετροπημένην καὶ τὸ αὐτὸ ὕδωρ ἐκχεούσαν. Καὶ πάλιν λέγει αὐτῷ Δεῦρο, δεῖξω σοι. Καὶ θεωρεῖ ἱερὸν καὶ δύο ἄνδρας καθημένους ἴπποις καὶ βασιτάζοντας ξύλον πλαγίως ἓνα κατὰ τοῦ ἑνός· ἦδελον διὰ τῆς πύλης τοῦ ἱεροῦ εἰσελθεῖν καὶ οὐκ ἠδύνατο διὰ τὸ εἶναι τὸ ξύλον αὐτῶν πλάγιον. οὐκ ἐταπαίνωσε δὲ αὐτὸν ὁ εἰς ὅπισω τοῦ ἄλλου ἐνέγκαι τὸ ξύλον ἐκ' εὐθείας καὶ διὰ τοῦτο ἔμειναν ἕξω τῆς πύλης. См. Вуслаевъ, Очерки, I, стр. 449, библиографію легенды у Oesterley, Gesta Romanorum, с. 165, въ примѣчаніи, и у Volte, l. c., стр. 384. Въ одномъ прикладѣ у Stricker'a одинъ человекъ, жившій въ цѣляхъ покаянія у пустынника, усонился въ Божьемъ промыслѣ надъ миромъ; пустынникъ велитъ ему ступить себѣ на правую ногу, послѣ чего ему представляются знакомыя намъ видѣнія, которыя и толкуются.

²⁾ См. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, стр. 4 слѣд., стр. 39 слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ легенды можно прибавить: Трусовичъ, Космогоническія преданія жителей Полѣсья (Кіевлянинъ 1866 г., № 44, стр. 170); Кайтаказовъ, Сказанія о вартахъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племей Кавказа, вып. 7, отд. 2, № 1, стр. 8 слѣд. (надъ огнемъ три котла, средній пустой, крайніе полны мяса и такъ кипятъ, что куски выбрасываются изъ одного въ другой, не попадая въ средній. Толкованіе: скоро богатые только богатыми будутъ оказывать помощь, бѣдный будетъ умирать съ голода. — Собака спитъ, щенки брешутъ изъ ея чрева. Толкованіе: скоро младшіе будутъ поступать, какъ сами хотятъ, не спрашивая старшихъ); Fauche, Mahabharata, I, 79—89; Gesta Romanorum, ed. Oesterley, № 164: Habetur in quodam libro de colloquio Petri ad Jhesum: Vidi aliquando quinque viros quos quidem freneticos arbitrabar; vidi unum comedentem arenam maris ita avide, quod per utramque partem oris exiret (толкованіе: possumus intelligere virum avarum); alium vidi stantem super foveam sulphuream et pice plenam, de qua fetor intolerabilis exibat, qui toto nisu nitebatur fetorem illum in os suum haurire

ставляемой «Христовымъ братцемъ» сборника Аванасьева. Христосъ показываетъ человѣку, подавшему ему милостыню, когда онъ явился къ нему въ образѣ нищаго, либо похристовался или побратался съ нимъ — рай и адъ, и еще одну область испытаній, которую сказка поняла по своему. Тамъ дѣвицы изъ колодца въ колодець воду переливаютъ: при жизни онѣ въ молоко (вино) воду мѣшали; въ избѣ бѣгаетъ человѣкъ изъ угла въ уголъ и кричитъ: Охъ, тѣсно! охъ, тѣсно! Это за то, что онъ не обогрѣвалъ и не поилъ странниковъ; или стоитъ въ водѣ человѣкъ по самыя уста и кричитъ: Охъ, пить хочу! Охъ, пить хочу! При жизни онъ не поилъ жаждущихъ.

Тоже въ осетинской сказкѣ ¹⁾ о мальчикѣ, котораго кони (духи) унесли въ загробный міръ еще питомцемъ. Когда верхомъ на лошади онъ отправляется къ мертвымъ, у него на пути такіа

(толкованіе: talis comparatur gulosis et luxuriosis); tertium vidi in ardente fornace jacentem cui tantus calor sufficere non valebat, unde nitebatur capere scintillas de fornace volantes (толкованіе: comparatur illis qui divitiis et honoribus ceteris se preponunt, sed et hoc non eis sufficit); quartum vidi, qui supra pinaculum templi sedebat, ut ventum caperet, et semper os apertum habebat ut ventus per eum transiret (= hypocrite); quintum vidi, per omnia et singula membra sua quicquid potuit in os suum capere, devorabat et alios continuo deridebat (это тѣ, qui omnia bona opera virorum ecclesiasticorum et doctorum sacrorum, qui zelatores sunt sacre doctrine, detrahunt). Сл. Scala coeli, 90^b и Симеона Полоцкаго Обѣдъ душевный, Предисловіе къ читателю л. b: «Слицевыя (которые болѣе заботятся о тѣлѣ, чѣмъ о душѣ) нѣкто отъ учителей, даромъ премудрости украшенный, юроды именуетъ и повѣствуетъ, яко видѣ въ мірѣ семь пять мужъ юродивыхъ: перваго устнама надменныма морскій ядуша песокъ; втораго при жупелномъ стояща езерѣ и сирадное тщашеся глотати воскуреніе; третіяго лежаща на печи и огненныя искры завистно отверстыма приѣмлюща устнама; четвертаго на крылѣ церковномъ стояща, легкаго воздуха вѣяніе отверзеныма устама глотающа и аще мало влетати являшася, вѣяломъ воздухъ себѣ пригоняща и аки весь аеръ поглотити чающа; пятаго особѣ стояща, овымъ ругающася, но и самого обруганія достойнаго, ибо самъ свое тѣло излиха завистиѣ ссаше, ово руцѣ, ово нози, ово прочія уды. Иже убо аще беспреставно ядоша, обаче насытитися немогуще, гладъ лютой страдаша и яко сушило сосхоша, яко неприличнымъ брашномъ питаху души своя. Тѣмъ же въ праву глаголати о себѣ оное пророка слово могоша: Изсше сердце мое, яко забыхъ свѣти хлѣбъ мой».

¹⁾ В. Миллеръ, Осетинскіе этюды, часть I, стр. 109 слѣд.: Посвященіе коня.

встрѣчи: женщина зашиваетъ трещины земли, канать у нея ниткой, переводина иглой, ступа наперсткомъ; на землѣ она была распутна ¹⁾). Другая длинною веревкой яйцо обвязываетъ, и ей на это веревки не хватаетъ; это вотъ отъ чего: когда сосѣдская курица у ней неслась, она утаивала яйца. Еще одна женщина сидитъ среди сотни грядъ, держитъ грязный заступъ въ рукѣ, и нѣтъ у ней пользы даже отъ одной гряды: это отъ того, что на землѣ свой животъ наполняла, близкимъ не помогала, сосѣда не любила, о домочадцахъ не заботилась. Та же вина искупается и слѣдующимъ далѣе наказаніемъ: женщина донтъ сотни коровъ, и нѣтъ ей доходу ни отъ одной коровы. Переплетаясь съ двумя послѣдними видѣніями, идутъ другія, противоположныя: женщина сидитъ между двухъ грядъ, а получаетъ со ста и держитъ въ рукахъ золотой заступъ; другая донтъ двухъ коровъ, а получаетъ, какъ отъ сотни. Это толкуется въ смыслѣ награды за милосердіе къ ближнимъ. Подобный параллелизмъ встрѣчается и далѣе: мужчина и женщина спятъ спиною другъ къ другу подъ бычьей шкурой, ея не хватаетъ имъ, и они тянутъ ее туда и сюда другъ у друга (на землѣ они другъ друга не любили), тогда какъ слѣдующей далѣе парочкѣ хватаетъ съ избыткомъ заячьей шкурки. Неправедные судьи засѣдаютъ и на томъ свѣтѣ: въ ихъ рукахъ ольховыя палки, сидятъ они на ольховыхъ скамеечкахъ, передъ ними ольховые столы, на нихъ накинута большія шубы, на головахъ войлочные шляпы съ полями вверхъ, покрыты они вшами и гнидью. За ними — видѣніе праведныхъ судей, указывающихъ покойнику, куда ему ѣхать: нижній путь — сожигающій путь, верхній путь — отнимающій видъ, поѣзжай по среднему, къ мосту изъ стрѣлочнаго дерева, изъ колкаго дерева, изъ карагульника и гибкаго тростника; молодой конь пугливъ, молодой всадникъ боязливъ; не бойся, ударъ коня

¹⁾ См. подобный же образъ возмущенія Эмегеи въ одной сказкѣ пятигорскихъ татаръ, въ Матеріалахъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 1881 г. I, отд. 2, стр. 8—10; чорта въ сказкѣ у Трейланда (Латышскія народныя сказки. Москва 1887, стр. 6—7).

и будешь на той сторонѣ въ виду райскаго кургана.—Мальчики выбѣгаютъ на встрѣчу пришельцу изъ молочнаго озера: онъ одаряетъ ихъ яблоками (см. сказку о Rfriegh'ѣ), а златокудрый мальчикъ направляется впереди его, дверь рая отворяется ему съ трескомъ, и съ шумомъ встаютъ ему на встрѣчу люди.— На сколько древенъ въ этомъ разсказѣ параллелизмъ наказаній и наградъ — судить не могу; награды во всякомъ случаѣ выключаютъ представленіе рая, ибо онъ впереди; наказанія не адскія, ибо на то «сжигающій путь».

Въ татарской сказкѣ, записанной Кастреномъ ¹⁾, дѣвушка Кубайко идетъ въ адъ искать своего убитаго брата. По дорогѣ ей встрѣчи: старуха, безостановочно переливавшая молоко изъ одного кувшина въ другой (при жизни она подмѣшивала воду въ молоко, теперь она осуждена на вѣки извлекать воду изъ молока) ²⁾; далѣе плотная лошадь, коротко привязанная среди песчаной степи, и худой конь, свободно гуляющій на привязи среди роскошной травы (настоящее толкованіе этихъ видѣній забыто; вмѣсто него другое: что мудрый человекъ съумѣетъ выхолить свою лошадь безъ травы и воды, тогда какъ неразумному это не удастся и на прекрасномъ лугу). Слѣдующія видѣнія едва ли не ошибочно перенесены уже въ область ада: мужчина и женщина подъ покровомъ, сшитымъ изъ девяти овечьихъ шкуръ, котораго имъ не хватаетъ, а въ другомъ покоѣ мужъ и жена, довольствующіеся в одной шкуркой. Первые при жизни ссорились другъ съ другомъ; вторые служатъ примѣромъ сосѣднимъ грѣшникамъ, ко-

¹⁾ Cf. Castrén, Vorlesungen über die finnische Mythologie, стр. 147 слѣд., Revue celtique, II, стр. 307 слѣд.; Luzel, La femme du Soleil, p. 307. См. сходную чувашскую сказку у Магнитскаго, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 191—193.

²⁾ Въ буддѣйской жатакѣ, разсказывающей о странствованіяхъ царя Неми по путямъ грѣшниковъ и добродѣтельныхъ, онъ видитъ въ адѣ: «многоводная течетъ рѣка, у береговъ не глубокая, съ прекрасными спусками; жаромъ палимые люди пьютъ, и питье напившихся становится мякиною». При жизни они чистые эаки иѣшали съ мякиной и давали покусщяку. См. Минаевъ, Индѣйскія сказки, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CLXXXIV, отд. 2, стр. 318.

торые, при видѣ ихъ мира и согласія, чувствуютъ себя еще болѣе несчастными.

Тотъ же эпизодъ «встрѣчъ» знакомъ цѣлому ряду европейскихъ сказокъ; нѣкоторые образы въ нихъ повторяются, какъ типическіе, толкованіе колеблется между представленіемъ о возмездіи и аллегоріей, какъ въ видѣніи Пролога, и кое-гдѣ пригнѣшиваются идеи чистилища и рая.

Въ гасконской сказкѣ у Bladé (*Contes pop. de la Gascogne*, t. I, стр. 166 слѣд.) Господь посылаетъ младшаго сына одного бѣдняка съ письмомъ къ своей Матери. Встрѣчи: тощій скотъ на прекрасномъ лугу (это «*les mauvaises herbes*», объясняетъ позднѣе Богородица), тучный на тощемъ пастбищѣ («*les bonnes herbes*»); два сталкивающихся камешка (то ссорятся между собою братья бѣдняка); въ лѣсу птицы летятъ путнику на встрѣчу (= ангелы). Такое же хожденіе въ рай съ посланіемъ встрѣчается и въ бретонской сказкѣ (*Luzel, Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne*, II, стр. 225 слѣд.); эстрѣчи: тучныя коровы на тощемъ лугу (— бѣдняки, довольствующіеся своею участію на землѣ) и тощія, больныя, понурія среди роскошной травы: когда одна изъ нихъ обнаруживаетъ желаніе попасться, всѣ остальные бросаются на нее и мѣшаютъ ѣсть (— ненасытные богачи, желающіе все захватить другъ передъ другомъ). Далѣе: пирующие и пляшущіе юноши и дѣвушки приглашаютъ путника повеселиться съ ними (— демоны-искусители); изгородь изъ колючаго терновника, сквозь который ему приходится пробираться (чистилище); дѣти, взбирающіяся въ гору и скатывающіяся внизъ: путникъ беретъ двухъ изъ нихъ на плечи, третьяго за руку, и ведетъ ихъ. Это дѣти, умершія до крещенія. Въ одномъ вариантѣ этой сказки (I. с., стр. 247—249) послѣдовательность такая: видѣнія ада, чистилища — и встрѣчи нашего типа. Человѣкъ лежитъ и вопить: у него одинъ палецъ въ огнѣ, и онъ не можетъ вынуть его; вскорѣ и все его глѣло угодить туда же; это грѣшникъ, осужденный на адскія мученія. Далѣе: человекъ на кострѣ изъ горящихъ угольевъ улыбается, смотря на небо

(— чистилище); видѣніе тучныхъ и тощихъ коровъ (объясненіе то же, что и въ предыдущемъ вариантѣ); двѣ скалы по сторонамъ дороги сталкиваются другъ съ другомъ, такъ что летятъ искры и осколки (— враждующіе братья). Пересказы другой бретонской сказки (Luzel, Contes populaires de la Basse-Bretagne, t. I, стр. 3 слѣд.) разнообразятся подробностями. Въ одномъ встрѣчи такія: тучныя и тощія коровы (— милостивыя и скупыя при жизни), двѣ бодающіяся ковы (— два вора, любившіе ссору и распрю); въ другомъ первыя видѣнія тѣ же (— бѣдные и богатые), вмѣсто послѣдняго дерущіеся вороны (— ссорившіеся супруги); третій приноситъ новые образы: три стаи птицъ спускаются поочередно на лавровый кустъ и, посидѣвъ на немъ, уносятъ каждая въ своемъ клювѣ по листку; первая стая уронила листья неподалеку отъ куста, вторая подальше, и лишь третья унесла ихъ съ собою (толкуется въ приложеніи къ людямъ, неравномѣрно уносящимъ съ собою изъ церкви слышанное ими слово Божіе). Сл. наши Вопросы и Отвѣты: Вопросъ: Стоитъ древо посредѣ великаго поля і всакимъ вѣтвиемъ изукрашено, і прилетаютъ на то древо ізо многихъ странъ многія птїцы і садатца на то древо і с того древа вѣтвие ломають і во своя страны разносать, і с того древа вѣтвие не умалаетца і не убываетъ никогда же, во своя сосуды полагають і вѣчно не оскудѣвають?—Толкъ: сватаа церковь ¹⁾.

Эпизодъ «встрѣчь», разобранный нами, приводитъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ. Онѣ на пути къ раю или аду, но не принадлежатъ ни той, ни другой области; образно выражаютъ сущность совершеннаго грѣшниками проступка; идея наказанія главнымъ образомъ въ лишеніи — какъ и въ видѣніи Григорія, обоюдные осуждены на лишеніе всего потребнаго: грѣшники льютъ воду въ бездонныя сосуды, коровы ходятъ тощія въ густой травѣ, просторъ является тѣснотою, широкаго одѣяла не

¹⁾ Къ сказкамъ нашего типа сл. еще Mauger, *Isländische Volksagen*, стр. 197—201.

хватаетъ для двухъ, сто грядъ не дають того, что приносятъ одна гряда и т. д. Съ этой точки зрѣнія я смотрю теперь и на одно изъ видѣній Альберика, которое истолковывалъ раньше — аллегоріей церкви, отошедшей отъ чистоты своего божественнаго призванія¹⁾. Аллегорическій смыслъ могъ быть подсказанъ позже, какъ кое-гдѣ въ сказкахъ и въ видѣніи Арсенія: въ основѣ лежитъ легенда объ обоюдныхъ. И здѣсь дѣло идетъ не о раѣ и не о чистилищѣ; съ высоты неба въ одной изъ земныхъ областей Альберику видится слѣдующее: опустѣлый городъ, разрушенный храмъ, толпы дѣтей быстро проходятъ мимо, гонимыя людьми мрачнаго вида — демонами. Они хотѣли бы остановиться, войти въ церковь, положить на себя знаменіе креста, но не могутъ; обнаженная женщина съ распущенными волосами и двумя зажженными свѣчами въ рукахъ пытается сдѣлать то же самое — и не въ силахъ. А изъ города въ это время слышатся вопли. Это — наказаніе его нечестивымъ жителямъ, не чтившимъ церковь, приходившимъ въ нее не для того, чтобъ молиться и слышать Слово Божіе, но чтобъ затѣвать ссоры. Женщина была властительницею города, ничего не подававшая ни бѣднымъ, ни на Божій храмъ; въ рукахъ у нея зажженные свѣчи; при жизни у нея ихъ было множество, но она не ставила ихъ передъ образами. Какъ-то случилось ей отдать нищему башмаки, за то Богъ и облегчилъ ей ея наказаніе, и она обута, хотя совсѣмъ нагая: ея распущенные волосы жгутъ ее огнемъ. И здѣсь все наказаніе въ лишеніи, подвергающіеся ему — знакомые намъ обоюдные: они ходили въ церковь, но затѣвали ссоры, были немилостивы, но совершили одно какое-нибудь доброе дѣло; мѣсто дѣйствія не въ раю и не въ аду, а гдѣ-то на землѣ, и нѣтъ еще идеи движенія; эти грѣшники неподвижны.

Но вотъ является новый моментъ. Въ сказкахъ типа «Христова брата» люди, разнообразно томящіеся на пути, нерѣко

¹⁾ См. Данте и символическая поэзія католицизма, Вѣстникъ Европы 1866 г. Декабрь, стр. 188—189.

обращаются къ прохожему, направляющемуся къ Христу, волхву, солнцу, Усуду-судьбѣ, Дѣду-всевѣду и т. п., съ просьбой — спросить о нихъ: долго ли имъ мучиться и почему имъ выдалась такая именно участь? Прохожій приноситъ отвѣтъ: оказывается, что тѣ люди (часто и звѣри, деревья и т. п.) чѣмъ-нибудь провинились и отбываютъ за то наказаніе. Такъ въ вариантахъ одной бретонской сказки у Luzel (*Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne*, t. I, стр. 249—251 и 252—253): герой отправляется къ Богу, по дорогѣ встрѣчи: два дерева сталкиваются другъ съ другомъ и пропускаютъ его подъ условіемъ — *спросить* у Господа, почему они осуждены такъ биться вотъ уже 600 лѣтъ (при жизни это были ссорившіеся братья или супруги); старуха сидитъ и прядетъ, заслоняя путь, и также позволяетъ ему пройти, если онъ спроситъ и о ней, находящейся въ этомъ положеніи въ теченіи 600 лѣтъ (она нарушала работою воскресный покой); далѣе перевозчикъ, 900 лѣтъ къ ряду перевозящій путниковъ черезъ Черное море — и та же просьба. Послѣдняя встрѣча: стадо ягнятъ, рѣзвившихся, но блеющихъ какъ-то печально. Это — дѣти, умершія до крещенія; деревья-братья освободятся отъ наказанія, когда раздавятъ кого-нибудь, столкнувшись между собою; старуха — когда убьетъ кого-нибудь веретеномъ или прялкой; перевозчикъ — когда кто-нибудь займетъ его мѣсто. Всѣ эти отвѣты Господа путникъ и передаетъ на обратномъ пути по принадлежности, но лишь когда опасность для него лично миновалась (сл. Luzel, *Contes pop. de la Basse-Bretagne* t. I, стр. 259 слѣд.: *La princesse du Palais enchanté*). Въ литовской сказкѣ у Шлейхера (*Litauische Märchen, Sprichworte etc. gesammelt u. übersetzt v. Aug. Schleicher*, стр. 71 слѣд.) рыбаку, посланному съ порученіемъ на тотъ свѣтъ, встрѣчается на берегу моря китъ: его спина поросла ивнякомъ; долго ли ему терпѣть такую напасть? (это наказаніе за многія бѣды, учиненныя имъ людямъ); двѣ дѣвушки ссорятся изъ за яблока (онѣ спорили изъ-за жениха и отравили его); двѣ женщины переливаютъ воду изъ одного колодца въ другой, не исчерпывая перваго и не на-

полная втораго (при жизни онѣ были страшными вѣдьмами); тощія и тучныя коровы (скупыя и милостивыя); человекъ стоитъ, но подпирается не палкой, а частоколомъ (онъ портилъ молодыя деревья въ лѣсу). Всѣ обращаются къ путнику съ просьбой — спросить и о нихъ. Киргизская сказка (Radloff, Proben der Volkslitteratur der türk. Stämme Süd-Sibiriens, IV, стр. 373 слѣд.) посылаетъ сироту съ порученіемъ къ ангелу, вращающему солнце; встрѣчи: старуха собираетъ золу (скупая); косарь велитъ спросить: почему его сѣно всегда вянетъ? (онъ крадь чужое сѣно); щука лежитъ мостомъ черезъ море, почему ей такая доля? (она поглотила корабельщиковъ); муэззинъ велитъ спросить: какое ему уготовано мѣсто въ раю? (онъ будетъ въ аду, ибо, читая молитвы, помышляетъ о райской наградѣ); двое пьяницъ — о томъ, гдѣ имъ быть въ аду? (они будутъ въ раю, ибо хотя и пьютъ, но потомъ каются). См. еще Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2: Татарскія сказки, сообщ. А. Калашевъ, № V (Шейдулла), стр. 125 слѣд.

Этотъ эпизодъ «встрѣчь и спросовъ» отдалъ свои образы сказочному мотиву «трудныхъ, не исполнимыхъ порученій», которыя возлагаютъ на героя. См., напримѣръ, сказки о Маркѣ Богатомъ у Аѳанасьева, № 173 и прим.; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, губернія Могилевская, вып. 3: Сказки, стр. 198 слѣд. (Василь удовинъ сынъ, богатаго Марочки зять); Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, № 86 (Марко Богатый). Какъ общее мѣсто въ сказкахъ другаго типа: Труды этногр.-стат. эксп. въ Западно-русскій край и т. д. Юго-Западный отдѣлъ, Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. II, стр. 11 слѣд- (Про хлопца сироту); стр. 290 слѣд. (Тремъ—сынъ Борисъ); Караджичъ, Прип. 89; Škult. a Dobš., Slov. roh. 125 и т. д. См. Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія, III, стр. 390—391, прим.

Не претендуя на полноту указаній на другіе варианты этого сюжета, остановлюсь на старой повѣсти, напечатанной Даничи-

чемъ по рукописи начала XVI вѣка ¹⁾: служитель Немврода, отправляясь къ волхву, чтобъ узнать о своей долѣ, встрѣчаетъ дѣвицу, сидящую на пути: «сотвори любовь, въпроси и за ме», говоритъ она ему, — «такъ есмь дѣвица .н. лѣтъ и никто прошаетъ ме въ женоу себе; а на всако женьско хытра есмь и достойна есмь моужу домъ дръжати». Далѣе сидятъ на дорогѣ четыре мужа, просятъ прохожаго: «се ми братія есмы, а се .н. лѣтъ блюдимъ по полоу семоу и не можемъ поути оправити». Служитель приноситъ имъ отвѣтъ волхва: та дѣвица дѣйствительно мудра и полна достоинствъ, но горделива; когда одинъ юноша попросилъ ее себѣ въ жены, она отвѣчала отказомъ, ибо считала его ниже себя; она и терпитъ за гордость, «доньдеже друугъ ея гавит се». А тѣ мужи плутають по полю, «такъ вси ровни соутъ и друугъ друуга прѣрѣкують»; будутъ такъ плутать, пока не поставятъ надъ собою большаго. Испытанія ихъ и дѣвицы прекращаются, когда послѣдняя становится женою служителя Немврода, а мужи ставятъ его надъ собою наибольшимъ.

Въ такой постановкѣ легенда о людяхъ полугрѣшныхъ и полудостойныхъ способна была прійти въ движеніе, вывести своихъ протагонистовъ изъ безвыходнаго положенія между карой и наградой. Здѣсь и привязался къ ней мотивъ чистилища, параллельно выразившійся въ буддійскомъ представленіи о претахъ, тогда какъ подобные имъ грѣшники, находящіеся въ парсійскомъ Намѣстаган'ѣ, неподвижны. Я пришелъ въ мѣсто, гдѣ увидѣлъ нѣсколько душъ, обрѣтавшихся въ одномъ и томъ же положеніи, рассказываетъ Viráf; кто они и зачѣмъ они здѣсь? Благочестивый Srósh и Ataró объясняютъ ему: это мѣсто зовется Намѣстаган (вѣчно недвижимое), а это души тѣхъ, которыхъ добрыя дѣла уравнивались съ грѣхами. Повѣдай свѣту: пусть скупость и нерадѣніе не мѣшаютъ вамъ творить нетрудныя добрыя дѣла, ибо у кого они, хотя на малую долю, уравниваютъ грѣхи,

¹⁾ См. мое Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, стр. 41, прим. I, и соответствующій текстъ Давидича.

тотъ пойдетъ въ небо; коли на оборотъ, то въ адъ; тѣ же, у которыхъ то и другое равно, останутся въ Naméstagán'ѣ — до воскресенія. Ихъ наказаніе въ холодѣ или въ жарѣ, зависящихъ отъ измѣненій атмосферы; другихъ невзгодъ они не испытываютъ ¹⁾.

Таковы «безразличныя» у Григорія, съ тою разницею, что ихъ осужденіе—вѣчно.

Иначе поставлены индійскіе преты ²⁾. Это—умершіе (pareta), не удостоившіеся блаженства, но и не заслужившіе наказанія въ аду, ибо они на половину были добродѣтельны, на половину порочны; ихъ грѣхъ опредѣляется, какъ эгоизмъ (mâtsaḡa) во всѣхъ его проявленіяхъ: скупость, неохота и небреженіе въ преподаваніи закона, зависть и т. п. Какъ у мниха Григорія грѣшники подобнаго рода лишены всего нужнаго, такъ и въ буддійскомъ вѣрованіи ихъ главное наказаніе въ лишеніяхъ: они пребываютъ въ голодѣ и жадѣ, хотя пища и питье передъ ихъ глазами (сл. соответствующій эпизодъ въ сказкахъ) ³⁾; у иныхъ тѣло золотое, лицо, что у свиньи, ибо они при жизни злословили, какъ и въ видѣніи страшнаго суда у Григорія нѣкоторые грѣшники *δρασι χοίρων ἐπι τὰ πρόσωπα ἐκέκτηντο*; или они помѣщены въ роскошномъ дворцѣ, но наги, прикрыты лишь волосами, потому что были скупы, какъ женщина въ видѣніи Альберика. Мѣсто пребыванія претовъ, pretalōka, точно не опредѣлено: lokántara niraya, другое названіе ихъ обители, означаетъ соб-

¹⁾ The book of Arda Viraf, ed. M. Haug, assisted by E. W. West, стр. 157. Сл. статьи Bartholomae въ Zeitschrift der deutschen morgenl. Gesellschaft, XXXV, 157; de Harlez, *ibid.*, XXXVI, стр. 627 слѣд. и Roth, *ibid.*, XXXVII, стр. 223 слѣд.

²⁾ Сообщеніемъ слѣдующихъ далѣе свѣдѣній я обязанъ И. П. Миннаеву; сл. также Journal Asiatique, 8-е série, t. III, № 1: Léon Feer, *Études bouddhiques. Comment on devient preta*, стр. 109 слѣд.; его-же: *Le séjour des morts selon les Indiens et selon les Grecs*, въ Revue de l'hist. des religions, t. XVIII, № 3, стр. 299, 300, 308—9.

³⁾ Такъ въ бурятской легендѣ у Потанина, I. с., IV, стр. 184 умершій шаманъ наказанъ за свою скупость тѣмъ, что прикованъ къ дереву: передъ нимъ поставлены яства и напитки, но онъ не можетъ достать ихъ.

ственно: Nigaya, лежащая между двухъ міровъ; но претовъ видятъ и *на землѣ*, они живутъ на деревьяхъ, и есть указаніе, что ихъ помѣщали и *на сѣверѣ* (въ Гималаѣ)—гдѣ у мнѣха Григорія помѣщены безразличныя. Ихъ участь можетъ облегчить милостыня и молитва (сл. въ сказкахъ мотивъ спроса, за которымъ, въ повѣсти у Данничча, слѣдуетъ и измѣненіе участи); у мнѣха Григорія за нихъ предстательствуетъ олицетворенная Милостыня, и намъ остается лишь упомянуть о значеніи милостыни и поминальной обѣднѣ для облегченія участи грѣшниковъ, испытываемыхъ въ чистилищѣ, и молящихся:

ch'altri preghi
Si che s'avacci' lor divenir sante

(Purg. VI, v. 26—27: молящихся о молитвѣ за нихъ, дабы они скорѣе удостоились святости) и восходящихъ по уступамъ къ земному раю на верху чистилищной горы, содрагающейся при каждомъ актѣ спасенія (Purg. XXI, v. 31 и слѣд.).

Если безразличныя у Данте напомнили намъ буддійскихъ претовъ, то чистилищную гору Божественной комедіи давно сблизжали съ индійскимъ Māha-megh, съ ея уступами и раемъ Индры на вершинѣ ¹⁾. И какъ надъ чистилищемъ вьются въ высотѣ круги небесъ до эмпирея, гдѣ Данте (Purg. XXX, v. 61 и слѣд.) созерцаетъ символическую рѣку свѣта, обращающуюся въ гигантскую бѣлую розу, со всѣмъ «святымъ воинствомъ» (Purg. XXXI, v. 2) на ея лепесткахъ, и видѣніе кончается образнымъ откровеніемъ божественной тайны — такъ китайскому буддисту VI вѣка видѣлся образъ Амиты (= Будды), обвинявшій небо, съ сіяніемъ вокругъ него, изъ котораго выглядывали лики святыхъ, а затѣмъ рѣка свѣта, падавшая съ высоты и раздѣляв-

¹⁾ The Journal of the royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New series, t. IV, v. 2 (1870): Some account of the Senbyu Pagoda at Mengun near the Burmese Capital in a Memorandum by capt. E. H. Sladen, Political agent at Mandale; with remarks on the Subject by Col. Henry Yule, C. B., стр. 415 и прим.

шаяся впоследствии на четырнадцать рукавовъ. — Совпаденіе образности случайное, но открывающее одну изъ глухихъ перспективъ въ исторіи христіанской символики, какъ легенда объ «собоюдныхъ» открыла намъ таковую же въ исторіи воззрѣній на нравственную вмѣняемость.

Божественной Комедіи, давшей поводъ къ предыдущему сообщенію, я еще коснусь въ одномъ изъ слѣдующихъ экскурсовъ: неисчерпаемый источникъ христіанскихъ и классическихъ легендъ, она долго будетъ привлекать изслѣдователей, ибо матеріала сравненія съ каждымъ днемъ открывается болѣе, и вся опасность въ томъ, какъ-бы комментарий не переросъ толкуемаго и въ исторической перспективѣ преданія не затерялся величавый обликъ поэта, его личный идеальный вкладъ въ образы прошлаго. Я нагромадилъ матеріалъ сравненій, кое-гдѣ иначе появлялъ уже истолкованное ¹⁾ и поневолѣ кончаю выраженіемъ — того-же опасенія.

¹⁾ Съ нашимъ комментариемъ эпизода о ростовщикахъ (выше стр. 217 и слѣд.) см. Benvenuto de Imola, Com. super Dantis Comoediam (sumtibus G. Warren Vernon cur. J. Ph. Lacaita, I, стр. 568): Et hic nota, lector, quod multi dubitant et mirantur quod Dantes superius numeravit usurarios inter violentos, nunc autem post descriptionem fraudis revertitur ad descriptionem poenae praedictorum. Certe autor utitur magna arte ad manifestandum vitium istorum violentorum contra artem; nam per hoc autor dat intelligi quod foeneratores peccant per violentiam, . . . et per fraudulentiam, qua utuntur multiplici fraude negando saepe tempus, numerum, pacta, instrumenta, scripturam, et ita de multis; ideo bene posuit eos in extremitate arenae propinquos Gerioni, quia participant de utraque culpa.

ХІІІ.

СУДЬБА - ДОЛЯ

ВЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЯХЪ СЛАВЯНЪ.

Загробная судьба челоѣка опредѣляется содержаніемъ его земнаго подвига: праведные получаютъ вознагражденіе, грѣшники будутъ наказаны. Въ жизни такой соразмѣрности часто не видно: злые нерѣдко преуспѣваютъ, добродѣтель въ загонѣ. Съ христіанской точки зрѣнія эта неравномѣрность объясняется Божіимъ попущеніемъ или испытаніемъ: она временная и имѣеть окончательно уравниваться за-гробомъ. Въ практической жизни, еще не просвѣщенной христіанствомъ или не обращающей къ его синтезу для разрѣшенія своихъ противорѣчій, такое рѣшеніе не подсказывается естественно и не успокоиваетъ. Понятіе судьбы объясняло дѣло проще, минуя вопросъ о виѣняемости: челоѣкъ счастливъ или нѣтъ, потому что такъ ему *прирождено, суждено, на роду написано*, ни вѣсть откуда *настѣяно*. Всѣ эти понятія входятъ въ представленіе народной славянской Доли, Среѣи и ихъ фантастическихъ образовъ. Образы колеблющіяся, представленіе сложное, объединившее разнородные элементы прирожденности и случайности, непререкаемости и свободной воли, которая можетъ измѣнить Долю. Матерьяловъ для объяс-

ненія славянскаго вѣрованія въ нее собрано и приведено въ порядокъ довольно много; мой очеркъ, являясь послѣ аналогическихъ работъ Аванасьева ¹⁾, Потебни ²⁾ и Крауса ³⁾, пытается внести въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, идею историческаго генезиса. На сколько мое построеніе априорно, судить не мнѣ; во всякомъ случаѣ какъ оно, такъ и предыдущія разысканія въ этой области достаточно уяснили, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать показанія Прокопія (Bell. Got. III, 14, ed. Bonn. p. 334, 335), что славяне не знаютъ судьбы. Вотъ его слова: *Εἰμαρμένην δὲ οὔτε Ἰασσιν, οὔτε ἄλλως ὁμολογοῦσιν ἐν γε ἀνθρώποις ῥοπήν τινα ἔχειν, ἀλλ' ἐπειδὴν αὐτοῖς ἐν ποσὶν ἤδη ὁ θάνατος εἴη, ἢ νόσῳ ἀλοῦσιν ἢ ἐς πόλεμον καθισταμένοις, ἐπαγγέλλονται μὲν, ἣν διαφύγῳσι, θυσίαν τῷ θεῷ ἀντὶ τῆς ψυχῆς αὐτίκα ποιήσειν, διαφυγόντες δὲ φύουσιν ὅπερ ὑπέσχοντο, καὶ οἴονται τὴν σωτηρίαν ταύτης δὲ τῆς θυσίας αὐτοῖς ἐωνῆσθαι.*

Славяне могли не знать, и дѣйствительно не знали *εἰμαρμένην*, абстрактный фатумъ, о которомъ говоритъ Прокопій: ихъ представленія судьбы были личныя, частныя, родовыя, рѣдко доходившія даже до такой неясной абстракціи, какую видимъ напр. въ Усудѣ сербской сказки. Не зная фатума, они знали Долю, Срѣчу и цѣлый сонмъ подобныхъ существъ, служившихъ конкретнымъ выраженіемъ одной идеи.

I.

Доля прежде всего *прирождена*. Она дается матерью:

Уродила мене мати въ зеленій дїброві,
Та не дала мені мати ні щастя ні долі

¹⁾ Аванасьевъ, Поэт. воззрѣнія Славянъ на природу III, гл. XXV.

²⁾ Потебня, О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, Древности, Труды московскаго археолог. общества, т. I, стр. 153 слѣд.

³⁾ Krauss, Sreda. Glück und Schicksal im Volksglauben der Südslaven. (Wien. 1886), гдѣ указана предыдущая литература.

(Метл. 108 у Потебни, I. с. 189); сл. Головацкій, Пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I, стр. 134, № 5: лишь ми було, моя мати, щастье, долю дати. Въ латышской пѣсенкѣ мать и доля упоминаются раздѣльно: Спасибо *Дека*, спасибо *Лайма* ¹⁾, Спасибо моей маменькѣ, Я выросла и проживу, Господской риги не увидѣвъ (Вольтеръ, Латышск. Сборникъ, стр. 131). Въ сѣвернорусскихъ причитаніяхъ молодецъ жалуется, что родители надѣлили его горькой участью, засѣjali въ пятницу, и родился онъ въ такой же несчастный день, среду:

Знать, не участью-таланомъ наградили,
Знать, великимъ безчастьемъ надѣлили ²⁾.

Но и счастье также прирождается: нашему выраженію «въ сорочкѣ родился» отвѣчаетъ цѣлый рядъ тождественныхъ новѣрій о *pileus naturalis, secundinae*, сербск. *sretna košuljica*, нѣм. *Wehmutterhatblein* и др. — и французская поговорка: *être né coiffé*, польск. *w szערку urodził*; голл. родиться въ шлемѣ. По исландскому повѣрью въ *fulgja'z* (= *pileus naturalis*) пребываетъ духъ охранитель, либо и часть души ребенка, почему бабки боятся ее испортить и закапываютъ подъ порогомъ, черезъ который переступить родильница. Кто нечаянно выброситъ или сожжетъ фильгю, отниметъ у ребенка его духа хранителя ³⁾.

Къ матери, какъ подательницѣ жизненной доли, обращены жалобы Добрыни, что родила она его безчастнымъ, несчастнымъ, неталаннымъ. У Рыбникова I, № 27 эти жалобы разработаны особенно картинно:

«Слѣтъ ти государня, родна моя матушка,
Ты честна вдова Офниа Александровна!
Ты безчаснаго спородила Добрынюшку!
Лучше-бы ты спородила Добрынюшку

¹⁾ *Дека* и *Лайма* — богини судьбы. Сл. дагѣ, стр. 166—7.

²⁾ Е. Барсовъ, *Причитанія сѣвернаго края* I, 1, стр. 8; сл. стр. 10.

³⁾ Krauss, I. с. 158—60; Grimm, *D. Myth.* 828—9; *Manhagd, Germanische Mythen* 808.

Вілинь камешкомъ горючінь,
 Ты вистала на Скать-гору високу,
 Ты би бросила въ Кілять-море глубокое:
 Тамъ лежалъ-би этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,
 Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
 Нѣтъ, такъ би спородила Добрынюшку
 На гору Сарачинскую деревникою,
 Не для краси, не для угожества,
 А для ради прѣзда богатырскаго:
 Ко этому би ко деревцу
 Съѣзжались рускіе могучіе богатыри,
 И стоила-би эта деревничка вѣкъ по вѣку,
 Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
 Оце нѣтъ, такъ би Добрынюшку спородила
 Во славу во матушку Нѣиру рѣку,
 Во Нѣиру рѣку да гоголиною.
 Стояла би тамъ эта гоголиночка вѣкъ по вѣку,
 Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.
 Говорила чества вдова и заплакала:
 — Ай же ты, свѣтъ мое чадо милое,
 Молодой Добрынюшка Никитивецъ!
 Есть-би знала надъ тобою невзгодушку,
 Тебя возрастомъ би Добрынюшку спородила
 Во стараго казака въ Илью Мурица;
 А силушкой Добрынюшку спородила
 Во славнаго Самсона во богатыря;
 Тебя би сиѣлостью Добрынюшку спородила
 Во сиѣлаго богатыря Агешеньку Поповича;
 Красотою би спородила Добрынюшку
 Во славнаго во князя во Владимира.—

Обыкновенно типомъ красы-басы является въ подобныхъ же перечняхъ другихъ варьянтовъ — Осипъ прекрасный (Рыбн. I № 25, II № 7; Гильф. № 26, 93, 168; Кир. II стр. 31 № 1), «прекрасный Іосипъ» малорусской народной легенды, гдѣ у Давида три сына: одинъ наикрасивѣйшій, другой наисильнѣйшій, третій напразумнѣйшій: Іосифъ, Самсонъ и Соломонъ ¹⁾. Не въ

¹⁾ Драгомановъ, Малорус. народн. преданія и рассказы, стр. 98.

этомъ-ли, библейскомъ смыслѣ, является Самсонъ въ перечнѣ нашей пѣсни? Другіе варианты предлагаютъ вмѣсто него Святогора (Кир. II, стр. 31 № 1; Рыбник., I, № 25), третьи Илью-Муромца (Рыбн. II, № 7; Гильф. № 93), или Самсона и Илью:

Я спородила-бы тебя
 Силушкой да во стараго козака Илью Муромца,
 Я могушкой бы спородила
 Во Самсона во богатыря. (Гильф. № 26).

Въ нашемъ вариантѣ Илья отличенъ отъ другихъ «возрастомъ», чего я объяснить не умѣю, иначе *«таланомъ-участью»* (Кир. II № 1, стр. 31; Рыбн. I № 25), что, впрочемъ, приписывается и Владимиру:

Я рада-бы тебя спородити
 Очасками въ стольно-Кіевскаго князя Владимира,

(Рыбн. I № 23 = Гильф. № 93); иначе:

Таланомъ-бы, родителъ, спородила
 Во тнихъ куцковъ во заморскихъ. (Гильф. № 168).

Подъ таланомъ-участью Ильи слѣдуетъ разумѣть не вообще удачу, а тотъ особый талант-долю, по которой ему суждено не быть убиту въ бою.

Какъ въ приведенныхъ примѣрахъ доля связывается съ отцомъ-матерью и актомъ рожденія, такъ въ другихъ выступаетъ идея обусловленности *родомъ*, дѣдами, предками. Бытовая форма рода древнѣе личной семьи; понятіе о долѣ выработалось впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ, незримыхъ блюстителей домашнего очага и нарождающаго поколѣнія. Долю давалъ *Родъ*, которому въ старину у славянъ клали требы, какъ теперь угощаютъ замѣнившаго его дѣдушку домашнего, также пребывающаго у очага, въ печи, подобно Горю, Нуждѣ, Кручинѣ, Злыднямъ—другимъ олицетвореніямъ русской Доли¹⁾.

¹⁾ Леонасьевъ, П. В. III 406. О культѣ предковъ-пенатовъ у южныхъ Славянъ см. Краузе, *Sitte und Brauch der Südslaven*, стр. 61 слѣд. и замѣчанія

Слѣдующее причитаніе бѣлорусской молодой имѣеть въ виду такой именно образъ Доли, подательницы счастливой судьбы:

Таткова нивка, да не улекайся,
Радзяла при мѣ, радзи и безъ мяне!
Добрая доля, да иди за мной
Зъ печы пламенемъ, зъ хаты каминномъ ¹⁾.

Такъ кланяется своему очагу, выходя изъ отцовскаго дома, невѣста въ Эпирѣ, и ея первый поклонъ въ домѣ мужа обращенъ также къ очагу (στιά); покой, гдѣ онъ помѣщенъ, центръ домашняго культа, мѣсто, гдѣ лежитъ до своего очищенія родильница, знаменательно называется Μάννα, т. е. мать ²⁾.

Рядомъ съ дѣдомъ, родомъ (домовымъ) — мать-Рожаница: какъ и Роду, ей молились клали требы; ставили трапезу ³⁾, «трапезы котѣйныя», «хлѣбы и сыры и медъ», каши, какъ и греческимъ мойрамъ, приходящимъ одарить новорожденнаго долею, ставятъ хлѣбы (κουλούρια), медъ и плоды ⁴⁾. Преобладаетъ, впрочемъ, при единственномъ Родѣ, множественное *Рожаницы*; «бабы каши варятъ на *собраніе* рожаницамъ» (Слово Христолюбца); *Рожаница* встрѣчается лишь въ Вопросаніяхъ Кирика и въ варьянтахъ къ чтенію изъ пророчества Исаи въ Паремейникахъ и къ слову Христолюбца. Не произошло-ли это подъ вліяніемъ

Богинича стр. 51 прим. 1.—См. еще Lippert, Der Seelenkult in seinen Beziehungen zur althebräischen Religion; его же: Die Religionen der europäischen Culturvölker (Berlin, 1881), особенно стр. 122 слѣд.; Caland, Ueber Totenverehrung bei einigen indogerm. Völkern (Amsterdam 1888).

¹⁾ Потебня, I. с. 168.

²⁾ Contis, Moeurs et coutumes de l'Épire et particulièrement du bourg de Vissani, въ Mélanges IV, № 6, p. 122, 124, 125.

³⁾ Тексты о Родѣ и Рожаницахъ см. у Срезневскаго, Роженицы, Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. II, пол. I, стр. 99 слѣд.; у Тихонравова, Лѣтописи IV, Смѣсь, стр. 89 слѣд. и Крѣк'а, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2 Aufl. стр. 384—5, прим. 1 и стр. 407 прим. 1. См. Срезневскій, Свѣд. и Зап. № LVI, стр. 34: А что рожаницы краемъ хлѣбъ и сыръ и медъ . . . гуре плющамъ и мдуцимъ рожданичъ (Дубенскій сборн.: вѣ Лавгитика).

⁴⁾ Πολίτης, Μελέτη ἐπὶ τοῦ βίου τῶν νεωτέρων Ἑλλήνων II 211 слѣд.

позднѣйшаго сближенія Рожаницы съ Богородицей, приведшаго и къ другому отождествленію: Рода съ Рождествомъ? ¹⁾ Сл. дагѣ рожаницу какъ переводъ греч.: *τύχη* и *γενεαλογία*.

Родъ и при немъ—Рожаницы объяснились мнѣ въ связи съ отношеніями *общинно-родоваго брака*. «Родъ—производитель, совокупность мужскихъ членовъ племени, сообща владѣющаго Рожаницами, матерями новаго поколѣнія», сказалъ я по другому поводу. Вѣрованіе въ мифическихъ Рожаницъ, дѣвъ судьбы, опредѣляющихъ долю новорожденнаго, явилось на субстратѣ дѣйствительныхъ бытовыхъ отношеній. Не Родъ, а Рожаницы выступаютъ въ значеніи одаряющихъ счастливой или несчастной долей—не потому-ли, что въ условіяхъ общинно-родоваго брака связь новорожденныхъ съ цѣлымъ родомъ была, по необходимости, менѣе тѣсна, чѣмъ съ извѣстной рожаницей? ²⁾ Укажу по этому поводу на вотяцкіе воршуды; это родовыя божества; ихъ отношеніе къ судьбѣ дано въ самомъ имени: скрытая, таинственная доля; отдѣльные вотяцкіе роды обозначаются прибавленіемъ къ общему понятію воршудъ имени родоначальницы, переходящему по женской линіи; входя въ новый родъ невѣстка сохраняетъ покровительство воршуднаго божества своей матери, но послѣ свадьбы съ особыми обрядами сопричисляется къ вор-

¹⁾ Въ ркп. Московск. Снн. библ. № 954 читаемъ: «инаясьа чсть творяще гсѣи Бѣи, ставаше трапезоу крупичными хлѣбы и сыры и чѣрпала наполюще вина добровольнаго и творяще трепарь *Рѣбствоу*, и подавающе друугъ друугу ядять и пють и мнатьа добро творяще и хвалоу гѣи въздающе владычица чисти, си же есть бсчстии и хоуда, виною рекше Рожства». Сл. Сборн. Новгород. Соф. библ. XV в. № 1262: Се буди всѣмъ вѣдомо, яко Несторини иретикъ наоучи *трпязоу* класти *рожа(н)ицнцу*, мѣла Бѣю члкородицю; Слово Григорія Богослова по ркп. Новгород. Соф. библ. № 1295: «Череву работни попове оуставиша трепарь прикладати *Рѣбства Бѣи* къ *рожаици* трапязѣ, отклады дѣюче». Но въ Словѣ христороубца по ркп. XV вѣка рядомъ съ Богородицей снова являются *рожаици*: «не тако же простотою азъ служимъ, въ снѣшаемъ съ идольскою трапезою *прѣстѣи Бѣи съ рожаицими*» (Тихомировъ, Лѣт. IV. 86, 88, 101, 94—5). Сл. Тихомировъ, Пам. Отр. русск. лѣт. II, стр. 304 (Худше намоканунци): аще кто крѣтитъ в-ю трапезу роду и рожаициамъ трепаремъ стѣи бѣи и то мсть и шеть, да боудеть проклатъ.

²⁾ Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго (22-е присужденіе награды гр. Уварова), стр. 60.

спуду семьи, куда вошла, получаетъ право молиться передъ семейнымъ воршудскимъ коробомъ, хотя призываетъ при этомъ соотвѣтствующее божество своего рода ¹⁾).

Древнія свидѣтельства о культѣ Роду и Рожаницамъ даютъ мало указаній на ихъ отношеніе къ идеѣ прирожденной доли. Только въ Паремейникѣ 1271 г., въ Чтеніи отъ Исаи, варианты текста даютъ поводъ соединить съ тѣмъ или другимъ словомъ понятіе *τύχη*, fortuna: «готовающен рожаницамъ (вар. рожаницы, родоу, бѣсоу) трапезу и исполняюще дѣмонови (вар. рожденицамъ) чърпаннкъ» = *ἑτοιμάζοντες τῶν δαιμονίων τράπεζαν καὶ πληροῦντες τῇ τύχῃ χέρασμα*; у Иеронима: *fortuna* ²⁾). Замѣтимъ, что *τύχη* должно было также повести къ представленію единичной рожаницы; въ русскихъ азбовникахъ онѣ снова во множественномъ числѣ — но въ связи съ идеей судьбы: «Рожденицы — свято дня рожденія младенца, въ кой же день кто родится, той нравъ и осудъ приметъ» ³⁾).

Эта роль рожаницъ, какъ подательницъ доли, вполне освѣщается славянскими и хорватскими повѣрьями о роженицахъ, какъ дѣвахъ судьбы, давшими поводъ перенести это воззрѣніе на старослав. рожденицу: *ѣмармѣнѣ*. Хорутанскіе словенцы вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ себѣ звѣзду и свою Ројеницу на землѣ ⁴⁾. Если о ројеницахъ говорится, что они *предрекаютъ, назначаютъ* судьбу новорожденному, то это, какъ увидимъ далѣе, лишь позднѣйшее освѣщеніе болѣе древняго факта: прирожденности.

Родъ и рожаница входятъ, такимъ образомъ, въ общій культъ предковъ, «родителей», русалокъ, виглъ ⁵⁾ и т. п. Ихъ отношенія

¹⁾ Первухинъ, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. I: Древняя религія вотяковъ по ея слѣдамъ въ современныхъ преданіяхъ. Вятка 1888 (перепечатано изъ Губ. Вятск. Вѣдом. 1888 г.), стр. 18 слѣд., 36—7, 52.

²⁾ Срезневскій, I. с. 109.

³⁾ I. с. 105.

⁴⁾ I. с. 107.

⁵⁾ См. далѣе гл. XIV и XV.

къ міру таііиш и вмѣстѣ къ представленію доли освѣщаются рядомъ аналогическихъ повѣрій и образовъ, въ которыхъ идея рода, отжившаго и нарождающагося, въ разной мѣрѣ соприкасается съ идеями судьбы. Извѣстенъ совмѣстный культъ *Афродиты* и *моиръ*; она старшая изъ *моиръ*, говорится въ одной надписи изъ Аѳинъ; богиня любви, производительной силы и, вмѣстѣ, въ Дельфійскомъ культѣ, *ἑπιτιμβία*. — Ей сродни *Нѣмесис*; въ Смирнѣ существовалъ культъ многихъ *Немѣсис*, крылатыхъ демоновъ, вѣдавшихъ дѣла любви, естественное зарожденіе и гибель всѣхъ вещей. Немезидѣ молились гетары, она изображается на гробницахъ Аттики и восточной Беотіи, и въ ея честь отбывались *Немѣсиа*, праздникъ въ память усопшихъ ¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ она богиня судьбы, распредѣляющая по заслугамъ добрую или злую долю. Оттуда въ римской мифологіи ея отношеніе къ фатамъ, которыхъ ученіе этрусковъ помѣщало въ 13-й области неба; сл. въ надписи: *Dis manibus fatogum arbitris* ²⁾. — *Эриніи* ³⁾, первоначально, рожаницы: имъ молились о ниспосланіи потомства, но у нихъ есть отношеніе и къ міру умершихъ; онѣ — дѣвы судьбы, блюстительницы родоваго долга, вмѣняющаго потомкамъ учиненное предками. Особенная, этическая разработка ихъ типа, преимущественно у трагиковъ, дала новое значеніе эриніямъ — и эменидамъ: въ сущности тѣ и другія могли быть простѣйшимъ выраженіемъ доброй или злой прирожденной доли. Вѣроятно предположеніе, что первоначально онѣ были такіа-же маны, какъ *керы*, другой образъ для той-же фаталистической идеи, но преимущественно смертной, несчастной доли; отсюда ихъ сопоставленіе съ эриніями; представленіе свѣтлой хѣр, въ противоположность къ темной, является лишь въ позднее время. Важно ихъ отождествленіе съ *ψυχαί*. Къ аттическимъ анеестеріямъ, кончавшимся жертвой хеоническому Гермесу и душамъ

¹⁾ Schroeder, Griechische Götter und Heroen, 1-es Heft., стр. 58—59, 43—4.

²⁾ Roscher, Mythologisches Lexicon, a. v. Fatua.

³⁾ Roscher, l. c., a. v. Erinys §§ 4 и 5; Lippert, Die Religionen der europäischen Culturvölker, стр. 367.

усопшихъ, примыкалъ обрядъ «изгнанія душъ». Имъ, тайно присутствовавшимъ; кричали: *Ἐράζε, χῆρες, οὐκ ἐτ' Ἀνθεστήρια*, что такъ объясняется Дидимомъ у Фотія I, р. 286 №b: *ὡς κατὰ τὴν πόλιν τοῖς Ἀνθεστήριοις τῶν ψυχῶν περιερχομένων*¹⁾.—Римскіе *genii* и *junos*, по Арнобію (III, 41) — *defunctorum animae* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духи-покровители человѣка: у каждаго мужчины свой *genius*, у женщины своя *juno*; наклонности того или другого лица опредѣляются его *geni*емъ; но это понятіе и обобщается: говорили о *genius generis nostri parens* (Labernius Non. Marc. р. 119), что отвѣчаетъ нашему «роду», тогда какъ *junos* въ надписи у Fabretti (Inscriptiones р. 74), — души умершихъ, несомнѣнно, наши рожаницы: форма *juno*, могла подставиться, по аналогіи съ *Juno*, вмѣсто какого нибудь производнаго отъ $\sqrt{\text{gen}}$ (сл. *genius*).

Германскіе повѣрья даютъ рядъ аналогіи къ приведеннымъ. На связь идеи судьбы съ представленіемъ міра душъ и усопшихъ указалъ уже Маннгардтъ²⁾, но въ нѣмецкихъ преданіяхъ она выражена слабо и уясняется лишь рядомъ мелкихъ наведеній, на которыхъ я не останавливаюсь. Три Маріи, монахини, дѣвы = дѣвы судьбы являются въ дѣтскихъ пѣсенкахъ³⁾ и народныхъ повѣрьяхъ⁴⁾; онѣ даютъ долю при рожденіи, бракѣ и смерти человѣка; уже Буркгардтъ Вормскій обличалъ вѣрованіе *ut illae, quae a vulgo Parcae vocantur, ipsae vel sint vel possint hoc facere quod creduntur, id est dum aliquis homo nascitur et tunc valeant illum designare ad hoc quod velint*⁵⁾. Двѣ изъ нихъ бѣлыя, добрыя, одна черная, злая; ихъ народное названіе: *Heilgätinnen* объимаетъ ихъ вообще, звѣемистически, какъ названіе Эвменидъ, но могло отвѣчать въ началѣ лишь понятію доброй доли. *Weisse*

¹⁾ Crusius, Keren, въ *Allgemeine Encyclopädie*.

²⁾ Mannhardt, *Germanische Mythen*, стр. 248 слѣд.; 541 слѣд.

³⁾ I. с. 524 слѣд.; сл. 708 слѣд.

⁴⁾ I. с., стр. 640 слѣд.; сл. 589—40, 631—2, 635—4, 637.

⁵⁾ Сл. *Poenitentiale Arundel* § 88: «*Qui mensam praeparaverit in famulatu parcarum, 11 annos peniteat*». См. Schmidt, *Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche*, стр. 460.

Frauen, dames blanches германо-романскаго, ban-shee ирландскаго ¹⁾ повѣрья выражаютъ одной стороною понятіе судьбы, простирающейся на родъ; они блюдутъ за нимъ, являясь въ минуты опасности, угрожающей кому нибудь изъ ея представителей. Это, очевидно, рожаница, но въ широкомъ смыслѣ genetis rapens.

Развитіе и послѣдовательнѣе является идея судьбы въ старосѣверной мифологіи. Я остановлюсь для начала на представленіи dísir: по мнѣнію Вигфуссона ²⁾ онѣ были первоначально женскими родовыми манами, которымъ приносили жертву, ставили трапезу (Dísablót) зимой и въ пору жатвы, ихъ молили объ урожаѣ; какъ древнія матери рода, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и рожаницы (къ нимъ зываютъ при родахъ, Sigðrífumál, 9) — и дѣвы судьбы: у каждаго человѣка есть своя dís, сопровождающая его въ теченіе всей жизни; о человѣкѣ потерянномъ говорятъ, что дивы его оставили (сл. Atlamál 26). Впослѣдствіи это понятіе обобщилось: dísir обозначаетъ норвѣ (Sigurðarkv. 24; Namðis-mál 29), dís — вообще демоническое существо женскаго рода безо всякаго отношенія къ культу предковъ. Отмѣтимъ особое значеніе dís: сестра; dísir — собирательное понятіе, какъ южнослав. роженницы, судицы, западныя феи и норны, греческія мойры, являющіяся втроемъ нарицать судьбу новорожденному ³⁾.

¹⁾ Сообщение проф. Gaido's'a.

²⁾ Vigfusson, Corpus poeticum boreale I, 419, 405; сл. I, стр. 40, в. 59 слѣд.—Dictionary a. v. dís.

³⁾ Dísir = manes ведетъ меня къ вопросу: въ сѣв. языкѣ рядомъ съ кун-тѣнос, фоллѣ отиѣчаютъ независимое отъ него кун = чудо, диво. Не развились-ли въ словахъ, сложенныхъ съ кундја, присущее имъ понятіе дива — изъ понятія рода, прирожденнаго, фатальнаго? Кундја-étt, кундја-meinn = странная, загадочная болѣзнь; Кундја-menn = fairies, goblins. «Ту змю прозвали диковиной, кундја-vegr, говорится въ сагѣ о Гудмундѣ Добромъ, ибо объявились разныя чудесныя знаменія: видать было два солнца и показывались блуждающіе, толпами альфы (= души умершихъ) и другіе кундја-menn» (Sturlunga-Saga etc. ed. G. Vigfusson, I, стр. 98, § 4), пугала, напоминающія имѣ изреченіе нашего Данила Заточника: что дѣти бѣгаютъ *Рода*. Въ сагѣ о Гудмундѣ Dýri (I. с., стр. 128, § 1; сл. I. с. Hrafnas saga ok Þorvalds, § 14, p. 178) жена Тейта, въ то время отсутствовавшая, прислуживая гостямъ, видать въ числѣ ихъ — и своего мужа; присмотрѣлась еще разъ, и странное видѣніе, kunnlegleikar, исчезло, но вскорѣ пришла вѣсть о смерти Тейта: на это указывало видѣніе двойника, fylgja.

Если вѣрованіе въ *dísir* отнесло насъ къ культу предковъ, то повѣрье о *fylgja*'ѣ связывается двойственнымъ значеніемъ слова съ актомъ рожденія—и прирожденной судьбы. Съ однимъ значеніемъ *fylgja* = *secundinae*, *pileus naturalis* мы уже познакомились (сл. выше стр. 175); другое: духъ хранитель (*fylgja* = *φύλασσα*, *φυλακίς*)¹⁾ человѣка или цѣлаго рода (*kunfylgja*, *aettarfylgja*), представляемый существомъ женскаго рода, являющійся нерѣдко въ образѣ животнаго (птицы, коня, лисы, волка, льва, бѣлаго медвѣдя, кабана, зайца, быка, козы) или в самого человѣка, за которымъ слѣдуетъ невидимо, которому помогаетъ въ бою, вѣщаетъ его судьбу; лишь передъ смертью человѣкъ видитъ гибель своего хранителя. *Fylgja*, стало быть, доля, участь; твоя *fylgja* не устоитъ противъ его *fylgja*'н, говорится въ сагахъ²⁾; представленіе нѣсколькихъ фильгій, добрыхъ и злыхъ, состоящихъ при одномъ человѣкѣ и увлекающихъ его въ разныя стороны, едва-ли принадлежитъ къ древнимъ. — Другое выраженіе для того-же представленія, *hamingja*, также связано съ представленіемъ кожи, сорочки = *hamr*, нѣм. *Heimt*: тоже духъ хранитель, въ образѣ животныхъ или женщины; въ моментъ смерти онъ оставляетъ умирающаго, чтобы перейти на его сына, дочь или родича³⁾. Черта интересная по отношенію къ *родовой* наследственности доли; мы уже видѣли, что *fylgja* также бываетъ прикрѣплена къ цѣлымъ *родамъ*. — Тотъ же *родовой* мотивъ объясняетъ битвы *вѣдогоней* или *jedогоней* (словенское *vjetrogonja*) съ сербскими. О вѣдогоняхъ, говоритъ Поповъ⁴⁾, «мнѣ удалось слышать два различныя сказанія. По одному изъ нихъ вѣдогони суть духи людей и животныхъ. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогона, и особенно люди, родившіеся въ *рубашикъ*. Этотъ вѣдогона, когда спитъ человѣкъ или животное, выходитъ изъ него и бережетъ

¹⁾ См. Laistner, Ueber den Butzenmann, Zs. f. deutsches Alterthum XXXII, стр. 191.

²⁾ Потебня, I. с. стр. 172; Mannhardt, Germ. Mythen 306—7; 572—8; Vigfusson, Diction, a. v. *fylgja*.

³⁾ Vigfusson, Diction, a. v.

⁴⁾ Потебня, стр. 176—7; Krauss, I. с. 19—21.

его имущество отъ воровъ и его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и всякаго колдовства. Часто эти вѣдогони дерутся между собою, и если кто изъ нихъ будетъ убитъ, то человѣкъ или животное умираетъ во снѣ. Если воинъ умретъ передъ битвою, то говорятъ, что вѣдогоня его дрался съ врагами и убитъ. Прибрежные жители говорятъ, что вѣдогони пристають съ итальянскаго берега и дерутся съ туземными. Другіе рассказывали мнѣ, что вѣдогони суть не иное что, какъ домашніе духи, оберегающіе жилища и имущества каждаго отъ нападенія воровъ и и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревьевъ и колеблясь они несутся по воздуху — говорятъ: дерутся вѣдогони».

Рожаница-fulgja — прирожденная человѣку, унаслѣдованная имъ отъ рода судьба; идея ея неотъемлемости, неизбѣжности, въ какихъ-бы формахъ и на какой-бы стадіи развитія самого понятія она ни выразилась, дана *implicite* въ этой точкѣ ея отправленія. Услѣдить дальнѣйшія измѣненія понятія и соответствующаго ему образа можно только путемъ логическихъ и психологическихъ наведеній, ибо мы имѣемъ дѣло съ народно-бытовымъ матерьяломъ, наслонвшимся во времени, въ которомъ логика развитія подчинялась случайности постороннихъ вліяній, захожая, христіанская легенда даетъ формы для выраженія древнѣйшаго бытоваго содержанія и каждый образъ, при анализѣ, разлагается на части, принадлежащія разнымъ періодамъ мысли и вѣрованія. Воинственныя валькиріи сѣвера и славянскіе вилы не только дѣвы судьбы, но и фильгъи, сложившіяся въ особый типъ, въ глубин котораго затерялось ихъ бытовое отношеніе къ культу манъ ¹⁾.

Первымъ поводомъ къ развитію идеи судьбы отъ представленія ея прирожденности къ болѣе свободному пониманію могло явиться образное представленіе рожаницъ-фильгій: онѣ состоятъ при человѣкѣ, но имъ и молятся, и ставятъ трапезу; тогда какъ

¹⁾ См. далѣе гл. XV.

наузы, амулеты продолжают выражать естественную связь родильной сорочки, *fulgja*'и и т. п., рожаницы обособились въ отдѣльныя демоническія существа, и ихъ роль въ судьбѣ человѣка опредѣляется ихъ антропоморфизмомъ; онѣ *даютъ* ему его *долю*, *часть*, *участь*, въ жизни, отиѣриваютъ *таланъ* (*τάλαντον*), и этотъ актъ понимается какъ приговоръ, который они изрекаютъ (*рокъ*, *нарокъ*), какъ ихъ *судъ* и рядъ, судьба. Отсюда новый рядъ представлений ¹⁾: 1) болг. *урисници*, орисници, уресници = греч. *ὀρίζοντες*, *confirmatrices*, *definientes*, *constituentes*; рум. дѣвы судьбы, *urzițele*, отразили, быть можетъ въ своей латинской основѣ (*ordiri*, *ordus*) влияніе греч. *ὀρίζοντες*. Сл. греч. *μοῖρα* отъ $\sqrt{\text{mag}}$: удѣлять, получать въ удѣлъ (сл. *μέρος*, *μόρος*, *εἰσαρμένη*); *πεπρωμένη* (*μοῖρα*) отъ $\sqrt{\text{rag}}$: удѣлять; *Νέμεισι*: отъ $\sqrt{\text{nem}}$: удѣлять. Сѣверно-русскія удѣльницы ²⁾, можетъ быть, тѣ-же *моѳра* — рожаницы, но ихъ типъ развился въ сторону демонизма: черныя, съ распущенными волосами, онѣ преждевременно вынимаютъ младенцевъ изъ утробы, уродуютъ ихъ, мучать родильницъ, производятъ родимецъ. Литовская Лаума также похищаетъ, подмѣниваетъ ребятъ, но она присутствуетъ и при ихъ рожденіи; она = *Lucina*, *dea partus*, но вмѣстѣ даетъ счастье или несчастье. У Латышей Лайма приурочена къ багѣ, священному мѣсту родильницы; если она подстелетъ ей свою простыню, то роды будутъ счастливы. Она главнымъ образомъ — *Fortuna*; подобно Деклѣ, богинѣ преимущественно дѣвичьей судьбы, обѣ даютъ долю, почему вмѣстѣ и упоминаются въ пѣсняхъ, Декла чаще въ значеніи злой доли:

Охъ Деклина, охъ Лаймина,
Ты не одинаково дѣлала:

¹⁾ Сл. Потебня, I. с. стр. 153—4, 156, 189 слѣд.; Krauss, I. с. стр. 89 слѣд., 120 слѣд.; мон Die russischen Todtenklagen въ Russ. Revue, 2 Jahrg., 12 H., стр. 24—5, 30.

²⁾ Е. Барсовъ, Сѣверныя сказанія о лембонгъ и удѣльницахъ, Труды Этногр. Отд. имп. Общ. любителей естествознанія, антропологій и этнографіи, кн. 8, вып. I, стр. 88.

Одному назначала легкія вѣка,
Другихъ ты заставила горько плакать ¹⁾.

Laima—*опредѣляющая* (лит. *lemti: fest bestimmen, beschliesen* ²⁾); Декла по Ульману: *Schicksalsgöttin, die den Geburten präsidiert, отъ √ deht: legen, setzen, saugen an der Mutterbrust.* 2) болг. *нарѣчници* = нарекающія судьбу; 3) чешск. словацк. *Sudičky, Sudice*, луж. *Sudzicke*, т. е. присуждающія, тогда какъ хорут. *Sojenica, Sujenica*, по мнѣнію Потебни, можетъ означать не судящая, а сужденная, опредѣленная высшимъ существомъ; сл. еще серб. *Sudnice, Sugjenice*, хорв. *Sudjenice, Sujenice*. Можетъ быть, нечего и предполагать здѣсь отношеніе въ высшему существу: рядомъ съ присуждающей могло явиться образное представленіе *присужденной* (судьбы), какъ въ параллель съ нарекающими (нарѣчници) — *нареченное, изреченное* (судьбой); народно-римскіе *Fatus, Fata*, отвѣчавшіе отвлеченному представленію *fata* (мн. сред. рода) = *изреченія, нарочки* боговъ. Къ фатамъ взывали при рожденіи ребенка, они опредѣляли его судьбу, число лѣтъ и кончину; въ народной фантазіи это отвлеченіе приняло конкретный характеръ: *Fatus, Fata*, множ. *fati, fatae*; выраженія: *fatis masculis, fatus meus, fatus tuus* указываютъ на ихъ пониманіе, какъ божественныхъ существъ, привязанныхъ къ человѣку, руководящихъ и направляющихъ его судьбу. Надписи, въ которыхъ говорится о *fatis*, не даютъ возможности различить, разумѣются-ли отвлеченныя *fata*, или личныя *fatae*; на одной фрескѣ изъ поздней поры язычества въ римскихъ катакомбахъ изображены *fata divina*: двѣ женскія закутанныя фигуры, между ними бородастая, также закутанная: можетъ быть—*Fatus*. Интересно отмѣтить обычную троячность фатъ: *tria fata*;

¹⁾ Э. А. Вольтеръ, Матеріалы по этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи (въ Зап. Инп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи). Благодаря любезности автора я могъ пользоваться этимъ изданіемъ въ корректурныхъ листахъ.

²⁾ Сл. Aug. Leskien, Ablaut der Wurzelsilben im Litanischen (Abhandlungen der phil. histor. Classe der kön. sächs. Gesellsch. d. Wiss. Lpz. 1884, стр. 333).

объ ихъ статуяхъ въ Римѣ на форумѣ близъ храма Януса говорятъ Прокопій; отсюда названіе форума либо части его: in Tribus Fatis; эти *tria fata* отождествляли съ статуями трехъ сивиллъ, о которыхъ упоминаетъ Плиній¹⁾. — Романскія фаты, феи, алб. *fatite* (Hahn, *Albanesische Studien*, 148), лишь продолжаютъ народноримскую традицію: это такое-же олицетвореніе рока, какъ сѣверно-русская Судина, Судьбина: антропоморфическій образъ судьбы, преимущественно несчастной (сл. старофранц. *destinée* = *mauvaise action, malheur*), тогда какъ таланъ является чаще въ значеніи евфемистическомъ. Грозный образъ Судины хорошо знакомъ по сѣверно-рускимъ причесаніямъ:

Звать Судинушка по берегу ходила,
 Страшно-ужасно голосомъ водила,
 Въ длани судинушка плескала,
 До суженныхъ головъ да добиралась....

Ихъ судинушка головъ да повзыскала.

Переходъ отъ понятія *рожданицы* къ представленію *судины* даютъ хорватскія и словенскія повѣрья, гдѣ оба обозначенія сосуществуютъ при одной и той-же роли: слов. *Rojenice* и *Sojenice*, хорв. *Rodjenice*—и *Sudjenice, Sujenice*. Первыхъ мы уже видѣли въ значеніи прирожденныхъ человѣку, но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и судятъ ему долю: чуть родится ребенокъ, три или двѣ роженницы входятъ въ избу и нарекаютъ судьбу новорожденному; по повѣрью Истрианъ онѣ живутъ въ пещерахъ и по трое приходятъ къ людямъ помогать имъ въ работахъ; имъ приносятъ въ пещеры хлѣбъ и кладутъ у входа²⁾. Въ сказкахъ у Валявца *Sojenice* чередуются съ Рожденицами и Вилами (*Valjavec, Narodne pripovjedke*, стр. 56—57, 76 слѣд.); о рожденицахъ говорится, что они *su.... došle suditi deteta*. Обыкновенно ихъ *три*³⁾, но иногда и болѣе: одѣтыя въ

¹⁾ Roscher, l. c. a. v. *Fatua, Fatua* Fata.

²⁾ Срезневскій, l. c. 107—108.

³⁾ Krauss, l. c., стр. 128, прим. 264, съ ссылкой на Krauss, *Sagen und*

бѣлое, онѣ приходятъ въ полночь въ комнату родильницы, гдѣ имъ выставляютъ восковую свѣчу, хлѣбъ и соль; подойдя къ колыбели ребенка, онѣ пророчатъ, сколько ему жить, какою смертью умереть, на комъ жениться, будетъ-ли онъ богатъ или бѣденъ и т. п. Если имъ не приготовили «трапезы», онѣ сердятся; приговоръ произносится обыкновенно такимъ образомъ, что сначала изрекаетъ его одна, вторая измѣняетъ нареченное въ хорошую или дурную сторону, третья произноситъ окончательное рѣшеніе. Въ одной сказкѣ у Валавца (стр. 83—5) одна рожденница при-суждаетъ ребенку, что онъ будетъ солдатомъ, начальникомъ королевскаго войска и застрѣленъ изъ ружья; другая—что онъ по тринадцатому году будетъ повѣшенъ; третья, что онъ утонетъ, когда ему минетъ семь лѣтъ, семь дней, семь часовъ и семь минутъ (сл. 1. с., стр. 85 и 90). Это и сбылось. Въ другой сказкѣ того-же собранія двѣ вилы одарили новорожденную чудесными дарами, третья, злая, дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. Дѣйствительно, когда наступило время выдавать дѣвушку замужъ, злая вила ударила ея волшебнымъ прутомъ, и она окаменѣла (л. с стр. 56—57). Въ той чертѣ, что рѣшеніе остается за послѣдней сужденницей—виллой, нельзя, вмѣстѣ съ Краусомъ, усмотрѣть что-либо специально-славянское: таже эпическая черта въ судовореніи встрѣчается и въ не-славянскихъ сказкахъ ¹⁾, и приговоры фей также капризно чередуются, какъ вѣщанія хорватскихъ судныхъ дѣвъ или болгарскихъ наречницъ (у Миладиновыхъ № 17, стр. 17) ²⁾ надъ сыномъ Момиршцы.

Първа велеть, ай да го земне;
Втора велеть, да го не земае,

Märchen d. Südslaven II № 88, p. 179, № 106, p. 218 слѣд.; Preller, Gr. Myth. 3 Aufl. 1872, I, p. 484; Grimm D. Myth. 876—88.

¹⁾ Сл. Грек, 1. с., p. 660 прим. 1; Grimm, D. Myth. 880.

²⁾ Сл. болгарскую сказку у Шапкарева, стр. 184 = Revue des trad. pop. II, стр. 377—9 (Dobson).

Дури да сѣ дѣте сторить,
 Дете сторить до седумъ година;
 Трека велить, нека расте дете,
 Да се сторить юнакъ за женени.
 Ке му свуршѣтъ 'уба'а не'еста,
 Ке му свуршѣтъ и ке ѣж земеетъ;
 Ко ке одѣтъ въ цѣрковъ на венчани,
 Тога юнака да си го земине.

«Когда дете-то сѣ рожать, тая вечерь идать три жени, кои нарѣчвать колку и како ке живеть родено-то, и що ке нарѣчтъ третья-та, това ке бидить. Тѣе три жени сѣ викаеть нарѣчници»¹⁾).

Такъ вѣщають втроемъ и болгарскія урисницы; относящуюся сюда сказку мы приводимъ далѣе; можетъ быть, въ связи съ ихъ двоящимся рѣшеніемъ находится преданіе, что есть три добрыхъ и три злыхъ урисницы, несогласныя и ведущія между собою борьбу. Въ первую ночь послѣ родовъ онѣ являются въ домъ родильницы, вѣщая младенцу его судьбу; показываясь взрослому, онѣ предупреждаютъ его о грозящей ему опасности; всегда юныя и прекрасныя онѣ живутъ на небесахъ²⁾).

Въ румынской сказкѣ типа нашего Василія Безчастнаго одинъ богачъ, приставъ на ночлегъ къ бѣдняку, у котораго въ ту ночь родился сынъ, видитъ трехъ ursitoare и слышитъ ихъ приговоръ ребенку. Онъ будетъ несчастливъ (nepogosit) и утонетъ, говоритъ одна; другая пророчитъ ему смерть въ огнѣ; нѣтъ, вѣщаетъ третья, онъ будетъ удачливъ (foarte cu pogos) и завладеетъ состояніемъ этого богача. Богачъ покупаетъ ребенка, дважды пытается извести его, но нарокъ судицъ исполняется и бѣднякъ становится подъ конецъ зятемъ и наслѣдникомъ своего гонителя³⁾).

¹⁾ Сл. Младиновы I. с. стр. 625.

²⁾ Аванасьевъ, II. В. III, 348.

³⁾ Puterea ursitei, сказка, напечатанная въ фельетонѣ румынскаго журнала Tribuna 1868, № 196 (30 Авг.). Сообщеніе П. А. Сырку.

Изъ соотвѣствующихъ свидѣтельствъ о греческихъ *μῦραι* ¹⁾ укажемъ на извѣстный мифъ о Мелеагрѣ (Apollodor. I, 8, 2—3; Hygin. Fab. 171) и воспроизводящее её новѣйшее преданіе Эпира: одна мать услышала на третій день послѣ родинъ, какъ *μῦραι* бесѣдовали около огня и положили, что новорожденный умретъ, какъ скоро погаснетъ такая-то головня въ печи. Когда *μῦραι* ушли, мать схватила головню и спрятала ее въ сундукъ; въслѣдствіи, желая провѣрить, вѣрнѣ-ли приговоръ наречницъ, она бросила головню въ огонь; когда она сгорѣла, умеръ и ребенокъ ²⁾. Новое преданіе забыло характерную черту древняго, — общее мѣсто этого рода сказокъ: въ мифѣ о Мелеагрѣ третья наречница, Ἀλθαία, выдѣлялась своимъ приговоромъ отъ другихъ, она-то и прячетъ головню, обходя такимъ образомъ рѣшеніе своихъ сверстницъ.

Свидѣтельства о таковыхъ-же рѣшеніяхъ романскихъ фей ³⁾ восходятъ къ старо-французскому эпосу. Оберонъ ⁴⁾ рассказываетъ о себѣ, что когда онъ родился,

3499 Fées i vinrent ma mere revider.
 Une en i ot qui n'ot mie son gré,
 Si me donna tel don que vous veés,
 Que jou seroie petis nains bocérés;

 3505 Quant ele vit qu'ensi m'ot atorné,
 A se parole me vaut puis amender;
 Si me donna tel don que vous verés,
 Que jou seroie li plus biaux hom carnés
 Qui onques fust en après Damedé!

¹⁾ Сл. В. Schmidt, Volksleben der Neugrischen I, стр. 210—20; сл. его-же: Griech. Märchen, Sagen und Volkalieder, три первые №№ сказокъ.

²⁾ Contis, Mœurs et coutumes de l'Épire l. c., p. 122.

³⁾ Сл. Афан. l. c. III, 347—8. О феяхъ сл. А. Maury, Les fées du moyen âge и свидѣтельства, собранныя Fr. Michel'emъ въ его Floriant et Florete (Roxburghe Club 1878, note 14). Сл. J. de Wal, De Moedergodinne, eenе oudheidkundig — mythologische Verhandeling.

⁴⁾ Сл. Huon de Bordeaux ed. Guessard et Grandmaison v. 8497 слѣд.

Слѣдующія двѣ феи одаряютъ его даромъ всевѣдѣнія и всеисполнимаго желанія; необычно, съ точки зрѣнія сказочной практики, что злая фея высказывается первая и сама смягчаетъ свое рѣшеніе. Романъ о Brun de la Montagne ¹⁾ стоитъ въ этомъ отношеніи на сторонѣ сказокъ: когда Brun родился, отецъ его сзываетъ своихъ бароновъ,

81 Car il couvient l'enfans porter tout erramme.
Où les feés repairent, sachiez certainement,
Por destinée avoir au Dieu commandement.

Четыре рыцаря отвозятъ его въ лѣсъ подъ дерево къ источнику, гдѣ обыкновенно сходились феи; отойдя въ сторону они слышать голоса: это феи приближались съ пѣніемъ. Они принимаютъ нарекать; первая говоритъ

948 ma volenté m'amaine
Afin quil ait de moi courtoisie si saine
Que s'onneurs acroistra ainz que passe quinzaine,
Si c'om en parlera jusqu'à l'iave de Saine.

Дары второй феи:

957 Je li otroy qu'il ait en lui toutes biantés,
Et avec ce qu'il soit en tout si doctrinés,
C'on puist dire partout qu'à bonne eure fu nés;
Et avec ce, qu'il soit en tous fais d'armes tés,
Que de toute proesce il soit plus redoubtés
En guerres, en tournois, en tout fais esprovés
Et de toutes gens soit plainnement honorés.

Третья фея, старшая надъ другими (mestresse), оскорбленная тѣмъ, что тѣ предварили еѣ своими дарами и вѣщаніями, измѣняетъ ихъ приговоръ къ худшему:

972 Et en despis de vous tés est li miens arens
Que cil enfes, qui ci est devant nous presens,
Soit mendiant d'amie en ses jones juvena,

¹⁾ Brun de la Montagne ed. Paul Meyer. Paris 1875.

Et que de lui amer n'ait la dame talens
 A cui fera premiers auscuns acointemens.
 Comment qu'il soit par vous noble courtois et gens,
 Il avra en amour et paines et tourmens.

Показателемъ нѣмецкихъ представленій того-же рода можетъ служить извѣстная сказка о Dornröschen (Grimm D. M. II, 253)¹⁾, гдѣ наречницъ (weisse Frau) является 13, тринадцатая—злая. Но я предпочитаю остановиться на старосѣверныхъ погнir: онѣ помощницы при родахъ (Fáfnismál 12, 13); на Фарейскихъ островахъ первая трапеза, отъ которой вкушаетъ родильница, до сихъ поръ зовется Nórna greytur=каша Норнъ²⁾; онѣ являются къ новорожденному at akara aldr, нарицаютъ судьбу (габа orlogum manna), однимъ хорошую, безбѣдную жизнь, другимъ ни имѣнья, ни славы, смотря по тому, добрыя онѣ или злыя; отмѣтимъ эпитетъ добрыхъ норнъ: vel aettaðar=хорошаго роду (Gylfaginning XV). Какъ онѣ надѣляютъ дѣтей смертныхъ вообще (Völuspá: þær lif kugu alda þórnun), напр. ребенка Helgi (Helgakviða Hundingsbana I, 2—4), такъ въ сагѣ о Норнагестѣ онѣ выступаютъ въ разсказѣ на столько сходнымъ съ миеомъ о Мелеагрѣ, что высказано было предположеніе о зависимости перваго отъ второго³⁾. Ихъ три; онѣ названы völvur — и норнами, но ихъ пониманіе спустилось къ значенію вѣщихъ женъ. Въ то время ходили по странѣ вѣльвы, которыхъ звали вѣщими же-

¹⁾ Афанасьевъ, I. с. III, 352—3. Сл. Mannhardt, I. с. 611—12, 682. Интересную параллель представляетъ армянская сказка о Чыпылыгъ (Сборн. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2: Армянскія сказки, зап. въ шемахинскомъ уѣздѣ бакинской губ., сообщ. Н. Калашевъ, № 6): жена бѣдяка готовится родить; подлетаютъ три голубя; одинъ говоритъ: Я у беременной приму дитя; другой: Я дамъ ей богатство и т. д.; третій: Новорожденное дитя будетъ дѣвочкой; когда она будетъ смѣяться, изо рта у нея будутъ падать розы, когда плакать, то жемчуги изъ глазъ; когда ногами станутъ являться золотые кирпичи, волосы будутъ золотые. Я ей дамъ серьги; когда она сниметъ ихъ съ ушей, превратится въ покойницу, а когда повѣсятъ на нее серьги, она оживетъ.

²⁾ Mannhardt, I. с. 588.

³⁾ Wackernagel, Das Lebenslicht, 2. u. d. Alterth. XII, 280—1.

Сборникъ II Отд. Н. А. Е.

намъ, и прорицали людямъ ихъ судьбу, рассказываетъ Норнагьсть; оттого ихъ зазывали къ себѣ, угощали и одаряли при разставаніи. Такъ сдѣлалъ и мой отецъ; онѣ пришли къ нему съ толпой народа и должны были наречь мнѣ долю. Я лежалъ въ колыбели, когда имъ пришлось вѣщать обо мнѣ; надо мною горѣли двѣ свѣчи (жертва судицамъ?). Онѣ говорили обо мнѣ и сказали, что я буду счастливѣйшимъ и большимъ человекомъ, чѣмъ мои прародители или сыновья другихъ именитыхъ людей въ странѣ, и сказали всё, что со мной станется. Младшей норнѣ показалось, что она почтена менѣе двухъ другихъ, ибо у нея не попросили столь-же важныхъ вѣщаній; къ тому-же толпа негодеевъ спшибла её съ ея сѣдалища, такъ что она упала на-земь. Оттого она сильно разсердилась и велѣла другимъ прекратить благія обо мнѣ прорицанія: ибо я рѣшаю, сказала она, что ему прожить не дольше, какъ прогорить свѣча, около него зажженная. Тогда старшая вѣльва потушила свѣчу и, отдавъ моей матери, велѣла хранить её и не зажигать до конца моей жизни. Послѣ этого вѣщія жены удалились, щедро одаренныя, уводя съ собою связанной младшую норну ¹⁾.

Старосѣверныя *poenig*, нарекающія судьбу ребенку, представляютъ такое-же развитіе понятія сравнительно съ *fulgja*'ей, какъ слав. наречницы, судицы по отношенію къ рожаницѣ ²⁾. Интересно, въ смыслѣ связи норнъ съ болѣе древнимъ представленіемъ рожаницы, ихъ названіе: *hamingjur* (= фильги), *Vafgruðnismál* 49, если оно дѣйствительно къ нимъ относится (сл. *Mannhardt*, I. с. 573 и выше стр. 184).

Множественное число рожаницъ (судицъ, орисницъ, наречницъ), норнъ мы объяснили древней бытовой чертой (сл. выше стр. 179); ихъ троячность—излюбленная эпическая подробность; сл. *Aeschylus Prometheus* 515: *μῆραι τρίμορφοι μνημονές τ' ἐρινύες;*

¹⁾ Die proaische Edda im Auszuge nebst Völsungasaga u. Nornagestspátttr, ed. E. Wilken, стр. 259—60, § XI.

²⁾ О норнахъ и валькирияхъ сл. *Vigfusson*, Corp. poet. bor. II, 468—469; *Mannhardt*, I. с. стр. 541 слѣд.

трехъ лаумъ въ литовской сказкѣ у Veckenstedt'a (I. c. II № 91 и 102), трехъ лаймъ въ одной латышской пѣснѣ (Magasin der lett. lit. Gesellschaft 14, 2, стр. 103); трехъ ирге въ повѣрхяхъ семиградскихъ и южно-венгерскихъ цыганъ (Wlislöcki, Zauber u. Besprechungsformeln d. transilvanischen u. südungarischen Zigeuner. Budapest, 1888, стр. 7—8, 27, 29, 36); fata, matres, matronae, являющіяся въ тройственномъ числѣ на надписяхъ Галліи и береговъ Рейна, не обусловлены, такимъ образомъ, кельтскою предилекціею къ триадѣ. Между нами есть добрыя и злыя, евмениды и еринни; мы знаемъ что греческое представление своеобразно поняло и развило эту двойственность (сл. выше стр. 181); важно, въ смыслѣ развитія идеи судьбы, появленіе *нѣсколькихъ* рожаницъ при колыбели *одного* человѣка. Не одна рожаница опредѣляетъ его долю, тождественна съ нею, прирождена ему: рожаницы не только антропоморфизировались, но и обобщились въ носительницъ судьбы, отвязанной отъ древнихъ личныхъ отношеній. Оттого ихъ нѣсколько, односторонняя идея прирожденности-ослабѣла передъ возможностью того или другого рѣшенія, но когда оно сдѣлано, непререкаемость вступаетъ въ свои права: быть такъ, какъ сказала послѣдняя рожаница, судица, именно *третья*, какъ-бы уравнивающая крайности предыдущихъ приговоровъ. Не здѣсь-ли объясненіе *троичности*¹⁾, выразившейся позднѣе, въ той-же сферѣ представленій, образомъ вѣсовъ и обобщеніемъ *αἰσα'υ*?—И на этой стадіи развитія, къ которой народное сознаніе могло прійти внѣ постороннихъ, напр. христіанскихъ вліяній, доля, сужденная человѣку, должна была являться съ прежнимъ характеромъ неизбѣжности, неотъемлемости. Ея не избытъ; эта идея выражается цѣлымъ рядомъ пѣсенныхъ и сказочныхъ образовъ и присловій²⁾; кое-какія формы ея выраженія могли быть подсказаны позднѣйшими литературными, но дѣло не въ нихъ, а въ содержаніи сознанія, въ постановкѣ идеи судьбы. Именно къ тѣмъ періодамъ ея раз-

¹⁾ Сл. еще объясненіе троичности у Mannhardt'a, I. c. 598—4.

²⁾ Сл. Аван. II. В. III, стр. 369 слѣд., 396 слѣд.

вѣтѣ, которые мы можемъ отиѣтитъ именами *рожаницы* и *судимы*, относятся многочисленныя представленія о неотвязной долѣ или недолѣ.

Еще бо я не радилася,
 Лиха доля придалилася;
 Еще бо я въ пелюшкахъ лежала,
 Лиха доля за ноженьки держала;
 Еще бо я коло лавки хадзила,
 Лиха доля за рученьки вадзила.

Какъ въ бѣлорусской пѣснѣ, такъ и въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ недоля не покидаетъ человѣка въ теченіи всей его жизни:

Ужъ какое то зло великое безсчастыицо.
 Впереди меня злодѣйно спаржалоса,
 На судимую сторонушку справилоса,
 Во большомъ углу безсчастыицо садилоса,
 Впереди да сѣло безсчастые яснымъ соколомъ,
 Позади оно летѣло чернымъ ворономъ;
 Впереди оно безсчастые не укатится,
 Посторонь оно злодѣйно не откатится;
 Крутомъ около злодѣйно ухватилоса,
 За могучія оно да моя плечушки ¹⁾).

Въ нестатейномъ, знать, дворинѣ, гдѣ родилася,
 Зло-безсчастые тутъ велико устолоса,
 Впереди оно злодѣйно дождалоса;
 Сквозь перажи пеленочки разно-мокрна
 Зло-безсчастые тутъ ко мнѣ да пробиралоса,
 Крутомъ наоколь ремней да обвивалоса,
 Во дыривой люльченкѣ зкаты со мной оно каталоса,
 Вдвое-втрое тутъ злодѣйно накачалоса;
 Впереди оно безсчастые не укатится,
 Позади оно злодѣйно не останется ²⁾).

¹⁾ Барсовъ, I. с. I, стр. 8.

²⁾ *Иъ*, стр. 68.

Ужъ какъ этое злодѣйное безсчастыице
 Впереди да въ Божью церковь приходило,
 Впереди да райскыхъ дверей становилось,
 Подъ златымъ оно вѣнцомъ да привасѣло
 На буйную мою оно головушку
 Ужъ какъ этое злодѣйное безсчастыице
 Кругъ наложъ впереди да обскочило,
 Впереди да въ путь дорожку онаражалось,
 На судимую сторонушку скатилось;
 За дубовый столъ безсчастые собиралось,
 Во почѣстной во большой уголъ садилось,
 За праву руку безсчастые ухватилось¹⁾.

Такъ развивается въ поэтическомъ климаксѣ отчаянiе сербской дѣвушки:

Sam djevojka u zvaćem nesretna,
 ja bosiljak, meni pelen niće.

Da se jedna za zelen bog hvatim.
 i on bi se zelen osušio.

Da privati za zeleni jelu,
 i njojzi bi usahnulo deblo²⁾.

-- и вдовы въ сѣверно-русской заплачкѣ:

Нонь я дольщица великоюй кручннушки,
 Половнищица злодѣйной я обидушка;
 Миѣ куды съ горя горюшѣ подѣватися?
 Разсадить-ли миѣ обиду по темнымъ лѣсамъ?
 Уже тутъ моеи обидушкѣ не мѣстечко,
 Какъ посохнуть вси кудрявы деревнички.
 Миѣ разсѣять-ли обиду по чистымъ полямъ?
 Уже тутъ моеи обидушкѣ не мѣстечко.
 Задернать да вси распахисты полюсушки;
 Миѣ спустить-ли то обиду во быстру рѣку?
 Загрузить-ли миѣ обиду во озерышкѣ?
 Уже тутъ моеи обидушкѣ не мѣстечко,

¹⁾ Ib., стр. 276—7.

²⁾ Krauss, l. c. 184—5 прим.

Заболотѣтъ вода да во бнотрой рѣченкѣ,
Заволочится травой мало озерншко ¹⁾).

Эти образы дали поводъ русской пѣснѣ своеобразно разработать старый мотивъ состязанія въ превращеніяхъ ²⁾: состязаются не волшебники, не любовники, мѣняя поочередно образы, дабы избѣжать или настичь другъ друга, а человѣкъ и неотступное отъ него горе:

Въ воскресеньцо матушка замужъ отдала,
Къ понедѣльнику Горе привязалоса.
«Ужъ ты матушка, свѣтъ Михайловна!
Мнѣ куда съ гора подѣватиса?
Я найду съ гора во темни лѣса.
Горе въ слѣдъ бѣжитъ, само говоритъ:
— Я лѣса срублю, тебя достигнулю. —

Молодая хочетъ убѣжать отъ Гора «во чисты поля», «во зелены луга», «во высокъ теремъ», «во круты горы»; а Горе въ отвѣтъ: «Я поля прижну, тебя достигнулю», «я луга скошу», «я теремъ зажгу», «я червомъ совьюсь, горы выточу, Горы выточу, тебя достигнулю». Когда молодая обнаруживаетъ желаніе пойти «во сыру землю»,

Горе въ слѣдъ идетъ
Со тунцами, острыми заступами,
Устоялоса, раземѣлоса:
— Ужъ ты дочь моя родная!
Ты угѣла горюшко повыгоревать ³⁾).

¹⁾ Барсовъ, 1. с., стр. 17 и тамъ-же въ прик. ** рыбниковскій вариантъ. Сл. еще стр. 167 (Сквозъ окошечко видѣтъ Кручинушка — Сквозъ другое выглядаетъ ала Обидушка).

²⁾ Сл. Разысканія VI, 67—78 и прик. стр. 480—2; мой отчетъ: Новая книга по нар. словесности въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХLIV, отд. 2, стр. 175; Rodríguez Marin, Cantos españoles № 2258 и далѣе, notas 388 и слѣд.; Child, The english and scottish pop. ballads II, № 44; Revue des traditions pop. I, № 4 (G. Paris, P. Sébillot, S. Tiersot: Les Transformations); ib. № 5.

³⁾ Рыбниковъ, Пѣсни I, № 86.

То-же въ пѣснѣ о молодцѣ и Горѣ:

Молодецъ вѣдь отъ Гора во чисто поле,
 Во чисто поле сѣрнимъ заюшкомъ,
 А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
 Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
 Тенета несетъ всё шелковня:
 «Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
 Видитъ молодецъ: отъ Гора дѣться некуда,
 Молодецъ вѣдь отъ Гора во быстру рѣку,
 Во быстру-рѣку рыбой-щуюю,
 А за нимъ Горе вслѣдъ идетъ,
 Вслѣдъ идетъ, невода несетъ ¹⁾.

Или молодецъ обернется яснымъ соколомъ, Горе слѣдомъ
 за нимъ чернымъ ворономъ ²⁾; или

молодецъ-то со Горюшка да на синѣ море,
 Еще Горе вслѣдъ да гоголѣмъ пловеть,
 И гоголѣмъ пловеть да выговариваетъ:
 — И ты востой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
 И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося ³⁾.

Та-же идея роковой, суженой доли выразилась въ народныхъ сказкахъ, въ примѣненіи къ различнымъ жизненнымъ положеніямъ. Однимъ родителямъ предсказано было, что ихъ сынъ будетъ убитъ молніей; во избѣжаніе этого они велѣли построить крѣпкую каменную башню, куда и помѣстили мальчика. Поднялась буря, и молнія убила ребенка; такъ исполнился нарокъ судицъ ⁴⁾. Одной царевнѣ нарекли, что она умретъ отъ укушенія змѣи, царь бережетъ еѣ въ стеклянномъ теремѣ, но когда наступилъ «сушенъ данъ», царевна пожелала винограду и была укушена ядовитой змѣйкой, скрывавшейся въ кисти ⁵⁾. Къ приведеннымъ

¹⁾ Ib. № 84.

²⁾ Ib. №№ 85, 86; Гильфердингъ, № 90.

³⁾ Гильфердингъ, № 177.

⁴⁾ Краузъ, I. с. стр. 182.

⁵⁾ Аванасьева, II. В. III, 836 съ ссылкой на Караджича, Српск. рѣчникъ 724.

выше (стр. 189) сказкамъ изъ собранія Валавца присоединимъ еще двѣ. Въ одной изъ нихъ (стр. 85—6) Sojenice пророчать новорожденному: одна говоритъ, что когда ему будетъ семнадцать лѣтъ, онъ будетъ растерзанъ звѣремъ; другая говоритъ, что онъ будетъ солдатомъ и умретъ на службѣ; третья, что онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Это и исполняется: прислуживая въ церкви, мальчикъ попалъ головою въ сосудъ съ святой водою и захлебнулся ¹⁾. Тожественная греческая сказка рассказываетъ на Наксоѣ ²⁾. Въ другой хорватской (Valjaves стр. 89—90) сужденницы вѣщаютъ, одна, что новорожденный будетъ солдатомъ, другая, что генераломъ, третья, что когда ему будетъ 22 года, онъ убьетъ отца своего и мать. Узнавъ объ этомъ вѣщаніи, юноша, избѣгая грѣха, пошелъ въ лѣсъ и тамъ сжегъ себя на кострѣ; одна женщина нашла его сердце въ пеплѣ: оно еще дышало, и отъ его дыханія та женщина повесела; ея сынъ и становится убійцей своихъ — первыхъ родителей.

Это вводитъ насъ въ особый рядъ легендъ, извѣстный изъ сербской пѣсни о Находѣ Симеунѣ (Караджичъ II, .68—75): о ребенкѣ, которому предсказано было, что онъ убьетъ отца и смѣшается съ матерью ³⁾ — и это пророчество оправдывается, какъ и другое, также-же нашедшее выраженіе въ группѣ сказокъ: о бѣдномъ мальчикѣ, которому суждено счастье (Василій Безчастный нашихъ сказокъ), великая участь (Константинъ Великій); его пытаются извести, не разъ посылаютъ на гибель, но его выносятъ его доля, и онъ женится на дочери своего гонителя, что и было ему суждено ⁴⁾. Не даромъ женихъ и невѣста

¹⁾ Сл. Анастасъевъ, I. с. III, 339—340.

²⁾ Полѣтъ; I. с. II, 222—3; сл. также рассказъ изъ Razov'a, *Carmine Graeciae recentioris* 620.

³⁾ См. мою статью: Андрей Критскій и сказаніе объ апостолѣ Андрѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXXXIX, Іюль, стр. 261 слѣд. Къ литературѣ легенды сл. Seelisch, *Die Gregoriuslegende* въ *Zs. f. deutsche Philologie* XIX, p. 336 слѣд.; *Archivio delle trad. popolari* V, 96—6 (св. Сильвестръ-кромескѣ-ситель въ сказаніи изъ Абруццъ).

⁴⁾ Сл. *Mon Dit de l'empereur Constant* въ *Romania* № 22 и *Melkia Zamѣтки* къ былинкамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССLXIII, отд. 2, стр. 41 слѣд.;

называются *сужеными*. Кому на комъ жениться — это дѣло судьбы:

N'jesam ovdje sama došla
Već po putu i sugjenju,

говорится въ сербской пѣснѣ; а болгарская поетъ:

Koja ti e *sudjenica*
Samà će ti u dvorū dojde.

Сл. малорусскія:

Хотай-же вінъ заручений, якъ говорятъ люде,
А коли вінъ *сужений*, то вінъ моимъ буде.

Не разлучить ні батько, ні мати,
Ні чужая чужина,
Коли *судилася* дружина ¹⁾.

«Сужена-ряжена не объѣдешъ въ кузовѣ», «сужена-ряжена не обойдешъ и на конѣ не объѣдешъ», говорятъ пословицы; въ сѣверно-русскихъ причесаніяхъ «судимой сторонешкой» зовется сторона, домъ мужа, куда направляется молодая; бракъ и смерть объединяются у насъ понятіемъ *суда* Божьяго ²⁾; греческая поговорка присоединяетъ къ нимъ и рожденье: это *та триа кака тѣс мѣтраз* ³⁾. И какъ при рожденіи ребенка ставили трапезу роженицамъ-судницамъ, такъ дѣвичьи пиры съ гаданьемъ о суженомъ, въ сущности, тѣ-же трапезы *мѣтрамъ*-судницамъ, подательницамъ брачной доли. У насъ извѣстенъ такой дѣвичій праздникъ 1-го Ноября, въ день Кузьмы и Демьяна ⁴⁾, кующихъ эту долю;

Владимировъ, Къ изслѣдованію о Великомъ Зеркалѣ, стр. 48 слѣд.; Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ этнограф. музеѣ, вып. II, стр. 181—4; Clouston, Popular tales and fictions II, 458 слѣд.; Романовъ, Вѣдор. сборникъ I, вып. 3, № 81.

¹⁾ Краусъ, I. с. 124, 125; Сл. Valjaves, O rodjenicah i sudjenicah, p. 58; Потебня, I. с. 199.

²⁾ Аванасьева, I. с. III, 372, 373.

³⁾ Політъс I. с. II, 235.

⁴⁾ Терещенко, Бытъ русск. нар. VI. 62.

то-же совершается въ день св. Екатерины (25-го Ноября) въ Греціи и на Руси: у насъ дѣвушки варятъ кашу изъ пшена и мака, приговаривая: «Доля, ходи до мене вечеряти»¹⁾; на островѣ Милосѣ²⁾, въ праздникъ той-же святой, онѣ пекутъ пироги (πλακοῦντα) изъ муки и соли, занятой у трехъ женщинъ, состоящихъ въ первомъ бракѣ, и ѣдя его, взываютъ къ св. Катеринѣ — в μοῖραι'мъ, пребывающимъ у источника, обложеннаго мраморомъ и золотомъ, гдѣ онѣ купаются, перевивая волосы серебрянымъ шнуромъ: пусть пошлютъ имъ счастливую долю:

Ἄγια μου Καταρίνα μου,
 Ντατόρου θυγατέρα,
 ἄμα 'ς τὴν ἀρουλα 'ς τὴν κάρουλα
 'ς τὴ μαρμαροχρυσοπηγή,
 ποῦναι ἡ Μοίραις τῶν Μοιρῶν
 καὶ λούγονται καὶ νίβγονται
 καὶ ἀσημοκορδορίζονται
 καὶ ἄν'κι' ἐμένη ἡ δίκη μου
 καὶ ἄν' εἶναι ἄξια καὶ καλὴ
 'πὲς τῆς κα' ἀρχῆν νὰ μ' εὐρῆ.

Пѣсенную иллюстрацію къ представлению брака, какъ Божія суда, предлагаетъ извѣстная побывальщина о Святогорѣ (Рыба. I, стр. 39—41 прим.; III стр. 3 слѣд.). И не только по отношенію къ браку, но и къ смерти, какъ суду. Ему суждено жениться на дѣвушкѣ, тридцать лѣтъ лежавшей во гноищѣ; если вѣрно мое толкованіе побывальщины о немъ и его женѣ³⁾, къ этому пророчеству присоединилось и другое: жена будетъ ему невѣрна. Онъ дѣлаетъ всё, чтобъ отвратить исполненіе этого вѣщанія, но безуспѣшно: онъ женится на суженой и не минуетъ ни ея измѣны, ни смерти, написанной ему на роду. вмѣстѣ съ Ильей онъ наѣзжаетъ въ сѣверныхъ горахъ на великій гробъ:

¹⁾ Чубинскій, III, 257.

²⁾ Πολίτης II, 226—9.

³⁾ См. мой отчетъ о книгѣ Жданова, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXXXI, Февраль, стр. 372 слѣд.

На томъ гробу виднѣсь подписана:
«Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ него и ляжетъ».

Ложится сначала Илья, но гробъ слишкомъ великъ для него; онъ пришелся по Святогору: «видно *судьбина* поискала меня», говоритъ онъ.

Фаталистическая сказка о женитьбѣ Святогора стоитъ не одиноко. Такъ въ Болгаріи рассказываютъ: однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь, когда всѣ уснули—только не спалъ проезжій—явились урисицы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая, что она будетъ терпѣть бѣдность; третья, что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсяца выздоровѣетъ; наконецъ, четвертая сказала, что она выйдеть замужъ за этого самого путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Въ досадѣ онъ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удался. По утру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же самый путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, привскалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ спросилъ ея и узналъ, что судьбы своей не минуешь ¹⁾).

Сличите сходный рассказъ, записанный въ пермской губерніи: искалъ одинъ человекъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: Чего ты ищешь? — Невѣсту.— Взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и указалъ на горбатую нишнюю: Вотъ, говоритъ, твоя судьба; не обойдешь, не объѣдешь. Постои-же, думаетъ мужикъ, я засѣку нишнюю. Нишша эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ онъ ночью пріѣхалъ туда, выкликалъ горбунью, хватилъ ея тесакомъ, а самъ ушелъ скоро. Думаетъ дорогой: Засѣкъ теперь нишшу, вотъ и судьба моя!

¹⁾ Аванасьевъ, II. В. III, 844.

Однако горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, спросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить ¹⁾).

На Литвѣ разсказывается слѣдующее: какой-то графъ принужденъ былъ переночевать въ харчевнѣ, гдѣ въ тотъ день у хозяйна родилась дочка. Ночью пришли три лаумы. Одна говоритъ, нарекая судьбу новорожденной: Тебѣ пробьютъ голову, и въ томъ самомъ мѣстѣ никогда не будутъ расти волосы; другая: Ты десять лѣтъ будешь болѣть, затѣмъ выздоровѣешь и станешь красавицей; третья: Ты бѣдна, но станешь богатой, ибо на тебѣ женится тотъ графъ. Графъ ударилъ ее молотомъ по головѣ и оставилъ за мертво. По прошествіи 15 лѣтъ онъ женился на ней и призналъ свою суженую по впадинѣ на головѣ ²⁾). Въ латышскомъ варьянтѣ ³⁾ та же тема разработана нѣсколько иначе, и вмѣсто трехъ лаумъ является одна лайма, богиня счастья, судьбы, отождествляемая съ Богородицей (какъ и наша рожаница. Сл. выше стр. 179 и прим.). Тоже содержаніе въ греческой сказкѣ ⁴⁾ о купцѣ, подслушавшемъ на ночлегѣ, какъ три мойры судили только что родившейся дѣвочкѣ — быть ей женою пріѣзжаго. Онъ выбрасываетъ ее за окно, гдѣ она попадаетъ на колъ, но залечена и становится женою купца, узнающаго въ ней свою суженую по ранѣ на боку.

Ближе къ нашей побывальщинѣ слѣдующее сказаніе закавказскихъ татаръ ⁵⁾. Заблудившись въ лѣсу на охотѣ, царевичъ

¹⁾ Персикій Сборникъ, кн. II, отд. 2, стр. 166; сл. Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 148.

²⁾ Veskenstedt, l. c. II, 94—5.

³⁾ Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ этнограф. музей, вып. II, стр. 9.

⁴⁾ V. Schmidt, Griech. Märchen, Sagen u. Volkslieder, № 2, стр. 67—8.

⁵⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія кавказскаго учебнаго округа, вып. 6-й (1888), отд. 4-й: Захаровъ, Народныя сказки закавказскихъ татаръ, № 2.

набрелъ въ лѣсу на маленькій домикъ, гдѣ какой-то старикъ одной рукой перебиралъ длинныя черныя четки, другою-же перелистывалъ лежавшую передъ нимъ большую книгу, въ которую по временамъ что-то записывалъ тростниковымъ перомъ. Старикъ пріютилъ царевича, но долго не соглашался удовлетворить его любопытству: чтѣ это онъ дѣлаетъ съ книгой? Оказалось, что онъ записываетъ въ нее судьбу людей, кому что ею опредѣлено; царевичу она предназначаетъ жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлечимой болѣзью и въ настоящее время лежитъ больная въ хижинѣ своего отца. Царевичъ не повѣрилъ глупому предсказанію и, повернувшись спиною къ старику, стремительно вышелъ отъ него. Цѣлый день пробродилъ онъ въ лѣсу; къ вечеру тропинка вывела его на поле, и онъ поѣхалъ по направленію свѣтившагося вдали огонька. Передъ ветхой хижинной сидѣлъ на землѣ какой-то оборванецъ и чинилъ лапти; онъ оказался пастухомъ и предлагаетъ царевичу переночевать у него, если онъ не побрезгаетъ хижинной, гдѣ спитъ его больная дочь: она страдаетъ неизлечимой болѣзью и вѣчно лежитъ не двигаясь. Царевичу тотчасъ-же представилось, что это и есть его суженая; ночью онъ подошелъ къ дѣвушкѣ, со всей силой ударилъ её книжаломъ, положилъ у трупа мѣшокъ съ червонцами и, выйдя изъ хижины, скрылся въ темнотѣ. Дѣвушка страдала водянкой; животъ ея былъ вздутъ такъ, что она не могла ни встать, ни сѣсть, ни ходить; ударъ книжала прорѣзалъ ей животъ, откуда вытекла вода, смѣшанная съ кровью, и дѣвушка выздоровѣла. На деньги, оставленные царевичемъ, она переселилась съ родителями въ городъ и стала красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ её, стоящую на крыльцѣ дома, прекрасную и молодую, точно говорившую солнцу: Ты не выходи, я уже вышла ¹⁾. Онъ влюбился въ нее и проситъ у отца согласія на бракъ: не то онъ бросится съ высокой горы. Свадьба сыграна; однажды молодая

¹⁾ Объ относящихся сюда кругъ метафоръ см. мон Разысканія VIII, 297—299.

съ матерью и сестрами мужа пошла въ баню; онѣ замѣтили на животѣ своей невѣстки глубокой шрамъ и сказали о томъ царевичу. Онъ разспросилъ жену и, узнавъ въ ней дочь пастуха, воскликнулъ: Правда, что все то, что написано въ книгѣ судьбъ, должно исполниться и ни одинъ человекъ не уйдетъ отъ своей судьбы:

Иначе разработанъ этотъ мотивъ въ слѣдующей сванетской сказкѣ ¹⁾: ѣдетъ однажды молодой князь по селу, видитъ, что подъ навѣсомъ сакли сидитъ дѣвушка, худая, блѣдная, въ поношенномъ платьѣ, и прядетъ шерсть; съ малолѣтства ноги отказываются служить ей. Между тѣмъ князю сердце подсказываетъ: Вотъ твоя судьба, возьми ее въ домъ! Онъ дѣлаетъ предложеніе дѣвушкѣ; надо было долго убѣждать ее и ея недоумѣвавшую мать въ серьезности его намѣреній. За ужиномъ на свадьбѣ взглядъ князя неразъ встрѣчался съ взглядами оскорбленныхъ его выборомъ красавицъ сосѣдокъ, точно говорившихъ ему: И какъ-же это ты, молодецъ, промѣнялъ насъ на эту калѣку! Задумался князь, взяло его раскаяніе; когда молодыхъ отправили въ брачную комнату, онъ, подъ предлогомъ посмотреть гостей, вышелъ изъ спальни и пустился вскачь въ непроглядную даль. Уже второй день мчался онъ по лѣсу; наконецъ, выбившись изъ силъ, легъ подъ деревомъ и заснулъ. И вотъ онъ видитъ сонъ: стоитъ онъ въ сумеркахъ на террасѣ своего дома; вдругъ сильнее небо освѣтилось какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ, облака спустились къ горамъ и сравняли ихъ вершины, образовавъ на нихъ розовую, волнообразную поверхность. Какая-то сила перенесла его туда; видитъ онъ свѣсившіяся съ неба вѣсы и ангеловъ въ блестящихъ бѣлыхъ одеждахъ; по сторонамъ стоятъ группами дѣвушки и парни, всѣ въ праздничныхъ платьяхъ. Раздается тихое пѣніе, ангелы подводятъ къ вѣсамъ дѣвушекъ и молодыхъ людей и сажаютъ ихъ на чашки. Одинъ изъ ангеловъ слѣдитъ за стрѣлкой коромысла вѣсовъ: перетянетъ чашка

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2, стр. 98—5.

парня—сидящая на другой чашкѣ дѣвушка замѣняется другою; придуть вѣсы въ равновѣсіе, ангелы соединяють руки суженыхъ и отправляютъ на землю. Дошла очередь до князя; вдругъ рядомъ съ нимъ, на другой чашкѣ вѣсовъ, какъ изъ земли выросла его безногая жена. Коромысло стало горизонтально, вѣсы пришли въ равновѣсіе — и онъ проснулся. Перекрестился князь, дивясь этому видѣнію, бодро вскопчилъ на своего коня и примчался домой. И зажили молодые супруги счастливо, до глубокой старости.

Представленіе *съсозъ*, уравнивающихъ доли ангелы, стоящіе при нихъ — принадлежатъ, быть можетъ, уже христіанскому міросозерцанію; *книга судьбы* въ татарской легендѣ также относитъ насъ къ иному кругу фаталистическихъ образовъ, которые мы рассмотримъ далѣе. Въ нашей побывальщинѣ вмѣсто того является образъ кузнеца, кующаго три тонкихъ волоса и отвѣчающаго на вопросъ богатыря, что онъ куетъ «судьбину, кому на комъ жениться». Такъ куютъ, въ русскомъ повѣрьи, брачную долю свв. Кузьма и Демьянъ:

А святые Кузьма и Демьянъ,
 Стуй намъ свадьбку!
 Солучи, Вожа, гѣтыхъ дѣтокъ:
 Одоваго роженаго, другаго суженаго

(Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 297). Къ тому же представленію относятся и южнославянскія выраженія:

Kome bog nije dao zgreše kovač tu je ne škova.

Zlatu će se kujundžija naći,
 a meni će moj sudjenik doći ¹⁾.

Дѣло идетъ не о какомъ либо своеобразномъ пониманіи судьбы ковачемъ, а о поэтической разработкѣ бытоваго мотива, присущаго древнему понятію рожаницы. Я исхожу при этомъ изъ

¹⁾ Krauss, стр. 188, 125.

двойственного представлѣнія сѣверной *fulgja*'и: прирожденной судьбы — и родильной сорочки, естественной *связи*, какъ-бы видимо передававшей человѣку родовое наслѣдіе доли. Рядомъ съ переходомъ рожаницы къ болѣе общему значенію дѣвы судьбы, судицы, совершалось, независимо отъ этого процесса, обобщеніе соотвѣтствующаго вещественнаго символа: идея *связи* осталась, но она дается, *навязывается* на счастье, не унаслѣдуется. Въ *шаночкѣ* Фортуната, одареннаго Фортуной — счастливой долей, въ шапочкѣ Сельды (*der Saelden huot*) ¹⁾ отразилось, въ новомъ освѣщеніи, старое вѣрованіе въ родильную сорочку, *Glückshaube*, *pileus naturalis*, приносящіе счастье. Выше (стр. 185—6) мы отмѣтили такое-же значеніе *наузовъ*, *Angebinde*, *ligatura* ²⁾, навязываемыхъ на ребенка на счастье бабами-чародѣйками, заступившими мѣсто рожаницъ-судицъ. Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ рассказываетъ о Всеславѣ: «матери бо родивши его, бѣ ему на главѣ знамя язвѣно, яма на главѣ его; рекоша волсви матери его: се язвено, навязи на-нь, да носить е (наузу) до живота своего на себѣ». Извѣстны обличенія Святославова сборника противъ тѣхъ, кто призываетъ чародѣевъ и налагаетъ «облишняя писанія на выя дѣтмъ»; сл. въ Иловицкой Кормчей: «ω наузѣхъ рекше оузѣхъ» (περὶ... τεράτων), «оузѣ» (τὰ λεγόμενα φυλακτήρια) ³⁾; по свидѣтельству Слова о злыхъ дусѣхъ, приписаннаго Св. Кириллу, такимъ накладываніемъ наузовъ занимались бабы чародѣицы; царская окружная грамота 1648-го года не велитъ призывать ихъ къ малымъ дѣтямъ, какъ и въ Болгаріи осуждались жены «кон завезуютъ зверове... и деца малечка».

Простѣйшимъ выраженіемъ идеи родовой *связи-доли* былъ образъ *нити*, сербск. жица: счастье, срѣча навязывается, какъ нить:

¹⁾ Grimm, D. Myth. 828.

²⁾ Сл. I. с., 1125—1127; Аванасьевъ, I. с. въ указателѣ а. в. науки и III, стр. 358; Mannhardt, I. с. 674 слѣд.; Брѣхта у Пахомія Русана.

³⁾ Jagić, Opisi II, стр. 180.

Одвила се златна жица од ведра неба,
Савила се приврѣнцу око клубука;
То не была златна жица од ведра неба,
Већ то была добра срећа од мила Бога

(Караџић, Срп. пјес. I, 38, 54, 57, 58). Иначе:

Извила се златна жица врхом из мора,
Савила се ђеверима око молитве ¹⁾.

Интересенъ варьянтъ одной сербской свадебной здравицы, гдѣ золотая нить спускается «изъ *рожанства лука*», что, можетъ быть, стоить въ связи съ представленіемъ древнихъ рожаницъ ²⁾, если, впрочемъ, мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ — испорченнымъ варьянтомъ. Въ одной сербской пѣснѣ вила

Uze strèle u rožana luka

и убила Милоша ³⁾.

Въ нѣмецкихъ дѣтскихъ пѣсенкахъ *золотая лента*, либо *Windelband, Stidelband* приносится—изъ *Engelland, Heenland* ⁴⁾. Словено-хорватскія повѣрья (*Valjaves*, I. c., стр. 56, 57) знаютъ видъ въ роли роженицъ или сужденицъ, нарицающихъ судьбу дѣвочкѣ, спускающихся съ неба, чтобы научить людей своей вѣщей мудрости. И здѣсь знаменательно знакомое намъ представленіе—нити: въ каждую пятницу передъ новымъ мѣсяцемъ «*Vila s neba doleti, da uči ženske kako trēba lēčiti i ljudem hasniti. Ove žene moraju poći s raspletenimi vlasi u zeleni lug, ondē se dvē od njih zajedno s Vilom uzapnu na kojegodar staro drvo, te slušajuci Vilu moraju predivo jesti, da si bole zapamte, šta ih Vila uči; kad se nauće, postānu vilenice. Ove dvē ženske na drvu,*

¹⁾ Караџић, Рјечи. а. в. молитва.

²⁾ Сл. Потебня, «О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзій, стр. 121, 122.

³⁾ Kukuljević-Sakcinsky, *Vila*, въ *Arkiv za povestnicu jugoslovensku* I, стр. 92.

⁴⁾ Mannhardt, I. c., 681, 688.

као и sve ostale stušateljice izpod drva, stoje u savezu kroz jednu nit od prediva, koju u ruci drže, pa dok Vila govori, moradu zajedno presti, ili kak puk veli, trgati predivo ¹⁾.

Образъ нити — связи повелъ далѣ къ естественному обобщенію нити, *пращи*: дѣвы судьбы, парки и норны, феи, лаумы, валькирии, *моѳри* явились прядущими — нити жизни ²⁾; напомнимъ лишь грандіозный образъ, открывающій Helgakviða'у Hundingsbana'у I (Сл. Völunþarkv. 1: *ðrlög drýgja — dýrt lín spunnu*); сѣверныя выраженія; *ðrlög-símu*, *ðrlög-raettir*; Beowulf 698: *vígsræða geviöfu*: нити, ткань судьбы, какъ и сербы говорятъ: *Nezreća (Nevolja) tanko prede*; тако ми Срећа напредовала.

Въ бракѣ нити судьбы *связывались*; отсюда символъ связи, перевязыванія платкомъ, ручникомъ въ обиходѣ малорусской свадьбы; одна свадебная пѣсня поетъ о дѣвушкѣ,

Що зв'язали нзъ Ивасемъ біли руки ³⁾.

Въ одной малорусской сказкѣ, которую мы приведемъ далѣ, такимъ образомъ сплетаются два лыка; сл. *sozs* отъ $\sqrt{\text{svag}}$ — связывать: судьба, какъ навязанное, *sozsozs* — связанный съ другимъ, супругъ. Сл. латышскую пѣсенку у Вольтера (I. с. 131):

Декла пути овязивала
Сидя у подгорья;
Прививала хорошую матушкину дѣвцу
Въ отцовскому снгу шалонаю.

Но возможенъ былъ и другой образъ: двѣ жизненныя нити — волоса *скобываются*, свариваются нераздѣльно. Оттуда образъ ковача — и имя Кузьмы по созвучію съ кузней. Въ *побывальщинѣ* о Святогорѣ три волоса замѣнили, очевидно, болѣе древнее и естественное представленіе: первоначально ихъ было два.

¹⁾ Kukuljević-Sakcinskiy, I. с. 89—90.

²⁾ Сл. Аванасьева, II. В., III, 328—330, 344, 346—348, 350—1, 353—4, 411; Срезневскій, Романицы, I. с., 118—119; Veckenstedt, I. с., II, 97 слѣд.

³⁾ Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго, I. с., стр. 55.

II.

Новымъ моментомъ въ развитіи идеи судьбы явился мотивъ, устранившій представленіе унаслѣдованности и неотмѣняемости: моментъ случая, неожиданности, счастья или недоли, навѣянныхъ со стороны, ни вѣсть откуда. Вдова сѣверно-русскихъ заплачекъ благодарить «отцевъ-поповъ духовныхъ», что они пришли къ ней:

Кручинушки моей не убоился,
Обидушки моей не утрашился;
Кручина отъ меня да не отшатнется,
Обидушка къ вамъ да не привяжется ¹⁾.

Къ ней она привязалась:

Съ окіянь-моря напастъ-ли, моря синяго,
Аль съ холодной съ подсѣверной сторонушки,
Аль съ темныхъ гѣсовъ негодущка дремучихъ ²⁾.

Можетъ быть, сосѣди позавидовали ея счастью,

Черны вороны таланъ, знатъ, приограли,
Видно, участь ту собаки приоблали ³⁾.

Сл. старонѣмецкія представленія: «Unheil mir über den weschreit gelich einem hunde»; «wen nâch gelücke grôß unheil anbellet» ⁴⁾. Я не останавливаюсь пока на этихъ образахъ, напоминающихъ животныя метаморфозы фильги и вѣрованія въ встрѣчу (Thiergang) ⁵⁾, полазъ и грай, augurium ⁶⁾. Меня интересуетъ здѣсь развитіе понятія: идея случая, участи, имъ неожиданно созданной, шла въ разрѣзъ съ строгой причинностью унаслѣдо-

¹⁾ Барсовъ, I. с., I, стр. 110.

²⁾ Ib. стр. 209—10.

³⁾ Ib. стр. 7; см. стр. 177.

⁴⁾ Grimm, D. Myth. 882.

⁵⁾ I. с. 1072 слѣд.

⁶⁾ Оттуда bonheur, malheur. Крауса, I. с., стр. 186 объясняетъ: bonne heure, male heure!

ванной, нареченной доли, не устраняя ее, но соединяясь съ нею своеобразно и выходя такимъ образомъ къ болѣе широкому обобщенію понятія. Русскія и южнославянскія повѣрья представляютъ въ этомъ отношеніи любопытное разнорѣчіе: понятіе случайности, навѣянности явилось, какъ видно, и у насъ, но торжествующимъ осталось названіе древней *доли* = *μῶρα, εἰμαρμένη*, съ тою разницею, что она стала теперь отрицательной; отъ нея можно уйти, уберечься: идея, немислимая на точкѣ зрѣнія прирожденности, сужденности и, очевидно, развивавшаяся въ связи съ моментомъ случая. У сербовъ подборъ былъ обратный: преобладаетъ, для представленія судьбы, выраженіе случайности; *срећа*, собственно, встрѣча, т. е. то, что встрѣтилось, набѣжало ненарокомъ; она и обобщается въ понятіе судьбы, счастья (*Срећа*) или недоли (*Несрећа*), какъ и сербск. *намјера*, *намер*: на что человѣкъ набрелъ, наткнулся, *случай* = евр. *miqreh*, лат. *eventus*, фр. *aventure* (= *adventura*): то что *придетъ*, случится; итал. *ventura*: *случай* и *счастье*, *срећа*, въ противоположности къ *sventura* = *несрећа*; лат. *fortis*, *fortuna* (*√ bhag*: нести, приносить), *συμφορὰ* — собственно, *случай*, наносная доля, въ противоположности къ *вогс* (судьба привязанная отъ рожденія) и *fatum*. Сл. противопоставленіе *fortuna* и *fatum* у Марс. Сар. 2, 89 и Исидора (Roscher, I. c., a. v. *fatum*) и въ Иловицкой Кормчей: «ниже въ *полоучай* вѣроут' и въ родословіѣ рекше въ *рожданици*» = *καὶ εἰμαρμένην καὶ γενεαλογίας*; у митрополита Данила: *случай, полученіе* (получай) и рожденіе; - въ Домостроѣ: «въ *получая* вѣрують и въ *родословіе*, рекше въ *рожаницы*» (Аван., II. В. III, 323). *Рожденница* = прирожденная судьба, *полоучай* (случай), очевидно, срѣча ¹⁾.

Какъ случайное, навѣянное, *Срећа* отрицательна, но такъ какъ понятіе судьбы и здѣсь прошло черезъ стадіи прирожденности,

¹⁾ Jagić, *Opini i izvodi* II, стр. 189; сл. Кормчую 1284 г., Лѣт. зан. археогр. ком. 1861, I, 29—и въ 7-мъ Словѣ Григорія Богослова (XIII Словъ Григорія Богослова, изд. Будиловичемъ, стр. 196, столб. 1) переводъ изъ Еврипидова Ореста: *μὴ ἀναβίβω τὰς τύχας* = не кори прилучая.

нареченности, Срећа отразила въ себѣ частями и эти, болѣе древнія представленія. Доля и Срећа являются, такимъ образомъ, понятіями смѣшанными, только что смѣшеніе стараго и новаго въ нихъ не равномѣрно, на что указываетъ и разница обозначенія.

Старослав. сѣрашта, сербск. срећа, хорв. sretja, zrića, словен. zreća, хорут. zrenča (мадьяр. szeregcse, рум. strînște и streaste; отсюда малор. serencse) означаетъ собственно встрѣчу, *occurus, ἀπάντημα, συνάντημα* (сл. како ми сряща быть = *πόθεν ἔρα μοι συνήντησεν*)¹⁾. Слѣды такого конкретнаго пониманія, удержавшагося при понятіи Срећа'и—судьбы, не принадлежать исключительно поэтическо-этимологической игрѣ созвучіями. Сл. слѣдующіе примѣры:

ja urani gano u nedjelu
ne bi li me kaja sreća sreća,
kaja sreća jelen ja košuta.
Ne srete me jelen ni košuta,
već me srete lijepa djevojka.

—
dobra ga je sreća susritnula.

—
sretni tvoji puti bili
i u putu dobra sreća.

Сл. малорус. Бодай ты, сыну, три недолі споткамо.

Встрѣча, случай предполагаетъ нѣчто неожиданное, неопредѣленное по своему исходу, *aventure*; можетъ быть, грозящее опасностью: «заложити своѣ главѣ на сращюу» въ Троянской притчѣ — то-же, что *se mettre en aventure*; сл. въ славянской вставкѣ въ 10-мъ Словѣ Григорія Богослова: «овѣ сръѣтениа сжмьнитъса» (Будиловичъ, 1. с., стр. 243, столб. 2). Но встрѣчи бывають счастливыя или нѣтъ: «сръѣще глаголюще ови зли, ови добры»²⁾; «злоу, доброу срящюу имать», «лиха стрѣча»³⁾, что

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки № LXXXVII (Житіе Андрея Юродиваго), стр. 176.

²⁾ Miclosich, Lexicon a. v. сѣрашта (изъ Номоканона XVI в.).

³⁾ 1. с.: Miscell. Шафарика XIV в.; Сборн. XV в.

готовить насъ къ олицетворенію Сречи; сл. сѣраща, сраща = *συμφωρά, salamitas* ¹⁾. Та или другая встрѣча, случай, примѣта можетъ быть истолкована къ лиху или добру; на этомъ основано старое вѣрованіе и особые приемы гаданія: Константинъ Багрянородный (De Ser. 467, 9) говоритъ о *βιβλίον συναντηματικόν* = встрѣчникъ, собраніи примѣтъ и «встрѣчь», по которымъ судили о военныхъ удачахъ или неудачахъ; сл. въ индексахъ: «путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ коби всякія еретическія; слѣща стрѣтитъ» ²⁾. Церковь отличала относящіяся сюда суевѣрія: «на срѣщю смотрите», «сращомъ вѣрують», «въ стрѣчю вѣровати» ³⁾; «струбами, гоусльми, скоморохи, пласаннемъ, лжани, сращани, волхвованнемъ» ⁴⁾; «оузыльникъ, смываки члѣкы, въ птиць грай вѣроук, и баснемъ сказатель, скривани въ срѣтени вѣрдъ лица или ногоу или птице или гады забавакъ» = *ερακαδαίρων, ωνιστής, συμβολοδείκτης, παλμών έρμηνης, φυλαττόμενος έν συναντήσει λώβας εφεως ή όρνίδων ή γαλών ή έπιφωνήσεων ή παραχροαμάτων* ⁵⁾; «срѣщю створиши отъ птиць» ⁶⁾; «вѣрують въ стрѣчю, въ чехъ, въ полазъ и въ птичьи грай» (Слово о небесныхъ силахъ, сл. Пам. рос. словесности XII вѣка, стр. 95); «ни

¹⁾ Сл. Востоковъ, Словаря, а. в. сѣрашта (Златоструй XII и XVI вв.).

²⁾ Тихонравовъ, Пам. отр. русск. яз. I, стр. IX, № 92; Срепковъ, Ист. српск. народа I, стр. 459 прим. (изъ сборн. пештской патриархіи). Сл. Слова стго ѡба вѣго Кирила ѡ злыъ ѡ невѣримъ члѣбехъ, Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. XLII, стр. 14: во п'тицы вѣрують, в дачѣи в' жалны и в' вороны I в' сѣищу; коли г'дѣ хочеть поити, которыя прѣдутъ и попають наъ, то мы послушаемъ птичъ тѣхъ, доброю или лиха; аще поиграють по ишеи мысли, то мы себѣ гѣиъ и рекше гѣиоще: добро ли наъ п'тицы се говорить. О члѣби ѡкаан'ниды! не Вѣгъ ли наъ п'тицы сѣ указа? п'тиць ѣси пытаешъ, гдѣ хочешъ поити; что сътворитса, то мы начнемъ дружити своеи повѣдати: поч'то мы не воротимъ? не беъ г'дѣ наъ п'тахи не велѣли поити, а мы не послушахомъ.... Аще г'дѣ ни поити, то они вѣрують в с'трѣчю и в чохъ, а наъ же г'дѣ поити на доггыи пуг, то мы слушаемъ стыхъ кнѣи во стыхъ прѣквахъ во все дни» и т. д.

³⁾ Miclosich, l. c. a. v.; Срезневскій, Свѣдѣнія и Забѣтки LVI, стр. 312 (Дубенскій Сборникъ).

⁴⁾ Востоковъ, Miclosich l. c. (Измарагдъ 1509 г.).

⁵⁾ Jagić, Opisi i izvodi II, стр. 183 (Коричная 1943 г.).

⁶⁾ Miclosich, l. c. a. v.

в стрѣчу ни в полазъ ни въ чех вѣровати»¹⁾; «вѣровати... въ устрицю» (вар. въ стрячу), ... птици чарове (вар. въ птичь граи)²⁾; «се бо не погански ли живемъ аще усрѣсти вѣрующе»³⁾.

Это даетъ особое значеніе привѣтствію, съ которымъ у западныхъ болгаръ, въ Черногоріи и Далмаціи обращаются къ путнику: *Dobra zveća!* Едва-ли это означаетъ, какъ думаетъ Краусъ, добрую встрѣчу въ обычномъ значеніи слова; мы сказали-бы счастливая — въ связи съ старымъ вѣрованіемъ въ сречу = *ventuga*. Её не только «встрѣчаютъ», но она является и дѣйствующимъ лицомъ; здѣсь мы вступаемъ на почву современныхъ южнославянскихъ вѣрованій и олицетворенія: Среча слѣпшитъ, бросается на помощь герою, на встрѣчу его врагу; худая, жалкая, черная встрѣча-доля, ведущая къ обобщенію *Nesreћа*'и, какъ недоли.

Rusa žarka živi oganj daje
al Ivanu sreća priskočila
pa mu ništa naudila nije.

Tadara je turoima loša zveća priskočila *).

Отиѣтнмъ выраженія: Среча *namla* на дѣвушку, явилась къ ней во время (*zadobila*), либо красавица *dostalac* кому-нибудь «и згеці» (*dopala*); Среча *приноситъ* ребенку въ колыбели хорошіе сны; *namjera* је старца *namjela*, или *namjer ga i zveća nap'jela*; среѣнице се наносили⁴⁾. Пожеланія, чтобы Среча или Несреча вѣкъ была съ тѣмъ или другимъ и т. п., не даютъ повода заключить вмѣстѣ съ Краусомъ⁵⁾, что Среча явилась съ значеніемъ духа-хранителя, *Tutela*, *прирожденнаго* человѣку,

¹⁾ Востоковъ, I. с. а. в. полазъ (Измарагдъ 1509 г.).

²⁾ Тихомировъ, Лѣтописи IV, 106.

³⁾ Лаврент. Л², 165—6.

⁴⁾ Краусъ, I. с., р. 41, 47, 49—50, 73, 75; сл. 74 слѣд. и Потемия I. с. 158.

⁵⁾ Краусъ, *ib.* 55, 54, 57, 63, 45, 46; Потемия, 160.

⁶⁾ I. с., стр. 62. Сл. сопоставленія у Валавца, O Sudjenicah p. 61.

хотя такое пониманіе доли должно было войти, неяркою, впрочемъ, чертою, и въ ея образъ, какъ напр. въ сербской пѣснѣ, гдѣ вилы говорятъ юнаку о его народившейся «Сречѣ»:

Ovamo vtrgasaј, јunaсе;
tvoja не zгiса rodila,
supоbном zгакom povila,
misecom sјajnim goјila ¹⁾.

Въ уровень съ пониманіемъ Среѣи, какъ случая, навѣянной, со стороны пришедшей доли, стоятъ преданія о томъ, что отъ нея можно отдѣлаться, освободиться. Русскія сказки о Долѣ и аналогическія нѣмецкія отвѣчаютъ тому же пониманію случайной, не прирожденной судьбы. Одному новорожденному рожденицы предсказали, что когда ему наступитъ одиннадцатый годъ, онъ повѣсится. Родители наставили его при каждомъ дѣлѣ приговаривать: Во имя Божіе! Когда его часъ наступилъ, онъ пошелъ въ лѣсъ, идетъ и говоритъ: Пойду, повѣшусь во имя Божіе! Три раза онъ пытался повѣситься, приговаривая тѣ-же слова, и всякій разъ обрывалась веревка. Такъ прошелъ «сужденный» часъ, и мальчикъ остался въ живыхъ ²⁾. Въ латышской сказкѣ ³⁾ Лайма предсказала царевичу смерть отъ Регконтса; въ предупрежденіе этого царь велѣлъ построить желѣзный склепъ. Когда насталъ роковой день, разразилась гроза, но царевичъ, не смотря на просьбу отца, пошелъ не въ склепъ, а на гору. Склепъ разбило, а юношу Регконтс пощадилъ за то, что онъ не пытался отъ него скрыться. Въ Сербіи рассказываетъ объ одномъ царѣ, которому суждено было внезапно умереть въ пору высшаго его величія. Такъ объявилъ царю какой-то нищій; одна изъ сужденницъ сказала, что если найдется человѣкъ, который уступитъ царю пятнадцать лѣтъ изъ своей жизни, царь процарствуетъ еще столько же лѣтъ. Объ этомъ объявили по всей

¹⁾ Krauss, l. c., стр. 58.

²⁾ Valjavec, O Sudjenicah, стр. 56.

³⁾ Revue de traditions populaires, III, стр. 118: Henri Zinckem-Wissendorf, Légendes mythologiques lettonnes, № XII.

странѣ, обѣщая богатую награду тому, кто бы рѣшился пожертвовать частью своей жизни. Долгое время никто не отзывался, пока не явился какой-то солдатъ, движимый любовью къ своей матери, жившей въ нищетѣ ¹⁾. По другой версиі точно также продолжена была жизнь мужа его женой, согласившейся умереть вмѣсто него ²⁾. Интересна греческая сказка о *μοῖρα*'ѣ, измѣнившей жалкую долю дѣвушки въ счастливую: одна старуха велитъ бездольной пойти къ темной, отвѣсной скалѣ и попросить свою мойру, чтобы она нарекла ей на ново ея участь (*ρίζκόν*); пусть возьметъ съ собой неквашенный хлѣбецъ и скажетъ: Мойра моя, нареки мнѣ, я принесла тебѣ вкусное кушанье. Тогда явится черная старуха и спроситъ: чего ей надобно. Узнавъ, за чѣмъ она пришла, она удалится, и явится *μοῖρα*; она велитъ тебѣ подойти, но ты закляни её, чтобы она тебя не пожрала, и поднеси ей хлѣбецъ. Какъ поѣсть, смилуется и исправитъ твою долю. Только не клади соли въ хлѣбецъ, иначе *μοῖρα* ослѣпнетъ, не будетъ въ состояніи ходить по горамъ и свалится: тогда либо ты умрешь, или тебя постигнутъ разныя несчастія. Дѣвушка сдѣлала, какъ ей было заказано — и нашла новую долю: вышла за богатаго, только осталась бездѣтной, ибо *μοῖρα* не дѣлаетъ человека окончательно счастливымъ ³⁾. Въ другихъ греческихъ сказкахъ ⁴⁾ сестра устраняетъ несчастную долю брата, нареченную ему мойрами, мачеха обходитъ хитростью судьбу, назначенную ея падчерицѣ.

Доказательнѣе; въ смыслѣ сравненія съ другими аналогическими сказаніями, слѣдующія южнославянскія. Въ Босніи рассказываютъ про одного парня, что онъ убилъ свою *Sreća*'у, потому что она плохо ему служила, ему не везло. Другая босняц-

¹⁾ См. легенду о Соломонѣ у Драгоманова, Малор. нар. преданія и повѣрья, стр. 100.

²⁾ Krauss, l. c., стр. 132.

³⁾ Πολίτης l. c. 224—5. По ученію этрусковъ *fata* могли быть отсрочены на 10 лѣтъ. Roscher l. c., a. v. fatum.

⁴⁾ В. Schmidt, Griechische Märchen, Sagen u. Volklieder, № 8, стр. 68—70; сл. прим. на стр. 223 къ № 8.

кая сказка говоритъ о богатомъ дядѣ и бѣдномъ племянникѣ, скитавшемся по свѣту; когда однажды племянникъ зашелъ къ дядѣ, тотъ предложилъ ему остаться у него: онъ его устроитъ и женитъ. Юноша согласился. Разъ дядя засыпалъ скоту соли и пошелъ домой; случайно вышелъ и племянникъ, видитъ: стоитъ на полянѣ дѣвушка и загоняетъ платкомъ скотъ къ мѣсту, гдѣ свалена была соль. Я Среча твоего дяди, отвѣчаетъ она на вопросъ юноши. А гдѣ же моя Среча? спрашиваетъ онъ въ свою очередь. — Она спитъ вотъ подъ тѣмъ терновымъ кустомъ. — Молодецъ дѣйствительно находитъ спящую и убиваетъ её ударомъ полѣна; я убилъ свою Сречу, говоритъ онъ, вернувшись, дядиной Сречѣ: что мнѣ теперь дѣлать? — Пойди туда, гдѣ люди божіе строятъ водяную мельницу: они тебѣ и скажутъ и т. д. ¹⁾.

Сходное преданіе разсказывается въ Сербіи. Жили-были два брата общимъ хозяйствомъ, преуспѣвавшимъ со дня на день. Одинъ братъ ничего не дѣлалъ, шляясь день-деньской; другой неустанно работалъ. Непріятно ему было видѣть, что братъ ничего не дѣлаетъ, онъ и предложилъ ему разстаться и хозяйничать порознь. Такъ и сдѣлали; но съ тѣхъ поръ трудолюбивому брату ни въ чемъ не везло и подъ конецъ онъ совсѣмъ разорился. Пойду я, посмотрю, какъ живется брату, говоритъ онъ. Идетъ и видитъ по дорогѣ стадо овецъ, при нихъ дѣвушка-красавица, пряхшая золотую пряжу. Кому принадлежатъ эти овцы? спрашиваетъ онъ. Да тому же, кому и я: я Среча твоего брата. А гдѣ же моя Среча?—Она далеко отсюда.—Онъ отправляется искать ее, но напередъ зашелъ къ брату, который, увидавъ его босымъ, подарилъ ему пару постоловъ. Съ кускомъ хлѣба въ мѣшкѣ и палкой молодецъ идетъ куда глаза глядятъ, пока не нашелъ въ одномъ лѣсу-грязную старуху, спавшую подъ дубомъ. Онъ ударилъ её палкою, она едва открыла глаза и промолвила: Счастье твое, что я спала, не то не добыть-бы тебѣ и этихъ постоловъ.—Кто ты?—Я твоя Среча ²⁾.—Какъ здѣсь съ Сречей,

¹⁾ Крауса, I. с., 66—7.

²⁾ Караѣић, Срб. ск. № 18. Крауса, I. с., стр. 67—9.

такъ расправляется въ русской сказкѣ (Аван. № 172) мужикъ съ своимъ счастьемъ: пока его братъ пьетъ, гуляетъ, ничего не дѣлаетъ, его счастье за него пахнетъ, потому что у счастливаго «таман не высипушій» ¹⁾, какъ въ греческой сказкѣ ²⁾ мойры, надѣлывшія дѣвушку лѣнью, прядутъ за нею и дѣлаютъ её счастливой, а о нѣмецкой Saelde говорилось, что она бдитъ, пока покровительствуемый ею человекъ покоится: *din Saelde wachet*; Недоля спитъ: *ich waen sin Saelde slafe*. Такъ и въ нашей сказкѣ: Доля несчастнаго лежитъ подъ кустомъ въ красной рубашкѣ, ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ. Подкравшись къ своему Счастью — Горю, мужикъ вытянулъ его по боку палкой изъ всей силы — и оно обѣщаетъ помочь ему: пусть только броситъ крестьянское дѣло, къ которому оно непривычно, и займется торговлей: Я купеческія дѣла всякія знаю. Какъ сталъ мужикъ собираться въ городъ торговать, Горе плачется, что его покидаютъ; Нѣтъ, милое, я тебя съ собою возьму, а здѣсь не покину, отвѣчаетъ тотъ, велитъ Горю влѣзть въ сундукъ, заперъ его тремя замками, да и зарылъ въ землю. Сбывъ Горе, онъ въ городѣ расторговался и разбогатѣлъ; провѣдалъ о томъ удачливый братъ, спрашиваетъ, какъ это онъ ухитрился изъ нищаго богатѣть стать. — Я свое Горе въ сундукъ заперъ да въ землю зарылъ въ деревнѣ, на старомъ дворѣ. — Позавидовавъ удачливый братнину счастьемъ, вырылъ сундукъ, выпустилъ Горе и говоритъ: Ступай къ моему брату, раззори его до послѣдней нитки! — Нѣтъ, лучше я къ тебѣ пристану: ты добрый человекъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упрягалъ. Привязалось Горе къ завистливому брату и раззорило его до конца.

Таковъ типъ сказки, развивающейся въ цѣломъ рядѣ варьянтовъ ³⁾: дѣйствующія лица — два брата, удачливый и безчаст-

¹⁾ Драгомановъ, Нар. мал. пред. и повѣрья, стр. 184.

²⁾ В. Schmidt, l. c., № I, стр. 65—66.

³⁾ Сл. у Аванасьева еще № 171 и прим. къ №№ 171—172; Драгомановъ, l. c. стр. 418—414 и прим.; Чубинскій, Малорусскія сказки, Отд. I, №№ 110—112; Романовъ, Вѣлорусскій Сборникъ I, вып. 8 (Сказка) №№ 67 и 68.

ный; Горе, Нужа или Злыдни — все олицетворенія Недоли; бездольный освобождается отъ нея, спуская её въ яму и закрывъ камнемъ, либо бросая въ рѣку съ жерновами, въ прорубь — въ корчагѣ или бочкѣ; зацемявъ Злыдней въ деревѣ или спрятавъ ихъ въ рожкѣ подъ мельничный вагъ. Какъ Горе, такъ и Злыдни не хотятъ отстать отъ человѣка, просятъ съ нимъ на новоселье: мы отъ тебя не отстанемъ, говорятъ Злыдни; такъ говорятъ и Unsaelde у Реймара бездольному, который, желая избыть её, оставилъ родину и идетъ въ чужіе края—а Unsaelde тутъ какъ тутъ и объясняетъ ему:

Swaz du geliefe, daz selbe ich rande,
 af dinem halse was min gemacht.

Въ другомъ нѣмецкомъ-же сказаніи рыцарь также освобождается отъ нея, какъ молодецъ отъ Злыдней—Горя: въ лѣсу онъ видитъ надъ собой на деревѣ какое-то странное существо, которое похваляется: *ich bin din Ungelücke*. Онъ приглашаетъ его сойти и раздѣлить его скудную трапезу, но тотчасъ-же схватываетъ и забиваетъ въ дупло. Съ тѣхъ поръ ему повезло; узнавъ, какимъ образомъ онъ отдѣлался отъ своей Недоли, какой-то завистникъ выпускаетъ её изъ заключенія, но она тотчасъ привязывается къ предателю, осѣдлавъ его шею ¹⁾.

То обстоятельство, что Среча сербскихъ сказокъ спитъ въ лѣсу, за кустомъ, навело Крауса ²⁾ на предположеніе, что первоначально она была тождественна съ духами лѣса, дерева. Горе русской сказки также лежитъ подъ кустомъ, Unsaelde гнѣздится на деревѣ; въ сѣверно-русскихъ причитаніяхъ злая судьбина навѣяна изъ лѣсовъ дремучихъ — но хорватскія и хорутанскія рожденицы живутъ въ пещерахъ ³⁾, *μσῆραι* въ горахъ ⁴⁾, и ихъ можно-бы съ такимъ-же основаніемъ признать существами

¹⁾ Grimm D. M., 832—3.

²⁾ l. c., стр. 69.

³⁾ Valjavec, O Sudjenicah, 57.

⁴⁾ Πολίτης, l. c., 209—10.

горными, какъ въ норнахъ и валькиріяхъ раскрывали (Mannhardt и др.) ихъ древнее отношеніе къ влагѣ ¹⁾). Носительницъ тайной, несповѣдливой судьбы естественно было удалить подалеже отъ людей, окружить тайной; рѣшающимъ могло явиться представленіе судьбы, какъ преимущественно несчастной, ведали: сл. *μοῖρα* — участь, но чаще злая участь; *συμφορά* — случай, но главнымъ образомъ, несчастный; *συνάντημα* = встрѣча, случайное происшествіе, но Исх. 9, 14: казни; напомнимъ и карающее значеніе Немезиды (сл. выше стр. 181) и т. д. Такія олицетворенія поневогѣ принимали демоническій отгѣнокъ: ихъ представляли себѣ въ гѣсу, въ болотѣ — и въ этомъ окруженіи мыслимо вoadѣйствіе на нихъ другихъ фантастическихъ образовъ, обусловленныхъ иными источниками народной мифологій. Необходимо помнить, что представленіе доли-сречи — сложное, допускающее объясненіе той или другой подробности не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ моментовъ развитія. Когда рассказывается, что Кручина-Доля даритъ человѣку утку, несущую золотыя янцы, *μοῖρα-τύχη* руководитъ героемъ греческихъ сказокъ ²⁾ и т. п. — мы можемъ поставить вопросъ: идетъ-ли тутъ дѣло о Долѣ-Сречи, или развитіе понятія судьбы остановилось на олицетвореніи *прирожденной* Доли, и ея подарки не что иное, какъ поэтическая разработка, вызванная этимъ олицетвореніемъ. Подобный вопросъ поднимается и по поводу слѣдующаго: извѣстно древнее зооморфическое представленіе души въ образѣ мыши ³⁾; въ одной мало-русской легендѣ она является олицетвореніемъ Доли. Душа и Доля въ одномъ и томъ-же образѣ указываетъ на ту стадію развитія въ идеѣ судьбы, когда она понималась, какъ *прирожденная*, какъ *fulgja*; между тѣмъ легенда, въ которой этотъ образъ является, входитъ въ разрядъ только что разобранныхъ: о Не-

¹⁾ Къ этимологій погн'ы сл. Heinzel въ *Zs. für deutsch. Alterthum*, V. XXX, стр. 274.

²⁾ Сл. Аванасьева, Сл. № 114^b и т. IV, стр. 281—2; Чубинскій, II, Отд. I, № 127; Hahn, *Griechische und albanesische Märchen, Sachverzeichnis a. v. Märe.*

³⁾ Сл. мой отчетъ о брошюрѣ Прато, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХХIV, Ноябрь, стр. 164—5; Mannhardt. I. с. 79 прим. 6.

доля, которую можно сбыть, замѣнить Долей. Были два брата, богатый и бѣдный. Когда богатый справлялъ пирь, бѣдный пришелъ къ нему попросить кусокъ хлѣба. Богатый отказалъ: Ступай, говоритъ, лучше стереги свой хлѣбъ, чтобы скоть стоговъ не подѣдалъ. Тотъ пошелъ, сѣлъ подъ своими двумя стожами и видитъ, что мышь всё таскаетъ колосья изъ его стоговъ да въ богачевы носитъ. Поймалъ онъ эту мышь и давай её сѣчь. «Такъ мнѣ приказано, говоритъ мышь, я твоего брата счастье». У этой мыши бѣднякъ узнаетъ, что его собственное счастье не здѣсь, а ажъ въ десятомъ селѣ. «Тамъ сгорѣла корчма; выпроси у пана это корчмище; онъ тебѣ дастъ». Бѣднякъ такъ и сдѣлалъ, нашелъ на корчмищѣ кладъ и разбогатѣлъ ¹⁾. Замѣтимъ, что въ одномъ варьянтѣ этой сказки доля является не мышью, а разубранной барыней.

Къ наиболее сложнымъ образамъ Доли-Сречи относится представление нѣмецкой *Saelde*. Гриммъ ²⁾ собралъ для нея множество указаній; мой выборъ изъ нихъ и послѣдовательность, въ которой я ихъ привожу, опредѣлены предыдущимъ изложеніемъ, хотя въ данномъ случаѣ вопросъ запутанъ — литературными вліяніями: *Saelde* попала въ руки поэтовъ, разработавшихъ ея образъ по типу классической *Fortuna*'ы, и въ томъ, что они сообщаютъ о ней, не всегда легко отличить метафору отъ народнаго образа. Когда говорится: «*ich bin ouch in frô Saeldens schôds geleit*» — я склоненъ видѣть въ этомъ черту древняго представленія рожаницы, какъ выше (стр. 208) мы связали *Saelde* *huot* съ *fylgja* = *pileus naturalis*. Выраженіе: *thiu Sâlda in thar gaganta (eis occurrit)* относитъ насъ, наоборотъ къ представленію Сречи, *aventure*; что она то бдитъ, то спитъ, указываетъ на обобщеніе: это—Доля и Недоля вмѣстѣ, возведенныя къ идеѣ Фортуны, которая то улыбается, то сердится, бѣжитъ, оставляетъ человѣка. Она отъ

¹⁾ Потебня, I. с. 171 (Игн. въ Нил. Каз. 71); Драгомановъ, I. с. 410—418; ib. 182—184; см. Чубинскій, I, стр. 216; II, отд. I, № 128; Аванасевъ, Сл. № 172, стр. 107 прим.

²⁾ Grimm, D. Myth. стр. 822 слѣд.

Boга (got wise mich der Saelden wege; got wil uns Saelde läzen wahsen) — и у ней колесо древней богини. Съ подобными христіанскими и классическими мотивами, вторгшимися въ представление славянской судьбы, мы познакомимся далѣе. Сл. въ сербской Александріи слова Дарія: «ѣмоу же боги соупротив' ляють се, томоу чсть на безъчстіе (вар. сриѣна на несриѣну) прѣмѣноукть се»; «чсть (вар. сриѣна) тихомъ лицемъ къ мнѣ обратити се начеть»¹⁾.

III.

Когда къ представлению прирожденной доли, примѣшалась идея случайности, доли навѣянной со стороны, но и отводимой, самое понятие судьбы должно было расширяться по разнымъ направленимъ. Долю можно было измѣнить, добиться другой; въ одной малорусской пѣснѣ, гдѣ казакъ жалуется на свою долю, она отвѣчаетъ ему: Не я виновата, а воля; сл. русскія пословицы: во всемъ доля, да воли ни въ чемъ; своя волюшка доводитъ до горькой долишки²⁾. Если Нужда Слова о полку Игоревѣ = Нужа, Недоля нашихъ сказокъ, то и тамъ тоже противоположеніе, поддержанное рядомъ другихъ: «тьма свѣтъ покрыла», хула вознеслась надъ хвалой — и «уже трѣсну Нужда на Волю»: злая Доля переяла волю; «а мы уже, дружина, жядьни веселія!» — Воля выводитъ къ освобожденію отъ гнета фаталистическаго преданія: былины о Святогорѣ, взысканномъ своей судьбиной въ женитьбѣ и смерти, стоятъ еще на точкѣ зрѣнія фатализма, пѣсни объ Ильѣ представляютъ, несомнѣнно, болѣе свободное пониманіе, особливо былины «о трехъ поѣздакахъ»: на распутьѣ написано, что кто поѣдетъ по одной дорогѣ, тому убиту быть, кто по другой — женату быть, кто по третьей — казну добыть. На Ильѣ ни одно изъ этихъ вѣщаній не оправдывается³⁾.

¹⁾ Сл. Иль исторія романа и повѣсти, I, стр. 245, 245.

²⁾ О. Миллеръ, Ильи Муромецъ стр. 779—80, прил. 44.

³⁾ Сл. мой отчетъ о Ждановѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXXXI, Февраль, стр. 379.

Говоря о болѣе свободномъ пониманіи, я не столько отгнѣяю моментъ воли, свободнаго рѣшенія, сколько менѣе яркую и послѣдовательную разработку идеи сужденности. Въ сущности и судьба Ильи опредѣлена заранѣе: если онъ не убитъ въ одной изъ трехъ поѣздокъ, то потому, что такъ ему не суждено. Выражается это такимъ образомъ:

На бою-то Ильѣ смерть не написана.

(Рыбниковъ I, № 12, сл. № 15)

Написано было у Святыхъ Отцевъ,

Удумано было у Апостоловъ:

Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.

(Кирѣев. I, № 1, стр. 51).

Соловниковъ стрѣляетъ въ него, но не убилъ:

Да тутъ Ильюшкѣ не къ суду пришло

(Рыбниковъ II, 14),

т. е. смерть не была ему суждена. Рядомъ съ этимъ древнимъ пониманіемъ судьбы — суда, другое, уже встрѣтившееся намъ въ одной татарской легендѣ (сл. выше стр. 204 слѣд.): доля гдѣ-то записана. Къ книгѣ судьбы мы еще вернемся; не въ ней-ли стояло, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ, что Ильѣ не быть убиту въ бою, и другія два, давшія мотивъ для прѣсни о трехъ поѣздкахъ? Ильѣ представился-бы намъ тогда въ такомъ же освѣщеніи фатализма, какъ и Святогоръ: онъ избѣгаетъ опасностей, потому что онъ ему не наречены, не написаны; въ этомъ смыслѣ онъ и подновилъ надпись на камнѣ при распутьѣ, грозившую проѣзжему той или другой невзгодой:

Старую-то подпись поддалбливалъ,

Да подписывалъ подпись онъ новую:

«Во дороженьку, вить, ѣздилъ — убить не билъ;

А во другую я ѣздилъ — жонать не билъ».

«Какъ въ туя дорожку ѣздилъ — богатъ не билъ».

(Кирѣев. I, № 2, стр. 89; Рыбн. II, № 62).

Сербская сказка о двухъ братьяхъ и двухъ доляхъ, разо-

бранная нами выше, даетъ намъ поводъ прослѣдить еще далѣе развитіе идеи судьбы. Самостоятельное или нѣтъ — рѣшить трудно. Первое мыслимо логически, внѣ постороннихъ ученій и воздѣйствій: именно идея случайной, встрѣчной доли или недоли, ненарокомъ привязывающейся къ человѣку, могла вызвать не только представленіе ея демоническимъ существомъ, но и вопросъ, почему она такъ неравномѣрно распредѣляется между людьми, отчего одному везетъ, другому нѣтъ, откуда или отъ кого выходитъ выборъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, обнявшимъ, вмѣстѣ съ сречей-случаемъ, и болѣе древнее представленіе прирожденной доли, могъ явиться таинственный образъ сербскаго Усуда, правящаго Сречей и Несречей¹⁾. Крауцъ²⁾ предполагаетъ его сложившимся подъ семитическими, во всякомъ случаѣ восточными и при томъ поздними вліяніями; едва-ли это объясненіе приложимо и къ соответствующему образу малорусской сказки, гдѣ роль Усуда играетъ старуха - судьба или Богъ. Можетъ быть, слѣдуетъ допустить тамъ и здѣсь встрѣчныя теченія христіанскихъ идей и народныхъ фаталистическихъ образовъ, стоявшихъ на пути къ аналогическимъ обобщеніямъ.

Объ Усудѣ въ упомянутой сербской сказкѣ разсказывается слѣдующее: когда молодецъ ударилъ старуху, спавшую подъ ду-

¹⁾ Шагомъ къ обобщенію въ развитіи идеи судьбы представляется сказка у Леонасьева № 202. бѣднякъ встрѣчаетъ двухъ паней, Счастье и Несчастье, и жалуется имъ на свою недолю. Одарить мы его, говорятъ онѣ. Коли онъ твой говорить Счастье, то ты его и надари. Дали онѣ ему десять рублей, но онъ ихъ спряталъ въ горшокъ съ щелокомъ — а жена, не зная того, отдала его сосѣдкѣ. Въ другой разъ онѣ дали ему двадцать рублей; онъ схоронилъ ихъ въ ящикѣ, которую та-же сосѣдка выпросила у жены бѣдняка. Третій подарокъ — два гроша: на нихъ онъ купилъ рыбку, другую далъ ему даромъ. Принесъ онъ ихъ домой; проѣзжалъ попъ черезъ село, мужикъ отворилъ ему ворота и сибѣтся. — Чего ты сибѣшься? — А у меня рыбка такая: кто посмотритъ на нее, того смѣхъ возьметъ. Попъ далъ мужику за ту рыбку пару воловъ, пару коней и много жита. «И такъ мужикъ знашоу своѣмъ счастьемъ у двухъ грошахъ». Здѣсь счастье и несчастье не привязаны къ человѣку и не навѣяны ему; то и другое ему на пути, и не ими опредѣляется его доля. Это — выходъ къ идеѣ Судьбы. См. въ прил. Леонасьева къ этой сказкѣ арабскую изъ Тысячи и одной ночи: Кожія Гассанъ Абгаббала (Ае. Ск. IV, стр. 486—7) и Clouston. I. c., стр. 400 слѣд.

²⁾ Крауцъ, I. c., 96, 107 слѣд.

бомъ, она объявила себя его Сречей, данной ему Усудомъ. Безчастный идетъ къ Усуду спросить о причинѣ своей бѣдности. На пути, узнавъ о цѣли его странствованія, другіе къ нему обращаются съ просьбой — вывѣдать отъ Усуда, почему у нихъ то или другое не ладится. Далѣе пустынный показываетъ ему путь и научаетъ его дѣлать, не говоря ни слова, все, что будетъ дѣлать Усудъ. Безчастный застаётъ Усуда въ царскихъ палатахъ, окруженнаго толпою слугъ. Усудъ ужинаетъ, ужинаетъ и онъ; Усудъ ложится спать, ложится и онъ. Около полночи слышатся страшный гулъ и чей-то голосъ: О Усудъ, Усудъ, родилось сегодня столько-то душъ: дай имъ, что хочешь. — Усудъ всталъ, открылъ сундукъ съ деньгами и сталъ разсыпать по комнатѣ одни дукаты, говоря: Какъ мнѣ сегодня, такъ и имъ до вѣка. Въ слѣдующіе дни домъ Усуда все уменьшался, и все окружающее его измѣнялось къ худшему. Наконецъ онъ съ гостемъ очутился въ бѣдной избушкѣ. Съ утра взялъ онъ заступъ и сталъ копать землю; по его примѣру, гость — тоже. Только вечеромъ Усудъ досталъ кусокъ хлѣба, отломилъ половину и далъ гостю. Ночью послышался голосъ, какъ и въ тѣ дни. Усудъ вмѣсто отвѣта отворилъ сундукъ и сталъ разсыпать по полу одни черепки, между которыми изрѣдка попадалась мелкая поденщицкая денежка. Тутъ завершился кругъ: на утро хижина стала опять царскимъ дворцемъ. Тогда Усудъ, узнавши, что привело гостя, сказалъ: Ты родился въ бѣдную ночь и вѣкъ останешься бѣднякомъ, а братъ твой и его дочь Милица въ счастливую. Ты возьми къ себѣ эту Милицу и обо всемъ, что не добудешь, говори, что это не твое, а ея. Такъ безчастный и сдѣлалъ. Однажды, когда онъ обозрѣвалъ свои прекрасныя поля, онъ отвѣтилъ, забывшись, на вопросъ прохожаго, чьи они: Это мои. Откуда ни возмись огонь, охватившій жатву, но тотчасъ-же прекратившійся, когда безчастный, погнавшись за странникомъ, закричалъ ему: Не мои это поля, а Милицыны. Съ той поры онъ жилъ съ Милицей счастливо ¹⁾).

¹⁾ Карацнѣ, Приповетки 89; Valjaves, 286—7; Потѣбнѣ, 190—191; Краусѣ, 96—9. Сл. Аванасъевъ, II, В., III, стр. 410, прим. 2.

Въ одномъ сербскомъ же варьянтѣ этой сказки, приведенномъ Краусс'омъ ¹⁾, у одного царя три сына: старшіе счастливые (*dobre sreće*), младшій бездольный. Познавъ это, отецъ еще при жизни раздѣлилъ свое царство между двумя старшими, а младшему далъ большую сумму денегъ, чтобы было ему, чѣмъ существовать. Онъ пошелъ странствовать, пока не пришелъ въ иное царство; здѣсь онъ встрѣтилъ бѣднаго корабельщика, съ трудомъ перебивавшагося доставкой и продажей лѣса. Царевичъ жалился надъ нимъ, далъ ему денегъ, чтобы ему можно было расторгаться и поправиться; бѣднякъ накупилъ товаровъ, нагрузилъ корабль, но его разбило бурей. Еще разъ царевичъ помогаетъ бѣдняку, но результатъ тотъ же; на третій разъ корабельщикъ рѣшительно отказывается отъ помощи бездольнаго: пусть деньги остаются при немъ; ему, бѣдняку, онѣ приносятъ несчастье, и онъ предпочитаетъ нищету страху и опасностямъ. Царевичъ, еще разъ убѣдившійся въ своей недолѣ, идетъ, погруженный въ мысли, пока не очутился въ лѣсу, у полуразвалившейся избушки, среди которой тускло тлѣла головня и стоялъ горшокъ съ пищей. Къ вечеру явился туда старикъ, съ бородой по поясъ; онъ молчалъ, царевичъ не проронилъ ни слова; поужинавъ, оба улеглись спать. На разсвѣтѣ старикъ поднялся и ушелъ, а царевичъ остался. Вечеромъ снова пришелъ старикъ, посмотрѣлъ на головню: она принялась горѣть. На третій день повторилось то же, но головня на этотъ разъ ярко разгорѣлась. Послѣ ужина старикъ прервалъ молчаніе: Счастье твое, что ты молчалъ, иначе ты до сихъ поръ не обрѣлъ-бы покоя, говоритъ онъ царевичу. Головня, тлѣвшая въ первый вечеръ, похожа на твою ссечу; разгорѣвшаяся головня — ссеча твоего брата; теперь ступай и, какъ женишься, не говори, что пріобрѣтенное тобой принадлежить тебѣ: говори, что женѣ. — Конецъ сказки тотъ-же, что въ предыдущей: царевичъ женится на царевнѣ и живетъ счастливо; прослышалъ о томъ отецъ, пріѣхалъ къ сыну, и по неосторож-

4 1 ¹⁾ Краусс, l. c., стр. 100 слѣд.

ному слову бездолянаго запылала жатва, которую онъ называлъ своею. Отецъ беретъ его къ себѣ вмѣстѣ съ снохой; съ тѣхъ поръ ему жилось хорошо. Не даромъ говаривалъ ему отецъ: Кто бездоленъ, не забудеть недоли.

Можетъ быть, ту же таинственную фигуру Усуда слѣдуетъ предположить въ старикѣ одной хорватской сказки ¹⁾, гдѣ молодецъ идетъ искать свою сречу; на кладбищѣ онъ бьетъ палкой по дерну и травѣ и нашелъ среди могилъ какое-то невиданное имъ существо: онъ ударилъ палкой возлѣ него и спросилъ: Ты моя среча или несреча? Та отвѣчала: Еслибъ ты меня ударилъ, я была бы тебѣ несречей, а теперь буду сречей — и она советуетъ ему пойти къ какому то старику; у котораго посреди дома большой горшокъ съ дукатами; пусть беретъ сколько хочеть, лишь бы не прозносилъ ни одного слова.

Въ малорусской сказкѣ, въ такомъ же эпизодѣ о роздачѣ доли или недоли, является, вмѣсто Усуда, старуха-судьба, живущая попеременно то какъ нищая, то въ богатствѣ. Каждую ночь подъ окномъ ея слышится голосъ: Столько-то родилось мальчишекъ и столько-то дѣвочекъ. Какая ихъ судьба? — Та, что у меня сегодня ²⁾. — Въ варьянтѣ этой сказки ³⁾ ясна чисто-внѣшняя замѣна усуда-судьбы—Господомъ: одинъ бездоляный парень вочуеть въ недостроенной хатѣ; ночью приходятъ «два священника, въ золотыхъ ризахъ; запалили свѣчку, винули проскурку, — закусюють». То были Господь и св. Петръ. Прилетаетъ ангелъ: «Господи, народилась дитина, яке ти ёму щастя дариш? — А яке? как: дарую ёму таке щастя, въ якому це я сьогодні». На другую ночь пришли тѣ же двое, «так собі, не бідні й не богаті»; на третью они явились двумя старцами. Всякій разъ являлся ангелъ и слышалась та же отвѣдь Господа; тогда молодецъ вемолялся къ нему: пусть и ему дасть долю. Господь велитъ ему присвататься къ одной богатой, но некрасивой дѣвкѣ

¹⁾ Крауса, I с., 69 прим. 151.

²⁾ Леонасьевъ П. В., III, стр. 392.

³⁾ Драгомановъ, I с., стр. 123—124.

на селѣ, по имени Дробѣ, и «як будеш хазяіном і будуть в тебе питать: чие се? кажи: Дробене». Развязка та же, что въ сказкѣ объ Усудѣ.

Безъ этой развязки то-же сказывается въ Малороссіи иначе: купецъ совѣтуетъ сыну присвататься къ такой-то богатой дѣвкѣ, а сынъ хочетъ напередъ пойти по свѣту, можетъ быть, подбереть себѣ еще болѣе красивую. Въ лѣсу, въ хатѣ, онъ находитъ старика: «а то бувъ не дідъ, а щастья»; въ хатѣ три кресла: золотое, серебряное и мѣдное. «Якъ я сыжду, каже дідъ, на золотымъ, да хто тоді вродытця, до щастливый; а якъ сыжду на срібномъ, до тільки трохи щастливый, а якъ на мідномъ, до несчастливый». Оказывается, что и парень и та богатая дѣвка родились, когда дѣдъ сидѣлъ на мѣдномъ креслѣ; а ты женись на той, что родилась, когда я сидѣлъ на серебряномъ: она теперь у жидовъ воду носить. Парень женится на ней, не смотря на смѣхъ и слезы отца. Поѣхала она покупать товару, да привезла уголья; «Дурне дурнымъ! брехавъ мой дідъ, що вона щаслива», говоритъ мужъ; на другой день уголья оказались червонцами ¹⁾.

Сказка объ Усудѣ даетъ поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ.

Когда бездольный молодець идетъ искать Усуда, другіе, очевидно, тоже бездольные, встрѣчающіеся ему на пути, просятъ его замолвить и о нихъ слово, узнать, почему у нихъ такая, а не иная судьба. Сказки этого рода разобраны нами выше (гл. XII, стр. 166 слѣд.), какъ матерьялъ народныхъ представленій о загробной участи безразличныхъ; Усуду сербской сказки отвѣчаетъ въ нихъ: солнце, волхвъ, дѣдъ-всеvědъ, Богъ; съ точки зрѣнія христіанизованныхъ представленій онъ также завѣдываетъ Сречей, какъ и Усудъ.

Эпизодъ о Милицѣ-дѣвушкѣ съ прирожденной долей входитъ въ пѣлый рядъ сказаній, рассмотрѣнныхъ нами по другому поводу ²⁾

¹⁾ Чубинскій, II, отд. I, № 126.

²⁾ Сл. мон Южнорусскія былинны, вып. II, стр. 388, слѣд.; Мелкія замѣтки

и не по отношенію къ вопросу, нынѣ занимающему насъ. Дѣло идетъ объ отношеніи прирожденной недоли къ чужому счастью, къ которому можетъ приобщиться бездольный: доля жены становится для него Сречей. Таково въ сербскомъ разсказѣ отношеніе молодца къ Милицѣ; то же въ русскіхъ и малорусскіхъ сказкахъ о Данилѣ Безсчастномъ, Горяничѣ, Данилѣ-дворянинѣ ¹⁾, безсчастномъ царевичѣ Василии, бездольномъ купеческомъ сынѣ, Иванѣ Безсчастномъ. Они такъ и родились «бездольными», что-бы они не начали, имъ ни въ чемъ «счастья» нѣтъ; одному такому бездольному царь велитъ приложить печать ко лбу, «ни подати, ни пошлины съ него не спрашивать и, куда бы онъ ни явился, накормить его, напоить его, на ночлегъ пустить, но больше однѣхъ сутокъ нигдѣ не держать». Другая сказка о безсчастномъ разрабатываетъ мотивъ Декамерона (X, 1): Данилѣ ни въ чемъ не везетъ, не спорится у него дѣло и въ царской дворнѣ, куда помѣстилъ его царь. Взялъ царь, насыпалъ три бочки, одну золотомъ, другую углемъ, третью пескомъ, и говоритъ Данилѣ: коли выберешь золото, быть тебѣ царемъ, коли уголь — ковалемъ, а если песокъ, то ты взаправду несчастный: бери себѣ коня и сбрую и уходи изъ моего царства. Данила выбралъ себѣ бочку съ пескомъ ²⁾. — Эта-то прирожденная недоля

къ былинѣмъ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССХІІІ, Декабрь, стр. 166 слѣд.; Романовъ, Бѣлор. сборникъ I, вып. 8, № 98 (Нешастный Егоръ).

¹⁾ Въ мотвъ Южнорусскіхъ былиннахъ, вып. II, стр. 806—7, я выразилъ мнѣніе, что ния, которое даетъ себѣ Добрыня въ одной пѣснѣ объ обманномъ сватовствѣ Алеши Поповича: Данило Замориниъ, т. е. Замориниъ, могло быть названію сказкой-побывальщиной о Данилѣ Безсчастномъ. Эпитетъ: Замориниъ также находитъ себѣ параллель: какъ Добрыня уѣзжаетъ на известное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ дозволяетъ женѣ выйти замужъ, такъ и Морингеръ пѣвецкой пѣсни (Umland, Volkallieder, № 296) ѣдетъ въ Свѣтую Землю на семь лѣтъ, и жена обязана ждать его. Тотъ и другой возвращаются, когда жены готовились вступить въ новый бракъ: Добрыня въ видѣ охотника, Moringer въ одеждѣ паломника; оба узнаны по перстню, Добрыня называется себа Замориниымъ, Moringer искаженіе meringer = marinaro (Vogt въ Paul und Branke's Beiträge, XII 487).

²⁾ Въ сербской сказкѣ у Vrčevića (Narodne pripovjetke, Narodna biblioteka XXIII, U Dabrovaiku 1887, стр. 148) добрые люди хотѣли-бы помочь бездоль-

встрѣчается съ долей дѣвушки, на которой женится безчастный: Милицы въ сербской сказкѣ, Настасья, Елены и др. въ нашихъ. Ея доля становится его—*Сречей*. Въ русской сказкѣ дядя даетъ бездольному сто рублей, пусть купитъ себѣ товару; какой-то старикъ берется надѣлать его товаромъ невиданнымъ и показываетъ ему въ саду за золотой рѣшеткой дѣвушку-красавицу. Два раза отказывается Иванъ отъ предложенія, но потомъ беретъ таки дѣвушку: «*Знаю судьба моя такова!*» Въ другой сказкѣ Иванъ Несчастный проситъ царя разсудить, почему у него счастья нѣтъ: али онъ уродился не какъ другіе люди? Царь совалъ бояръ; не додумались они до отвѣта; а царевна говоритъ: «А я такъ думаю, батюшка: коли его женить, то можетъ и ему Господь пошлетъ *мую долю*». Разгнѣванный царь велитъ ей самой пойти за-мужъ за бездольнаго; всюду, вслѣдъ за бракомъ, измѣняется и его доля (Сл. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и повѣрья, стр. 292—4).

Нѣкоторыя подробности русскихъ сказокъ вызываютъ вопросъ: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней позволено разглядѣть черты другого рода, олицетвореніе дѣйствительной Сречи, какъ представляетъ ее себѣ сербское повѣрье: юной красавицы, прядущей золотыя нити? Рядомъ съ ней Несреча: грязная, съ всклокоченными волосами и маленькими слезящими глазами, приземистая и скуластая, день деньской скитающаяся точно въ полуснѣ; кому она встрѣтится, тому грозитъ бѣда ¹⁾. Въ красавицѣ, выходящей за бездольнаго нашихъ

кому, но онъ говоритъ мнѣ, что это ни къ чему ни поведетъ: ko se pod negretni vtižezdu godi, nesreća će ga od rovoja do rokrova jednako pratiti. Одинъ человекъ хочетъ испытать, такъ-ли это: велитъ сыну положить мѣшокъ съ деньгами на перекресткѣ по пути, по которому долженъ былъ идти бездольный, а самому пританься. Бѣднякъ подошелъ къ распутью, закурилъ трубку и направился далѣе; царевъ кричитъ ему: Кумъ, а кумъ! Ты потерялъ кошелекъ, пока набивалъ трубку! — Не я, а кто нибудь болѣе меня счастливый; а коли я бы потерялъ, никогда бы не нашелъ.

¹⁾ К Гауса, I. с., 66, 61—2.

сказокъ, видимо сошлись два образа и два пониманія: она работающая, мудрая дѣвушка — и вѣщая, являющаяся въ образѣ лебедя, располагающая сверхъестественными силами, читающая въ «волшебной книгѣ»; она проворная рукодѣльница, или это рукодѣле, коверъ, чудесныя постройки дѣлаютъ за нее другіе: стоитъ ей платкомъ махнуть, кошелемъ тряхнуть. Заглохшій ли это образъ русской Сречи—или аггломеративный, сложившійся на почвѣ захожей сказки? Общій характеръ русскихъ народныхъ представленій о судьбѣ, какъ прирожденной долѣ, говоритъ скорѣе за вторую возможность. Русскія повѣрья знаютъ бѣдовиковъ, бездольныхъ, но и счастливцевъ, переносящихъ удачу въ домъ, гдѣ они поселяются. Такъ въ одной мордовской сказкѣ, очевидно заимствованной у русскихъ, дѣвушка Упяскы (= Счастье) приноситъ удачу въ домъ бездольнаго Виртина: съ тѣхъ поръ, какъ она у него поселилась, у него всякое дѣло стало спориться; когда онъ взялъ «Счастье» за себя, они стали жить еще лучше. Возвращаясь домой съ добычей, онъ говоритъ: «Жена Счастье, это на твое счастье попало». А братьевъ дѣвушки, жены которыхъ хотѣли извести её, оно оставило¹⁾.—У одного купца не было дѣтей; сталъ онъ Богу молиться, нищихъ одѣлять, мостъ построилъ черезъ болото на пользу всего люда православнаго. Какъ построилъ мостъ, посылаетъ прикащика Федора: сядь подъ мостъ да послушай, что будутъ люди про меня сказывать: будутъ ли благословлять или карать станутъ? Идутъ по мосту три святыхъ старца и говорятъ: Чѣмъ наградить того, кто этотъ мостъ построилъ? Пусть у него народится счастливый сынъ: что не скажетъ, то и сбудется, чего не пожелаетъ, то и дастъ Господь.—Прикащикъ ничего не сказалъ хозяину о томъ, что слышалъ, а когда у купца родился мальчикъ, выкралъ его, отдалъ на сторону вскормить, за тѣмъ отошелъ отъ купца и взялъ мальчика къ себѣ. Что прикажетъ ему: Пожелай того и того-то, всё тотчасъ готово. Однажды онъ говоритъ мальчику: Попроси у Бога, чтобы

¹⁾ Образцы мордовской народной словесности, вып. II, стр. 185.

здѣсь новое царство стало, чтобъ отъ самого этого мѣста до дворца государева хрустальный мостъ повисъ и явился богатый городъ съ бѣлокаменными палатами, церквами и теремами и чтобъ царевна вышла за меня замужъ. Такъ всё и сдѣлалось. Откуда у тебя всё это богатство взялось? спрашиваетъ какъ-то жена у Федора. Всё богатство мое и сила — отъ этого мальчика, отъ-чалъ онъ и рассказалъ, какъ онъ его отъ купца унесъ. Услышалъ это мальчикъ, забившійся и плакавшій въ темномъ углу, вышелъ и сказалъ: По моему прошенью, по Божьему изволенью, будь ты, негодяй, собакою. Федоръ обернулся собакою, и мальчикъ повелъ его къ отцу на желѣзной цѣпи ¹⁾.

Подобныя сказки извѣстны у чеховъ, хорутанъ и нѣмцевъ ²⁾; греки знаютъ такихъ счастливицевъ и зовутъ ихъ *χαλοπόδαροι*, у нихъ, говорятъ, *χαλόν* подарикόν; у неудачливыхъ и бездольныхъ, *κακοπόδαροι*, наоборотъ *κακό* подарикόν: имъ ни въ чемъ не везетъ, они будутъ у моря и воды не найдутъ (*καί εις τήν θάλασσαν ἀν' ἅπανι, κ' ἔχει νερό δὲν θαύρουνε*); на Критѣ греки и мусульмане забираютъ передъ нами двери перваго числа мѣсяца, особливо въ первый день года, а *χαλοπόδαροι* охотно зазываютъ къ себѣ и одаряютъ. Поить ³⁾ припоминаетъ по этому поводу излюбленное для древнихъ работъ названіе *χαλοπόδας*, толкуемое схолиастомъ къ Аристофану: *καλλοιωνίστους*, — и собственные имена въ родѣ *Αγαδέπου*, *Καληποδίη* и т. п. Я предпочитаю остановиться на слѣдующей подробности: въ день новаго года стараются, чтобы *χαλοπόδαρος* *первый* вошелъ въ домъ, какъ въ Сербіи полажайникомъ зовется первый посѣтитель въ день рождества, приносящій срету, а въ части южной Россіи полазниками тѣ, «що перші по обвстю переходятъ» на праздникъ Введенія, св. Николая (6 Дек.), зачатіе св. Анны (9 Дек.) и Рождества ⁴⁾. Полажайникъ, полазникъ, очевидно, тождественны съ *χαλοπόδαρος*; указъ царя

¹⁾ Афанасьевъ, Сказки, № 148.

²⁾ Сл. прим. у Афанасьева, IV, стр. 335—8.

³⁾ I. с., стр. 282, слѣд.

⁴⁾ И. Галько, Нар. Звичай. . . под Збрученъ, Львовъ 1862, II, 18.

Алексѣя Михайловича, приведенный въ памяти верхотурскаго воеводы (13 Дек. 7158 г.), соединяетъ въ одномъ запретѣ вѣрованіе «въ встрѣчу и въ полазъ»: полазъ, какъ особый видъ желанной срещи.

IV.

Въ предыдущемъ изложеніи мы съ умысломъ не касались одного теченія, которое должно было рано отразиться на развитіи народныхъ фаталистическихъ идей: я разумѣю теченіе литературно-христіанское. Я не увѣренъ, что и въ фактахъ до сихъ поръ разобранныхъ, которые мы старались построить самостоятельно-генетически, не считаясь съ литературными и христіанскими вліяніями, ихъ воздѣйствіе не сказалось такъ или иначе, намѣчая путь естественнаго развитія, помогая формулировать то или другое обобщеніе судьбы, стоящей надъ вопросомъ личной доли, распредѣляющей её. Такое обобщеніе мыслимо всюду, какъ естественный результатъ развитія; его существованіе предполагаетъ напр. обычай жребія ¹⁾, который можетъ выпасть такъ или иначе: это—обобщеніе Среци. Такъ надъ молра'ой выработалось понятіе аїса'ы: судьбы, ровно распредѣляющей ($\sqrt{\text{viva}} = \text{равный}$; аїса = η ίση) свои удѣлы; она въ рукахъ боговъ, Зевса: Διός αїσα.

До сихъ поръ мы не рѣшались выдѣлить изъ общаго процесса то, что могло-бы быть вмѣнено неосязаемому вліянію литературы и христіанства. Слѣды осяземаго на виду.

Славяне могли рано познакомиться съ литературой византійскихъ колядниковъ, громниковъ, трепетниковъ и т. п.; часть обличеній, направленныхъ противъ вѣрованія въ стрѣчу, полазъ, чохъ, грай и т. п., имѣла въ виду какъ эти привитыя литературой суевѣрія, такъ и встрѣчныя имъ, народныя, съ которыми они смѣшивались. Когда въ народныхъ малорусскихъ и сѣвернорусскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ выраженіе:

¹⁾ Сл. между прочимъ, Аванасьева II. В. III, 393 слѣд.

Породила мене мати съ несчастну юдину;

или:

Ми съ тобой, да свѣтъ спорядная суслаушка,
Во *безчастный* день со *племини* засіяни,
Въ *безмаланый* день со *сероду* вскорожени;

и наоборотъ:

Щастливой юдинки
Казакъ уродился ¹⁾

— мы невольно обращаемся къ вліянію такихъ статей, какъ «о часахъ добрыхъ и злыхъ», «о дняхъ добрыхъ и злыхъ» ²⁾ — несомнѣнно подарившихъ намъ однимъ изъ олицетвореній русской неволи = Злыдни. Сл. Слово Кирилла философа Словенскаго: говорится о пьяницѣ: «Недостатки у него дома сидятъ, а раны у него по плечамъ лежатъ, туга и скорбь по бедрамъ голодомъ позваниваютъ, убожіе у него въ калитѣ гнѣздо свило, привязалася къ нему злая лѣность, какъ милая жена, а сонъ, какъ отецъ, а оханіе, какъ любая чада, а Злыдни на него смотрятъ, уловляютъ его, какъ свинію. . . . отъ пьянства Охъ и убожіе zelo привязуется» ³⁾.

Славяне вѣровали въ *родъ*, въ прирожденную долю; греко-римская древность выработала въ пору упадка аналогическое вѣрованіе въ прирожденную *γένεσις, γενήματα*. Нѣтъ ни Бога, ни провидѣнія, но все подвержено судьбѣ (*ἀλλὰ γενέσει τὰ πάντα ὑπόχρηται*), говоритъ въ Климентинахъ старикъ Фаустъ ап. Петру; молишься ли ты или нѣтъ, *τὰ ἐκ τῆς γενέσεως πάσῃν ἀνάγκην*

¹⁾ Аванасьевъ П. В. III, 396, 414; Барсовъ, I. с., I, стр. 10.

²⁾ Тихомировъ, Пам. стр. русск. литер. II, стр. 382 слѣд. Сл. Krauss, I. с. 186 слѣд. (*Die gute u. die böse Stunde*), стр. 146 (*Die Tagwählerei*). Относительно пятницы, какъ несчастнаго или счастливаго дня, сл. составленія (которыя легко было-бы удвоить) въ монхъ Опытагъ по исторіи развитія христіанской легенды II, IV, стр. 354 слѣд.

³⁾ Арх. Варлаама Описаніе Сборника XV столѣтія Кирило-Бѣлов. монастыря, въ Уч. Зап. II отд. Имп. Ак. Наука, кн. V, приложение стр. 64—5. Въ варіантѣ, напечатанномъ г. Пѣтуховымъ (къ вопросу о Кирилахъ авторахъ въ древней русск. лит., Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. XLII, стр. 21 слѣд.), этого эпизода нѣтъ.

ἔχεις; отъ судьбы (τὴν πεπωμένην) не уйдешь. Поздѣе, когда это изреченіе Фауста оказалось невѣрнымъ по отношенію къ нему самому, апостолъ спрашиваетъ его: что-же твоя вѣра въ γένεσις? (οὐκοῦν ἔργῳ πέπεισαι νῦν, ὅτι σὺ συνέστηκεν τὰ κατὰ τὴν γένεσιν;), противопоставляя ей вѣру въ божественный промыселъ ¹⁾.

Классическое вѣрованіе, удержавшееся и въ христіанскую пору, какъ запретное суевѣріе, получило мѣсто въ литературѣ церковныхъ обличеній: обличали вѣру въ γένεσις, *genitura, nascentia, gaburt, giburt, gaburdia* ²⁾; λεγόντων εἶναι εἰμαρμένην, ἦνπερ καὶ γένεσιν καλοῦσι (житіе св. Синклетиків); nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur, ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit, quia Deus omnes homines vult salvos fieri et ad agnitionem veritatis venire ³⁾. Какъ γένεσις, такъ и равносильное ей εἰμαρμένη переводились церковнославянскимъ *рожденіе*; εἰ Θεός, οὐ γένεσις: аще Богъ есть, нѣсть рожденія; εἰ γένεσις, οὐ νόμος, εἰ δὲ νόμος, οὐ γένεσις: аще рожденіе, то не законъ, аще законъ, то не рожденіе (Іоанна Златоуста *περὶ εἰμαρμένης*); иначе *родословіе* или *рожанница*: «вѣроут' и въ *родословик* рекше въ *рожданице*» = *γενεαλογία* ⁴⁾.

Роду и рожанницѣ народнаго повѣрія шли на встрѣчу *рожденіе* и *рожанница* литературнаго преданія; еще одно значеніе *рожанницы* = *планета* не выводитъ насъ изъ сферы того-же взаимодѣйствія. «Рожаницами еллин'стін наричють звѣздословцы семь звѣздъ, глаголемыхъ планеты, и хто въ кую планиту родится, то по той планите любопрятся пред'возвѣщати нравъ мла-

¹⁾ См. изъ Исторіи романа и повѣсти вып. I, стр. 44—5.

²⁾ Ducange Gloss. Med. et Inf. Graec. a. v. γένεσις; id. Gloss. med. et inf. latinitatis a. v. genesis; см. Аѳанасьевъ II. В., III, 388.

³⁾ Caspari, Eine Augustin fälschlich beigelegte Homilia de sacrilegia. Christiania, 1836, p. 19.

⁴⁾ Jagić, Opisi, II, стр. 139 и Лѣтопись занятій археогр. комиссіи 1861, I, 29 (Коричая 1234 г.); Домострой.

денца или къ коньмъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ»¹⁾. Гаданіе о рожденіи, о прирожденной судьбѣ по звѣздамъ перешло къ славянамъ изъ византійской астрологической практики, въ переводныхъ трактатахъ: Астрономія, Зодій, Звѣздочетецъ, Рожденица²⁾; самый приѣмъ гаданія означался въ старину «*рождѣственное ямшеніе*» («родозрительное упражненіе» у Максима Грека), которому Немвродъ научилъ персовъ, а отъ нихъ научившіеся эллины «начаше рождаемыхъ подъ звѣзднымъ двизаніемъ приношати»³⁾. Сл. обличенія митрополита Данила: «случай, полученіе и рожденіе по звѣздословію» — и Домостроя: «въ получая вѣрують, и съ родословіи, речеи съ рожданици, и съ обаяніе по звѣздословію»⁴⁾. «Они нарицаются идолопоклонници, когто гледати на звѣзды», говорится въ одной болгарской проповѣди XVIII вѣка.

Какъ совершалось это обаяніе — о томъ славянскіе и русскіе читатели могли составить себѣ понятіе по греко-сербской Александрии, воспроизведшей эпизодъ Псевдокаллистонова романа о рожденіи Александра⁵⁾; сл. также старофранцузскіе рассказы о Константинѣ Великомъ⁶⁾. Человѣкъ будетъ счаст-

¹⁾ Срезневскій, I. с., стр. 106; о культѣ звѣздъ сл. Аванасьева, II. В., III, стр. 320 слѣд.

²⁾ Сл. Jagić, Opisi II, 181 (изъ Иловидкой коричей): рожденіе и чѣсть звѣздочетны нарицаютъ се иже суть и книги глѣныи рожденици; въ родословіи речеи рожданици.

³⁾ Срезневскій, I. с., 106 прим. Сл. иной текстъ у Порфирьева, Апокрие. сказанія и т. д. по ркп. Соловецкой библиотеки, стр. 249: «Невродъ... научитъ ѧ звѣздозаконію и звѣздословію и ибныи двизаніемъ ѿражающимся, яко и что имъ хощеть быти. ѿ тѣхъ эллины рождествословію (γενεθλιαλογίαν) научившеса, начаша бывающимъ ѿ звѣздъ двизанія нарицати, не тѣчию звѣздозаконія и звѣздословіа и вгъшвенія» в т. д.

⁴⁾ Аванасьева, II. В., III 328.

⁵⁾ Изъ исторіи романа и повѣсти I, 144—7.

⁶⁾ Сл. мой *Dit de l'empereur Constant, Romania* № 22. Интересно, что въ «Исторіи о гішпанскомъ князѣ Фридорѣ» (болѣе извѣстной подъ заглавіемъ Францеза Венеціана) звѣздочетцы, призванные предсказать судьбу ребенка по чудеснымъ знаменіямъ на немъ, названы «аристотеляни»: «Князь же Фридоръ призва къ себѣ въ домъ мудрыхъ аристотелей» (л. 275 об.); они смотрятъ «по кругу небесному и планетамъ и адвиженія стихіи» (I. с.) Ркп. прое. Тихонова № 824.

ливъ или нѣтъ, смотря по тому, подъ какой звѣздой, въ какомъ сочетаніи планетъ онъ родился. Артемидоръ (*Onirocrition libri V, ed. Hercher, l. IV, c. 59, p. 238*) опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые добрые и злые сны ставили въ зависимость отъ «рода» и «звѣздъ»: *ὅτι οἱ ὄνειροι κατὰ γένεσιν τὴν ἐκάστου θεωροῦνται, καὶ οἱ ἀγαθοὶ καὶ οἱ κακοί. λέγουσι γὰρ ὅτι οἱ ἀγαθοποιοὶ τῶν ἀστέρων, ὅταν μὴ δύνωνται ἀγαθόν τι ποιῆσαι, διὰ γε τῶν ὀνείρων εὐφραίνουσιν, οἱ δὲ κακοποιοὶ τῶν ἀστέρων, ὅταν μὴ δύνωνται κακόν τι ποιῆσαι, διὰ γε τῶν ὀνείρων ἐκταράσσουσι καὶ φοβεῦσιν».*

Такъ учила заходящая астрологія; но то-же вѣрованіе о связи человѣческой доли съ звѣздами распространено широко и въ народномъ суевѣрїи; сл. напр. франц. *desastreux*; пров. *benastruc, malastruc* = счастливый, несчастный, находящійся подъ влияніемъ благоприятнаго или дурнаго *astrum*. и т. п. И здѣсь, какъ въ представленіи о родѣ и родословіи, народное теченіе могло встрѣтиться съ литературнымъ — и помирились-бы противорѣчія у Крауса ¹⁾: по его мнѣнію культъ звѣздъ существовалъ у южныхъ славянъ еще до выселенія ихъ съ сѣвера; въ другой разъ онъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ: принадлежитъ-ли этотъ культъ, общій германцамъ и славянамъ, аріискому періоду, или его слѣдуетъ объяснить вѣдѣвствомъ классическаго — и семитическаго вѣрованій.

Изъ встрѣчныхъ народныхъ повѣрїй о звѣздахъ по отношенію къ долѣ человѣка, ими обусловленной, отмѣтимъ слѣдующія ²⁾: звѣзды — души людей, говорится въ *Mainjo-i-Khard* (ed. West 49, 22); отцы, т. е. маны, души усопшихъ, выводятъ, по индійскому вѣрованію, утреннюю зарю на небо, охраняютъ пути солнца, украшаютъ ночное небо звѣздами; на десятый день по рожденіи ребенка приносятъ жертву звѣздѣ, подъ которой онъ

¹⁾ l. c. стр. 109 слѣд.; сл. 110—111, 114 слѣд.; 118.

²⁾ Крауса, l. c., 111—118, 109—110; Аванасьева, l. c., стр. 828 слѣд.; Grimm, D. Myth., 684 слѣд.; мой отчетъ о Чубинскомъ, Труды и т. д., l. c., стр. 11.

родился. Вѣрованіе, что души — звѣзды, встрѣчается уже у Аристофана:

οὐκ ἦν ἄρ' οὐδ' ἂ λέγουσι κατὰ τὴν αἴρα,
ὡς ἀστέρες γυγνόμεθ' ὅταν τις ἀποθάνῃ.

Связь звѣздъ съ душами знакома и германцамъ. «Cavete, fratres, ab eis qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus». У всякаго человѣка своя на небѣ звѣзда, говорятъ трансильванскіе саксы: если звѣзда упадетъ, умереть и человѣкъ. Тоже вѣрованіе существуетъ и въ Сербіи; не слѣдуетъ смотрѣть на звѣздное небо, не то увидишь свою звѣзду и умрешь. Кто родился подъ несчастной звѣздой, того весь вѣкъ преслѣдуетъ недоля, говорятъ болгары. У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякій человѣкъ имѣетъ свою зирку, являющуюся на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, какъ у хорутанъ каждый рождающійся получаетъ свою рожаницу на землѣ, свою звѣзду (= рожаницу) на небѣ. Сл. еще малорусскія представленія о звѣздахъ: звѣзды — души усопшихъ людей, отличившихся доброю, непорочною жизнью на землѣ, грѣшныя души, которыхъ Господь поставилъ на небо «покутувать грѣхы свои», души менѣе грѣшныя свѣтятъ ярче, болѣе грѣшныя — тусклѣе; звѣзды — души живущихъ людей: сколько звѣздъ на небѣ, столько людей на землѣ; какъ только кто рождается, Богъ зажигаетъ свѣчу и ставить её на облакахъ; если человѣкъ живетъ на землѣ не зазорно, его свѣча горитъ яснымъ, чистымъ свѣтомъ, если безпорядочно, то тусклымъ и т. п. — Аналогическія вѣрованія существуютъ и у литовцевъ ¹⁾).

Въ этихъ повѣрьяхъ, распространенныхъ отъ Индіи и Ирана до славянъ и германцевъ, мы отмѣтимъ особо одну черту: связь звѣзды, опредѣляющей долю человѣка, который подъ нею ро-

¹⁾ Veckenstedt, l. c., I, 288—9.

дился, съ душами; индiйское вѣрованiе говорить о манахъ, душахъ предковъ, отцахъ, русск. дѣдахъ. Наши рожаницы, олицетворенiя прирожденной судьбы, тѣ-же дѣды, предки; оба представленiя сливаются, и вопросъ о постороннемъ, ненародномъ источникѣ звѣзднаго культа въ связи съ идеей судьбы является несущественнымъ: одно вѣрованiе, еслибъ оно было занесеннымъ, могло только подновить другое. Подѣлить одно отъ другого въ конкретномъ составѣ современнаго и средневѣковаго суевѣрiя едва-ли когда-либо удастся: нѣмецкое вѣрованiе въ родимую звѣзду опиралось, по словамъ древняго обличителя, на слово священнаго писанiя; въ старой записи XV—XVI вв. Родъ является съ чертами народнаго суевѣрiя и астрологическаго, полупонятаго преданiя о γένεσις — родѣ и рожаницѣ — звѣздѣ, при чемъ преобладаетъ, по моему мнѣнiю, послѣднiй моментъ, не отзвукъ какого-нибудь языческаго повѣрья въ происхожденiе людей — изъ камней: «Вседръжитель, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лице духъ жизни, и бысть человекъ въ душу живу: то ти не Родъ, сѣдя на въздушѣ, мечеть на землю груды—и въ томъ ражаются дѣти... Всѣмъ бо есть творецъ Богъ, а не Родъ ¹⁾». Сл. Златоустово: εἰ Θεὸς οὐ γένεσις.

Литературнымъ, безъ сомнѣнiя, представляется образъ *книги судьбы*, уже встрѣчавшiйся намъ. Римляне знали *fata scribunda*; ихъ паркы, какъ и этрусскiя божества судьбы, записывають еѣ ²⁾; не изъ классическаго ли источника пошло сходное нѣмецкое представленiе? Древнiе греки его не знали, но новогреческiя μοῖραι не только опредѣляютъ, но и записываютъ все, что приключится новорожденному ³⁾ — на его лбу (κουτέλο) или носу (γραψίματα τῶν μοιρῶν); отсюда выраженiя: ἔτσι μοῦ ἦταν γραφτό, ἦτον γραφτό μου; μοιρογράψισμα, или просто γραφτό, γραμμένο = судьба; и рядъ присловiй: ὁ τι μέλλει δὲ ξεμέλλει, καὶ ὁ τι γράφει

¹⁾ Аванасьева, I. с., III, 474—5.

²⁾ Roscher, I. с., а. v. Fata scribunda.

³⁾ Πολίτης, I. с., 211.

δὲ ἔγραφε; τὰ γράφει Μοῖρα, δὲ ἔγραφε χεῖρα; τάχῃ ἢ Μοῖρα μου γραμμένα, δὲν παρίρχεται κανίνα; τάχ' ἢ Μοῖρα 'ς τὸ χαρτί, πάλιν δὲν τὰ κόβει ¹⁾. Въ книгѣ судьбы пишеть и старикъ татарской сказки, которую мы привлекли къ сравненію съ побывальщиной о Святогорѣ (сл. выше, стр. 204 слѣд.), и писаря Сянь торумъ или Калтысь торумъ сибирскихъ маньзовъ: она слѣдитъ за родами и назначаетъ, кому сколько жить, кому быть бѣднымъ или богатымъ ²⁾. Сюда-же относится русское выраженіе: на роду написано, т. е. въ книгѣ судебъ, родословія. Такъ Ильѣ написано не быть убиту въ бою, и притомъ написано у Святыхъ Отцевъ и Апостоловъ: очевидно, не глосса пѣвца, а понятное съ христіанской точки зрѣнія перенесеніе рѣшеній судьбы — на Бога какъ, и у Грековъ долю записываютъ не только *μοῖρα*, но и Богъ: Ποῦ γράψ' ὁ Θεὸς ἔξβράχωτο, ποτὲ βραχί δὲ βάνει ³⁾. Краусъ ⁴⁾ утверждаетъ, что южнымъ славянамъ незнакомъ образъ пишущихъ сужденіецъ, да и не мыслимъ, ибо письмо не было извѣстно славянамъ до введенія христіанства. Въ пѣсняхъ Александровскаго цикла, собранныхъ Верковичемъ и потому подозрительныхъ, этотъ образъ встрѣчается: говорится о «ривницахъ» (= орисницахъ), написавшихъ ему судьбу, когда онъ еще не родился: что онъ исходитъ всю землю, погубить всѣхъ королей и будетъ первымъ царемъ на землѣ; либо у его отца Филиппа нѣтъ дѣтей, и Господь, внявъ его молитвѣ, посылаетъ Юды-Самовилу: пусть пойдетъ въ золотую пещеру, гдѣ сидятъ три Юды-Самовилы

И писувать касмете ту на люде ту.

При помощи золотыхъ камней, которые даетъ ей Богъ, она наводитъ на нихъ сонъ, которымъ и пользуется, чтобы замѣ-

¹⁾ I. с., 217—19.

²⁾ Гондатти, Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибири, стр. 27.

³⁾ Πολίτης, I. с., 219.

⁴⁾ I. с., 184.

нить въ книгѣ судебъ рѣшеніе о бездѣтности Филиппа — другимъ ¹⁾. Тур. *kuzmet* = судьба прошло къ болгарамъ (*kasmet-kzmet*) и сербамъ (*kišmet, kašmet, krsmet*) ²⁾; вмѣстѣ съ словомъ могло пойти въ обращеніе и представленіе о книгѣ судьбы, *fata scribunda* ³⁾; пишущія орисницы принадлежатъ во всякомъ случаѣ тому же литературному теченію, какъ черемисскій вуй-Юма, записывающій при рожденіи судьбу человѣка, при которомъ онъ состоитъ ⁴⁾, какъ и судьба Ильи оказывается записанной у Святыхъ Отцевъ, у Апостоловъ.

Записывающія судьбу юды-самовилы снова обращаютъ меня къ предложенной мною народной этимологій: самовилы — сивиллы ⁵⁾, мудрой и вѣщей, знающей судьбы; ее легче всего можно было представить себѣ въ связи съ *fata scribunda*. Посредствующей формой между Самовилой и Сивиллой я призналъ *Šembilja*'ю словенской легенды, гдѣ она является сестрою Соломона; въ неаполитанской сказкѣ она названа *Scibilla*, т. е. Сивиллой ⁶⁾.

Возвращаясь къ старому сближенію, я желаю лишь указать на возможное вліяніе классическаго имени и представленія на народный образъ, не углубляясь въ его всесторонній анализъ, въ которомъ несомнѣнно произошла масса смѣшеній и перенесеній. На одно изъ нихъ мы укажемъ далѣе (см. гл. XV).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду литературное вліяніе на народное представленіе судьбы, не касаясь особливо вопроса о томъ, какъ помирилась идея доли и сречи съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ и промыслѣ.

Въ сербской народной поэзіи отмѣтимъ сопоставленіе Бога и Сречи, въ всякихъ отношеніяхъ сподчиненія:

¹⁾ Изъ исторій романа и повѣсти, вып. I, 479, 482.

²⁾ Krauss, 91.

³⁾ Ib. 183—184.

⁴⁾ Знаменскій, Героине Черемисы Казанскаго края, Вѣстн. Евросы 1867, Дек. стр. 44—5.

⁵⁾ Šembilja-Sibylla, въ Arch. f. slav. Philologie, VIII, стр. 330.

⁶⁾ Сл. ново замѣтку: La veuve de Salomon, въ Mélanges, t. IV, № 12.

Сусрела вас добра срећа и Господни Бог.

С вама дошла свака срећа и сам Господ Бог.

Ако би ти Бог и Срећа дао.

Bog mi dao a sreća doñjela.

Odnese me Bog i sreća Jovu pred dvore.

Ako li te Bog i sreća najde.

Al Tadiji Bog i sreća bila.

Dobra sreća i Bog nam je dao.

Ako Bog da i sudeno bidit.

Невѣстѣ жениха посылаетъ Господь, Срећа и родители, какъ
и въ латышской пѣсенкѣ поется:

Приходи Боже, приходи Доля,
На крестныи ребенка.

Сл. противоположеніе Божьей воли и доли.

Ой Боже мой милосерный, чи то твоя воля?
Чи въ свѣті така друга, яко моя доля?
— Не нарикай, долю, на Божию волю,
Тілько, долю, ти нарикай на лхую долю ¹⁾,

Другую точку зрѣнія представляютъ выраженія: Среча отъ
Бога, Богъ даетъ долю ²⁾.

Bogboguje i dijeli pravdu,
meni dobru sreću udjelio.

¹⁾ Потебня, 187—8, Крауса, 78, 83, 85, 86, 87—88, 92; Асманасъевъ, III, 411; Латышскій сборникъ Вольтера, стр. 141.

²⁾ Крауса, стр. 77, 88, 90, 91, 179, 180; Потебня, I. с., стр. 188 и Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсень II: Колядки и щедровки, стр. 96—4, 155; Асманасъевъ, I. с., III, 376, 379.

niје i Bog da i sreća od Boga.

ako Bog da i sreća od Boga.

Ой їде Маруся на посадь,
Зострича її Господь самъ
Изъ долею щасливою,
Изъ доброю годиною.

Найкрасному дитячоньку бог доли не дає.

Ой виїди, нане господарочку,
Вличе та Господь на порадочку,
Дарує тобі три доли въ полі:
Першая доля — щастя здоровля,
Другая доля — воли корови,
Третья доля — жито вшениця.

Въ бѣлорусской волочемной гѣснѣ Богъ даєть долю, пань
коня, царь дочку:

А зъ долею далеваць будзешъ.

Богъ даєть долю и въ чистимъ волн.
Лежень лежить, а Богъ для него долю держить.
Статливому таланъ отъ Бога данъ.
Богъ не гуляєть, а добро перемѣраєть, одному даєть, у другого отнимаєть.

Velike su od Boga sudbine;
sve će biti što imade biti
i kako je Bogom naregjeno.

To je tako od Boga sugjeno.

Taku ni bilo kismet od Boga.

Dava otac prćiju a gospodin Bog sreću.

Въ одной малорусской колядкѣ дѣвушка идетъ черезъ рѣчку,
по кедровой кладѣ; ей на встрѣчу три ангела, говорятъ: помои
руки и лицо: узриши долежку в чистой водиці,

Ой узриши Бога по коонецъ стола,
Пресвяту Діву посередѣ стола,
Сына Божого въ еі ручейкахъ
Усі святѣи а по застѣлью.

На этой стадіи пониманія Богъ, дающій Сречу, явился на мѣсто древняго Усуда. Такъ въ группѣ сказокъ, упомянутыхъ нами выше (стр. 166 слѣд.), въ сказкѣ типа Василія Безсчастнаго (Ае. П. В. III, 337)—и въ слѣдующей сербской¹⁾. Одинъ бѣднякъ (siromak) бьется съ нуждой; не зная, что предпринять, онъ рѣшается наняться въ бурлаки, что тянуть на ямкѣ судно. Здѣсь ему повезло; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ рулевымъ. Однажды онъ провѣщился товарищамъ: Дать бы Господь, чтобы стать мнѣ капитаномъ морскаго судна!—А куда же дѣвать стараго капитана? спросилъ его хозяинъ корабля.—Съ него будетъ, онъ довольно разжился.—Надоѣло рулевому его дѣло и онъ пошелъ искать другой доли (potraži drugu zescu). По дорогѣ, хозяинъ дома, гдѣ онъ переночевалъ, узнавъ отъ него, что онъ идетъ просить Бога о лучшей долѣ, просить замолвить слово и за него. Во второй разъ бѣднякъ остановился, не зная того, у того самого капитана, который разбогатѣлъ по волѣ Божіей. Когда онъ узналъ о цѣли путешествія бѣдняка, то сказалъ ему улыбаясь: У меня денегъ больше, чѣмъ надобно; коли увидишь Господа, попроси его отъ меня, чтобы онъ больше мнѣ не давалъ.—Когда бѣднякъ пришелъ къ Богу, онъ показалъ ему въ раю, на столѣ, множество свѣчей: Тѣ, что горятъ свѣтлѣе—это люди, родившіеся въ счастливый день; тѣ, что тусклѣе, точно плачутъ,—люди, явившіеся на свѣтъ въ несчастный день. А гдѣ моя встреча?—Вонъ лежитъ за колодой.—Не добившись своей встречи и вернувшись къ капитану, бѣднякъ говоритъ ему: Я передалъ твою просьбу, а Господь отвѣтилъ, что онъ намѣренъ обогатить тебя еще болѣе. Обрадованный этимъ, капитанъ наполнилъ виномъ деревянную кружку, чтобы выпить за здоровье

¹⁾ Krauss, 104 слѣд.

гостей; когда онъ подымалъ ее, она обратилась въ золотую. — Прийдя къ первому хозяину, бѣднякъ и ему сообщаетъ Божью отвѣдь: Господь сказалъ, что отниметь у тебя и эту сермягу ибо твоя среча, какъ и моя, лежать за колодой. — Коли такъ, такъ не видать Богу моей сермяги! Съ этими словами хозяинъ скинулъ съ себя одежду и бросилъ въ огонь. Такъ Господь взялъ у него и сермягу, ибо противъ его воли ничего не сдѣлаешь.

Какъ видно, внесвше-христіанскаго Бога въ область понятій Сречи и Доли нисколько не измѣнило древняго представленія судьбы. Оно осталось личнымъ и капризнымъ; и Доля и Среча поступились не своимъ характеромъ, а лишь вѣдѣнною самостоятельностью, подчинившись велѣніямъ Бога = Усуда.

Когда міросозерцаніе христіанства, не одни лишь его имена и образы, проникло въ содержаніе языческаго фатализма, идея судьбы поступилась своею косностью передъ идеями промысла и вѣдѣнности. Личная доля или недоля человѣка не капризъ рожденія или случая, а дѣло высшаго, таинственнаго устройства не одного, а всѣхъ къ общему благу; съ другой стороны доля и недоля не только даются, но и заслуживаются: своя волюшка доводитъ до горькой долишки.

Остановимся на народномъ выраженіи идеи промысла. Сербская легенда ¹⁾ и тождественная съ нею литовская ²⁾, рассказываютъ: Однажды, когда Господь и ап. Петръ странствовали по землѣ, они встрѣтили парня и спросили его: Куда ведетъ та дорога? Тотъ поднялъ ногу и указалъ, сказавъ: Туда! Далѣе они обращаются съ такимъ-же вопросомъ къ дѣвушкамъ; она тотчасъ же привскочила и показала имъ путь. Дѣвушка заслуживаетъ счастливой доли, говоритъ апостолъ; а Господь ему въ отвѣтъ: — Да вотъ — доли того парня, что поднялъ ногу. — Но она заслу-

¹⁾ Krauss, l. c., 169—170 (съ ссылкой на его-же: Sagen und Märchen der Südslaven II, p. 333, № 137).

²⁾ Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Zematzen I, стр. 294—5.

живасть лучшаго! — Такъ ужъ положено: чтобы лучшія смѣшались съ худшими, отвѣтилъ Господь.

Поясненіемъ этого разсказа служитъ слѣдующій бѣлорусскій ¹⁾.

Послаў разъ Богъ святыхъ угодничкоу своихъ, Пятницу ды Субботу, поглядѣць, што на свѣцѣ робицца ды дѣицца. Вотъ и пошли святые угодники рано ранѣхонька, нице сонца куды ни усходзила. Идуць яны, идуць, ажно имъ на дорогѣ дзярэвущка попалася; заглянули яны у першую хату, ажно, глянь, дзѣўка большая, пригожая, здоровая ужъ и ўстала и помылася и почесалася и Богу помолилася и короу подохла, хату подмела, печку затопила ды ѿ, покуль горшки варуцца, сѣла на пирадку и прадзець. Подзвивилися угоднички на прадавитуу дзѣўку и пошли дальши, прошли дзяреўню, вышли на поле, у поли яще пусцѣхонька, ни души, только на однѣй нѣўки молодзецъ молодѣй, пригожій, ужъ знаць даўно орець, зъ яго и зъ коня ажно ужъ потъ ліецца; подзвивилися зноу угоднички на малайца. «И коли эта бнѣ только успѣу выспацца и уже столько наорау?» Подзвивилися, подзвивилися ды ѿ пошли дальше. Ишли яны, ишли, ужъ и сонца ўзыйшло, по дорогѣ стали людзи попадацьця, то съ сохами, то съ боронами, глядзяць, зноу дзярэвущка стоиць. Стали яны у хаты заглядываць, да ужъ мало идзѣ людзи видны, развѣ старухи: мужики на поляхъ, бабы на городы; только глядзяць, уводной хаткѣ дзѣўка большая, тоўстая, только што яще вочи продѣрла, сядзиць на полу ды зиваць, ды подягивацца, коса ўся ў перій, ажно глѣдзѣць проціўно. Поглядзѣли святые угоднички, подзвивувалися ды ѿ пошли дальше. Пройшли дзяреўню и вышли на поля, глѣдзяць подѣ кустомъ ляжиць молодзецъ, ляжиць ды ѿ спиць, ажно храпиць на ўсю голову. Кола яго кобылка ў сохѣ стоиць, траўку щиплець, знаць якъ выїхали, такъ ничего и ни робили, и нѣўка ня почата. Поглядзѣли, поглядзѣли святые угоднички, плюнули ды ѿ пошли дальше. Пришли яны

¹⁾ Сл. нов Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, II, V, стр. 220—222.

къ Господу Богу, и спрашивають у ихъ Богъ: «Ну, што, мои угоднички, Пятница ды Суббота, што вы тамъ добраго на земли видѣли, што чули?» И стали угоднички разсказывать про дѣвокъ ды про молодойцу и говѣруць Господу: «Вотъ, Боже, по нашему жонницъ ды добраго молодойца ды ѣ съ доброй дѣвкой, а ляниваго съ лянивой: были-бы дзвѣ пары якъ разъ, одзинъ у одного». А Господь возьми ды ѣ скажи имъ такъ: «Дураки вы, дураки, якъ я погляжу, колибъ я такъ дѣлау, ды ѣ такъ злучау, якъ вы говорица, людзи и про мяне и про васъ бы забыли. Рыбацяги бѣ усѣ сами поподѣляли и Богъ бы имъ николи ня понадобится, а лянивый ды глупый и подауна ня усомнюць, а вотъ якъ злучу я разумнаго зъ глупой, а глупую ды ѣ съ разумнымъ, и пойдучь яны у мяне бѣжкаць ды бѣжкаць. Поглядзиць, поглядзиць разумный мужикъ на глупую жонку, во и скажиць: Божинька мой, Божинька, лучше бѣ я ци утопиуся ци удавиуся, чымъ я зъ тобой оженуся. Прибѣецъ разумный мужикъ глупую жонку, станиць она плакаць ды причитываць: Послухай ка якъ Божинька ды Божинька; што слоудо скажець, и Божиньку усомняецъ и святыхъ угодничкоу назоветъ; а сдѣлай я по вашему, по глупому, людзямъ бы ня Богъ, ня святин ня надо были».

Приведемъ еще малорусскую сказку, разработавшую ту-же тему въ приложеніи къ древней идеѣ судьбы-доли, какъ связи, науза (сл. выше стр. 207 слѣд.). Въ лѣсу казакъ встрѣчаетъ старика, св. Николу, который «вязаць лыки — једно добре, а друге кепьске». Эти лыка означаютъ «людьскую долю. — «А чого вы вяжете једно лыко добре, а друге кепьске?» спрашиваетъ казакъ. «Бо такъ треба; бо и люды таки на свити: есть добриі и недобриі, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з добрыми, а добры со злыми. — А то для чого? — Для того, бо якъ бы сы звинчали сами злы, то вони бы не могли въ свити житы, а якъ бы сы повинчали добры, обое робучи, то вони-бѣ з велького добра забылы Бога» ¹⁾.

¹⁾ Аванасъевъ, П. В., III, 378—4; Сказки, IV, стр. 426.

Таковъ народный отвѣтъ на вопросъ о несповѣдности путей божіихъ: отвѣтъ реалистическій, если сравнить его съ мистическимъ колоритомъ раввинской легенды и ея христіанской перелицовки въ повѣсти объ Ангелѣ и Пустынникѣ, давшей матеріалъ Вольтерову *Zadig'u* ¹⁾. Народныя легенды о хожденіи святыхъ по землѣ отвѣтили и этому настроенію: Господь награждаетъ скупого богача и отнимаетъ послѣднюю корову у бѣдной старухи, не пожалѣвшей ап. Петру куска хлѣба, потому что такой «таланъ» и такая «доля» богача, «але все ёго шастя буде на сім світі», бѣдную вдову ждетъ награда по смерти ²⁾.

Другое христіанское пониманіе идеи доли, или скорѣе недоли, является въ тѣхъ случаяхъ, когда о ней говорятъ, какъ о заслуженной, непосланной по грѣхамъ. Въ русской повѣсти XVII в. о Горѣ и Злосчастіи мы встрѣчаемся съ знакомыми намъ темами русской пѣсни: о молодцѣ-бражникѣ и привязавшейся къ нему недолѣ; но эта недоля мотивирована внутренне: отпуская сына въ люди, мать и отецъ наставляютъ его на добрыя дѣла, не ходить въ пиры и братчины, не знаться съ костырями, корчемниками и головами кабацкими:

Ино зло племя человѣческо:
Вначалѣ пошло нецокорливо,
Къ отцову ученію зазорливо,
Къ своей матери нецокорливо.

А молодецъ былъ «не совершенъ разумомъ»: стыдно было ему отцу покориться, матери поклониться, хотѣлось жить, какъ ему любо. За это и привязывается къ нему Горе-Злосчастье; въ

¹⁾ См. Gaston Paris, *La poésie au moyen âge. Leçons et lectures* стр. 151 слѣд.; *Études juives* VIII, 64; Clouston, *l. c.*, I, стр. 20 слѣд.; варианты въ *Mélusine* II, 444—445; Kolberg, *Lud.*, ser. XIV, sz. 6, стр. 166—7; R. Koehler, прим. къ Grünbaum, *Jüdisch-deutsche Chrestomathie*, стр. 215—218 въ *Anzeiger f. deutsches Alterth. u. deutsche Litter.* IX, стр. 406—4; *Ialeak acintyri* ed. Gering. № 100; Владиміровъ, *Къ изслѣдованію о Великомъ зерцалѣ*, стр. 70, къ гл. 48.

²⁾ Драгомановъ, *Малорусскія народныя преданія и повѣрья*, стр. 110—114.

минуты раздумья, когда на пиру добрые люди спрашивают его, почему онъ скорбитъ, не радостенъ, не пьетъ, не ѣстъ и ничѣмъ не похваляется, онъ отвѣчаетъ:

Государь, ви, люди добрые,
 Скажу я вамъ про свою нужду великую,
 Про свое ослушаніе родительское:

.....
 Язъ какъ принялся за нить за кляное,
 Ослушался язъ отца своего и матери,
 Благословеніе мое отъ нихъ миновалось,
 Господь Богъ на меня разгнѣвался ¹⁾.

Та же идея виѣняемости выражена въ сѣверно-русской заплачкѣ дѣвушки по отцѣ и братѣ, утонувшихъ въ Онежскомъ озерѣ ²⁾. Они сами причина своей доли — смерти, хотя весь ихъ грѣхъ—въ опущеніи виѣшняго, обрядоваго этикета: выѣзжая на лодкѣ, они

Съ сусѣдами безсчастны не простились,
 Милосердому Владивѣ не молились,
 Воску ярова свѣщей не затопили,

Оттого ихъ повзыскала «судиннушка», добралась до ихъ головъ. Судьба Василія Буслаева въ былинѣ о немъ представляется въ томъ же освѣщеніи. Онъ не вѣритъ болѣе ни въ долю, ни въ встрѣчу, а въ свою волю и силу; выходъ изъ фаталистическаго міросозерцанія къ самознанію личности прекрасно выраженъ въ варьянтѣ Кириши Данилова (№ XVIII): молодецъ не вѣритъ «ни въ сонъ, ни въ чохъ», а лишь «въ свой червленый вязъ». Здѣсь вступало въ свои права міросозерцаніе христіанства: личная воля не освобождаетъ молодца, наоборотъ, ведетъ его къ грѣху, ибо не знаетъ себѣ границъ въ христіанскихъ заповѣдяхъ смиренія, послушанія. Мальчикомъ Василій буянитъ; выросши, дерется съ

¹⁾ См. мой очеркъ исторіи русской повѣсти въ 1-мъ т. Исторіи русской литературы Галахова, стр. 475, 476.

²⁾ Е. Барсовъ, Прочитанія I, 252.

новгородцами, убиваетъ брата крестоваго, не шадеть и своего крестоваго батюшки. Отпуская его съ дружиною въ Иерусалимъ, мать вопутствуетъ его словами:

Гой еси ты, мое чадо милое,
 Молодой Василій Вуслаевичъ!
 То коли ты пойдешь на добрия дѣла,
 Тебѣ дамъ благословеніе великое;
 То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
 И не дамъ благословенія великаго,
 А и не носи Василья спра земли.

(Кир. V, № 4, стр. 25).

Она велитъ ему не купаться въ Иорданѣ «нагимъ тѣломъ», ибо тамъ купался самъ Иисусъ Христосъ (Рыбн. I, № 60). Самое путешествіе въ Иерусалимъ представляется въ одномъ варьянтѣ (Кир., I. с.) дѣломъ покаянія:

Съ моводу было много граблено,
 Подъ старость вадо душа спасти.

Едва-ли это не шаржъ гѣвца, какъ и наказы матери о разбоѣ: такъ могла быть понята позднее незнающая мѣры отвага древняго новгородскаго удалца, переходящая въ глумленіе надъ святыней: онъ купается нагимъ тѣломъ въ Иорданѣ¹⁾; находитъ на горѣ человѣческой черепъ — несомѣнно Адамову голову — и пихаетъ его ногою (голова вѣщаетъ ему кончину), скачетъ черезъ заповѣднѣй (сіонскій или еаворскій) камень — и убивается до смерти²⁾. — Благословеніе — или проклятіе — матери, вызванное поступками сына, является христіанской перелицовкой древняго мотива о матери, какъ подательницы жизненной доли (сл. выше стр. 175): ея благословеніе приноситъ счастье, проклятіе

¹⁾ На вѣщаніе перенесеніе этого запрета въ быльми о Добрыиъ (Сл. Гильбердинга, стр. 168 слѣд., Рыбн., I, 131 и др.) обратилъ вниманіе О. Мцлеръ, Илья Муромецъ, 427 прил.

²⁾ Сл. наш Разысканія, III, стр. 2, 44—5.

тяготѣеть, какъ рокъ. Разказы на эту тему извѣстны. Въ поэмѣ о Дигенисѣ мать, подъ угрозой проклятiя, проситъ своихъ сыновей, особливо Константина, достать ей дочь, похищенную эмиромъ: Не бойся смерти, бойся моего проклятiя, говоритъ она (v. 325 *μὴν φοβηθῆς τὸν θάνατον παρὰ μητρὸς κατάραν*; v. 326 *μητρὸς κατάραν φύλαγε*) — и сынъ исполняетъ ея желанiе, какъ въ новогреческой балладѣ о братѣ-мертвецѣ мать обѣщаетъ проклясть сына, если онъ не доставитъ ей дочь, отданную въ замужство на чужбину—и онъ встаетъ изъ мертвыхъ, покоряясь ея велѣнiю.

Въ этомъ представленiи идея прирожденной судьбы сплотивлась съ идеей личной вѣнчемости; въ Словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ Обида является съ значенiемъ Недоли, какъ иногда въ сѣвернорусскихъ причитанiяхъ, понятiе ея заслуженности расширилось: не одинъ молодецъ навлекаетъ на себя несчастiе, а вся русская земля платится за грѣхъ своихъ князей. Стоить только замѣнить въ приводимыхъ далѣе отрывкахъ названiе Обиды — Недолей и вспомнить противоположенiя доли или недоли прирожденной и — заслуженной, вѣнченной. «Встала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедьними крылы на синемъ море, у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганья погыбе». Неволя встала въ русской землѣ, плещеть крыльями у синяго моря, на Дону, возбуждая память о счастливыхъ временахъ (или : прогоняя счастливыя времена : упуди)¹⁾, когда, прибавимъ мы, среди князей было согласiе и они побѣдоносно отражали враговъ, тогда какъ теперь князья ссорятся, ихъ гибель въ усобицахъ; оттого и встала Недоля: они заслужили ее, она имъ не прирождена: «не было оно *Обидѣ* порождено (русское храброе гнѣздо) ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый половчине»²⁾. Сл. въ Задонщинѣ: «не съ *обидѣ* есмь былъ по

¹⁾ Потебня, Слово о Полку Игоревѣ, 71.

²⁾ Сл. нем Totdenklagen, I. c., стр. 29, прим. 89.

роженію (*κατὰ γένεσιν*) ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю» ¹⁾).

Еще шире понимается значеніе Недоли-Судьбины въ одномъ грандіозномъ сѣвернорусскомъ причтаніи ²⁾. И здѣсь остается та же идея—заслуженности, но объектомъ является не личность, не русская земля, а человѣчество вообще; вопросъ о людской долинѣ понятъ какъ вопросъ о началѣ зла, грѣха на землѣ.

Злая Судьбина существуетъ съ начала свѣта, но пока люди были добродѣтельны и не дѣлали другъ другу зла, она страшилась ихъ и старалась отъ нихъ спрятаться.

Во темнѣ гѣса отъ нихъ горе кидалось,
 Но тутъ было горюшку не мѣстечко:
 Въ оснѣ горькой листѣ разшумѣлося,
 Того злое это горе утрашилося;
 На высоки эти щели горе бросалось,
 Но и тутъ было горюшку не мѣстечко:
 Съ того щелье кременисто порастрескалось,
 Огонь пламя изъ горъ да объявилось;
 Уже тутъ злое горюшко кидалось
 Въ Окіанъ сине славно оно морюшко,
 Подъ володнику оно тамъ запыхалось;
 Окіанъ море съ того не svolновалось,
 Вода съ нескомъ на двѣ не помутилась.
 Прошло времячка съ того да не со много,
 Въ Окіанъ морѣ ловцы вдругъ пригодились;
 Пошли они маленьки кораблики,
 Повязали они неводи шелковни,

¹⁾ Потебня, 1. с., стр. 88. Кстатѣ объ Обидѣ Слова о П. И.: въ Троицкой притчѣ три богини, являющіяся на Пелееву свадьбу, названы вилами пророчицами; не позвана была виѣсть съ другини Discordia, ибо она «гдѣ идѣше, все сваду строаше»; съ ея появленіемъ возникаетъ распря — сѣня троицкой усобицы. «Вилы пророчицы» указываютъ, что старая легенда представлялась славянскому перескащику въ чертахъ народнаго суевѣрія: три вилы-судницы и четвертая злая, судъ которой рѣшаетъ ходъ будущаго. *Дѣла Обиды, вступившая на трояцкую землю, напоминаетъ Дневешькорайю старославянской поѣсти, возбудившую трояцкую распрю.*

²⁾ Е. Барсовъ, 1. с., I, стр. 269—291.

Проволоки они клали-то нежьковни,
 Они плутивца тутъ клали все дубовни;
 Чего на слыхѣ то вѣкъ было не слыхано,
 Чего на виду то вѣкъ было не видано,
 Какъ въ досюльни времена да въ прежни годниши
 Въ Окиль-морѣ ловцы да не бывали,
 Изловили тутъ свѣжу они рыбоньку,
 Подняли во малой во корабличекъ:
 Точно хвостъ да какъ у рыбы — лебединой,
 Голова у ей въ родѣ какъ козлиная;
 Сдивовались ловцы рыбы незнамой;
 Пораздумались ловцы да добри молодцы:
 По примѣтанъ эта рыба да какъ клучина;
 Поспороменьку ко берегу кидались,
 На дубовой доскѣ рыбу пластали,
 Раскололи какъ уловку свѣжу рыбоньку:
 Много множество неску у ей проглотано,
 Выли сплунути ключи да золочени;
 Тутъ пошли эти ловцы да добри молодцы
 Во деревенку свою да во селеніе;
 Всѣмъ сусѣдямъ рассказали,
 Показали имъ ключи да золочени;
 Тутъ ключи стали ловцы да примѣнять:
 Призгали ключи ко Божиимъ церквамъ,
 По церковнымъ замкамъ ключи не ладятся.
 По улочкамъ пошли они рядовымъ,
 По кунцамъ пошли они торговымъ,
 И во лавочкамъ ключи не пригодилса.
 Тутъ пошли эти ловцы да добри молодцы,
 По тюрьмамъ пошли заключеннымъ:
 Въ подземельни норы ключъ поладилса,
 Гдѣ сидѣло это горюшко велико;
 Потяхоненьку замокъ хотъ отиннали,
 Безъ молитовки, зная, двери отворали;
 Не косѣли тутъ ловцы — добри молодцы,
 Отвереть двери дубовна,
 Съ подземелья злое горѣ разомъ бросилса,
 Чернымъ ворономъ въ чисто поле слетѣло;
 На чистомъ полѣ горюшко садилса
 И само тутъ злодѣйно восхвалялса,

Што тоска буде крестьянамъ неудобная:
 Подъѣдать стало удалнхъ, добрыхъ молодецъ,
 Много прибрало семейныхъ головунекъ,
 Овдовило честныхъ, мужнихъ—молодыхъ женъ,
 Обсиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ;
 Уже такъ да это горе расплодилось,
 По чисту полю горюшко катилось,
 Стужей—внесетъ оно да тамъ садилось,
 Надъ зеленымъ лугомъ становилось,
 Частымъ дождичкомъ оно да роскивалось;
 Съ того моръ пошелъ на малую светинунку,
 Съ того забель на сдвовольни эти хлѣбушки;
 Неприятности во добрыхъ пошли людункахъ.

Такъ началась на землѣ доля.

Преданіе это замѣчательно въ разныхъ отношеніяхъ. Зло или злая судьбина собесначальна свѣту, что относитъ насъ къ богومیльской сказкѣ о міроданіи; даже мѣсто дѣйствія одно и то же: на морѣ гоголемъ объявляется въ сказкѣ Сатаналъ, на дѣѣ моря скрывается и злая Судьбина ¹⁾. Но существуя издавна въ мірѣ, она не существуетъ для человѣка, пока онъ самъ не отдастся ей; древность зла не ведетъ къ понятію его прирожденности и человѣческой невмѣняемости, какъ у дуалистовъ ²⁾; пока люди были добродѣтельны, зло отъ нихъ пряталось. Появленіе на морѣ невиданнаго дива-корабля, прилаживаніе золотого ключа, выражаютъ, быть можетъ, идею библейскаго разсказа о грѣхопадении: что человѣкъ сталъ испытывать запретное, протянулъ руку къ познанію добра и зла. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи держится ближе Библіи:

... въ началѣ вѣка сего тлѣннаго,
 Сотворилъ [Богъ] небо и землю,

¹⁾ Потѣбня, Слово о Полку Игоревѣ, стр. 98, сравниваетъ заговоръ: Кидна — кидалась Тоска (отъ семи старцевъ)... и нигдѣ Тоску не укрыли; кинулась Тоска на островъ на Вуляхъ, на море на Омляхъ, подъ дубъ морищицей.

²⁾ Сл. Rački, Bogomili i Patareni, стр. 176.

Сотворилъ Богъ Адама и Еву,
 Повелѣлъ имъ жить въ свѣтомъ раю,
 Далъ имъ заповѣдь божественну:
 Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго
 Отъ едемскаго древа великаго.

Они преступили заповѣдь — оттуда на землѣ Горы-Злосчастье; фантастическій образъ, въ которомъ смѣшались народныя представленія о прирожденной или навязанной недолѣ — и образъ христіанско-библейскаго демона-искушителя, нападающаго на человѣка, когда, преступивъ заповѣдь, онъ самъ отдается вліянію грѣха. Но есть въ этомъ сложномъ образѣ, перешедшемъ въ оборотъ народнаго демонизма, и еще одна родовая черта, обусловленная на столько же складомъ русской жизни, на сколько старыми вѣрованіями, которыя она воскресила: прародители позарились на виноградное древо въ раю; чортъ русской сказки, недавно пересказанной гр. Толстымъ, изобрѣлъ хмѣльное питье, первый сталъ курить водку: хмѣль и водка замѣнили лозу райскаго дерева, но осталось представленіе о связи демона съ виноградомъ, орудіемъ грѣхопаденія; представленіе богомилское: «вино и жена шъ діавола кстаа», говорили они ¹⁾. Любопытно, что у монголовъ, знающихъ дуалистическую сказку о созданіи міра Богомъ и Ердикомъ, т. е. діаволомъ, послѣднему приписывается и изобрѣтеніе вина (сл. выше стр. 23; сл. стр. 11, 13—14: мордовское и вотяцкое сказанія). Всё это можетъ объяснить, помимо соображеній чисто мѣстнаго характера, русское представленіе Горы — демономъ хмѣля, демоническимъ бражникомъ, который можетъ оборачиваться и кречетомъ и ястребомъ и выжлокомъ, но любитъ являться и самимъ собой, «лычкомъ связанное, подпоясанное».

Такимъ же сложнымъ характеромъ, наслѣдіемъ скрещивавшихся историческихъ вліяній, отличаются вообще антропоморфическія представленія Доли, Сречи и сродныхъ имъ существъ.

¹⁾ Сл. Разысканія X, стр. 396 слѣд. и Мой отчетъ о книгѣ пр. Соколова, въ Ж. Мин. Нар. Просв. Июль. 1888, стр. 465—466.

Съ образами Сречи и Несречи мы уже познакомились (сл. выше стр. 231); характернаго, кромѣ пряхи (при Сретѣ) они ничего не представляютъ; вспомнимъ еще пишущихъ въ книгѣ судьбы Юдъ-Самовилъ. Русская фантазія не отстала отъ южно-славянской: рядомъ съ Горемъ-Злосчастьемъ или просто Горемъ, сложные элементы котораго извѣстны, являются въ сказкахъ Нужа и Злыдни: пластически поняты Злые дни византійской гадальной статьи; Обида и Судина-Судьбина. Если удачливая дѣвушка русскихъ сказокъ, дѣлающая счастливымъ бездольнаго молодца, принадлежитъ не странствующему мотиву, а народному представлению Сречи (сл. выше стр. 229 слѣд.), то ея имя въ *одномъ* варьянтѣ: Лебедь бѣлая можетъ напомнить лебединыя крылья Обиды въ Словѣ о Полку Игоревѣ, и я теперь болѣе склоненъ дать этому образу реальное, не одно лишь риторическое значеніе¹⁾. — Другіе образы русской Доли или Недоли не отличаются яркостью. Исключеніе составляетъ одна малорусская сказка о двухъ женщинахъ: одна была «гарна», другая «погана». Онѣ побранились; одна и говорить: хоть я и «погана», за то «моя доля хороша». Хочешь, я покажу тебѣ твою и свою долю? «Піди-ж ти до дому и навари вечерять въ здоровихъ відернихъ горшкахъ, звари борщу и кашу, а я тежъ наварю, та й понесемъ долямъ, то побачимъ и твою и мою». Пошли онѣ на распутье, поставила «погана жінка» свои горшечки, «разв'язала їхъ, зверху положила чистеньку ложечку, одойшла трохи одъ хреста, та й каже:

Доле, доле, иди до мене вечеряти».

По третьему зову «приходитъ панич, да такой то хороший, . . . попробував борщу. . . дали каші, положив ложку сверху, завернув в рушничек гроші и незнать де й дівсь». — Другая женщина не успѣла закричать по третьему разу, какъ поднялся вѣтеръ и буря: «приходить Доля гарної жінки, да такаж-то препогана,

¹⁾ Сл. Мой отчетъ о Вс. Миллерѣ, Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, въ Ж. Мин. Нар. Просв., ч. СХСІІ, Августъ, стр. 275—7.

обірвана, кудлата, да ще й с хвостом, виіла, виіла все з горшків, поперекидала їх, та й пішла собі¹⁾.

Румынская сказка²⁾ начинается почти также, какъ и мало-русская, но развиваетъ сюжетъ и далѣе. Когда у одного царя родился тринадцатый ребенокъ — дочь, въ его царствѣ настала злая година: болѣзни, вражда, саранча; причина несчастія — въ дѣвочки, говоритъ одинъ мудрый старикъ и по его совѣту её изгоняють изъ страны. Въ одномъ городѣ она нанимается въ услуженіе въ домъ, гдѣ все роскошно и богато, а хозяйка — черная губастая арабка, съ ртомъ до ушей, такая противная, что дѣвушка не удержалась и плюнула ей прямо въ ротъ. Арабка была добрая: Я дурна, говоритъ она дѣвушкѣ, да нарокъ (доля) мой красивъ, а ты, хотя и красавица, да нарокъ у тебя дурень. Побѣжденная такой добротой, дѣвушка бросилась на колѣни, попросила прощенія и всё о себѣ рассказала. Арабка обѣщаетъ ей показать свой нарокъ: въ комнатѣ приготовили столъ съ отборными явствами и напитками; спрятавшись подъ кровать, дѣвушка видитъ вечеромъ, какъ пришелъ молодецъ красивый и стройный, хоть сквозь колечко продѣнь, отвѣдалъ всего понемногу и ушелъ. Это — нарокъ арабки. А коли хочешь видѣть твой нарокъ, говоритъ арабка, приготовь на другую ночь ѣды, да побольше: три коровы, три боченка вина; придетъ толстый, оборванный, засаленный, нечесанный парень, какъ собака набросится на ѣду и напьется пьянъ — это твой нарокъ; когда онъ заснетъ, ты вынь у него изъ кармана клубокъ краснаго шелка и не отдавай ему, какія-бы сокровища онъ тебѣ не предлагалъ. Такъ всё и случилось. Спустя нѣкоторое время пошелъ кличь по городу, что у невѣсты царевича не хватило шелку для сорочки; не найдется-ли у кого подходящаго? Арабка велитъ дѣвушкѣ пойти и попросить за свой клубокъ, что онъ вытянетъ. Положили его на вѣсы, и

¹⁾ Чубинскій, II, отд. 1-й, № 129.

²⁾ Dimitru Stancescu, Basme calesse din popor cu introducere de Dr. M. Gaster. Bucureşti, 1886, стр. 88 слѣд. (собщ. П. А. Сырку).

сколько ни клали денегъ на другую чашку, клубокъ все перевѣшивалъ; не уравнились вѣсы и тогда, когда самъ царевичъ сталъ на нихъ. Я принадлежу дѣвушкамъ, рѣшаетъ онъ, и женится на ней; она и приглянулась ему болѣе, чѣмъ его невѣста.

Можно быть уродомъ и счастливымъ; дуракомъ и съ долей. Удачливость нашего Емелюшки не воздаяніе за его нравственную чистоту, а его дурацкое счастье. Красавица румынской сказки — бездольная; какъ въ другихъ извѣстныхъ намъ разсказахъ, она силой добываетъ свою долю¹⁾ — нить, улаживающуюся въ брачную сорочку. Это — два волоса святогоровой побывальщины, два лыка малорусской легенды, сваривающихся, сплетающихся въ одной брачной долѣ.

Сравненія этихъ южнославянскихъ и русскихъ олицетвореній приводятъ къ наблюденію, дополняющему уже сдѣланное намъ (см. стр. 211—212). Русской *долю* мы противопоставили южнославянскую *сречу*: судьбѣ прирожденной, сужденной, судьбу случайно навѣянную, встрѣченную. Второе представленіе свободнѣе перваго, первое архаичнѣе и коснѣе, ощущается какъ гнетъ — въ формѣ недоли. Не это-ли ощущеніе гнета, связанности, накопilo въ фантазій русскаго народа преимущественно отрицательные образы: Горя, Обиды, Кручины, Нужи; дало самому пониманію Судьбы-Судины, Судьбины, отвлеченному по существу, конкретное значеніе: Злой Судьбы, Недоли? Сл. такое-же пессимистическое развитіе понятій *fatum*'а (смерть), Немезиды, Эриний. — И здѣсь сербская *среча* представляетъ обратный процессъ: въ началѣ просто встрѣча, встрѣчный случай, случайная судьба, она перешла къ значенію счастливой судьбы, счастья; уже отъ нея отвлекается понятіе противоположное: Несрећа — Недоля. Судина и Среча принадлежатъ во всякомъ случаѣ двумъ исключаяющимъ другъ друга міросозерцаніямъ, разнообразно помирившимся въ славянскомъ представленіи судьбы. И не въ одномъ

¹⁾ Сл. выше стр. 217 слѣд. Какъ въ румынской сказкѣ дѣвушка отнимаетъ у Нарока клубокъ, такъ въ одной малорусской у Чубинскаго парень вырываетъ у своей Доли перстень и съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ.

славянскомъ: *sofs* и *fofs*, *μοῖρα* и *τύχη* точно также отличаются содержаниемъ идеи. Отличіе обусловлено исторіей, ростомъ мысли, вездѣ болѣе или менѣе прошедшей по тѣмъ же стезямъ; но оно можетъ также являться показателемъ народно-культурныхъ особенностей, смотря по тому, какое изъ возможныхъ опредѣленій судьбы восторжествовало не только въ словарѣ, но и въ сознаниіи той или другой народности. Доля русской сказки и *aventure* рыцарскаго романа одинаково подлежатъ историческому и народно-культурному опредѣленію; первому—причудливый образъ *Τύχη*, незнакомой Гомеру, являющейся у Пиндара сильнѣйшей изъ *μοῖρα* и затѣмъ предстающей въ поздне-греческую пору, у комедіографовъ и романистовъ, капризной богиней слѣпаго случая, царящаго безраздѣльно надъ людьми и богами ¹⁾.

¹⁾ Сл. Rohde, Der griechischen roman, Register s. v. *τύχη*.

XIV.

ГЕНВАРСКІЯ РУСАЛІИ И ГОТСКІЯ ПІРМЫ ВЪ ВІЗАНТІИ.

Говоря въ предыдущей главѣ о связи идеи судьбы, въ родовой стадіи ея развитія, съ культомъ манъ, я коснулся мимоходомъ нѣсколькихъ образовъ народнаго суевѣрія, аналогическихъ съ разобранными мною: русалокъ, вилъ и валькирій (сл. стр. 180 и 185). Русалки — маны выходили изъ границъ моего изслѣдованія: идея судьбы развита въ нихъ слабо, почему я и выдѣлилъ ихъ въ особый отдѣлъ, воспроизводящій, съ измѣненіями и поправками, мою замѣтку о генварскихъ русаліяхъ въ Македоніи¹⁾. Вилы и Валькиріи выключены были изъ общаго обзора по другому поводу: по моему мнѣнію онѣ и маны, и дѣвы судьбы, какъ рожаницы, керы, јупонес и т. д., и могли бы идти объ руку съ ними, — еслибъ мой взглядъ на ихъ коренное значеніе не былъ новшествомъ, еще ожидающимъ критики, и не потребовалъ съ моей стороны нѣкоторой подробности изложенія, неумѣстной въ очеркѣ, посвященномъ вопросу болѣе общаго характера.

Начну съ русалокъ.

Римскій праздникъ весеннихъ поминокъ, *dies rosae, rosalia*²⁾, сохранился въ христіанскомъ переживаніи подъ названіемъ

¹⁾ Сл. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХLI, отд. 2, стр. 1 слѣд.

²⁾ О нихъ см. Miklosich, Die Rosalien, *Sitzungsber. d. Wien. Ak.* 46 B. 1864, p. 386—406; Tomaschek, *Ueber Brumalia u. Rosalia*, ib. 68 B. 1868, p. 369 sqq.

русалий. Наименование это встречается впервые въ толкованіи Вальсамона (конца XII в.) на 62-й канонъ Трульскаго собора, какъ названіе древняго праздника, отбываемаго въ деревняхъ по частъ: τὰ λεγόμενα Ρουσαλία τὰ μετὰ τὸ ἅγιον Πάσχα ὑπὸ κακῆς συνηθείας ἐν ταῖς ἔξω χώραις γινόμενα. По сообщенію Диметрія Хоматіана, епископа Ахридскаго (XIII в. нач.), русалии (Ρουσαλία) праздновались *σε πόλιν πο πενήδεκαμιμνιαι жителями Молеиской темы* ¹⁾: σύνταγμα γίνεσθαι νεωτέρων καὶ τὰς κατὰ χώραν κώμας αὐτοὺς περιέρχεσθαι καὶ παιγνίους τισὶ καὶ ὀρχήμασι καὶ βεβαρκευμένοις ἀλμασι καὶ σκηναῖς ἀσχημοσύνας ἐγκαλεῖσθαι δῶρα παρὰ τῶν ἐνοικούντων εἰς κέρδος αὐτῶν. Аравантинь (Аравантинός, Хроноуграфия τῆς Ἡπείρου, т. II, р. 191) такъ описываетъ русалии въ эпирской Паргѣ: τὴν καλουμένην ἑορτὴν Ῥοζαλιαν ἢ Ῥουσαλία, διαρκουσαν ἀπὸ τῆς ἀ μετρη τῆς ἡ Μαίτου, ὅτι ὁ λαὸς ἐκλέγων πολίτην τινα ὡς ἀρχηγὸν εὐθύμει διὰ διαφόρων κωμικῶν σκηνῶν μεταξύ δὲ τούτων ἐκφοτεὶ καὶ πλάσθην τινα μάχην, σχηματιζομένων δύο στρατιωτικῶν σωμάτων, τοῦ μὲν χριστιανικοῦ, τοῦ δὲ ὀθωμανικοῦ ἀρχηγουμένου ὑπὸ πλαστοῦ Πασσᾶ, ὅστις συναλαμβάνετο ἀτχμάλωτος μετὰ τὴν γενομένην ἐν τῇ τελευταίᾳ ἡμέρᾳ τῆς ἑορτῆς ψευδομάχην· ἐν τῷ μεταξύ δὲ τῶν ὀκτῶ ἡμερῶν οἱ Ῥουσαλιῶται Πάργιοι εἰσέπραττον τὸ τελονιακὸν δικαίωμα πάντος ἐμπορεύματος εἰσαγωγῆς ἢ ἐξαγωγῆς, καὶ τὸ ἐφήρμοζον εἰς δαπάνην τῶν ἐν τῇ πανηγύρει γενομένων ἐντροφῆσεων καὶ προπαρασκευῶν. Воображаемая борьба христіанъ съ османами не что иное, какъ новая перелюцевка стараго драматическаго пренія между лѣтомъ и зимою, которую представляетъ папа, поступающійся въ концѣ распри своей свободой и жизнью, замѣчаетъ Томашекъ ²⁾.

Съ празднованіемъ въ Паргѣ необходимо сблизить тотъ же обрядъ, совершаемый въ албанскихъ колоніяхъ Калабринъ въ первые три дня Пасхи ³⁾. Старое названіе праздника, *gusalet* =

¹⁾ Въ концѣ Разысканійхъ, вып. IV, гл. VII, стр. 206 напечатано ошибочно: Молеиской. О положеніи Молеиска см. Томашек, l. c., р. 872, 873.

²⁾ l. c., р. 371.

³⁾ О нихъ см. мое замѣтку: Новости по изученію италянскои литературы,

русалия, теперь полу-забытое, уступило мѣсто другому: *rieizit* или *veschiagelli*. Главная роль въ обрядѣ принадлежитъ парнямъ, одѣтымъ въ военный костюмъ восточнаго стиля, и женщинамъ, которыя, сплетаясь руками, исполняютъ древній народный танецъ (*vala*), двигаясь по улицамъ, заходя и въ дома. Тѣ и другія пляшутъ подѣ звуки пѣсенъ, исполняемыхъ антифонически, старыхъ воинственныхъ пѣсенъ, восходящихъ къ XV вѣку, къ памяти о подвигахъ Скандербега, Константина и др. Группой юношей, *rieizit*, руководить старикъ, не ряженный, толпой женщинъ — юноша; къ нимъ присоединяются еще ряженные, съ лицами, вымазанными мѣломъ, мукой или сажей, одѣтые въ козьи шкуры, съ колокольцами и погремушками у пояса; въ рукахъ у нихъ разнаго рода кухонная утварь, руки замараны сажей: прохожіе испытываютъ то и другое на себѣ и не сердятся на злые шутки и прибаутки, столь же традиціонныя въ этомъ обрядѣ, какъ и музыкальный инструментъ, родъ свирѣли, сдѣланной изъ коры фигового дерева; подѣ звуки этой свирѣли медленно движутся *rieizit*, прежде чѣмъ пуститься въ пляску. Періодъ *gizalet* открывается въ полночь съ великой субботы на Христовъ день, когда по греческому обычаю колоколъ возвѣститъ о Христовомъ Воскресеніи. И вотъ, въ то время, какъ съ одной стороны группы набожныхъ поютъ подѣ окнами спящихъ «Христосъ воскрес!» (*Xristos ávásti*), другіе пляшутъ по деревнѣ, приглашая повеселиться: «Сегодня, красавица, воскресенье, Христово воскресенье. Проснитесь же, юноши, и пойте, проснитесь дѣвушки и начинайте плясать! Кто не успѣлъ приварядиться въ праздничное платье, пусть остается дома спать». Во вторникъ вечеромъ праздникъ кончается грустною пѣсней: «На будущій годъ, объ это время, одни изъ насъ еще будутъ въ живыхъ, другихъ не будетъ; но хоть и малые числомъ, мы не посрамимъ нашихъ товарищей».

Ж. М. Н. Пр. 1884 г., Іюнь, стр. 436—437. См. De Rada, *Raprodie d'un poeme albanese, raccolte nelle colonie del Napoletano*, p. 91: отрывокъ русальскихъ пѣсенъ (*Canti delle Russalle*); обрядъ, совершавшійся на Пасхѣ, сохранился лишь въ деревнѣ Casal-Nuovo, въ Базиллатѣ.

Тамъ, гдѣ до сихъ поръ удержалось имя и празднество русалій, онѣ обыкновенно являются приуроченными къ Духову и Троицыну днямъ ¹⁾, когда, по греческому повѣрью, именно между Пасхой и Пятидесятницей, душамъ умершихъ дозволено возвращаться на землю ²⁾. Такъ у *румынъ*: rusalje, rusalji = pentecôte; *манвайзесъ* (fées ³⁾); у *албанцевъ*: rscidi, rscidi = pentecoste (см. ršali); въ *церк.-слав. языкѣ*: на роусалю = εἰς τὴν ἀγίαν πεντηχοστὴν (гомилия Іоанна пресвитера экзарха, по сербск.-слав. рукописи XIII в.), на русаліяхъ, въ сѣботѣ русаліяхъ (Сав. книга 130, 131, 147); у *сербовъ*: rusalje, rusalji = pentecoste (Ragusa, Bocche di Cattaro); у *словинцевъ*: risale = pentecoste; risalček, risalšček, risalščak = maius mensis; у *чеховъ*: rusadla, rusadlé = pentecoste; у *словаковъ*: rusadljé, rusadla = то же; въ Муранскомъ статутѣ 1585 года упоминаются: rusadly, rusadelné svátky, съ тѣмъ же значеніемъ и характеристикой: nepořádné tance, obzvláště na rusadelné svátky podle starého obyčeje krále staveti etc. (Světozor, 1855. 44). То же въ актахъ Штуттницкаго евангелическаго собора 1591 года: na rusadlnie swiatky podle starjeho obyčege králow staweti, tance wywázeti, do starje kožuchy se obláčeti i gakžkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakazáno bude ⁴⁾. — Обычай выбирать «rusadelného král'a» сохранялся еще до прошлаго столѣтія у восточныхъ словаковъ (Gemeg, Spiš, Šariš) и мадяровъ: «Bartholomaeides v diele: Notitia Comitatus Gömöriensis, str. 443, pripomina, že tu mládež každej obce vyvolila zpomedzi sebě najhodnejšieho za král'a a k boku jeho celú súdobnú osobnost: prisažných i snad kata ešte a hajdúchov. Skutočna sprava obce a moc stutočného richtára v nej akoby na tento deň zotretá bola bývala, tak súdil i riadil i trestat' dal

¹⁾ Большая часть относящихся сюда указаній собраны были уже Миклошичемъ, I с., и поданы въ: *Christliche Terminologie der slavischen Sprachen* (Wien, 1875), стр. 25—26. Къ этимъ работамъ я и обращаю читателей.

²⁾ Πολίτης, Μελέτη I, 347—8.

³⁾ Cihac, *Dict. d'étymologie Dacoromane. Eléments slaves, magyars etc. a. v. rusalii.*

⁴⁾ Аванасьевъ, *Поэт. возвр.*, III, 143.

tento rusadelný kráľ' so svojými prisajdnými, všetko a všetko mu aj poslušné bolo ¹⁾).

Русалиямъ восточныхъ словаковъ отвѣчало у западныхъ названіе Turice; Миклошичъ съ большою вѣроятностью объясняетъ его изъ турьей маски, которая могла фигурировать въ этомъ обрядѣ, какъ турница въ дубровницкой масляницѣ ²⁾. Ср. галицкія турницы, праздновавшіяся въ началѣ Мая, отвѣчая великорусскому семьку ³⁾, и проводы весны въ саратовской губерніи (30-го Іюня): *чучело лошади* носятъ взадъ и впередъ по лугу въ сопровожденіи огромной толпы ⁴⁾. Сходный весенній обычай существуетъ въ пензенской губерніи ⁵⁾; въ другихъ мѣстностяхъ Россіи въ заговѣнье передъ Петровками *нѣсколько челоутокъ, накрывшись парусомъ, представляютъ изъ себя лошадей, при чемъ передній держитъ передъ собою лошадиный черенъ*. Эта обрядовая маска зовется *русалкой* ⁶⁾ — и возвращаетъ насъ къ имени русалин: сл. *роусальки* = русалин въ Номоканонѣ по ркп. XVII вѣка: «плесаня... творещихъ или роусалькы» ⁷⁾.

Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спаскѣ рязанскомъ называется *русальнымъ заюотьемъ*. На другой день, то-есть, въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ готовятъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее *русалку*; потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны — наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ за-

¹⁾ Sborník slovenských národních písní, povestí etc. vydáva Matica Slovenska, Sväzok I (1870) стр. 197—198.

²⁾ См. мои Разысканія VII, p. 128.

³⁾ Ž. Pauli, Pieśni ludu polskiego w Galicyi, p. 15.

⁴⁾ Ефименко, О Яригѣ, p. 86—87; Сахаровъ, Сказанія Русск. Нар. VII, 42.

⁵⁾ Терещенко, Бытъ русск. народа, VI, 191—2.

⁶⁾ Аванасьевъ, Поэт. возвр. III, 164.

⁷⁾ Miclosich, Die Rusalien, стр. 6.

щитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаются пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разрываніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводили русалокъ ¹⁾. То же въ Бѣлоруссіи: На первый день Петрова поста, къ вечеру, дѣвушки плетутъ себѣ вѣнки и выбираютъ изъ среды себя самую статную, крѣпкую и высокую дѣвушку въ *русалки*, которую онѣ самымъ тщательнымъ образомъ убираютъ цвѣтами и лентами. Затѣмъ вечеромъ, когда уже взойдетъ луна, дѣвушки въ бѣлыхъ сарафанахъ съ монистами, съ распущенными волосами, переплетенными лентами, надѣваютъ себѣ на голову изготовленные вѣнки, становятся въ рядъ, взявшись за руки, русалка впереди, и съ гнѣмъ идутъ длинной вереницей за село, къ нивамъ. На пути передняя нара подымаетъ, въ видѣ арки, руки, подъ которыми, наклонившись, проходятъ всѣ остальные. Это продѣлываютъ всѣ, слѣдующія за первой, пары. Пройдя версты двѣ за село, между нивъ, къ кустарнику, дѣвушки останавливаются. Въ это время парни, ѣдущіе въ ночное, нагоняютъ ихъ, слѣзаютъ съ коней и наскоро сложивъ костры, начинаютъ прыгать черезъ нихъ. Дѣвушки проворно бросаютъ на нихъ вѣнки и разбѣгаютъ, а русалка ихъ ловитъ, и кого поймаетъ, того щекочетъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ играхъ принимаютъ участіе и парни, и всѣ разбиваются на пары ²⁾.

Эти русскія игры интересны своимъ совпаденіемъ съ слѣдующею словянскою; разница лишь въ томъ, что первая относится къ проводамъ весны, вторая — къ ея встрѣчѣ. *Ob pustu, ko je že led zginil z rečic in potokov, vodijo Slovenci kraj Ščavnice Ruso. Storfjo pa tako-le. Dva mladenca svoja krbta kup obrneta, ter se pripogneta. Eden vzeme metlo v roke, drugi pa drog, na kterega obesi star pisker. Tretji mladenič pokrije s beloe rjuho*

¹⁾ Аонасьевъ, I. с., III, 150.

²⁾ Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, т. I, ч. 1, стр. 199—200.

pripognena mladeniča. Pisker predstavlja glavo, metla pa rep. Cela šema ima po takem podobščino konjsko. Mladenič to šemo po vasi goni in poje:

Belo Ruso vodimo,
Konjem srečo prosimo,
Zobi je ne dajemo,
Z meglo jo napajamo.

Kedar prižene Ruso do potoka, vržeta mladeniča, ktera sta predstavljala podobščino konjsko, pisker in metla v potok, in vsi triji zapojejo:

Smo Ruso v vodo stirali,
Konjem srečo sprosil;
Zdaj bomo pa pobirali,
Da bomo težko nosili.

Pri vsakem hramu dobijo kakšen dar, postavim jajec, klobas, sira ¹⁾.

Руса, отвѣчаетъ, очевидно, не только по маскѣ, но и по имени — Русалкѣ русскаго обряда, и я полагаю, что то же имя сохранилось, искаженное, въ *Олози*-русалкѣ, которую водятъ въ Гомельскомъ уѣздѣ (Могилевской губ.) въ заключеніи обрядоваго «суканья веснь» ²⁾.

Вернемся къ обзорѣнію русалій.

У *Воларъ*: Русали = *Дуговъ денъ*; въ церковь приносятъ русалию и, во время чтенія молитвъ, каждый кладетъ ее себѣ подъ колѣни ³⁾; «отъ *Опасов-денъ* начнѣтъ да праздновать самовилски-тѣ праздниці — *Русали*» ⁴⁾; «недѣля передъ *Соместоемъ*

¹⁾ Rajek, Ůrtice iz dnevnega hitka Štajerskih Slovencev (V Ljubljani 1884), стр. 212.

²⁾ Шейнъ, Вѣзюрусскій сборникъ, стр. 125.

³⁾ Каравеловъ, Пам. нар. быта болгаръ, р. 281; сл. стр. 222 прим.: Русалия — растеніе, которое не дѣлаетъ, но имѣетъ пріятный запахъ, съ пустымъ отвѣсомъ, вышнюю съ посажены; о немъ ходятъ разные преданія.

⁴⁾ Чолаковъ, Българскыи народенъ сборникъ, р. 89.

Святаю Духа известна подъ именемъ *Русальницы* (Пиротск. окр.). Въ старое время въ теченіи всей этой недѣли играли «оро» (хороводъ) въ честь Русалин. До сихъ поръ въ нѣсколькихъ селахъ кюстендильскаго округа празднуется «соборъ» (храмовой праздникъ), «Руса недѣля»; онъ приходится въ середу Русальной недѣли, а четвергъ этой недѣли известенъ подъ именемъ «въртоломы». Въ этотъ день женщины, у которыхъ есть дѣти, не работаютъ, тогда какъ всѣ другіе исполняютъ обычную работу. Въ теченіе этой недѣли существовалъ въ окрестностяхъ Бѣлой-Паланки такой обычай: восемь дѣвушекъ отправлялись славить по домамъ; кого найдутъ въ домѣ, тому цѣлуютъ руку и поютъ пѣсни (съ тѣмъ или другимъ пожеланіемъ); поютъ по очередно четыре дѣвушки ¹⁾.

На нѣкоторые русскіе русальскіе обычая мы уже указали выше. Въ Россіи недѣля Святыхъ Отецъ и слѣдующая за нею *Пятидесятницы* назывались: *Русальной, зеленою, либо клещальной* (вѣтки, которыми украшаются дома въ Троицынъ день, зовутся въ Малороссіи «клячанне»), или *семишкою*. Семикъ, собственно, четвергъ на седьмой недѣлѣ по Пасхѣ; въ вологодской губерніи онъ называется «русалкой», «русалчин или мавскій Велик-день», «русали» (малор.), тогда какъ литовск. *sekmis* (= семикъ) означаетъ праздникъ Пятидесятницы = церковно-слав. *роусалиа*. Особенность семика — поминовеніе (и погребеніе) умершихъ на убогихъ домахъ, скудельницахъ и жалыникахъ, простирается и на весь окружающій его праздничный циклъ: во вторникъ передъ семикомъ въ Великороссіи совершаются задушницы; на могилахъ поминуютъ покойниковъ, оставляя разбитыя яйца; говорятъ, что въ этотъ день покойники бродятъ по могиламъ и дерутся съ русалками; въ субботу послѣ семика (клячальная суббота, великор. малор.; родители троицкіе, великор.) совершается поминовеніе умершихъ въ Болгаріи, какъ и въ Россіи; вспомнимъ нареканія Стоглава, кн. 41, вопросъ

¹⁾ Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества. Вып. I, стр. 11 слѣд.

23 ¹⁾: прѣтивъ плясокъ и скоморошьихъ пѣсенъ на жалыникахъ въ Троицкую субботу. Стоглавъ не говоритъ по этому поводу о *русалкахъ*, но это названіе разумѣется само собою: въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ ²⁾ повѣрьяхъ русалки преимущественно утопленницы и дѣти, родившіяся не живыми и умершія некрещеными; но это лишь обособленіе болѣе общаго понятія, выраженнаго въ названіи русалокъ: малор. *маками* (то-есть, навками), *майками* (у карпатскихъ бойковъ); *нася* недѣля = недѣля пятидесятницы; сл. малор. обозначеніе семика: русалчин или *макскій* великдень.

Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: по малорусскому повѣрью гдѣ-то за моремъ живутъ рахманы; они не имѣютъ собственнаго счисленія времени, а потому празднуютъ пасху тогда, когда доплыветъ къ нимъ отъ насъ скорлупа пасхальнаго яйца. Вслѣдствіе того существуетъ въ народѣ обыкновеніе выбрасывать въ великую субботу въ рѣку скорлупы яицъ, «крашанокъ», которыя доплываютъ къ рахманамъ на Преполовеніе, и рахманы тогда только празднуютъ пасху, «рахманскій великдень». Иначе вмѣсто рахмановъ, называютъ *блаженный* народъ *насы*; скорлупа, брошенная въ рѣку, доплываетъ къ нимъ въ навскій великдень = зеленый четвергъ, но ее не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ ея предварительно, не то *русалки* будутъ въ нихъ плавать ³⁾. Еще новое отождествленіе: навокъ и русалокъ, о которыхъ говорятъ, что они разводять на могилахъ сніе огоньки ⁴⁾, которыхъ призываютъ на русальной недѣлѣ, поминая утопленниковъ и удушенниковъ и разбивая на ихъ могилахъ красныя яйца:

Русалка-царница,
Красная дѣвица!

¹⁾ Разысканія, VII, стр. 207—208.

²⁾ Шейнъ, Матерьялы, стр. 196.

³⁾ Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 371 и прил. в.

⁴⁾ Леонасьевъ, Поэт. воззрѣнія III, 197, 248; Шейнъ, Матерьялы I. с., 197.

Не загуби, душка,
 Не дай удавита,
 А ми тебѣ кланяемса!

Часть поминальныхъ блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ. Кто на русальской недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки. При отправленіи проводовъ русалокъ, женщины пронзосятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, какъ бы къ могиламъ ¹⁾.

Анализъ русскихъ суевѣрій ²⁾ приводитъ къ заключенію, что весеннія русалии, главнымъ образомъ, поминальный обрядъ; русалки = шапез; на древнія отношенія родства указываетъ совпаденіе ихъ культа съ весеннимъ обрядомъ кумовства; онѣ — покойники, «земляночки», какъ въ пѣснѣ на Троицкой недѣлѣ:

Русалочки, земляночки,
 На дубъ гѣзли, кору грызли,
 Звалилися, забилися ³⁾.

Покойниковъ хоронили въ языческую пору на горахъ, въ гѣсахъ, на распутяхъ, спускали въ воду ⁴⁾; оттого галицкія мавки = русалки представляются живущими на горныхъ вершинахъ, какъ наши русалки любятъ качаться на вѣтвяхъ дерева ⁵⁾. Ихъ преобладающій нынѣ водный характеръ можно было-бы объяснить позднѣйшимъ обособленіемъ ихъ типа; горныя русалки, напримѣръ, должны были исчезнуть въ мѣстности, гдѣ горы были рѣдкостью; но съ другой стороны есть данныя, за-

¹⁾ Аванасьевъ, I. с., III, 243—244.

²⁾ Кромѣ Аванасьева, I. с. (см. указатель а. в. Русалка, Русалии и т. д.), см. еще: Калининскій, Церковный мѣсяцесловъ или Руси, р. 469 слѣд.; Петрушевичъ, Общерусскій дневникъ, Іюнь, съ 5-го по 10 Іюня, стр. 51 и слѣд.; Чубинскій, Труды и т. д., т. III: Народный дневникъ, стр. 185 (зелені святки); Каравеловъ, Пам. нар. быта болгаръ (съ 5-го Іюня), стр. 228 слѣд.

³⁾ Аванасьевъ, I. с., III, 243.

⁴⁾ Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ, стр. 33, 227; 72 и разнѣм.

⁵⁾ Аванасьевъ, I. с., р. 124—125.

ставляющія предположить значительную древность такого именно представленія. Южно-славянскія вилы, горныя и водныя, указываютъ здѣсь на параллели, которыхъ мы коснемся въ слѣдующей главѣ.

I.

Описанные выше обряды и повѣрья объединены временемъ — весною — и названіемъ русальныхъ; къ нимъ относится несомнѣнно и слѣдующая румынская игра, не носящая этого обозначенія, но совершающаяся въ обычную пору весеннихъ русалій и отличающаяся тѣмъ-же типомъ и интереснымъ согласіемъ — съ генварскими русаліями Македоніи. Кантемиръ ¹⁾ называетъ исполнителей ея *caluczenii*; вѣроятно это тоже, что *călușér, călușár = saltimbanque, bateleur; joc călușeresc = certaine danse avec mascarade* ²⁾. Поговоривъ о пляскахъ и хороводахъ румынъ, Кантемиръ продолжаетъ: *praeter ista saltus genera, quae in festivitatibus locum habent, aliud est superstitiosius, quod ex impari saltatorum numero, septem, novem et undecim, debet componi. Caluczenii isti vocantur et semel in anno congregantur, vestibus muliebribus induti: caput corona cingunt, e foliis absinthii plexa, et aliis interstincta floribus, vocem mentiuntur femineam, et ne dignosci possint, alba tela faciem contegunt. Cuncti nudos in manibus gestant gladios, quibus illico transfoderetur, quisquis plebejus faciei ipsorum tegmen detrahere auderet. Id enim ipsis privilegium antiqua consuetudo concessit, adeo, ut neque in judicio homicidii ea de causa accusari possint. Dux coetus vocatur staricza, secundus primicerius, cujus officium est, ut quod saltus genus staricza exerceri velit, exquirat, sociisque clam indicet, ne populus saltus nomen*

¹⁾ *Operele principelui Demetriu Cantemiru, t. I, Descriptio Moldaviae (Bucareaci 1872) стр. 129—130.*

²⁾ *Cihac, Dictionnaire d'etimologie Daco-romane. Éléments slaves, magyars etc., a. v.*

prium audiat, quam conspiciat oculis. Habent enim plusquam centum diversa metra et adeo compositos choros, nonnullos adeo artificiosos, ut qui saltant, vix terram tangere, sed quasi in aëre volare videantur. Ita per decem dies, qui Assumptionis Jesu Christi et Pentecostes ferias intercedunt, continuis laboribus exercentur, cunctaque oppida et pagos saltando currendove peragrant. Inter illud tempus nisi sub tecto templi dormiunt, creduntque se, si in alio loco cubaverint, statim ab aneraidibus, quos frumosas vocant, vexatum iri. Porro, si qui Caluczanorum coetus alii in via obviam factus fuerit, pugnandum est utrique, debellati viam victoribus cedut, compositisque pacis legibus, per novennium se alteri coetui inferiores profiteri debent. In tali proelio si quis fuerit interemtus, nullum datur iudicium, nec quis ille fuerit a iudice exquiritur. Qui semel in talem coetum fuerit receptus, per novennium singulis annis eundem frequentare debet; quod si id neglexerit, eum a maligno spiritu corripit et a frumosis vexari perhibent. Superstitiosa plebs illis morborum chronicorum expellendorum potestatem adscribit. Fit autem sanatio hoc modo: prostrato in terram aegroto, illi suos saltus incipiunt et notato cantilenae loco jacentem a capite usque ad calcem per seriem calcant, tandem verba aliqua studio concepta ejus auribus insusurrant, morbumque exire jubent. Hoc si ter per triduum repetierint, plerumque spei eventus respondit, morbique difficillimi, qui expertissimorum medicorum artem diu deluserant, hac ratione facili negotio expellentur.

До сихъ поръ празднованіе русалій встрѣчалось намъ довольно постоянно приуроченнымъ къ Троицыну и Духову дню; если у словинцевъ ихъ названіе было распространено на Май мѣсяць, то подобное же обособленіе, по совмѣстности, можно было бы признать и въ показаніи Стоглава: о русаліяхъ «о іоанновѣ дни»¹⁾. Но какъ объяснить себѣ, что тотъ же памятникъ говоритъ о русаліяхъ, совершаемыхъ о «навечерни рождства

¹⁾ См. мои Разысканія, VII, стр. 204.

Христова и Богоявленія», то-есть, въ началѣ и концѣ двѣнадцатидневнаго святочного цикла? До сихъ поръ это показаніе стояло совершенно одиноко, если не принять въ расчетъ Заповѣдь св. Отецъ (Тихонравовъ, Памятники, II, 302), гдѣ русальи могутъ быть поняты, какъ отождественныя съ колядой и празднованіемъ индикта («нелѣпо коледовати, ни роусальи играти, ни индикъ чести ни празновати в на»). Теперь оно не вызоветъ сомнѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ въ южной Македоніи обнаружено существованіе чрезвычайно интереснаго обряда, отбываемаго именно о святкахъ и обозначаемаго древнимъ именемъ — русалий¹⁾.

Въ «погани дни» отъ Рождества до Богоявленія (визант. τὸ Δωδεκαήμερον; нѣм. die Zwölften) никто не работаетъ, и собираются «дружинны», подъ именемъ русалий, ходящія отъ села къ селу съ «русальскими играми» и собирающія деньги и подарки, чаще всего въ пользу какой-нибудь церкви.

Русалийская дружина состоитъ обыкновенно изъ 20—60 парней или мужчинъ или, вѣрнѣе, изъ 10—30 паръ, ибо состоящія въ одной парѣ не раздѣлимы, представляя какъ бы одно лицо. Каждая дружина, образующая одну «веригу» или одинъ танецъ (хоръ, лѣкъ), имѣетъ при себѣ: 1) двѣ пары музыкантовъ (мехтери = тѣпанари и зурнаджи); 2) двѣ пары предводителей, имена первой: Протъ или Балтаджия и Кеседжия; имя перваго предводителя во второй парѣ: Юзбашия; 3) пару чаушей, идущихъ по сторонамъ танца, одинъ впереди, другой сзади; 4) пару вѣстниковъ-соглядатаевъ = калаузи; 5) двухъ-четырехъ слугъ. Всѣ одѣты въ великденскія платья (дрѣхи), «съ бѣли-тѣ имъ широки кошульки (арнаудски фустани) отъ горѣ, а на грѣди-тѣ се прѣкръстени съ двѣ цървени (алени) шампи, напчени съ все-какви труфила, като пенязни (парични) нанизни и др.». Балтаджия вооруженъ сѣкирой, всѣ другіе — мечами на голо. Собравшись

¹⁾ Руссалии, древнѣе и твърдѣ интереснѣе българскій обычай запазенъ и до днесъ въ южна Македония. Написанъ и издава К. Шапкаревъ. Пловдивъ, 1874.

въ первый день Рождества у дома церковнаго настоятеля, они отправляются на игры, распростившись съ домашними, какъ будто бы шли на войну: игры бывали, въ самомъ дѣлѣ, столь кровопролитныя, что многіе не возвращались домой, погибнувъ въ свалкѣ; ихъ хоронили на мѣстѣ боя. Въ теченіе всѣхъ двѣнадцати дней, пока продолжаются игры, соблюдаются такія правила:

Никто изъ играющихъ не можетъ говорить съ кѣмъ бы то ни было, даже съ «другаремъ» (стоящимъ въ той же парѣ), развѣ вечеромъ, на ночлегѣ, да и то немного и тихо; только предводителямъ (Балтаджин и Кеседжин) разрѣшено говорить.

Не позволяется за все это время ни креститься, ни молиться, ни говорить: «здравъ ми си», либо «на здравье», «добро утро», «добъръ вечеръ», «добрѣ дошьгъ».

Во время игры и пляски всякій обязанъ ступать вслѣдъ предходящаго ему друга. «Помежду членове-тѣ на дружина-та, кон-то макаръ и да се не държатъ рѣка за рѣка, съставятъ обаче единъ танецъ (ликъ), или инакъ, прѣзь имъ, танецъ, кога-то игражтъ или пѣтуватъ, никому не е позволено да помине, да се провере, та да разцепи, раздвои хоро-то, освѣтъ на боли, кон-то влзатъ въ срѣдъ хоро и стоять догдѣ трае една игра, и то съ надѣжда да получаютъ здравье, кое-то се получавало посрѣдствомъ прѣкръстванье-то съ мечове-тѣ по чело-то му; това извършватъ тие слѣдъ свършванье-то игра-та». Къ этой подробности присоединимъ и слѣдующія: пока дружина гдѣ-нибудь играетъ, двое чаушей со слугами обходятъ ближніе дома, перекрещивая мечами лицо всякаго встрѣчнаго, а дома въ трехъ мѣстахъ: «на врата-та щомъ влзатъ, на дименикъ-тѣ и на друго нѣкое мѣсто така, що то образувать правленъ трелгънникъ». Также крестятъ «за здравіе» всѣхъ находящихся въ домѣ, прося подаянія во имя какого-нибудь святаго или церкви, для которыхъ играетъ дружина; подачки собираютъ и носятъ слуги. «Ако се научатъ че въ нѣкоя кѣща имало лехунка жена, Руссални-тѣ тамо не влегватъ. А и такова жена, кога ги види или научи че

дожждать, бѣга отъ нихъ и се крпе въ кѣщи като се сматра нечиста още». Иной хозяйнъ приглашаетъ цѣлую дружинну къ себѣ на дворъ — поиграть и перекрестить домашнихъ «за здравье», а къ больному ихъ зовуть и въ домъ.

Слѣдуя по пути, не переходятъ въ бродъ черезъ воду, а скачуть, либо перевозятся черезъ нее; встрѣтивъ на пути похороны, велятъ поставить носилки съ покойникомъ на землю и, перескочивъ черезъ него, позволяютъ нести далѣе.

Если кому-либо изъ дружины пришлось отстать отъ нея за надобностью, то съ нимъ вмѣстѣ идетъ и его другарь, машущій все время мечемъ надъ головою совершающаго свою нужду (пьющаго и т. п.), какъ бы отгоняя отъ него какую-то опасность. Если птица пролетитъ надъ дружиной, либо надъ нѣкоторыми изъ ея членовъ, всѣ начинаютъ махать мечами, убиваютъ ее и съѣдаютъ на вечери.

Въ деревняхъ на пути останавливаются въ домахъ попарно, оба предводителя вмѣстѣ, при нихъ и два музыканта свирца; къ ихъ дому собирается играть и вся дружина. Если дружина зайдетъ въ свое собственное село, то никто не останавливается на ночлегъ у своихъ. Подходя на ночлегъ къ какому нибудь селенію, напередъ извѣщаютъ поселянъ (черезъ вѣстниковъ = калаузи) о своемъ прибытіи, а тѣ принимаютъ ихъ съ почетомъ, поятъ и кормятъ (Русалин не обѣдаютъ, а завтракають — поручегъ, похалка, — ужинають и вечерають); еслибы въ томъ селѣ очутилась уже на ночлегъ другая дружина, то вновь подходящая минуетъ его и слѣдуетъ далѣе.

Ирм. «На всѣюка утрина, кога-то се готвятъ да налѣажтъ по игранье, единъ часъ прѣдъ зора-та, удрятъ тѣпани-тѣ, за да се разбудятъ и ставжтъ вси-тѣ сѣставляющи дружина-та членове. . . . Слѣдъ единъ часъ, въ глѣбока зора, тѣпани-тѣ удрятъ повторъ», и дружина собирается къ дому начальника, который дѣлаеть ей смотръ. Всѣ становятся кругомъ «тѣкмо-нозѣ и, отъ како помине (начальникъ) съ сѣкира-та си покрай носѣ-тѣ на наредени-тѣ си войници съ голѣма бързина и силно, вси-тѣ по

гласъ-тъ неговъ извикватъ еднажъ силно и велегласно: «ехее!», та тръгватъ, като засвирятъ прѣдходящи-тъ свирци». Каждый, кромѣ музыкантовъ, держитъ въ правой рукѣ мечъ на-голо, «исправенъ съ върхъ-тъ на горѣ и, спрости свирба-та, кога подигатъ ржка-та си заедно съ мечъ-тъ на горѣ, кога пакъ на долу я поснимватъ». Встрѣтивъ ро время игры «раскръстница (кръстоплѣтъ) или хладенецъ (бунаръ или изворъ) или друга нѣкоя подобна вода или сухо дърво, ветхи гробища или прѣква, обикальватъ ги до три плѣти съ хоро (игранье); а на свършваник-то обикалька-та, по примѣръ на Балтаджия-та—началникъ, членовѣ-тъ на всякоя двойца първо ще прѣкръстятъ единъ съ другъ мечеве-тъ си, слѣдователно, като ги опрѣтъ съ върхъ-тъ въ земя-та, вси-тъ извикватъ единоголасно: «ехее!» та тръгватъ. Така правятъ и всекога кога-то свършватъ игра-та си на нѣкое мѣсто». Игры кончатся передъ заходомъ солнца, какъ, съ другой стороны, русалии заботятся, чтобы заходъ солнца не засталъ ихъ внѣ села. Вслѣдъ за вечерей, по звуку тѣпановъ, дружина снова собирается къ дому начальника, послѣ чего играютъ попарно въ какія-нибудь игры, а поселяне «чинятъ сеиръ». Начальники (первая пара) не играютъ, а когда играетъ пара Юэбаши, всѣ члены дружины, кромѣ Балтаджии и его друга, стоятъ, пока не кончатся игра.

На пути всякая дружина посылаетъ развѣдчиковъ узнать, нѣтъ ли впереди другой, встрѣчной дружины, чтобы съ нею можно было разминуться. Если двѣ дружины встрѣтятся, то ни одна не уступитъ дороги другой, развѣ подъ условіемъ, чтобы слабѣйшая, въ знакъ покорности, прошла подъ скрещеными мечами сильнѣйшей. Такъ какъ это считается униженіемъ, то дѣло часто кончалось настоящимъ боемъ; убитыхъ хоронили тутъ же, безъ церковныхъ обрядовъ и отпѣванія. Такъ образовались такъ-называемые «Русальскія гробища».

Наканунѣ Богоявленія («на Неядка или Водокръсть») игры кончатся; дружина возвращается во свояси и прямо въ церковь, гдѣ священникъ читаетъ имъ молитву. «Кой-то отъ Русалии-тъ

не си пѣлѣь молитва, велеть и вѣрвать, че полудѣвалъ». Всѣ входятъ въ церковь, въ «женска-та врата» или въ «лѣва-та», съ мечами на-голо, «и застанватъ прави и нарѣдени на права линия, както и влѣзватъ, на лѣвий-тъ църковенъ отдѣлъ, сир. отъ кждѣ-то минува святии Прѣносъ. Единъ священникъ застанва въ единъ отъ приближни-тъ до олтарь-тъ столове, та всѣкому отдѣлно и едно по друго прочитва му по една молитва», послѣ чего одинъ за другимъ проходятъ въ среднее отдѣленіе церкви, «по край лѣви-тъ пѣвчески столове», и далѣе, «до пангарь-тъ, до западний зидъ на църква-та, а отъ тамъ заобильковать и до Архирейский столъ, кждѣ-то вече се запирають». Когда молитва прочтена надо всѣми, священникъ «застанва на Архирейский столъ, държящъ въ лѣва-та си ржка честний крестъ, а въ десна-та — наковасена съ освятаена вода китка босилькова». Всѣ подходятъ къ столу, не снимая шапки и не крестяся, цѣлуютъ крестъ и руку; онъ кропитъ ихъ лицо и мечи, которые они опускають долу; послѣ того они «заминватъ задъ дѣсни-тъ пѣвчески столове въ дѣсно-то църковно отдѣленіе, та достигватъ дори до дѣсна-та църковна врата. Тамо тога вече, влѣзъ отъ църква-та, до врата-та, всѣкой остава меча си, кон-то послѣ събиратъ ги на бreme (деметъ, снопъ)». Затѣмъ возвращаются въ церковь уже съ непокрытыми головами, съ свѣчами въ рукѣ, крестятся и прикладываются къ иконамъ. Выйдя изъ церкви, просятъ прощенія другъ у друга и всякому (кромѣ другарей) на пути цѣлуютъ руку. Въ деревни обходятъ съ посѣщеніемъ домъ за домомъ. Въ семьѣ ихъ встрѣчаютъ радостно; платье, въ которомъ они совершали обходъ, снимается и моется внѣ дома. Утромъ, въ день Богоявленія, колятъ овна, и всѣ домашніе ѣдятъ его вмѣстѣ и веселятся.

Генварскія русалии, сохранившіяся въ Македоніи, бросаютъ яркій свѣтъ на значеніе одноименныхъ обрядовыхъ игрищъ, звѣстныхъ въ другомъ, весеннемъ приуроченіи.

1) *Русалии*—«русалки» (Номоканонъ Миклошича: русалка = семикъ) запрещались церковью, какъ языческія. Нигдѣ эта языческая окраска не выступаетъ такъ ярко и знаменательно, какъ

въ Македоніи: русалии за все время игры не молятся и не крестятся, входятъ въ церковь, не снимая шапки и т. п. Русалиями въ македонскомъ, *русалиотами* въ эпирскомъ обрядѣ зовутся участники, исполнители игры, тамъ и здѣсь — ряженые: это одно изъ необходимыхъ условій ¹⁾; я сопоставляю съ ними, изъ русской обрядности, чучело «*русалки*» въ проводахъ весны.

2) Общимъ признакомъ является драматическій характеръ игры, откуда отвлеченное пониманіе русалий, какъ языческихъ игръ вообще, въ сопоставленіи съ скоморохами, гуслими и т. п. Такъ, въ нашей начальной лѣтописи (подъ 1067 годомъ): «днзволь лстятъ и друугыми нравы, всьзачьскими лстѣми прѣваблзга ны отъ бога, *трудоулами и скомражи, юуслыми и роусалми. видимъ бо ирища оутлачена и людиѣ много множкство, тако оутихати начьнууть друугъ друуга, позоры дѣлюще отъ бгса оумышленого дѣла, а церкзи стоизтъ*» ²⁾. Тоже въ поученіи, приписанномъ въ одномъ сборникѣ Феодосію Печерскому и, вѣроятно, заимствованномъ изъ Златоустра (Слово о ведрѣ и о казнѣхъ бжннхъ), тогда какъ въ другомъ поученіи Златоустра (еже не прешбидѣти цркве бжїа и свѣхъ тавнѣ) *скомражи и русалии* («о скомрасѣхъ и ѿ русалиихъ») передаютъ греческое ἐν μὲν ἰπποδρόμιαις. Сл. у Кирилла Туровскаго: «*блговѣскыя плъси, плъсанье, бубны, соплы, цусли, тискове, ираныя неподобныя, роусалыя*» (Буслаевъ, Историческая хрестоматія, 504); въ Толкованіи къ апостолу Павлу, XIII вѣка: «*кѣда ирають роусалии ли скомороси ли пыаницѣ кличють, или како сборище шдольскихъ игръ, ты же въ тѣ часъ пребуди дома*»; въ Въпрошеніи апостольскомъ о мукахъ и о грѣсѣхъ и о покаяніи и обрѣтеніи милости Господна: «*иры, лгалелмы куклы, и скоморожи и руса-*

¹⁾ Въ Бѣлгородѣ, въ праздникъ Пятидесятницы, переодѣваютъ женщину въ мужской костюмъ, мужчину въ женщину, и водятъ ихъ въ теченіи трехъ дней по городу съ пѣснями и плясками. Сл. Этногр. Сборн. Имп. Русск. Геогр. Общ. V, 87.

²⁾ Miklosich, Die Rusalien, p. 5—7; Разысканія, VII, 204—207, 189, гдѣ ссылки на памятники.

лією плашущая и еса ирица бѣсовская; въ Словѣ св. Нифонта о русаліяхъ: «остати всѣмъ игръ бѣсовскихъ и Ѡ лѣсти дѣволя, навпаче [и]же свога имѣнѣ дають бѣсу лукавому, иже суть *русалы, а нниже скоморохомъ*»; въ позднѣйшихъ пересказахъ житія св. Нифонта: «умысли сатана, како отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣси, преобрази въ человекѣи, и идаше въ сборѣ велицѣ упестренѣ въ градъ, ови бѣяху въ бубны, друзи въ козици и въ сопѣли сопяху, шни же, возложыше на ся скураты, дѣяху на глумленіе человекомъ. . . . и нарекоша ири *тѣ русалія*»; въ Заповѣди стыхъ Ѡцѣ ко исповѣдающимса сномъ и дѣшеремъ (Тихонравовъ, Памятники, II, 302): «*тѣмъ коледовати ни роусалии ирати, ни иидкѣ чести ни празновати в на*»; въ Азбуковникѣ: *роусалиа* = *ири скоморошескія*. Сл. выраженіе «устава людемъ о велицемъ постѣ (Срезневскій, Свѣд. и замѣтки, LVII, 312: въ Дубенскомъ сборникѣ XVI в.): «*тѣмъ сѣ русаліахъ*» — и въ одной рукописи XVII в. (Miklosich, Die Rusalien, стр. 5): «*сѣ роусалиахъ ходимъ*». Напомнимъ, наконецъ, увѣщанія Стоглава (глава 41, вопросъ XXIV): «роусалии о Іоанновѣ дни и навечерни рожества Христова и Богоявленія сходять съ мужие и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бесовскіе пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на богомерскіе дѣла».

3) Парный принципъ македонскихъ русалій я не умѣю объяснить; тѣмъ болѣе интереса возбуждаетъ кажущійся, сравнительно, случайнымъ эпизодъ обряда — о враждебной встрѣчѣ двухъ русальскихъ дружинъ. Эпирскія русаліи, по описанію Аравантина, состояли главнымъ образомъ въ военной игрѣ, въ которой сражаются другъ съ другомъ двѣ группы ряженыхъ русалиотовъ. Въ русскихъ проводахъ русалокъ играющіе также раздѣляются на двѣ, враждующія другъ съ другомъ, толпы; парность хоровъ замѣчается и въ описаніи албано-италианскихъ *gusulet*, и въ томъ моментѣ болгарскихъ весеннихъ русалій (у Качановскаго), что дѣвушки, ходящія по домамъ, чередуются въ пѣніи.

4) Значеніе зимнихъ и весеннихъ русалій взаимно освѣщается, какъ осеннія празднества Діонису досказываются весенними. Если въ центрѣ майскихъ русалій стоитъ культъ мертвыхъ, тризны на кладбищахъ, то нѣчто подобное могло лежать и въ основѣ январскихъ обрядовъ, только въ другомъ освѣщеніи — какъ Діониса представляли себѣ то замирающимъ узникомъ зимы, то оживающимъ, обновляющимся весною вмѣстѣ съ природой. Среди обрядности январскихъ русалій, несомнѣнно люстрального характера, есть черты, указывающія на идеи, присущія и весеннему празднеству: встрѣтивъ покойника, русалии перескакиваютъ черезъ носилки, на которыхъ онъ положенъ; встрѣтивъ на пути церковь или кладбище, сухое дерево или колодезь или распутіе (мѣста погребеній?), обходятъ ихъ съ обычными очистительными церемоніями, скрещивая мечи и т. п. Легко предположить, что такъ-называемыя «Русальскія гробища» назвались такъ не отъ обычая погребать на мѣстѣ боя павшихъ русаліевъ, а въ томъ, болѣе древнемъ смыслѣ, по которому и весеннія русалии совершались въ Россіи на кладбищахъ и скудельницахъ. Въ этой связи я склоненъ понять и обязательное молчаніе русаліевъ: они не здѣшніе, они — *laguae* въ окруженіи Діониса. Если наши русалки задаютъ загадки, увлекая съ собою того, кто не съумѣлъ ихъ разгадать, то это лишь другое выраженіе объѣта молчанія. Покойники безмолвствуютъ, ихъ рѣчь намъ — загадка.

Недавно вышедшій сборникъ Ястребова раскрылъ намъ существованіе генварскихъ русалій, если не въ ясномъ сознаніи, то въ памяти населенія старой Сербіи. Колядовщики, ходящіе съ колядными пѣснями по домамъ отъ Николина дня до Богоявленія, называютъ себя *Русалиями*:

Иванъ пиа, коледо, добри гости, ко
Добри гости, коледо, Русалије, ко и т. д.

Хозяйка дома вынимаетъ дукать

Па дарова, коледо, Русалије,
Буд да еду, коледо, да ју фалу.

Одна взъ колядокъ, которую поютъ колядовщики-русалин, известна въ болгарскомъ и румынскомъ вариантахъ:

Има мајко,	коледо,	мушко чедо,
Писано му,	»	краљ да буде.
Па су дошли,	»	Русалије,
Русалије,	»	из Русије,
Па говору,	»	Русалије
Па се могу,	»	старом мајком:
Дај нам, мајко,	»	мушко чедо!
Писано му,	»	краљ да буде.
Говори имъ,	»	стара мајка:
Ајд одатле,	»	Русалије!
Дете ми је,	»	аџамија.
Он' не може,	»	краљ да буде,
Он' не може,	»	војску редит,
Он' не може,	»	спенџе бројит.
— Ми ћемо му,	»	војску редит,
Ми ћемо му,	»	спенџу бројит,
Дај нам, мајко,	»	мушко чедо ¹⁾ .

II.

Въ русалияхъ, названіе которыхъ достаточно было разъяснено Миклошичемъ и Томашкомъ, сохранились отголоски еракійско-македонскаго народно-классическаго культа, противъ котораго церковь нерѣдко поднимала свой голосъ, и который тѣмъ не менѣе не только удержался при ней, но и распространился по ея слѣдамъ, какъ элементъ народно-церковнаго обряда. Какъ древнія Врумалин отложились многими своими чертами въ обрядности каландъ = колядъ ²⁾, такъ удержались, не измѣнявъ

¹⁾ См. мой отчетъ о Сборникѣ Ястребова, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXLVII, отд. 2, стр. 898—4.

²⁾ См. Разысканія, VII, стр. 99 слѣд.

шени, и весеннія русалии, тогда какъ военныя игры генварскихъ русалий объяснять намъ, быть можетъ, значеніе «готской игры» византийскаго придворнаго церемоніала, сохранившеяся отрывочно на фрескѣ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора ¹⁾.

Константинъ Порфирородный ²⁾ такъ описываетъ ее:

Τῆ ἑννάτῃ ἡμέρᾳ τῆς Δωδεκαημέρου ³⁾, τῶν δεσποτῶν ἐπὶ τοῦ δείπνου καθεζομένων, ὃ καὶ Τρυγητικὸν προσαγορεύεται, ἐν ταῖς δυσὶν εἰσόδοις τοῦ μεγάλου τρικλίνου τῶν ἰδ' Ἀκουβίτων ἴστανται οἱ μέλλοντες παῖσαι τὸ Γοτθικὸν οὕτως· ἐν μὲν τῷ ἀριστερῷ μέρει, ἐν ᾧ καὶ ὁ δρουγγάριος τοῦ πλοήμου παρίσταται, ἴσταται ὁ τοῦ μέρους τῶν Βενέτων μαίιστρῳ μετὰ καὶ ὀλίγων δημοτῶν καὶ τῶν πανδουριστῶν μετὰ τῶν πανδούρων καὶ ὀπισθεν αὐτοῦ οἱ δύο Γότθοι φοροῦντες γούνας ἐξ ἀντιστρόφου καὶ πρόσωπα διαφόρων εἰδέων, βασιάζοντες ἐν μὲν τῇ ἀριστερᾷ χειρὶ σκουτάρια, ἐν δὲ τῇ δεξιᾷ βεργία. — Съ правої стороны стоить: ὁ δρουγγάριος τῆς βίγλης, ὁ τοῦ μέρους τῶν Πρασίνων μαίιστρῳ, сь пандурстами — а также два гота, ряженные какъ и выше. Καὶ δὴ μετὰ τὴν τοῦ σφαιροδρομίου ἔξοδον, τοῦ δεσπότου κελεύοντος τὸν τῆς τραπέζης τούτους εἰσαγεσθαι, εὐθὺς ὀρίζει ὁ τῆς τραπέζης τῷ ἀρχοντὶ τῆς θυμέλης, καὶ αὐτὸς ἐξερχόμενος προτρέπεται τούτους εἰσελθεῖν· οἱ δὲ τρέχοντες καὶ τὰ σκουτάρια ὑπὸ τῶν ὑπ' αὐτῶν βασιάζομένων βεργίων τύπτοντες καὶ κτύπον ἀποτελοῦντες λέγουσιν· τοῦλ, τοῦλ. καὶ τοῦτο συνεχῶς λέγοντες ἀνέρχονται πλησίον τῆς βασιλικῆς τραπέζης ὡς ἀπὸ ὀλίγου διαστήματος, κάκεισε μηγνύμενοι ἀμφότεροι ποιῶσι κυκλοφερῆ παραταγήν, οἱ μὲν ἔσω τοῦ κύκλου ἀποκλειόμενοι, οἱ δὲ ἔξωθεν περικυκλοῦντες· καὶ τοῦτο τρισσῶς ποιῶντες διαχωρίζονται καὶ ἴστανται εἰς τοὺς ἰδίους τόπους, οἱ

¹⁾ См. Кондаковъ, О фрескахъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора (СПб. 1888), стр. 7: варваръ сь круглымъ щитомъ, обитомъ гвюдями, и топоромъ идетъ на другого ряженаго въ мѣховую шкуру, шерстью вверхъ, сь звѣриною головою и держащаго въ рукахъ рогатину.

²⁾ De cerim. aulae Byzantinae, I, 88, ed. Bonn., v. I; см. прим. Reiske и С. Müller, Ein altgermanisches Weihnachtspiel, genannt das gotische, въ Zeitschrift f. deutsche Philol., XIV (1882), стр. 442 слѣд.

³⁾ Въ Разысканіяхъ, VII, стр. 101, я, слѣдую Сасѣ, опредѣляю празднованіе готскихъ игръ 6-мъ Января.

μὲν τῶν Βενέτων εἰς τὰ ἀριστερά, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων εἰς τὰ δεξιὰ μετὰ καὶ τῶν ἐτέρων δημοτῶν· καὶ λέγουσιν ἀμφω τὰ Γοτθικά, ἀτινά εἰσι ταῦτα, δηλονότι καὶ τῶν πανδούρων τὸ οἰκεῖον μέλος ἀποπληρούντων.

γαύζας βόνας βηκηδίας, ἄγια, γαυδέντες ἐλκηβόνιδες ἐνκέρτυς, ἄγια. βόνα ὦρα τουτουβάντες, βόνα ἀμόρε ἐπισκυάντες, ἰδεσαλβάτους, νανά, δέους, δέους. σεαακιβα, νανά, δευμονογγύβеле γυβίλους γυβέλαρες, νανά, γυβίλους γυβέλαρες, νανά· τοῦγεγδεμα δὲ τοῦλβελε, νικάτω τουλδο, νανά—ὁ Ἐξεκίας ἐν τοῖς πολέμοις καθοπλισάμενος Ἀσσυρίους, ἀνανά, τὴν ἐλπίδα καὶ μόνην ἔχων Θεοῦ τοῦ φιλανθρώπου, νανά, πάντα ὑπέταξεν ἔθνη καὶ ἀθέων τὴν τυραννίδα, ἄγια· ὁ Σωτὴρ, ἀγαδοὶ δεσπότης, νανά, πάντα ἐχθρόν σας δουλώσει πρὸ τῶν ποδῶν σας· ἴβερ, ἴβεριεμ τοῦ γεργερεδρῶ, νανά, σικαδιασε περέτουρες.

Послѣ того магистры и димоты венецовъ и празниковъ поють, въ честь императора, Алфавитарій, нѣскольکو разъ прерываемый, по знаку магистровъ, пляскою готовъ. Вотъ какъ описывается ихъ вторичное вступленіе: καὶ μετὰ ταῦτα λέγοντες οἱ μαίστωρες πρὸς τοὺς Γότθους· ἀμπαατῶ, διὰ νεύματος τῶν αὐτῶν μαιστώρων κυκλεύουσιν οἱ Γότθοι καὶ ταῖς βέργαις τὰ σκουτάρια τύπτοντες καὶ λέγοντες· τοῦλ, τοῦλ, περικλείουσιν ἐνδόθεν τοὺς τῶν δύο μερῶν μαίστωρας καὶ πάλιν ἀποχωριζόμενοι εἰστανταὶ εἰς τοὺς οἰκείους τόπους. . . καὶ μετὰ τὴν συμπλήρωσιν τοῦ Ἀλφαβηταρίου λέγουσιν (scil. οἱ μαίστωρες) Πολυχρόνιον ποιήσει ὁ Θεὸς τὴν ἀγίαν βασιλείαν σας· Οἱ δὲ Γότθοι τύπτοντες μετὰ τῶν βεργίων τὰ σκουτάρια καὶ λέγοντες συνεχῶς· τοῦλ, τοῦλ, τρέχοντες ἐξέρχονται, οἱ μὲν τῶν Βενέτων ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ μέρους, οἱ δὲ τῶν Πρασίνων ἀπὸ τοῦ δεξιοῦ·

Готская игра исполнялась, стало быть, въ присутствіи императора, на святкахъ, празниками и венецами, при чемъ на каждой сторонѣ было по два человѣка, ряженныхъ готами; всѣ вмѣстѣ пѣли тѣ Готτικά, при чемъ τὸ οἰκεῖον μέλος, очевидно относится не къ готамъ, какъ думаетъ Миллеръ (I. с., 449), а къ пандуристамъ, его исполнявшимъ; сл. переводъ Рейске: *carmina sic dicta Gothica, panduris interim modulo suo accinentibus*. Что

касается текста этой пѣсни, то за вычетомъ греческой вставки и нѣкоторыхъ непонятныхъ, вслѣдствіе испорченности, словъ, ея лексическій составъ — изувѣченный латинскій. Передаю ея начало по восстановленію Миллера (l. c., 454) и Саоы ¹⁾:

М и л л е р ъ:

Gaudeas bonas vicinias! Hagia!
 Gaudete secli boni dies in certis! Hagia!
 Bona hora tutabantes!
 Bona amore inspicientes!
 Inde salvatus, Nana, deus, deus! и т. д.

С а о а:

Gaudeas bonas vicinias! Hagia!
 Gaudentes electi venientes in certantis! Hagia!
 Bona hora tibiantes!
 Bona amore ἐπι scientes!
 Idem salvatus! и т. д.

И далѣе объясненія расходятся: Саоа видитъ въ τοὺλ (припѣвъ, сопровождающій игру) и въ τοὺλβελε, τοὺλδο пѣсни = виз. τοὺλδον (ἀποσκευή, багажъ войска), которое переводитъ ὁ στρατός; въ ἰβερ, ἰβεριεμ = impregium. Миллеръ усматриваетъ въ Iber—англос. eofor, сѣв. jöfurr, althochd. ebur = арег, и, послѣдовательно, Фрейра, у котораго былъ кабанъ съ золотой щетиной (р. 458—459); Tul напоминаетъ ему германское названіе для святочнаго цикла: Jul, и онъ не прочь увидѣть въ немъ — Водана, какъ въ Nana—Terra Mater, сѣверную Фриггу (р. 456—458). Не касаясь Tul'a и Iber'a, замѣчу, что если ихъ генеалогія такъ же сомнительна, какъ божественность Nana'ы, то германскому Олимпу нечего ждать отъ нихъ обогащенія. Ибо κακά—не богиня, а терминъ византійской музыкальной техники. См. Саоу, l. c., стр. 149 слѣд.: то, что греки называли гармоніями, ла-

¹⁾ К. Ν. Σάβη, Ἱστορικὸν δοκίμιον περὶ τοῦ θεάτρου καὶ τῆς μουσικῆς τῶν Βυζαντινῶν, р. 190.

ТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ТОНАМИ, ТОМУ У ВИЗАНТІЙЦЕВЪ ОТВѢЧАЛИ ἤχοι. „ἐπειδὴ δὲ οἱ ἤχοι οὗτοι εἶναι ὀκτώ, τὴν βᾶσιν τῆς ἐλληνικῆς λειτουργίας ἀποτελεῖ βιβλίον τι Ὀκτώηχος ἀποκαλούμενον, διότι τὰ ἐν αὐτῷ ἄσματα ἀνταποκρίνονται πρὸς τοὺς ἤχους τούτους ἢ ἀρμονίας τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Οὕτω διηρημένη ἡ Ὀκτώηχος περιέχει κανόνας, τροπάρια καὶ ἄλλους ἐκκλησιαστικούς ὕμνους τονισμένους κατὰ τὴν ἰδιάζουσαν μελωδίαν τῆς ἀρμονικῆς ταύτης κλίμακος. . . Πρὸς διάκρισιν μιᾶς ἐκάστης τῶν ὀκτῶ τούτων ἀρμονιῶν οἱ μάλιστα μετεχειρίζοντο τὰς συνθηματικὰς ταύτας λέξεις: „Ανανές, Νεανές, Νανά, Ἄγια, Ἄανές, Νεανεαγές, Ἄνεανές, Νεαγιέ «. . . . Ἄι ἄνω μυστηριώδεις λέξεις ἐξεικονίζονται ἐν μὲν τοῖς μουσικοῖς βιβλίοις διὰ συμβολικῶν χαρακτήρων, ἐν τῇ ἐκτελέσει ὅμως τοῦ ἄσματος ὁ διευδύνων τὴν βυζαντινὴν ὀρχηστρὰν ἐδήλου τὴν ἀλλαγὴν τοῦ τόνου εἴτε προφέρων αὐτὴν τὴν ὀηλοῦσαν τὴν μελωδικὴν παραλλαγὴν λέξιν, ἢ συνηδέστερον πρὸς ἀποφυγὴν χασμωδίας δηλῶν τούτο διὰ χαρακτηριστικῆς χειρνομίας ἢ τοῦ λεγομένου νεύματος. . . Σὺν τῷ χρόνῳ αἱ ὀκτῶ αὗται ἀρμονίαι ὑπεδιηρέθησαν εἰς μέγαν ἀριθμὸν διαμέσων ἀπήχημάτων, ἡγαθίων ὑπὸ τοῦ λαοῦ ἐν τῇ ἰ' ἑκατονταετηρίδι καλουμένων» — Константинъ Порфирородный цитуетъ изъади: Νανά, Ἄνανά, Ἄνανάια и т. д. (1. с., стр. 152, прим. 2, и стр. 171).

Такимъ образомъ, въ пѣснѣ, сопровождавшей такъ-называемую готскую игру, ничто не заявило себя намъ, какъ спеціально — готское или германское (сл. Müller, 1. с., р. 444—448). О готскомъ владычествѣ на балканскомъ полуостровѣ давно забыли, и его продолжительность (около 180 лѣтъ) едва ли объяснило бы намъ забвеніе мѣстной, военной игры на святочныхъ русалияхъ — ради какого нибудь германскаго Schwerttanz'a. Болѣе могли помниъ готскую стражу византійскихъ императоровъ и, отбывая обрядовую священную пляску при дворѣ — нарядиться именно готами, какъ русалиоты въ Паргѣ одѣваются турками. Оттуда и названіе «готской» игры, подъ которымъ могли сохраниться на самомъ дѣлѣ слѣды январскихъ «русалий», по времени совпадавшихъ съ календами и слившимися съ ними врумалиями. Въ книгѣ св. Стефана Никомидійскаго говорится о

Константиѣ Копронимѣ, что онъ Βρομαλίον ἔστι ἑορτήν δαιμονιώδη ἐξετέλει, Δίονυσον καὶ Βροῦμον εὐφημῶν εἰς τὴν αὐτὴν τελετὴν ὡς τῶν σπερμάτων καὶ τοῦ οἴνου γενεσιουργός ¹⁾. Замѣтимъ, что готскія игры назывались и τρυγητικόν (δειπνον), что я перевелъ жатвеннымъ пиромъ ²⁾, у Reiske: vindemialis (Müller, l. c., 443: Traubenmahl). Это, въ основѣ, осенній праздникъ Діониса, — какъ выше мы приравнивали зимнія и весеннія русалии—къ осеннимъ и весеннимъ Діонисіямъ.

¹⁾ Tomaschek, l. c., p. 322—326.

²⁾ Разысканія, VII, 101.

XV.

Валькирии — *Welia*, Ἠλύσιον πεδίον, Виола — *Viola*.

Мы уже знаемъ, что русалки—маны, чествовались особымъ поминальнымъ обрядомъ русалій, то-есть *rosalia* или *rosaria*, слѣды котораго въ Италіи и среди романизованнаго населенія балканскаго полуострова восходятъ далеко. Напомнимъ лишь сопоставленія, сдѣланныя Томашкоу¹⁾: въ двухъ надписяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Драмы, завѣщаются еіазіотамъ *Liber Patet*'а суммы, изъ процентовъ которыхъ совершались бы ежегодно на могилахъ усопшихъ тризны, и именно — *rosalibus*, въ началѣ гѣта, когда въ садахъ и лугахъ всё отдавались веселью, вѣнчали себя розами и поминали покойниковъ. Такъ называемое *Feriale sampanum* приурочиваетъ *Rosaria* къ 13 мая; если свидѣтельство *Calendarium Lambescianum* (изъ временъ Константина II, 337—361 г.) относится къ тому же обряду (*X. Kal. Iun. macellus rosa sumat*), то ихъ отбывали и 23 мая, что согласно съ позднѣйшимъ совпаденіемъ русалій съ Духовымъ днемъ; свидѣтельство другихъ надписей указываетъ еще на 11 и 21 мая. Поминальный характеръ обряда засвидѣтельствованъ его сопоставленіемъ съ *parentalia: rosalia et parentalia, parentalia et rosaria, tempore parentaliorum... et rosae*. Вмѣсто

¹⁾ *Über Brumalia u. Rosalia*, I. c., стр. 878 слѣд.

rosalia встрѣчается и *dies rosae* или rosationis, и рядомъ съ нимъ *dies violae*, violationis, violaris, относившійся къ началу весны, 23 марту, и также сопряженный съ поминками умершихъ. Въ одной надписи завѣщается совершать поминальные жертвы четыре раза въ году: въ день рожденія умершаго, et rosationis et violae et parentalibus.

И такъ rosalia и dies violae отбывались въ честь манъ, первая въ началѣ лѣта, вторая въ началѣ весны. Оба празднества, объединенныя одной идеей и содержаниемъ культа, могли смѣшиваться и даже сближаться хронологически, выражаться въ сходныхъ обрядахъ и отразиться въ народной фантазій олицетвореніемъ манъ, за которыми удержались древнія имена празднества: русалии дали намъ *русалокъ*; *dies rosae*, можетъ быть, бело *Ruso* словинцевъ¹⁾; *dies violae* не остался ли въ образѣ — *омлѣ*? не опредѣлили ли по крайней мѣрѣ ихъ очертанія и имя, наслонившись на другое аналогичное народное представленіе? Ставимъ этотъ вопросъ, потому что онъ былъ исходной точкой и слѣдующихъ соображеній.

Южно-славянскія вилы не проявляютъ характеръ манъ, но въ словенско-хорватскихъ сказкахъ онѣ еще являются въ роли *рожденицъ* или *сужденицъ*, нарекающихъ судьбу дѣвочкѣ (*Va-ljavec*, *Nagodne prigoviedke* стр. 56, 57) — а намъ извѣстны отношенія рожаницъ къ культу предковъ-дѣдовъ (сл. выше стр. 177 слѣд.). Вилы — дѣвы воинственнаго типа, у нихъ опредѣленная роль въ юнацкомъ эпосѣ; но боевой періодъ, создавшій героической эпосъ южныхъ славянъ, могъ повліять на измѣненіе первичнаго представленія о нихъ. Такъ и на скандинавскомъ сѣверѣ въ пору викинговъ валькириі обратились въ воинственныхъ дѣвъ, покровительствующихъ только витязямъ, тогда какъ, вѣроятно, вначалѣ онѣ были просто фальгьями — рожаницамъ, состоявшими при извѣстномъ лицѣ, умиравшими и возрождавшимися вмѣстѣ съ нимъ, какъ въ поэтической легендѣ о *Helgi*.

¹⁾ Сл. выше стр. 266—7.

Возможенъ поэтому вопросъ: не есть ли извѣстное *посестримство* виля съ юнаками поздняя замѣна другихъ *родовыхъ* отношений, связывавшихъ человѣка съ его рожаницей, фильгеей? У каждого юнака есть своя посестрима вила, помогающая ему во всемъ и одаряющая его. Чудесный конь королевича Марка былъ подаренъ вилами; дѣвушку, молившую денницу сообщить ей свою красу, ея посестрима вила украшаетъ золотымъ перомъ и бисеромъ. Посестримство съ вилой приноситъ счастье; человѣку, встрѣтившему спящую вилу въ лѣсу и прикрывшему ее вѣтками отъ лучей солнца, она посылаетъ во всемъ удачу. Какъ въ Малороссіи приносятъ жертвы русалкамъ — манамъ, такъ хорватскія дѣвушки ставятъ плоды, цвѣты, мотки шолку, приговаривая: *Uzmi vilo što je tebe milo*. — Кралевичу Марку его вила предрекала его смерть ¹⁾.

Во всемъ этомъ есть черты прирожденной доли, выпавшей къ олицетворенію изъ культа рода, манъ, которыхъ чествовали — въ *dies violae*, какъ *xřes* — души усопшихъ и, вмѣстѣ, дѣвы (смертной) судьбы считались тайно присутствующими при отбываніи аенискаго цвѣтного праздника, Анеестерій (сл. выше стр. 181—182).

Вила—*viola* ²⁾ могла повліять съ своей стороны на народное усвоеніе сивиллы — самовилы и смѣшаться съ ней по образу и имени. Если въ Болгаріи *русалии* называются *самовильскими* праздниками, то я вижу въ этомъ хронологическое сближеніе древнихъ поминальныхъ праздниковъ, *dies rosae* и *dies violae*, *русалий* съ праздниками *силъ*, замѣненныхъ самовилами.

¹⁾ Arkiv za povestnicu jugoslovensku I, стр. 94—7.

²⁾ Объясненія слова вила сл. у Асанасьева, Поэт. воззрѣнія III, 153, 163; Потемна, О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи стр. 123; оны-же Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсенъ стр. 401; Miklosich, Etymol. Wb. a. v. vila; Krek, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-е изд., стр. 407, прим. 1: das Etymon des Wortes ist dunkel.

I.

Сербскія пѣсни поють о вѣлахъ посестриммахъ:

Sletīše se vile posestrime
Nešta malo devetdeset vilah¹⁾.

Такъ и въ древнихъ рукописныхъ свидѣтельствахъ о нихъ, къ сожалѣнію ничего не разясняющихъ относительно ихъ культа²⁾. Слово Христолюбца по Пансіеву сборнику XIV вѣка говоритъ, что двоевѣрные люди вѣрують «в Перуна і в Хорса і в Мокошь і в Сима і в Рьгла і в *силы*, Іхже числомъ .г.б. сестрениць, глаголатъ невѣглася і мнать богинями і тако подкладывахуть имъ теребы і куры Імъ рѣжють і шгневѣ молатьса»; тамъ же: «і *силамъ* і *Мокоши* і *Симу* і *Рьглу* і *Перуну*».

Въ томъ же памятникѣ по рукописи XV вѣка: «въ Сима и въ Рьгла и въ *Мокошь* и въ *силы* ихже числомъ тридесате *сестреницы*»; тамъ же: «иже ставать трапезу рожаницамъ, короваи молатъ *силамъ* и шгневи подъ швиномъ. . . . иже молатся шгневи, *силамъ*, *Мокоши*, *Симу*, *Рьглу*». Интересны славянскіе варианты перевода слова св. Григорія *εἰς τὰ ἀγία φῶτα*; профессоръ Тихонравовъ напечаталъ греческій текстъ en regard съ переводомъ по рукописи Спб. Духовной Академіи № $\frac{48}{1120}$; мы беремъ въ расчетъ изданные имъ тексты того же слова по Пансіеву сборнику и рукописи Новг. Соф. Библ. № 1295.

Ркп. $\frac{48}{1120}$.

καὶ Σμελέης κεραυνὸς προσκυνοῦμενος.

и Сьмелено требокладеніе грому и мол'ніамъ (то же въ двухъ другихъ спискахъ: переводчикъ такъ объяснилъ себѣ *κεραυνὸς προσκυνοῦμενος*)

¹⁾ Arkiv I. c., 96.

²⁾ См. относящіеся сюда тексты у Тихонравова, Лѣтописи IV, Слѣсь, стр. 82 слѣд. Сл. стр. 88, 89, 92, 94, 96 слѣд.

οὐδὲ Ἀφροδίτης πορνικὰ μυσ-
τήρια, τῆς αἰσχροῦς, ὡς αὐτοὶ λέ-
γουσι, καὶ γεννομένης καὶ πρω-
μένης.

οὐδὲ Φαλλοὶ τινες καὶ Ἴδου-
φαλλοὶ, αἰσχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι
καὶ τοῖς πράγμασιν.

οὐδὲ Ταύρων ξεινοκτονία, καὶ
λακωνικῶν ἐφήβων ἐπιβώμιον
αἷμα, ξαινομένων ταῖς μᾶστιξι,
καὶ τοῦτο μόνον κακῶς ἀνδρίζο-
μένων, οἷς τιμᾶται θεᾷ, καὶ ταῦτα
παρθένος.

Οἱ γὰρ αὐτοὶ καὶ μάλαχίαν ἐτί-

ib. и виламъ. И ѣ бысть идола
Вилъ нарицаемъ, ево же поуби
Данилъ пророкъ въ Вавилонъ. —
(напечатанное курсивомъ, оче-
видно, глосса переводчика; въ
двухъ другихъ текстахъ *ѣмлы*
исчезли, осталась лишь глосса:
Вилъ).

ib. Фалл капи же [и] ифаеули
чтоуть срамныа оуды и кла-
наются имъ и требы имъ кла-
доуть (И въ этомъ переводѣ есть
элементъ глоссы, какъ и не-
посредственно слѣдующее при-
надлежитъ южно-славянскому
переводчику: «*Ū nikaže nisanim
bol'are nauč'sesja Ū sramnyaz
ouda istekšuju skver'noju okou-
šajutъ, rekoуce tako tьmь okou-
šeniemъ očiščajutъ rьsi*».
Такъ и въ текстѣ Павсіева сбор-
ника; въ ркп. № 1295 здѣсь
пропускъ).

ib. тавер'ская дѣторѣзанія
идоломъ, иже Ū пер'венець, ла-
кон'ская требишнаа кровь про-
сажаема ранами, еѵ можоуть
Екадию богиню, слѣб дѣвою мѣ-
нать (Екадія подсказана слѣ-
дующею дагѣ въ греческомъ
текстѣ Гекатой. То же въ Павс.
сборн.; въ № 1295 нѣтъ).

ib. И Мокомъ чтоуть и мала-

μῆσαν καὶ θρασύτητα ἐπεβάσθη. кню и кнлоу велми почитаютъ,
 сав рекууще буакнии. — Сл. сборн. Паис.: и Мокашъ чтуть і мала-
 кню велми почитаютъ, рекууще
 буакнии.

Текстъ, очевидно, не понять (*σβαῶμαι* понято какъ *σβῶμαι*) и спутанъ въ переводѣ. Если буакнии = *θρασύτης*, относится къ малакин, то и здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ глоссой, въ родѣ отмѣченной выше о болгарахъ — и обличенія поганскаго брачнаго обряда въ Словѣ Христолюбца по рукописи Нов. Соф. библ. № 1285¹⁾). Мокошь остается необъясненной; можетъ быть, позволено предположить, что въ текстѣ № ⁴²/₁₁₂₀ слѣдуетъ читать *смлоу* вм. *кнлоу*, потому что *мокоми* и *смлы* уже встрѣчались намъ въ такомъ именно сосѣдствѣ. Такъ еще въ русскихъ текстахъ Слова св. Григорія, въ частяхъ, не отвѣчающихъ подлиннику. Сл. Паис. сборн.: *мокоми* і *смлу*; рукопись № 1295: *смламъ* и *мокоми*, *мокоми* и *смламъ*; рукопись № ⁴²/₁₁₂₀: *мокоми*, *смломъ*; въ Словѣ святаго отца нашего Іоанна Златоустаго «о томъ како первое погани вѣровали въ идолы»²⁾): *смламъ* и *мокоми*, оупиремъ и берегинамъ, ихже нарицають три ѿ. сестриниць; въ рукописи Москов. Син. библ. № 954: *смламъ* и *мокоми*»³⁾).

Другое сосѣдство, въ которомъ стоятъ вилы отреченныхъ текстовъ, это—огонь: имъ ставятъ требы, огню молятся. Культъ очага былъ культомъ предка, манъ; это подтвердило бы наше соображеніе относительно значенія вилъ. Въ такомъ случаѣ Мокошь объяснилась бы вмѣстѣ съ ними; въ сѣверно-русскія повѣрья она проникла, подъ названіемъ Мѣкуши, можетъ быть, изъ знакомыхъ намъ обличеній, какъ и многое другое, литературное и отреченное. Мокуша объявляется въ великомъ посту, ходить по домамъ и смотреть за пряжей; когда спать, и покажется, что веретено урчитъ, говорятъ: Мѣкуша пряла; выходя

¹⁾ Тихонравовъ въ Лѣт. IV, 1. с., стр. 92.

²⁾ 1. с., стр. 108.

³⁾ 1. с., стр. 86.

изъ дома, она иногда поидеть да о брусъ-отъ, о полатъ-то веретеномъ-то и шелкнетъ. Овца, какъ долго не стригутъ шерсти, иногда и вытреть; ой, говорятъ, Мокуша остригла овецъ; порожнія ножницы не оставляютъ, а кладутъ въ нихъ на ночь по клочку шерсти: это—треба Мокушѣ. Въ одномъ «схудомъ номоканунцѣ» XVI вѣка духовникъ спрашиваетъ на исповѣди женщину: «Не ходила ли еси къ Мокушѣ?»¹⁾ Древняя Мокошь очутилась здѣсь знахаркой, какъ въ сагѣ о Норнагестѣ норны—вѣщими женами (сл. выше стр. 193—4), а въ одномъ болгарскомъ словѣ по рукописи XVIII вѣка²⁾ въ той-же роли являются и—самовилы.

Слово начинается такимъ образомъ: «Самовилы и бродницы и обааницы тѣа са антихртови оученицы, и които ходатъ на ныхъ, на врага се покланаа, и записуе гы врагъ и онъ да са негови... а които ходатъ на самовили и на бродницы, на магѣсницы, на залаганѣ, на баанѣ, тѣа в'си Ѡтречутсе Ѡ Хрѣта... кои ходатъ на самовили, и на магѣсницы, и на баснарки, они нарицаютсе идолопоклонницы, които лакутъ слово и които вѣруатъ на басы, на залагане, чародѣланіе, които завезуатъ звѣри и мечки и влѣцы и глѣдатъ на звѣзды, и завезуатъ младенцы...; или самовили или баснарки или бродницы или биларе, и кои-то носатъ бурянь на себѣ и тѣа неверни и идолопоклонницы, ꙗкоже шнѣа, които се покланаатъ на много бѣгове». Въ другомъ словѣ того же сборника «ради магѣсницы и самовили и баснарки и залагане и бродницы и баанне» писатель или проповѣдникъ говоритъ: «и азъ помногу зѣмли ходихъ, и не самъ видѣлъ толико многу магѣсницы, кѣто оу тѣа наша зѣмла бългѣрска, и самовилы и бродницы».

Магѣсница, баснарка³⁾ въ этихъ текстахъ, очевидно, кол-

¹⁾ Е. В. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ I, 360.

²⁾ Качановскій, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсенъ, стр. 22, 24, 26, 32, 33.

³⁾ У Дювернуа, Словарь болгарскаго языка, только «баснатарна»: произносящая заговоры, колдунья.

лудья, чародѣйка; самовилы поняты въ томъ же смыслѣ; вѣро-
роятно, и бродницы, иначе встрѣчающіяся въ значеніи водяныхъ
виль:

Стоялъ е ювелъ две ставни,
Тя е на вода отицель,
На тихи бѣли Дунава,
Тамъ си зарари младъ Стоялъ,
Три жени до три бродница.

Сл. «бродарицу» вилу на зеленомъ озерѣ въ одной пѣснѣ о
Маркѣ Кралевичѣ ¹⁾.

Вилы живутъ не только въ горахъ и воздухѣ, но и въ водѣ,
какъ, на оборотъ, ново-греческое повѣрье знаетъ не только мор-
скихъ нерендѣ (θαλασσιναίς), но и горныхъ (βουνίσιας). Морская
вила упоминается уже въ Троянской притчѣ: «могѣхъ морской
вилѣ, да оуставить морскыя вильны»; сл. въ переводѣ хроники
Амартола «спирены... рехше виль» и vila povodkinja, тогдака
diklica сербо-хорватскаго повѣрья. Въ томъ же значеніи встрѣ-
чается и самовила: такъ въ болгарской легендѣ объ Александрѣ
Македонскомъ, гдѣ она отвѣчаетъ нерендѣ ²⁾, такъ въ болгар-
скомъ же повѣрьи, гдѣ морская Самовила чередуется съ Юдой
Самовилой, то-есть, водной (юда = латинское unda, литовское
vandū, жмудское wundu, undū, wundū, древне-прусское undas;
сл. болгарское уда = вода, онежск. инда) ³⁾, какъ, напримѣръ,
въ слѣдующей болгарской пѣснѣ (Миладиновы № 7):

Брата ти любить морска Самовила.
.....
Подъ дърво то седеть морска Самовила.
.....
Юдо-Самовило! отпужи ми брата.

Бродницы, водныя, морскія вилы, юды-самовилы соотвѣт-

¹⁾ Arkiv, I. с. стр. 89.

²⁾ Arhiv f slav. Philol. I, 409—411.

³⁾ Сл. Рассказанія VII, стр. 265.

ствують нашимъ русалкамъ, сходясь съ ними не только въ происхожденіи (если мои догадки вѣрны), но и въ приуроченіи.

Интересно еще слѣдующее: водные духи европейскихъ мифологій¹⁾ отличаются особымъ символическимъ признакомъ, обнаруживающимъ ихъ привязанность къ стихіи: нѣмецкіе ниссы узнаются по ихъ лебединымъ и гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ своими длинными платьями; у русалокъ пальцы на ногахъ соединены перепонкой, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, либо у нихъ ноги гусиныя. Наоборотъ, у греческихъ верендъ онѣ козлиныя или ослиныя; такъ и сербохорватское повѣрье знаетъ бѣгу съ козьими ногами и конскимъ хвостомъ: онѣ—дѣвицы, которыхъ Господь наказалъ, такимъ образомъ, за ихъ гордость²⁾. — Обратное развитіе представляетъ типъ средневѣковой Сивиллы: въ мусульманской повѣсти-(и, вѣроятно, въ ея талмудическомъ источникѣ) царица Балькисъ, *оступивъ съ соду*, предстала передъ Соломономъ съ ногами, *обросшими волосами*; такъ и въ коптской легендѣ о Соломонѣ, недавно переведенной Amélineau³⁾; въ западно-европейскихъ пересказахъ этого сюжета вмѣсто Балькисъ является, при тѣхъ же обстоятельствахъ, *русенная* Сивилла; такъ и въ болгарской легендѣ⁴⁾, дѣлающей ее дочерью Давида. Viola—вила, обитательница водъ, какъ и русалка, могла отдать свой признакъ, гусиныя ноги, Сивиллѣ—самовиллѣ, какъ опредѣлила отчасти и звукоприуроченіе ея имени⁵⁾.

¹⁾ Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія III, стр. 126, 164, 188; Πολύτης Μελέτη I, 92, 97.

²⁾ Arkiv, l. c., стр. 90.

³⁾ Contes et romans de l'Egypte chrétienne par E. Amélineau, I, стр. 144—164: Comment le royaume de David passa aux mains du roi d'Abyssinie. Царица, отъчающая Балькисъ, не названа: она просто la reine de Théman.

⁴⁾ Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I, 251—262.

⁵⁾ См. выше стр. 242. Мимиходомъ я позволю себѣ поставить вопросъ: объяснить-ли популярность Сивиллы-самовиллы одной ея ролью въ соломоновской и крестной легендахъ, или слѣдуетъ принять во вниманіе и ея *кулисн* у гностическихъ ператовъ и нѣкоторыхъ древнихъ христіанъ?

II.

Предыдущія соображенія вызваны были гипотезой, что вила = viola, въ сущности, мана; но я далекъ отъ намѣренія объяснить первую въ этой древней, предположительной стадіи ея типа, отраженіемъ одного лишь римскаго имени и вѣрованія, пережившихъ на Балканскомъ полуостровѣ до славянской поры. Въ вилѣ я вижу сложный образъ, въ которомъ римская viola слѣлась съ древнимъ **smā*—вила. На этотъ разъ я исхожу изъ аналогіи валькирій. Индо-европейскій корень **uel*—гибнуть могъ дать подъ удареніемъ такіа формы перезвука: *uel*, *uol*, *uēl*, *uōl*; *uol* даю старостѣрное valg, англосаксонское wael, старовѣрхненѣм. wal = гибель, сумма погибшихъ, мѣсто гибели (въ бою); отсюда цѣлый рядъ сѣверныхъ представленій и образовъ, древнее значеніе которыхъ недавно раскрыто было Schullergus'омъ¹⁾. Valhöll лишь съ половины IX вѣка стала посмертнымъ жилищемъ *zeross*, *smāzēs*: въ основѣ это просто палата, обитель усопшихъ, обведенная изгородью, Valgrind, о которой не многіе знаютъ, какъ она замыкается; передъ нею рѣка мертвыхъ, Valglaurg (Grimnismál 21, 22); Одинъ, какъ властитель Валгаллы, зовется Valföðr = отецъ мертвыхъ; половину ихъ избираетъ себѣ онъ, другую Фрея (Grimnismál 14); Valfreja въ Njalssaga'ѣ гл. LXXIX означаетъ, собственно, *юстосу*, властительницу надъ усопшими, какъ и Freug, въ сущности, господинъ: гот. frauja, древневѣрхненѣм. frō, англос. frēa. Я полагаю, что и валькиріи, обительницы Valhöll, не выходили первоначально изъ этой сферы представленій и не означали вонпельницъ (Schullergus), а манъ, взыскавшихъ смертную долю, умершихъ, затѣмъ уже опредѣляющихъ судьбу другихъ, главнымъ образомъ, смертную. — Перезвукъ *uōl* отразился въ англосаксонскомъ wōl - daeg = Tag der Pest (Groschopp), старовѣрхненѣм. wuol: поражение, ги-

¹⁾ Paul und Braune's Beiträge XII, стр. 221 и слѣд.

бель. — Наконецъ *wel* дало цѣлый рядъ литовскихъ и латышскихъ отраженій.¹⁾: у литовцевъ *welfs*; *welionis* мужск. рода — покойникъ, *wel'ei* — души умершихъ людей, *welės* женскаго рода множественнаго числа — *in Samogitien die geisterhaften Gestalten der Verstorbenen und wohl überhaupt geisterhafte Wesen, wie die Laumes; wel'ū welfkas* (иначе *wel'anū petnčia*) — пасха велей въ день великой пятницы. Въ латышскомъ языкѣ *wel'i* = *Geister der Verstorbenen*, *wel'u laiks*, *gagu laiks* — время отъ Михайлова до Мартынова дня, и во всякомъ случаѣ мѣсяць Октябрь, когда по народному вѣрованію, души умершихъ ходятъ по землѣ, чтобы получать жертвоприношенія; кромѣ того въ народныхъ пѣсняхъ употребляется форма *weleni'si* = *die abgeschiedenen Geister*, *wel'eni'ks* = покойникъ, *welja* — *mate* = мать велей, мертвецовъ, напоминающая сѣверную *Valfreyu'a*, тогда какъ *Vielona deus animagum*, если это не измышленіе Ласицкаго, отвѣчалъ бы *Valfödur'u*. Но мы найдемъ въ латышскомъ повѣр'ѣ и представленіе *Valgrind'a*: миръ велей = *мавъ* — загробный, загороженный воротами, которыя открываются новичку при посредничествѣ и помощи предковъ, родителей умершихъ раньше дѣтей. Сл. латышское причитаніе:

Испеки мнѣ матушка бѣлый хлѣбъ,
Провожай меня на кладбище!
Будеть чѣмъ угостить дѣтей мертвецовъ,
Которыя отворятъ ворота велей.

Вели — это предки, «домовые»; обойдя всѣхъ жителей деревни, чтобы пригласить ихъ на свадьбу, неvěста возвращается въ сумеркахъ домой, и подойдя къ дверямъ причитаетъ; просить родителей либо старшихъ въ семьѣ:

¹⁾ Сл. Литовскій катихизисъ Н. Даукши, по изданію 1596 года вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ (Сиб. 1886), Словарь, а. в. *vėlīnas* стр. 121 и слѣд.; стр. 122—123. Сл. Вольтеръ въ Журналѣ засѣд. отдѣл. этнографіи, 4-го апрѣля, 1886 г., стр. 329.

Открывайте двери *оладѣ* (вело дурались),
 Отодвиньте стальные вѣлки,
 Ой пускайте меня, ваму дочь,
 Меня дочь, вашу слугу.

Это причитаніе указываетъ на известное отношеніе велей — предковъ къ понятію родовой, прирожденной доли. Велы въ самомъ дѣлѣ смѣшиваются съ лаумами, роженницами славянъ, и какъ о лаумахъ говорятъ, что онѣ уносятъ новорожденныхъ, такъ и о веляхъ: если родильница спитъ безъ лучины, прійдутъ велесъ и обвинять ребенка.

Чередованіе велей съ лаумами указываетъ на процессъ, однаково поведшій къ развитію идеи доли въ представленіи велъ и валькирій; далѣе пути расходятся въ силу особыхъ культурныхъ условій, положившихъ печать воинственности на образъ велъ и ихъ сѣверныхъ совопросницъ, оставившихъ велей — манами и отнесшихъ въ фантастическую даль обитателей Элизія, Ἠλύσιον πεδίων. Они, вѣроятно, тѣже маны: *ἦλος (оттуда ἡλύσιος) = литовское wēlis, славянское *вѣла = вила; Элизій, первоначально, долина мертвыхъ вообще, лишь впоследствии мѣстопробываніе блаженныхъ, и притомъ — сословнаго типа: какъ жизнь въ сѣверномъ Valhøll опредѣлялась идеалами боя и славы, такъ и въ Элизіи герои развлекаются военными играми — ибо представленія загробнаго существованія лишь потенцируютъ интересы создавшей ихъ среды — и древніе Египтяне воображали себѣ, что и на томъ свѣтѣ они будутъ воздѣлывать нивы, отведенныя имъ въ областяхъ Ааггу и Нотер ¹⁾.

Если мое соображеніе относительно Элизія вѣрно, то оно поведетъ насъ къ постановкѣ нѣсколькихъ этимологическихъ вопросовъ — по аналогіи: съ сербскимъ вилован — *lymphaticus*, виловит *id.*, виловѣак = биѣсан човѣк да су виле у њему — можно сравнить ἦλος, ἦλος, ἡλίδιος: помѣшанный, непонятный, глупый; и, можетъ быть, ἦλι-φάρμακος (растеніе) слѣдуетъ объяс-

¹⁾ Le Page Renouf, Hibbert Lectures for 1879, стр. 180.

нѣтъ въ связи съ растеніями, названными отъ вѣлъ, вродѣ вилин лук (*hyacinthus comosus*), вилино сѣто (*herbae genus*), вилѣвѣача (*fungi genus*).

Я оставилъ почти безъ измѣненія предыдущій очеркъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ явился впервые на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1889 г., Іюль), хотя съ тѣхъ поръ мнѣ удалось познакомиться съ работой Гольтера ¹⁾, специально посвященной вопросу о валькиріяхъ. Такъ какъ его генетическое построеніе не замѣнило моихъ взглядовъ на тотъ-же предметъ, я предпочелъ счестся съ его доводами особо, въ концѣ этого изслѣдованія.

Вотъ главные положенія Гольтера.

Обиин, древнегерм. *Wöran*, восходитъ къ индогерманской порѣ; въ Ведахъ мы находимъ бога вѣтровъ *Vāta*; вокругъ другого аналогическаго божества, Рудры, группируются демоны грозы, *Magit*: въ золотыхъ шлемахъ, богато украшенные, вооруженные копьями, луками и сѣкирами, они несутся по воздуху въ военныхъ колесницахъ. Это мненческое представленіе бога вѣтровъ, обнимающаго, проникающаго весь свѣтъ своимъ бурнымъ вѣяніемъ, несущагося въ сонмѣ грозовыхъ бурь, сохранилось въ сѣверномъ представленіи Одина и его *einherjar*, въ легендахъ о Дикой Охотѣ. — Съ другой стороны на сѣверѣ и въ Германіи существуютъ повѣрья о пребываніи и пирахъ усопшихъ въ горахъ. — Изъ соединенія этихъ двухъ народныхъ представленій сложился образъ сѣверной *Valhöll*, собравшій вокругъ Одина сонмъ витязей, столующихъ и воюющихъ: типъ дружиннаго устройства, отразившій въ себѣ бытовыя черты поры викинговъ (стр. 14—15).

¹⁾ Wolfgang Golther, Studien zur germanischen Sagen-geschichte. München, 1893, стр. 3—40.

Въ основѣ лежатъ, стало быть, два скрестившихся представленія: одно метеорологическое (Одинъ, какъ богъ вѣтровъ), другое, относящееся къ культу предковъ (пиры усопшихъ въ горахъ). Ни одно изъ нихъ не объясняетъ, по мнѣнiю автора (стр. 15), мнѣнческаго содержанiя валькирiй, являющихся въ Valhøll въ окруженiи Одина; онъ отрицаетъ (I. с.) ихъ толкованiе «облачными дѣвами», и мы ожидаемъ, что онъ выгородитъ ихъ и изъ царства манъ. Это отрицанiе подразумѣвается въ слѣдующей затѣмъ попыткѣ уяснить ихъ генеалогiю.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о воинственныхъ женахъ и дѣвахъ сѣвера, паленицахъ (стр. 7 и слѣд.), ибо онѣ отдали валькирiямъ лишь свой внѣшнiй обликъ, одѣли ихъ своею бытовою обстоятельностью. Важнѣе отношенiе валькирiй къ индогерманскому представленiю о *дваихъ судьбахъ*, преимущественно боевой и смертной (стр. 5 слѣд.): авторъ указываетъ на греческiя, этрусскiя, индiйскiя и кельтскiя параллели; *хѣр* опредѣляется, какъ богиня смерти, ведущая человѣка въ Андъ и т. д.; уравненiе *хѣрес-суха*, указанное нами (стр. 181—2, 289), ускользнуло отъ его вниманiя, вмѣстѣ съ тѣмъ и поводъ къ предложенному мною обобщенiю: идеи смерти, рода и судьбы.

Валькирiя, по этимологiи, тоже богиня *смертной доли*: таковою она была и ранѣе своего приуроченiя къ Одину и Valhøll (сл. стр. 19, 28 прим. 1; 35): √ wal означаетъ во всѣхъ германскихъ языкахъ *смерть* и группу объединенныхъ ею представлений (стр. 16 слѣд.): сл. walaaura въ lex Bajuvarorum, древнеиѣмецкiя имена собственные: Walamund, Walafrid, Walahraban, Waledrūd, Walahilt, Walegund и др.; древневерхнеѣм. wuol = clades, англосакс. wōl = morbus; ср. нѣм. wühlen. Отсюда развилось понятiе *поля смерти*, wahlplatz (Helgakv. Hundingsbana I, въ прозаическомъ отрывкѣ послѣ 16 строфы: Sigrún gekk í valinn ok hitti Høbbrodd at kominn dauða) и *мертвоего поля*, труппа; поле смерти явилось *полемъ мертвыхъ*; valkyrja — избирающая, назначающая смертную долю: þeir kjósa feigð á menn (Gylfaginning с. XXXVI). Сл. англосакс. vālceásega hrefn:

выбирающій (взыскивающій) трупы воронъ—и объясненіе слова «валькирія» въ глоссаріяхъ VIII и слѣд. вѣковъ: Euginis = walscyrge; Herinis = walcrigge, Tisirphona = waelscyrge: опредѣленія, перенесенныя и на Alesto и Bellona'y.—Интересно въ проповѣди Wulf'a (XI вѣка) сопоставленіе *сѣдмъ и валькирій*, отвѣчающее той детеріорациі понятія, которое спустило и норнъ и самовилъ и нашу Мокошь къ значенію вѣщихъ, но смертныхъ женъ: *fúle forlegene hōringas manege and her syndan wissan and waelcyrrian* (стр. 18). Сл. выше стр. 293 и далѣе Lara'y въ *Hrómundarsaga Greipsonar*.

Устранивъ, какъ и мы, одну изъ этимологій валькирій—отъ √ wal: electio, авторъ допускаетъ (стр. 18—19) позднѣйшее воздѣйствіе этого корня на основной √ wal—смерть: Valholl, вначалѣ жилище мертвыхъ, стало въ послѣдствіи обителью *избранныхъ*; понятіе Valföðr (= Одинъ) обняло въ одно и то-же время идеи смерти—и избранія по желанію. Сл. *Gylfaginning* с. XX: *Óbinn heitir ok Valföðr, þvíat hans óskasynir eru allir þeir, er í val falla* (Одинъ зовется также Valföðr, ибо желанные его сыны тѣ, которые падаютъ на полѣ битвы). Это развитіе понятія, облегченное созвучіемъ, готовъ усвоить и я; что до названія Valfreya (сл. выше стр. 296), то, допуская возможность ея сближенія, какъ богини смерти, съ valr, авторъ предпочитаетъ другое объясненіе: на языкѣ скальдовъ собственное имя всякой богини могло служить обозначеніемъ для женщины вообще; val-freya, стало быть, то-же, что val-kona, val-meg: дѣва смерти. Я предпочитаю остаться при моемъ объясненіи.

Въ моемъ пониманіи валькирій, какъ маны—рожаницы—судницы, она явилась въ результатѣ исторической дифференціаціи одного и того-же типа, другими отраженіями котораго, древними и новыми, были дизы, фильги, hamingjur, норны. Каждая изъ нихъ представляетъ особую стадію развитія, всѣ вмѣстѣ даютъ черты для возстановленія какъ первичнаго представленія, такъ и его послѣдовательной исторіи. Иначе смотритъ на дѣло авторъ: общее между этими образами онъ думаетъ объяснить смѣшеніемъ,

перенесением подробностей одного на другой. По его словамъ (стр. 22) валькирии *соприкасаются* съ богинями судьбы и битвы, норнамъ и валькириямъ *одинаково* принадлежитъ руководительство судьбою, но это обстоятельство не ведетъ къ ихъ отождествленію по существу, а принадлежитъ—смѣшенію. Чтобы говорить столь аподиктически, надо имѣть точку отправления въ точно опредѣленныхъ формахъ вѣрованія, но авторъ ищетъ этого опредѣленія и строитъ свои заключенія на фактахъ, которые еще надо различить, различить по категориямъ. Если имя норны Skuld встрѣчается въ именномъ спискѣ валькирій, то необходима увѣренность, что Skuld первоначально и исключительно означало норну, а не валькирію, прежде чѣмъ заключить, что здѣсь совершилось перенесеніе имени изъ одного круга представленій въ другой. Столь-же шатки и субъективны кажутся мнѣ и слѣдующіе примѣры смѣшеній: норнамъ приписывается дѣятельность валькирій (Gylfaginning с. XXXVI: Guðr ok Rosta, ok norr in yngsta, er Skuld heitir, ríða jafnan at kjósa val. Сл. Golther, стр. 27); имена валькирій, Gunnr ok Gondul и др., являются въ известной пѣснѣ валькирій въ Njála'ѣ, с. 79, хотя ея демоническія жены, вѣщающія Sygtrugg'у удачу въ бою, напоминаютъ автору скорѣе норнъ, чѣмъ свѣтлыхъ служительницъ Одина (I. с., стр. 31—2). То-же самое смѣшеніе онъ видитъ и въ названіи валькирій—дизами (Krákumál и Gábrúparkviða I, 19); допуская, что повѣрья о фильгяхъ можетъ быть очень полезно для изслѣдованія мнен о валькиріяхъ, что образы тѣхъ и другихъ иногда совпадаютъ (стр. 28 и прим. 1), онъ и въ этомъ усматриваетъ результатъ позднѣйшаго слиянія, какъ и въ Atlamál 27 мертвыя жены=díair, являющіяся въ вѣщемъ снѣ, служатъ ему доказательствомъ, что мнен о валькиріяхъ спутался съ повѣрьями въ фильги и привидѣнія (стр. 33), распространенъ былъ на цѣлый рядъ аналогическихъ образовъ (стр. 27) и съ своей стороны испыталъ смѣшенія.

Къ нимъ принадлежитъ, по мнѣнію автора (стр. 29—30), известный изъ саги о Völund'ѣ образъ валькирій — лебедей. Я

совершенно согласенъ съ нимъ, что въ народныхъ повѣрьяхъ такое представленіе свойственно преимущественно демонамъ воздуха и воднымъ (сл. выше стр. 295)¹⁾, что не во всякой дѣвѣ-лебеди сѣвернаго и нѣмецкаго преданія слѣдуетъ предполагать валькирію, хотя послѣднія и могутъ являться въ образѣ птицы. Весь вопросъ въ томъ: какъ объяснить этотъ образъ въ нашемъ случаѣ? Я допускаю вѣншее вліяніе представленія о водныхъ дѣвахъ-лебедяхъ — на другое, сходное, возвращающее насъ къ древней стадіи развитія валькиріи — фильги. Известно, что фильга является въ животномъ образѣ (сл. выше стр. 184); въ *Gunnlaugssaga Ormstungu* фильга *Helga* и принимаетъ видъ лебедя; въ *Hrólundarsaga Greipssonar* (Fas. II, 373 слѣд.) *Helgi* нечаянно убиваетъ покровительствовавшую ему *frókyngiskona* (волшебницу, вѣдму), являющуюся въ образѣ лебедя; она летала надъ нимъ и пѣла, пока онъ нечаяннымъ взмахомъ меча не отрубилъ ей ногу; съ тѣмъ вмѣстѣ отлетѣла отъ него и побѣда; *Hrólundur* говоритъ ему: ты убилъ свою милую, и твоя доля миновалась (*þú drapst sjálf frilla þína ok farin þan þin heill*. Сл. Golther, стр. 30). Волшебница *Laga* или *Saga*, милая *Helgi*, напоминаетъ любовныя отношенія валькиріи къ витязямъ (вигъ къ юнакамъ): на точкѣ зрѣнія очеловѣченія такъ поняты были позднѣе отношенія, завязавшіяся въ другомъ, болѣе грубомъ кругѣ представленія. Я полагаю, что лебединый образъ валькиріи развился въ связи съ древнѣйшимъ зооморфическимъ представленіемъ прирожденной судьбы и удержался кое-гдѣ въ ея послѣдующемъ развитіи и образахъ — какъ переживаніе. Рядомъ съ валькиріей — лебедемъ, съ ирландской *badbcaitha* — богиней (военной) судьбы, являвшейся въ образѣ ворона (I. с. стр. 6),

¹⁾ Сл. Baring-Gould, *Curious Myths of the Middle Ages* (Swan-Maidens); Clouston, I. с. I, стр. 183 слѣд. (Bird-Maidens); Tawney, *Kathā—Sarit—Sagara or Ocean of the streams of story*, translated from Sanskrit, II (1887), стр. 452 прим. Сл. еще Bugge, *Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Helden sagen*, übers. von O. Brenner, III Lief., стр. 488, прим. 2. Объ этой книгѣ, полученной мною во время печатанія этихъ строкъ, сл. мою замѣтку въ «Поправкахъ и дополненіяхъ».

мы поставимъ и дѣву «Обиду» съ ея лебедиными крылами (сл. выше стр. 257).

Гольтеръ различаетъ (стр. 24—5) небесныхъ и земныхъ валькирій; послѣднія—простыя паленицы, царевны—богатырши, на которыхъ перенесены черты мнѣческихъ дѣвъ, онѣ и являются передъ нами въ живыхъ очертаніяхъ, тогда какъ небесныя отличаются блѣдностью изображенія. Но онѣ и стали небесными лишь въ окруженіи Одна и въ централизаціи Valholl; въ основѣ—онѣ земныя, прирожденныя человѣку, животный или человѣческій образъ его доли и удачи.

XVI.

ЛЕГЕНДЫ ОБЪ ПРОДЪ И ПРОДІАДЪ И НИХЪ НАРОДНЫЯ ОТРАЖЕНІЯ.

Обычаи и повѣрья, окружающіе въ народномъ обиходѣ Ивановъ день (24 Іюня), отъ Исландіи до Греціи, отъ Португаліи и Сициліи до сѣвера Россіи, поддержанные въ нѣкоторыхъ чертахъ и согласіемъ внѣ-европейской народной обрядности, указываютъ на глубокую миѣческую и бытовую древность. Напомни обрядовые огни, обычай гаданія и обусловленный имъ рядъ суевѣрій; братанье, слѣды котораго, разсѣянные въ преданіяхъ европейскихъ народовъ, я изучу при другомъ случаѣ. Совпаденіе ивановской обрядности съ святочной также древняя черта: праздникъ лѣтняго солнцестоянія уравнивался празднованіемъ зимняго, начало и конецъ цикла выражался сходными символами. Въ христіанскую пору это совпаденіе усилилось и другими мотивами: въ центрѣ лѣтнихъ праздниковъ сталъ день Рождества Іоанна Предтечи, въ концѣ святочныхъ — Крещеніе имъ Христа (6 Января) и Соборъ св. Іоанна Крестителя (7 Января). Имя Ивана явилась новою связью между тѣми и другими, его легенда между ними распредѣлилась, пристраиваясь къ основѣ традиціонныхъ пѣсенъ и обрядовъ, но распредѣляясь неравномѣрно, ибо ббльшая часть новыхъ приуроченій очутилась на сторонѣ лѣтняго Иванова дня. Это — день памяти рожденія Предтечи, но русскіи

пѣсни зовутъ его Купалой, т. е. Крестителемъ; обрядовое бросаніе въ воду понято было какъ кропченіе¹⁾; если въ Малороссіи поется:

Да кунався Иванъ

Да й у воду унавъ

(Чубинскій, Труды III, стр. 488, № 1)

и Иванъ представляется погибающимъ, то мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ другимъ перенесеніемъ воспоминанія: смерти Предтечи (29 Августа) на день его рождества. Такое именно перенесеніе мы увидимъ во-очію въ одномъ болгарскомъ обрядѣ на 24 Іюня. — Наконецъ, въ пѣсни купальскаго цикла проникли имена Ивана да Марьи: преданіе о любви Ивана и Марьи, брата и сестры — специально купальское, отразившееся въ цѣломъ рядѣ бѣлорусскихъ пѣсень, поющихъ наканунѣ Иванова дня, когда собираютъ траву для освѣщенія въ церкви. И преданіе и пѣсни, восходятъ, по моему мнѣнію, къ древнимъ, бытовымъ основамъ празднества, которыя выше я позволилъ себѣ объединить общимъ названіемъ «братанья». Но откуда явилось, рядомъ съ именемъ Ивана, легко объяснимымъ, и имя Маріи? Я собралъ по этому вопросу нѣсколько параллелей²⁾, къ которымъ присоединю теперь и слѣдующую догадку. Въ одномъ эпизодѣ Reinardus'a, который мы цитруемъ далѣе, говорится о несчастной любви дочери Ирода къ Іоанну, котораго отецъ казнилъ, узнавъ о ея тайной страсти. Дочь Ирода названа Иродіадой, по обычному въ средніе вѣка смѣшенію матеріи съ дочерью; имя Маріи, можетъ быть, нарицательное: сир. mar, marî = dominus, Марія = domina, hega; какъ увидимъ далѣе, ту же этимологию подсказали и для Негодіас = hegâ³⁾. Извѣстна была, стало быть, легенда о несчастной любви царевны, Маріи, къ Іоанну, кончившаяся смертью

¹⁾ Сл. Разысканія VII, 289.

²⁾ Сл. мой отчетъ о сборникѣ Чубинскаго, стр. 19 слѣд.; Разысканія II, стр. 86 слѣд.; сл. 99—100.

³⁾ Сл. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХХIII (Сентябрь), стр. 219.

послѣдняго, посмертной мукой первой. Не здѣсь-ли объясненіе Ивана и Марьи купальскаго преданія? И здѣсь дѣло идетъ о пагубной страсти; что любящіе братъ и сестра, это принадлежитъ не христіанскому преданію, а древнему мотиву, примѣнившемуся къ новымъ именамъ и очертаніямъ навѣянной извнѣ легенды.

Я выставляю это, какъ предположеніе, которое получаетъ нѣкоторую поддержку въ связи съ предлагаемымъ дагѣе разборомъ сказаній объ Иродіадѣ, также распредѣлившихся въ народномъ суевѣрїи между святочнымъ и лѣтнимъ цикломъ, какъ мы это замѣтили выше объ ивановскихъ легендахъ вообще ¹⁾.

I.

Извѣстенъ евангельскій разсказъ (Ев. отъ св. Марка VI, 21 слѣд.) о дочери Ирода, угодившей отцу своей пляской и, по наученію матери своей Иродіады, попросившей въ награду за нее—голову Іоанна Крестителя. Одна древняя коптская легенда ²⁾ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: когда слугитель, посланный въ тюрьму для исполненія казни надъ пророкомъ, принесть его голову на блюдѣ, дѣвушка отправилась съ нимъ къ матери. Та сильно обрадовалась, плеща руками, и обѣ принялись разсматривать голову подвижника и уста, вѣщавшія истину. Тогда случилось чудо: земля разверзлась подъ дочерью Ирода и поглотила ея тѣло, глаза вышли изъ орбитъ; ангелъ Господень явился съ неба съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и отрубилъ ей голову, которая очутилась на блюдѣ вмѣсто святой главы Пред-

¹⁾ Слѣдующая статья повторяетъ, съ нѣкоторыми прибавленіями, сказанное мною ранѣе въ замѣткахъ: Легенды о дикомъ охотникѣ. Опытъ генетическаго объясненія, въ Запискахъ романо-германскаго отдѣленія Филологическаго общества при Имп. С.-Петербургскомъ университетѣ, вып. I. стр. 47 слѣд.; *Alichino e Aredodessa* въ *Giorn. storico d. letteratura italiana*, XI, fasc. 33, стр. 525 слѣд.

²⁾ *Trascrizione di tre manoscritti copti del museo egizio di Torino, con traduzione italiana di Francesco Rossi* (Torino, 1885), стр. 110.

течи, съ глазами, спустившимися до шен и грудей. Глава святого исчезла, какъ и въ легендѣ коптскаго синаксарія ¹⁾ она ускользаетъ изъ рукъ нечестивыхъ женъ и еще улетаая продолжаетъ обличать Ирода за его незаконный союзъ съ женою брата.

Греческія версіи нѣсколько иначе рассказываютъ о карѣ, постигшей дочь Ирода. Въ статьѣ о семидесяти ученикахъ І. Христа, приписанной Доснеею Тирскому ²⁾, говорится, что когда однажды дѣвушка пошла гулять по замерзшей поверхности Геннисаретскаго озера, ледъ подломился подъ ней, тѣло ушло въ воду, а ея голову мать положила къ себѣ на колѣни и плачетъ надъ нею и сознается, что все это приключилось въ наказаніе за смерть Іоанна Крестителя. Никифоръ Каллистъ ³⁾ прибавляетъ новыя подробности: вмѣсто озера замерзшая рѣка; дочь Ирода проваливается въ нее по голову, которая срѣзана льдомъ: тѣло продолжаетъ плясать въ водѣ, голова — на льду въ обличеніе и напоминаніе содѣяннаго ею.

Сирійскій вариантъ этого рассказа былъ сообщенъ Пиемъ Zingerle ⁴⁾; къ рецензій Никифора Каллиста восходятъ по всей вѣроятности, пересказы легенды, встрѣчающіеся въ средневѣковыхъ проповѣдяхъ и народныхъ передѣлкахъ ⁵⁾. Каталонское повѣрье ⁶⁾ слѣдуетъ болѣе простымъ очертаніямъ Доснеевской саги; другое, также каталонское преданіе говоритъ объ Иродѣ и его дочери, что они осуждены были вѣчно блуждать, одинокіе и неутѣшные. Съ той поры они неустанно бродятъ по свѣту, безъ цѣли и всегда ночью, ибо боятся свѣта и днемъ скрываются; но какъ только наступаетъ мракъ, они выходятъ изъ своего

¹⁾ Synaxarium, das ist Heiligenkalender der koptischen Christen aus dem Arabischen übersetzt von W. Wüstenfeld (Gotha, 1879), стр. 7.

²⁾ Ca. Chronicon paschale ed. Dindorf, Bonn, II, стр. 138—140.

³⁾ Hist. ecclesiastica I, I, c. XX.

⁴⁾ Zeitschrift für deutsche Mythologie I, 319.

⁵⁾ Schwartz, Zur Herodias-Sage в Zeitschrift für deutsches Alterthum, XXV, 170—178; Laistner, ib. 244—245; R. Köhler, ib. XXVII, 96.

⁶⁾ Pitre, Archivio I, 136.

убъжища и снова пускаются въ печальный путь, пока пѣтухъ не возвѣститъ приближеніе дня.

Нѣтъ сомнѣнія, что кара, постигшая дочь Ирода въ легендѣ, перенесенъ на нее въ своихъ послѣдующихъ отраженіяхъ имя ея матери Иродіады, согласовалось первоначально съ характеромъ ея проступка. У Никифора Каллиста обречена на вѣчную пляску ея голова; начальные стихи одной каталонской пѣсни говорятъ о нескончаемыхъ танцахъ *дочерей* Ирода:

Las fillas del rey Herodes
Ballan que mes ballaran ¹⁾

Отъ этого представленія недалеко было и до другого: какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи Иродіаду - Herodina'у сблизилъ съ явленіемъ вихря ²⁾, такъ въ другихъ—представленіе вѣчной пляски замѣнилось образомъ рокового ночного блужданія. Рядомъ съ каталонскимъ повѣрьемъ напомнимъ показаніе Reinardus I, 1139—1164 ³⁾: будто Иродіада любила Іоанна, и это было причиной, почему Иродъ осудилъ его на смерть. Когда дѣвushка узнала о казни,

postulat afferrī sibi tristis, et afferrī
regius in disco tempora trunca cliens.
mollibus allatum stringens caput illa lacertis
perfundit lacrimis, osculaque addere avet;

¹⁾ Milá y Fontanals, Observaciones sobre la poesia popular, стр. 96, прил. 6. Сл. Zeitschrift f. deutsche Mythologie IV, 191 (De la danza aérea á que están condenadas las Herodiadas por la muerte del bautista).

²⁾ Zeitschrift f. deutsche Myth. I, стр. 102; Grimm, Deutsche Mythologie, 4-е Ausg. I, p. 526; сл. Mannhardt, Die Götterwelt, стр. 98—99; Schwarz, Der heutige Volksglaube, стр. 24—25; вихрь = чертова дочка, сл. Труды этнограф. статист. экспедиціи въ юго-зап. край, снаряженной Имп. русск. геогр. Общ.—Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія собр. П. П. Чубинскимъ, т. I, стр. 38. Въ Бретани и Пикардіи явленіе вихря вызываетъ память о Вѣчномъ жидѣ (Jacob le Bibliophile, Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen âge, 1859, p. 119).

³⁾ J. Grimm, Deutsche Mythologie I, 235—6.

oscula captantem caput aufugit atque resufflat,
 illa per impluvium turbine flantis abit.
 Ex illo nimium memora ira Iohannis eandem
 per vacuum coeli flabilis urget iter:
 mortuus infestat miseram, nec vivus amarat,
 non tamen hanc penitus fata perisse sinunt.
 lenit honor luctum, minuit reverentia poenam,
 pars hominum moestae tertia servit herae.
 quercubus et corylis a noctis parte secunda
 usque nigri ad galli carmina prima sedet.
 Nunc ea nomen habet Pharaiddis, Herodias ante
 saltria, nec subiens nec subeunda pari.

Любовь Иродиады къ Иоанну не встрѣчалась мнѣ въ другихъ преданіяхъ, кромѣ приведеннаго, въ которомъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ древнюю черту: *mortuus infestat miseram*. Въ Reinardus дѣло идетъ о головѣ Предтечи, но легко представить себѣ и такую форму сказанія, въ которой онъ самъ, обезглавленный, являлся преслѣдователемъ Иродиады. Такъ объяснились бы нѣкоторыя подробности повѣрья, особенно распространеннаго въ Германіи, хотя извѣстнаго и въ другихъ странахъ: я разумѣю повѣрье о такъ называемой «дикой охотѣ». Въ ней нерѣдко видятъ безголоваго охотника ¹⁾, въ числѣ именъ котораго встрѣчается и Hans Jagenteufel ²⁾ и Hans ³⁾, то-есть Иоаннъ; онъ гоняется обыкновенно за «лѣсными женами» (*Holzweiblein*) ⁴⁾, и мы были бы не прочь помѣстить среди нихъ и легендарную, гонимую Иродиаду.

Но перейдемъ отъ гипотезъ къ показанію фактовъ ⁵⁾.

Начну съ постановленія, ложно приписаннаго анкирскому собору (314 г.), вѣроятно, заимствованнаго изъ какого-нибудь

¹⁾ J. Grimm, l. c. II, стр. 766, прим. 8; 776, 779, прим. 4; 787—788.

²⁾ J. Grimm, l. c. 776.

³⁾ Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie II, 140—1 прим.

⁴⁾ Ca. Grimm, l. c. въ указателѣ а. в. Holzweiblein; Simrock, Deutsche Mythologie, 2-е Ausg., 228—4.

⁵⁾ Для с. Вдуощихъ цитатъ, тамъ, гдѣ не сдѣлано особаго указанія, см. Grimm, l. c. I, стр. 284—5, II, 862 слѣд. и Ducange-Favre, Gloss. mediae et infimae latinitatis a. v. Diana, Hera, Benzonia.

Франкскаго капитулярія VII—VIII вѣка, встрѣчающагося въ одномъ капитуляріи императора Людвига II (867 года) ¹⁾ и въ трактатѣ Регинаона Прюмскаго ²⁾. Сообщу текстъ послѣдняго: говорится о нечестивыхъ женахъ, которыя, «retro post Satanaм convergae, daemouum illusionibus et phantasmatibus seductae, credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana paganorum dea et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam bestias, et multa terrarum spatia intempestivo noctis silentio pertransire, ejusque jussionibus velut dominae obedire et certis noctibus ad ejus servitium evocari». Сл. Capitula Herardi episcop. Turonens. с. 3 и Acta S. Jacobi Mevan. tom. 4. Aug. pag. 730, col. I (impugnavit errorem illarum mulierum quae vadunt ad cursum cum Diana). По Notationes correctorum къ Corp. juris canonici главнымъ источникомъ Регинаонова канона былъ отрывокъ изъ статьи De spiritu et anima гл. 28, приписанной въ VI-мъ вѣкѣ бл. Августину ³⁾; предположеніе, не оправдываемое печатнымъ текстомъ этого трактата, присоединяющимъ къ имени Дианы *Иродіаду* и Минерву (cum Diana paganorum dea vel cum Herodiade et Minerva) ⁴⁾. Если вѣрить рукописному житію папы Дамаза I, то о ночныхъ скитаніяхъ Иродіады говорилось, и въ тѣхъ же выраженіяхъ, уже на римскомъ соборѣ 367 года ⁵⁾; въ Liber Decretorum (l. X. с. 1) ⁶⁾ Буркгардта

¹⁾ Baluze, Capitularia reg. Francorum, t. II, p. 365: с XIII, De somnigiis et aortiaris. Schmitz, Die Bussbücher u. die Bussdisciplin der Kirche, ссылается (стр. 460) на этотъ капитулярій по поводу § 84 Poenitentiale Arundel: Si quis in aërem inquietis noctis silentio se a maleficis feminis sublevari crediderit, II annos peniteat.

²⁾ Reginonis Premiensis abbatis de ecclea. disciplinis et religione christiana libri duo (Migne Patrol. lat. t. CXXXII, l. II, с. CCCLXIV).

³⁾ Сл. Soldans Geschichte der Hexenprozesse, neu bearbeitet von H. Herpe, I, стр. 181, прим.; Migne, l. c., t. XL: текстъ De spiritu et anima, авторомъ котораго предполагается Alcherus, монахъ въ Clairvaux.

⁴⁾ Такъ и у Albertus M. въ Summa theol. 2, 81. Сл. Grimm. l. c. II, стр. 684 прим. 1.

⁵⁾ Soldan-Herpe, l. c. I, стр. 109.

⁶⁾ Migne, l. c., t. CXL, p. 881—2.

Вормскаго (1024 г.) она появляется въ нашемъ текстѣ рядомъ съ Діаной (*cum Diana paganorum dea vel cum Herodiade et innumera multitudine mulierum* и т. д.); такъ и въ Concordia'и (оконч. 1151 г.) Граціана (*cum Diana dea paganorum vel cum Herodiade*)¹⁾ и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, почерпавшихъ изъ того или другого источника²⁾. Если въ концѣ своей книги (I. XIX с. 5)³⁾, повторяя сказанное о Діанѣ и Иродіадѣ, Буркгардтъ называетъ вмѣсто той и другой Holda'у, Unholda'у⁴⁾, то онъ, очевидно, имѣлъ въ виду обозначить этой родовой либо эвфемистической кличкой одно изъ упомянутыхъ выше фантастическихъ существъ. *Cl. bonas res* въ показаніи Étienne de Bourbon и *bonae res* у Vinc. Bellov. *Spec. mor.* III, 3, 27; *bunele, dulțele, milostivele, frumoașele*: обозначеніе аналогическихъ существъ румынскаго повѣрья⁵⁾. То-же слѣдуетъ принять и для названія *Bezozia'и* (*Angerius II, episc. conseran. ann. 1280 in Statutis Mss.; Concil. Trever. ann. 1310 ap. Martène, Anecd., col. 257*) или *Bezezia'и* (*Stat., Syn. S. Flori Mss. f. 60*), какъ называется ночная богиня въ нѣкоторыхъ варьянтахъ нашего текста, тогда какъ Іоаннъ Салисберійскій (*Polycraticon* I. 2, с. 12) ограничи-

¹⁾ Migne, I. c., t. CLXXXVII: *Gratiani Concordia Discordantium canonum ac primum de jure divinae et humanae constitutionis, Pars II, causa XXVI. quaest. V, с. XII.*

²⁾ *Cl.* старонѣмецкое обличеніе народныхъ суевѣрій у Grimm'a, *D. Mythologie*, IV-е изданіе, т. III, стр. 413 (*mit der heiden gütinnen, dú da heisset Dyana oder mit Herodiade*) и *Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon, publ. par Lecoy de la Marche (Paris, 1877), p. 323—4: Ad hanc ludificationem, que fit in sompnis, pertinet error illarum mulierum que dicunt se nocturnis horis cum Diana et Herodiade et aliis personis, quas bonas res vocant, ambulare et super quasdam bestias equitare, et multa terrarum spacia pertransire et certis noctibus ad deorum servitium evocari.*

³⁾ Эта часть носитъ и отдѣльное заглавіе: *Corrector.*

⁴⁾ Migne, I. c., стр. 962: *Credidisti ut aliqua femina sit, quae hoc facere possit quod quaedam a diabolo deceptae se affirmant necessario et ex praeepto facere debere, id est cum daemonum turba in similitudinem mulierum transformata, quem vulgaris stultitia Holdam (var. Unholdam) vocat, certis noctibus equitare super quadam bestias et in eorum se consortio annumeratam esse.*

⁵⁾ *Cl. Jelele, studiu de mitologiã comparativa de Lazăr Săineanu. București 1886, стр. 19, 26, 32.*

вается обозначеніемъ Иродіады (*Nocturnam quamdam vel Herodiadem vel praesidem noctis Dominam*), а Gobelinus Persona (*Cosmodr. act. 6, c. 38*) именовъ Нера'ы, ночныя страствованія которой приурочиваетъ ко времени между праздникомъ Рождества Христова и Крещеніемъ: «*inter festum Nativitatis Christi et festum Epiphaniae Domini Domina Hera volat per aëra, quoniam Junoni apud gentiles aër deputabatur. Et quod Juno quandoque Hera appellatur et depingebatur cum tintinnabulis et alis, dicebant vulgares praedicto tempore: Vrowe Here seu corrupto nomine: Vro Here de vlughet, et credebant illam sibi conferre regnum temporalium abundantiam*».

Трудно рѣшить, какое изъ двухъ именъ, Діаны или Иродіады древнѣе въ приведенномъ суевѣріи. Если устранить анкирский и римскій соборъ 367 года, то окажется, что древнѣйшее упоминаніе Діаны въ нашемъ повѣрьи восходитъ къ IX—X столѣтію, когда культъ ночной Иродіады былъ уже извѣстенъ. О немъ говоритъ Ратерій Веронскій ¹⁾, упоминая о тѣхъ, которые «*Herodiam illam baptistae interfetricem quasi reginam, imo deam proponant, asserentes tertiam totius mundi partem illi traditam*». Эта «*tertia pars mundi pars*» представляется мнѣ тождественной по смыслу съ *pars hominum tertia* Reinardus'a: Иродіада отдыхаетъ во вторую половину ночи и лишь въ теченіе третьей проявляетъ свою власть надъ міромъ. Либо разумѣется дѣйствительная власть демона надъ третьей частью человѣческаго рода, какъ говорится въ *Roman de la Rose* о *dame Habonde*, ночной богинѣ.

18624 dont maintes gens par lor folie
euident estre par nuit estries
errans avec dame Habonde,
et dient, que par tout le monde
li tiers enfant de nacion
sont de ceste condicion.

18686 que li tiers du monde
aille ainsinc avec dame Habonde.

¹⁾ Grimm, l. c., I, стр. 235.

Domine Nabonde = *Domina Abundia* Вильгельма Овернского († 1248), такъ названная будто бы отъ *abundantia*, либо *Satia a satietate* ¹⁾. Едва-ли эти имена не принадлежатъ школьной или народной этимологiи; *Abundia* въ сущности — таже Дiана средне-вѣковаго повѣрья.

Если рѣшить въ пользу большей древности послѣдней сравнительно съ Иродiадой, то легко понять, по какимъ побужденiямъ къ образу странствующей по ночамъ богини присоединилась и Иродiада, также блуждающая въ наказанiе за свой проступокъ. Извѣстно древнее отождествленiе Дiаны-Артемиды съ Гекатой, богиней чаръ и волхвованiй; сладострасныя пляски жень въ честь Артемиды Эфесской; греческое повѣрье, что въ соннѣ ночной Артемиды-Гекаты носятя дѣти, умершiя раньше времени, и души тѣхъ, которые скончались, не оставивъ потомства и не насладившись любовью, *ἄγρια σπρίζοντες, ἐπὶ φρεσὶ δύμων ἔχοντες* ²⁾: все образы, напоминающiе средне-вѣковыя представленiя о «дикой охотѣ», въ которой Иродiада играла нынѣ отчасти забытую роль. Ея сближенiе съ Дiаной совершилось въ такомъ случаѣ въ силу сходства мифическихъ представленiй и, вѣроятно, именъ; *hera Diana* — и *Herodina* (ср. *Zs. f. deutsche Mythol.* I, 102), *Herodiana*, какъ зовется Иродiада у Vintler'a, *Die Blumen der Tugend* (ed. I. Zingerle) v. 7737 слѣд.:

so haben etleich gemein
mit der bösen Erodiana
(вар. Herodiana).
so glauben vil an Diana
die do ain valsche gottin ist ³⁾.

¹⁾ Grimm, I. c. I, стр. 287—9.

²⁾ Ср. глгивъ къ Гекатѣ у Miller'a, *Mélanges de littér. grecque* p. 442 слѣд.; Nauck, *Mélanges gréco-romains* III, 188; Dilthey, *Die Artemis des Apelles und die wilde Jagd* въ *Rhein. Mus.*, N. F., B. XXV (1870), стр. 321 слѣд.

³⁾ Ср. въ *Вопросахъ и отвѣтахъ*, напечатанныхъ г. Мочульскимъ (Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, Варшава 1887) стр. 246: «проклятая жена *Иродiана*», уприсившая Ирода отсѣчь голову Предтечѣ.

Но возможно и другое объясненіе сближенія: Herodiana могла быть понята какъ heга Diana; вспомнимъ слова Бургардта: ejusque (то-есть Діаны) jussionibus velut *dominae* obedię; по такимъ-же, вѣроятно, соображеніямъ и авторъ Reinardus'a далъ Иродіадѣ имя Pharaaldis, то-есть *fram* Hilde или Holda. Позже heга и Diana могли быть поняты не какъ два имени или обозначенія, а какъ двѣ личности: Heга и Diana; если первая была истолкована какъ Юнона, то это ученое объясненіе; имя первой могло быть подсказано сближеніемъ двухъ повѣрій, развившихся самостоятельно до тождественной образности: представленія охоты.

Мы видѣли, что по каталонскому повѣрью Иродіада и ея отецъ осуждены вѣчно блуждать. Однимъ изъ частныхъ выраженій этой идеи блужданія было представленіе дикой, фантастической охоты, въ которой несутся осужденные. Если въ областяхъ Perigord'a, Franche-Comté, Jura и Ain наканунѣ Богоявленія проносится «Иродова охота», Chasse Hérode, а въ Ганноверѣ и Вестфалии Herodes, Herodis - Rôds охотится между Рождествомъ и 6-мъ Генваря ¹⁾, естественно ставится вопросъ, какая именно роль была ему удѣлена первоначально въ этомъ суевѣрїи? Являлся-ли онъ охотникомъ, преслѣдователемъ или преслѣдуемымъ, или охота явилась случайнымъ конкретнымъ образомъ идеи роковаго блужданія, на которое осужденъ Иродъ за свою жестокость? Ибо въ средневѣковомъ представленіи онъ былъ, по преимуществу, tygannus, hegus malus = староверхнен. *wötan*; сл. средневерхнен. *wüetunge* — furia, megera, sania; старое нѣмецкое выраженіе для дикой охоты: *wüetunges heg* означало-бы, съ этой точки зрѣнія, войско, дружину тирана, т. е. Ирода; души дѣтей, нерѣдко являющіяся въ сонѣ дикой охоты, отвѣтили-бы памяти о невинныхъ младенцахъ, усѣченныхъ из-

¹⁾ Wolf, l. c. II, 168; Sébillot, Traditions et superstitions de la Haute-Bretagne, I, 220; De Chesnel, Dictionnaire des superstitions, a. v. Chasses des esprits; Za. für deutsche Mythologie I, 100—102; Kuhn, Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen I, 1.

вергомъ, *gotewpoto*, какъ называется другого Ирода (Антипу) Отеридъ (I, 19, 18), рассказывая объ этомъ событіи ¹⁾. Если во главѣ дикой охоты является иной разъ, вмѣсто древняго *Wotan* = *Wod, Wut, Wode*, женскій образъ: *frau Wode, Gode, Gauden*, то нѣтъ нужды предполагать здѣсь замѣну одного пола другимъ, когда легенда о блужданіи подсказываетъ намъ рядомъ съ «тираномъ» Иродомъ — и Иродіаду ²⁾.

Сонмомъ, дружиной Ирода я склоненъ передать и еще одно выраженіе для «дикой охоты»: «*militia Hellequinii*», «*Karlequinii*», *mesnie Hierlekin, Hellequin* и т. д. ³⁾, встрѣчающееся рядомъ съ другими библейскими: *le chariot de David* (Бретань), *la chasse d'Oliferne* (Franche-Comté, Jura), *la chasse Caïn* (Нормандія), *chasse Machabée* (Blois), *chasse Hérode* ⁴⁾. Уже Дитцъ ощутилъ въ *Hellequin* и его родичахъ нѣчто нижненѣмецкое, *niederländischen Klang*. *Hérodes* могъ дать въ нижненѣмецкихъ говорахъ уменьшительную форму *Herdekin* ⁵⁾; отсюда: *Herlekin, Hellekin*. Что рассказывается о *Hellequin* въ старофранцузскомъ романѣ

¹⁾ Сл. Иродъ = волкъ, въ поэмѣ Вернера. Сл. W. Grimm, *Die mythologische Bedeutung de Wolfe*, *Za. f. d. Alterth. XIV*, 208—4, 218, 215; *Рассказанія VIII*, стр. 285: Иродъ = змія, Геродъ = чертъ. Сл. представленіе «огненного Ирода» въ мал. легендѣ у Драгоманова, Мал. нар. пред. и рассказы, стр. 184 слѣд.: дочь Ирода, Еадокія, обратилась въ Христову вѣру и убѣгаетъ съ монахомъ Германомъ; Иродъ «схватився огнемъ», гонится за ними; Господь посылаетъ двухъ ангеловъ, которые несутъ Еадокію на небеса, а Иродъ за нею, «железъся і зубами скригоче. Господь возгласивъ зъ небесъ на архистратига Михаила: Охристи его зезломъ! Охристив, обсік ѓму крыльа, і він бухнув до долу».

²⁾ Сл. Grimm, I. c. I, стр. 110 (сл. т. III, прим. къ стр. 110 на стр. 49), II, 765 слѣд.; *Simrock*, I. c., 219; *Lexer, Mittelhochd. Wb. a. v. wäetunge*.

³⁾ Сл. Grimm, I. c. II, стр. 785—6; *Wolf*, I. c. II, 162; *Liebrecht, Gervains von Tilbury*, стр. 198—9; его же: *Zur Volkakunde*, стр. 27 слѣд.; *Diez, Wb. a. v. arlecchino*; *Gachet, Glossaire a. v. halegrin*; *Littré, Dictionnaire a. v. arlequin*; *Godefroy, Dictionnaire de l'ancienne langue francaise a. v. hellequin*. Сл. *Pitrè, Archivio II*, 104—105.

⁴⁾ Сл. *Sébillot*, I. c., 220, 221; *Wolf*, I. c. II, 162; *Simrock*, I. c., 219; *De Cheannel*, I. c.

⁵⁾ Сл. въ нижненѣмецкомъ словарѣ *Schiller'a* и *Lübkena* уменьшительныя: *Herdeke, Hertke* отъ женск. имени собственнаго *Herdradia*.

о Richard, подтверждаетъ отчасти показаніе Reinardus'a объ Иродіадѣ и взаимно имъ подтверждается. Герцогъ встрѣчаетъ въ лѣсу Hellequin'a, охотившагося съ своими людьми: онъ отдыхаетъ на терновомъ кустѣ, какъ Иродіада въ Reinardus «*quercibus et cogulis*»; затѣмъ опускается на землю, на платъ, разосланный его сенешалемъ. На вопросъ герцога: кто далъ ему позволеніе охотиться въ его угодьяхъ, Hellequin отвѣчаетъ, что такъ положено Богомъ, чтобы по ночамъ онъ скитался въ лѣсу; теперъ онъ отдыхаетъ (сл. въ Reinardus: *usque nigri ad galli carmina. . . prima sedet*):

Tant avons cheminé estant esmerveillés,
que trestous nous en sommes honny et travaillez. . .
Si souffrons nous chascun tant d'angoisse et de peine
que pas ne le pourroit-on dire en la semaine.

Изъ Hellekin, формы, которую я считаю вторичной послѣ Hedekin, развилося послѣдовательно Hellekin подѣ этимологическимъ вліяніемъ средневерхнен. *helligen*: преслѣдовать кого нибудь до усталы, измощать, мучить, либо скорѣе подѣ вліяніемъ Helle: адъ. Hellekin сталъ адскимъ охотникомъ: Helljäger; его люди, *tesnie Hellequin*, такіе же, какъ онъ, демоны, мчащіеся за нимъ съ шумомъ и гамомъ, вселяя повсюду страхъ, злыя и вмѣстѣ проказливыя, согласно съ извѣстнымъ типомъ средневѣковаго дьявола. Этотъ типъ, разнообразно колеблющійся между демоническимъ и скоморошымъ, держится за ними и въ старое время и въ переживаніяхъ современнаго суевѣрія. Демономъ представляется Dant Hellequin въ *fabliau* о его свадьбѣ съ *Luque la maudite* ¹⁾; скоморохомъ отзывается упоминаніе колокольцовъ; такъ у Adam de la Halle (ed. Coussemaker 39):

J'oi la maisnie Hielekin
Mien ensiant qui vient devant
Et mainte *cloquete* sonnans;

¹⁾ Romania, № 46—7, стр. 224 слѣд.

и въ описаніи торжественнаго шествія Гордости въ Renard le Nouvel:

à sa siele et à ses lorains
Ot une cent cloketes aux mains
Ki demenoient tel tintin
Con li maisnie Hierlekin,

какъ и въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ Гобелена Нера-Продіада является «cum tintinnabulis et alis». Huon de Mery (Torneiment Antechrist) не даетъ никакихъ новыхъ подробностей относительно «maisnie Hellequin»; въ одной рукописи Roman de Fauvel (146 Fonds Français, XIV в.) она изображена бѣснующейся:

Je cuids que c'estoit *Hellequin*
Et tuit li autre sa *maisnie*
Qui le suivent toute enragie.
.....
Avec eux avoient *hellequines*
Qui avoient cointises fines

Такъ представляется она и въ Mariage des filles au diable:

Il s'entrepoilent com mastin,
C'est la *mesnie Hellequin*.

Въ Нормандіи, гдѣ удержалось представленіе и названіе Chasse-Annequin, Неппеquin, злого, надоедливаго ребенка зовутъ hanpequin, то-есть демономъ, бѣсенкомъ. Дантовскій Aliscino (Inf. XXI, 118; XXII, 112) такой же наследникъ Hellequin, спустившійся къ роли злорадствующаго демона¹⁾, который могъ бы повторить, что о себѣ сказалъ его товарищъ Cagnazzo:

Malizioso son'io troppo
Quand'io procuro de'miei maggior tristizia
(Inf. XXII, 110—111).

¹⁾ Сл. Graf, Demonologia di Dante, въ Giornale storico d. letteratura italiana, IX, 48 прим.

Тотъ же переходъ совершился и на почвѣ старо-французской мистеріи: опускаемая дверь, ведущая со сцены въ отдѣленіе театрального «ада», задернута была занавѣсомъ, съ изображеніемъ на ней чудовищной головы; занавѣсъ этотъ носилъ названіе *charpe d'Hellequin* ¹⁾, вѣроятно, потому, что отсюда выходили, по требованію пьесы, актеры, игравшіе роль дьяволовъ. Позже родъ занавѣса, шедшаго вокругъ сцены, названъ былъ «*manteau d'Arlequin*» ²⁾: именемъ, отвѣчающимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи понятію *Hellequin* ³⁾, удержавшимся въ итальянскомъ *Arlecchino* — ибо эта извѣстная маска комедіи dell' *Arte* и театра маріонетокъ заступила мѣсто древняго *Hellequin*, унаслѣдовавъ *centipulus* классическаго мима и его натертое сажей лицо, въ которомъ благочестивые зрители могли усматривать не наслѣдье древней гримировки, а печать ада.

II.

По народному нѣмецкому повѣрью, «дикая охота» показывается обыкновенно между 25-мъ Декабря и 6-мъ Января; слѣдующій затѣмъ день, посвященный памяти Предтечи, могъ вызывать легендарныя воспоминанія объ Иродѣ и его дочери. Послѣдняя должна была впоследствии поступиться частью своей славы и цѣльностью образа передъ другимъ, приуроченнымъ къ тому же времени: передъ образомъ итальянской *Befana*'ы — *Eriphania*'и и нѣмецкой *Berhta*'ы, то-есть свѣтлой, отвлеченной

¹⁾ Petit de Julleville, *Les mystères* I, 366, прил. 1.

²⁾ *l. c.*

³⁾ Сл. P. Paris, *Manuscripts français* I, 321 слѣд.: «Dans mon pays (l'ancien Rémois) les petits enfants s'effraient mutuellement à l'approche de la nuit en criant à tue-tête: «Arlequin sur nos talons», comme si la Mesnie Hellequin les poursuivait encore. On y donne aussi le nom d'arlequins aux feux follets enfantés par les exhalaisons de la terre dans les derniers jours d'automne. Ces arlequins, disent les mères avec affectation, s'attachent aux pas des enfants; ils offrent une lumière trompeuse en sautillant devant eux à quelque distance, jusqu'à ce qu'ils aient conduit la pauvre victime dans un marais ou dans un précipice».

отъ названія дня: *ἡμέρα τῶν ἁγίων φῶτων*. Если Bertha представляется иногда пугаломъ, Бефана — дочерью Иродіады ¹⁾, я вижу въ этомъ синхронистическое вліяніе послѣдней. Въ одномъ разсказѣ изъ *Möllthal*'я ²⁾, повторяющемъ преданія Досисея и Никифора Каллиста, дочь Ирода — бѣшенная плясунья, которая, не удовольствовавшись тѣмъ, что плясала въ присутствіи отца, надменно продолжаетъ танецъ, проходя по замерзшей поверхности озера. Она провалилась въ воду и съ плясомъ прошла прямо въ адъ, откуда выходитъ ежегодно въ ночь 5-го Января, чтобы въ пляскѣ промчатся вокругъ свѣта. Звать ее — *Perht* или *Perchtra*.

Обратное вліяніе Берты-Бефаны на типъ Иродіады слѣдуетъ допустить для *Agedodesa*'ы, *Redodese*, *Redosa*, *Redosola* и т. п. сѣверно-италіанскихъ повѣрій, въ которой я усматриваю— Иродіаду. Если въ венеціанской области она является бодрой, привѣтливой старушкой, одаряющей дѣтей въ ночь на Богоявленіе фруктами и конфетами, которыми наполняетъ чулокъ ³⁾— то это представленіе, очевидно, отразило вліяніе олицетвореннаго свѣтлаго праздника, *Berhta*'ы—*Befana*'ы. Въ другихъ случаяхъ, мрачный образъ Иродіады сказывается яснѣе: *Agedodesa* пугаетъ женщинъ, работающихъ или прядущихъ наканунѣ праздника (Богоявленія) ⁴⁾, либо топятъ въ потокѣ дѣвушекъ, вышедшихъ, чтобы покататься въ саняхъ со своими поклонниками. О ней говорятъ, что она является изъ ада, позвякивая цѣплями ⁵⁾, почему ребята стараются прогнать её, ходя по улицамъ толпами, съ дудками и битьемъ въ таганы ⁶⁾. Съ первымъ пѣніемъ пѣтуха она исчезаетъ ⁷⁾. Въ *Cadore* разсказываютъ, что наканунѣ Бо-

¹⁾ Grimm, l. c. I, 234.

²⁾ Zeitsch. f. d. Alterth. XXVII, стр. 96.

³⁾ Сл. Angela Nardo Cibele, *Superstizioni Bellunesi e Cadorene*, въ *Archivio per lo studio delle trad. pop.* IV, 588; V, 39.

⁴⁾ l. c. IV, 590.

⁵⁾ l. c. V, 33, прим. 1, и стр. 34.

⁶⁾ l. c. V, 33.

⁷⁾ l. c. V, 32.

гоявленія Redodesa является ровно въ полночь въ церковь св. Іоанна съ просьбой окрестить её. Всякій разъ святой отсылаетъ её съ дырявой корзиной по воду, необходимую для совершенія обряда. Она идетъ и, разумѣется, возвращается съ пустымъ судомъ; тогда между ними происходитъ такая бесѣда:

Duan, Duan, batezime sto an

(Иванъ, Иванъ, окрести меня въ этомъ году). Онъ отвѣчаетъ:

Madona, un altro an!

(До другаго года). И огорченная Redodesa удаляется; говорятъ, такъ будетъ до скончанія міра ¹⁾. Св. Іоаннъ, упомянутый въ сообщенной легендѣ, указываетъ на преданіе объ Иродіадѣ; то, что о Redodesa'ѣ разсказывается въ Gron'ѣ ²⁾, обращаетъ насъ къ преданію у Досифея и Никифора Каллиста: о переходѣ Иродіады по озеру или рѣкѣ, её потопившимъ. Говорятъ, что накануне Богоявленія, въ полночь, воды Cordevole и Mis (двухъ потоковъ) останавливаются и образуется по срединѣ дорога, по которой проходитъ Redodesa съ ея двѣнадцатью Redodesegot; еслибы кто другой явился въ это время по воду, онъ *потому-бы* заразъ. Утромъ въ былое время, кто первый являлся къ потоку за водой, находилъ на берегу букетъ великолѣпныхъ цвѣтовъ, неизвѣстно откуда взявшихся въ Генварѣ. Двѣнадцать «Redodesegot» напоминаютъ каталонское и, какъ увидимъ далѣе, и русское повѣрье о дочеряхъ Ирода; сѣверно-итальянское *do-dese* = двѣнадцать могло повліять и на превращеніе имени Иродіада въ — *Aredodese*.

Мы видѣли, какъ послѣдовательно развивалось представленіе роковой пляски, переходя къ образамъ вѣчнаго блужданія и «дикой охоты». Если я не ошибаюсь; то слѣды перваго, болѣе древняго, пониманія сохранились въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ, привязавшихся къ лѣтнему празднованію Іоанна Крестителя, то-есть

¹⁾ I. c. V, 82—83.

²⁾ I. c. IV, 590.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

къ 24 Юня, къ которому въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи относятъ и явленіе «дикой охоты»¹⁾. Въ неаполитанской области въ ночь на Ивана Купалу крестьяне выставляютъ на дворѣ ведро съ водой, въ отраженіи которой видятъ Иродіаду съ матерью, проносящихся мимо и упрекающихъ другъ друга за смерть Предтечи²⁾. Сл. *La chiusa di S. Giovanni u Pitrè, Biblioteca delle trad. pop. sicil. v. XVIII, стр. 378.* За три дня передъ Рождествомъ Предтечи въ Систовѣ (Болгарія) шесть румынскихъ дѣвушекъ собираются вмѣстѣ и рядятся, причемъ одна изъ нихъ, называемая Драгайкой, представляетъ Иродіаду, въ мужской шапкѣ и съ ятаганомъ въ рукѣ. Въ сопровожденіи музыкантовъ онѣ ходятъ и пляшутъ по домамъ, а Иродіада машетъ ятаганомъ въ знакъ отсѣченія главы Іоанна Крестителя³⁾. Болгары, поселившіеся съ 1773 года въ херсонской губерніи, еще недавно

¹⁾ Simrock, l. c., 216; Grimm, l. c., II, 767.

²⁾ Pitrè, Arghivio I, 327.

³⁾ Чолаковъ, Българскій народенъ сборникъ, стр. 56. Игра исполняется «вляшкани» (румынками или цыганками?), хотя имя Драгайки указываетъ на славянское (или греческое?) происхожденіе. У Сінас'а, *Dictionnaire d'étymologie daco-romane, Éléments slaves* и т. д., а. v. drag, отмѣчено лишь слѣдующее: *dragăică*—nom donné à la plus belle fille, choisie à une certaine fête champêtre et nom d'une danse, que ces filles dansent. Драмы Александри, на которыя ссылается Сінас, ограничиваются лишь упоминаніемъ пляски Драгайки: *giica drăgaica pin curte* (*Opere complete* II, 988), *giăcă drăgaica sa o nebună* (ib. III, 997). Интересныя подробности о ней даетъ Кантемиръ (*Operele principelui Dimitriu Cantemiru t. I, Bucuresci* 1872, стр. 141): Драгайка сближена съ Церерой, но объясненіе обряда другое. *Etenim eo anni tempore, quando segetes maturescere incipiunt, congregantur quot quot fuerint vicinorum pagorum puellae ac inter se venustiores et forma praestantiores sub Dragaicae nomine eligunt. Hanc in agrum magno comitatu deductam, corona ex aristis plexa pluribusque strophiliis phrygio opere pictis exornant ac claves horreorum manibus ejus suspendunt. Sic ornata Dragaica, extensis manibus et strophiliis vento expositis, ita ut volantis speciem prae se ferat, ex agro domum redit et omnes quot quot in eam societatem iverant, pagos cantando et saltando peragrat, stipata cunctis reliquis sodalibus quae eam canticis sat concinne compositis sororem et dominam quam saepissime vocitant. Hujus honoris villicae Moldavorum puellae plerumque sunt avidissimae, licet perpetua consuetudine cantavit, ne ea, quae Dragaicae personam gesserit, intra triennium marito elocetur.* Сл. еще Дювернуа, *Словарь болгарскаго языка* а. в. драгайка.

сохраняли этотъ обрядъ, но извѣстныя намъ свѣдѣнія о немъ не достаточно подробны: 24 Іюня, въ день Рождества Предтечи, собирались дѣвки, наряжали одну въ листья и цвѣты; ставъ на плечи двухъ другихъ и поддерживаемая прочими, она неслась съ торжественными пѣснями, крикомъ и шумомъ прямо къ рѣкѣ, гдѣ совершались разныя обряды¹⁾. Содержанія ихъ мы не знаемъ; судя по сообщеніямъ Чолакова они являлись народно-драматической параллелью къ захожей въ Румынію рождественской драмѣ, воспроизводящей древній officium stellae и носившей въ Трансильваніи и Молдавіи названіе «Иродовъ», Irodî (сл. les Hellequins).

Извѣстны обличенія древней русской Церкви, направленные противъ изступленнаго плесканія и скаканія, которымъ отдавались жены и дѣвки въ ночь на 24 Іюня²⁾. То, что говоритъ о нихъ игумень Панфилъ (1504), напоминаетъ мономанію «Ивановой пляски» (St. Iohannis chorea, danse de St. Jean, Sankt Johans Dantz), проявившуюся лѣтомъ 1374 года на Рейнѣ, Мозелѣ и въ Нидерландахъ. Мужчины и женщины, старые и молодые, дѣвушки, убѣжавшія изъ родительскаго дома, собирались на улицахъ и въ церквахъ и предавались неистовой пляскѣ и скаканію, пока не падали въ изнеможеніи. Плясавшіе носили на головахъ вѣнки и опоясаны были платами и вервиемъ — чтобы не разорваться; съ той-же цѣлью они приказывали себя бить и топтать ногами, когда падали измученные пляской. *Красный котиз* и видъ слезъ были имъ противны; иногда имъ представлялось, что они вступаютъ въ *рыку крози*, и они принимались скакать (черезъ нее?), то имъ видѣлось разверстое небо, и тогда прыгая, они пѣли:

Herre Sankt Johann, so so,
Frisch und froh,
Herre Sankt Johann!

¹⁾ Херсонскія епархіальныя вѣдомости 1888, № 18, 15 Сентября: Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви, стр. 542—8.

²⁾ См. мой отчетъ о сборникѣ П. П. Чубинскаго въ 23-мъ присужденіи уваровскихъ премій, стр. 22 и слѣд. отдѣльнаго оттиска.

Припѣвъ: so so, напоминаетъ начало одной бѣлорусской купальской пѣсни (Шейнгъ, Бѣлор. нар. пѣсни № 232):

Сегодня у насъ Купала... to! to! to!

Хроникеръ Veit Weinberg († 1580), упоминая о религиозномъ движеніи 1374 года, называетъ ту пляску *Firlefantz*; *Freube*, сообщившій относящуюся сюда выдержку изъ рѣмованной хроники, очевидно не понялъ намека на явленія 1374 года, иначе не спросилъ бы себя: какая тутъ разумѣется пляска, и не идетъ ли дѣло — о блужданіи злыхъ духовъ въ Иванову ночь, объ исканіи кладовъ. Замѣчу кстати, что тѣмъ-же названіемъ *Firlefanz* обозначали въ *Voigtland*'ѣ обрядовую игру на Ивановъ день, въ заключеніе которой ввергали въ воду какого то *Johannes*. Отвращеніе къ красному (кровоавому) цвѣту, видѣніе рѣки крови, венсовая пляска до изнеможенія — не относятся-ли это насъ къ памяти о пролитой крови Іоанна Крестителя и къ грѣшной плясунѣ Иродіадѣ?

Съ точки зрѣнія средневѣковой церкви, осудившей пляску какъ дѣло сатанинское, Иродіада являлась типомъ злой жены ¹⁾ и плясунѣй по преимуществу ²⁾. Авторъ приписываемаго Златоусту слова *περί μετανοίας* говоритъ о ней въ связи съ осужденіемъ оркестовъ и свѣтскихъ игрищъ; средневѣковыя миниатюры изображаютъ ее на пиру Ирода танцующей и кувыркающей въ стилѣ скомороха; Евсевій Эмесскій называетъ ее орудіемъ

¹⁾ Сл. въ Святославомъ избранникѣ отдѣлъ «о Иродіадѣ» (пер. изъ Анастасія Синаита, *Quaestio LIX: εἰς τὴν Ἰροδιάδα*). Сл. Срезневскаго, Древніе пам. русскаго письма 188—142.

²⁾ Для слѣдующаго сл. мон Разысканія VII, 290—292; VI, 40 слѣд., 427 слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, 87 слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXLV, отд. 2, стр. 288 слѣд. Разобранныя тамъ Смирновы молитвы отъ трясавицъ недавно были напечатаны по сербскому списку конца XIII либо начала XIV вѣка проф. М. Соколовымъ, Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ, стр. 23 слѣд. Сл. его-же: Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣвениками, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1889, Июнь, стр. 339 слѣд., и тамъ-же (стр. 369 слѣд.) замѣтку проф. Васильевскаго: О Гилло.

дьявола, которымъ онъ воспользовался для смерти Предтечи: когда ей поднесли его голову, она принялась играть ею какъ яблокомъ¹⁾. «О злое проклятое плясаніе, о лукавыя жены многовертимое плясаніе», читается въ одномъ русскомъ поученіи: «пляшуща бо жена—любодѣйца діаволя, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящии плясати безчестіе Іоанну Предтечѣ творять, со Иродью неугасимый огонь и ноусыпаяй червь осудитъ». Въ одномъ среднегреч. текстѣ Апокалипсиса Маріи²⁾ архангелъ Михаилъ показываетъ ей *γυναικα κρεμαμένην ἀπὸ τῆς γλώσσης αὐτῆς, καὶ εἰς τὸν τράχηλον αὐτῆς ἦν δράκων ἐντυλισμένος καὶ ἔτρωγεν τὸ στόμα αὐτῆς*: это Иродіада, изъ трупa которой по повѣрью малороссовъ, произошло дьявольское зелье—табакъ (Разысканія VI, 86).—Сама осужденная, она служитъ къ наказанію другихъ: лихорадка-трясавица, заставляющая челоуѣка дрожать и корчиться, была сблизжена съ изступленной пляской Иродіады; она то и посылаетъ болѣзнь. Какъ въ знакомомъ намъ каталонскомъ повѣрѣ у Ирода нѣсколько дочерей плясавицъ, такъ въ старо-болгарскомъ (попа Іереміи) и русскомъ заговорѣ трясавицы—дочери Ирода. Источникомъ заговора была византійская полу-легенда, полу-заклинательная формула, рано распространившаяся среди южныхъ славянъ, извѣстная и у румынъ. Въ ней говорится о св. Сисиніи, гонящемся въ одиночку, либо съ братомъ Синодоромъ, за демонической Γάλλω, у которой двѣнадцать именъ. Въ послѣдующихъ пересказахъ эти имена обратились въ столько же отдѣльныхъ существъ, и подъ вліяніемъ представленія о дочеряхъ Иродахъ, гонимыхъ и скитающихся, получилось синкретическое русское заклинаніе, говорящее о трясавицахъ, Иродовыхъ дочкахъ, преслѣдуемыхъ какимъ нибудь святымъ.

¹⁾ О связи этого представленія головы = яблокомъ съ нѣкоторыми русскими суевѣріями на день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи (29 Авг.) и памяти обрѣтенія его главы (25 Мая) см. мою замѣтку въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХХІІІ, Сентябрь, стр. 220—1.

²⁾ *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France, 5-e année 1871: Gidel, Étude sur une Apocalypse de la vierge Marie p. 118.*

Въ этой новой постановкѣ древнія имена Γῆλλῶ замѣнены были новыми, нныя искажились. Я главнымъ образомъ имѣю въ виду имя Βυζοῦ или Ἀβυζοῦ: это демонъ 'Οβρίζουθ въ Testamentum Solomonis; Иоаннидъ въ глоссаріи трапезунтскаго говора объясняетъ Ἀβυζοῦ изъ ἀβυσσος, въ значеніи: καταχθόνιον πνεῦμα, μάγισσα. Византійскимъ Ἀβυζοῦ, Βυζοῦ отвѣчаютъ въ соответствующихъ славянскихъ и румынскихъ формулахъ: Авизоа, Aveziha, Avezuha; въ русскихъ: Бѣсица или Бѣшица, дочь Ирода, то-есть Иродиада. Я считаю вѣроятнымъ, что «Herodias vel Be[η]zonia» у Авгерія, «Herodias vel Bezesia» въ синодальныхъ постановленіяхъ S. Flogi сохранили одно изъ древнихъ заговорныхъ прозвищъ Иродиады: 'Οβρίζουθ, Ἀβυζοῦ, Βυζοῦ, Ἀβιζιοῦ, Ἀβιδαζιοῦ = Bezozia, Bezesia, Satia Вильгельма Оверискаго съ объясненіемъ: a satietate, а дагѣ Abundia, конструированная по смыслу; сл. впрочемъ Ἀβιδαζιοῦ.

Не лишнимъ покажется и слѣдующее сближеніе: 'Οβρίζουθ въ Testamentum Solomonis, Γῆλλῶ Сисиніева заклинанія убиваетъ, похищаетъ, пожираетъ малолѣтнихъ дѣтей; въ приведенномъ выше показаніи Иоанна Сарисберійскаго встрѣчаемъ ту-же подробность въ связи съ Иродиадой: nocticulam quandam ed Herodiadem vel praesidem noctis dominam consilia et conventus de nocte asserunt convocare, varia celebrari convivia; . . . praeterea infantes exponi lamiis, et nunc frustatim discerptos edaci ingluvie in ventrem trajectos congeri, nunc praesidentis miseratione rejectos in sinas exponi (Grimm, l. c. II, 884). Гриммъ, (l. c. 886) считаетъ послѣднія черты поздними: въ началѣ дѣло шло о ночныхъ странствованіяхъ благодѣтельныхъ фей, приносившихъ дому счастье и довольство (Abundia), благословлявшихъ дѣтей; моментъ похищенія явился изъ мифовъ о таковыхъ-же продѣлкахъ эльбовъ; въ нашемъ случаѣ, говоритъ онъ, председательница и устроительница пира еще представляется милостивой, приказывая снова вернуть въ ихъ колыбели похищенныхъ (entwandten) малютокъ. Но дѣло не въ ихъ похищеніи, а въ пожираніи и въ возвращеніи въ прежній образъ. Такъ въ легендѣ о Сисиніи

Гилло поглощает ребенка Мелитины и изрыгает его снова, уступая угрозамъ святого; въ слав. текстахъ (у М. Соколова, 20—30) о демонѣ, «вѣщицѣ» говорится, что она «дѣти оузи-мантъ», «дѣти давить», «отроки ꙗмлетъ»; «азь оудавляю дѣти» (37); оттого одно изъ ея названій «чадоморна» (39)¹⁾. Эту черту я считаю древнею, милосердіе — поздней попыткой комментарія. И здѣсь, стало быть, протягивается таже связь между средне-вѣковыми представленіями объ Иродіадѣ и соотвѣтствующими образами греко-славянскаго суевѣрія, какъ и въ румынскихъ повѣрьяхъ о *ielele, dinsele, frumosele, milostivele* и т. д., носящихся въ воздухѣ; наносящихъ людямъ разныя бѣдны, пьющихъ ихъ кровь и истощающихъ ихъ, преслѣдующихъ красивыхъ юношей своею роковою любовью (*Saineanu, l. c. passim.*). Уже *Hasdeu* сравнивалъ рум. *ielele* съ *γελῶ* Гезихія (сл. l. c., 35, 36); въ этомъ отношеніи интересно встрѣтить въ заговорахъ противъ первыхъ «*Doamnele, Domnițele, Ierodicele*» (ib. 10), либо «*Irodia cea mare, Irod inpăratul și Irodasa inpăratasa cu fetiile sale*» (ib. 11); девять «*Iroditele* съ *Irodita cea mare*» (l. c. 15; сл. 14, 18, 51 и слѣд.).

Кончу вопросомъ: не опредѣлило-ли повѣрье о ночныхъ скитаніяхъ Иродіады въ сонмѣ дикой охоты своеобразный пересказъ классической легенды объ Орфѣѣ и Евридикѣ въ средне-англійской поэмѣ о *sig Orfeo*? Вопросъ вызываетъ не только передѣлка имени Евридики, но и новая обстановка, въ которой является древнее сказаніе. У короля Орфея жена *Neurodis, Erodys, Eroudys*; однажды въ майскій день она вышла съ двумя прислужницами въ садъ, гдѣ заснула подѣ волшебнымъ деревомъ. Проснувшись, она принялась голосить, раздирая на себѣ одежды; напрасно стараются ее успокоить, привести въ себя. Увы мнѣ! говорить она мужу, я всю жизнь любила тебя, а теперь намъ надо разстаться — и она объясняетъ, въ чемъ

¹⁾ См. Дювернуа, Словарь а. в. вѣщица, вѣштерница: «вѣштерницы... ноца пили кръвь-та на отрочета-та и ся преобразовали на пеперуды».

дѣло: во снѣ, казалось ей, пришли рыцари и потребовали ее къ своему королю; когда она отказалась идти, онъ самъ явился къ ней, при немъ сто рыцарей, пажей и сто дѣвицъ на бѣлоснѣжныхъ коняхъ; самъ онъ одѣтъ въ бѣлое, на головѣ вѣнецъ не изъ серебра и не изъ краснаго золота, а изъ драгоценнаго камня, свѣркавшаго какъ солнце. Онъ велитъ ей на слѣдующій день снова придти подъ то дерево, онъ возьметъ ее съ собою; коли она не явится, онъ все-же похититъ ее, гдѣ-бы она ни была. Самъ Орфео ведетъ жену къ указанному мѣсту подъ прикрытіемъ тысячи рыцарей, но они и не спохватились, какъ королева была внезапно унесена изъ ихъ среды. Орфео неутѣшенъ, покидаетъ свое королевство и въ теченіи десяти лѣтъ бродитъ по лѣсамъ и болотамъ, похудалъ, борода отросла у него по поясъ; его единственнымъ утѣшеніемъ была его арфа, и звѣри и птицы собирались послушать его игры. Часто въ полдень онъ видѣлъ властителя волшебнаго царства и его дружину, охотившихся въ лѣсу; либо мимо его проходила войско съ распущенными знаменами, или рыцари и дамы проносились въ пляскѣ, куда — онъ не вѣдалъ. Однажды онъ увидѣлъ шестьдесятъ дамъ, занимавшихся соколиной охотой; въ числѣ ихъ была и Heugodis. Онъ поглядѣлъ на нее пристально; она на него, никто изъ нихъ не проронилъ ни слова, но слезы полились у нея изъ глазъ, а спутницы увлекли ее за собой. Орфео слѣшнѣ за ними по кочкамъ и пнямъ; они остановились у скалы, онъ также, вступилъ въ нее, онъ за ними. Передъ нимъ растлилась волшебная мѣстность, свѣтлая, какъ прекрасный лѣтній день, ровная и гладкая, вся покрытая зеленью; по срединѣ возвышался высокій замокъ, съ стѣнами прозрачными, какъ хрусталь; у него сто башенъ и арки изъ чистаго золота, на колоннахъ изъ золоченой бронзы. Орфео стучится у воротъ, впускаетъ, когда назвалъ себя бродячимъ пѣвцемъ (minstrel) — и видитъ Heugodis, покоявшуюся подъ волшебнымъ деревомъ. Онъ играетъ передъ королемъ и въ награду за то проситъ — отдать ему его жену. Поэма измѣнила извѣстную развязку мѣа: Орфео

и Herodias возвращаются къ себѣ и прожили еще долгіе годы ¹⁾).

Мы вправѣ отвлечь отъ этого разсказа мотивъ, очевидно, приставшій извнѣ къ легендѣ объ Эвридикѣ: мотивъ объ Egeuz, унесенной властителемъ волшебнаго царства, проносящейся въ фантастической охотѣ. Это наша Иродіада; смѣшеніе съ Эвридикой не представится необычнымъ тому, кто знакомъ съ средне-вѣковыми превращеніями классическихъ сюжетовъ и съ уравненіемъ: Diana = Herodias.

¹⁾ Къ Sir Orfeo сл. Child, The english and scottish popular ballads, I № 19 и примѣчаніе къ нему въ т. IV, стр. 500 а.

XVII.

АМФИЛОГЪ — EVAŁACH

ВЪ ЛЕГЕНДЪ О СВ. ГРАДЪ.

I.

Въ «Обзорѣ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ (Кіевъ, 1887) проф. Калужняцкій (стр. 26—28) напечаталъ по сборнику Львовскаго Свято-Онуфріевскаго монастыря № XVIII (стр. 993—998) «Сказаніе Ан'филога цара ѿ святѣй лѣтоургин». Вотъ его содержаніе:

«Бысть Ан'филогъ ѿтъ царьскаго рода, дръжаще въ та лѣта поганымъ срациномъ. И похавшъ же Ан'филогоу (къ братоу своему) въ Іерусалимъ градъ, и видѣ црковъ. И выйде же Ан'филогъ въ святилище Божіе не тькмо самъ, нъ и велблоуды велаше оувести, велблоуды же падше изм'роша въсв. Ан'филогъ же рече: Хошъ видѣти поганскужъ вѣроу и службъ ихъ. И въшедъ на полатоу, нача смотрити ѿпасно, идеже съв'ръшается сватаа слоуж'ба. И видѣ попа пристоупающа къ святѣй трапезѣ. И просвѣтиса лице его (то-есть попа), тако слънце, а ризы его яко огнѣ, къгда приступи къ сватому жрѣтов'никоу. И не показа Богъ поганомоу просфоуры, нъ показа ему дѣтищъ образъ

свой. И множество аггелъ стоаше шкрсть съ оружіемъ. И нача попь заклати дѣтище, и абле истече крвь и вода. По скончаніи же того, егда рече попь: **Благослови, владыко!** въ тѣй часъ ста пръковъ ледана, а шл'тарь шг'вень. А егда рече попь: **Пресватуж, чистуж,** въ тѣй часъ пристоупиша множество аггелъ, подемше рждѣ за весь миръ христіанскій, молашеса Богу. Егда же Іереѣ начеть глаголати: **Богъ сватый на сватыхъ почиваа,** тогда множество аггелъ подимоуть апостолю, и речеть **Миханль: Вън'мѣмъ!** а Гаврина речеть: **Миръ въсѣмъ!** И начеть чьсти попь еваггеліе, и въ то время трясуть аггелъ вънимають съ похвалож слова та, несжть на небо. Тогда глаголетъ попь: **Іако милостивъ челоувѣколюбець Богъ еси—**тогда вышедъ изъ шлтара аггелъ, носа стькланицж плъноу мира, знаменаеть предстоашаа люди. Егда попь начеть глаголати: **Оглашеніи изыйдѣте—**тогда аггели, събрав'ше грѣш'ники, ведоуть вонь ис пръкве, а праведники оставлѣжть. Егда же речеть попь: **Іако подъ дръжавож твоуж—**тогда всънїйдоуть аггели божїи, свѣтїи, дръжаще въ ржкахъ шржжіа шгньнаа, а друзїи тьмнїи аггели, обьмѣтающе Іереа сѣтми, хоташе прѣльстити его. И не възмогаша дойти дверїи шлтара, срѣтають бо ихъ божїи аггели, имаще шржжіа пламен'ваа, и штжевоут тьмныа аггели прочь. Тогда възнесутса множество аггелъ, пожше: **Сватъ, сватъ, сватъ Господь,** и въземше прѣсватаа, ставать на сватѣй трапезѣ. И глаголетъ попь: **Благословите сватїи аггели.** Они же глаголють: **Мноуга гѣта, чьстный штче, доухъ сватый навдеть на та и сила вышнаго шсѣнить та.** Тогда сънїйдетъ доухъ сватый и шпочнеть тако голоубь на прѣдежащихъ дарѣхъ. По скончаніи глаголетъ попь: **Миръ въсѣмъ,** и діаконь: **Възлюбимъ другъ друга.** Тогда Христось прїидеть и ѡ. апостоли и цѣлоужть сватоуж трапезоу и слоужащаа. И глаголетъ діаконь: **Образоуж сватоу тройцж, дверь дверь премждростїж, станѣмъ добрѣ, станѣмъ съ страхомъ.** Тогда сънїйдетъ доухъ сватый на Іереа и покрыеть его. И речеть попь: **Вън'мѣмъ сватое възношенїе.** Тогда възметса агнець божїй, станеть на воздусѣхъ, и сънїйдета два хероувими

и станета окрестъ трапезы. И речеть поупъ: Побѣдноуж пѣснь поуже — вѣзмоутса хероувими закрывающа лица своа отъ неприкосновен'ныа славы и поуже: Сватъ, сватъ, сватъ Господь. Тогда открьется ѿ небесъ, и прїидеть самъ Господь съ высоты. И глаголетъ поупъ: Прїимѣте и гадте, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за м'ногы. Тогда исплѣнитса храмъ разоума, и агтели, разсмотрѣвше тайноу, глаголѣть: аминь. Тогда приложитса хлѣбъ до половины. И възглаголетъ поупъ: Пїйте отъ неа, се есть крѣвь моа новаго завѣта, да вѣси исплѣнатса разоума, да разоумѣлѣть, яко велика и страшна сила Господна. Тогда агтели вѣзнимають грѣхы отъ человекъ и отгнемъ съжгоужть. Егда речеть діаконъ: Главы ваша Господеви приклоните, а поупъ глаголетъ молитвоу: Боже сватый, живый въ вышнихъ — тогда изыйдетъ агтель изъ олтара и начнетъ вѣскладати вѣн'ца на предстоащаа люди съ страхомъ на молитвѣ. Скончавъ же поупъ сватѣхъ литургїа, принесе емоу (то-есть, царю Анфѣлогу) просфороу и рече: Вѣами царю! И рече емоу царь: Видѣх та, окаане, чимъ еси слоужилъ, яко дѣтище еси зарѣзалъ. Онъ же рече: Нѣсть, царю, еже ты глаголеши; еже ти есмь принеслъ, тѣмъ есмь слоужилъ. Рече же Анфѣлогъ: Азъ видѣхъ та, яко дѣтище зарѣзалъ еси. Рече же къ нему іерей: Такогоа чюда никтоже не видѣ, ни сватый отецъ Василїи, ни Григорїи, еже ты, царю, видѣлъ. Рече емоу царь: Отче, крести мя вѣнь, еже еси емоу слоужилъ. Рече емоу іерей: Не смѣлѣ, царю, нѣ поидѣва къ патріархоу. Онъ же иде, патріархъ же крести его во имя отца и сына и сватаго доуха и постриже его въ исхымоу. Онъ же рече емоу: Отче, чимъ спасти доушоу? Рече патріархъ: Иди къ братоу своему. Онъ же послоушавъ его и вѣсѣдъ на осель и поеха въ срацинъскоую землѣ къ братоу своему именовъ Кликанцоу. Они же не познахоу его, нѣ повѣдахоу царевн Кликанцоу мна, яко порѣггоу дѣветъ. Онъ же съемъ клобоукъ рече: Азъ есмь братъ твой; нѣ веси ли, брате, яко погыблъ еси въ вѣрѣ сей? И рече ему Кликанецъ: Кто та прѣлѣстилъ, брате, какоуж одеждѣ имѣеши на себѣ? Онъ же повѣла

емоу еяко бѣвшее чюдо. Ономоу же вѣровавшоу Христу, рече емоу: Кръстп ма, брате, еже ѡ Христвѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. И пойдоша ѡба, начаста проповѣдати ѡ вѣрѣ и ѡ законѣ и ѡ бываемѣ чюдѣ Христовѣ. И сего ради поганѣи срацни вѣсташа на нихъ и побѣша ихъ, ненавидаще закона Христова. И сего ради цари и князи кланяются мощемъ ихъ, и мы вѣрнѣи почитаемъ памать ихъ»

Проф. Сумцовъ ¹⁾ нашелъ пересказъ легенды объ Амфилогѣ въ «Небѣ Новомъ» и «Мессіи Правдивомъ Галятовскаго; въ румынской литературѣ она извѣстна по рукописямъ и изданіямъ прошлаго и текущаго столѣтія, но представляетъ нѣкоторыя особенности въ изложеніи и отличія въ собственныхъ именахъ ²⁾: царствуютъ Амурать, царь *авилонскій*, и Амфилогъ, царь Аравіи; въ то время евреи, препиравшіеся съ христіанами о *воскресеніи* и вознесеніи Христовомъ, послали въ Вавилонъ дары и доносъ, съ цѣлью побудить Амурата къ гоненію на христіанъ. По его повелѣнію Амфилогъ отправляется въ Іерусалимъ, чтобы *разрушить храмъ гроба Господня*, при которой остался лишь священникъ Іоанникій, такъ какъ патріархъ Меоодій удался въ Антиохію. Господь скрываетъ свою церковь отъ глазъ невѣрныхъ, осѣнивъ ее облакомъ; у служителя Амфилога, пытавшагося ворваться въ храмъ, отнялись руки, и лишь по молитвѣ священника онъ снова сталъ владѣть ими. Слѣдуетъ замечать чудо съ павшими верблюдами и коными, но видѣнія Амфилога иные: изъ извѣстныхъ намъ удержанъ лишь образъ Св. Духа-голубя; кромѣ того еще одно видѣніе: когда іерей молится

¹⁾ Сумцовъ, Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ, Кіевская старина 1887 г., Сентябрь, стр. 51 слѣд.; 53, 54; смлч. ib. Ноябрь, стр. 454. — По поводу разобранной въ последнемъ №, стр. 483—484, «исторіи о женѣ Майдонѣ» (изд. Макушевымъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881 г., т. IX, стр. 96—7 и Калитовскимъ, Матеріалы до русской литературы апокрифичной, Львовъ 1884, стр. 35 слѣд.) замѣчу, что источники ея (и слѣдующихъ за тѣмъ повѣстей у Калитовскаго) указаны были мною въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды I, п, стр. 68 и слѣд.

²⁾ Сл. Gaster, Literatura populara română, стр. 445 слѣд.

объ обрѣтающихся въ пути и на морѣ, Амфилогу представляется взволнованное море и на немъ гибнущіе корабли; при словахъ священника буря стихаетъ и слышится благодарственная молитва пловцовъ. — Вызванный изъ Антиохіи патріархъ окрестилъ Амфилога, который, вернувшись къ Амурату и не согласившись поклониться идоламъ, принялъ мученическій вѣнецъ. — Въ одной ркш. 1813 года за этимъ видѣніемъ слѣдуетъ другое, бывшее св. Василю и св. Ефрему, но изъ этого текста сообщается лишь отрывокъ, приблизительно отвѣчающій одному эпизоду славянскаго: когда іерей глаголетъ «станемъ добре, станемъ сострахомъ», тогда ангелы огненными бичами изгоняютъ демоновъ изъ храма.

Въ рукописяхъ и изданіяхъ румынской повѣсти ея авторомъ названъ *Varonim* или *Varonie*, *Paroschie*, а самое событіе отнесено къ 1009 году. Гастеръ видитъ въ *Varonie* — Баронія, извѣстнаго автора Церковныхъ анналь, но утверждаетъ, что прямымъ источникомъ сказанія могъ быть сборникъ, гдѣ находится и наша статья, и въ введенеіе къ которому сообщается, что онъ переведенъ съ сербскаго и исправленъ по греческому тексту. У Баронія нѣтъ чуда, но есть черты, которымъ и могъ воспользоваться составитель румынской повѣсти: оттуда и указаніе года, и названіе Каира-Вавилономъ. Рассказывается подъ 1009 годомъ, со словъ Радульфа Глабера, что евреи побудили своими доносами *principem Babylonis* (даже вмѣсто того *Ammiratus*) къ гоненію іерусалимскихъ христіанъ. Люди посланные имъ, разрушили храмъ Гроба Господня, а въ Рамлѣ церковь великомученика Георгія, *cujus olim virtus Sarracenorum nimium gentem terruerat: fertur enim crebro illuc eos ingredi cupientes partim caecitatem pertulisse*. — Къ 1009 году относятъ эти событія и лѣтопись Яхви антиохійскаго ¹⁾: рассказавъ подъ

¹⁾ Св. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхви Антиохійскаго, надатъ, перевелъ и объяснилъ Баронъ В. Р. Розенъ (СПБ. 1868), стр. 44—8 и прим. 823. Сл. Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ, въ изд. В. Г. Васильевскаго (Православный Палестинскій сборникъ вып. 11), стр. 265—9; сл. ib. 49—51.

1007 годомъ о спорѣ, возникшемъ между христіанами по вопросу о времени празднованія Пасхи, онъ говоритъ, что *смижскій* калифъ Ал-хакемъ послалъ въ Сирію Яруху, намѣстнику Рамлы, предписаніе — разрушить церковь св. Воскресенія, уничтожить ея виднѣйшія части и разбить священныя реликвіи, что и было исполнено 28 Сентября 1009 года. Патриарха въ то время въ Іерусалимѣ не было: Меодій румынской легенды фиктивное лицо; но замѣчательно, что западные лѣтописцы соединяютъ съ рассказомъ о разрушеніи храма и свѣдѣніе объ убіеніи или ослѣпленіи патриарха. Бар. Розенъ полагаетъ, что произошло это по смѣшенію съ патриархомъ Арсеніемъ, убитымъ въ 1010 году; если имя Іоанникія, священника при гробѣ Господнемъ по румынской легендѣ, не случайно, то мы напомнимъ патриарха Іоанна, убитаго въ 996 году, по показанію Яхъи, именно въ храмѣ Воскресенія, куда онъ заперся.

Адемаръ повѣствуетъ подъ 1010 годомъ о томъ-же разгромѣ христіанскихъ церквей, по наущенію евреевъ и велѣнію *Nabuchodonosor Babyloniae, quem vocant Admiratum*. Разрушена была базилика Гроба Господня; отъ Внолеемской церкви невѣрныхъ отогналъ внезапно явившійся молніеносный свѣтъ; подобное-же чудо отстранило ихъ отъ нападенія на Синайскія обители. Мученической смерти удостоился лишь патриархъ — *и duos adolescentes germani in Egipto, qui decollati sunt et multis clarescunt miraculis*. — Это не братья-ли славянскаго апокрифа? Если такъ, то наша легенда ходила уже въ XI-мъ вѣкѣ; но каково было ея содержаніе? Говорилось ли въ ней о чудесномъ обращеніи язычника образнымъ откровеніемъ таинства евхаристіи — и именно въ Іерусалимѣ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ храмомъ Воскресенія стояла и екзедра съ *чашей Тайной вечери* (Аркульфъ, *Breviarium*)? Или легенда о чудѣ сложилась на сторонѣ и лишь прикнула къ іерусалимской мѣстности? Самый мотивъ чуда былъ извѣстенъ ранѣе: въ *Aprophthegmata Patrum* говорится со словъ аввы Арсенія, жившаго при Феодосіи Великомъ, объ одномъ скинникѣ, *ὅτι ἦν πρακτικὸς μέγας, ἀφελῆς δὲ αἰς τὴν*

πίστιν· και ἐσφάλλετο διὰ ιδιωτείαν, και ἔλεγεν· Οὐκ ἔστι φύσις ὁ ἄρτος ὃν λαμβάνομεν σῶμα Χριστοῦ, ἀλλ' ἀντίτυπον. Двумъ старцамъ, увѣщавшимъ его, онъ отвѣчалъ, что только лицеизрѣненіе во очію можетъ разубѣдить его. По молитвѣ тѣхъ старцевъ Господь объявлялъ образно свое таинство, когда всѣ втроемъ они стояли въ воскресеніе на литургіи: ἀνεψχθησαν δὲ αὐτῶν αἱ ὀφθαλμοί, και ὅτε ἐτίθη ὁ ἄρτος εἰς τὴν ἀγίαν τράπεζαν, ἐφάνετο τοῖς τρισὶ μόνοις ὡς παιδίον. Καὶ ὡς ἐξέτεινεν ὁ πρεσβύτερος τὴν χεῖρα κλᾶσαι τὸν ἄρτον, ἰδοὺ ἄγγελος Κυρίου κατήλθεν ἐξ οὐρανοῦ ἔχων μάχαιραν, και ἔδυσε τὸ παιδίον, και ἐκένωσε τὸ αἷμα αὐτοῦ εἰς τὸ ποτήριον. Ὡς δὲ ἐκλασεν ὁ πρεσβύτερος εἰς μικρὰ μέρη τὸν ἄρτον, και ὁ ἄγγελος ἔκοπτεν ἐκ τοῦ παιδίου μικρὰ μέρη. Καὶ ὡς προσῆλθον λαβεῖν ἐκ τῶν ἀγίων, ἐδόθη τῷ γέροντι μόνῳ κρέας ἡματωμένον· και ἰδὼν ἐφοβήθη και ἔκραξε λέγων· Πιστεύω, Κύριε, ὅτι ὁ ἄρτος σῶμά σου ἐστι, και τὸ ποτήριον αἱμά σου ἐστι. Καὶ εὐθέως ἐγένετο τὸ ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κρέας ἄρτος κατὰ τὸ μυστήριον ¹⁾).

Подобнаго рода легендѣ о *сразуменіи* недоумѣвающаго христианина легко было пристать къ какому нибудь разсказу объ *обращеніи* «поганина». Такъ могла сложиться повѣсть объ Амфилогѣ, варьянтѣмъ которой пользовался, вѣроятно, авторъ Большаго Граля ²⁾, столь богатаго апокрифическими подробностями: положеніе то же, лишь нѣкоторыя черты переставлены; дѣйствіе перенесено въ Sarras, таинство евхаристіи отождествлено съ культѣмъ Граля. Иосифъ Аримаѳейскій и его шестьдесятъ-пять спутниковъ вышли изъ Іерусалима и на одиннадцатый день прибыли à une citet qui avoit non Sarras. Si estoit entre Babiloine et Salemandre (var. Salavandre); de cele citet issirent premièrement *Sarrasin*, названные такъ не отъ Сарры, жены Авраамовой, а по

¹⁾ Aporphthegmata Patrum у Migne, Patrolog. graecae t. LXV, стр. 156 слѣд. Контекстнй текстъ у Zoega, Catalogus codd. copticorum manu scriptorum qui in Museo Borgiano adservantur, стр. 313 и 314. (Указаніе О. Э. Лемма).

²⁾ Le Saind Graal, ed. Hucher, т. II, стр. 127 слѣд., 128, 131, 156, 160, 166 слѣд., 173 слѣд., 192 слѣд.

* Собраніе II Отд. М. А. Н.

городу. Тамъ царь въ то время *Evalach* (или *Hevalach*) li *Messonnéus*¹⁾, отвѣчающій *сарацннскому* царю *Амфилоу*; можетъ быть, и ния Эвалаховой жены, *Sarracinte*, не что иное, какъ сарацнка. Иосифъ говоритъ ему о Богѣ христіанъ, Господь приготовляетъ его видѣніями къ принятію вѣры, а Иосифу вѣщаетъ, что на слѣдующій день Эвалахъ пошлетъ за нимъ, дабы онъ истолковалъ видѣнное имъ; *et si verrés un nouvel établissement que jou ne vous ai pas encore dounet. Car jou sakerrai ton fil Joseph et le ferai si haut menistre comme pourvoire. Car jou li baillerai ma car et mon sanc en garde.* Господь посвящаетъ *Joseph*'а въ епископы, пастыремъ и духовнымъ стражемъ душъ, и затѣмъ велитъ ему совершить таинство евхаристіи: *Or vien avant, si feras le sacrement de ma char et de mon sanc; si que tous mes peules le verra apiertement. Atant enmena nostres sires Joseph jusques à l'arche, si que tos li peules le vit entrer dedens. Et si virent tout que ele crut tant et eslargi, que il estoient tout largement dedens. Et véoient les angles venir et aler par devant l'uis. Laiens fist Joseph le premier sacrement qui onques fust fais à celui peule, mais il eut molt tost acompli, kar il ne dist que celes paroles seulement, qant Jhésu-Cris dist à ses dessiples à la chaine: «Venés, si mangiés et chou est li mien cors qui pour vous et pour maintes autres gens sera livrés à martire et à torment». Et autressi leur dist del vin: «Tenés et si bevés tout. Car chou est li sanc de ma nouvele loy, li miens meismes, ki pour vous sera espendus en remision des péchiés». Ceste parole dist Joseph sour le pain que il trouva appareilliet sous la planète del kalisse [et sour le vin qui el calise estoit]: si devint tantost li pains chars et li vins sans. *Et lors vit Joseph tot apiertement ke il tenoit entre ses deux mains un cors autressi comme d'un enfant. Et**

¹⁾ У *Manessier*, продолжателя *Chrestien's de Troies*: *Evelac* (въ *Sarras*), его братъ *Salafrés*; у другого продолжателя, *Gerbert*: *Evelac* (въ *Sarras*), его братъ *Séraphé*; врагъ *Tholomes* (царящій въ *Cyprin*); то же въ *La Queste del Saint Graal*.

kant il le vit ainsi, si en fu moult durement esbahis, si que il ne savoit sos chiel que il péust faire, anskois s'estut tous cois et coumencha moult angoisseusement à souspirer et à plourer pour la grant paour que il avoit. Lors li dist nostres sires: «Il te couvient desmenbrer ce que tu tiens, si que il y ait trois pièches». Josephe li respondi et dist: «Ha, sire, aies merchit de vostre sierf, quar mes cuers ne pourroit souffrir que jou dépiéchaise si biele figure». Et nostres sires li dist: «Se tu ne fais mes coumandemens, tu n'auras point de part en mon hyretage». Lors prist Josephes le cors; si mist la tieste à une part et desavra del bu autressi légèrement comme si la cars de l'enfant fust toute quite en tel maniere que on quite char, quant on l'oublie sour le fu; après fist deux parties del remanant à moult grant paour. — Ensi com il coumencha à faire les parties, si cairent tout li angle, qui laiens estoient devant l'autel, à tière; si furent tous à genous tant que nostres sires parla et dist à Josephe: «Quel cose atens tu? Rechois chou qui est devant toi et si l'use, car chou est tes sauvement». Et qant Josephe l'oï, si se mist à genoullons et bati son pis et cria mierchit, em plourant de tous ses péchiés. Et qant il fut redréchiés, si ne vit devant lui sous la platine que une pièche en samblanche de pain. Et il le prist, si le leva en haut, et qant il éut rendut grasses à son créatur, si ouvri la bouce et vaut metre dedens. Et il resgarda, si vit que chou restoit un cors trestous entiers; si ne pot; ains sentoit que si on le metoit dedens la bouche, anskois que il le péust clorre. Et qant il l'éut usé, si li fu avis que toutes les doucors et toutes les souatumes que on péust noumer de langhe li fuissent dedens le cors entré. Après rechut une partie del saint boire sacré qui estoit el calisse, et qant il éut chou fait, vit que uns angles prist la platine et le kalisse, si les mist aus deus en la sainte esquière l'un sour l'autre, et sour chele platine si vit pluisors pièces en la semblance de pain. Et qant li angles éut prise l'esquière, si vint uns autres, si leva la platine en haut et chou qui estoit sus avoec; si l'emportoit entre ses deux mains

hors de l'arche. Et li tiers angle prist le galisse, si l'emporta en tel manière après chelui, et chil qui portoit la sainte esquiele fu tous daarins. Когда всѣ они вышли изъ скрини (arche), раздался голосъ съ неба, поучавшій, что только дѣйствительно вѣрующіе приобщаются къ таинству евхаристіи во спасеніе души. Ангель причащаетъ Іосифа и всѣхъ присутствующихъ, а Господь открываетъ Іосифу и его сыну, что настала часъ, когда Эвалахъ обратится къ Нему отъ служенія идоламъ: онъ вскорѣ пошлетъ за Іосифомъ и попроситъ истолковать ему значеніе бывшихъ ему таинственныхъ видѣній. Слѣдуетъ разсказъ о томъ и о нападеніи Египетскаго царя Tholomer (Птолемея), отраженнаго Эвалахомъ помощью христіанскаго Бога. Эвалахъ и братъ его жены, Ségarhe, крестятся.

La Queste del Saint Graal разсказываетъ то-же чудо евхаристіи въ другомъ приуроченіи, но кончаетъ упоминаніемъ — Sarras'a. Galahad съ спутниками прибылъ въ замокъ Corbenic, въ Британніи; здѣсь и представляется ему видѣніе: съ неба ангелы сносятъ на сѣдалищѣ чловѣка въ епископскомъ облаченіи и ставятъ передъ нимъ трапезу, на которой стоитъ Граль; на челѣ того чловѣка начертано, что это Joseph, сынъ Іосифа Аримафейскаго, первый христіанскій епископъ. Всѣ дивуются, ибо знаютъ, что онъ умеръ триста лѣтъ тому назадъ. Онъ приступаетъ къ совершенію таинства, ангелы сослужаютъ ему; во время возношенія гостіи кажется, какъ будто образъ младенца, снесшійся съ неба, вѣдрился въ неѣ и она приняла чловѣчeskій обликъ. Іосифъ исчезаетъ, а изъ святой чаши показывается чловѣкъ съ окровавленными руками, ногами и тѣломъ, говоритъ, что онъ откроетъ таинство и подастъ пищу тѣмъ, кто такъ долго ея ждалъ, не щадя трудовъ и заботъ. Причастивъ Galahad'a и его товарищей, онъ объясняетъ, что Граль — чаша тайной вечери, которую Galahad увидитъ во всей полнотѣ — въ Sarras'ѣ. Туда она перенесется, ибо Британніа недостойна видѣть ее ¹⁾:

¹⁾ Nutt, Studies on the Legend of the Holy Grail, стр. 50—1.

Evalach французскаго преданія не только напоминаетъ *Амфилога* славянской повѣсти, но и созвученъ ему по имени. Объяснить это имя я не берусь; можетъ быть, это передѣлка какого-нибудь восточнаго; моя попытка ¹⁾ истолковать его въ связи съ *Navila* — *Евѣлат* — Иеменомъ и легендами о христіанскихъ мученикахъ Неджрана предполагало наше сказаніе болѣе древнимъ, чѣмъ позволяли, быть можетъ, заключить, наличные о немъ факты.

II.

Сказаніе объ обращеніи поганина встрѣчается въ славянской и греческой письменности еще и въ другомъ видѣ, съ другимъ именемъ и приуроченіемъ, но дѣйствующимъ лицомъ по прежнему является сарацинскій царевичъ. Слѣдующій текстъ, извѣстный по печатному прологу подъ 26 ноября, я привожу изъ Макарьевской Четь-Миней по Софійскому списку № 1319, л. 719 лнц. — об. (= Успенскій спис. № 176, л. 1554 об. — 1555)²⁾.

«Повѣдаше Оулашь въ Дившполѣ градѣ створившееса чюдо. Приде братучадъ срациньскаго црѣ Нунерміа вѣкъ шруднемъ и видѣвъ цркъвъ стго Георгіа шбита в неи и вельблуды въ цркъвѣ впусти, не послуша възбранающій ему поповъ крѣтіаньскихъ; вельблуди же всѣ изъмоша. Начен'шу же ему стую литургію (нап. литиргію) видѣ Аравитъ яко попь закла дѣтищъ и источи кровь, а тѣло на блуди раздроби, и по скончаніи всѣ просвѣтерѣ пиша кровь, а маса ѣша, срацининъ же горости и гнѣва исполнивса. По скончаніи же литургіа привесе ему попь проскуру и рече: Приими, гдѣ, симъ бо служимъ Господеви Богу нашему. Штвѣщавъ же срацининъ рече: Окач'не, сими ли служимши? Дѣтищъ закла, а тѣло его на блуди раздроби, а того изѣсть. Прозвѣтеръ же поклониса, начать ему глаголати: Великъ еси ты

¹⁾ Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., Апрель, стр. 376.

²⁾ Варіанты пролога въ тѣхъ же Минейхъ: Соф. л. 721 лнц. об., Усп. л. 1557 об. — 1558. Этими указаніями, равно какъ и сообщаемыхъ текстомъ, я обязанъ любезности Хр. М. Лопарева.

мужъ, господине мой, како Богъ ѿкры тебѣ таину, егдаже азъ не видѣхъ, ток'мо величїи и стѣи видѣша, Василии и Григорїи, Іоан'нъ Златоустын. Вопросы же его ѡ всемъ срациниѣ еже видѣ, и оубѣдавъ ѡтъ попа прииде въ страхъ Божїи и от'вержеса срациньскыя вѣры и иде въ Іерусалимъ и крѣтиса отъ патриар'ха и посланъ бы во Синайскую гору и бысть мнихъ, желаше же мучитиса по Христѣ. По трехъ же лѣтехъ иде пакы въ Дивосполь и пришедъ въ црѣвь сватаго Геѡργїа повѣдася прежнем'у іерею, хотя мучитиса за Христа; ѡнъ же посла и в Сурию стрывеи (вал. строеви) своему, срациньскому цареви, рекъ: Предъ нимъ исповѣжь Іисуса Христа Сына Божїа суца. Пришедъ же въ градъ, в немже бѣ стрын его црѣствуаѣи, и вшедъ на столпъ нача звати срацины; онѣмъ же съшедшимся рече имъ: Что ми хочете дати да повѣмъ вамъ, к'дѣ есть братъ царевъ? Онѣ же пони'ше ведоша и к' царю. И рече царь: Аще во истину повѣдаеши, много слата и сребра дамъ ти. Чернецъ же рече: Авъ есмь, но крѣщенъ быхъ и вѣрую въ Отца и Сына и Святаго Духа, а срациньскую вѣру проклинаю и г'жаго пророка Махмета (рпк. Махнета). Царь же рече: Что ти бысть, оканне, како остави свое богатство и добрую вѣру срациньскую и скверную власаницу въздѣвъ на са проходиши? Чернецъ же рече: Сїю власаницу паче богатства люблю, а Мехмета проклинаю. Царь же повелѣ из'гнати его вонъ; рекоша же князи: Не можемъ его жива видѣти проклен'шаго вѣру нашу и Мах'мета похуливша. И извед'ше (рпк. — а) изъ града побѣша и каменїемъ, и тако предасть въ рудѣ Божїи духъ свои».

Профессоръ Васильевскїй указалъ мнѣ, что источникомъ приведеннаго сказанїя была легенда, приписанная Григорїю Декаполиту († ок. 820 г.), напечатанная впервые въ Римѣ въ 1542 г., затѣмъ въ приложенїи къ Acta Sanctorum, Aprilis III, подъ 23 Апрѣля, стр. XXXV—VII. Начало такое: ὁ στρατηγὸς Νικόλαος, ὁ λεγόμενος Ἰουλαῖς, δεηθήσατό μοι, ὅτι ἐν τῇ ἰδίᾳ πόλει, ἦν καλοῦσιν οἱ Σαββακίνοι τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ Ἄμπελον, ἀπέσταλεν ὁ Ἀμερουμνῆς Συρίας τὸν ἴδιον ἀνεψιὸν πρὸς τὸ διοικῆσαι δουλείας

τινάς εἰς τὸ εἰρημένον κάστρον. Ἐστὶ δὲ ἐκεῖ ναὸς μέγας καὶ ἀρχαῖος καὶ θαυμαστός τοῦ ἁγίου καὶ πανενδοξοῦ Μάρτυρος Γεωργίου. Содержание рассказа то же, но изложение пространнее; сарацины, пожелавшаго креститься, іерей отсылаетъ на Синай: *κακεὶ ἐστὶν ὁ Ἀρχιεὺς, αὐτός σε βαπτίσει*; явившись позднѣе въ сарацинскую землю, новообращенный христіанинъ заявляетъ о себѣ: *Ἐγὼ εἰμι ὁ ἀνεψιὸς τοῦ Ἀμερουμνῆ, ὃ ποτε φυγὼν καὶ ἄδελφος ἐγενόμην, νῦν βούλομαι θεάσαι τὸν ἐμὸν ἀνεψιὸν καὶ εἰπεῖν τι αὐτῷ*. Сарацины выводятъ его за городъ, *κακεὶ ἐλιδοβόλιταν αὐτὸν τὸν ἐσιώτατο μοναχὸν ὀνόματι Παχούμιον*.

Ἀμερουμνῆς = Нинермій оказывается титуломъ, какъ *Amiratus*, Амуратъ; но что такое *Ἀμπελος*? Первый издатель греческой легенды говоритъ: *in Thebaide (?) paulo antequam Gregorius Decapolita floreret a Saracenis occupata, existere etiam nunc oppidum, et Carme dictum (quod Ἀμπελος Graece, Latine Vineae redderetur) et ostentans ingentes ruinas templi monasteriique, quod filio, monasticum habitum suscipiente, quondam aliquis toparcha construxit et quod sub Saracenis inviolatum superiori saeculo Turcae destruxere*. Нос. templum S. Georgii fuit (AASS. I. c., стр. 145 а). Опредѣлить положеніе этого города, съ древнимъ въ немъ храмомъ св. Георгія, а не умѣю; Плиній (5, 16) знаетъ городъ *Ampeleoessa* въ Декаполѣ, но не псаврійскомъ, гдѣ родился Григорій Декаполитъ, а сирійскомъ, куда насъ относятъ и *ἀμερουμνῆς* греческаго чуда. Слав. легенда называетъ вмѣсто *Ἀμπελος*—Діосполь, издавна славный храмомъ Георгія, стоявшимъ между Діосполемъ и Рамлою: храмъ св. Георгія въ Рамлѣ, который разрушили сарацины въ 1009 году, очевидно, діоспольскій. Имя Пахомія характерно—какъ египетское; не память ли это о двухъ братьяхъ—*εμμητjαατj* Адемара?

Не рѣшаясь ближе опредѣлить взаимныя отношенія іерусалимской и діоспольской легендъ, за неимѣніемъ хронологическихъ данныхъ, обращусь съ нѣкоторыми результатами сравненія къ эпизоду *Grand St. Graal*. За исключеніемъ поздняго румынскаго извода (Іоанникій), іерей чуда нигдѣ не названъ; это

дасть поводъ заключить, что въ Grand St. Graal = Queste имя Іосифа подставилось позднѣе и не принадлежитъ древней традиціи. Чудо евхаристіи невольно прикинуло къ имени Іосифа Аримаеяйскаго, къ его чудодѣйственной чашѣ; это имя и могло быть внесено на мѣсто болѣе древняго имени, либо и анонима. Въ связи съ представленіемъ французскаго романа, гдѣ таинство видѣть не Eualach = Амфилогъ, а Joverhe, напомию на всякій случай объ Іосифѣ комитѣ Епифанія¹⁾, именитомъ еврей, жившемъ при Константинѣ Великомъ. Онъ былъ изъ числа патриаршихъ совѣтниковъ: *εἰσι δὲ οὗτοι μετὰ τὸν πατριάρχην ἀπόστολοι καλοῦμενοι*. Въ предсмертной болѣзни патриархъ Ἑλλήλ тайно принялъ крещеніе изъ рукъ христіанскаго епископа, и какъ Joverhe въ старо-французскомъ романѣ видѣть чудо евхаристіи, такъ Іосифъ наблюдаетъ сквозь щель совершавшійся надъ больнымъ обрядъ крещенія. Видѣнное имъ таинство (*διὰ τῶν γενομένων μυστικῶν*) смущаетъ его; чтеніе христіанскихъ книгъ (Евангелія отъ Іоанна въ еврейскомъ переводѣ, Дѣяній Апостольскихъ и *τὸ κατὰ Ματθαῖον ἑβραϊκὸν φυτόν*), найденныхъ имъ въ патриаршей ризницѣ, куда онъ тайно проникъ, ставитъ передъ нимъ вопросъ: стать ему или нѣтъ христіаниномъ? Онъ долго не рѣшается, хотя Господь взыскалъ его въ чудесахъ и сновидѣніи: *«ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, ὃν οἱ σοὶ γονεῖς ἐσταύρωσαν, ἀλλὰ πιστεῦε εἰς ἐμέ»*. Евреи застали его за чтеніемъ Евангелія, подвергаютъ истязаніямъ, бросаютъ въ Киднъ; обратившись въ христіанство, получивъ титулъ комита отъ Константина Великаго, онъ выпросилъ у него разрѣшеніе строить христіанскіе храмы по всей іудейской землѣ: въ Тиверіадѣ, Діокесарей, Назаретѣ, Капернаумѣ. — Эта дѣятельность пропагандиста могла быть обобщена и перенесена въ легендѣ на его соименника: Іосифа изъ Аримаеи.

Замѣтимъ, что начиная рассказъ объ Іосифѣ Комитѣ, Епифаній дѣлаетъ оговорку: это не *«ὁ συγγραφεὺς καὶ ἱστοριογράφος*

¹⁾ Eriphanii adversus haereses lib. 1, haer., XXX, § IV сѣд. у Migne, Patrol. gr. t. XL, стр. 110 сѣд.

καὶ παλαιὸς ἐκεῖνος». Ту же оговорку дѣлаетъ авторъ Grand St. Graal по поводу Іосифа Аримаѳейскаго: *Et sachiéz que ce ne fuit pais cil Joseph que li escripture trait si sovent à tesmoing, ansois fuit uns altres qui ne fuit mies moins letreis de celui* (Hucher, l. c. II, стр. 48—49, прим. 2). Тамъ и здѣсь надо было отдѣлать Іосифа комѳа или Аримаѳейскаго отъ Іосифа Флавія.

Во всѣхъ пересказахъ чуда мѣсто дѣйствія — на востокѣ; такъ и въ Grand St. Graal; но далѣе французскій романъ переноситъ насъ на западъ — въ Британію. Такъ во всей романической литературѣ, посвященной исторіи Граля. Разница въ томъ, что въ однѣхъ версіяхъ носителемъ заповѣдной чаши и проповѣдникомъ христіанства въ Британніи является Іосифъ, въ другихъ — его родственникъ Вронс¹⁾. Последняя версія, по записи, позднѣе первой²⁾; тѣмъ не менѣе еѣ-то именно Nutt считаетъ древнѣйшей по содержанію. По его мнѣнію легенда отправилась отъ Вран'а, представителя древне-кельтскаго Cernunnos, бога загробнаго міра, богатства и знанія; онъ и былъ властителемъ чудесной чаши обновленія. Въ христіанской легендѣ Уэльса онъ очутился впоследствии Браномъ благословеннымъ, впервые принесшимъ къ кимвріямъ благовѣстіе христіанства изъ Рима, гдѣ онъ семь лѣтъ былъ заложникомъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Карадокомъ; говорится о «благословенной главѣ Брана». Оба извѣстія встрѣчаются въ триадахъ XIV и XIII вѣка³⁾, — тогда какъ преданіе о проповѣднической дѣятельности Іосифа въ Британніи восходитъ къ первой половинѣ XII вѣва, и нѣтъ особыхъ основаній предполагать, что соответствующій эпизодъ внесенъ былъ позднѣе въ текстъ Вильгельма Мальмсберійскаго († 1141). Рассказавъ, съ ссылкой на Фрекульфа, что апостолъ Филиппъ проповѣдывалъ среди франковъ, онъ продолжаетъ: *volens igitur*

¹⁾ Nutt, l. c. стр. 79.

²⁾ *Ib.*, стр. 218.

³⁾ l. c., 211, 219 слѣд., 222—4. О Бранѣ см. Loth, *Les Mabinogion*, t. I, стр. 65—6, прим. 2.

verbum Christi dilatari, duodecim ex suis discipulis elegit ad praedicandum incarnationem Jesu Christi, et... ad evangelizandum verbum vitae misit in Bratanniam; quibus, ut ferunt, carissimum amicum suum Joseph ab Arimathia, qui et dominum sepelivit, praefecit¹⁾. Замѣтимъ, что в Grand St. Graal (ed. Nucher, II, 123) знаетъ о крещеніи Іосифа именно ап. Филиппомъ.

Какъ сложилось представленіе о проповѣди апостола среди франковъ? Дѣло въ обмолвкѣ, упрочившейся въ преданіи: франки подставились вмѣсто галловъ (такъ въ Breviarium Apostolorum, у Псевдо-Исидора и въ versus memoriales XI вѣка въ cod. Par. lat. 8069), галлы вмѣсто галатовъ (Ordericus Vitalis: Gallis vel Galatis atque Scythis... praedicavit); древніе акты говорятъ о проповѣди Филиппа во Фригійи — и сосѣдніе жители Галатика явились, вмѣсто фригійцевъ, по смежности²⁾.

Я полагаю, что британская легенда объ Іосифѣ произошла путемъ подобной-же обмолвки. Въ поэмѣ объ Іосифѣ Аримаейскомъ говорится (v. 375 слѣд.), что Христосъ совершилъ тайную вечерю у Симона, при чемъ упоминается и чаша; въ прозаическихъ пересказахъ поэмы de Vorron'a разумѣется Симонъ прокаженный (Nucher, I, 213), что переносятъ насъ въ Визанію. Съ этимъ, несомнѣнно, стоитъ въ связи и слѣдующій эпизодъ Grand St. Graal'я: Іосифъ съ учениками вышелъ изъ Іерусалима, чтобы начать свою проповѣдническую дѣятельность; первая остановка въ лѣсу у Bethanie, гдѣ Господь и открывается ему и наставляетъ — относительно чаши (Nucher, II, 123 слѣд.); въ одномъ спискѣ стоитъ вм. Bethanie — Bretagne. Последнее могло вторгнуться въ текстъ изъ позднѣйшаго упоминанія Британніи; но я едва-ли ошибусь, предположивъ, что именно указанное смѣшеніе могло быть и однимъ изъ поводовъ къ «британской» легендѣ Іосифа:

¹⁾ Gottfried v. Monmouth, Historia regum Britanniae, hrg. v. S. Marte, стр. 421.

²⁾ Сл. Lipsius, Die apokryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden II, 2 Hälfte, стр. 52—3.

западнымъ пересказчикамъ Britannia могла естественно подсказаться вмѣсто менѣ знакомаго Bethania, какъ галлы (= франки Фрекульфа) вмѣсто галатовъ въ легендѣ объ апостолахъ Филиппѣ. Такъ въ русскихъ, галицкихъ и польскихъ спискахъ «сна Богородицы»¹⁾ дѣйствіе происходитъ въ *Британской землѣ*, но на горѣ Оливной, «на горѣ Оливной въ Британѣ», или просто «въ Битанѣ», т. е., очевидно, въ Внесаніи, лежащей за этою горою въ $\frac{3}{4}$ часахъ отъ Іерусалима по дорогѣ къ Іерихону.

Можетъ быть, не лишнимъ было напомнить нѣсколько христіанско-легендарныхъ мотивовъ романа о Св. Гралѣ въ виду новой попытки Nutt'a тѣснѣе пристроить его начала къ кельтской сагѣ и повѣрьямъ; попытку, которую критика встрѣтила одобрительно, хотя нѣсколько поверхностно. По мнѣнію Nutt'a (стр. 217) it is the christian transformation of the old Celtic myths and folk-tales which gave them their wide vogue in the Middle Ages, which endowed the theme with such fascination for the preachers and philosophers who used it as a vehicle for their teaching and which has endeared it to all lovers of mystic symbolism. Еще яснѣе общее заключеніе на стр. 227: The history of the Legend of the Holy Grail is, thus, the history of the gradual transformation of old Celtic folk-tales into a poem charged with christian symbolism and mysticism. Никто не отрицаетъ кельтскаго и христіанскаго моментовъ въ развитіи представленій о св. Гралѣ, но вопросъ въ томъ, какой изъ нихъ былъ вѣнчающимъ и на чьей сторонѣ продуктивность ограничилась усвоеніемъ. Романическое преданіе о Гралѣ сводится въ сущности къ двумъ эпизодамъ: исторіи чаши и ея исканію (Queste), однимъ изъ героев котораго является Персеваль. Мотивъ «исканія» — сказочный, знакомый и кельтамъ; Nutt избралъ именно его точкой отправленія для своего изслѣдованія, что едва-ли удачно, ибо въ вопросѣ о происхожденіи самаго Граля онъ ничего не разъясняетъ. Легко представить себѣ, вмѣстѣ съ Е. Muret (Mélusine IV, № 16, p. 365), что Граль

¹⁾ Опыты по исторіи развитія христ. лег. II, III, стр. 847, 860; см. Е. Kaminicki въ Arch. f. slav. Philol. XI, 690.

въ основѣ — древне-кельтское представленіе, отвѣчающее Сампо финской Калевалы и лишь позднѣе сближенное съ идеями христіанства. Но съ одной стороны и Сампо не цѣльный въ замыслѣ, а сводный образъ (сл. Krohn, *Finsk Literaturens historia* I, стр. 219, 220, 225, 228), съ другой *неконченная* поэма Chrestien'a (древнѣйшая, по G. Paris'у и Nutt'у, обработка нашего сюжета), если не даетъ повода говорить о христіанской идеѣ Граля, то ничего не показываетъ и противъ нея. Къ этому присоединяются хронологическія показанія, касающіяся появленія въ легендѣ Вгон'a и Іосифа: онѣ говорятъ въ пользу древности второго; если такъ, то Вгонъ явился уже въ результатѣ попытки — пристроить заходное христіанское сказаніе къ воспоминаніямъ кельтскаго мифа. Въ такомъ случаѣ кельтскія представленія о чудодѣйственныхъ сосудахъ (Nutt, l. c., стр. 184 слѣд.; Loth, l. c. I, стр. 246, прим. 1) могли пойти на встрѣчу какой нибудь христіанской легендѣ — объ Іосифѣ и его чашѣ. Въ области апокрифа мы такой легенды не знаемъ, но ея существованіе вѣроятно, и мы, можетъ быть, грѣшимъ излишнимъ недоверіемъ къ показанію Grand St. Gral'я, что въ 717 году по распятіи Христось вручилъ одному пустыннику свое рукописаніе, книгу Граля; Гелинандъ о книгѣ не говоритъ, но соотвѣтствующее видѣніе также относитъ къ 717—719 гг. Эта таинственная книга — какое нибудь отреченное латинское повѣствованіе, за которымъ позволено предположить существованіе другого, болѣе древняго, вращавшагося въ восточныхъ мѣстностяхъ и восточныхъ отношеніяхъ; буддійскіе рассказы о чудесной чашѣ представляютъ здѣсь знаменательную параллель. Чаша буддійскаго первоучителя считалась великою святынею въ продолженіе долгаго времени, о ней говорятъ оба извѣстныхъ китайскихъ путешественника, то есть, Фасянъ и Сюанъ-цзанъ: первый видѣлъ ее въ Пешауерѣ, второй рассказываетъ, что въ его время она находилась въ Персін. О странствованіяхъ буддійскаго Граля сохранились легенды, которыя передаются отчасти Фасяномъ, отчасти извѣстны изъ другихъ источниковъ. Чаша эта была небеснаго происхожденія, и въ ней

заключалась чудотворная сила: она была неистоцима¹⁾. Особый праздникъ чаши описывается въ *Rasavāhīnī*, въ отрывкѣ, переводомъ котораго я обязанъ профессору Минаеву: «Въ Джамбудвипѣ былъ когда-то прекрасный городъ Девапутта; въ то время жители его очень часто чтили чашу Господа (Будды); взявъ ее, совершали разнообразныя почитанія и устраивали процессіи, и этотъ праздникъ звался праздникомъ чаши. Въ то время царь Девапутты, взявъ колесницу, украшенную всякими драгоценностями, запрягши въ нее четыре бѣлыхъ коня, обѣзженныхъ учеными конюхами, поставивъ на нее теремецъ, 80 локтей въ вышину, изукрашенный семью драгоценностями, помѣстивъ въ немъ каменную чашу, обдѣланную сѣткою изъ жемчуговъ и драгоценностей и украсивъ городъ. . . ., обойдя его, въ среднѣ, въ прекрасномъ павильонѣ, поставилъ святыя чаши и дѣлалъ на седьмой день великій праздникъ».

Чаша тайной вечера, чаша Іосифа Аримаѣйскаго могла быть обставлена такими-же или сходными легендарными подробностями—въ предполагаемомъ апокрифѣ, къ которому и примкнуло развитіе представленій о св. Гралѣ и его исканіи.

Новый подъемъ въ изученіи кельтскихъ языковъ и литературы несомнѣнно прольетъ много свѣта на исторію сказаній о св. Гралѣ; но надо пожелать для той же цѣли и новаго пересмотра въ области христіанскихъ, легендарныхъ и отреченныхъ преданій и ихъ источниковъ. Подождемъ встрѣчныхъ результатовъ.

¹⁾ Сл. замѣтку Bendall'я въ *Athenaeum* № 3178; И. П. Минаевъ, *Буддизмъ, Исследования и матеріалы*, т. I, вып. I, стр. 126. Уже послѣ выхода книги Nutt'a явилась его статья, съ содержаніемъ которой и знакомъ лишь по заглавію, выводы легко предугадать, если они не идутъ въ разрѣзъ съ общими взглядами разобраннаго выше труда. Сл. *Archeological Review* 8: Alfred Nutt, *The legend of the Buddha's alms-dish and the legend of the Holy Grail*. — О современномъ переживаніи буддійскаго культа чаши среди мусульманъ сл. И. И. Минаева, *Забитый путь въ Китай*, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLXIV, отд. 2, стр. 178—9.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 1—2 (*Экскурсъ объ Индразмѣ*). Въ Киевской Старинѣ 1889 г., Январь, стр. 231—2, помѣщена любопытная колядка о сотвореніи міра, пополненная внесеніемъ подробностей, изъ которыхъ не всѣ являются развитіемъ ея первичныхъ данныхъ. Указаніемъ на нее я обязанъ В. В. Каллашу.

Начинается она такимъ образомъ:

А що намъ было зъ нащаду свѣта—
Славень есь, Боже, по ѣ уснѣхъ свѣти и на небеснѣхъ.—
Ой не было жъ намъ хѣба сина вода,
Синая вода, тай бѣлѣй кампѣ.
А прикрывъ Господь сировъ землицевъ,
Выросло на нѣмъ кедрове древо
Баръ высочейке и баръ сличнейке.

Пресвятая дѣва велитъ сорока «ремесникамъ» срубить его и построить церковь о семидесяти верхахъ и семидесяти крестахъ; въ одномъ верху золотой престолъ, гдѣ самъ Господь службу служить.—Въ колядкѣ у Головацкаго, вслѣдъ за упоминаніемъ дерева (явора), идетъ разсказъ о созданіи свѣта голубками; нашъ варьянтъ вышелъ изъ того же образа дерева, но вставилъ затѣмъ извѣстный изъ другихъ колядокъ мотивъ о построеніи церкви; вспомнимъ въ повѣсти Града Іерусалима: ки-

парисъ = Софія Премудрость Божія о семидесяти верхахъ; въ колядкѣ вмѣсто того — Святая Софія «въ святемъ Кіюви». Интересны еще слѣдующія подробности: ремесники «день будували, въ ночи втикалы», пока Господь не велитъ ангелу сказать имъ, чтобъ они не боялись: «Давъ вамъ то Господь ведлукъ сылойкы» — и они доводятъ работу до конца. Г. Миронъ (1. с. 239) предполагаетъ здѣсь отраженіе какого-нибудь мотива вродѣ известнаго въ польской легендѣ «о вежи седьми вождей»: что построить днемъ, то ночью провалится сквозь землю, но когда въ концѣ выведенъ былъ верхъ башни, стѣны ея чудеснымъ образомъ поднялись изъ земли. На такое пониманіе въ колядкѣ нѣтъ никакихъ указаній, напротивъ позволено предположить, что мотивъ страха связанъ съ подробностью, находящеюся въ концѣ: «иде польська винойка», полковникъ не велитъ своимъ людямъ стрѣлять по святымъ крестамъ; они дѣлаютъ это, и Господь наказалъ ихъ.

Испустивъ Господь огняный дожджикъ,
Огняный дожджикъ, громови кули,
Затопивъ Господь польску винойку.

Этихъ-то враговъ и боятся «ремесники».

Я полагаю, что оригиналъ колядки отвѣчалъ составу той отреченной статьи, которая легла въ основу славянскихъ легендъ о мірозданіи: въ началѣ — созданіе свѣта на синемъ морѣ, въ концѣ борьба ангеловъ съ нечистыми духами; Михаилъ также боится сатаны, но Господь ободряетъ его (кладетъ на него схиму), и онъ свергаетъ сатану и его полчища «съ небесъ на землю во адову кромѣшную» (Свитокъ бож. книгъ).

Интересно, что сѣвернорусская легенда поняла намѣреніе сатаны устроить себѣ «престолъ надъ звѣздами, на воздухѣхъ» — въ смыслѣ настоящей постройки: «Саваоѣ построилъ небо, а сатана другое, выше того; Саваоѣ построилъ еще небо, а сатана выше того. Сдѣлали они по семи небесъ» (Барсовъ). Сл. въ колядкѣ церковь о семидесяти верхахъ.

Какъ въ галицкой, такъ и въ нашей колядкѣ остается необъясненнымъ, съ точки зрѣнія Свитка, образъ дерева въ разсказѣ о мірозданіи. Оно выходитъ изъ моря, или на морѣ камень, на немъ дерево. Въ славянскихъ и западныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ въ основѣ міра дубъ, *arbor*, надъ нимъ наславляются (я миную подробности) огонь, камень, вода, земля. Этотъ дубъ стоитъ на силѣ Божіей; *arbor quae ab initio posita est, ipse est Dominus Iesus Christus*; оно крестное и райское (сл. выше стр. 45—6)—и вмѣстѣ міровое (сл. Разысканія IV; 59: «дубъ есть миръ»). Какъ *міровое*, оно умѣстно въ колядкахъ о созданіи свѣта, тогда какъ въ другихъ изъ *крестнаго* дерева, или трехъ деревьевъ, рубятъ кресты, ставятъ церкви, съ тремя престолами, о тронхъ дверяхъ, съ тремя верхами-небесами, въ одинъ изъ нихъ идетъ самъ Господь (сл. I. с. VII, стр. 231 и Объ одномъ мотивѣ рождественскихъ колядокъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1877 г., Февраль, стр. 249—50) и т. д. Какъ здѣсь образъ *крестнаго* дерева-церкви расширился до космическаго, такъ въ нашей колядкѣ представленіе *мірового* дерева крестнымъ объясняетъ переходъ отъ мірозданія къ—созданію церкви. При церкви явились, вмѣсто ангеловъ, работники, древніе враги поняты, какъ полкъ солдатъ. Колядка и поется — полковнику.

Что представленія крестнаго-райскаго-міроваго дерева даны совмѣстно въ образѣ сѣвернаго Иггдразла, на это я указывалъ не разъ (сл. Разысканія IV, стр. 59—67; VII, 231—2); недавно работа Бугге (Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensage, übers. von O. Brenner, III Heft, стр. 317 слѣд.) подтвердила это данными, которыя и я принималъ въ расчетъ, и новыми фактами. Не касаясь нѣкоторыхъ частныхъ изслѣдованія, возбуждающихъ сомнѣніе смѣлостью критическихъ приѣмовъ, въ общемъ я не могу не согласиться съ результатомъ, который давно считаю своимъ. Можетъ быть, нѣкоторое знакомство съ славянскимъ матеріаломъ послужило-бы Бугге къ упроченію или видоизмѣненію своихъ взглядовъ; укажу для примѣра, въ параллель къ животной символикѣ Иггдразла,

на малорусскія колядки и румынскую заплатаку съ образами сосны или явора: на верху соколъ, въ среднѣи пчелы, у корня бобры; или въ томъ-же порядкѣ: соколъ, выдра, змѣя. — Съ своей стороны останавлиюсь на слѣдующей подробности: въ *Grímnismál* 31 у Иггдразила три корня, подъ однимъ живеть Гела, подъ другимъ исполины, подъ третьимъ люди; иначе въ *Gylfaginning* (ed. Jonsson § 15): у одного корня Азы, у другого турсы, третій надъ *Nifheimr* (Bugge, стр. 466 — 7). Я указалъ въ сравненіе съ тремя корнями Иггдразила на тринпостасное древо крестныхъ легендъ, сросшееся изъ трехъ стволовъ, вѣтвей (Разысканія IV, 67); но какъ представить себѣ *образно* Гелу (*Nifheimr*) и Азовъ (людей) и исполиновъ подъ этими корнями? Я думаю, что отъ образности нужно отказаться, ограничась въ данномъ случаѣ представленіемъ міроваго, стало быть всеобъемлющаго дерева; что не надо пытаться объединить въ одну цѣльную картину всѣ подробности, какія о міровомъ деревѣ разсѣяны въ сѣверномъ мифѣ, ибо онѣ могутъ принадлежать разнымъ источникамъ преданія, либо разнымъ ихъ комбинаціямъ. Этому требованію метода отвѣчаютъ факты: въ *Völuspá* 2 Иггдразилъ находится *подъ землею*; вѣщательница говорить:

nú man ek heima,
 nú fviðjur (var. fviði)
 mjotvið maegan
 fyg mold neban:

«я помню девять міровъ, девять fviðjur или fviði, славное древо созданія *подъ землею*». Bugge (520) переводить fviðjur: исполниши (= матери Геймдалла), Müllenhoff: fviði=Räume im Weltbaume. Если представить себѣ, что древо стоитъ въ основѣ, надъ нимъ девять heima = fviði, надъ ними земля, то невольно подскажется параллель къ древу указанныхъ выше (стр. 353) отреченныхъ статей, съ послѣдовательностью покоящихся на немъ наслоеній, изъ которыхъ послѣднее — земля. Но, можетъ быть, nú heima не означаютъ здѣсь подземныхъ селеній (какъ въ *Vafgrúðnismál* 43 и *Gylfaginning* l. c. § 3), а fviðjur = fviði неотдѣлимы отъ

представленія Иггдразила; таково, очевидно, мнѣніе Мюлленгофа. Далѣе мы представимъ и нашу попытку объясненія.

Къ образу дерева, поддерживающаго землю, идетъ и его названіе: *moldrpinur* (Völ. 60): земное дерево. Едва-ли въ указанной строкѣ *Völuspá* это слово означаетъ мірового змѣя, окружающаго землю (какъ понимаетъ, между прочимъ, и Бугге, стр. 524 и прим.): змѣя убить Торомъ въ послѣдней борьбѣ, которой завершаются судьбы свѣта; является новое созданіе: *во второй разъ* выступаетъ изъ моря зеленѣющая земля (*örro zinni*); сходятся боги

60 ok of moldrpinur
mótkan dǫma
ok minnask þar
á megendǫma
ok á Fimbultýs
fornar rúnar:

«бесѣдуютъ о могучемъ земномъ деревѣ, поминаютъ великія дѣла и старыя руны Одина». Область воспоминаній выдѣлена — и *moldrpinur* не имѣетъ въ нихъ мѣста: о немъ разсуждаютъ. Очевидно не о міровомъ змѣѣ; онъ отошелъ въ воспоминанія, а о *земномъ деревѣ* бесѣдуютъ, можетъ быть, въ связи съ *историчнымъ* появленіемъ изъ водъ новой земли? Выраженіе: *örro zinni* даетъ поводъ поставить вопросъ: не представлялся ли и первый актъ ея созданія — выходеніемъ изъ водъ (сл. Völ. 4: *björrom* of урро и Bugge, Studien I, 6 и прим. 3) — на устоѣ мірового дерева?

О такомъ деревѣ можно было сказать, что никто не знаетъ, или не многіе знаютъ, отъ какихъ корней оно пошло (Fjölsv. 20: *þangi veit*, или: *fáir vitu af hverjum rótum renn*; Háv. 138: *þangi veit hvers hann af rótum renn*) — потому ли, что дерево, поддерживающее міръ, исключало идею о другой, матерьяльной основѣ для его корней? Славянская статья подсказала здѣсь единственно возможный образъ: дубъ стоитъ *на силѣ Божьей*; но она-же открываетъ возможность другого объясненія указан-

ной выше подробности Fjolsv и Нав.: что никто не знает, отъ какихъ дерево пошло корней. Дѣло касается, быть можетъ не вопроса, *гдѣ* лежать корни, и *какіе* они по существу, какого рода. Въ славянской статьѣ говорится, что дерево насаждено «отъ *осею-осе кореніе*», какъ райское дерево представлялось воспріявшимъ въ себя «отъ всѣхъ саждений дрѣвныхъ... и отъ всѣаго снѣденія и плода» (сл. выше стр. 45). Дерево такого рода встрѣтилось мнѣ въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ (сл. Heinrich von Wlislöcki, Märchen und Sagen der transilvanischen Zigeuner, № 7, стр. 9—10): у жителей одной страны былъ обычай въ день новаго года бросать въ рѣку большого уштаннаго быка, увѣнчаннаго цвѣтами, съ корзиной на шеѣ, полной ялецъ и плодовъ. Какой-то человѣкъ, черный какъ смоль, котораго никогда не видали спящимъ, убѣдилъ жителей оставить эту жертву, а быка закалать и съѣдать. Съ тѣхъ поръ ихъ постигли несчастія, настала голодь, повысохли всѣ деревья и злаки. Одному благочестивому человѣку какой-то старикъ, вышедшій изъ рѣки, объясняетъ, что это — кара за нарушение обычая; нырнулъ съ нимъ въ воду: тамъ на пространной полянѣ стояло дерево, верхъ касается неба, а на немъ произрастаютъ всякіе плоды и сѣмена, какіе только есть на свѣтѣ. Старикъ даетъ человѣку отъ тѣхъ сѣмянъ, велитъ ихъ посѣять, и не слушаясь впрядь злыхъ совѣтовъ, совершать обычную жертву.

Я огривчиваюсь указаніемъ на сходство этого дерева, стоящаго подъ водою (и землею), имѣющаго въ себѣ «отъ всѣхъ саждевій», отъ всякихъ *корней* (rótum) и высащагося до неба — съ міровымъ древомъ апокрифа и Эдды.

Міровое дерево — и вмѣстѣ съ тѣмъ *древо созданія*. Въ галлицкой колядкѣ (сл. выше стр. 1—2) космогоническій актъ начинается съ появленія дерева на морѣ; въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ (Н. v. Wlislöcki, l. c., № 1-й, стр. 1—2), пополняющей группу знакомыхъ намъ дуалистическихъ (сл. выше стр. 5 слѣд., 51 слѣд., гл. I и III), отъ него происходятъ люди. Вотъ содержаніе сказки: въ началѣ свѣта была одна вода, Богъ задумалъ

сотворить свѣтъ, но не зналъ, какъ за это приняться, и печалился, что у него нѣтъ ни друга, ни брата. Разгнѣванный, онъ бросилъ свой посохъ въ воду, посохъ обратился въ большое *дерево*, подъ которымъ сидѣлъ чортъ. Здравствуй братецъ, говоритъ онъ Богу, улыбаясь: у тебя нѣтъ ни друга, ни брата, я буду тебѣ тѣмъ и другимъ. — У меня не можетъ быть брата, будь мнѣ другомъ. — Девять дней блуждали они по водѣ, и Богъ увидѣлъ, что чортъ его не любитъ. — Братецъ, говоритъ чортъ, намъ вдвоемъ плохо, мнѣ хотѣлось бы сотворить еще кого-нибудь. — Твори. — Да я не могу, хотѣлъ создать большой свѣтъ, да не удастся. — Господь велитъ ему достать песку изъ подъ-воды: Онъ произнесетъ надъ нимъ имя свое — и станетъ земля. Дьяволъ досталъ песку, но произнесъ надъ нимъ свое имя: песокъ ожегъ его такъ, что онъ принужденъ былъ его бросить — а Богу сказалъ, что ничего не нашелъ. Въ теченіи девяти дней спускается онъ, по Господню велѣнію, въ море, и всякій разъ повторяется то-же, такъ что напоследокъ онъ весь почернѣлъ. Ты мнѣ не другъ, говоритъ ему Господь и еще разъ велитъ ему принести песку, который, по Божію благословенію, и становится землею. Чортъ обрадовался: Я живу здѣсь подъ деревомъ, говоритъ онъ, здѣсь и останусь, а ты, братецъ, поищи себѣ другого жилья. Тогда Господь изгоняетъ чорта: явился быкъ и унесъ его; съ дерева попадали на землю куски мяса, *изъ листьевъ съѣли* люди. Такъ созданъ былъ свѣтъ ¹⁾.

Напомнимъ алтайскую сказку того-же дуалистическаго типа (сл. выше стр. 20): у рѣки стоятъ дерево безъ вѣтвей; да будутъ на немъ девять вѣтокъ, говоритъ Господь, *у разоттвѣленія девяти вѣтокъ да произойдутъ девять челоутокъ, отъ нихъ девять народовъ* (сл. еще выше, стр. 16—17 и прим. 1, нѣкоторыя подробности вогульскихъ сказокъ).

¹⁾ Въ примѣчаніи къ этой сказкѣ издатель указываетъ на свою статью, оставшуюся мнѣ неизвѣстной: Eine Schöpfungssage der transilvanischen Zigeuner, вѣ Brehmers Revue f. geist. Leben aller Völker «von Pol zu Pol», I-er Jahrg., 1-es Heft.

Повѣрье о происхожденіи людей изъ дерева извѣстно и сѣверному мѣу: имя перваго человѣка, Askr (Völ. 17), связывается съ представленіемъ Иггдразила — ясенемъ. Поблекшимъ отраженіемъ того-же мѣва является рассказъ Vafrgúðnismál 45, по которому люди, имѣющіе населить обновленную землю, произойдутъ отъ Líf и Lífgrasir, которые спасутся отъ общей гибели, спрятавшись въ древо Hoddmimir'a = Иггдразилъ. Въ Fjölsvipnismál 22 (Sijmons 16) говорится о древѣ Мимира (Иггдразилъ), что отъ его плода слѣдуетъ возжигать огонь передъ рожаницами:

útar hverfa
þess þeir innar skyi.,
sá' s hann með þönnum mjötuðr:

«изъ вѣдръ выходятъ тѣ, кому подобало-бы быть внутри (= люди): онъ даетъ долю людямъ». Мы, можетъ быть, вправѣ перенести оба указанія на первый актъ созданія: первые люди вышли изъ мирового дерева.

Въ связи съ этимъ я попытаюсь объяснить загадочное ívidjug, ед. ч. ívidja. Vidja означаетъ ветлу, vid — ветлу и пруть, вѣтвь, лыко вообще; ívidja относится къ vidja какъ vist, grótt къ ívist, írgótt. Можетъ быть, и въ Hindlulioð 48 (Sijmons 49) слѣдуетъ понимать ívidja въ смыслѣ вѣтки, не придавая этому слову значенія, не поддержаннаго другими примѣрами (кромѣ pulug Snорровой Эдды): исполниши, ариады:

Ek aláe eldi
Of ívidja —

означало-бы просто: запалю огнемъ прутья (чтобы выкурить тебя), а не: поражу огнемъ исполнишу.

Возвращаясь съ этимъ объясненіемъ къ Völ. 2 мы получаемъ такой смыслъ: я помню *десять* мировъ, *десять* вѣтвей, славное древо; т. е. девять вѣтвей дерева — девять вышедшихъ изъ нихъ поколѣній, народовъ, параллельно девяти мірамъ или областямъ? Я напомнимъ *десять сестеръ-матерей* Геймдалла, родо-

начальника (по Rígsmál) людскихъ сословій; можетъ быть, людей вообще? «Большіе и малые сыны Геймдалла» = люди въ первой строфѣ Vqlusrá едва-ли являются лишь выраженіемъ сословныхъ отличій Rígsmál'я.

Heimdallr и Mimir одинаково связаны съ міровымъ деревомъ: подъ нимъ находится источникъ Мимира, спрятанъ рогъ Геймдалла. Говоря выше (стр. 86—7) о Мимирѣ я не достаточно отгѣнилъ въ его мнѣ слѣды его пониманія, какъ творца: я имѣю въ виду не только названіе мірового древа: Hoddmimis holt (Vafrúðnism. 45, Gylfag. § 58), Mimameiðr (Fjolsv. 20), но и представленіе *кузнеца* Мимира въ Твдрексагѣ (гл. 57 слѣд., 163 слѣд.) и стараго Міше, чудеснаго *ковача* въ Битерольфѣ:

Zu seiner meisterschefte
ich nieman kan gellchen
in allen fürsten richen (144 слѣд.).

Это позволило-бы намъ провести еще одну параллель между Мимиромъ и Локи (сл. выше стр. 110—111).

Въ концѣ своей книги (стр. 580) Бугге касается вопроса, на сколько послѣдняя міровая борьба, связанная въ сѣверномъ мнѣ съ судьбой Иггдразила (сл. Разысканія VIII, стр. 344—6), обусловлена аналогическими повѣрьями христіанства. Сл. объ этомъ мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 317 слѣд. и II, 124 слѣд., особливо стр. 128, гдѣ предположительно выражено, что теперь я подчеркнулъ бы болѣе откровенно: что одинокое или единственное, сухое дерево средневѣковыхъ народныхъ разсказовъ, разцвѣтающее или имѣющее разцвѣсть въ пору рѣшительной битвы христіанъ съ невѣрными, послѣдней міровой битвы — не что иное какъ то-же крестное и райское, давшее черты сѣверному Иггдразилу; arbge seul Марко Поло, византійское *μονοθένης*, до котораго греки проговяты со временемъ Турокъ, *κόκκινη μέλις* Вардида, какъ и въ европейскихъ сказаніяхъ того-же типа дерево является липой, ивой или грушей (сл. jagbar hasla, Bugge, I. c. стр. 524 прим.).

Къ стр. 5 слѣд. (*Черемисскія легенды о мірозданіи*). Благодаря Вл. Вл. Каллашу, я могу сообщить еще нѣсколько свѣдѣній о космогоническихъ воззрѣніяхъ черемисовъ по реферату Ф. Д. Нефедова: «Черемисы - язычники уфимской губерніи», читанному авторомъ въ 1885 г. въ этнографическомъ отдѣленіи Общ. Люб. Естествознанія, Антропологии и Этнографии и пока не напечатанному. — Дѣйствующія лица космогонической легенды — Юмо или Кугд-юмо и его младшій братъ Киреметь или Шинкири-Киреметинъ. Въ началѣ Киреметь былъ въ служеніи брата и его помощникомъ въ твореніи, но его участіе было главнымъ образомъ отрицательное. Когда Кугд-Юмо захотѣлъ создать на небѣ ангеловъ (Шукчиблакъ), онъ взялъ молотъ и ударилъ имъ о камень; отъ удара вылетѣло множество бѣлыхъ огненныхъ искръ, которыя и обратились въ свѣтлыхъ ангеловъ. Создавъ ихъ и сотворивъ небо, Юмо заснулъ отъ усталости; тогда Киреметь, слѣдившій за дѣйствіями брата, захотѣлъ и самъ надѣлать себѣ вѣрныхъ слугъ: принялся бить молотомъ о камень, и изъ темнозеленыхъ и черныхъ искръ явились безобразные шинкири, шулаты и кикморы. — Сотвореніе земли рассказано такъ: Юмо велитъ Киреметю обернуться селезнемъ и достать песокъ изъ-подъ воды. Три раза спускается Киреметь, три раза Юмо говоритъ ему: Дѣлай землю, а я погляжу! но изъ песку, выплюнутого Киреметемъ, вышли — три кочки. Тогда Юмо взялъ, что осталось у него песку, и дунулъ на воду: вода покрылась ровной и гладкой землей. А ты вздумалъ со мной тягаться! говоритъ Юмо Киреметю; тотъ со злости выхаркнулъ землю, которую утаилъ подъ языкомъ — и сдѣлались горы и камни.

Юмо продолжаетъ творить: солнце, мѣсяцъ и звѣзды, звѣрей и растительность. Видитъ Киреметь, что дѣло его плохо, кинулся на небо и давай тамъ класть себѣ крѣпость; Юмо тоже; Киреметь строитъ другую крѣпость повыше, Юмо выше того.

Проситъ Киреметь у Юмо: Дай мнѣ небо, землю. — Ничего тебѣ не будетъ. Плонулъ Киреметь и полетѣлъ съ неба въ глѣбъ. — Слѣдуетъ рассказъ, типа *légendes des origines*, о томъ,

какъ Киреметь подговорилъ жаворонка украсть у Юмо жену; Юмо ударилъ его кулакомъ по затылку—оттого жаворонокъ и не можетъ долетѣть до неба: поднимется и стрѣлою внизъ. — Созданіе человѣка рассказано съ обычными чертами: та же собака-сторожъ, подпускающая Киреметя къ творенію Божию, которое онъ и оплевалъ. Еще разъ онъ просить Юмо: Дай мнѣ что-нибудь! У тебя и люди, и земля, и все, а у меня ничего. — Юмо сказалъ: Ладно! Кто меня забудетъ, тотъ будетъ твой.

Другую версію той же легенды, слышанную у луговыхъ черемисовъ, сообщилъ недавно К. Горбуновъ (Истор. Вѣстн. 1885 г., Январь, стр. 261—2), на замѣтку котораго обратилъ мое вниманіе М. И. Кудряшевъ. Духъ родилъ Юмо и Кереметя, и не было между ними ни старшаго, ни младшаго: оба сильны были. Но Кереметь возмущился и захотѣлъ властвовать одинъ. Тогда у Кереметя силы убавилось, а у Юмо прибавилось: Юмо сдѣлался сильнѣе, и Кереметь сталъ слушаться его, а злобу свою затаилъ въ себѣ. Что ни сдѣлаетъ добрый Юмо, злой Кереметь непременно испортитъ, если только сможетъ. Задумалъ Юмо творить землю. Ему нужно было для этого одну только горсть земли. Видитъ онъ, что Кереметь плаваетъ по водѣ селезнемъ. И говоритъ ему добрый Юмо: «Нырни на дно и достань мнѣ земли». Нырнулъ Кереметь на дно и досталъ Юмо земли, да не всю ему отдалъ, а часть затаилъ у себя во рту. Дунулъ Юмо на землю и велѣлъ ей покрыть собою воду. Видя это, и Кереметь сталъ выплевывать землю, которую затаилъ отъ Юмо, и куда плевалъ Кереметь, тамъ являлись горы и болота. И пошелъ раздоръ съ тѣхъ поръ межъ ними: добро отъ Юмо, зло отъ Кереметя.

Къ стр. 13 слѣд. (*Вотякскія преданія о мірозданіи*) сл. Верещагина, Вотяки сарапульскаго уѣзда вятской губерніи (Записки Импер. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. XIV, вып. 3) стр. 141 слѣд. О созданіи человѣка рассказываютъ, что Богъ начерталъ на красной глинѣ его изображеніе, Спаситель брызнулъ въ него свою кровь, Духъ святой дунулъ на него, и

изображеніе стало человѣкомъ, который уже дышалъ, но еще не вставалъ.—Слѣдуетъ разсказъ о собакѣ, соблазненной шерстью, и дьяволѣ, оплевавшемъ и истыкавшемъ тѣло человѣка. Что ты сдѣлалъ? спрашиваетъ его Господь. — А вотъ, что это значитъ: истыканныя мѣста войдутъ въ человѣка и будутъ служить зародышами разныхъ болѣзней, которыя потомъ будутъ выходить наружу. Иныя болѣзни человѣкъ будетъ изрыгать въ видѣ харчковъ. Если человѣкъ не будетъ хворать, Тебя забудетъ, а если будетъ хворать—будетъ обращаться къ Тебѣ.—Такъ и вошла слюна и раны въ человѣка; вотъ отъ этого и появились слюна и болѣзни.—Варьянтомъ этой легенды, которую, по мнѣнію г. Верещагина, вотяки заимствовали отъ русскихъ, является слѣдующая: Богъ сотворилъ человѣка и поставилъ къ нему сторожемъ собаку. У собаки шерсти не было, и она, дрожа всѣмъ тѣломъ, стала выть, поднявъ рыло къ небу, чтобы Богъ далъ ей шерсть. Собака не вытерпѣла и убѣжала, а дьяволъ воспользовался тѣмъ, чтобы оплевать человѣка. — Разсказъ Г. В. Губаревичъ-Родобильской (Юная Россія 1885 г., №№ 13—14) повторяетъ отчасти версію Бехтерева (сл. у насъ стр. 13—14). Инмаръ создалъ изъ красной глины человѣка и устроилъ для него садъ, плодами котораго онъ питался, не работая и не заботясь ни о чемъ; послѣ того Инмаръ сотворилъ звѣрей и повелѣлъ имъ слушаться человѣка или урома, а послѣднему повелѣлъ слушаться его. Когда человѣкъ скучалъ, Инмаръ черезъ Кереметя научилъ его дѣлать кумышку, чтобы этимъ напиткомъ разгонять скуку. Не помогла и кумышка: человѣкъ всё скучалъ. По его просьбѣ Инмаръ сотворилъ ему жену и уже пошелъ изъ рая, какъ увидѣлъ чашку, а въ ней кумышку, въ которую Кереметь примѣшалъ смерть. Инмаръ запретилъ человѣку пить кумышку, но Кереметь сдѣлалъ первую жену любопытной: она отвѣдала запретнаго напитка, мужъ допилъ остальное. Такъ они согрѣшали и сдѣлались смертными и выгнаны были изъ рая. — Подобнаго разсказа г. Верещагинъ не встрѣчалъ у вотяковъ описанной имъ мѣстности, почему полагаетъ вѣроятнымъ, что легенды та-

кого рода могли быть услышаны отъ черемисъ либо отъ вотяковъ, живущихъ съ ними въ сосѣдствѣ.

Къ стр. 28—9, прим. 2. Сл. Потанинъ, 1. с. IV, стр. 269 и 329—330: всюду споръ о томъ, кому быть правителемъ міра. Интересенъ по своей связи съ группой сказокъ, разсмотрѣнныхъ выше (стр. 78—83), варьянтъ № 80 (стр. 330), подтверждающій наше предположеніе, что сказки этого рода принадлежать къ легендамъ о мірозданіи: спорятъ русскій и бурятскій царь; слѣдуетъ подмѣнъ цвѣтка, съ которымъ бурятскій царь полетѣлъ на небо; русскій за нимъ; у самого неба онъ успѣлъ схватить бурятскаго за ноги, но у него въ рукахъ остались одни штаны.

Къ стр. 64. Къ южнорусскимъ рассказамъ о мірозданіи присоединимъ и слѣдующіе изъ галицкаго Покутя (Kolberg, Rokucie III, Kraków 1888, стр. 81 слѣд.), въ которыхъ дьяволъ является подъ эвфемистическими кличками: *Счезунъ*, или: *Томъ*, *Винъ счезъ бы*. Въ началѣ свѣта, когда было одно море, Господь и дьяволъ ходили по немъ; негдѣ было ни сѣсть, ни лечь. Дьяволу хочется спать, и онъ проситъ, чтобы Господь это какъ-нибудь устроилъ. Господь велитъ ему нырнуть въ море и принести песку во имя Божіе; какъ въ другихъ варьянтахъ слѣдуетъ эпизодъ о неудачахъ дьявола, пока онъ произноситъ свое, а не Божіе имя. Въ послѣдній разъ у него осталось за ногтями немного песку и глинны; изъ нихъ Богъ и чертъ сдѣлали паянницу, положили ее на воду и улеглись на ней спать. Во время сна дьяволъ пытается сбросить Господа съ паянницы въ воду — а паянница растетъ съ краевъ, такъ что и конца не видать. Тогда чертъ додумался до другого: вырылъ въ паянницѣ дыры, думая, что изъ нихъ выступитъ вода и зальетъ спящаго; началъ лить подъ него воду изъ разрытыхъ отверстій, но она стекала въ другія, не шла на Господа. Изъ тѣхъ отверстій образовались родники, пруды, озера; вода, которую дьяволъ пустилъ, злоумышляя, и которая потекла въ другія трещины — это наши потоки и рѣки;

а горы образовались из выброшенной при рытьи земли. — Когда Господь проснулся, дьяволъ съ испуга бросился бѣжать, оглянулся да и попалъ въ одну изъ вырытыхъ имъ дыръ: тамъ и теперь сидитъ. — Господь сотворилъ Адама, дьяволъ ничего; Господь создалъ человѣку помощницу — жену; дьяволъ проситъ и себѣ таковую-же. Самъ сотвори, говоритъ Господь: въ послѣднюю субботу мѣсяца умойся да и брызни пястью позади себя — будетъ у тебя помощница. Отъ брызговъ дьявола произошло поколѣніе чертей. — Захотѣлъ онъ быть выше Бога, и пошла у нихъ война; убьютъ одного счезуна, другой умоется, брызнетъ позади себя, и явятся десять новыхъ счезуновъ. Начали они перемогать ангеловъ, архистратигъ Михаилъ проситъ помощи у Бога. Думалъ-гадалъ Господь, гдѣ ея взять — да и выдумалъ: подъ каждымъ счезуномъ подломилось небо, они и попадали на землю.

Отмѣтимъ, въ связи съ южнорусскими, еще *рымьинскій* пересказъ космогонической легенды, не отличающійся, впрочемъ, сохранностью: въ началѣ свѣта была одна вода, Господь посылаетъ архангела Гавриила достать со дна песку, но его размыло у него изъ рукъ, остались за ногтями песчинки, изъ которыхъ Богъ и творитъ землю. Она простерлась по водѣ ровно, какъ лепешка (*gleich einem Kuchen*), но ѣжъ провѣщился изъ-кустовъ, что ей слѣдовало-бы быть толще. Такой Господь ее и сдѣлалъ. Сл. Fr. Müller, *Siebenbürgische Sagen* (1857 г.), стр. 162. — П. А. Сырку сообщаетъ мнѣ, что дуалистическій разсказъ о мірозданіи извѣстенъ и среди бессарабскихъ румынъ; совѣспросникомъ Бога является чертъ.

Къ стр. 65 слѣд. Къ *великорусскимъ* легендамъ о мірозданіи присоединяю еще слѣдующую, записанную г. Звонковымъ (Этнограф. Обзор. кн. II, стр. 64 слѣд.) въ елатомскомъ уѣздѣ тамбовской губерніи. Было два царства: царство тьмы на землѣ, гдѣ сидѣлъ сильный и богатый царь Сатаналъ, царство свѣта на небѣ, Божіе. Богъ былъ добрый, любилъ Сатанала, а тотъ

былъ коваренъ и золь и ненавидѣлъ Господа. Разъ они заспорили, кто изъ нихъ сильнѣе; Богъ велитъ Сатаналу сдвинуть съ мѣста престолъ, на которомъ Онъ сидѣлъ, но тому не въ моготу, потому что престолъ жжетъ его и ослѣпляетъ. Гдѣ-же тебѣ побороть меня? говоритъ Господь и свергаетъ Сатанала на землю. Онъ ушелъ въ неѣ по колѣна, но отъ этого еще сильнѣе сталъ (?). — Въ другой разъ онъ поспорилъ съ Богомъ: кто кого хитрѣе. Двое насъ съ тобою на свѣтѣ, говоритъ ему Господь: сотвори третьяго. Сатаналъ принялся лѣпить изъ глины фягуру по образу Божію, но оживить не могъ, а отъ Божія дуновенія она разсыпалась; когда Сатаналъ слѣпилъ другую фягуру, Господь оживилъ ее своимъ прикосновеніемъ, а изъ оставшагоса кусочка глины сдѣлалъ другое существо, во всемъ подобное первому, только еще бѣлѣй и краше: жену. Первозданныхъ людей Богъ помѣщаетъ въ рай; Сатаналъ воспользовавшись опочивомъ Господа, переманилъ ихъ къ себѣ (райская ограда не нускала его, жгла и ослѣпляла) и унесъ на землю. По мановенію Господня жезла явилось небесное воинство, по свисту Сатанала сонны демоновъ; происходитъ борьба, въ концѣ которой Сатаналъ провалился въ тартарары со всей своей силою. — Богъ находитъ своихъ людей на островѣ среди океана, но не виалъ ихъ мольбъ: взять ихъ съ собою на небо. Удаляясь, онъ научилъ ихъ труду, внушилъ понятіе добра и зла. Въ знаменіе своей побѣды надъ Сатаналомъ Господь повѣсилъ надъ землею свой мечъ-солнце; пока онъ свѣтитъ, рать Сатанала сидтъ во тмѣ кромѣшной, а ночью, выгѣзая, соблазняетъ человека; такъ и пошло отъ него грѣховное сѣмя. Долго терпѣлъ Господь, наконецъ потопомъ рѣшилъ уничтожить нечестивое племя, кромѣ праведниковъ, отъ которыхъ пошли новые люди, новыя созданія Бога, вызвавшія новыя ковы Сатанала: разсѣваетъ Богъ днемъ доброе сѣмя, а Сатаналъ разбросаетъ ночью плевелы: среди растеній — ады, среди животныхъ — хищныхъ звѣрей; землю, которая была плодородной равниной, Сатаналъ изрылъ пропасти и сарагами, понадѣлалъ горъ, разбросалъ камни по землѣ.

Варьянты этой легенды вводятъ въ борьбу двухъ силъ, Бога и Сатанаши, еще Христа и Святъ-Духа, требующаго отъ «земнаго царя» законной доли; но тотъ обманываетъ его: удѣляетъ ему живыхъ людей, а за собой удерживаетъ власть надъ душами мертвыхъ. Въ результатѣ дьяволъ побѣжденъ: Христосъ и какой-то таинственный человѣкъ приковываютъ его къ цѣпи.

Елатомскій варьянтъ не знаетъ ни эпизода «нырянія» ни перваго созданія земли; то, что говорится о протівоположномъ творествѣ Бога и дьявола, отнесено ко времени послѣ потопа и напоминаетъ подробности мордовской легенды (сл. выше стр. 10), къ которой относятъ и эпизодъ о неудачной попыткѣ дьявола создать человѣка (сл. выше стр. 9). — Проба силы (сл. русской верси, выше стр. 66—67) и опаленіе огнемъ (стр. 8: морд., стр. 357: цыг.) соединены въ одинъ эпизодъ; появленію трехъ лицъ христіанской Троицы въ сказкѣ дуалистическаго типа отвѣчаетъ нѣчто подобное въ вотяцкомъ преданіи. Сл. выше стр. 361.

Къ стр. 77 прим. 2 (*изъ легенды о дѣлехъ*). Верещагинъ, Вотяки сарапульскаго уѣзда вятской губерніи, 1. с., 147—8. Ву-Муртъ (водяной) и человѣкъ жили вначалѣ дружно, пока послѣдній не обманулъ пріятеля: посѣяли они рожь, съ уговоромъ — подѣлиться. Человѣкъ и говоритъ Ву-Мурту: «Ты возьмешь нижнія части, я верхнія». Въ другой разъ дѣлехъ касается рѣпы, и человѣкъ дѣлаетъ обратный выборъ. Обездоленный Ву-Муртъ проклялъ его, говоря: «Пусть съ этой поры я увижу тебя только передъ несчастьемъ». Такъ и стало.

Къ стр. 82—3 (*изъ полтвской легенды о міроздаиіи*). О такой-же неудачной попыткѣ чорта, на этотъ разъ отождествленнаго съ кузнецомъ, поетъ финская пѣсня, записанная въ Wuokipietä, въ русской Карелии (Архангельской губерніи): Христосъ погребень между двухъ плитъ, но по молитвѣ Богородицы солнце растопило ихъ, и онъ воскресъ. Слышитъ удары молота, входитъ

въ образѣ нищаго въ кузню Ильмаринена. На его вопросъ, что такое куютъ, ему отвѣчаютъ, что — цѣпь для Создателя; только позабыли примѣрить, придется-ли она ему по шеѣ. — Да шея у него такая-же, какъ у тебя, говоритъ Христось; дай я помѣрю. — Наложилъ на него цѣпь, замкнулъ замкомъ, а концы счоронилъ въ глубь земли: Стой такъ все время, пока не будетъ ни солнца, ни мѣсяца, ни бѣлаго дня (сл. Bugge, l. c. стр. 412—13). Такъ томится внизу подъ Гробомъ Господнимъ кузнецъ, что ковалъ гвозди для распятія, и всё бьетъ молотомъ. Эту мѣстную легенду, слышанную архимандритомъ Греенъемъ, я слычалъ съ новогреческими пѣснями того-же содержания (сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876 г., Августъ, стр. 197—8, прим. 4; Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, ib. ч. ССХХХІХ, отд. 2, стр. 181). — Отмѣтимъ въ финской рунѣ враждебное отношеніе Ильмаринена—ковача=дьявола къ Христу (сл. выше стр. 106 слѣд.). — Иначе въ повѣрьяхъ крестьянъ елатомскаго уѣзда тамбовской губерніи (Звонковъ, l. c. стр. 71): кузнецъ отказался ковать чорту оружіе для борьбы съ богомъ — и Богъ далъ зарокъ чертамъ не губить души кузнеца. По другимъ преданіямъ кузнецъ надѣлалъ громовыхъ стрѣлъ Ильѣ, и угодникъ наградилъ его той-же силой.

Къ стр. 87 (*Mimsvinnr*). Сл. мнѣніе Bugge (и Rydberg'a) l. c. стр. 561—2, что сынъ Volþróg'a (Hávamál 140), дядя Одина по матери, не кто иной, какъ Mímir.

Къ стр. 94—95 (*созданія дьявола*). Сл. Вотяки сосновскаго края Гр. Верещагина, Зап. Имп. русск. географ. Общ. по отд. этнографіи, т. XIV, вып. 2, стр. 75. Діаволъ хотѣлъ умудриться сдѣлать человѣка и составилъ четвероногое животное съ рогами и бородой; но оно было безъ движенія: жизни въ немъ не было. Діаволъ старался, старался — животное не могъ ожить и бросилъ. Богъ дунулъ на животное, и оно ожило. Вотъ съ

той поры и появилась коза. — Потанинъ, Очерки IV, стр. 226: летучихъ мышей, ящерицъ, лягушекъ сотворилъ курмась, по кумандински аза (телеутское повѣрье).

Къ стр. 96 прим. 2 (*легенда о пчелѣ*). Сл. Верещагинъ, I. с., стр. 146. Когда распяли Христа, пригвоздивъ руки и ноги, хотѣли вдобавокъ вбить еще гвоздь въ сердце; но въ это время на грудь его сѣла пчела; принявъ её за шляпку гвоздя, гвоздя не вколотили. Въ соотвѣтствующей русской легендѣ вмѣсто пчелы явилась муха.

Къ стр. 113 (*Ноепіг*). Этимологию, предложенную Вигфусономъ, поддерживаетъ, какъ я теперь усмотрѣлъ, Hoffory, Gött. Gel. Anzeigen 1888, стр. 161 и слѣд. (сл. стр. 168: Ноепіг = готск. * nauhnreis = *kuhnreis*), но пониманіе образа и его мифическаго содержанія у него другое: Ноепіг, эпитетъ котораго: aukonung толкуется какъ «властитель влаги» (стр. 166; иначе у насъ, стр. 113), не что иное, какъ—облако; облака представлялись—*лебедями* (стр. 167—8). Если въ разсказѣ объ оживленіи первыхъ людей о Ноепіг'ѣ говорится, что онъ далъ имъ бр = душу, то авторъ объясняетъ это, отождествляя душу съ fylgia'ей (сл. у насъ выше стр. 184—5, 301—2 слѣд.), которой одѣляютъ новорожденныхъ *лебединыя дѣвы* = норны = дивы (стр. 169—170). Онѣ повторяютъ такимъ образомъ лишь актъ Ноепіг'а по отношенію къ первымъ людямъ. «Высоко надъ облаками онъ хранитъ въ воздушномъ покровѣ фильги нерожденныхъ еще поколѣній; при каждомъ рожденіи его *дочери* приносятъ смертнымъ чудесный залогъ, и при каждой кончинѣ уносятъ его снова въ безвѣстную высь» (стр. 170). Это поэтично, но сомнительно: я не помню напр., чтобы лебединыя дѣвы, норны давали именно *фильги*; еслибы Ноепігъ стоялъ съ ними въ предполагаемой связи, она гдѣ-нибудь проглянула бы въ частыхъ упоминаніяхъ сѣвернаго мифа о рожаницахъ, дѣвахъ судьбы и т. п.; наконецъ Ноепігъ, «властитель влаги», потому и признанъ облакомъ, что власть надъ

влагою оказалась (стр. 166) уже распределенною между *Mímir*'омъ, *Njörgr*'омъ и *Égigr*'омъ.—Интересенъ въ замѣткѣ *Hofnögur* (стр. 163—4) пересказъ фарейскаго *Lokka-táttur*: крестьянинъ играетъ съ великаномъ въ тавлеи, проигралъ и долженъ отдать ему своего сына, если не сдумѣетъ спрятать его отъ глазъ врага. Онъ поочередно обращается къ помощи *Одина*, *Hoенig*'а и *Loki*; когда явился *Hoенig*, повелъ ребенка на зеленый берегъ; семь лебедей летѣли черезъ заливъ, двое изъ нихъ сѣли возлѣ *Hoенig*'а, который велитъ мальчику обратиться въ перо на головѣ одной изъ птицъ. Великанъ поймалъ лебедя, перекусилъ ему глотку, но перо вылетѣло у него изо рта и обернулось мальчикомъ, котораго *Hoенig* и повелъ къ отцу.—Важенъ въ этой глѣснѣ лишь образъ *лебеда*, косвенно поддерживающій этимологию имени *Hoенig*'а.

Къ стр. 131—3. Съ представленіемъ *Милостыни*, отворяющей врата рая послѣ того какъ пройдена глѣствица мьгтарствъ, сл. миниатюру въ *Hortus Deliciarum* *Heinrad*'ы *von Landsberg* (ed. Chr. Mor. Engelhardt, стр. 44—5 и таблица IX), иллюстрирующую соломоновскую «суэту суэтъ»: по глѣствицѣ, ведущей къ вѣнцу жизни, восходятъ люди, защищаемые ангелами отъ стрѣлъ демоновъ, и валятся; пустынный добрался уже до верху, но также летитъ стремглавъ, ибо заботы объ его садикѣ часто отвлекали его отъ созерцанія Божества. Увѣнчана одна лишь *Caritas*.

Къ стр. 135 слѣд. (*limbus infantum*). Дѣти, умершія некрещеными, попадаютъ въ *Nobischratten* или *Nobiskrug*.—*Nobis* = *abyssus*. Сл. *Rocholz*, *Deutscher Glaube und Brauch*, I, 209.

къ стр. 143 прим. 1. Сл. *Grimm*, *Deutsche Mythologie*, указатель а. v. *Gurogusse*: по норвежскому повѣрью души тѣхъ, которые не заслужили ни неба, ни ада, пьяницы, насмѣшники, обманщики осуждены до скончанія вѣка мчаться въ сонмѣ *Дикой*

Охоты (Aaskereia, Aaskereida); во главѣ ихъ Gurugysse или Reisarowa съ своимъ длиннымъ хвостомъ. Объезды совершаются на Святкахъ.

Къ стр. 148. Въ нѣмецкомъ стихотворномъ пересказѣ Хождения св. Брандана (Sanct Brandan. Ein lateinischer und drei deutsche Texte, hrsg. v. Dr. Carl Schroeder, 1871, стр. 78 слѣд.) безразличные ангелы изображены иначе:

1249 ir houpte wāren als der swīn,
ir hende berīn und vāze hundīn,
cranches halse, menschliche brust.

Это имъ въ наказаніе:

1365 wir geniezen ouch des dāmite
wan wir des hundes site
Zū himele begiengen.

Господь не осудилъ ихъ на адскія мученія, и они еще надѣются на его милосердіе.

Къ стр. 154, прим. 1. Сл. С. Decurtins, Sürselvische Märchen въ Zeitschr. f. roman. Philologie, XII, 4. 1—2, стр. 142—3, № 17 (S. Giuser et il fravi); итальянскую версію изъ Брианцы и пересказъ провансальской легенды у Daudet (La Belle Nivernaise): Jarjalle chez le bon Dieu, légende provençale. Сл. Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, v. VII, fasc. III—IV, стр. 482—4.

Къ стр. 170—1 (*Премы*) Сл. И. П. Минаева, Посланіе къ ученику, соч. Чандрагомина, отдѣльный оттискъ изъ Зап. вост. отд. Имп. русск. археол. общества, т. IV, стр. 9—10.

Къ стр. 182—3 (*три Маріи*), 207—10 (*образъ селси-долы*). Н. v. Whalocki, Zu den «Drei Mareien (Germania XXXIV B., стр. 130 слѣд.) приводитъ нѣсколько новыхъ вариантовъ къ нѣ-

сенкѣ о трехъ Маріяхъ, трехъ вѣщихъ дѣвахъ-рожаницахъ съ символомъ связи-доли, золотой нити, веревки. Особливо интересны сообщенныя имъ повѣрья седмиградскихъ армянъ и кочевыхъ цыганъ. Первые говорятъ, что Среча (Glücksfrau) дѣлаетъ изъ своей слюны «счастливую сорочку» (Glückshemd) ребенку, родившемуся въ ту пору, когда она сама кормитъ грудью своего сына, Случай (Zufall). Оттого ребенка передъ крещеньемъ кладутъ на мѣсто, освѣщенное луной, и всѣ уходятъ изъ покоя, чтобы не помѣшать Сречѣ надѣть на дитя невидимую сорочку, которая останется на немъ, невѣдомо для него самого, въ теченіе всей жизни и приноситъ ему счастье. Седмиградскіе румыны бросаютъ въ садъ при новомъ мѣсяцѣ кусокъ пуповины, изъ которой «добрыя жены» плетутъ «счастливую нить» (Glückfaden), плетутъ, пока третья ея не обрѣжетъ; съ этимъ вмѣстѣ прекращается и счастье человѣка. Такую же нить плетутъ и цыганскія Keschalyi: феи, осужденныя на бездѣтность; ихъ дѣти умираютъ, и онѣ горюютъ о нихъ, прячась въ неприступныхъ пещерахъ, тогда какъ ихъ длинныя волосы, развѣваясь по вѣтру, производятъ туманъ: «волосы Keschalyi»; когда умретъ человѣкъ, стоявшій подъ ея покровительствомъ, она съ горя рветъ на себѣ волосы; это—нити паутины, носящіяся въ извѣстную пору гѣта надъ полями (Sommerfaden), ихъ зовутъ «печалью Keschalyi»; бездѣтныя цыганки собираютъ ихъ и, когда нарождается новый мѣсяцъ, ѣдятъ ихъ вмѣстѣ съ мужьями, шепча слѣдующій заговоръ: «Прядите, прядите, Keschalyi, пока еще течетъ вода въ потокахъ; мы пригласимъ васъ на крестины, когда вы спрядете красную нить сречи для ребенка, котораго мы приживемъ по вашей милости». Эта нить сречи является въ видѣ тонкой красной полоски вокругъ шеи у людей, одаренныхъ долей, какъ напр. у прародителя цыганскаго племени Leila, прозваннаго Lolo=красный. Его мать Leila, выгнанная изъ дома братомъ и невѣсткой, жила въ лѣсу, въ пещерѣ, питаясь злаками; увидѣли ее съ горы три Keschalyi; «брошу я ей нѣсколько своихъ волосъ, говоритъ одна изъ нихъ: она съѣстъ ихъ и родитъ сына, который ста-

нетъ о ней заботиться». По мановенію второй Keschalyi у пещеры дѣвушки явился золотой потокъ, вода котораго имѣла вкусъ прекраснаго вина, и золотое дерево, приносящее всевозможные плоды. А я нарекаю, сказала третья, что имѣющій родиться ребенокъ, когда возмужаетъ, не всегда будетъ счастливъ. — У дѣвушки родился сынъ, тотчасъ-же становящійся юношею, когда его искупали въ золотомъ потокѣ. Услышавъ о житьѣ-бытьѣ сестры, ея братъ послалъ за нею солдатъ; опившись виномъ потока, они убили Лейлу, а ея сынъ едва спасся. Когда онъ впоследствии обзавелся семьей, онъ положилъ всѣмъ своимъ зваться Leila, по имени матери.

Keschalyi напоминаютъ ниже-нѣмецкихъ Metten, Mettena англосакс. Боэція, гдѣ онѣ, по значенію, отвѣчаютъ паркамъ. Въ нижней Саксоніи Sommerfaden называются Mettjes, Metten, Sommermetjes; въ Дитмаршѣ говорятъ, когда осенью поля и кусты полны летучей, цѣпляющейся паутины: de Metten hebt wrippen—то напярла Мета; когда такая паутина пристанетъ къ платью, это приноситъ счастье. Mannhardt (Germ. Mythen стр. 638—40) объясняетъ её имя: die Abmessende — отмѣряющая, удѣляющая, доля. Въ средневерхненѣм. mezzen (у Frauenlob'a, Leich XVII, 20) понятие обобщилось: Богородица названа «aller himel mezzen».

Къ стр. 191—193 (*феи, подательницы доли*). Сл. Amadas et Ydoine, ed. Pirrean, v. 1979 слѣд.: Ydoine, выданная противъ воли за графа Неверскаго, хочетъ сохранить себя для Amadas'a; съ этой цѣлью она обращается къ помощи трехъ sorcières, которыя своимъ волшебствомъ производили невѣроятныя вещи (v. 2023 слѣд.). Ночью, наканунѣ свадьбы, онѣ являются въ покой графа, напустили сонъ на его свиту,

2089 Et puis se muent à merveille
Em beles figures de fées;
Si se tiegnent à destinées.

выдавая себя за Cloto, Lachesis и Atropos. Подойдя къ ложу графа,

2115 Une touaille rice et grant
 Bele et blanche traient avant,
 Et d'argent .III. coupes mult beles,
 Trois cuilliers et .III. esquieles,
 Et à blans mances .III. contiaus,
 Et puis après .III. simenians,
 Mengiers ont et viandes chières,
 Et boires de maintes manières;
 Et quant mangié et beü ont,
 Entrées en paroles sont
 Et devisent com destinées.

Завтра Ydoine выходитъ за графа, говоритъ Clotho; что выйдетъ изъ этого?

2170 L'autre dist: Merveille me semble,
 Que tel cose me demandés:
 Car Ydoine, très bien savés,
 Qu'à sa naissance fui marie,
 Si destinal que en sa vie
 Jamais joie d'amors n'aroit...

2184 Vous la criastes bele et bloie
 Et je reüs cou que voil faire;
 Toute sa vie en grant contraire
 Ai mise; puis qu'aura signour,
 Jamais n'ert eure sans douleur.

Clotho проситъ сестру изменить свое рѣшеніе; она отказывается. Тогда провѣщилось и Atropos:

2211 Dont ne doit estre bien marie
 Et avoir ire envers le conte
 Et destiner sa vie à honte
 Qui quant à sa naissance fui,
 Li cotiax dont je taillier fui,
 Me failli, que je n'en eue mie,
 Si com vous fustes meservie

De la cuiller à la naissance
Ydoine.

Оскорбленная этимъ, она нарекла ему злую долю:

2224 Que quant il feme esprouseroit
Et ensamble avec li giroit,
Si tost com son bon aroit fait,
Jà puis n'aroit joie ne hait,
Car en cel an à duel morroit

Такъ онѣ напугали графа; закончивъ свои вѣщанія,

2269 Puis ont devant le conte estaint
.I. des cierges qui cler ardoit,
Car sans quidier savoir le doit
Que sa vie monstré li ont.

Удаляясь, одна изъ мнимыхъ фей повторяетъ ему, что если онѣ соединится съ Ydoine, то умретъ; такъ ему суждено (2293 par destinée). Позже Ydoine (v. 7161 слѣд.) рассказываетъ ему, будто апостоль Петръ явился ей въ Римѣ, съ нимъ три жены, которыя, повинаясь его велѣнью, объявили ей то, что уже извѣстно было графу. Это — три сестры, говоритъ апостоль,

7189 Toutes .III. destinées sont
De trestoute la gent du mont;
Sour trestous ont force et pooir
De destiner à leur voloir
Maale et femele à leur plaisir.
Eles vous font ensi languir;
Ne puet estre que soit fausée
Por nule riens la destinée.

Старое вѣрованіе въ фать-рожаницъ лежитъ въ основѣ этого эпизода. Какъ въ иныхъ случаяхъ мы наблюдали вырожденіе аналогическихъ образовъ въ представленіе вѣдьмъ и вѣщихъ женъ (сл. выше стр. 293, 301, 303), такъ здѣсь вѣдьмы играютъ роль фей. Ихъ три, и онѣ сестры; имъ ставятъ трапезу (сл. выше стр. 178, 182 прим. 5, 189, 193); романъ въ сценѣ

вѣщаній измѣнилъ эту традиціонную данную такъ, что сами вѣдьмы-феи приносятъ её съ собою (между прочимъ: III zimepiauh = пшеничные хлѣбы, сл. *houlouria* — трапеза новогреческихъ мойръ), хотя въ разсказѣ о томъ, почему они нарекли злую долю графу и Ydoine, ясно сквозитъ черта, что трапеза была для нихъ приготовлена, но одной изъ фей чего-нибудь не достало: при рожденіи графа *ножа*, при рожденіи Ydoine *ложки*; очевидно — символическія примѣты для мальчика и дѣвочки. — Отмѣтимъ еще одну черту: окончивъ вѣщанія, вѣдьмы-феи тушатъ одну изъ свѣчей; объясненіе этой черты въ романѣ отзывается чѣмъ-то искусственнымъ, и представляется вѣроятнымъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ неловкимъ приуроченіемъ подробности, относящейся къ нареканію феями-мойрами судьбы новорожденному (сл. выше стр. 191, 194).

Къ стр. 198 прим. 2. Сл. Clouston, l. c. I, стр. 413 слѣд. и 482 слѣд.; Archivio delle tradizioni popolari italiane, V, стр. 156 a—157 b.

Къ стр. 199—200 (*отъ судьбы не уйти*). Сл. въ 1001-й Ночи разсказъ третьяго календера.

Къ стр. 200, прим. 4. Сл. библиографическія сопоставленія Stanislao Prato, Rev. des traditions populaires, IV, стр. 176—8.

Къ стр. 225 прим. 1. Сл. Clouston, l. c. I, стр. 400 слѣд.

Къ стр. 269 (*Преполовене = рахманскій великден*): у болгаръ *рѹса среда*.

Къ стр. 334. (*Легенда объ Амфилоѣ у Галятковскаго*). Слѣдующей выпиской я обязанъ г. Хр. Лопареву: «Амфилогъ царь Сарацинскій поганинъ въ Іерусалимъ пришолъ до церкви на службу божую, и въ той часъ видѣлъ Христа яко дитятко ма-

лое, которое священникъ на олтаре зарѣзалъ, для того поставилъ сторожу около того священника, жебы не утеклъ. Гды мовилъ священникъ: Пресвятую, чистую и преблагословенную славную Владычицу нашу Богородицу и прочее, въ той часъ пришло множество агтеловъ, которыя поднесши руки за в'весь м'ръ христіанскій молилися Богу; а гды мовилъ священникъ: Израднѣ о пресвятой, чистой, преблагословенной, славной Владычицы нашей Богородицѣ и присно Дѣвѣ Маріи,—на той часъ душамъ въ тмѣ будущиѣ двери отворилися. По службѣ Божой священникъ цареви принеслъ просфору, мовилъ ему царь: Видѣемъ тебе, нещасливый чѣловѣче, жесь дѣтя зарѣзалъ и тымъ еси служилъ. Отказалъ священникъ: Такого чуда ни святые отцы Василій и Григорій не видѣли, яко ты, цару, видѣлъ. Почувши тое царь въ Христа увѣрилъ и окрещенный отъ патриарха іерусалимскаго и въ скуму облеченый потомъ ѣхалъ въ землю сарацинскую до брата своего, на имя Кликанця, и того до Христа наверхнулъ и окрестилъ, которые ободва почали Христа проповѣдати; для того сарацини погане ихъ позабіяли. (Небо Новое з новыми звѣздами сотворенное, соч. Іоанникія Галитовскаго. Львовъ, 1865 г., л. 52 об.—53 об.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ЖИЗНЕНІЕ ОБОДОРЫ ПО МЫТАРСТВАМЪ И НѢКОЛЬКО ЭПИЗОДОВЪ ИЗЪ ЖИТІЯ ВАСИЛІЯ НОВАГО.

По Синодальной рукописи № 249, бум. XVII в.

Полное греческое житіе св. Василія Новаго, представляемое синодальнымъ его спискомъ № 249 ¹⁾, до сихъ поръ не издано. Текстъ, напечатанный болландистами въ Приложеніи ко III-му Мартовскому тому AASS, стр. 20 слѣд., представляетъ, какъ сказано въ введеніи къ XII-й главѣ, стр. 121—2, и видно будетъ изъ слѣдующаго сопоставленія, лишь сокращеніе этого оригинала съ нѣкоторыми стилистическими подновленіями.

Житіе по рукописи начинается такимъ образомъ (л. 2 лиц.):

«Ὁ θεϊότητος καὶ προφητικώτατος Δαβὶδ ἔλεξε φάσκων· Εἰς μνημόσυνον αἰώνιον ἔσται δίκαιος ὑποφαίνων ὡς ἀνεξάλειπτα τὰ σήμαντρα τῆς ἀρετῆς τῶν δικαίων εἰς τὸ διηνεχὲς τυγχάνουσι καὶ ὁ Σολωμὼν δὲ ὁ σοφώτατος παραπλήσια τῶ γεγεννηκότι ἀπεφθέγγετο λέγων· Μνήμη δικαίου μετ' ἐγκωμίων, ἀξιογέραστα κρίναντες καὶ ἐπάξια τιμῆς καὶ ἐπαίνου τὰ τῶν ἁγίων μνημόσυνα· ἀλλ' οὗτοι μὲν ὡς χρησιμοῦδοι Κυρίου καὶ θεοὶ ὑποφῆται οὕτως σοφῶς καὶ θεοπρεπῶς ἀπεφθέγγαντο, ἐγὼ δὲ ὁ μηδενὸς λό(л. 2 об.)γου ἐπάξιος, ἡ ἀμυδρὰ σταγὼν, ἡ κατὰξηρος πηγὴ, ὁ βορβωρώδης λάκκος, ὁ καὶ τοῦ ζῆν

¹⁾ Авторъ «Сказанія о Мытарствахъ» (Духовная брѣда, 1866 г., № 7) называетъ соответствующій эпизодъ изъ житія Василія Новаго по Макарянскимъ Четьи-Минеямъ, свѣряя его и съ нашею греческою рукописью.

ὁ... λέγειν οὐκ ἔχω.
... τῆς διηγήσεως ἀρξομαι,
... Θεῶ φίλον τὸ κατὰ δύ-
... νατόν, καὶ αὐτῶν Ρητό-
... χμοῦσιν καὶ ἀσυνέτω. Τὰ
... λέγειν.

καταστραπτόμενος συνεχε
... ιατρῶν δεχόμενος διὰ τι
... τῆς πυρκαϊᾶς ἔνεκεν τῆς ἐν
... τοῦδε εἰς νόσον πεσῶν ἐν
... AASS. l. c. стр. 20 C, § 1:
... ἔψας. Εἰ καὶ οὗτος ἐν συντόμῳ
... καθάρσια παρὰ παιδῶν ιατρῶν
... ἐκ (не разобрано слово) πυρ-
... τὸν στόμαχον καὶ εἰς νόσον δυσ-

... § 3 Самона велитъ отвести свя-
... л. 5 лиц.: εἰς τὸν λεγόμενον Νέον
... по 300 ударовъ въ день (AASS.,
... πηγας (л. 7 об.). — Василий говоритъ
... 5): οἱ τὰ τῶν Σοδόμων ἔργα κρυπτῶς
... τοιοῦτοι ἀνόσιοι προσαγορεύονται. Ἦν
... ὄχος καὶ ὠραῖος τῆ ὄψει = л. 8 лиц.:
... ἐν τῷ λεληθότι διαπραττόμενοι ὥσπερ
... οἰκῆς εὐνοῦχος καὶ ὠραῖος τῆ ὠρᾷ καὶ ταῖς
... γενδότως (л. 8 об.) εἰσπραττόμενος οὔτοι

... AASS. отиѣтнѣ хронологическое отличие:
... αμηχότων τῆ ἐπαύριον; ркп. л. 9 об.: τῆ δὲ

... ὄροςъ святого въ море л. 10 лиц.: Προσέ-
... ἠ, δεσμοῖς καὶ στρεύλαις πεδηθῆναι ὅλον τὸ σῶμα
... ἀλάσση ῥιζῆναι παντελῶς γὰρ εἰσῆλθεν εἰς τὴν
... διάβολος, ᾧετο γὰρ ἵνα μὴδὲ τῆς νενομισμένης

ἀνάξις, καὶ τοῦ τηλικαῦτα τεράστια καὶ θαυμάσια μέλλων διηγήσασθαι, ἀπορῶ τί εἶπω καὶ τί λαλήσω καὶ πῶς τοιαῦτα μεθοδεύομαι ὡς ἂν ἰσχύσω καταπόδας κ' ἂν φθάσαι τοῦ διηγήματος, καὶ μὴ παντάπασιν ἐξωπεσεῖν ἐν τῷ δηγεῖσθαι τὰ τοῦδε τοῦ ἁγίου τερατουργήματα. Βούλομαι τοίνυν σιωπᾶν. Сл. текстъ болландистовъ I. с. стр. 20 A: ὁ θεϊότατος καὶ προφητικώτατος Δαυὶδ ἔλεξε φάσκων· Εἰς μνημόσυνον αἰώνων ἔσται Δίκαιος· ὑπεμφαίνων, ὡς ἀνεξάλειπτα τὰ τῆς ἀρετῆς τῶν Δικαίων σήμαντρα εἰς τὸ διηγεῖσθαι τυγχάνουσι διὰ τῶν κατὰ καιροῦς τὰ θεῖα σοφῶν ἐκδιηγούμενα, κοινὸν ὄφελος. Ἄλλ' οὗτοι μὲν ὡς λόγου μεμειραμένοι εἰκότως ταῦτα συγγράφουσιν· ἐγὼ δὲ ἢ μικρὰ σταγῶν, ἢ ὑπόξηρος πηγῆ, ὁ βορβορώδης λάκκος, ὁ μηδενὸς λόγου ἄξιος, πῶς ὅλως τολμήσω διάραι στόμα, ἢ φράσαι μεγίστου καὶ τηλικούτου πατρὸς φρικωδέστατα τεράστια καὶ θαυμάσια. Βούλομαι τοίνυν σιωπᾶν ¹⁾).

И далѣе текстъ болландистовъ всюду сокращаетъ, опуская цѣлые эпизоды, обобщая мѣстные подробности, замѣняя одни слова другими. Сл. напр. снв. рип. I. 3 лпц.: Ἐντεῦθεν δὲ τῆς ἐπηγήσεως ἀρξομαι ταῖς ὑμετέραις εὐχαῖς ἐρειδόμενος, ἐπεὶ καὶ Θεῶ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, ἄλλως τε οὐδὲ πάντα λέγειν μοι τὰ ἐκείνου δυνατόν, οὐδὲ γὰρ ἀγγέλων ἴσως τοῦτο ἐστίν, οὐδὲ ἀποστόλων ὡς φησὶν ὁ διαπρύσιος Παῦλος· ἐκ μέρους γινώσκομεν, καὶ ἐκ μέρους πρόφη-

¹⁾ Славянское житіе по списку XIV—V в., на пергаментѣ, нынѣ Главн. Моск. Архива Мин. Иностр. дѣлъ (изъ собранія Оболенскаго), начинается иначе: «Непостижнаго бѣ ѿ члѣстѣхъ родѣ пребѣгаго и члѣколюбиваго сѣма прѣдрено ѿ не изречениѣ стромшѣ ѿже къ спасѣнію дѣпанъ поубнаа ѿ на преѣбдѣніе земленъѣ ѿ тѣбѣшнъѣ ѿ на желаніе же нѣ вѣчныѣ блѣгъ возводаща в различнаа времена своима ѣмоу оубгодники показавъ въ послѣднѣхъ временѣхъ сихъ въ прѣтворюющѣхъ всѣмъ градовѣмъ въ новомъ Римѣ въ Константинѣ градѣ ѿ нынѣ наъ в' начало прѣлежащаго словеси бѣгѣноснаго шѣца нашего великаго в' постынищѣхъ ѿ прѣславнаго в' чудесѣхъ прѣбѣнаго Василія Новаго, ѿже шѣкоудоу бѣ ѿ шѣ каковыѣхъ родиса родитель ни самъ ѣще в' жатѣи ѿзвенна сътвори ни ѿнѣ никтоже ни по немъ предасть наъ, ѿбаче виднѣо ѿко в' лѣта те бе цѣра Василія Макидона в' i-е лѣто цѣтва ѣгѣ послани быша боѣре нѣщѣи и т. д. Въ греч. текстѣ (синод. сп. I. 4 лпц. = AASS. стр. 20 C) говорится о десятомъ годѣ царствованія Льва и Александра. — За пользованіе копіей съ арх. рип. приношу благодарность И. А. Шляпкину, которому я обязанъ указаніемъ на севастьяновскій списокъ житія (Рум. муз. № 39—1470, на бомбицинѣ, сербскаго писма).

τεύομεν. Τὰ μὲν περὶ τῆς γεννήσεως αὐτοῦ . . . λέγειν οὐκ ἔχω. Сл. АASS. I. c. стр. 20 B, § 1: Ἐντεῦθεν δὲ τῆς διηγήσεως ἄρξομαι, ταῖς ὑμετέραις εὐχαῖς ἐρειδόμενος, ἐπεὶ καὶ Θεῶ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν, ἄλλως τε οὐδὲ πάντα τὰ ἐκείνων δυνατὸν, καὶ αὐτῶν Ρητόρων γλώσσαις ἐρεῖν, μὴ ὅτι γε ἐμοὶ τῷ ἁμοῦσφ καὶ ἀσυνέτφ. Τὰ μὲν οὖν τῆς γενήσεως αὐτοῦ . . . οὐκ ἔχω λέγειν.

л. 3 об. Στέφανος . . . πάσης ἀρετῆς καταστραπτόμενος συνεχε χέσι (л. 4 лпц.) δὲ τοῖς ποτοῖς παρὰ τῶν ἱατρῶν δεχόμενος διὰ τὴν ἰκανῶς ψυχρᾶναι τὸν στόμαχον αὐτοῦ τῆς πυρκαϊᾶς ἐνεκεν τῆς ἐν νεότητι παρενοχλοῦσης αὐτῷ καὶ ἐκ τοῦδε εἰς νόσον πεσῶν ἐ συντόμφ τέλος τοῦ βίου ἐχρήσατο. Сл. АASS. I. c. стр. 20 C, § 1: Στέφανος . . . ἀνὴρ πάση ἀρετῇ διαπρέψας. Εἰ καὶ οὗτος ἐν συντόμφ τὸ γρεῶν ἐλειτούργησε, καὶ συνεχῆ καθάρσια παρὰ παιδῶν ἱατρῶν δεξάμενος διὰ τὴν ἐνοχλοῦσαν αὐτῷ ἐκ (не разобрано слово) πυρκαϊαν, ὑφ' ὧν κακῶς ψυχρανθεὶς τὸν στόμαχον καὶ εἰς νόσον δυσδιήγητον περιπεσῶν, ἐτελεύτησε.

Въ текстѣ АASS. стр. 20 E, § 3 Самона велитъ отвести святого εἰς τὸν ἴδιον οἶκον; въ ркп. л. 5 лпц.: εἰς τὸν λεγόμενον Νέον οἶκον. — Святому дають не по 300 ударовъ въ день (АASS., стр. 20 F, § 5), а χιλίας μάστιγας (л. 7 об.). — Василіѣ говорятъ Самоуѣ (АASS, стр. 21 A, § 5): οἱ τὰ τῶν Σοδόμων ἔργα κρυπτῶς ποιῶντες, ὡς σύ, δικαίως οἱ τοιοῦτοι ἀνόσιοι προσαγορεύονται. Ἦν γὰρ ὁ Σαμωνᾶς φύσει εὐνοῦχος καὶ ὠραῖος τῇ ὄψει = л. 8 лпц.: Οἱ τὰ τῶν Σοδομιτῶν ἔργα ἐν τῷ λεληθῶτι διαπραττόμενοι ὡσπερ σύ. Ἦν γὰρ φύσει ὁ Σαμωνᾶς εὐνοῦχος καὶ ὠραῖος τῇ ὄρᾳ καὶ ταῖς ἐκείνων ἀνοσιουργίαις ἀνευδότως (л. 8 об.) εἰσπραττόμενος· οὕτω δικαίως ἀνόσιοι.

На стр. 21 B, § 6, АASS. отиѣтѣмъ хронологическое отлпчїе: πολλῶν οὖν συνδεδραμηκότων τῇ ἐπαύριον; ркп. л. 9 об.: τῇ δὲ ἐσπέρᾳ.

Самона велитъ броситъ святого въ море л. 10 лпц.: Προσίταξε τῇ νυκτὶ ἐκείνη δεσμοῖς καὶ στρεύλαις πεδηθῆναι ἔλθον τὸ σῶμα αὐτοῦ καὶ ἐν τῇ θαλάσῃ ρίψῆναι· παντελῶς γὰρ εἰσῆλθεν εἰς τὴν καρδίαν αὐτοῦ ὁ διάβολος, ὡς το γὰρ ἵνα μηδὲ τῆς νενομισμένης

ταφῆς αὐτὸν τύχη παρὰ τῶν εὐσεβῶν, ἀλλὰ ποντοφόρητος καὶ ἰχθυόβρωτος γένηται, ὁ δὴ καὶ γέγονε κατὰ τὸ τοῦ Σαμμωνᾶ πρόσταγμα· καὶ παραλαβόντες αὐτὸν οἱ τοῦτο προστεταγμένοι δῆμοι τρίτη φυλακῆ τῆς νυκτός ἐπὶ τὸ πέλαγος ἀπήσαν καὶ τῷ τῆς Βαρβάρας λεγομένῳ ρεύματι καταλαβόντες, καὶ ἐν αὐτῷ αὐτὸν ἀπορρίψαντες σιδηροδέσιμον, ὡς προεῖρηται, ἀνεχώρησαν. *Сл. ААSS. стр. 21, С, § 7: Ἄλλὰ προέταξε τῇ νυκτὶ ἐκεῖνη εἰς τὴν θάλασσαν ριφῆναι, ὁ δὴ καὶ ἐποίησαν οἱ ὑπηρεταὶ τρίτη φυλακῆ τῆς νυκτός.— Τῆς Βαρβάρας ρεύμα находитиось, вѣроятнo, со стороны Босфора, у Пύλη τῆς ἁγίας Βαρβάρας, нынѣ Топъ-капуси.*

λ. 10 об.: ῥίγει καὶ πυρετῷ = *ААSS. стр. 21 С, § 7: ῥιγο-πυρετῷ.* — λ. 14 лиц.: Ζωῆ (τετάρτη οὖση γυναικὶ Λέοντος): поставленнаго въ скобкѣ нѣтъ въ *ААSS. стр. 21 F. § 10.*

λ. 20 лиц.: τὴν χάραν τοῦ ἀτυχεστάτου Δουκὸς ἀποτέμνοντες οἱ στρατιῶται, μᾶλλον δὲ δῆμοι, εἰσῆγαγον κατὰ πρόσωπον τοῦ Ἡττηλάου ἐκείνου ἢ Νικολάου, καὶ τῶν δυστήνων τῶν σὺν αὐτῷ, ἐκέλευσαν κοντῷ ἐμπαρεῖσαι. *Въ ААSS. 22 F. § 14 нѣтъ этой игры словами; она встрѣчается далѣе стр. 23 А § 14 (Ἡττηλάω), но въ нашемъ текстѣ въ послѣднемъ случаѣ другое: Ἄγρικολάω (λ. 20 об.).*

λ. 28 лиц.: Κωνσταντῖνος δὲ τις τοῦνομα, ὃν Βάρβαρον οἱ πάντες ὠνόμαζον διὰ τὸ ἐθνικὸν αὐτὸν εἶναι, πριμμικηρίου ἀξία τετιμημένος. *Сл. ААSS. стр. 24 В, § 20: Κωνσταντῖνος, ὃν καὶ Βάρβαρον οἱ πολλοὶ ὠνόμαζον.*

Патрикия Анастасія говоритъ о святомъ августѣ Еленѣ, которая желаетъ его видѣть; далѣе повѣствуется, что Василіи бывалъ и ἐν τῷ τῆς Εἰρήνης πατρικίας οἴκῳ (*ААSS. I. с. стр. 24 D, § 21*). *Въ нашей ркп. л. 30 лиц. нѣтъ имени Ирины: ἐν τῷ οἴκῳ τῆς πανευφήμου πατρικίας (Анастасіи); Εἰρήνης прочтено вмѣсто εἰρη(μέ)νης?.* — *Когда Анастасія была при смерти, она призвала святого, дабы онъ помолился объ ея выздоровленіи; л. 34 лиц.: ὁδὲ ἰδὼν ἄνωθεν τὸ πρόσταγμα ὀξέως κατενευθὲν καὶ τὸν θάνατον αὐτῆς κατανοήσας ὡσπερ λέοντα ἐστῶτα ἀνωτέρω τριῶν βαθμίδων καθὰ Ἐξехіас φησι ὁ βασιλεὺς: παρεδόθη*

τῷ θανάτῳ μου δυτικῶ λέντι ἀπό πρωίας μέχρι πρωίας· τοῦτον οὖν προιδῶν ὁ ἅγιος καὶ ὅτι ἀδύνατόν ἐστιν ἀποστραφῆναι, συνορῶν καὶ τὴν ψυχικὴν αὐτῆς κατάστασιν ἐτοιμὴν οὔσαν ■ τ. Δ. Сл. ААSS. стр. 25 В, § 25: ὁ δὲ εἰδῶς τὴν ἄνωθεν πρόσταξιν, ὡς ἀπαραίτητον, ἀλλὰ καὶ τὴν ψυχὴν αὐτῆς ἐτοιμὴν οὔσαν καὶ καρπὸν φέρουσαν Κυρίῳ ὄριμον . . . ἐψυχαγῶγει αὐτήν.

л. 35 об.: о монахѣ Епифаніи говоритсѣ: ὀδηκοστόν ἔτος ἀνύων ἐν τῇ ἀσκή (л. 36 лпц.) сѣи ἐξ αὐτῶν σχεδὸν μητερικῶν μαζῶν τὸν μονήρη βίον προελόμενος, ἐξ γὰρ ἐτῶν ἀποκαρεῖς, ἐβδομήκοντα καὶ τέσσαρας ἐν τῇ αὐτῇ θείᾳ μονῇ βιώσας χρόνους. Сл. ААSS. стр. 25 D, § 26: ἐβδομηκοστόν ἤδη ἔτος ἀνύων ἐν τῇ μονῇ πρὸς τοῖς τέσσαρσιν, ἀπὸ ἐξ ἐτῶν ἀναδοθεῖς τῷ Θεῷ.

ААSS. стр. 25 F, § 28 говоритсѣ о двухъ храмахъ, ἐπ' ὀνόματι τῶν Ἀρχαγγέλων; въ ркп. л. 38 об.: ὀνόματι τῶν ἀρχιστρατήγων Μηχαήλ καὶ Γαβριήλ.

Григорій пораженъ провидѣніемъ святаго, ὥστε με καταπλαγῆναι τὴν πρόρρησιν τοῦ Ἁγίου καὶ δοξάσαι τὸν Κύριον, τὸν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τοιούτους λαμπτήρας ἀναδεικνύοντα. — Въ снн. ркп. л. 44 обор. слѣдуютъ такія строки ¹⁾: διὸ πάντες αὐτὸν (т. е. Василія) ὡς ἓνα τῶν ἀποστόλων ὠνόμαζόν τε καὶ ὑπερεσέβοντο, οἱ δὲ πλείους τῶν ἄλλων αὐτὸν εἶναι ἐκεῖνον ἔλεγον καὶ ἐκλήρυττον τὸν ἐν θεολογίαις ἀκρότατον Ἰωάννην τὸν ἡγαπημένον καὶ ἐπιστήδιον, ὃν καὶ ἡ φήμη πλέον ἐπεκράτει καὶ ἐκλήρυττετο αὐτὸν ἐκεῖνον εἶναι καὶ οὐκ ἄλλον, καὶ τῇ βασιλευούσῃ ταύτῃ τῶν

¹⁾ Сл. соотвѣтствующій эпизодъ славянскаго перевода по сп. XIV—V вѣка: «тоа раѣ сего ми боиснаго вѣца провѣи, ёгоже в тоѣ градѣ прѣстѣ живующаго мко единого вѣ аплѣ почитахоу еже вѣ леплѣшиѣ сѣго Іωάна ὀδѣслова сего быти прославлаху въ прѣстѣ градѣ пришеша и ко всѣмъ же равне и всегда бесѣдоваше по рѣко кѣ малыѣмъ нѣкымъ и кѣ дѣовымъ своимъ дѣтегъ коупно и ко мнѣ, многа бо в народѣ притчани и съкровѣно вѣцааше, прѣмоудръ бо вѣлѣ и хитръ в силѣ словесѣ, разсоудливъ и вѣвѣстѣно вѣдыви и вѣршиа и времена. Словесѣ же и молчанію множицею при нѣкымъ мко офроди творашеса въ словесѣхъ, и не съмыслешъ мнѣшеса, иже бѣла члѣолобѣя препоудрости исполненъ смѣи, се же твораше тѣмъ радѣ, иже дестно покоушаху са славити ёгѣ.

πόλεων ἐπιδειδημηκέναι καὶ διὰ τοῦτο παράδοξα τοιαῦτα καὶ ἐξαισία θαύματα καὶ τεράστια ξενοπρεπῶς ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεοπρεπῶς ἐν παρρησίᾳ πολλῇ οὐ τοῖς πᾶσι δὲ ἐπίσης ὠμίλει, καὶ οἷος ἦν αὐτὸν ἐπεδείκνυεν, ἀλλὰ τοῦτο ἐποίει σπανίως καὶ ἐν ολίγοις τισὶ τῶν γνησίων καὶ ἐναρέτων οὓς δηλονότι μᾶλλον τῶν ἄλλων πλέον ἠγάπα καὶ ὑπερετίμα, καὶ δυνατοὺς πρὸς τὸ πρᾶγμα ἔκρινε· τὰ γὰρ πλεῖστα ἐν τοῖς πολλοῖς (λ. 45 ΙΠΙ.) δι' αἰνιγμάτων καὶ μωροποιίας ἀπεφθέγγετο, ἄκρος σοφὸς καὶ ἐπιστήμων ἐν λόγοις ὑπάρχων καὶ διακρίσειως πάσης ἀνάπλευς, ἀκριβῶς εἰδῶς μέτρα καὶ καιροὺς λόγου καὶ σωπῆς· τισὶ δὲ καὶ ἀνοηταίνειν καὶ ἐξεστηκέναι ἐδόκει, ὁ θείας τῶ ὄντι σοφίας πεπληρωμένος, διὰ τὰς πανσόφους αὐτοῦ μωροποιίας, ἃς ἐξεπίτηδες ἐποίει ἐπὶ τῶν πειρωμένων δοξάζειν καὶ μεγαλύνειν αὐτόν. ἐν τούτοις οὖν διάγοντος τοῦδε τοῦ θεοφόρου πατρὸς καὶ μεγάλοις σημείοις καὶ τέρασιν ἐν τῇ τοῦ δηλωθέντος πριμμικηρίου οἰκίᾳ διαλάμποντος, κάμω δὲ συχνότερον πρὸς αὐτόν διαβάλλοντος καὶ τῆς ἡδυτάτης καὶ μελιρρύτου διδαχῆς καὶ εὐχῆς αὐτοῦ καταπολαύοντος, γέγονέ μοι οἰκειώσις καὶ παρρησία τις πρὸς αὐτόν ὑπὲρ πάντας τοὺς διαθέσει καὶ πίστει θερμῇ πρὸς αὐτόν ἀεὶ σγολάζοντας πνευματικούς αὐτοῦ παῖδας, ὥστε οὐ μόνον ὑπ' αὐτοῦ χαριέντως πως καὶ ἰαρωῶς προσεδεχόμενη ἀεὶ καὶ κατησπαζόμενη μεθ' ἰλαροῦ καὶ χρηστοῦ μειδιάματος τοῦ ἐπιφαινόμενου ἐν τῶ φῶ (λ. 45 ΟΒ.) τοεῖδει καὶ θείῳ προσώπῳ αὐτοῦ ἐπὶ ταῖς ὑπανταῖς καὶ ὑποδοχαῖς τῶν πρὸς αὐτόν ὠφελείας χάριν παραγινόμενων, καὶ τοῖς ἐν ἀγίῳ φιλήματι ἀσπασμοῖς τε καὶ ἀγιασμοῖς, ἀλλὰ δὴ καὶ τῆς ἐξυπηρευτοῦσης αὐτῷ τιμίας γρατῆς, τῆς ἀπὸ δουλίδων φημί Θεοδώρας, τὰ μέγιστα ἠγαπόμην καὶ προσηνῶς προσεδεχόμενη, ἐρώσης καὶ αὐτῆς τὸν ἅγιον, ὁποῖαν τὴν προσπάθειαν καὶ ἀγάπην πρὸς με ἐκέχτητο. Миѣ тоиуну тῶν ἡμερῶν πρὸς νόσον τινὰ ἐλάσοντός μου, κατεκλίθην ἐπὶ τῆς στρωμνῆς μου, καὶ προσκαλεσάμενος η τ. д. Отсюда текстъ болландистовъ (стр. 27 А § 33 init.) снова совпадаетъ съ нашимъ, при тѣхъ-же сокращеніяхъ и мелкнхъ отличіяхъ.

Святой пророчить будущность больного мальчика; пророчество сбылось, ὡς αὐτόν γοῦν ἐμὲ αὐτοφεί ταῦτα πληρωθέντα ἰδόμενον δοξάζειν τὸν Κύριον (AASS. стр. 28 С, § 40 въ концѣ).

Βμῆστο τοῦο βΉ νασηῆ ρυκοπισι λ. 53 λυц.: ἔζησεν οὔν ὁ παῖς διαδρά; τὸν θάνατον (λ. 53 οβορ.) και εὔμαθῆς ἐγένετο και πάντα ὄσα εἶπεν αὐτῷ ὁ ὄσιος ἐπ' ἀληθείας ἐξένησαν ἐπ' αὐτῷ. καγῶ γάρ αὐτῷ ὁ οἰκτρότατος τεδέαμαι τοῦτον κληρικὸν γεγονότα και ἐν τοῖς μαθήμασι προκόφαντα, ὡστε ἀναμνησκόμενος τῶν ρημάτων τοῦ ὄσιου ἀνδρός ἐδόξασον τὸν Θεόν.

λ. 56 λυц. Григоріи разсказываеτῃ, какῃ, отправившисῃ во Θρακίю, онῃ былῃ наказанῃ за утаеніе чужого пояса: ἀπόλεσα σκεπασμάτην νομισμάτων τεσσάρων τιμωμένην, ἀπόλεσα δὲ και τὴν ἐμὴν ζώνην νομισμάτων δύο και ὀβολοὺς τὸ τρίτον ὡς δοκῶ τοῦ νομίσματος. Ἔτο служить кῃ поясненію текста βΉ AASS. стр. 28 F, § 43 init. (сл. прим. 1 на стр. 32, E): ἀπόλεσα τοῦ χιτῶνίου τὸ σκέπασμα νομισμάτων τεσσάρων τιμώμενον, εἶτα και τὴν ἐμὴν ζώνην νομισμάτων δύο τιμωμένην τρίτον. — Слѣдуетῃ отῃ лица Григорія разсказῃ обῃ искушеніяхῃ, которымῃ онῃ подвергался во время своего путешествія, о видѣніяхῃ и чудесномῃ помощничествѣ св. Стефана. Когда онῃ вернулся βΉ Константинополь, Василій разсказалῃ ему βΉ притчахῃ все, что сῃ нимῃ было. Ἐγῶ δὲ ἀκούων ἐφριττον ὅπως οὔδὲν ἔλαθεν αὐτόν τῶν γεγονότων, AASS. стр. 30 E, § 52 in fine = рук. л. 66 λυц. ἐγῶ δὲ ἀκούων (λ. 66 οβορ.) ἐφριττον ὅπως οὔδὲν αὐτόν ἐλάνθανεν ὑπὸ τῶν γινόμενων ἐν ἡμῖν· πάντα γάρ ραδίως ἀπήγγελλε.

То, что непосредственно слѣдуетῃ βΉ текстѣ болландистовῃ (§ 53 init.) даже стилистически не вяжется сῃ предыдущимῃ: Τοῦ λοιποῦ οὔν, τέκνον, φησίν (т. е. Василій), ἀπελθε ἐν εἰρήνῃ εἰς τὸν οἶκόν σου· οὐκέτι γάρ αἰσθητοῖς ὀφθαλμοῖς σωματικῶς ὄψει με ἐν τῷδε τῷ βίῳ. Именно передῃ этой фразой, соответствующую которой мы найдемῃ далѣе βΉ нашей ркп. (л. 367 об.), и приходится большая лакуна βΉ текстѣ болландистовῃ, отвѣчающая βΉ рукописи л. 66 об.—367 об.; изῃ 378 листовῃ рукописнаго житія текстῃ болландистовῃ сохранилῃ, такимῃ образомῃ, и то βΉ измененномῃ видѣ, л. 1—66 об. и 367 об.—378 об. Эту лакуну мы и думаемῃ отчасти пополнить сообщениемῃ эпизода о хожденіи Θεодоры по мытарствамῃ, слѣдую-

ицхъ за нѣмъ чудесъ Василія и небольшого отрывка изъ видѣнiя Григорiя.

За приведенными выше словами (πάντα γὰρ ῥαδίως ἀπήγγελλε) слѣдуетъ разсказъ о Θεодорῆ, къ которому относится выписанное киноварью на верху страницы заглавiе:

Περὶ τῆς τελευταίας τῆς ἀμμάς Θεοδώρας.

(f. 66 v) Κατὰ γοῦν τὸν καιρὸν τοῦτον ἐτελεύτησεν ἡ ἀείμνηστος τιμία ἐκείνη Θεοδώρα ἢ πολλὰ γησιῶς καὶ εὐσεβῶς τῷ ὀσίῳ ἐξυπηρετήσασα πλήρης ἡμερῶν γεγονυῖα καὶ προβεβηκυῖα ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῆς· πάνυ ἐστυγνάσαμεν ἐπὶ τῇ ταύτης ὑστερήσει, ὅσα δηλαδὴ πνευματικῆς ἀγάπης σχέσιν πρὸς τὸν ἅγιον ἐκεκτῆμεθα, τὸ μὲν διὰ τὴν τοῦ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν ἀνάπαυσιν καὶ θεραπείαν τῆς ἐκ τῆς ὑπηρεσίας αὐτῆς, ἧς ἀφυστέρητο, τὸ δὲ ὅτι καὶ ἡμεῖς πάντες οἱ πρὸς αὐτὸν θερμὸν αἰεὶ ἀφικόμενοι ὠφελείας ἔνεκεν χάριν μεσίτην αὐτὴν πρὸς αὐτὸν εἶχομεν ἀκαταίσχυντον ἐν Ἰλαρῷ προσώπῳ ἦδει τὲ χρηστῶ καὶ σεμνῷ μειδιάματι ἀποδεχομένην πάντοτε πάντας ἡμᾶς καὶ μετ' εὐμενεῖας ἐκεῖθεν ἀπολύουσιν· ἀγαθοῖς καὶ προσηέσι ῥήμασι προτρεπομένη πάντως τὸ ἀγαθὸν αἰεὶ ἐκζητεῖν τε καὶ γινώσκειν καὶ διώκειν, καὶ μὴ τοῖς σφῶν (f. 67 r.) λογισμοῖς τοῖς ἐκ τοῦ πονηροῦ ἀτάκτως ὑμῖν προσφυομένοις συναπάγεσθαι τε καὶ συνεπαίρεσθαι. πραοτάτην γὰρ καὶ εὐσυμπάθητον ἦν τὸ γύναιον, ἀκεραώτητι γνώμης καὶ ἀπλάστοις ἦδεισι πάντες θεραπεύουσα καὶ ὡς ἴδια ταύτης τέκνα ἡμᾶς ἀποδεχομένη καὶ ἐπιθάλπουσα, καὶ εἰποτέ τινι ἐξ ἡμῶν ἀνδρώπινόν τι κατὰ τὸν βίον λυπηρὸν ἐξ ὅλας δήποτ' οὖν αἰτίας προσεγένετο, ὡς αὐτὴ τοῦτο παθοῦσα διέκειτο καὶ θρήνοις καὶ οἰμωγαῖς ἐαυτὴν ἐξειδίδου, ὡς ἐκ τούτου μηδέποτε τοῖς ὀφθαλμοῖς αὐτῆς τῶν τῆς συμπαθείας δακρύων ὀραῖσθαι χωρὶς. ὡς γοῦν ἔμαθον τὴν ταύτης τελευταίαν καὶ λύπη ἀσχετῶ συσχεδεῖς μετὰ τὴν ὀδύνην ἐκείνην, λογισμὸς ἀμφιβολίας περὶ αὐτῆς ἐν τῇ διανοίᾳ μοῦ ἦλθε· τίνων ἄρα ἔτυχεν ἀμοιβῶν κατὰ τὸν αἰῶνα ἐκεῖνον, δεξιῶν ἢ ἀριστερῶν, καὶ εἰ ἀπάνατό τι τῆς τοῦ δικαίου ἔνεκα διακο-

νίας και καθαρᾶς λειτουργίας αὐτῆς, ἧς ἀμέ[μ]πτως αὐτῷ (f. 67 v) καθ' ἐκάστην διετέλει, ἡ οὐ. Καί ταῦτα κατὰ διάνοιαν στρέφων, ἐπορεύθη πρὸς τὸν ὄσιον και πρὸς τοῖς ἐκείνου τιμίους ποσὶ προπεσῶν μετὰ δακρύων θερμῶν αὐτὸν καθικέτευον ἀναγγεῖλαι μοι τὰ κατ' αὐτήν· πέποιδα γὰρ ἀληθῶς ὅτι καθαρῶς ἐπίσταται πάντα, ὡς γνήσιος θεράπων Χριστοῦ, καθὼς πείραν ἔσχον ἐκ διαφόρων σημείων περὶ αὐτοῦ. ὁ δὲ τὰ πρῶτα μὲν παντάπασιν ἀνεβάλλετο, ὥστε μὴ δηλώσαι μοί τι περὶ αὐτῆς, ὡς δὲ ἐνεκείμην ἐπὶ πλεῖον δεόμενος και ἐνοχλῶν αὐτὸν περὶ τούτου, κάκεινου μὴ θέλοντος εἰς τέλος λυπησαί με, μιᾷ τῶν ἡμερῶν ἔφη πρὸς με μειδιῶν τι και ἰλαρῷ τῷ προσώπῳ· Βούλει ἐν ἀληθείᾳ θεάσασθαι τὴν Θεοδώραν και οἶας καταστά[σε]ως ἔτυχεν; ἐμοῦ δὲ πρὸς αὐτὸν εἰρηκότος μετὰ θερμῆς προθυμίας· Ναι, τίμιε πάτερ, ἀλλὰ και ποῦ θεάσομαι αὐτήν ἀπαξ ἤδη μεταναστεύσασαν ἀπὸ τῶν προσκαιρῶν πρὸς τὰ αἰώνια; Ὁ μακάριος οὖν (f. 68 r.) φησὶ πρὸς με· ὄψει αὐτήν, τέκνον, μετὰ ἄληθείας, ὡς ἠτήσω, και τὸν πολὺσκυλτὸν σου λογισμὸν καταπαύσεις πληροφορηθεὶς τὰ περὶ αὐτῆς. Ἐμοῦ δὲ θαυμάζοντος και διανοουμένου, ἡ μᾶλλον εἶπεν ἀποροῦντος, πῶς ἀράγε και ποῦ αὐτήν θεάσομαι, πάνυ γὰρ ἐπόδου αὐτήν, ἐπεὶ κάκεινῃ σφόδρα με ἐφίλει πνευματικῇ διαθέσει βλέπουσα τὸν ὄσιον ὀπόσην στοργὴν πρὸς με τὸν ταπεινὸν ἐκέκτητο, διὰ τοῦτο ὡς εἴρηται λίαν με ἠνόηλει ὁ λογισμὸς περὶ αὐτῆς και ἐπόδου πληροφορηθῆναι. τῇ οὖν νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὰς τετυπωμένας εὐχάς, ὡς ἔθος μοι ἦν, ἐπὶ τῆς κλίνης μου ἀναπεσῶν ἐπὶ τῷ ὑπνώσαι, ἔρῳ τινὰ νεανίαν ἐληλυθότα πρὸς με και λέγοντά μοι· Ἀνάστα, δηλοῖ σοι ὁ ὄσιος πατήρ, ἐλθὲ τὸ τάχος, ἐπειδὴ ἀφικέσθαι ὀφείλω ἐν οἷς ἡ Θεοδώρα διατρίβει, εἴπερ ἄρα ἐπόδεις θεάσασθαι αὐτήν. ἐμοῦ δὲ πρὸς τῇ ἀγγελίᾳ ὀξέως ἀναπηδήσαντος, τεθέα (f. 68 v.) ταί μοι ὅτι εὐθέως παρεγενόμην ἐν τῇ οἰκίᾳ ἐνθα ὁ ὄσιος κατῴκει, και οὐχ' εὗρον αὐτὸν· πυνθανομένου δὲ μου περὶ αὐτοῦ, εἰρήχεσάν μοι τινὲς τῶν ἐκεῖ· ἀπεισι, λέγοντες, τὴν ποτε ὑπὴρῆτιν αὐτοῦ γενομένην θεάσασθαι Θεοδώραν· και μου πρὸς ταῦτα ἄθυμουντος, ὅτι οὐ κατέλαβον αὐτὸν ἵνα κάγῳ σὺν αὐτῷ πορευθεὶς θεάσωμαι αὐτήν, τίς τῶν ἐκεῖσε διεσάρησέ μοι τὴν ὁδὸν διδάξας με και τὰ γνωρίσματα αὐτῆς εἴτουν σημεῖα, δι' ἧς και πορευθεὶς καταν-

τήσω πρὸς τὰ ἐκεῖσε. Πορευόμενος οὖν ἐδόκουν ἐκείνην ἀπέναι τὴν ὁδὸν τὴν ἐπὶ τὸν θεῖον ναὸν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῶν Βλαχερνῶν ἀπάγουσαν· ὡς ἐπορευόμην χαίρων καὶ σπεύδων καταλαβεῖν αὐτόν, εὐρέθην αἰφνιδίως εἰς ἀνωφερές τι ἀνίων διαβατήριον λίαν στενώτατον, καὶ τοῦτο σὺν φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ πολλῇ διελθὼν, προσήγγισα πυλῶνι ἄγαν μετὰ ἀσφαλείας κεκλεισμένῳ, καὶ διὰ τινος ὁπῆς ἀτενίσας τοῖς ἔνδον εἰ (f. 69 r.) πῶς ἴδοιμι τινὰ τῶν ἐκεῖσε καὶ ὑπανοίξει μοι. ἦν δὲ ὁ οἶκος λίαν περικαλλῆς καὶ περιόδος, οὐ τὴν χτίσιν καὶ τὸ κάλλος οὐδεὶς δυνήσεται τῶν ἀνθρώπων διηγήσασθαι· οὐδέποτε γὰρ ἐν ὄλαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς μου ἰδεασάμην τοιοῦτον κάλλος καὶ τοιαύτην ποικιλίαν χτίσεως, εἴτε οἴκου τινός τῶν εὐαγῶν, εἴτε παλατίου τῶν ἀνακτόρων. καὶ ὡς ἐξιστάμην τοῦτον θεώμενος, ὄρθῳ ἔνδον δύο γυναῖκα πάνυ ὠραῖα καὶ σεμνὰ καδεζόμενα ἐπὶ τῶν ἀναβάθμων τῆς ἐκεῖσε κλίμακος πρὸς ἄλληλα διαλεγόμενα. φωνῶ οὖν μίαν ἐξ αὐτῶν διὰ τῆς αὐτῆς ὁπῆς τοῦ πυλῶνος, ἥτις καὶ ἀκούσασα τῆς φωνῆς μου ἀφίκετο πρὸς με. καὶ εἶπὸν πρὸς αὐτήν· Κυρία ἀδελφή, τίνος ἄρα ὁ περικαλλῆς οὗτος οἶκός ἐστιν; ἡ δὲ ἀποκριθεῖσα ἔφη μοι· Οὗτος ὁ οἶκος ἐν ὄρθῳ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν ἐστὶ Βασιλείου, ὃς καὶ ἦκεν ἄρτι πρὸ μικροῦ διαστήματος ἐνθάδε χάριν ἐπισκέψας (f. 69 v.) ψεῶς τῶν ἰδίων αὐτοῦ τέκνων. Περιχαρῆς οὖν πρὸς τὴν τοιαύτην ἀγγελίαν γενόμενος, λέγω πρὸς αὐτήν· Καὶ νῦν ἄρα, κυρία μου, ἐνθάδε τυγχάνει ὁ ὅσιος πατήρ ἡμῶν, ἡ πάλιν ἀπῆλθε τῶν ὧδε; Ἡ δὲ λέγει μοι· Ἐνθάδε ὑπάρχει. εἶπον γάρ σοι ὅτι ἐνταῦθα παραγέγονε χάριν ἐπισκέψεως ἡμῶν τῶν ἰδίων τέκνων αὐτοῦ. Ἔφη δὲ πάλιν· Κάγῳ πρὸς αὐτὸν ἱκετικῶς. δέομαί σου, ὦ κυρία μου, ἀνοῖξον δὴ κάμοι ὅπως εἰσελθὼν ὄψομαι καὶ προσκυνήσω αὐτόν, ἐπειδὴ κάγῳ παῖς αὐτοῦ τυγχάνω καὶ δι' αὐτόν ἐνταῦθα παρεγενόμην εἰ καὶ ἀνάξιός εἰμι. Ἡ δὲ λέγει πρὸς με· Οὐκοῦν καὶ αὐτὸς αὐτοῦ ὑπάρχεις; Ἐγὼ δὲ ἔφη· Ναι, κυρία μου, δούλος αὐτοῦ πέλω. Λέγει κάκεινη· Οὐδαμῶς σὺ ποτὲ ἐλήλυθας ὧδε καὶ πάλιν λέγεις ὅτι γνωστός αὐτοῦ ὑπάρχεις. ποῖῳ οὖν τρόπῳ ὑπανοίξω σοι τὰς πύλας ἀγνώστῳ τῶν ὧδε ὑπάρχοντι; ἀπαθὶ ἐντεῦθεν, καὶ γὰρ ἄνευ προστάξεως καὶ βουλής (f. 70 r.) τῆς κυρᾶς Θεοδώρας οὐδεὶς ἐνταῦθα εἰσέρχεται, διὸ κάγῳ οὐ δεδύνημαι ἄνευ ὑπομνήσεως αὐτῆς ὑπανοίξαι σοι ὄλως. κάμοῦ

πρὸς ταῦτα ἔτι πλέον θαρσοποιηθέντος καὶ ἰσχυρῶς θυροκροτοῦντος καὶ θαρσαλέως κράζοντος ἐπὶ τὸ ἀνοῖξαι, ἡ Θεοδώρα τῆς ὀχλήσεως ἔνδον ἐπαχροασαμένη προσήγγισε τῷ πυλῶνι ὥστε διὰ τινος ὀπῆς κατασκοπεῖσθαι καὶ ἰδεῖν τὸν ποιῶντα τὴν ὀχλήσιν. Ἔλεγε γὰρ πρὸς αὐτὴν ἡ ῥηθεῖσα γυνὴ ἣν προσεκαλεσάμην τοῦ ἀνοῖξαι μοι, ὅτι ξένος τις τῶν ὧδε προσεγγίσας τῷ πυλῶνι ὀχλεῖ με τοῦ ὑπανοῖξαι αὐτῷ. ὡς δὲ ταῦτα ἤκουσε παρ' αὐτῆς ἡ τιμία τῷ ὄντι καὶ μακαρία Θεοδώρα, ἰδοῦσά τε καὶ ἀναγνωρίσασά με, ὄξυτάτῃ φωνῇ ἔφη πρὸς αὐτήν· ἀνοῖξον, ἀνοῖξον τάχιον, ὁ γὰρ ἀγαπητὸς τοῦ κυρίου μου Γρηγόριός ἐστιν οὗτος· αὐτῆς δὲ παρευδὺς τὰς θύρας ἀνεωξάσης διὰ τάχους, εἰσῆλθον ἔνδον. ἡ δὲ κυρὰ Θεοδώρα συναντήσασά μοι (f. 70 v.) καὶ περιπλακείσα χαρᾶς ἀφάτου πεπληρωμένη, γνησίως κατησπάζετο καὶ ἐπευφραινομένη πρὸς με φίλτατα διελέγετο καὶ φησί· Τίς ἄρα ἐστὶν ὁ ἀποκαταστήσας σε τοῖς ὧδε, γλυκύτατόν μου τέκνον Γρηγόριε, ἀπὸ τοῦ ματαιίου κόσμου ἐκείνου πρὸς τὴν ἀνέστερον ἡμέραν ταύτην; μὴν ἄρά γε τετελεύτηκας ὅτι ἐνταῦθα παραγέγονας, ἐλευθερωθεὶς τῶν τοῦ κόσμου ἐκείνου ματαιῶν φροντίδων, καὶ πρὸς τὴν μακαρίαν ταύτην διαγωγὴν καταντήσας; Ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα ξενιζομένου καὶ παντελῶς ἀγνοοῦντος τὰ παρ' αὐτῆς μοι λεγόμενα, τίνα εἶεν, οὐ γὰρ ἐδόκουν ἐν ἐκστάσει με εἶναι ἐκεῖσε καὶ νοερῶς ὄραν τὰ γινόμενα, ἀλλ' ὡς ὑπαρ καὶ ἐν αἰσθητοῖς ὀφθαλμοῖς βλέπειν ταῦτα, λέγω πρὸς αὐτήν· Κυρία μου ἀμμάς, ἐγὼ ἀκμὴν οὐκ ἐτελεύτησα, ἀλλὰ τῇ εὐχῇ καὶ ἀντιλήψει τοῦ ὀσίου πατρὸς ἡμῶν ἔτι τῷ βίῳ παροδεύων εἰμί. σοῦ δὲ χάριν ἐλήλυθα καὶ τοῖς ἐνθάδε παραγέγονα, ὅπως ἴδω σου τὸ τίμιον πρό (f. 71 r.) σῶπον καὶ μάθω ἐν ποίῳ κλήρῳ καὶ τόπῳ κατήνησας. πάνυ γὰρ ἐπεπόθουν, ἀφ' ἧς ἡμέρας κατέλιπες ἡμᾶς, μαθεῖν περὶ τούτου· ἀξίῳ οὖν διηγήσασθαι μοι πάντα φιλαλήθως καθ' εἰρμόν. λέγε οὖν, κυρία μου, πῶς τε τὴν τοῦ θανάτου βίαν ὑπέξῆλθες, πάντα τῆς πονηρίας ἐν τῷ ἀέρι παρῆλθες πνεύματα, πῶς διέδρας τὴν ἐκείνων κακομήχανον κακουργίαν καὶ πῶς νῦν ἔχεις, καὶ μετὰ τίνων συνδιάγεις; Ἐπίσταμαι γὰρ μερικῶς ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς περὶ τῶν τῆς πονηρίας πνευμάτων, μέλλω γὰρ καὶ αὐτὸς μετ' ὀλίγον καταλύειν τὸν βίον. Ἡ δὲ ἀπεκρίνατό μοι λέγουσα· ὦ τέκνον μου ἡγαπημένον κυρί Γρηγόριε, περὶ

τινων, φεῦ μοι, ἠρώτησας καὶ ἀνέμνησας; τί γάρ σοι ἔχω εἶπεν περὶ τῶν τριούτων; Ἠλιγγιᾶ μου ἢ ψυχὴ καὶ ὁ νοῦς πρὸς μόνην τὴν ἐκεῖνων ἀνάμνησιν, καὶ περιδεῆς καὶ κατώδυνος καὶ ὅλον ἄφρονος καὶ νενεκρωμένη καθίσταμαι, καὶ δέδια κἀν φιλῶς αὐτὰ ἀναλογίσασθαι καὶ ἀναζωγραφῆσαι (f. 71 v.) τῇ διανοίᾳ μου, μὴ πως αὐτὸς τοῖς αὐτοῖς περιπέσω· ἀλλ' ἐπεὶ τὸν ἀπαξ ἀποθανόντα καὶ πρὸς τὴν τῶν ζώντων χώραν καταντήσαντα οὐδὲν τούτων καταβλάπτειν πέφυκε, λέγω καὶ λέξω ταῦτα ὡς δύναμις, εἴπερ δὴ καὶ ἐγχωρεῖ διηγηθῆναι ἢ φύσις αὐτῶν· κατὰ μὲν γὰρ τὰς πράξεις μου καὶ τὰ ἔργα πάντα μοι δεινὰ καὶ χαλεπὰ συνηντήκασιν, κατὰ δὲ τὴν ἀντίληψιν καὶ βοήθειαν τοῦ ὀσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τὰ βαρῆα ἐλαφρά μοι γέγονασιν καὶ τὰ δύσκολα εὐκόλα καὶ τὰ σχολιά εὐθεῖα· καὶ ἀπλῶς εἶπεν ἐκεῖνου ἐπιστατήσαντος τοῖς συμβεβηκόσι μοι, τὰ δυσχερῆ πάντα εἰς ἀγαθὸν ἔληξαν· καὶ ἵνα τὸ πᾶν συνελθῶν εἴπω, ὁ ζῶ, δι' ἐκεῖνου ζῶ καὶ ὧν ἠξιώθην, ἐκεῖνου πάντα εἰσὶ. καὶ χάρις τῷ ἀγίῳ θεῷ τῷ ἐλεήσαντι ἡμᾶς καὶ τοῦτον ἡμῖν παρασχομένῳ θερμὸν ἀντιλήπτορα καὶ βοηθὸν ἐν ποικίλαις περιστάσεσιν· Ὅποταν γὰρ ἐμελλον τελευτᾶσαι (f. 72 r.) τῆσαι καὶ ἦλθον εἰς τὸ χωρισθῆναι τοῦ ἐλεεινοῦ καὶ πολυπαθοῦς μου σώματος, πῶς ὑπαγορεύσω, τέκνον γλυκύτατον, τοῦ θανάτου τὸν πόνον, ποίαν ἀνάγκην κέκτηται, πεταπὴν βίαν, πληκτικὴν δριμύτητα ἐξ ἀπέιρου ὀδύνης καὶ στενώσεως λυγρᾶς, μέχρις ὅτου ἐξέλθῃ ἢ ψυχὴ ἐκ τοῦ σώματος; Τηλικούτος πόνος πιέζει τὸν τελευτῶντα, οἷος ὅποταν τις βάλλῃ γυμνώσας ὅλον τὸ σῶμα αὐτοῦ ἐπ' ἀνθράκων πυρὸς εἰς πλῆθος ἐστρωμένων ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἐκ τοῦ καθ' ἑνὸς πιτρώσκειται τῇ δριμείᾳ πυρκατᾶ καὶ πικρῶς φέρει τὸν κίνδυνον καὶ οὕτω λοιπὸν τηκόμενος διαλύεται καὶ ἀπολέγεται τὴν ψυχὴν· τοιοῦτός ἐστιν, ὦ τέκνον, πικρὸς ὁ θάνατος, καὶ μᾶλλον τῶν ὁμοίων ἐμοὶ ἁμαρτωλῶν· περὶ δὲ τῶν δικαίων ὁποῖος ἵνα χρηματίζῃ, οὐκ ἐπίσταμαι. ἐγὼ γὰρ ἢ ἀθλία καὶ ταλαίπωρος τῶν ἁμαρτιῶν ἐργαστήριον ἐχρημάτισα· ὅταν οὖν ἐψυχορράγουν, ἑώρων καθαρῶς πλήθη αἰθιόπων τῆς κλί (f. 72 v.) νης μου κύκλῳ περιστῶτα ὄχλοποιούντων, θορυβουμένων, δόλους καὶ ματαιότητος ἀθέσμους εἰσπράττοντας, ὠρυσμένους ὡς κύνας καὶ λύκους, ἀπηγρωμένους ὡς θάλασσαν πικράν, συμβιβασμούς ψευδεῖς ἐπιφέροντας, βομβάζοντας, λυσσω-

δοῦντας, κραυγάζοντας, ὑλακτοῦντας, γρύζοντας ὡς χοίρους, ἔρευ-
 νῶντας τὰ ἔργα μου, χάρτας ἐν χερσὶ περιφέροντας, διαστρέφοντας
 χλευαστικῶς τὰ μελανὰ ἐαυτῶν ζοφώδη τε καὶ σκοτεινὰ πρόσωπα,
 ὧν ἡ θεωρία καὶ μόνη φρικωδεστάτη καὶ πικροτέρα μοι ἐφαίνετο καὶ
 αὐτῆς τῆς γεέννης τοῦ πυρός· κρεῖσσον γὰρ ἦν ἕνα ζῶν τις εἰς αὐτὴν
 ἐμπέση τὴν τοῦ πυρός γεένναν, ἢ ἕνα τοιαῦτα ἀκούη καὶ ὄρᾳ. τούτοις
 οὖν τοῖς χαλεποῖς ὁράμασιν ἀηδιζομένης, οὐκ ἤρκει μοι ἡ τοῦ θανά-
 του ἀφόρητος ὀδύνη καὶ πικρία, ἀλλ' εἶχον σὺν αὐτῇ καὶ τὴν τοιαύ-
 την συμφορὰν. τί οὖν γίνεται; ἀποστρεφομένης μου τὸ ὄμμα ἔνθεν
 κάκειθεν τὰς βδελυρὰς αὐτῶν καὶ ἐπαράτους θεωρίας καὶ ἀλλαχόσε
 (f. 73 r.) τὸ νοερόν τῆς ψυχῆς βλέμμα πεταζούσης, ὅλως γὰρ οὐχ'
 ὑπέφερον βλέπειν ἢ ἀκοῦειν τῶν μιαρῶν ἐκείνων τὰ θρυλλήματα,
 ὄρῳ ἐξαίφνης δύο τινὰς νεανίσκους ὠραίους τῷ κάλλει ἄρτι εἰσπη-
 λυθότας πρὸς με, θριξὶ χρυσαῖς γεγανθυμένους τὰς κεφαλὰς, λευκοὺς
 ὡσεὶ χιών, γλυκυτάτους ἄγαν εἰς τὸ ὄρασθαι, περιβεβλημένους ἑσθη-
 τας ἀστραπτούσας, ἐληλυθότας εἰς τὰ δεξιὰ μέρη τῆς κλίνης ἐν ἣ
 κατεκείμεν, καὶ ἔστησαν πλησίον μου μυστηριωδῶς τινὰ πρὸς ἀλ-
 λήλους διαλεγόμενοι. λέγει οὖν εἰς ἐξ αὐτῶν τοῖς μελανοῖς καὶ ζο-
 φεροῖς ἐκείνοις αὐστηρᾶ τῇ φωνῇ· ὦ ἀθέμιτοι καὶ ἀμαυροὶ καὶ ἐπά-
 ρατοι καὶ σκοτεινοὶ καὶ δυσμενέστατοι, δι' ἣν αἰτίαν ἔθος ἔχετε πονη-
 ρότατοι ἐπειγέσθαι καὶ προτρέχειν ἐπὶ πάντας ἀνθρώπους ἐκ τοῦ
 ματαίου τούτου βίου μεταναστεύοντας, ἐκταράττειν τε καὶ θορυβεῖν
 αὐτοὺς φλυαροῦντες καὶ ἀλαλάζοντες καὶ δεινῶς ὀχλοθουρβούμενοι;
 ὦ λοιμοὶ, ἀπηγριωμένοι καὶ ἀναιδέστατοι, ἄφρονες (f. 73 v.), ἀκόρε-
 σται καὶ μισάνθρωποι, μὴ πλεῖστα εὐφραίνεσθε, ὧδε γὰρ τίποτε
 οὖν οὐ λαγγάνει ὑμῖν, οὐκ ἔστιν ὑμῖν ἐνταῦθα μερὶς ἢ κλῆρος, εἰ μὴ
 μόνον ὅτι συνδεδραμήκατε, καὶ πάλιν ἀπελεύσεσθε διακενῆς ἀπρακ-
 τοι. Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια τοῦ φωτοειδοῦς ἐκείνου καὶ θείου
 νεανίσκου τοῦ ὠραίου τῷ ὄντι μελλιρύτως κελαδοῦντος, οὗτοι δὲ εἴ-
 τι ἂν ἐπραξα ἐκ νεότητός μου ἢ ἐν ἔργῳ ἢ ἐν λόγῳ, ἔφερον πάντα
 εἰς τὸ μέσον καὶ φωνὰς ἠφίουν ὡς ἐπ' ἀληθείας παράφρονές τινες
 καὶ παρεστραμμένοι καὶ ἐξεστηχότες· Οὐδὲν κεκτήμεθα, λέγοντες, ὡς
 ἔφης ἡμῖν, καὶ τὰ τοιαῦτα ἀμαρτήματα τίς ἐχειργάσατο ἀπὸ νεότητος;
 τούτων τοιγαροῦν καὶ ἄλλων παρ' αὐτῶν φληναφουμένων, λοιπόν

περιέμενον τὸν θάνατον· ἦκεν οὖν ἄφνω κάκεινος, καὶ ἦν τῇ ιδέα ποτὲ μὲν ὡς λέων ὠρυόμενος, ποτὲ δὲ ὡς νεανίσκος βάρβαρος θρασὺς ἀνεσταλμένος, ξίφη παντοδαπὰ βαστάζων ἐν ταῖς χερσὶ (f. 74 r.), μαχαίρας, δρέπανα, πρίονας, λαξευτήρια, ὀβελίσκους, σκέπαρνα, ἀξίνας καὶ ἕτερα πλεῖστα καὶ φοβερὰ τιμωρητικὰ ὄργανα δι' ὧν μεθοδεύει καὶ μετέρχεται τοὺς παμποικίλους τρόπους τοῦ ἐπὶ πάντας ἀνθρώπους ἐνός θανάτου· ὃν θεασαμένη ἡ ταπεινὴ καὶ ταλαίπωρός μου ψυχὴ, τρόμφω καὶ φόβῳ ἀκατασχέτῳ περιελήφθη· λέγουσιν αὐτῷ οἱ ὠρατοὶ ἐκεῖνοι νεανίαί· Τί ἐστήκας; λύσον τὰ δεσμὰ, μέσος τε χρῆσαι· οὐ γὰρ ἔχει πολὺ βᾶρος ἁμαρτιῶν· προσελθὼν οὖν ἐν σμικροτάτῳ λαξευτηρίῳ, ἐχρήσατό μου τοῖς ποσίν, εἶτα καὶ ταῖς χερσὶ, πᾶσαν μου ἁρμονίαν ἐλκύσας καὶ ἐξαθρῶσας τοὺς εἰκοσὶ μου φημί ὄνυχας· παραυτίκα οὖν ἐνεκρῶθησάν μου αἱ χεῖρες καὶ οἱ πόδες καὶ οὐχ ὑπῆρχον κεκτημένη, τέκνον, οὔτε χεῖρας οὔτε πόδας, οὔτε ἡδυνάμην ὅλως πρὸς μικρὸν κινήσαι τι μέρος τούτων ἀπὸ τοῦ πόνου ἐκείνου τοῦ πικροτάτου· καὶ μετὰ ταῦτα προσελθὼν (f. 74 v.) ἐν σκεπάρνῳ ἀπέτεμέ μου τὸν αὐχένα, καὶ οὐκέτι ἡδυνάμην κινήσαι μου τὴν κεφαλὴν, ἀλλοτρία γὰρ μοι ἐτύγχανε· λοιπὸν οὖν κεράσας τὸ ποτήριον, τὸ τί δὲ ἦν ἡγνόουν, δίδωσί μοι πιεῖν· καὶ ὡς ἐπὶ θεῷ μάρτυρι, τοσοῦτον ἦν πικρὸν, ὧ τέκνον, ὡς μετὰ τὸ πιεῖν με αὐτὸ ὤθησεν ἑαυτὴν ἡ ψυχὴ μου βία φρικωδεστάτη καὶ ἀπέστη τοῦ σώματος· οἱ δὲ ὠρατοὶ ἐκεῖνοι νεανίαί ἐξεληθούσης αὐτῆς τῷ ροῖζῳ τοῦ φαινομένου μοι καταπετάσματος τῶν χλαϊνῶν αὐτῶν ὑπεδέξαντο αὐτήν· ἐν τῇ καρδίᾳ τοῦ ἀνθρώπου τὸ πᾶν ἀνάκειται τῆς ψυχῆς, ἐν δὲ τῷ νοῖ τὸ πνεῦμα· ὡς δὲ ὑπεδέξαντό με ἐκεῖνοι, ὠρώμην τὸ σκῆνωμά μου ἐνθα ἐκεῖτο ἄπνουν νενεκρωμένον, ἀκίνητον καὶ ἀνεκέρητον, καὶ ἐξισταμένη ἐθαύμαζον, ὡς ἂν εἶπης, εἴ τις τὸ ἑαυτοῦ ἀποδυσάμενος ἱμάτιον ἴσταται κατανοῶν αὐτά· καὶ θαμβουμένη ἔλεγον· Βαβαί· πόθεν ἂν βεβαίως ἠπιστάμην ἐγὼ ὅτι (f. 75 r.) οὕτως τὰ τσιαῦτα δεινὰ ὠκονόμηνται κατὰ τὸν ἐλεεινὸν καὶ ταπεινὸν ἀνθρώπον· καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον ἐν ἑαυτῇ, ὄρω καὶ ἰδοὺ περιεκύκλωσε τοὺς κατέχοντάς με θεῖους νεανίας, ὡσπερ σμηῆνος μελισσῶν, οἱ ζοφώδεις καὶ ἀπηγριωμένοι ἐκεῖνοι αἰθίοπες φάσκοντες ἐν ἀλαλαγμῷ μεγάλα καὶ φοβερὰ λίαν πταίσματα αὐτῆς κεκτήμεθα, πλεῖστα οὖν

δέον ἐστὶν ἀπηλογήσασθαι ἡμῖν περὶ αὐτῶν. Καὶ δὴ ἐξηρεῦνουν οἱ θεοὶ ἐκεῖνοι νεανίσκοι τὴν ἐργασίαν τῶν ἀγαθῶν μου ἔργων, εἰ ποὺ περίεστιν ἐν αὐτοῖς εὐρηκέναι ἔργον ἀγαθόν, καὶ γὰρ χάριτι Χριστοῦ εὕρισκον ἱκανὰ ἄτινα ἐκλεγόμενοι ἀντέφερον καὶ δι' αὐτῶν ἐδικαιο-
 λογοῦντο πρὸς ἕν ἕκαστον τῶν ἁμαρτιῶν μου, ὧν οἱ δαίμονες προε-
 βάλλοντο, καὶ εἰς τὸ παραλαβεῖν δικαιώματα ἐπέφεροντο· ἤγγουν
 εἶποτε δέδωκα πεινῶντι ἀδελφῷ κλάσμα ἄρτου, εἶποτε ἐπότισα τινὰ
 διψῶντα (f. 75 v.) ποτήριον οἴνου ἢ ψυχροῦ ὕδατος, εἶποτε ἐβάδισα
 πρὸς ἐπίσκεψιν ἀδελφοῦ ἢ πρὸς τινὰ τῶν ἐν δεσμοῖς καὶ ἐν φυλακῇ,
 εἶποτε ἐβαλον βήματα πνευματικά ἀπιέναι εἰς ναὸν Θεοῦ χάριν τοῦ
 προσεύξασθαι, εἶποτε ἐβαλον ἔλαιον ἐν τῇ κανδήλῃ εἰς φωταψίαν
 τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν καὶ θείων εἰκόνων, εἶποτε μαχομένους εἰρή-
 νευσα, εἶποτε ἀνέστην νυκτὸς ἀπὸ τῆς κλίνης μου εἰς προσευχὴν
 καὶ γονυκλισίας ἐποίησα, εἶποτε ἐξέγεα δάκρυον πρὸς Κύριον τὸν
 Θεόν μου ἐστῶσα ἐν προσευχῇ, εἶποτε ὑβρίσθην καὶ ὑπέμεινα, εἶποτε
 ἐνίψα ἀδελφοῦ πόδας τὴν ὑφοπιὸν ταπεινῶσιν ἀσπαζομένη κατὰ
 Θεόν, εἶποτε λόγους ἀγαθοὺς εἰς τὸ ἀγαθὸν ἀστήρικτον ἐστήριξα καὶ
 ὀλιγόψυχον παρεκάλεσα πρασάτω λόγῳ, εἶποτε ἀπέστρεψά τινα ἀπὸ
 ἁμαρτίας, εἶποτε ἐστέναξα ἐν ἀλλοτρίᾳ κακώσει καὶ βιωτικῇ συμ-
 φορᾷ καὶ περιστάσει καὶ συνελυπήθην λυπούμενῳ (f. 76 r.) τινὶ καὶ
 περὶ ὑπομονῆς καὶ εὐχαριστίας αὐτῷ συνεβουλευσάμην, εἶποτέ τι
 συνέργησα εἰς ἔργον πνευματικόν καὶ σωτήριον, εἶποτε προσεκύνησα
 Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἀμετεωρίστῳ τῆς ψυχῆς ὀμματι διὰ νηστειῶν καὶ
 χαμευνειῶν κακοπαθοῦσα καὶ τρύχουσά μου τὸ σῶμα εἰς τὸ ὑποτάξαι
 καὶ κατευνάσαι τὰ τούτου σκιρτήματα, εἶποτε νηστεύουσα ἀπέστρεψά
 μου τὸ πρόσωπον σὺν τῷ νοί ἀπὸ πάσης ματαιίας θεωρίας καὶ ἐκλεισά
 μου τὸ στόμα ἀπὸ πάσης ἀργολογίας καὶ αἰσχρολογίας, λοιδορίας τε
 καὶ καταλαλιᾶς καὶ ψεύδους, εὐτραπείας τε καὶ ἐπιπορκίας, καὶ
 ἀπλῶς εἶποτέ τι ἀγαθὸν ἔργον καὶ δίκαιον διεπραξάμην οὔσα ἐν τῷ
 κόσμῳ ἐκεῖνῳ, ἐκλεγόμενοι ἐστάθμιζον αὐτὰ μετὰ τῶν ὑπ' ἐμοῦ
 πεπλημμελημένων πάλαι ἁμαρτιῶν καὶ καθ' ἕνα ἕκαστον ἐξωρίζοντο.
 Τούτων οὖν ἐν τούτῳ ἀσχολουμένων, μεγάλως μου οἱ αἰθίοτες
 ἐκεῖνοι καὶ σκοτεινοὶ δαίμονες κατεξανίσταντο, συμβάλλοντες τοῖς
 φαινοῦς ἀγγέ (f. 76 v.) λοις τοῦ Θεοῦ, πειρώμενοι τῶν ἁγίων καὶ

ἀχράντων ἀγκαλιῶν ἀφαρπάσαι με καὶ εἰς πυθμένα ἄδου κατενεγκεῖν. Ἐν δὲ τῷ ταῦτα οὕτως ὑπ' αὐτῶν μεταξύ τελείσθαι, προσέσχον, καὶ ἰδοῦ ἦκεν ὁ κύριός μου καὶ μέγας θεράπων Θεοῦ Βασιλεῖος καὶ φησὶ τοῖς ὠραίοις ἐκείνοις καὶ εὐειδέσιν νεανίσκοις τοῖς ὑπὲρ ἐμοῦ ἀγωνιζομένοις· Κύριοί μου, αὕτη ἡ ψυχὴ ἐμοὶ προσκεκλήρωται, ἐμοὶ γὰρ ἐπὶ πολὺ διηκόνησεν ἀναπαύσασά μου τὸ γῆρας· οὐκοῦν εἰδείθην τοῦ Κυρίου περὶ αὐτῆς, καὶ ἐδώρησατό μοι αὐτὴν ἢ αὐτοῦ ἀγαθότης. ἐκβαλὼν δὲ ἀπὸ τοῦ κόλπου αὐτοῦ βαλάντιον κόκκινον χρυσοῦ καθαροῦ μεστόν, δίδωκε τοῖς δυσὶ νεανίσκοις καὶ φησὶ πρὸς αὐτούς· Δέξασθε ταῦτα καὶ δι' αὐτῶν ἐξωνήσασθε ταύτην ὅποτε ἐν τοῖς τελωνίοις τοῦ αἵερος διέρχεσθε· ἐγὼ γὰρ χάριτι Χριστοῦ πλοῦσιος σφόδρα κατὰ ψυχὴν τυγχάνω· ταῦτα δὲ κόποις ἰδίους καὶ ἰδρωσὶ συναΐξας, ἀποχαρίζομαι αὐτῇ, ἵνα δι' αὐτῶν τὰ μέλλοντα αὐτῇ συναντᾶν χρεῖα ἐκ τῶν πνευμάτων τῆς (f. 77 r.) πονηρίας ἐλευθερῆτε. Καὶ ταῦτα εἰπὼν παρασχὼν τὸ δόμα ᾤχετο, οἱ γοῦν ἀμαυροὶ ἐκεῖνοι καὶ ζωφωμένοι δαίμονες θεασάμενοι τὸ γεγονός ἐξέστησαν καὶ στυγνάσαντες ἐπὶ πολλὴν ὥραν ἄφωνοι καὶ ἔννοιοι γεγονότες, καὶ τῶν ἐλπίδων αὐτῶν ἀστοχῆσαντες καὶ θρησθέντες, σὺν βοῇ καὶ ὀλολυγμῇ ᾤχοντο. Τούτων τοίνυν δραπεταυσάντων καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν ἡμῶν γεγονότων, ἰδοῦ πάλιν ἦκεν ὁ κύριός μου Βασιλεῖος, κεράμια ἄπειρα καθαροῦ ἐλαίου ἀνάπλευα ἐπακομιζόμενος πρὸς ἡμᾶς· οἱ δὲ ταῦτα ἐπιφερόμενοι σὺν αὐτῷ νεανίσκοι σεμνοὶ καὶ ὠραῖοι τῷ κάλλει εὐτυχανον. προστάσσει οὖν αὐτούς ὁ ὄσιος, καὶ ἀνοίγουσι τὰ κεράμια καὶ ἐξέχεον τὸ ἔλαιον, ἢ μᾶλλον εἶπεῖν τὸ ἔλαιον ἐνός ἐκάστου ἀγγους ἐπὶ τῆς κεφαλῆς μου, καὶ γέγονα ὅλη πλήρης ἐλαίου καὶ ἐλεμოსύνης καὶ εὐωδίας πνευματικῆς, καὶ ἐκαθαρίσθη τὸ πρόσωπόν μου λίαν, καὶ κατενόουν ἐμαυτὴν λαμπρὰν καὶ φαιδρὰν σφόδρα καὶ εὐφροσύνης θείας ἀνάπλευν. Ἐφη οὖν ὁ ἐκλεκτός κύριος καὶ κοινός πατήρ (f. 77 v.) ἡμῶν Βασιλεῖος τοῖς ἐμὲ ἄγουσιν ἐκείνοις ὠραίοις νεανίσκοις οὕτω λέγων· Κύριοί μου καὶ σύνδουλοι, ὀπηνίκα τὰ καθήκοντα ἐπὶ τὴν ψυχὴν ταύτην τελείσητε, ἐπὶ τὴν ἐμὴν προευτρεπισμένην καὶ ἠτομασμένην παρὰ Κυρίου θεῖαν κατάπαυσιν ἐκείσε αὐτὴν καταθησαυρίσατε· καὶ ταῦτα εἰρηκώς, ἀπέστη ἀπὸ προσώπου ἡμῶν Ἄραντες οὖν με οἱ ὠραῖοι ἐκεῖνοι νεανίσκοι καὶ κουφίσαντες ἀπὸ τῆς

γῆς τοὺς ἁγίους καὶ πυροειδεῖς πόδας αὐτῶν, ὡσανεὶ νεφέλαι ἢ πλοῖα ἐπὶ θαλάσσης ὑπὸ ἀνέμων ἐλαυνόμενα, οὕτως ἐκεῖνοι ἐπὶ τὰ ἄνω τὴν πρὸς ἀνατολὰς ὁδὸν ἐπὶ τοῦ αἰθέρος κούφως ἐμὲ κατέχοντες ἐπορεύοντο. Ἄνερχόμενοι οὖν ἐπὶ τὰ πρόσω, συναντῶμεν τῷ τηκηκαῦτα πρώτῳ ἐμβανισθέντι ἡμῖν ἐν τῇ πρὸς οὐρανοὺς πορείᾳ τελωνίῳ ὅπερ ἐλέγετο εἶναι τῆς καταλαλιᾶς ἣν τε ἐν αὐτῷ συναγωγῇ ἐκεῖ πλείστη καὶ πονηρὰ αἰθιόπων, καὶ ὁ ἔξαρχος αὐτῶν ἦν προκαθεζόμενος (f. 78 r.) ἐν πονηρίᾳ καὶ μανίᾳ πολλῇ. Καὶ εὐθύς καταντήσαντες ἐκεῖσε, ἔστημεν· καὶ μάρτυς ἡ ἔφορος δίκη, ὡ τέκνον Γρηγόριε, εἴ τινος ὡς ἄνθρωπος ἐπὶ τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ βίῳ κατελάλησα ἢ κατὰ πρόσωπον παρρησιασαμένη αὐτὸν ἐξύβρισα, καὶ τὸ πρόσωπον καὶ τὸν χρόνον καὶ τὴν ἡμέραν καὶ τὴν ὥραν, ἐν ἧ ταῦτα πρὸς τινα κατὰ πρόσωπον ἢ καθ' ἑαυτὴν ἐλάλησα, εἰς πρόσωπόν μου ἔφερον οἱ πονηρότατοι καὶ αὐτὰ τὰ ῥήματα· πολλὰς οὖν καὶ ψευδῆ κατ' ἐμοῦ κατεμαρτύρουν ψευδεπιπλάστοις ῥήμασιν ὡς ἀπὸ ὑπονοίας πονηρᾶς, ἅτινα οὐκ ἐπιστάμην ὅπως ὡς μὴ παρ' ἐμοῦ λαληθέντα· τὰ γὰρ ἐν ἀληθείᾳ εἰσφερόμενα πρὸς ἔλεγχόν μου, καθαρῶς ἐγίνωσκον καὶ αἰσχυρόμην καὶ ὅλη τῷ φόβῳ συνεστελλόμεν, ἀλλὰ καὶ πολλὰς ἐξ ἀγάπης πνευματικῆς σκοπῶ τοῦ διορθώσασθαι ἰσως τὸν σφαλόμενον ἀδελφόν ἢ ἐξ ἀπλότητος ἀπὸ συμπαθείας, μὴ γινώσκουσα ὅτι κρίματα εἰσὶ (f. 78 v.) ταῦτα, τινὲς ἐλάλησά τι, πάντα οὐ μόνον τὰ ἐμπαθῶς, ἀλλὰ δὴ καὶ τὰ ἐξ ἀπλότητος εἰς μέσον ἤγαγον πρὸς κατηγορίαν μου καὶ ὑπὲρ τούτων πάντων ἀπολογήσασθαι τοὺς εἰσφέροντάς με ἁγίους καὶ ὡραίους νεανίας σφοδρῶς διετεινόντο. Ἀπολογησαμένων οὖν αὐτῶν περὶ τὴν ζήτησιν τῶν ψευδῶς κατηγορουμένων μοι παρ' αὐτῶν, ἀπολυόμεθα τοῦ ζητήματος· καὶ γὰρ ὡς ἰστός ἀράχνης τὰ ψευδῶς λεγόμενα διελύοντο. μηδὲν οὖν ἐχόντων ἡμῶν ἀπολογεῖσθαι αὐτοῖς περὶ τῶν ἐν ἀληθείᾳ λεγομένων παρ' αὐτῶν καὶ δικαίως ἐλεγχόντων με τὴν ταλαίπωρον, ἐξαγαγόντες οἱ ἐμὲ ἐπιφερόμενοι φωτοειδεῖς ἐκεῖνοι νεανία ἀπὸ τῆς δωρεᾶς τῆς δοθείσης μοι παρὰ τοῦ κυρίου καὶ πατρὸς ἁγίου μου Βασιλείου ἐπιδεδώκασιν αὐτοῖς τὸ ἱκανόν· καὶ οὕτως σὺν Θεῷ παρήλθομεν τούτους εὐθέως καὶ πρὸς τὰ ἀνώτερα τὴν πορείαν ἐποιούμεθα

(f. 79 γ.) Εἶτα φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔφασκον εἶναι τῆς λαιδορίας· κάκει οὖν πάλιν ὁμοίως τοῖς ἐν τῷ προτέρῳ τελωνίῳ δράσαντες καὶ ἀπολογησάμενοι ἀπὸ τῶν προσόντων ἡμῖν ἀγαθῶν πράξεων τε καὶ θείων δωρεῶν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, καὶ τούτους ἀβλαβῶς διήλθομεν, ἐν ὅσῳ δὲ ἀνηρχόμεθα πρὸς ἀλλήλους κοινολογούμενοι οἱ ἐμὲ ἐπιφερόμενοι ἔλεγον· "Ὀντως μεγάλη εὐηργέτηται ἡ ταπεινὴ αὐτῆ ψυχὴ ὑπὸ τοῦ θεράποντος Κυρίου μεγίστου Βασιλείου, ἐπεὶ βία μεγάλη ὑπεμείναμεν ἂν τὰς ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας τοῦ αἵματος τούτου διερχόμενοι.

Ταῦτα δὲ πρὸς ἀλλήλους διαλεγόμενων ἐκείνων, φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι φθόνου, χάριτι δὲ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ μηδὲν κεκτημένων ἐν ἐμοὶ τούτων τῶν ματαίων ἀρχόντων τοῦ σκότους κατηγορῆσαι μου, οὐδὲ γὰρ ἐμεινήμεν πώποτε ὅτι ἐφ'(f. 79 ν.) θόνησά τινα ἐν τῷ κόσμῳ ἔτι διάγουσα, εὐφραϊνόμενοι καὶ τούσδε διέβημεν· ἔτριζον οὖν κατ' ἐμοῦ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν οἱ ἀπηγριωμένοι ἐκείνοι καὶ παμβέβηλοι αἰθίοπες ὡς εἰκάζειν με ὑπ' αὐτῶν ὅσον οὕτω καταποθήσεσθαι με συνάμα τοῖς ἐπιφερομένοις με καὶ ὡσεὶ ζῶντας καταταπιεῖν.

"Ἐτι οὖν ἀνωτέρῳ προβιβαζομένων ἡμῶν, πολὺ γὰρ ἦν καὶ ἀνεύκαστον τὸ πλῆθος τοῦ ὕψους οὐπερ ἀνηρχόμεθα, συναντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τοῦ ψεύδους· ὑπῆρχον οὖν ἐκεῖσε ἠθροισμένοι πλεῖστοι αἰθίοπες, ὧν τὰ πρόσωπα βδελυρὰ καὶ ἀπηγριωμένα σφόδρα, ὁ δὲ ἀρχων τούτων καὶ ἀρχηγὸς τοῦ ψεύδους ὁμοῖος αὐτοῖς ἐν δολιότητι· οἳτινες ἰδόντες ἡμᾶς ὀξέως κατ' ἡμῶν ἐπανέστησαν καὶ ἐξῆλθον εἰς συνάντησιν ἡμῶν θορυβοῦντες ἡμᾶς σφόδρα· καίτοι γε πρότερον ἡμῶν πρὸς αὐτοὺς, ὡς ἔθος, αὐτομολησάντων, φέροντες (f. 80 γ.) καὶ ὑποδεικνύντες ἡμῖν ἅπαν ψεῦδος λαληθὲν ὑπ' ἐμοῦ τῆς ἀθλίας ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ μετὰ καὶ τινῶν σημείων καὶ ἀποδείξεων, τὰ τε τῶν προσώπων ὀνόματα καὶ τοὺς καιροὺς καὶ τόπους ἐν οἷς ὡς μία· πολλάκις τῶν ἀφρόνων ἐν γυναιξὶ κατὰ τινος ψευδῶς ἐλάλησα καὶ ἐπὶ τῶν ἔργων οὐκ ἠλήθευσα. Ποιήσαντες οὖν τὸ ἱκανὸν αὐτοῖς οἱ ἐμὲ καθοδηγοῦντες, ὁμοίως τοῖς ἄλλοις παρήλθομεν καὶ αὐτοὺς τῇ πρεσβείᾳ καὶ ἀντιλήμει τοῦ τὴν ἐμὴν ταπεινώσιν ἐλεήσαντος θεοῦ καὶ θεοφόρου πατρὸς.

Ἔτι οὖν ἡμῶν πορευομένων ἐπὶ τὰ πρόσω, καταντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον πλείστην ἄθροισιν αἰθιοπῶν κεκτημένον, ὅπερ ἔλεγον εἶναι τοῦ θυμοῦ καὶ τῆς ὀργῆς· ὁ δὲ ἐπὶ τοῦ τελωνίου τούτου ἐξάρχων θρόνῳ ἐφιζόμενος, καθάπερ ἐκ χαλκοῦ ἠσβολωμένου εἰδῶλον, θυμοῦ ἀκατασχέτου καὶ πικρίας ἐμπλεως ἦν· ἔνθεν τοι καὶ σὺν βοῇ καὶ (f. 80 v.) κραυγῇ ἀσήμῳ τοῖς περὶ αὐτὸν ἐπέταττεν ἀνερευαν τὴν τῆς ζωῆς μου ἀπὸ νεότητος πράξιν ὡς τάχιστα καὶ μηδὲν τι τούτοις διαλαθεῖν· κάκεινοι τῆς ὀργῆς καὶ τοῦ θυμοῦ γεννήματα ὄντες, ἀλλήλους ὡς κύνες τοῖς ὁδοῦσι κατήσθιον, ἄσημα τινὰ καὶ μακρίας πλήρη ῥήματα φωνοῦντες· ὡς οὖν κατήχθημεν καὶ πρὸς τοὺς λοιμοὺς τούτους, διεστραμμένην προσώπῳ καὶ βλοσυρῷ ὄμματι μετὰ χολῆς καὶ πικρίας ὀρῶντες ἡμᾶς, ἐξήταζον φονικῶς καὶ προέφερον οὐ μόνον ἃ ταῖς ἀληθείαις μετ' ὀργῆς καὶ θυμοῦ κατεπαυρομένη πρὸς τινὰ ἐλάλησα καὶ ἐπέπληξα, ἢ διὰ γέλωτα ἢ ταῖς χερσὶ τινὰ ἔτυψα, ἀλλὰ καὶ αὐτὰ τὰ διὰ βλέμματος ἀπηγγιωμένου εἰργασμένα μοι, καὶ ὅσα χάριν παιδεύσεως τοῖς τέχναις μου ἐπήγαγον μετὰ θυμοῦ ταῦτα τυπήσασα, ἢ καὶ ὀργῇ ληφθεῖσα ἐπακράνθη πρὸς αὐτὰ, πάντα δὴ τὰ τοιαῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰργασμένα (f. 81 r.) μοι κατὰ λεπτόν ἀπήγγελλον οἱ πονηρευόμενοι καὶ μισόκαλοι ἐκεῖνοι αἰθιοπες, πρὸς τούτοις δὲ καὶ ἐν οἷς ὠργίσθη καὶ μετὰ ἔχθρας καὶ μνησικακίας πρὸς τινὰ πακρανθεῖσα ἀπεπήδησα καὶ ὕβρισα καὶ ἠπειλησάμην, τοιοῦτῳ τρόπῳ καὶ αὐτοὶ, ὡς περὶ θάλασσα πικρὰ μακρινόμενοι καὶ ὀργιζόμενοι, ταῦτα προσέφερον καὶ εἰς μέσον παρήγαγον, τὰ τε τῶν ἀνθρώπων ὀνόματα καὶ αὐτὸν τὸν καιρὸν καὶ αὐτὰ κατὰ λέξιν τὰ ῥήματα ἅπερ πολλὰς ὀργίλως ἐφθεγξάμην, πρὸς οὓς ἐμαινόμενη καὶ ἐχθραίνόμενη μνησικακοῦσα, παράγοντες εἰς μαρτυρίαν καὶ αὐτὰ τὰ ῥήματα καὶ τὰ ὀνόματα τῶν τότε παρατυχόντων καὶ ἀκουόντων αὐτὰ, καὶ τὴν ὥραν καὶ τὴν ἡμέραν καθαρῶς παριστάντες. Ἀπολογησάμενοι οὖν καὶ ἐπὶ τούτοις οἱ ἐμοῦ ἀντεχόμενοι νεανίσκοι ἐκεῖνοί τε οἱ παμφίλιτατοι καὶ δόντες αὐτοῖς δόματα ἐπάξια· οὐκ ἀπὸ τῶν ἐμῶν ἔργων, ταῦτα γὰρ ἤδη ἐκλελοί (f. 81 v.) πασιν, ἀλλὰ ἀπὸ τῆς παρασχεθείσης μοι, ὡς εἴρηται, θείας δωρεᾶς τοῦ ὀσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἀνήχθημεν ἀπ' αὐτῶν ἐπὶ τὰ ὕψη τοῦ αἰθέρος τὴν μακρὰν ἐκείνην πορείαν ποιούμενοι.

Ἀνιόντων δὲ ἡμῶν συναντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς ὑπερηφανίας· ζητούντων οὖν τῶν ἐν αὐτῷ φορολόγων κατηγορεῖσάι μου καὶ μὴ εὐρισκόντων Χριστοῦ χάριτι· πῶς γὰρ καὶ τίνος ἤθελον ὑπερηφανεύσασθαι δούλη πενιχρά τυγχάνουσα ἐκ νηπίου; παρήλθομεν σὺν Θεῷ τούτους μηδὲν ὄλως ζημιωθέντες ὑπ' αὐτῶν.

Ἔτι οὖν ἀνερχομένων ἡμῶν ἐπὶ τὰ πρόσω, κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς μωρολογίας· συνήντησαν δὲ ἡμῖν οἱ ὑπασπισταὶ τοῦ τελωνίου μήκοθεν σφόδρα κατεπέιγοντες ἡμᾶς ἀναιδῶς τοῦ δοῦναι δίκην καὶ ἀπολογίσασθαι αὐτοῖς ὑπὲρ ὧν ἔλεγον ἔχειν καθ' ἡμῶν· ἀπήχθημεν οὖν πρὸς αὐτοὺς (f. 82 γ.) παυσάμενοι τῆς ὁδοιορίας, καὶ παρήγον εἰς μέσον καὶ ἤλεγχόν με κατὰ πρόσωπον οἱ ἀλάστορες φορολόγοι ἐκεῖνοι, παριστῶντες τὰς ἐκ νεότητός μου μωρολογίας καὶ αἰσχρολογίας, ὅσα τε ἐτραγώδησα δεινῶς, καὶ ἰταμῶς προσετίθουν ἐν πάσῃ ἀληθείᾳ τὰς ὕβρεις, τὰς μωρολογίας, τὰ αἰσχρολογήματα, τοὺς ἀτάκτους γέλωτας, τὰ εὐτράπελα ῥήματα, τὰ ἄσεμνα βαδίσματα, τὰ ὀργίσματα, τὰ πορνικὰ ἄσματα, ἅπερ πολλάκις πρὸς τινὰς ἀτάκτως καὶ ἀφρόνως διεπραττόμην, ἢ πρὸς γέλωτα ἔλκουσα τούτους ἔρχεσθαι, ἢ καὶ τὰ αὐτὰ πράττειν αὐτοὺς ἐκδιδάσκουσα, ἢ καὶ παρὰ ἄλλων τινῶν πολλάκις ταῦτα ἀκούσασα πρὸς ἄλλους κἀγώ, ὡς ἐν τάξει διηγήσεως, ὑπηγόρευσα, ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα παρήγαγον καὶ παρετίθουν οἱ ἀθέμιτοι ἐκεῖνοι κατὰ πρόσωπόν μου, ὡς καὶ αὐτὴν ἐνωτιζομένην καὶ ἀναμνησκομένην πάντα ἀληθῆ εἶναι τὰ παρ' ἐκεῖ(f. 82 ν.)νοὺς κατ' ἐμοῦ λεγόμενα καὶ φερόμενα, φρίττειν ἅμα καὶ τρέμειν καὶ τούτοις συγκατατίθεσθαι ἀληθεύειν. Πόθεν οὖν ταῦτα ἐγίνωσκον εἰ κατάρατοι ἅπερ δὴ καὶ αὐτὴ ἐγὼ διὰ τὸ μῆκος τοῦ χρόνου λήθης βυθοῦς ἤμην παραπέμψασα καὶ ὄλως μνήμην αὐτῶν οὐδαμῶς εἶχον; Κατὰ ἀναλογίας οὖν καὶ ἐπὶ τούτοις ἡμῶν ἀπολογησαμένων καὶ δόντων αὐτοῖς τὸ ἱκανὸν ἀπὸ τῆς δοθείσης μοι θείας δωρεᾶς τοῦ δόσιου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἐπορεύθημεν τὴν φοβερὰν καὶ ἄγνωστον καὶ μακρὰν ἐκείνην πορείαν τὴν πρὸς τὰ ἄνω ἡμᾶς ἐφέλκουσαν.

Καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς τὴν ὁδὸν ταύτην φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τόκου καὶ δόλου· οἱ οὖν ὑπηρέται

τοῦ τελωνίου ἐκείνου, ἀκριβῶς τὰ κατ' ἐμὲ περὶ τῶν τοιούτων πλημμελημάτων διερευνήσαντες καὶ μηδὲν περὶ τόκου εὐρόντες, κατηγόρουν μου περὶ δόλου μόνου· μὴ δυνάμενοι δὲ τι περὶ τούτου ἀποδείξαι, ἔθηγον κατ' ἐ(f. 83 γ.)μοῦ τοὺς ὀδόντας αὐτῶν, διαπριόμενοι ἡμεῖς δὲ ἐκείσε ἀπάραντες, τὴν ὡς ἀληθῶς μακρὰν καὶ ἀνεξιχνίαστον καὶ μέτρον παρὰ ἀνθρώποις οὐκ ἔχουσαν ἐκείνην ὁδὸν διηνούμεν ἀνερχόμενοι.

Καταντῶμεν τοίνυν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς ἀκηδίας καὶ τῆς κενοδοξίας· ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα Χριστοῦ χάριτι μηδὲν κεκτημένης ὅλως τι περὶ τούτων· πῶς γὰρ καὶ κατὰ τί ἐμελλον κενοδοξῆσαι δούλη, ὡς εἴρηται, τυγχάνουσα; διέβημεν δὲ τούτους ταχέως μηδὲν παρ' αὐτῶν ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Καὶ ἀνυόντων ἡμῶν εἰς ἕτερον τελώνιον φθάνομεν ὅπερ τῆς φιλαργυρίας κατωνομάζετο· ἀχλὺς τε πολλὴ περὶ τὸ τελώνιον τοῦτο ἦν ὑπὲρ πάντα τὰ τελώνια ἃ καὶ διήλθομεν· ὡς γὰρ οἶμαι ἀπὸ τῆς προγείου ἀναθυμιάσεως ἦτοι ἀφούρας καὶ τῆς ἐξ αὐτῆς ἀναδιδομένης παχύτητος εἰς τὸν ἀέρα αἴροντες οἱ μιαρῶτατοι ἐκείνοι αἰθίοπες τὰς αὐτῶν αὐτουργοῦσι σκηνάς· ἢ δὲ ἐπά(f. 83 ν.)νω αὐτῶν περιχεχυμένη ἀχλὺς τῆς τοῦ πάθους οὐπερ ἐξάρχουσι ποιότητός ἐστι σημαντικὴ. ἐρευνήσαντες τοίνυν καὶ οὗτοι κατὰ τὸ εἰωθὸς καὶ μηδὲν εὐρόντες ἐν ἐμοί· πόθεν γὰρ ἐμοί ἦν χρυσίον ἵνα καὶ φιλίαν σχῶ πρὸς αὐτό, ἢ καὶ ἀπόντος τούτου ἐπιθυμήσω αὐτό καὶ ὑποδίκην αὐτοῖς τοῖς ἀλάστοροσιν ἐν τῷ ἀέρι εὐρεθῆσομαι; καὶ παρήλθομεν τοῦτο μηδὲν χάριτι Χριστοῦ ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Εἶτα φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον, ὅπερ ἔλεγον τῆς πολυουνοποσίας εἶναι καὶ τῆς μέθης. ἴσταντε οὖν οἱ τοιοῦτοι τοῦ τελωνίου ὑπηρεταὶ καὶ ὑπασπισται μήκοθεν ὥσπερ λύκαι ἀρπαγες ζητοῦντες καταπαεῖν πάντα τὰ προ[σ]πελάζοντα ἐκείσε· οἱ οὖν ἀναφέροντές με θεοειδεῖς ἐκείνοι καὶ φωτόμορφοι νεανίαί, ἐπειδὴ δεδομένον ἐστὶν ἵνα αἱ παροδεύουσαι πᾶσαι τὴν ὁδὸν ἐκείνην ψυχαὶ ἐρευνῶνται καὶ ἐξετάζονται παρὰ τῶν ἀρχόντων τῆς ἐξουσίας τοῦ σκότους τοῦ αἵρος, εἰς τὸ τελώνιον ὀξέως (f. 84 γ.) ἐχώρησαν. ἐπιστάντες οὖν ἡμῖν αἱ πικροὶ ἐκείνοι τῆς κακίας ἔτασται καὶ φορολόγοι, ὥσπερ τινες σὺν πολλῷ κεκαρωμένοι καὶ ἐκβεβακχευμένοι, καὶ αὐτὰ δὴ τὰ βαυκάλια

καὶ ποτήρια, ἅπερ διὰ πάσης μου τῆς ζωῆς ἤμην πεπωκυῖα, πάντα ἠριθμημένα ἐκέκτηντο, καὶ ἐπὶ στόματος ἔφερον λέγοντες· Οὐ πέπωκας ἐν τῇ ἐπισήμῳ ἡμέρᾳ τῇ δεῖνι, παρόντων καὶ τῶν συνευωχουμένων σοι τοῦ δεῖνος καὶ τοῦ δεῖνος, τόσα ποτήρια οἴνου; καὶ ἐκ τούτων ἐμεθύσθης καὶ τοῖς ποσὶν ὠλίσθησας ἐν τῷ δεῖνι τόπῳ καὶ τὴν κεφαλὴν ἤλγησας; καὶ πάλιν ὅτε πρὸς τὸν δεῖνα ἐπορεύθης οὐ τόσα καὶ τόσα βαυκάλια πέπωκας; καὶ ἄλλα πολλὰ τούτοις παραπλήσια ἐπιφώνως κατηγοροῦντές μου πειρώμενοι ἀρπάσαι με ἀπὸ τῶν ἀχράντων χειρῶν τῶν ἐπιφερόντων με φωτοφόρων ἐκείνων καὶ ὠραίων νεανίσκων. Ὅσα δὲ ἐφθέγγοντο καὶ προέφερον, ἀληθῆ ὑπῆρχον, ὡς ἀκριβῶς ταῦτα ἀναμνημονεύουσα ἐπεγίνωσκον· (f. 84 v.) ἀλλὰ καὶ πολλάκις κἀγὼ, ὡς εἰς τῶν ἀνθρώπων μέσον τοῦ βίου ὑπάρχουσα, γνωρίμου τινός καὶ συνήθους ἐπιδημήσαντος πρὸς με, περισσοτέρως ἔπινον οἶνον ἅμα αὐτῷ καὶ πολλάκις ἐκ τούτου ἐμεθύσθην· καὶ τοῦτο εἰς μέσον ἡμῶν προέφερον ἐλέγχοντές με φανερώς. Παρασχόντες οὖν καὶ τούτοις οἱ καλοὶ μου ὁδηγοὶ καὶ ἀντιληπτορες τὰ ὀφειλόμενα ἐκ τῶν πλουσιῶν δωρεῶν τοῦ κυρίου μου καὶ ὀσίου πατρός ἡμῶν Βασιλείου, ἐξωνήσαντό μου τὰ ἁμαρτήματα· καὶ θάπτον ἐκείθεν ἐξελθόντες, διηνούμεν τὴν ὁδὸν· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς μεταξὺ ἔλεγον πρὸς με οἱ ὁδηγοῦντες με ἅγιοι καὶ φωτοειδῆς ἄγγελοι λέγοντες· Ὅρας ὅποια ἀνάγκη ἐστὶ τὸ διελθεῖν τὰς λυγρὰς καὶ ἐπαράτους ἀρχὰς καὶ ἐξουσίας τοῦ ἀρχοντος τοῦ σκότους τοῦ αἵρος τούτου; Ἐγὼ δὲ ἀποκριθεῖσα εἶπον πρὸς αὐτούς· Ναί, κύριοί μου, πολλὴ βία καὶ ἀνάγκη πέφυκεν ἵνα τις ταύτας κατισχύσῃ διαπερᾶσαι ἀνεξερευνήτως καὶ (f. 85 r.) ἀταράχως, καὶ οἶμαι ὅτι οὐδεὶς τῶν ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὅθεν κἀγὼ ἐξῆλθον, ἐπίσταται ὅπως ἢ γινώσκει τὰ τῆδε μετὰ τὴν ἐξέλευσιν τῆς ψυχῆς διαπραττόμενα. Λέγουσιν ἐκεῖνοι πρὸς με· Ἐπιστάμεθα καὶ ἡμεῖς ὅτι οὐδὲν τῶν ὧδε οἱ ἐν τῷ κόσμῳ γινώσκουσιν· ἢ γὰρ τρυφή καὶ σπατάλη καὶ ἀπάτη τοῦ ματαίου ἐκείνου βίου οὐκ ἔξ τούτους ἀνανεύειν ὅπως καὶ προσέχειν ταῖς θεαῖς γραφαῖς ταῖς περὶ τούτων ἀναφανδὸν βοώσαις καὶ διδασκούσαις αἰεὶ ἵνα τὰς ἀρετὰς κατεργαζόμενοι, καὶ μᾶλλον τὴν ἐλεημοσύνην ἥτις πλείονα τῶν ἄλλων τὴν ἰσχύϊν ἐνταῦθα κέκτηται καὶ ὠφελεῖν δύναται τοὺς ἐνταῦθα διοδεύοντας τὴν ὁδὸν ταύτην, δυνήσῃσι ταῦτα

πάντα προορᾶν καὶ ἐν ὀφθαλμοῖς τῆς διανοίας αὐτῶν ἀνεξάλειπτα ἔχειν ἡμέρας τε καὶ νυκτός, ὡς ἂν διαδράσωσιν ἐκ τῶν τοσοῦτων καὶ τηλικούτων δεινῶν τῶν μελλόντων αὐτοὺς μετὰ τὴν ἐκ τοῦ σώματος φρικτὴν ἐκδημίαν ἀπαραβάτως προσυπαντᾶν. (f. 85 v.) Εἰ γὰρ ταῦτα ἐγίνωσκον, πολλὰ ἂν ἔκαμμον τοῦ λυτρωθῆναι τῶν τοιοῦτων δεινῶν ἀναγκῶν, καθὼς καὶ τινες ἐξ αὐτῶν ποιῶσι καὶ διέρχονται ἀβλαβεῖς ἀπὸ τῶν τοιοῦτων, πλὴν σπάνιοι ταῦτα ὡς καὶ τῶν χιλίων ἢ καὶ τῶν μυρίων εἰς· ἀλλὰ μὴδὲν ἐπιστάμενοι ταῦτα, ὡς εἰρηται, ζῶσιν ἐν ἀμελείᾳ ὡσπερ μὴ ἐλπίζοντες ἀποθανεῖν, τῇ γαστρὶ καὶ ματαίᾳ βλακειᾷ καὶ ἀπάτῃ τοῦ βίου δουλεύοντες, μὴδὲν κἄν εἰς ἐξομολόγησιν τῶν ἐσφαλμένων αὐτοῖς δεινῶν ἐρχόμενοι· εἶτα φθάνει αὐτοὺς ἄφνω ὡς παγίς ὁ θάνατος καὶ παραγίνεται ἐπ' αὐτοὺς τὰ τοιαῦτα δεινά. Οὐαὶ τῷ ἀνθρώπῳ ἐκείνῳ τῷ μὴ κεκτημένῳ ὀλίγην ἔργων ἀγαθῶν καὶ πνευματικῶν, ὡς ἂν ἐν τούτοις δυναθῆ διελθεῖν ἀβλαβῶς καὶ ἀταράχως τοὺς αἰμοβόρους καὶ ἀπηνεῖς τούτους ἄρχοντας τοῦ ἀέρος, ἵνα μὴ ὑπ' αὐτῶν κολαφιζόμενος βίᾳ καταχθῆ εἰς τὰ ζοφερὰ ταμεῖα τοῦ ἄδου ἐν σκοτεινοῖς καὶ σκιᾷ θανάτου, δεσμοῖς ἀλύτοις δεσμούμενος καὶ κατακρα(f. 86 r.)τούμενος μέχρι τῆς δευτέρας παρουσίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ κριτοῦ τῶν ζώντων καὶ τῶν νεκρῶν, ἐν ἣ μέλλει κρῖναι καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ· ὅπερ καὶ αὐτὴ ἐμελλες ἂν παθεῖν, εἰ μὴ τὴν δωρεάν ταύτην εἰληφας τοῦ θεράποντος Κυρίου καὶ φίλτάτου σου πατρὸς Βασιλείου τοῦ μεγάλα σε εὐεργετηκόςτος εὐδοκίᾳ τοῦ παντοδυνάμου Θεοῦ.

Ταῦτα ἡμῶν ὀμιλούντων καὶ τὴν πορείαν ποιουμένων ἐπὶ τὰ πρόσω, κατηνῆσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς μνησικακίας· καὶ πρὸς τοῦτο ἡμῶν αὐτομολησάντων, τὸ ὄντως ἐπάρατον καὶ δεινότατον τῶν πονηρῶν ἐργαστήριον, ἀναπηδήσαντες οἱ τούτου ὑπηρετᾶται ὡσπερ ἀνήμεροι θῆρες καὶ αἰμοβόροι λησται ἡμῖν προὔπηνησαν καὶ τὸ τάχος ἠρεύνων καὶ ἐξήταζον, ὅπως εὐρωσὶ τι ἐν τῇ πονηρᾷ πλάστιγγι αὐτῶν κατ' ἐμοῦ γεγραμμένων, ὅπως δυνήσονται δι' αὐτοῦ κατηγορῆσαι καὶ ἐγκρατεῖς μου γενέσθαι. Ἐπεὶ δὲ Χριστοῦ χάρι(f. 86 v.)τι δι' εὐχῶν τοῦ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν οὐκ ἠδυνήθησαν εὐρεῖν τι κατ' ἐμοῦ, εἰς τέλος ἠσχύνθησαν ὄντως

οί πονηρευόμενοι και ἠλάλαξαν τῶν ἐλπίδων ἀστογήσαντες· ἐγὼ γάρ ἢ ταλαίπωρος εἰ καὶ τὰ ἄλλα ἐλεεινὴ καὶ ἀθλία ἐτύγγανον, ἀλλ' ἐν μνησικακίας μερίσμου οὐχ' ὑπῆρχον, ἐπεὶ οὐδέποτε μέμνημαι μνησικακῆσαι πρὸς τινὰ ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς μου οὔσα ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, ἀλλὰ πρὸς πάντας μικρούς τε καὶ μεγάλους ἀγάπην πνευματικὴν αἰεὶ ἐκεκτῆμην, καθὰ καὶ αὐτὸς ἐπίστασαι ἀκριβῶς, τέκνον Γρηγόριε, καὶ οὐδέποτε τινὶ ἐμνησικάκησα ἢ ἀνταπέδωκα τῶν πολλὰκις θλιψάντων με ἢ καὶ τυφάντων ὄθεν μὴ δυνηθέντων τῶν ἐπαράτων ἐκείνων ἐπιλαβέσθαι μου ὅλως ἐφ' οἷς ἠρεύνων, ἐξήλθομεν ἐκ μέσου αὐτῶν, καταλελοιπότες αὐτοὺς ὀλούζοντας διακενῆς, καὶ τοῖς ἐξῆς ἐφιπτάμεθα μηδὲν ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Ἀπιόντων δὲ ἡμῶν (f. 87 r.) τὴν ὁδόν, ἐπηρώτων τοὺς ἐμὲ ἀπάγοντας θαυμαστοὺς ἐκείνους καὶ ὠραίους νεανίας λέγουσα· Κύριοί μου, δέομαι ὑμῶν, ὠφελήσατέ μοι τότε τὸ ῥῆμα τὸ παρ' ἐμοῦ ἀγνοούμενον καὶ διαλύσατέ μοι τὸ ἐπ' αὐτὸ ἀπορούμενον· Πόθεν οὕτως οὗτοι ἐπίστανται οἱ τῆς ἀνεμίας ἐργάται ἀπὸ τοσοῦτου διαστήματος, οἷα καὶ ὅσα ἡμεῖς οἱ ἄνθρωποι ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ διαπραττόμεθα; πολὺ γὰρ σφόδρα αὐτῶν ἀπέχομεν, καὶ οὐδὲν τούτων διαλανθάνει αὐτοὺς ὡς ἑρῶ. Ἐφῆσεν οὖν εἰς ἐξ αὐτῶν πρὸς με· Οὐκ οἶσθα ὅτι πᾶς χριστιανὸς ἀπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος ἀγαθὸν ἄγγελον προσλαμβάνει μεθ' ἑαυτοῦ, φρουροῦντα αὐτὸν καὶ πρὸς πᾶν ἔργον ἀγαθὸν ὁδηγοῦντα, ἀπογραφόμενον αἰεὶ πάντα τὰ καλὰ αὐτοῦ ἔργα παρ' ὅλην αὐτοῦ τὴν ζωὴν; παραπλησίως δὲ κατὰ συγχώρησιν Θεοῦ καὶ πονηρὸς ἄγγελος συμπαρῆν αὐτῷ, ἐπακολουθῶν αὐτῷ ὀπισθεν ἀπογραφόμενος καὶ αὐτὸς πάντα (f. 87 v.) τὰ πονηρὰ αὐτοῦ ἔργα ἃ διατελεῖ ἔτι ὧν ἐν τῷ βίῳ πάσῃ τῇ ζωῇ αὐτοῦ. Καὶ λοιπὸν πάντα ὅσα σημειοῦνται καὶ ἀπογράφονται οἱ πονηροὶ ἐκεῖνοι ἄγγελοι πονηρὰ καὶ βέβηλα ἔργα ἐνός, ἐκάστῳ τελωνίῳ ἀναλόγως κατὰ τὴν ἐπινομίαν καὶ τὰ ὀφλήματα ἐγγράφως ἐξαποστέλλουσιν, ὡς ἂν κάκεινοι ταῦτα κατέχωνται παρ' ἑαυτοῖς, ἐν τούτοις δυνήσονται οἱ ἀντικείμενοι ὑμῖν κωλύειν καὶ κατασπαῖν παντὸς ἀνθρώπου τελευτοῦντος ψυχὴν, μέλλουσαν ἀπαίρειν καὶ ἀνέρχεσθαι τὴν ὁδὸν ταύτην, καὶ κατάγειν αὐτὴν εἰς τὴν ἄβυσσον τοῦ πυρός καὶ εἰς τὴν βυθὸν τοῦ ἄδου, ἐνθα

κάκεινοι τὴν οἶκησιν ἔχουσιν, εἶπερ οὐκ ἀξίως ἐφ' οἷς ἐπραξεν ἐμετε-
νόησε καὶ διὰ τοῦ φυλάσσοντος αὐτὴν ἀγαθοῦ ἀγγέλου ἀντεισεκόμισεν
ἔργα ἀγαθὰ ἀντιμετροῦντα καὶ ἀντισταθμίζοντα ταῦτα δηλονότι τὰ
παρ' ἐκεῖνοις φανερούμενα ἄτοπα πλημμελήματα ὑμῶν καὶ αἰσχροῶ·
καὶ οὕτω δυνήσεται ἂν διαδρᾶν τὰς (f. 88 r.) χειρας αὐτῶν· εἰ
δ' οὐχ' εὐρέθη ἔχουσα, ὡς εἴρηται, πράξεις ἀγαθὰς ὅταν οὐ πλέον
ἀλλὰ καὶ ἐπίσης τῶν πονηρῶν ἔργων, ἵνα δι' αὐτῶν ἐξωνήσῃται
ἐκεῖνα, κατασπῶσιν αὐτὴν βίᾳ ἀπὸ τῶν χειρῶν ἡμῶν καὶ τύπτοντες
αὐτὴν ἀφειδῶς δέσμιον ἀποστέλλουσιν, ὡς εἴρηται, εἰς τὴν βυθὸν
τοῦ ἄδου καὶ κατακλείουσιν αὐτὴν ἐν σκοτεινοῖς καὶ ἐν σκιᾷ θανάτου
μέχρι τῆς φοβερᾶς καὶ ἀπαραιτήτου κρίσεως. Τούτω τῷ τρόπῳ
ἐπίστανται πάντα ὅσα πράττουσι πάντες οἱ ἄνθρωποι ἐν τῷ κόσμῳ
ἀμαρτήματα, καὶ οὕτω πάντες ἐνθάδε λογοστατοῦσι.

Ταῦτα τοῦ ὀδηγοῦντός με πρὸς με διαλεγομένου, κάμου ἐπὶ
τούτοις ἐκπληττομένης, ἐν ὄσῳ τὴν ὁδὸν ἀνερχόμεθα, καταντῶμιεν
εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῶν ἐπαιδῶν, φαρμακῶν,
μάγων, μάντεων, κληδονιστῶν. Ὑπῆρχον δὲ ἐν ἐκείνῳ τῷ τελωνίῳ
πνεύματα ἀκάθαρτα πλεῖστα ὀφείσχημα, δρακοντόσχημα, ἐχιδνό-
σχημα, κεράσαις καὶ ἄλλοις βδελυροῖς μυρί(ς. 88 v.)οις ἐρπετοῖς
πονηροῖς ἐξομοιούμενα, ὧν καὶ μόνη ἡ θεὰ σχῆμα σκοτεινόν καὶ
σκοτός καὶ ὀλίσθημα· πικρίας γὰρ πάσης ἐτύγχανον ἀνάμεσα. Μηδὲ
τούτων οὖν χάριτι Χριστοῦ ἐχόντων ἢ εὐρηκότων τι κατ' ἐμοῦ εἰς
τὸ κατηγορησαί μου, διήλθομεν καὶ αὐτοὺς μηδὲ λόγου ἀξιώσαντες
τούτους ἢ τὸ οἰονοῦν παρ' αὐτῶν ζημιωθέντες. Αὐθις οὖν τὴν ὁδὸν
ἐκείνην τὴν πέρασ οὐκ ἔχουσαν ἡμῶν ἀνυόντων, ἐπειρώμην πάλιν
ἐπερωτᾶν τοὺς ἐμὲ ὀδηγοῦντας λέγουσα πρὸς αὐτούς· Κύριοί μου καὶ
ἀντιλήπτορες, δεομαι ὑμῶν, ὡς ἂν μου καὶ τοῦτο τὸ ἐρώτημα
σαφηνίσῃτε· πᾶσαν ἀμαρτίαν ἦν ἂν ποιήσῃ ἄνθρωπος ἐν τῷ κόσμῳ
ἐκείνῳ, ἄρᾳ γε ἄνευ πάσης ἀντιλογίας τῆς ἐνθάδε διαπερῶν, ὅποταν
ἐξέλθῃ τῶν ἐκεῖσε, ὑπὲρ αὐτῆς εὐθύνεται, καὶ οὐ δύναται ἐτι ζῶν
ἐξαλεῖψαι αὐτὰς, ἀλλ' εἰσὶν ἀπαραλλάκτως πᾶσαι εἰς ἕκαστον τελώ-
νιον, καθ' ὃν τρόπον εἰρήκατέ μοι; Ὅρω γὰρ ὅπως κατὰ λεπτόν
ἐξετάζουσί με εἰς πάντα μικρὰ τε καὶ μεγάλα πλημμελήματα, καὶ
φρίττουσα ἐ(ς. 89 r.)ξίσταμαι. Λέγουσιν ἐκεῖνοι πρὸς με· Πάντας

μὲν οὐχ' οὕτως, ἀλλὰ μόνους τοὺς κατὰ σέ φθάσαντας ἀποθανεῖν ἀνεξαγορεύτους καὶ μὴ διορθωσαμένους αὐτά· εἰ γὰρ σὺ αὐτὴ ἐφθασας ἐξαγορεύσαι τῷ πνευματικῷ σου πατρὶ τὰ πλημμελήματά σου πάντα ἀνυποστόλως καὶ δέξασθαι παρ' αὐτοῦ ἐντολὰς καὶ δεδούλευκας αὐτὰς καὶ ἔλαβες παρ' αὐτοῦ συγχώρησιν, διέβης ἀνακωλύτως πάντα τὰ χαλεπὰ ταῦτα καὶ ὀλέθρια τελώνια, μὴ δυναμένου τινός τῶν ἐνταῦθα πονηρῶν πνευμάτων διαῖραι στόμα κατὰ σοῦ ἢ μεθ' ἡμῶν ζήτησιν ποιήσασθαι περὶ τινος σφάλματος ἐξαγορευθέντος παρὰ σοῦ τῷ πνευματικῷ σου πατρὶ, καὶ λαβούσης παρ' αὐτοῦ, ὡς εἴρηται, ἐπιτίμια καὶ φυλαξάσης αὐτά· ἐπειδὴ δὲ οὐκ ἐφθασας ἐξαγορεύσαι ταῦτα, ἀλλὰ ἠρκέσθης ἐπὶ μόνῃ τῇ χρονίᾳ αὐτῶν ἀποχῇ, περὶ δὲ τῆς ἐξαγορεύσεως αὐτῶν ὄλως οὐκ ἐφρόντισας, διὰ τοῦτο πάντα, καθὼς νῦν ὄρας, ἐρευνῶνται καὶ ἐξετάζονται κατὰ λεπτόν ὑπὸ τῶν ἀρχόντων τοῦ (f. 89 v.) σκότους τοῦ ἀέρος τούτου. Ὅπηνίκα γάρ τις ἐξαγορεύσῃ ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ τὰς ἀμαρτίας αὐτοῦ καὶ τοῦ λοιποῦ σχολάσει τῇ μετανοίᾳ, ἀφήσιν αὐτῷ ὁ Θεὸς ὅσα προημαρτηκῶς ἐξηγόρευσε, καὶ τοῦ λοιποῦ ὑπάρχει ἐλεύθερος δεξάμενος ἀοράτως τὴν ἀφεσὶν αὐτῶν. Οἱ δὲ ἐν τοῖς τελωνίοις πονηροὶ δαίμονες κεκτημένοι τὰς ἀνομίας αὐτῶν ἐν τοῖς τούτων κωδικοῖς σεσημειωμένας, θάπτον ἀναπτύξαντες τὰ μυστὰ κατὰγραφα αὐτῶν, ἐξ ὧν ἐν τούτοις εἶχον ἐγγεγραμμένα, οὐδὲ ἔχνος ἐν τούτοις εὐρεῖν δεδύνηται· τὸ γὰρ πανάγιον Πνεῦμα ἀοράτως ἀπήλειψεν αὐτά. Γινώσκουσι δὲ καὶ οἱ τῶν τελωνίων ἀρχοντες καὶ οἱ τούτων ὑπασπισταί, ὅτι δι' ἐξαγορεύσεως ἀπῆλθον πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς γεγραμμένα, καὶ ἐν τούτοις στυγνάζουσιν ἀστοχῆσαντες τῶν ἐλπίδων· εἶτα πάλιν πειρῶνται εἰ ἐπιζῆ ἐκεῖνος ὁ ἀνθρώπος οὕτινος τὰ ἀμαρτήματα ἐκ τῶν ἐγγράφων αὐτῶν ὀρώσιν ἐξηλειμμένα, ἕνα ἀντ' ἐκείνων ἕτερα (f. 90 r.) γράψωσι καὶ ἐγκρατεῖς αὐτοῦ γενήσωνται, ὅταν ἀνέρχεται μετὰ τελευτῆς αὐτοῦ τὴν ὁδὸν [ἢ ψυχῇ] αὐτοῦ, καὶ σφοδρότερος ὑπὲρ τὸ πρότερον ἐπέρχονται καὶ συνωθοῦσιν αὐτὴν ἔλκοντες πᾶν πονηρὸν ἔργον καὶ βέβηλον. Μέγα οὖν ἀληθῶς καὶ σωτήριον καὶ πάνυ ὠφέλιμον ἢ πρὸ τοῦ θανάτου ἐξαγορεύσεις ἦτις ἐκ τῶν τοσοῦτων καὶ τηλικούτων ποικίλων ἀναγκῶν βύεται συντόμως καὶ εὐκόλως τὸν ἀνθρώπον, καὶ διέρχεται μετὰ παρρησίας ἀκωλύτως ἡ ψυχὴ αὐτοῦ πάντα τὰ ἐν τῷ ἀέρι τούτῳ χαλεπώτατα

καὶ φρίκης μεστὰ τελώνια, καὶ ἀπέρχεται πρὸς τὸν ἑαυτῆς ἀγαθὸν καὶ μόνον δεσπότην κομιζομένη παρ' αὐτοῦ τὴν τῶν ἀγαθῶν αὐτῆς πράξεων ἀμειβὴν πολλαπλασίως καὶ ἀγαθοδότης. Ἐὰν δὲ πάλιν σχολάσῃ τις μὲν τῇ μετανοίᾳ καὶ τῇ δεήσει παυσάμενος ἀπὸ τῶν πονηρῶν αὐτοῦ ἔργων, οὐκ ἐξαγορεύσῃ δὲ τὰ προειργασμένα αὐτοῦ ἔργα καὶ παραπτώματα τινὶ τῶν πνευματικῶν πατρῶν, ἀλλὰ ἀρκεῖν ὑπολάβῃ (f. 90 v.) πρὸς ἐξάλειψιν τῶν προγεγονότων αὐτοῦ κακῶν, μόνῃ ἢ τούτων ἀποχὴ οὐδὲν αὐτὸν τὸ σύνολον ὠφελήσει, ἀλλὰ πάντα ἀπαραλλάκτως ἐνταῦθα, καθ' ὃν τρόπον ἐώρακας, ἐρευνηθήσονται καὶ ἐτασθήσονται ἀνεξάλειπτα ἐν τοῖς τῶν πονηρῶν δαιμόνων καὶ δεινῶν φορολόγων κώδιξιν εὕρισκόμενα· τῇ γὰρ δυνάμει, ὡς εἴρηται, τοῦ παναγίου Πνεύματος ἐξαλείφονται καὶ ἀπαλείφονται πάντα, προσσχόντος τῇ ταπεινώσει καὶ ἀνευθριάστῳ ἀνακαλύψει καὶ ἐκπομπεύσει καὶ τῇ πρὸς τὰ πονηρὰ ἐκ καρδίας ἀπεχθειᾷ καὶ τελείᾳ ἀποστροφῇ τοῦ ἐξομολογουμένου· ἄλλως γὰρ ἐκ τούτων ἐλευθερωθῆναι παντελῶς καὶ ἀκωλύτως διελθεῖν τὴν ὁδὸν ταύτην ἀπὸ τῶν πονηρῶν τούτων πνευμάτων ἀμήχανον· ὡσαύτως δὲ καὶ οἱ μετὰ πανουργίας πολλῆς ἐξαγορεύειν ἐθέλοντες, καὶ οὐχ' ἐν ἐνὶ πατρὶ τὴν ἐλπίδα καὶ πίστιν ἔχοντες, ὡς ὑφ' ἐνός Θεοῦ σωθῆναι μὴ τὴν ἐλπίδα κεκτημένων, ἀλλὰ τούτῳ μὲν ἄλλα, ἄλλα δ' ἐ(f. 91r.) κείνῳ καὶ ἕτερον ἕτερον ἀνακαλύπτοντες σφάλματα, ὡσανεὶ αἰσχυρόμενοι ἀνακαλύψαι ταῦτα τῷ ἐξ ἀρχῆς ἀναδόχῳ αὐτοῦ, εἰ ἐτι παρῆν ἐν τῷ βίῳ (εἰ δ' οὐκ ἦν, ἀπῆλθεν πρὸς τὸ ποθούμενον ἐκεῖνος), καὶ πρὸς ἕτερον προσελθόντες, τὰ ὅμοια πράττουσιν ἵνα μὴ παρ' αὐτοῦ σφοδρότερον ἐπιτιμηθῶσι, ἢ αἰεὶ ἐν τοῖς αὐτοῖς κακοῖς ἀλισκόμενοι ἐλέγχωνται καὶ ἐξουδενῶνται. Τοῦτο ποιοῦσι καὶ εἰς πολλοὺς ταῦτα καταμερίζονται ἐτι τοῦ προτέρου περιόντες τῷ βίῳ, καὶ χωρὶς γνώμης αὐτοῦ ἐξαγγέλλειν ἕτερον ἐθέλοντες, οὐδαμῶς ἐκ τῆς τοιαύτης πανουργίας καὶ κεκαπηλευμένης αὐτῶν ἐξαγορεύσεως ὠφελήθησονται, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον ὡς πόρνοι καὶ μίχοι ἐτασθήσονται καὶ κολασθήσονται καὶ τῶν εἰσπραττομένων δίκας ὑφέξονται.

Καὶ τούτοις οὖν ἡμῶν ὀμιλούντων καὶ ἀδολεσχοούντων καὶ τὴν ὁδὸν πορευομένων, φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον τῆς γαστριμαργίας εἶναι· οἱ οὖν ὑπῆρξεν τοῦ τοιοῦτου (f. 91 v.) τελωνίου

[μετά] τοῦ καὶ παμπονήρου ἐξουσιάρχου ἐξογκωμένοι ὑπῆρχον, παχεῖς, πίνόντες τε καὶ ἀπηγρωμένοι δεινῶς, ὅτινες ὑπὲρ τοὺς ἄλλους τῶν προτέρων τελωνίων χαλεπωτέρως καὶ μειζόνως καθήπτοντές μου, καθυλακτοῦντες καὶ ἐπιφέροντες εἰς ἔλεγχον ἔμπροσθέν μου τὰς ἐν τῇ νεότητί μου γαστριμαργίας καὶ λαθροφαγίας, καὶ ὅσα ἦσθιον ἀφρόνως ἀπὸ πρωίας ἕως ἐσπέρας, καθ' ὃν τρόπον καὶ οἱ ἀναίσθητοι χάρροι ποιοῦσι, καὶ μὴ αἰσθανομένη τῶν πικρῶν τῶν τελωνίων ἐκείνων ἰτασμάτων, ὅπως τε ἔτρωγον τῇ ἀγίᾳ τεσσαρακοστῇ καὶ ἐν πάσαις ταῖς ἐπισήμοις δεσποτικαῖς ἐορταῖς εὐχὴν μὴ ἐπιτελοῦσα, ὅπως τε ἦσθιον καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἐν μεγάλῃ εὐρυχωρίᾳ, ἐν τε τῷ προγεύματι, τῷ γεύματι καὶ τῷ δείπνῳ, κορεννυμένη καὶ ἐσθίουσα ὑπὲρ κόρον, βαροῦσα μου τὸν στόμαχον καὶ τὴν γαστέρα ἐν ἀδδηφαγίᾳ καὶ πλήθει διαφόρων βρωμάτων καὶ πωμάτων· καὶ ἐπὶ τούτοις πᾶσιν ἠλεγγόν με καὶ ἐξήταζον (f. 92 r.) πειρώμενοι ἀφαρπάσσαι με καὶ ἀθρόον καταπιεῖν ὡς λύκοι, λέγοντές εἰς μέγα φωνῆς ἀπίχημα πρὸς με· Οὐ συνέθου τῷ Θεῷ καὶ τῷ ἀγίῳ βαπτίσματι λέγουσα· ἀποτάσσομαι τῷ Σατανᾷ καὶ πᾶσι τοῖς ἔργοις αὐτοῦ; πῶς οὖν τὰς φοβερὰς ἐκείνας καὶ φρικτὰς πρὸς Θεὸν συντάξεις καὶ συνθήκας ἀθετήσασα, τὰ ἡμέτερα ἔργα πέπραχες καὶ ἡμῖν σπουδαίως δεδούλευκας; ἄρα οὐχ ἡμέτερα ταῦτα καὶ τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀρχοντος ἡμῶν εἰσίν; ἄρα οὐχ ἐργάτης καὶ φίλος τῶν ἡμετέρων ἔργων καὶ ἐπατηδευμάτων τυγχάνεις; Δόντες οὖν αὐτοῖς οἱ καμὲ ὀδηγοῦντες τὰ ὀφειλόμενα, ἐξωνησάμενοι πάντα μου τὰ ὀφλήματα ἐκεῖνα ἀπὸ τῶν δωρεῶν τοῦ κυρίου μου καὶ ἀγίου πατρός, παροδεύσαμεν κάκεινο τὸ μαρῶντατον ἐργαστήριον καὶ φρίκης γέμον τελώνιον.

Καὶ ἐν τῷ τὴν ὁδὸν ἡμᾶς πορεύεσθαι τὴν ἄπειρον καὶ μακρὰν ἐκείνην καὶ τέλος μὴ ἔχουσαν, εὐθὺς κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς εἰδωλο(f. 92 v.)λατρίας καὶ πάσης ἄλλης αἰρέσεως, ἐν ᾗ οὐ τοὺς εἰδωλολάτρας μόνον, ἀλλὰ καὶ τοὺς φίλους αὐτῶν ὡμῶς ἤταζον. Ἡμεῖς δὲ οὐδαμῶς ἐπὶ τὸ τοιοῦτον ἐξενεύσαμεν τελώνιον· οὐδὲν γὰρ αὐτοὶ τὸ καθόλου ἐφ' ὧν ἠλιζον ἐκέκτηντο Χριστοῦ χάριτι· καὶ τί γὰρ εἶχον τοιοῦτον κατ' ἐμοῦ εἰπεῖν ἢ κατηγορησάει ὧν οὐδ' ἐπὶ λογισμὸν πώποτε ἦλθον τῇ τοῦ Θεοῦ ἀντιλήμει καὶ τῇ κυβερνήσει καὶ ὀδηγίᾳ τοῦ μεγίστου αὐτοῦ θεράποντος Βασι-

λείου και αγίου μου πατρός; ἀφ' ἧς γάρ ὥρας κατηξιώθην τοῦ θείου βαπτίσματος, ἕτερον Θεόν οὐ μεμάθηκα οὔτε δεδούλευκα, εἰ μὴ εἰς ὃν ἐβαπτίσθην και εἰς ὃν τὰς συνθήκας μου τέθεικα τῇ παραδόσει τῆς ἀγίας καθολικῆς και ἀποστολικῆς τῶν χριστιανῶν ἐκκλησίας, στοιχοῦσά τε και ἐμμένουσα και τὰ τῶν ὀρθοδόξων διδασκαλεῖα και ἀγίων πατέρων διδάγματα τε και δόγματα αἰε ἐπιπτύχια φέρουσα.

Ἀπόντων τοίνυν ἡμῶν τὴν ὁδὸν μηδὲν ὄλως ὑπ' αὐτῶν ζημιωθέντες, καταντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον (f. 93 r.) χαλεπὸν λίαν, ὅπερ ἔλεγον εἶναι ἀνδρομανίας και παιδοφθορίας· ὁ οὖν ἔξαρχος τοῦ τελωνίου ἐκείνου πικρὸς και φοβερός ἦν σφόδρα, και ποτὲ μὲν δράκων φοβερός ὄρατο κερασφόρος, ποτὲ δὲ ὡσπερ μῦς, ἄλλοτε δὲ ὡς χοῖρος ἀπηγριωμένος, ποτὲ δὲ ἄλλως και ἄλλως και ἄλλως τε μετασχηματιζόμενος και μεταμορφούμενος, μήκιστος ὡς κῆτος θαλάσσης ὑπάρχων· περὶ δὲ κύκλῳ αὐτοῦ δυσωδία πολλή και πικρά και κατώδυνος, ἐν ἧ ὡς κερβικαρίῳ μεγάλῳ ἀνεπαύετό τε, και ὡσπερ χοῖρος ἠδέως τῷ βορβόρῳ ἐπηυφραίνετο κυλιόμενος· οἱ δὲ γε τούτου ὑπηρέται και ὑπασπισται πικροὶ και ἀπηγριωμένοι και τῇ θεᾷ εἰδεχθεῖς οἷα τὰ τοῦ θεάτρου εἰδῶλα, κατησβολωμένοι τε και παντελῶς ἠγρειωμένοι και ἀπηλλοτριωμένοι ἀπὸ πάσης ἀγαθῆς ὀράσεως, γνόντες οὖν ὅτι θηλεία ἐτύγχανον, οὐδὲν εἶχον κατ' ἐμοῦ ἐτάσαι· τούτο δὲ μόνον ἠρεύνων ἐν ἐμοί, εἶποτε νε(f. 93 v.)άνις ὑπάρχουσα μετὰ συνηλικιώτου κόρης ἐν μιᾷ στρωμνῇ ἐπανεπαυσάμην και τὸ θῆλυ ἀμάρτημα τῆς γυναικομανίας μετ' αὐτῆς ἴσως διεπραξάμην. τοῦ δὲ τοῦ Θεοῦ ἐλέους και τῆς χάριτος και ἐπὶ τούτο καταισχυνθέντες, ὡς μηδὲν εὐρηκότες ὦν· περ ἠλπίζον ἐν ἐμοί, ἐάσαντες ἡμᾶς, ἀπέστημεν τῶν ἐκεῖ λυτρωθέντες τῆς αὐτῆς μαρότητος.

Εἶθ' οὕτως καταντῶμεν εἰς ἕτερον τελώνιον· ἤδη γάρ ἐπλησιάζομεν τῇ πύλῃ τοῦ οὐρανοῦ· ἐφασκον δὲ εἶναι τούτο τὸ τῆς μοιχείας ἐταστήριον· ἐπεσημήναντο οὖν μοι παραθαρρύνοντες ἅμα και παρηγοροῦντές με οἱ καλοὶ μου ἐκεῖνοι προστάται και ὁδηγοὶ λέγοντες ταῦτα πρὸς με περὶ τοῦ παρελθόντος μισαροῦ ἐκείνου και δυσώδους τελωνίου, ὅτι πολλάς αἰε ποτε ψυχὰς ἕως αὐτοῦ ἀκωλύτως ἐρχομένας και ἤδη προσκυνῆσαι μελλούσας τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς χάριτος, αὐτὸ καθέλκει ταύτας ἀθλίως και κατασπᾶ μέχρις αἵδου ταμεῖ(f. 94 r.)ων,

διὰ τὸ τοὺς πλείους πλείστα ἐπιποθεῖν καὶ ἐργάζεσθαι ἀδεῶς τὴν τοιαύτην βδελυρὰν αἰσχροουργίαν. Ταῦτα δὲ ἐκείνων λεγόντων πρὸς με, οἱ τοῦ τελωνίου ἐκείνου ὑπηρέται βορβορώδεις τε καὶ ζοφώδεις δαίμονες ὀξέως ἡμῖν συναντῶσι καὶ ἠρεύνων τε καὶ ἐξήταζον καὶ πρὸς ἑαυτοὺς διελέγοντο σπουδὴν ἀσύγκριτον κεκτημένοι καὶ τὰ ἔμοι πεπραγμένα διαχλευάζοντες· ἐπεὶ οὖν πρὸ τοῦ ἐξυπηρετῆσαι τὸν ἄγιον καὶ ὀσιον ἡμῶν πατέρα Βασιλείον εἶχον σύντροφον σύνευνον ἐκ προτάξεως αὐθεντικῆς μου, καὶ μετ' αὐτοῦ συνοικοῦσα προσέπεσα μετὰ καὶ ἐτέρων τινῶν νέων τῶν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ κυρίου μου ὑπαρχόντων, ἐξαπατηθεῖσα παρ' αὐτῶν καὶ διὰ τὸ ἐν ἀγνοίᾳ με εἶναι τῶν τοιούτων φοβερῶν τελωνίων καὶ πικρῶν ἐτασμάτων, διὰ ταῦτα οὖν μεγάλως μου οἱ τοῦ τελωνίου ἐκείνου ὑπηρέται καθήπτοντο· οἱ δὲ ὀδηγοῦντές με ἀνθίσταντο αὐτοῖς λέγοντες· Δουλὶς αὕτη πε(φ. 94 ν.)-φυκυῖα ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ οὐχ' ὑπὸ ἱερέως ἠυλόγηται· οὐ νομίμως ἱερολογίας ἀξιοθεῖσα τὸν ἴδιον σύνευνον ἐγημεν, οὐδὲ ἐν τῷ ναφ̄ Κυρίου στεφανωθείς ταύτην ἔλαβεν, ἵνα καὶ μοιχείας κυρίως ὡς τὰ ἐγκλήματα, ἀλλὰ μᾶλλον πορνείας δέον ταῦτα κατονομάζεσθαι, ὡς ψιλλῆ καὶ μόνη ῥῆσει ἐκ χειρὸς τοῦ κυρίου αὐτῆς τοῦτον ἐδέξατο. Οἱ δὲ μεγάλως θρυλλούμενοι ἀντετίθουν λέγοντες· Οὐχὶ δεύτερος θεὸς τῷ δούλῳ ὁ κτησάμενος ἀργυρώνητον κύριος αὐτοῦ ἐστί; καὶ αὕτη γνώμη τοῦ δεσπότου καὶ κυρίου αὐτῆς τῷ ἀνδρὶ ἐπισυναφθεῖσα, δέον τὰ τούτων παραπτώματα μοιχείας καὶ οὐ πορνείας σπέρματα κατονομάζεσθαι. Τούτων οὖν οὕτως ἐπὶ πολλὰς ὥρας ἀμφισβητούμενων καὶ ζητούμενων, Χριστοῦ χάριτι νενικήχασιν οἱ ἐμὲ φυλάσσοντες ἐκεῖνοι νεανίαί, καὶ μηδὲ τὸ οἰονοῦν αὐτοῖς παρασχόντες, ἐχωρήσαμεν ἐπὶ τὰ πρόσω. Ἐπίλουν δὲ ἡμῖν ἐκεῖνοι σείοντες τὰς μισσαράς αὐτῶν κεφαλὰς καὶ λέγοντες· (φ. 95 γ.) Εἰ καὶ τὰς ἡμετέρας χεῖρας διαδρᾶναι ἰσχύσατε, ἀλλ' οὖν γε τὸ τῆς πορνείας τελώνιον, ὡς δραστήριον ὄν τι καὶ ἰσχυρότερον ἡμῶν, οὐδαμῶς διαδρᾶσαι δυνήσεσθε. Ἄνυόντων δὲ ἡμῶν τὴν ὁδόν, ἐδεδοίκειν ὅλη καὶ ἔτρεμον, μήπως τὸ τῆς πορνείας τελώνιον ὡς ἐνοχόν με κεκτημένον κατασπάσῃ καὶ εἰς ἄδου βυθὸν καταβιβάσῃ.

Καὶ ἰδοὺ ἄφνω κατηντήσαμεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τοῦ φόνου, ἐν ᾧ καὶ πᾶσα μᾶστιξ ῥαβδισμού τε καὶ ῥαπίσματα,

καὶ πᾶσα ἀρπαγὴ καὶ ἀδικία ὑπὸ τῶν ἐν τούτῳ προσεδρευόντων δαιμόνων ἐτύγχανεν ἐν τῷ διέρχεσθαι τὰς ψυχὰς παραπλησίως τοῖς ἄλλοις κατηγορεῖσθαι ἐν τούτοις καὶ ἐτάζεσθαι. Μὴ εὐρηκότων οὖν τι τούτων ἐν ἐμοὶ τῇ τοῦ Χριστοῦ χάριτι, δὴλθομεν τῶν ἐκέισε μὴδὲν ζημιωθέντες τὸ σύνολον.

Καὶ ἰδοὺ ἕτερον τελώνιον συνήνητησεν ἡμῖν ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς κλοπῆς· αὐτεμολησάντων οὖν ἡμῶν πρὸς αὐτό, ἡρεύνων κατὰ μικρὸν οἱ ἀλάστορες καὶ πικροὶ συζητηταὶ πᾶσαν πράξιν τῆς ὄλης ζωῆς μου, καὶ ὅσα ἠδυνήθη(φ. 95 ν.)σαν εὑρεῖν ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτῶν ἐν ἐμοὶ περὶ κλέμματος, ἀντελάμβανον αὐτὰ καὶ σφοδρῶς κατηγοροῦν μου· οἱ δὲ ὀδηγοῦντές με θεοὶ νεανίσκοι, δόντες αὐτοῖς τὸ ἰκανὸν ἀπὸ τῆς θείας δωρεᾶς τοῦ κυρίου μου καὶ θεράποντος Θεοῦ Βασιλείου, ἀνήχθημεν ἐκεῖθεν καὶ πορρωτέρω ἐπορευόμεθα.

Καὶ ἐν τῷ ἀνέρχεσθαι ἡμᾶς τὴν φοβερὰν ἐκείνην ὁδὸν καὶ τέλος οὐκ ἔχουσαν, φθάνομεν εἰς ἕτερον τελώνιον ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς πορνείας· ὁ οὖν ἀρχων τοῦ τοιοῦτου τελωνίου πονηρὸς καὶ πικρὸς ἦν λίαν, προκαθεζόμενος ὡσπερ λέων ἀνήμερος, περιβεβλημένος χιτῶνιον κονσηποδῆ (sic) ἀφρῶ καὶ αἵματι βεραντισμένον, ἐφ' ᾧ ὡς ἐν πορφύρᾳ βασιλικῇ τερπόμενος ἐγαυριᾶτο καὶ ὠραίζετο. ἐν τούτῳ δὲ τῷ χιτῶνίῳ ἐφαίνοντο εἰκονίσματά τινα δαιμονιόμορφα κεκολλημένα πρὸς ἄλληλα δῆθεν διαλεγόμενα, εἰργασμένα ἐν αὐτῷ καὶ ἐξυφασμένα ἀπὸ τῆς αἰσχρᾶς καὶ βεβήλου ἐργασίας τῶν οἰκην χοίρων τῇ μίξει τῆς πορνείας ἀδεῶς καὶ ἀκορέστως, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἀσώ(φ. 96 γ.)τως ἐγκυλινδομένων, νοητῶς καὶ καταλλήλως κατεσκευασμένων τῷ τῆς ἡδονῆς ταύτης ἐξάρχοντι. Ἀναπηδήσαντες οὖν οἱ τούτου ὑπηρέται δεινοὶ καὶ φορολόγοι ἡμῶν πρὸς τούτους πλησιασάντων, ξενισθέντες καὶ ἐννεοὶ οἱ μιαρῶτατοι γενόμενοι, συνήνητησαν ἡμῖν στεναζόντες σφοδρῶς καὶ μετὰ πάσης ἀκριβολογίας διερευνοῦντες ἅπαντα τὰ ἐμοὶ πεπραγμένα ἐν τῷ βίῳ ἐκείνῳ κατὰ λεπτόν τι. Καὶ οὐ μόνον τὰ ἀληθεῖ εἰργασμένα μοι εἰς μέσον προτιθέντες παραπτώματα ἔφερον εἰς ἔλεγχόν μου μετὰ πολλοῦ τοῦ θράσους κατηγορεῖν μου ἐθέλοντες, καὶ αὐτὰ τῶν ἀνδρῶν τὰ ὀνόματα, μεθ' ὧν πολλάκις ὅταν ἤμην ἀπαλῆ κόρη ἐμετρίαζον λέγουσά πρὸς αὐτοὺς τινὰ ἄσεμνα ῥήματα, ὡς μία τῶν ἀφρόνων γυναικῶν τῶν τὰ τοιαῦτα ἐργαζομένων, ἀλλὰ καὶ αὐτοὶ

ἀφ' ἑαυτῶν ὑπονοίαις ἰδίαις χρῆσάμενοι ψευδῆ μου πάμπολλα δολίως προσέφερον· καὶ εἰς μαρτυρίαν τῶν τοιούτων μου ψευδεπιπλάστων κατηγοριῶν ὀνόματά τινα παρώνυμα καὶ (f. 96 v.) σύστημα καὶ τεχνῶν ἐπιτηδεύματα παρίστων καὶ ἐκραταιοῦντο πειρώμενοι ἀφάρ-
πάσαι με ἀπὸ τῶν ἀγίων καὶ ἀχράντων χειρῶν τῶν φωτειδῶν ἐκεί-
νων νεανίων καὶ καταγαγεῖν με ἐν τοῖς κατωτάτοις τοῦ ἄδου τα-
μείοις. Καὶ ταῦτα ἐκείνων οὕτως εἰσπραττομένων καὶ πονηρευομένων
κατ' ἐμοῦ, οἱ καλοὶ μου προστάται καὶ ὁδηγοὶ ἀντεχόμενοί μου ἔλε-
γον πρὸς αὐτοὺς· Εἰ καὶ ταῦτα πολλάκις εἰργάσατο, ἀλλ' ἐπαύσατο
καὶ σεσίγηκεν ἀπὸ τῶν τοιούτων μυσαρῶν ἔργων χρόνους ἤδη
ικανούς· οἱ δὲ δῆμιοι ἐκεῖνοι ἀντέλεγον αὐτοῖς· Ὅτι μὲν σεσίγηκεν
ἀπὸ τῶν τοιούτων κακῶν καιρῶ ἰδίῳ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα, πλὴν
δὲ τὰ μυστήρια ἡμῶν παρ' ἑαυτῇ κεκρυμμένα ἐκέκτητο· ἡγάπα γὰρ
ἡμᾶς καὶ οὐκ ἤθελε θριαμβεῦσαι τὰ ἔργα ἡμῶν τινὶ πνευματικῶ
πατρὶ ἐπὶ τῆς γῆς δι' ἐξαγορεύσεως· ὡδε γὰρ ἡμεῖς εὐρίσκομεν
ταῦτα ἐν τοῖς κώδιξιν ἡμῶν ἀνεξάλειπτα· τὰ γὰρ ἐξαγορευόμενα ἐπὶ
τῆς γῆς, ἀοράτως ἀπαλειφόμενα, οὐδαμῶς ἐνταῦθα ἡμῖν (f. 97 r.)
εὐρίσκονται, ὅτι δὲ οὐκ ἐξηγόρευσεν, οὐδὲ ἐν ἐπιτιμίαις δεδούλευκεν,
οὐδὲ ἔλαβεν ἐπὶ τούτοις συγχώρησιν παρὰ τοῦ ἀναδόχου καὶ πνευμα-
τικοῦ αὐτῆς πατρός, ἀλλ' ἤθελε δικαιοῦν ἑαυτὴν καὶ ἀγίαν τοῖς ἀν-
θρώποις καὶ ἀμεμπτον φαίνεσθαι, διὰ τοῦτο τοίνυν παρ' ἡμῶν δικαίως
ἐτάσσεται· οὐκοῦν τίς ἐστὶν ὁ ἐν τοσοῦτοις καὶ τηλικούτοις κακοῖς οὐσί,
ὑπευθύνῳ ἐν ἡμῖν ἐξελεῖσθαι αὐτὴν ἐκ τῶν χειρῶν ἡμῶν [τολμῶν];
Ἡ τοίνυν ἀφέντες αὐτὴν ἄπιτε, ἢ δι' ἔργων ἀγαθῶν ἰσοστάθμων
τὰ παρ' ἡμῶν κατ' αὐτῆς ἐμφανιζόμενα ἐξωνήσασθε. Οἱ οὖν ἅγιοι
ἐκεῖνοι νεανῖαι, ἐκβαλλόντες ὡς ἐκ μαρσηπίου ἀφ' ὧν αὐτοῖς δέδωκεν
ὁ πανάγιος μου πατήρ καὶ θεράπων Χριστοῦ Βασιλεῖος δωρεῶν χάριν
λύτρου τῆς ψυχῆς μου μέρος τι, δέδωκεν αὐτοῖς ἰσόσταθμα ὧν κατ'
ἐμοῦ ἔφερον ἀληθῶς κατηγοριῶν, καθὼς καὶ ἀνωτέρω πολλάκις εἰρη-
ται. Ἄραντές με ἐκεῖθεν ἐπορευόμεθα ἐπὶ τὰ πρόσω· ἔτριζον οὖν οἱ
βεβορβορωμένοι ἐκεῖνοι καὶ ὀλέθριοι αἰθίοπες καὶ ἔβρυσαν κατ' ἐμοῦ
τοὺς ὀδόντας αὐτῶν καὶ διεπρίοντο λέγοντες· Τίς ὁ παρασχὼν αὐτῇ
τὰ τριαῦτα θεῖα καὶ (f. 97 v.) ἀληθῶς θεάρεστα ἔργα δι' ὧν τῶν χει-
ρῶν ἡμῶν ἀπέδρα ἐξωνησαμένη πάσας τὰς ἀνομίας αὐτῆς; καὶ οὐκ

ἡδυνήθημεν ὅλως περιγενέσθαι αὐτῆς. Ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς ἔλεγον πρὸς με οἱ φωτοειδεῖς ἐκεῖνοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ καὶ ἀγαθοὶ μου προστάται· Ὁρᾷς τὸ τελώνιον τοῦτο ὅπερ διήλθομεν; Ἐμοῦ δὲ εἰρηκότος πρὸς αὐτοῖς· Ναι, κύριοί μου, οἱ δὲ λέγουσιν· Ὀλίγαι ψυχαὶ διέρχονται αὐτὸ ἀζημιῶνται διὰ τὸ εἶναι τὸν μάταιον ἐκεῖνον κόσμον ἀπὸ τῆς ἄγαν τρυφῆς καὶ σπατάλης αὐτοῦ φιλόπορον, φιλήδονον, μοιχαλίδη καὶ ἀμαρτωλόν· καὶ μάλιστα αἱ μὴ τοῖς τῶν θείων γραφῶν διδάγμασιν ἱεροῖς πειθαρχήσασαι, τῶν καθ' ἑκάστην περὶ τῶν τοιούτων δεινῶν καὶ χαλεπωτάτων τελωνίων κηρυττόντων καὶ ἐκδιδασκόντων, ἀλλὰ τοῖς σφῶν λογισμοῖς ἐπαγόμεναι, ὡσεὶ λήρων ῥήματα ἠγοῦντο ταῦτα. Ἔως τοῦτο γὰρ τὸ πάνδεινον καὶ ὀλεθριον τελώνιον πολλαὶ πολλάκις ἀνερχόμεναι ψυχαὶ, κατασπῶνται κάτω καὶ μέχρις ἄβου (f. 98 r.) ταμείων δεσμούμεναι κατακλείονται ἕως τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ μεγάλης ἡμέρας τῆς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ δευτέρας παρουσίας· τότε γὰρ πᾶσαι αἱ κατακλεισθεῖσαι ἐκεῖσε ψυχαὶ ἐξέλθωσιν εἰς συνάντησιν τοῦ Κυρίου ἵνα ἐκάστη αὐτῶν, ἀφ' ὧν εἰργάσατο πράξεων, ἀπολαύσῃ τὰς ἀμοιβὰς παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ. Ὁ δὲ καὶ αὐτῆ ἔμελλε παθεῖν, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Χριστοῦ Βασίλειος προφθάσας ἐρύσατό σε ἐκ τούτων· νῦν δὲ τέρπου καὶ ἀγάλλου, ἐπεὶ διὰ τῶν τιμῶν αὐτοῦ εὐχῶν νενίκηκας καὶ διέδρας τοῦτο καὶ τὸν μέγαρα καυχώμενον καταπαεῖν καὶ συλῆσαι πάντας τοὺς ἐνθάδε διοδοῦντας διὰ τὸν τῆς πορνείας χαλεπώτατον δλησθον ἄρχοντα καὶ ἔξαρχον τοῦδε τοῦ τῆς πορνείας τελωνίου κατὰ κράτος ὠλέσασα γέλοιον εἰργάσω, ὡς μὴ δυνηθέντος κατὰ σοῦ ἄραι χεῖρας ἢ κεφαλὴν· καὶ τοῦ λοιποῦ οὐκ ὀφει κακιά.

Ταῦτα ἐκείνων πρὸς με λεγόντων, ἰδοὺ καὶ ἕτερον τελώνιον συνήντησεν ἡμῖν ὅπερ ἔλεγον εἶναι τῆς ἀσπλαγχνίας (f. 98 v.) καὶ σκληροκαρδίας, ἐν ᾧ πάντες οἱ ἀνελεήμονες, οἱ σκνιφοὶ, οἱ ἀσπλαγχνοὶ, οἱ ἀπηνεῖς, οἱ μισάδελφοι καὶ μισάνθρωποι πικρῶς καὶ ἀπηνῶς καὶ σφοδρῶς ἐρευνῶνται καὶ ἐξετάζονται ἀνηλεῶς, ὃν τρόπον καὶ αὐτοὶ ἐν τῷ κόσμῳ ὄντες πρὸς τοὺς ὁμογενεῖς αὐτῶν καὶ ἀδελφοὺς διέκειντο· ὅποτε γὰρ κατορθώσῃ ἄνθρωπος πάσας τὰς ἐντολάς τοῦ Θεοῦ, μείνῃ δὲ ἀσπλαγχνος καὶ ἀνελεήμων πρὸς τὸν πλησίον καὶ

ὁμογενῆ αὐτοῦ, καὶ φθάσῃ ὁ τοιοῦτος τελευτήσῃ, ἀνέρχεται ἡ ψυχὴ αὐτοῦ ἀκωλύτως μέχρι καὶ τοῦ τελωνίου ἐκείνου· φθασάσης δὲ ἐκεῖ, εὐθέως κατακρατεῖται ὑπὸ τῶν πικρῶν καὶ ἀνελεημόνων τοῦ τελωνίου ἐκείνου ὑπασπιστῶν, καὶ ὡς ἀνελεήμονα καὶ ἀσπλαγγνον οὖσαν τύπτοντες καὶ κολαφίζοντες αὐτὴν ἀνηλεῶς κατασπῶσι καὶ κατακλείουσιν αὐτὴν ἐν τοῖς ζοφεροῖς τοῦ ἄδου ταμείοις ἕως τῆς κοινῆς ἀπάντων βροτῶν ἀναστάσεως, τοῦ Θεοῦ μὴδ' ὅλως ἐλεοῦντος αὐτὴν, ὡς αὐτὴ φέτο, διὰ τὰς λοιπὰς αὐτῆς ἀρετὰς, μὴδὲ οἰκτείροντος, ἀλλὰ μᾶλλον (f. 99 r.) βδελυσομένου καὶ μυσαττομένου αὐτὴν, ἀνδ' ὅτου οὐ δέδωκε πώποτε πτωχῷ τινὶ κλάσμα ἄρτου, οὐ πέννητι ὀβολόν, οὐχ' ὀδίτη ὕδωρ ψυχρὸν, οὐ στέγην τινὶ ξενοδ[α]κτῆ, οὐκ ἐνέδυσσε γυμνὸν βιγούντα καὶ τετραχωμένον κρύει παλαιὸν βάκος, οὐκ ἐπεσκέψατό τινα ἐν ἀσθενείᾳ κείμενον ἢ ἐν δεσμομηρίῳ κρατούμενον ἢ βιαζόμενον ὑπὸ χρέους, καὶ ταῦτα μάλιστα δυνατῶς ἔχουσα· εἰ δ' ἴσως οὐκ ἠδύνατο ταῦτα δι' ἔργων ποιήσασθαι, καὶν διὰ λόγου καὶ εὐπροαιρέτου γνώμης ἐνδείξασθαι εἰς αὐτοὺς τὸ συμπαθὲς καὶ φιλάνθρωπον· ὅτι δὲ ταῦτα πάντα μὴ βουληθεῖσα ποιήσασθαι, διὰ τοῦτο, ὡς εἴρηται, διερχομένη ἐκεῖσε δεινῶς κατακρίνεται. Ταῦτά μοι τῶν φωτειδῶν ἐκείνων καὶ ὡραίων νεανίων περὶ τοῦ τελωνίου ἐκείνου ἐξηγουμένων, κατὰ τὴν ὁδὸν ἐν ὄσφ ἀνηρχόμεθα προσεγγίσαντες αὐτό, εὐρομεν τὸν ἄρχοντα τούτου ἀπηγγιωμένον σφόδρα καὶ ἀκαμπῆ, ὡς ἀπὸ τῆς ἄγαν ἀσπλαγγνίας αὐτοῦ φαίνεσθαι αὐτὸν (f. 99 v.) τὸν ὑπὸ βαρυτάτης νόσου κατεσκληρότα καὶ ὡσπερ ἀποκλαιόμενον ὑπὸ τῆς ἐνοικουσίας αὐτῷ κακίας, τζιγραινόντά τε καὶ δριμυσομένον, καὶ τῶν ὧν ἐξῆρχε παθῶν τὰ σχήματα καὶ τὰ ιδιώματα ἐν ἑαυτῷ σαφῶς περιφέροντα (ἐκάθητο δὲ τεθηριωμένος ὄλος), πῦρ πνέοντα ἀσπλαγγνίας καὶ πάντας καταπιεῖν σπεύδοντα τοὺς ἐκεῖσε διερχομένους. οἱ δὲ τούτου ὑπηρεταὶ καὶ δεινοὶ φορολόγοι λίαν ἀπηνεῖς καὶ ἀνελεήμονες, οἳτινες προὔπηνησαν ἡμῖν μυρμηδῶν ἐπιγυθέντες, βρυχόμενοι καὶ τρίζοντες τοὺς ὁδόντας αὐτῶν κατ' ἐμοῦ, ἔγγραφα πλεῖστα ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν περιφέροντες, ἐρευνῶντες, ἐξετάζοντες καὶ πολυπραγμονοῦντες τὰ κατ' ἐμοῦ, εἰ που τι εὔρεῖν δυνήσονται τῶν τῆς ἀσπλαγγνίας ὧν ἐχρῆζον εἰς τὸ κατασπάσαι με ἐν τοῖς ἐκείνων χαλεπωτάτοις ταμείοις· μὴ εὐρόντες δὲ Χριστοῦ χάριτι ἀφ' ὧν ἠλπίζόν τι κατ' ἐμοῦ,

ἀλλὰ μᾶλλον χρηστότητα πρὸς πάντα καὶ ἐπιείκειαν, συμπάθειάν τε καὶ δαφιλῆ ἐλεημοσύνην· εἴποτε γὰρ δέδωκά (f. 100 r.) τινὴ κλάσμα ἄρτου, ἢ ὄβολόν, ἢ ποτήριον οἴνου ἢ καὶ ὕδατος, ἢ ξένον ἤγαγον ἔνδον τοῦ κελλίου μου, ἢ λυπούμενῳ συνελυπήθη, ἢ πενθεῦντι ἐπένησα, ἢ πρὸς ἀσθενῆ ἐπορεύθη, ἢ πρὸς φυλακὴν ἐβάδισα χάριν ἐπισκέψεως τῶν ἐν αὐτῇ δευνῶς κατακρατούμενων ἀδελφῶν, ἢ τούτους παραινετικῶς λόγοις μακροθύμως φέρειν τὰς θλίψεις παρεκάλεσα, καὶ ἀπλῶς εἶπεν καθὰ ἡ προαίρεσις καὶ ἡ χεὶρ μου ἠδύνατο εἰργασάμην· πάντα ὑπεδείκνυον αὐτοῖς οἱ ἀγαθοὶ μου προστάται καὶ ὁδηγοὶ· ἅτινα κατιδόντες οἱ αἰμοβόροι ἐκείνοι καὶ ἀπηγεῖς αἰθίοπες, κατὰ κράτος εἰς τέλος ἠσχύνθησαν καὶ ἀφέντες ἡμᾶς ἀφανεῖς γεγόνασιν, ἡμεῖς δὲ χαρμονῆς πλείστης ἐμπλησθέντες εὐφραϊνόμενοι τάχιστα ἀπίστημεν ἀπ' αὐτῶν διὰ τὸ μὴ ζημιωθέντες παρ' αὐτῶν τὸ οἰονοῦν, καὶ γεγηθότες εἰσω τῆς πύλης τοῦ οὐρανοῦ εἰσεληλύθαμεν.

Ἦν δὲ αὕτη ὡσπερ εἶδος κρυστάλλου φωταυγοῦς θαυμαστῆ καὶ ὠραία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ ἔργα ἐξ ἀστέρων δι' αἰγείας καὶ πυρσοῦ ὡς ἐν χλωρότητι χρυσοῦ (f. 100 v.) διαφέροντα, κατηγλαισμένα καὶ ὠραζόντα, καὶ νεώτερος ἦν ἐστῶς ἐπὶ τῆς πύλης ταύτης ἀστραπῆς περιεζωσμένος, καὶ οἱ πόδες αὐτοῦ πυρσὸν ἀστέκτου πυρὸς ἀποσιλβοντος, ἢ δὲ τοῦ προσώπου αὐτοῦ ὄρασις γλυκυτάτη καὶ ἠδύς σφόδρα· καὶ αὐτὸς εὐφραϊνόμενος καὶ χαίρων ὑπεδέξατο ἡμᾶς μεγάλως δοξαζῶν τὸν Θεὸν τὸν εὐδοκῆσαντα ψυχὴν διελθεῖν ἀπειράστως τὰ πικρὰ καὶ φοβερὰ τελώνια τοῦ σκότους τοῦ αἴρος. καὶ ἀσπασάμενος ἡμᾶς ἀφῆσι πορρωτέρω πορεύεσθαι. Ἡμῶν δὲ πορευομένων ἐπὶ τὰ πρόσω ἔνδον τοῦ οὐρανοῦ, ὕδωρ ἐπάνω τοῦ στερεώματος εὖρομεν, κάκεινο ἀπὸ προσώπου ἡμῶν ὑπεχώρει καὶ τὴν ὁδὸν ἡμῶν ὑπεδείκνυε, καὶ διερχομένων ἡμῶν τοῦτο, πάλιν συνήγετο ἐπὶ τὸ αὐτό. Μετὰ δὲ τὸ τὴν ὀλκὴν ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ καὶ ἀκατασχέτου ὕδατος διαπερᾶσαι ἡμᾶς, κατηντήσαμεν εἰς αἶρα φρικτὸν καὶ ἀκατανόητον, καὶ ἐπ' αὐτῷ ἦν ἐξηπλωμένη δέρρις χρυσοῦ (f. 101 r.) φαῖς τὰ φοβερὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου ὑπερακοντίζουσα, ἐν δὲ τῇ δέρρει ἐκείνῃ ὑπῆρχον νεανίσκοι τινὲς ὠραῖοι καὶ ἐξαισιοὶ τὴν μορφήν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, πῦρ ἐνδεδεδεμένοι, καὶ ἡ θριξὶ αὐτῶν ὡς ἀστραπῆ, οἱ πόδες αὐτῶν καθάπερ γάλα, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὡσεὶ χιών ἢ μᾶλλον εἶπεν ἐξαστράπτοντα

ὑπερ τὸ φῶς· ὁτινες ὀρώντες με ἐν ταῖς γερσίν τῶν ὀδηγούντων με ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων καὶ φωτοειδῶν, συνέτρεχον καὶ συνέχαιρον σπιρτῶντες καὶ εὐφραϊνόμενοι ἐπὶ τῇ ἐμῇ σωτηρίᾳ, ἰδοῦ, λέγοντες, τῇ τοῦ Θεοῦ εὐδοκίᾳ ἐθησαυρίσθη ψυχὴ τῇ ὥρᾳ ταύτῃ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν. Καὶ συνεπορεύοντο ἡμῖν ψάλλοντες μέλος ἡδύτατον καὶ τερπνὸν λίαν, μεθ' ὧν καὶ ἀπηρχόμεθα προσκυνῆσαι πυριμόρφῃ καὶ θείῳ θρόνῳ τοῦ Θεοῦ. καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἡμᾶς, ἰδοῦ νεφέλη κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· ἦν δὲ αὕτη οὐχ' ὡς αἱ νεφέλαι αἱ ὑπὸ τὸν οὐρανόν, ἀλλὰ παρηλλαγμένη τῇ εὐχροίᾳ ὡσπερ Ἴον ἢ ῥόδον, (f. 101 v.) ἥς τὸ κάλλος ἀνεκφραστον ἀνθρωπίνῃ γλώσσει καὶ ὀφθαλμοῖς ἀθέατον. Παρήλθομεν οὖν ταύτην, καὶ ἰδοῦ ἐτέρα νεφέλη λευκὴ ὡς τὸ φῶς, ἀστραπὴν ἐκπέμπουσα φωτοβόλον, γλυκειὰν καὶ περιδόξιον, καὶ αὕτη διεστάλη τῇ προόδῳ ἡμῶν ὁμοίως τῇ πρώτῃ· καὶ ἰδοῦ ἐτέρα νεφέλη τῇ ιδίᾳ ὡσπερ χρυσὸς ἀποστίλβουσα, καὶ πορρωτέρῳ ταύτης αὐλῇ ποικιλότροπα κεκτημένη τὰ δάπεδα, αὐγὰς ἀστράπτουσα καὶ ἀπαυγάσματα μυριοβαφῇ ἐν χροαῖς δόξης δαψιλῶς ἀνατέλλουσα, καὶ ἐν αὐτῇ γλυκεία θυμηδία νοῦν ἀνθρώπινον ἐξιστῶσα· καὶ ἰδοῦ ἀνὴρ πυριμόρφος, καὶ εὐωδία Κυρίου ἦν ἐν αὐτῷ. Καὶ προβάντες ἐπι μικρὸν ὀρώμεν, καὶ ἰδοῦ θρόνος λευκὸς ἐξαστράπτων καὶ πάντοθεν αὐγὰς ἀποστίλβων καὶ ἐκπέμπων ποικιλοτρόπους, εὐφραϊνῶν καὶ ἡδύνων πάντας τοὺς ἐκεῖσε παρεστηκότας· κύκλῳ τοῦ θρόνου γὰρ ἐκείνου παρίσταντο νεανίσκοι λίαν ὠραιότατοι, εὐμεγέθεις, ὑψίκομοι ὡς κυπάρισσοι, (f. 102 r.) πορφύραν καὶ βύσσον ἐνδεδυμένοι λαμπρὰν καὶ φρικτὴν, ὅταν οὐδεὶς δύναται λόγος βρότειος διηγῆσασθαι. Προσελθόντες οὖν κατέναντι τοῦ φρικτωδέστατου ἐκείνου θρόνου τοῦ εἰς ὕψος ἀπειρον καθορωμένου καὶ ἐν ἀπειρῷ δόξῃ χρηστότητος καὶ δικαιοσύνης κατακαλλυνομένου, οἱ ἐμὲ ὀδηγοῦντες ὑμνησαν τὸν ἐν αὐτῷ ἀφράστως ἐπαναπαυόμενον Κύριον. αὐτῶν οὖν προσεκυνήσαμεν ἀμφοτέρω τὸν Πατέρα, τὸν Υἱὸν καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα, τὴν ἄκτιστον καὶ ἀκατάληπτον καὶ ζωαρχικὴν ἁγίαν Τριάδα· εἶτα συμφώνως πάντες σὺν ἡμῖν οἱ ἐκεῖσε παρεστῶτες χοροὶ τῶν ἀγγέλων ὑμνησαν λέγοντες· ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαώθ. καὶ ἦν πλήρης δόξης ὁ θρόνος ἐκεῖνος, καὶ εὐφράνθησαν ἅπαντες οἱ ἐκεῖσε ἰστώτες ἐπὶ τῇ ἐμῇ δόξῃ ἀνεκλαλήτῳ κλειζόμενοι. Καὶ ἰδοῦ φωνὴ

λιγυρά λίαν ἡδονῆς πάσης ἀνάπλευς ἐκ τοῦ ἀνωτάτω φάσκουσα πρὸς τοὺς ἐμὲ ὀδηγοῦντας· Διαβάσατε τὴν ψυχὴν ταύτην, ὡς ἐπὶ πασῶν τῶν ψυχῶν εἰώθα(φ. 102 v.)τε ποιεῖν, εἰς πάσας τὰς σκηνας καὶ μονὰς τῶν ἁγίων καὶ εἰς πάντα τὰ καταχθόνια, εἰθ' οὕτως καταπαύσατε αὐτὴν ἐν οἷς ὑμῖν ἐντέταλται Βασίλειος ὁ θεράπων μου. Ἀπάραντες οὖν ἐκεῖθεν ἐπὶ τὰς τῶν ἁγίων σκηνας ἐπορευθήμεν. αὐταὶ δὲ ἦσαν πολλαὶ σφόδρα σφόδρα μὴ ὑποκείμεναι ἀριθμῶ, ὡσπερ ἐξ ἡλιακῆς ἀκτίνος φαῖδροτάτην αἰγλὴν ἀστράπτουσαι, αἱ δὲ ἐκ μυριοβαφῶν ὡς ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας θείας αἰγλης αὐλῶς καὶ νοητῶς ἀστράπτουσαι χειρὶ Θεοῦ ἀνερμηνεύτως ἐν τῷ πεδίῳ ἐκείνῳ καὶ χωρίῳ τῆς Ἑδέμ, ἐν τόπῳ τῷ τῆς πνευματικῆς χλόης, ὅπου βλύζει ὕδωρ νοερὸν ἀνέσεως, ἐν τόπῳ ζωῆς καὶ ἀναπαύσεως ὕδατος ζῶντος, ἐν τόπῳ θείας ἀναψύξεως. καθάπερ γὰρ παλάτια ἐξηλλαγμένα ἐκ πολυχρῶν ψηφίδων καὶ μαρμάρων ποικίλων νοητῶς κατεσκευασμένα, οὕτως ἐχρημάτιζον αἱ τῶν ἁγίων αἰώνια ἐκεῖναι σκηναὶ, ἑτέρα τῇ ἑτέρα παρήλ(φ. 103 γ.)λαγμένη τῇ φαιδρότητι, ὥστε θάτερος θατέρου τῶν ἁγίων κατορῶν τὴν φοικτὴν ἐκείνην καὶ αὐλὸν ὠραιότητα τῶν σκηνῶν, κατευφραίνεσθαι τε καὶ ἐπαγάλλεσθαι καὶ τῆς τρυφῆς τοῦ κάλλους ἐκάστος ἐκάστου σκηνῆς κόρον εἰς τέλος μηδέπω δεξάμενος· ἰδίως οὖν πεφύκασιν αἱ τῶν ἀποστόλων σκηναὶ, καὶ ἰδίως τῶν προφητῶν, ἰδίως τῶν μαρτύρων, καὶ ἰδίως τῶν ὁσίων, ἰδίως τῶν ἱεραρχῶν καὶ διδασκάλων, καὶ ἰδίως τῶν δικαίων, καὶ ἀπλῶς ἐκάστον τάγμα τῶν ἁγίων, ἐκάστον εἶχεν ἰδιομερῶς τόπον τῆς κατοικίας αὐτοῦ, εὐτρεπισθεῖσαν αὐτῷ κατὰ τὴν ἐκάστου δηλαδὴ ἐργασίαν· ἦν δὲ ὁ τόπος ἐκεῖνος καὶ τὸ χωρίον, ἐν ᾧ αἱ σκηναὶ αὐταὶ τῶν ἁγίων δεξιὰ Κυρίου κατεσκευάσθησαν κατὰ τὴν ἐκάστου, ὡς εἰρηται, ἀρετὴν, εἰς εὖρος καὶ πλάτος, ὡς ἐμὲ τοῦτον εἰκάσαι, ἐκατονταπλασίως τῆς κατὰ κόσμον βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως, περὶ δὲ τοῦ κάλλους αὐτοῦ καὶ φαιδρότητος νοῦς καὶ λόγος οὐ δύ(φ. 103 v.)ναται ἀνθρώπινος ὀηγήσασθαι. Ἐν ὅσῳ δὲ ταύτας διερχόμεθα, ἐξήρχοντο πάντες οἱ ἅγιοι εἰς συνάντησιν ἡμῖν καὶ νοητῶς ἡμᾶς τῷ πνεύματι κατησπάζοντο, γεγηθότες λίαν καὶ εὐφραϊνόμενοι ἐπὶ τῇ ἐμῇ σωτηρίᾳ· διελθόντων δὲ ἡμῶν πάσας τὰς ἐκέισε τῶν ἁγίων σκηνας, ἀπήλθομεν καὶ πρὸς τὸν πατριάρχην θεῖον

Ἄβραάμ. και ἰδοὺ πλήρης δόξης ἀφράστου τε και ἀγήρου μακαριότητος και ἡδυσμάτων πνευματικῶν μύρων τε και ἀρωμάτων οὐρανίῳ ἢ σκηνῇ αὐτοῦ· ὁ δὲ κόλπος ἐκεῖνος, ἐν ᾧ ἡ τοῦ δικαίου σκηνὴ παρὰ Θεοῦ κατὰ τὰς ἐκείνου θείας ἀρετὰς θαυμαστῶς ἄνωθεν ὠκοδόμητο, πλήρης ἀνθέων ποικίλων, ἰσῶν και ῥόδων ἡδυπνῶν και ἀρωμάτων πολυειδῶν, χλόης τε και ἀναπαύσεως πολυεράστου και πάσης ἄλλης εὐωδίας και τερπνῆς θυμηδίας ἀνάπλευς· οὐτινος τὴν εὐάρεστον θέσιν και καλλονὴν και ἡδυτάτην τέρψιν καὶν πολλάκις πειράσσωμαι ἑμαυτὸν (sic) ἐξηγήσασθαι σοι, γλυκύτετον τέκνον Γρηγόριε, οὐδαμῶς (f. 104 r.) ἰσχύσω τὸ σύνολον· ὑπάρχουσι γὰρ ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ παλάτια νοητὰ τοῖς θεοῖς πατριάρχαις, Ἰσαάκ φημί και Ἰακώβ και τοῖς ἐξ αὐτοῦ δώδεκα, αὐλῶς και νοερῶς Πνεύματι ἁγίῳ τεχνουργισμένα και κατεσκευασμένα ὑπὸ Θεοῦ παντοκράτορος, μυριοπλασίους ἀκτίσι φρικτῶν διαυγειῶν μεμουσουρηγμένα τε και καθωραϊσμένα εἰς ἄκραν εὐπρέπειαν· ἐν ᾧ ἦν Ἄβραάμ καθεστηκῶς ἐπὶ θρόνου ἁγίου και πεφωτισμένου, κύκλῳ δὲ αὐτοῦ τὰ τῶν χριστιανῶν πεφωτισμένα τῷ ἁγίῳ βαπτίσματι και λυθέντα ἀρύπως τῶν τοῦ σώματος δεσμῶν νήπια παρεστῶτα ἐν ἀρρήτῳ δόξῃ και χαρᾷ ἀνεκλαλήτῳ, σκιρτῶντα και χορεύοντα. ἐκεῖ ἦν και Ἰσαάκ, ὡς εἴρηται, και Ἰακώβ και οἱ ἐξ αὐτοῦ δώδεκα πατριάρχαι, και πάντες οἱ ἐξ αὐτῶν γεγεννημένοι και καλῶς εὐαρεστήσαντες τῷ Θεῷ δι' ἐξαισίων και θείων πράξεων, ἐπὶ θρόνων ποικίλων και θαυμαστῶν ἐπαναπαυόμενοι· τοιοῦτῳ δὲ νόει μοι τῷ τρόπῳ ὁρῶνται αἱ ψυχαὶ τῶν (f. 104 v.) δικαίων και ἁγίων ἐκεῖσε, καθὼς ἡλιακὴν ἀκτίνα φαίνουσιν· καθορῶμεν μὲν ὡς ἐν εἴδει σώματος, ἄψασθαι δὲ και ἐγκρατεῖς ταύτης γενέσθαι ὅλως οὐ δυνάμεθα. οὕτω γὰρ και τῶν ἁγίων πάντων παρὰ τῶν ὁμοίως αὐταῖς ἡγιασμένων καθορῶνται ψυχαὶ, χρῶμα σώματος ἀπὸ μεταφορᾶς κεκτημένα, αὐλαὶ οὔσαι οὖν ὡς αἱ ἡλιακαὶ ἀκτίνες, κρατεῖσθαι παρὰ σωματικῶν χειρῶν ἀδύνατον. Και ἵνα τὰ πλείω καταλείψασα τῆς διηγήσεως τῶν ἐκεῖσε θεαμάτων τε και πραγμάτων (εἰ γὰρ και βουληθῶ κατ' ἴχνος τούτων βαδίσαι και καθ' εἰρμόν διηγῆσασθαι σοι πάντα ὡς ἐξῆς, οὐδαμῶς ἰσχύσω τὸ σύνολον, ἀλλὰ οὐδὲ ὁ χρόνος ἐπαρκέσει μοι ταῦτα διηγουμένης), ὀλίγα μνησθήσομαι και τὰ λεγόμενα ἔστωσαν σαφεῖ τῇ διανοίᾳ μετρούμενα. Παροδεύουσα τοῖνυν μετὰ

τὸ θεάσασθαι ταῦτα τὰ περικύκλω πάντα τοῦ παραδείσου, κατήχθη-
 μεν ἐν τοῖς καταχθονίοις καὶ διήλ(φ. 105 γ.)θομεν τὰ ταμεῖα τοῦ ἄδου,
 ἃ συνέτρψεν ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἐν τῷ καιρῷ τοῦ τιμίου
 καὶ ἀγράντου πάθους αὐτοῦ καπιῶν ἐκεῖσε μετὰ ψυχῆς θεϊκῶς καὶ
 πᾶσαν τὴν δύναμιν τοῦ θανάτου καὶ τοῦ ἄδου δεσμεύσας δεσμοῖς ἀλύ-
 τοις τὸν Σατανᾶν. Ἐῖτα ἀνήχθημεν ἐκεῖθεν καὶ ἤχθημεν πρὸς δυσμάς,
 ἐνθα αἱ πικραὶ κολάσεις καὶ χαλεπαὶ τιμωρίαι μένουσιν τοὺς ἐλει-
 νοὺς καὶ παραπλησίως ἐμοὶ ἁμαρτωλοὺς, ἅπαντα γὰρ ὑπέδειξάν μοι
 οἱ θεοειδεῖς ἐκεῖνοι ὁδηγοὶ μου καὶ ἀγαθοὶ μου προστάται τῇ προ-
 στάξει τοῦ Θεοῦ, λέγοντες πρὸς με· Θεάσαι καὶ ἴδε, ὅποσῶν ἀναγκῶν
 σε ἐρρύσατο ὁ Κύριος διὰ τῶν τιμῶν εὐχῶν τοῦ θεράποντος αὐτοῦ
 Βασιλείου. Καὶ γὰρ εἶδον τὰ ζοφερὰ ταμεῖα ἐκεῖνα τοῦ ἄδου ἐν σκοτει-
 νοῖς καὶ ἐν σκιᾷ θανάτου, ἐνθα αἱ ψυχαὶ τῶν ἀπ' αἰῶνος καταdedi-
 κασμένων ἐναποκλείονται οὔσαι πολλαὶ σφόδρα σφόδρα ὡσεὶ ἄμμος
 ἢ παρὰ τὸ χέλος τῆς θαλάσσης, μᾶλλον δὲ καὶ ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς
 γῆς, (φ. 105 ν.) μὴ δυνάμεναι ὅλως τὸ γλυκὺ φῶς θεάσασθαι εἰς
 τὸν αἰῶνα, ἀλλ' αἱ μὲν διαπαντὸς κρᾶζουσι τὸ οὐαὶ οὐαὶ καὶ μέλος
 ἀλαλάζουσι πικρὸν, πεινώσαι νοητῶς καὶ διψῶσαι τὸ βρῶμα καὶ πόμα
 τῆς σωτηρίας αὐτῶν καὶ γυμνητεύουσαι ἀπὸ παντὸς χιτῶνος πνευ-
 ματικοῦ καὶ τῷ ρύτῳ τῶν ἰδίων πλημμελημάτων κατεσθιῶμεναι,
 ὅθεν καὶ ὀλοφυρόμεναι βοῶσιν αἰεὶ ἐν πικρίᾳ καὶ ὀδύνη ψυχῆς αὐτῶν
 καὶ λέγουσιν ὀλολύζουσαι· Φεῦ φεῦ καὶ οὐαὶ οὐαὶ, ψυχικῇ δηλονότι
 καὶ ἀλαλήτῳ φθογγῇ καὶ οὐ διὰ σωματικῶν ὀργάνων ἐξηρθρω-
 μένη καὶ λεγομένη· καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτιρῶν αὐτάς. Ἐν
 γοῦν τῷ πορευέσθαι τὴν ψυχὴν ἐν τούτοις τοῖς δεινοῖς καὶ ἀφεγγέσι
 διόλου ταμείοις τοῦ ἄδου, τέκνον Γρηγόριε, φῶς χρηματίζοντες οἱ
 καθοδηγοῦντες αὐτὴν ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ φωτίζουσι τὰ σκοτεινὰ
 ἐκεῖνα, ἐνθα, ὡς εἴρηται, οἱ ἁμαρτωλοὶ κολάζονται, καὶ βλέπει ἡ ψυχὴ
 τὰ ἐκεῖσε χαλεπὰ καὶ πλήρη γόνων καὶ θρήνων βασανιστήρια, ἵνα
 εἰδέναι ἔχη ποταπῆς (φ. 106 γ.) σκοτομήνης καὶ πικρᾶς κολάσεως,
 ἐλλεί Θεοῦ ἀποστᾶσα τῆς ἁμαρτίας, ἐρρύσθη, καὶ δεξιᾶς ὁδοῦ ἐν σε-
 μνότητι πορευθεῖσα τῶν θείων τοῦ Θεοῦ προσταγμάτων ἐπὶ τὴν
 ἀμείνω καὶ ἀθάνατον ζωὴν ποιηλοτρόπως κατήνησε.

Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τοιαῦτα περιελθοῦσα δι' ἡμερῶν τεσσαρά-

κοντα, ἀφ' ἧς ἐχωρίσθην τοῦ πηλίνου ἐκείνου καὶ ταπεινοῦ μου σώματος, εἰς τὴν κατάπαυσιν ταύτην ἐν ἣ με καθορᾶς ἦλθον, ἥτις οὐκ ἔστιν ἐμὴ, ἀλλὰ τοῦ ὁσίου καὶ κοινοῦ ἡμῶν πατρὸς Βασιλείου τοῦ ἀληθῶς γνησίου θεράποντος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὃς ἐτι πάρεστι ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ἀναστρεφόμενος, καὶ ἀποστολικῆ διδασκαλίᾳ ψυχᾶς πολλὰς πεπλανημένας ἐπιστρέφει πρὸς σωτηρίαν καὶ προσάγει τὰς διὰ μετανοίας καὶ ἀψευδοῦς ἐξομολογήσεως καὶ εἰλικρινοῦς ἐπιγνώσεως κεκαθαρμένας τε καὶ σεσωσμένας Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν ὡς θυμίαμα καὶ θυσίαν δεκτὴν εἰς ὁσμὴν εὐωδίας πνευματικῆς· καὶ γὰρ ἄλλαι πλείσται ψυχαὶ ἐνθάδε σὺν ἡμῖν οἰκοῦσιν, ἃς πρὸ ἐμοῦ ἀντελάβετο (f. 106 v.) ἐξ ὁδοῦ ἀνομίας αὐτῆς, καὶ ἤγησε τὰς καὶ σεσωσμένας Κυρίῳ ἐνταῦθα προέπεμψεν· ἔστι γὰρ ὧδε τὸ πνεῦμα κυροῦ Ἰωάννου καὶ τῆς αὐτοῦ κυρᾶς Ἑλένης, ὅτινες καλῶς καὶ θεαρέστως διηκόνησαν αὐτῷ ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ· τῶν δὲ λοιπῶν ψυχῶν τῶν παρ' αὐτοῦ διδαχθέντων καὶ ὀδηγηθέντων πρὸς τὴν ἐνταῦθα ζωὴν ἔκπαλαι τῶν χρόνων, αἵτινες σὺν ἐμοὶ ἐνθάδε οἰκοῦσιν, οὐδαμῶς ἐπίσταμαι ὅποια καὶ τίνων τυγχάνουσιν, μὴ ὀπωσοῦν ἐτι ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ οὕσα μαθοῦσα περὶ τούτων ἢ ἀναδιδασχθεῖσα τὰ τούτων ὀνόματα. Ὅμως δεῦρο σὺν ἐμοὶ καὶ πρὸς τὰ ἔνδον χωρήσωμεν, καὶ ὄψιαι τὰ ἐν οἷς αὐλιζόμεθα· καὶ γὰρ καὶ ὁ ἐκλεκτός τοῦ Θεοῦ καὶ πανόσιος πατὴρ ἡμῶν καὶ μέγας τῷ ὄντι Βασίλειος πρὸ μικροῦ ἐνταῦθα παρεγένετο ἐπισκέψεως χάριν ἡμῖν καὶ ἀκμὴν ἐνθάδε τυγχάνει. Ὡς οὖν ἔνδον ἐχωρήσαμεν προπορευομένης αὐτῆς ἔμπροσθέν μου, ἀπεσκόπουσαν πρὸς αὐτήν· καὶ ἰδοὺ ὄλη ἦν καλὴ καὶ ὡραία, θείῃ ἐλαίῳ καὶ μύρῳ ἐπι(f. 107 r.)κεχρισμένη καὶ ἀποσταίλουσα ὡσπερ ἀπὸ ἰδρώτος, λινοῦν ἡμφιεσμένη λευκὸν ὡσεὶ χιῶν, καὶ σουδάριον ἐκ βύσσου φοροῦσα περὶ τὴν κεφαλὴν. καὶ ἐξιστάμην ὄλος ἐκθαμβος γενόμενος ἐπὶ τῇ ταύτης ἀφάτῳ καὶ ἀμηγάνῳ θεωρίᾳ. Εἰσῆλθομεν εἰς τινα περίαυλον ξένον καὶ παντελῶς ἐξηλλαγμένον· καὶ ἦν τὸ δάπεδον αὐτοῦ ἐξαστράπτον, περικεκοσμημένον γρυσσᾶτι πλαξί, καὶ ῥύπος ἐν αὐτῷ οὐ προσῆν τὸ σύνολον, καὶ ἀῆρ ἀστραπόμορφος περιηγάζεν αὐτό, ἐν δὲ ταῖς ἀρμονίαις τῶν χρυσοφανῶν ἐκείνων πλακῶν ὑπῆρχον φυτὰ ἐξηητισμένα παντοῖα τῶν ἡδυπνῶν καὶ ἀγλαοκάρπων ὡραίως πεφυτουρημένα, καὶ

ἴσταντο τὴν ἀνεκκλάλητον καὶ ἀδιήγητον ἡδονὴν καὶ θυμηδίαν ἐκπέμποντα καὶ εὐφροσύνης θείας πληροῦντα τοὺς καθορῶντας αὐτά· μέγιστον δὲ ἦν σφόδρα τὸ περιούλιον ἐκεῖνον εἰς εὖρος καὶ μῆκος. ἄρανος δὲ μου τὸ ὄμμα πρὸς ἀνατολὰς τοῦ περιουλίου, ὁρῶ (f. 107 v.) παλάτια φωτεινὰ φρικτῶς κατεσκευασμένα καὶ εἰς ἄπειρον μέγεθος ὕψους τὴν ἔπαρσιν κεκτημένα, καὶ ἐν τούτοις μὲν οὖν οὐδαμῶς εἰσεληλύθαμεν· ἔγγιστα δὲ τῶν ἀνόδων αὐτῶν ἴστατο τράπεζα μεγίστη πῆχων τριάκοντα, καὶ αὕτη ἦν ἐκ λίθου σμαράγδου ὠραίως λελατομημένη καὶ κατεσκευασμένη, ἀκτῖνας ἐκπέμπουσα φωτοβόλους, πρὸς δὲ τῇ κεφαλῇ αὐτῆς μυγδάλου φυτὸν ὠραῖον διηνησιμένον ἴστατο πεφυτευμένον, καὶ ἐκυρτοῦτο ἐπάνω αὐτῆς κατασκιάζον ἅπαν τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ εὐπρέπειαν ἀσύγκριτον παρέχον ἐν τῷ ὁρᾶσθαι. ἐν γοῦν τῇ τοιαύτῃ τραπέζῃ ἐωρῶντο ὡσεὶ μῖσοι προκείμενοι διάχρσοι ἀστραποειδεῖς λυχνιταῖοι καὶ ἀπλῶς ἐκ πάντων τῶν ἐντίμων λίθων καὶ χρυσῶν τῶν ἐκ τοῦ παραδείσου ἐξερχομένων ὁμοιοφερεῖς, σφόδρα κεκαλλωπισμένοι καὶ εὐφροσύνην καὶ εὐπρέπειαν ἀσύγκριτον ὠραιότητά τε καὶ ἡδονὴν γλώσση ἀνθρωπίνη ἀνερμή- (f. 108 r.)νευτον καὶ ἀκοῇ ἀνήκουστον· τὰ δὲ ἐδέσματα τὰ μέσον αὐτῶν προκείμενα ἐωρῶντο ὡς ὀπῶραι τινες φρικτοβαφεῖς ὠραιότατοι, ἐκ χροιάς πορφυρᾶς καὶ ἀκτινοειδοῦς, ὡσεὶ γλυκοκαλάμου ρίζης καὶ κοκκίνης εὐχροιάς, θάτεραι θατέρων καὶ γέυσεων ποιότητι μυριομίκτως, ἀνερμηνεύτως τε καὶ ἀνεκδιηγήτως ἔχοντα εὐχρημάτιζον· καὶ ἄνθη ποικίλα πρῶτιστα ἐν τοῖς τοιούτοις μίφοις ἐπέκειντο· ἐπάνω δὲ τῶν θείων ἐκείνων ὀπῶρων παντοῖαι ἰων καὶ ῥόδων εὐόσμων ἰδίαι ἐπέκειντο, ἐν λόγῳ ἄφραστον, ἐν ὁσφρήσει καὶ αἰσθήσει ἀνθρωπίνης διανοίας ἀκατανόητον καὶ ἀνεκδιήγητον τὴν εὐοσμίαν καὶ ἡδύτητα τοῖς ὁρῶσι παρέχουσαι. τῆς γὰρ μιᾶς ἐκάστης τῶν ὀπῶρων παρ' αὐτῇ τὴν οικεῖαν εὐοσμίαν καὶ ἡδύτητα κεκτημένης καὶ τῆς ἐξ ἀμφοτέρων συγχιρναμένης ἡδυπνούου καὶ ποικίλης ὀδομῆς, ὃ ἐκεῖσε ἅπας χῶρος τῆς ἀπάτου ἡδύτητος καὶ εὐφρο(f. 108 v.)σύνης ἐπληροῦτο, καὶ τοῖς θεωμένοις ταῦτα κόρος οὐδαμῶς προσεγίνετο. Ἦν δὲ ὁ ἡγιασμένος πατὴρ ἡμῶν Βασίλειος καὶ μέγας ἐν ἀσκηταῖς ἐπιζόμενος πρὸς τῇ κεφαλῇ τῆς τοιαύτης ὠραίας καὶ θαυμαστῆς τραπέζης ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ καὶ φρικωδεστάτου, ἐξαίσιον κάλλος κεκτημένος καὶ οἶα

κύριος πάντων τῶν ἐκεῖσε χρηματιζῶν καὶ ἐνδόξως ἐπαναπαυόμενος ἐπὶ θρόνου, ὡς εἶρηται, μεγίστου καὶ φρικωδεστάτου· ἦν δὲ οὗτος ὁ θρόνος πράσινος καὶ ποικίλος τῇ χροίᾳ, ἐκπέμπων ἀκτῖνας τῆς οἰκείας λαμπηδόνος καὶ ὑπὸ τοῦ ἀρχιτέκτονος καὶ μόνου ποιητοῦ τῶν πάντων ἐκτετορευμένος. πάντων δὲ τῶν ἀφράστων ἐκείνων ἀθεάτων τε καὶ ἀρρήτων ἀγαθῶν καὶ τῆς ἀνεκλαλήτου εὐφροσύνης ἦν ἐξουσιαζῶν ὁ ὄσιος. ἦσαν δὲ συνευφραϊνόμενοι αὐτῷ καὶ συνευχούμενοι νεανίσκοι πλεῖστοι μὴ ὑποκείμενοι ἀριθμῷ, τρυφῶντες τὴν θαυμασίαν ἐκείνην καὶ θείαν ὄντως ἀπόλαυσιν· (f. 109 r.), ὅσον τε ἦσθιον ἀπὸ τῶν προκειμένων ἐκείνων θείων ἐδεσμάτων ἐν τῇ θαυμασίᾳ καὶ θεοτεύκτῳ τραπέζῃ, ἔτι ἐπλεώναζον καὶ οὐδαμῶς ἐξέλειπον. Οὗτοι οὖν οἱ τὴν αὐλὸν καὶ πνευματικὴν ἐκείνην ἐσθίωντες καρυκίαν, χαρᾶς ἀφράστου καὶ ἀρρήτου ἀγαλλιᾶσεως ἐνεπίμπλαντο· ὑπῆρχον δὲ τὰ πρόσωπα αὐτῶν, ὡσπερ ἀκτῖνες ἡλίου ἀσπράπτουσαι, ἠδονῆς καὶ θυμηδίας ἀπείρου πληρούμενοι καὶ πάντες μειδιῶντι προσώπῳ καὶ μελιρρύτῳ φθογγῇ ἀλλήλοις προσδιαλεγόμενοι, ἄρτῳ τε οὐρανίῳ θαυμασίως ἐτρέφοντο καὶ ποτήριον εὐφροσύνης καὶ ἀνεκφράστου ἠδύτητος ἐπινον· ἦν δὲ ὁ ἐπὶ τοῖς αὐλοῖς ἐκείνοις ἠλιοφεγγεῖσι ποτηρίαις κιννάμενος οἶνος, τῇ χροίᾳ ἐρυθρῷ πυρακίσματι λίαν εὐπύρως ἀπαστρέπτων, καὶ ὀπηνίκα τις αὐτῶν ἐπὶ χεῖρας ἐδέξατο τὴν θαυμαστήν ἐκείνην καὶ φωτοβόλον κύλικα, νέκταρος ἀμβροσίας πεπληρωμένην, καὶ τῷ ἰδίῳ στόματι ταύ(f. 109 v.) τὴν προσήγαγε τοῦ πιεῖν, ἐμπιμπλάμενος τῆς τοῦ ἀγίου πνεύματος ἠδύτητος καὶ θείας εὐφροσύνης καὶ χάριτος, ἐφ' ἱκανὴν ὥραν ἐννεὸς καὶ ὡσπερ ἐξεστηκῶς ὠρᾶτο· ἠῦγαζε δὲ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ καὶ ἔτι πλέον ἐλαμπρύνετο, ὡσπερ ῥόδον ἄρτι τῶν καλύκων ὑπεξελθὼν, οἱ δὲ ὑπηρετοῦντες αὐτοῖς νεανίσκοι ὠραῖοι πάνυ ἐτύγχανον, εὐεῖδεις τοῖς προσώποις, λευκοὶ ὡσεὶ χιῶν, οἱ βραχίονες αὐτῶν καὶ οἱ δάκτυλοι, ὡς ἂν τις εἴποι τούτους ἰδὼν, ἐκ γάλακτος ὀπῶ φυραθέντος κατασκευάσθαι, κόκκινον ἡμφιεσμένοι στολὴν αὐλῶς βεβαμμένην καὶ πάσης ὠραιότητος πεπληρωμένην, οἱ δὲ πόδες αὐτῶν χιονοειδεῖς, περιεζωσμένοι ζώνας ὡσπερ λώρους ἐκ τοῦ οὐρανοῦ τόξου τὴν εὐχρῶσαν κεκτημένους καὶ ἀπαστρέπτοντας, ἐπὶ δὲ ταῖς κορυφαῖς αὐτῶν χρυσᾶ ἔφερον διαδήματα ἐν λίθοις καὶ μαργάραις πολυτίμοις

ὡσεὶ βολαὶ λίαν πανευπρεπέστατα καὶ ποικίλα ὑπάρχοντα. Προελθούσα τοίνυν ἔμπροσθέν μου ἡ θαυμασιωτάτη ἀμ(φ. 110 γ.) ἡμᾶς κυρὰ Θεοδώρα, ἦν καὶ μόνην γυναῖκα ἐν τῇ θαυμασιωτάτῃ ἐκείνῃ τραπέζῃ ἐώρων πλησίον τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, συνέτυχεν αὐτῷ περὶ ἐμοῦ· ὁ δὲ προσμειδιάσας τῷ προσώπῳ καὶ ἀτενίσας πρὸς με ἐγγίσει πρὸς αὐτὸν πνευματικῶς προετρέψατο· ὡς δὲ τῇ ἐκείνου θεῖα νεύσει πλησίον αὐτοῦ γεγόναμεν, ἐγὼ δὲ τὴν συνήθη μετάνοιαν αὐτῷ ἔβαλον ἐπ' ἐδάφους, ἤρτουν εὐχὴν καὶ εὐλογίαν παρ' αὐτοῦ. ὁ δὲ φησὶ πρὸς με ἐν πραεῖᾳ καὶ ἡσύχῳ φωνῇ· Καλῶς ἦλθες ὦδε, τέκνον, ὁ Θεὸς οἰκτειρήσας καὶ εὐλογήσας καὶ ἀγιάσας σε καὶ συντηρήσας σε εἰς πᾶν ἔργον ἀγαθόν, ἐπιφάναι τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἐπὶ σὲ καὶ ἐμπλήσαι σε ἀπὸ πάντων ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐν τῇ γῆ ἀγαθῶν, ἐξαποστειλαὶ σοὶ βοήθειαν ἐξ ἁγίου κατοικητηρίου αὐτοῦ καὶ ἐκ Σῶν ἀντιλάβοιτό σου καὶ ἐν ταῖς θεαῖς αὐτοῦ δυνάμεισιν ἐνισχύσαι σε εἰς τὸν κατὰ τοῦ ἀοράτου ἐχθροῦ πόλεμον, γενομένου σοὶ τεύχος ὄχυρόν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ. (φ. 110 ν.) Κάμου τῷ γεγονότι θαυμάσαντος καὶ τὸ γόνυ καὶ τὸ πρόσωπον κινουμένου, ὡς κατεκείμεν ἐν τῷ χρυσοπάτῳ δαπέδῳ ἐκείνῳ, ἤφατό μου τῇ θεῖᾳ αὐτοῦ χεὶρὶ καὶ ἀνέστησέ με φήσας οὕτως τῷ δακτύλῳ δεικνύς μοι τὴν μακαρίαν τῷ ὄντι Θεοδώραν· Ἴδου ἦν ἐπόθεις θεάσασθαι καὶ ἐζήτηεις ἰδεῖν Θεοδώραν, περὶ ἧς ἰκανῶς ἐδυσφόρεις καὶ πολλάκις ἡμᾶς ἠντιβόλεις ἀξίων μαθεῖν, ποίας κληρουχίας τετύχηκε καὶ ἐν ποίῳ τόπῳ νῦν ἀναπέπαιται. ἰδοὺ ἐστήκε πρὸ προσώπου σου καὶ ἐνώπιον τῶν ὀφθαλμῶν σου· Ἴδε νῦν ὄρας αὐτὴν καὶ τὰ περὶ αὐτὴν. οὐκοῦν τοῦ λοιποῦ μηκέτι ἐνδελεχῶς ἐνοχλήσεις με δι' αὐτῆς. Ἡ δὲ τιμία ἐκείνη καὶ ὑπὸ Θεοῦ ἐλεημένη δι' αὐτοῦ γλυκυτάτῃ καὶ χαροποιᾷ προσβλέψει ἐνορώσα πρὸς με φησὶν· Εὐφρανθήσῃ, τέκνον Γρηγόριε, καὶ ἀγαλλιαθήσῃ καὶ ἑλεῶς σοὶ γένοιτο Κύριος, ὅτι φροντίς σοὶ καὶ μερίμνά ἐστι περὶ ἐμοῦ τῆς ταπεινῆς, ὅθεν καὶ Κύριος ὁ Θεὸς εὐδόκησε πληρῶσαι σοὶ τὴν ἐπιθυμίαν διὰ (φ. 111 γ.) τῶν εὐπροσδέκτων εὐχῶν καὶ θεῶν πρεσβειῶν τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου καὶ ποιμένος, τοῦ πολλὰ καὶ μεγάλα ἐλέη μεθ' ἡμῶν ἀμφοτέρων ποιήσαντος. Τούτων ὅλως λεχθέντων παρ' αὐτῶν καὶ συντελεσθέντων, οἱ ὀφθαλμοὶ πάντων τῶν σὺν τῷ ἁγίῳ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς

ἐκείνης τραπέζης εὐωχουμένων καὶ συνευφραينوμένων σιωπῇ πολλῇ πρὸς ἡμᾶς ἀπεσκόπουν καὶ ἐπὶ πολὺ ἐνητένιζον. Ἐἶτα ἔφη πρὸς αὐτὴν ὁ ὄσιος· Πορεύθητι ἅμα αὐτῷ καὶ ὑπόδειξον αὐτῷ τὴν τῶν ἐν παραδείσῳ ἡμῶν τῶν φυτῶν ὠραιότητα. Ἡ δὲ παραλαβοῦσά με ὡς πρὸς τὰ δεξιὰ τοῦ προαυλίου ἄμφω ἐπορευόμεθα. καὶ ἰδοὺ πύλη θαυμαστὴ καὶ τεῖχος τῷ κήπῳ εἰς ὕψος ἄπειρον ἐγηγερμένον, ἐκ χρυσοῦ ὠκοδόμημένον. ἀνεωχθείσης τοίνυν τῆς πύλης, ἔνδον εἰσεληλύθαμεν. ὑπῆρχεν οὖν ἐν τῷ κήπῳ βοτάνη τις χρυσαυγίζουσα, ῥόδοις καὶ ἰοῖς ἀνεκλαλήτοις ὠραισμένη. Ἐκπληττομένου μου οὖν ἐπὶ τῇ ταύτης καλλανῇ καὶ ἐξαισίῳ τερπνότητι (f. 111 v.) καὶ μάλιστα ἐπὶ τῇ ἐκ ταύτης ἀναδιδόμενη ἡδύτητι καὶ ἀνεκφράστῳ εὐωδίᾳ, καὶ μὴ θέλοντος ἀποστῆναι ἐκείθεν τὸ σύνολον, προσχῶν τι μικρὸν ἔνθα ἡ ὁδηγοῦσα με ὑπεδείκνυέ μοι, βλέπω πλῆθος ἀναρίθμητον φυτῶν ἐν ἐβδομήκοντα γενεαῖς ἐξῆλλαγμένων ὄντων, ἀριθμῷ τὸ σύνολον μὴ ὑποκειμένων, ὠραίων τῷ εἶδει καὶ φοβερῶν, ἕκαστον αὐτῶν βρίθον καρπῶν πλήθει ἀμετρήτῳ, τῶν κλάδων αὐτῶν ὡς ἀπὸ τοῦ βάρους τῶν καρπῶν εἰς τὴν γῆν κάτω συγκεκυφῶτων καὶ θραῦσιν ἐκ τούτων ὑπομείναι βιαζομένων, μήποτε βλάβην τινὰ ἢ ἀλλοίωσιν πρὸς τὸ χεῖρον δεχομένων, τὸ σύνολον διὰ τὸ ἀφθαρτα ταῦτα ὑπάρχειν καὶ ἀκατάλυτα. Ὡς γοῦν ἐνεόουν ἀπὸ τῆς ὁμοιότητος, οἱ καρποὶ οἱ ἐπὶ τῆς φοβεραῆς καὶ θαυμασίας ἐκείνης τραπέζης παρατιθέμενοι, ἤγουν αἱ φαεῖναι καὶ τερπναὶ ὀπώραι, ἀπὸ τῶν ἐξαισιῶν ἐκείνων δένδρων ὑπῆρχον. Ἐξισταμένου μου οὖν ἐπὶ τε τῇ ὠραιότητι καὶ τῷ μῆκει τῶν φυτῶν καὶ ἐπὶ τοῖς θαυμασίοις καὶ φρικτοῖς ἐκείνων (f. 112 γ.) καρποῖς, οὐδὲ γὰρ εἶδον πώποτε τοιαῦτα καὶ τηλικαῦτα θαυμάσια, ἔφη πρὸς με ἡ ἔδηγοῦσα με· Τί ταῦτα θαυμάζεις, τέκνον Γρηγόριε; ἐάν οὖν λοιπὸν ἴδῃς ἐκεῖνον τὸν παράδεισον, ὃν κατὰ ἀνατολὰς ἐν τῇ Ἐδέμ ὁ Κύριος πεφύτευκε, μεζόνως ἔχεις φρίξαι καὶ καταπλαγῆναι, ἐπεὶ οὗτος πρὸς ἐκεῖνον σκιὰ πέφυκε καὶ ἐνύπνιον. Κἀγὼ πρὸς αὐτὴν ἔφη· Δέομαί σου, κυρία μου, τίς ἐστὶν ὁ φυτεύσας τόνδε τὸν παράδεισον; οὐδέποτε γὰρ ἐγὼ τοιοῦτον τεθέαμαι. Κἀκείνη πρὸς με ἀντέφησε· Καὶ ποῦ ἂν τοιαῦτα ἴδῃν, ἔτι ὢν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, καὶ τηλικαύτην εὐφροσύνην ἡμελλες; τὰ γὰρ πρᾶγματα, ἄπερ ὄρας, χερσὶ τοῦ ὑψίστου κατεσκευάσθησαν νοητικῶς· νοητὰ γὰρ εἰσι ταῦτα πάντα καὶ

ἄφθιτα καὶ ἡμεῖς ἐνταῦθα νοητῶς διοδεύομεν· οἱ κόποι δὲ καὶ οἱ ἰδρώτες τῶν θείων ἀγώνων τοῦ ὀσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ κηδεμόνος Βασιλείου, οὕσπερ ἐκ νεότητος καὶ μέχρι γήρους αὐτοῦ κατὰ Θεὸν ἐκοπίασεν νηστεύων, ἀγρυπνῶν, ξηροκοιτῶν, (f. 112 v.) προσευχόμενος, τὸν καύσωνα καὶ παγετὸν ὑποφέρων ἐν ταῖς ἐρήμοις, βοτάνας ἀγρίου ἐσθίων καὶ μόνον, καὶ ταῦτα οὐκ εἰς κόρον, ἀλλ' ὅσον πρὸς τὸ ζῆν ἠδύνατο, ἐπὶ πολλοῖς ἔτεσιν ὑπομένων πᾶσαν θλίψιν καὶ κάκωσιν ἐκουσίως πρὸ τοῦ γενέσθαι αὐτὸν ἐν τῇ πόλει, ἐν ἣ ἔτι ὑπάρχει διὰ πολλὴν σωτηρίαν ψυχῶν. Τὸν γὰρ παράδεισον τοῦτον, ὃν ὄραξ, ἐξεργάσατό τε καὶ προεξένησεν εἰς ἡμῶν τῶν παιδῶν αὐτοῦ ἀνάπαυσίν τε καὶ κατάπαυσιν, καὶ οὐ μόνον τοῦτον, ἀλλὰ καὶ αὐτὰ τῶν οὐρανῶν τὰ βασιλεία· καὶ γὰρ περὶ τὸν θρόνον τὸν δεσποτικὸν μεγάλην τὴν παρρησίαν κέκτηται τοῖς αὐλοῖς ἀγγέλοις συναυλιζόμενος καὶ λιτάς ὑπὲρ τοῦ κόσμου σὺν αὐτοῖς ποιούμενος· οἱ γὰρ ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ πόνους καὶ θλίψεις διὰ τὸν Θεὸν καὶ τὴν τῶν ἁγίων ἐντολῶν αὐτοῦ εκπλήρωσιν ὑπομένοντες τοιαῦτα ἐνθάδε κληρονομοῦσί τε καὶ ἀπολαύουσι παρὰ τοῦ δικαίου μισθαποδότου, ἀγαλλόμενοι ἀλήκτως (f. 113 r.) καὶ εὐφραϊνόμενοι, καθά περ φησὶν ἡ θεία γραφή· Τοὺς πόνους τῶν καρπῶν συνφάγεται, ἕκαστος γὰρ κατὰ τὸν ἴδιον κόπον καὶ τὸν μισθὸν λήψεται· καὶ ὁ ἐὰν σπείρῃ ἄνθρωπος ἐκεῖσε, τοῦτο ἐργόμενος ὧδε θερίσει, καὶ ἅτινα ἐργάσεται ἐκεῖ, τούτων καὶ κληρονόμος γένηται ἐν τῷ δε τῷ αἰῶνι. Ἐμοῦ δὲ ἐπὶ τούτοις τοῖς ῥήμασι θαυμάζωντος καὶ ἐξισταμένου, ὅτι εἰρήκει νοητῶς ἡμᾶς πεφυκέναι καὶ οὐκ αἰσθητῶς (ἐδόκουν γὰρ σῶματι καὶ ὑπαρ παρεῖναι τοῖς ἐκεῖσε καὶ οὐ νοερῶς), ἐπειρώμην ψηλαφᾶν ἑαυτὸν, εἰ ἄρα σὰρξ ἐστὶ τὸ φαινόμενον ἐν ἐμοὶ σῶμα, καὶ χειρὶ χεῖρα κρατεῖν ἤθελον, καὶ τῇ ἀφῆ ἐπεσκόπου, εἰ ὅστοῦν ὅλως κέκτηται τὸ ἐμὸν σῶμα καὶ πάντα μου τὰ μέλη πολυπραγμονεῖν ἐπεχείρουν, καὶ ἀπὸ τῆς ἀφῆς κατενόουν ἑμαυτὸν μηδὲν τοῖς τοιούτοις ὅλως κεκτημένον· εὐρισκον οὖν ἑμαυτὸν ὡσπερ φλόγα πυρὸς ἢ ἀκτίνα ἡλιακὴν καὶ δοκεῖν μὲν διὰ χειρὸς ταύτην κρατεῖν μὴ οὐ (f. 113 v.) ναμένου δὲ κατέχειν ταύτην πρὸς τὸ σύνολον· οὐ γὰρ αἰσθανόμην ὅλως ἀπτεσθαί τι τῶν ἰδίων μελῶν διὰ τὸ νοερῶς καὶ οὐχ' ὑπαρ τοῖς ἐκεῖσε διάγων· ὅθεν τοιγαροῦν ἔτι πλέον ἐν τούτοις κατεπλήττομην τῷ πνεύματι.

Μετα δὲ ταῦτα τὰ φρικτὰ καὶ ὡς ἀληθῶς παράδοξα θεάματα, υπεστρέψαμεν αὐθις εἰς τὸ προαύλιον. τοίνυν ἐξεληθόντες τῆς πύλης, δι' ἧς καὶ εἰσῆλθομεν εἰς τὸν παράδεισον, τὴν μὲν τράπεζαν καὶ τὰ ἐπ' αὐτῇ πάντα εὔρομεν κείμενα εὐπρεπείας καὶ θεϊκῆς καταστάσεως ὄντα, τῶν δὲ ἐν αὐτῇ εὐωχυμένων οὐδένα εἶδομεν. ἐγὼ δὲ ἀσπασάμενος τὴν μακαρίαν τῷ ὄντι καὶ ἁγίαν Θεοδώραν, ἔδοξα τῶν ἐκέισε ἀναχωρεῖν, καὶ ὡσπερ εἰς ἑαυτὸν ἐπανελθὼν, ἀνείθην τοῦ φρικτοῦ ἐκείνου καὶ παραδόξου δράματος καὶ ἠρξάμην ἀναλογίζεσθαι τὰ κατ' ἑμαυτὸν τίς τε εἰμὶ καὶ ποῦ διάγω, καὶ τίνα μοι τὰ ὁραθέντα καὶ εἰσηγηθέντα; καὶ ἀναπόλουν κατὰ διάνοιαν μήπως μέ τι τούτων διαλάβοι (f. 114 γ.) τῶν ὁραθέντων· καὶ ἀνεμνήσκομεν πάντα οὕτως ἀσφαλῶς, ὡς ἂν αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ταῦτα πάλιν ἀδιαβλήτως καθ' ὑπερῶν ὄραν. Ἀναστάς οὖν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ, ἐπορεύθη πρὸς τὸν μακάριον ἀφηγήσασθαι αὐτῷ τὰ τῆς ὀπτασίας καὶ μαθεῖν παρ' αὐτοῦ, τί ἄρα εἶη ταῦτα, εἴτε ἀπὸ Θεοῦ, εἴτε ἐκ δαιμόνων. Ταῦτα κατὰ νοῦν λογιζόμενος ἐν τῷ πορεύεσθαι με, ἔφθασα πρὸς τὸν ἅγιον, καὶ βαλὼν αὐτῷ τὴν ἐπ' ἐδάφους συνήθη μετάνοιαν καὶ παρ' αὐτοῦ εὐλογηθεὶς, πλησίον αὐτοῦ ἐκάθισα προσταγείς ὑπ' αὐτοῦ. καθεστέντος δὲ μου, πρὸ τοῦ· με πρὸς αὐτὸν διηγήσασθαι τὰ ὁραθέντα μοι, ἐκεῖνος ἔφη πρὸς με γλυκυτάτῃ καὶ Ἰλαρᾷ τῇ φωνῇ μειδιῶντι προσώπῳ· Γινώσκεις, τέκνον Γρηγόριε, ὅθι τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἀμφοτέροι ὑπῆρχομεν; Ἐμοῦ δὲ κατὰ πείραν πρὸς αὐτὸν εἰρηκότος ὑποκρινόμενου καὶ πρὸς τῷ παρ' αὐτοῦ μοι ῥηθέντι θεῖφ λόγῳ ὡσαύτει ψευδομένου· Καὶ ποῦ ἄρα ἤμεν, κύριέ μου, πλὴν τῆς ἑμαυτοῦ κέλλης (f. 114 ν.) καὶ τῆς ἰδίας κλίνης, ἐν ἣ ἡρεμί ἐκάθευδον καὶ ἡδέως ἀνεπαυόμην; Οὕτω ταῦτα πρὸς αὐτὸν εἰρηκότος μου, θέλων ἐλκύσαι αὐτόν, ὡς εἰάν τι πλέον περὶ ὧν αὐτὸς ἔγωγε τῇ νυκτὶ ταύτῃ εἴρακα φρικτῶν καὶ παραδόξων θαυμάτων ἐπίσταται διηγήσασθαι μοι, αὐτὸς ἔφη πρὸς με· Μόνον πρὸς μόνον ἐπὶ τῆς κέλλης ἡμῶν ἕκαστος τῆνικαῦτα ἐκαθεύδομεν ἀληθῶς, καὶ αὐτὸς οἶδα, τέκνον, πλὴν τῷ σώματι ὡς ἐπὶ τῆς ἰδίας κλίνης ὑπνώτοντες ἐν τῷ εἰθισμένῳ καιρῷ τοῦ ὕπνου, τῷ δὲ πνεύματι ἐτέρωθί που ἐτυγχάνομεν ἀμφοτέροι. καὶ οὐκ οἶδας ὅσα σοι ἐγὼ τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἔδειξα; οὐχὶ τὴν Θεοδώραν εἴρακας; οὐχὶ πρὸ τοῦ πυλῶνος τοῦ νοητοῦ καὶ πνευματικοῦ ἡμῶν οἴκου, ὃν ὁ Κύριος ἡμῶν ἐν ἔλει

καὶ οἰκτιρμοῖς τοῖς ἀχρείοις αὐτοῦ δούλοις ἐχαρίσατο, σὺ ἀλώμενος ὅτε με καταλαβεῖν ἐδίωκες κατήνησας; καὶ ἐξελθοῦσα ἡ Θεοδώρα μετὰ περιχαρείας εἰσεδέξατό σε καὶ ἔνδον εἰσαγαγοῦσα διηγῆσατό σοι τὰ περὶ τῆς ἐξόδου καὶ τοῦ θανάτου αὐτῆς, ὅπως τε βία πολ- (f. 115 r.) λῆ διῆλθε τὰ ἐπὶ τοῦ ἀέρος καίτοιγε μάλιστα ὑφ' ἡμῶν βοηθουμένη, καὶ ὅπως μετὰ μεγάλης ἀνάγκης ἔλεε Θεοῦ ἠδυνήθη διαδρᾶναι τὴν πικρίαν ἐκείνην καὶ ἀγριότητα τῶν ἐν τοῖς τελωνίοις αὐτῶν προσεδρευόντων ἐπαράτων δαιμόνων; Οὐχὶ ἔνδον τοῦ προαυλίου ἐμοῦ κελεύσαντος σὺν αὐτῇ εἰσελήλυθας; οὐχ' ἐώρακας τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην τράπεζαν καὶ τὴν ἐξαισίαν ταύτης κατασκευὴν ὅποιά ἐστι καὶ τίνα τὰ ἔργα αὐτῆς; οὐχ' ἐώρακας τὴν θείαν ἐκείνην εὐωχίαν καὶ τὰ ἄνθη τὰ πνευματικά; οὐ κατεσκόπεις καὶ διελογίζου ἐν τῇ διανοίᾳ σου ποταπαὶ λέγων αἱ ὄψωραι τῆς προθέσεως αὐτῆς εἶεν αἱ περικαλλεῖς καὶ ποικίλαι ἐκεῖναι, καὶ τίνα καὶ ποῖα τὰ θαυμαστά καὶ ἠδύπνοα ἄνθη τὰ ἐπ' αὐτῆς, καὶ τίνες οἱ εὐωχούμενοι σύναμα ἐμοὶ ἐπὶ τῆς τραπέζης τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καρυκίαν, καὶ τίνες οἱ ὠρατοὶ ἐκεῖνοι νεανίσκοι οἱ τὴν διακονίαν τῶν ἐπὶ τῆς τραπέζης ἐσθιωμένων πνευματικῶς ἀποπληροῦντες; Οὐχ' ἰστάμενος μήκοθεν κατεσκόπεις καὶ ἰθαύμα (f. 115 v.) χες τὴν ὠραιότητα τῶν θαυμαστῶν ἐκείνων παλατιῶν καὶ ἐξαισίων βασιλείων; οὐχὶ πρὸς με ἐλήλυθας τῇ ἐμῇ κελεύσει, καὶ ὑπέδειξά σοι τὴν Θεοδώραν περὶ ἧς πολλάκις με παρεκάλεις μαθεῖν ὅλας μερίδος τετύχηκεν; οὐχὶ κατ' ἐμοῦ κέλευσιν παραλαβοῦσά σε ἐκείνη, ἄμφω ὑπὸ τὸν ἐκεῖσε παρὰ Θεοῦ κληρωθέντα μοι παράδεισον εἰσεληλύδατε, καὶ τὴν χρυσοφυῆ ἐκεῖσε βοτάνην κατὰ νοῦν ὡς ἐπὶ χειρὸς λαβῶν ἐφριττες ἰλιγγίων, ὑπερεκπληττόμενος τὴν τῶν ἐν αὐτῇ ἀνθῶν ὠραιότητα; οὐκ ἐδεάσω πρὸς τοῦτοις τὰ ἀειδαλῆ ἐκεῖνα φυτὰ καὶ ἰθαύμαζες τὴν τῶν καρπῶν αὐτῶν ἀνεκλάλητον φαιδρότητα καὶ ὠραιότητα; οὐχὶ ταῦτα πάντα τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἐώρακας; πῶς οὖν λέγεις μοι μηδὲν τι τοιοῦτον ἐώρακεῖναι μηδ' ἀλλαγῶ ὑπάρχειν, μηδὲ εἶδέναι τι τῶν τοιούτων τὸ σύνολον; Ταῦτα τοῦ ὁσίου πρὸς με κατ' ἐρώτησιν εἰρηκότος κάμου πρὸς αὐτὸν ἀκλινῶς ὀρώντος καὶ κατανοῶντος τὴν τῶν λεγομένων ἐναργεστάτην ἀλήθειαν, φρίκη (f. 116 r.) ἀρρήτῳ περισχεθεὶς ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ τῆς εκπλήξεως ἄφωνος καὶ

ἐξεστηκώς ἐγενόμην· ἐώρων γάρ ὡς ἐκ πυρίνου στόματος ἐξερχόμενα τὰ λεγόμενα ὑπὸ τοῦ ἁγίου καὶ ἠρξάμην θερμοῖς τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν μου τὸ πρόσωπον, ἀναλογιζόμενος καὶ κατανοῶν ἐν ἑαυτῷ, ὅποιος ὑπάρχει ὁ παμμέγιστος οὗτος φωστὴρ καὶ θεὸς ἡμῶν πατήρ παρὰ τῷ Θεῷ, καὶ ὅτι ἐπ' ἀληθείας καὶ ἀπαραλλάκτως, οἶα παρῶν ἐκεῖσε τῷ σώματι πάντα ἐπιστάμενος τῷ πνεύματι, διηγήσατό μοι. Καὶ ἀποκριθεὶς φημί πρὸς αὐτόν ἐν συνορῇ καρδίας· Ναι, ἅγιε τοῦ Θεοῦ θεράπων, πάντα οὕτως, καθὼς σὺ θεοφορούμενος εἰρηκας, ἀπαραλλάκτως γεγόνασι, καὶ οὕτως ἰδεασάμην αὐτὰ καὶ ψεῦδος ἐν αὐτοῖς οὐκ ἔστιν· εὐχαριστῶ γοῦν τῷ ἁγίῳ Θεῷ, ὅτι ἤξιωσέ με τὸν ἐλεεινὸν καὶ ἀνάξιον καὶ ἁμαρτωλὸν καὶ μὴ ὄντα ἄξιον πάσης ἀγαθοσύνης γνωρίσαι σε τὸν γνήσιον δοῦλον αὐτοῦ καὶ εἶναί με ὑπὸ τῶν σκέπων τῶν πτερυγῶν σου καὶ ἀπο(f. 116 v.)λαύειν τοιούτων θαυμασιῶν καὶ ἐξαισιῶν θαυμάτων. Ὁ δὲ μακάριος φησὶ πρὸς με· Ἐάν καλῶς τὸν βίον σου διάξῃς κατὰ Θεὸν πολιτευσάμενος καὶ διὰ πάσης ἀγαθῆς ἐργασίας αὐτόν εὐαρέστως θεραπεύσεις, ὦ τέκνον Γρηγόριε, μετὰ τὴν ἐντεῦθεν νεύσει Θεοῦ ἐκδημίαν σου προσδέξομαι σε ἐκεῖ τοῦ εἶναί σε σὺν ἐμοὶ εἰς τὰς αἰωνίους σκηνάς ἃς ἐώρακας εἰς ἀτελευτήτους αἰῶνας· καὶ γὰρ αὐτὸς ἔγωγε πρότερόν σου, εὐ ἴσθι, τῶν ἀνθρωπίνων καὶ γηίνων πραγμάτων ὑπεξελεύσομαι· εἶδ' οὕτως καὶ αὐτὸς σὺ μεθ' ἱκανὸν χρόνον ἀποβιώσας ἐλεύση πρὸς με τραφεὶς ἐν ἔργοις ἀγαθοῖς καθὰ συνέταξέ μοι Κύριος. Πρόσεχε δὲ μέχρις ὅτου ἐν τῷδε εἰμί τῷ βίῳ, μηδεὶς γινῶ περὶ τούτων ἀπάντων ὧν ἰδεάσω καὶ ὧν παρ' ἐμοῦ ἀκήκοας τὸ οἰνοῦν· μέλλεις γὰρ μετὰ τὴν ἐμὴν ἀποβίωσιν τὸν ἐν τῇδε τῇ πόλει ἀγρεῖον βίον μου μετὰ τῶν ὀφθέντων σοι πάντων ἀναγράψασθαι καὶ ταῖς ἐλευσομέναις (f. 117 r.) γενεαῖς καταλιπεῖν εἰς πολλῶν ψυχῶν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν, τῆς θείας χάριτος εἰς τοῦτο συνεργούσης σοι καὶ συνευδοκύσης· καγὼ μετὰ σοῦ ἔσομαι τῷ πνεύματι ὀδηγῶν σε πρὸς πᾶσαν ἀλήθειαν. Ταῦτα μοι τοῦ ὀσίου εἰρηκότης καὶ ἐντειλαμένου, δάκρυσιν ἀκατασχέτοις συσχεθεὶς ἐξιστάμην τῷ πνεύματι, καὶ μᾶλλον ὅτι οὕτω μοι φανερῶς καὶ γνησίως ὠμίλει· τοῖς γὰρ λοιποῖς αἰνιγματωδῶς καὶ ὡς ἐν παραβολαῖς διελέγετο, πολλάκις δὲ καὶ μωρίαν τινὰ προσποιεῖτο, σοφὸς ἄγαν ὑπάρχων καὶ λόγιος, ἵνα τὰ τοῦ πονηροῦ διαδράσῃ ἐνεῶρα. τινὲς γάρ

πολλάκις θαυματουργοῦντος αὐτοῦ ἐκπληττόμενοι αὐτόν εἶναι ἐκεῖνον ὑπελάμβανον καὶ ὠνόμαζον τὸν ἐπιστήθιον καὶ ἡγαπημένον Ἰωάννην. Ἀπέλευεν οὐκ ἄπελθεῖν παραγγείλας τελευταῖον πάντων ὄση καὶ ἄλλη ψυχῇ τῆς ἰοίας ἐπιμελεῖσθαι σωτηρίας· αὐτὸς δὲ εἴωθει μὲν καὶ πρὸς διαφοροῖς τῶν πνευματικῶν αὐτοῦ παιδῶν παραβάλλειν ψυχικῆς αὐτῶν χάριν ὠφελείας καὶ θερα(f. 117 v.)πείας τῶν ἀρρώστων αὐτῶν. ἐφρόντιζε δὲ καὶ τῶν κατοίκων αὐτῶν πάντων καὶ παρά τινων ἐχθρωδῶς τούτοις ἐπαγόμενα κακὰ προαπήγγελλε καὶ τῶν ἐκ τούτων κακώσεων καὶ δεινῶν συμφορῶν ἀπήλλαττε. Καί μου ποτὲ πρὸς αὐτόν, ὡς εἶχον ἔθος, φοιτήσαντος καὶ τῆς ψυχωφελοῦς παρ' αὐτοῦ καταπολαύοντος διδασκαλίας, αἰφνης ὡσπερ τινὸς αὐτόν νύξαντος ἐξαναστάς τῆς σχημπόδου, ἐν ἣ ἐπανεκλίνετο, καὶ τὴν βαῖνην αὐτοῦ ῥάβδον, ἣ ἐπιστηρίζετο διὰ τὸ βαθύ γῆρας, ἐπὶ χειρας λαβῶν, συμπαραλαβῶν κάμει μεθ' ἑαυτοῦ τῆς κέλλης ἐξῆλθε καὶ πρὸς τινα οἰκίαν ἐν τῷ λιμένι τῶν Σοφιῶν διακειμένην ἐπορεύθημεν, ἐν ἣ καὶ κατώκει ἐργαστικός τις, πλούσιος σφόδρα μὲν, πεπηρωμένους δὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀμφω κεκτημένος, λέγω δὴ τῆς ψυχῆς καὶ τοῦ σώματος· τὸ μὲν τῷ βαθεὶ κάρφω καὶ τῇ τοῦ πλοῦτου μέθῃ, τὸ δὲ τῷ ἀπὸ τῆς κεφαλῆς κατελθόντι παχυτάτῳ ρεύματι καὶ τούτους ἀπολευκώσαντι. Τούτῳ μὲν πολλοὶ καὶ διάφοροι εἰς ὑπη(f. 118 r.)ρεσίαν δοῦλοι ὑπῆρχον, ἦν δὲ καὶ τις αὐτῷ οἰκέτης τούνομα Θεόδωρος, καὶ πάντες μὲν οὗτοι εἶχον σχέσιν εὐ τὴν τυχοῦσαν πρὸς τὸν ἄγιον, πλεον δὲ τῶν ἄλλων οὗτος ὁ πρωτεύων αὐτοῖς Θεόδωρος· ἐκέκτητο πρὸς αὐτόν τὴν κατὰ Θεὸν πίστιν τε καὶ ἀγάπην, δι' ἧς καὶ συχνότερως πρὸς αὐτόν ἐφοίτα προσκομίζων αὐτῷ καὶ δῶρα πάμπολλα, λέγω δὴ ῥόας κεκαθαρμένας σὺν σταφίσι, φοίνικας τε καὶ λοιπάς ὀπώρας, ἐν μὲν τῇ χειμερινῇ τροπῇ ἐψυγμένας, ἐν δὲ τῇ θερινῇ χλωράς. καὶ ἕτερα μυρία αὐτῷ προσεκόμιζεν ἄτινα εἰεν παξαμάδαί, σιλίγνια, οἶνον καὶ ἔλαιον· πλούσιος γὰρ ἦν σφόδρα, ὡς εἴρηται, ὁ κύριος αὐτοῦ ἐν τε χρυσίῳ καὶ ἀργυρίῳ καὶ λοιπῇ πάσῃ περιουσίᾳ, ἅπερ αὐτῷ ἅπαντα Θεόδωρος ἐμπεπίστευτο· ἦν γὰρ ὁ ἀνὴρ βίου σώφρωνος καὶ ἀρετῆς ἐνθέου διάπυρος ἐραστής, ὅς συχνωτέρως, ὡς προεῖρηται, πρὸς τὸν ὅσιον παραβάλλων εἰς καὶ οὗτος τῶν γνησίων αὐτοῦ παιδῶν ἐγνωρίζετο. Τούτῳ δὲ (f. 118 v.) τῷ Θεόδωρῳ διὰ

τὴν αὐτοῦ ἀρετὴν πλεον τῶν ἄλλων προστεθεὶς ὁ δηλωθεὶς κύριος αὐτοῦ, πάντα τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ παρεδίδου, καὶ πολλὴν ἔσχε παρ' αὐτοῦ τὴν τιμὴν καὶ εὐνοίαν, ὅθεν ἐκ τούτου πληγεὶς ὁ ῥαδιουργὸς καὶ μισόκαλλος ὄφις πολὺν τὸν ἐκ τοῦ φθόνου κονιορτὸν ἐπήγειρε κατὰ τοῦ Θεοδώρου· φθονήσαντες γὰρ αὐτὸν οἱ σύνδουλοι αὐτοῦ κακὰ κατ' αὐτοῦ αἶε ἐπέκταινον· ταῖς τοῦ ἀγίου δὲ πεφραγμένους ὦν τιμίαις εὐχαῖς ὁ Θεόδωρος, οὐδαμῶς αὐτὸν αἰ τούτων κακουργίαι ἐλυμαίνοντο. Ὡς εἰρηται οὖν, ὅτι πάντες οἱ σύνδουλοι τοῦ Θεοδώρου σὺν αὐτῷ πρὸς τὸν ἅγιον ἐσχόλαζον ἔχοντες σχέσιν πρὸς αὐτόν, εἰς ἐξ αὐτῶν πάντων ὑπάρχων μοχθηρότατος καὶ πρὸς κακουργίαν ὀχυρώτατος, ὅς οὐδέποτε πρὸς τὸν ἅγιον παρεγένετο, φθῶν φερόμενος κατὰ τοῦ Θεοδώρου, ὑποβληθεὶς παρὰ τοῦ Σατανᾶ οἷα τὰ ἐκείνου ἐνεδρα κατὰ τῶν φοβουμένων τὸν Κύριον, προσέρχεται λάθρα ἐπασιδῶ τινὶ λίαν περιέρ(φ. 119 γ.) γῶφ καὶ πονηρᾷ γυκαϊκί, καὶ δίδωσιν αὐτῇ νόμισμα ἓν, ὑποσχόμενος παρέχειν αὐτῇ καὶ ἕτερα δύο, εἴπερ ὅλως δυνηθῆ ἔργασασθαί τι κατὰ τοῦ Θεοδώρου πρὸς τῷ ὀλέθρῳ θανάτῳ ὑποβληθῆναι αὐτόν· ἡ δὲ, ὡς τοῦ πονηροῦ ὄψεως οὕσα ἐργαστήριον, ἡ παμμίαιρος ὄντως καὶ παμβέβηλος, προστάσσει αὐτῷ ἤλους προσενεγκεῖν αὐτῇ σιδηροῦς τετραδακτυλαίους. ὁ δὲ εὐθέως τούτους αὐτῇ προσήνεγκε. δεξαμένη δὲ αὐτοὺς ἐκείνη ἢ γάγγραινα καὶ τὴν ὀφειλομένην ἐπασιδίαν ἐπὶ τούτοις ποιήσασα, ἐνὶ ἐκάστῳ ἤλῳ δαμιόνιον προσήλωσε, καὶ φωνήσασα τὸν μάταιον ἐκείνον οἰκέτην, δίδωσιν αὐτῷ τοὺς ἤλους καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Εἴπερ ἐστὶν ἐν τῷ οἴκῳ τοῦ κυρίου σου οἰκία σκοτεινὴ καὶ ἀνυφόρατος, ἄδειαν εὐρηκῶς διάνεμε τοὺς ἤλους τοῖς τοίχοις μέχρι τῆς κορυφῆς αὐτῶν ἓνα ἕκαστον τῷ τοίχῳ παρεμβαλόν. Δεξάμενος οὖν ὁ ἄθλιος ἐκείνος τοὺς ἤλους, πάντα τετέλεκεν ὅσα αὐτῷ ἢ πονηρᾷ ἐκεῖ(f. 119 ν.)-νη ὑπέθετο γυνή· εἰσελθὼν γὰρ ἐν τινὶ οἰκῆματι ζοφερῷ καὶ λίαν σκοτεινῷ, τούτους ἐν τοῖς τοίχοις κατέπηξεν. εὐθύς οὖν εἰς ἀπειρον κίνδυνον καὶ νόσον βαρείαν συσχεθεὶς ὁ Θεόδωρος κατέπεσε, κλινήρης τε καὶ παντελῶς ἀκίνητος ἐπὶ ἡμέρας πολλὰς γενόμενος, παρελύθησαν πᾶσαι αἱ ἀρμονίαι αὐτοῦ καὶ πᾶσα βάσις σφυρῶν καὶ ποδῶν καὶ χειρῶν αὐτοῦ καὶ ἀρμονιῶν ἐξελύθη, καὶ παντάπασιν ἀκίνητος ἦν τὸ λοιπὸν καὶ ἀνενέργητος. Πάντων δὲ τῶν συνδούλων αὐτοῦ,

ἀλλὰ δὴ καὶ τῶν ἐλευθέρων σφόδρα περὶ τούτου ἀθυμούντων πλήν τοῦ τὸ δεινὸν ἐκεῖνο ἐργασαμένου, καθότι οὐκ ἦν δυνατόν βαστάζεσθαι αὐτὸν ὑπὸ χειρῶν ἀνθρώπων κἀν τὰ πρὸς τὴν σωματικὴν αὐτοῦ χρεῖαν ἐξυπηρετεῖσθαι, ἀλλὰ ταῖς τοῦ θανάτου πύλαις ἤδη προσεγγίσει αὐτὸν καὶ περὶ τοῦ θανάτου ὄλωσ φαντάζεσθαι· τοῦτο δὴ τὸ πονηρὸν δράμα πόρρωθεν ὦν ὁ ἅγιος καὶ οὐ τοῖς ἐκεῖσε παρῶν, (f. 120 γ.) τοῖς νοεροῖς ὀφθαλμοῖς ὑπὸ τοῦ ἐνοικοῦντος αὐτῷ θείου πνεύματος καταυγασθεῖς, ἀναντιρρήτως ὡσπερ παρῶν ἑώρα καὶ κατενόει καὶ τὸν τόπον καὶ τὸν τρόπον ἐγίνωσκε τῆς ἀδεμίτου τόλμης ἐκείνης· καταλαβὼν οὖν σὺν ἐμοὶ ὁ ἅγιος ἐν τῇ οἰκίᾳ ἐκείνῃ πρωίας οὔσης καὶ ἔνδον ταύτης εἰσελθὼν καὶ ἐν τῇ κέλλῃ ἐκείνῃ, ἐν ἣ τὸ πονηρὸν δραματούργημα ἦν, πλησιάσας καὶ τὴν κλεῖδα τῆς κέλλης ζητήσας καὶ ταύτην λαβὼν, ἤνοιξεν αὐτήν· ἔνδον δὲ εἰσελθόντων ἡμῶν καὶ φῶτα ἐπανάψαι κελεύσαντος καὶ τοὺς ἐμπαρέντας ἡλούς κακούργως ἐπ' ὀλέθρῳ τοῦ Θεοδώρου ἕνα ἕνα πάντας ἀνέσπασε τῇ ψαλίδι ἀπὸ τοῖς τοίχοις· ἐν ὅσῳ δὲ οἱ ἡλοὶ ἀπὸ τῶν τοίχων ἐξηνέσπαντο ταῖς τοῦ ἀγίου ἀχράντοις χερσὶ, καὶ τοῦ ἀσθενοῦντος αἱ ἀρμονίαι πρὸς ὑγιάν ἐπανήρχοντο, καὶ ὁ νοσῶν ὅσον οὐπω προσδοκώμενος θνήξεσθαι ῥᾶεν, παρευδὺς ἄνοσος ὅλος ἐδείκνυτο μηδὲν τι ἀνιαρὸν (f. 120 ν.) κεκτημένος, καὶ μεταλαβὼν τροφῆς ἐνίσχυσε καὶ ἐξαναστάς τῆς κλίνης, ἐν ἣ κατέκειτο, περιεπάτει καὶ διηκόνει ἡμῖν. Ἐξέστησαν οὖν ἅπαντες τῷ δέει καὶ τῷ θαύματι, οὐ μόνον οἱ τοῖς οἰκείοις ὀφθαλμοῖς θεασάμενοι τὸ παράδοξον ἐκεῖνο καὶ ξένον τεράστιον, ἀλλὰ καὶ οἱ ἀκηκόετες, ὅθεν καὶ εἰς πίστιν μεγάλην καὶ ἀγάπην αὐτοῦ θερμῶς πάντες ἐνήγοντο καὶ τὸν Θεὸν ἐμεγάλυνον ἐν εὐχαριστηρίοις φωναῖς, τὸν ἀναδείξαντα αὐτοῖς ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις αὐτοῦ τὸν πανόσιον πατέρα τούτον (, τὸν) ποιοῦντα δι' αὐτοῦ τοιαῦτα ξένα καὶ παράδοξα τεράστια, ἡγουν διὰ τοῦ γνησίου αὐτοῦ θεράποντος. Ὁ δὲ ἅγιος ὠρύξας ἐν τῇ γῇ ὡσεὶ πήγεις δύο, τοὺς ἡλούς κατέκρυψεν ἐπισφραγίσας αὐτοὺς σφραγίδι σημείου δυνάμεως Κυρίου ἄχρι τῆς σήμερον ἡμέρας εἰς τὸ μὴ κεκτηῖσθαι ἰσχὴν αὐτούς· ἐδέσμησε δὲ καὶ τὰς μαντικὰς καὶ τὰς ἐπαιδίας καὶ τὰ ἐκεῖσε δαιμόνια τοῦ μὴ δύνασθαι ἐνεργεῖν ἐν αὐτοῖς τὴν ἰσχὴν τοῦ δια(f. 121 γ.)βόλου, τοὺς δὲ ταιούτων δεδρακότας ἀντσιούργημα δῆλους μὲν οὐδα-

μῶς πεποίηκεν, ὁμῶς δὲ κατ' ἰδίαν τούτους νουθετήσας καὶ εἰς μετανοίαν καὶ ἐξομολόγησιν αὐτοὺς καθοδηγήσας, διωρδώσατο καὶ τὸν ἐπὶ συνδούλῳ αὐτοῦ πονηρὸν καὶ ψυχώλεθρον φθόνον ἀπήλλαξεν. Ἐνθὲν τοι καὶ τῆς φήμης πρὸς πάντας τοὺς ἐν τῇ πόλει διαθεούσης πλείστοι πρὸς αὐτὸν συχνότερως ὁσημέραι ἐφοίτων καὶ τῶν παρ' αὐτοῦ γενομένων ἐξαισίων θαυμάτων ἐπ' ὠφελείᾳ ψυχῶν ἐτρόφῳν τε καὶ ἀπελάμβανον.

Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων τῶν πραγμάτων παρὰ τοῦ ὁσίου, ἕτερός τις ἐργαστηριακὸς οἰκέτην ἔχων νόσῳ ὑδερικῇ δεινῶς κατακείμενον καὶ ἤδη μέλλοντα ἀποπνεῖν, καὶ πρὸς ταφήν αὐτοῦ πάντα ἡτοιμάζον ὡς ἤδη ἀπηγορευμένον, ἐλθὼν εἰς μνήμην τοῦ ἁγίου ὁ κύριος αὐτοῦ, λέγει πρὸς τοὺς οἰκίους αὐτοῦ· Πορεύσομαι πρὸς τὸν ὄσιον θεράποντα τοῦ Θεοῦ Βασιλείου καὶ παρακα(f. 121 v.)λέσω αὐτὸν ἀφικέσθαι χριστομιμήτως πρὸς ἡμᾶς, καὶ εἰ παρακληθεὶς τῇ αἰτήσῃ μου ἐλεύσεται πρὸς ἡμᾶς, καὶ θεραπευθήσεται ὁ παῖς ἡμῶν καὶ τῆς νόσου ταύτης ἀπαλλαγεὶς ἐξαναστήσεται τῆς χαλεπωτάτης καὶ νοσερᾶς κλίνης αὐτοῦ καὶ πρὸς ζωὴν ἐπανήξας οὐ μὴ ἀποθάνῃ, καὶ δι' αὐτοῦ βοηθήσει ἡμῖν Κύριος ὁ Θεὸς καὶ εὖ ἡμῖν γενήσεται. Ταῦτα τοῦ θεοφιλοῦς ἐκείνου ἀνθρώπου πρὸς τοὺς οἰκίους αὐτοῦ συμβουλευσαμένου, εὐδὺς ἀναστὰς ἐπορεύθη πρὸς τὸν ὄσιον· πλησίον γάρ ἦν ἡ οἰκία αὐτοῦ ἐνθα κατέμενεν ὁ ἅγιος Βασίλειος. ὡς οὖν εἰσήει πρὸς αὐτὸν, προσπεσὼν τοῖς τιμίαις αὐτοῦ ποσὶν ἐδέετο αὐτοῦ μετὰ δακρύων ἐκλιπαρῶν αὐτὸν ὀλίγον σκυλῆναι ἅμα αὐτῷ εἰς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ καὶ ἐπισκέψασθαι τὸν νοσοῦντα οἰκέτην αὐτοῦ, καὶ εὐλόγησας πάντας ἀξιώσας τοὺς ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ· ὁ δὲ ἄγαν συμπάδιστος καὶ σεβασμιώτατος τίμιος γέρον, σπλαγχνισθεὶς ἐπὶ τῇ θερμῇ αὐτοῦ παρακλήσει, ἀναστὰς ἐπορεύθη μετ' αὐτοῦ συνάμα ἐμοὶ εἰς (f. 122 r.) τὸν οἶκον αὐτοῦ· καὶ ὡς ἤλθομεν ἐνδον τοῦ οἴκου αὐτοῦ, ἐν ἧ' ὁ νοσῶν κατέκειτο, εὕρομεν αὐτὸν ὡς ἤδη ἐκπνεῖν μέλλοντα ἐκ τοῦ τὸ δέρμα τοῦ σώματος αὐτοῦ ῥαγῆναι καὶ τὸ σσηπομένον ἐνδον τοῦ δέρματος ὑδῶρ ἐξω ἐκχεῖσθαι. ὄν ἰδὼν καὶ σπλαγχνισθεὶς ὁ μακάριος ἐπ' αὐτῷ, οἷα μαθητῆς τυγχάνων τοῦ Σωτῆρος καὶ ἐλεήμονος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὡς ἤδη ταῖς πύλαις τοῦ θανάτου προσεγγίσει αὐτὸν μέλλοντα, ὀρῶν δὲ καὶ τὸν κύριον αὐτοῦ

πικρῶς δακρύνοντα καὶ ὀλοφυρόμενον καὶ θερμῶς πρὸς τοῖς ποσὶν αὐτοῦ ἐγκυλινδούμενον καὶ ἐκλιπαροῦντα αὐτὸν κατὰ ἐφικτὸν αὐτῷ βοηθῆσαι, καὶ προσσχὼν αὐτοῦ τῇ πίστει, παρευθὺ ἐξέωσεν ἅπαντας τοῦ οἰκήματος καὶ μόνος ἔνδον ἀπολειφθεὶς πρὸς τὸν Κύριον εὐχὴν ὑπὲρ τοῦ ψυχορραγούντος ἄνω τὸ ὄμμα καὶ τὰς χεῖρας ἐκτείνας πεποίηκε, καὶ τρεῖς σταυροειδῶς ἐπιπνεύσας αὐτῷ τῷ ἄσθματι τοῦ στόματος αὐτοῦ κατέναντι τοῦ προσώπου αὐτοῦ καὶ δούς αὐτῷ χεῖρα δεξιάν, ἐκέ(f. 122 v.)λευσεν αὐτὸν ἀναστῆναι λέγων· Ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐξεγέρθητι καὶ ἀνάστρεφε ἐκ τῆς νόσου ταύτης εἰς κρεῖττονα καὶ εὐθεῖαν ζωὴν ὑπὲρ τὸ πρότερον. Παραχρῆμα οὖν, ὡ τοῦ μεγίστου καὶ φρικτοῦ ὀράματος, ἀνέστη ὑγιαίνων ὁ παῖς καὶ ὄρεξις ἐδόθη αὐτῷ φαγεῖν καὶ πιεῖν· ἀνοίξας οὖν ὁ μακάριος τὴν θύραν τοῦ οἰκήματος, ἐφώνησε τὸν κύριον τοῦ παιδὸς καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Ἴδού ἔχεις τὸν παῖδά σου ἔρρωμένον ζῶντα καὶ ὑγιῆ. ὁ δὲ ἀνὴρ εὐδὺς πίπτει πρηνὴς εἰς τοὺς τιμίους καὶ ἁγίους πόδας αὐτοῦ, ἀνδομολογούμενος καὶ εὐχαριστῶν αὐτῷ καὶ μεγαλύνων τὸν Θεὸν τὸν δι' αὐτοῦ ποιοῦντα παράδοξα καὶ θαυμαστά τεράστια τοιαῦτα. Ἀναβλέψας οὖν ὁ μακάριος ὄρα ἔν τῶν παιδαρίων πλησίον αὐτοῦ ἰσθῶτα καὶ ἰσθίοντα ἄρτον καὶ κρόμμυον· ἐκτείνας οὖν τὴν χεῖρα αὐτοῦ, ἤρην αὐτὰ ἀπὸ τοῦ παιδὸς καὶ δέδωκε τῷ ἰαθέντι εἰπὼν αὐτῷ οὕτως· Λάβε καὶ φάγε ὅτι σφόδρα πεινᾷς· ἐδέξατο οὖν καὶ ἔφαγε, καὶ ἔτι ἐπεζήτητε φαγεῖν· πορευθεὶς οὖν ὁ κύριος αὐτοῦ, ἦνε(f. 123 r.)γενεν αὐτῷ, καὶ ἔφαγε καὶ ἔπαιε καὶ ἀναστὰς ἐνεδύσατο τὸν χιτῶνα αὐτοῦ καὶ περιζώσατο τὸν ὄσφιν αὐτοῦ καὶ ἐξελθὼν διηκόνει τῷ κυρίῳ αὐτοῦ. Θαυμαζόντων οὖν πάντων καὶ ἐκπληττομένων ἐπὶ τοῖς γενομένοις παρ' αὐτοῦ ἑξαισίοις καὶ φρικτοῖς θαύμασι καὶ τῆς φήμης διαθεούσης, πολλοὶ συνέτρεχον πρὸς αὐτὸν εὐλογηθῆναι ὑπ' αὐτοῦ, ῥίπτοντες ἑαυτοὺς πρὸς τοὺς τιμίους καὶ ἁγίους αὐτοῦ ποσὶν· ὁ δὲ τῇ χειρὶ ἐπισφραγίζων αὐτοὺς τῷ σημείῳ τοῦ ζωηφόρου σταυροῦ, κατὰ τὸ σῦνηδες ἠλόγει αὐτούς.

Τούτων οὕτως παρ' αὐτοῦ παραδόξως ἐπιτελουμένων, ἐπὶ τίσιν ἡμέραις ἐκείσιν αὐτοῦ διατρίψαντος, ὑπέστρεψεν εἰς Ἀρκαδιανὰς ἐν αἷς αἱετὶ διέτριβε, καὶ διήγεν ἐν τῇ κέλλῃ αὐτοῦ τὰς ὑπὲρ παντός τοῦ κόσμου λιτάς προσάγων γνησίως τῷ Θεῷ, καὶ τοὺς παραγενομένους

πρὸς αὐτὸν χάριν ψυχικῆς ὠφελείας ἀσμένως καὶ περιχαρῶς ὑποδεχόμενος καὶ τὰς αἰτήσεις αὐτῶν φιλοφρόνως καὶ θεομιμήτως ἀποπληρῶν κατὰ τὸ ψαλμικὸν λόγιον, τὸ φάσκον (f. 123 v.)^ο Ὅτι θέλημα τῶν φοβουμένων αὐτὸν ποιήσει καὶ τῆς δέησεως αὐτῶν εἰσακούσεται καὶ σώσει αὐτούς. Ἦν δὲ αὐτῶ ὄχλησις πολλή καθ' ἑκάστην διὰ τὸ πολλοὺς ἀρρώστους ἔχοντας χαλεπὰς καὶ ποικίλας νόσους προσφέρειν αὐτῶ διὰ τὴν ἐνοικοῦσαν αὐτῶ παρὰ Θεοῦ δαψίλειαν καὶ χάριν πολλήν καὶ ἰᾶσθαι αὐτούς μόνῃ τῇ ἐπικλήσει Χριστοῦ καὶ τῇ ἐπιθέσει τῆς τιμίας αὐτοῦ χειρός. Μιᾶ οὖν τῶν ἡμερῶν καθιζόμενου μου μετ' αὐτοῦ καὶ τῆς μελιρρύτου καὶ ἡδυτάτης αὐτοῦ ἐπαπολαύοντος διδασκαλίας, ἰδοὺ τις νεώτερος ἦλθε πρὸς αὐτὸν, βαρυτάτῃ καὶ σφοδροτάτῃ ῥύγι συνεχόμενος, ὡς μὴ δύνασθαι αὐτὸν κατασχεῖν τὰς σιαγόνας αὐτοῦ, σπαράττων καὶ τρύζων τοὺς ὀδόντας αὐτοῦ ἀπὸ τῆς σφοδροτάτης βίας τοῦ ῥύγου· προσσχὼν δὲ αὐτῶ ὁ ἅγιος τοῦ Θεοῦ θεράπων καὶ σπλαγχνισθεὶς ἐπ' αὐτῶ· λίαν γὰρ ὑπῆρχε συμπαθὴς καὶ φιλάνθρωπος· λαβὼν βαυκαλίον καὶ πλήσας οἴνου ἀκράτου καὶ σφραγίσας αὐτὸ σταυροειδῶς, δέδωκε τῶ νοσοῦντι καὶ φησὶ πρὸς αὐτὸν· Δέξαι (f. 124 r.), τέκνον, καὶ πίε. ὁ δὲ δεξιόμενος μόλις ἴσχυσε τῶ στόματι αὐτοῦ προσνεγκεῖν αὐτό· αἱ γὰρ χεῖρες αὐτοῦ κλονούμεναι ἐξέχεον αὐτὸ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους· μετὰ δὲ τὸ πεπωκέναι αὐτὸν τὸν οἶνον, παραχρῆμα ὑγίης γέγονε, πέφευγε γὰρ ἀπ' αὐτοῦ ὁ κλόνος ἐκεῖνος καὶ ἡ ἄμετρος βία καὶ φρίκη τοῦ ῥύγου, ἡλλάγή τε καὶ ἡ νεκροειδῆς ὄψις τοῦ προσώπου αὐτοῦ καὶ ἦλθεν εἰς τὴν προτέραν αὐτοῦ κατάστασιν. Εἰδὼς οὖν ὁ ἰαθεὶς ἄνθρωπος τὴν ἀσθένειαν ταύτην καὶ μεταβολὴν τῆς νόσου πρὸς πληρεστάτην ῥῶσιν ἐλθούσης μόνον τῇ εὐχῇ τοῦ ὀσίου καὶ τῇ πόσει τοῦ οἴνου διὰ τῆς ἐνοικούσης ἐν αὐτῶ θείας χάριτος, προσπεσὼν ἐπὶ τοῖς τιμίσις αὐτοῦ ποσί, κατεσπάζετο αὐτούς μετὰ θερμῶν δακρύων, εὐχαριστῶν καὶ μεγαλύνων αὐτὸν καὶ τὸν δι' αὐτοῦ ἐνεργούντα τὰ τοιαῦτα μέγιστα καὶ παράδοξα θαύματα Κύριον τῆς δόξης Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν. Λέγω οὖν ἐγὼ πρὸς τὸν ἰαθέντα· Δοῦλος εἶ τινός, ἦ ἐλεύ(f. 124 v.)θερος; Ὁ δὲ λέγει μοι· Δοῦλός εἰμι, κύριέ μου, ἐνός τῶν χειρομάχων ἀνδρῶν, καὶ ἀρτίως πολλὰς ἡμέρας κατεῖχε καὶ συνέιχε με τὸ δύστηνον καὶ ὀλέθριον πάθος. Ἦμῶν δὲ ταῦτα πρὸς

ἀλλήλους ἐμιλούντων, φησί πρὸς με ὁ ἅγιος· Ὁ κύριος αὐτοῦ, τέκνον Γρηγόριε, διὰ τάχους τελευτήσει καὶ οὗτος ἐλευθερωθήσεται καὶ συναφθήσεται νομίμῃ γυναικί, ἣτις τίξει αὐτῷ τέκνα καὶ τελευτήσωσιν, ἐν δὲ ἐξ αὐτῶν ὑπολειφθήσεται αὐτῷ· μετὰ χρόνον δὲ ἱκανὸν τελευτήσει καὶ αὐτὸ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ, εἶτα οὗτος συναφθήσεται ἑτέρα γυναικί, κάκεινή τίξει αὐτῷ τέκνα· τελευτήσει δὲ καὶ αὐτή· καὶ μετὰ ταῦτα οὗτος ἤξει ἐπὶ τὸ συμφέρον τῆς ψυχῆς αὐτοῦ. Ταῦτα τοῦ ὁσίου πρὸς με εἰρηκότος περὶ τοῦ ἰαθέντος ἀνθρώπου, ἐκεῖνος ἀκροώμενος τὰ ῥήματα καὶ ἐνωτιζόμενος αὐτὰ, ἐξίστατο ἐννεὸς γενόμενος, εἰ οὕτως αὐτῷ συμβήσεται ταῦτα, ὅσα ὁ ἅγιος λελάληκε περὶ αὐτοῦ· χρόνου οὖν τινὸς ἱκανοῦ παρελθόντος, ἐτελεύτησεν ὁ κύριος αὐτοῦ καὶ αὐτὸς ἔτυχε τῆς ἐλευθερίας (f. 125 r.) κατὰ τὴν τοῦ ἁγίου πρόβρησιν. ἔγημε δὲ καὶ τὰς δύο γυναῖκας κατὰ διαδοχὴν, καὶ πάντα ὅσα προεῖπεν ὁ θεράπων κυρίου Βασίλειος περὶ αὐτοῦ, εἰς τέλος ἐξέβη.

Ἄλλοτε πάλιν ὄντος αὐτοῦ ἐπὶ τοῦ λιμένος τοῦ Ἐλευθερίου ἐν οἰκῇ τινῶν συγκλητικῶν· αὐτὰδελφοὶ δὲ οὗτοι οἱ δύο ἑμαιμόνες ἦσαν, τῇ θέσει εἰνοῦχοι, ἐν τῇ βασιλευούσῃ μεγιστάνες ἦσαν καὶ μέγιστα παρὰ τῶν τότε κρατούντων τιμημένοι, οὓς καὶ Γογγυλίους προσηγόρευον· ἦσαν δὲ καὶ συγγενεῖς τοῦ Κωνσταντίνου ἐκείνου, ὃς ἐν τῷ οἰκῇ αὐτοῦ τὸν ὅσιον ἔσχε καὶ διηκόνει καταπολαίων αἰετῆς ἐκείνου θείας τῷ ὄντι καὶ ἡδυτάτης διδασκαλίας· ὄντες δὲ ἀρετῆς ἐνθέου ἐργάται καὶ τῶν ὄντως καλῶν ἐρασταὶ τυγχάνοντες, οὓς τινὲς μὲν βαίλους ἐκάλουν, τινὲς δὲ πρεποσίτους· ὀφτινες διὰ τοὺς συγγενεῖς αὐτῶν, Κωνσταντίνου, γνώριμαι γεγονάσι τοῦ ὁσίου καὶ γνησίως προσεκολλήθησαν αὐτῷ καὶ σφοδρῶς ἠγαποῦντο παρ' αὐτοῦ, καὶ αἰετὸς πρὸς αὐτὸν ἐσχέλαζον ψυχικῆς ἐνεκα ὠφελείας· πολλὰς οὖν (f. 125 v.) καὶ ἐν τῷ οἰκῇ αὐτῶν ἐκάλουν αὐτὸν καὶ συμπαραεῖναι αὐτοῖς ἠνάγκαζον· ὃς ἔρων τὴν πίστιν αὐτῶν, οὐ παρητεῖτο τοῦ μὴ εἰσερχεσθαι ἐν τῷ οἰκῇ αὐτῶν καὶ χρονοτριβεῖν ἐν τούτῳ, διδάσκων καὶ νοθετῶν αὐτοὺς ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἑαυτῆς ψυχικῆς σωτηρίας. Ὅθεν μὲν τῶν ἡμερῶν, ὄντος αὐτοῦ κατὰ τὸ σῆνηδες ἐν τῷ οἰκῇ αὐτῶν, μαθὼν δὲ κάγῳ ὅτι ἐκεῖ ἐστίν, ἀναστὰς ἐπορεύθη πρὸς αὐτόν· εὔρον δὲ καὶ τινὰς ἀδροισθέντας πρὸς αὐτόν χάριν τοῦ κομίσασθαι τὰς ἀγίας

αὐτοῦ εὐχάς, πεσὼν δὲ παρὰ τοῖς τιμίαις αὐτοῦ ποσὶ καὶ αἰτήσας εὐλογηθῆναι ὑπ' αὐτοῦ, κάκεινου μετὰ τὸ εὐλογῆσαί με κελεύσαντος κατὰ τὸ εἰωθὸς πλησίον αὐτοῦ καθισθῆναι, ἰδοῦ τις ἀνὴρ δυναστικῆς πλοῦσιος σφόδρα παρεγένετο πρὸς αὐτὸν μετὰ καὶ τῆς συμβίου καὶ τῶν τέκνων αὐτοῦ σὺν παντὶ τῷ λαῷ αὐτοῦ, ὃν ἔρασκον εἶναι τουρμάχην τῆς γῶρας τῶν Παφλαγόνων, πνεύματι ἀκαδάρτῳ παρενοχλούμενος. Τούτου τρίνουν τὴν παρρησίαν καὶ Ἐλευσιν προεδήλωσεν ὁ ὄσιος οὕτω πως ἀφέλως καὶ ἀπλοικῶς φήσας· Ἰδοῦ (f. 126 r.) παραγίνεται πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ διάβολος· ὡς σὺν ταῦτα ἔλεγεν ὁ ὄσιος πάντων ἡμῶν ἠδρισιμένων ἐκείσε, εἰσηλθεν, ὡς εἰρηται, ὁ τὸν δαίμονα ἔχων ἐν ἑαυτῷ· καὶ μὴ γινώσκων ὁ τουρμάχης τῆς γῶρας τῶν Παφλαγόνων, μετὰ τῆς προσούσης αὐτῷ φαντασίας, ἐπὶ τὸ ἀσπάσασθαι τοὺς δηλωθέντας πρεποσίτους ἐκείσε παρεγένετο, συγκαθεζομένου αὐτοῖς τοῦ ὀσίου· μὴ φέρον δὲ τὸ ἀκάδαρτον πνεῦμα τὸν τίμιον χαρακτῆρα τοῦ ὀσίου καθορᾶν, ὡς ἀοράτῳ δυνάμει ἢ πυρὶ θεοῦ πνεύματος φλογιζόμενον, ἤρξατο κράζειν διὰ τοῦ αὐτοῦ τουρμάχη ἀσήμως καὶ ἀπηγριωμένως ἀφρίζον καὶ ἀγριούμενον, δεσμῆσας ὀπισθάγκωνα τὰς χεῖρας αὐτοῦ, λέγων οὕτως· Τί ἐμοὶ καὶ σοί, ἄγιε τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου; τί με καίεις; τί με βασανίζεις; οἰδᾶ σε τίς εἰ. ἔασόν με καὶ ἀναγελῶ τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων τὰς θαυμαστάς καὶ ὑπὲρ φύσιν ἀνθρώπων ἀρετάς σου, ὅπως ἰλιγγιάσωσιν. ἔα ἔα, τί με κατακαίεις, τοῦ Κυρίου θεράπων Βασιλεῖ; μέχρι τίνος με βασανίζεις; μόνον κέλευσον καὶ ἐξέρχομαι, ἀναχωρῶ (f. 126 v.), ἀναχωρῶ, ἀπὸ τοῦ νῦν τὰ ὧδε οὐ μένω· οὐκ ἀρκεῖ σοι ὅτι τσοσούτους σταδίους ἐλκυσάς με καὶ ἐνταῦθα μεμαστιγωμένον πρὸ προσώπου σου παρῆστηκας, καίτοι γε πειρώμενόν με ὑποστρέφειν κατὰ τὴν ὁδὸν καὶ σὲ μὴ θεάσασθαι, ἀλλὰ καὶ ἐνταῦθα, ὡς ἠθέλησας, ἔλθόντα με ἐτι καίεις καὶ βασανίζεις; οὐαὶ οὐαὶ· ὑπὸ τῶν ὑπηρετῶν τοῦ ἑσταυρωμένου πάντοθεν διωκόμεθα· καὶ ἰδοῦ ἀναχωρῶ· ἰδοῦ ἐξέρχομαι· μόνον κέλευσον καὶ οὐχ' ἴσταμαι. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα φληναφούντος τοῦ πονηροῦ δαίμονος διὰ στόματος τοῦ πάσχοντος, δεινῶς τοῦτον ἐτάζαντος καὶ ἔτιρα πλείστα χείρονα τούτων κενολογούντος, διαπονηθεὶς ὁ μακάριος καὶ ἐμβρμησάμενος τῷ πνεύματι, ἐξάνεστη καὶ ἔξισιν εἰς τὸ προαίλιον. ἦν δὲ ἐκείσε πλήθος ἱκανὸν συνελεγμένον

ἀπό τε τῆς οἰκίας τοῦ ἐνοχλουμένου καὶ οἱ ἐκ τῶν περίξ συνδεδραμηκότες· τοῦ ἁγίου οὖν ἐξεληθέντος ἐν τῷ προαυλίῳ, ὡς εἶρηται, πρὸς τὸν ἐταζόμενον, στάς σύνεγγυς ῥάβδον ἐν τῇ τιμίᾳ αὐτοῦ χεῖρὶ κατέχοντος, ἠΐ(f. 127 γ.) τομολησεν ὁ ἐταζόμενος ὠθούμενος ὑπὸ τοῦ πονηροῦ πνεύματος καὶ ἔδραμεν ἐπὶ τὸν δίκαιον βρυχόμενος κατασπᾶσαι αὐτόν· ὁ δὲ ἅγιος ἐκτείνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν δεξιάν ἐπάταξεν αὐτόν τῇ ῥάβδῳ σφοδρῶς κατὰ κεφαλῆς· καὶ εὐθέως ὥσπερ ἀπὸ φλεβὸς ἔρρῦει αἷμα κρουνηδὸν εἰς ὕψος ἐφ' ὦραν ἰκανήν· ὁ δὲ πάσχων· δεσμήσας τὰς χεῖρας αὐτοῦ ὀπισθάγκωνα ἴστατο στένων καὶ τρέμων. ἡ δὲ ῥύσις τοῦ αἵματος αὐτοῦ ὀξέως ἐχειτο· βοή οὖν μία ἐγένετο ὑπὸ τοῦ πλήθους τοῦ ἐκείσε παρεστηκότος· Οὐαὶ οὐαὶ, ἀπέκτεινε τὸν δαίμονῶντα ὁ μοναχὸς οὗτος μὴ δυνάμενος ἰάσασθαι αὐτόν. Ὁ δὲ ὄσιος ἴστατο σιωπῶν ἐφ' ἰκανήν ὦραν θεωρῶν ὅπως τὸ αἷμα ἔρρει ἀπὸ τῆς κεφαλῆς τοῦ πάσχοντος, μετὰ δὲ τὸ ἐκχυθῆναι αἷμα ἰκανόν, ἔφησεν οὕτως ὁ ὄσιος ἐνώπιον πάντων ἡμῶν· Ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ στήθι τὸ προχέομενον αἷμα. Καὶ εὐθέως, ὧ τοῦ θαύματος, ἐξηράνθη ὁ ὀξύς κρουνὸς ἐκείνος τοῦ αἵματος. Ἐξέστησαν οὖν ἅπαντες ἰδόντες (f. 127 ν.) τὸ γεγονός, ὅπως μόνῃ τῇ κελύσει τοῦ ὄσιου ἔστη ἡ τοσαύτη ῥύσις τοῦ αἵματος· ἅμα δὲ τοῦ ξηρανθῆναι τὸ αἷμα, ἰάθη καὶ ὁ δαίμονῶν ἀνθρωπος καὶ ἔστη λαλῶν ὡς οἱ λοιποὶ· προσπεσὼν οὖν πρὸς τοὺς ποσὶν αὐτοῦ ἅμα τῇ γυναικὶ αὐτοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἐπομένοις οἰκέταις αὐτοῦ, γηθοσύνην καρδίᾳ καὶ πλατεῖ στόματι εὐχαρίστει μεγάλως τῷ ἁγίῳ Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ Βασιλεῖφ, ἱκετεύων αὐτόν τέλειον ἀπαλλαγῆναι τοῦ πονηροῦ ἐκείνου δαίμονος· ὁ δὲ ὄσιος τῷ σημείῳ τοῦ ζωφόρου τε καὶ παντοδυνάμου σταυροῦ κατασφραγισάμενος αὐτόν ἔφη αὐτῷ. Θάρσει, τέκνον, καὶ μὴ φοβοῦ, οὐκέτι γάρ σοι πλησιάσει ἢ πειράσει τὸ δαιμόνιον τοῦτο· ὡσαύτως οὖν καὶ πάντες οἱ παρεστώτες, πίπτοντες ἐν τοῖς ποσὶν αὐτοῦ, παρεκάλουν ἱκετεύοντες αὐτόν δοῦναι αὐτοῖς συγγνώμην ἐφ' οἷς ἤμαρτον, βλασφημήσαντες εἰς αὐτόν. ὁ δὲ ἐπευξάμενος εὐλόγησεν αὐτοὺς οὕτω λέγων· Ὁ Θεός, τεκνία μου, ῥύσεται πάντας ὑμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ, καὶ δώη ὑμῖν ἰσχὺν εἰς τὸ συντρίψαι (f. 128 γ.) καὶ καταπατήσαι τὰ βέλη αὐτοῦ, καὶ κληρονόμους ἐργάσῃται τῆς βασιλείας αὐτοῦ. Οἱ δὲ ἐπόντες τὸ ἀμὴν ἐπορεύθησαν ἐν εἰρήνῃ ἕκασ-

τος, εὐχαριστῶν[τες] τῷ Θεῷ ἐπὶ τῷ διδοῦντι χάριν τοῖς φοβουμένοις αὐτόν καὶ φυλάσσουσι τὰς ἐντολάς αὐτοῦ· ὁ δὲ ἰαθεὶς ἀνθρωπος ἐτι προσέμενε μετὰ τὴν ἀναχώρησιν τοῦ λαοῦ σὺν παντὶ τῷ λαῷ αὐτοῦ, γονυπετῶν τοῖς ποσὶ τοῦ ὁσίου ἐπὶ ὧραις δυοὶ τὰς εὐχὰς αὐτοῦ κομιζόμενος· ἀναστήσας οὖν αὐτόν ὁ ὁσιος καὶ εὐλογήσας αὐτόν, ἀπέλυσε πορευθῆναι ἐν εἰρήνῃ, ὃς συνταξάμενος αὐτῷ ἐπορεύθη μετὰ παντός τοῦ λαοῦ αὐτοῦ ἐν εὐφροσύνῃ καρδίας αὐτοῦ εἰς τὴν χώραν αὐτοῦ, κατέχων καὶ περιπεφραγμένος ὡς θύρακα τὰς τιμίας εὐχὰς τοῦ ὁσίου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ὡς ὄλβον πολῦτιμον ὠνησάμενος ταύτας, χαίρων ἐπορεύετο τὴν ὁδὸν αὐτοῦ. Οἱ δὲ τοῦ οἴκου ἐκείνου δεσπότηαι, ἐν ᾧ τὸν δαίμονοντα ἰάσατο, ἔππον εἶχον πάνυ ὠρατον· ἦν δὲ σφόδρα ἀπηγριωμένος καὶ (f. 128 v.) οὐδεὶς ἠδύνατο πλησιάσαι αὐτῷ ἢ ἐπιβῆναι ἐπ' αὐτῷ· ἔδακνε γὰρ καὶ ἐλάκτιζε καὶ τοὺς αὐτῷ πλησιάζοντας ἀπέκτεινε· διὰ τὸ μὴ χρησιμεύειν οὖν τὸν τοιοῦτον ἔππον, πολλὰκις ἠβουλήθησαν ἀποκτείναι αὐτόν ἢ πόρρω ἀπολύσαι αὐτόν ἀπ' αὐτῶν, ἀλλ' ἡ ὠραιότης αὐτοῦ οὐ συνεχώρει αὐτοὺς τοῦτο ποιῆσαι, ἐλπίζοντας ἴσως ποτὲ εἰς ἡμερότητα ἐλθεῖν αὐτόν· ὡς οὖν τότε ἐθεάσαντο τὸ γεγονὸς σημεῖον παρὰ τοῦ ἀγίου ἐπὶ τὸν δαίμονιζόμενον, πρὸς ἀλλήλους εἶπον· Δυσωπήσωμεν τὸν ὄσιον περὶ τοῦ ἔππου ἡμῶν, ἵνα προσεύξηται πρὸς Κύριον καὶ ὑπὲρ αὐτοῦ ποιῆσαι τι· καὶ οἴδαμεν ὅτι τῇ αὐτοῦ δεήσει θάττον ἡμερωθήσεται. Ἀναστάντων οὖν αὐτῶν ἀπὸ τοῦ ἀρίστου, προσέρχονται τῷ ἀγίῳ μετὰ φοίχης καὶ δέους πολλοῦ καὶ πρὸς αὐτόν ἐφησαν· Δοῦλε τοῦ Θεοῦ, ἀκριβῶς ἐπιστάμεθα, ὡς εἰ τι δὴν βουληθῆς, καὶ τὸν Θεὸν συνεργὸν κέκτησαι· ὄθεν σου δεόμεθα δεῦρο δὴ ἐν τῷ ἐλέει τοῦ Θεοῦ καὶ τὸν ἀγριαίνοντα ἔππον ἡμῶν μετάβαλε εἰς ἡμερότητα, ὅτι δάκνει καὶ λακτί(f. 129 r.)χει καὶ οὐδενὶ ὑποτάσσεται. Ὁ δὲ μακάριος ἐφη· Ποῦ ἐστὶν ὁ ἔππος; Ὅι δὲ λέγουσιν αὐτῷ· Ἔρχου καὶ ἴδε. Καὶ πορευθεὶς μετ' αὐτῶν, κατέχων ἐν τῇ χειρὶ τὴν αὐτοῦ ῥάβδον, ὑποδεικνύουσιν αὐτῷ τὸν ἔππον· σημειωσάμενος δὲ ὁ ὁσιος τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ μετὰ τῆς ῥάβδου τὸν τύπον τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιῦ σταυροῦ, ἐπληξε τὸν ἔππον· ἐπιστραφεὶς δὲ ὁ ἔππος, ὡσπερ τις λογικὸς, ὑπέκλινε τὴν κεφαλὴν τῷ ὁσίῳ καὶ ἴστατο φρίττων καὶ τρέμων, ὥστε κρουνηδὸν ὁ ἰδρῶς αὐτοῦ διεχεῖτο ἐπὶ τὴν γῆν ἀπ' αὐτοῦ. Ὅρωντες οὖν ἅπαντες οἱ ἐκεῖσε ἐστῶτες ὅπως

τὸ ζῶον ἀπὸ τοῦ φόβου στένον ἔτρεμεν, αὐτοὶ πλέον ἐφριττον ἰλιγιῶντες καὶ ἐξεπλήττοντο ἐπὶ τῇ δοθείσῃ ἐξουσίᾳ τῷ ἁγίῳ παρὰ τῷ Θεῷ κατὰ πνευμάτων ἀκαθάρτων, λέγοντες· Φοβερά ἡ δύναμις τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μεγάλη ἡ ἰσχὺς τῶν ἁγίων αὐτοῦ δούλων, ὅτι πάντα δι' αὐτοῦ αὐτοῖς ὑποτέτακται. Προσελθὼν ὁ ἅγιος ἐκράτησε τὸ ζῶον ἀπὸ τοῦ ὠτός καὶ ἐβλεπεν αὐτὸ ἐξω, τὸ δὲ ἠκολούθει οὐκ ἐρίζον, οὔτε λακτί(f. 129 v.) ζον· εἶτα ἀπέλυσεν αὐτὸ τύψας αὐτὸ τῇ χειρί· ἔστη οὖν ἐν μέσῳ τοῦ λαοῦ ὡσπερ πανήμερον πρόβατον, καὶ προσελθόντες οἱ κύριοι αὐτοῦ ὠμάλιζον αὐτὸν καὶ χαλινὸν ἐπέδηκαν ἐπ' αὐτῷ, καὶ κατεδέξατο πάντα ἡμέρωσ καὶ προσηνῶσ ὑπὲρ τοὺς λοιποὺς ἴππους οὓς ἐκέκτηντο, καὶ ἔκτοτε ἦν ὑποτασσόμενος αὐτοῖς, καὶ ἐχρῶντο αὐτὸν εἰς ὑπηρεσίαν αὐτοῖς, ὅτε καὶ ἔνθα ἐβούλοντο, εὐχαριστοῦντες μεγάλως τῷ Θεῷ καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ θεράποντι καὶ πατρὶ ἡμῶν Βασιλεῖψ.

Ἄλλοτε πάλιν ἐσθιόντων αὐτῶν, συνόντος αὐτοῖς καὶ τοῦ ὀσίου, τίς τῶν παιδῶν τῶν ἐν τῇ τραπέζῃ κερνῶντων ἐξ ἀπροσεξίας, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν ἐξ ἀφροσύνης αὐτοῦ, κεράσας ποτήριον πάνυ ζέον ἐπιδίδωσι τῷ ὀσίῳ τοῦ πιεῖν· ὁ δὲ λαβὼν καὶ ἀπερισκέπτως πίων, ἐφλεξε τὰ ἔνδον αὐτοῦ· τοῦ δὲ κερνῶντος γέλωτι κατασχεθέντος, ἐπιστραφεὶς ὁ μακάριος λέγει πρὸς αὐτόν· Μὴ οὕτω ποίει, τέκνον, τὸν γὰρ πολὺ γέλωτα πλείονα δάκρυα ταχὺ δέξονται. Καὶ ὦ τῶν θαυμασιῶν σου, δέσποτα Κύριε, οὕπω γὰρ διῆλθον δύο σπιγμαὶ, καὶ ἐν ἑτέρᾳ ὑποθέσει περιπεσῶν καὶ πταισας τοῖς δεσπόταις (f. 130 r.) αὐτοῦ, ἔκδοτος τοῖς τύπτουσι δέδοτο, ὑφ' ὧν ἐκδύθει τὸς χιτῶνας αὐτοῦ, διακοσίας μάστιγας ἐδέξατο καὶ ἐκάθητο μέχρις ἑσπέρας θρηνῶν καὶ ἀποδυρόμενος, ὥστε πληρωθῆναι ὑπὸ τοῦ ἁγίου, ὅτι τὸν πολὺ γέλωτα πλείονα δάκρυα διαδέχονται, μικροῦ δεῖν παρόμοιον τῷ προφήτῃ Ἑλισσαίῃ τὸδε τὸ πρᾶγμα τελέσας· ἐκείνου γὰρ παρίοντος ἀπὸ Ἱερηχῶ ἐπὶ τὴν Βηθλεέμ, ἰδοὺ παιδάρια τῆς πόλεως κατηκολούθουν αὐτῷ, κωμωδοῦντα αὐτῷ καὶ λέγοντα· Ἀνάμενε, φαλακρὲ, ἀνάμενε. διαπονηθεὶς δὲ ὁ Ἑλισσαίῃ ἐπὶ τούτοις, κατηράσατο αὐτοῖς ἐπ' ὀνόματι Κυρίου τοῦ Θεοῦ, καὶ εὐθύς ἐξελθοῦσαι δύο ἄρκτοι ἀπὸ τοῦ δρυμοῦ διεσπάραξαν ἐξ αὐτῶν τεσσαράκοντα καὶ δύο παῖδας, καὶ ἐτελεύτησαν, τὰ δὲ λοιπὰ ἀποδράσαντα εἰς τὴν πόλιν ὑπέστρεψαν καὶ τοῖς γονεῦσιν αὐτῶν τὸ

γεγονός διηγήσαντο· οὐκ ἀγαθὸν γάρ ἐστιν, ὡς που φησὶν ὁ Σολομῶν, χλευάζειν ἄνδρα δίκαιον, Κύριος γὰρ παραζηλοῖ σφόδρα τοὺς ἀγαπῶντας αὐτόν.

Πάλιν ἄλλοτε πορευθέντος μου πρὸς τὸν μακάριον ἐν τοῖς δηλωθεῖσι Γογγυ(f. 130 v.)λίσις, ἄντος αὐτοῦ ἐκείσε, εὖρον πλῆθος λαοῦ ἱκανὸν σὺν αὐτοῖς· πεσὼν οὖν ἐπὶ τοῖς τιμίσις αὐτοῦ ποσὶ καὶ ποιήσας αὐτῷ τὴν κατὰ συνήθει[αν] μετάνοιαν, προετράπην παρ' αὐτοῦ καθεσθῆναι· καθεζομένου μου οὖν σὺν αὐτῷ, ὁ τοῦ οἴκου ὀστιάριος ἐληλυθώς ἐστὴ κατὰ πρόσωπον ἡμῶν, ὁ δὲ μακάριος λαβὼν ὀπίωρας τινὰς καὶ κλάσμα ἄρτου, δέδωκεν αὐτῷ καὶ φησὶ πρὸς με· Ἐπὶ αὐτῷ μὴ ἀποστρέφῃς ἄνθρωπον ἐρχόμενον πρὸς με, ὁ γὰρ Κύριός μου καὶ Θεὸς εἶπε· τὸν ἐρχόμενον πρὸς με οὐ μὴ ἐκβάλλω ἔξω· τῇ νυκτὶ δὲ ταύτῃ χαρίζεται σοὶ ὁ Κύριος δι' ἐμοῦ τὴν ζωὴν, καὶ ὅταν ἀκούσῃς ξυλῶν τρυζόντων, ταχύνας ὀξέως ἀποπήδησον ἔξω τῆς κέλλης σου. Ἐγὼ δὲ, καθὼς προσετάχθην παρὰ τοῦ θεράποντος τοῦ Θεοῦ, εἶπον πρὸς τὸν ὀστιάριον· ἀκούσας δὲ ταῦτα ἐκείνος ἐξίστατο διαλογιζόμενος ἐν τῇ διανοίᾳ αὐτοῦ, τί ἄρα εἴη ταῦτα. Τῇ δὲ νυκτὶ ἐκείνῃ ἀδεῶς καθεύδοντι αὐτῷ, τοῦ μεγίστου τῶν δοκῶν τῆς κέλλης αὐτοῦ συντριβέντος καὶ πάντων τῶν δοκῶν τῆς στέ(f. 131 r.)γῆς καταπεσόντων ἐπάνω τῆς κλίνης αὐτοῦ, χεὶρ Κυρίου ἀοράτως τὸν ἄθλιον ὀστιάριον ἐκείνον τεθνάναι μέλλοντα τῇ ὀσίῳ δεήσει ἔξω τῆς κέλλης ὤθησεν εὐρεθῆναι ὡς ὑπνώττοντα, ὥστε μετὰ τὸ ἐξυπνον γεγόνενα αὐτόν, ἰλιγγιάσαι καὶ κακαπλαγῆναι ἐπὶ τὸ συμβῆν αὐτῷ παραδόξῳ θεάματι, ὅτι ἔνδον τῆς κέλλης ἐν τῇ κλίνῃ αὐτοῦ ὑπνώτων ἔξω ταύτης εὐρέθη. Αἰτήσας οὖν φῶτα καὶ βουληθεὶς ἔσω τῆς κέλλης αὐτοῦ εἰσελθεῖν, ὅρᾳ τὴν μὲν κέλλαν πᾶσαν καταπεσοῦσαν, τὴν δὲ κλίνην αὐτοῦ συντριβεῖσαν· καὶ ταῦτα ἰδὼν, ἐμνήσθη τῶν τοῦ ὀσίου ῥημάτων καὶ ὅσα παρὰ τὴν χθὲς ἐλάλησε πρὸς αὐτόν, καὶ προσδραμῶν ῥίπτει ἑαυτὸν ἐπ' ἐδάφους ἐν τοῖς τοῦ ἀγίου ποσὶ, δάκρυσι θερμοῖς καταβρέχων καὶ κατασπαζόμενος αὐτοῖς καὶ μεγάλως εὐχαριστῶν τῷ Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ, δι' οὐ ἐσώθη τοῦ πικροῦ ἐκείνου θανάτου. Τῇ δὲ ἐπαύριον ἤκουσιν τινες πρὸς τὸν ὀσιον φέροντες γυναῖον πρὸς αὐτόν, καὶ ἦν ἰδεῖν ἐλεεινὸν θέαμα ἐπ' αὐτῇ δακρύων ἀνάμεστον· ἐσθίουσα γὰρ κατέπιε ὅσοτον ἰχθύ(f. 131 v.)ος

και ἴστατο πλαγίως ἐν τῷ φάρυγγι αὐτῆς, και συνείχεν αὐτὴν σφόδρα σφόδρα, ὥστε ἀπὸ τῆς βίας ἐκχέειν τὰ ἔγκρατα αὐτῆς· ἐπὶ τρισὶν οὖν ἡμέραις δεινῶς οὕτω βασανιζομένης και πασχούσης, και μικροῦ δεῖν ἀποπνιγῆναι ἐμελλε· και ἐκέτευον τὸν ὄσιον μετὰ δακρύων οἱ οικεῖοι αὐτῆς ἐπιβλέψαι ἐπὶ τὴν ταπεινωσιν αὐτῆς και ταύτην ἐλεῆσαι. ὁ δὲ ἅγιος θεασάμενος τὴν πίστιν τῶν ἀγαγόντων αὐτὴν βεβαίαν οὔσαν και ἀσφαλῆ, και σπλαγχνισθεὶς ἐπὶ τῇ γυναικί, ἔφη πρὸς αὐτούς· Προσαγάγετε αὐτὴν πρὸς με. Και προσήγαγον αὐτὴν πλησίον αὐτοῦ· ὁ δὲ ὄσιος μάχαιραν κατέχων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, δι' ἧς ὀπίρας ἐκάδαυρε, προσήγγισε τῷ τραχήλῳ τῆς γυναικὸς ἀπὸ καρδίας ἀνοιμῶξας και φησὶ· Κύριέ μου Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ἐλέησον ἡμᾶς τοὺς ἁμαρτωλοὺς· ἅμα οὖν τῷ λόγῳ τοῦ ὄσιου, και τὸ ὄστουν ἐκ τῆς φάρυγγος αὐτῆς ἀνέθορε και μετὰ τοῦ πτυέλου αὐτῆς ἐξελήλυθε και εὔρεθη χαμαὶ, ἡ δὲ γυνὴ τῆς ἀφορήτου ἐκείνης ὀδύνης εὐθέως ἀπηλλάγη και συνεῖσα τὸ γεγονός εἰς αὐτὴν ἀδρόον και παράδοξον θαῦ(f. 132 r.)μα διὰ τῆς τοῦ ἀγίου ἐντεύξεως, πεσοῦσα παρὰ τοὺς τιμίους πόδας αὐτοῦ, κατέσχεν αὐτοὺς τὰς χερσὶν αὐτῆς και πιστῶς κατεφιλεῖ αὐτοῦς, εὐχαριστήρια ῥήματα πρὸς αὐτὸν ἀναπέμπουσα, και ἀνδομολογουμένη ἐμεγάλυνεν αὐτὸν, δοξάζουσα δὲ τὸν Θεὸν τὸν ἐνοσχύσαντα αὐτὸν και δόντα αὐτῷ ἐξουσίαν τοιαῦτα ἐκτελεῖν παράδοξα και ἐξαισία πράγματα. Ὁ δὲ ἅγιος ἐπευξάμενος και εὐλογήσας αὐτὴν, ἀπέλυσεν ἐν εἰρήνῃ πορευθῆναι και τελεῖα ὑγείᾳ εἰς τὸν οἶκον αὐτῆς.

Οἱ δὲ προρρηθέντες Γογγύλιοι ἐκέκτηντο ἱερέα ἀξιον τοῦ ἱερατεύειν Κυρίῳ τῷ Θεῷ ἡμῶν, Θεοφάνην τούνομα, τῷ διορατικῷ χαρίσματι σεμνυνόμενον, ὃς διὰ τὰ γεγονότα σκάνδαλα παρὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντίνου πόλεως Εὐθυμίου τῆς τετραγαμίας Λέοντος τοῦ βασιλέως τῆς θείας λειτουργίας ἀπείχετο εὐλαβούμενος· ἐπεὶ και Θεοφύλακτος ὁ ἀρχιεπίσκοπος, διγαμίας ὢν υἱὸς και παρὰ τὸν κανόνα τῷ θρόνῳ ἰδρυθεὶς, ἠμυσάττετο ἐπιτελεῖν τὰς λειτουργίας μετὰ τῶν πεπατηκότων τὸν θεῖον κανόνα ἀσυλλογῆς τῶν ἱερέων· Ἐλεγε γάρ τὸν λόγον τοῦτον ἐκάστοτε, ὅτι πᾶς ὁ χειροτονῶν διγαμίας υἱὸν και εὐλογῶν τριγαμίαν ἢ τετραγαμίαν, και ὃς δ' ἂν ὑποδέξηται δῶρα χάριν χειροτονίας, καθαιρεῖσ-

ἴδωσαν καὶ αὐτοὶ καὶ οἱ χειροτονηθέντες ὑπ' αὐτῶν. Διὰ τοῦτο καὶ ὁ σεβασμῖος γέρων ἐκεῖνος τῆς λειτουργίας ἀπέχεται, ὡς προεῖρηται, ταῖς δὲ θεαῖς ἐκκλησίαις αἰεὶ ἐσχόλαζε, νηστείας καὶ χαμηνίας καὶ εὐχαῖς προκαρτερῶν καὶ τὸ τῆς ψυχῆς ὄμμα ἀνατείνων πρὸς τὸν Κύριον καὶ Θεὸν ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, ἐλπίζων αἰεὶ καὶ ἐπευχόμενος παρ' αὐτοῦ γενέσθαι τὴν τῶν παρανόμων Ῥωμαίων διόρθωσιν τὸ τῶν Οὐγγρῶν οὖν ἔθνος διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν καθεκάστην τὰ δυτικὰ μέρη λεηλατοῦν.

Μιᾶ τῶν ἡμερῶν ἐν ταυτῶ καθεζομένην πάντων, τοῦ τε ἁγίου καὶ τῶν τοῦ οἴκου κυρίων καὶ αὐτοῦ τοῦ ῥηθέντος γέροντος σὺν ἐμοὶ τῶ ταπεινῶ, ἔφη εἰς ἐξ αὐτῶν τῶ ῥηθέντι γέροντι λέγων· Ἀπάγγειλον ἡμῖν, ὀσιώτατε πάτερ, δι' ἣν αἰτίαν τὰ παμμίαιρα ἔθνη ταῦτα καθ' ἡμῶν τῶν χριστι(φ. 133 γ.)ανῶν στρατευόμενα κονιορτοῦ δίχην συνεχῶς κατευδοῦνται καὶ τὰ δυτικὰ μέρη ἀπόλουσιν ἐξερχόμενα; Ἔφη οὖν πρὸς αὐτὸν ὁ δίκαιος γέρων ἐκεῖνος· Εἰ ἀληθῶς θέλεις γνῶναι, τέκνον, ποίῳ τρόπῳ οὗτοι κατευδοῦνται, γνωστὸν ἔστω σοι. ὅτι διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν τοῦτο τὸ ἔθνος ἀπεστάλη παρὰ Κυρίου· καὶ οὕτω κατευδοῦται τύπτον ἡμᾶς κατὰ κεφαλῆς ὡς νεῦρον ξηρόν· δεινὸν γάρ ἡ ἁμαρτία. Ἄρα οὐκ οἶδας ὅποτε ἀπέστειλε Κύριος Ἰησοῦν τὸν τοῦ Ναβῆ μετὰ τὸ ἐκτρίψαι αὐτὸν πόλεις πλείστας καὶ ὄχυράς καὶ τοὺς βασιλεῖς αὐτῶν ἀποκτεῖναι, οἱ συνήχθησαν ἐπὶ τὸ αὐτὸ πολεμῆσαι τὸν Ἰσραὴλ; καὶ ὁ Κύριος ἐβδελύξατο αὐτοὺς διὰ τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας καὶ παρέδωκεν αὐτοὺς εἰς χεῖρας τοῦ Ἰσραὴλ, καὶ ἀνήλωσαν αὐτοὺς πάντας ἐν στόματι μαχαίρας, καὶ παντελῶς αὐτοὺς ἐξωλόδρευσαν καὶ τὴν γῆν αὐτῶν ἐκληρονόμησαν; Πρόσσχες οὖν ὅτι διὰ ταῦτα οἱ πολέμιοι στέλλονται ἐν ταῖς χώραις εἰς τὸ ἐκτρίψαι τοὺς ἐν αὐταῖς κατοικοῦντας διὰ τὰς αὐτῶν ἁμαρτίας. Ταῦτα οὖν λέγοντος τοῦ ἡγιασμένου γέροντος ἐκεῖ(φ. 133 ν.)νου πρὸς τὸν ἐρωτήσαντα αὐτὸν περὶ τούτου· ὑπολαβὼν ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν Βασίλειος εἶπε πρὸς αὐτόν· Ἴδού ἐγὼ ὀρῶ σήμερον ὅτι κατὰ τὴν ὥραν ταύτην οὗτοι οἱ παμμίαιοι Οὐγγροὶ διαπερᾶσαι πειρώμενοι τὸν Δάνουβιν ποταμὸν ἀπεπνίγησαν ἐν ταῖς ρεῖθροις αὐτοῦ, ὀλίγοι δὲ ἐξ αὐτῶν οἰκονομία Θεοῦ καταλειφθέντες ὑπέστρεψαν εἰς τὴν χώραν αὐτῶν διὰ κενῆς, καὶ τοῦ λοιποῦ σέσωκεν ἡμᾶς ὁ Θεὸς ἐκ χειρὸς αὐτῶν

διὰ σπλάγχνα ἐλέους αὐτοῦ. Θαυμαζόντων οὖν πάντων ἡμῶν τῶν ἐκεῖσε παρόντων ἐπὶ τῇ τοῦ ἀγίου προρρήσει, καὶ διαλογιζομένον ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν εἰ ἀληθῶς οὕτως ἔχει καὶ οὕτω γέγονε τὰ κατ' αὐτῶν, ὡς ὁ ἅγιος εἶρηκεν, καὶ γλιχομένων μαθεῖν καὶ πληροφορηθῆναι περὶ τῶν ῥηθέντων παρὰ τοῦ ἀγίου Βασιλείου ῥημάτων, οὕτω τέσσαρες ἡμέραι παρῆλθον, καὶ ἰδοὺ ἀναφορά στρατηγοῦ Μακεδονίας πρὸς τὰ βασιλεία πάντα κατὰ ἀλήθειαν διδάσκουσα καὶ μαρτυροῦσα περὶ τῶν Οὐγγρων, ὅτι οὕτως συνέβη αὐτοῖς καθὼς προεῖπεν ὁ ἅγιος. Ἐκ τούτου οὖν ἔστιν ἰδεῖν ὅσα βλέπουσιν ἐν νοεροῖς τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν ἀγίῳ πνεύματι ἐλλαμπόμενοι μακράν (f. 134 r.) τε καὶ πέλας οἱ τῷ Κυρίῳ δουλεύοντες· ἐν Κωνσταντίνου πόλει ὑπάρχων ὁ ὄσιος, ὥσπερ τις ἐκεῖσε παρῶν ἑώρα τὰ ἐν Οὐγγρία γεγόμενα.

Ἄλλοτε πάλιν πορευθέντος μου πρὸς τὸν μακάριον καὶ κατὰ τὸ εἰωθὸς ποιήσας μετάνοιαν αὐτῷ καὶ εὐχὴν παρ' αὐτοῦ κομισάμενος καὶ προτραπείς καθεσθῆναι πλησίον αὐτοῦ κατὰ τὸ σύνθηδες, παρόντος καὶ πλήθους λαοῦ ἱκανοῦ καὶ τὰ πρὸς ὠφέλειαν καὶ σωτηρίαν ψυχῆς διδάσκοντος καὶ νοουθετοῦντος πάντας τοῦ ἀγίου, ἀφῆνης ἀπιδῶν ἔφη πρὸς με· Ἐπίστασαι, τέκνον Γρηγόριε, τί μέλλει συμβῆναι τῇ πολιτείᾳ τῶν Ῥωμαίων μετὰ τετραμνηαῶν καιρόν; Ἐγὼ δὲ λέγω πρὸς αὐτόν· Οὐχί, κύριέ μου. Ὁ δὲ φησί· Βάρβαρον ἔθνος ἐλεύσεται ἐνταῦθα λυσοσῶδῶς κατ' ἡμῶν, προσαγορευόμενον Ῥός καὶ Ὅγ καὶ Μόγ. Λέγω οὖν πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, κύριε, καὶ μήποτε μέλλει παραλήψεσθαι ταύτην τὴν πόλιν; Ὁ δὲ ἔφη· Ἡ μήτηρ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ οὐκ εἴσει ταύτην τὴν πόλιν παραληφθῆναι εἰς χεῖρας ἐχθρῶν αὐτῆς, εἰς γὰρ κληρὸν αὐτῆς δέδοται αὕτη παρὰ τοῦ Θεοῦ, καὶ ἰκα(f. 134 v.)νῶς αὐτῆς ὑπερασπίζεται. Ἐλεύσεται δὲ τὸ ἔθνος ἐκεῖνο κατὰ παραχώρησιν Θεοῦ διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν, καὶ τὰ πέραν μέρη λυμανεῖται ἀπὸ τοῦ Ῥίβα ποταμοῦ καὶ ἐπέκεινα, πολλὰ δὲ τραυματῖα γενήσονται ὑπ' αὐτῶν, καὶ πυρπολήσῃσι τὸ παράλιον ἅπαν ἀπὸ τῆς Χρυσοπόλεως μέχρι τῆς γῆς τοῦ λεγομένου Ἱεροῦ καὶ ἐπέκεινα. Ὅμως ἐλεύσεται πρὸς αὐτοὺς μετὰ στρατοπέδου ἱκανοῦ Φωκᾶς ὁ πατριάρχης, ὃς μετ' ὀλίγον γενήσεται μάγιστρος καὶ δομέστικος τῆς βαρείας δυνάμεως τῶν σχολῶν. μετ' αὐτοῦ δὲ καὶ Θεόδωρος ὁ ἀγώτατος στρατηγός, ὁ τῇ προσωνομίᾳ Σπογγάριος. Ἐλεύσεται

δὲ εἰς ἀντίληψιν αὐτῶν καὶ Πανθῆρ ὁ δομέστικος μετὰ τεσσαράκοντα χιλιάδας ἀνδρῶν μαχητῶν σπωμένων ῥωμαίαν καὶ εἰδότην πολεμεῖν γενναίως, οἵτινες τῇ πρεσβείᾳ τῆς Θεοτόκου τῶν ἐπουρανίων τε δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἁγίων κατισχύσωσι τῶν πολεμίων, ὧν οἱ μὲν μαχαίρα πεσοῦνται, οἱ δὲ φυγάδες γενήσονται καὶ κατὰ τὴν ὁδὸν ἀλώμενοι πεσοῦνται νόσφ' αἰνῆ, ῥύσει (f. 135 γ.) γαστρός, ἐκ ταύτης τεδνήξονται. Ὅλιγοι δὲ ἐξ αὐτῶν καταλειφθέντες μόλις εἰς τὴν χώραν αὐτῶν διασωθῶσιν εἰς μαρτυρίαν τῶν συμβάντων αὐτοῖς, καὶ οὐ κατισχύσωσι τῶν χριστιανῶν, πλὴν ἐλεύσονται καθὼς φθάσας εἶπόν σοι. Ἐώρακα γὰρ τῇ νυκτὶ ταύτῃ ἐν τῷ ἐστάναί με εἰς προσευχὴν ἀρπαγέντα ἑμαυτὸν τῇ θεωρίᾳ καὶ ἐν τῇ χώρᾳ τῶν ματαίων ἐκειῶν ἐπιστάντα. Καὶ ἰδοὺ τις νεανίας ἀφ' ὕψους χειρὶ λευκῇ ὡσεὶ χιῶν ὑπεδείκνυέ μοι τὰς ἐτοιμασίας αὐτῶν καὶ τὰς βουλὰς καὶ τὰ ἐνεδρα καὶ τὴν τῶν πλοίων ἀπάρτησιν καὶ πᾶσαν τὴν αὐτῶν ἀποσκευήν. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ λέγουσα· Κατὰ τῶν υἱῶν μου καὶ τῶν θυγατέρων μου ἀποστελῶ ἐγὼ τοῦτο τὸ ἔθνος διότι πορνείαις καὶ μοιχείαις καὶ ἀρσενοκοιτίαις καὶ πάσῃ ἄλλῃ κακοπραγίᾳ παροργίζουσι τὸ ὄνομά μου τὸ ἅγιον καὶ θαυμαστὸν καὶ ἔνδοξον. Ἐπέβλεψα οὖν καὶ εἶδον, καὶ ἰδοὺ ἤρξαντο παραγίνεσθαι, καὶ αὐτὸς ἐγὼ ἐπανήλθον πρὸς ἑμαυτὸν. Νῦν οὖν, τέκνον, πιστευσον ὅτι παραγίνονται τὰ μυστὰ ἔθνη καὶ κατὰ παραχώρησιν Θεοῦ καθ' ἡμῶν (f. 135 ν.) διὰ τὰς ἁμαρτίας ἡμῶν.

Ταῦτα τοῦ μακαρίου καὶ σεβασμίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου εἰρηκότος πρὸς με, τρόμος με συνέσχε καὶ ἀγωνία καὶ ἔκστασις. Οἱ δὲ παρόντες ἐκείσε σὺν ἐμοὶ καὶ τῶν ῥηθέντων τούτων τοῦ ὁσίου ἀκούσαντες, τῆς μὲν φωνῆς τῶν ῥημάτων ἐνωτίζοντο ἀκροώμενοι, τίνα δὲ εἶη τὰ λεγόμενα, ἃ μοι ἐδήλου ὁ ἅγιος διὰ τῶν ῥημάτων αὐτῶν, οὐκ εἰδίδου αὐτοῖς συνιέναι ὁ δίκαιος. Πολλάκις γὰρ ἐνείργει τὸ χάρισμα τοῦ Θεοῦ ἐν αὐτῷ, ἵνα οἷς βούληται ὅταν καὶ θέλῃ δίδεται γνώσις εἰς τὸ συνιέναι καὶ γινώσκειν τὰ λεγόμενα παρ' αὐτοῦ, οἷς δὲ μὴ βούληται, μηδὲ συνιέναι τὰ λεγόμενα. Κάμοῦ δὲ τῶν ἐκείσε ἀναχωρήσαντος, ἐξεβιάζοντό με οἱ πλείστοι αὐτῶν φάσκοντες· Δεόμεθά σου, κύρι ἀδελφέ, ἀνάγγελον ἡμῖν τίνα εἶεν, ἃ σοι προσωμίλει ὁ δίκαιος; ἡμεῖς γὰρ τῶν μὲν ῥημάτων αὐτοῦ ἀκηκόαμεν, τίνα δὲ εἰσι

τὰ πρὸς σὲ λεγόμενα παρ' αὐτοῦ, οὐκ ἰσχύσαμεν γινῶναι. Ἐγὼ δὲ εἶπον πρὸς αὐτούς, ὅτι τὸ ἔθνος τῶν Ῥός καὶ Ὅγ καὶ Μόγ παραγίνε-
ται ἰδοὺ καθ' ἡμῶν κατὰ παραχώρησιν Θεοῦ διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν.
Καὶ διηγησάμην αὐτοῖς (f. 136 r.) ἀκριβῶς πάντα ὅσα πρὸς με λελά-
ληκεν ὁ ἅγιος· οὐπω γὰρ ἦν τις ἀγγελία γενοῦσα ἐν τῇ πόλει περὶ
τούτου τοῦ ῥήματος. Ἐκτοτε δὲ μεθ' ἡμέρας ἱκανὰς διεδόθη ἀγγελία
πρὸς τὰ βασιλεια καὶ πᾶσι τοῖς ἐν τῇ πόλει περὶ τῆς καθ' ἡμῶν
ἐπιδρομῆς αὐτῶν. μεθ' ἡμέρας δὲ τινὰς διεστειλατο ὁ τῆς Χερσῶνος
στρατηλάτης πρὸς τὸν βασιλεῖα ἀναφορὰν, ἣτις διεμαρτύρατο τὴν
ἔροδον αὐτῶν, ὅτι τοῖς ἐκεῖσε μέρεσιν ἐπλησίασαν. Καὶ μετ' ὀλίγον
ἤδη καὶ πρὸς τὸ Ἱερὸν παρεγένοντο. συναντήσαντος οὖν αὐτοῖς τοῦ
βασιλικῶ στόλου κατὰ τὸ ῥῆμα τοῦ ἀνθρώπου τοῦ Θεοῦ, οὐκ εἴασεν
αὐτούς ἐν τῇ πόλει παραγενέσθαι. Ἐφθάσαν δὲ καὶ μέχρι τοῦ Ῥίβα
παρεκτείναντες τὰ κροῦσα αὐτῶν μέχρι πόντου Ἡρακλείας (αὐτῶν)
καὶ Παφλαγονίας, ἄπασαν δὲ τὴν στρατηγίδα Νικομηδείας διελθόντες
πλείστους τραυματίας εἰργάσαντο, ἐνέπρησάν τε πᾶσαν τὴν παράλιον
τοῦ Στενοῦ καθὰ προφθάσας εἰδήλωσεν ὁ θεράπων Κυρίου. Τότε γοῦν
παρεγένοντο ἐξ ἀνατολῶν ὁ δομέστικος Πανθῆρ μετὰ τεσσαράκοντα
χιλιάδας φο(f. 136 v.)σάτου, εἶτα καὶ Φωκᾶς ὁ πατρίκιος μετὰ πλεί-
στου φοσάτου τῶν Μακεδόνων, ὡσαύτως καὶ Θεόδωρος ὁ ἀγιώτατος
στρατηλάτης, ᾧ ἐπώνυμον Σπογγάριος, μετὰ στρατοῦ καὶ αὐτὸς
πλείστου τῶν Θρακεσίων. Οἱ καὶ κυκλώσαντες τοὺς ἀναυδεῖς κύνας
λυσσωδῶς καθ' ἡμῶν ὠρυομένους περιέβαλον εἰς τὸ μέσον, μηδὲ ὅπως
τούτους παραχωροῦντες ἐξέρχουσαι τῶν πλοίων αὐτῶν κατὰ λύμης
τῶν χριστιανῶν. Περιτείχισε δὲ μᾶλλον αὐτοὺς φόβος καὶ τρόμος
σφοδρὸς καὶ ἐβουλεύσαντο λάθρα φυγεῖν καὶ διαδρᾶναι τὰς χεῖρας
τῶν ἡμετέρων στρατευμάτων, οὐκ ἠδύναντο δὲ διὰ τοῦ φόβου τοῦ
ἐν τῇ θαλάσῃ στόλου ἡμῶν φυλάσσοντος φυλακᾶς καὶ ἐπαγρυπ-
νοῦντος πρὸς αὐτούς. Τολμήσαντες οὖν βία ὠδοῦμενοι ῥιποκινδύνως
ἐξέρχονται κατὰ τῶν Ῥωμαίων, καὶ συμπλοκῆς πολέμου γενομένης
ἠττήθησαν οἱ Ῥός κατὰ κράτος ὑπὸ τῶν Ῥωμαίων, καὶ οἱ μὲν μα-
χαίρα ἔπεσον, οἱ δὲ ἀποδρά(ξαι)ντες ἐφυγον ἐκ μέσου αὐτῶν· ἐσπῆρας
γὰρ καταλαβοῦ(f. 137 r.)σας λάθρα ἐν τοῖς πλοίοις αὐτῶν αὐτο-
μολήσαντες ᾤχοντο τοῦ ἡμετέρου στόλου ἡρεμοῦντος ἐν τῷ Ἱερῷ.

τῆς δὲ προφυλακῆς τοῦ στόλου αἰσδομένης τὴν φυγὴν αὐτῶν, ὡς ἕνα δώσουσιν εἰδῆσιν περὶ τῆς φυγῆς αὐτῶν τῷ θεοσώστω στόλῳ ἡμῶν, οἱ πλείους αὐτῶν ἐξέφυγον, ὅμως πεφθάρησαν τὰ ἔσχατα αὐτῶν, καὶ συμπλοκῆς γενομένης οἱ ἡμέτεροι δρώμενοι καὶ χρησάμενοι τῷ λεγομένῳ λαμπρῷ πυρὶ εἴτ' οὖν σκευὴ κατέφλεγον αὐτούς. Καὶ ἦν ἰδεῖν φοβερόν θεῆμα, ὅπερ δεδιότες τὸ πῦρ ἐδελοντὶ ἠκόντιζον ἑαυτούς οἱ κατάρτοι εἰς τὸν βυθὸν τῆς θαλάσσης πευρώμενοι μᾶλλον ἀποπνιγῆναι τῷ ὕδατι, ἢ περ καταφλεχθῆναι τῷ πυρὶ, ὅμως καὶ ἐν ἀμφοτέροις διαφθαρέντες, ἀπώλοντο κατὰ τὴν πρόρρησιν τοῦ ἁγίου· οἱ μὲν γὰρ ἐπρήσθησαν, οἱ δὲ τῷ βυθῷ τῆς θαλάσσης ἔκοντι ἀπερρίφησαν, τινὲς δὲ ἐξ αὐτῶν συνελήφθησαν καὶ δοῦλοι γέγονασιν. Καὶ οὕτως ἐξέλιπον τὰ κατ' αὐτούς. Οἱ δὲ διασωθέντες ἀπὸ τὰς χεῖρας τοῦ ἡμετέρου στόλου νόσφ' δεινῆ, ῥύσει κοιλίας περιπεσόν(φ. 187 ν.)-τες τεδνήκασιν κατὰ τὴν ὁδόν, καὶ ὀλίγοι ἐξ αὐτῶν διασωθέντες εἰς τὴν χώραν αὐτῶν, δηγοῦμενοι ἐκεῖσε τὰ συμβάντα αὐτοῖς καὶ ἂ νεύσει Κυρίου πεπόνθασιν. Ὁ δὲ ἅγιος πατὴρ ἡμῶν Βασίλειος, ἀφ' ἧς ὥρας οἱ ἀδέμητοι Ἔρος παρεγένοντο, οὐ διέλιπε μετὰ δακρύων καὶ θρήνων νύκτωρ καὶ μεθημέραν δέησεις καὶ ἱκεσίας τῷ φιλανδρώπῳ Θεῷ προσάγων, ὥστε τὴν δικαίαν αὐτοῦ ἀποστρέψαι ὀργήν.

"Ὦντος μου πάλιν ἄλλοτε πρὸς τὸν ὅσιον ἐν τοῖς Ἐλευθερίου, ὡς προσέχον αὐτοῦ τοῖς ἁγίοις καὶ μελιρρύτοις ῥήμασιν, ἰδοὺ γύναιον ἐταζόμενον πνεύματι ἀκαδάρτῳ ἦμε πρὸς αὐτόν· ἦν δὲ δούλη μοναχῆς τινὸς ἀπὸ τῆς μονῆς τοῦ Μουζάλωνος, κατεδίωκον δὲ αὐτὴν οἱ τῷ μαρτυρίῳ τῆς ἁγίας Ἀναστασίας προσκαρτεροῦντες ὑπηρέται τῶν ἀσθενῶν· καὶ γὰρ ἐκείθεν διέδρα. ἢ δὲ τοῦ ἁγίου Πνεύματος χάρις ἐν κημῷ καὶ χαλινῷ ἤγαγεν αὐτὴν πρὸς τὸν ὅσιον, ὅπως ὑπ' αὐτοῦ τὴν ἰασιν τεύξῃται. Πλησιάσασα οὖν τὸ γύναιον τῷ ἁγίῳ, Τί μοι καὶ σὺ, ἔφη, ἅγιε τοῦ Θεοῦ; τί ἀποστείλας ἦρας με ἀπὸ τοῦ οἴκου τῆς Ἀναστασίας ἐκ τῶν τριχῶν (φ. 138 γ.) ἔλκων καὶ βία τύπτων; τί σοι κακὸν ἐποίησα ἢ τί σοι παρηνώχλησα; τί με ἤγαγες ὧδε; τί με φλέγεις, ἐρημοπολίττα βοτανοφάγε; ἐπὶ καλῷ σε ἤγαγεν ἢ παρθένος Μαρία ἐπὶ τήνδε τὴν πόλιν ἀπὸ τῶν ὁρέων τῶν φοβερῶν. Ἔως τίνας με βασανίζεις τὸ πανθαύμαστον κειμήλιον τοῦ ἑσταυρωμένου, ὃ τὴν παρθενίαν ἐξ αὐτῆς τῆς πρώτης φυλάξας ἡλικίας; τί με φλέγεις καὶ

βασανίζεις; τί με διώκεις; ἰδοὺ ἐξέρχομαι, ὦ ὦ, ἀπὸ τοῦ ἵσταυρωμένου τοῦς δούλους, πανταχόθεν διωκόμεθα διὰ τῆς δυνάμεως αὐτοῦ τῆς ἐν τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ ἐπαναπαυομένης. Μὴ ὀργίζου, Βασιλεῖ, καθ' ἡμῶν, πραότητα γὰρ ἐδίδαξέ σε ὁ διδάσκαλός σου ὅς ἐχλεύασεν ἡμᾶς τοῖς ἑαυτοῦ παθήμασιν· ἀφ' οὗτου γὰρ ἦλθεν ἐκεῖνος ἐπὶ τῆς γῆς, τὸ γένος ἡμῶν ἅπαν ἐταλαιπωρήθη, ἀπώλετο ἡ ἐλπίς ἡμῶν, θεοὶ ἡμεῖν τὸ πρότερον, νυνὶ δὲ ἐξησθένησεν ἡ δύναμις ἡμῶν διὰ τῆς ἐκεῖνου φοβερᾶς δυνάμεως· τί ἡμῖν καὶ σοί, ὦ ἵσταυρωμένε; Ταῦτα καὶ ἄλλα πλεῖστα φληναφοῦν (f. 138 v.)τος τοῦ πονηροῦ πνεύματος διὰ τοῦ γυναιίου, σπλαγχνισθεὶς ὁ λίαν συμπαθέστατος μιμητὴς τοῦ δεσπότη Χριστοῦ ἐκτεῖνας τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἐπ' αὐτὴν τρίς ἐσφράγισεν αὐτὴν τῷ τύπῳ τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ καὶ ὡσανεὶ ὀργίλως φησὶν· "Ἐξέλθε ἀπατεῶν καὶ μισάνθρωπε, ἐξέλθε καὶ πορεύου ὡσεὶ καπνὸς ἀπὸ τοῦ πλάσματος τοῦ Θεοῦ ἀναλύων εἰς τὸ σκότος τὸ ἐξώτερον. Ταῦτα τοῦ ἁγίου εἰρηκότος, εὐδύς ἐρραβεν αὐτὴν ἐπὶ τῆς γῆς τὸ ἐπάρατον δαιμόνιον καὶ ἤρξατο ἐμεῖν καὶ ἡμεσεν ὡσανεὶ μὴν εὐτελεῖ καὶ ἰβδελυγμένον. καὶ παραχρῆμα ἀνέστη τὸ γύναιον καὶ ἐπορεύθη εἰς τὸ μοναστήριον πρὸς τὴν κυρίαν αὐτῆς, ὥστε πάντας τοὺς παρατυχόντας καὶ ἰωρακότας τὸ τοιοῦτον μέγιστον θαῦμα καὶ σημεῖον αἶνον εὐχαριστίας ἀναπέμψαι τῷ ἐλεήμονι Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ Βασιλεῖψ.

Ἄλλοτε πάλιν ἦν τις φίλος αὐτοῦ τοῦνομα Ἰωάννης, τῇ φύσει εἰνοῦχος, ὅς τὴν οἰκισιν ἔσχε πλησίον τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Λαζάρου, τεταγμένος παρίστασθαι εἰς τὴν τράπεζαν τὴν βασιλικήν. οὗτος (f. 139 r.) συνεχῶς ἀπήει πρὸς τὸν μακάριον καὶ τὰς τιμίας εὐχὰς αὐτοῦ ἰχομίζετο· πολλάκις δὲ καὶ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ μετεστέλλετο αὐτόν. οὗτος οὖν ὁ Ἰωάννης, ἅτε δὴ τῷ βασιλεῖ παριστάμενος καὶ ὑπ' αὐτοῦ τὰ πλεῖστα τιμώμενος, πλούτῳ τε βριθῶν καὶ χρήμασι παμποικίλοις, οἰκέτας ἔσχε καὶ θεραπεινίδας οὐκ ὀλίγας εἰς ὑπηρεσίαν αὐτοῦ· ὣν μία ἦν ἥτις παρ' αὐτῷ τιμωμένη τῶν ἄλλων ἐπέκεινα, ἣ καὶ πᾶσαν τὴν ἐξουσίαν καὶ τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ κατέσχευεν ἐν τῇ χειρὶ αὐτῆς καὶ ὡς πιστὴ αὐτῷ ἰνομίζετο· θεασαμένη αὐτὸν εἰς γῆρας ἄκρον ἐληλακότα, ἐβουλεύσατο ἐν ἑαυτῇ βουλήν πονηράν τοῦ περιεργάσασθαι τὸν κύριον αὐτῆς καὶ τὸ γρυ-

σίον αὐτοῦ ἀφελεῖν καὶ πάντα τὰ ὑπάρχοντα αὐτῷ ἀφελεῖν. τοῦτο οὖν βουλευσαμένη προσέρχεται λάθρα τινὶ ἐπαιδοῦ καὶ δοῦσα αὐτῷ τὸ ὀφειλόμενον, δέχεται παρ' αὐτοῦ τὸ ὀφειλόμενον δηλητήριο φάρμακον, πλὴν δ' οὐ θανάσιμον, ὅμως παραπλήσιον τῷ θανάτῳ. Κιρναῖ οὖν τῷ κυρίῳ αὐτῆς τὸ δηλητήριο ἐκεῖνο, εὐθέως ἐτράπησαν οἱ λογισμοὶ αὐτοῦ (f. 139 v.) εἰς λῆρον, καὶ ἡ διάνοια αὐτοῦ γέγονε ταραττομένη καὶ τὸ ἡγεμονικὸν αὐτοῦ ἀπέστη τοῦ δέοντος, καὶ ἦν ἰδίῳ θάμα φρικτὸν πῶς ὁ πρὶν νουνεχῆς καὶ φρόνιμος, ὁ λόγιός τε καὶ συνετός τῷ δηλητηρίῳ τοῦ ἐπαιδοῦ ἄφνω νῦν ὁράται (φρηνήρης) ἀσύνητός τε καὶ ἄλογος· μόνον γὰρ ἤσθιε καὶ ἔπινε ὡσπερ τὰ κτήνη, ὁμιλῆσαι δὲ ἢ συνίεναι εὐτάκτως ὅλως οὐκ ἠδύνατο τὸ οἰνοῦν. Θεασαμένη οὖν τοῦτον ἢ τὸ πονηρὸν τοῦτο κατασκευάσασα πονηρὰ καὶ ἀθεράπευτος θεράπαινα, ὅτι παρετράπη ὁ κύριος αὐτῆς καὶ ἀπώλεσε τὴν οἰκίαν σύνεσιν, ἔλαβε τὸ αὐτοῦ χρυσίον καὶ ἔθετο αὐτὸ παρ' ἑαυτῆς. πάντων οὖν τῶν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ τῶν τε συγγενῶν καὶ συνδούλων ἀδυμούντων ἐπὶ τὸ γεγονός, οὐδὲ γὰρ ἤδισαν ὄθεν συνέβη τὸ συμβεβηκός, οὐ μικρῶς ἀπελέγοντο τὴν ζωὴν αὐτῶν. Οὕτως οὖν ἔχοντος αὐτοῦ καὶ ἐπὶ πλεῖον τοῦ νοός αὐτοῦ παρατετραμμένου, πολλάκις ἔλεγον οἱ οἰκεῖοι αὐτοῦ πρὸς αὐτὸν ὅποταν ἔσχε πρὸς ὀλίγον ἡρεμίαν (f. 140 r.) καὶ μικρὰν ἀίσθησιν· Οὐκ ἀπροσυνέχεις ὄθεν σοι τὸ δεινὸν τοῦτο γε συμβέβηκε; μὴ τι γε νυκτός συνήνητηκέ σοι ὁ καὶ θεασάμενος ἐφοβήθης καὶ ἐκ τούτου τοῦτο συνέβη σοι; Ὁ δὲ ἀνένευε μὴ οὕτω γεγονέναι τὸ δράμα. Ἀποροῦντες οὖν τί δράσουσι περὶ τούτου ὅπως ἰάσωνται αὐτόν, οἱ μὲν ἔλεγον· Ἀπαγάγωμεν αὐτόν εἰς τὸ τοῦ ἀγίου ἀποστόλου Ἀνδρέου καταγώγιον, καὶ ἴσως ἡ πρεσβεία αὐτοῦ ἰάσεται αὐτόν καὶ ἐπιστρέψει ἐπ' αὐτῷ ἢ γνῶσις τοῦ νοός αὐτοῦ· ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Οὐχί, ἀλλὰ πρὸς τὸν σεβάσιμον ναὸν τῆς πανευφήμου μάρτυρος Ἀναστασίας αὐτόν ἀπενέγκωμεν τῆς τὰ φάρμακα λυούσης, καὶ ἐπισκέψηται αὐτόν. Εἰς δὲ τις αὐτῶν ἀποκριθεὶς ἔφη· Μήτε ἐκεῖ μήτε ἐκείσε, ἀλλὰ δεῦτε καὶ ἀπαγάγωμεν αὐτόν εἰς τὸν ὅσιον πατέρα ἡμῶν Βασιλεῖον, ὅτι καὶ προσφιλῆς αὐτοῦ ἐστίν, ὅπως προσεύξηται ὑπὲρ αὐτοῦ πρὸς Κύριον, καὶ ἰαθήσεται. Ἦρσεν οὖν τοῖς πᾶσιν ὁ λόγος, καὶ πρωίας γενομένης ἔξα(f. 140 v.) ναστάντες ἔλαβον αὐτόν καὶ ἀπήγαγον ἐνθα ἦν κατοι-

κῶν τῷ τότε ὁ ἅγιος. Ἰὺς οὖν εἰσήγαγον αὐτὸν πρὸς αὐτὸν, θεασάμενος αὐτὸν ὁ ὄσιος ἐδάκρυσε καὶ ἐμβριμησάμενος τῷ πνεύματι ἔφη· Κεκαθηραμένε Βελίαρ Βειλζεβούλ, ἀποστάτα τοῦ Θεοῦ καὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων καὶ πάντων τῶν ἀγαπῶντων τὸν Κύριον, ὦ πονηρᾶς γνώμης τῶν κτηνωδῶν ἀνθρώπων τῶν μὴ φοβουμένων τὸν Κύριον, ὦ πόσα δεινά [διὰ] τὴν πικρὰν φιλαργυρίαν οἱ ἄνθρωποι κατεργάζονται. Ταῦτα εἰρηκῶς ἀνέστη καὶ κρατήσας τὴν κάραν τοῦ πάσχοντος ἐσφράγισε τὸ μέτωπον αὐτοῦ τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ, καὶ ἐφ' ἱκανὴν ὥραν ἀνατεινας τὸ ὄμμα αὐτοῦ εἰς τὸν οὐρανόν, ὑποψιδυρίζων προσήυχετο πρὸς τὸν Θεόν, στεναγμούς ἐκ καρδίας ἀναπέμπων πρὸς αὐτὸν, ὡς μὴ δυναμένων ἡμῶν σημειώσασθαι τι τῆς αὐτοῦ προσευχῆς, ἔσχατον δὲ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ σφραγίσας τῷ τύπῳ τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ σταυροῦ λέγει πρὸς αὐτόν· Ἰαθῆσεται σε ὁ Κύριος ἡμῶν καὶ Θεὸς Ἰησοῦς ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ ἐπὶ σωτηρίαν τοῦ γένους (f. 141 r.) τῶν ἀνθρώπων ἐκ τοῦ οὐρανοῦ κατελθὼν ἐπὶ τῆς γῆς. Ἰεῦτο ἐκ τρίτου εἰρηκῶς ὁ ἅγιος καὶ σφραγίσας αὐτόν, ἐπανῆκεν ἐπὶ τὴν εὐτελεῖ αὐτοῦ κλίνην· ἦν γὰρ πλήρης ἡμερῶν ὁ ὄσιος. ἀνακλιθέντος οὖν αὐτοῦ ἐπ' αὐτῇ, ἐβλέπομεν πάντες οἱ ἐκεῖσε παρατυχόντες δασύν κάπνον ἀπὸ τῶν μυκτῆρων καὶ ὠτίων τοῦ πάσχοντος ὡσαύτως καὶ ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ ἐξερχόμενον καὶ ὡσπερ κνίσσαν δυσώδη ἀφιέμενον. Ὅτε οὖν ἡ ὀμίχλη ἱκανῶς ἐκείνη ἐξῆι ἀπ' αὐτοῦ, αἰτήσας ὁ μακάριος ποτήριον οἴνου καὶ ἄρτου εὐτελεῖς κλάσμα καὶ ἐνώσας καὶ εὐλογῆσας αὐτά, δέδωκε τῷ πάσχοντι λέγων πρὸς αὐτόν οὕτως· Λαβῶν φάγε καὶ πίε καὶ ἔσο ἀπὸ τοῦ νῦν ὑγιῆς καὶ φοβοῦ τὸν Θεόν. Ὅ δὲ λαβῶν ἔφαγε καὶ ἔπιε καὶ ἐπανῆκεν ἐπὶ τὰς φρένας αὐτοῦ, καὶ ἦν τοῦ λοιποῦ νοσῶν ὑγιῶς καὶ καθαρῶς λογιζόμενος ὡσπερ τὸ πρότερον, ὥστε πάντας τοὺς παριστώτας καὶ θεασαμένους αὐτόν, ναὶ μὲν ἀλλὰ καὶ τοὺς τοῦτο ἀκηκοτάς δόξαν δοῦναι μετ' εὐχαριστίας καὶ αἶνον τῷ τὰ τοιαῦτα παράδο(f. 141 v.)ξα ἐργαζομένῳ καὶ ἐνεργούντι ἐν τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτόν. Ἰαθεῖς οὖν ὁ ἄνθρωπος μεγάλως ἠὲχαρίσται καὶ αὐτὸς τῷ ἁγίῳ Θεῷ καὶ τῷ θεράποντι αὐτοῦ Βασιλείῳ, γονυπετῶν, ἐγκυλινοῦμενος καὶ κατασπαζόμενος τοὺς τιμίους πόδας αὐτοῦ. Λέγει οὖν πρὸς τὸν ἅγιον μετὰ δακρύων· Δέομαί σου τοῦ Θεοῦ δεῦλε, ἵνα μοι σαφη-

νίσης τὸ χαλεπὸν τοῦτο πάθος, πῶς ἀδρόως συνήνητή μοι· οἶδα γάρ ὅτι πάντα ἐπίστασαι διὰ τῆς χάριτος τοῦ Χριστοῦ τῆς ἐνοικουήσεως ἐν σοί· ὅθεν παρακαλῶ τὴν σὴν ἐσιότητα καὶ ἀγιότητα παρακληθῆναι καὶ ἀναγγεῖλαι μοι τοῦτο. Ὁ δὲ ὀσιος λέγει πρὸς αὐτόν· Γύναιον πονηρὸν τοῦτό σοι κατεσκευάσεν ἐρασθὲν τοῦ χρυσοῦ σου, ἥτις ἐστὶν ἡ θεράπεινά σου, ἣν ἔσχες ὡς ἑαυτόν, καὶ πάντα τὰ ὑπάρχοντά σου παρέδου ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῆς. τὸ γε νῦν ἔχον ἀπελεύσει ἐν τῷ οἴκῳ σου χάριτι Χριστοῦ ὑγιαίνων· ταύτην γὰρ οὐχ' εὐρήσεις· πέφευγε γάρ. εὐρήσεις δὲ αὐτὴν μετὰ ταῦτα καὶ τὸ χρυσίον σου σῶον ἐν τῷ κόλπῳ (f. 142 γ.) αὐτῆς, καὶ οὐκ ἀποδώσεις αὐτῇ κακὸν ἀντὶ κακοῦ, ὡς ὁ Κύριος ἐδίδαξε, πλὴν πιπράσκων αὐτὴν πράσεις ἐπιδημοῦσιν ἐμπόροις. Ταῦτα τοῦ ὀσίου εἰρηκότος αὐτῷ, εὐθύς συνῆκε τὴν τὰ τσιαῦτα δολίως δραματουργήσασαν ἐπ' αὐτῷ, καὶ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ παράγενόμενος, οὐχ' εὗρεν αὐτὴν καθὼς ὁ ἅγιος προεδῆλωσεν αὐτῷ. ἐξερευνήσας δὲ καὶ συλλαβόμενος αὐτὴν, τὸ μὲν χρυσίον ἀφείλετο ἀπ' αὐτῆς σῶον, ταύτην δὲ ἀπεμπώλησε καθὼς ἐκελεύσθη τοῖς ἐπιδημοῦσιν ἐμπόροις. Καὶ οὕτως ἠρέμησεν ἀπὸ τότε ὁ ἀνθρωπος καὶ ἦν αἰνῶν καὶ εὐλογῶν τὸν Θεὸν καὶ τὸν θεράποντα αὐτοῦ Βασιλείον.

Ἄλλοτε πάλιν ἐν τοῖς παλατίοις τῶν Ἐλευθερίου ἀνωτέρω τῆς πόρτης τοῦ ἁγίου Στεφάνου οἶκός ἐστι παμμέγιστος, ὃν εἶναι φασὶ τινὲς Ῥωμανοῦ τοῦ βασιλέως· δύο οὖν ἀπὸ τῶν θυγατέρων αὐτοῦ ἐπιβασιλεύοντος ἐκείνου κατελείφθησαν ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ, εἶχον δὲ αὐταὶ σχέσιν πλείστην πρὸς τὸν μακάριο. Ἐν μιᾷ οὖν τῶν ἡμερῶν ἡ μία τούτων ἐσυλήθη χρυσίον μετὰ σκευρίου (f. 142 ν.) τεσσαράκοντα λίτρας· ἥτις ἐξαφθεῖσα ἀσχέτῳ ὀργῇ καὶ θυμῷ ἐπὶ τοὺς ἐν τῷ οἴκῳ αὐτῆς παιδάς τε καὶ παιδίσκας, ἀπέστειλε πρὸς τὸν ὑπαρχον τῆς πόλεως ὡς ἂν ἀποστείλῃ αὐτῇ τὸν λογοθέτην τῶν πραιτορίων καὶ δημίους κριτὰς εἰς τὸ ἐννόμως ἐξετάσαι τοὺς παιδας αὐτῆς περὶ τῆς κλοπῆς τῶν τεσσαράκοντα λιτρῶν τοῦ χρυσοῦ. Ὅποτε δὲ ἀπέστειλε τὸν εἰνοῦχον αὐτῆς πρὸς τὸν ὑπαρχον, ἡ κουβικουλαρία αὐτῆς εἰς νοῦν λαβούσα τὰ περὶ τοῦ ὀσίου, ἔφη πρὸς αὐτὴν· Δέομαί σου, δέσποινά μου, ἐπάκουσόν μου τῆς δούλης σου καὶ λαλήσω πρὸς σὲ τὰ ῥήματά μου. Ἡ δὲ λέγει πρὸς αὐτὴν· Εἰπέ ἀκωλύτως δὲ ὅσα καὶ βούλει, καὶ ἀκούσομαί σου εἰ δέον ἐστίν. Ἀποκριθεῖσα δὲ ἐκείνη ἔφη

πρὸς αὐτήν· Ἴδού σύ, ὦ κυρία μου, ἀποστέλλεις πρὸς τὸν ὑπαρχον τῆς πόλεως στείλαι σοι ἐνταῦθα τοὺς δημίους αὐτοῦ τύψαι καὶ μαστιγιῶσαι τὸν αἷτιον μετὰ τοῦ ἀναιτίου καὶ τὸν μὴ γινώσκοντα μετὰ τοῦ ἀφελόντος καὶ τὸν ἀνεύθυνον μετὰ τοῦ τὴν πονηρὰν ταύ(φ. 143 γ.)-την κλωπὴν ἐργασαμένου· καὶ τοῦτο ἀνομία μεγίστη ἐστὶ τὸ συν-τρίβεσθαι ἀνθρώπους καὶ μάλιστα τοὺς μηδὲν ἠδίκηχότας δι' ἓνα ἀλάστορα καὶ κακὸν ἀνθρωπον τὸν τοιαύτην ἐργασίαν μισαρὰν ἐργασάμενον. Καὶ εἰ τοῦτο πράξεις, ποῦ κρύψεις ἐξ ὀφθαλμῶν Κυρίου τὴν ἀμαρτίαν; ὁ μὲν γὰρ χρυσὸς πηλὸς ἐστίν, καὶ ὁ βίος σκιά καὶ ἐνύπνια, καὶ τὰ πράγματα καπνὸς καὶ ὁμίχλη, ὁ δὲ ἀνθρωπος τίμιος κατ' εἰκόνα Θεοῦ πλασθεὶς. Οὐκοῦν ἀκουσὸν μου καὶ μὴ ἀποστείλης πρὸς τὸν ὑπαρχον τῆς πόλεως, ἀλλὰ μᾶλλον πρὸς τὸν ἀνθρωπον τοῦ Θεοῦ ἐξαπόστειλον, ὃν οἶδας ὅτι πνεῦμα Θεοῦ ἐστίν ἐν αὐτῷ καὶ ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ, καὶ πάντα καθαρῶς ἐπίσταται καὶ γινώσκει τὰ πόρρω καὶ τὰ ἐγγύς, καὶ ἐπερώτησον αὐτὸν ἢ μᾶλλον τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἐν αὐτῷ δι' αὐτοῦ, καὶ ποιήσει Κύριος τὸ εὐθὲς ἐναντίον σου καὶ παντὸς τοῦ λαοῦ σου καὶ δηλώσει[τα]ί σοι ὁ τὸ χρυσίον συλήσας, καὶ τιμωρήσεις αὐτὸν μόνον ὡς τὸ πονηρὸν ἐργασάμενον, καὶ μὴ ἔστω ἡ χεὶρ σου ἀδίκως ἐφαπλυμένη ἐπὶ πάντας τοὺς παῖδας (φ. 143 ν.) καὶ τὰς παιδίσκας σου. Ταῦτα τῆς κουβικουλαρίας εἰρηκυίας πρὸς τὴν κυρίαν αὐτῆς, ἐπήνεσεν αὐτήν καὶ τοὺς λόγους αὐτῆς ἡ κυρία αὐτῆς λέγουσα· Εὐλογητὸς Κύριος ὁδηγήσας τὴν καρδίαν σου τοιοῦτον ἀγαθὸν ῥῆμα ἐξερεύξασθαι καὶ λόγον θεοπρόβλητον φθέγγασθαι ἐκ τοῦ σοῦ στόματος· καθὼς οὖν εἰρηκας, οὕτως καὶ ποιήσω. Κάλυψασα οὖν τὸν πρὸς τὸν ὑπαρχον ἀποσταλέντα εὐνοῦχον αὐτῆς, αὐτὴν ἐκείνην τὴν καλῶς συμβουλευσαμένην εἰς τὸν ὅσιον πορευθῆναι προσέταξε σὺν δυσὶν εὐνοῦχοις αὐτῆς. Λαβοῦσα οὖν αὕτη ἡ κουβικουλαρία δῶρα ἐπάξια ἐπὶ τὸ ἀποκομίσει τῷ δούλῳ τοῦ Θεοῦ Βασιλείῳ, ἐπορεύθη πρὸς αὐτόν. ἦν δὲ ὁ μακάριος ἐπὶ ἐν τοῖς τοῦ Ἐλευθερίου ἄσχετον γὰρ οἱ ῥηθέντες Γογγύλια ἐκέκτηντο πόδον πρὸς αὐτόν καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ἤθελον οὐδὲ ἐβούλοντο αὐτόν ἐξελεῖν καὶν πσωδὲς ἐκ τοῦ οἴκου αὐτῶν. Ὡς οὖν παρεγένοντο πρὸς αὐτόν ἡ τε κουβικουλαρία καὶ οἱ δύο εὐνοῦχοι οἱ σύνδουλοι αὐτῆς καὶ ἀπέδοντο αὐτῷ τὰ δῶρα ἃ ταῖς χερσὶν ἔφερον, ἅ(φ. 144 γ.)τινα ἦσαν ἄρτος

καὶ οἶνος καὶ ὀπῶραι, ἐκέλευσεν αὐτούς ὁ ὅσιος καθεσθῆναι. συμπαρήμην γάρ καὶ αὐτὸς ἐγωγε τῷ τηνικαῦτα ἐκεῖσε· μετὰ γοῦν ἰκανὴν ὥραν ἐξαναστᾶσα ἡ κυβικουλαρία ῥίπτει ἑαυτὴν ἐπὶ τοῖς τιμίοις ποσὶ τοῦ ἁγίου καὶ φησὶ πρὸς αὐτόν· Δέομαι σου, δούλε τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἡ κυρία μου καὶ δούλη σου ἀπώλεσε χρυσίον πολὺ καὶ βούλεται πάντα τὸν οἶκον αὐτῆς ἀνασκολοπίσαι καὶ ἀκριβῶς ἐξετάσαι πάντας τοὺς ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτῆς· ἵνα οὖν μὴ καὶ οἱ ἀναίτιοι μετὰ τῶν ὑπαιτίων τιμωρηθῆσονται, ποιήσον οὖν παρακληθεῖς ἐπὶ τῇ δούλῃ σου καὶ εἰπέ ἡμῖν, τίς ἐστὶν ὁ τὸ σφάλμα τοῦτο καὶ τὸ δραματούργημα ἐν τῷ οἴκῳ τῆς δεσποίνης μου πονηρῶς τε καὶ κακῶς οὕτω ποιήσας; Οἶδα γὰρ ἀκριβῶς καὶ ἐπίσταμαι ὅτι πάντα χάριτι τεῦ ἐν σοὶ ἐπαναπαυομένου θεοῦ καὶ ἁγίου καὶ σεπτοῦ Πνεύματος καθαρῶς ἐπίστασαι. Ἰδὼν δὲ ὁ μακάριος τὴν πίστιν αὐτῆς καὶ προδεδεμίαν, ἔφη πρὸς αὐτὴν· Θάρσει, θυγατερ, ἡ πίστις σου σέσωκέ σε· ἐγὼ γὰρ σοὶ ἐρῶ τίς ἐστὶν ὁ τὸ χρυσίον συλήσας τῆς κυρίας σου· καὶ ἄρα ἀγαθόν (f. 144 v.) ἐστὶ παραδοῦναι ψυχὴν ἀνθρώπου εἰς τιμωρίαν καὶ βάσανα; οὐ τελέσει τὸ ἐμόν ὄνομα ἀνομίαν ἐξ ὑποβολῆς. Ἰδοὺ γὰρ ἐγὼ σήμερον ἐρῶ σοὶ τίς ἐστὶν ὁ συλήσας τὸ χρυσίον τῆς κυρίας σου, σὺ δὲ δηλώσεις αὐτόν πρὸς αὐτήν, ὅς ἐστιν οἰκέτης αὐτῆς, καὶ αὕτη ἐπιθυμώδης λίαν καὶ ἀπηνῆς καὶ ἀπολέσει τὴν ψυχὴν αὐτοῦ. Ἔφη οὖν πρὸς αὐτόν τὸ εὐσεβές ἐκεῖνο γύναιον· Οὐχ' οὕτω, κύριέ μου, οὐχ' οὕτως, ἀλλ' ἐγὼ ἐξορκίσω τὴν κυρίαν μου ὡς ἀπὸ τοῦ δεσπότη μου τῆς προστάξεως, καὶ οὐκ ἐκτείνει χεῖρα πρὸς αὐτόν κἄν ὅστις δᾶν εἴη ὁ τοῦτο ποιήσας, οὔτε δεξιάν οὔτε ἀριστεράν, ἀλλὰ διὰ τὴν κέλευσιν σου τοῦ δεσπότη μου φείσεται αὐτοῦ· μόνον σὺ, κύριέ μου, δεῖξον τὴν φιλάνθρωπίαν σου ἐφ' ἡμᾶς καὶ ποιήσον ἔλεος μετὰ ψυχῶν πολλῶν· τοῦτο γὰρ τὸ ἀγαθόν εἰ ποιήσεις, οὐχ' ἕνα σώσεις μόνον ἢ δύο, ἀλλὰ δῆμον ὀλόκληρον καὶ πολὺν λαόν· ναὶ δέομαι σου, δούλε τοῦ Θεοῦ, σπλαγγνίσθητι καὶ ἐπ' ἐμοὶ καὶ μὴ ἀποστρέψης κατησχυμμένην τὴν δούλην σου ἀπὸ τοῦ προσώπου σου, ἀλλ' ἐπάκουσόν μου καὶ ποιήσον ἔλεος μετ' ἐμοῦ. Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ὅσιος (f. 145 r.) λέγει πρὸς αὐτήν· Τὸ μὲν χρυσίον θάπτον εὐρεθήσεται, τὸν δὲ ἀφελόμενον τοῦτο οὐκ εἶπω ὑμῖν. Τοῦτο εἰρηκῶς ὁ ἅγιος λέγει πρὸς αὐτήν· Ἐν τῷ οἴκῳ ὑμῶν ἐστὶ τι κατώγειον καὶ ἐν τῷ κατωγέφῳ

ἵσταται κλίνη· δεξιᾶ οὖν τῆς κλίνης ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτῆς ὀρύξαντες ὡσεὶ πῆγεις δύο εὐρήσετε τὸ ζητούμενον. πλὴν τὸν ἔχοντα τὸ κλινίδιον ἐκεῖνο μὴ κακοποιήσητε· οὐδὲν γὰρ τὸ σύνολον οἶδε περὶ τούτου· ὁ τοιοῦτος· ἕτερος δὲ καὶ οὐκ αὐτός τὸ δράμα ἐτέλεσε· σὺ δὲ ἔρεις τὰδε τῇ κυρίᾳ σου· Ἰδοῦ Κύριος ὁ Θεὸς ἀποδίδωσί σοι τὸ σόν, σὺ δὲ μὴ πονηρεύσῃ ἐπὶ μικρῷ ἢ μεγάλῳ, ἀλλ' ἡσύχως δέξαι τὸ σόν καὶ εὐχαρίστησον τῷ Κυρίῳ. ἐὰν δὲ τινα τῶν ὑπὸ τὰς χεῖράς σου κακοποιήσης, καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἐπαγάγῃ ἐπὶ σὲ τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν φοβερὰν, καὶ ἐλεύσονται ἐπὶ σε θλίψεις καὶ πειρασμοὶ ἐν οἷς κακῶς καταστρέψεις τὸν βίον σου. "Ορα οὖν καὶ ταῦτα ἔρεις τῇ κυρίᾳ σου· Θᾶττον οὖν ἐκείνη βαλοῦσα μετάνοιαν αὐτῷ ἕως ἐδάφους τῆς γῆς καὶ λαβοῦσα εὐχὴν παρ' αὐτοῦ, ὑπέστρεψεν μετὰ τῶν σὺν (f. 145 v.) αὐτῇ δύο εὐνούχων πρὸς τὴν κυρίαν αὐτῆς, εὐφραينوμένη καὶ λίαν θαυμάζουσα καὶ τὸν λογισμὸν ἐν ἑαυτῇ περιστρέφουσα καὶ ἀναπολοῦσα τὸν νοῦν ἐν ἑαυτῇ καὶ λέγουσα· ὅτι πῶς ἄρα ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν ὁ ὅσιος μηδολῶς παραγενόμενος πῶποτε τὸ κελλίον ἐκεῖνο καθαρῶς ἐπίσταται καὶ γνωρίζει, ἐν ᾧ καὶ τὸ κλινίδιον ἵσταται καὶ τὸ χρυσίον ἐφευρεῖν προσέταξεν. Ἐν τῷ οἴκῳ οὖν ἡ κουβικουλαρία φθάσασα διεσάφησε κατὰ λέξιν πάντα τῇ κυρίᾳ αὐτῆς, ἃ ὁ δίκαιος πρὸς αὐτὴν εἶρηκεν. ἡ δὲ, ἐνωτισαμένη τὰ δηλωθέντα αὐτῇ παρὰ τοῦ ἁγίου διὰ τῆς κουβικουλαρίας, μεγάλως ἐθαύμασεν, ἅμα δὲ καὶ ἐπίστευσε λέγουσα· ὅτι ἐγὼ θυμώδης τυγχάνω καὶ ἐκ τούτου ἐπίσταμαι ἀψευδῶς εἰρηκέναι τὸν ἅγιον, ὅτι καὶ τὸ χρυσίον θᾶττον εὐρεθήσεται. Εὐθύς οὖν προστάττει τῷ ἐπιτρόπῳ τοῦ οἴκου αὐτῆς παραλαβεῖν ἅμα αὐτῷ καὶ ἑτέροις τρεῖς τῶν συνδούλων αὐτοῦ καὶ τῷ δηλωθέντι τόπῳ ἐλθεῖν καὶ ἀνερευνησαὶ ἀκριβῶς τὰ περὶ τοῦ χρυσοῦ, καθὼς ὁ ἅγιος παρεκελεύσατο (f. 146 r.) αὐτοῖς. κατελθόντες οὖν ἐν τῷ κατωγέφῳ ἐν τῷ δεξιῷ τόπῳ τῆς κλίνης, εὗρον τὸ χρυσίον σῶον μετὰ τοῦ σκευρίου καὶ ἀμείωτον κατὰ τὴν τοῦ ἁγίου πρόρρησιν, καὶ ἐξεπλήττοντο πάντες θαυμάζοντες ἐπὶ τε τῇ [τοῦ] χρυσοῦ εὐρέσει καὶ τῇ τοῦ ὁσίου προρρήσει καὶ προοράσει, ὅτι τὰ ἐγκρυφῆ γινόμενα γυμνά τοῖς νοεροῖς ἐκείνου ὀφθαλμοῖς παρεστήκασιν. Εὐθύς οὖν ἀπέστειλε πάλιν πρὸς τὸν μακάριον τὴν κουβικουλαρίαν ἢ ταύτης κυρία μετὰ πλειόνων δωρεῶν εὐχαριστήρια ῥήματα

μηνύουσα αὐτῷ, καὶ ὅτι Πάντα ὅσα δεδήλωκας τῇ δούλῃ σου φυλάξω, φησί, καὶ οὐ παρατρώσω ἐν ἐξ αὐτῶν. Παραγενομένη οὖν ἡ κουβικουλαρία πρὸς τὸν ὄσιον καὶ κατὰ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν πεσοῦσα ἠὲ χαρίσται τῷ ἀγίῳ ἀνδομολογουμένη αὐτῷ ὅτι εἰσήκουσε τῆς δεήσεως αὐτῆς καὶ ἐν τῷ τέως μάστιγι πονηρὰ οὐχ' ἤψατο σαρκὸς ἀνθρώπου· δέδωκε δὲ αὐτῷ καὶ τὰ δῶρα ἅπερ ἀπέστειλεν αὐτῷ ἡ κυρία αὐτῆς ἀπαγγεί(φ. 146 ν.)λασα αὐτῷ καὶ πάντα ὅσα ἐμήνυσεν αὐτῷ.

Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων τῶν παραδόξων καὶ ἐξαισιῶν, μᾶλλον δὲ εἰπεῖν καὶ ὑπὲρ φύσιν θαυμάτων τοῦ ὀσίου τοῦδε καὶ θεοφόρου πατρός, τίς ἂν δυνηθῆ κατ' ἀξίαν καὶ κατόπιν ταῦτα διηγήσασθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι, εἰ μὴ τὸν ἐκείνου αἰθέριον καὶ οὐρανομήκη νοῦν ἐκπλουτήσειεν ἐκείνου τε τὴν θεόφθογγον καὶ εὐλαλον γλῶτταν σχοίη ἐν ἑαυτῷ λέγουσαν καὶ ὑπὲρ φύσιν ἐκφράζουσαν, καὶ πάλιν ἐρῶ καὶ διάνοιαν ἀνθρωπίνην τὰ παρ' ἐκείνου τελεσθέντα ξένα τεράστια; "Ὁμως ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα ἀναμνησθέντες, τολμηρῶς γραφῇ παρεδώκαμεν εἰς ὠφέλειαν πᾶσι τοῖς ἐντυγχάνουσιν, ἵνα μὴ ὡς ἐκεῖνος ὁ πονηρὸς δούλος ὁ κατακρύψας ἐν τῇ γῇ τὸ δοθὲν παρὰ τοῦ Κυρίου αὐτοῦ τάλαντον αὐτῷ εἰς ἐργασίαν κατακρυθῶμεν. Εἰ γὰρ κατ' ἀξίαν, ὡς ἔφημεν, τολμήσομεν ταῦτα διηγήσασθαι, δυνησόμεθα οὐδαμῶς· ῥᾶον γὰρ ἔσται θάλασσαν κοτύλη (φ. 147 γ.) μετρεῖν καὶ ψάμμον ἐξαριθμεῖν καὶ τὸν ἀριθμὸν τῶν ἀστέρων ἐφευρεῖν, ἢ ταῦτα ἀξίως διηγήσασθαι· τῶν γὰρ ἀπὸ τῶν αἰῶνων μνημονευομένων ἀγίων καὶ ἐν ἐξαισιῶσι θαύμασι διαβοήτων γεγενημένων οὐδὲ ἐνός ἐστι καταδεέστερος ὁ παρ' ἡμῶν μνημονεόμενος μέγας τῷ ὄντι καὶ θεοφόρος πατὴρ ἡμῶν [ὁ] ὀσιώτατος Βασίλειος, εἰ καὶ τῇ τάξει καὶ τῷ χρόνῳ νέος ὠνόμασται διὰ τὸ καθ' ἡμᾶς ἐν ἐσχάτοις καιροῖς δίκαιον ἀναφανῆναι· ἡ γὰρ χάρις τοῦ παναγίου καὶ παντουργοῦ Πνεύματος κατὰ γενεὰν καὶ γενεάν, ὡς φησί καὶ τις σοφός, εἰς ψυχὰς ἐσίας διαβαίνουσα, φίλους τοῦ Θεοῦ καὶ προφήτας τούτους κατασκευάζει· ἀλλὰ τολμηρὸν τι εἰπεῖν, ἐν διοράσει καὶ προγνώσει τοὺς πρώην πάντας ἀγίους ὑπερηκόντισε, καὶ τοῦτο δῆλον ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων.

Слѣдуетъ видѣніе Григорія о послѣднихъ судьбахъ міра, извѣстное доселѣ лишь по славянскимъ спискамъ. Предоставляя

себѣ издать и комментировать его въ слѣдующемъ, нынѣ печатающемся выпускѣ Разысканій, ограничусь здѣсь лишь сообщеніемъ эпизода, разобраннаго мною въ связи представленій о загробной участи безразличныхъ.

(f. 266 г.) Τούτων οὕτως περί (f. 266 v.) αὐτῶν εἰρηκότος μοι τοῦ ὁδηγοῦντός με ἀγγέλου ἐκείνου καὶ θεοειδοῦς νεανίσκου πρὸς τὰ ἄρρητα ἐκεῖνα θεάματα, ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ τῇ τοῦ χριτοῦ ἐπινεύσει ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν εἰκονύμων ἔσθη κατ' ἐνώπιον αὐτοῦ, οὐχ' ὁμοίως τῇ πρὸ αὐτῆ[ς] πολυάνθρωπος, ἀλλὰ μέση πῶς αὐτῆς φαινομένη. Καὶ ἐν αὐτῇ μοναχοὶ καὶ μοναχαὶ μιγάδες καὶ ἀπὸ παντός τάγματος καὶ γένους τῶν κατὰ κόσμον ἀνθρώπων ὄρῳντο, ὀφτινες ἀντὶ περιβολαίου, ὁμίχλη πῶς μέση σκοτία καὶ φέγγει ἐσπαργανωμένη, ὡς εἰ τις ἔχει παρεϊκάσαι αὐτὴν πρωϊνήν ὁμίχλην· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον ὡς τὰ τῶν μελανχρῶων ἀνθρώπων, καὶ ποτὲ μὲν ἠσχύνοντο καὶ κατηφείας ἐπληροῦντο, ποτὲ δὲ ἐλαμπρύνοντο, χεῖρας κεκτημένοι ἐξ ἡμισείας, λέγω δὴ σκοτεινάς καὶ λαμπράς· ἦγουν αἱ δεξιαὶ λαμπραὶ, σταΐζουσαι διὰ τῶν δακτύλων χρυσέλαιον, αἱ δὲ ἀριστεραὶ σκοτειναὶ, ἀποσταΐζουσαι ὑγρόπισσον. οἱ δὲ πόδες αὐτῶν μέσως ἀγαθνόμενοι καὶ μέσως πονηρευόμενοι, οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν (f. 267 г.) ὁμοίως εὐμενιζόμενοί τε καὶ βλοσυρόν τι στρεβλούμενοι. Καὶ ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ εἶδεν αὐτοὺς ἡμμοχθήρους πῶς ὑπάρχοντας καὶ μὴ τό τέλειον πεφθακότας μέτρον τῆς αὐτοῦ εὐαρεστήσεως· ἦσαν γάρ καὶ αἱ ἀκοαὶ αὐτῶν σὺν ταῖς λοιπαῖς τούτων αἰσθήσεσιν ἐξ ἡμισείας, ποτὲ μὲν ὑπακούουσαι, ποτὲ δὲ βύουσαι. Τούτους οὖν οὕτως ἰδὼν ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν. Καὶ ἰδοὺ οἱ τοῦ πυρός ἀπότομοι ἄγγελοι καὶ ὑπουργοὶ καὶ ἔτασται τῶν κολαστηρίων ἐξαίφνης ἐπιπεσόντες αὐτοῖς εἰλκον τούτους βιαίως καὶ ἰσχυρῶς σύροντες ἐπὶ τὴν ἀγρίαν ἐκείνην καὶ παφλάζουσαν θάλασσαν τοῦ πυρός, οἱ δὲ συχνὰ ἐπιστροφόμενοι πρὸς τὸν Κύριον ἐδίδοσαν θρηνον ἐλεεινὸν καὶ ἐσχάτην φωνὴν ἠφίουν καὶ ὀδυνηρὰν γερῶς καὶ πικρῶς ἀλαλάζοντες· Φεῖσαι ἡμῖν, μακρόθυμε καὶ ἀνεξίκαχε Κύριε, φεῖσαι ἡμῖν, βασιλεῦ εὐσπλαγχνε καὶ πολυέλεε, ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον καὶ εὐσυμπάθητε. Ὁ δὲ Κύριος ἐπιστραφεὶς (f. 267 v.) ἑώρα κατόπιν αὐτοῦ ὅπως εἰλκοντο βιαίως ὑπὸ

τῶν φοβερῶν ἐκείνων ἀγγέλων, καὶ ἐθρήνουν καὶ ὠλοφύροντο, καὶ ἐδόκει ποτὲ μὲν σπλαγχνίζεσθαι, ποτὲ δὲ ὀργίζεσθαι ἐπ' αὐτούς· οἱ δὲ ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἔκλαιον ἡσυχῇ πάντες ἐπ' αὐτούς καὶ δάκρυα ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν κατέχεον μὲν, οὐκ ἐτόλμων δὲ μεσιτεῦσαι περὶ αὐτῶν. Τούτων οὖν, ὡς εἴρηται, βιαίως ἀγομένων εἰς τὴν τοῦ ἀσβέστου πυρὸς ἐκείνην θάλασσαν πρὸς τὸ σὺν τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐκείσε ἐμβληθεῖσι κατακαυθῆναι (πλὴν οὐκ ἴσως ἐκείνους, μὴ γένοιτο· ποῦ γὰρ τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου χριτοῦ, εἰ οὕτως ἐπίσης ἐκείνοις ὑπολάβοιεν τινες; ἐμελλον καὶ οὗτοι τιμωρεῖσθαι καὶ βασανίζεσθαι, ἀλλὰ ἀναλόγως καὶ κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων τούτους τὴν βάσανον τοῦ πυρὸς ὑπομένειν, οἷον τί λέγω, τῆς προσθήκης τῶν ἐτέρων τιμωριῶν ἐκτὸς διαμένοντες, σκώληκος φημί ἀκοιμήτου καὶ βρυγμοῦ τῶν ὀδόντων χαλεπῆς τιμωρίας· αἴτινες κολάσεις οὐχ ἅπασιν ἐπίσης τοῖς ἀμαρτωλοῖς εὐτρεπίζονται (f. 268 γ.), ἀλλὰ τοῖς μὲν αἱ πᾶσαι, τοῖς δὲ ὀλίγαι, καὶ τισὶ μὲν αἱ μέσαι, τισὶ δὲ αἱ πλείους κατὰ τὸ μέτρον δηλονότι τῆς ἐκάστου πράξεως, καθὰ καὶ αἱ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν μοναὶ καὶ κατασκηνώσεις κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀρετῆς ἐκάστου τῶν ἁγίων ἀναλόγως ἀπεκλήροντο), ἰδοὺ ἄφνω ἐκ τῶν ἀνωτάτω κάτεισι κόρη τις πάνυ ὠραία, ἧς τὸ κάλλος ἀμήχανον καὶ τὸ πρόσωπον ὑπερδεδοξασμένον ἔχουσα, καὶ διάδημα βασιλείας φοροῦσα ἐπὶ τῆς κορυφῆς φοβερῶτατον, χιτῶνάς τε χρυσοφαεῖς καὶ χρυσοῦφάντους καὶ χρυσοπάστους περιβεβλημένη, καὶ λίθοι διαυγείας ἀπαστράπτοντες ἀνεκφράστῳ καλλονῇ ἐπὶ τῶν χρυσοπάστων χιτῶνων αὐτῆς· καὶ αἱ χεῖρες αὐτῆς λευκαὶ ὡς τὸ φῶς, οἱ δὲ πόδες ἐξηστραπτον ὡς ὁ ἥλιος. Καὶ ἰδοὺ ἐμπροσθεν αὐτῆς ἄγγελοι προηγούντο καὶ ὀπισθεν αὐτῆς ἄγγελοι ἐφέποντο δορυφοροῦντες ὡς βασιλίδι. ἦτις πανσέμνως κατιοῦσα τὸ τάχος παρεγένετο πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην (f. 268 ν.) πύλην τῆς πόλεως ἐν ἣ ὁ φοβερῶτατος καὶ αἰώνιος βασιλεὺς Ἰστατο φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ῥάβδον ἐν τῇ χειρὶ κατέχων ἀνταποδόσεως, καὶ κλίνασα τὴν κεφαλὴν πρὸς τοὺς ἀγράντους αὐτοῦ πόδας μέχρι ἐδάφους τῆς -γῆς, ᾗχετο τὸ τάχος ἐξαναστᾶσα ὠραίως ποσὶ κατόπιν τῆς συρομένης ἐκείνης ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ φθάσασα ταύτην περὶ τὸ χεῖλος τῆς φοβεραῆς ἐκείνης καὶ κυματομένης θαλάσσης τοῦ πυρὸς, ἐν ἣ ἐμελλον χαλεπῶς κατα-

καίεσθαι, λέγει πρὸς τοὺς ἀπηνεῖς ἐκείνους ἀγγέλους τοὺς ταύτην βιαίως σύροντας καὶ ὠθοῦντας βάλλειν ἐν αὐτῇ πεπαρρησιασμένη τῇ φωνῇ· Ζῆ τὸ πρόσωπον τοῦ πατρὸς μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ υἱοῦ καὶ Θεοῦ, καὶ ἡ θεία δύναμις τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος, οὐ τιμωρηθήσεται ἡ συναγωγή αὐτῆ. Συνῆκαν οὖν οἱ πυρινοὶ ἄγγελοι, ὅτι ἡ πρώτη θυγάτηρ αὕτη ἐστὶ τοῦ Θεοῦ, καὶ λέγουσι πρὸς αὐτὴν· Κυρία ἡμῶν εἶ σύ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα ὅτι σύ εἶ ἡ πρώτη θυ(f. 269 r.)γάτηρ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἡ πάνυ φιλουμένη παρ' αὐτοῦ φρικτὴ καὶ θαυμασιωτάτη Ἐλεημοσύνη, καὶ οἶδαμεν ὅτι πλὴν σου οὐδεὶς πρὸς αὐτόν κέκτηται παρρησίαν μείζονα ὅς ἡμῖν ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ σπεύδωμεν ποιῆσαι ἐκπληρῶσαι τε τὸ τούτου θέλημα. μὴ οὖν καθ' ἡμῶν χολώ[σ]ης, ὡ κυρία ἡμῶν. Ἡ δὲ φησὶ πρὸς αὐτούς· Οὐχί, καὶ γὰρ καὶ αὕτη καθαρῶς ἐπίσταμαι καὶ ὑμᾶς πειδομένους καὶ ἐκπληροῦντας τὰ τούτου θεῖα προστάγματα, ἀλλὰ κάγῳ προσπεσοῦσα τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ὠραίοις ποσὶ παρεκάλεσα αὐτόν περὶ τῆς ἀθλίας ταύτης καὶ ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ τὰ ἀχραντα καὶ φιλόφροντα σπλάγχνα αὐτοῦ ἔκαμψα πρὸς οἶκτον, καὶ ἐπένευσε μοι ὁ ἀγαθὸς καὶ πανεύσπλαγχνος μου πατήρ καὶ Θεὸς προκαταλαβεῖν ὑμᾶς. καὶ δεῦτε ὑποστρέψωμεν πρὸς αὐτόν· Καὶ δὴ ὑποστρέψασα ἡ τριαύτη συναγωγή τῇ κελεύσει αὐτῆς μετὰ καὶ τῶν πυρινῶν ἐκείνων ἀγγέλων, ἔσθη σὺν αὐτῇ κατὰ (f. 269 v.) πρόσωπων τοῦ δικαίου κριτοῦ· προσδραμοῦσα οὖν πάλιν ἡ βασιλὶς ἐκείνη καὶ ὄντως ὠραία, προσέπεσε τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσίν, αὕτη δὲ κατησπάσατο αὐτούς ἀσπασίως καὶ ἐξαναστᾶσα λέγει πρὸς αὐτόν· Κύριε μου, Κύριε, οἶδα μὲν ὅτι διὰ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν τοῦ λαοῦ τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ταύτης, τῷ δακτύλῳ ταύτην ὑποδεικνύουσα, ἐνοχὸς ἐστὶν εἰς τὴν γέενναν τοῦ πυρός, ὅτι οὐκ ἔφθασεν ἐπιστρέψαι καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως ἐξιλίωσασθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου· διὰ δὲ τὴν ἐλεημοσύνην αὐτῶν καὶ τὴν ἄβυσσον τοῦ ἐλέους σου ἄφες αὐτοῖς δι' ἐμοῦ τὰ παραπτώματα αὐτῶν· ἀκήκοα γὰρ τοῦ ἀχράντου σου στόματος λέγοντος οὕτως· Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνης ἱκετικῶς λεγούσης καὶ παρισταμένης τῷ Κυρίῳ περὶ αὐτῶν, κάκεινων

τρεμόντων, ὡσεὶ ὕδωρ θαλά(φ. 270 γ.)σσης, καὶ τινασσομένων, ὡσπερ φύλλα τῶν δένδρων ὑπὸ βιαίας πνοῆς, ἀπὸ τοῦ φόβου τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τῆς ἀπειλῆς τῆς κυμαινομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός, συνέθετο Κύριος αὐτῇ τοῦ φείσασθαι αὐτῶν καὶ κατένευσε τῷ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων, καὶ ἐσάλπισε τῇ σάλπιγγι αὐτοῦ, ἣτις ἐξεβόησε ἡχῆ μεγάλη λέγουσα πρὸς αὐτοὺς: Διὰ μὲν τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν ἐφεισάμην καὶ ἀπηλλοτριώσα ὑμᾶς τῆς τοῦ ἀσβέστου πυρός χαλεπῆς τιμωρίας, διὰ δὲ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν ὑμῶν, ἣς οὐκ ἀπέστητε μέχρι τῆς ἐσχάτης ὑμῶν ἀναπνοῆς, οὐκ εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴν περικαλλῆ καὶ πάνθαύμαστον καὶ ἀνεξήγηστον ταύτην πόλιν μου, τὴν ὄντως πεποδημένην κατοικεσίαν, ἣν ἠτομασάμην πᾶσι τοῖς ἐκλεκτοῖς μου, οὐδὲ ὄψεσθε τὴν βασιλείαν μου. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε τοῖς κατ' ἄρκτον ἐστῶσιν ἀγγέλοις ἐτοιμάσαι τόπον αὐτοῖς εὐπερίγραπτον καὶ κατασκηνώσαι πάντας παρ' αὐτῷ τῷ τόπῳ πλὴν ἀναγκαίων ἐστερημένους (φ. 270 ν.), ὃ δὴ καὶ γέγονε. Παραλαβόντες γὰρ αὐτοὺς οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἐπορεύθησαν ἕνα καὶ προσετάρχησαν, χάκει αὐτοὺς κατεσκήνωσαν εἰς τόπον μὲν ἀναπαύσεως, πλὴν δὲ τῶν ἀναγκαίων, ὡς εἴρηται, τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐστερημένους.

Очнувшись отъ видѣнія (л. 351 г.) Григоріи рѣшается записать его, что и дѣлаетъ; затѣмъ идетъ къ Василию (л. 352 ν.— 353 ν.), причѣмъ разсказывается объ одномъ чудѣ святаго (л. 353 ν.— 354 г.), который пространно поучаетъ Григорія, вѣщая ему, что онъ напишетъ его житіе: μέλλεις δὲ καὶ τὸν ἐμὸν ἀναγράψασθαι βίον, τοῦτο γάρ σοι δι' ἐφέσεως οἶδα πέφυκεν ὅτι πλείστης (л. 355 ν.).

Совпаденіе съ текстомъ болландистовъ начинается снова лишь съ л. 367 об.: Περιλαβὼν ὁ ὁσιος κατησπάσατό με καὶ φησὶ πρὸς με· Σώζου, τέχνων μου φίλτατον, σώζου, οὐκέτι γὰρ ὄφει με ἀπὸ τοῦ νῦν ἐν τῷδε τῷ αἰῶνι προσομιλοῦντα. Сл. AASS. l. c. стр. 30, § 53 init. — Кончина святаго разсказана л. 368 г. слѣд. такъ-же (= AASS. l. c. стр. 31 § 54) и съ тѣмъ-же хронологическимъ опредѣленіемъ (κατὰ τὴν εἰκοστὴν ἔκτην τοῦ Μαρτίου). Важнѣе слѣдующее: Константинъ, о которомъ раньше говорилось въ житіи святаго, хочетъ перенести его прахъ изъ Константинополя

на противоположную восточную сторону, въ пригородъ, въ которомъ находился храмъ во имя пресвятой Богородицы; ἀλλ' οὐκ εἶασεν αὐτὸν τοῦτο εἰς ἔργον ἀγαγεῖν Ἰωάννης ἐκεῖνος, οὐ πάλαι ἐν τοῖς τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν μερικοῖς θαύμασιν ἐπεμνημονεύσαμεν, πῶς αὐτὸν τῆς δαιμονικῆς μανίας ἀπήλλαξεν, ἐκ περιεργίας τῆς οἰκείας δούλης αὐτῷ προσγεγόμενης. Такъ въ текстѣ болландистовъ (л. 31, § 55), въ которомъ объ этомъ чудѣ ранѣе не было и рѣчи. Это разногласіе повело издателей къ соображенію, будто въ указанномъ мѣстѣ Григоріи insinuat aliam se librum de mirabilibus hujus sancti sui Patris scripsisse: qui alicubi adhuc fortasse latet, et longe amplior videtur, multaque continuisse brevitatis studio hic praeterita (l. c. стр. 664 E). Этотъ liber amplior и представляется нашимъ текстомъ, и чудо съ Іоанномъ въ немъ рассказано (сл. выше, стр. 68 слѣд.), такъ что авторъ могъ съ полнымъ правомъ на него сослаться. Сл. въ нашей ркп. л. 370 v.: ἀλλ' οὐκ εἶασεν αὐτοῖς τὸ τοιοῦτον αὐτῶν βούλημα εἰς ἔργον ἀγαγεῖσθαι Ἰωάννης ἐκεῖνος, οὐ πάλαι ἀνωτέρω τῶν λόγων ἐν τοῖς τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν μερικοῖς θαύμασιν ἀπομνημονεύσαμεν ὃν ὁ ὁσιος ἀπὸ τῆς δαιμονικῆς περιεργίας καὶ μάστιγος τῆς αὐτοῦ δουλίδος παραδόξως ἐρύσατο καὶ ὑγιῆ ἀπεργάσατο. Мы получаемъ, такимъ образомъ, ясное доказательство того, что изданный болландистами текстъ не самостоятеленъ, какъ особая редакція, и его отношенія къ liber amplior, т. е. къ нашему житію, исчерпываются понятіемъ извлеченія и притомъ неискренняго.

Изъ конца житія, сильно компендированнаго въ текстѣ болландистовъ, сообщимъ лишь подробности о мѣстѣ погребенія святого л. 371 лиц.: λαβὼν τὸ τοῦ ἀγίου λείψανον ἐν ξυλίφω λάρνακι μετεκόμισεν αὐτὸ ἐν δόξῃ καὶ δορυφορίᾳ τῇ προσηκούσῃ εἰς τὸ ἑαυτοῦ κατὰ δυσμὰς τῆς θεοφρουρήτου βασιλίδος τῶν πόλεων διακείμενον μοναστήριον πλησίον τῶν ἁγίων μαρτύρων Φλώρου καὶ Λαύρου καὶ τοῦ θείου ναοῦ τοῦ ἀγίου ἀποστόλου Φιλίππου ὅπερ εἰώθεασιν ὀνομάζειν τοῦ Χαρτοφύλακος. Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ текстѣ болландистовъ (l. c. стр. 31 § 56).

Житіє кончається въ нашей рукописи на л. 378 об. Последніа листы 379 лпц.—385 об. заняты поученіемъ Григорія Нисскаго: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης οὗ οὐ δει πέρα τοῦ δέοντος ἀσχεῖν τὴν ἐγκράτειαν καὶ ὅτι ὁμοίως ἐναντιοῦται τῇ ψυχῇ πρὸς τελείωσιν ἢ τε πολυσαρκία τοῦ σώματος καὶ ἡ ἀμετρος κακοπαθία.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сообщая извлеченія изъ житія Василія по синод. списку № 249, мы имѣли главнымъ образомъ въ виду указать на его отношенія къ тексту болландистовъ. Иначе представляются отношенія № 249 къ № 250 той-же библиотеки. Я коснулся ихъ въ моемъ изслѣдованіи (XII глава), и онѣ лучше всего выясняются сравненіемъ одного и того-же отрывка по двумъ версиямъ. Беремъ его изъ начала житія.

№ 249.

(f. 2 r.) Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμαμάτων διήγησις τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Νεοῦ, συγγραφεῖσα παρὰ τοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου. Δέσποτα εὐλόγησον.

1. Ὁ θεϊότατος καὶ προφητικώτατος Δαβὶδ ἔλεξε φάσκων· Ἐἰς μνημόσυνον αἰώνιον ἔσται δίκαιος ὑποφαίνων ὡς ἀνεξάλειπτα τὰ σημαντρα τῆς ἀρετῆς τῶν δικαίων εἰς τὸ διηνεκές τυγχάνουσι. καὶ Σολομών δὲ ὁ σοφώτατος παραπλήσια τῷ γεγεννηκότι ἀπεφθέγ-

№ 250.

(f. 1 r.) Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ Θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου τοῦ Νέου καὶ ὁπτασίας διήγησις πανοφέλῃμος.

1. Τῆς ἀκαταλήπτου Θεοῦ περὶ τὸ βρότειον γένος ὑπεραγάδου φιλανθρωπίας καὶ ἀγαθότητος σοφῶς καὶ βαθέως οἰκονομοῦσης καὶ φανερούσης πάντα τὰ πρὸς σωτηρίαν ψυχῆς ὀδηγοῦντα καὶ εἰς καταφρόνησιν μὲν τῶν γηίνων καὶ ρευστῶν, ἔφεισιν δὲ τῶν αἰωνίων

ξατο λέγων· Μνήμη δικαίου μετ' ἐγκωμίων αξιογέραστα κρίναντες και ἐπάξια τιμῆς και ἐπαίνου τὰ τῶν ἁγίων μνημόσυνα. Ἄλλ' οὔτοι μὲν ὡς χρησιμῶδοι Κυρίου και θεῖοι ὑποφῆται οὕτως σοφῶς και θεοπρεπῶς ἀπεφθέγγξαντο, ἐγὼ δὲ ὁ μηδενὸς λό(φ. 2 ν.)γου ἐπάξιος, ἢ ἀμυδρὰ ὀταγών, ἢ κατάξηρος πηγῆ, ὁ βορβορώδης λάκκος, ὁ και τοῦ ζῆν ἀνάξιος και τοῦ λέγειν μεγίστου και τηλικούτου πατρός τηλικαῦτα τεράστια και θαυμάσια μέλλων διηγῆσασθαι, ἀπορῶ τί εἶπω και τί λαλήσω και πῶς τοιαῦτα μεθοδεύσομαι ὡς ἂν ἰσχύσω καταπόδας κἂν φθάσαι τοῦ διηγῆματος και μὴ παντάπασι ἐξωπεσεῖν ἐν τῷ διηγείσθαι τὰ τοῦδε τοῦ ἁγίου τερατουργήματα. Βούλομαι τοίνυν σιωπᾶν, ἀλλὰ πτοῦμαι τὴν κατάκρισιν τοῦ Κυρίου μου, ὅτι τὸ τάλαντον, ὅπερ μοι ἐνεχείρισεν ὡς γνησίῳ οἰκέτῃ, εἰ μὴ παράδωμαι τοῖς τραπέζιταις, πονηρὰ μοι ἀνταποδοθήσεται, εἰ δὲ λέγειν αὐθις ἀπάρξομαι, δέδια ὡς μηδενὸς λόγου πέλων ἄξιος, μήπως και μομφὴν εἰσδέξομαι παρὰ τῶν συνετῶν· εἰ γάρ, ὡς φησὶν ὁ Σολομών, τοὺς σοφοὺς και συν(φ. 3 γ.)ετούς φαύλους καλοῦσιν ἐν τῶν ἀνθρώπων, ἐμοὶ τῷ πεφραλισμένῳ τί παρ' αὐτῶν οὐ

και μακαρίων ἀγαθῶν ἡμᾶς ἐνάγοντα κατὰ διαφόρους καιροὺς διὰ τῶν οἰκείων αὐτοῦ θεραπόντων, ἀνέδειξεν ἐν τοῖς ἐσχάτοις τούτοις καιροῖς παρὰ τῆδε τῆ βασιλίδι τῶν πόλεων και Νέᾳ Ῥώμῃ, τῆ Κωνσταντίνου φημί· και τανῦν ἡμῖν εἰς ὑπόθεσιν λόγου προστεθεῖμενον θεόφορον πατέρα ἡμῶν και μέγαν ἐν (φ. 1 ν.) ἀρεταῖς και περιβόητον ἐν θαύμασι δσιώτατος Βασίλειος ὃς ὄθεν τε ὠρμητο και

ρηθήσεται; ὅμως μέντον συγγι-
νωσκέτω πᾶσα ψυχὴ θεοφιλῆς καὶ
τῆς ἀγροικίας καὶ τῆς ἀφελείας,
καὶ τοῖς λέγειν ἐπιχειροῦσι Κύριος
δώη τὸν μισθόν. Ἐντεῦθεν δὲ
τῆς δηγήσεως ἀρξομαι ταῖς ὑμε-
τέραις εὐχαῖς ἐρειδόμενος, ἐπεὶ
καὶ Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν,
ἄλλως τε οὐδὲ πάντα λέγειν μοι τὰ
ἐκείνου δυνατὸν· οὐδὲ γὰρ ἀγγέ-
λων ἴσως τοῦτο ἐστίν, οὔτε μὴν
ἀποστόλων, ὡς φησὶ ὁ διαπρύσιος
Παῦλος, ἐκ μέρους γινώσκομεν
καὶ ἐκ μέρους προφητεύομεν. Τὰ
μὲν περὶ τῆς γεννήσεως αὐτοῦ

2. ὅθεν τὲ ἐφυ γεννητόρων
καὶ ἐν οἷς ἀνατέδραπτο, ὅπως τὲ
γέγονε μοναχὸς λέγειν οὐκ ἔχω·
οὔτε γὰρ αὐτὸς ἐτι τῷ βίῳ
περιῶν δῆλον ἑαυτὸν τινὶ πε-
ποίηκεν, ὁ τοῦτου χάριν μό-
νος οἶδεν ὁ τοῦτον ἡμῖν γνω-
ρίσας Κύριος, ἀλλ' οὐδὲ ἑτε-
ρον τινὰ ἠδυνῆθην ἐφευρεῖν
τῶν (f. 3 v.) πρὸ ἡμῶν τὰ κατὰ
τὸν ἅγιον μεμαθηκότων σαφηνίσαι
μοί τι περὶ τούτου.

Πλὴν ὁ ἀκριβῶς οἶδα λέξω καὶ
ἄπερ μέμνημαι διηγῆσομαι ὑμῖν,
πρὸς γὰρ τὰ τελευταῖα αὐτοῦ
ἐπέγων καγὼ αὐτόν, κάκεινος τὲ
πάντα τὸν χρόνον τῆς ζωῆς αὐτοῦ
ἐσπούδαξε λαμβάνειν, πάντας ἀν-
θρώπους πλουτίσας κἀντεῦθεν·

2. οἷων ἐφυ τῶν γεννητό-
ρων, οὔτ' αὐτὸς ἐτι τῷ βίῳ
περιῶν δῆλον τινὶ πεποίηκεν,
ἔτου χάριν μόνος οἶδεν ὁ
τοῦτον ἡμῖν γνωρῆσας Κύ-
ριος, οὐδ' ἡμῖν ἄλλος ἀπὸ
τῶν πρὸς αὐτοῦ ἢ μετ' αὐτόν
παρέδωκεν ἡμῖν,

ταπεινωσην. Ὁμως εἰς ὅσον ἐκρυβεν ἑαυτὸν καὶ μέχρι πόσου ἔσπευδε λανθάνειν τὰ περὶ αὐτοῦ, καίτοιγε πολλὰς ἀνάγκαις ἔνεκα τούτου ὑποβληθεὶς ἐν τοῖς ἐξῆς δηλωθήσεται. Καὶ δὴ ἀρκτέον τῆς διηγήσεως.

Βασίλειος ὁ βασιλεὺς, ὃ τὸ ἐπίκλην Μακεδῶν, τέσσαρες ἔσχεν υἱοὺς: Κωνσταντῖνον, Λέοντα, Στέφανον καὶ Ἀλέξανδρον. Καὶ ὁ μὲν Κωνσταντῖνος κομιδῇ νέος ὢν ὑπεξῆλθε τὸν βίον, Στέφανος δὲ προχειρίζεται ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντίνου πόλεως, πάσῃ ἀρετῇ καταστραπτόμενος, συνεχεῖς (f. 4 r.) δὲ τοὺς ποτοὺς παρὰ τῶν ἱατρῶν δεχόμενος διὰ τὸ ἐκανῶς ψυχρᾶναι τὸν στόμαχον αὐτοῦ τῆς πυρκαϊᾶς ἔνεκεν τῆς ἐκ νεότητος παρενοχλοῦσης αὐτὸν, καὶ τοῦδε εἰς νόσον πεσῶν ἐν συντόμῳ τέλει τοῦ βίου ἐχρήσατο. Τελευτήσαντος δὲ Βασιλείου τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, ὃς καὶ τελευτῶν ἔφασκε περὶ Μιχαὴλ τοῦ βασιλέως, ὃν ἀνηρήκει καὶ κατέσχε τὰ σκῆπτρα αὐτοῦ· Θεωρῶ, φησί, Μιχαὴλ τὸν βασιλέα πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν μου ἐστῶτα καὶ λέγοντά μοι· Τί σοι ἐπραξα ἢ τί σε ἠδίκησα, ὅτι οὕτως ἀνηλεῶς ἐπέβης μου καὶ ἀπέκτεινάς με; Καὶ ἐπὶ τούτοις ἐξαγορεύων ὑπεξῆλθε τὸν βίον, κατα-

λιπών Λέοντα και Ἀλέξανδρον τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ.

3. Τῷ δεκάτῳ οὖν ἔτει τῆς αὐτοκρατορείας Λέοντος και Ἀλεξάνδρου τῶν βασιλέων μαγιστριανῶν τινῶν ἀναστρεφομένων διὰ τῆς Ἀσιάτιδος χώρας προστάξει βασι- (f. 4 v.)λικῆ περί τινων ὑποθέσεων, κατέλαβον ἐν ὄρει τινὶ δυσβάτῳ διερχόμενοι τὸν πανοσιώτατον πατέρα ἡμῶν Βασίλειον περιιόντα και τοῦτον κατάσκοπον ὑποτόπασαντες εἶναι ὀξέοις ποσὶ καταπηδήσαντα τοῦτον συνέσχον. Ὅρῶντες οὖν τὸ ξένον τοῦ ἡθους και τοῦ σχήματος αὐτοῦ, ἐπηρώτων αὐτὸν λέγοντες· Τίς εἶ και πῶς ἐνταῦθα διατρίβεις; Ὁ δὲ οὐδὲν αὐτοῖς ἀπεκρίνατο· ὄθεν θυμωθέντες δέσμιον αὐτόν. πρὸς τὴν βασιλεύουσαν ἤγαγον. Παραστάντες οὖν Λέοντι και Ἀλεξάνδρῳ τοῖς τὰ σκήπτρα τῆς βασιλείας κατέχουσιν αὐταδέλφοις και περί ὧν ἀπεστάλησαν διαλεχθέντες, δῆλα αὐτοῖς και τὰ κατὰ τὸν ὄσιον πεποιήκασιν. Οὕτω γὰρ εἰσῆχθη πρὸς τὴν βασιλεύουσαν ὁ ἅγιος, καθὼς ἤξιωθεν παρά τῶν ἀξιοπίστων ἀνδρῶν· οἱ και πα-

3. ὅτι κατὰ τοὺς καιροὺς τῆς βασιλείας τῶν υἱῶν τοῦ μεγάλου βασιλέως κυροῦ Βασιλείου τοῦ Μακεδόνοσ, Λέοντος φημί και Ἀλεξάνδρου, τῷ δεκάτῳ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτῶν ἀπεστάλησαν μαγιστριανοὶ τινὲς εἰς τὴν Ἀσιάτιδα χώραν προστάξει βασιλικῆ περί τινων ὑποθέσεων, οἱ και κατέλαβον διερχόμενοι ἐν ὄρει τινὶ δυσβάτῳ τὸν αὐτὸν ὄσιώτατον Βασίλειον και δηλάτορα τοῦτον τυγχάνειν ὑπότοπασαντες κατέσχοντες αὐ(f. 2r.) τὸν ὀξέως αὐτοὺς φεύγοντα, και πρὸς τὴν βασιλεύουσαν δεσμώτην ἐκεῖθεν εἰσῆγαγον, ἐμφανισθέντες δὲ τοίνυν τῷ βασιλεὶ Λέοντι και περί ὧν ἀπεστάλησαν ἀπολογούμενοι, δῆλα τοῦτῳ τὰ κατὰ τὸν ὄσιον πεποήκασιν. και ὃσ παρευθὺς προσέταξε τῷ παρακοιμωμένῳ αὐτοῦ Σαμωνᾷ τούνομα, και ἐξ Ἀγαρηνῶν μὲν καταγομένῳ, τῷ τῶν πατρικίων δὲ ἀξιώματι τῷ τότε τιμημένῳ τὰ κατὰ τὸν ἅγιον ἐξετάσαι και μαθεῖν τίς τε ἐστὶν και ὄθεν ὠρμητο και οἶον ἔχει

ρευθὺς προστάττουσι τῷ πα-
 ρακοιμωμένῳ αὐτῶν τοῦνο-
 μα Σαμωνᾶ, ἐξ Ἀγαρη(f. 5 γ.)-
 νῶν μεν καταγομένῳ τὸ γένος,
 τῷ τῶν πατρικίων δὲ ἀξιώ-
 ματι τιμωμένῳ καὶ μέγιστα
 τῷ τότε παρ' αὐτοῖς δυναμένῳ τὰ
 κατὰ τὸν ἅγιον ἐξετάσαι, τίς
 ἔστι καὶ ὅθεν ὄρμηται καὶ τί-
 τὸ ὄνομα καὶ ἐπιτήδευμα αὐ-
 τοῦ. Ὁ δὲ Σαμωνᾶς ἀπελθὼν
 εἰς τὸν λεγόμενον Νέον Οἶκον
 καὶ προκαθίσας σὺν πάσῃ τῇ
 ἑαυτοῦ φαντασίᾳ ἦν γὰρ νεωτε-
 ρίζων καὶ γεγαυρωμένος ἐν πλή-
 θει πλούτου· κελεύει παραστῆ-
 ναι κατὰ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ
 τὸν μακάριον. Ὅς δὲ παραστάς
 οὐκ ἀπένειμεν αὐτῷ τὴν προσ-
 ῆκουσαν τιμὴν τῆς προσκυνή-
 σεως, καθὼς ἔθος ἔστι ποιεῖν
 πάντας τοὺς εἰσαγομένους
 πρὸς ἄρχοντας καὶ δυναστάς.

τὸ ἐπιτήδευμα. Καὶ ὁ Σαμω-
 νᾶς προκαθίσας ἐν τῷ λεγο-
 μένῳ Νέῳ Οἴκῳ καὶ τὸν ἅγιον
 μετ' ἐκπλήξεως καὶ φαντα-
 σίας παραστησάμενος, προ-
 σεδόκα προσκυνηθῆναι ὑπ'
 αὐτοῦ, καθὼς ἔστιν ἔθος ποι-
 εῖν πάντας τοὺς πρὸς ἄρχον-
 τας καὶ δυναστάς εἰσαγομέ-
 νους.

Къ стр. 5, строка 18 сверху: Νέος οἶκος — можетъ быть, Νέον Παλάτιον, весьма известная, по Прокопію, постройка Юстиньяна, иначе παλάτιον τοῦ Ὁρμίσδου. Это мѣсто, соседнее съ церковью Сергія и Вакха, известно точно, сообщаетъ мнѣ проф. Кондаковъ: расположено по морскому берегу, подъ склонами, идущими на югъ отъ Ипподрома, и имѣетъ справа ворота Карейскія въ стѣнѣ Большаго Дворца, слѣва Юліанову гавань.

Къ стр. 8. Чудо съ шинкаремъ, рассказанное въ AASS. стр. 27, §§ 35, 36, встрѣчается и въ житіи Симеона Юродиваго (сл.

Surius, *Historiae seu vitae sanctorum, Julii, § 28*), но рассказы данъ другой оборотъ. Aliquando vero is qui dabat lupinos in caupona, illum accepit, ut sibi inserviret. Erat autem caupo immitis, adeo ut ei saepe ne cibum quidem daret, etiamsi multa venderet propter Salum. Tamquam vero qui essent rei novitate suspensi, cives dicebant inter se invicem: Eamus, bibamus, ubi est Salus. Ingressus est autem aliquando serpens et ex una urna bibit vinum, et in eo virus suum effudit et abiit. Non erat autem intus Abbas Simeon, sed foris ad tympani strepitum saltabat una cum popularibus. Cum autem ingressus esset Sanctus, videt urnam, cui inscriptum erat, ita tamen, ut non posset videri, Mors. Statim ergo intellexit, quidnam ei factum fuerat: sublatoque ligno eam confregit, ita ut erat plena. Ejus autem dominus ex ipsius manu tollens baculum, ei incussit, donec illum debilitaret et fugaret. Die vero sequenti venit et post ostium delituit Abbas Symeon. Ecce autem serpens rursus venit potum. Cumque eum vidisset caupo, cepit idem lignum, volens eum occidere. Cum vero aberrasset, percussit et fregit omnes urnas et omnia pocula. Tunc ingressus est Salus et dixit ei: Quid est stulte? Ecce non sum ego Salus, cave. Tunc ergo cognovit caupo eum propterea fregisse urnam. Fuit aedificatus et eum habuit pro sancto. — Сл. соотвѣтствующее чудо св. Василия, ркп. л. 47 об.: Καθαροπότης δὲ τις φίλος τοῦ ἁγίου ὁρῶν τὸ ἐργαστήριον αὐτοῦ εἰς τοῦπίσω ἀναποδίξον, ἐβουλεύσατο προσελθεῖν τῷ ἁγίῳ· τῇ οὖν ἐπαύριον ἀναστάς ἐπορεύθη πρὸς τὸν ὄσιον καὶ ἐδυσώπει αὐτὸν ἅμα αὐτῷ ἀφικέσθαι εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ· ὁ δὲ εἶχας τῇ παρακλήσει αὐτοῦ ἐπορεύθη μετ' αὐτοῦ· τῇ ἡμέρᾳ οὖν ἐκείνῃ ἐξένισε φιλοφρόνως εἰς ἐστίασιν καὶ πένητας· τῇ δὲ ἐπαύρι(φ. 48 γ.)ον πρωίας λέγει πρὸς τὸν μακάριον· Καταξωσάτω, πατέρ, ἡ σὴ ἀγωσύνη σκυλῆναι καὶ εἰς τὴν πεντηχρὰν τοῦ παιδός σου ἀποθήκην, ὅπως εὐλογήσης καὶ τὰ ἄγγελα σὺν τῷ οἴκῳ· ὁ δὲ μακάριος φησὶ πρὸς αὐτόν· Πορευθῶμεν, τέκνον, ἔνθα κελύεις. Παραγεγονότων τοιγαροῦν ἐπὶ τὴν ἀποθήκην, ὑπεδείκνυε τῷ ἁγίῳ ὁ ἄνθρωπος τοὺς πίδακους αὐτοῦ καὶ παρεκάλει εὐλογησαὶ αὐτούς. Ἦσαν δὲ καὶ τινες τῶν ἰδίων τοῦ ἀνδρός διὰ τὸν ὄσιον ἐκείσε

παραγεγονότες· ὅτε οὖν πάντα τὰ ἄγγελα ὁ ἅγιος εὐλόγησε, ἐλθὼν ἐπὶ ἐν τῶν ἀγγείων ὡσεὶ πεντεκαίδεκα μετρητάς χοροῦν, λέγει τῷ καθαρῳπότη· Ὅντως, φίλε, πάντα μὲν τὰ προσόντα σοι ἄγγελα ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Χριστοῦ μου εὐλόγησα, τοῦτο δὲ τὸ ἄγγειον συντρίβει ἔχω· ὁ δὲ λέγει· Μὴ, πατέρ ἅγιε, μὴ συντρίψῃς τοῦτο, ἀλλὰ μᾶλλον εὐλόγησον καὶ αὐτό, ὅπως ὁ Θεὸς καὶ ἡ εὐχή σου εὐοδώσῃ μοι, ἐπεὶ εἰς τὸ κατόπιν ὁρῶ τὸν βίον μου καταντῶντα καὶ προοῦμαι μὴ πο(ε. 48 ν.)τε εἰς παντελῆ πενίαν φθάσω· καὶ γὰρ πᾶσα μου ἡ πραγματεία ἀλλότριον γρυσίον ἐστὶν ὑπὸ τόκου μοι θησαυρισμένον· πρόσθε οὖν μᾶλλον ἐκ τοῦ ἐλέους τοῦ δεδομένου σοι ὑπὸ Θεοῦ. Λέγει πρὸς αὐτὸν ὁ μακάριος· Ἐγὼ εἰς τοῦτο ἐλήλυθα ἵνα συντρίψω αὐτό καὶ ἵνα ἀπὸ μεγάλου κινδύνου λυτρώσω σε. Κάκεινος φησὶ· Μὴ, τίμιος πατέρ, ἐμὲ θραύσον καὶ τὴν κεφαλὴν μου σύντριψον, μόνον τοῦτο μὴ θραύσης. Καὶ ὡς ταῦτα ἐκεῖνος παρεκάλει, εὐρών ἐκείσε ὁ ὀσιος ῥόπαλον παχύν καὶ ἄρας τοῦτον καὶ ἐφ' ὕψους ἀπαιωρήσας καὶ καταγαγὼν, ἐπάταξε τὸ ἄγγος ὅπερ ἦν ἀνάπλεων τοῦ οἴνου, διαρραγὲν δὲ ἐξέχυσε τὸν οἴνον, ἄνωθεν γὰρ τῆς γῆς ἴστατο· θεασάμενος οὖν τὸ γεγονός ὁ καθαρῳπότης καὶ πάντες οἱ παρόντες ἐκείσε, ἠθύμησαν σφόδρα ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, μέμψις τινας ἐνδοθεν κατὰ τοῦ δικαίου φέροντες· γνοὺς δὲ τῷ πνεύματι ὁ ὀσιος ὅτι ἐβαρύνθησαν ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπογυμνοὶ (ε. 49 ρ.) λοιπὸν αὐτοῖς τὴν αἰτίαν, δι' ἣν τὸ ἄγγος συνέτριψεν, καὶ ἄρας κάλαμον ἐκείσε πῶ κείμενον, ἐνέβαλε τοῦτον τῷ πυθμένι τοῦ συντριβέντος ἄγγους καὶ πάντων ὁρώντων ἐκφέρει ἐκείθεν ὄφιν τριῶν πήχεων τὸ μήκος, ἐξογκωθέντα ἐκ τῆς σήψεως καὶ δυσωδίαν κεκτημένον ἀφόρητον. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτούς· Ἴνα τί μου, ὦ τέκνα, καταμέμψεσθε ἐν ταῖς καρδίαις ὑμῶν ὡς ἐναντίον τι πράξαντι ἐν ὑμῖν; θεάσασθε ὡδε. Καὶ ἐπεδείκνυεν αὐτοῖς τὸν ὄφιν λέγων· Πόσοι ἂν πίνοντες ἀπὸ τοῦ οἴνου τούτου ἐτελεύτησαν, καὶ ἐμελλεν οὗτος ὁ ταλαίπωρος εἰς περίστασιν καὶ εἰς πειρασμούς ἔλκεσθαι. Ἄρα οὖν εὐάρεστον τοῦτο ἰδοῦμαι ὑμῖν; Ταῦτα εἰρηκῶς ἔρριψε χαμαὶ τὸν ὄφιν σὺν τῷ καλάμῳ καὶ ἐξελθὼν ἔξω τῆς ἀποθήκης ἐκαθέσθη.

Κὲ στρ. 33, строка 18 сверху: ркп. χιτώνιον κονσηποσι.
Вѣроятно: κοντοποδῆ или κονδοποδῆ: кротополие; надо-бы:
κοντοποδες.

Κὲ στρ. 42, стр. 4 сверху: ркп.: ὅς ἐτι παρῆ.

Стр. 57, 62, 63. О братьяхъ-евнухахъ Гонгиллиахъ, Константинѣ и Анастасiи, говорятъ византийскiе лѣтописцы въ связи съ Константиномъ аккубиторомъ. Сл. Theoph. Continuat. (ed. Bonn, p. 386): Ζоя παρικρατῆς γενομένη τῆς βασιλείας ἀναβιβάζει εἰς τὸν παλάτιον Κωνσταντῖνον παρακοιμώμενον καὶ Κωνσταντῖνον καὶ Ἀναστάσιον ἀνταδελφούς τοὺς Γογγυλίους λεγομένους. Тоже у Sym. Mag. l. c. p. 721; Georg. Mon. ib. p. 878; Hamartolus ed. Muralt p. 803, 808; 813. Сл. Leo Diac., ed. Bonn. p. 7: ἀνανδρία καὶ ἀπειρία τοῦ στρατηγοῦ, τομίου θαλαμηπόλου τελοῦντος, καὶ ἀνδραρίου σκιατροφοῦς ἐκ τῆς τῶν Παφλαγόνων ὠρμημένου (Κωνσταντῖνος ὄνομα τούτου, Γογγύλης ἐπίκλησις)... ἀπασα ἡ λεχθεῖσα στρατιά... κατεκόπη. — Константинъ Варваръ житiя, оказывается родичемъ этихъ евнуховъ. Левъ Дьяконъ называетъ одного изъ нихъ, Константина, пафлагонцемъ; въ житiи рассказываетъ, что когда Василiй находился въ домѣ у обонхъ братьевъ, къ нему явился съ семьей турмархъ τῆς χῶρας τῶν Παφλαγόνων.

Κὲ στρ. 58: τουρμάχης вм. τουρμάρχης (народно-этимологическая связь съ μάχη).

Κὲ στρ. 63, 3 строка снизу: ἀσυλλογή = συλλογή ἀσυλλόγιστος?

Κὲ στρ. 65 слѣд. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византию въ 941 году встрѣчается у Симеона Логофета, Льва Грамматика, Георгiя мниха, Кедрина, Зонары, у продолжателей Θεοφана и Амартола, Льва Διάκονα и Лиутпранда (Antarod. V, 15 у Pertz,

III, 331). Привожу 'разсказъ продолжателя Амартола ¹⁾: «Въ 11-й день мѣсяца іюня приплыли противъ Константинополя россы на десяти тысячахъ кораблей. Посланъ былъ противъ нихъ съ трірами и дромонами, какія случились въ городѣ, патрицій Теофанъ, соучастникъ царя въ правленіи и протовестиарій. Онъ, урядочивъ и устроивъ флотъ, а наипаче себя самого убѣдивъ постомъ и слезами, выступилъ противъ россовъ съ тѣмъ, чтобы дать имъ морское сраженіе. Когда россы приняли вызовъ и были вблизи Фароса (господствующаго надъ устьемъ Евксинскаго понта), то въ такъ-называемомъ Іеро Теофанъ напалъ на нихъ съ хладнокровнымъ мужествомъ. Врѣзавшись первый въ среду ихъ на собственномъ дромонѣ, Теофанъ разорвалъ строй русскихъ кораблей и большую часть ихъ сжегъ искусственнымъ огнемъ, а остальные обратилъ въ бѣгство. Вслѣдъ за нимъ подошлѣли и прочіе дромоны и тріры и довершили пораженіе россовъ и многихъ потопили вмѣстѣ съ кораблями, иныхъ ранили, а большую часть взяли въ плѣнъ живыми. Уцѣлѣвшіе отъ гибели россы отплываютъ къ берегамъ Анатолиі въ такъ-называемые Сгоры. Въ догоню за россами былъ посланъ сухимъ путемъ Варда Фока съ отборными всадниками. И такъ какъ россы отдѣлились отъ себя не малый отрядъ въ предѣлы вѣоннскіе для добыванія себѣ пищи и другого продовольствія, то на этотъ-то отрядъ и напалъ вышеупомянутый Варда Фока и разбивъ его на голову обратилъ въ бѣгство и перебилъ россовъ. Подоспѣлъ тутъ-же и Іоаннъ магистръ и domestикъ школъ Крочой и по частямъ разбивалъ русскіе отряды, то тамъ, то здѣсь, такъ что уцѣлѣвшимъ россамъ не оставалось ничего болѣе какъ окончательно засѣсть на свои корабли и нигдѣ не смѣть высаживаться. Но много величайшихъ бѣдъ натворили россы прежде чѣмъ подошлѣло римское войско. Они выжгли все такъ-называемое *Στενόν*, а плѣнниковъ иныхъ распинали, иныхъ пригвождали къ землѣ,

¹⁾ См. Терновскій, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, I, стр. 115—117.

и иныхъ поставивши какъ цѣль, разстрѣливали изъ луковъ. А если брали въ плѣнъ кого-либо изъ священнаго сана, то связавъ руки назадъ, пронзали плѣнникамъ сквозь голову желѣзный шестъ; много также и св. храмовъ россы предали огню. Когда же настала зима, и россы стали нуждаться въ пищѣ, то, боясь приближающагося войска, а еще болѣе мореходныхъ триръ, рѣшились отплыть во свояси, и стараясь уйти незамѣченными отъ греческаго флота, (въ сентябрѣ 15 индикціона) направились къ берегамъ Фракіи, но были перехвачены на пути вышеупомянутымъ патриціемъ Теофаномъ (ибо не укрылись отъ его бодрственной и благородной души). И вотъ начинается второе морское сраженіе: много русскихъ кораблей потопилъ въ глубинѣ, много россовъ перебилъ Теофанъ, а остатки россовъ съ кораблями удѣлѣли, прижавшись къ крутому килійскому берегу, и съ наступленіемъ ночи бѣжали. А Теофанъ патрицій возвратился съ славною побѣдою и множествомъ трофеевъ и былъ принятъ почетно и великолѣпно и почтенъ саномъ паракимомена.

Русскіе хронографы передаютъ объ этомъ событіи, либо слѣдуя вполне разсказу продолжателя Амартола, либо смѣшивая съ нимъ разсказъ Нестора ¹⁾.

Въ лѣто 6449. Иде Игорьъ на Греки, яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ, скѣдїи 10 тысящъ. Иже придоша и приплоуша и начаша воевати Византїискїа страны, и воеваху по Понту до Иракліа и до Фафлагонской земли, и всю страну Никомидейскую поплѣнивше, и Судъ весь пожгоша; иже емше овѣхъ растинаху, другїя аки стрень поставляюще и стрѣляху въ ня, взимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть имъ; много же святыхъ церквей огневи предаша, монастырѣ и села пожгоша, и имѣнья немало [отъ] обою страну взяша. Потомъ же пришедшемъ воемъ отъ востока, Панфиръ деместикъ съ 40-ми тысящъ, Фока же патрекїи съ макидоны, Фѣдоръ же стратилать съ Фраки, с

¹⁾ Ср. I. с. 117—118, прим. 3.

ними же и сановници боярства, обидоша Русь около. Съвѣщаша Русь, изидоша въоружившеся на Греки, и бранѣ межю ими бывши зыли, одва одолѣша Грьци, Русь же възратишася къ дѣружинѣ своей къ вечеру [и] на ночь влѣзоша в лоды и отбѣгоша. Теофанъ же сусрѣте я въ олядехъ съ огнемъ, и пушати нача трубами и огнь на лодѣ Руския, и бысть видѣти страшно чудо. Русь же видящи пламянь, вѣбтахуса въ воду морскую, хотяще убрести; и тако прочии възратишася въ свояси. Тѣмъ же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о ляднемъ огни: якоже молонья, рече, иже на небесѣхъ, Грьци имуть у себе, и се пушающе жежагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ ¹⁾.

Упомянутыя въ нашей лѣтописи имена полководцевъ: Фоки, Панфира и Теодора встрѣчаются и въ разсказѣ о походѣ россовъ въ 941 г., включенномъ въ формѣ видѣнія, въ полное житіе Василія Новаго.

Старикъ священникъ Теофанъ негодуеть на беззаконія ромеевъ и ждетъ, что Божія кара постигнетъ ихъ отъ руки угровъ. Вопросъ одного изъ собесѣдниковъ побуждаетъ его высказаться.

«Однажды, когда всѣ сидѣли вмѣстѣ со мною смиреннымъ, святой и его хозяева и означенный старецъ, одинъ изъ нихъ обратился къ нему со словами: Повѣдай намъ, пресвятой отецъ, почему эти поганые народы, ополчающіеся на насъ, христіанъ, выступая, подобно вихрю, постоянно благополучно приходятъ и разоряютъ западныя области? Сказалъ ему праведный старецъ: Если ты во истину желаешь узнать, чадо, почему они благополучно приходятъ, да будетъ тебѣ вѣдомо, что за грѣхи наши послалъ Господь этотъ народъ, и онъ благополучно приходитъ, поражая насъ въ голову, какъ сухожильемъ. Ибо грѣхъ—ужасное дѣло. Развѣ не знаешь ты, что Господь послалъ Иисуса, сына Навина, дабы онъ разрушилъ многіе и крѣпкіе города и предалъ

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археограф. Комиссія, СПб. 1872, стр. 42—44.

смерти ихъ царей, собравшихся на рать противъ Израиля? Господь вознегодовадь на нихъ за ихъ прегрѣшенія и предадь ихъ въ руки израильтянь, а они умертвили ихъ всѣхъ остриемъ меча, уничтожили въ конецъ, а земли ихъ подѣлили по жребію. Пойми теперь, что вслѣдствіе этого и насылаются на страны враги, дабы истребить живущихъ въ нихъ за ихъ прегрѣшенія.

«Когда тотъ священный старецъ такъ отвѣтилъ вопрошавшему его, иже во святыхъ отецъ нашъ Василій, вмѣшавшись, сказадь: Вотъ я вижу, что сегодня въ этотъ часъ, поганые угры, пытавшіеся перебраться черезъ Дунай, утонули въ его струяхъ, немногіе же, оставшіеся отъ нихъ по устроению Божию, возвратились въ свою землю ничего не совершивъ, а насъ Господь спасъ отъ ихъ руки по своему милосердію. — Когда всѣ мы, тамъ присутствовавшіе, удивлялись пророчеству святого и размышляли про себя, вонистину ли такъ все обстоитъ и случилось касательно ихъ, какъ объявилъ святой, и стремились узнать и удостовѣриться въ словахъ, сказанныхъ св. Василіемъ, не прошло четырехъ дней, какъ пришло въ столицу донесеніе стратига Македоніи, достовѣрно докладывавшее и свидѣтельствовавшее объ уграхъ, что все такъ приключилось, какъ предсказадь святой. Изъ этого можно усмотрѣть, сколько, далеко или близко, видятъ мысленными очами люди просвѣтленные Святимъ Духомъ, служители Господа: находясь въ Константинополѣ святой прозрѣль совершавшееся въ Уграхъ, будто былъ тамъ лично.

«Пришедшу мнѣ въ другой разъ къ блаженному и сотворившу по обычаю поклонъ и принявшу отъ него благословеніе и обратившуся мнѣ, чтобы сѣсть по близости его, по обыкновенію, предстоящу множеству достойныхъ людей, а святому поучающу и наставляющу всѣхъ къ пользѣ души и спасенію — внезапно возрѣвъ, онъ рекъ мнѣ: Знаешь-ли, чадо Григоріе, что имѣеть приключиться съ царствомъ ромеевъ въ четырехъ-мѣсячный срокъ? Я же говорю ему: Не знаю, господинъ мой. Онъ сказадь: варварскій народъ придетъ сюда на насъ свирѣпо, называемый Росъ и Огъ и Могъ. Я говорю ему: Господине мой, господине,

неужели онъ возьметъ градъ сей? Онъ сказалъ: Матерь Господа нашего Иисуса Христа не попуститъ, чтобы этотъ градъ попалъ въ руки ея враговъ, ибо онъ данъ Господомъ ей въ удѣлъ, и она съумѣетъ защитить его¹⁾. А тотъ народъ придетъ попущеніемъ Божиимъ за наши грѣхи и опустошитъ области по ту сторону, отъ рѣки Ривы и далѣе. И много ранъ они учинятъ и выжгутъ весь берегъ отъ Хрисополя до мѣста, называемаго Гіэрдъ, и дальше. Тогда выйдетъ противъ нихъ съ достаточнымъ войскомъ Патрикій Фока, который по маломъ времени станетъ магистромъ и domestikомъ тяжело-вооруженной императорской стражи; съ нимъ Феодоръ, святѣйшій стратигъ, по прозванію Спонгарій. Выйдетъ имъ на помощь и domestikъ Панфиръ съ сорока тысячами воиновъ, обнажившихъ мечи, умѣлыхъ въ битвѣ. Представительствомъ Богородицы, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ они одолѣютъ враговъ, изъ которыхъ одни падутъ отъ меча, другіе обратятся въ бѣгство и, захваченные на пути, падутъ отъ страшнаго недуга, разслабленія желудка; отъ этого они погибнутъ, и лишь немногіе изъ оставшихся спасутся въ свою землю, въ свидѣтельство приключившагося съ ними, и не одолѣютъ христіанъ, а пойдутъ, какъ я тебѣ раньше говорилъ. Ибо въ эту ночь, когда я стоялъ на молитвѣ, я узрѣлъ себя восхищеннымъ въ видѣніи и стоящимъ въ землѣ тѣхъ неразумныхъ; и вотъ какой-то юноша показалъ мнѣ съ высоты рукою, бѣдою какъ снѣгъ, ихъ приготовленія и совѣщанія и коварные замыслы и снаряженіе судовъ и всю ихъ поклажу. И вотъ голосъ вѣщалъ мнѣ: На моихъ сыновъ и дочерей я пошлю этотъ народъ, ибо блудомъ и прелюбодѣяніемъ и мужеложствомъ и всякими злыми дѣлами они оскверняютъ мое святое, пречудное и преславное имя. Я взглянулъ и

¹⁾ Что Царьградъ составляетъ удѣлъ Богородицы и пользуется ея особымъ покровительствомъ, это было установившееся византийское преданіе. См. житіе Андрея Юродиваго: «вдавъ бо есть (Константинополь) даромъ Богородицы, да никто же можетъ отнати его отъ честныхъ рукъ ея». См. Сахарова, Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныя въ древней Руси (оттискъ изъ Христ. Читенія 1888 г. № 11—12, стр. 42—48).

увидѣлъ: вотъ они начали являться; тутъ я пришелъ въ себя. И такъ знай, сынъ мой, что идутъ на насъ нечистые народы, попущеніемъ Божиимъ, за наши грѣхи.

«Такъ бесѣдующу со мною блаженному и достопочтенному отцу нашему Василию, великій трепеть и ужась и вѣстуженіе объяли меня; бывшіе тамъ со мною и слышавшіе эти рѣчи святого вняли гласу рѣчей, а что объявилъ имъ святой тѣми словами — этого не далъ имъ понять праведный, ибо часто въ немъ дѣйствовала благодать Господня такъ, что одни получали способность разумѣть и познать реченное, коли онъ желалъ и хотѣлъ, другіе же, коли онъ не желалъ, не познавали того. Когда я удался оттуда, многіе изъ бывшихъ тамъ приставали ко мнѣ, говоря: Просимъ тебя, господине брате, повѣдай намъ, о чемъ бесѣдовалъ съ тобою праведный, ибо мы слышали его рѣчи, но что такое говорилъ онъ тебѣ, не въ силахъ уразумѣть. Я отвѣчалъ имъ, что народъ Росъ и Огъ и Могъ идетъ на насъ попущеніемъ Божиимъ за наши грѣхи, и рассказалъ имъ точно, что повѣдалъ мнѣ святой. Не было еще тогда въ городѣ вѣсти объ этихъ рѣчахъ, а черезъ нѣсколько дней распространилась вѣсть во дворцѣ и между жителями города о ихъ набѣгѣ на насъ; а черезъ нѣсколько дней херсонскій стратигъ прислалъ къ царю донесеніе, заявлявшее объ ихъ нашествіи и о томъ, что они уже приблизились къ этимъ областямъ. Не по многу времени они подошли къ Гіард; царскій флотъ, выступившій противъ нихъ, какъ предрекъ человекъ Божій, не пустилъ ихъ войти въ городъ, а они пробрались до Ривы, простырая свои набѣги до Ираклійскаго моря и Пафлагоніи и пройдя всю Никомидійскую стратигію много людей поранили и выжгли весь берегъ Стена, какъ ранѣе объявилъ служитель Бога. Тогда явился съ востока domestikъ Памфиръ съ сорока-тысячнымъ войскомъ, также Патрикій Фока съ большимъ войскомъ македонянъ, и Феодоръ святѣйшій стратигъ, по прозванію Спонгарій, съ большимъ отрядомъ еракесійцевъ. Обойдя безстыдныхъ псовъ, свирѣпо заявившихъ на насъ, они заперли ихъ въ средину, не дозволяя имъ выходить изъ су-

довъ на пагубу христіанамъ; но богѣе всего ихъ объять страхъ и сильный трепеть, они хотѣли тайно скрыться, избѣгая рукъ нашихъ воиновъ, но не могли, боясь нашего флота, сторожившаго ихъ и надзираваго за ними. Осмѣлившись, будучи побуждаемы насильно, они выходятъ очертя голову противъ Ромеевъ, и въ послѣдовавшей боевой схваткѣ Россы были на голову разбиты; одни пали отъ меча, другіе изъ ихъ среды обратились въ бѣгство, тайно удалившись съ наступленіемъ вечера, когда нашъ флотъ стоялъ у Гіэро. Когда авангардъ развѣдалъ объ ихъ бѣгствѣ, дабы дать знать о томъ нашему богоспасаемому флоту, бѣльшая ихъ часть уже успѣла бѣжать, но настала ихъ конецъ. Въ послѣдовавшей стычкѣ, орудуя и пользуясь такъ называемымъ свѣтлымъ огнемъ или сварядомъ, наши жгли ихъ. Было страшное зрѣлище, ибо, боясь огня, проклятые произвольно кидались въ глубь моря, предпочитая утопиться въ водѣ, чѣмъ быть сожженными огнемъ, но уничтожаемые тамъ и здѣсь погибли по пророчеству святого: одни сгорѣли, другіе бросились по собственному изволенію въ морскую пучину, иные, будучи схвачены, стали рабами. Такъ кончилось ихъ предпріятіе; спасшіеся изъ рукъ нашего флота, перемерли по дорогѣ отъ страшнаго расслабленія желудка; немногіе ушли во свояси, чтобы рассказать тамъ, что съ ними было и что они претерпѣли по мановенію Божию. А нашъ святой отецъ Василій, съ того часа какъ явились незаконные россы, не переставалъ дневно и ночью со слезами и плачемъ возсылать къ человеколюбцу Господу молитвы и прошенія, дабы отвратить Его праведный гнѣвъ».

Знатокамъ византійской исторіи судить объ исторической стоимости этого повѣствованія и его отношеніяхъ къ другимъ лѣтописнымъ. Всего ближе онъ стоитъ къ разсказу нашей лѣтописи, такъ что предположеніе одного общаго источника представляется вѣроятнымъ. Тѣ-же мѣстности: Ираклея, Панагонія и Вивенія, куда относить насъ и рѣка Рива ¹⁾; то-же преду-

¹⁾ Соеобщеніе В. Г. Васильевскаго.

См. также II Отд. II. А. II.

Вардой Фокой и его сыномъ Никифоромъ (Никифоръ II, 963—969), по объясненію Саеы. Если признать тождество Варны съ Фокой Вардой, то его сопоставленіе съ Порфиромъ отвѣчаетъ такому же въ разсказахъ лѣтописи и житія: Фоки съ Панфиромъ. Къ сожалѣнію, ни о томъ, ни о другомъ житіе не сохранило никакихъ чертъ, которыя указывали-бы на возможность ихъ позднѣйшей идеализаціи въ народной пѣснѣ. Нѣчто подобное сообщается, наоборотъ, о Константинѣ Дукѣ: сказанное о немъ напоминаетъ сходные византийскіе отзвыы о Никифорѣ Фокѣ ¹⁾. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ житія (рпк. л. 15 лиц. — 16 лиц.; сл. AASS. I. с. прилож. § 10, стр. 22²⁾): Ἦν γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ ἀνὴρ εὐστοχῶτατος πάνυ καὶ φοβερός ἐν τοῖς πολέμοις, ὡς πλειστάκις τοὺς βαρβάρους ἐρωτωμένους παρὰ τινων αἰχμαλώτων, πῶς εἰς ἀνδρῶπος αὐτοῦς τρέπει, ὁ δηλωθεὶς δηλαδὴ, φάναι: ὅταν πρὸς ἡμᾶς οὗτος ἐκπορεύηται πρὸς συμπλοκὴν πολέμου, πῦρ φλέγον ἀπὸ τοῦ ἄσθματος τοῦ ἔκπου αὐτοῦ ὁρῶμεν ἔξερχόμενον, πρὸς δὲ καὶ ἀπὸ τῶν ὀπλῶν αὐτοῦ, καὶ κατακαίον ἡμᾶς ἐδαφίζει· καὶ γὰρ κάκεινος πολλάκις τισὶ διηγήσατο περὶ τοῦδε τοῦ χαρίσματος, ὅτι ἐν τῇ νεότητί μου καθεύδοντός μου, ἰδοὺ γύναιον ἐνδοξώτατον πορφυροφοροῦν καὶ ἔκπος πύρινος ἅμα αὐτῇ καὶ ἄρματα πῦρ φλέγον ἀφιέντα, καὶ εἰρηκὲ μου· Ἀναστάς ἐπίβηθι τῷ ἔκπῳ τούτῳ, καὶ ἐπέβην. Καὶ αὖθις: Ὀπλίσθητι τοῖςδε τοῖς ἄρμασι, καὶ ὀπλίσθην. Καὶ εἶπε μοι: Ἐσχτήσονται οἱ ἐχθροὶ τοῦ υἱοῦ μου οἱ βλασφημοῦντες αὐτὸν ἀπὸ προσώπου μου. Καὶ εὐθὺς ἀπέπηθ.

Эти подробности отзываются чѣмъ-то народно-эпическимъ ²⁾— въ уровень съ популярностью Константина Дуки. Известно, что его отецъ Андроникъ бѣжалъ съ сыномъ къ сарацинамъ, спасаясь отъ гнѣва Льва VI, и тамъ принялъ мусульманство, тогда какъ Константинъ предпочелъ скорѣе отдаться на милость императора, чѣмъ измѣнить своей вѣрѣ. Императоръ назначилъ его

¹⁾ См. мой отчетъ о книгѣ г. Сырку въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. ССXXXI, Января, стр. 80—1 и прил. 1.

²⁾ См. такой же баснословный разсказъ о Валамирѣ, Южно-русскія былины, вып. 2-й, стр. 286, прил. 1.

командующимъ на юго-восточной границѣ, гдѣ его храбрость и щедрость снискали ему любовь войска. Впослѣдствіи онъ начальствовалъ отрядомъ въ Малой Азии и на столько обратилъ на себя вниманіе, что придворная партія, съ патриархомъ Николаемъ во главѣ, пригласила его свергнуть ненавистное ей регенство въ малолѣтство Константина Порфиророднаго. Попытка была неудачна, трагическая судьба Константина рассказана въ житіи Василія съ полной симпатіей къ нему и жестокими укорами патриарху, не *Νικόλαφ*, а скорѣе *Ἠετηλάφ* или *Ἀγρικόλαφ*.

«Сынъ Андроника» въ известной греческой былинѣ, комментированной Бюдингеромъ и др.²⁾, если ужѣ искать къ нему историческій прототипъ, не отвѣчаетъ ли Константину, сыну Андроника? Въ преданіи не произошло ли перемѣщеніе, отличающее пѣсню отъ историческаго факта? Мы знаемъ, что Андроникъ остался у сарацинъ, сынъ ушелъ въ Византію; въ пѣснѣ послѣдній рождается въ сарацинскомъ плѣну — и ѣдетъ отыскивать отца своего Андроника. Если въ пѣснѣ говорится, что герой не боится «ни Петра Фоку, ни Никифора, ни Петротрахила, ... а будь война праведная, то и *Константина*», — мы, быть можетъ, вправѣ объяснить это обмолвкой преданія, случайнымъ забвеніемъ отношеній при неслучайномъ удержаніи имени.

Я, впрочемъ, не стою за мое объясненіе, вызванное эпизодомъ житія, столь популярнаго на Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ столь мало изученнаго, не смотря на свой разносторонній интересъ.

Къ стр. 68. *Монастырь Музалона*. Известны патриархъ Константинопольскій *Νικόλαος Δ' Μουζάλων* (1147—1151 г.), Іоаннъ патрикій, по прозванію Музалонъ, стратигъ Калабріи при Никифорѣ Фокѣ (Седген. II, 355) и (по монетѣ) архонтисса русская Θεοφανὸ Μυζαλονισσα (XI—XII вв.); но вѣроятнѣе всего, что дѣло идетъ о монастырѣ, устроенномъ зятемъ императора Θεοφана, армяниномъ *Ἀλέξιος τοῦνομα, Μουσελε τὴν ἐπωνυμίαν*

²⁾ См. Дестунисъ, I. с., стр. 68 слѣд.

(Theophanis Contin., ed. Bonn., стр. 107). Когда онъ пошелъ въ монахи, императоръ предоставилъ ему три монастыря; ἀλλ' ἐκεῖνος ἐπεὶ ποτε . . . κατὰ τὸν Ἀνθεμίου τόπον ἐγένετο, . . . Ελεγεν δὲ ὡς ἕκαστον τῶν σεμνείων τῶν οἰκοδομοῦντων φέρει τὴν κλῆσιν ἀθάνατον, εἴλετο τοῦτον διὰ βασιλικῆς προστάξεως ἐξωνήσασθαι καὶ ἴδιον κατασκευάσαι . . . ἔδεν καλῶς ἐποικοδομήσας καὶ εἰς μοναχικὴν τάξιν ἀγαγὼν ἐκεῖσε τὸν βίον ἐκλιμπάνων ἐτίθη, τὸν τάφον καὶ τὴν αὐτοῦ ἀκῶθεν ἐπιγεγραμμένην εἰκόνα μάρτυρα ἔχων τῶν λεγομένων (ib. стр. 109). Ἀλέξιον δρουγγάριον τῆς βίγλης φ' ἐπίκλην Μωσηλὲ мы встрѣчаемъ подѣ 790 годомъ (Нармат. 667). Слѣдующими свѣдѣніями о Муселе или Мосиле я обязанъ проф. Васильевскому: въ исторіи правленія Романа Лекапина, въ разсказѣ о событіяхъ 922 года, упоминается ὁ πατρίκιος Ἀλέξιος καὶ δρουγγάριος τῶν πλωίμων ὁ Μωσηλὲ (Cedren. II, 299; Нармат. 819—820); въ одной новеллѣ Василія II, 926 года, въ собственноручной припискѣ царя, говорится о внукахъ Романа Муселе, пришедшихъ въ крайность благодаря законамъ о давности: τελείαν ἔνδειαν, οἷα καὶ παρὰ τῆς βασιλείας ἡμῶν ἔπαδον οἱ τοῦ μαγίστρου Ρωμανοῦ τοῦ Μουσελὲ ἐγγονοὶ (Zachariae, Jus Graecogom. III, 312). Ο монастырѣ Анѳемія и ο Мосиле сл. Ducange, Constantinopolis Christiana, p. 159.

Къ стр. 70, строка 9 сверху: (φρενήρης): φρενιτικός?

Къ стр. 72, стр. 19—21 сверху: домъ императора Романа ἐν τοῖς παλατίοις Ἐλευθερίου ἀνωτέρω τῆς πόρτης τοῦ ἀγίου Στεφάνου. Ворота св. Стефана въ Дюканжа (Constantinopolis Christ.) неизвѣстны; палаты и пристань Елевөөерія находились на мраморномъ морѣ (Ducange, l. c., стр. 61, 130), по близости Золотыхъ воротъ, гдѣ, судя по надписи (Paspati, Βυζαντιναὶ μελέται, стр. 58) стояла и построенная императоромъ Романомъ башня: ἤγειρε Ρωμανὸς νέον . . . πύργον (сообщено В. Г. Васильевскимъ).

Къ стр. 75, строка 5 снизу: ркп. ἐπί τε τῇ ὑπὲρ χυρσίου εὐρέσει.

Къ стр. 81. Монастырь *Флора и Лаора* или τῶν Φλώρων находился близъ монастыря *св. Фимина*, близъ Романовыхъ воротъ, какъ показываетъ Антоній (Путешествіе Новг. архіеп. Антонія, изд. П. Саввантовымъ, стр. 137 и прим. 168), но мощи св. Василія онъ помѣщаетъ (стр. 181 и прим. 289) въ Хризополѣ = Скутари.

II.

Повѣсти ѡѣца Пафнута.

По Синод. ркп. № 927, XVI в. (л. 80 л. — 85 л.).

(л. 30 лиц.) Повѣда намъ ѡѣць Паонутіе въ время в неже бѣ великій моръ в лѣто 75. ц. 7е. го, и мерли болачкою, глѣмою прыще, и кому оумереть, и прыще той на не снѣ (л. 30 об.) бываше, и три днѣ болѣвъ оумираше, и который себе берегли, и ѡни с покааніемъ и в черньце животъ скончеваху, елицже нечювьственны, питию прилежаху, занеже множество меду пометнута и презираемо бѣ, ѡни в толико нечюствіе прійдоша злаго ра пѣанства, единъ ѡ пюци в незапу па оумираше, ѡни же ногами по лавку вѣхавъ паки прилежаху питію; и не точію ме не брего бѣ тогда, но и ризы и всако бгѣтельство. которымъ же живы быти, ино на ни болачька та черлена, и много лежат да мѣсто то выгнѣтъ и не оуміраю. И немного тѣхъ но мало зело ѡсташаса людей, и тѣи точію злато и сребро възима(л. 31 л.)ху, а ѡ ино не брегуще ни ѡ че. наказаніе же то бжїе іако вѣдомо бгѣ сотвори, кому оумрети или живу быти, занеже въ три днѣ мочно покаатиса, и в черньци постриписа, елицже нечювьствіемъ содержими, и въ такомъ наказаніи и гнѣвѣ бжїи посланнѣ ѡ бга погибоша, іако нечювьственнїи скоти. маложе и рѣдко ѡстаса людей. Глше же бжєннїи ѡѣць Паонутіе, іако в той моръ нѣкаа иноквино оумре и помагѣ въ тѣло вѣвратиса, глше же іако многи видѣ тамо, ѡвы в раи, ині в муцѣ и ѡто

иноческаго чину и ѿ сущи въ мирѣ, и елицѣ повѣда и ра'судиша по житию ихъ и ѡбрѣтеса истина.

Ѡ велико кнѣзе иване даниловиче.

(л. 31 об.) Видѣ, глше, въ рай кнѣза велика Ивана Даниловича, нарицаху же его Калитою сего ра^м: бѣ бо мѣтвѣ зѣло и ношаше при поѣсѣ калиту всегда насыпану сребреницѣ, и кудѣ шествуа дааше нищѣ^м сколько выметса. единый же ѿ нищѣ^т взе^т ѿ него мѣтвию, и по малѣ той же приде. Ѡ же и вторицею да ему. и пакѣ ѿ тойноуду заше^т просаше. ѡн же и третие дасть ему ре^т: Възми, несытый зѣницы. ѿвѣщав же ѡнъ рече ему: Ты несытый зѣницы, и зѣѣ цѣтвуешь, и тамо хочеш цѣтвovati. И ѿ сего глвѣ ѣ яко ѿ бга посланъ баше искушаа его и извѣщаа ему яко по бзѣ баше дѣла его еже творитъ.

Ѡ видѣ(л. 32 л.)ни сна велико кнѣзя Ива^м Даниловича.

Сн видѣ сѣ: мнашеса ему зрѣти яко гора бѣ великаа, на верху еа снѣгъ лежаше. и зращу ему, абѣ истаѣ снѣгъ изгыбе и помале такоже и гора изгыбе. въвѣсти же видѣние прициному митрополиту всеа Русии Петру. ѡн же рече ему: Чадо и снѣ дхѡвны^т, гора ты еси, а снѣгъ азъ, и пре^т тебѣ мнѣ естъ ѡтойти ѿ жизни сеа, а тебѣ по мнѣ. и перъвѣе пресѣданныи митрополит всеа Руса Петръ преставися в глѣ. 5. ѡ. 14. декабря въ .ка., а кнѣз велики Иванъ Даниловичъ. ѿ. м. б. е¹) престависа, и добры^т ра^м его дѣлъ пре^треченнаа инокини видѣ его в рай. И ше^т же ѿ туду и мѣста мучнаго не^т(л. 32 об.)ше^т и видѣ ѡдръ и на не^т пса лежаща, ѡдѣана шубою соболѣю. ѡна же въпроси водащаго еа глѣ: что ѣ сѣ? ѿ же ре^т: се естъ щербетьника сего гарани^т 2) мѣтвы^т и добродѣтельныи, неизреченныа ра^м его мѣтви избави

¹) Въ спискѣ библиотеки Троицкой Лавры (XVI в.), изданкомъ проф. Некрасовымъ: а б м д.

²) Въ текстѣ у Некрасова: щербетьникъ мѣтвыи.

ѣго бѣтъ ѡт муки, и ꙗко не пощася стажати истинную вѣру и не породися водою и духо^{мъ}, не достойнъ бы внияти в рай по гнѣю словеси: иже не родятся водою и дхѡмъ не вниде^{тъ} въ црѣтво пбное. толико же бѣ мѣтвъ, всѣхъ искупа^{лъ} ѡт-го всакиа бѣды и ѡт долгу и пускаше¹⁾, и по ѡрда^{мъ} посыла^{лъ} в плененыа хрѣтіаны искупуа пускаше, и не точію человеки, но и птица ѡт оуловившихъ искупуа пускаше. Показа же гѣ по члѣкому ѡбычаю: зло(л. 33 л.)вѣрїа ра^{мъ} єго в песіе^{мъ} ѡбразѣ, милостынн^{мъ} чѣное многоцѣнною шубою ѡбѣавп, єюже покрываемъ избавленіе вѣчныа муки назнамена: тамо бо и невѣрныа дша не въ песіе^{мъ} ѡбразѣ будутъ, ниже шубами покрываются, но ꙗко^{мъ} рѣхъ, псо^{мъ} зловѣрїе єго ѡбѣави, шубою^{мъ} чѣное мѣтвыни. Виждь ми величество мѣтвыни, ꙗко и невѣрныа^{мъ} помогае^{тъ}.

Ѡ Витоете.

Потомъ же веде єа в мѣсто м(у)ченїа, и многи видѣ тамо в мука^{хъ}, иже сложиша по житїа^(мъ), и ѡбрѣтеса истинна. Видѣ тамо во ѡгнѣ члѣка велика суца в'здѣпней славѣ, латыньскїа вѣры суца, и мурина страшна стоаща и ємлюща клещами изо ѡгна златица, и в ро^{тъ} мечюща єму и глїюща: Сице насы(л. 33 об.)тиса, ѡкааніе. И другаго члѣвка въ сей жизни прозавіемъ Петела, иже оу велика зѣло и слава члѣка любви бѣ, и ѡт таковыа прїча неправедно стажа мно^{ство} бгѣтства, и того видѣ нага и ѡгорѣвша ꙗко главню и носца ѡбойми горьстymi златїца и всѣ^{мъ} глѣше: Возмите, и никтоже рачаше взати. И сїа показана бы члѣкїи же ѡбычаемъ, ꙗко неправды ра^{мъ} и лихон^{ства} и сребролюбїа и немлрада таково ѡсужденїе прїаша, тамо бо ѡсуженный не иму^{мъ} ни златиць ни сребрепиць, и даемы никто^{мъ} требусть и^{тъ} взати, но показа гѣ тѣ ѡбразо^{мъ} чего ра^{мъ} ѡсужени быша, не точію же тѣхъ, но и добродѣтели прилежащи^{тъ} телесныа ѡбразо^{мъ} показусть (л. 34 л.) чесо ради спасенїа быша²⁾.

1) Въ текстѣ Некрасова: искупаше.

2) На этомъ обрывается текстъ, напечатанный проф. Некрасовымъ.

Ω мѣтныи.

Глѣше же ѿ се блѣжнѣи ѡцѣи ншѣ, ꙗко можеѣ ѿ єдиѣа мѣтныи сѣи ги чловека ꙗще закопѣно живеѣ. слышаѣ пѣкоегѣ чѣка ꙗко до скончанѣа живота твораше мѣтныю, ѿ скончавшюуса єму, ꙗко же пѣкоєму ѡкровено блѣи ѡ немѣ, проведенѣ бы к рецѣи ѡгнелѣи, ꙗ на другой странѣ рѣки мѣсто злочно ѿ свѣтло зѣло ѿ различныѣ садовнѣмѣ оукрашено. не могущу же єму преѣти въ чюдное то мѣсто страшныа раѣ рѣки, ѿ се вънезапу прѣидоша нищѣи множество ѿ преѣ ногами єгѣ начашаѣ класти по раду, ѿ сѣтвориша ꙗко мостѣ чрезѣ страшную ѡну рѣку, ѡнѣ же преѣде по ниѣ въ чюдное то мѣсто. Можаше бо бѣгѣи ѿ беѣ моста превести реку ѡну, пишсѣ бо ѡ Лазарѣ, несеѣ быѣ (л. 34 об.) агѣлы на лоно Авраѣмле, ꙗще ѿ пропасть велика бѣ промежу праведныѣи ѿ грѣшныѣи, ѿ не потребова мосту на прешествѣе, но нашаа раѣи пользы таковыѣи ѡбразѣи показа ѡсуженѣе грѣшныѣи ѿ спсєнѣе прѣѣпаго, ꙗко да увѣмы чєсо раѣи ѡсужєнн быша, такоже ꙗви чєсо ради прѣѣныѣи спсєнѣи быѣ. Поѣбно тому ѿ вѣ бесѣдаѣ Григорѣи Двоєсловца писано: чрезѣ реку ѡгненую мостѣ, на неѣи искусь, грѣшныѣи же в тоѣи искусе оудержани бываху ѡ бесѣи ѿ во ѡгненую рѣку помѣтаємн, ꙗ на той странѣ рѣки такоже мѣсто чюдно ѿ всакии добротаи оукрашено, правєѣи же не оудержани бываюѣтѣи ѿ искусѣи, но со многыѣи дерзновєнѣиѣи преходаѣ в чюдное то мѣсто. — И ѿно мно (л. 35 лиц.)го таѣи писано ѡ правєѣныѣи ѿ грѣшныѣи по чѣчкѣи ѡбычаю показасѣи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ,

ВЪ XLVI ТОМЪ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Римская цифра означаетъ номеръ статьи; арабскія же цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго номера.

Авсваріусъ, Н. П. Доставленные имъ образцы бѣлорусскаго нарѣчія разныхъ мѣстностей. XIII—XX.

Академическій словарь. Записка, составленная предѣдательствующимъ по новоду словаря. II. — Объяснительная записка о новомъ изданіи словаря. XIV—XXI. — Занятія по приготовленію его. 2. 1—3.

Академія Наукъ. Назначеніе президентомъ ея великаго князя Константина Константиновича. III. IV. — Краткій очеркъ исторіи Академіи. IX—XIII.

Амелино. Contes et romans de l'Égypte chrétienne. 6. 295.

Амфилохъ - Evalachъ въ легендѣ о св. Грагѣ. 6. 331—349.

Анжела Нардо Сибеле. Superstizioni Bellunese e Cadornini. 6. 320. 321.

Арназонъ. Islonzkar Pjödžgur. 6. 156.

Арноденъ. Contes populaires dans la Grande Bretagne. 6. 154.

Асбогъ. Der Garabonczás diak nach der Volksüberlieferung der Magyaren. 6. 141.

Аубахеръ. Ein Volksbüchlein. 6. 158.

Афанасьевъ, П. В. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. 6. 4. 54. 168. 174. 264. 265. 269. 270. 289. 295. — Народныя русскія легенды. 6. 66. 200. — О культѣ предковъ венетовъ у южныхъ славянъ. 6. 177. 190. 191. 193. 195. 199. 201. 208. 219. 221. 222. 225. 226. 228. 233. 235. 238. 243. — Сказки. 6. 248.

Баллозъ. Capitularis reg. Francorum. 6. 311.

Сборникъ II Отд. Н. А. К.

Барсовъ. Народныя преданія о миротвореніи. **В.** 39. 61. 196. 198.—
Изданная имъ повѣсть о «Морѣ тиверіадскомъ». **В.** 41.—Причитанья сѣ-
вернаго края. **В.** 120. 175. 250. 253.—Сѣверныя сказанія о лембохъ
и удѣльницахъ. **В.** 186. 211. 235.—Слово о Полю Игоревѣ. **В.** 293.

Батюшковъ, К. Н. Изданіе его сочиненій. См. **Майковъ, Л. Н.**

**Безразличныя и обоюдныя въ житіи Василія Нового и народной
аскатологін.** **В.** 117—172.

Безсоновъ. Калѣки переходячіе. **В.** 119.

Бекстронъ. Svenaka Folkböcker. **В.** 154.

Бенвенутосъ де Имолла. Com. Super (sumtibus G. Warren Vernon cur.
S. Ph. Lacaita). **В.** 172.

Берингъ-Гульдъ. Curious Myths of the Middle Ages. **В.** 303.

Бехтеревъ. Его статья: Вотяки. **В.** 5.

Бехтольдъ. Einundzwanzig Fabeln, Schwänke und Erzählungen des XV
Jhrts. **В.** 153.

Библиографія русскихъ церковныхъ изданій. Прибавленія къ ней.
См. **Калужняцкій, Э. I.**

Бладе. Contes pop. de la Gascogne. **В.** 164.

Богавскій. Очеркъ бита сарапульскихъ вотяковъ. **В.** 28.

Больте, Ior. Das Märchen von Hans Pfriem. **В.** 156.

Бугге. Studien über die Entstehung des nordischen Götter und Helden-
sagen. **В.** 308. 355. 367.

Будиловичъ. XIII Слово Григорія Богослова. **В.** 212.

Буличъ, Н. И. Его разборъ написанныхъ Л. Н. Майковимъ статей о
жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова. **Л.** 2—45.—Присужденіе ему
золотой Пушкинской медали. **Л.** 78.

Буслаевъ, Ф. Н. Привѣтственная ему телеграмма II Отдѣленія по
поводу 50-лѣтія педагогической и учено-литературной его дѣятель-
ности. III. IV.—Благодарственное его письмо Отдѣленію. IV.—Объ из-
мѣненіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ новомъ 7-мъ изданіи «Учебной Грамма-
тики». V.—Его труды въ 1888 году. **2.** 3.—Очерки. **В.** 145. 160.

Бычковъ, А. Ф. Ему поручено рассмотреть библиографическую статью
Калужняцкаго о неизвѣстныхъ проназведеніяхъ русской церковной пе-
чати. II.—Разборъ «Въ сумеркахъ. Разказы и очерки А. Чехова». **Л.**
46—53.—Труды его въ 1888 г. **2.** 5—6.

Бѣлорусскій словарь П. В. Шейна. Печатаіе 2-го тома этого труда
подъ наблюденіемъ академика А. Ф. Бычкова. **2.** 5.

Бѣльскій, Л. П. Присужденіе ему Пушкинской преміи въ 300 руб.
за переводъ финской эпикен «Калевала». **Б.** 1.—**В.** 101. 108.

Вакернагель. Das Lebenlicht. **В.** 193.

Валь. De Moedergordinne, eene oudhei denkundig- mythologisch Verhandeling. **В.** 191.

Валькири — Wells, Ἡλύσιον πεδίον. **Вила** — Viola. **В.** 287—304.

Вальевецъ, Narodne pripovjedke. **В.** 188—288.—О радjenicah i sudjenicah. **В.** 201. 209. 215. 216. 220.

Вазовъ и **Величковъ**. Болгарская христоматія. **В.** 41. 52.

Варлаамъ, архим. Описание Сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. **В.** 235.

Васильовскій. Замѣтка о Гилло. **В.** 324.

Вейнгольдъ, Die Sagen von Loki. **В.** 95. 114.

Верещагинъ. Вотяки Саранульскаго уѣзда Вятской губерніи. **В.** 361. 366.

Верещагинъ, Гр. Вотяки Сосновскаго края. **В.** 367.

Верковичъ. Описание быта болгаръ, населяющихъ Македонію. **В.** 53.

Веселовскій, А. Н. Командированіе его отъ Академіи Наукъ на празднованіе 500-лѣтняго юбилея Болонскаго университета. I.—Ему поручено разсмотрѣніе рукописи Лопарева: «Іерусалимская повѣсть XVI вѣка». II.—Заявленіе о приступленіи къ продолженію своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха». V.—Его записка объ ученыхъ трудахъ Л. Н. Майкова. V. VI.—Его разборъ: «Тартюфъ. Комедія Мольера». Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. I. 53—72.—Присужденіе ему золотой Пушкинской медали. I. 78.—Помѣстилъ въ Сборникъ II Отдѣленія продолженіе своихъ изслѣдованій: «Изъ исторіи романа и повѣсти». 2. 6—8.—**В.** 269.—Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. **В.** 1—376.—Приложеніе. **В.** 1—106.—Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврабѣ. **В.** 4.—Die russischen Todtenklagen. **В.** 120.—Андрей Критскій и сказаніе объ аюостога Андрѣ. **В.** 200.—Южно-русскія быльни. **В.** 229.—Опытъ по исторіи развитія христіанской легенды. **В.** 247.—Новости по изученію италіанской литературы. **В.** 262.

Вигфуссонъ, Corpus poeticum boreale. **В.** 183. 184. 194.

Видтеръ, **Вольфъ** и **Келеръ**, Volksmärchen aus Venetien. **В.** 154.

Вилькепъ. Die prosaische Edda im Auszüge nebst Völsungasaga u. Nornagestapátr. **В.** 194.

Вислоцкій. Zauber und Besprechungsformeln der transilvanischen und sädungarischen Zigeuner. **В.** 195.—Märchen und Sagen der transilvanischen Zigeuner. **В.** 356.—Eine Schöpfungssage der transilvanischen Zigeuner. **В.** 357.—Zu den «Drei Mareien». **В.** 370.

Владимировъ. Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ. **В.** 201. 249.

Вальтеръ. Латшскій Сборникъ. **В.** 175. 243.—Матеріалы къ этнографіи латшскаго племени Витебской губерніи. **В.** 187.

- Виссендерофъ.** *Légendes mythologiques lettonnes.* 6. 74.
- Вольфъ.** *Niederländische Sagen.* 6. 143.—*Beiträge zur deutschen Mythologie.* 6. 310. 315. 316.
- Востоковъ.** *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языковъ.* 6. 214.
- Врчевичъ.** *Nagodne privovjetke.* 6. 230.
- Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ.** См. Отдѣленіе русскаго языка и словесности.
- Вяземскій.** *Его Сборникъ.* 4. 11.
- Въ сумеркахъ.** См. Чеховъ, А. П.
- Гасвская, вдова В. П.** О возвращеніи Отдѣленію переданныхъ покойному мужу ея доставленныхъ Андр. Ав. Никитинимъ протоколовъ и другихъ бумагъ бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности. II.—Возвращеніе ея этихъ бумагъ въ Отдѣленіе. III.
- Галаховъ.** *Исторія русской литературы.* 6. 250.
- Галатовскій.** *Легенда объ Амфилогѣ.* 6. 375.
- Гальке, И.** *Нар. звичань кодъ Обручель.* 6. 238.
- Ганка.** *Письма къ нему Конитара.* 2. 8.
- Ганъ, Albanesische Studien. 6. 188. — *Griechische und albanesische Märchen, Sachverzeichnis.* 6. 221.**
- Гаугъ.** *The book of Arda Firaf.* 6. 170.
- Ганне.** *Glossaire a. v. halegrin.* 6. 316.
- Гебауеръ.** *Его статья въ Filol. listy.* 4. 20.
- Гельгрень (Helgren).** *Переводилъ, подъ руководствомъ профес. Буслева, финскую поэму Калевала на русскій языкъ и издалъ нѣкоторыя части своего стихотворнаго перевода.* 5. 5.
- Гельцеръ.** *Die griechischer Volksschriftsteller des 7 Jahrhunderts.* 6. 132.
- Генварскія русалки и готскія игры въ Византіи. 6. 261—286.**
- Георгій мнихъ.** *Разсказъ о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г.* 6. Прилож. 90.
- Герзаръ де ла Вилльмарке.** *La légende celtique et la poésie des cloîtres en Irlande, en Cambrie et en Bretagne.* 6. 140.
- Герудъ, книгопродавецъ.** *Просьба его о томъ, чтобы въ основанный имъ въ Петербургѣ «Русско-славянскій книжный складъ» доставляемо было на комиссію по одному экземпляру каждой вновь издаваемой книги и по 10-ти оттисковъ каждой брошюры.* VIII.
- Гессаръ и Граннезонъ.** *Huon de Bordeaux.* 6. 191.
- Гинно.** *Amadas et Ydoine.* 6. 372.
- Гедофренъ.** *Dictionnaire de l'ancienne langue française.* 6. 316.
- Геловацкій.** *Научовой Сборникъ.* 4. 78.—*Грамота галицкая.* 4. 124.—*Пѣсни Галицкой и Угорской Руси.* 6. 2. 175.

Голубиная книга. Историко-литературный анализ отъха о ней. См. Мочульскій.

Гольтеръ, Вольфъ. Studien zur germanischen Sagengeschichte. **С.** 299.

Гондатти. Слѣды язычества у инородцевъ сѣверо-западной Сибирн. **С.** 15. 241.

Графъ. Demonologia dis Dante. **С.** 318.

Григорій Писскій. Посланіе его въ Литоію, епископу Мелитинскому. **С.** 129.

Григорій, мнхъ. Житіе Василія Новаго. **С.** 121.

Гриммъ, Яковъ. Его заявленіе о Самно. **Б.** 3. — Kinder-und Hausmärchen. **С.** 154.—Die Himmelstürmer. **С.** 157.—Deutsche Mythologie. **С.** 175. 208. 211. 220. 222. 238. 309. 310. 312—314. 369. — Die mythologische Bedeutung de Wolfa. **С.** 316. 320.

Гротъ, Я. К. Изготовилъ для академическаго словаря обработанныя для печати буквы А, В, В. IV. — Предложилъ на обсужденіе возбужденный Президентомъ вопросъ о предриятіи Академію Наукъ колнаго критическаго и притомъ роскошнаго издавія сочиненій А. С. Пушкина. V.—Доложилъ, что А. Н. Иваннкій, окончивъ переписку составленнаго имъ словаря Вологодскаго нарѣчія, доставилъ въ Отдѣленіе чистнй списокъ этого словаря. VIII.—Дѣятельность его по II Отдѣленію въ 1888 году. **З.** 2. 3.—Филологическія разсужденія. **Ч.** 114. 146. — Русское правоисаніе. **Ч.** 146.

Грюнбаумъ. Jüdisch - deutsche Chrestomathie. **С.** 249.

Гушеръ. Издагъ Le Saind Graal. **С.** 337.

Даль, В. И. Толковнй словарь живого великорусскаго языка. Отзивъ его о себѣ въ сравненіи съ Максимовичемъ. **Ч.** 6.

Дамаскинъ, архимандритъ. Издавіе имъ сочиненій Ломоносова. VII.

Даннелевскій, Г. П. Сторія о Господѣ и о землѣ. **С.** 64.

Данте и символическая поэзія католичества. **С.** 166.

Даринтетеръ. Essais orientaux; Les cosmogonies ariennes. **С.** 5. 46.

Данничъ. Исторія облика. **Ч.** 98.

Даукина. Литовскій катихизисъ. **С.** 297.

Д'Ашерн. Vita haereticorum a. manifestatio haeresis Catharorum. **С.** 84.

Де-Губернатисъ. Le novelline di Santo Stefano de Calcinaja. **С.** 154.

Декуртиусъ. Sarselvische Märchen. **С.** 370.

Деланъ. Contes d'un buveur de bière. **С.** 158.

Де-Рада. Rapsodie d'un poema albanese, raccolte nelle colonie del Napoletano. **С.** 263.

Деруновъ. Изъ русской народной космогоніи. **С.** 71.

Дестуниъ. Разсканія о греческихъ народныхъ быльяхъ. **В.** — Прилож. 98. 100.

Деттеръ. Die Finnenkönig Gusi. **В.** 114.

Де-Шенель. Dictionnaire des superstitions. **В.** 315. 316.

Дильтей. Die Artemis des Apelles und die wilde Jagd. **В.** 314.

Диндорфъ. Chronicon paschale. **В.** 308.

Динитру Странцеску. Basme culese din popor cu introduceere de Dr. M. Gaster. **В.** 258.

Дицъ. Wb. a. v. arleschino. **В.** 316.

Добжинскій. Uvahu a slovenských povestíach. **В.** 54.

Добровскій, I. Переписка его съ Дурихомъ. I.

Добровскій и Кенитаръ. Ихъ письма въ повременномъ порядкѣ. **2.** 8. — Письма Добровскаго къ Метелкѣ. **2.** 8.

Доде. La belle Nivernaise. **В.** 370.

Дочеленія и поправки. **В.** 351—376.

Драгомановъ. Малороссійскія народныя преданія и разсказы. **В.** 51. 59. 94. 95. 175. 217. 218. 222. 228. 249. 316.

Дриновъ. Периодическо Списание. **В.** 80. — Нѣсколько словъ объ языкѣ, народныхъ пѣсняхъ и обычаяхъ добрянскихъ славянъ. **В.** 88.

Дуалистическія новѣрья о мірезданіи. **В.** 1—116.

Дубасовъ. Историческія извѣстія о мордвѣ, населяющей Тамбовскую губернію. **В.** 7—13.

Дурихъ. Переписка съ нимъ Добровскаго. I.

Дьяковъ, А. А. О составленномъ имъ указателѣ къ періодическимъ изданіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, и о предположеніи поручить ему изготовить такой же указатель къ повременнымъ изданіямъ Россійской Академіи. II.

Дювернуа. Словарь болгарскаго языка. **В.** 298. 327.

Дюканжъ. Constantinopolis Christiana. **В.** Прилож. 101.

Дюканжъ-Фавръ. Gloss. mediae et infimae latinitatis. **В.** 310.

Ермиловъ, Ив. Евгр. Предлагаетъ: 1) доставить разбросанныя въ мѣстныхъ (Архангельскихъ) вѣдомостяхъ статьи, замѣтки и фамиліальные документы, касающіеся Ломоносова, и 2) составить статью изъ дѣла о сооруженіи ему памятника, а также сообщить фотографическій съ него снимокъ. II.

Ефименко. О Ярыгѣ. **В.** 265.

Ефремъ Спрингъ. Слово на почившихъ на Христѣ. **В.** 121.

Жакобъ-де-Библеонгъ. Curiosités de l'histoire des croyances populaires au moyen âge. **В.** 309.

Желеде. Studiu de mitologie comparativa de Lasăr Saineanu. **В.** 312.

Ждановъ, И. Въ литературной исторіи русской былевой поэзіи. **В.** 123. 204.

Жидель. Étude sur une Apocalypse de la vierge Marie. **В.** 325.

Жизневскій, А. К. Письмо его къ предсѣдательствующему Отдѣленію, съ приложеніемъ статьи учителя Колосова о неизвѣстномъ донынѣ сочиненіи Юрія Крижаньча «Обясніе выводно о писмѣ словѣнскомъ». **II. III.**

Жираръ де-Риалль. L'Origine des Nègres.

Житіе Арсенія. См. **Феодоръ Студитъ.**

Захаровъ. Народныя сказки закавказскихъ татаръ. **В.** 204.

Зеллингъ. Die Gregoriulnslegende. **В.** 200.

Зеніемъ-Виссондорфъ. Légendes mythologiques lëttonnes. **В.** 216.

Знаменскій. Горныя черемисы Казанскаго края. **В.** 5. 7. 95. 120. 243.

Зоega. Catalogus codd. corticorum manu scriptorum. **В.** 337.

Зенара. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. **В.** Прилож. 90.

Иванчикій, Н. А. Представилъ: 1) двѣ тетради собранныхъ имъ народныхъ нѣсенъ Вологодской губерніи, 2) собраніе пословидъ и поговонокъ, 3) собраніе загадокъ и 4) слова на букву Ѣ изъ составляемаго имъ словаря вологодскаго народнаго говора. **II.** — Доставилъ чистый списокъ составленнаго имъ словаря вологодскаго нарѣчія. **V.**

Ивановъ. Московская грамота 1449 года. **Ч.** 46.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году. I—VI. — Приложенія къ протоколамъ. **I.** Записка объ учевыхъ трудахъ Л. Н. Майкова. **VII—XII.** — **II.** Образцы бѣлорусскаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные П. Авенаріусомъ. **XIII—XX.**

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1889 году. I—VIII. — Приложенія къ протоколамъ. **I.** Краткій очеркъ исторіи Академіи Наукъ (Рѣчь, составленная въ 1876 году, по порученію президента, Я. К. Гротомъ и читанная графомъ **Э. П. Литке** 29 декабря того же года по случаю празднованія полуторавѣкового юбилея Академіи Наукъ въ присутствіи императора Александра Николаевича и Августѣйшаго Семейства). **IX—XIII.** — **II.** Объяснительная записка о новомъ изданіи академическаго словаря. **XIV—XXI.**

Исторія романа и новѣсти. Исслѣдованіе академика А. Н. Веселовскаго. Продолженіе этихъ исслѣдованій. **2.** 6—8.

Источники для исторіи славянскои филологіи. См. **Ягичъ, И. В.** **Іерусалимская новѣсть XVI вѣка.** Лопарева. **II.**

- Іоаннъ Златоустъ.** Бесѣды на еванг. Маттея. **С.** 121.
- Казанскій.** Горніе черемиси Казанскаго края. **С.** 153.
- Кайтаказовъ.** Сказаніе о вартяхъ въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. **С.** 160.
- Калавъ.** Ueber Totenverehrung bei einigen indogermanischen Völkern. **С.** 178.
- Калашевъ.** Татарскія сказки. **С.** 168.—Армянскія сказки. **С.** 193.
- Калевала,** финская эпопея въ переводѣ Бѣльскаго. **Б.** 1—14.—**С.** 98.
- Каліна.** Труды его по польскому языку. **Ч.** 102.
- Калініскій.** Церковный мѣсяцесловъ на Русн. **С.** 270.
- Калитовскій.** Матеріалы до русской литературы апокрифичной. **С.** 334.
- Калужняцкій,** Э. І. Препроводилъ въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности для напечатанія въ Сборникѣ Отдѣленія новую библиографическую статью о неизвѣстныхъ произведеніяхъ русской церковной печати. І. II.—Еще нѣсколько прибавленій къ библиографіи русскихъ церковныхъ изданій. XXII—XLI.—Напечатахъ «Сказаніе Анфолога царя о святѣй лѣтоурганѣ». **С.** 331.
- Кантемиръ.** Ordegele principe lui Dimitriu Cantemiru. **С.** 322.
- Каравеловъ.** Памятники народнаго быта болгаръ. **С.** 267. 270.
- Караджичъ.** Письма его къ Копштару. **Ч.** 8.—Сербске народни приповѣсти. **С.** 77. 226.—Српск. ріечникъ. **С.** 129. 209.—Срб. ск. **С.** 218.
- Карнон (Carnou).** Littérature orale de la Picardie. **С.** 77. 154.
- Карнискій,** А. П., академ. Просмотръ и исправленіе имъ Введенія въ Описаніе Черногогорія П. А. Ровянскаго. III.
- Каспари.** Eine Augustin fälschlich Homilia de sacrilegis. **С.** 236.
- Кастренъ.** Переводъ его стихами на шведскій языкъ финской поэмы Калевала. **Б.** 5.—Finsk-Mythologi. **С.** 4.—Vorlesungen über die finnische Mythologie. **С.** 99. 101. 106. 108. 120. 163.
- Кахникъ,** викарій при соборѣ въ Ольмуцѣ. Ему поручена была И. В. Ягичемъ переписка сочиненія Хельшцидаго «Ревлика противъ бискупца». V.
- Качановскій.** Памятники болгарскаго народнаго творчества. **С.** 268.—Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсень. **С.** 293.
- Квитка.** Изданіе его сочиненій подъ редакцію А. А. Потехина. **Ч.** 151.
- Квітицкій,** бывшій учитель Ломоносова въ славяно-греко-латинскихъ школахъ. Его «Clavis poetica». II.
- Кодригъ.** Разсказъ о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. **С.** Прилож. 90.
- Коллеръ,** Ad. Erzählungen aus altdeutschen Handschriften. **С.** 151. 308.
- Копель,** Письма его къ Добровскому. **Ч.** 8.

Кириллъ Александрійскій. Слово объ Исходѣ души. **В.** 121.

Кирѣевъ. Обь учрежденіи при Академіи Наукъ преміи его за лучшее драматическое сочиненіе. **VI.** — Читанъ и одобренъ составленный председательствующимъ въ Отдѣленіи проектъ правилъ обь этой преміи. **III.**

Кловстонъ. Popular tales and fictions. **В.** 77. 201. 225. 249.—Archivio delle tradizioni popolari italiane. **В.** 375.

Козловъ, П. А. Присужденіе почетнаго отама за русскій переводъ «Донъ-Жуанъ» Байрона. **Б.** 1.—Разборъ его перевода. **Б.** 14—35.

Козедавлевъ. Изданіе имъ сочиненій Ломоносова. **V.**

Колмачевскій. Животный янотъ на Западѣ. **В.** 77. 94.

Колесовъ, М. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка. **4.** 7. 8.

Кольбергъ. Роміеіе **III.** **В.** 363.

Кондаковъ. О фрескахъ гѣстиници Кіево-Софійскаго собора. **В.** 282.

Контисъ. Moeurs et coutumes de l'Épire et particulièrement du bourg de Vissani. **В.** 178. 191.

Копитаръ и Ганка. Письма перваго ко второму. **2.** 8.

Коскенъ. Contes populaires de Lorraine. **В.** 77.

Костомаровъ. Обь историческомъ значеніи русской народной поэзіи. **В.** 2.

Котляревскій. Письмо вдови его на имя А. Н. Веселовскаго, котормъ она увѣдомляетъ, что вслѣдствіе предложенія Отдѣленія избрать лицо, которое могло бы взять на себя составленіе біографіи покойнаго, она имѣетъ въ виду обратиться съ просьбою о семъ къ А. Н. Пшину. **III.** — Измѣненіе правилъ преміи его имени. **IV.** **V.** **В.** 1—106. — Печатаніе его сочиненій. **2.** 3. — О погребальныхъ обычаяхъ. **В.** 270.

Крауссъ. Sagen und Märchen der Südslaven. **В.** 154. 246.—Sreća, Glück und Schicksal in Volksglauben der Südslaven. **В.** 174. 175.—Sitte und Brauch der Südslaven. **В.** 177. 184. 186. 188. 196. 199. 201. 207. 211. 215—218. 225—228. 231. 238. 242.

Крекъ. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. **В.** 3. 178. 188. 289.

Крижаничъ, Юр. Сочиненіе его «Обьясненіе ваводно о писмѣ словѣнскомъ». См. Жизневскій, А. К.

Критическія замѣтки на исторіи русскаго языка. И. В. Ягича. **4.** I—IV. 7—171.

Креть, доцентъ Гельсингфорскаго университета. Ему порученъ разборъ перевода финской эпоса «Калевала». **Б.** 2.—Присужденіе ему золотой Пушкинской медали. **Б.** 39.—Finska litteraturens historia. **В.** 4. 15. 46. 348.—Bår (wolf) und Fuchs. **В.** 77. 95. 99. 101. 106. 108.

Крузіуць. Keren. **В.** 182.

Кукульевичъ-Сакенскій. Vila. **В.** 209. 210.

Кунікъ-Напіерскій. Издавъ грамоту 1263 года. **Ч.** 35.

Кунъ. Sagen, Gebräuche und Märchen aus Westfalen. **В.** 315.

Кумеловскій. Сѣверный полюсъ и земля Ямалъ. **В.** 18.

Лавровскій, П. А. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтонисей. **Ч.** 4—6.

Лагусъ, профессоръ Гельсингфорскаго университета. Составилъ биографію жившаго въ прошломъ столѣтіи академика Лакомана. **Ч.** 3.

Лайстнеръ. Ueber den Butzenmann. **В.** 119. 184. 308.

Лаксманъ, жившій въ прошломъ столѣтіи академикъ. Печатаніе биографіи его. **Ч.** 3.

Лантевъ. Казанская губернія. **В.** 5.

Латышскій Сборникъ. См. Вольтеръ.

Левъ Грамматикъ. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византию въ 941 г. **В.** Прилож. 90.

Левъ Діаконъ. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византию въ 941 г. **В.** Прилож. 90.

Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія. **В.** 305.

Ле-Кальвецъ. Les oeuvres de Dieu et celles du Diable. **В.** 96.

Лекціи по исторіи русскаго языка. См. Соболевскій, А. И.—Разборъ этого труда академикомъ И. В. Ягпчемъ. **Ч.** 9. 10.

Лепротъ, издатель Калевали. **В.** 2.

Лескинъ и Брурманъ. Lit. Volkslieder und Märchen. **В.** 154.

Лескинъ, Avr. Ablaut der Wurzelsilben in Litauischen. **В.** 187.

Либрехтъ. Gervasius von Tielbury. Zur Volkskunde. **В.** 316.

Линнортъ. Der Seelenkult in seinen Beziehungen zur althebräischen Religion. **В.** 178. — Die Religionen der europäischen Culturvölker. **В.** 178. 181.

Липсіусъ. Die apokryphen Apostelgeschichten u. Apostellegenden. **В.** 346.

Литтре. Dictionnaire. **В.** 316.

Лихачевъ, В. С. Признаніе его заслуживающіхъ почетнаго отзыва за его переводъ Мольерова Тартюфа. **Ч.** 2.

Люттирандъ. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византию въ 941 году. **В.** Прилож. 90.

Лотъ. Les Mabinogion. **В.** 345.

Лопаревъ, Хрисанъ. Представилъ рукопись подъ заглавіемъ «Іерусалимская новѣсть XVI вѣка», содержащая текстъ этого намятника и введеніе. **Ч.**

Луцкая. Переводяль, подъ руководствомъ профес. Буслаева, поэму Калевала на русскій языкъ. **Б.** 5.

Любичъ-Романовичъ, стихотворный русскій переводъ Донъ-Жуана. **Б.** 15.

Люзель. Légendes chrétiennes de la Basse-Bretagne. **С.** 154. 164. 167.—La femme du Soleil. **С.** 163.—La princesse du Palais enchanté. **С.** 167.

Магнитскій. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣри. **С.** 96. 163.

Майковъ, А. н. прѣвѣтствіе его въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея, отъ Академіи, адресомъ, составленнымъ М. И. Сухоминовымъ. II.—Приглашеніе членовъ II Отдѣленія въ торжественное засѣданіе для прѣвѣтствованія юбиляра. III.

Майковъ. Валер. Отзывъ о стихотворномъ переводѣ Минаевымъ Донъ-Жуана. **Б.** 15.

Майковъ, Л. Н. Записка А. Н. Веселовскаго объ ученыхъ трудахъ его. VII—XII.—Присужденіе ему полной Пушкинской преміи въ 1000 руб. за изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова. I. 2.—Сообщилъ замѣчанія свои на доставленные предсѣдательствующимъ новыя оттиски первыхъ корректурныхъ листовъ словаря. IV.—На него возложены приготовительныя работы по изданію сочиненій А. С. Пушкина, и онъ положилъ свой взглядъ на распорядокъ предполагаемаго изданія. V. VI.—Прочелъ составленный имъ планъ критическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. VIII.

Макарій Великій. О дюлякомъ состояніи умершихъ изъ сей жизни. **С.** 121.

Макушевъ. Исторія о женѣ Мавдовъ. **С.** 334.

Мангардтъ. Germanische Mythen. **С.** 120. 175. 182. 184. 193—195. 208. 209. 221. 372.—Die Götterwelt. **С.** 309.

Манессье. Chrétiens de Troies. **С.** 335. 338.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ, издаваемые академикомъ М. И. Сухоминовымъ. Пятый томъ этого изданія. **С.** 10—16.

Матеріалы для исторіи русской литературы. Николай Филипповичъ Павловъ (1805—1864). См. Ноннаревъ, С. И.

Матеріалы къ этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи. См. Вальтеръ.

Метелка: Письма къ нему Добровскаго. **С.** 8.

Мауреръ. Irändische Volksagen. **С.** 165.

Мейеръ. Brun de la Montagne. **С.** 192.

Мельниковъ. Очерки мордвы. **С.** 7.

Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. **С.** 30.

Миклошичъ, *Lexicon*. **С.** 213. 214.— *Die Rusalien*. **С.** 261. 265. 278.—
Etymol. Wb. a. v. vila. **С.** 289.

Миладинови. Болгарскія народныя пѣсни. **С.** 76. 190.

Миллеръ. *Mélanges de littérature grecque*. **С.** 314.

Миллеръ, В. Осетнскіе этюды. **С.** 161.—Новый взглядъ на Слово
о Полю Игоревѣ. **С.** 257.

Миллеръ, Ор. Опытъ историческаго обзорѣнія русской словесности.
С. 4.—Илья Муромецъ. **С.** 223. 251.

Минаевъ. Русскій стихотворный переводъ Донъ-Жуана. Отзывъ о
немъ Валер. Майкова. **Б.** 15.

Минаевъ, И. П. Индѣйскія сказанія. **С.** 163.—Буддизмъ, псггдкова-
нія и матеріалы.—Забитый путь въ Китай. **С.** 349.

Минъ, Д. Е. Переводъ вѣсколькихъ пѣсенъ Донъ-Жуана. **Б.** 15.

Минъ. *Patrolog. lat.* **С.** 311. 312.—*Patrolog. graecae*. **С.** 337. 344.

Миронопольскій. Крещенне вотяки Казанскаго уѣзда. **С.** 18.

Митропольскій. Мордва, мировоззрѣніе ихъ, нравы и обычаи. **С.** 13.

Мишель. *Le voyage merveilleux de Saint Brandan*. **С.** 153.—*Florient
et Florette*. **С.** 191.

Монмутъ. Готфр. *Historia regum Britanniae*. **С.** 346.

Монтегловъ (Анат.) и Рейно (Гаст.). *Recueil général et complet de
Fabliaux*. **С.** 151.

Мори. *Les fées du moyen âge*. **С.** 191.

Московская грамота 1449 года. См. Ивановъ.

Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной
книгѣ. **С.** 41. 46. 112. 314.

Муравьевъ, М. Н. Ему обязанъ К. Н. Батюшковъ умственнымъ об-
разованіемъ, содержаніемъ и направленіемъ политической дѣятельности,
внутреннею работою надъ самимъ собою и установленіемъ идеала. **Т.** 8. 9.

Мюллеръ. *Deutsche Alterthumskunde*. **С.** 85.

Мюллеръ, Фр. *Siebenbürgische Sagen*. **С.** 364.

Наукъ. *Mélanges gréco-romains*. **С.** 314.

Невоструевъ. Издаанное имъ Слово Ипполита объ антихристѣ, XII
вѣка. **С.** 43.

Некрасовъ, И. О современныхъ задачахъ изученія древне-русской
литературы. **С.** 146.

Неседовъ, Ф. Д. Черемисы-азычники Уфимской губерніи. **С.** 360.

Новиковичъ. *Prigla o Antihrista*. **С.** 88.

Новосильскій. *Lud ukrainaki*. **С.** 2. 32. 39. 56.

Нуттъ. *Studies on the legend of the Holy Grail*. **С.** 340. 345.—*The
legend of the Buddha's almsdish and the legend of the Holy Grail*. **С.** 349.

Облако. Труды его по словенскому нарѣчію. 4. 102.

О велико́мъ кнѣзѣ Иванѣ даниловичѣ. 6. Прилож. 104.

О видѣніи сна велико́мъ кнѣзѣ Иванѣ Даниловичѣ. 6. Прилож. 104. 105.

О Витовтѣ. 6. Прилож. 105.

О милѣтшинѣ. 6. Прилож. 106.

Остерлей. *Gesta Romanorum*. 6. 160.

Олтаржевскій. Изъ народныхъ вѣрваній. 6. 81.

Ортоли. *Les contes populaires de l'île de Corse*. 6. 153.

Островскій. Вотакъ Казанской губерніи. 6. 13.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія въ 1888 году. I.—XX. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія въ 1889 году. I—XXI. — Записка, составленная предсѣдательствующимъ по поводу изданія новаго академическаго словаря. II. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія въ 1888 году. 2. 1—16.

Отрывокъ изъ „Евгенія Онегина“ Пушкина, именно Путешествіе по Россіи. Найдены и напечатаны академикомъ А. Ф. Вычковымъ. 2. 6.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. 2. 1—16.

Очеркъ исторіи чешской литературы. См. Стеневичъ.

Наваловъ, Н. П. (1805—1864 г.). См. Нономаревъ, С. И.

Ноландеръ. Русскій переводъ біографіи жившаго въ прошломъ столѣтіи академика Лаксмана. 2. 3.

Нажекъ. *Črtice iz duševnega žitka Štajerskih Slovencev*. 6. 267.

Нари, Ж. *Les Transformations*. 6. 198.—*La poésie au moyen âge*. 6. 249.

Нассовъ. *Carmina Graeciae recentioris*. 6. 200.

Натера, чешскій ученый. Письмо его на имя предсѣдательствующаго о приготовленіи книгъ къ печати веренскихъ Добровскаго съ Дурихомъ. 1. 1.

Наули. *Piesni ludu polskiego w Galicyi*. 6. 265.

Нервухинъ. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. 6. 12. 14. 180.

Нерси. *Reliques of ancient english Poetry*. 6. 154.—*Manuscrits français*. 6. 319.

Нетрушевичъ. Общерусскій дневникъ. 6. 270.

Нитре. *Novelle pop. toscane*. 6. 77.—*Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane*. 6. 95.—*Fiabe, novelle e racconti pop. siciliana*. 6. 154.—*Archivio*. 6. 308. 316. 322.

Новѣсти отца Наонутія. 6. Прилож. 103. 104.

Погодинъ и Максимовичъ. Ихъ коленка. 4. 6.

Покровский. Страшный судъ въ памятникахъ византийскаго и русскаго искусства. 6. 134. 145.—Лѣтоисецъ Георгія мнха. 6. 145.

Поливановъ, Л. И. Присужденіе ему высшей награды, установленной правилами преміи графа Д. А. Толстого за его критическое изданіе сочиненій Пушкина, въ 5-ти томахъ, для семьи и школы. 2. 17—19.— 5. 39.

Полоцкий Я. П. Присужденіе ему золотой Пушкинской медали. 5. 39.

Помяловскій, И. В. Подъ его редакціею издается памятникъ «Житіе св. Саввы». 4. 16.

Пономаревъ, С. И. Сообщилъ дополненія къ «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина», напечатанной въ книгѣ академика Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и воспитатели». I.—Материалы для исторіи русской литературы. Николай Филипповичъ Павловъ (1805—1864). 3. 1—19.

Порофирьевъ. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по соловецкимъ рукописямъ. 6. 32. 41. 237.

Потанинъ. Очерки сѣверо-западной Монголіи. 6. 14. 23. 153. 360.— Юго-западная часть Томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи. 6. 72.

Потебня, А. А. Статьи: «два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчьи». 4. 6.—Подъ редакціею его вышло изданіе сочиненій Квтки. 4. 151.—Объясненіе малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. 6. 2. 243. 289.—О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. 6. 174. 178. 184. 186. 201.—О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. 6. 209. 215. 222. 226. 243. 289.—Слово о Полку Игоревѣ. 6. 252. 253. 255.

Прегеръ. Geschichte der deutschen Mystik. 6. 139.

Преллеръ. Griechische Mythologie. 6. 189.

Премія имени графа Д. А. Толстого. Третье присужденіе ихъ. Отчетъ, читанный Я. К. Гротомъ. 2. 17—24.

Премія Котляревскаго. Измѣненіи правилъ объ этой преміи. IV. V. Приложенія. 6. 1—106.

Рти де-Жюльовиль. Les mystères. 6. 319.

Пушкинскія премія. Четвертое присужденіе ихъ въ 1888 г. 1. 1—78.—Пятое присужденіе преміи. 5. 1—39.

Пѣтуховъ. Занятія его выпискою примѣровъ изъ писателей для академическаго словаря. 2. 3.—Къ вопросу о Крплахъ авторахъ въ древней русской литературѣ. 6. 235.

Пыпинъ. Къ нему обратилась вдова Котляревскаго съ просьбою со-

ставитъ біографію покойнаго. III. — Ложныя и отреченныя книги русской старины. **В.** 40.

Пыпинъ и Спасовичъ. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. **В.** 40.

Радловъ. Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der dzungarischen Steppe. **В.** 18.

Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ. См. Ягичъ, И. В.

Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. См. Веселовскій, А. Н.

Рачки. Bogomili i patareni. **В.** 33. 112. 255.

Ревиль. Les religions des peuples non civilisés. **В.** 32.

Рейске и Мюллеръ. Ein altgermanisches Weihnachtspiel, genannt das gotische. **В.** 282.

Ремизка противъ бискупца. См. Кахничъ.

Ровинскій, П. Р. Присылка нѣмъ рисунковъ къ сочиненію своему о Черногоріи. III.—Печатаніе его Описанія Черногоріи. 2. 3.—Русскія народныя картины. **В.** 145.

Роде. Der griechischen Roman. **В.** 260.

Родригесъ Маренъ, Contes espagnoles. **В.** 198.

Романовъ. Бѣлорусскій Сборникъ. **В.** 77. 168. 201. 219. 230.

Рохольцъ. Deutscher Glaube und Brauch. **В.** 369.

Рошертъ. Mythologisches Lexicon. **В.** 181. 188. 240.

Рудченко. Народныя южно-русскія сказки. **В.** 77. 94.

Руликовскій. Opis rozada Wasylkowskiego. **В.** 39. 56.

Русская хрестоматія. Намытки древней русской литературы и народной словесности. **В.** И. Вуслаева. Напечатаніе 3-го изданія этого труда. 2. 3.

Рыбниковъ, П. П. Собранныя нѣмъ нѣспы. **В.** 68. 198.

Саввантовъ, П. Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія. **В.** Прилож. 103.

Салтовъ, В. И. Присужденіе ему поощрительной преміи въ 300 руб. за сотрудничество Л. Н. Майкову по составленію примѣчаній по изданію сочиненій К. Н. Батюшкова. 1. 2.

Садовниковъ. Сказки и преданія Самарскаго края. **В.** 95. 168.

Сатасъ и Легранъ. Les exploits de Digéniis Akritas. **В.** Прилож. 98.

Сахаровъ. Эхатологическія указанія въ древней русской письменности. **В.** 118. 121. 133. — Апокрифическія и легендарныя сказанія о пресвятой Дѣвѣ Маріи. **В.** 152. Прилож. 90.—Сказанія русскаго народа. **В.** 265.

Сборникъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Изданіе 43 и 44-го томовъ его. 2. 3.

Сборникъ „Стихотворствъ“. Конія съ этого Сборника, принадлежащаго Казанскому университету, находится въ собраніи рукописей Н. С. Тихомирова. II.

Себилье. Traditions et superstitions de la Haute Bretagne. 6. 77. 315.— Littérature orale de la Haute Bretagne. 6. 154.—Les Transformations. 6. 198. 316.

Сигакъ. Dictionnaire d'étymologie Daco-romane. 6. 264. 271. 322.

Синсонъ Леговетъ. Разсказъ о походѣ русскихъ на Византію въ 941 г. 6. Прилож. 90.

Синсонъ Полоцкій. Обѣдъ душевный. 6. 161.

Синони. Занятія его по винискіи приговоръ изъ писателей для академическаго словаря. 2. 3.

Сирекъ. Deutsche Mythologie. 6. 310. 316. 322.

Словарь академическій. См. Академическій словарь.

Словарь древняго русскаго языка, И. И. Срезневскаго. Печатаніе этого труда подъ наблюденіемъ академика А. Θ. Вичкова. 2. 5.

Слове Ниполита объ антихристѣ, XII вѣка. См. Невоструевъ.

Смирновъ, Н. Мордовское населеніе Пензенской губ. 6. 7. 12.

Смирновъ. Занятія его винискою приговоръ изъ писателей для академическаго словаря. 2. 3.

Славяно-русскій и восточный орнаментъ, Стасова. См. Ягичъ, И. В.

Соболевскій, А. Н. Удостоеніе его второй почетной медали имени графа Д. А. Толстого за его трудъ: «Лекціи по исторіи русскаго языка». 2. 19—22. — Исслѣдованіе въ области русской грамматики русскаго языка. 4. 9.

Собраніе писемъ и бумагъ Петра Великаго. Занятія академика А. Θ. Вичкова при подготовленіи къ изданію 2 тома этого труда. 2. 5.

Соколовскій. Прозаическій переводъ Донъ-Жуана. 5. 15.

Соколовъ, М. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. 6. 324. — Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ зѣбевниками. 6. 324.

Соевоніи. Контскій Апокалипсисъ. 6. 159.

Срезневскій, И. И. Мысли объ исторіи русскаго языка. 4. 1—4.— Его Малоизвѣстныя заметки. 4. 26. — Памятники русскаго языка. 4. 39.—6. 324.—Свѣдѣнія и замѣтки. 6. 178. 213. 214.—Рожаницы. 6. 210. 257.

Сречковичъ. Исторія српскаго народа. 6. 214. 335.

Станислае Прато. Revue des traditions populaires. 6. 375.

Стасовъ. Славяно-русскій и восточный орнаментъ. См. Ягичъ, Н. В.
Степовичъ. Присужденіе ему денежной премии имени графа Д. А. Толстого въ половинномъ размѣрѣ 400 руб. за сочиненіе: «Очеркъ исторіи чешской литературы». 2. 22. 24.

Стороженко, профес. Его рецензія Донъ-Жуана Байрона въ переводѣ г. Козлова. 5. 14—39. — Присужденіе ему золотой Пушкинской медали. 5. 39.

Страховъ, Н. Н. Нѣсколько замѣчаній его по поводу стихотворнаго искусства. 1. 72—78 — Присужденіе ему золотой Пушкинской медали. 1. 78.

Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ. 6. 173—260.

Сумцовъ. Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и вѣсенъ. 6. 32. 334.

Сухомлиновъ, М. И. Предположенія его при печатаніи сочиненій Ломоносова. VI. — Докладъ его относительно хода пригтовительныхъ работъ по изданію сочиненій Ломоносова. VI—VIII. — Составленный имъ Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 г. 2. 1—16. — Отпечатанъ пятый томъ «Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ». 2. 10 — 15.

Сѣтъ вѣры. См. Хельчинскій.

Тавней, Katha-Sarit-Sagara or Ocean of the streams of story. 6. 303.

Торещенко. Бытъ русскаго народа. 6. 39. 55. 201. 265.

Торневскій. Изученіе византийской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. 6. 145. Прилож. 9С.

Тиле. Codex aroscurhus novi testamenti. 6. 37. 46. 84.

Тихонравовъ. Отвѣтъ его на просьбу П Отдѣленія относительно автографовъ Ломоносова, или другихъ касающихся его бумагъ. II. — Памятники отреченной литературы. 4. 26. — 6. 32. 44. 138. — Его Сильвестровскій сборникъ. 4. 41. — Изъяснен. 6. 215. 290. 292.

Тинендеръ. Evangelia aroscurha. 6. 136. — Arosalures aroscurha e. 6. 138.

Томашекъ. Ueber Brumalia und Rosalia. 6. 261. 263. 286. 287.

Трейландъ. Латинскія народныя сказки. 6. 162.

Третьяковъ. Туруханскій край, его природа и жители. 6. 18. 30.

Трусевичъ. Космогоническія преданія жителей Польши. 6. 160.

Тьерсъ. Les Transformation. 6. 198.

Указатели изданій Отдѣленія русскаго языка и Россійской Академіи. Изготовленіе ихъ. 2. 3.

Учебникъ русской грамматики, обилжженной съ церковно-славянскимъ. С. И. Буслаева. Отпечатаніе его 7-мъ изданіемъ. 2. 3.

Фауне. Mahabarata. **С.** 160.

Ферр, Леонт. *Études bouddhiques.* **С.** 170.—*Le séjour des morts selon les Indiens et selon les Grecs.* **С.** 170.

Фекенштедтъ. *Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten.* **С.** 74. 77. 83. 210. 238. 246.

Фетъ. См. Шеншинъ, А. А.

Финамере. *Novelle pop. abruzzesi.* **С.** 154.

Фитцджеральдъ, Дав. *De quelques légendes celtiques.* **С.** 89.

Фрауенлобъ. *Leich XVII.* **С.** 372.

Хольщницкій. Сочиненіе его: «Решенка противъ бискупца» и «Сѣтъ вѣры». **V.**

Хожденіе Осодеры по млытарствамъ и нѣскольکو эпизодовъ изъ житія Василія Новаго. **С.** Прилож. 1—102.

Цамбрини. *Dodici conti morali d'anonimo senese.* **С.** 159.

Циммеръ. *Keltische Beiträge II. Brendans Meerfahrt.* **С.** 148.

Чеховъ, А. П. Присужденіе ему золотой Пухкинскоѣ преміи въ 500 руб. за собраніе его рассказовъ и очерковъ, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ». **I.** 2.

Чолаковъ. *Български народенъ сборникъ.* **С.** 267. 322.

Чубинскій. *Матеріали и изслѣдованія, собранннхъ имъ.* **С.** 168. 309.—*Сборникъ его.* **С.** 179. 202.—*Малорусскія сказки.* **С.** 219. 221. 222. 228. 258.—*Труды.* **С.** 270. 306.

Шаволери. *De la littérature populaire en France.* **С.** 154.

Шанкаревъ. *Болгарски народни приказки и вѣрованнхъ.* **С.** 94. 189.—*Руссакн, древенъ и твърдѣ интересенъ българскій обичай запазенъ и до днесъ въ южна Македоннхъ.* **С.** 273.

Шахматовъ, Ал. *Статья: «Beiträge zur russischen Grammatik».* **Ч.** 10.

Шанкинъ. *Шаманство въ Сибирн.* **С.** 29.

Шварцъ. *Zür Herodias-Sage* **С.** 308.—*Der heutige Volksglaube.* **С.** 309.

Шейковскій. *Витъ Подолянъ.* **С.** 36.

Шейнъ. *Занятія его выискамн примѣровъ изъ писателей для академическаго словаря.* **З.** 2. 3.—*Бѣлорусскій сборникъ.* **Ч.** 48. 207. 267. 324.—*Матеріали для изученія быта и языка русскаго сѣверо-западнаго края.* **С.** 266. 269.

Шеншинъ, А. А. (Фетъ). *Поздравительная ему телеграмма Отдѣленія русскаго языка и словесности по поводу полулѣтней годовщины литературной дѣятельности.* **I.**—*Отвѣтъ его Отдѣленію.* **II.** III

Шиллеръ и Любень. *Ихъ нижнепѣмецкій словарь.* **С.** 316.

Шилдъ. *The english and scottish pop. ballads.* **С.** 198. 329.

Шюперъ, акад. *Переводъ его на пѣмецкій языкъ поэмы Калевала.* **Б.** 5.

Шлейхеръ. Litanische Märchen. **С.** 167.

Шмидтъ. Volksleben der Neugriechischen и Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder. **С.** 191. 204. 217. 218.

Шницъ. Die Bussbücher und die Bussdisciplin der Kirche. **С.** 129. 182. 311.

Шредеръ. Griechische Götter und Heroen. **С.** 181. — Sanct-Brandan. Eine lateinische und drei deutsche Texte. **С.** 370.

Штернъ. Die Apocalypse des Sophonien. **С.** 159.

Щановъ. Очерки народнаго міросозерданія и суевѣрія. **С.** 40. — Омѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями въ древнихъ русскихъ народныхъ сказаніяхъ о мірѣ. **С.** 41.

Эрбенъ. Rajé alavanaká o stvořeni světa. **С.** 3. 4. — Vybrané báje. **С.** 54.

Юбилей 50-лѣтней научной дѣятельности академика О. Н. Буслаева. 2. 4.

Юль. Political agent at Mandale. **С.** 171.

Ягичъ, И. В. Письмо на имя предсѣдательствующаго Отдѣленіемъ въ которомъ, сообщая о благопріятномъ впечатлѣніи, произведеніемъ на него образчикомъ новаго изданія словаря, изъявляетъ готовность участвовать въ чтеніи корректурныхъ листовъ. III. — Доложилъ объ отысканіи подлинной рукописи сочиненія Хельвичаго «Рендика противъ бискупца». V. — Печатается второй томъ труда его: «Источники для исторіи славянской филологіи». Началъ печатать свой трудъ подъ названіемъ: «Разсужденія южно-славянской и русской старини о церковно-славянскомъ языкѣ». Составилъ научный разборъ труда г. Стасова: «Славно-русскій и восточный орнаментъ». Написалъ разборъ книги А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка». 2. 8—10. — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. 4. I—IV. 1—171. — Die südslavischen Volkssagen von den Grabancijaš diyak und ihre Erklärung. **С.** 141. — Opisi i izvodi. **С.** 208. 212. 214. 236. 237.

Янсъ Кемпъ. Danske folkeeventyr. **С.** 154.

Ястребовъ. Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ. **С.** 153.

Федоръ Студитъ. Житіе Арсенія. **С.** 159.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458